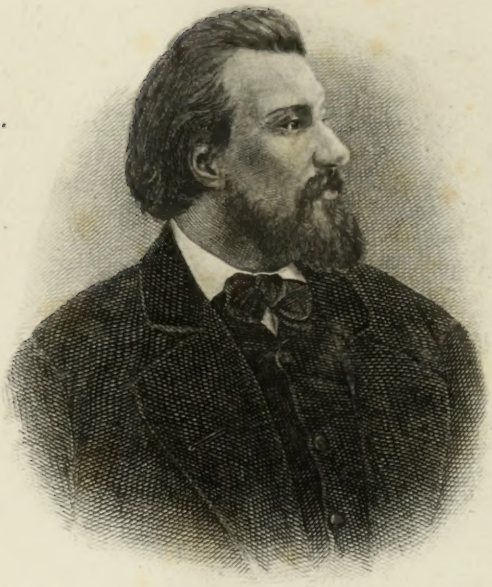
3 1761 08821032 3

PRINTED IN RUSSIA

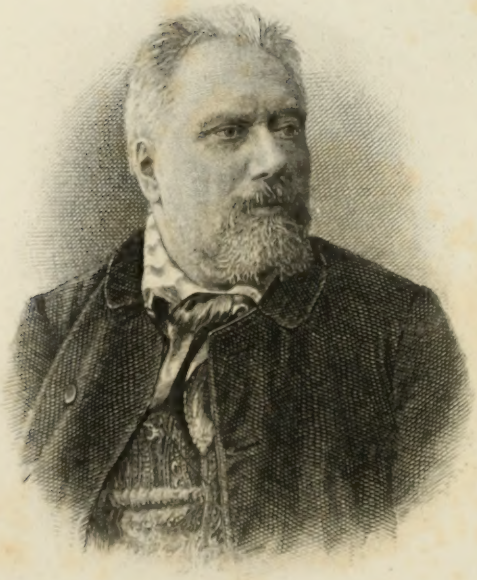
Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranies07lesk

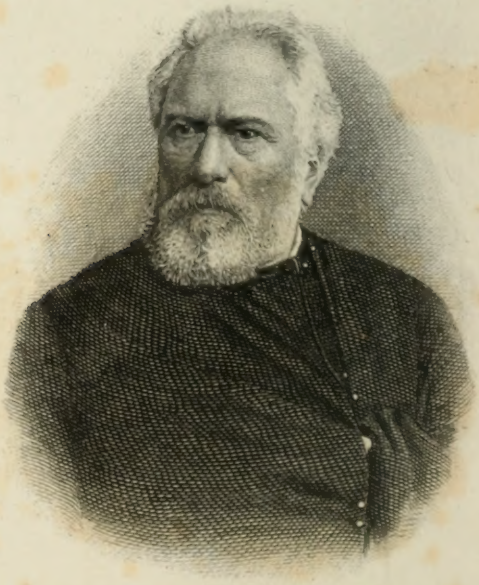


1871

1884



1890



1894

Н. С. Лѣсковъ

въ разные годы его жизни.

Дозволено цензурою СПБ.

Печат. въ артист. завед. А. Ф. Маркса СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

541988
29.5.52

LR
L6266

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Святочные разсказы: Жемчужное ожерелье. — Неразмѣнный рубль.—Звѣрь. — Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. — Отборное зерно. Краткая трилогія въ просонкѣ. — Обманъ. — Штопальщикъ. — Жидовская кувырколлегія.—Духъ госпожи Жанлисъ. Спиритическій случай.— Старый геній.—Путешествіе съ нигилистомъ.—Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи.—Пугало.— Фигура. **Разсказы кстати:** Совмѣстители. — Старинные психопаты. —Интересные мужчины. — Таинственныя предвѣстія. — Александритъ. — Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ. — Умершее сословіе. — Голосъ природы.

541988
29. 5. 52

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые въ этой книгѣ святочные разсказы написаны мною разновременно для праздничныхъ — преимущественно для рождественскихъ и новогоднихъ номеровъ разныхъ періодическихъ изданій. Изъ этихъ разсказовъ только немногіе имѣютъ элементъ *чудеснаго* — въ смыслѣ сверхчувственнаго и таинственнаго. Въ прочихъ причудливое или загадочное имѣетъ свои основанія не въ сверхъестественномъ или сверхчувственномъ, а истекаетъ изъ свойствъ русскаго духа и тѣхъ общественныхъ вѣяній, въ которыхъ для многихъ, и въ томъ числѣ для самого автора, написавшаго эти разсказы, заключается значительная доля страннаго и удивительнаго.

ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ одномъ образованномъ семействѣ сидѣли за чаемъ друзья и говорили о литературѣ, — о вымыслѣ, о фабулѣ. Сожалѣли, отчего все это у насъ бѣднѣетъ и блѣднѣетъ. Я припомнилъ и разсказалъ одно характерное замѣчаніе покойнаго Писемскаго, который говорилъ, будто усматриваемое литературное оскудѣніе прежде всего связано съ размноженіемъ желѣзныхъ дорогъ, которыя очень полезны торговлѣ, но для художественной литературы вредны.

«— Теперь человѣкъ проѣзжаетъ много, но скоро и безобидно,—говорилъ Писемскій, — и оттого у него никакихъ сильныхъ впечатлѣній не набирается, и наблюдать ему нечего и некогда,—все скользитъ. Оттого и бѣдно. А бывало, какъ ѣдешь изъ Москвы въ Кострому «на долгихъ» въ общемъ тарантасѣ или «на сдаточныхъ»,—да и ямщикъ-то тебѣ попадетъ подлецъ, да и сосѣди нахалы, да и постоялый дворникъ шельма, а «куфарка» у него неопрятнице,—такъ вѣдь сколько разнообразія насмотришься. А еще какъ сердце не вытерпитъ, изловишь какую-нибудь гадость во щахъ, да эту «куфарку» обругаешь, а она тебя на отвѣтъ вдесятеро изсрамитъ, такъ отъ впечатлѣній-то просто и не отдѣлаешься. И стоятъ они въ тебѣ густо, точно суточная каша прѣетъ, — ну, разумѣется, густо и въ сочиненіи вы-

ходило: а нынче все это по желѣзнодорожному — бери тарелку, не спрашивай; ѣшь—пожевать некогда; динь-динь-динь и готово: опять ѣдешь, и только всѣхъ у тебя впечатлѣній, что лакей сдачей тебя обсчиталъ, а обругаться съ нимъ въ свое удовольствіе уже и некогда».

Одинъ гость на это замѣтилъ, что Писемскій оригиналенъ, но неправъ, и привелъ въ примѣръ Диккенса, который писалъ въ странѣ, гдѣ очень быстро ѣздятъ, однако же видѣлъ и наблюдалъ много, и фабулы его разсказовъ не страдаютъ скудостію содержанія.

— Исключеніе составляютъ развѣ только одни его святочные разсказы. И они, конечно, прекрасны, но въ нихъ есть однообразіе; однако, въ этомъ винить автора нельзя, потому что это такой родъ литературы, въ которомъ писатель чувствуетъ себя невольникомъ слишкомъ тѣсной и правильно ограниченной формы. Отъ святочнаго разсказа непремѣнно требуется, чтобы онъ былъ пріуроченъ къ событіямъ святочнаго вечера — отъ Рождества до Крещенья, чтобы онъ былъ сколько-нибудь фантастиченъ, имѣлъ какую-нибудь мораль, хоть въ родѣ опроверженія вреднаго предразсудка, и наконецъ—чтобы онъ оканчивался непремѣнно весело. Въ жизни такихъ событій бываетъ немного, и потому авторъ неволитъ себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую къ программѣ. А черезъ это въ святочныхъ разсказахъ и замѣчается большая дѣланность и однообразіе.

— Ну, я не совсѣмъ съ вами согласенъ, отвѣчалъ третій гость, почтенный человѣкъ, который часто умѣлъ сказать слово кстати. Потому намъ всѣмъ и захотѣлось его слушать.

— Я думаю,—продолжалъ онъ, — что и святочный разсказъ, находясь въ своихъ его рамкахъ, все-таки можетъ видоизмѣняться и представлять любопытное разнообразіе, отражая въ себѣ и свое время, и нравы.

— Но чѣмъ же вы можете доказать ваше мнѣніе? Чтобы оно было убѣдительно, надо, чтобы вы намъ показали та-

кое событіе изъ современной жизни русскаго общества, гдѣ отразился бы и вѣкъ, и современный человѣкъ, и между тѣмъ все бы это отвѣчало формѣ и программѣ святочнаго разсказа, то-есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предразсудокъ, и имѣло бы не грустное, а веселое окончаніе.

— А что же, я могу вамъ представить такой разсказъ, если хотите.

— Сдѣлайте одолженіе! Но только помните, что онъ долженъ быть *истинное происшествіе!*

— О, будьте увѣрены, я разскажу вамъ происшествіе самое истиннѣйшее и притомъ о лицахъ мнѣ очень дорогихъ и близкихъ. Дѣло касается моего родного брата, который, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, хорошо служитъ и пользуется вполнѣ имъ заслуженною доброю репутаціею.

Всѣ подтвердили, что это правда, и многіе добавили, что братъ разсказчика, дѣйствительно, достойный и прекрасный человѣкъ.

— Да, отвѣчалъ тотъ,—вотъ я и поведу рѣчь объ этомъ, какъ вы говорите, прекрасномъ человѣкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Назадъ тому три года братъ пріѣхалъ ко мнѣ на святки изъ провинціи, гдѣ онъ тогда служилъ, и точно его какая муха укусила—приступилъ ко мнѣ и къ моей женѣ съ неотступною просьбою: «жените меня».

Мы сначала думали, что онъ шутитъ, но онъ серьезно и не съ короткимъ пристаетъ: «жените, сдѣлайте милость! Спасите меня отъ невыносимой скуки одиночества! Опостылѣла холостая жизнь, надоѣли сплетни и вздоры провинціи,—хочу имѣть свой очагъ, хочу сидѣть вечеромъ съ дорогою женою у своей лампы. Жените!»

— Ну, да постой же, говоримъ, — все это прекрасно и пусть будетъ по-твоему, — Господь тебя благослови, — женись, но вѣдь надобно же время, надо имѣть въ виду хо-

рошую дѣвушку, которая бы пришлась тебѣ по сердцу и чтобы ты тоже нашелъ у нея къ себѣ расположеніе. На все это надо время.

А онъ отвѣчаетъ:

— Что же, времени довольно: двѣ недѣли святокъ вѣнчаться нельзя,—вы меня въ это время сосватайте, а на Крещенье, вечеркомъ, мы обвѣнчаемся и уѣдемъ.

— Э, говорю,—да ты, любезный мой, должно-быть, немножко съ ума сошелъ отъ скуки. (Слова «психопатъ» тогда еще не было у насъ въ употребленіи). Мнѣ, говорю, съ тобой дурачиться некогда, я сейчасъ въ судъ на службу иду, а ты вотъ тутъ оставайся съ моей женою и фантазируй.

Думалъ, что все это, разумѣется, пустяки или, по крайней мѣрѣ, что это затѣя очень далекая отъ исполненія, а между тѣмъ возвращаюсь къ обѣду домой и вижу, что у нихъ уже дѣло созрѣло.

Жена говоритъ мнѣ:

— У насъ была Машенька Васильева, просила меня съѣздить съ нею выбрать ей платье, и пока я одѣвалась, они (т. е. братъ мой и эта дѣвица) посидѣли за чаемъ, и братъ говоритъ: «Вотъ прекрасная дѣвушка! Что тамъ еще много выбирать,—жените меня на ней!»

Я отвѣчаю женѣ:

— Теперь я вижу, что братъ въ самомъ дѣлѣ одурѣлъ.

— Нѣтъ, позволь,—отвѣчаетъ жена,—отчего же это непремѣнно «одурѣлъ»? Зачѣмъ же отрицать то, что ты самъ всегда уважалъ?

— Что это такое я уважалъ?

— Безотчетныя симпатіи, влеченія сердца.

— Ну, говорю,—матушка, меня на это не поддѣнешь. Все это хорошо во-время и кстати, хорошо, когда эти влеченія вытекаютъ изъ чего-нибудь ясно сознаннаго, изъ признанія видимыхъ превосходствъ души и сердца, а это—что такое... въ одну минуту увидѣлъ и готовъ обрѣшетиться на всю жизнь.

— Да, а ты что же имѣешь противъ Машеньки? — она именно такая и есть, какъ ты говоришь, — дѣвушка яснаго ума, благороднаго характера и прекраснаго и вѣрнаго сердца. Притомъ и онъ ей очень понравился.

— Какъ! воскликнулъ я, — такъ это ты ужъ и съ ея стороны успѣла заручиться признаніемъ?

— Признаніе, отвѣчаетъ,—не признаніе, а развѣ это не видно? Любовь вѣдь—это по нашему женскому вѣдомству,— мы ее замѣчаемъ и видимъ въ самомъ зародышѣ.

— Вы, говорю,—всѣ очень противныя свахи: вамъ бы только кого-нибудь женить, а тамъ что изъ этого выйдетъ,—это до васъ не касается. Побойся послѣдствій твоего легкомыслія.

— А я ничего, говоритъ,—не боюсь, потому что я ихъ обоихъ знаю, и знаю, что братъ твой—прекрасный человѣкъ, и Маша—премилая дѣвушка, и они какъ дали слово заботиться о счастьѣ другъ друга, такъ это и исполнятъ.

— Какъ! закричалъ я, себя не помня,—они уже и слово другъ другу дали?

— Да, отвѣчаетъ жена,—это было пока иносказательно, но понятно. Ихъ вкусы и стремленія сходятся, и я вечеромъ поѣду съ твоимъ братомъ къ нимъ, — онъ навѣрно понравится старикамъ, и потомъ...

— Что́ же, что̀ потомъ?

— Потомъ, — пускай какъ знаютъ; ты только не мѣшайся.

— Хорошо, говорю, — хорошо, очень радъ въ подобную глупость не мѣшаться.

— Глупости никакой не будетъ.

— Прекрасно.

— А будетъ все очень хорошо: они будутъ счастливы!

— Очень радъ! Только не мѣшаетъ, говорю, — моему братцу и тебѣ знать и помнить, что отецъ Машеньки всѣмъ извѣстный богатый сквалыжникъ.

Что же изъ этого? Я этого, къ сожалѣнію, и не могу оспаривать, но это нимало не мѣшаетъ Машенькѣ быть

прекрасною дѣвушкой, изъ которой выйдетъ прекрасная жена. Ты вѣрно забылъ то, надъ чѣмъ мы съ тобою не разъ останавливались: вспомни, что у Тургенева—всѣ его лучшія женщины, какъ на подборъ, имѣли очень не почтенныхъ родителей.

— Я совсѣмъ не о томъ говорю. Машенька, дѣйствительно, превосходная дѣвушка, а отецъ ея, выдавая замужъ двухъ старшихъ ея сестеръ, обоихъ зятьевъ обманулъ и ничего не далъ,—и Машѣ ничего не дастъ.

— Почемъ это знать? Онъ ее больше всѣхъ любитъ.

— Ну, матушка, держи карманъ шире: знаемъ мы, что такое ихъ «особенная» любовь къ дѣвушкѣ, которая на выходѣ. Всѣхъ обманетъ! Да ему и не обмануть нельзя,—онъ на томъ стоитъ, и состоянію-то своему, говорятъ, тѣмъ начало положилъ, что деньги въ большой ростъ подъ залоги давалъ. У такого-то человѣка вы захотѣли любви и великодушія доискаться. А я вамъ то скажу, что первые его два зятя оба сами пройды, и если онъ ихъ надулъ и они теперь всѣ во враждѣ съ нимъ, то ужъ моего братца, который съ дѣтства страдалъ самою утрированною деликатностію, онъ и подавно оставитъ на бобахъ.

— То-есть какъ это, говоритъ,—на бобахъ?

— Ну, матушка, это ты дурачишься.

— Нѣтъ, не дурачусь.

— Да развѣ ты не знаешь, что такое значитъ «оставить на бобахъ»? Ничего не дастъ Машенькѣ,—вотъ и вся недолга.

— Ахъ, вотъ это-то!

— Ну, конечно.

— Конечно, конечно! Это быть можетъ, но только я, говоритъ,—никогда не думала, что по-твоему—получить путную жену, хотя бы и безъ приданаго,—это называется «остаться на бобахъ».

Знаете милую женскую привычку и логику: сейчасъ—въ чужой огородъ, а вамъ, по сосѣдству, шпильку въ бокъ...

— Я говорю вовсе не о себѣ...

— Нѣтъ, отчего же?..

— Ну это странно, ma chère!

— Да отчего же странно?

— Оттого странно, что я этого на свой счетъ не говорилъ.

— Ну, думалъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ и не думалъ.

— Ну, воображалъ.

— Да, нѣтъ же, чортъ возьми, ничего я не воображалъ!

— Да чего же ты кричишь?!

— Я не кричу!

— И «черти»... «чортъ»... Что это такое?

— Да потому, что ты меня изъ терпѣнія выводишь.

— Ну, вотъ то-то и есть! А если бы я была богата и принесла съ собою тебѣ приданое...

— Э-ге-ге!..

Этого уже я не выдержалъ и, по выраженію покойнаго поэта Толстого, «начавъ — какъ богъ, окончилъ — какъ свинья». Я принялъ обиженный видъ,—потому, что и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя несправедливо обиженнымъ,— и, покачавъ головою, повернулся и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Но, затворяя за собою дверь, почувствовалъ неодолимую жажду отмщенія,—снова отворилъ дверь и сказалъ:

— Это свинство!

А она отвѣчаетъ:

— Merci, мой милый мужъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Чортъ знаетъ, что за сцена! И не забудьте — это послѣ четырехъ лѣтъ самой счастливой и ничѣмъ ни на минуту не возмущенной супружеской жизни!.. Досадно, обидно — и непереносно! Что за вздоръ такой. И изъ-за чего!.. Все это набаламутилъ братъ. И что мнѣ такое, что я такъ кипячусь и волнуюсь! Вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ взрослый и не въ правѣ ли онъ самъ обсудить, какая особа

ему нравится и на комъ ему жениться?.. Господи, въ этомъ сыну родному нынче не укажешь, а то чтобы еще братъ брата долженъ былъ слушаться.. Да и по какому, наконецъ, праву?.. И могу ли я, въ самомъ дѣлѣ, быть такимъ провидцемъ, чтобы утвердительно предсказывать, какое сватовство чѣмъ кончится?.. Машенька, дѣйствительно, превосходная дѣвушка, а моя жена развѣ не прелестная женщина?.. Да и меня, слава Богу, никто негодяемъ не называлъ, а между тѣмъ вотъ мы съ нею, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой, ни на минуту ничѣмъ не смущенной жизни, теперь разбранились какъ портной съ портнихой... И все изъ-за пустяковъ, изъ-за чужой шутовской прихоти...

Мнѣ стало ужасно совѣстно передъ собою и ужасно ее жалко, потому что я ея слова уже считалъ ни во что, а за все винилъ себя, и въ такомъ грустномъ и недовольномъ настроеніи уснулъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ, закутавшись въ мягкій ватный халатъ, выстеганный мнѣ собственными руками моей милой жены...

Подкупающая это вещь—носильное удобное платье, сработанное мужу жениными руками! Такъ оно хорошо, такъ мило и такъ во-время и не во-время напоминаетъ и наши вины, и тѣ драгоцѣнныя ручки, которыя вдругъ захочется расцѣловать и просить въ чемъ-то прощенія.

— Прости меня, мой ангелъ, что ты меня, наконецъ, вывела изъ терпѣнія. Я впередъ не буду.

И мнѣ, признаться, до того захотѣлось поскорѣе идти съ этой просьбой, что я проснулся, всталъ и вышелъ изъ кабинета.

Смотрю—въ домѣ вездѣ темно и тихо.

Спрашиваю горничную:

— Гдѣ же барыня?

— А онѣ, отвѣчаетъ, —уѣхали съ вашимъ братцемъ къ Марьи Николаевны отцу. Я вамъ сейчасъ чай приготовлю.

«Какова! думаю, — значитъ, она своего упорства не оставляетъ.—она таки хочетъ женить брата на Машенькѣ... Ну, пусть ихъ дѣлаютъ, какъ знаютъ, и пусть ихъ Ма-

шенькинъ отецъ надуетъ, какъ онъ надулъ своихъ старшихъ зятьевъ. Да даже еще и болѣе, потому что тѣ сами жохи, а мой братъ—воплощенная честность и деликатность. Тѣмъ лучше,—пусть онъ ихъ надуетъ,—и брата, и мою жену. Пусть она обожжется на первомъ урокѣ, какъ людей сватать».

Я получилъ изъ рукъ горничной стаканъ чаю и усѣлся читать дѣло, которое завтра начиналось у насъ въ судѣ и представляло для меня не мало трудностей.

Занятіе это увлекло меня далеко за полночь, а жена моя съ братомъ возвратились въ два часа и оба превеселые.

Жена говоритъ мнѣ:

— Не хочешь ли холоднаго ростбифа и стаканъ воды съ виномъ? А мы у Васильевыхъ ужинали.

— Нѣтъ, говорю,—покорно благодарю.

— Николай Ивановичъ расщедрился и отлично насъ покормилъ.

— Вотъ какъ.

— Да,—мы превесело провели время, и шампанское пили.

— Счастливцы! говорю, — а самъ думаю: значитъ, эта бестія, Николай Ивановичъ, сразу раскусилъ, что за теленокъ мой братъ, и далъ ему пойла недаромъ. Теперь онъ его будетъ ласкать, пока тамъ жениховскій рученецъ кончится, а потомъ—быть бычку на обрывочку.

А чувства мои противъ жены снова озлобились, и я не сталъ просить у нея прощенья въ своей невинности. И даже если бы я былъ свободенъ и имѣлъ досугъ вникать во всѣ перипетіи затѣянной ими любовной игры, то не удивительно было бъ, что я снова не вытерпѣлъ бы, — во что-нибудь вмѣшался, и мы дошли бы до какой-нибудь психозы: но, по счастію, мнѣ было некогда. Дѣло, о которомъ я вамъ говорилъ, заняло насъ на судѣ такъ, что мы съ нимъ не чаяли освободиться и къ празднику, а потому я домой являлся только поѣсть да выспаться, а всѣ дни и часть ночей проводилъ предъ алтаремъ Ѳемиды.

А дома у меня дѣла не ждали, и когда я подъ самый сочельникъ явился подъ свой кровъ, довольный тѣмъ, что освободился отъ судебныхъ занятій, меня встрѣтили тѣмъ, что пригласили осмотрѣть роскошную корзину съ дорогими подарками, подносимыми Машенькѣ моимъ братомъ.

— Это что же такое?

— А это дары жениха невѣстѣ,—объяснила мнѣ моя жена.

— Ага! такъ вотъ уже какъ! Поздравляю.

— Какъ же! Твой братъ не хотѣлъ дѣлать формальнаго предложенія, не переговоривъ еще разъ съ тобою, но онъ спѣшитъ своей свадьбой, а ты какъ на зло сидѣлъ все въ своемъ противномъ судѣ. Ждать было невозможно, и они помолвлены.

— Да и прекрасно, говорю, — незачѣмъ было меня и ждать.

— Ты, кажется, остришь?

— Нисколько я не острю.

— Или иронизируешь?

— И не иронизирую.

— Да это было бы и напрасно, потому что, не смотря на все твое карканье, они будутъ пресчастливы.

— Конечно, говорю,—ужъ если ты ручаешься, то будутъ... Есть такая пословица: «кто думаетъ три дни, тотъ выберетъ злыдни». Не выбирать—вѣрнѣе.

— А что же,—отвѣчаетъ моя жена, закрывая корзинку съ дарами,—вѣдь это вы думаете, будто вы насъ выбираете, а въ существѣ, вѣдь, все это вздоръ.

— Почему же это вздоръ? Надѣюсь, не дѣвушки выбираютъ жениховъ, а женихи къ дѣвушкамъ сватаются.

— Да, сватаются—это правда, но выбора, какъ осмотрительнаго или разсудительнаго дѣла, никогда не бываетъ.

Я покачалъ головою и говорю:

— Ты бы подумала о томъ, что ты такое говоришь. Я вотъ тебя, напримѣръ, выбралъ—именно изъ уваженія къ тебѣ и сознавая твои достоинства.

— И врешь.

— Какъ вру?!

— Врешь,—потому что ты выбралъ меня совсѣмъ не за достоинства.

— А за что же?

— За то, что я тебѣ понравилась.

— Какъ, ты даже отрицаешь въ себѣ достоинства.

— Нимало,—достоинства во мнѣ есть, а ты все-таки на мнѣ не женился бы, если бы я тебѣ не понравилась.

Я чувствовалъ, что она говоритъ правду.

— Однако же, говорю, я цѣлый годъ ждалъ и ходилъ къ вамъ въ домъ. Для чего же я это дѣлалъ?

— Чтобы смотрѣть на меня.

— Неправда,—я изучалъ твой характеръ.

Жена расхохоталась.

— Что за пустой смѣхъ!

— Нисколько не пустой. Ты ничего, мой другъ, во мнѣ не изучалъ и изучать не могъ.

— Это почему?

— Сказать?

— Сдѣлай милость, скажи!

— Потому, что ты былъ въ меня влюбленъ.

— Пусть такъ, но это мнѣ не мѣшало видѣть твои душевныя свойства.

— Мѣшало.

— Нѣтъ, не мѣшало.

— Мѣшало, и всегда всякому будетъ мѣшать, а потому это долгое изученіе и безполезно. Вы думаете, что, влюбившись въ женщину, вы на *нее смотрите съ разсужденіемъ*, а на самомъ дѣлѣ вы только *глазѣете съ воображеніемъ*.

— Ну... однако, говорю, — ты ужъ это какъ-то... очень реально.

А самъ думаю: вѣдь это правда!

А жена говоритъ:

— Полно думать,—худа не вышло, а теперь переодѣвайся скорѣе и поѣдемъ къ Машенькѣ: мы сегодня у нихъ

встрѣчаемъ Рождество, и ты долженъ принести ей и брату свое поздравленіе.

— Очень радъ, говорю. И поѣхали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тамъ было подношеніе даровъ и принесеніе поздравленій, и всѣ мы порядочно упились веселымъ нектаромъ Шампани.

Думать и разговаривать или отговаривать было уже некогда. Оставалось только поддерживать во всѣхъ вѣру въ счастье, ожидающее обрученныхъ, и пить шампанское. Въ этомъ и проходили дни и ночи то у насъ, то у родителей невѣсты.

Въ этакомъ настроеніи долго ли время тянется?

Не успѣли мы оглянуться, какъ уже налетѣлъ и канунъ новаго года. Ожиданія радостей усиливаются. Свѣтъ цѣлый желаетъ радостей,—и мы отъ людей не отстали. Встрѣтили мы новый годъ опять у Машенькиныхъ родныхъ съ такимъ, какъ дѣды наши говорили, «мочимордіемъ», что оправдали дѣдовское реченіе: «Руси есть веселіе пити». Одно было не въ порядкѣ. Машенькинъ отецъ о приданомъ молчалъ, но зато сдѣлалъ дочери престранный и, какъ потомъ я понялъ, совершенно непозволительный и зловѣщій подарокъ. Онъ самъ надѣлъ на нее при всѣхъ за ужиномъ богатое жемчужное ожерелье... Мы, мужчины, взглянувъ на эту вещь, даже подумали «очень хорошо».

— Ого-го, молъ,—сколько это должно стоить? Вѣроятно, такая штучка припасена съ оныхъ давнихъ, благихъ дней, когда богатые люди изъ знати еще въ ломбарды вещей не посылали, а при большой нуждѣ въ деньгахъ охотнѣе ввѣряли свои цѣнности тайнымъ ростовщикамъ въ родѣ Машенькинаго отца.

Жемчугъ крупный, окатистый и чрезвычайно живой. Притомъ ожерелье сдѣлано въ старомъ вкусѣ, что называлось рефилью, ряснами, — назади начато небольшимъ, но

самымъ скатнымъ кафимскимъ зерномъ, а потомъ все крупнѣй и крупнѣе бурмицкое и наконецъ, что далѣе книзу, то пошли какъ бобы, и въ самой серединѣ три черные перла поражающей величины и самаго лучшаго блеска. Прекрасный цѣнный даръ совсѣмъ затмевалъ сконфуженные передъ нимъ дары моего брата. Словомъ сказать, — мы, грубые мужчины, всѣ находили отцовскій подарокъ Машенькѣ прекраснымъ и намъ понравилось также и слово, произнесенное старикомъ при подачѣ ожерелья. Отецъ Машеньки, подавъ ей эту драгоцѣнность, сказалъ: — «Вотъ тебѣ, доченька, штучка съ наговоромъ: ее никогда ни тля не истлитъ, ни воръ не украдетъ, а если и украдетъ, то не обрадуется. Это—вѣчное».

Но у женщинъ вѣдь на все свои точки зрѣнія, и Машенька, получивъ ожерелье, заплакала, а жена моя не выдержала и, улучивъ удобную минуту, даже сдѣлала Николаю Ивановичу у окна выговоръ, который онъ по праву родства выслушалъ. Выговоръ ему за подарокъ жемчуга слѣдовалъ потому, что жемчугъ знаменуетъ и предвѣщаетъ *слезы*. А потому жемчугъ никогда для новогоднихъ подарковъ не употребляется.

Николай Ивановичъ, впрочемъ, ловко отшутился.

— Это, говоритъ, — во-первыхъ, пустые предразсудки и если кто-нибудь можетъ подарить мнѣ жемчужину, которую княгиня Юсупова купила у Горгубуса, то я ее сейчасъ возьму. Я, сударыня, тоже въ свое время эти тонкости проходилъ и знаю, чего нельзя дарить. Дѣвушкѣ нельзя дарить бирюзы, потому что бирюза, по понятіямъ персовъ, есть кости людей, умершихъ отъ любви, а замужнимъ дамамъ нельзя дарить аметиста avec flèches d'Amour, но тѣмъ не менѣе я пробовалъ дарить такіе аметисты, и дамы брали...

Моя жена улыбнулась. А онъ говоритъ:

— Я и вамъ попробую подарить. А что касается жемчуга, то надо знать, что жемчугъ жемчугу рознь. Не всякій жемчугъ добывается со слезами. Есть жемчугъ персид-

скій, есть изъ Краснаго моря, а есть перлы изъ тихихъ водъ —d'eau douce, тотъ безъ слезы берутъ. Сантиментальная Марія Стюартъ только такой и носила perle d'eau douce изъ шотландскихъ рѣкъ, но онъ ей не принесъ счастья. Я знаю, что надо дарить,—то я и дарю моей дочери, а вы ее пугаете. За это я вамъ не подарю ничего avec flèches d'Amour, а подарю вамъ хладнокровный «лунный камень». Но ты, мое дитя, не плачь, и выбрось изъ головы, что мой жемчугъ приноситъ слезы. Это не такой. Я тебѣ на другой день твоей свадьбы открою тайну этого жемчуга, и ты увидишь, что тебѣ никакихъ предразсудковъ бояться нечего...

Такъ это и успокоилось, и брата съ Машенькой послѣ Крещенья перевѣнчали, а на слѣдующій день мы съ женою поѣхали навѣстить молодыхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы застали ихъ вставшими и въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Братъ самъ открылъ намъ двери помѣщенія, взятаго имъ для себя, ко дню свадьбы, въ гостиницѣ, встрѣтилъ насъ весь сіяя и покатываясь со смѣху.

Мнѣ это напомнило одинъ старый романъ, гдѣ новобрачный сошелъ съ ума отъ счастья, и я это брату замѣтилъ, а онъ отвѣчаетъ:

— А что ты думаешь, вѣдь со мною въ самомъ дѣлѣ произошелъ такой случай, что возможно своему уму не вѣрить. Семейная жизнь моя, начавшаяся сегодняшнимъ днемъ, принесла мнѣ не только ожиданныя радости отъ моей милой жены, но также неожиданное благополучіе отъ тестя.

— Что же такое еще съ тобою случилось?

— А вотъ входите, я вамъ разскажу.

Жена мнѣ шепчетъ:

— Вѣрно старый негодяй ихъ надулъ.

Я отвѣчаю:

— Это не мое дѣло.

Входимъ, а братъ подаетъ намъ открытое письмо, полу-

ченное на ихъ имя рано по городской почтѣ, и въ письмѣ читаемъ слѣдующее:

«Предразсудокъ насчетъ жемчуга ничѣмъ вамъ угрожать не можетъ: этотъ жемчугъ *фальшивый*».

Жена моя такъ и сѣла.

— Вотъ, говоритъ,—негодяй!

Но братъ ей показалъ головою въ ту сторону, гдѣ Машенька дѣлала въ спальнѣ свой туалетъ, и говоритъ:

— Ты неправа: старикъ поступилъ очень честно. Я получилъ это письмо, прочелъ его и разсмѣялся... Что же мнѣ тутъ печальнаго? Я вѣдь приданаго не искалъ и не просилъ, я искалъ одну жену, стало-быть мнѣ никакого огорченія въ томъ нѣтъ, что жемчугъ въ ожерельѣ не настоящій, а фальшивый. Пусть это ожерелье стоитъ не тридцать тысячъ, а просто триста рублей,—не все ли равно для меня, лишь бы жена моя была счастлива... Одно только меня озабочивало, какъ это сообщить Машѣ? Надъ этимъ я задумался и сѣлъ, оборотясь лицомъ къ окну, а того не замѣтилъ, что дверь забылъ запереть. Черезъ нѣсколько минутъ оборачиваюсь и вдругъ вижу, что у меня за спиною стоитъ тесть и держитъ что-то въ рукѣ въ платочкѣ.

— Здравствуй, говоритъ,—зятюшка!

Я вскочилъ, обнялъ его и говорю:

— Вотъ это мило! мы должны были къ вамъ черезъ часъ ѣхать, а вы сами... Это противъ всѣхъ обычаевъ... мило и дорого.

— Ну, что, отвѣчаетъ,—за счеты! Мы свои. Я былъ у обѣдни,—помолился за васъ и вотъ просвиру вамъ привезъ.

Я его опять обнялъ и поцѣловалъ.

— А ты письмо мое получилъ?—спрашиваетъ.

— Какъ же, говорю,—получилъ.

И я самъ разсмѣялся.

Онъ смотритъ.

— Чего же, говоритъ,—ты смѣешься?

— А что же мнѣ дѣлать? Это очень забавно.

— Забавно?

— Да какъ же.

— А ты подай-ка мнѣ жемчугъ.

Ожерелье лежало тутъ же на столѣ въ футлярѣ,—я его и подалъ.

— Есть у тебя увеличительное стекло?

Я говорю:—нѣтъ.

— Если такъ, то у меня есть. Я по старой привычкѣ всегда его при себѣ имѣю. Изволь смотрѣть на замокъ подъ собачку.

— Для чего мнѣ смотрѣть?

— Нѣтъ, ты посмотри. Ты, можетъ-быть, думаешь, что я тебя обманулъ.

— Вовсе не думаю.

— Нѣтъ,—смотри, смотри!

Я взялъ стекло и вижу: на замкѣ, на самомъ скрытномъ мѣстѣ, микроскопическая надпись французскими буквами: «Бургильонъ».

— Убѣдился, говоритъ, — что это дѣйствительно жемчугъ *фальшивый?*

— Вижу.

— И что же ты мнѣ теперь скажешь?

— То же самое, что и прежде. То-есть: это до меня не касается, и васъ только буду объ одномъ просить...

— Проси, проси!

— Позвольте не говорить объ этомъ Машѣ.

— Это для чего?

— Такъ...

— Нѣтъ, въ какихъ именно цѣляхъ? Ты не хочешь ее огорчить?

— Да, — это между прочимъ.

— А еще что?

— А еще то, что я не хочу, чтобы въ ея сердцѣ хоть что-нибудь шевельнулось противъ отца.

— Противъ отца?

— Да.

— Ну, для отца она теперь уже отрѣзанный ломоть, который къ караваю не пристанетъ, а ей главное—мужъ...

— Никогда, говорю,—сердце не заѣзжій дворъ: въ немъ тѣсно не бываетъ. Къ отцу одна любовь, а къ мужу—другая, и кромѣ того... мужъ, который желаетъ быть счастливъ, обязанъ заботиться, чтобы онъ могъ уважать свою жену, а для этого онъ долженъ беречь ея любовь и почтеніе къ родителямъ.

— Ага! Вотъ ты какой практикъ!

И сталъ молча пальцами по табуреткѣ барабанить, а потомъ всталъ и говоритъ:

— Я, любезный зять, наживалъ состояніе своими трудами, но очень разными средствами. Съ высокой точки зрѣнія они, можетъ-быть, не всѣ очень похвальны, но такое мое время было, да я и не умѣлъ наживать иначе. Въ людей я не очень вѣрю, и про любовь только въ романахъ слыхалъ, какъ читаютъ, а на дѣлѣ я все видѣлъ, что всѣ денегъ хотятъ. Двумъ зятьямъ я денегъ не далъ, и вышло вѣрно: они на меня злы и женъ своихъ ко мнѣ не пускаютъ. Не знаю, кто изъ насъ благороднѣе, — они или я? Я денегъ имъ не даю, а они живыя сердца портятъ. А я имъ денегъ не дамъ, а вотъ тебѣ возьму да и дамъ! Да! И вотъ даже сейчасъ дамъ!—И вотъ извольте смотрѣть!

Братъ показалъ намъ три билета по пятидесяти тысячъ рублей.

— Неужели, говорю,—все это твоей женѣ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, — онъ Машѣ далъ пятьдесятъ тысячъ, а я ему говорю:

— Знаете, Николай Ивановичъ, это будетъ щекотливо... Машѣ будетъ неловко, что она получитъ отъ васъ приданое, а сестры ея — нѣтъ... Это непремѣнно вызоветъ у сестеръ къ ней зависть и непріязнь... Нѣтъ, Богъ съ ними,—оставьте у себя эти деньги и... когда-нибудь, когда благопріятный случай примиритъ васъ съ другими дочерьми, тогда вы дадите *всѣмъ* поровну. И вотъ тогда это принесетъ всѣмъ намъ радость... А однимъ намъ... *ненадо!*

Онъ опять всталъ, опять прошелся по комнатѣ и, остановясь противъ двери спальни, крикнулъ:

— Марья!

Маша уже была въ пеньюарѣ и вышла.

— Поздравляю, говоритъ,—тебя.

Она поцѣловала его руку.

— А счастлива быть хочешь?

— Конечно, хочу, папа, и... надѣюсь.

— Хорошо... Ты себѣ, братъ, хорошаго мужа выбрала!

— Я, папа, не выбирала. Мнѣ его Богъ далъ.

— Хорошо, хорошо. Богъ далъ, а я *придамъ*: я тебѣ хочу прибавить счастья. Вотъ три билета, всѣ равные. Одинъ тебѣ, а два твоимъ сестрамъ. Раздай имъ сама — скажи, что *ты даришь*...

— Папа!

Маша бросилась ему сначала на шею, а потомъ вдругъ опустилась на землю и обняла, радостно плача, его колѣна. Смотрю—и онъ заплакалъ.

— Встань, встань! говоритъ. — Ты нынче по народному слову «княгиня», — тебѣ неприлично въ землю мнѣ кланяться.

— Но я такъ счастлива... за сестеръ!..

— То-то и есть... И я счастливъ!.. Теперь можешь видѣть, что нечего тебѣ было бояться жемчужнаго ожерелья. Я пришелъ тебѣ тайну открыть: подаренный мною тебѣ *жемчугъ фальшивый*, меня имъ давно сердечный пріятель надулъ,—да вѣдь какой,—не простой, а слитый изъ Рюриковичей и Гедиминовичей. А вотъ у тебя мужъ простой души, да *истинной:* такого надуть невозможно,—душа не стерпитъ!

— Вотъ вамъ весь мой разсказъ,—заключилъ собесѣдникъ,—и я, право, думаю, что, не смотря на его современное происхожденіе и на его невымышленность, онъ отвѣчаетъ и программѣ, и формѣ традиціоннаго святочнаго разсказа.

НЕРАЗМѢННЫЙ РУБЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Есть повѣрье, будто волшебными средствами можно получить неразмѣнный рубль, т. е. такой рубль, который, сколько разъ его не выдавай, онъ все-таки опять является цѣлымъ въ карманѣ. Но для того, чтобы добыть такой рубль, нужно претерпѣть большіе страхи. Всѣхъ ихъ я не помню, но знаю, что, между прочимъ, надо взять черную безъ одной отмѣтины кошку и нести ее продавать рождественскою ночью на перекрестокъ четырехъ дорогъ, изъ которыхъ притомъ одна непремѣнно должна вести къ кладбищу.

Здѣсь надо стать, пожать кошку посильнѣе, такъ, чтобы она *замяукала*, и зажмурить глаза. Все это надо сдѣлать за нѣсколько минутъ передъ полночью, а въ самую полночь придетъ кто-то и станетъ торговать кошку. Покупщикъ будетъ давать за бѣднаго звѣрька очень много денегъ, но продавецъ долженъ требовать непремѣнно только *рубль*, — ни больше, ни меньше какъ одинъ серебряный рубль. Покупщикъ будетъ навязывать болѣе, но надо настойчиво требовать рубль, и когда, наконецъ, этотъ рубль будетъ данъ, тогда его надо положить въ карманъ и держать рукою, а самому уходить какъ можно скорѣе и не оглядываться. Этотъ рубль и есть неразмѣнный или безрасходный, —то есть

сколько ни отдавайте его въ уплату за что-нибудь,—онъ все-таки опять является въ карманѣ. Чтобы заплатить, напримѣръ, сто рублей, надо только сто разъ опустить руку въ карманъ и оттуда всякій разъ вынуть рубль.

Конечно, это повѣрье пустое и нестаточное; но есть простые люди, которые склонны вѣрить, что неразмѣнные рубли дѣйствительно можно добывать. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, и я тоже этому вѣрилъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разъ, во время моего дѣтства, няня, укладывая меня спать въ рождественскую ночь, сказала, что у насъ теперь на деревнѣ очень многіе не спятъ, а гадаютъ, рядятся, ворожатъ и, между прочимъ, добываютъ себѣ «неразмѣнный рубль». Она распространилась на тотъ счетъ, что людямъ, которые пошли добывать неразмѣнный рубль, теперь всѣхъ страшнѣе, потому что они должны лицомъ къ лицу встрѣтиться съ дьяволомъ на далекомъ распутьѣ и торговаться съ нимъ за черную кошку; но зато ихъ ждутъ и самыя большія радости... Сколько можно накупить прекрасныхъ вещей за безпереводный рубль! Что бы я надѣлалъ, если бы мнѣ попался такой рубль! Мнѣ тогда было всего лѣтъ восемь, но я уже побывалъ въ своей жизни въ Орлѣ и въ Кромахъ и зналъ нѣкоторыя превосходныя произведенія русскаго искусства, привозимыя купцами къ нашей приходской церкви на рождественскую ярмарку.

Я зналъ, что на свѣтѣ бываютъ пряники желтые, съ патокою, и бѣлые пряники— съ мятой, бываютъ столбики и сосульки, бываетъ такое лакомство, которое называется «рѣзь», или лапша, или еще проще—«шмотья», бываютъ орѣхи простые и каленые; а для богатаго кармана привозятъ и изюмъ, и финики. Кромѣ того, я видалъ картины съ генералами и множество другихъ вещей, которыхъ я не могъ всѣхъ перекупить, потому что мнѣ давали на мои

расходы простой серебряный рубль, а не безпереводный. Но няня нагнулась надо мною и прошептала, что нынче это будетъ иначе, потому что безпереводный рубль есть у моей бабушки, и она рѣшила подарить его мнѣ, но только я долженъ быть очень остороженъ, чтобы не лишиться этой чудесной монеты, потому что она имѣетъ одно волшебное, очень капризное свойство.

— Какое?—спросилъ я.

— А это тебѣ скажетъ бабушка. Ты спи, а завтра, какъ проснешься, бабушка принесетъ тебѣ неразмѣнный рубль и скажетъ, какъ надо съ нимъ обращаться.

Обольщенный этимъ обѣщаніемъ, я постарался заснуть въ ту же минуту, чтобы ожиданіе неразмѣннаго рубля не было томительно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Няня меня не обманула: ночь пролетѣла какъ краткое мгновеніе, котораго я и не замѣтилъ, и бабушка уже стояла надъ моею кроваткою въ своемъ большомъ чепцѣ съ рюшевыми мармотками и держала въ своихъ бѣлыхъ рукахъ новенькую, чистую серебряную монету, отбитую въ самомъ полномъ и превосходномъ калибрѣ.

— Ну, вотъ тебѣ безпереводный рубль, сказала она.— Бери его и поѣзжай въ церковь. Послѣ обѣдни мы, старики, зайдемъ къ батюшкѣ, отцу Василію, пить чай, а ты одинъ,—совершенно одинъ,—можешь идти на ярмарку и покупать все, что ты самъ захочешь. Ты сторгуешь вещь, опустишь руку въ карманъ и выдашь свой рубль, а онъ опять очутится въ твоемъ же карманѣ.

— Да, говорю,—я уже все это знаю.

А самъ зажалъ рубль въ ладонь и держу его какъ можно крѣпче. А бабушка продолжаетъ:

— Рубль возвращается, это правда. Это его хорошее свойство,—его также нельзя и потерять; но зато у него есть другое свойство, очень невыгодное: неразмѣнный рубль

не переведется въ твоемъ карманѣ до тѣхъ поръ, пока ты будешь покупать на него вещи, тебѣ или другимъ людямъ нужныя или полезныя, но разъ что ты изведешь хоть одинъ грошъ на полную безполезность—твой рубль въ то же мгновеніе исчезнетъ.

— О, говорю, — бабушка, я вамъ очень благодаренъ, что вы мнѣ это сказали; но повѣрьте, я ужъ не такъ малъ, чтобы не понять, что̀ на свѣтѣ полезно и что̀ безполезно.

Бабушка покачала головою и, улыбаясь, сказала, что она сомнѣвается; но я ее увѣрилъ, что знаю, какъ надо жить при богатомъ положеніи.

— Прекрасно, сказала бабушка, — но, однако, ты все-таки хорошенько помни, что я тебѣ сказала.

— Будьте покойны. Вы увидите, что я приду къ отцу Василію и принесу на заглядѣнье прекрасныя покупки, а рубль мой будетъ цѣлъ у меня въ карманѣ.

— Очень рада,—посмотримъ. Но ты все-таки не будь самонадѣянъ: помни, что отличить нужное отъ пустого и излишняго вовсе не такъ легко, какъ ты думаешь.

— Въ такомъ случаѣ не можете ли вы походить со мною по ярмаркѣ?

Бабушка на это согласилась, но предупредила меня, что она не будетъ имѣть возможности дать мнѣ какой бы то ни было совѣтъ или остановить меня отъ увлеченія и ошибки, потому что тотъ, кто владѣетъ безпереводнымъ рублемъ, не можетъ ни отъ кого ожидать совѣтовъ, а долженъ руководиться своимъ умомъ.

— О, моя милая бабушка, отвѣчалъ я,—вамъ и не будетъ надобности давать мнѣ совѣты, -я только взгляну на ваше лицо и прочитаю въ вашихъ глазахъ все, что мнѣ нужно.

— Въ такомъ разѣ идемъ,—и бабушка послала дѣвушку сказать отцу Василію, что она придетъ къ нему попозже, а пока мы отправились съ нею на ярмарку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Погода была хорошая,—умѣренный морозецъ съ маленькой влажностью; въ воздухѣ пахло крестьянской бѣлой онучею, лыкомъ, пшеномъ и овчиной. Народу много и всѣ разодѣты въ томъ, что у кого есть лучшаго. Мальчишки изъ богатыхъ семей всѣ получили отъ отцовъ на свои карманные расходы по грошу и уже истратили эти капиталы на пріобрѣтеніе глиняныхъ свистулекъ, на которыхъ задавали самый бѣдовый концертъ. Бѣдные ребятишки, которымъ грошей не давали, стояли подъ плетнемъ и только завистливо облизывались. Я видѣлъ, что имъ тоже хотѣлось бы овладѣть подобными же музыкальными инструментами, чтобы слиться всей душою въ общей гармоніи, и... я посмотрѣлъ на бабушку...

Глиняныя свистульки не составляли необходимости и даже не были полезны, но лицо моей бабушки не выражало ни малѣйшаго порицанія моему намѣренію купить всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ по свистулькѣ. Напротивъ, доброе лицо старушки выражало даже удовольствіе, которое я принялъ за одобреніе: я сейчасъ же опустилъ мою руку въ карманъ, досталъ оттуда мой неразмѣнный рубль и купилъ цѣлую коробку свистулекъ, да еще мнѣ подали съ него нѣсколько сдачи. Опуская сдачу въ карманъ, я ощупалъ рукою, что мой неразмѣнный рубль цѣлехонекъ и уже опять лежитъ тамъ, какъ было до покупки. А между тѣмъ всѣ ребятишки получили по свистулькѣ, и самые бѣдные изъ нихъ вдругъ сдѣлались такъ же счастливы, какъ и богатые, и засвистали во всю свою силу, а мы съ бабушкой пошли дальше, и она мнѣ сказала:

— Ты поступилъ хорошо, потому что бѣднымъ дѣтямъ надо играть и рѣзвиться, и кто можетъ сдѣлать имъ какую-нибудь радость, тотъ напрасно не спѣшитъ воспользоваться своею возможностію. И въ доказательство, что я права, опусти еще разъ свою руку въ карманъ и попробуй, гдѣ твой неразмѣнный рубль?

Я опустилъ руку и... мой неразмѣнный рубль былъ въ моемъ карманѣ.

— Ага, подумалъ я, — теперь я уже понялъ, въ чемъ дѣло, и могу дѣйствовать смѣлѣе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я подошелъ къ лавочкѣ, гдѣ были ситцы и платки, и накупилъ всѣмъ нашимъ дѣвушкамъ по платью, кому розовое, кому голубое, а старушкамъ по малиновому головному платку; и каждый разъ, что я опускалъ руку въ карманъ, чтобы заплатить деньги, — мой неразмѣнный рубль все былъ на своемъ мѣстѣ. Потомъ я купилъ для ключницыной дочери, которая должна была выйти замужъ, двѣ сердоликовыя запонки и, признаться, сробѣлъ; но бабушка попрежнему смотрѣла хорошо, и мой рубль послѣ этой покупки тоже преблагополучно оказался въ моемъ карманѣ.

— Невѣстѣ идетъ принарядиться, сказала бабушка,— это памятный день въ жизни каждой дѣвушки, и это очень похвально, чтобы ее обрадовать, — отъ радости всякій человѣкъ бодрѣе выступаетъ на новый путь жизни, а отъ перваго шага много зависитъ. Ты сдѣлалъ очень хорошо, что обрадовалъ бѣдную невѣсту.

Потомъ я купилъ и себѣ очень много сластей и орѣховъ, а въ другой лавкѣ взялъ большую книгу «Псалтирь», такую точно, какая лежала на столѣ у нашей скотницы. Бѣдная старушка очень любила эту книгу, но книга тоже имѣла несчастіе придтись по вкусу племенному теленку, который жилъ въ одной избѣ со скотницею. Теленокъ по своему возрасту имѣлъ слишкомъ много свободнаго времени и занялся тѣмъ, что въ счастливый часъ досуга отжевалъ углы у всѣхъ листовъ «Псалтиря». Бѣдная старушка была лишена удовольствія читать и пѣть тѣ псалмы, въ которыхъ она находила для себя утѣшеніе, и очень объ этомъ скорбѣла.

Я былъ увѣренъ, что купить для нея новую книгу вмѣсто старой было не пустое и не излишнее дѣло, и это именно такъ и было: когда я опустилъ руку въ карманъ— мой рубль былъ снова на своемъ мѣстѣ.

Я сталъ покупать шире и больше,—я бралъ все, что, по моимъ соображеніямъ, было нужно, и накупилъ даже вещи слишкомъ рискованныя, —такъ, напримѣръ, нашему молодому кучеру Константину я купилъ наборный поясной ремень, а веселому башмачнику Егоркѣ — гармонію. Рубль, однако, все былъ дома, а на лицо бабушки я ужъ не смотрѣлъ и не допрашивалъ ея выразительныхъ взоровъ. Я самъ былъ центръ всего,—на меня всѣ смотрѣли, за мною всѣ шли, обо мнѣ говорили.

— Смотрите, каковъ нашъ барчукъ Миколаша! Онъ одинъ можетъ скупить цѣлую ярмарку, у него, знать, есть неразмѣнный рубль.

И я почувствовалъ въ себѣ что-то новое и до тѣхъ поръ незнакомое. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ обо мнѣ знали, всѣ за мною ходили и всѣ обо мнѣ говорили — какъ я уменъ, богатъ и добръ.

Мнѣ стало безпокойно и скучно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А въ это самое время, — откуда ни возьмись, — ко мнѣ подошелъ самый пузатый изъ всѣхъ ярмарочныхъ торговцевъ и, снявъ картузъ, сталъ говорить:

— Я здѣсь всѣхъ толще и всѣхъ опытнѣе, и вы меня не обманете. Я знаю, что вы можете купить все, что есть на этой ярмаркѣ, потому что у васъ есть неразмѣнный рубль. Съ этимъ не штука удивлять весь приходъ, но, однако, есть кое-что такое, чего вы и за этотъ рубль не можете купить.

— Да, если это будетъ вещь ненужная, — такъ я ее, разумѣется, не куплю.

— Какъ это «ненужная?» Я вамъ не сталъ бы и гово-

рить про то, что не нужно. А вы обратите вниманіе на то, кто окружаетъ насъ съ вами, не смотря на то, что у васъ есть неразмѣнный рубль. Вотъ вы себѣ купили только сластей да орѣховъ, а то вы все покупали полезныя вещи для другихъ, но вонъ какъ эти другіе помнятъ ваши благодѣянія: васъ ужъ теперь всѣ позабыли.

Я посмотрѣлъ вокругъ себя и, къ крайнему моему удивленію, увидѣлъ, что мы съ пузатымъ купцомъ стоимъ, дѣйствительно, только вдвоемъ, а вокругъ насъ ровно никого нѣтъ. Бабушки тоже не было, да я о ней и забылъ, а вся ярмарка отвалила въ сторону и окружила какого-то длиннаго, сухого человѣка, у котораго поверхъ полушубка былъ надѣтъ длинный полосатый жилетъ, а на немъ нашиты стекловидныя пуговицы, отъ которыхъ, когда онъ поворачивался изъ стороны въ сторону, исходило слабое, тусклое блистаніе.

Это было все, что̀ длинный, сухой человѣкъ имѣлъ въ себѣ привлекательнаго, и, однако, за нимъ всѣ шли и всѣ на него смотрѣли, какъ будто на самое замѣчательное произведеніе природы.

— Я ничего не вижу въ этомъ хорошаго, — сказалъ я моему новому спутнику.

— Пусть такъ, но вы должны видѣть, какъ это всѣмъ нравится. Поглядите, — за нимъ ходятъ даже и вашъ кучеръ Константинъ съ его щегольскимъ ремнемъ, и башмачникъ Егорка съ его гармоніей, и невѣста съ запонками, и даже старая скотница съ ея новою книжкою. А о ребятишкахъ съ свистульками уже и говорить нечего.

Я осмотрѣлся, и въ самомъ дѣлѣ всѣ эти люди дѣйствительно окружали человѣка съ стекловидными пуговицами, и всѣ мальчишки на своихъ свистулькахъ пищали про его славу.

Во мнѣ зашевелилось чувство досады. Мнѣ показалось все это ужасно обидно, и я почувствовалъ долгъ и призваніе стать выше человѣка со стекляшками.

— И вы думаете, что я не могу сдѣлаться больше его?

— Да, я это думаю,—отвѣчалъ пузанъ.

— Ну, такъ я же сейчасъ вамъ докажу, что вы ошибаетесь!—воскликнулъ я и, быстро подбѣжавъ къ человѣку въ жилетѣ поверхъ полушубка, сказалъ:

— Послушайте, не хотите ли вы продать мнѣ вашъ жилетъ?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Человѣкъ со стекляшками повернулся передъ солнцемъ, такъ что пуговицы на его жилетѣ издали тусклое блистаніе, и отвѣчалъ:

— Извольте, я вамъ его продамъ съ большимъ удовольствіемъ, но только это очень дорого стоитъ.

— Прошу васъ не безпокоиться и скорѣе сказать мнѣ вашу цѣну за жилетъ.

Онъ очень лукаво улыбнулся и молвилъ:

— Однако, вы, я вижу, очень неопытны, какъ и слѣдуетъ быть въ вашемъ возрастѣ, — вы не понимаете, въ чемъ дѣло. Мой жилетъ ровно ничего не стоитъ, потому что онъ не свѣтитъ и не грѣетъ, и потому я его отдаю вамъ даромъ, но вы мнѣ заплатите по рублю за каждую нашитую на немъ стекловидную пуговицу, потому что эти пуговицы хотя тоже не свѣтятъ и не грѣютъ, но онѣ могутъ немножко блестѣть на минутку, и это всѣмъ очень нравится.

— Прекрасно, — отвѣчалъ я, — я даю вамъ по рублю за каждую вашу пуговицу. Снимайте скорѣй вашъ жилетъ.

— Нѣтъ, прежде извольте отсчитать деньги.

— Хорошо.

Я опустилъ руку въ карманъ и досталъ оттуда одинъ рубль, потомъ снова опустилъ руку во второй разъ, но... карманъ мой былъ пустъ... Мой неразмѣнный рубль уже не возвратился... онъ пропалъ... онъ исчезъ... его не было, и на меня всѣ смотрѣли и смѣялись.

Я горько заплакалъ и... проснулся...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Было утро: у моей кроватки стояла бабушка, въ ея большомъ бѣломъ чепцѣ съ рюшевыми мармотками, и держала въ рукѣ новенькій серебряный рубль, составлявшій обыкновенный рождественскій подарокъ, который она мнѣ дарила.

Я понялъ, что все видѣнное мною происходило не наяву, а во снѣ, и поспѣшилъ разсказать, о чемъ я плакалъ.

— Что же, — сказала бабушка, — сонъ твой хорошъ,— особенно если ты захочешь понять его, какъ слѣдуетъ. Въ басняхъ и сказкахъ часто бываетъ сокрытъ особый затаенный смыслъ. *Неразмѣнный рубль*—по-моему, это талантъ, который Провидѣніе даетъ человѣку при его рожденіи. Талантъ развивается и крѣпнетъ, когда человѣкъ сумѣетъ сохранить въ себѣ бодрость и силу на распутіи четырехъ дорогъ, изъ которыхъ съ одной всегда должно быть видно кладбище. *Неразмѣнный рубль*—это есть сила, которая можетъ служить истинѣ и добродѣтели, на пользу людямъ, въ чемъ для человѣка съ добрымъ сердцемъ и яснымъ умомъ заключается самое высшее удовольствіе. Все, что онъ сдѣлаетъ для истиннаго счастія своихъ ближнихъ, никогда не убавитъ его духовнаго богатства, а напротивъ— чѣмъ онъ болѣе черпаетъ изъ своей души, тѣмъ она становится богаче. Человѣкъ въ жилеткѣ сверхъ теплаго полушубка—есть *суета*, потому что жилетъ сверхъ полушубка *не нуженъ*, какъ не нужно и то, чтобы за нами ходили и насъ прославляли. Суета затемняетъ умъ. Сдѣлавши коечто—очень немного въ сравненіи съ тѣмъ, что бы ты могъ еще сдѣлать, владѣя безрасходнымъ рублемъ, ты уже сталъ гордиться собою и отвернулся отъ меня, которая для тебя въ твоемъ снѣ изображала опытъ жизни. Ты началъ уже хлопотать не о добрѣ для другихъ, а о томъ, чтобы всѣ на тебя глядѣли и тебя хвалили. Ты захотѣлъ имѣть ни на что ненужныя стеклышки, и—рубль твой растаялъ. Этому такъ и слѣдовало быть, и я за тебя очень рада, что ты

получилъ такой урокъ во снѣ. Я очень бы желала, чтобы этотъ рождественскій сонъ у тебя остался въ памяти. А теперь поѣдемъ въ церковь и послѣ обѣдни купимъ все то, что ты покупалъ для бѣдныхъ людей въ твоемъ сновидѣніи.

— Кромѣ одного, моя дорогая.

Бабушка улыбнулась и сказала:

— Ну, конечно, я знаю, что ты уже не купишь жилета съ стекловидными пуговицами.

— Нѣтъ, я не куплю также и лакомствъ, которыя я покупалъ во снѣ для самого себя.

Бабушка подумала и сказала:

— Я не вижу нужды, чтобы ты лишилъ себя этого маленькаго удовольствія, но... если ты желаешь за это получить гораздо большее счастіе, то... я тебя понимаю...

И вдругъ мы съ нею оба обнялись и, ничего болѣе не говоря другъ другу, оба заплакали. Бабушка отгадала, что я хотѣлъ *всѣ* мои маленькія деньги извести въ этотъ день *не для себя*. И когда это мною было сдѣлано, то сердце мое исполнилось такою радостію, какой я не испытывалъ до того еще ни одного раза. Въ этомъ лишеніи себя маленькихъ удовольствій для пользы другихъ я впервые испыталъ то, что люди называютъ увлекательнымъ словомъ— *полное счастіе*, при которомъ ничего больше не хочешь.

Каждый можетъ испробовать сдѣлать въ своемъ нынѣшнемъ положеніи мой опытъ, и я увѣренъ, что онъ найдетъ въ словахъ моихъ не ложь, а истинную правду.

ЗВѢРЬ.

«И звѣри внимаху святое слово».
Житіе старца Серафима.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отецъ мой былъ извѣстный въ свое время слѣдователь. Ему поручали много важныхъ дѣлъ и потому онъ часто отлучался отъ семейства, а дома оставались мать, я и прислуга.

Матушка моя тогда была еще очень молода, а я — маленькій мальчикъ.

При томъ случаѣ, о которомъ я теперь хочу разсказать,—мнѣ было всего только пять лѣтъ.

Была зима, и очень жестокая. Стояли такіе холода, что въ хлѣвахъ замерзали ночами овцы, а воробьи и галки падали на мерзлую землю окоченѣлыя. Отецъ мой находился объ эту пору по служебнымъ обязанностямъ въ Ельцѣ и не обѣщалъ пріѣхать домой даже къ Рождеству Христову, а потому матушка собралась сама къ нему съѣздить, чтобы не оставить его одинокимъ въ этотъ прекрасный и радостный праздникъ. Меня, по случаю ужасныхъ холодовъ, мать не взяла съ собою въ дальнюю дорогу, а оставила у своей сестры, а моей тетки, которая была замужемъ за однимъ орловскимъ помѣщикомъ, про котораго ходила невеселая

слава. Онъ былъ очень богатъ, старъ и жестокъ. Въ характерѣ у него преобладали злобность и неумолимость, и онъ объ этомъ нимало не сожалѣлъ, а, напротивъ, даже щеголялъ этими качествами, которыя, по его мнѣнію, служили будто бы выраженіемъ мужественной силы и непреклонной твердости духа.

Такое же мужество и твердость онъ стремился развить въ своихъ дѣтяхъ, изъ которыхъ одинъ сынъ былъ мнѣ ровесникъ.

Дядю боялись всѣ, а я всѣхъ болѣе, потому что онъ и во мнѣ хотѣлъ «развить мужество», и одинъ разъ, когда мнѣ было три года и случилась ужасная гроза, которой я боялся, онъ выставилъ меня одного на балконъ и заперъ дверь, чтобы такимъ урокомъ отучить меня отъ страха во время грозы.

Понятно, что я въ домѣ такого хозяина гостилъ неохотно и съ немалымъ страхомъ, но мнѣ, повторяю, тогда было пять лѣтъ и мои желанія не принимались въ разсчетъ при соображеніи обстоятельствъ, которымъ приходилось подчиняться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ имѣніи дяди былъ огромный каменный домъ, похожій на замокъ. Это было претенціозное, но некрасивое и даже уродливое двухъэтажное зданіе съ круглымъ куполомъ и съ башнею, о которой разсказывали страшные ужасы. Тамъ когда-то жилъ сумасшедшій отецъ нынѣшняго помѣщика, потомъ въ его комнатахъ учредили аптеку. Это также почему-то считалось страшнымъ; но всего ужаснѣе было то, что наверху этой башни, въ пустомъ, изогнутомъ окнѣ были натянуты струны, то-есть была устроена такъ-называемая «Эолова арфа». Когда вѣтеръ пробѣгалъ по струнамъ этого своевольнаго инструмента, струны эти издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившіе отъ тихаго густого рокота въ безпокойные нестройные стоны и неистовый гулъ, какъ будто сквозь нихъ про-

леталъ цѣлый сонмъ, пораженный страхомъ, гонимыхъ духовъ. Въ домѣ всѣ не любили эту арфу и думали, что она говоритъ что-то такое здѣшнему грозному господину и онъ не смѣетъ ей возражать, но оттого становится еще немилосерднѣе и жесточе... Было несомнѣнно примѣчено, что если ночью срывается буря и арфа на башнѣ гудитъ такъ, что звуки долетаютъ черезъ пруды и парки въ деревню, то баринъ въ ту ночь не спитъ и на утро встаетъ мрачный и суровый и отдаетъ какое-нибудь жестокое приказаніе, приводившее въ трепетъ сердца всѣхъ его многочисленныхъ рабовъ.

Въ обычаяхъ дома было, что тамъ никогда и никому никакая вина не прощалась. Это было правило, которое никогда не измѣнялось, не только для человѣка, но даже и для звѣря или какого-нибудь мелкаго животнаго. Дядя не хотѣлъ знать милосердія и не любилъ его, ибо почиталъ его за слабость. Неуклонная строгость казалась ему выше всякаго снисхожденія. Оттого въ домѣ и во всѣхъ обширныхъ деревняхъ, принадлежащихъ этому богатому помѣщику, всегда царила безотрадная унылость, которую съ людьми раздѣляли и звѣри.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Покойный дядя былъ страстный любитель псовой охоты. Онъ ѣздилъ съ борзыми и травилъ волковъ, зайцевъ и лисицъ. Кромѣ того, въ его охотѣ были особенныя собаки, которыя брали медвѣдей. Этихъ собакъ называли «пьявками». Онѣ впивались въ звѣря такъ, что ихъ нельзя было отъ него оторвать. Случалось, что медвѣдь, въ котораго впивалась зубами пьявка, убивалъ ее ударомъ своей ужасной лапы или разрывалъ ее пополамъ, но никогда не бывало, чтобы пьявка отпала отъ звѣря живая.

Теперь, когда на медвѣдей охотятся только облавами или съ рогатиной, порода собакъ-пьявокъ, кажется, совсѣмъ уже перевелась въ Россіи; но въ то время, о которомъ я

разсказываю, онѣ были почти при всякой хорошо собранной большой охотѣ. Медвѣдей въ нашей мѣстности тогда тоже было очень много и охота за ними составляла большое удовольствіе.

Когда случалось овладѣвать цѣлымъ медвѣжьимъ гнѣздомъ, то изъ берлоги брали и привозили маленькихъ медвѣжатъ. Ихъ обыкновенно держали въ большомъ каменномъ сараѣ съ маленькими окнами, продѣланными подъ самой крышей. Окна эти были безъ стеколъ, съ однѣми толстыми желѣзными рѣшетками. Медвѣжата, бывало, до нихъ вскарабкивались другъ по дружкѣ и висѣли, держась за желѣзо своими цѣпкими, когтистыми лапами. Только такимъ образомъ они и могли выглядывать изъ своего заключенія на вольный свѣтъ Божій.

Когда насъ выводили гулять передъ обѣдомъ, мы больше всего любили ходить къ этому сараю и смотрѣть на выставлявшіяся изъ-за рѣшетокъ смѣшныя мордочки медвѣжатъ. Нѣмецкій гувернеръ Кольбергъ умѣлъ подавать имъ на концѣ палки кусочки хлѣба, которые мы припасали для этой цѣли за своимъ завтракомъ.

За медвѣдями смотрѣлъ и кормилъ ихъ молодой доѣзжачій, по имени Ферапонтъ; но, какъ это имя было трудно для простонароднаго выговора, то его произносили «Храпонъ» или, еще чаще, «Храпошка». Я его очень хорошо помню: Храпошка былъ средняго роста, очень ловкій, сильный и смѣлый парень лѣтъ двадцати пяти. Храпонъ считался красавцемъ, — онъ былъ бѣлъ, румянъ, съ черными кудрями и съ черными же большими глазами на выкатѣ. Къ тому же онъ былъ необычайно смѣлъ. У него была сестра Аннушка, которая состояла въ подняняхъ, и она разсказывала намъ презанимательныя вещи про смѣлость своего удалого брата и про его необыкновенную дружбу съ медвѣдями, съ которыми онъ зимою и лѣтомъ спалъ вмѣстѣ въ ихъ сараѣ, такъ что они окружали его со всѣхъ сторонъ и клали на него свои головы, какъ на подушку.

Передъ домомъ дяди, за широкимъ круглымъ цвѣтни-

комъ, окруженнымъ росписною рѣшеткою, были широкія ворота, а противъ воротъ посреди куртины было вкопано высокое, прямое, гладко выглаженное дерево, которое называли «мачта». На вершинѣ этой мачты былъ прилаженъ маленькій помостикъ или, какъ его называли, «бесѣдочка».

Изъ числа плѣнныхъ медвѣжатъ всегда отбирали одного «умнаго», который представлялся наиболѣе смышленымъ и благонадежнымъ по характеру. Такого отдѣляли отъ прочихъ собратій и онъ жилъ на волѣ, то-есть ему дозволялось ходить по двору и по парку, но главнымъ образомъ онъ долженъ былъ содержать караульный постъ у столба передъ воротами. Тутъ онъ и проводилъ большую часть своего времени или лежа на соломѣ у самой мачты, или же взбирался по ней вверхъ до «бесѣдки» и здѣсь сидѣлъ или тоже спалъ, чтобы къ нему не приставали ни докучные люди, ни собаки.

Жить такою привольною жизнью могли не всѣ медвѣди, а только нѣкоторые, особенно умные и кроткіе, и то не во всю ихъ жизнь, а пока они не начинали обнаруживать своихъ звѣрскихъ, неудобныхъ въ общежитіи наклонностей, то-есть пока они вели себя смирно и не трогали ни куръ, ни гусей, ни телятъ, ни человѣка.

Медвѣдь, который нарушалъ спокойствіе жителей, немедленно же былъ осуждаемъ на смерть и отъ этого приговора его ничто не могло избавить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отбирать «смышленаго медвѣдя» долженъ былъ Храпонъ. Такъ какъ онъ больше всѣхъ обращался съ медвѣжатами и почитался большимъ знатокомъ ихъ натуры, то понятно, что онъ одинъ и могъ это дѣлать. Храпонъ же и отвѣчалъ за то, если сдѣлаетъ неудачный выборъ,—но онъ съ перваго же раза выбралъ для этой роли удивительно способнаго и умнаго медвѣдя, которому было дано необыкновенное имя: медвѣдей въ Россіи вообще зовутъ «миш-

ками», а этотъ носилъ испанскую кличку «Сганарель». Онъ уже пять лѣтъ прожилъ на свободѣ и не сдѣлалъ еще ни одной «шалости». Когда о медвѣдѣ говорили, что «онъ шалитъ», это значило, что онъ уже обнаружилъ свою звѣрскую натуру какимъ-нибудь нападеніемъ.

Тогда «шалуна» сажали на нѣкоторое время въ «яму», которая была устроена на широкой полянѣ между гумномъ и лѣсомъ, а черезъ нѣкоторое время его выпускали (онъ самъ вылѣзалъ *по бревну*) на поляну и тутъ его травили «молодыми пьявками» (т. е. подрослыми щенками медвѣжьихъ собакъ). Если же щенки не умѣли его взять и была опасность, что звѣрь уйдетъ въ лѣсъ, то тогда стоявшіе въ запасномъ «секретѣ» два лучшихъ охотника бросались на него съ отборными опытными сворами и тутъ дѣлу наставалъ конецъ.

Если же эти собаки были такъ неловки, что медвѣдь могъ прорваться «къ острову» (т. е. къ лѣсу), который соединялся съ обширнымъ брянскимъ полѣсьемъ, то выдвигался особый стрѣлокъ, съ длиннымъ и тяжелымъ кухенрейторовскимъ штуцеромъ и, прицѣлясь «съ сошки», посылалъ медвѣдю смертельную пулю.

Чтобы медвѣдь когда-либо ушелъ отъ всѣхъ этихъ опасностей, такого случая еще никогда не было, да страшно было и подумать, если бы это могло случиться: тогда всѣхъ въ томъ виноватыхъ ждали бы смертоносныя наказанія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Умъ и солидность Сганареля сдѣлали то, что описанной потѣхи или медвѣжьей казни не было уже цѣлыя пять лѣтъ. Въ это время Сганарель успѣлъ вырости и сдѣлался большимъ, *матерымъ* медвѣдемъ, необыкновенной силы, красоты и ловкости. Онъ отличался круглою, короткою мордою и довольно стройнымъ сложеніемъ, благодаря которому напоминалъ болѣе колоссальнаго грифона или пуделя, чѣмъ медвѣдя. Задъ у него былъ суховатъ и покрытъ не-

высокою, лоснящеюся шерстью, но плечи и загорбокъ были сильно развиты и покрыты длинною и мохнатою растительностью. Уменъ Сганарель былъ тоже какъ пудель и зналъ нѣкоторые замѣчательные, для звѣря его породы, пріемы: онъ, напримѣръ, отлично и легко ходилъ на двухъ заднихъ лапахъ, подвигаясь впередъ передомъ и задомъ, умѣлъ бить въ барабанъ, маршировалъ съ большою палкою, раскрашенною въ видѣ ружья, а также охотно и даже съ большимъ удовольствіемъ таскалъ съ мужиками самые тяжелые кули на мельницу и съ своеобразнымъ шикомъ пресмѣшно надѣвалъ себѣ на голову высокую мужичью островерхую шляпу съ павлинымъ перомъ или съ соломеннымъ пучкомъ въ родѣ султана.

Но пришла роковая пора—звѣриная натура взяла свое и надъ Сганарелемъ. Незадолго передъ моимъ прибытіемъ въ домъ дяди, тихій Сганарель вдругъ провинился сразу нѣсколькими винами, изъ которыхъ притомъ одна была другой тяжче.

Программа преступныхъ дѣйствій у Сганареля была та же самая, какъ и у всѣхъ прочихъ: для первоученки онъ взялъ и оторвалъ крыло гусю; потомъ положилъ лапу на спину бѣжавшему за маткою жеребенку и переломилъ ему спину, а наконецъ, ему не понравились слѣпой старикъ и его поводырь, и Сганарель принялся катать ихъ по снѣгу, причемъ пооттопталъ имъ руки и ноги.

Слѣпца съ его поводыремъ взяли въ больницу, а Сганареля велѣли Храпону отвести и посадить въ яму, откуда былъ только одинъ выходъ—*на казнь*...

Анна, раздѣвая вечеромъ меня и такого же маленькаго въ то время моего двоюроднаго брата, разсказала намъ, что при отводѣ Сганареля въ яму, въ которой онъ долженъ былъ ожидать смертной казни, произошли очень большія трогательности. Храпонъ не продергивалъ въ губу Сганареля «больнички» или кольца и не употреблялъ противъ него ни малѣйшаго насилія, а только сказалъ:

— Пойдемъ, звѣрь, со мною.

Медвѣдь всталъ и пошелъ, да еще что̀ было смѣшно— взялъ свою шляпу съ соломеннымъ султаномъ и всю дорогу до ямы шелъ съ Храпономъ обнявшись, точно два друга.

Они-таки и были друзья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Храпону было очень жаль Сганареля, но онъ ему ничѣмъ пособить не могъ. Напоминаю, что тамъ, гдѣ это происходило, никому никогда никакая провинность не прощалась, и скомпрометировавшій себя Сганарель непремѣнно долженъ былъ заплатить за свои увлеченія лютой смертью.

Травля его назначалась, какъ послѣобѣденное развлеченіе для гостей, которые обыкновенно съѣзжались къ дядѣ на Рождество. Приказъ объ этомъ былъ уже отданъ на охотѣ въ то же самое время, когда Храпону было велѣно отвести виновнаго Сганареля и посадить его въ яму.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ яму медвѣдей сажали довольно просто. Люкъ или творило ямы обыкновенно закрывали легкимъ хворостомъ, накиданнымъ на хрупкія жерди, и посыпали эту покрышку снѣгомъ. Это было маскировано такъ, что медвѣдь не могъ замѣтить устроенной ему предательской ловушки. Покорнаго звѣря подводили къ этому мѣсту и заставляли идти впередъ. Онъ дѣлалъ шагъ или два и неожиданно проваливался въ глубокую яму, изъ которой не было никакой возможности выйти. Медвѣдь сидѣлъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока наступало время его травить. Тогда въ яму опускали въ наклонномъ положеніи длинное, аршинъ семи, бревно и медвѣдь вылѣзалъ по этому бревну наружу. Затѣмъ начиналась травля. Если же случалось, что смѣтливый звѣрь, предчувствуя бѣду, не хотѣлъ выходить, то его понуждали

выходить, безпокоя длинными шестами, на концѣ которыхъ были острые желѣзные наконечники, бросали зажженую солому или стрѣляли въ него холостыми зарядами изъ ружей и пистолетовъ.

Храпонъ отвелъ Сганареля и заключилъ его подъ арестъ по этому же самому способу, но самъ вернулся домой очень разстроенный и опечаленный. На свое несчастіе, онъ разсказалъ своей сестрѣ, какъ звѣрь шелъ съ нимъ «ласково» и какъ онъ, провалившись сквозь хворостъ въ яму, сѣлъ тамъ на днищѣ и, сложивъ переднія лапы, какъ руки, застоналъ, точно заплакалъ.

Храпонъ открылъ Аннѣ, что онъ бѣжалъ отъ этой ямы бѣгомъ, чтобы не слыхать жалостныхъ стоновъ Сганареля, потому что стоны эти были мучительны и невыносимы для его сердца.

— Слава Богу, добавилъ онъ,—что не мнѣ, а другимъ людямъ велѣно въ него стрѣлять, если онъ уходить станетъ. А если бы мнѣ то было приказано, то я лучше бы самъ всякія муки принялъ, но въ него ни за что бы не выстрѣлилъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Анна разсказала это намъ, а мы разсказали гувернеру Кольбергу, а Кольбергъ, желая чѣмъ-нибудь позанять дядю, передалъ ему. Тотъ это выслушалъ и сказалъ: «Молодецъ Храпошка», а потомъ хлопнулъ три раза въ ладоши.

Это значило, что дядя требуетъ къ себѣ своего камердинера Устина Петровича, старичка изъ плѣнныхъ французовъ Двѣнадцатаго года.

Устинъ Петровичъ, иначе Жюстинъ, явился въ своемъ чистенькомъ лиловомъ фрачкѣ съ серебряными пуговицами, и дядя отдалъ ему приказаніе, чтобы къ завтрашней «садкѣ» или охотѣ на Сганареля стрѣлками въ секретахъ были посажены Флегонтъ—извѣстнѣйшій стрѣлокъ, который всегда билъ безъ промаха, а другой Храпошка. Дядя,

очевидно, хотѣлъ позабавиться надъ затруднительною борьбою чувствъ бѣднаго парня. Если же онъ не выстрѣлитъ въ Сганареля или нарочно промахнется, то ему, конечно, тяжело достанется, а Сганареля убьетъ вторымъ выстрѣломъ Флегонтъ, который никогда не даетъ промаха.

Устинъ поклонился и ушелъ передавать приказаніе, а мы, дѣти, сообразили, что мы надѣлали бѣды и что во всемъ этомъ есть что-то ужасно тяжелое, такъ что, Богъ знаетъ, какъ это и кончится. Послѣ этого насъ не занимали по достоинству ни вкусный рождественскій ужинъ, который справлялся «при звѣздѣ», за одинъ разъ съ обѣдомъ, ни пріѣхавшіе на ночь гости, изъ коихъ съ нѣкоторыми были и дѣти.

Намъ было жаль Сганареля, жаль и Ферапонта, и мы даже не могли себѣ рѣшить, кого изъ нихъ двухъ мы больше жалѣемъ.

Оба мы, то-есть я и мой ровесникъ—двоюродный братъ, долго ворочались въ своихъ кроваткахъ. Оба мы заснули поздно, спали дурно и вскрикивали, потому что намъ обоимъ представлялся медвѣдь. А когда няня насъ успокоивала, что медвѣдя бояться уже нечего, потому что онъ теперь сидитъ въ ямѣ, а завтра его убьютъ, то мною овладѣвала еще бо̀льшая тревога.

Я даже просилъ у няни вразумленія: нельзя ли мнѣ помолиться за Сганареля? Но такой вопросъ былъ выше религіозныхъ соображеній старушки и она, позѣвывая и крестя ротъ рукою, отвѣчала, что навѣрно она объ этомъ ничего не знаетъ, такъ какъ ни разу о томъ у священника не спрашивала, но что, однако, медвѣдь — тоже Божіе созданіе и онъ плавалъ съ Ноемъ въ ковчегѣ.

Мнѣ показалось, что напоминаніе о плаваньи въ ковчегѣ вело какъ будто къ тому, что безпредѣльное милосердіе Божіе можетъ быть распространено не на однихъ людей, а также и на прочія Божьи созданія, и я, съ дѣтскою вѣрою, сталъ въ моей кроваткѣ на колѣни и, при-

навъ лицомъ къ подушкѣ, просилъ величіе Божіе не оскорбиться моею жаркою просьбою и пощадить Сганареля.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наступилъ день Рождества. Всѣ мы были одѣты въ праздничномъ и вышли съ гувернерами и боннами къ чаю. Въ залѣ, кромѣ множества родныхъ и гостей, стояло духовенство: священникъ, дьяконъ и два дьячка.

Когда вошелъ дядя, причтъ запѣлъ «Христосъ рождается». Потомъ былъ чай, потомъ, вскорѣ же, маленькій завтракъ и въ два часа ранній праздничный обѣдъ. Тотчасъ же послѣ обѣда назначено было отправляться травить Сганареля. Медлить было нельзя, потому что въ эту пору рано темнѣетъ, а въ темнотѣ травля невозможна и медвѣдь легко можетъ скрыться изъ вида.

Исполнилось все такъ, какъ было назначено. Насъ прямо изъ-за стола повели одѣвать, чтобы везти на травлю Сганареля. Надѣли наши заячьи шубки и лохматые, съ круглыми подошвами, сапоги, вязаные изъ козьей шерсти, и повели усаживать въ сани. А у подъѣздовъ съ той и съ другой стороны дома уже стояло множество длинныхъ большихъ троечныхъ саней, покрытыхъ узорчатыми коврами, и тутъ же два стремянныхъ держали подъ уздцы дядину верховую англійскую рыжую лошадь, по имени Щеголиху.

Дядя вышелъ въ лисьемъ архалукѣ и въ лисьей остроконечной шапкѣ, и какъ только онъ сѣлъ на сѣдло, покрытое черною медвѣжьею шкурою съ пахвами и наперсями, убранными бирюзой и «змѣиными головками», весь нашъ огромный поѣздъ тронулся, а черезъ десять или пятнадцать минутъ мы уже пріѣхали на мѣсто травли и выстроились полукругомъ. Всѣ сани были расположены полуоборотомъ къ обширному, ровному, покрытому снѣгомъ полю, которое было окружено цѣпью верховыхъ охотниковъ и вдали замыкалось лѣсомъ.

У самаго лѣса были сдѣланы секреты или тайники за кустами, и тамъ должны были находиться Флегонтъ и Храпошка.

Тайниковъ этихъ не было видно и нѣкоторые указывали только на едва замѣтныя «сошки», съ которыхъ одинъ изъ стрѣлковъ долженъ былъ прицѣлиться и выстрѣлить въ Станареля.

Яма, гдѣ сидѣлъ медвѣдь, тоже была незамѣтна и мы поневолѣ разсматривали красивыхъ вершниковъ, у которыхъ за плечомъ было разнообразное, но красивое вооруженіе: были шведскіе Штрабусы, нѣмецкіе Моргенраты, англійскіе Мортимеры и варшавскіе Колеты.

Дядя стоялъ верхомъ впереди цѣпи. Ему подали въ руки свору отъ двухъ сомкнутыхъ злѣйшихъ «пьявокъ», а передъ нимъ положили у орчака на вальтрапъ бѣлый платокъ.

Молодыя собаки, для практики которыхъ осужденъ былъ умереть провинившійся Станарель, были въ огромномъ числѣ и всѣ вели себя крайне самонадѣянно, обнаруживая пылкое нетерпѣніе и недостатокъ выдержки. Онѣ визжали, лаяли, прыгали и путались на сворахъ вокругъ коней, на которыхъ сидѣли одѣтые въ форменное платье доѣзжачіе, а тѣ безпрестанно хлопали арапниками, чтобы привести молодыхъ, непомнившихъ себя отъ нетерпѣнія псовъ къ повиновенію. Все это кипѣло желаніемъ броситься на звѣря, близкое присутствіе котораго собаки, конечно, открыли своимъ острымъ, природнымъ чутьемъ.

Настало время вынуть Станареля изъ ямы и пустить его на растерзаніе!

Дядя махнулъ положеннымъ на его вальтрапъ бѣлымъ платкомъ и сказалъ: «Дѣлай!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Изъ кучки охотниковъ, составлявшихъ главный штабъ дяди, выдѣлилось человѣкъ десять и пошли впередъ черезъ поле.

Отойдя шаговъ двѣсти, они остановились и начали поднимать изъ снѣга длинное, не очень толстое бревно, которое до сей поры намъ издалека нельзя было видѣть.

Это происходило какъ разъ у самой ямы, гдѣ сидѣлъ Сганарель, но она тоже съ нашей далекой позиціи была незамѣтна.

Дерево подняли и сейчасъ же спустили однимъ концомъ въ яму. Оно было спущено съ такимъ пологимъ уклономъ, что звѣрь безъ затрудненіи могъ выйти по немъ, какъ по лѣстницѣ.

Другой конецъ бревна опирался на край ямы и торчалъ изъ нея на аршинъ.

Всѣ глаза были устремлены на эту предварительную операцію, которая приближала къ самому любопытному моменту. Ожидали, что Сганарель сейчасъ же долженъ былъ показаться наружу; но онъ, очевидно, понималъ въ чемъ дѣло и ни за что не шелъ.

Началось гонянье его въ ямѣ снѣжными комьями и шестами съ острыми наконечниками, послышался ревъ, но звѣрь не шелъ изъ ямы. Раздалось нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, направленныхъ прямо въ яму, но Сганарель только сердитѣе зарычалъ, а все-таки попрежнему не показывался.

Тогда откуда-то изъ-за цѣпи вскачь подлетѣли запряженныя въ одну лошадь простыя навозныя дровни, на которыхъ лежала куча сухой ржаной соломы.

Лошадь была высокая, худая, изъ тѣхъ, которыхъ употребляли на воркѣ для подвоза корма съ гуменника, но, не смотря на свою старость и худобу, она летѣла, поднявши хвостъ и натопорщивъ гриву. Трудно однако, было опредѣлить: была ли ея теперешняя бодрость остаткомъ прежней молодой удали, или это скорѣе было порожденіе страха и отчаянія, внушаемыхъ старому коню близкимъ присутствіемъ медвѣдя? Повидимому, послѣднее имѣло болѣе вѣроятія, потому что лошадь была взнуздана, кромѣ желѣзныхъ удилъ, еще острою бечевкою, которою и были

уже въ кровь истерзаны ея посѣрѣвшія губы. Она и неслась и металась въ стороны такъ отчаянно, что управлявшій ею конюхъ въ одно и то же время дралъ ей кверху голову бечевой, а другою рукою немилосердно стегалъ ее толстою нагайкою.

Но, какъ бы тамъ ни было, солома была раздѣлена на три кучи, разомъ зажжена и разомъ же съ трехъ сторонъ скинута, зажженая, въ яму. Внѣ пламени остался только одинъ тотъ край, къ которому было приставлено бревно.

Раздался оглушительный, бѣшеный ревъ, какъ бы смѣшанный вмѣстѣ со стономъ, но... медвѣдь опять-таки не показывался...

До нашей цѣпи долетѣлъ слухъ, что Сганарель весь «опалился», и что онъ закрылъ глаза лапами и легъ вплотную въ уголъ къ землѣ, такъ что «его не стронуть».

Ворковая лошадь, съ разрѣзанными губами, понеслась опять вскачь назадъ... Всѣ думали, что это была посылка за новымъ привозомъ соломы. Между зрителями послышался укоризненный говоръ: зачѣмъ распорядители охоты не подумали ранѣе припасти столько соломы, чтобы она была здѣсь съ излишкомъ. Дядя сердился и кричалъ что-то такое, чего я не могъ разобрать за всею поднявшеюся въ это время у людей суетою и еще болѣе усилившимся визгомъ собакъ и хлопаньемъ арапниковъ.

Но во всемъ этомъ виднѣлось настроеніе и былъ, однако, свой ладъ, и ворковая лошадь уже опять, метаясь и храпя, неслась назадъ къ ямѣ, гдѣ залегъ Сганарель, но не съ соломою: на дровняхъ теперь сидѣлъ Ферапонтъ.

Гнѣвное распоряженіе дяди заключалось въ томъ, чтобы Храпошку спустили въ яму и чтобы онъ *самъ вывелъ* оттуда своего друга на травлю...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

И вотъ, Ферапонтъ былъ на мѣстѣ. Онъ казался очень взволнованнымъ, но дѣйствовалъ твердо и рѣшительно. Нимало не сопротивляясь барскому приказу, онъ взялъ съ

дровней веревку, которою была прихвачена привезенная минуту тому назадъ солома, и привязалъ эту веревку однимъ концомъ около зарубки верхней части бревна. Остальную веревку Ферапонтъ взялъ въ руки и, держась за нее, сталъ спускаться по бревну, на ногахъ, въ яму...

Страшный ревъ Сганареля утихъ и замѣнился глухимъ ворчаніемъ.

Звѣрь какъ бы жаловался своему другу на жестокое обхожденіе съ нимъ со стороны людей; но вотъ и это ворчаніе смѣнилось совершенной тишиной.

— Обнимаетъ и лижетъ Храпошку! — крикнулъ одинъ изъ людей, стоявшихъ надъ ямой.

Изъ публики, размѣщавшейся въ саняхъ, нѣсколько человѣкъ вздохнули, другіе поморщились.

Многимъ становилось жалко медвѣдя и травля его, очевидно, не обѣщала имъ большого удовольствія. Но описанныя мимолетныя впечатлѣнія внезапно были прерваны новымъ событіемъ, которое было еще неожиданнѣе и заключало въ себѣ новую трогательность.

Изъ творила ямы, какъ бы изъ преисподней, показалась курчавая голова Храпошки въ охотничьей, круглой шапкѣ. Онъ взбирался наверхъ опять тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и спускался, то-есть Ферапонтъ шелъ на ногахъ по бревну, притягивая себя кверху крѣпко завязанной концомъ наружи веревки. Но Ферапонтъ выходилъ *не одинъ*: рядомъ съ нимъ, крѣпко съ нимъ обнявшись и положивъ ему на плечо большую косматую лапу, выходилъ и Сганарель... Медвѣдь былъ не въ духѣ и не въ авантажномъ видѣ. Пострадавшій и изнуренный, повидимому, не столько отъ тѣлеснаго страданія, сколько отъ тяжкаго моральнаго потрясенія, онъ сильно напоминалъ короля Лира. Онъ сверкалъ исподлобья налитыми кровью и полными гнѣва и негодованія глазами. Такъ же, какъ Лиръ, онъ былъ и взъерошенъ, и мѣстами опаленъ, а мѣстами къ нему пристали будылья соломы. Вдобавокъ же, какъ тотъ несчастный вѣнценосецъ, Сганарель, по удивительному случаю, сберегъ себѣ

и нѣчто въ родѣ вѣнца. Можетъ-быть, любя Ферапонта, а можетъ-быть случайно, онъ зажалъ у себя подъ мышкой шляпу, которою Храпошка его снабдилъ и съ которою онъ же поневолѣ столкнулъ Сганареля въ яму. Медвѣдь сберегъ этотъ дружескій даръ, и... теперь, когда сердце его нашло мгновенное успокоеніе въ объятіяхъ друга, онъ, какъ только сталъ на землю, сейчасъ же вынулъ изъ-подъ мышки жестоко измятую шляпу и положилъ ее себѣ на макушку...

Эта выходка многихъ насмѣшила, а другимъ зато мучительно было ее видѣть. Иные даже поспѣшили отвернуться отъ звѣря, которому сейчасъ же должна была послѣдовать злая кончина.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Тѣмъ временемъ какъ все это происходило, псы взвыли и взметались до потери всякаго повиновенія. Даже арапникъ не оказывалъ на нихъ болѣе своего внушающаго дѣйствія. Щенки и старыя пьявки, увидя Сганареля, поднялись на заднія лапы и, сипло воя и храпя, задыхались въ своихъ сыромятныхъ ошейникахъ; а въ это же самое время Храпошка уже опять мчался на ворковомъ одрѣ къ своему секрету подъ лѣсомъ. Сганарель опять остался одинъ и нетерпѣливо дергалъ лапу, за которую случайно захлестнулась брошенная Храпошкой веревка, прикрѣпленная къ бревну. Звѣрь, очевидно, хотѣлъ скорѣе ее распутать или оборвать и догнать своего друга, но у медвѣдя, хоть и очень смышленнаго, ловкость все-таки была медвѣжья, и Сганарель не распускалъ, а только сильнѣе затягивалъ петлю на лапѣ.

Видя, что дѣло не идетъ такъ, какъ ему хотѣлось, Сганарель дернулъ веревку, чтобы ее оборвать, но веревка была крѣпка и не оборвалась, а лишь бревно вспрыгнуло и стало стоймя въ ямѣ. Онъ на это оглянулся; а въ то самое мгновеніе двѣ пущенныхъ изъ стаи со своры пьявки достигли его и одна изъ нихъ со всего налета впилась ему острыми зубами въ загорбокъ.

Сганарель былъ такъ занятъ съ веревкой, что не ожидалъ этого и въ первое мгновеніе какъ будто не столько разсердился, сколько удивился такой наглости; но потомъ, черезъ полсекунды, когда пьявка хотѣла перехватить зубами, чтобы впиться еще глубже, онъ рванулъ ее лапою и бросилъ отъ себя очень далеко и съ разорваннымъ брюхомъ. На окровавленный снѣгъ тутъ же выпали ея внутренности, а другая собака была въ то же мгновеніе раздавлена подъ его задней лапой... Но что было всего страшнѣе и всего неожиданнѣе, это то, что случилось съ бревномъ. Когда Сганарель сдѣлалъ усиленное движеніе лапою, чтобы отбросить отъ себя впившуюся въ него пьявку, онъ тѣмъ же самымъ движеніемъ вырвалъ изъ ямы крѣпко привязанное въ веревкѣ бревно, и оно полетѣло пластомъ въ воздухѣ. Натянувъ веревку, оно закружило вокругъ Сганареля, какъ около своей оси и чертя однимъ концомъ по снѣгу, на первомъ же оборотѣ размозжило и положило на мѣстѣ не двухъ и не трехъ, а цѣлую стаю поспѣвавшихъ собакъ. Однѣ изъ нихъ взвизгнули и копошились изъ снѣга лапками, а другія, какъ кувырнулись, такъ и вытянулись.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Звѣрь или былъ слишкомъ понятливъ, чтобы не сообразить, какое хорошее оказалось въ его обладаніи оружіе, или веревка, охватившая его лапу, больно ее рѣзала, но онъ только взревѣлъ и сразу перехвативъ веревку въ самую лапу, еще такъ наподдалъ бревно, что оно поднялось и вытянулось въ одну горизонтальную линію съ направленіемъ лапы, державшей веревку и загудѣло, какъ могъ гудѣть сильно пущенный колоссальный волчокъ. Все, что могло попасть подъ него, непремѣнно должно было сокрушиться вдребезги. Если же веревка гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь пунктѣ своего протяженія оказалась бы недостаточно прочною и лопнула, то разлетѣвшееся въ центробѣжномъ направленіи бревно, оторвавшись, полетѣло бы

вдаль, Богъ вѣсть до какихъ далекихъ предѣловъ и на этомъ полетѣ непремѣнно сокрушитъ все живое, что оно можетъ встрѣтить.

Всѣ мы—люди, всѣ лошади и собаки, на всей линіи и цѣпи, были въ страшной опасности и всякій, конечно, желалъ, чтобы для сохраненія его жизни, веревка, на которой вертѣлъ свою колоссальную пращу Сганарель, была крѣпка. Но какой, однако, все это могло имѣть конецъ? Этого, впрочемъ, не пожелалъ дожидаться никто, кромѣ нѣсколькихъ охотниковъ и двухъ стрѣлковъ, посаженныхъ въ секретныхъ ямахъ у самаго лѣса. Вся остальная публика, то есть всѣ гости и семейные дяди, пріѣхавшіе на эту потѣху въ качествѣ зрителей, не находили болѣе въ случившемся ни малѣйшей потѣхи. Всѣ въ перепугѣ велѣли кучерамъ какъ можно скорѣе скакать далѣе отъ опаснаго мѣста, и въ страшномъ безпорядкѣ, тѣсня и перегоняя другъ друга, помчались къ дому.

Въ спѣшномъ и безпорядочномъ бѣгствѣ по дорогѣ было нѣсколько столкновеній, нѣсколько паденій, немного смѣха и не мало перепуговъ. Выпавшимъ изъ саней казалось, что бревно оторвалось отъ веревки и свиститъ, пролетая надъ ихъ головами, а за ними гонится разсвирѣпѣвшій звѣрь.

Но гости, достигши дома, могли придти въ покой и оправиться, а тѣ немногіе, которые остались на мѣстѣ травли, видѣли нѣчто, гораздо болѣе страшное.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Никакихъ собакъ нельзя было пускать на Сганареля. Ясно было, что при его страшномъ вооруженіи бревномъ, онъ могъ побѣдить все великое множество псовъ безъ малѣйшаго для себя вреда. А медвѣдь, вертя свое бревно и самъ за нимъ поворачиваясь, прямо подавался къ лѣсу и смерть его ожидала только здѣсь, у секрета, въ которомъ сидѣли Ферапонтъ и безъ промаха стрѣлявшій Флегонтъ.

Мѣткая пуля все могла кончить смѣло и вѣрно.

Но рокъ удивительно покровительствовалъ Сганарелю и, разъ вмѣшавшись въ дѣло звѣря, какъ будто хотѣлъ спасти его во что бы то ни стало.

Въ ту самую минуту, когда Сганарель сравнялся съ привалами, изъ-за которыхъ торчали на сошкахъ наведенныя на него дула кухенрейтеровскихъ штуцеровъ Храпошки и Флегонта, веревка, на которой летало бревно, неожиданно лопнула и... какъ пущенная изъ лука стрѣла, стрекнуло въ одну сторону, а медвѣдь, потерявъ равновѣсіе, упалъ и покатился кубаремъ въ другую.

Передъ оставшимися на полѣ вдругъ сформировалась новая живая и страшная картина: бревно сшибло сошки и весь заметъ, за которымъ скрывался въ секретѣ Флегонтъ, а потомъ, перескочивъ черезъ него, оно ткнулось и закопалось другимъ концомъ въ дальнемъ сугробѣ; Сганарель тоже не терялъ времени. Перекувыркнувшись три или четыре раза, онъ прямо попалъ за снѣжный валикъ Храпошки...

Сганарель его моментально узналъ, дохнулъ на него своей горячей пастью, хотѣлъ лизнуть языкомъ, но вдругъ съ другой стороны, отъ Флегонта крякнулъ выстрѣлъ и... медвѣдь убѣжалъ въ лѣсъ, а Храпошка... упалъ безъ чувствъ.

Его подняли и осмотрѣли: онъ былъ раненъ пулею въ руку на-вылетъ, но въ ранѣ его было также нѣсколько медвѣжьей шерсти.

Флегонтъ не потерялъ званія перваго стрѣлка, но онъ стрѣлялъ впопыхахъ изъ тяжелаго штуцера и безъ сошекъ, съ которыхъ могъ бы прицѣлиться. Притомъ же на дворѣ уже было сѣро и медвѣдь съ Храпошкою были слишкомъ тѣсно скучены...

При такихъ условіяхъ и этотъ выстрѣлъ съ промахомъ на одну линію должно было считать въ своемъ родѣ замѣчательнымъ.

Тѣмъ не менѣе—*Сганарель ушелъ.* Погоня за нимъ по лѣсу въ этотъ же самый вечеръ была невозможна; а до слѣдующаго утра въ умѣ того, чья воля была здѣсь для всѣхъ закономъ, просіяло совсѣмъ иное настроеніе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Дядя вернулся послѣ окончанія описанной неудачной охоты. Онъ былъ гнѣвенъ и суровъ болѣе, чѣмъ обыкновенно. Передъ тѣмъ, какъ сойти у крыльца съ лошади, онъ отдалъ приказъ—завтра чѣмъ-свѣтъ искать слѣдовъ звѣря и обложить его такъ, чтобы онъ не могъ скрыться.

Правильно поведенная охота, конечно, должна была дать совсѣмъ другіе результаты.

Затѣмъ ждали распоряженія о раненомъ Храпошкѣ. По мнѣнію всѣхъ, его должно было постигнуть нѣчто страшное. Онъ, по меньшей мѣрѣ, былъ виноватъ въ той оплошности, что не всадилъ охотничьяго ножа въ грудь Сганареля, когда тотъ очутился съ нимъ вмѣстѣ и оставилъ его нимало не поврежденнымъ въ его объятіяхъ. Но, кромѣ того, были сильныя и, кажется, вполнѣ основательныя подозрѣнія, что Храпошка схитрилъ, что онъ въ роковую минуту умышленно не хотѣлъ поднять своей руки на своего косматаго друга и пустилъ его на волю.

Всѣмъ извѣстная взаимная дружба Храпошки съ Сганарелемъ давала этому предположенію много вѣроятности.

Такъ думали не только всѣ участвовавшіе въ охотѣ, но также же точно толковали теперь и всѣ гости.

Прислушиваясь къ разговорамъ взрослыхъ, которые собрались къ вечеру въ большой залѣ, гдѣ въ это время для насъ зажигали богато-убранную елку, мы раздѣляли и общія подозрѣнія и общій страхъ предъ тѣмъ, что можетъ ждать Ферапонта.

На первый разъ, однако, изъ передней, черезъ которую дядя прошелъ съ крыльца къ себѣ «на половину», до залы достигъ слухъ, что о Храпошкѣ не было никакого приказанія.

— Къ лучшему это, однако, или нѣтъ? прошепталъ кто-то, и шопотъ этотъ среди общей тяжелой унылости толкнулся въ каждое сердце.

Его услыхалъ и отецъ Алексѣй, старый сельскій священникъ съ бронзовымъ крестомъ двѣнадцатаго года. — Старикъ тоже вздохнулъ и такимъ же шопотомъ сказалъ:

— Молитесь рожденному Христу.

Съ этимъ онъ самъ и всѣ сколько здѣсь было взрослыхъ и дѣтей, и баръ и холопей, всѣ мы сразу перекрестились. И тому было время. Не успѣли мы опустить наши руки, какъ широко растворились двери и вошелъ, съ палочкой въ рукѣ, дядя. Его сопровождали двѣ его любимыя борзыя собаки и камердинеръ Жюстинъ. Послѣдній несъ за нимъ на серебряной тарелкѣ его бѣлый фуляръ и круглую табакерку съ портретомъ Павла Перваго.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Вольтеровское кресло для дяди было поставлено на небольшомъ персидскомъ коврѣ передъ елкою, посреди комнаты. Онъ молча сѣлъ въ это кресло и молча же взялъ у Жюстина свой фуляръ и свою табакерку. У ногъ его тотчасъ легли и вытянули свои длинныя морды обѣ собаки.

Дядя былъ въ синемъ шелковомъ архалукѣ съ вышитыми гладью застежками, богато украшенными бѣлыми филограневыми пряжками съ крупной бирюзой. Въ рукахъ у него была его тонкая, но крѣпкая палка изъ натуральной кавказской черешни.

Палочка теперь ему была очень нужна, потому что во время суматохи, происшедшей на садкѣ, отмѣнно выѣзженная Щеголиха тоже не сохранила безстрашія—она метнулась въ сторону и больно прижала къ дереву ногу своего всадника.

Дядя чувствовалъ сильную боль въ этой ногѣ и даже немножко похрамывалъ.

Это новое обстоятельство, разумѣется, тоже не могло прибавить ничего добраго въ его раздраженное и гнѣвливое сердце. Притомъ, было дурно и то, что при появленіи дяди мы всѣ замолчали. Какъ большинство подозритель-

ныхъ людей, онъ терпѣть не могъ этого; и хорошо его знавшій отецъ Алексѣй поторопился, какъ умѣлъ, поправить дѣло, чтобы только нарушить эту зловѣщую тишину.

Имѣя нашъ дѣтскій кругъ близъ себя, священникъ задалъ намъ вопросъ: понимаемъ ли мы смыслъ пѣсни «Христосъ рождается»? Оказалось, что не только мы, но и старшіе плохо ее разумѣли. Священникъ сталъ намъ разъяснять слова: «славите», «рящите» и «возноситеся», и дойдя до значенія этого послѣдняго слова, самъ тихо «вознесся» и умомъ, и сердцемъ. Онъ заговорилъ о *дарѣ*, который и нынче, какъ и «во время оно», всякій бѣднякъ можетъ поднесть къ яслямъ «рожденнаго Отроча», смѣлѣе и достойнѣе, чѣмъ поднесли злато, смирну и ливанъ волхвы древности. Даръ нашъ, — наше сердце исправленное по Его ученію. Старикъ говорилъ о любви, о прощеньи, о долгѣ каждаго утѣшить друга и недруга «во имя Христово»... И думается мнѣ, что слово его въ тотъ часъ было убѣдительно... Всѣ мы понимали, къ чему оно клонитъ, всѣ его слушали съ особеннымъ чувствомъ, какъ бы моляся, чтобы это слово достигло до цѣли, и у многихъ изъ насъ на рѣсницахъ дрожали хорошія слезы...

Вдругъ что-то упало... Это была дядина палка... Ее ему подали, но онъ до нея не коснулся: онъ сидѣлъ, склонясь на бокъ, съ опущенною съ кресла рукою, въ которой, какъ позабытая, лежала большая бирюза отъ застежки... Но вотъ онъ уронилъ и ее, и... ее никто не спѣшилъ поднимать.

Всѣ глаза были устремлены на его лицо. Происходило удивительное: *онъ плакалъ*!

Священникъ тихо раздвинулъ дѣтей и, подойдя къ дядѣ, молча благословилъ его рукою.

Тотъ поднялъ лицо, взялъ старика за руку и неожиданно поцѣловалъ ее передъ всѣми и тихо молвилъ:

— Спасибо.

Въ ту же минуту онъ взглянулъ на Жюстина и велѣлъ позвать сюда Ферапонта.

Тотъ предсталъ блѣдный, съ подвязанной рукою.

— Стань здѣсь!—велѣлъ ему дядя и показалъ рукою на коверъ.

Храпошка подошелъ и упалъ на колѣни.

— Встань... поднимись!—сказалъ дядя.—Я тебя прощаю.

Храпошка опять бросился ему въ ноги. Дядя заговорилъ нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Ты любилъ звѣря, какъ не всякій умѣетъ любить человѣка. Ты меня этимъ тронулъ и превзошелъ меня въ великодушіи. Объявляю тебѣ отъ меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди, куда хочешь.

— Благодарю, я никуда не пойду, — воскликнулъ Храпошка.

— Что?

— Никуда не пойду, повторилъ Ферапонтъ.

— Чего же ты хочешь?

— За вашу милость я хочу вамъ вольной волей служить честнѣй, чѣмъ за страхъ по неволѣ.

Дядя моргнулъ глазами, приложилъ къ нимъ одною рукою свой бѣлый фуляръ, а другою, нагнувшись, обнялъ Форапонта и... всѣ мы поняли, что намъ надо встать съ мѣстъ, и тоже закрыли глаза... Довольно было чувствовать, что здѣсь совершилась слава вышнему Богу и заблагоухалъ миръ во имя Христово, на мѣстѣ суроваго страха.

Это отразилось и на деревнѣ, куда были посланы котлы браги. Зажглись веселые костры и было веселье во всѣхъ, и, шутя, говорили другъ другу:

— У насъ нонѣ такъ сталось, что и звѣрь пошелъ во святой тишинѣ Христа славить.

Сганареля не отыскивали. Ферапонтъ, какъ ему сказано было, сдѣлался вольнымъ, скоро замѣнилъ при дядѣ Жюстина и былъ не только вѣрнымъ его слугою, но и вѣрнымъ его другомъ до самой его смерти. Онъ закрылъ своими руками глаза дяди и онъ же схоронилъ его въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, гдѣ и по сю-пору цѣлъ его

памятникъ. Тамъ же, въ ногахъ у него, лежитъ и Ферапонтъ.

Цвѣтовъ имъ теперь приносить уже некому, но въ московскихъ норахъ и трущобахъ есть люди, которые помнятъ бѣлоголоваго длиннаго старика, который словно чудомъ умѣлъ узнавать, гдѣ есть истинное гòре и умѣлъ поспѣвать туда вò-время самъ, или посылалъ не съ пустыми руками своего добраго пучеглазаго слугу.

Эти два добряка, о которыхъ много бы можно сказать, были: мой дядя и его Ферапонтъ, котораго старикъ въ шутку называлъ: «*укротитель звѣря*».

ПРИВИДѢНІЕ ВЪ ИНЖЕНЕРНОМЪ ЗАМКѢ.

(Изъ кадетскихъ воспоминаній.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У домовъ, какъ у людей, есть своя репутація. Есть дома гдѣ, по общему мнѣнію, *нечисто*, т. е., гдѣ замѣчаютъ тѣ или другія проявленія какой-то нечистой или, по крайней мѣрѣ, непонятной силы. Спириты старались много сдѣлать для разъясненія этого рода явленій, но такъ какъ теоріи ихъ не пользуются большимъ довѣріемъ, то дѣло съ страшными домами остается въ прежнемъ положеніи.

Въ Петербургѣ во мнѣніи многихъ подобною худою славою долго пользовалось характерное зданіе бывшаго Павловскаго дворца, извѣстное нынче подъ названіемъ Инженернаго за́мка. Таинственныя явленія, приписываемыя духамъ и привидѣніямъ, замѣчали здѣсь почти съ самаго основанія замка. Еще при жизни императора Павла тутъ, говорятъ, слышали голосъ Петра Великаго и, наконецъ, даже самъ императоръ Павелъ видѣлъ тѣнь своего прадѣда. Послѣднее, безъ всякихъ опроверженій, записано въ заграничныхъ сборникахъ, гдѣ нашли себѣ мѣсто описанія внезапной кончины Павла Петровича, и въ новѣйшей русской книгѣ г. Кобеко. Прадѣдъ, будто бы, покидалъ могилу, чтобы предупредить своего правнука, что дни его малы и конецъ ихъ близокъ. Предсказаніе сбылось.

Впрочемъ, тѣнь Петрова была видима въ стѣнахъ зàмка не однимъ императоромъ Павломъ, но и людьми, къ нему приближенными. Словомъ, домъ былъ страшенъ потому, что тамъ жили или, по крайней мѣрѣ, являлись тѣни и привидѣнія и говорили что-то такое страшное и, вдобавокъ, еще сбывающееся. Неожиданная внезапность кончины императора Павла, по случаю которой въ обществѣ тотчасъ вспомнили и заговорили о предвѣщательныхъ тѣняхъ, встрѣчавшихъ покойнаго императора въ зàмкѣ, еще болѣе увеличили мрачную и таинственную репутацію этого угрюмаго дома. Съ тѣхъ поръ домъ утратилъ свое прежнее значеніе жилого дворца, а по народному выраженію—«пошелъ подъ кадетовъ».

Нынче въ этомъ упраздненномъ дворцѣ помѣщаются юнкера инженернаго вѣдомства, но начали его «обживать» прежніе инженерные кадеты. Это былъ народъ еще болѣе молодой и совсѣмъ еще не освободившійся отъ дѣтскаго суевѣрія, и притомъ рѣзвый и шаловливый, любопытный и отважный. Всѣмъ имъ, разумѣется, болѣе или менѣе были извѣстны страхи, которые разсказывали про ихъ страшный зàмокъ. Дѣти очень интересовались подробностями страшныхъ разсказовъ и напитывались этими страхами, а тѣ, которые успѣли съ ними достаточно освоиться, очень любили пугать другихъ. Это было въ большомъ ходу между инженерными кадетами и начальство никакъ не могло вывести этого дурного обычая, пока не произошелъ случай, который сразу отбилъ у всѣхъ охоту къ пуганьямъ и шалостямъ.

Объ этомъ случаѣ и будетъ наступающій разсказъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Особенно было въ модѣ пугать новичковъ или, такъ называемыхъ, «малышей», которые, попадая въ зàмокъ, вдругъ узнавали такую массу страховъ о зàмкѣ, что становились суевѣрными и робкими до крайности. Болѣе всего ихъ пугало, что въ одномъ концѣ корридоровъ зàмка есть комната,

служившая спальней покойному императору Павлу, въ которой онъ легъ почивать здоровымъ, а утромъ его оттуда вынесли мертвымъ. «Старики» увѣряли, что духъ императора живетъ въ этой комнатѣ и каждую ночь выходитъ оттуда и осматриваетъ свой любимый замокъ,—а «малыши» этому вѣрили. Комната эта была всегда крѣпко заперта и притомъ не однимъ, а нѣсколькими замками, но для духа, какъ извѣстно, никакіе замки и затворы не имѣютъ значенія. Да и кромѣ того, говорили, будто въ эту комнату можно было какъ-то проникать. Кажется, это такъ и было на самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ, жило и до сихъ поръ живетъ преданіе, будто это удавалось нѣсколькимъ «старымъ кадетамъ» и продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не задумалъ отчаянную шалость, за которую ему пришлось жестоко поплатиться. Онъ открылъ какой-то неизвѣстный лазъ въ страшную спальню покойнаго императора, успѣлъ пронести туда простыню и тамъ ее спряталъ, а по вечерамъ забирался сюда, покрывался съ ногъ до головы этой простынею и становился въ темномъ окнѣ, которое выходило на Садовую улицу и было хорошо видно всякому, кто, проходя или проѣзжая, поглядитъ въ эту сторону.

Исполняя такимъ образомъ роль привидѣнія, кадетъ, дѣйствительно, успѣлъ навести страхъ на многихъ суевѣрныхъ людей, жившихъ въ замкѣ, и на прохожихъ, которымъ случалось видѣть его бѣлую фигуру, всѣми принимавшуюся за тѣнь покойнаго императора.

Шалость эта продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и распространила упорный слухъ, что Павелъ Петровичъ по ночамъ ходитъ вокругъ своей спальни и смотритъ изъ окна на Петербургъ. Многимъ до несомнѣнности живо и ясно представлялось, что стоявшая въ окнѣ бѣлая тѣнь имъ не разъ кивала головой и кланялась; кадетъ, дѣйствительно, продѣлывалъ такія штуки. Все это вызывало въ замкѣ обширные разговоры съ предвозвѣщательными истолкованіями и закончилось тѣмъ, что надѣлавшій описанную тре-

вогу кадетъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, получивъ «примѣрное наказаніе на тѣлѣ», исчезъ навсегда изъ заведенія. Ходилъ слухъ, будто злополучный кадетъ имѣлъ несчастіе испугать своимъ появленіемъ въ окнѣ одно случайно проѣзжавшее мимо замка высокое лицо, за что и былъ наказанъ не по-дѣтски. Проще сказать, кадеты говорили, будто несчастный шалунъ «умеръ подъ розгами», и такъ какъ въ тогдашнее время подобныя вещи не представлялись невѣроятными, то и этому слуху повѣрили, а съ этихъ поръ самъ этотъ кадетъ сталъ новымъ привидѣніемъ. Товарищи начали его видѣть «всего изсѣченнаго» и съ гробовымъ вѣнчикомъ на лбу, а на вѣнчикѣ, будто, можно было читать надпись: «вкушая вкусихъ мало меду и се азъ умираю»

Если вспомнить библейскій разсказъ, въ которомъ эти слова находятъ себѣ мѣсто, то оно выходитъ очень трогательно.

Вскорѣ за погибелью кадета спальная комната, изъ которой исходили главнѣйшіе страхи инженернаго замка, была открыта и получила такое приспособленіе, которое измѣнило ея жуткій характеръ, но преданія о привидѣніи долго еще жили, не смотря на послѣдовавшее разоблаченіе тайны. Кадеты продолжали вѣрить, что въ ихъ замкѣ живетъ, а иногда ночами является призракъ. Это было общее убѣжденіе, которое равномѣрно держалось у кадетовъ младшихъ и старшихъ съ тою, впрочемъ, разницею, что младшіе просто слѣпо вѣрили въ привидѣніе, а старшіе иногда сами устраивали его появленіе. Одно другому, однако, не мѣшало, и сами поддѣлыватели привидѣнія его тоже побаивались. Такъ, иные «ложные сказатели чудесъ» сами ихъ воспроизводятъ и сами имъ поклоняются и даже вѣрятъ въ ихъ дѣйствительность.

Кадеты младшаго возраста не знали «всей исторіи», разговоръ о которой, послѣ происшествія съ получившимъ жестокое наказаніе на тѣлѣ, строго преслѣдовался, но они вѣрили, что старшимъ кадетамъ, между которыми находи-

лись еще товарищи высѣченнаго или засѣченнаго, была извѣстна вся тайна призрака. Это давало старшимъ большой престижъ и тѣ имъ пользовались до 1859 или 1860 года, когда четверо изъ нихъ сами подверглись очень страшному перепугу, о которомъ я разскажу со словъ одного изъ участниковъ неумѣстной шутки у гроба.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ томъ 1859 или 1860 году умеръ въ инженерномъ замкѣ начальникъ этого заведенія, генералъ Ламновскій. Онъ едва ли былъ любимымъ начальникомъ у кадетъ и, какъ говорятъ, будто бы не пользовался лучшею репутаціею у начальства. Причинъ къ этому у нихъ насчитывали много: находили, что генералъ держалъ себя съ дѣтьми, будто бы, очень сурово и безъучастливо; мало вникалъ въ ихъ нужды; не заботился объ ихъ содержаніи, — а, главное, былъ докучливъ, придирчивъ и мелочно суровъ. Въ корпусѣ же говорили, что самъ по себѣ генералъ былъ бы еще болѣе золъ, но что неодолимую его лютость укрощала тихая, какъ ангелъ, генеральша, которой ни одинъ изъ кадетъ никогда не видалъ, потому что она была постоянно больна, но считали ее добрымъ геніемъ, охраняющимъ всѣхъ отъ конечной лютости генерала.

Кромѣ такой славы по сердцу, генералъ Ламновскій имѣлъ очень непріятныя манеры. Въ числѣ послѣднихъ были и смѣшныя, къ которымъ дѣти придирались, и когда хотѣли «представить» нелюбимаго начальника, то обыкновенно выдвигали одну изъ его смѣшныхъ привычекъ на видъ до каррикатурнаго преувеличенія.

Самою смѣшною привычкою Ламновскаго было то, что, произнося какую-нибудь рѣчь или дѣлая внушеніе, онъ всегда гладилъ всѣми пятью пальцами правой руки свой носъ. Это, по кадетскимъ опредѣленіямъ, выходило такъ, какъ будто онъ «доилъ слова изъ носа». Покойникъ не отличался краснорѣчіемъ и у него, что называется, часто

недоставало словъ на выраженіе начальственныхъ внушеній дѣтямъ, а потому при всякой такой запинкѣ «доеніе» носа усиливалось, а кадеты тотчасъ же теряли серьезность и начинали пересмѣиваться. Замѣчая это нарушеніе субординаціи, генералъ начиналъ еще болѣе сердиться и наказывалъ ихъ. Такимъ образомъ отношенія между генераломъ и воспитанниками становились все хуже и хуже, а во всемъ этомъ, по мнѣнію кадетъ, всего болѣе былъ виноватъ «носъ».

Не любя Ламновскаго, кадеты не упускали случая дѣлать ему досажденія и мстить, портя такъ или иначе его репутацію въ глазахъ своихъ новыхъ товарищей. Съ этою цѣлью они распускали въ корпусѣ молву, что Ламновскій знается съ нечистою силою и заставляетъ демоновъ таскать для него мраморъ, который Ламновскій поставлялъ для какого-то зданія, кажется для Исаакіевскаго собора. Но такъ какъ демонамъ эта работа надоѣла, то разсказывали, будто они нетерпѣливо ждутъ кончины генерала, какъ событія, которое возвратитъ имъ свободу. А чтобы это казалось еще достовѣрнѣе, разъ вечеромъ, въ день именинъ генерала, кадеты сдѣлали ему большую непріятность, устроивъ «похороны». Устроено же это было такъ, что, когда у Ламновскаго, въ его квартирѣ, пировали гости, то въ коридорахъ кадетскаго помѣщенія появилась печальная процессія: покрытые простынями кадеты, со свѣчами въ рукахъ, несли на одрѣ чучело съ длинноносой маской и тихо пѣли погребальныя пѣсни. Устроители этой церемоніи были открыты и наказаны, но въ слѣдующія именины Ламновскаго непростительная шутка съ похоронами опять повторилась. Такъ шло до 1859 года или 1860 года, когда генералъ Ламновскій въ самомъ дѣлѣ умеръ и когда пришлось справлять настоящіе его похороны. По обычаямъ, которые тогда существовали, кадетамъ надо было посмѣнно дежурить у гроба, и вотъ тутъ-то и произошла страшная исторія, испугавшая тѣхъ самыхъ героевъ, которые долго пугали другихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Генералъ Ламновскій умеръ позднею осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Петербургъ имѣетъ самый человѣконенавистный видъ: холодъ, пронизывающая сырость и грязь; особенно мутное туманное освѣщеніе тяжело дѣйствуетъ на нервы, а черезъ нихъ на мозгъ и фантазію. Все это производитъ болѣзненное душевное безпокойство и волненіе. Молешоттъ для своихъ научныхъ выводовъ о вліяніи свѣта на жизнь могъ бы получить у насъ въ это время самыя любопытныя данныя.

Дни, когда умеръ Ламновскій, были особенно гадки. Покойника не вносили въ церковь замка, потому что онъ былъ лютеранинъ: тѣло стояло въ большой траурной залѣ генеральской квартиры и здѣсь было учреждено кадетское дежурство, а въ церкви служились, по православному установленію, панихиды. Одну панихиду служили днемъ, а другую вечеромъ. Всѣ чины замка, равно какъ кадеты и служители, должны были появляться на каждой панихидѣ, и это соблюдалось въ точности. Слѣдовательно, когда въ православной церкви шли панихиды,—все населеніе замка собиралось въ эту церковь, а остальныя обширныя помѣщенія и длиннѣйшіе переходы совершенно пустѣли. Въ самой квартирѣ усопшаго не оставалось никого кромѣ дежурной смѣны, состоявшей изъ четырехъ кадетъ, которые съ ружьями и съ касками на локтѣ стояли вокругъ гроба.

Тутъ и пошла заматываться какая-то безпокойная жуть: всѣ начали чувствовать что-то безпокойное и стали чего-то побаиваться; а потомъ вдругъ гдѣ-то проговорили, что опять кто-то «встаетъ» и опять кто-то «ходитъ». Стало такъ непріятно, что всѣ начали останавливать другихъ, говоря: «Полно, довольно, оставьте это; ну васъ къ чорту съ такими разсказами! Вы только себѣ и людямъ нервы портите!» А потомъ и сами говорили то же самое, отъ чего унимали другихъ, и къ ночи уже становилось всѣмъ страшно.

Особенно это обострилось, когда кадетъ пощунялъ «батя», т. е. какой тогда былъ здѣсь священникъ.

Онъ постыдилъ ихъ за радость по случаю кончины генерала и какъ-то коротко, но хорошо умѣлъ ихъ тронуть и насторожить ихъ чувства.

— «*Ходитъ*», сказалъ онъ имъ, повторяя ихъ же слова.— И разумѣется что ходитъ нѣкто такой, кого вы не видите и видить не можете, а въ немъ и есть сила, съ которою не сладишь. Это *сѣрый человѣкъ*, — онъ не въ полночь встаетъ, а въ сумерки, когда сѣро дѣлается, и каждому хочетъ сказать о томъ, что въ мысляхъ есть нехорошаго. Этотъ сѣрый человѣкъ—*совѣсть*: совѣтую вамъ не тревожить его дрянной радостью о чужой смерти. Всякаго человѣка кто-нибудь любитъ, кто-нибудь жалѣетъ,—смотрите, чтобы сѣрый человѣкъ имъ не скинулся, да не далъ бы вамъ тяжелаго урока!

Кадеты это какъ-то взяли глубоко къ сердцу и, чуть только начало въ тотъ день смеркаться, они такъ и оглядываются: нѣтъ ли сѣраго человѣка и въ какомъ онъ видѣ? Извѣстно, что въ сумеркахъ въ душахъ обнаруживается какая-то особенная чувствительность,—возникаетъ новый міръ, затмѣвающій тотъ, который былъ при свѣтѣ: хорошо знакомые предметы обычныхъ формъ становятся чѣмъ-то прихотливымъ, непонятнымъ и, наконецъ, даже страшнымъ. Этой порою всякое чувство, почему-то, какъ будто, ищетъ для себя какого-то неопредѣленнаго, но усиленнаго выраженія: настроеніе чувствъ и мыслей постоянно колеблется и въ этой стремительной и густой дисгармоніи всего внутренняго міра человѣка начинаетъ свою работу фантазія: міръ обращается въ сонъ, а сонъ —въ міръ... Это заманчиво и страшно, и чѣмъ болѣе страшно, тѣмъ болѣе заманчиво и завлекательно...

Въ такомъ состояніи было большинство кадетъ, особенно передъ ночными дежурствами у гроба. Въ послѣдній вечеръ передъ днемъ погребенія къ панихидѣ въ церковь ожидалось посѣщеніе самыхъ важныхъ лицъ, а потому,

кромѣ людей, жившихъ въ за́мкѣ, былъ большой съѣздъ изъ города. Даже изъ самой квартиры Ламновскаго всѣ ушли въ русскую церковь, чтобы видѣть собраніе высокихъ особъ; покойникъ оставался окруженный однимъ дѣтскимъ карауломъ. Въ караулѣ на этотъ разъ стояли четыре кадета: Г—танъ, Б—новъ, З—скій и К—динъ, всѣ до сихъ поръ благополучно здравствующіе и занимающіе теперь солидныя положенія по службѣ и въ обществѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Изъ четырехъ молодцовъ, составлявшихъ караулъ, — одинъ, именно К—динъ, былъ самый отчаянный шалунъ, который докучалъ покойному Ламновскому болѣе всѣхъ и потому, въ свою очередь, чаще прочихъ подвергался со стороны умершаго усиленнымъ взысканіямъ. Покойникъ особенно не любилъ К — дина за то, что этотъ шалунъ умѣлъ его прекрасно передразнивать «по части доенія носа» и принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ погребальныхъ процессій, которыя дѣлались въ генеральскія имянины.

Когда такая процессія была совершена въ послѣднее тезоименитство Ламновскаго, К—динъ самъ изображалъ покойника и даже произносилъ рѣчь изъ гроба, съ такими ужимками и такимъ голосомъ, что пересмѣшилъ всѣхъ, не исключая офицера, посланнаго разогнать кощунствующую процессію.

Было извѣстно, что это происшествіе привело покойнаго Ламновскаго въ крайнюю гнѣвность, и между кадетами прошелъ слухъ, будто разсерженный генералъ «поклялся наказать К—дина на всю жизнь». Кадеты этому вѣрили и, принимая въ соображеніе извѣстные имъ черты характера своего начальника, нимало не сомнѣвались, что онъ свою клятву надъ К—динымъ исполнитъ. К—динъ въ теченіе всего послѣдняго года считался «висящимъ на волоскѣ», а такъ какъ, по живости характера, этому кадету было очень

трудно воздерживаться отъ рѣзвыхъ и рискованныхъ шалостей, то положеніе его представлялось очень опаснымъ и въ заведеніи того только и ожидали, что вотъ-вотъ К—динъ въ чемъ-нибудь попадется и тогда Ламновскій съ нимъ не поцеремонится и всѣ его дроби приведетъ къ одному знаменателю, «дастъ себя помнить на всю жизнь».

Страхъ начальственной угрозы такъ сильно чувствовался К—динымъ, что онъ дѣлалъ надъ собою отчаянныя усилія и, какъ запойный пьяница отъ вина, онъ бѣжалъ отъ всякихъ проказъ, покуда ему пришелъ случай провѣрить на себѣ поговорку, что «мужикъ тодъ не пьетъ, а какъ чортъ прорветъ, такъ онъ все пропьетъ».

Чортъ прорвалъ К—дина, именно у гроба генерала, который опочилъ, не приведя въ исполненіе своей угрозы. Теперь генералъ былъ кадету не страшенъ и долго сдержанная рѣзвость мальчика нашла случай отпрянуть, какъ долго скрученная пружина. Онъ просто обезумѣлъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдняя панихида, собравшая всѣхъ жителей зàмка въ православную церковь, была назначена въ восемь часовъ, но такъ какъ къ ней ожидались высшія лица, послѣ которыхъ неделикатно было входить въ церковь, то всѣ отправились туда гораздо ранѣе. Въ залѣ у покойника осталась одна кадетская смѣна: Г—тонъ, В—новъ, З—скій и К—динъ. Ни въ одной изъ прилегавшихъ огромныхъ комнатъ не было ни души...

Въ половинѣ восьмого дверь на мгновеніе пріотворилась и въ ней на минуту показался плацъ-адъютантъ, съ которымъ въ эту же минуту случилось пустое происшествіе, усилившее жуткое настроеніе: офицеръ, подходя къ двери, или испугался своихъ собственныхъ шаговъ, или ему казалось, что его кто-то обгоняетъ: онъ сначала пріостановился, чтобы дать дорогу, а потомъ вдругъ воскликнулъ:

«— Кто это! кто!» и, торопливо просунувъ голову въ

дверь, другою половинкою этой же двери придавилъ самого себя и снова вскрикнулъ, какъ будто его кто-то схватилъ сзади.

Разумѣется, вслѣдъ же за этимъ онъ оправился и, торопливо окинувъ безпокойнымъ взглядомъ траурный залъ, догадался по здѣшнему безлюдію, что всѣ ушли уже въ церковь: тогда онъ опять притворилъ двери и, сильно звеня саблею, бросился ускореннымъ шагомъ по коридорамъ, ведущимъ къ за́мкову храму.

Стоявшіе у гроба кадеты ясно замѣчали, что и большіе чего-то пугались, а страхъ на всѣхъ дѣйствуетъ заразительно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дежурные кадеты проводили слухомъ шаги удалявшагося офицера и замѣчали, какъ за каждымъ шагомъ ихъ положеніе здѣсь становилось сиротливѣе, — точно ихъ привели сюда и замуровали съ мертвецомъ за какое-то оскорбленіе, котораго мертвый не позабылъ и не простилъ, а, напротивъ, встанетъ и непремѣнно отмститъ за него. И отмститъ страшно, по-мертвецки... Къ этому нуженъ только свой часъ,—удобный часъ полночи.

... «Когда поетъ пѣтухъ,
И не́жить мечется въ потемкахъ...»

Но они же не достоятъ здѣсь до полуночи, — ихъ смѣнятъ, да и притомъ имъ вѣдь страшна не «не́жить», а сѣрый человѣкъ, котораго пора—въ сумеркахъ.

Теперь и были самые густые сумерки: мертвецъ въ гробу и вокругъ самое жуткое безмолвіе... На дворѣ съ свирѣпымъ неистовствомъ вылъ вѣтеръ, обдавая огромныя окна цѣлыми потоками мутнаго осенняго ливня, и гремѣлъ листами кровельныхъ загибовъ: печныя трубы гудѣли съ перерывами, — точно онѣ вздыхали или, какъ будто, въ нихъ что-то врывалось, задерживалось и снова еще сильнѣе напирало. Все это не располагало ни къ

трезвости чувствъ, ни къ спокойствію разсудка. Тяжесть всего этого впечатлѣнія еще болѣе усиливалась для ребятъ, которые должны были стоять, храня мертвое молчаніе: все какъ-то путается; кровь, приливая къ головѣ, ударялась имъ въ виски и слышалось что-то въ родѣ однообразной мельничной стукотни. Кто переживалъ подобныя ощущенія, тотъ знаетъ эту странную и совершенно особенную стукотню крови, — точно мельница мелетъ, но мелетъ не зерно, а перемалываетъ самоё себя. Это скоро приводитъ человѣка въ тягостное и раздражающее состояніе, похожее на то, которое непривычные люди ощущаютъ, опускаясь въ темную шахту къ рудокопамъ, гдѣ обычный для насъ дневной свѣтъ вдругъ замѣняется дымящейся плошкой... Выдерживать молчаніе становится невозможно, — хочется слышать хоть свой собственный голосъ, хочется куда-то сунуться,—что-то сдѣлать самое безразсудное.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Одинъ изъ четырехъ, стоявшихъ у гроба генерала, кадетовъ, именно К—динъ, переживая всѣ эти ощущенія, забылъ дисциплину и, стоя подъ ружьемъ, прошепталъ:

— Духи лѣзутъ къ намъ за папкинымъ носомъ.

Ламновскаго въ шутку называли иногда «папкою», но шутка на этотъ разъ не смѣшила товарищей, а, напротивъ, увеличила жуть, и двое изъ дежурныхъ, замѣтивъ это, отвѣчали К—дину:

— Молчи... и безъ того страшно, и всѣ тревожно воззрились въ укутанное кисеею лицо покойника.

— Я оттого и говорю, что вамъ страшно, отвѣчалъ К—динъ,—а мнѣ, напротивъ, не страшно, потому что мнѣ онъ теперь уже ничего не сдѣлаетъ. Да: надо быть выше предразсудковъ и пустяковъ не бояться, а всякій мертвецъ — это уже настоящій пустякъ, и я это вамъ сейчасъ докажу.

— Пожалуйста, ничего не доказывай.

— Нѣтъ, докажу. Я вамъ докажу, что папка теперь ничего не можетъ мнѣ сдѣлать даже въ томъ случаѣ, если я его сейчасъ, сію минуту, возьму за носъ.

И съ этимъ, неожиданно для всѣхъ остальныхъ, К—динъ въ ту же минуту, перехвативъ ружье на локоть, быстро взбѣжалъ по ступенямъ катафалка и, взявъ мертвеца за носъ, громко и весело вскрикнулъ:

— Ага, папка, ты умеръ, а я живъ и трясу тебя за носъ, и ты мнѣ ничего не сдѣлаешь!

Товарищи оторопѣли отъ этой шалости и не успѣли проронить слова, какъ вдругъ всѣмъ имъ въ разъ ясно и внятно послышался глубокій болѣзненный вздохъ,—вздохъ очень похожій на то, какъ бы кто сѣлъ на надутую воздухомъ резиновую подушку съ неплотно завернутымъ клапаномъ... И этотъ вздохъ,—всѣмъ показалось, — повидимому, шелъ прямо изъ гроба...

К—динъ быстро отхватилъ руку и, споткнувшись, съ громомъ полетѣлъ съ своимъ ружьемъ со всѣхъ ступеней катафалка, трое же остальныхъ, не отдавая себѣ отчета, что они дѣлаютъ, въ страхѣ взяли свои ружья на-перевѣсъ, чтобы защищаться отъ поднимавшагося мертвеца.

Но этого было мало: покойникъ не только вздохнулъ, а, дѣйствительно, гнался за оскорбившимъ его шалуномъ или придерживалъ его за руку: за К—динымъ ползла цѣлая волна гробовой кисеи, отъ которой онъ не могъ отбиться, — и, страшно вскрикнувъ, онъ упалъ на полъ... Эта ползущая волна кисеи, въ самомъ дѣлѣ, представлялась явленіемъ совершенно необъяснимымъ и, разумѣется, страшнымъ, тѣмъ болѣе, что закрытый ею мертвецъ теперь совсѣмъ открывался съ его сложенными руками на впалой груди.

Шалунъ лежалъ, уронивъ свое ружье, и, закрывъ отъ ужаса лицо руками, издавалъ ужасные стоны. Очевидно, онъ былъ въ памяти и ждалъ, что покойникъ сейчасъ за него примется по-свойски.

Между тѣмъ вздохъ повторился и, вдобавокъ къ нему, послышался тихій шелестъ. Это былъ такой звукъ, который могъ произойти, какъ бы, отъ движенія одного суконнаго рукава по другому. Очевидно, покойникъ раздвигалъ руки, — и вдругъ тихій шумъ; затѣмъ потокъ иной температуры пробѣжалъ струею по свѣчамъ и въ то же самое мгновеніе въ шевелившихся портьерахъ, которыми были закрыты двери внутреннихъ покоевъ, показалось *привидѣніе*. Сѣрый человѣкъ! Да, испуганнымъ глазамъ дѣтей предстало вполнѣ-ясно сформированное привидѣніе въ видѣ человѣка... Явилась ли это сама душа покойника въ новой оболочкѣ, полученной ею въ другомъ мірѣ, изъ котораго она вернулась на мгновеніе, чтобы наказать оскорбительную дерзость, или, быть можетъ, это былъ еще болѣе страшный гость,—самъ *духъ замка*, вышедшій сквозь полъ сосѣдней комнаты изъ подземелья!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Привидѣніе не было мечтою воображенія,—оно не исчезало и напоминало своимъ видомъ описаніе, сдѣланное поэтомъ Гейне для видѣнной имъ «таинственной женщины»: какъ то, такъ и это представляло «трупъ, въ которомъ заключена душа». Передъ испуганными дѣтьми была въ крайней степени изможденная фигура, вся въ бѣломъ, но въ тѣни она казалась сѣрою. У нея было страшно худое, до синевы блѣдное и совсѣмъ угасшее лицо; на головѣ всклокоченные въ безпорядкѣ густые и длинные волосы. Отъ сильной просѣди они тоже казались сѣрыми и, разбѣгавшись въ безпорядкѣ, закрывали грудь и плечи привидѣнія!.. Глаза видѣлись яркіе, воспаленные и блестѣвшіе болѣзненнымъ огнемъ... Сверканье ихъ изъ темныхъ глубоко впалыхъ орбитъ было подобно сверканью горящихъ углей. У видѣнія были тонкія худыя руки, похожія на руки скелета, и обѣими этими руками оно держалось за полы тяжелой дверной драпировки.

Судорожно сжимая матерію въ слабыхъ пальцахъ, эти руки и производили тотъ сухой суконный шелестъ, который слышали кадеты.

Уста привидѣнія были совершенно черны и открыты, и изъ нихъ-то послѣ короткихъ промежутковъ со свистомъ и хрипѣніемъ вырывался тотъ напряженный полустонъ, полувздохъ, который впервые послышался, когда К—динъ взялъ покойника за носъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Увидавъ это грозное привидѣніе, три оставшіеся на ногахъ стража окаменѣли и замерли въ своихъ оборонительныхъ позиціяхъ крѣпче К—дина, который лежалъ пластомъ съ прицѣпленнымъ къ нему гробовымъ покровомъ.

Привидѣніе не обращало никакого вниманія на всю эту группу: его глаза были устремлены на одинъ гробъ, въ которомъ теперь лежалъ совсѣмъ раскрытый покойникъ. Оно тихо покачивалось и, повидимому, хотѣло двигаться. Наконецъ, это ему удалось. Держась руками за стѣну, привидѣніе медленно тронулось и прерывистыми шагами стало переступать ближе ко гробу. Движеніе это было ужасно. Судорожно вздрагивая при каждомъ шагѣ и съ мученіемъ ловя раскрытыми устами воздухъ, оно исторгало изъ своей пустой груди тѣ ужасные вздохи, которые кадеты приняли за вздохи изъ гроба. И вотъ еще шагъ, и еще шагъ и, наконецъ, оно близко, оно подошло къ гробу, но прежде, чѣмъ подняться на ступени катафалка, оно остановилось, взяло К—дина за ту руку, у которой, отвѣчая лихорадочной дрожи его тѣла, трепеталъ край волновавшейся гробовой кисеи, и своими тонкими, сухими пальцами отцѣпило эту кисею отъ обшлажной пуговицы шалуна; потомъ посмотрѣло на него съ неизъяснимой грустью, тихо ему погрозило и... перекрестило его...

Затѣмъ, оно, едва держась на трясущихся ногахъ, поднялось по ступенямъ катафалка, ухватилось за край гроба

и, обвивъ своими скелетными руками плечи покойника, зарыдало...

Казалось, въ гробу цѣловались двѣ смерти, но скоро и это кончилось. Съ другого конца зáмка донесся слухъ жизни: панихида кончилась и изъ церкви въ квартиру мертвеца спѣшили передовые, которымъ надо было быть здѣсь, на случай посѣщенія высокихъ особъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

До слуха кадетъ долетѣли приближавшіеся по корридорамъ гулкіе шаги и вырвавшіеся вслѣдъ за ними изъ отворенной церковной двери послѣдніе отзвуки заупокойной пѣсни.

Оживительная перемѣна впечатлѣній заставила кадетъ ободриться, а долгъ привычной дисциплины поставилъ ихъ въ надлежащей позиціи на надлежащее мѣсто.

Тотъ адъютантъ, который былъ послѣднимъ лицомъ, заглянувшимъ сюда передъ панихидою, и теперь торопливо вбѣжалъ первый въ траурную залу и воскликнулъ:

— Боже мой, какъ она сюда пришла!

Трупъ въ бѣломъ, съ распущенными сѣдыми волосами, лежалъ, обнимая покойника, и, кажется, самъ не дышалъ уже. Дѣло пришло къ разъясненію.

Напугавшее кадетъ привидѣніе была вдова покойнаго генерала, которая сама была при смерти и, однако, имѣла несчастіе пережить своего мужа. По крайней слабости, она уже давно не могла оставлять постель, но, когда всѣ ушли къ парадной панихидѣ въ церковь, она сползла съ своего смертнаго ложа и, опираясь руками объ стѣны, явилась къ гробу покойника. Сухой шелестъ, который кадеты приняли за шелестъ рукавовъ покойника, были ея прикосновенія къ стѣнамъ. Теперь она была въ глубокомъ обморокѣ, въ которомъ кадеты, по распоряженію адъютанта, и вынесли ее въ креслѣ за драпировку.

Это былъ послѣдній страхъ въ инженерномъ за́мкѣ, который по словамъ разсказчика, оставилъ въ нихъ навсегда глубокое впечатлѣніе.

— Съ этого случая, говорилъ онъ, — всѣмъ намъ стало возмутительно слышать, если кто-нибудь радовался чьей бы то ни было смерти. Мы всегда помнили нашу непростительную шалость и благословляющую руку послѣдняго привидѣнія инженернаго за́мка, которое одно имѣло власть простить насъ по святому праву любви. Съ этихъ же поръ прекратились въ корпусѣ и страхи отъ привидѣній. То, которое мы видѣли, было послѣднее.

ОТБОРНОЕ ЗЕРНО.

КРАТКАЯ ТРИЛОГІЯ ВЪ ПРОСОНКѢ.

«Спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ и всѣя плевелы посреде пшеницы».

Мѳ. XII, 25.

Желаніе видѣть дорогихъ друзей заставляло меня спѣшить къ нимъ, а недосугъ дозволялъ сдѣлать нужный для этого переѣздъ на самыхъ праздникахъ. Благодаря такимъ условіямъ, я встрѣчалъ новый годъ въ вагонѣ. Настроеніе внутри себя я чувствовалъ невеселое и тяжелое. Учители благочестія внушаютъ повѣрять свою совѣсть каждый вечеръ. Этого я не дѣлаю, но при окончаніи прожитаго года благочестивый совѣтъ наставниковъ приходитъ на память и я начинаю себя провѣрять. Дѣлаю я это сразу за цѣлый годъ, но за то аккуратно всякій разъ остаюсь собою всесторонне недоволенъ. Въ нынѣшній разъ мое обычное неудовольствіе осложнилось еще и досадами на другихъ, — особенно на князя Бисмарка за его неуважительные отзывы о моихъ соотечественникахъ и за его недобрыя на нашъ счетъ предсказанія. Его желѣзная грубость позволила ему прямо и безъ застѣнчивости сказать, что Россіи, по его мнѣнію, только и остается «погибнуть». Какъ, «за что погибнуть!?» И пошло думаться и выходить, —будто какъ и

есть за что, — будто какъ и не за что? А кругомъ меня все спитъ. Пять, шесть пассажировъ, которыхъ случай послалъ мнѣ въ попутчики, всѣ другъ отъ друга сторонились и всѣ храпятъ въ какомъ-то озлобленіи.

И стало мнѣ стыдно отъ моей унылости и моего пустомыслія, и зачѣмъ я не сплю, когда всѣмъ спится? И какое мнѣ дѣло до того, что сказалъ о насъ Бисмаркъ, и для чего я обязанъ вѣрить его предсказаніямъ? Лучше ничего этого «внятіемъ не тѣшить», а приспособиться, да заснуть яко же и прочіе человѣцы и пойдетъ дѣло веселѣе и занимательнѣе.

Такъ я и сдѣлалъ: отвернулся отъ всѣхъ, ранѣе оборотившихся ко мнѣ спинами, и началъ усиленно звать сонъ, но мнѣ плохо спалось съ безпрестанными перерывами, пока судьба не послала мнѣ неожиданнаго развлеченія, которое разогнало на время мою дремоту и въ то же время ободрило меня противъ невыгодныхъ заключеній о нашей дисгармоніи.

Съ платформы у одного маленькаго городка вошли два человѣка—одинъ легкій на ногу, должно быть, молодой, а другой — грузнѣе и постарше. Я, впрочемъ, не могъ ихъ разсмотрѣть, потому что фонари въ вагонѣ были затянуты темно-синей тафтою и не пропускали столько свѣта, чтобы можно было хорошо разсмотрѣть незнакомыя лица. Однако я сразу же расположенъ былъ думать, что новые пассажиры принадлежатъ не только къ достаточному, но и къ образованному классу. Они, входя, не шумѣли, не говорили очень громко и вообще старались, сколько можно, никого не обезпокоить своимъ приходомъ, а расположились тихо и снисходительно тамъ, гдѣ нашлось для нихъ свободное сидѣнье. По случаю это пришлось очень близко отъ того мѣста, гдѣ я дремалъ, забившись въ темный уголъ дивана. Волей-неволей я долженъ былъ слышать всякое ихъ слово, еслибы оно было сказано даже полушопотомъ. Это такъ и вышло, и я на то нимало не жалуюсь, потому что разговоръ, который повели тихо вполголоса мои новые сосѣди, показался мнѣ

настолько интереснымъ, что я его тогда же, по пріѣздѣ домой, записалъ, а теперь рѣшаюсь даже представить вниманію читателей.

По первымъ же словамъ, съ которыхъ здѣсь начали новые пассажиры, видно было, что они уже прежде, сидя въ ожиданіи поѣзда на станціи, бесѣдовали на одну какую-то любопытную тему, а здѣсь они только продолжали иллюстраціи къ положеніямъ, до которыхъ раньше договорились.

Говорилъ изъ двухъ пассажировъ одинъ, у котораго былъ старый, подержаный баритонъ, — голосъ приличный, такъ сказать, большому акціонеру или не меньше, какъ тайному совѣтнику, явно разрабатывающему какія-нибудь естественныя богатства страны. Другой только слушалъ и лишь изрѣдка вставлялъ какое-нибудь слово, или спрашивалъ какихъ-нибудь поясненій. Этотъ говорилъ немного звонкимъ фальцетомъ, какой наичаще случается у прогрессирующихъ чиновниковъ особыхъ порученій, чувствующихъ тяготѣніе къ литературѣ.

Начиналъ баритонъ и рѣчь его была слѣдующая:

— Я вамъ сейчасъ же представлю всю эту нашу соціабельность въ лицахъ и притомъ, какъ она выразилась, заразъ въ одномъ самомъ недавнемъ и на мой взглядъ прелюбопытномъ дѣлѣ. Случай этотъ можетъ вамъ показать, что нашъ самобытный русскій геній, который вы отрицаете—вовсе не вздоръ. Пускай тамъ говорятъ, что мы и *Разсѣя*, и что у насъ вездѣ разладъ, да разладъ, но на самомъ-то дѣлѣ, кто умѣетъ наблюдать явленія безпристрастно, тотъ и въ этомъ разладѣ долженъ усмотрѣть нѣчто чрезвычайно круговое, или, такъ сказать, по вашему «соціабельное». Бисмаркъ гдѣ-то сказалъ разъ, что Россіи будто «остается только погибнуть», а газетные звонари это подхватили и звонятъ, и звонятъ... А вы не слушайте этого звона, а вникайте въ дѣла, какъ они на самомъ дѣлѣ дѣлаются, такъ вы и увидите, что мы умѣемъ спасаться отъ бѣдъ, какъ никто другой не умѣетъ, и что намъ, дѣйстви-

тельно, не страшны многія такія положенія, которыя и самому господину Бисмарку въ голову, можетъ быть, не приходили, а другихъ людей, не имѣющихъ нашего крѣпкаго закала, просто раздавили бы.

— Прелюбопытно ставите вопросъ и я охотно васъ слушаю,—замѣтилъ фальцетъ.

Баритонъ продолжалъ:

— Еслибы я готовилъ къ печати тѣ три маленькія исторійки, которыя хочу разсказать вамъ о нашей соціабельности, то я, вѣроятно, назвалъ бы это какъ-нибудь трилогіею о томъ, какъ воръ у вора дубинку укралъ и какое оттого вышло для всѣхъ благополучіе жизни. Впрочемъ, какъ нынче уже, можно сказать, всякій даже шишъ литератора изъ себя корчитъ, то и я попробую излагать вамъ мою повѣсть литературно... Именно, раздѣлю вамъ мой разсказъ по рубрикамъ, въ родѣ трилогіи и въ первую стать пущу интеллигента, то есть барина, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, будто бы болѣе другихъ «оторванъ отъ почвы». А вотъ вы сейчасъ же увидите, какіе это пустяки, и какъ у насъ по родной пословицѣ «всякая сосна своему бору шумитъ».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Баринъ.

Поѣхалъ я лѣтомъ странствовать и пріѣхалъ на выставку. Обошелъ и осмотрѣлъ всѣ отдѣлы, попробовалъ было чѣмъ-нибудь отечественнымъ полюбоваться, но какъ и слѣдовало ожидать, — вижу, что это не выходитъ: полюбоваться нечѣмъ. Одно, что мнѣ было приглянулось и даже, признаться сказать, показалось удивительно — это чья-то пшеница въ одной витринѣ.

Въ жизнь мою я никогда еще такого крупнаго, чистаго и полнаго зерна не видывалъ. Точно это и не пшеница, а отборный миндаль, какъ, бывало, въ дѣтствѣ видалъ у себя дома, когда матушка къ Пасхѣ такимъ миндалемъ куличи украшала.

Посмотрѣлъ я на подпись и еще больше удивился: подписано, что это удивительное, роскошное зерно собрано съ полей моей родной мѣстности, изъ имѣнія, принадлежащаго сосѣду моихъ родственниковъ, именитому барину, котораго называть вамъ не стану. Скажу только, что онъ извѣстный славянскій дѣятель, и въ Красномъ Крестѣ ходилъ, и прочее, и прочее.

Я зналъ этого господина еще въ гимназіи, но, признаться, не питалъ къ нему пріязни. Впрочемъ, это еще по дѣтскимъ воспоминаніямъ, — потому что онъ сначала въ классѣ все ножички кралъ и продавалъ, а потомъ началъ себѣ брови сурмить и еще чѣмъ-то худшимъ заниматься.

Думаю себѣ: пожалуй, и здѣсь тоже обманъ! Небось, гдѣ-нибудь купилъ у нѣмецкихъ колонистовъ куль хорошей пшеницы и выставилъ будто съ своихъ полей.

Разсуждалъ я такимъ образомъ потому, что наши поля ржаныя, и если родятъ пшеничку, то очень не авантажную. Но чтобы не осуждать долго своего ближняго, пойду-ка, думаю, лучше въ буфетъ, выпью глотокъ нашего добраго русскаго вина и кусокъ кулебяки съѣмъ. За сытостью критика исчезаетъ.

Но только я занялъ въ ресторанѣ мѣсто, какъ замѣчаю, что совсѣмъ возлѣ меня сидитъ господинъ, съ виду мнѣ какъ будто когда-то извѣстный. Я на него взглянулъ и отвелъ глаза въ сторону, но чувствую, что и онъ въ меня всматривается, и вдругъ наклонился ко мнѣ и говоритъ:

— Извините меня, если я не ошибаюсь—вы такой-то?

Я отвѣчаю:

— Вы не ошиблись, — я дѣйствительно тотъ, кѣмъ вы меня назвали.

— А я, говоритъ, такой-то—и отрекомендовался.

Надѣюсь, вы можете догадаться, что это былъ какъ разъ тотъ самый мой давній товарищъ, который въ гимназіи ножички кралъ и брови сурмилъ, а теперь уже разводитъ и выставляетъ самую удивительную пшеницу.

Что же, и прекрасно: гора съ горою не сходится, а че-

ловѣку съ человѣкомъ—очень возможно сойтись. Мы перекинулись нѣсколькими вопросами: кто, откуда и зачѣмъ? Я говорю, что такъ, просто, какъ Чичиковъ, ѣзжу для собственнаго удовольствія. А онъ шутливо подсказываетъ: «вѣрно, обозрѣваете».

— Не обозрѣваю, говорю, — а просто для своего удовольствія посмотрѣть хочу.

А онъ рекомендуетъ себя экспонентомъ и объявляетъ что пшеницу выставилъ.

Я отвѣтилъ, что замѣтилъ уже его пшеничку и полюбопытствовалъ, изъ какихъ это сѣмянъ и на какой именно мѣстности росло? Все объясняетъ рѣчисто, — такъ рѣжетъ со всѣми подробностями. Я снова подивился, когда узналъ, что и сѣмена изъ нашего края и поля, зародившія такое удивительное зерно,—смежны съ полями моего брата.

Дивился, повторяю вамъ, потому, что край нашъ никогда прежде не родилъ очень хорошей пшеницы. А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, да то было прежде, а теперь и у насъ совсѣмъ не то. Особенно у меня въ хозяйствѣ. Съ старымъ этого равнять нельзя. Большая разница, большая, батюшка, во всемъ произошла перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ вы отбыли изъ нашей губерніи достигать чиновъ и знатности да легкихъ капиталовъ смѣлыми оборотами. А мы, батюшка, какъ муромцы—сидимъ на землѣ, сидѣли и кое-что высидѣли и дождались. Теперь опять наше дворянское время начинается, а ваше, чиновничье, проходитъ. Люди вспомнили дѣдовскую поговорку, что «земляной рубль тонокъ да дологъ, а торговый широкъ, да коротокъ». Мы, дворяне, обернулись къ сохѣ и по сторонамъ не зѣваемъ,—мы знаемъ, что не столица, а соха насъ спасетъ.

— Да, говорю,—все это прекрасно, но, однако же, тамъ въ ваше мѣстности, живетъ мой братъ, и я его навѣщалъ, но никогда не слыхалъ, чтобы тамъ родилось такое удивительное зерно.

— Что же изъ этого? Навѣщаю, — это еще не значитъ

хозяйничаю. У меня въ селѣ теперь молодой попъ, такъ я въ его отсутствіе, напримѣръ, жену его навѣщаю, а все-таки я не могу сказать, что я у него хозяйничаю, хозяинъ-то все-таки попъ. А братъ вашъ, извините,—рутинеръ.

— Да, говорю,—мой братъ не рискливъ.

— Куда ему! Нѣтъ! Такихъ, какъ я, покуда еще только нѣсколько человѣкъ, но мы уже двинули свои хозяйства, и вотъ вамъ результаты; это моя пшеница. Вы не читали: я уже получилъ здѣсь за мое зерно золотую медаль. Мнѣ это дорого, такъ же какъ упорядоченіе нашихъ славянскихъ княжествъ, которое повредилъ берлинскій трактатъ, — но въ чемъ мы не виноваты, въ томъ и не виноваты, а въ нашемъ хозяйскомъ дѣлѣ намъ никто не указъ. Пройдемтесь еще разъ къ моей витринкѣ.

Я былъ очень радъ, чтобы только кончить про «княжества», потому что я въ этомъ вопросѣ профанъ. Подошли къ витринѣ. Онъ взялъ въ руку серебряный совочекъ и началъ съ него у меня передъ глазами зерно перепускать.

— Изумляюсь, говорю,—вижу, но и глазамъ вѣрить не могу, какое этакое дивное, крупное зерно могло вырости на нашей земелькѣ!

— А вотъ читайте, — указываетъ на надпись на витринѣ. Видите: мое имя. И притомъ, батюшка, здѣсь подлогъ невозможенъ: такъ у нихъ въ выставочномъ правленіи всѣ документы—всѣ эти свидѣтельства и разныя удостовѣренія. Всѣ доказательства есть, что это дѣйствительно зерно изъ моихъ урожаевъ. Да вотъ будете у своего двоюроднаго братца, такъ жалуйте, сдѣлайте милость, и ко мнѣ — вамъ и всѣ наши крестьяне подтвердятъ, что это зерно съ моихъ полей. Способъ, батюшка, способъ отдѣлки,—вотъ въ чемъ дѣло.

Думаю себѣ: не смѣю вѣрить, а впрочемъ,—Боже, благослови.

— Какая же, спрашиваю, — такому рѣдкостному зерну цѣна?

— Да цѣна хорошая: червивые французишки и англи-

чане не отходятъ, все осаждаютъ и даютъ цѣну какъ разъ въ два раза больше самой высокой, но я имъ, подлецамъ, разумѣется, не продамъ.

— Отчего?

— Какъ это — иностранцамъ-то?.. Э, нѣтъ, батюшка, нѣтъ, — не продамъ! Нѣтъ, батюшка, и такъ у насъ уже много этого несчастнаго разлада слова съ дѣломъ. Что въ самомъ дѣлѣ баловаться? Зачѣмъ намъ иностранцы? Если мы люди истинно-русскіе, то мы и должны поддержать своихъ, истинно-русскихъ торговцевъ, а не чужихъ. Пусть у меня купитъ нашъ истинно-русскій купецъ,—я ему продамъ и охотно продамъ. Даже своему, православному человѣку уступлю противъ того, что предлагаютъ иностранцы,— но пусть истинно-русскій наживаетъ.

А въ это самое время какъ мы разговариваемъ, смотрю, къ нему дѣйствительно вдругъ подлетаютъ два иностранца.

...Мнѣ показалось, что они какъ будто евреи, но, впрочемъ, оба прекрасно говорили по-французски и начали жарко убѣждать его продать имъ пшеницу.

— Видите, какъ юлятъ, сказалъ онъ мнѣ по-русски, а тамъ вонъ, смотрите, рыжій чортъ смоленскій ленъ разсматриваетъ. Это только одинъ отводъ глазъ. Ему ленъ ни на что не нуженъ, это англичанинъ, который тоже проходу мнѣ не даетъ.

— Что же, думаю, — можетъ быть, это все и правда. Тогда и иностранные агенты у насъ приболтывались, а между своихъ именитыхъ людей не мало встрѣчалось таковыхъ, что гнилой западъ подъ пятой задавить собирались. Вотъ, вѣрно, и это одинъ изъ таковыхъ.

Прошло съ этой встрѣчи два или три дня, я было уже про этого господина и позабылъ, но мнѣ довелось опять его встрѣтить и ближе съ нимъ ознакомиться. Дѣло было въ одной изъ лучшихъ гостинницъ за обѣдомъ; сѣлъ я обѣдать и вижу, неподалеку сидитъ образцовый хозяинъ съ какимъ-то солиднымъ человѣкомъ, несомнѣнно русскаго и

даже несомнѣнно торговаго тѣлосложенія. Оба ѣдятъ хорошо, а еще лучше того запиваютъ.

Замѣтилъ и онъ меня и сейчасъ же присылаетъ съ служившимъ имъ половымъ карточку и стаканъ шампанскаго на серебряномъ подносѣ.

Не принять было неловко, — я взялъ бокалъ и издали послалъ ему воздушный поклонъ.

На карточкѣ было начертано карандашемъ: «Поздравьте! продалъ зерно сему благополучному россіянину и тремтете пьемъ. Окончивъ обѣдъ, приближайтесь къ намъ».

Ну, думаю, вотъ этого я уже не сдѣлаю, а онъ точно проникъ мои мысли и самъ подходитъ.

— Кончилъ, говоритъ, — батюшка, разстался, продалъ, но своему, русскому. Вотъ этотъ купчина весь урожай закупилъ и сразу пять тысячъ задатку далъ за мою пшеничку. Дѣло не совсѣмъ пустое, — всего вышло тысячъ на сорокъ. Собственно говоря—и то продешевилъ, но по крайней мѣрѣ пусть пойдетъ своему брату, русскому. Французы и англичанинъ изъ себя выходятъ, злятся, а я очень радъ. Чортъ съ ними, пусть не распускаютъ вздоровъ, что у насъ своего патріотизма нѣтъ. Пойдемте, я васъ познакомлю съ моимъ покупателемъ. Оригинальный въ своемъ родѣ субъектъ: изъ настоящихъ простыхъ, истинно-русскихъ людей въ купцы вышелъ и теперь страшно богатъ и все на храмы жертвуетъ, но при случаѣ непрочь и покутить. Теперь онъ именно въ такомъ ударѣ: не хотите ли отсюда вмѣстѣ ударимся, «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ?»

— Нѣтъ, говорю,—куда же мнѣ кутить?

— Отчего такъ? Здѣсь вѣдь чиномъ и званіемъ не стѣсняются,—мы люди простые и дурачимся всѣ кто какъ можетъ.

— То-то и горе, говорю, — что я уже совсѣмъ не могу пить.

— Ну, нечего съ вами дѣлать,—будь по вашему—оставайтесь. А пока вотъ пробѣжите наше условіе, — полюбуй-

тесь, какъ все обстоятельно. Я, батюшка, вѣдь иначе не иду, какъ нотаріальнымъ порядкомъ. Да-а-съ, съ нашими русачками надо все крѣпко дѣлать, и иначе нельзя, какъ хорошенько его «обовязать», а потомъ ужъ и тремтете съ нимъ пить. Вотъ видите, у меня все обозначено: пять тысячъ задатка, зерно принять у меня въ имѣніи,—«весь урожай обмолоченный и хранимый въ амбарахъ села Черитаева, и деньги по разсчету уплатить немедленно, до погрузки кулей на барки». Какъ находите, нѣтъ ли недосмотра? По моему, кажется, довольно аккуратно?

— И я, говорю,—того же самаго мнѣнія.

— Да, отвѣчаетъ, — я его немножко знаю: онъ на славянъ жертвовалъ, а ему пальца въ ротъ не клади.

Баринъ былъ неподдѣльно веселъ и купецъ тоже.

Вечеромъ я ихъ видѣлъ въ театрѣ въ ложѣ съ слишкомъ красивою и щегольски одѣтою женщиною, которая навѣрно не могла быть ни одному изъ нихъ ни женою, ни родственницею и, повидимому, даже еще не совсѣмъ давно образовала съ ними знакомства.

Въ антрактахъ купецъ появлялся въ буфетѣ и требовалъ «тремтете».

Человѣкъ тотчасъ же уносилъ за нимъ персики и другіе фрукты и бутылку crême de thé.

При выходѣ изъ театра, старый товарищъ уловилъ меня и настоятельно звалъ ѣхать съ ними вмѣстѣ ужинать и при томъ сообщилъ, что ихъ дама «субъектъ самой высшей школы».

— Настоящей haut école!

— Ну, тѣмъ вамъ лучше, говорю,—а мнѣ въ мои лѣта, и проч., и проч.,—словомъ, отклонилъ отъ себя это соблазнительное предложеніе, которое для меня тѣмъ болѣе неудобно, что я намѣревался на другой день рано утромъ выѣхать изъ этого веселаго города и продолжать мое путешествіе. Землякъ меня освободилъ, но за то взялъ съ меня слово, что когда я буду въ деревнѣ у моихъ родныхъ, то

непремѣнно пріѣду къ нему посмотрѣть его образцовое хозяйство и въ особенности его удивительную пшеницу.

Я далъ требуемое слово, хотя съ неудовольствіемъ. Не умѣю ужъ вамъ сказать: мѣшали ли мнѣ школьныя воспоминанія о ножичкѣ и о чемъ-то худшемъ изъ области haut école, или отталкивала меня отъ него настоящая ноздревщина, но только мнѣ все такъ и казалось, что онъ мнѣ дома у себя всучитъ либо борзую собаку, либо шарманку.

Мѣсяца черезъ два, послонявшись здѣсь и тамъ и немножко полѣчившись, я какъ разъ попалъ въ родные палестины и послѣ малаго отдыха спрашиваю у моего двоюроднаго брата:

— Скажи, пожалуйста, гдѣ у васъ такой-то? и что это за человѣкъ? мнѣ надо у него побывать.

А кузенъ на меня посмотрѣлъ и говоритъ:

— Какъ, ты его знаешь?

Я говорю, что мы съ нимъ вмѣстѣ въ школѣ были, а потомъ на выставкѣ опять возобновили знакомство.

— Не поздравляю съ этимъ знакомствомъ.

— А что такое?

— Да вѣдь это отсвѣтнѣйшій лгунище и патентованный негодяй.

— Я, говорю,—признаться, такъ и думалъ.

Тутъ я и разсказалъ, какъ мы встрѣтились на выставкѣ, какъ вспомнили однокашничество и какія вещи онъ мнѣ разсказывалъ про свое хозяйство и про свою дѣятельность въ пользу славянскихъ братій.

Кузенъ мой расхохотался.

— Что же тутъ смѣшного?

— Все смѣшно, кромѣ кой-чего гадкаго. Впрочемъ ты, надѣюсь, въ политическія откровенности съ нимъ не пускался.

— А что?

— Да у него есть одна престранная манера: онъ все наклоняетъ разговоръ по извѣстному склону, а потомъ вдругъ вспоминаетъ, что онъ «дворянинъ», и начинаетъ про-

тестовать и угрожать. Его уже за это, случалось, били, а еще чаще шампанскимъ отпаивали, пока пропьетъ память.

— Нѣтъ, говорю, — я въ политику не пускался, да хоть бы и пустился ничего бы изъ того не вышло, потому что вся моя политика заключается въ отвращеніи отъ политики.

— А это, говоритъ,—ничего не значитъ.

— Однако же?

— Онъ совретъ, наклевещетъ, что ты какъ-нибудь молчаливо пренебрегаешь...

— Ну, тогда, значитъ, отъ него все равно спасенья нѣтъ.

— Да и нѣтъ, если только не имѣть отваги выгнать его отъ себя вонъ.

Мнѣ это показалось уже слишкомъ.

— Удивляюсь, говорю,—какъ же это всѣ другіе на его счетъ такъ ошибаются.

— А кто, напримѣръ?

— Да вѣдь вотъ, говорю,—онъ отъ васъ же пріѣзжалъ во время славянской войны, и у насъ про него въ газетахъ писали, и солидные люди его принимали.

Братъ разсмѣялся и говоритъ, что этого господина никто не посылалъ и въ пользу славянъ дѣйствовать не уполномочивалъ, а что онъ самъ усматривалъ въ этомъ хорошее средство къ поправленію своихъ плохихъ денежныхъ обстоятельствъ и еще болѣе дрянной репутаціи.

— А что его у васъ въ столицѣ возили и принимали, такъ этому виновато ваше модничанье: у васъ вѣдь все такъ: какъ затѣете возню въ какомъ-нибудь особливомъ родѣ, то и возитесь съ кѣмъ попало, безъ всякаго разбора.

— Ну, вотъ видишь ли, говорю, — мы же и виноваты. На васъ взаправду не угодишь: то вамъ Петербургъ казался холоденъ и чопоренъ, а теперь вы готовы увѣрять, что онъ какой-то простофиля, котораго каждый вашъ нахалъ за усы проводить можетъ.

— И вообрази себѣ, что вѣдь, дѣйствительно, можетъ.

— Пожалуйста!

— Истинно тебя увѣряю. Только всей и мудрости, что надо прислушаться, что у васъ въ данную минуту въ головѣ бурчитъ и какая глупость на дежурство назначается. Открываете ли вы славянскихъ братій, или плѣняете умомъ заатлантическихъ друзей, или собираетесь зазвонить вмѣсто колокола въ мужичьи лапти... Уловить это всегда не трудно, чѣмъ вы бредите, а потомъ сейчасъ только пусти къ вашей примѣ свою втору и дѣло сдѣлано. У васъ такъ и заорутъ: «вотъ она наша провинція!—вотъ она наша свѣжая, непочатая сила! Она откликнулась не такъ, какъ мы, такіе, сякіе, ледащіе, гадкіе, скверные, безнатурные, заморенные на ингерманландскихъ болотахъ». Вы себя черните да бьете при содѣйствіи какого-нибудь литературнаго лгунишки, а наши провинціалы читаютъ да думаютъ: «эва мы, братцы, въ гору пошли!» И вотъ, которые пошельмоватѣе, поначитавшись, какъ вы тамъ сами собою тяготитесь и ждете отъ насъ провинціаловъ обновленія — снаряжаются и ѣдутъ въ Петербургъ, чтобы удѣлить вамъ нѣчто отъ нашей дѣловитости, отъ нашихъ «здравыхъ и крѣпкихъ національныхъ идей». Хорошіе и смирные люди, разумѣется, глядятъ на это да удивляются, а ловкачи межъ тѣмъ дѣло дѣлаютъ. Везутъ вамъ эти лгунишки какъ разъ то, что вамъ хочется получить изъ провинціи: они и славянамъ братья, и заатлантичникамъ — друзья, и впереди они вызывались бѣжать, и назадъ рады спятиться до Обровъ и Дулѣбовъ. Словомъ, чего хотите,—тѣмъ они вамъ и скинутся. А вы думаете: «это *земля*! это провинція». Но мы, домосѣды, знаемъ, что это и не земля, и не провинція, а просто наши лгунишки. И тотъ, къ которому ты теперь собираешься, именно и есть изъ этого сорта. У васъ его величали, а по нашему онъ имени человѣческаго не стоитъ и у насъ съ нимъ, Богъ вѣсть, съ коей поры никто никакого дѣла имѣть не хотѣлъ.

— Но, однако, по крайней мѣрѣ,—онъ хорошій хозяинъ.

— Нимало.

— Но онъ при деньгахъ,—это теперь рѣдкость.

— Да, съ того времени, какъ ѣздилъ въ Петербургъ учить васъ національнымъ идеямъ, у него въ мошнѣ кое-что стало позвякивать, но намъ извѣстно, что онъ тамъ купилъ и кого продалъ.

— Ну, въ этомъ случаѣ, говорю, — я свѣдущѣе васъ всѣхъ: я самъ видѣлъ, какъ онъ продалъ свою превосходную пшеницу.

— Нѣтъ у него такой пшеницы.

— Какъ это—«нѣтъ»?

— Нѣтъ, да и только. Такъ нѣтъ, какъ и не было.

— Ну, ужъ это извини,—я ее самъ видѣлъ.

— Въ витринѣ?

— Да, въ витринѣ.

— Ну, это неудивительно—это ему наши бабы руками отбирали.

— Полно, говорю,—пожалуйста: развѣ это можно руками отбирать?

— Какъ! руками-то? А разумѣется можно. Такъ, — сидятъ, знаешь, бабы и дѣвки весеннимъ денькомъ въ тѣни подъ амбарчикомъ, поютъ какъ «Антонъ козу ведетъ», а сами на ладоняхъ зернышко къ зернышку отбираютъ. Это очень можно.

— Какіе, говорю,—пустяки!

— Совсѣмъ не пустяки. За пустяки такой скаредъ, какъ мой сосѣдъ, денегъ платить не станетъ, а онъ сорока́ бабамъ цѣлый мѣсяцъ по пятиалтынному въ день платилъ. Время только хорошо выбралъ:—у насъ вѣдь весной бабы нипочемъ.

— А какъ же, спрашиваю, — у него на выставкѣ было свидѣтельство, что это зерно съ его полей!

— Что же, это и правда. Выбранныя зернышки тоже вѣдь на его полѣ выросли.

— Да; но, однако, это, значитъ,—голое и очень наглое мошенничество.

— И не забудь—не первое и не послѣднее.

— Да, но какъ же... этотъ купецъ, котораго онъ «обовязалъ» такими безвыходными условіями... Онъ началъ, разумѣется, противъ этого барина судебное дѣло, или онъ разорился?

— Да, пожалуй,—онъ началъ дѣло, но только совсѣмъ въ особой инстанціи.

— Гдѣ же это?

— У мужика. Выше этого вѣдь теперь, по вашему вразумленію, ничего быть не можетъ.

— Да полно, говорю, — тебѣ эти крючки загинать, да шутовствовать.—Разскажи лучше просто, какъ слѣдуетъ.— что такое происходитъ въ вашей самодѣятельности?

— Изволь, отвѣчаетъ пріятель,—я тебѣ разскажу—Да, батюшка, и разсказалъ такое, что въ самомъ дѣлѣ можетъ и даже должно превышать всякія узкія, чужеземныя понятія объ оживленіи дѣлъ въ краѣ... Не знаю, какъ вамъ это покажется, но по моему—оригинально и духъ истиннаго, самобытнаго человѣка не можетъ не радовать.

Тутъ фальцетъ перебилъ разсказчика и началъ его упрашивать довести начатую трилогію до конца, то есть разсказать, какъ купецъ сдѣлался съ пройдохою-бариномъ, и какъ всѣхъ ихъ помирилъ и выручилъ мужикъ, къ которому теперь якобы идетъ какая то ашеляція во всѣхъ случаяхъ жизни.

Баритонъ согласился продолжать и замѣтилъ:

— Это довольно любопытно. Представьте вы себѣ, что какъ ни смѣлъ и находчивъ былъ сейчасъ мною вамъ описанный дворянинъ, съ которымъ никому не дай Богъ въ дѣлахъ встрѣтиться, но купецъ, котораго онъ такъ безпощадно надулъ и запуталъ, оказался еще его находчивѣе и смѣлѣе. Какой нибудь вертопрахъ-чужеземецъ увидалъ бы тутъ всего два выхода: или обратиться къ суду, или сдѣлать изъ этого,—чортъ возьми,—вопросъ крови. Но нашъ простой, ясный русскій умъ нашелъ еще одно измѣреніе и такой выходъ, при которомъ и до суда не доходили, и не ссорились, и даже ничего не потеряли, а напротивъ,—

всѣ свою невинность соблюли, и всѣ себѣ капиталы пріобрѣли.

— Прелюбопытно!

— Да какъ же-съ! Изъ такой возмутительной, предательской и вообще гадкой исторіи, которая какого хотите, любого западника, въ конецъ бы разорила,—нашъ православный пузатый купчина вышелъ молодцомъ и даже нажилъ этимъ большія деньги и, что всего важнѣе,—онъ, сударь, общественное дѣло сдѣлалъ: онъ многихъ истинно несчастныхъ людей поддержалъ, поправилъ и, такъ сказать, устроилъ для многихъ благоденствіе.

— Прелюбопытно,—снова вставилъ фальцетъ.

— Ну, ужъ, однимъ словомъ,—слушайте: купецъ, который сейчасъ передъ вами является, увѣряю васъ, барина лучше.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Купецъ.

Купецъ, которому было продано отборное зерно, разумѣется, былъ обманутъ безпощадно. Всѣ эти французы жидовскаго типа и англичане,—равно какъ и дама haut école у помѣщика были подставныя лица, такъ сказать его агенты, которые дѣйствовали какъ извѣстный Утѣшительный въ гоголевскихъ «игрокахъ». Иностранцамъ такое отборное зерно нельзя было продавать, потому что, во-первыхъ, они не нашли бы способа, какъ съ покупкою справиться, и завели бы судебный скандалъ, а во-вторыхъ, у нихъ у всѣхъ водятся консулы и посольства, которые не соблюдаютъ правилъ невмѣшательства нашихъ дипломатовъ и готовы вступать за своего во всякія мелочи. Съ иностранцами могла бы выйдти прескверная исторія, и баринъ, стоя на почвѣ, понималъ, что русское изобрѣтеніе только одинъ русскій же національный геній и можетъ преодолѣть. Потому отборное зерно и было продано своему единовѣрцу.

Прислалъ этотъ купецъ къ барину приказчика принимать пшеницу. Приказчикъ вошелъ въ амбары, взглянулъ въ закромы, ворохнулъ лопатою и видитъ, разумѣется, что надъ его хозяиномъ совершено страшное надувательство. А между тѣмъ купецъ уже запродалъ зерно по образцамъ заграницу. Первая мысль у растерявшагося приказчика явилась такая, что лучше бы всего отказаться и получить назадъ задатокъ, но условіе такъ написано, что спасенья нѣтъ: и урожай, и годы, и амбары,—все обозначено и задатокъ ни въ какомъ случаѣ не возвращается. У насъ извѣстно: «что взято, то свято». Сунулся приказчикъ туда-сюда, къ законовѣдамъ, — тѣ говорятъ, — ничего не подѣлаешь: надо принимать зерно, какое есть, и остальныя деньги выплачивать. Споръ, разумѣется, завести можно, да неизвѣстно, чѣмъ онъ кончится, а десять тысячъ задатку гулять будутъ, да и съ заграничными покупателями шутить нельзя. Подавай имъ, что запродано.

Приказчикъ посылаетъ хозяину телеграмму, чтобы тотъ скорѣе самъ пріѣхалъ. Купецъ пріѣхалъ, выслушалъ приказчика, посмотрѣлъ хлѣбъ и говоритъ своему молодцу:

— Ты, братецъ, дуракъ и очень глупо дѣло повелъ. Зерно хорошее и никакой тутъ ссоры и огласки не надо; коммерція любитъ тайность: товаръ надо принять, а деньги заплатить.

А съ бариномъ онъ повелъ объясненіе въ другомъ родѣ.

Приходитъ,—помолился на образъ и говоритъ:

— Здравствуй, баринъ!

— А тотъ отвѣчаетъ: и ты здравствуй!

— А ты, баринъ, плутъ, говоритъ купецъ: — ты, вѣдь, меня надулъ какъ нельзя лучше.

— Что дѣлать, пріятель: а вы сами вѣдь тоже никому спуску не даете и нашего брата тоже объегориваете?—Дѣло обоюдное.

— Такъ-то оно такъ, отвѣчаетъ купецъ: — дѣло это, дѣйствительно, обоюдно; но надо ему свою развязку сдѣлить.

Баринъ очень согласенъ, только говоритъ:

— Желаю знать: въ какихъ смыслахъ развязаться?

— А въ такихъ, молъ, смыслахъ, что если ты меня въ свое время надулъ, то ты же долженъ мнѣ теперь по-христіански помогать, а я тебѣ всѣ деньги отдамъ и еще, пожалуй, немножко накину.

Дворянинъ говоритъ, что онъ на этихъ условіяхъ всякое добро очень радъ сдѣлать, только говори, молъ, мнѣ прямо: что вашей чести, какая новая механика требуется?

Купецъ вкратцѣ отвѣчаетъ:

— Мнѣ немного отъ тебя нужно, только поступи ты со мною, какъ поступилъ благоразумный домоправитель, о которомъ въ Евангеліи повѣствуется.

Баринъ говоритъ:

— Я всегда послѣ Евангелія въ церковь хожу:—не знаю, что тамъ читается.

Купецъ ему довелъ на память: «Призвавъ коегожда отъ должниковъ господина своего глаголаше: колицѣмъ долженъ еси? Пріими писаніе твое и напиши другое. И похвали Господь домоправителя неправеднаго».

Дворянинъ выслушалъ и говоритъ:

— Понимаю. Это ты, вѣрно, хочешь еще у меня купить такой же рѣдкой пшеницы.

— Да, отвѣчалъ купецъ:—теперь ужъ надо продолжать, потому что никакимъ другимъ манеромъ намъ себя соблюсти невозможно. А къ тому, нельзя все только о себѣ думать,—надо тоже дать и бѣдному народишку что-нибудь заработать.

Баринъ это о народушкѣ пустилъ мимо ушей, и спрашиваетъ:

— А какое количество зерна ты у меня еще купить желаешь?

— Да я теперь много куплю... Мнѣ такъ надо, чтобы цѣлую барку однимъ этимъ добрымъ зерномъ нагрузить.

— Гмъ! Такъ, такъ! Ты вѣрно хочешь ее особенно бережно везти?

— Вотъ это и есть.

— Ага! понимаю. Я очень радъ, очень радъ, и могу служить.

— Документальное удостовѣреніе нужно, что на цѣлую барку зерна нагружаю?

— Само собою разумѣется. — Развѣ можно въ нашемъ краю безъ документа?

— А какая цѣна? сколько возьмешь за эту добавочную покупку?

— Возьму не дороже, какъ за мертвыя души.

Купецъ не понялъ, въ чемъ дѣло, и перекрестился.

— Какія такія мертвыя души? Что тебѣ про нихъ вздумалось! Имъ гнить, а намъ жить. Мы про живое говоримъ: сказывай сколько возьмешь, чтобы несуществующее продать?

— Въ одно слово?

— Въ одно слово.

— По два рубля за куль.

— Вотъ тѣ и разъ!

— Это недорого.

— Нѣтъ, ты по-Божьему,—получи по полтинѣ за куль.

Дворянинъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Какъ это,—по полтинѣ за куль пшеницы-то!

А тотъ его обрезониваетъ:

— Ну, какая, говоритъ,—это пшеница!

— Да ужъ объ этомъ не будемъ спорить — такая она, или сякая, однако ты за нее съ кого-нибудь настоящія деньги слупишь.

— Это еще какъ Богъ дастъ.

— Да ужъ тебѣ-то Богъ непремѣнно дастъ. Къ вамъ, къ купцамъ, я вѣдь и не знаю,—за что Богъ ужасно милостивъ. Даже, ей-Богу завидно.

— А ты не завидуй,—зависть грѣхъ.

— Нѣтъ, да зачѣмъ это всѣ деньги должны къ вамъ плыть? Вамъ съ деньгами-то хорошо.

— Да, мы припадаемъ и молимся, — и ты молись: кто молится, тому Богъ даетъ хорошо.

— Конечно, такъ, но вамъ тоже и есть чѣмъ—вы много жертвуете на храмы.

— И это.

— Ну, вотъ то-то и есть. А ты мнѣ дай цѣну подороже, такъ тогда и я отъ себя пожертвую.

Купецъ разсмѣялся.

— Ты, говоритъ,—плутъ.

А тотъ отвѣчаетъ:

— Да и ты тутъ.

— Нѣтъ, взаправду, вотъ что:—такъ какъ я вижу, что ты знаешь писаніе и хочешь самъ къ вѣрѣ придержаться, то я тебѣ дамъ по гривеннику на куль больше, чѣмъ располагалъ. Получай по шесть гривенъ, и о томъ, что мы сдѣлали, никто знать не будетъ.

А баринъ отвѣчаетъ:

— Хорошо, но еще лучше ты мнѣ дай по рублю за куль и потомъ, если хочешь, всѣмъ объ этомъ разсказывай.

Купецъ посмотрѣлъ на него и оба вразъ разсмѣялись.

— Ну, говоритъ купецъ, — скажу я тебѣ, баринъ, что плутѣе тебя даже въ самомъ нижнемъ званіи рѣдко подъискать.

А тотъ, не смутясь, отвѣчаетъ:

— Нельзя, братецъ, въ нашемъ вѣкѣ иначе: теперь у насъ благородство есть, а нѣтъ крестьянъ, которые наше благородство оберегали, а, во-вторыхъ, нынче и мода такая, чтобы русской простонародности подражать.

Купецъ не сталъ больше торговаться.

— Нечего, видно, съ тобою говорить — ты чищеный,— крестись передъ образомъ и по рукамъ.

Баринъ согласенъ молиться, но только деньги впередъ требуетъ и мѣстечко на столѣ ударяетъ, гдѣ ихъ передъ нимъ положить желательно.

Купецъ о то самое мѣсто деньги и выклалъ.

— Ладно, молъ,—вели, только скорѣе, чѣмъ попало новое кулье набивать,—я хочу, чтобы при мнѣ вся погрузка была готова и караванъ отплылъ.

Нагрузили барку кулями, въ которыхъ чортъ знаетъ какой дряни набили подъ видомъ драгоцѣнной пшеницы; застраховалъ все это купецъ въ самой дорогой цѣнѣ, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ, покормили православный народушко пирогами съ легкимъ и съ сердцемъ, и отправили судно въ ходъ. Барки поплыли своимъ путемъ, а купецъ, время не тратя, съ бариномъ подвелъ окончательные счеты по-Божьему, взялъ бумаги и полетѣлъ своимъ путемъ въ Питеръ и прямо на Аглицкую набережную къ толстому англичанину, которому раньше запродажу совершилъ по тому дивному образцу, который на выставкѣ былъ.

— Зерно, говоритъ,—отправлено въ ходъ и вотъ документы и страховка:—прошу теперь мнѣ отдать, что слѣдуетъ, на такое-то количество, вторую часть полученія.

Англичанинъ посмотрѣлъ документы и сдалъ ихъ въ контору, а изъ несгораемаго шкафа вынулъ деньги и заплатилъ.

Купецъ завязалъ ихъ въ платокъ и ушелъ.

Тутъ фальцетъ перебилъ разсказчика словами:

— Вы какія-то страсти говорите.

— Я говорю вамъ то, что въ дѣйствительности было.

— Ну,—такъ значитъ, этотъ купецъ, взявши у англичанина деньги, бѣжалъ, что ли, съ ними за границу?

— Вовсе не бѣжалъ. Чего истинный русскій человѣкъ побѣжитъ за границу? Это не въ его правилахъ: да онъ и никакого другого языка, кромѣ русскаго, не знаетъ. Никуда онъ не бѣжалъ.

— Такъ какъ же онъ ни аглицкаго консула, ни посла не боялся? Почему дворянинъ ихъ боялся, а купецъ не сталъ бояться?

— Вѣроятно потому, что купецъ опытнѣе былъ и лучше зналъ народныя средства.

— Ну, полноте, пожалуйста, какія могутъ быть народныя средства противъ англичанъ!.. Эти всесвѣтные торгаши сами кого угодно облупятъ.

— Да кто вамъ сказалъ, что онъ хотѣлъ англичанъ обманывать? Онъ зналъ, что съ ними шутить не годится

и всему дальнѣйшему благополучно теченію дѣла усмотрѣлъ иной проспектъ, а на томъ проспектѣ предвидѣлъ уже для себя полезнаго дѣятеля, въ рукахъ котораго были всѣ средства все это дѣло огранить и въ рамку вставить. Тотъ и далъ всему такой оборотъ, что ни Ротшильдъ, ни Томсонъ Бонеръ и никакой другой коммерческій геній не выдумаетъ.

— И кто же былъ этотъ великій дѣлецъ:—адвокатъ или маклеръ?

— Нѣтъ, мужикъ.

— Какъ мужикъ?

— Да все дѣло обдѣлалъ, онъ—нашъ простой, нашъ находчивый и умный мужикъ! Да я и не понимаю:—отчего васъ это удивляетъ? Вѣдь читали же вы, небось, у Щедрина, какъ мужикъ трехъ генераловъ прокормилъ?

— Конечно, читалъ.

— Ну, такъ отчего же вамъ кажется страннымъ, что мужикъ умѣлъ плутню распутать.

— Будь по-вашему:—спрячу пока мои недоразумѣнія.

— А я вамъ кончу про мужика, и при томъ про такого, который не трехъ генераловъ, а цѣлую деревню одинъ прокормилъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мужикъ.

Мужикъ, къ помощи котораго обратился купецъ, былъ, какъ всякій русскій мужикъ: «съ вида сѣръ, но умъ у него не чортъ съѣлъ». Родился онъ при матушкѣ широкой рѣкѣ-кормилицѣ, а звали его, скажемъ такъ, — *Иваномъ Петровымъ*. Былъ этотъ рабъ Божій Иванъ въ свое время молодъ, а теперь достигалъ почтенной старости, но хлѣба даромъ, лежа на печи, не кушалъ, а служилъ лоцманомъ при Толмачевскихъ порогахъ, на Куриной переправѣ. Лоцманская должность, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы провожать суда, идущія черезъ

опасныя для прохода мѣста. За это провожатому лоцману платятъ извѣстную плату и та плата идетъ въ артель, а потомъ раздѣляется между всѣми лоцманами данной мѣстности.

Всякій хозяинъ можетъ повести свое судно и на собственную отвѣтственность, безъ лоцмана, но тогда уже, если съ «посудкой» случится какое-нибудь несчастіе,— лоцманская артель не отвѣчаетъ. А потому, если судно идетъ съ застрахованнымъ грузомъ, то условіями страховки требуется, чтобы лоцманъ былъ непремѣнно. Взято это, конечно, съ иностранныхъ примѣровъ, безъ надлежащаго вниманія къ нашей безпримѣрной оригинальности и непосредственности. Заводили у насъ страховыя операціи господа иностранцы и думали, что ихъ Рейнъ или Дунай это все равно, что наши Свирь или Волга, и что ихъ лоцманъ и нашъ—это опять одно и то же. Ну, нѣтъ, братъ,— извини!

Наши рѣчные лоцманы люди простые,—не ученые, водятъ они суда, сами водимые единымъ Богомъ. Есть какой-то навыкъ и сноровка. Говорятъ, что будто они послѣ половодья дно рѣки изслѣдуютъ и провѣряютъ, но, полагать надо, все это относится болѣе къ области успокоительныхъ всероссійскихъ иллюзій; но въ своемъ родѣ лоцманы— очень большіе дѣльцы и наживаютъ порою кругленькіе капитальцы. И все это въ простотѣ и въ смиреніи,—Бога почитаючи и не огорчая міръ, то-есть своихъ людей не позабывая.

Мужикъ Иванъ Петровъ былъ изъ зажиточныхъ; ѣлъ не только щи съ мясомъ, а еще, пожалуй, въ жирную масляную кашу ложку сметаны клалъ, не столько уже «для скусу», сколько для степенства—чтобы по бородѣ текло, а ко всему этому выпивалъ для сваренія желудка стаканъ-два нашего простого, добраго русскаго вина, отъ котораго никогда подагры не бываетъ. По субботамъ онъ ходилъ въ баню, а по воскресеніямъ *молился* усердно и вѣжливо, т. е. прямо отъ своего лица ни о чемъ просить не дер-

залъ, а искалъ посредства просіявшихъ угодниковъ; но и тѣмъ не докучалъ съ пустыми руками, а приносилъ во храмъ дары и жертвы: пелены, ризы, свѣчи и куренія. Словомъ, былъ христіанинъ самаго заправскаго московскаго письма.

Купцу, котораго дворянинъ отборнымъ зерномъ обидѣлъ, благочестивый мужикъ Иванъ Петровъ былъ знаемъ по вѣрнымъ слухамъ какъ разъ съ той стороны, съ какой онъ ему нынче самому понадобился. Онъ-то и былъ тотъ, который могъ все дѣло поправить, чтобы никому рѣшительно убытка не было, а *всѣмъ польза*.

— Онъ выручалъ другихъ—долженъ выручить и меня, разсудилъ купецъ и позвалъ къ себѣ въ кабинетъ того приказчика, который одинъ зналъ, съ чѣмъ у нихъ застрахованные кули на барки нагружены, и говоритъ:

— Ты веди караванъ, а я васъ гдѣ надо встрѣчу.

А самъ поѣхалъ на-легкѣ простымъ, богомольнымъ человѣкомъ прямо къ Тихвинской, а замѣсто того попалъ къ Толмачевымъ порогамъ на Куриный переходъ. «Гдѣ сокровище, тамъ и сердце». Присталъ нашъ купецъ здѣсь на постояломъ дворѣ и пошелъ узнавать: гдѣ большой человѣкъ Иванъ Петровъ и какъ съ нимъ свидѣться.

Ходитъ купецъ по бережку и не знаетъ: какъ за дѣло взяться? А просто взяться—невозможно: дѣло затѣяно воровское.

Къ счастію своему, видитъ купецъ на бережкѣ, на обернутой кверху дномъ лодкѣ сидитъ весь бѣлый матерой старикъ, въ плисовомъ ватномъ картузѣ, борода празелень и корсунскій мѣдный крестъ изъ-за пазухи касандрійской рубахи наружу виситъ.

Понравился старецъ купцу своимъ правильнымъ видомъ.

Прошелъ мимо этого старика купецъ разъ и два, а тотъ его спрашиваетъ:

— Чего ты здѣсь, хозяинъ, ищешь и что обрѣсти желаешь: то ли, чего не имѣлъ, или то, что потерялъ?

Купецъ отвѣчаетъ, что онъ такъ себѣ «прохаживается», но старикъ умный,—улыбнулся и отвѣчаетъ:

— Что это еще за прохаживаніе! Въ проходку ходить — это господское, а не христіанское дѣло, а степенный человѣкъ за дѣломъ ходитъ и дѣла смотритъ,—дѣла пытаетъ, а не отъ дѣла лытаетъ. Неужели же ты въ такихъ твоихъ годахъ даромъ время провождаешь?

Купецъ видитъ, что обрѣлъ человѣка большого ума и проницательности, — сейчасъ передъ нимъ и открылся, что онъ, дѣйствительно, дѣла пытаетъ, а не отъ дѣла лытаетъ.

— А къ какому мѣсту касающему?

— Касающее этого самаго мѣста.

— И въ чемъ оно содержащее?

— Содержащее въ томъ, что я обиженъ весьма несправедливымъ человѣкомъ.

— Такъ; нынче, другъ, мало уже кто по правдѣ живетъ, а все по обидѣ. А кого ты на нашемъ берегу ищешь?

— Ищу себѣ человѣка помогательнаго.

— Такъ; а въ какой силѣ?

— Въ самой большой силѣ—грѣхъ и обиду отнимающей.

— Н-и, братъ! Гдѣ весь грѣхъ омыть! Въ Писаніи у Апостоловъ сказано: «весь міръ во грѣхѣ положенъ». — всего не омоешь, а развѣ хоть по малости.

— Ну, хоть по малости.

— То-то и есть: Господь грѣхъ потопомъ омылъ, а онъ вновь насталъ.

— Научи меня, дѣдушка,—гдѣ для меня здѣсь полезный человѣкъ?

— А какъ ему имя отъ Бога дано?

— Имя ему Іоаннъ.

— «Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ», проговорилъ старикъ.—А какъ по изотчеству?

— Петровичъ.

— Ну, самъ передъ тобою я—Иванъ Петровичъ. Сказывай, какая твоя нужда?

Тотъ ему разсказалъ, впрочемъ только одну первую половину, то-есть о томъ, какой плутъ былъ баринъ, который ему отборное зерно продалъ, а о томъ, какое онъ самъ плутовство сдѣлалъ, — про то умолчалъ да и надобности разсказывать не было, потому что старецъ все въ молчаніи постигъ и мягко оформилъ отвѣтное слово:

— Товаръ значитъ страховой?

— Да.

— И подконтраченъ?

— Да, подконтраченъ.

— Иностранцамъ?

— Англичанамъ.

— Ухъ! Это жохи!

Старикъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ, потомъ всталъ и добавилъ:

— Приходи-ко ты ко мнѣ, кручинная голова, на дворъ: о такомъ дѣлѣ надо говорить — подумавши.

Черезъ нѣкоторое время, какъ тамъ было у нихъ условлено, приходитъ купецъ, «кручинная голова», къ Ивану Петрову, а тотъ его на огородъ, — сѣлъ съ нимъ на банное крылечко и говоритъ:

— Я твое дѣло все обдумалъ. Пособить тебѣ отъ твоихъ обязательствъ — дѣйствительно надо, потому что своего русскаго человѣка грѣшно чужанамъ выдать, и какъ тебя избавить — это есть въ нашихъ рукахъ, но только есть у насъ одна своя мірская причина, которая здѣсь къ тому не позволяетъ.

Купецъ сталъ упрашивать.

— Сдѣлай милость, говоритъ: — я тысячъ не пожалѣю и деньги сейчасъ впередъ хоть Николѣ, хоть Спасу за образникъ положу.

— Знаю, да взять нельзя.

— Отчего?

— Очень опасно.

— Съ коихъ же поръ ты такъ опасливъ сталъ?

Старикъ на него поглядѣлъ и съ солиднымъ достоинствомъ замѣтилъ, что онъ всегда былъ опасливъ.

— Однако, — другимъ помогалъ.

— Разумѣется, — помогалъ, когда въ своемъ правилѣ и весь міръ за тебя стоять будетъ.

— А нынѣ развѣ міръ противъ тебя стоитъ?

— Я такъ думаю.

— А почему?

— Потому что у насъ, на Куриной переправѣ, въ прошломъ году страховое судно затонуло и наши сельскіе на томъ разгрузѣ вволю и заработали, а если нынче опять у насъ этому статься, то на Поросячьемъ бродѣ люди осерчаютъ и въ доносъ пойдутъ. Тамъ нонѣ пожаръ былъ, почитай все село сгорѣло и имъ строиться надо и храмъ поправить. Нельзя все однимъ нашимъ предоставить благостыню, а надо и тѣмъ. А поѣзжай-ко ты нынче ночью туда на Поросячій бродъ, да вызови изъ третьяго двора въ селѣ человѣка, Петра Иванова, — вотъ той рабъ *тебѣ все яже* ко спасенію твоему учредитъ. Да денегъ не пожалѣй — имъ строиться нужно.

— Не пожалѣю.

Купецъ въ ту же ночь поѣхалъ, куда благословилъ дѣдушка Іоаннъ, нашелъ тамъ безъ труда въ третьемъ дворѣ указаннаго ему помогательнаго Петра и очень скоро съ нимъ сдѣлался. Далъ, можетъ-быть, и дорого, но вышло такъ честно и аккуратно, что одно только утѣшеніе.

— То-есть какое же это утѣшеніе? спросилъ фальцетъ.

— А такое утѣшеніе, что какъ подоспѣлъ сюда купцовъ караванъ, гдѣ плыла и та барка съ соромъ, вмѣсто дорогой пшеницы, то всѣ пристали противъ часовенки на бережку, помолебствовали, а потомъ лоцманъ Петръ Ивановъ сталъ на буксиръ и повелъ, и все велъ благополучно, да вдругъ самую малость рулевому оборотъ далъ и такъ похибилъ, что всѣ суда прошли, а эта барка зацѣпилась, повернулась, какъ лягушка, пузомъ вверхъ и потонула.

Народу стояло на обоихъ берегахъ множество и всѣ ви-

дѣли, и всѣ восклицали: «ишь-ты! поди-жъ ты!» Словомъ, «случилось несчастіе» ни вѣсть отчего. Ребята во всю мочь веслами били, дядя Петръ на рулѣ весь въ поту, умаялся, а купецъ на берегу весь блѣдный, какъ смерть, стоялъ да молился, а все не помогло. Барка потонула, а хозяинъ только покорностью взялъ: перекрестился, вздохнулъ да молвилъ:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ, — буди Его Святая Воля. Всѣхъ искреннѣе и оживленнѣе былъ народъ: изъ народа къ купцу уже сейчасъ же начали приставать люди съ просьбами: «теперь насъ не обезсудь, — это на сиротскую долю Богъ далъ». И послѣ этого пошли веселыя дѣла: съ одной стороны исполнялись формы и обряды законныхъ удостовѣреній и выдача купцу страховой преміи за погибшій соръ, какъ за драгоцѣнную пшеницу; а съ другой — закипѣло народное оживленіе и пошла поправка всей мѣстности.

— Какъ это?

— Очень просто; нѣмцы ведутъ все по правиламъ заграничнаго сочиненія: пріѣхалъ страховой агентъ и сталъ нанимать людей, чтобы затонувшій грузъ изъ воды доставать. Заботились, чтобы не все пропало. Трудъ не малый и долгій. Погорѣлые мужички сумѣли воспользоваться обстоятельствами: на мужчину брали въ день полтора рубля, а на бабенку рубль. А работали потихонечку, — все лѣто такъ съ Божіей помощью и проработали. Зато на берегу точно гулянье стало, — погорѣлыя слезы высохли, всѣ поютъ пѣсни да приплясываютъ, а на горѣ у наемныхъ плотниковъ весело топоры стучатъ и домики, какъ грибки, растутъ на погорѣломъ мѣстѣ. И такъ, сударь мой, все село отстроилось, и вся бѣднота и голытьба поприкрылась, и понаѣлась, и Божій храмъ поправили. Всѣмъ хорошо стало и всѣ зажили, хваляще и благодаряще Господа, и никто ни одинъ человѣкъ не остался въ убыткѣ — и никто не въ огорченіи. Никто не пострадалъ!

— Какъ никто?

— А кто же пострадалъ? Баринъ, купецъ, народъ, т. е. мужички, — всѣ только нажились.

— А страховое общество?!

— Страховое общество?

— Да.

— Батюшка мой, о чемъ вы заговорили!

— А что же, — развѣ оно не заплатило?

— Ну, какъ же можно не заплатить, — разумѣется, заплатило.

— Такъ это по-вашему — не гадость, а соціабельность?!

— Да, разумѣется же соціабельность! Столько русскихъ людей поправилось, и цѣлое село годъ прокормилось, и великолѣпныя постройки отстроились, и это, изволите видѣть, по-вашему называется «гадость».

— А страховое-то общество — это что уже, стало-быть, не соціабельное учрежденіе?

— Разумѣется, нѣтъ.

— А что же это такое?

— Нѣмецкая затѣя.

— Тамъ есть акціонеры и русскіе.

— Да, которые съ нѣмцами знаются, да всему заграничному удивляются и Бисмарка хвалятъ.

— А вы его не хвалите?

— Боже меня сохрани! Онъ уже сталъ проповѣдывать, что мы, русскіе, будто «черезъ мѣру своею глупостію злоупотреблять начали», — такъ пусть его и знаетъ, какъ мы глупы-то; а я его и знать не хочу.

— Это чортъ знаетъ что такое!

— А что именно?

— Вотъ то, что вы мнѣ разсказывали.

Фальцетъ расхохотался и добавилъ:

— Нѣтъ, я васъ рѣшительно не понимаю.

— Представьте, а я васъ тоже не понимаю.

— Да, если бы насъ слушалъ кто-нибудь сторонній человѣкъ, который бы насъ не зналъ, то онъ бы непремѣнно

въ правѣ былъ о насъ подумать, что мы или плуты, или дураки.

— Очень можетъ быть, но только онъ этимъ доказалъ бы свое собственное легкомысліе, потому что мы и не плуты, и не дураки.

— Да, если это такъ, то, пожалуй, мы и сами не знаемъ, кто мы такіе.

— Ну, отчего же не знать. Что до меня касается, то я отлично знаю, что мы просто благополучные россіяне, возвращающіеся съ ингерманландскихъ болотъ къ себѣ *домой*,—на теплыя полати, ко щамъ, да къ бабамъ...А кстати, вотъ и наша станція.

Поѣздъ началъ убавлять ходъ, послышался визгъ тормозовъ, звонокъ—и собесѣдники вышли.

Я приподнялся было, чтобы ихъ разсмотрѣть, но въ густомъ полумракѣ мнѣ это не удалось. Видѣлъ только, что оба люди окладистые и рослые.

ОБМАНЪ.

«Смоковница отметаетъ пупы своя отъ вѣтра велика».

Анк. VI, 13.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Подъ самое Рождество мы ѣхали на югъ и, сидя въ вагонѣ, разсуждали о тѣхъ современныхъ вопросахъ, которые даютъ много матеріала для разговора и въ то же время требуютъ скораго рѣшенія. Говорили о слабости русскихъ характеровъ, о недостаткѣ твердости въ нѣкоторыхъ органахъ власти, о классицизмѣ и о евреяхъ. Болѣе всего прилагали заботъ къ тому, чтобы усилить власть и вывести въ расходъ евреевъ, если невозможно ихъ исправить и довести, по крайней мѣрѣ, хотя до извѣстной высоты нашего собственнаго нравственнаго уровня. Дѣло, однако, выходило нерадостно: никто изъ насъ не видалъ никакихъ средствъ распорядиться властію, или достигнуть того, чтобы всѣ, рожденные въ еврействѣ, опять вошли въ утробы и снова родились совсѣмъ съ иными натурами.

— А въ самой вещи,—какъ это сдѣлать?

— Да никакъ не сдѣлаешь.

И мы безотрадно поникли головами.

Компанія у насъ была хорошая,—люди скромные и несомнѣнно основательные.

Самымъ замѣчательнымъ лицомъ въ числѣ пассажировъ, по всей справедливости, надо было считать одного отставного военнаго. Это былъ старикъ атлетическаго сложенія. Чинъ его былъ неизвѣстенъ, потому что изъ всей боевой амуниціи у него уцѣлѣла одна фуражка, а все прочее было замѣнено вещами статскаго изданія. Старикъ былъ бѣловолосъ, какъ Несторъ, и крѣпокъ мышцами, какъ Самсонъ, котораго еще не остригла Далила. Въ крупныхъ чертахъ его смуглаго лица преобладало твердое и опредѣлительное выраженіе и рѣшимость. Безъ всякаго сомнѣнія это былъ характеръ положительный и притомъ—убѣжденный практикъ. Такіе люди не вздоръ въ наше время, да и ни въ какое иное время они не бываютъ вздоромъ.

Старецъ все дѣлалъ умно, отчетливо и съ соображеніемъ; онъ вошелъ въ вагонъ раньше всѣхъ другихъ и потому выбралъ себѣ наилучшее мѣсто, къ которому искусно присоединилъ еще два сосѣднія мѣста и твердо удержалъ ихъ за собою посредствомъ мастерской, очевидно заранѣе обдуманной, раскладки своихъ дорожныхъ вещей. Онъ имѣлъ при себѣ цѣлыя три подушки очень большихъ размѣровъ. Эти подушки сами по себѣ уже составляли добрый багажъ на одно лицо, но онѣ были такъ хорошо гарнированы, какъ будто каждая изъ нихъ принадлежала отдѣльному пассажиру: одна изъ подушекъ была въ синемъ кубовомъ ситцѣ съ желтыми незабудками,—такія чаще всего бываютъ у путниковъ изъ сельскаго духовенства; другая—въ красномъ кумачѣ, что въ большомъ употребленіи по купечеству, а третья—въ толстомъ полосатомъ тикѣ—это уже настоящая штабсъ-капитанская. Пассажиръ, очевидно, не искалъ ансамбля, а искалъ чего-то болѣе существеннаго,—именно приспособительности къ другимъ гораздо болѣе серьезнымъ и существеннымъ цѣлямъ.

Три разношерстныя подушки могли кого угодно ввести въ обманъ, что занятыя ими мѣста принадлежатъ тремъ разнымъ лицамъ, а предусмотрительному путешественнику этого только и требовалось.

Кромѣ того, мастерски задѣланныя подушки имѣли не совсѣмъ одно то простое названіе, какое можно было придать имъ по первому на нихъ взгляду. Подушка въ полосатомъ тикѣ была собственно чемоданъ и погребецъ и на этомъ основаніи она пользовалась преимущественнымъ передъ другими вниманіемъ своего владѣльца. Онъ помѣстилъ ее vis-à-vis передъ собою, и какъ только поѣздъ отвалилъ отъ амбаркадера,—тотчасъ же облегчилъ и поослабилъ ее, разстегнувъ для того у ея наволочки бѣлыя костяныя пуговицы. Изъ пространнаго отверстія, которое теперь образовалось, онъ началъ вынимать разнокалиберные, чисто и ловко завернутые сверточки, въ которыхъ оказались сыръ, икра, колбаса, сайки, антоновскія яблоки и ржевская пастила. Всего веселѣе выглянула на свѣтъ хрустальная фляжка, въ которой находилась удивительно пріятнаго фіолетоваго цвѣта жидкость съ извѣстною старинною надписью: «Ея же и монаси пріемлятъ». Густой аметистовый цвѣтъ жидкости былъ превосходный и вкусъ, вѣроятно, соотвѣтствовалъ чистотѣ и пріятности цвѣта. Знатоки дѣла увѣряютъ, будто это никогда одно съ другимъ не расходится.

Во все время, пока прочіе пассажиры спорили о жидахъ, объ отечествѣ, объ измельчаніи характеровъ и о томъ, какъ мы «во всемъ сами себѣ напортили», и,—вообще занимались «оздоровленіемъ корней»—бѣловласый богатырь сохранялъ величавое спокойствіе. Онъ держалъ себя, какъ человѣкъ, который знаетъ, когда ему придетъ время сказать свое слово, а пока—онъ просто кушалъ разложенную имъ на полосатой подушкѣ провизію и выпилъ три или четыре рюмки той аппетитной влаги «ея же и монаси пріемлятъ». Во все это время онъ не проронилъ ни одного звука. Но зато, когда у него все это важнѣйшее дѣло было окончено какъ слѣдуетъ, и когда весь буфетъ былъ имъ снова тщательно убранъ,—онъ щелкнулъ складнымъ ножомъ и закурилъ съ собственной спички невѣроятно толстую, самодѣльную папиросу, потомъ вдругъ заговорилъ и сразу завладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ.

Говорилъ онъ громко, внушительно и смѣло, такъ что никто не думалъ ему возражать или противорѣчить, а, главное, онъ ввелъ въ бесѣду живой и общезанимательный любовный элементъ, къ которому политика и цензура нравовъ примѣшивалась только слегка, лѣвою стороною, не докучая и не портя живыхъ приключеній мимо протекшей жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Онъ началъ рѣчь свою очень деликатно, — какимъ-то чрезвычайно пріятнымъ и въ своемъ родѣ даже красивымъ обращеніемъ къ пребывающему здѣсь «обществу», а потомъ и перешелъ прямо къ предмету давнихъ и нынѣ столь обыденныхъ сужденій.

— Видите ли, сказалъ онъ: — мнѣ все это, о чемъ вы говорили, не только не чуждо, но даже, вѣрнѣе сказать, очень знакомо. Мнѣ, какъ видите, уже не мало лѣтъ, — я много жилъ и могу сказать — много видѣлъ. Все, что вы говорите про жидовъ и поляковъ,—это все правда, но все это идетъ отъ нашей собственной русской, глупой деликатности: все хотимъ всѣхъ деликатнѣй быть. Чужимъ мирволимъ, а своихъ давимъ. Мнѣ это, къ сожалѣнію, очень извѣстно и даже больше того, чѣмъ извѣстно, я это испыталъ на самомъ себѣ-съ, но вы напрасно думаете, что это только теперь настало: это давно завелось и напоминаетъ мнѣ одну роковую исторію. Я, положимъ, не принадлежу къ прекрасному полу, къ которому принадлежала Шехеразада, однако я тоже очень бы могъ позанять иного султана не пустыми разсказами. Жидовъ я очень знаю, потому что живу въ этихъ краяхъ и здѣсь постоянно ихъ вижу, да и въ прежнее время, когда еще въ военной службѣ служилъ, и когда по роковому случаю городничимъ былъ, такъ не мало съ ними повозился. Случалось у нихъ и деньги занимать, случалось и за пейсы ихъ трепать и въ шею выталкивать, всего приводилъ Богъ, — особенно когда жилъ

придетъ за процентами, а заплатить нечѣмъ. Но бывало, что я и хлѣбъ-соль съ ними водилъ, и на свадьбахъ у нихъ бывалъ, и мацу, и гугель, и аманово ухо у нихъ ѣлъ, а къ чаю ихъ булки съ чернушкой и теперь предпочитаю непропеченой сайкѣ, но того, что̀ съ ними теперь хотятъ дѣлать,—этого я не понимаю. Нынче о нихъ вездѣ говорятъ и даже въ газетахъ пишутъ... Изъ-за чего это? У насъ, бывало, просто хватишь его чубукомъ по спинѣ, а если онъ очень дерзкій, то клюквой въ него выстрѣлишь,—онъ и бѣжитъ. И жидъ бо̀льшаго не сто̀итъ, а выводить его совсѣмъ въ расходъ не надо, потому что при случаѣ жидъ бываетъ человѣкъ полезный.

Что же касается въ разсужденіи всѣхъ подлостей, которыя евреямъ приписываютъ, такъ я вамъ скажу, это ничего не значитъ передъ молдаванами и еще валахами, и что я съ своей стороны предложилъ бы, такъ это не вводить жидовъ въ утробы, ибо это и невозможно, а помнить, что есть люди хуже жидовъ.

— Кто же, напримѣръ?

— А, напримѣръ, румыны-съ!

— Да, про нихъ тоже нехорошо говорятъ, отозвался солидный пассажиръ съ табакеркой въ рукахъ.

— О-о, батюшка мой! воскликнулъ, весь оживившись, нашъ старецъ:—повѣрьте мнѣ, что это самые худшіе люди на свѣтѣ. Вы о нихъ только слыхали, но по чужимъ словамъ, какъ по лѣстницѣ, можно чортъ знаетъ куда залѣзть, а я все самъ на себѣ испыталъ и, какъ православный христіанинъ, я свидѣтельствую, что хотя они и одной съ нами православной вѣры, такъ что, можетъ быть, намъ за нихъ когда-нибудь еще и воевать придется, но это такіе подлецы, какихъ другихъ еще и свѣтъ не видалъ.

И онъ намъ разсказалъ нѣсколько плутовскихъ пріемовъ, практикующихся или нѣкогда практиковавшихся въ тѣхъ мѣстахъ Молдавіи, которыя онъ посѣщалъ въ свое боевое время, но все это выходило не ново и мало эффектно, такъ

что бывшій средь прочихъ слушателей пожилой лысый купецъ даже зѣвнулъ и сказалъ:

— Это и у насъ музыка извѣстная!

Такой отзывъ оскорбилъ богатыря, и онъ, слегка сдвинувъ брови, молвилъ:

— Да, разумѣется, русскаго торговаго человѣка плутомъ не удивишь!

Но вотъ разсказчикъ оборотился къ тѣмъ, которые ему казались просвѣщеннѣе, и сказалъ:

— Я вамъ, господа, если на то пошло, разскажу анекдотикъ изъ ихняго привилегированнаго-то класса; разскажу про ихъ помѣщичьи нравы. Тутъ вамъ кстати будетъ и про эту нашу дымку очесъ, черезъ которую мы на все смотримъ, и про деликатность, которою только своимъ и себѣ вредимъ.

Его, разумѣется, попросили, и онъ началъ, пояснивъ, что это составляетъ и одинъ изъ очень достопримѣчательныхъ случаевъ его боевой жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разсказчикъ началъ такъ:

Человѣкъ, знаете, всего лучше познается въ деньгахъ, въ картахъ и въ любви. Говорятъ, будто еще въ опасности на морѣ, но я этому не вѣрю, — въ опасности иной трусъ развоюется, а смѣльчакъ спасуетъ. Карты и любовь... Любовь даже можетъ быть важнѣй картъ, потому что всегда и вездѣ въ модѣ: поэтъ это очень правильно говоритъ: «любовь царитъ во всѣхъ сердцахъ», безъ любви не живутъ даже у дикихъ народовъ,—а мы, военные люди, ею «вси движимся и есьми». Положимъ, что это сказано въ разсужденіи другой любви, однако, что попы ни сочиняй,— всякая любовь есть «влеченіе къ предмету». Это у Курганова сказано. А вотъ предметъ предмету рознь, — это правда. Впрочемъ, въ молодости, а для другихъ даже еще и подъ старость, самый общеупотребительный предметъ

для любви все-таки составляетъ женщина. Никакіе проповѣдники этого не могутъ отмѣнить, потому что Богъ ихъ всѣхъ старше и какъ Онъ сказалъ: «не благо быть человѣку единому», такъ и остается.

Въ наше время у женщинъ не было нынѣшнихъ мечтаній о независимости, — чего я, впрочемъ, не осуждаю, потому что есть мужья совершенно невозможные, такъ что вѣрность имъ даже можно въ грѣхъ поставить. Не было тогда и этихъ гражданскихъ браковъ, какъ нынче завелось. Тогда на этотъ счетъ холостежь была осторожнѣе и дорожила свободой. Браки были тогда только обыкновенные, настоящіе, въ церкви пѣтые, при которыхъ обычаемъ не возбранялась свободная любовь къ военнымъ. Этого грѣха, какъ и въ романахъ Лермонтова, видно было дѣйствительно очень много, но только происходило все это по-раскольницки, то-есть «безъ доказательствъ». Особенно съ военными: народъ перехожій, нигдѣ корней не пускали: нынче здѣсь, а завтра затрубимъ и на другомъ мѣстѣ очутимся — слѣдовательно, что шито, что вито, — все позабыто. Стѣсненья никакого. Зато насъ и любили, и ждали. Куда, бывало, въ какой городишко полкъ ни вступитъ, — какъ на званый пиръ, сейчасъ и закипѣли шуры-муры. Какъ только офицеры почистятся, поправятся и выйдутъ гулять, такъ уже въ прелестныхъ маленькихъ домикахъ окна у барышень открыты и оттуда летитъ звукъ фортепіано и пѣніе. Любимый романсъ былъ:

«Какъ хорошъ,—неправда-ль, мама,
Постоялецъ нашъ удалый.
Мундиръ золотомъ весь шитый
И какъ жаръ горятъ ланиты,
Боже мой,
Боже мой,
Ахъ, когда бы онъ былъ мой».

Ну ужъ, разумѣется, изъ какого окна услыхалъ это пѣніе — туда глазомъ и мечешь — и никогда не даромъ. Въ

тотъ же день къ вечеру, бывало, уже полетятъ черезъ деньщиковъ и записочки, а потомъ пойдутъ порхать къ господамъ офицерамъ горничныя... Тоже не нынѣшнія субретки, но крѣпостныя, и это были самыя безкорыстныя созданія. Да мы, разумѣется, имъ часто и платить ничѣмъ инымъ не могли, кромѣ какъ поцѣлуями. Такъ и начинаются, бывало, любовные успѣхи съ посланницъ, а кончаются съ пославшими. Это даже въ водевилѣ у актера Григорьева на театрахъ въ куплетѣ пѣли:

«Что бъ съ барышней слюбиться,
За дѣвкой волочись».

При крѣпостномъ званіи горничною не называли, а просто—дѣвка.

Ну, понятно, что при такомъ лестномъ вниманіи всѣ мы, военные люди, были чертовски женщинами избалованы! Тронулись изъ Великой Россіи въ Малороссію — и тамъ то же самое; пришли въ Польшу—а тутъ этого добра еще больше. Только польки ловкія—скоро женить нашихъ начали.—Намъ командиръ сказалъ: «смотрите, господа, осторожно», и дѣйствительно у насъ Богъ спасалъ,—женитьбы не было. Одинъ былъ влюбленъ такимъ образомъ, что побѣжалъ предложеніе дѣлать, но засталъ свою будущую тещу наединѣ и, къ счастію, ею самою такъ увлекся, что уже не сдѣлалъ дочери предложенія. И удивляться нечему, что были успѣхи—потому что народъ молодой и вездѣ встрѣчали пылъ страсти. Нынѣшняго житья, вѣдь, тогда въ образованныхъ классахъ не было... Внизу тамъ, конечно, пищали, но въ образованныхъ людяхъ просто зудъ любовный одолѣвалъ, и притомъ внѣшность много значила. Дѣвицы и замужнія признавались, что чувствуютъ этакое, можно сказать, какое-то безотчетное замираніе при одной военной формѣ... Ну, а мы знали, что на то селезню дано въ крылья зеркальце, чтобы утицѣ въ него поглядѣться хотѣлось. Не мѣшали имъ собой любоваться...

Изъ военныхъ не много было женатыхъ, потому что бѣдность содержанія, и скучно. Женившись: тащись самъ на

лошадкѣ, жена на коровкѣ, дѣти на телятках, а слуги на собачкахъ. Да и къ чему, когда и одинокіе тоски жизни одинокой, по милости Божіей, никогда нимало не испытывали. А ужъ о тѣхъ, которые собой поавантажнѣе, или могли пѣть, или рисовать, или по-французски говорить, то эти часто даже не знали, куда имъ дѣваться отъ рога изобилія. Случалось даже, въ придачу къ ласкамъ и очень цѣнныя бездѣлушки получали, и то такъ, понимаете, что отбиться отъ нихъ нельзя... Просто даже бывали случаи, что отъ одного случая вся, бѣдняжка, вскроется, какъ кладъ отъ аминя, и тогда непремѣнно забирай у нея что отдаетъ, а то сначала на колѣняхъ проситъ, а потомъ обидится и заплачетъ. Вотъ у меня и посейчасъ одна такая завѣтная балаболка на рукѣ застряла.

Разсказчикъ показалъ намъ руку, на которой на одномъ толстомъ, одервенѣломъ пальцѣ заплылъ старинной работы золотой эмальированный перстень съ довольно крупнымъ алмазомъ. Затѣмъ онъ продолжалъ разсказъ:

Но такой нынѣшней гнусности, чтобы съ мужчинъ чѣмъ-нибудь пользоваться, этого тогда даже и въ намекахъ не было. Да и куда, и на что? Тогда, вѣдь, были достатки отъ имѣній, и притомъ еще и простота. Особенно въ уѣздныхъ городкахъ, вѣдь, чрезвычайно просто жили. Ни этихъ нынѣшнихъ клубовъ, ни букетовъ, за которые надо деньги заплатить и потомъ бросить, не было. Одѣвались со вкусомъ,—мило, но простенько; или этакій шелковый марселинецъ, или цвѣтная кисейка, а очень часто не пренебрегали даже и ситчикомъ или даже какою-нибудь дешевенькою цвѣтною холстинкою. Многія барышни еще для экономіи и фартучки и бертельки носили съ разными этакими бахромочками и городками, и часто это очень красиво и нарядно было, и многимъ шло. А прогулки и всѣ эти рандевушки совершались совсѣмъ не по-нынѣшнему. Никогда не приглашали дамъ куда-нибудь въ загородные кабаки, гдѣ только за все дерутъ вдесятеро, да въ щелки подсматриваютъ. Боже сохрани! Тогда дѣвушка или дама со

стыда бы сгорѣла отъ такой мысли, и ни за что бы не поѣхала въ подобныя мѣста, гдѣ мимо одной лакузы-то пройти—все равно, какъ сквозь строй! И вы сами ведете свою даму подъ руку, видите какъ тѣ подлецы за вашими плечами зубы скалятъ, потому что въ ихъ холопскихъ глазахъ, что честная дѣвица, или женщина, увлекаемая любовною страстію, что какая-нибудь дама изъ Амстердама—это все равно. Даже если честная женщина скромнѣе себя держитъ, такъ они о ней еще ниже судятъ.

— «Тутъ, дескать, много поживы не будетъ: по барынькѣ и говядинка».

Нынче этимъ манкируютъ, но тогдашняя дама обидѣлась бы, если бы ей предложить хотя бы самое пріятное уединеніе въ такомъ мѣстѣ.

Тогда былъ вкусъ и всѣ искали какъ все это облагородить, и облагородить не какимъ-нибудь фанфаронствомъ, а именно изящной простотою, — чтобы даже ничто не подавало воспоминаній о презрѣнномъ металлѣ. Влюбленные всего чаще шли, напримѣръ, гулять за городъ, рвать въ цвѣтущихъ поляхъ васильки или гдѣ-нибудь надъ рѣчечкой подъ лозою рыбу удить, или вообще что-нибудь другое этакое невинное и простосердечное. Она выйдетъ съ своею крѣпостною, а ты и сидишь на рубежечкѣ, поджидаешь. Дѣвушку, разумѣется, оставишь гдѣ-нибудь на межѣ, а съ барышней углубишься въ чистую зрѣющую рожь... Это колосья, небо, букашки разныя по стебелькамъ и по землѣ ползаютъ... А съ вами молодое существо, часто еще со всей институтской невинностью, которое не знаетъ, что говорить съ военнымъ, и точно у естественнаго учителя спрашиваетъ у васъ: «какъ вы думаете: это буканъ или букашка...» Ну, что̀ тутъ думать: букашка это или буканъ, когда съ вами наединѣ и на вашу руку опирается этакій живой, чистѣйшій ангелъ! Закружатся головы и, кажется, никто не виноватъ и никто ни за что отвѣчать не можетъ, потому что не ноги тебя несутъ, а самое поле въ лѣсъ уплываетъ, гдѣ этакіе дубы и клены, и въ ихъ тѣни

задумчивы дріады!.. Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнимое состояніе блаженства! Святое и безмятежное счастіе!..

Разсказчикъ такъ увлекся воспоминаніями высокихъ минутъ, что на минуту умолкъ. А въ это время кто-то тихо замѣтилъ, что̀ для дріадъ это начиналось хорошо, но кончалось не безъ хлопотъ.

— Ну да, — отозвался повѣствователь: — послѣ, разумѣется, ищи что на орлѣ, на лѣвомъ крылѣ. Но я о себѣ-то, о кавалерахъ только говорю: мы привыкли принимать себѣ такое женское вниманіе и сакрифисы въ простотѣ, безъ разсужденій, какъ даръ Венеры Марсу слѣдующій, и ничего продолжительнаго ни для себя не требовали, ни сами не обѣщали, а пришли да взяли — и поминай какъ звали. Но вдругъ крутой переломъ! Вдругъ прямо изъ Польши намъ пришло совершенно неожиданное назначеніе въ Молдавію. Поляки мужчины страсть какъ намъ этотъ румынскій край расхваливали: «тамъ, говорятъ, куконы, то-есть эти молдаванскія дамы—такая краса природы совершенство, какъ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ. И любовь у нихъ, будто, получить ничего не сто̀итъ, потому что онѣ ужасно пламенныя».

Что же,—мы очень рады такому кладу.

Наши ребята и расхорохорились. Изъ послѣдняго тянутся, передъ выходомъ всякихъ перчатокъ, помадъ и духовъ себѣ въ Варшавѣ понакупили и идутъ съ этимъ запасомъ, чтобы куконы сразу поняли, что мы на руку лапоть не обуваемъ.

Затрубили, въ бубны застучали и вышли съ веселою пѣснею:

«Мы любовницъ оставляемъ,
Оставляемъ и друзей.
Въ шумномъ видѣ представляемъ
Пулей свистъ и звукъ мечей».

Ждали себѣ ни вѣсть какихъ благодатей, а вышло дѣло съ такою развязкою, какой никакимъ образомъ невозможно было представить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вступали мы къ нимъ со всѣмъ русскимъ радушіемъ, потому что молдаване всѣ православные, но страна ихъ намъ съ перваго же впечатлѣнія не понравилась: низменность, кукуруза, арбузы и земляныя груши прекрасныя, но климатъ нездоровый. Очень многіе у насъ еще на походѣ переболѣли, а къ тому же ни привѣтливости, ни благодарности нигдѣ не встрѣчаемъ.

Что ни понадобится—за все давай деньги, а если что-нибудь, хоть пустяки, безъ денегъ у молдава возьмутъ, такъ онъ, чумазый, заголоситъ, будто у него дитя родное отняли. Воротишь ему—бери свои костыли, — только не голоси, такъ онъ спрячетъ и самъ уйдетъ, такъ что его, чорта лохматаго, нигдѣ и не отыщешь. Иной разъ даже проводить или дорогу показать станетъ и некому—всѣ разбѣгутся. Трусишки единственные въ мірѣ, и въ низшемъ классѣ у нихъ мы ни одной красивой женщины не замѣтили. Однѣ дѣвчонки чумазыя, да пребезобразнѣйшія старухи.

Ну, думаемъ себѣ, можетъ быть у нихъ это такъ только въ хуторахъ придорожныхъ: тутъ всегда народъ бываетъ похуже: а вотъ придемъ въ городъ, тамъ измѣнится. Не могли же поляки совсѣмъ безъ основанія насъ увѣрять, что здѣсь хороши и куконы! Гдѣ онѣ, эти куконы? посмотримъ.

Пришли въ городъ, анъ и здѣсь то же самое: за все рѣшительно извольте платить.

Въ разсужденіи женской красоты поляки сказали правду. Куконы и куконицы намъ очень понравились—очень томны и такъ гибки, что даже полекъ превосходятъ, а вѣдь ужъ польки, знаете, славятся, хотя онѣ на мой вкусъ немножко большероты, и притомъ въ характерѣ капризовъ у нихъ много. Пока дойдетъ до того, что ей по Мицкевичу скажешь: «Коханка моя! на цо намъ размова»—вволю ей накланяешься. Но въ Молдавіи совсѣмъ другое—тутъ во всемъ

жидъ дѣйствуетъ. Да-съ, простой жидъ и безъ него никакой поэзіи нѣтъ. Жидъ является къ вамъ въ гостиницу и спрашиваетъ: не тяготитесь ли вы одиночествомъ и не причуяли ли какую-нибудь кукону?

Вы ему говорите, что его услуги вамъ не годятся, потому что сердце ваше уязвлено, напримѣръ, такою-то или такою-то дамою, которую вы видѣли, напримѣръ скажете, въ такомъ-то или такомъ-то домѣ подъ шелковымъ шатромъ на балконѣ. А жидъ вамъ отвѣчаетъ: «мозно».

Поневолѣ окрикъ дашь:

— Что такое «мозно»!?

Отвѣчаетъ, что съ этою дамою можно имѣть компанію, и сейчасъ же предлагаетъ, куда надо выѣхать за городъ, въ какую кофейню, куда и она пріѣдетъ туда съ вами кофе пить. Сначала думали—это вранье, но нѣтъ-съ, не вранье. Ну, съ нашей мужской стороны, разумѣется, препятствій нѣтъ, всѣ мы уже что-нибудь присмотрѣли и причуяли и всѣ готовы вмѣстѣ съ какою-нибудь куконою за городъ кофе пить.

Я тоже сказалъ про одну кукону, которую видѣлъ на балконѣ. Очень красивая. Жидъ сказалъ, что она богатая и всего одинъ годъ замужемъ.

— Что-то ужъ, знаете, очень хорошо показалось, такъ что даже и плохо вѣрится. Переспросилъ еще разъ, и опять то же самое слышу: богатая, годъ замужемъ и кофе съ нею пить можно.

— Не врешь ли ты? говорю жиду.

— Зачѣмъ врать? отвѣчаетъ,—я все честно сдѣлаю: вы сидите сегодня вечеромъ дома, а какъ только смеркнется къ вамъ придетъ ея няня.

— А мнѣ на какой чортъ нужна ея няня?

— Иначе нельзя. Это здѣсь такой порядокъ.

— Ну, если такой порядокъ, то дѣлать нечего, въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Хорошо; скажи ея нянѣ, что я буду сидѣть дома и буду ея дожидаться.

— И огня, говоритъ,—у себя не зажигайте.

— Это зачѣмъ?

— А чтобы думали, что васъ дома нѣтъ.

Пожалъ плечами и на это согласился.

— Хорошо, говорю,—не зажгу.

Въ заключеніе жидъ съ меня за свои услуги червонецъ потребовалъ.

— Какъ, говорю,—червонецъ! Ничего еще не видя, да ужъ и червонецъ! Это жирно будетъ.

Но онъ, шельма этакій, должно быть травленый.

Улыбается и говоритъ:

— Нѣтъ; ужъ послѣ того какъ увидите—поздно будетъ получать. Военные, говорятъ, тогда не того...

— Ну, говорю,—про военныхъ ты не смѣй разсуждать,—это не твое дѣло, а то я разобью тебѣ морду и рыло и скажу, что оно такъ и было.

А впрочемъ, далъ ему злата и проклялъ его и вѣрнаго позвалъ раба своего.

Далъ деньщику двугривенный и говорю:

— Ступай куда знаешь и нарѣжься какъ сапожникъ, только чтобы вечеромъ тебя дома не было.

Все, замѣчайте, прибавляется расходъ къ расходу. Совсѣмъ не то, что васильки рвать. Да можетъ быть еще и няньку надо позолотить.

Наступилъ вечеръ; товарищи всѣ разошлись по кофейнямъ. Тамъ тоже дѣвицы служатъ и есть довольно любопытныя,—а я притворился, солгалъ товарищамъ, будто зубы болятъ и будто мнѣ надо пойти въ лазаретъ къ фельдшеру какихъ-нибудь зубныхъ капель взять, или совсѣмъ пускай зубъ выдернетъ.—Обѣжалъ поскорѣй кварталъ да къ себѣ въ квартиру, — нырнулъ незамѣтно; двери отперъ и сѣлъ безъ огня при окошечкѣ. Сижу какъ дуракъ, дожидаюсь: пульсъ колотится и въ ушахъ стучитъ. А у самого уже и сомнѣніе закралось, думаю: не обманулъ ли меня жидъ, не наговорилъ ли онъ про эту няньку, чтобы только червонецъ себѣ схватить... И теперь гдѣ-нибудь другимъ жидамъ хвалится, какъ онъ офицера надулъ, и всѣ помираютъ, хо-

хочутъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати тутъ няня и что ей у меня дѣлать?.. Преглупое положеніе, такъ что я уже рѣшилъ: еще подожду, пока сто сосчитаю, и уйду къ товарищамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вдругъ, я и полсотни не сосчиталъ, раздался тихонечко стукъ въ двери и что-то такое вползаетъ,—шуршитъ этакимъ чѣмъ-то твердымъ. Тогда у нихъ шалоновыя мантоны носили длинныя, а шалонъ шуршитъ.

Безъ свѣчи-то темно у меня такъ, что ничего ясно не разсмотришь, что̀ это за кукуруза.

Только отъ уличнаго фонаря чуть-чуть видно, что гостья моя, должно быть, уже очень большая старушенція. И однако, и эта съ предосторожностями, такъ что на лицѣ у нея вуаль.

Вошла и шепчетъ:

— Гдѣ ты?

Я отвѣчаю:

— Не бойся, говори громко: никого нѣтъ, а я дожидаюсь, какъ сказано. Говори, когда же твоя кукона поѣдетъ кофе пить?

— Это, говоритъ,—отъ тебя зависитъ.

И все шопотомъ.

— Да я, говорю,—всегда готовъ.

— Хорошо. Что же ты мнѣ велишь ей передать?

— Передай, молъ, что я ею пораженъ, влюбленъ, страдаю, и когда ей угодно, я тогда и явлюсь, хотя, напримѣръ, завтра вечеромъ.

— Хорошо, завтра она можетъ пріѣхать.

Кажется вѣдь надо бы ей послѣ этого уходить, — не такъ ли? Но она стоитъ-съ!

— Чего-съ!

Надо, видно, проститься еще съ однимъ червонцемъ. Себѣ бы онъ очень пригодился, но ужъ нечего дѣлать — хочу ей червонецъ подать, какъ она вдругъ спрашиваетъ:

— Согласенъ ли я сейчасъ съ нею послать куконѣ *триста червонцевъ?*

— Что-о-о тако-о-ое?

Она преспокойно повторяетъ: «триста червонцевъ», и начинаетъ мнѣ шептать, что мужъ ея куконы хотя и очень богатъ, но что онъ ей не вѣренъ и проживаетъ деньги съ итальянскою графинею, а кукона совсѣмъ имъ оставлена и даже должна на свой счетъ весь гардеробъ изъ Парижа выписывать, потому что не хочетъ хуже другихъ быть...

То-есть вы понимаете меня,— это чортъ знаетъ что такое! Триста золотыхъ червонцевъ—ни больше, ни меньше!.. А вѣдь это-съ тысяча рублей! Полковницкое жалованье за цѣлый годъ службы... Милліонъ картечей! Какъ это выговорить и предъявить такое требованіе къ офицеру? Но, однако, я нашелся: червонцевъ у меня, думаю, столько нѣтъ, но честь свою я поддержать долженъ.

— Деньги, говорю, — для насъ, русскихъ, пустяки.— Мы о деньгахъ не говоримъ, но кто же мнѣ поручится, что ты ей передашь, а не себѣ возьмешь мои триста червонцевъ?

— Разумѣется,—отвѣчаетъ,—я ей передамъ.

— Нѣтъ, говорю, — деньги дѣло не важное, но я не желаю быть тобою одураченъ.— Пусть мы съ нею увидимся, и я ей самой, можетъ-быть, еще больше дамъ.

А кукуруза вломилась въ амбицію и начала наставленіе мнѣ читать.

— Что ты это, говоритъ, — развѣ можно, чтобы кукона сама брала.

— А я не вѣрю.

— Ну такъ иначе, говоритъ,— ничего не будетъ.

— И не надобно.

Такими она меня впечатлѣніями исполнила, что я даже физическую усталость почувствовалъ, и очень радъ былъ, когда ее чортъ отъ меня унесъ.

Пошелъ въ кофейню къ товарищамъ, напился вина до

чрезвычайности и проводилъ время, какъ и прочіе, по-кавалерски; а на другой день пошелъ гулять мимо дома, гдѣ жила моя пригляженая кукона, и вижу, она какъ святая сидитъ у окна въ зеленомъ бархатномъ спенсерѣ, на груди яркій махровый розанъ, воротъ низко вырѣзанъ, голая рука въ широкомъ распашномъ рукавѣ, шитомъ золотомъ, и тѣло... этакое удивительное розовое... изъ зеленаго бархата, совершенно какъ арбузъ изъ кожи, выглядываетъ.

Я не стерпѣлъ, подскочилъ къ окну и заговорилъ:

— Вы меня такъ измучили, какъ женщина съ сердцемъ не должна; я томился и ожидалъ минуты счастія, чтобы гдѣ-нибудь видѣться, но вмѣсто васъ пришла какая-то жадная и для меня подозрительная старуха, насчетъ которой я, какъ честный человѣкъ, долгомъ считаю васъ предупредить: она ваше имя мараетъ.

Кукона не сердится: я ей брякнулъ, что старуха деньги просила,—она и на это только улыбается. Ахъ ты чортъ возьми! зубки открыла—просто перлы средь коралловъ,—все очаровательно, но какъ будто дурочкой отъ нея немножко пахнуло.

— Хорошо,—говоритъ,—я няню опять пришлю.

— Кого? эту же самую старуху?

— Да; она нынче вечеромъ опять придетъ.

— Помилуйте,—говорю,—да вы, вѣрно, не знаете, что эта алчная старуха какою не стоящею уваженія особою васъ представляетъ!

А кукона вдругъ уронила за окно платокъ, и когда я нагнулся его поднять, она тоже слегка перевѣсилась такъ, что вырѣзъ-то этотъ проклятый въ ея лифѣ весь передо мною, какъ дѣтскій бумажный кораблик, вывернулся, а сама шепчетъ:

— Я ей скажу... она будетъ добрѣе. И съ этимъ окно тюкъ на крюкъ.

«Я ее вечеромъ опять пришлю». «Я велю быть добрѣе». Вѣдь тутъ уже не все глупость, а есть и смѣлая дѣлови-

тость... И это въ такой молоденькой и въ такой хорошенькой женщинѣ!

Любопытно, и кого это не заинтересуетъ? Ребенокъ, а несомнѣнно, что она все знаетъ и все сама ведетъ и сама эту чертовку ко мнѣ присылала и опять ее пришлетъ.

Я взялъ терпѣніе, думаю: дѣлать нечего, буду опять дожидаться, чѣмъ это кончится.

Дождался сумерекъ и опять притаился, и жду въ потемкахъ. Входитъ опять тотъ же самый шалоновый свертокъ подъ вуалемъ.

— Что, спрашиваю,—скажешь?

Она мнѣ шопотомъ отвѣчаетъ:

— Кукона въ тебя влюблена и съ своей груди розу тебѣ прислала.

— Очень,— говорю,—ее благодарю и цѣню,—взялъ розу и поцѣловалъ.

— Ей отъ тебя не надо трехсотъ червонцевъ, а только полтораста.

Хорошо сожалѣніе... Сбавка большая, а все-таки полтораста червонцевъ пожалуйте. Шутка сказать! Да у насъ рѣшительно ни у кого тогда такихъ денегъ не было, потому что мы, выходя изъ Польши, совсѣмъ не такъ были обнадежены и накупили себѣ что̀ нужно и чего не нужно, — всякаго платья себѣ нашили, чтобы здѣсь лучше себя показать, а о томъ, какіе здѣсь порядки, даже и не думали.

— Поблагодари, говорю, — твою кукону, а ѣхать съ нею на свиданіе не хочу.

— Отчего?

— Ну вотъ еще: отчего? не хочу да и баста.

— Развѣ ты бѣдный? Вѣдь у васъ всѣ богатые. Или кукона не красавица?

— И я,—говорю,—не бѣдный, у насъ нѣтъ бѣдныхъ,— и твоя кукона большая красавица, а мы къ такому обращенію съ нами не привыкли!

— А вы какъ же привыкли?

Я говорю:—Это не твое дѣло.

— Нѣтъ, — говоритъ,—ты мнѣ скажи: какъ вы привыкли, можетъ-быть и это можно.

А я тогда всталъ, пріосанился и говорю:

— Мы вотъ какъ привыкли, что на то у селезня въ крыльяхъ зеркальце, чтобы уточка сама за нимъ бѣжала глядѣться.

Она вдругъ расхохоталась.

— Тутъ, говорю,—ничего нѣтъ смѣшного.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, говоритъ: — это смѣшное!

И убѣжала такъ скоро, словно улетѣла.

Я опять разстроился, пошелъ въ кофейню и опять напился.

Молдавское вино у нихъ дешево. Кислитъ немножко, но пить очень можно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На другое утро, государи мои, еще лежу я въ постели, какъ приходитъ ко мнѣ жидъ, который самъ собственно и ввелъ меня во всю эту дурацкую исторію, и вдругъ пришелъ просить себѣ за что-то еще червонецъ.

— Я говорю:—за что же это ты, мой любезный, стоишь еще червонца?

— Вы, говоритъ,—мнѣ сами обѣщали.

Я припоминаю, что, дѣйствительно, я ему обѣщалъ другой червонецъ, но не иначе, какъ послѣ того, когда я буду уже имѣть свиданіе съ куконой.

Такъ ему и говорю. А онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— А вы же съ нею уже два раза видѣлись.

— Да, молъ,—у окошка. Но это недостаточно.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ:—она два раза у васъ была.

— У меня какой-то чортъ старый былъ, а не кукона.

— Нѣтъ, говоритъ,—у васъ была кукона.

— Не ври, жидъ,—за это вашего брата бьютъ!

— Нѣтъ, я, говоритъ, — не вру: это она сама у васъ

была, а не старуха. Она вамъ и свою розу подарила, а старухи... у нея совсѣмъ нѣтъ никакой старухи.

Я свое достоинство сохранилъ, но это меня просто ошпарило. Такъ мнѣ стало досадно и такъ горько, что я вцѣпился въ жида и исколотилъ его ужасно, а самъ пошелъ и нарѣзался молдавскимъ виномъ до безпамятства. Но и въ этомъ-то положеніи никакъ не забуду, что кукона у меня была и я ея не узналъ и какъ ворона ее изъ рукъ выпустилъ. Недаромъ мнѣ этотъ шалоновый свертокъ какъ-то былъ подозрителенъ... Словомъ, и больно, и досадно, но стыдно такъ, что хоть сквозь землю провалиться... Былъ въ рукахъ кладъ, да не умѣлъ брать,—теперь сиди дуракомъ.

Но, къ утѣшенію моему, въ то же самое время, въ подобныхъ же родахъ произошла исторія и съ другими моими боевыми товарищами, и всѣ мы съ досады только пили, да арбузы ѣли съ кофейницами, а настоящихъ куконъ ужъ порѣшили наказать презрѣніемъ.

Васильковое наше время невинныхъ успѣховъ кончилось. Скучно было безъ женщинъ порядочнаго образованнаго круга въ сообществѣ однѣхъ кофейницъ, но старые отцы капитаны насъ куражили.

— Неужели, говорили,—если въ одномъ саду яблоки не зародились, такъ и Спасова дня не будетъ? Куражъ, братцы! Сбой поправкой красенъ.

Куражились мы тѣмъ, что насъ скоро выведутъ изъ города и расквартируютъ по хуторамъ. Тамъ помѣщичьи барышни и вообще все общество, должно-быть, не такое, какъ городское, и подобной скаредности, какъ здѣсь, быть не можетъ. Такъ мы думали и не воображали того, что тамъ насъ ожидало еще худшее и гораздо больше досадное. Впрочемъ, и предвидѣть невозможно было, чѣмъ насъ одолжатъ въ ихъ деревенской простотѣ. Пришелъ вожделѣнный день, мы затрубили, забубнили, «Черную галку» запѣли и вышли на вольный воздухъ.

— Авось, молъ, тутъ опять заголубѣютъ для насъ васильки!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Распредѣленіе, гдѣ кому стоять, намъ вышло самое разнобивуачное, потому что въ Молдавіи на заграничный манеръ,—такихъ большихъ деревень, какъ у насъ, нѣтъ, а все хутора или мызы. Офицеры бились все ближе къ мызѣ Холуянъ, потому что тамъ жилъ самъ бояръ или банъ, тоже по прозванью Холуянъ. Онъ былъ женатый, и жена, говорили, будто красавица, а о немъ говорили, что онъ большой торгашъ,—у него можно имѣть все, только за деньги—и столъ, и вино. Прежде насъ тамъ по близости другія наши войска стояли, и мы встрѣтили на дорогѣ квартирмейстра, который у Холуяна квитанцію выправлялъ. Обратились къ нему съ разспросами: что и какъ? но онъ былъ изъ полковыхъ стихотворцевъ и все любилъ риѳмами отвѣчать.

— Ничего, говоритъ, — мыза хорошая, какъ придете, увидите:

Между горъ, между ямъ
Сидитъ птица Холуянъ.

Предурацкая это манера стихами о дѣлѣ говорить. У такихъ людей ничего путнаго никогда не добьешься.

— А куконы, спрашиваемъ, — есть?

— Какъ же, отвѣчаетъ:—есть и куконы, есть и препоны.

— Хороши? то-есть красивыя?

— Да, говоритъ,—красивыя и не очень спѣсивыя.

Спрашиваемъ: находили ли тамъ ихъ офицеры благорасположеніе?

— Какъ же, тамъ, отвѣчаетъ, — на тонцѣ, на древцѣ наши животы скончалися.

— Чортъ его знаетъ, что за языкъ такой!—все загадки загадываетъ.

Однако, всѣ мы поняли, что этотъ шельма изъ хитрыхъ и ничего намъ открыть не хотѣлъ.

А только вотъ, хотите вѣрьте, хотите вы не вѣрьте въ предчувствіе... Нынче вѣдь невѣріе въ модѣ, а я предчув-

ствіямъ вѣрю, потому что въ бурной жизни моей имѣлъ много тому доказательствъ, но на душѣ у меня, когда мы къ этой мызѣ шли, стало такъ уныло, такъ скверно, что просто какъ будто я на свою казнь шелъ.

Ну, а пути и времени, разумѣется, все убываетъ, и вотъ пока я иду на своемъ мѣстѣ въ раздумчивости, сапогами по грязи шлепаю, кто-то изъ переднихъ увидалъ и крикнулъ:

— «Холуянъ!»

Прокатило это по рядамъ, а я отчего-то вдругъ вздрогнулъ, но перекрестился и сталъ всматриваться, гдѣ этотъ чертовскій Холуянъ.

Однако и крестъ не отгналъ отъ меня тоски. Въ сердцѣ такое томленіе, какъ описывается, что было на походѣ съ молодымъ Іонаѳаномъ, когда онъ увидалъ сладкій медъ на полѣ. Лучше бы его не было,—не пришлось бы тогда бѣдному юношѣ сказать: «вкушая вкусихъ мало меду и се азъ умираю».

А мыза Холуянъ, дѣйствительно, стояла совсѣмъ передъ нами и взаправду была она между горъ и между ямъ, то-есть между этакихъ какихъ-то ледящихъ холмушковъ и плюгавенькихъ озерцовъ.

Первое впечатлѣніе она на меня произвела самое отвратительное.

Были уже и какія-то настоящія пустыя ямы, какъ могилы. Чортъ ихъ знаетъ, когда и какими чертями и для кого онѣ выкопаны, но преглубокія. Глину ли изъ нихъ когда-нибудь доставали, или, какъ нѣкоторые говорили, будто бы тутъ есть цѣлебная грязь и будто ею еще римляне пачкались. Но вообще мѣстность прегрустная и престранная.

Виднѣются кой-гдѣ и перелѣсочки, но точно маленькія кладбища. Грунтъ, что называется, мочажинный и, надо полагать, пропитанъ нездоровою сыростью. Настоящее гнѣздо злой молдаванской лихорадки, отъ которой люди дохнутъ въ молдавскомъ поту.

Когда мы подходили вечеркомъ, небо зарилось, этакое ражее, красное, а надъ зеленью сине, какъ будто синяя тюль раскинута — такой туманъ. Цвѣтковъ и васильковъ нѣтъ, а торчатъ только какія-то точно пухомъ осыпанныя будылья, на которыхъ сидятъ тяжелые желтые кувшины въ родѣ лилій, но преядовитые: какъ чуть его понюхаешь,— сейчасъ носъ распухнетъ. И что еще удивило насъ, какъ тутъ много цапель, точно со всего свѣта собраны, которая летитъ, которая въ водѣ на одной ножкѣ стоитъ. Терпѣть не могу, гдѣ множится эта фараонская птаха: она имѣетъ что-то такое, что о всѣхъ египетскихъ казняхъ напоминаетъ. Мыза Холуянъ довольно большая, но чортъ ее знаетъ, какъ ее слѣдовало назвать,—дрянная она или хорошая. Очень много разныхъ хозяйственныхъ построекъ, но все какъ-то будто нарочно раскидано «между горъ и между ямъ». Ничего почти одного отъ другого не разглядишь: это въ ямкѣ и то въ ямкѣ, а посреди бугорокъ. Точно какъ будто имѣли въ виду дѣлать здѣсь что-нибудь тайное подъ большимъ секретомъ. Всего вѣроятнѣе, пожалуй, наши русскія деньги поддѣлывали. Домъ помѣщичій, низенькій и очень некрасивый... Облупленный, труба высокая, и снаружи небольшой, но просторный, — говорили,—будто есть комнатъ шестнадцать. Снаружи совсѣмъ похоже на тѣ наши станціонные дома, что покойный Клейнмихель по московскому шоссе настроилъ. И буфеты, и конторы, и проѣзжающіе, и смотритель съ семьею, и все это чортъ знаетъ куда влѣзало, и еще просторно. Строено прямо безъ всякаго фасона, какъ фабрика, крыльцо посерединѣ, въ передней буфетъ, прямо въ залѣ бильярдъ, а жилыя комнаты гдѣ-то такъ особенно спрятаны, какъ будто ихъ и нѣтъ. Словомъ, все какъ на станціи или въ дорожномъ трактирѣ. И въ довершеніе этого сходства напоминаю вамъ, что въ передней былъ учрежденъ буфетъ. Это, пожалуй, и хорошо было «для удобства господъ офицеровъ», но видъ-то все-таки странный, а устройство этого буфета сдѣлано тоже съ подлостью, — чтобы ничѣмъ нашего брата безплатно не попот-

чивать, а вотъ какъ: все, что у насъ есть, мы все предоставляемъ къ вашимъ услугамъ, только неугодно ли получить «за чистыя денежки». Кредитъ, положимъ, былъ открытъ свободный, но все, что получали, водку ли или ихъ мѣстное вино, все этакій особый хлапъ, въ синемъ жупанѣ съ краснымъ гарусомъ,—до самой мелочи писалъ въ книгу живота. Даже и за ѣду деньги брали: мы сначала къ этому долго никакъ не могли себя пріучить, чтобы въ помѣщичьемъ домѣ и деньги платить. И надо вамъ знать, какъ они это ловко подвели, чтобы деньги брать. Тоже прекурьезно. У насъ въ Россіи или въ Польшѣ у хлѣбосольнаго помѣщика стыда бы одного не взяли завести такую коммерцію. Съ перваго же дня является этотъ жупанъ, обходитъ офицеровъ и спрашиваетъ: неугодно ли будетъ всѣмъ съ помѣщикомъ кушать?

Наши ребята, разумѣется, простые, добрые и очень благодарятъ:

— Очень хорошо, говорятъ,—мы очень рады.

— А гдѣ, продолжаетъ жупанъ,—прикажете накрывать на столъ: въ залѣ, или на верандѣ? У насъ, говоритъ,— есть и зала большая, и веранда большая.

— Намъ, говоримъ, — голубчикъ, это все равно, гдѣ хотите.

Нѣтъ-таки, добивается, говоритъ, — бояръ велѣлъ васъ спросить и накрывать столъ непремѣнно по вашему желанію.

— Вотъ, думаемъ, — какая предупредительность! — Накрывай, братъ, гдѣ лучше.

— Лучше, отвѣчаетъ,—на верандѣ.

— Пожалуй, тамъ должно быть воздухъ свѣжѣе.

— Да, и тамъ полъ глиняный.

— Въ этомъ какое же удобство?

— А если красное вино прольется, или что-нибудь другое, то удобнѣе вытереть и пятна не останется.

— Правда, правда!

Замышляется, видимъ, что-то въ родѣ разливного моря.

Вино у нихъ, положимъ, дешевое, правда, съ привкусомъ, но ничего: есть сорта очень изрядные.

Настаетъ время обѣда. Являемся, садимся за столъ—все честь честью, — и хозяева съ нами: самъ Холуянъ, мужчина, этакій худой, черный, съ лицомъ выжженой глины, весь, можно сказать, жиляный да глиняный и говоритъ съ передушинкой, какъ будто больной.

— Вотъ, говоритъ, — господа, у меня вина такого-то года урожая хорошаго; не хотите ли попробовать?

— Очень рады.

Онъ сейчасъ же кричитъ слугѣ:

— Подай господину поручику такого-то вина.

Тотъ подаетъ и непремѣнно непочатую бутылку, а предъ послѣднимъ блюдомъ вдругъ является жупанъ съ пустымъ блюдомъ и всѣхъ обходитъ.

— Это что, молъ, такое?!..

— Деньги за обѣдъ и за вино.

Мы переконфузились, — особенно тѣ, съ которыми и денегъ не случилось. Тѣ подъ столомъ другъ у друга потихоньку перехватывали.

Вотъ вѣдь какая черномазая рвань!

Но дѣло, которымъ до злого горя насъ донялъ Холуянъ, разумѣется, было не въ этомъ, а въ куконицѣ, изъ-за которой на тонцѣ, на древцѣ всѣ наши животы измотались, а я, можно сказать, навсегда потерялъ то, что мнѣ было всего дороже и милѣе, — можно сказать даже, священнѣе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Семья у нашихъ хозяевъ была такая: самъ банъ Холуянъ, котораго я ужъ вамъ слегка изобразилъ: худой, жиленый, а ножки глиняныя, еще не старый, а все палочкой подпирается и ни на минуту ее изъ рукъ не выпускаетъ. Сядетъ, а палочка у него въ колѣняхъ. Говорили, будто онъ когда-то былъ на дуэли раненъ, а я думаю, что гдѣ-нибудь почту хотѣлъ остановить, да почтальонъ его под-

стрѣлилъ. Послѣ это объяснилось еще совсѣмъ иначе, и понятно стало, да поздно. А по началу казалось, что онъ человѣкъ свѣтскій и образованный, — ногти длинные, бѣлые и всегда батистовый платокъ въ рукахъ. Для дамы, онъ, впрочемъ, кромѣ образованія, не могъ обѣщать ни малѣйшаго интереса, потому что видъ у него былъ ужасно холоднаго человѣка. А у него куконица просто какъ сказочная царица: было ей лѣтъ не болѣе, какъ двадцать два, двадцать три, — вся въ полномъ расцвѣтѣ, бровь тонкая, черная, кость легкая, а на плечикахъ уже первый молодой жирокъ ямочками пупится и одѣта всегда чудо какъ къ лицу, чаще въ палевомъ, или въ бѣломъ, съ расшивными узорами, и ножки въ цвѣтныхъ башмакахъ съ золотомъ.

Разумѣется, началось смятеніе сердецъ. У насъ былъ офицеръ, котораго мы звали Фоблазъ, потому что онъ удивительно какъ скоро умѣлъ обворожать женщинъ, — пройдетъ, бывало, мимо дома, гдѣ какая-нибудь мѣщаночка хорошенькая сидитъ, — скажетъ всего три слова «милые глазки ангелочки», — смотришь, уже и знакомство завязывается. Я самъ былъ тоже преданъ красотѣ до сумасшествія. Къ концу обѣда я вижу — у него уже все рыльце огнивцемъ, а глаза буравцомъ.

Я его даже остановилъ:

— Ты, говорю,—неприличенъ.

— Не могу, отвѣчаетъ, — и не мѣшай, я ее раздѣваю въ моемъ воображеніи.

Послѣ обѣда Холуянъ предложилъ метнуть банкъ.

Я ему говорю,—какая глупость! А самъ вдругъ о томъ же замечталъ, и вдругъ замѣчаю, что и у другихъ у всѣхъ стало рыльце огнивцемъ, а глаза буравцомъ.

Вотъ она, молъ, съ какого симптома началась проклятая молдавская лихорадка! Всѣ согласилась, кромѣ одного Фоблаза. Онъ остался при куконѣ и до самаго вечера съ ней говорилъ.

Вечеромъ спрашиваемъ:

— Что она, какъ—занимательна?

А онъ расхохотался.

— По-моему, отвѣчаетъ,—у нея, должно быть, матушка или отецъ съ дуринкой были, а она по природѣ въ нихъ пошла. Рѣшимости мало: никуда отъ дома не отходитъ. Надо сообразить — каковъ за нею здѣсь присмотръ и кого она боится? Женщины часто бываютъ нерѣшительны да ненаходчивы. Надо за нихъ думать.

А насчетъ досмотра въ насъ возбуждалъ подозрѣнія не столько самъ Холуянъ, какъ его братъ, который назывался Антоній.

Онъ совсѣмъ былъ непохожъ на брата: такой мужиковатый полнаго сложенія, но на смѣшныхъ тонкихъ ножкахъ.

Мы его такъ и прозвали «Антошка на тонкой ножкѣ».— Лицо тоже было совершенно не такое, какъ у брата. Простой этакой,— ни скобленъ, ни тесанъ, а слѣпленъ, да брошенъ, но намъ сдавалось, что, несмотря на его баранью простоту, въ немъ клокъ сѣрой волчьей шерсти есть... Однако, вышло такое удивленіе, что всѣ наши подозрѣнія были напрасны: за куконою совсѣмъ никакого присмотра не оказалось.

Образъ жизни домашней у Холуяновъ былъ самый удивительный,—точно нарочно на нашу руку приспособлено.

Тонкаго Холуяна Леонарда до самаго обѣда ни за что и нигдѣ нельзя было увидѣть. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ скрывался! Говорили, будто безвыходно сидѣлъ въ отдаленныхъ, внутреннихъ комнатахъ, и что-то тамъ дѣлалъ—литературой будто какой-то занимался. А Антошка на тонкихъ ножкахъ, какъ вставалъ, такъ уходилъ куда-то въ поле съ маленькою безчеревной собачкою, и его также цѣлый день не видно. Все по хозяйству ходитъ. Лучшихъ, то-есть, условій даже и пожелать нельзя.

Оставалось только расположить къ себѣ кукону разговоромъ и другими пріемами. Думалось, что это недолго и что Фоблазъ это сдѣлаетъ, но неожиданно замѣчаемъ, что нашъ Фоблазъ не въ авантажѣ обрѣтается. Все онъ имѣетъ видъ

человѣка, который держитъ волка за уши. — ни къ себѣ его ни оборотить, ни выпустить, а между тѣмъ уже видно, что руки набрякли и вотъ-вотъ сами отвалятся...

Видно, что малый ужасно сконфуженъ, потому что онъ къ неуспѣхамъ не привыкъ, и не только намъ, а самому себѣ этого объяснить не можетъ.

— Въ чемъ же дѣло?!

— Пароль донеръ, говоритъ, — ничего не понимаю, кромѣ того, что она очень странная.

— Ну, богатая женщина, избалованная, капризничаетъ,— весьма естественно.

Порядокъ жизни у нашей куконы былъ такой, что она не могла не скучать. Съ утра до обѣда ее почти постоянно можно было видѣть, какъ она мотается, и всегда одна-одинешенька или возится съ самой глупѣйшей въ мірѣ птицей—съ курицей: странное занятіе для молодой, изящной, богатой дамы, но что сдѣлать, если такова фантазія? Дѣлать ей, видно, было совершенно нечего: выйдетъ она вся въ бѣломъ, или въ палевомъ неглиже, сядетъ на широкихъ плитахъ у края веранды подъ зеленымъ хмѣлемъ,—въ черныхъ волосахъ тюльпанъ или махровый макъ, и гляди на нее хоть цѣлый день. Все ея занятіе въ томъ состояло, что, бывало, какую-то любимую свою маленькую курочку съ сережками у себя на колѣняхъ лущеной кукурузой кормитъ.—Ясное дѣло, что образованія должно быть немного, а досуга некуда дѣть. Если съ курицей возится, то, стало быть, ей очень скучно, а гдѣ женщинѣ скучно, тамъ кавалерское дѣло даму развлекать. Но ничего не выходитъ, — даже и разговоръ съ нею вести трудно, потому что все только слышишь «шти, эшти, молдованешти, кернешти» — десятаго слова и того понять нельзя. А къ мимикѣ страстей она была ужасно безпонятна. Фоблазъ совсѣмъ руки опустилъ, только конфузился, когда ему смѣялись, что онъ съ курицею не можетъ соперничать. Пошли мы увиваться вокругъ куконы всѣ — кому больше счастье послужитъ, но ни одному изъ насъ ничего не фортунило. Открываешься

ей въ любви, а она глядитъ на тебя своими черными волоками, или заговоритъ въ родѣ «шти, эшти, молдованешти», и ничего болѣе.

Омерзѣло всѣмъ себя видѣть въ такомъ глупомъ положеніи, и даже ссоры пошли, другъ къ другу зависть и ревность, — придираемся, колкости говоримъ... Словомъ, всѣ въ безпокойнѣйшемъ состояніи, то о ней мечтаемъ, то другъ за другомъ въ секретѣ смотримъ за нею. А она сидитъ себѣ съ этой курочкой и кончено. Такъ весь день глядимъ, всю ночь зѣваемъ, а время мчится и строитъ намъ еще другую бѣду. Я вамъ сказалъ, что съ перваго же дня, какъ обѣдъ кончился, Холуянъ предложилъ, что онъ намъ банкъ заложитъ. Съ тѣхъ поръ пошла ежедневно игра: съ обѣда рѣжемся до полночи, и отъ того ли, что всѣ мы стали разсѣянные, или карты невѣрныя, но многіе изъ насъ уже успѣли себя хорошо охолостить даже до послѣдней копѣйки. А Холуянъ чиститъ, да чиститъ насъ ежедневно, какъ барановъ стрижетъ.

Разорились, оскудѣли и умомъ и спокойствіемъ, и невѣдомо до чего бы мы дошли, если бы вдругъ не появилось среди насъ новое лицо, которое, можетъ быть, еще худшія безпокойства надѣлало, но, однако, дало толчокъ къ развязкѣ.

Пріѣхалъ къ намъ съ деньгами чиновникъ комиссаріатскій. Изъ поляковъ, и пожилой, но шельма ужасная: гдѣ взлаетъ, гдѣ хвостомъ повиляетъ,—и ото всѣхъ все узналъ, какъ мы не живемъ, а зѣваемъ. Пошелъ онъ тоже съ нами къ Холуяну обѣдать, а потомъ остался въ карты играть.— а на кукону, подлецъ, и не смотритъ. Но на другой день-съ вдругъ говоритъ: «я заболѣлъ». Молдавская лихорадка, видите ли, схватила. И что же выдумалъ: не лѣкаря позвалъ, а попа, — молебенъ о здравіи отслужить. Пришелъ попъ— настоящій тараканный лобъ: весь черный и запѣлъ ни на что похоже, — хуже армянскаго. У армяновъ хоть поймешь два слова «Григоріосъ Арменіосъ», а у этого ничего не разобрать, что онъ лопочетъ.

Полякъ же, шельма, по-ихнему зналъ немножко и такую съ попомъ конституцію развелъ, что пріятелями сдѣлались и оба другъ другомъ довольны: попъ радъ, что комиссіонеръ ему хорошо заплатилъ, а тотъ сразу же отъ его молебна выздоровѣлъ и такую штуку удралъ, что мы и рты разинули.

Вечеромъ, когда уже при свѣчахъ мы всѣ въ залѣ банкъ метали, — входитъ нашъ комиссіонеръ и играть не сталъ, но говоритъ: «я боленъ еще», и прямо прошелъ на веранду, гдѣ въ сумракѣ небесъ, на плитахъ, сидѣла кукона—и вдругъ оба съ нею за густымъ хмѣлемъ скрылись и исчезли въ темной тѣни. Фоблазъ не утерпѣлъ, выскочилъ, а они уже преавантажно вдвоемъ на плотикѣ черезъ заливчикъ плывутъ къ островку... На его же глазахъ переплыли и скрылись...

А Холуянъ хоть бы, подлецъ, глазомъ моргнулъ. Тасуетъ карты и записи смотритъ на тѣхъ, которые уже въ долгъ промотались...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Но надо вамъ сказать, что это былъ за островокъ, куда они отплывали.

Когда я говорилъ про мызу, я забылъ вамъ сказать, что тамъ при усадьбѣ было самаго лучшаго,—это вотъ и есть маленькій островокъ передъ верандой. Передъ верандой прямо былъ цвѣтникъ, а за цвѣтникомъ сейчасъ заливчикъ, а за нимъ островокъ, небольшой, такъ сказать, величины, съ хорошій дворъ помѣщичьяго дома. Весь онъ заросъ густою жимолостью и разными цвѣтущими кустами, въ которыхъ было много соловьевъ. Соловей у нихъ хорошій, — не такой крѣпкій какъ курскій, но на манеръ бердичевскаго. Площадь острова была вся въ бугоркахъ или въ холмикахъ, и на одномъ холмикѣ была устроена бесѣдочка, а подъ нею въ плитахъ гротъ, гдѣ было очень прохладно. Тутъ стоялъ старинный диванъ, на которомъ можно было отдохнуть, и большая золоченая арфа, на которой ку-

кона играла и пѣла. По острову были расчищены дорожки и въ одномъ мѣстѣ по другую сторону дерновая скамья, откуда былъ широкій видъ на луга. Сообщеніе черезъ проливчикъ къ островку было устроено посредствомъ маленькаго прекраснаго плотика. Перильца и все это на немъ раскрашено въ восточномъ вкусѣ, а посерединѣ золоченое кресло. Садится кукона на это кресло, беретъ пестрое весло съ двумя лопастями и переплываетъ. Другой человѣкъ могъ стоять только сзади за ея кресломъ.

Островъ этотъ и гротъ мы звали: «гротъ Калипсы», но сами тамъ не бывали, потому что плотикъ у куконы былъ на цѣпочкѣ запертъ. Комиссіонеръ нашелъ ключикъ этой цѣпи...

Мы, по правдѣ сказать, просто хотѣли его избить, но онъ смѣлъ былъ каналья, и всѣхъ успокоилъ.

— Господа! говоритъ: — изъ-за чего намъ ссориться. Я вамъ весь путь покажу. Это мнѣ попъ сказалъ. Я его спросилъ: какая кукона? А онъ говоритъ: «очень хорошая — о бѣдныхъ заботится». Я взялъ пятьдесятъ червонцевъ и ей подалъ молча, для ея бѣдныхъ, а она, также молча, мнѣ руку подала и повезла съ собою на островъ. Головой вамъ отвѣчаю,—берите прямо въ руки сверточекъ червонцевъ и, ни слова не разговаривая, тѣмъ же счастіемъ можете пользоваться. Видъ лунный прекрасенъ, арфа сладкозвучна, но я ничѣмъ этимъ болѣе наслаждаться не могу, потому что долгъ службы моей меня призываетъ и я завтра ѣду отъ васъ, а вы остаетесь.

Вотъ такъ развязка!

Онъ уѣхалъ, а мы смотримъ другъ на друга: кто можетъ жертвовать въ пользу бѣдныхъ здѣшняго прихода по пятидесяти червонцевъ? Нѣкоторые храбрились,—«я вотъ-вотъ изъ дома жду», — и другой тоже изъ дома ждетъ, а дома-то, вѣрно, и въ своихъ приходахъ случились бѣдные. Что-то никому не присылаютъ.

И вдругъ среди этого — неожиданнѣйшее приключеніе: Фоблазъ оторвалъ цѣпь, которою былъ прикованъ плотикъ, переплылъ туда одинъ и въ гротѣ застрѣлился.

Чортъ знаетъ, что̀ за происшествіе! И товарища жаль, и глупо это какъ-то... совсѣмъ глупо, а однако, печальный фактъ совершился и одного изъ храбрыхъ не стало.

Застрѣлился Фоблазъ, конечно, отъ любви, а любовь разгорѣлась отъ раздраженія самолюбія, такъ какъ онъ у всѣхъ женщинъ на своей родинѣ былъ счастливъ. — Похоронили его честь честью,—съ музыкой, а за упокой его души всѣ, у одного собравшись, выпили и заговорили, что это такъ невозможно оставить,—что мы тутъ съ нашей всегдашней простотою совсѣмъ пропадаемъ. А батальонный маіоръ, который у насъ былъ женатый и человѣкъ обстоятельный, говоритъ:

— Да вы и не безпокойтесь, я уже донесъ по начальству, что не ручаюсь, будетъ ли въ чемъ васъ изъ этой мызы вывесть, и жду завтра же новаго распоряженія. Пусть тутъ чортъ стоитъ у этого Холуяна! Проклятая мыза и проклятый хозяинъ!

И всѣ мы то же самое чувствовали и радовались возможности уйти отсюда, но всѣмъ господамъ офицерамъ досадно было уйти отсюда такъ,—не наказавши подлецовъ.

Придумывали разныя штуки устроить надъ Холуянами; думали его высѣчь или какъ-нибудь смѣшно обрить, но маіоръ сказалъ:

— Боже спаси, господа: прошу васъ, чтобы ничего похожаго на малѣйшее насиліе не было, и кто ему долженъ— извольте, гдѣ хотите занять денегъ и съ нимъ разсчитаться. А если что-нибудь невинненькое, для отыгранія своей чести придумаете,—это можете.

Лиха бѣда, отыгранія чести-то не было на что этого произвести.

Маіоръ сказалъ, наконецъ, что онъ отъ насъ только скрываетъ, а что собственно у него уже есть въ карманѣ предписаніе выступить, и что завтра здѣсь послѣдній день нашей красы, а послѣзавтра на зарѣ и выступимъ въ другія мѣста.

Тутъ мнѣ и взбрыкнула на умъ какая-то кобылка:

— Если, говорю,—мы послѣзавтра выходимъ, такъ что завтра здѣсь нашъ послѣдній вечеръ, то, сдѣлайте милость, Холуянъ будетъ хорошо проученъ, и никому не похвалится, что ему довелось русскихъ офицеровъ надуть.

Нѣкоторые похвалили, говорили,—«молодецъ», а другіе не вѣрили и смѣялись: «ну, гдѣ тебѣ! лучше не трогай».

А я говорю:

— Это, господа, мое дѣло: я все беру за свой пай.

— Но что же такое ты сдѣлаешь?

— Это мой секретъ.

— Но Холуянъ будетъ наказанъ?

— Ужасно!

— И честь наша будетъ отомщена?

— Непремѣнно.

— Поклянись.

Я поклялся тѣнью несчастнаго друга нашего Фоблаза, которая сама себя осудила одиноко блуждать въ этомъ проклятомъ мѣстѣ, и разбилъ свой стаканъ объ полъ.

Всѣ товарищи меня подхватили, одобрили, расцѣловали и запили нашу клятву, но только маіоръ удержалъ, чтобы стакановъ не бить.

— Это, говоритъ,—одинъ театральный фарсъ и больше ничего...

Разошлись прекрасно. Я былъ въ себѣ крѣпко увѣренъ, потому что планъ мой былъ очень хорошъ. Холуянъ въ своихъ продѣлкахъ долженъ быть совершенно одураченъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Настало завтра и послѣдній день нашей красы. Получили мы свое жалованье, отдали все сполна, кто сколько былъ долженъ Холуяну, и осталось у каждаго столько денегъ, что и кошеля не надо. У меня было съ чѣмъ-нибудь сто рублей, то-есть на ихніе, по-тогдашнему, это составляло съ небольшимъ десять червонцевъ. А для меня, по плану затѣи моей, еще требовалось, по крайней мѣрѣ, со-

рокъ червонцевъ. Гдѣ же ихъ взять? У товарищей и не было, да я и не хотѣлъ, потому что у меня другой планъ имѣлся. Я его и привелъ въ исполненіе.

Приходимъ на послѣднюю вечерю къ Холуяну—онъ очень радушенъ и приглашаетъ меня играть.

Я говорю:

— Радъ бы играть, да игрушекъ нѣтъ.

Онъ проситъ не стѣсняться,—взять взаймы у него изъ банка.

— Хорошо, говорю, — позвольте мнѣ пятьдесятъ червонцевъ.

— Сдѣлайте милость, говоритъ,—и подвигаетъ кучку.

Я взялъ и опустилъ ихъ въ карманъ.

Вѣрилъ намъ, шельма, будто мы всѣ Шереметьевы.

Я говорю:

— Позвольте, я не буду пока ставить, а минуточку погуляю на воздухѣ,—и вышелъ на веранду.

За мною выбѣгаютъ два товарища и говорятъ:

— Что ты это дѣлаешь: чѣмъ отдать?

Я отвѣчаю:

— Не ваше дѣло,—не безпокойтесь.

— Вѣдь это нельзя, — пристаютъ, — мы завтра выходимъ,—непремѣнно надо отдать.

— И отдамъ.

— А если проиграешь?

— Во всякомъ случаѣ отдамъ.

И совралъ имъ, будто у меня есть на рукахъ казенныя.

Они отстали, а я прямо подлетаю къ куконѣ, ногой шаркнулъ и подаю ей горсть червонцевъ.

— Прошу, говорю, — васъ принять отъ меня для бѣдныхъ вашего прихода.

Не знаю, какъ она это поняла, но сейчасъ же встала, подала мнѣ свою ручку; мы обошли клумбу, да на плотикѣ и поплыли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Объ игрѣ ея на арфѣ отмѣннаго сказать нечего: вошли въ гротъ: она сѣла и какой-то экосезъ заиграла. Тогда не было еще такихъ воспалительныхъ романсовъ, какъ «мой тигренокъ», или «затигри меня до смерти»,—а экосезки-съ, все простыя экосезки, подъ которыя можно только одни пà танцовать, а тогда, бывало, ни вѣсть что̀ подъ это готовъ сдѣлать. Такъ и въ настоящій разъ, — сначала экосезъ, а потомъ «гули, да люли пошли ходули,—эшти, да молдаванешти»,—кокъ да и дѣло въ мѣшокъ... И благополучнымъ образомъ назадъ оба переплыли.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Откровенно признаться—я не утаю, что былъ въ очень мечтательномъ настроеніи, которое совсѣмъ не отвѣчало задуманному мною плану. Но, знаете, къ тридцати годамъ уже подходило, а въ это время всегда начинаются первыя оглядки. Вспомнилось все—какъ это начиналась «жизнь сердца»—всѣ эти скромные васильки во ржи на далекой родинѣ, потомъ эти хохлушечки и польки въ ихъ скромныхъ будиночкахъ, и вдругъ — чортъ возьми, — гротъ Калипсы... и сама эта богиня... Какъ хотите, есть о чемъ привести воспоминанія... И вдругъ сдѣлалось мнѣ такъ грустно, что я оставилъ кукону въ уединеніи приковывать цѣпочкою ея плотикъ, а самъ единолично вхожу въ залу, которую оставилъ, какъ банкъ метали, а теперь вмѣсто того застаю ссору, да еще какую! Холуянъ сидитъ, а наши офицеры всѣ встали и нѣкоторые даже нарочно фуражки надѣли, и всѣ шумятъ, спорятъ о справедливости его игры. Онъ ихъ опять всѣхъ обыгралъ.

Офицеры говорятъ:

— Мы вамъ заплатимъ, но, по справедливости говоря, мы вамъ ничего не должны.

Я какъ разъ на эти слова вхожу и говорю:

— И я тоже не долженъ — пятьдесятъ червонцевъ, которые я у васъ занялъ,—я вашей женѣ отдалъ.

Офицеры ужасно смутились, а онъ какъ полотно поблѣднѣлъ съ досады, что я его перехитрилъ. Схватилъ въ руку карты, затрясся и закричалъ:

— Вы врете! вы—плутъ!

И прямо, подлецъ, бросилъ въ меня картами. Но я не потерялся и говорю:

— Ну, нѣтъ, братъ, — я выше плута на два фута,—да бацъ ему пощечину... А онъ тряхнулъ свою палку, а изъ нея выскочила толедская шпага, и онъ съ нею, каналья, на безоружнаго лѣзетъ!

Товарищи кинулись и не допустили. Одни его держали за руки, другіе—меня. А онъ кричитъ:

— Вы подлецъ! никто изъ васъ никогда моей жены не видалъ!

— Ну, молъ, батюшка,—ужъ это ты оставь намъ доказывать,—очень мы ее видали!

— Гдѣ? Какую?

Ему говорятъ:

— Оставьте, объ этомъ-то уже нечего спорить. Разумѣется, мы знаемъ вашу супругу.

А онъ, въ отвѣтъ на это, какъ чортъ расхохотался, плюнулъ и ушелъ за двери, и ключомъ заперся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

И что же вы думаете?—вѣдь онъ былъ правъ!

Вы себѣ даже и вообразить не можете, что̀ тутъ такое надъ нами было продѣлано. Какая хитрость надъ хитростью и подлость надъ подлостью! Представьте, оказалось, вѣдь, что мы его жены, дѣйствительно, никогда ни одного разу въ глаза не видали! Онъ насъ считалъ какъ бы недостойными что ли этой чести, чтобы познакомить насъ съ его настоящимъ семействомъ, и оно на все время нашей сто-

янки укрывалось въ тѣхъ дальнихъ комнатахъ, гдѣ мы не были. А эта кукона, по которой мы всѣ съ ума сходили и за счастіе считали ручки да ножки ея цѣловать, а одинъ даже умеръ за нее,—была чортъ знаетъ что такое... просто арфистка изъ кофейни, которую за одинъ червонецъ можно нанять танцовать въ костюмѣ Евы... Она была взята изъ профита къ нашему приходу изъ кофейни и онъ съ нея доходъ имѣлъ... И самъ этотъ Холуянъ-то, съ которымъ мы играли, совсѣмъ былъ не Холуянъ, а тоже наемный шуллеръ, а настоящій Холуянъ только и былъ Антошка на тонкихъ ножкахъ, который все съ безчеревной собакой на охоту ходилъ... Онъ и былъ всему этому дѣлу антрепренеръ! Вотъ это плуты, такъ ужъ плуты! теперь посудите же, каково было намъ, офицерамъ, чувствовать, въ какомъ мы были дурацкомъ положеніи, и по чьей милости? — По милости такой, можно сказать, наипрезрѣннѣйшей дряни!

А узналъ объ этомъ прежде всѣхъ я, но только тоже ужъ слишкомъ поздно,—когда вся моя военная карьера черезъ эту гадость была испорчена, благодаря глупости моихъ товарищей. Господа же офицеры наши еще и обидѣлись моимъ поступкомъ, нашли, что я будто поступилъ нечестно,—выдалъ, изволите видѣть, тайну дамы ея мужу... Вотъ вѣдь какая глупость! Однако, потребовали, чтобы я изъ полка вышелъ. Нечего было дѣлать — я вышелъ. Но при проѣздѣ черезъ городъ жидъ мнѣ все и открылъ

Я говорю:

— Да какъ же, ихъ попъ-то зачѣмъ же онъ про свою кукону говорилъ, что ей будто можно подъ предлогомъ на бѣдныхъ давать?

— А это, говоритъ,—справедливо, только попъ это про настоящую кукону говорилъ, которая въ комнатахъ сидѣла, а не про ту свинью, которую вы за бобра приняли.

Словомъ сказать—кругомъ одурачены. Я человѣкъ очень сильной комплекціи, но былъ этимъ такъ потрясенъ, что у меня даже молдавская лихорадка сдѣлалась. Насилу на родину дотащился къ своимъ простымъ сердцамъ, и радъ

былъ, что городническое мѣстишко себѣ въ жидовскомъ городкѣ досталъ... Не хочу отрицать,—ссорился съ ними не мало, и, признаться сказать, изъ своихъ рукъ училъ, но... слава Богу—жизнь прожита и кусокъ хлѣба даже съ масломъ есть, а вотъ, когда вспомнишь про эту молдавскую лихорадку, такъ опять въ ознобъ броситъ.

И отъ такого непріятнаго ощущенія разсказчикъ опять распаковалъ свою вмѣстительную подушку, налилъ стаканъ аметистовой влаги съ надписью «ея же и монаси пріемлятъ», и молвилъ:

— Выпьемте, господа, за жидовъ и на погибель злымъ плутамъ—румынамъ.

— Что же, это будетъ преоригинально.

— Да, отозвался другой собесѣдникъ,—но не будетъ ли еще лучше, если мы въ эту ночь, когда родился «Другъ грѣшниковъ», пожелаемъ «всѣмъ добра и никому зла».

— Прекрасно, прекрасно!

И воинъ согласился, сказалъ: «абгемахтъ», и выпилъ чарку.

ШТОПАЛЬЩИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преглупое это пожеланіе сулить каждому въ новомъ году новое счастіе, а вѣдь иногда что-то подобное приходитъ. Позвольте мнѣ разсказать вамъ на эту тему небольшое событьице, имѣющее совсѣмъ святочный характеръ.

Въ одну изъ очень давнихъ моихъ побывокъ въ Москвѣ я задержался тамъ долѣе, чѣмъ думалъ, и мнѣ надоѣло жить въ гостиницѣ. Псаломщикъ одной изъ придворныхъ церквей услышалъ, какъ я жаловался на претерпѣваемыя неудобства пріятелю моему, той церкви священнику, и говоритъ:

— Вотъ бы имъ, батюшка, къ куму моему, — у него нынче комната свободная на улицу.

— Къ какому куму? спрашиваетъ священникъ.

— Къ Василью Конычу.

— Ахъ, это «метръ тальеръ Лепутанъ!»

— Такъ точно-съ.

— Что же—это, дѣйствительно, очень хорошо.

И священникъ мнѣ пояснилъ, что онъ и людей этихъ знаетъ, и комната отличная, а псаломщикъ добавилъ еще про одну выгоду:

Если, говоритъ,—что прорвется или низки въ брю-

кахъ обобьются—все опять у васъ будетъ исправно, такъ что глазомъ не замѣтить.

Я всякія дальнѣйшія освѣдомленія почелъ излишними и даже комнаты не пошелъ смотрѣть, а далъ псаломщику ключъ отъ моего номера съ довѣрительною надписью на карточкѣ и поручилъ ему разсчитаться въ гостиницѣ, взять оттуда мои вещи и перевезти все къ его куму. Потомъ я просилъ его зайти за мною сюда и проводить меня на мое новое жилище.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Псаломщикъ очень скоро обдѣлалъ мое порученіе и съ небольшимъ черезъ часъ зашелъ за мною къ священнику.

— Пойдемте, говоритъ,—все уже ваше тамъ разложили и разставили, и окошечки вамъ открыли, и дверку въ садъ на балкончикъ отворили, и даже сами съ кумомъ тамъ же, на балкончикѣ, чайку выпили. Хорошо тамъ, разсказываетъ,—цвѣтки вокругъ, въ крыжевникѣ пташки гнѣздятся и въ клѣткѣ подъ окномъ соловей свищетъ. Лучше какъ на дачѣ, потому—зелено, а межъ тѣмъ все домашнее въ порядкѣ, и если какая пуговица ослабѣла или низки обились—сейчасъ исправятъ.

Псаломщикъ былъ парень аккуратный и большой франтъ, а потому онъ очень напиралъ на эту сторону выгодности моей новой квартиры.

Да и священникъ его поддерживалъ.

— Да, говоритъ,—tailleur Lepoutant такой артистъ по этой части, что другого ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не найдете.

— Спеціалистъ, — серьезно подсказалъ, подавая мнѣ пальто, псаломщикъ.

Кто это Lepoutaut—я не разобралъ, да притомъ это до меня и не касалось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мы пошли пѣшкомъ.

Псаломщикъ увѣрялъ, что извозчика брать не стоитъ, потому что это будто бы «два шага проминажи».

На самомъ дѣлѣ это, однако, оказалось около получасу ходьбы, но псаломщику хотѣлось сдѣлать «проминажу», можетъ быть, не безъ умысла, чтобы показать бывшую у него въ рукахъ тросточку съ лиловой шелковой кистью.

Мѣстность, гдѣ находится домъ Лепутана, была за Москвой-рѣкою къ Яузѣ, гдѣ-то на бережку. Теперь я уже не припомню, въ какомъ это приходѣ и какъ переулокъ называется. Впрочемъ, это собственно не былъ и переулокъ, а скорѣе какой-то непроѣзжій закоулочекъ, въ родѣ стариннаго погоста. Стояла церковка, а вокругъ нея угольничкомъ объѣздъ, и вотъ въ этомъ-то объѣздѣ шесть или семь домиковъ, все очень небольшіе, сѣренькіе, деревянные, одинъ на каменномъ полуэтажѣ. Этотъ былъ всѣхъ показнѣе и всѣхъ больше, и на немъ во весь фронтонъ была прибита большая желѣзная вывѣска, на которой по черному полю золотыми буквами крупно и четко выведено: «Maitr taileur Lepoutant».

Очевидно, здѣсь и было мое жилье, но мнѣ странно показалось: зачѣмъ же мой хозяинъ, по имени Василій Конычъ, называется «Maitr taileur Lepoutant»? Когда его называлъ такимъ образомъ священникъ, я думалъ, что это не болѣе, какъ шутка, и не придалъ этому никакого значенія, но теперь, видя вывѣску, я долженъ былъ перемѣнить свое заключеніе. Очевидно, что дѣло шло въ-серьезъ, и потому я спросилъ моего провожатаго:

— Василій Конычъ—русскій или французъ?

Псаломщикъ даже удивился и какъ будто не сразу понялъ вопросъ, а потомъ отвѣчалъ:

— Что вы это? какъ можно французъ,—чистый русскій! Онъ и платье дѣлаетъ на рынокъ только самое русское:

поддевки и тому подобное, но больше онъ по всей Москвѣ знаменитъ починкою: страсть сколько стараго платья черезъ его руки на рынкѣ за новое идетъ.

— Но все-таки, любопытствую я, — онъ, вѣрно, отъ французовъ происходитъ?

Псаломщикъ опять удивился.

— Нѣтъ, говоритъ, — зачѣмъ же отъ французовъ? Онъ самой правильной здѣшней природы, русской, и дѣтей у меня воспринимаетъ, а вѣдь мы, духовнаго званія, всѣ числимся православные. Да и почему вы такъ воображаете, что онъ приближенъ къ французской націи?

— У него на вывѣскѣ написана французская фамилія.

— Ахъ, это, говоритъ, — совершенные пустяки — одна лаферма. Да и то на главной вывѣскѣ по-французски, а вотъ у самыхъ воротъ, видите, есть другая, русская, вывѣска, эта вѣрнѣе.

Смотрю, и точно у воротъ есть другая вывѣска, на которой нарисованы армякъ и поддевка и два черные жилета съ серебряными пуговицами, сіяющими какъ звѣзды во мракѣ, а внизу подпись:

«Дѣлаютъ кустумы русскаго и духовнаго платья, со спеціальностью ворса, выверта и починки».

Подъ этою второю вывѣскою фамилія производителя «кустумовъ, выверта и починки» не обозначена, а стояли только два иниціала «В. Л.».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Помѣщеніе и хозяинъ оказались въ дѣйствительности выше всѣхъ сдѣланныхъ имъ похвалъ и описаній, такъ что я сразу же почувствовалъ себя здѣсь какъ дома, и скоро полюбилъ моего добраго хозяина Василья Коныча. Скоро мы съ нимъ стали сходиться пить чай, начали благобесѣдовать о разнообразныхъ предметахъ. Такимъ образомъ, разъ сидя за чаемъ на балкончикѣ, мы завели рѣчи на царственныя темы Котелета о суетѣ всего, что̀ есть подъ соли-

цемъ, и о нашей неустанной склонности работать всякой суетѣ. Тутъ и договорились до Лепутана.

Не помню, какъ именно это случилось, но только дошло до того, что Василій Конычъ пожелалъ разсказать мнѣ странную исторію: какъ и по какой причинѣ онъ явился «подъ французскимъ заглавіемъ».

Это имѣетъ маленькое отношеніе къ общественнымъ правамъ и къ литературѣ, хотя писано на вывѣскѣ.

Конычъ началъ просто, но очень интересно.

— Моя фамилія, сударь, сказалъ онъ,—вовсе не Лепутанъ, а иначе, а подъ французское заглавіе меня помѣстила сама *судьба*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Я природный, коренной москвичъ, изъ бѣднѣйшаго званія. Дѣдушка нашъ у Рогожской заставы стелечки для древлестепенныхъ старовѣровъ продавалъ. Отличный былъ старичокъ, какъ святой,—весь сѣденькій, будто подлинялый зайчикъ, а все до самой смерти своими трудами питался: купитъ, бывало, войлочекъ, нарѣжетъ его на кусочки по подошевкѣ, смечетъ нарочками на нитку и ходитъ «по христіанамъ», а самъ поетъ ласково: «стелечки, стелечки, кому надо стелечки?» Такъ, бывало, по всей Москвѣ ходитъ и на одинъ грошъ у него всего товару, а кормится. Отецъ мой былъ портной по древнему фасону. Для самыхъ законныхъ старовѣровъ рабскіе кафташки шилъ съ тремя сборочками, и меня къ своему мастерству выучилъ. Но у меня съ дѣтства особенное дарованіе было — штопать. Крою не фасонисто, но штопать у меня первая охота. Такъ я къ этому приспособился, что, бывало, гдѣ угодно на самомъ видномъ мѣстѣ подштопаю и очень трудно замѣтить.

Старики отцу говорили:

— Это мальцу отъ Бога талантъ данъ, а гдѣ талантъ, тамъ и счастье будетъ.

Такъ и вышло, но до всякаго счастья надо, знаете, покорное терпѣніе, и мнѣ тоже даны были два немалыя испытанія: во-первыхъ, родители мои померли, оставивъ меня въ очень молодыхъ годахъ, а во-вторыхъ, квартирка, гдѣ я жилъ, сгорѣла ночью на самое Рождество, когда я былъ въ Божьемъ храмѣ у заутрени,—и тамъ погорѣло все мое заведеніе: и утюгъ, и колодка, и чужія вещи, которыя были взяты для штопки. Очутился я тогда въ большомъ злостраданіи, но отсюда же и начался первый шагъ къ моему счастію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Одинъ давалецъ, у котораго при моемъ разореніи сгорѣла у меня крытая шуба, пришелъ и говоритъ:

— Потеря моя большая и къ самому празднику непріятно остаться безъ шубы, но я вижу, что взять съ тебя нечего, а надо еще тебѣ помочь. Если ты путный парень, такъ я тебя на хорошій путь выведу, съ тѣмъ, однако, что ты мнѣ современемъ долгъ отдашь.

Я отвѣчаю:

— Если бы только Богъ позволилъ, то съ большимъ моимъ удовольствіемъ: отдать долгъ почитаю за первую обязанность.

Онъ велѣлъ мнѣ одѣться и привелъ въ гостиницу напротивъ главнокомандующаго дома къ подбуфетчику и сказываетъ ему при мнѣ:

— Вотъ, говоритъ,—тотъ самый подмастерье, который, я вамъ говорилъ, что для вашей коммерціи можетъ быть очень способный.

Коммерція ихъ была такая, чтобы разутюживать пріѣзжающимъ всякое платье, которое пріѣдетъ въ чемоданахъ замявшись, и всякую починку дѣлать, гдѣ какая потребуется.

Подбуфетчикъ далъ мнѣ на пробу одну штуку сдѣлать, увидалъ, что исполняю хорошо, и приказалъ оставаться.

— Теперь, говоритъ, — Христовъ праздникъ и господъ много наѣхало, и всѣ пьютъ-гуляютъ, а впереди еще Новый годъ и Крещенье—безобразія будетъ еще больше,— оставайся.

Я отвѣчаю:

— Согласенъ.

А тотъ, что̀ меня привелъ, говоритъ:

— Ну, смотри, дѣйствуй,—здѣсь нажить можно. А только его (т. е. подбуфетчика) слушай какъ пастыря. Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ.

Отвели мнѣ въ заднемъ коридорѣ маленькій уголочекъ при окошечкѣ, и пошелъ я дѣйствовать. Очень много, пожалуй и не счесть, сколько я господъ перечинилъ, и грѣхъ жаловаться, самъ хорошо починился, потому что работы было ужасно какъ много и плату давали хорошую. Люди простой масти тамъ не останавливались, а пріѣзжали одни козыри, которые любили, чтобы постоять съ главнокомандующимъ на одномъ мѣстоположеніи изъ оконъ въ окна.

Особенно хорошо платили за штуковки да за штопку при тѣхъ случаяхъ, если поврежденіе вдругъ неожиданно окажется въ такомъ платьѣ, которое сейчасъ надѣть надо. Иной разъ, бывало, даже совѣстно,— дырка вся въ гривенникъ, а зачинить ее незамѣтно—даютъ золотой.

Меньше червонца дырочку подштопать никогда не плачивали. Но, разумѣется, требовалось уже и искусство настоящее, чтобы, какъ воды капля съ другою слита и нельзя ихъ различить, такъ чтобы и штука была вштукована.

Изъ денегъ мнѣ, изъ каждой платы, давали третью часть, а первую бралъ подбуфетчикъ, другую—услужающіе, которые въ номерахъ господамъ чемоданы съ пріѣзда разбираютъ и платье чистятъ. Въ нихъ все главное дѣло, потому они вещи и помнутъ, и потрутъ, и дырочку клюнутъ, и потому имъ двѣ доли, а остальное мнѣ. Но только и этого было на мою долю такъ достаточно, что я изъ коридорнаго угла ушелъ, и себѣ на томъ же дворѣ по-

спокойнѣе комнатку занялъ, а черезъ годъ подбуфетчикова сестра изъ деревни пріѣхала, я на ней и женился. Теперешняя моя супруга, какъ ее видите,—она и есть, дожила до старости съ почтеніемъ, и, можетъ-быть, на ея долю все Богъ и далъ. А женился просто такимъ способомъ, что подбуфетчикъ сказалъ: «она сирота и ты долженъ ее осчастливить, а потомъ черезъ нее тебѣ большое счастье будетъ». И она тоже говорила: «я, говоритъ, счастливая,— тебѣ за меня Богъ дастъ», и вдругъ, словно черезъ это, въ самомъ дѣлѣ случилась удивительная неожиданность.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пришло опять Рождество, и опять канунъ на Новый годъ. Сижу я вечеромъ у себя—что-то штопаю, и уже думаю работу кончить да спать ложиться, какъ прибѣгаетъ лакей изъ номеровъ и говоритъ:

— Бѣги скорѣй, въ первомъ номерѣ страшный Козырь остановимшись, — почитай, всѣхъ перебилъ, и кого ударитъ — червонцемъ даритъ, — сейчасъ онъ тебя къ себѣ требуетъ.

— Что ему отъ меня нужно?—спрашиваю.

— На балъ, говоритъ,—онъ сталъ одѣваться, и въ самую послѣднюю минуту во фракѣ на видномъ мѣстѣ прожженую дырку осмотрѣлъ; человѣка, который чистилъ, избилъ и три червонца далъ. Бѣги, какъ можно скорѣе, такой сердитый, что на всѣхъ звѣрей сразу похожъ.

Я только головой покачалъ, потому что зналъ, какъ они проѣзжающихъ вещи нарочно портятъ, чтобы профитъ съ работы имѣть, но, однако, одѣлся и пошелъ смотрѣть Козыря, который одинъ сразу на всѣхъ звѣрей похожъ.

Плата непремѣнно предвидѣлась большая, потому что первый номеръ во всякой гостиницѣ считается «козырной» и не роскошный человѣкъ тамъ не останавливается; а въ нашей гостиницѣ цѣна за первый номеръ полагалась въ сутки, по-нынѣшнему, пятнадцать рублей, а по-

тогдашнему счету на ассигнаціи—пятьдесятъ два съ полтиною, и кто тутъ стоялъ, звали его Козыремъ.

Этотъ, къ которому меня теперь привели, на видъ былъ ужасно какой страшный,—ростомъ огромнѣйшій и съ лица смуглъ и дикъ, и дѣйствительно на всѣхъ звѣрей похожъ.

— Ты, — спрашиваетъ онъ меня злобнымъ голосомъ,— можешь такъ хорошо дырку заштопать, чтобы замѣтить нельзя?

Отвѣчаю:

— Зависитъ отъ того, въ какой вещи. Если вещь ворсистая, такъ можно очень хорошо сдѣлать, а если блестящій атласъ или шелковая мове—матерія, съ тѣми не берусь.

— Самъ, говоритъ, — ты мове, а мнѣ какой-то подлецъ вчера, вѣроятно, сзади меня сидѣвши, цыгаркою фракъ прожегъ. Вотъ осмотри его и скажи.

Я осмотрѣлъ и говорю:

— Это хорошо можно сдѣлать.

— А въ сколько времени?

— Да черезъ часъ,—отвѣчаю,—будетъ готово.

— Дѣлай, говоритъ, — и если хорошо сдѣлаешь, получишь денегъ полушку, а если нехорошо, то головой объ кадушку. Поди, разспроси, какъ я здѣшнихъ молодцовъ избилъ, и знай, что тебя я въ сто разъ больнѣе изобью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пошелъ я чинить, а самъ не очень и радъ, потому что не всегда можно быть увѣреннымъ, какъ сдѣлаешь: попроховѣе сукнецо лучше слипнетъ, а которое жоще,—трудно его подворсить такъ, чтобы не было замѣтно.

Сдѣлалъ я, однако, хорошо, но самъ не понесъ, потому что обращеніе его мнѣ очень не нравилось. Работа этакая капризная, что какъ хорошо ни сдѣлай, а все кто охочь придраться легко можно непріятность получить.

Послалъ я фракъ съ женою къ ея брату и наказалъ,

чтобы отдала, а сама скорѣе домой ворочалась, и какъ она прибѣжала назадъ, такъ поскорѣе заперлись изнутри на крюкъ и легли спать.

Утромъ я всталъ и повелъ день своимъ порядкомъ: сижу за работою и жду, какое мнѣ отъ козырнаго барина придутъ сказывать жалованіе — денегъ полушку или головой объ кадушку?

И вдругъ, такъ часу во второмъ, является лакей и говоритъ:

— Баринъ изъ перваго номера тебя къ себѣ требуетъ.

Я говорю:

— Ни за что не пойду.

— Черезъ что такое?

— А такъ—не пойду да и только; пусть лучше работа моя даромъ пропадаетъ, но я видѣть его не желаю.

А лакей сталъ говорить:

— Напрасно ты только страшишься: онъ тобою очень доволенъ остался и въ твоемъ фракѣ на балѣ Новый годъ встрѣчалъ и никто на немъ дырки не замѣтилъ. А теперь у него собрались къ завтраку гости его съ Новымъ годомъ поздравлять и хорошо выпили и, ставши о твоей работѣ разговаривать, объ закладъ пошли: кто дырку найдетъ, да никто не нашелъ. Теперь они на радости, къ этому случаю присыпавшись, за твое русское искусство пьютъ и самого тебя видѣть желаютъ. Иди скорѣй — черезъ это тебя въ Новый годъ новое счастье ждетъ.

И жена тоже на томъ настаиваетъ:

— Иди, да иди, мое сердце, говоритъ, — чувствуетъ, что съ этого наше новое счастье начинается.

Я ихъ послушался и пошелъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Господъ въ первомъ номерѣ я встрѣтилъ человѣкъ десять и всѣ много выпивши, и какъ я пришелъ, то и мнѣ сейчасъ подаютъ бокалъ съ виномъ и говорятъ:

— Пей съ нами вмѣстѣ за твое русское искусство, въ которомъ ты нашу націю прославить можешь.

И разное такое подъ виномъ говорятъ, чего дѣло совсѣмъ и не стóитъ.

Я, разумѣется, благодарю и кланяюсь, и два бокала выпилъ за Россію и за ихъ здоровье, а болѣе,—говорю,—не могу сладкаго вина пить черезъ то, что я къ нему не привыченъ, да и такой компаніи не заслуживаю.

А страшный баринъ изъ перваго номера отвѣчаетъ:

— Ты, братецъ, оселъ и дуракъ, и скотина,—ты самъ себѣ цѣны не знаешь, сколько ты по своимъ дарованіямъ заслуживаешь. Ты мнѣ помогъ подъ Новый годъ весь предлогъ жизни исправить, черезъ то, что я вчера на балу любимой невѣстѣ важнаго рода въ любви открылся и согласіе получилъ, въ этотъ мясоѣдъ и свадьба моя будетъ.

— Желаю, говорю, — вамъ и будущей супругѣ вашей принять законъ въ полномъ счастіи.

— А ты за это выпей.

Я не могъ отказаться и выпилъ, но дальше прошу отпустить.

— Хорошо, говоритъ, — только скажи мнѣ, гдѣ ты живешь и какъ тебя звать по имени, отчеству и прозванію: я хочу твоимъ благодѣтелемъ быть.

Я отвѣчаю:

— Звать меня Василій, по отцу Кононовъ сынъ, а прозваніе Лапутинъ, и мастерство мое тутъ же рядомъ, тутъ и маленькая вывѣска есть, обозначено: «Лапутинъ».

Разсказываю это и не замѣчаю, что всѣ гости при моихъ словахъ чего-то порскнули и со смѣху покатились, а баринъ, которому я фракъ чинилъ, ни съ того, ни съ сего, хлясь меня въ ухо, а потомъ хлясь въ другое, такъ что я на ногахъ не устоялъ. А онъ подтолкнулъ меня выступкомъ къ двери, да за порогъ и выбросилъ,

Ничего я понять не могъ, и дай Богъ скорѣе ноги.

Прихожу, а жена спрашиваетъ.

— Говори скорѣе, Васинька, какъ мое счастье тебѣ послужило?

Я говорю:

— Ты меня, Машенька, во всѣхъ частяхъ подробно не разспрашивай, но только если по этому началу въ такомъ же родѣ дальше пойдетъ, то лучше бы для твоего счастья не жить. Избилъ меня, ангелъ мой, этотъ баринъ.

Жена встревожилась, — что, какъ и за какую провинность; а я, разумѣется, и сказать не могу, потому что самъ ничего не знаю.

Но пока мы этотъ разговоръ ведемъ, вдругъ у насъ въ сѣнечкахъ что-то застучало, зашумѣло, загремѣло, и входитъ мой изъ перваго номера благодѣтель.

Мы оба встали съ мѣстъ и на него смотримъ, а онъ, раскраснѣвшись отъ внутреннихъ чувствъ, или еще вина подбавивши, и держитъ въ одной рукѣ дворницкій топоръ на долгомъ топорищѣ, а въ другой поколотую въ щепы дощечку, на которой была моя плохая вывѣсочка съ обозначеніемъ моего бѣднаго рукомесла и фамиліи: «старье чинитъ и выворачиваетъ Лапутинъ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вошелъ баринъ съ этими поколотыми досточками и прямо кинулъ ихъ въ печку, а мнѣ говоритъ: «одѣвайся, сейчасъ вмѣстѣ со мною въ коляскѣ поѣдемъ.—я счастье жизни твоей устрою. Иначе и тебя, и жену, и все, что у васъ есть какъ эти доски поколю».

Я думаю:—чѣмъ съ такимъ дебоширомъ спорить, лучше его скорѣе изъ дома увести, чтобы женѣ какой обиды не сдѣлалъ.

Торопливо одѣлся,—говорю женѣ:

— Перекрести меня, Машенька!—и поѣхали. Прикатили въ Бронную, гдѣ жилъ извѣстный покупной сводчикъ Прохоръ Иванычъ, и баринъ сейчасъ спросилъ у него:

— Какіе есть въ продажу дома и въ какой мѣстности,

на цѣну отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ, или немножко болѣе. Разумѣется, по-тогдашнему, на ассигнаціи.

— Только мнѣ такой домъ требуется, объясняетъ,—чтобы его сію минуту взять и перейти туда можно.

Сводчикъ вынулъ изъ комода тетрадь, вздѣлъ очки, посмотрѣлъ въ одинъ листъ, въ другой, и говоритъ:

— Есть домъ на всѣ виды вамъ подходящій, но только прибавить немножко придется.

— Могу прибавить.

— Такъ надо дать до тридцати пяти тысячъ.

— Я согласенъ.

— Тогда, говоритъ,—все дѣло въ часъ кончимъ и завтра въѣхать въ него можно, потому что въ этомъ домѣ дьяконъ на крестинахъ куриной костью подавился и померъ, и черезъ то тамъ теперь никто не живетъ.

Вотъ это и есть тотъ самый домикъ, гдѣ мы съ вами теперь сидимъ. Говорили, будто здѣсь покойный дьяконъ ночами ходитъ и давится, но только все это совершенные пустяки и никто его тутъ при насъ ни разу не видывалъ. Мы съ женою на другой же день сюда переѣхали, потому что баринъ намъ этотъ домъ по дарственной перевелъ; а на третій день онъ приходитъ съ рабочими, которыхъ больше какъ шесть или семь человѣкъ, и съ ними лѣстница и вотъ эта самая вывѣска, что я будто французскій портной.

Пришли и приколотили, и назадъ ушли, а баринъ мнѣ наказалъ:

— Одно, говоритъ, — тебѣ мое приказаніе: вывѣску эту никогда не смѣть перемѣнять и на это названіе отзываться. И вдругъ вскрикнулъ:

— Лепутанъ!

Я откликаюсь:

— Чего изволите?

— Молодецъ, говоритъ. — Вотъ тебѣ еще тысячу рублей на ложки и плошки, но смотри, Лепутанъ, — заповѣди мои соблюди и тогда самъ соблюденъ будешь, а ежели

что... да, спаси тебя Господи, станешь въ своемъ прежнемъ имени утверждаться и я узнаю... то во первое предисловіе я всего тебя изобью, а во-вторыхъ, по закону, «даръ дарителю возвращается». А если въ моемъ желаніи пребудешь, то объясни, что тебѣ еще надо, и все отъ меня получишь.

Я его благодарю и говорю, что никакихъ желаніевъ не имѣю и не придумаю, окромя одного,—если его милость будетъ, сказать мнѣ: что̀ все это значитъ и за что̀ я домъ получилъ?

Но этого онъ не сказалъ.

— Это, говоритъ, — тебѣ совсѣмъ не надо, но только помни, что съ этихъ поръ ты называешься—«Лепутанъ» и такъ въ моей дарственной именованъ. Храни это имя: тебѣ это будетъ выгодно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Остались мы въ своемъ домѣ хозяйствовать и пошло у насъ все очень благополучно, и считали мы такъ, что все это женинымъ счастіемъ, потому что настоящаго объясненія долгое время ни отъ кого получить не могли, но одинъ разъ пробѣжали тутъ мимо насъ два господина и вдругъ остановились и входятъ.

Жена спрашиваетъ:

— Что прикажете?

Они отвѣчаютъ:

— Намъ нужно самого мусье Лепутана.

Я выхожу, а они переглянулись, оба вразъ засмѣялись и заговорили со мною по-французски.

Я извиняюсь, что по-французски не понимаю.

— А давно ли, спрашиваютъ,—вы стали подъ этой вывѣской?

Я имъ сказалъ сколько лѣтъ.

Ну, такъ и есть. Мы васъ, говорятъ,—помнимъ и видѣли: вы одному господину подъ Новый годъ удивительно

фракъ къ балу заштопали и потомъ отъ него при насъ непріятность въ гостиницѣ перенесли.

— Совершенно вѣрно, говорю,—былъ такой случай, но только я этому господину благодаренъ и черезъ него жить пошелъ, но не знаю ни его имени, ни прозванія, потому все это отъ меня скрыто.

Они мнѣ сказали его имя, а фамилія его, прибавили,— Лапутинъ.

— Какъ, Лапутинъ?

— Да, разумѣется, говорятъ,—Лапутинъ. А вы развѣ не знали черезъ что онъ вамъ все это благодѣтельство оказалъ. Черезъ то, чтобы его фамиліи на вывѣскѣ не было.

— Представьте, говорю,—а мы о-сю пору ничего этого понять не могли, благодѣяніемъ пользовались, а словно какъ въ потемкахъ.

— Но, однако,—продолжаютъ мои гости,—ему отъ этого ничего не помоглося,—вчера съ нимъ новая исторія вышла.

И разсказали мнѣ такую новость, что стало мнѣ моего прежняго однофамильца очень жалко.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Жена Лапутина, которой они сдѣлали предложеніе въ заштопанномъ фракѣ, была еще щекотистѣе мужа и обожала важность. Сами они оба были не Богъ вѣсть какой породы, а только отцы ихъ по откупамъ разбогатѣли, но искали знакомства съ одними знатными. А въ ту пору у насъ въ Москвѣ былъ главнокомандующимъ графъ Закревскій, который самъ тоже, говорятъ, былъ изъ поляцкихъ шляхтецовъ, и его настоящіе господа, какъ князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, не высоко числили; но прочіе обольщались быть въ его домѣ приняты. Моего прежняго однофамильца супруга тоже этой чести жаждали. Однако, Богъ ихъ знаетъ почему, имъ это долго не выходило, но, нако-

нецъ, нашелъ господинъ Лапутинъ сдѣлать графу какую-то пріятность, и тотъ ему сказалъ:

— Заѣзжай, братецъ, ко мнѣ, я велю тебя принять, скажи мнѣ, чтобы я не забылъ: какъ твоя фамилія?

Тотъ отвѣчалъ, что его фамилія Лапутинъ.

— Лапутинъ?—заговорилъ графъ,—Лапутинъ... Постой, постой, сдѣлай милость, Лапутинъ... Я что-то помню, Лапутинъ... Это чья-то фамилія.

— Точно такъ, говоритъ, — ваше сіятельство, это моя фамилія.

— Да, да, братецъ, дѣйствительно это твоя фамилія, только я что-то помню... какъ будто былъ еще кто-то Лапутинъ. Можетъ-быть, это твой отецъ былъ Лапутинъ?

Баринъ отвѣчаетъ, что его отецъ былъ Лапутинъ.

— То-то я помню, помню... Лапутинъ. Очень можетъ быть, что это твой отецъ. У меня очень хорошая память; пріѣзжай, Лапутинъ, завтра же пріѣзжай; я тебя велю принять, Лапутинъ.

Тотъ отъ радости себя не помнитъ и на другой день ѣдетъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Но графъ Закревскій память свою хотя и хвалилъ, однако, на этотъ разъ оплошалъ и ничего не сказалъ, чтобы принять господина Лапутина.

Тотъ разлетѣлся.

— Такой-то, говоритъ,—и желаю видѣть графа.

А швейцаръ его не пущаетъ.

— Никого, говоритъ,—не велѣно принимать.

Баринъ такъ-сякъ его убѣждать,—что «я,—говоритъ,—не самъ, а по графскому зову пріѣхалъ», — швейцаръ ко всему пребываетъ нечувствителенъ.

— Мнѣ, говоритъ,—никого не велѣно принимать, а если вы по дѣлу, то идите въ канцелярію,

— Не по дѣлу я,—обижается баринъ,—а по личному зна-

комству; графъ навѣрно тебѣ сказалъ мою фамилію — Лапутинъ, а ты, вѣрно, напуталъ.

— Никакой фамиліи мнѣ вчера графъ не говорилъ.

— Этого не можетъ быть; ты просто позабылъ фамилію — Лапутинъ.

— Никогда я ничего не позабываю, а этой фамиліи я даже и не могу позабыть, потому что я самъ Лапутинъ.

Баринъ такъ и вскипѣлъ.

— Какъ, говоритъ,—ты самъ Лапутинъ! Кто тебя научилъ такъ назваться?

А швейцаръ ему отвѣчаетъ:

— Никто меня не научалъ, а это наша природа, и въ Москвѣ Лапутиныхъ обширное множество, но только остальные незначительны, а въ настоящіе люди одинъ я вышелъ.

А въ это время, пока они спорили, графъ съ лѣстницы сходитъ и говоритъ:

— Дѣйствительно, это я его и помню, онъ и есть Лапутинъ, и онъ у меня тоже мерзавецъ. А ты въ другой разъ приди, мнѣ теперь некогда. До свиданія.

Ну, разумѣется, послѣ этого уже какое свиданіе!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Разсказалъ мнѣ это maître tailleur Lepoutant съ сожалительною скромностью и прибавилъ въ видѣ финала, что на другой же день ему довелось, идучи съ работою по бульвару, встрѣтить самого анекдотическаго Лапутина, котораго Василій Конычъ имѣлъ основаніе считать своимъ благодѣтелемъ.

— Сидитъ, говоритъ,—на лавочкѣ очень грустный. Я хотѣлъ проюркнуть мимо, но онъ лишь замѣтилъ и говоритъ:

— Здравствуй, monsieur Lepoutant! Какъ живешь-можешь?

— По Божьей и по вашей милости—очень хорошо. Вы какъ, батюшка, изволите себя чувствовать?

— Какъ нельзя хуже; со мною прескверная исторія случилась.

— Слышалъ, говорю,—сударь, и порадовался, что вы его, по крайней мѣрѣ, не тронули.

— Тронуть его, отвѣчаетъ, — невозможно, потому что онъ не свободнаго трудолюбія, а при графѣ въ мерзавцахъ служитъ; но я хочу знать: кто его подкупилъ, чтобы мнѣ эту подлость сдѣлать?

А Конычъ, по своей простотѣ, сталъ барина утѣшать.

— Не ищите, говоритъ, — сударь, подученія. Лапутиныхъ, точно, много есть, и есть между нихъ люди очень честные, какъ, напримѣръ, мой покойный дѣдушка,—онъ по всей Москвѣ стелечки продавалъ...

А онъ меня вдругъ съ этого слова вразъ черезъ всю спину палкою... Я и убѣжалъ, и съ тѣхъ поръ его не видалъ, а только слышалъ, что они съ супругой за границу во Францію уѣхали, и онъ тамъ разорился и умеръ, а она надъ нимъ памятникъ поставила, да, говорятъ, по случаю, съ такою надписью, какъ у меня на вывѣскѣ: «Лепутанъ». Такъ и вышли мы опять однофамильцы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Василій Конычъ закончилъ, а я его спросилъ: почему онъ теперь не хочетъ перемѣнить вывѣски и выставить опять свою законную, русскую фамилію?

— Да зачѣмъ, говоритъ,—сударь, ворошить то, съ чего новое счастье стало, черезъ это можно вредъ всей окрестности сдѣлать.

— Окрестности-то какой же вредъ?

— А какъ же-съ, моя французская вывѣска, хотя, положимъ, всѣ знаютъ, что одна лаферма, однако, черезъ нее наша мѣстность другой эфектъ получила, и дома у всѣхъ сосѣдей совсѣмъ другой противъ прежняго профитъ имѣютъ.

Такъ Конычъ и остался французомъ для пользы обывателей своего замоскворѣцкаго закоулка, а его знатный однофамилецъ безъ всякой пользы сгнилъ подъ псевдонимомъ у Перъ-Лашеза.

ЖИДОВСКАЯ КУВЫРКОЛЛЕГІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было на святкахъ послѣ большихъ еврейскихъ погромовъ. Событія эти служили повсемѣстно темою для живыхъ и иногда очень странныхъ разговоровъ на одну и ту же тему: какъ намъ быть съ евреями? Куда ихъ выпродить, или кому подарить, или самимъ ихъ на свой ладъ передѣлать? Были охотники и дарить, и выпроваживать, но самые практическіе изъ собесѣдниковъ встрѣчали въ обоихъ этихъ случаяхъ неудобство и болѣе склонялись къ тому, что лучше евреевъ приспособить къ своимъ домашнимъ надобностямъ—по преимуществу изнурительнымъ, которыя вели бы родъ ихъ на убыль.

— Но это вы, господа, задумываете что-то въ родѣ «египетской работы», молвилъ нѣкто изъ собесѣдниковъ... Будетъ ли это современно?

— На современность намъ смотрѣть нечего, отвѣчалъ другой, — мы живемъ внѣ современности, но евреи прескверные строители; а наши инженеры и безъ того гадко строятъ. А вотъ война... военное дѣло тоже убыточно, и чѣмъ намъ лить на поляхъ битвы русскую кровь, гораздо бы лучше поливать землю кровью жидовскою.

Съ этимъ согласились многіе, но только послышались

возраженія, что евреи ничего не стоятъ какъ воины, что они—трусы и имъ совсѣмъ чужды отвага и храбрость.

А тутъ сидѣлъ одинъ изъ заслуженныхъ военныхъ, который замѣтилъ, что и храбрость, и отвагу въ сердца жидовъ можно влить.

Всѣ засмѣялись и кто-то замѣтилъ, что это до сихъ поръ еще никому не удавалось.

Военный возразилъ:

— Напротивъ, удавалось, и притомъ съ самымъ блестящимъ результатомъ.

— Когда же это и гдѣ?

— А это цѣлая исторія, о которой я слышалъ отъ очень вѣрнаго человѣка.

Мы попросили разсказать и тотъ началъ.

— Въ Кіевѣ, въ сороковыхъ годахъ, жилъ нѣкто полковникъ Стадниковъ. Его многіе знали въ мѣстномъ высшемъ кругѣ, образовавшемся изъ чиновнаго населенія, и въ средѣ настоящаго кіевскаго аристократизма, каковымъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признавать «кіевскихъ старожилыхъ мѣщанъ». Эти хранили тогда еще воспоминанія о своихъ магдебургскихъ правахъ и своихъ предкахъ, выѣзжавшихъ, въ силу тѣхъ правъ, на днѣпровскую Іордань верхомъ на коняхъ и съ рушницами, которыя они, по командѣ, то вскидывали на плечо, то опускали «товстымъ кінцемъ до чобота!» Захудалые потомки этой настоящей кіевской знати именовали Стадникова «Штанниковымъ»; такъ, вѣроятно, на ихъ вкусъ выходило больше «по-московски» или, просто, такъ было легче для ихъ мягкаго и нѣжнаго произношенія.

Стадниковъ пользовался въ городѣ хорошею репутаціею и добрымъ расположеніемъ; онъ былъ отличный стрѣлокъ и, какъ настоящій охотникъ, самъ не ѣлъ дичи, а всегда ее раздаривалъ. Поэтому извѣстная доля общества была даже заинтересована въ его охотничьихъ успѣхахъ. Кромѣ того, полковникъ былъ, что называется, «пріятный собесѣдникъ». Онъ уже довольно прожилъ на своемъ вѣку;

честно служилъ и храбро сражался; много видѣлъ умнаго и глупаго и при случаѣ умѣлъ разсказать занимательную исторійку.

Въ разсказахъ Стадниковъ всегда держался короткаго, такъ сказать, лапидарнаго стиля, въ которомъ прославился король баварскій, но наивысшаго совершенства, по моему мнѣнію, достигъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

Стадниковъ, впрочемъ, и съ вида былъ похожъ на Хрулева, да имѣлъ и нѣкоторыя другія сходныя съ нимъ черты. Такъ, онъ, напримѣръ, подобно Хрулеву, могъ играть въ карты безъ сна и безъ отдыха по цѣлой недѣлѣ. Соперниковъ по этой выносливости у него во всемъ Кіевѣ не было ни одного, но были только два, достойные его силъ, партнера. Одинъ изъ нихъ былъ просто іерей, а другой — протоіерей. Перваго изъ нихъ звали Евфиміемъ, а другого—Василіемъ. Оба они были люди предобрые и пользовались въ городѣ большою извѣстностью, а притомъ обладали какъ замѣчательными силами физическими, такъ и дарами духовными. Но при всемъ томъ полковникъ далеко превосходилъ ихъ въ выносливости и однажды до того ихъ спуталъ, что отецъ протоіерей, перейдя отъ карточнаго стола къ совершенію утренняго служенія, не во̀-время позабылся и, вмѣсто положеннаго возгласа: «яко твое царство»,—возгласилъ причетнику: «пассъ!»

Впрочемъ, въ доброй компаніи, которая состояла изъ этихъ трехъ милыхъ людей, не только дѣлали, что играли: случалось, что они иногда отрывались отъ картъ для другихъ занятій, напримѣръ, закусывали и кое-о-чемъ говорили. Разсказывалъ, впрочемъ, по преимуществу болѣе одинъ Стадниковъ и, какъ нѣкоторые примѣчали, онъ, будто бы, какъ разсказчикъ, не очень строго держался сухой правды, а немного «расцвѣчалъ» свои повѣствованія, или, какъ по-охотницки говорится, немножко привиралъ, но вѣдь безъ этого и невозможно. Довольно того, что полковникъ дѣлалъ это такъ складно и ладно, что вводную неправду у него было очень трудно отличать отъ дѣйстви-

тельной основы. Притомъ же Стадниковъ былъ неуступчивъ и переспорить его было невозможно. Разсказывали, будто полковникъ побѣдоносно выходилъ изъ всевозможныхъ въ этомъ родѣ затрудненій до того, что его никто никогда не останавливалъ и ему не возражали; да это и было безполезно. Одинъ разъ полковникъ ошибкой или по увлеченію сказалъ, будто онъ имѣлъ гдѣ-то въ степяхъ ордынскихъ овецъ, у которыхъ было по пуду въ курдюкѣ, а нѣкто, случившійся здѣсь, перехватилъ еще болѣе, что у его овецъ по пуду слишкомъ... Полковникъ только посмотрѣлъ на смѣльчака и спросилъ съ состраданіемъ:

— Да, но что же такое было въ хвостахъ у вашихъ овецъ?

— Разумѣется, сало,—отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Ага, то-то и есть! А у моихъ былъ воскъ!

Тѣмъ и покончилъ. Разумѣется, съ такимъ человѣкомъ спорить было невозможно, но слушать его пріятно.

Говорить здѣсь любили о матеріяхъ важныхъ, и одинъ разъ тутъ при мнѣ шла замѣчательная рѣчь о министрахъ и царедворцахъ, причемъ всѣ тогдашніе вельможи были подвергаемы очень строгой критикѣ; но вдругъ усиліемъ одного изъ іереевъ былъ выдвинутъ и высоко превознесенъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, который «одинъ изъ всѣхъ» не взялъ денегъ съ жидовъ и настоялъ на призывѣ евреевъ къ военной службѣ, наравнѣ со всѣми прочими податными людьми въ русскомъ государствѣ.

Исторія эта, сколько помню, излагалась тогда такимъ образомъ.

Когда государь Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на то, что жиды не несутъ рекрутской повинности и захотѣлъ обсудить это съ своими совѣтниками, то жиды подкупили, будто, всѣхъ важныхъ вельможъ и согласились совѣтовать государю, что евреевъ нельзя брать въ рекруты на томъ основаніи, что «они всю армію перепортятъ». Но не могли жиды задарить только одного графа Мордвинова, который былъ хоть и не богатъ, да честенъ, и держался

насчетъ жидовъ такихъ мыслей, что если они живутъ на русской землѣ, то должны одинаково съ русскими нести всѣ тягости и служить въ военной службѣ. А что насчетъ порчи арміи, то онъ этому не вѣрилъ. Однако, евреи все-таки отъ своего не отказывались и не теряли надежды сдѣлаться какъ-нибудь съ Мордвиновымъ: подкупить его или погубить клеветою. Нашли они какого-то одного близкаго графу бѣднаго родственника и склонили его за немалый даръ, чтобы онъ упросилъ Мордвинова принять ихъ и выслушать всего только «два слова»; а своего слова онъ имъ могъ ни одного не сказать. Иначе, дали намекъ, что они все равно, если не такъ, то иначе графа остепенятъ.

Бѣдный родственникъ соблазнился, принялъ жидовскіе дары и говоритъ графу Мордвинову:

— Такъ и такъ, вы меня при моей бѣдности можете осчастливить.

Графъ спрашиваетъ:

— Что же для этого надо сдѣлать, какую неправду?

А бѣдный родственникъ отвѣчаетъ:

— Никакой неправды не надо, а надо только, чтобы вы для меня два жидовскія слова выслушали и ни одного своего не сказали. Черезъ это, — говоритъ, — и вамъ собственный покой и интересъ будетъ.

Графъ подумалъ, улыбнулся и, какъ имѣлъ сердце очень доброе, то отвѣчалъ:

— Хорошо, такъ и быть, я для тебя это сдѣлаю: два жидовскія слова выслушаю и ни одного своего не скажу.

Родственникъ побѣжалъ къ жидамъ, чтобы ихъ обрадовать, а они ему сейчасъ же обѣщанный даръ выдали настоящими золотыми лобанчиками, по два рубля семи гривенъ за штуку, только не прямо изъ рукъ въ руки кучкой дали, а каждый лобанчикъ по столу, покрытому сукномъ, перешмыгнули, отчего съ каждаго золотого на четвертакъ золотой пыли соскочило и въ ихъ пользу осталось. Бѣдный же родственникъ ничего этого не понялъ и сейчасъ побѣ-

жалъ себѣ домикъ купить, чтобы ему было гдѣ жить съ родственниками. А жиды на другое же утро къ графу и принесли съ собою три сельдяныхъ бочонка.

Камердинеръ графскій удивился, съ какой это стати графу селедки принесли, но дѣлать было нечего, допустилъ положить тѣ бочонки въ залѣ и пошелъ доложить графу. А жиды, межъ тѣмъ, пока графъ къ нимъ вышелъ, эти свои сельдяные бочонки раскрыли и въ нихъ срѣзь съ краями полно золота. Всѣ монетки новенькія, какъ жаръ горятъ, и биты однимъ калибромъ: по пяти рублей пятнадцати копѣекъ за штуку.

Мордвиновъ вошелъ и сталъ молча, а жиды показали руками на золото и проговорили только два слова:

«Возьмите.—молчите», а сами съ этимъ повернулись и, не ожидая никакого отвѣта, вышли.

Мордвиновъ велѣлъ золото убрать, а самъ поѣхалъ въ государственный совѣтъ и, какъ пришелъ, то точно воды въ ротъ набралъ, — ничего не говоритъ... Такъ онъ молчалъ во все время, пока другіе говорили и доказывали государю всѣми доказательствами, что евреямъ нельзя служить въ военной службѣ. Государь замѣтилъ, что Мордвиновъ молчитъ, и спрашиваетъ его:

— Что вы, графъ Николай Семеновичъ, молчите? Для какой причины? Я ваше мнѣніе знать очень желаю.

А Мордвиновъ будто отвѣчалъ:

— Простите, ваше величество, я не могу ничего говорить, потому что я жидамъ продался.

Государь большіе глаза сдѣлалъ и говоритъ:

— Этого быть не можетъ?

— Нѣтъ, точно такъ, отвѣчаетъ Мордвиновъ, — я три сельдяные бочонка съ золотомъ взялъ, чтобы ни одного слова правды не сказывать.

Государь улыбнулся и сказалъ:

— Если вамъ три бочонка золота дали за то, чтобы вы только молчали, сколько же надо было дать тѣмъ, которые

взялись говорить?.. Но мы это теперь безъ дальнихъ словъ покончимъ.

И съ этимъ взялъ со стола проектъ, гдѣ было написано, чтобы евреевъ брать въ рекруты наравнѣ съ прочими, и написалъ: «быть по сему». Да въ прибавку повелѣлъ еще за тѣхъ, кои, если уклоняться вздумаютъ, то брать за нихъ трехъ, вмѣсто одного, штрафу.

Кажется, это построено слишкомъ по австрійскому анекдоту, извѣстному подъ заглавіемъ: «одно слово министру...» Изъ этого давно сдѣлана пьеска, которая тоже давно уже разыгрывается на театрахъ и близко знакома русскимъ по превосходному исполненію Самойловымъ трудной мимической роли жида; но въ то время, къ которому относится мой разсказъ, этотъ слухъ ходилъ повсемѣстно, и всѣ ему вполнѣ вѣрили, и русскіе восхваляли честность Мордвинова, а евреи жестоко его проклинали.

Анекдотъ этотъ былъ цѣликомъ вспомянутъ въ той задушевной бесѣдѣ полковника Стадникова съ іереями Василіемъ и Евфиміемъ, съ которой начинается нашъ разсказъ, и отсюда рѣчь повели далѣе.

Не любившій дѣлать въ чемъ бы то ни было уступки, полковникъ не выдержалъ и сказалъ:

— Да, эта пѣсня всѣмъ знакома, и давно вы ее все дудите, а того никто не знаетъ, что все бы это ни къ чему еще не повело, если бы въ это дѣло не вмѣшался еще одинъ человѣкъ.—И неуступчивый полковникъ сейчасъ же пояснилъ, что Мордвиновъ настроилъ это дѣло только въ теоріи, а на самомъ исполненіи оно еще могло погибнуть. И въ этой своей, гораздо болѣе важной, части оно спасено другимъ лицомъ, съ которымъ Мордвиновъ, по справедливости, долженъ бы подѣлиться честью. Но какъ справедливости нѣтъ на землѣ, то этотъ достойный человѣкъ не только ничѣмъ не награжденъ, но даже остается въ полнѣйшей неизвѣстности.

— А кто же это такой?—вопросили оба іерея.

— Это одинъ простодушный кромчанинъ незнатнаго

происхожденія, по имени Симеонъ Машкинъ или Мамашкинъ,—судя по фамиліи, должно-быть, сынъ пылкой, но незаконной любви, которому я далъ за всю его патріотическую услугу три гривенника, да и тѣ ему впрокъ не пошли.

Отцы іереи вспомнили, какъ полковникъ спорилъ про бараньи курдюки, и сказали:

— Ну, это вы, вѣроятно, опять что-нибудь такое, изъ чего воскъ выйдетъ.

Но полковникъ отвѣчалъ, что это не воскъ, а исторія, и притомъ самая настоящая, самая правдивая исторія, которой ни за что бы не должно забыть неблагодарное потомство, ибо она свидѣтельствуетъ о ясномъ умѣ и глубокой сообразительности человѣка изъ народа.

— Ну, такъ подавайте вашу исторію и, если она интересна, мы ее охотно послушаемъ.

— Да, она очень интересна, — сказалъ Стадниковъ и, переставъ тасовать карты, началъ слѣдующее повѣствованіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣсть, что еврейская просьба объ освобожденіи ихъ отъ рекрутства не выиграла, стрѣлою пролетѣла по пантофлевой почтѣ во всѣ мѣста ихъ осѣдлости. Тутъ сразу же и по городамъ, и по мѣстечкамъ поднялся ужасный гвалтъ и вой. Жиды кричали громко, а жидовки еще громче. Всѣ всполошились и заметались какъ угорѣлые. Совсѣмъ потеряли головы и не знали, что дѣлать. Даже не знали, какому Богу молиться, которому жаловаться. До того дошло, что къ покойному императору Александру Павловичу руки вверхъ все поднимали и вопили на небо:

— Ай, Александеръ, Александеръ, посмотри, що зъ нами твій Миколайчикъ робитъ!

Думали, вѣрно, что Александръ Павловичъ, по огромной своей деликатности, оттуда для нихъ назадъ въ Ильиной колесницѣ спустится и братнино слово «быть по сему» вычеркнетъ.

Долго они съ этимъ, какъ угорѣлые, по школамъ и базарамъ бѣгали, но никого съ неба не выкликали. Тогда всѣ вдругъ это бросили и начали, куда кто могъ, дѣтей прятать. Отлично, шельмы, прятали, такъ что никто не могъ розыскать. А которымъ не удалось спрятать, тѣ ихъ калѣчили, — плакали, а калѣчили, чтобы сдѣлать негодными.

Въ нѣсколько дней все молодое жидовство, какъ талый снѣгъ, въ землю ушло или поверглось въ отвратительныя лихія болѣсти. Этакой гадости, какую они надъ собой производили, кажется, никогда и не видала наша сарматская сторона. Одни сплошь до шеи покрывались самыми злокачественными золотушными паршами, какихъ ни на одной русской собакѣ до тѣхъ поръ было не видано; другіе сдѣлали себѣ падучую болѣзнь; третьи охромѣли, окривѣли и осухоручили. Бретонскіе компрачикосы, надо полагать, даже не знали того, что тутъ умѣли дѣлать. Въ Бердичѣ были слухи, будто бы объявился такой докторъ, который бралъ сто рублей за «прецептъ», отъ котораго «кишки наружу выходили, а душа въ тѣлѣ сидѣла». Во многихъ польскихъ аптекахъ продавалось какое-то жестокое снадобье подъ невиннымъ и притомъ исковерканнымъ названіемъ: «капель съ датскаго корабля». Отъ этихъ капель человѣкъ надолго, чуть ли не на цѣлые полгода, терялъ владѣніе всѣми членами и выдерживалъ самое тщательное испытаніе въ госпиталяхъ *). Все это покупали и употребляли, предпочитая, кажется, самыя ужасныя увѣчья служебной неволѣ. Только умирать не хотѣли, чтобы не сокращать чрезъ то родъ израилевъ.

Наборъ, назначенный вскорѣ же послѣ рѣшенія вопроса, съ самаго начала пошелъ ужасно туго, и вскорѣ же понадобились самыя крутыя мѣры побужденія, чтобы законъ, съ

*) О такомъ же способѣ разсказываетъ въ одномъ мѣстѣ извѣстный знатокъ солдатской жизни А. Ѳ. Погосскій. Секретъ этотъ знали и русскія знахарки и обманывали имъ врачей съ блистательнымъ успѣхомъ.

грѣхомъ пополамъ, былъ исполненъ. Приказано было за каждаго недоимочнаго рекрута брать трехъ штрафныхъ. Тутъ уже стало не до шутокъ. Сдатчики набирали кое-какихъ, преимущественно, разумѣется, бѣдняковъ, за которыхъ стоять было некому. Между этими попадались и здоровенькіе, такъ какъ у нихъ, видно, не хватало средствъ, чтобы купить спасительныхъ капель «съ датскаго корабля». Иной, бывало, свеклой ноженьки вымажетъ или ободранный козій хвостикъ себѣ приткнетъ, будто кишки изъ него валятся, но сейчасъ у него это вытащутъ и браво—лобъ забрѣютъ, и служи Богу и государю вѣрой и правдой.

Со всѣми возмутительными мѣрами побужденія кое-какіе полукалѣки, наконецъ, были забриты и началась новая мука съ ихъ устройствомъ къ дѣлу. Вдругъ сюрпризомъ начало обнаруживаться, что евреи воевать не могутъ. Здѣсь уже вашъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ никакой помощи намъ оказать не могъ, а военные люди струсили, какъ бы «не пошелъ портежъ въ арміи». Жидки же этого, разумѣется, весьма хотѣли и пробовали привесть въ дѣйство хитрость несказанную.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Набрано было евреевъ въ войска и взрослыхъ и малолѣтковъ, которымъ минуло будто уже двѣнадцать лѣтъ. Взрослыхъ было немного сравнительно съ малолѣтками, зато съ ними возни было во сто разъ болѣе, чѣмъ съ малолѣтками. Маленькихъ помѣщали въ батальоны военныхъ кантонистовъ, гдѣ наши отцы духовные, по распоряженію отцовъ-командировъ, въ одно мановеніе ока приводили этихъ ребятишекъ къ познанію истинъ православной христіанской вѣры и крестили ихъ во славу имени Господа Іисуса, а со взрослыми это было гораздо труднѣе, и потому ихъ оставляли при всемъ ихъ ветхозавѣтномъ заблужденіи и размѣшали въ небольшомъ количествѣ въ команды.

Все это была, какъ я вамъ сказалъ, самая препоганая

калѣчь, способная наводить одно уныніе на фронтъ. И жалостно, и смѣшно было на нихъ смотрѣть, и поневолѣ думалось:

«Изъ-за чего и споръ былъ? Стоило ли брать въ службу такихъ козероговъ, чтобы ими только фронтъ поганить?»

Само дѣло показывало, что надо ихъ убирать куда-нибудь съ глазъ подальше. Въ большинствѣ случаевъ они и сами этого желали и сразу же, обнявъ умомъ свое новое положеніе, старались попадать въ музыкантскія школы или въ швальни, гдѣ нѣтъ дѣла съ ружьемъ. А отъ ружья пятились хуже, чѣмъ чортъ отъ поповскаго кропила, и вдругъ обнаружили твердое намѣреніе отъ настоящаго военнаго ремесла совсѣмъ отбиться.

Въ этомъ родѣ и началась у насъ могущественная игра природы, которой врядъ ли быть бы выигранною, если бы на помощь государству не пришелъ острый геній Семена Мамашкина. Задумано это было очень серьезно и, по несчастію, начало практиковаться какъ разъ въ той маленькой отдѣльной части, которою я тогда командовалъ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи трехъ жидовиновъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Я тогда былъ въ небольшомъ чинѣ и стоялъ съ ротою въ Бѣлой Церкви. (Свой чинъ полковника Стадниковъ почиталъ уже большимъ. Тогда на чины было поскупѣе нынѣшняго). Бѣлая Церковь, какъ вамъ извѣстно, это жидовское царство: все мѣстечко сплошь жидовское. Они тутъ имѣютъ свою вторую столицу. Первая у нихъ—Бердичевъ, а вторая, болѣе старая и болѣе загаженная,—Бѣлая Церковь. У нихъ это соотвѣтствуетъ своего рода Петербургу и Москвѣ. Такъ это и въ жидовскихъ прибауткахъ сказывается.

Жизнь въ Бѣлой Церкви, можно сказать, была и хорошая, и прескверная. Виденъ палацъ Браницкихъ и ихъ

роскошный паркъ—Александрія. Рѣка тоже прекрасная и чистая, Рось, которая свѣжитъ однимъ своимъ пріятнымъ названіемъ, не говоря уже объ ея прозрачныхъ водахъ. Воды эти текутъ среди такихъ береговъ, которыми вволю налюбоваться нельзя, а въ мѣстечкѣ такая жидовская нечисть, что жить невозможно. Всякій день, бывало, дегтярнымъ мыломъ съ ногъ до головы моешься, чтобы не покрыться паршами или коростой. Это — одна противность квартированія въ жидовскихъ мѣстечкахъ; а другая заключается въ томъ, что какъ ни вертись, а безъ жидовъ тутъ совсѣмъ пропасть бы пришлось, потому что жидъ сапоги шьетъ, жидъ кастрюли лудитъ, жидъ булки печетъ, — все жидъ, а безъ него ни «пру», ни «ну». Противное положеніе!

Офицеровъ со мною было три человѣка, да все, какъ говорятъ, съ бычками. Одинъ изъ нихъ, всѣхъ постарше, былъ русскій, по фамиліи Рословъ, изъ солдатъ, все Богу молился и каждое первое число у себя водосвятіе правилъ. Жидовъ онъ за людей не считалъ. Другой былъ нѣмецъ, по фамиліи Фингершпилеръ, очень большой чистюля: снаружи все чистился, а изнутри, по собственному его выраженію, «сохранялъ себя въ спирту», т. е. былъ всегда пьянъ. Въ рѣдкія минуты просвѣтленія, когда Фингершпилеръ случался безъ спиртнаго сохраненія, онъ былъ очень скоръ на руку, но, впрочемъ, службистъ. Третій же, въ чинѣ прапорщика, только что былъ произведенъ изъ фендриковъ, въ которые его сдали тетки, недовольныя какими-то его семейными качествами. И онъ, и его тетки были русскіе, но за какое-то наказаніе или, можетъ-быть, для важности — судьба дала имъ иностранныя фамиліи и притомъ пресмѣшныя. Изъ его собственной фамиліи солдаты сдѣлали «Полуфертъ», а тетки его назывались, кажется: одна—мадамъ Сижу, а другая—мадамъ Лежу. Ни въ одномъ изъ этихъ господъ я не имѣлъ настоящаго помощника на предстоящій мнѣ трудный подвигъ, но прапорщикъ былъ мнѣ всѣхъ вреднѣе. Полуфертъ имѣлъ отвратительныя свойства. Это былъ аристократически-глупый

хлыщъ и нестерпимый резонеръ, а въ то же время любилъ деньги и не страдалъ разборчивостью въ средствахъ для ихъ пріобрѣтенія. Онъ даже занималъ деньги у фельдфебеля и не отдавалъ ихъ ему въ срокъ, но любилъ дѣлать дамамъ презенты и сопровождалъ ихъ стихами своего сочиненія. Но что было для меня всего непереноснѣе въ этомъ человѣкѣ—это его ужасная привычка говорить по-французски, тогда какъ онъ, не смотря на свою полуфранцузскую фамилію, не зналъ ни одного слова на этомъ языкѣ. На день, на два—это смѣшно, но въ долготѣ дней, на лѣтнемъ постоѣ, такая штука нервнаго человѣка въ гробъ уложить можетъ. Службою Полуфертъ занимался мало, а больше всего рисовалъ родословное дерево съ длинными хворостинами, на которыхъ онъ разсаживалъ въ кружкахъ какихъ-то перепелокъ съ коронами на макушкахъ. Это все были его предки, черезъ которыхъ онъ имѣлъ твердое намѣреніе доказать свое прямое родство съ какою-то княжескою линіею отъ Бурбонскихъ блюдолизовъ. Тутъ же были и m-me Сижу и m-me Лежу.

Полуферту очень хотѣлось быть княземъ, и то съ корыстною цѣлью, чтобы жениться въ Москвѣ на какой-нибудь богатой купчихѣ. Пока онъ искалъ тридцати тысячъ взаймы, чтобы дать кому-то въ герольдіи за утвержденіе его въ княжествѣ; но только у насъ-то ни у кого такихъ денегъ не было, и онъ твердилъ себѣ на вѣтеръ:

— Муа же сюи юнъ пренсъ!

Это «пренсъ» было для него самое главное въ жизни, а между тѣмъ, при ханжествѣ одного офицера и пьянствѣ другого, этотъ Полуфертъ былъ моимъ самымъ надежнымъ помощникомъ въ то роковое время, когда мнѣ въ роту были присланы три новобранца-жидовина, изъ которыхъ отъ каждаго можно было прійти въ самое безнадежное отчаяніе. Попробую ихъ вамъ представить.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Одинъ изъ трехъ первозванныхъ жидовъ, мною полученныхъ, былъ рыжій, другой—черный или вороной, а третій—пестрый или пѣгій. По послѣднему прошла какая-то прелюбопытная игра причудливой природы: у него на головѣ были три цвѣта волосъ и располагались они, не переходя изъ тона въ тонъ съ какою-нибудь постепенностью, а прямо располагались пестрыми клочками другъ возлѣ друга. Вся его башка была какъ будто холодильный пузырь изъ шотландской клеенки—вся пестрая. Особенно чуденъ былъ хохолъ—весь сѣдой, отчего этотъ жидовинъ имѣлъ нѣкоторымъ образомъ видъ чорта, какихъ пишутъ наши благочестивые изографы на древнихъ иконахъ.

Словомъ, изъ всѣхъ трехъ, что ни портретъ—то рожа, но каждый антикъ въ своемъ родѣ; такъ, напримѣръ, у рыжаго физія была прехитрая и презлая, и, къ тому же, онъ заикался. Черный смотрѣлъ дуракомъ и на самомъ дѣлѣ былъ не уменъ или, по крайней мѣрѣ, всѣ мы такъ думали до извѣстнаго случая, когда мудрецъ Мамашкинъ и въ немъ умъ отыскалъ. У этого брюнета были престрашной толщины губы и такой жирный языкъ, что онъ во рту не вмѣщался и все наружу лѣзъ. Одно то, чтобы выучить этого франта языкъ за губы убирать, нивѣсть какихъ трудовъ стòило, а къ обученію его говорить по-русски мы даже и приступать не смѣли, потому что этому вся его природа противилась, и онъ, при самыхъ усиленныхъ стараніяхъ что-нибудь выговорить, могъ только плеваться. Но третій, пѣгій или пестрый, имѣлъ безобразіе, которое меня даже къ нему какъ-то располагало. Это былъ человѣкъ удивительно плоскорожій, съ впалыми глазами и однимъ только жидовскимъ носомъ на выкатѣ; но выраженіе лица имѣлъ страдальческое и притомъ онъ лучше всѣхъ своихъ товарищей умѣлъ говорить по-русски.

Лѣтами этотъ пѣгій былъ старше товарищей: тѣмъ двумъ было этакъ лѣтъ по двадцати, а пѣгому, хотя значилось

двадцать четыре года, но онъ увѣрялъ, будто ему уже есть лѣтъ за тридцать. Въ эти годы жидовъ уже нельзя было сдавать въ рекруты, но онъ, вѣроятно, былъ сданъ на основаніи присяжнаго удостовѣренія двѣнадцати добросовѣстныхъ евреевъ, поклявшихся всемогущимъ Еговою, что нѣгому только двадцать четыре года.

Клятвопреступничество тогда было въ большомъ ходу и даже являлось необходимостью, такъ какъ жиды или совсѣмъ не вели метрическихъ книгъ, либо предусмотрительно пожгли ихъ, какъ только заслышали, «що зъ ними Миколайчикъ зробытъ». Безъ книгъ лѣта ихъ стали опредѣлять по такъ-называемому присяжному розысканію. Соберутъ, бывало, двѣнадцать прохвостовъ, приведутъ ихъ къ присягѣ съ незамѣтнымъ нарушеніемъ формъ и обрядовъ—и тѣ врутъ, что имъ закажутъ. Кому надо назначить сколько лѣтъ, столько они и покажутъ, а власти обязаны были имъ вѣрить... Смѣхъ и грѣхъ!

Такъ, бывало, и расхаживаютъ такія шайки присяжныхъ разбойниковъ, всегда числомъ по двѣнадцати, сколько законъ требуетъ для несомнѣнной вѣрности, и при нихъ всегда, какъ при артели, свой рядчикъ, который ихъ водитъ по должностнымъ лицамъ и освѣдомляется:

— Чи нема чого присягать?

Отвратительнѣйшее растлѣніе, до какого едва ли кто иной доходилъ, и все это, повторяю, будучи прикрыто именемъ всемогущаго Еговы, принималось русскими властями за доказательство и даже протежировалось...

Такъ былъ сданъ и мой нѣгій воинъ, котораго имя было Лейзеръ, или по-нашему,—Лазарь.

И имя это чрезвычайно ему шло, потому что онъ весь, какъ я вамъ говорю, былъ прежалкій и внушалъ къ себѣ большое состраданіе.

Всегда этотъ Лазарь былъ смиренъ и безотвѣтенъ; всегда смотрѣлъ прямо въ глаза, точно сейчасъ высѣченный пудель, который старается прочитать въ вашемъ взглядѣ: кончена ли произведенная надъ нимъ экзекуція или только

рука у васъ устала и, по маломъ ея отдыхѣ, начнется новое продолженіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пѣгій былъ дамскій портной и, слѣдуя влеченію природы, принесъ съ собою изъ міра въ команду свою портновскую иглу съ вощеной ниткой и ножницы, и немедленно же открылъ мастерскую и пошелъ всей этой инструментикой дѣйствовать.

Болѣе онъ производилъ какія-то «фантазіи»—изъ стараго дѣлалъ новое, потому что тогда въ провинціи въ моду вошли какія-то этакія особенныя мантиліи, которыя назывались «палантины». Забавная была штука: фасонъ—совершенно какъ будто мужскія панталоны,—такъ это и носили: назади за спиною у дамы словно огузье треплется, а напередъ, черезъ плечи, двѣ штанины спущены. Пресмѣшно, точно солдатъ, который штаны вымылъ и домой ихъ несетъ, чтобы на вѣтеркѣ сохли. И сходство это солдатами было замѣчено и вело къ нѣкоторымъ непріятностямъ, которымъ я долженъ былъ положить конецъ весьма энергическою мѣрою.

Вымоетъ, бывало, солдатъ на рѣкѣ свои бѣлые штаны, накинетъ ихъ на плечи палантиномъ и идетъ. А одинъ до того разрѣзвился, что, встрѣтясь съ становихой, присѣлъ ей по-дамски и сказалъ:

— Кланяйтесь бабушкѣ и поцѣлуйте ручку.

Становой на это пожаловался, и я солдатика велѣлъ высѣчь.

Лазарь отлично строилъ эти палантины изъ старыхъ платьевъ и нарядилъ въ нихъ всѣхъ бѣлоцерковскихъ пань и панянокъ. Но, впрочемъ, говорили, что онъ тоже и новыя платья будто хорошо шилъ. Я въ этомъ, разумѣется, не знатокъ, но меня удивляло его досужество—какъ онъ добывалъ для себя работу и гдѣ находилъ мѣсто ее производить? Тоже удивительна мнѣ была и цѣна, какую онъ

бралъ за свое артистическое искусство: за цѣлое платье онъ бралъ отъ четырехъ до пяти злотыхъ, т. е. шестьдесятъ или семьдесятъ пять копѣекъ. А палантины прямо ставилъ по два злота за штуку и притомъ половину изъ этого еще отдавалъ фельдфебелю или, по-ихнему—«подфебелю», чтобы отъ него помѣхи въ работѣ не было, а другую половину посылалъ куда-то въ Нѣжинъ или въ Каменецъ семейству «на воспитаніе ребенковъ и прочаго семейства».

«Ребенковъ» у него было, по его словамъ, что-то очень много, едва ли не «семь штуковъ», которые «всѣ себѣ имѣютъ желудки, которые кушать просятъ».

Какъ не почтить человѣка съ такими семейными добродѣтелями, и мнѣ этого Лазаря, повторяю вамъ, было очень жалко, тѣмъ больше, что, обиженный отъ своего собственнаго рода, онъ ни на какую помощь своихъ жидовъ не надѣялся и даже выражалъ къ нимъ горькое презрѣніе, а это, конечно, не проходитъ даромъ, особенно въ родѣ жидовскомъ.

Я его разъ спросилъ:

— Какъ ты это, Лазарь, своего рода не любишь?

А онъ отвѣчалъ, что добра отъ нихъ никакого не видѣлъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, говорю я,—какъ они не пожалѣли, что у тебя семь «ребенковъ» и въ рекруты тебя отдали? Это безсовѣстно.

— Какая же, отвѣчаетъ онъ,—у нашихъ жидовъ совѣсть?

— Я, молъ, думалъ, что, по крайности, хоть противъ своихъ они чего-нибудь посовѣстятся, вѣдь вы всѣ одной вѣры.

Но Лазарь только рукой махнулъ.

— Неужели, спрашиваю,—они ужъ и Бога не боятся?

— Они, говоритъ,—Его въ школѣ запираютъ.

— Ишь какіе хитрые!

— Да хитрѣе ихъ, отвѣчаетъ,—на свѣтѣ нѣтъ.

Такимъ образомъ, если замѣчаете, мы съ этимъ нѣгимъ

рекрутомъ изъ жидовъ, даже какъ-будто единомыслили и пришли въ душевное согласіе, и я его очень полюбилъ и сталъ лелѣять тайное намѣреніе какъ-нибудь облегчить его, чтобы онъ могъ больше заработывать для своихъ «ребенковъ».

Даже въ примѣръ его своимъ ставилъ какъ трезваго и трудолюбиваго человѣка, который не только самъ постоянно работаетъ, но и обоихъ своихъ товарищей къ дѣлу приспособилъ: рыжій у него что-то подшивалъ, а черный губанъ утюги грѣлъ да носилъ.

Въ строю они учились хорошо; фигуры, разумѣется, имѣли не важныя, но выучились стоять прямо и носки на маршировкѣ вытягивать, какъ слѣдуетъ, по чину Мельхиседекову. Вскорѣ и ружьемъ стали артикулъ выкидывать,— словомъ все, какъ подобало; но вдругъ, когда я къ нимъ совсѣмъ расположился и даже сдѣлался ихъ первымъ защитникомъ, они выкинули такую каверзу, что чуть съ ума меня не свели. Измыслили они такую штуку, что ею всю мудрую стойкость Мордвинова чуть подъ плотину не выбросили, если бы не спасъ дѣла Мамашкинъ.

Вдругъ всѣ мои три жида начали «падать!»

Все исполняютъ какъ надо: и маршировку, и ружейные пріемы, а какъ имъ скомандуютъ «пали!» — они выпалятъ и повалятся, ружья бросятъ, а сами ногами дрыгаютъ...

И замѣтьте, что вѣдь это не одинъ который-нибудь, а всѣ трое: и вороной, и рыжій, и пѣгій... А тутъ точно на зло, какъ разъ въ это время, получается извѣстіе, что генералъ Ротъ, который жилъ въ своей деревнѣ подъ Звенигородкою, собирается объѣхать всѣ части войскъ въ мѣстахъ ихъ расположенія и будетъ смотрѣть, какъ обучены новые рекруты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ротъ—это теперь для всѣхъ одинъ звукъ, а на насъ тогда это имя страхъ и трепетъ наводило. Ротъ былъ начальникъ самый бѣдовый, какихъ не дай Господи встрѣ-

чать: человѣкъ сухой, формалистъ, желчный и злой, притомъ такая страшная придира, что угодить ему не было никакой возможности. Онъ всѣхъ изъ терпѣнія выводилъ, и въ подвѣдомыхъ ему частяхъ тогда того только и ждали, что его кто-нибудь прикончитъ по образу графа Каменскаго или Аракчеевской Настьки. Былъ, напримѣръ, такой случай, что одинъ ремонтеръ, человѣкъ очень богатый, подержалъ пари, что онъ избѣжитъ отъ Рота всякихъ придирокъ, и въ этомъ своемъ усердіи ремонтеръ затратилъ на покупку лошадей много своихъ собственныхъ денегъ и зато привелъ такихъ превосходныхъ коней, что на любой императору сѣсть не стыдно. Особенно между ними одна всѣхъ восхищала, потому что во всѣхъ статьяхъ была совершенство. Но Ротъ, какъ сталъ смотрѣть, такъ у всѣхъ нашелъ недостатки и всѣхъ перебраковалъ. А какъ дошло дѣло до этой самой лучшей, тутъ и вышла исторія.

Вывели эту лошадушку, а она такая веселая, точно барышня, которая сама себя показать хочетъ: хвостъ и гриву разметала и заржала.

Ротъ къ этому и придрался:

— Лошадь, говоритъ,—хороша, а голосъ у нея скверный.

Тутъ ремонтеръ уже не выдержалъ.

— Это, говоритъ,—ваше высокопревосходительство, отъ того, что «ротъ» скверенъ.

Анекдотъ этотъ тогда разошелся по всей арміи.

Генералъ понялъ, разсердился, а ремонтера въ отставку выгналъ.

Съ этакимъ-то, прости Господи, чортомъ мнѣ надо было видѣться и представлять ему надучихъ жидовъ. А они, замѣтьте, успѣли уже произвести такой скандалъ, что солдаты ихъ зачислили особою командою и прозвали «Жидовская кувыркаллегія».

Можете себѣ представить, каково было мое положеніе! Но теперь извольте же прослушать, какъ я изъ него выпутался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разумѣется, мы всячески бились отучить нашихъ жидковъ отъ «падежа», и труды эти составляютъ весьма характерную исторію.

Самый первый одобрительный пріемъ въ строю тогдашняго времени былъ хорошій матеріальный окрикъ и два-три легкихъ угощенія шато-скуловоротомъ. Это подносилось не въ счетъ абонемента, а потомъ слѣдовало поднятіе казенныхъ хвостиковъ у мундира за фронтомъ и, наконецъ, настоящія розги въ обширной пропорціи. Все это и было испробовано какъ слѣдуетъ, но не помогло: опять чуть скомандуютъ «пали»—всѣ три жидовина съ ногъ валятся.

Велѣлъ я ихъ очень сильно взбрызнуть, и такъ сильно сбрызнули, что они перестали шить сидя, а начали шить лежа на животахъ, но все-таки при каждомъ выстрѣлѣ падаютъ.

Думаю: давай я ихъ попробую какими-нибудь трогательными резонами обрезонить.

Призвалъ всѣхъ троихъ и обращаю къ нимъ свое командирское слово:

— Что это, говорю,—вы такое выдумали—падать?

— Сохрани Богъ, ваше благородіе, отвѣчаетъ пѣгій,—мы ничего не выдумываемъ, а это наша природа, которая намъ не позволяетъ палить изъ ружья, которое само стрѣляетъ.

— Это еще что за вздоръ!

— Точно такъ, отвѣчаетъ, — потому Богъ создалъ жида не къ тому, чтобы палить изъ ружья, ежели которое стрѣляетъ, а мы должны торговать и всякія мастерства дѣлать. Мы ружьемъ, которое стрѣляетъ, все махать можемъ, а стрѣлять, если которое стрѣляетъ—мы этого не можемъ.

— Какъ такъ «которое стрѣляетъ?» Ружье всякое стрѣляетъ, оно для того и сдѣлано.

— Точно такъ, отвѣчаетъ онъ: — ружье, которое стрѣляетъ, оно для того и сдѣлано.

— Ну, такъ и стрѣляйте.

Послалъ стрѣлять, а они опять попадали.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Чортъ знаетъ, что такое! Хоть рапортъ по начальству подавай, что жиды по своей природѣ не могутъ служить въ военной службѣ.

Вотъ тебѣ и Мордвиновъ и вся его побѣда надъ супостатомъ!

Срамъ и досада! И стало мнѣ казаться, что надо мною даже свои люди издѣваются и подаютъ мнѣ насмѣшливые совѣты.

Такъ, напримѣръ, поручикъ Рословъ все совѣтовалъ «перепороть ихъ хорошенько».

— Пороны уже, говорю,—они достаточно.

— Выпороть, говоритъ, — еще ихъ «на бѣло» и окрестить. Тогда они иной духъ примутъ.

Но отецъ-батюшка, который тамъ былъ, сомнѣвался и говорилъ, что крещеніе, пожалуй, не поможетъ, а онъ иное совѣтывалъ.

— Надо бы, говоритъ,—выписать изъ Петербурга протоіерейскаго сына, который изъ духовнаго званія въ техноложцы вышелъ.

— Что же, говорю,—тутъ техноложецъ можетъ сдѣлать?

— А онъ, говоритъ,—когда въ прошломъ году къ отцу въ гости пріѣзжалъ, то для маленькой племянницы, которая ходить не умѣла, такія ходульныя креслица сдѣлалъ, что она не падала.

— Такъ это вы хотите, чтобы и солдаты въ ходульныхъ креслицахъ ходили?

И только ради сана его не обругалъ матеріально, а послалъ его ко всѣмъ чертямъ мысленно.

А тутъ Полуфертъ приходитъ и говоритъ, что будто точно такая же кувыркаллегія началась и въ другихъ частяхъ, которыя стояли въ Васильковѣ, въ Сквирѣ и въ Таращѣ.

— Я даже, говоритъ, — «паръ сетъ оказіенъ» и стихи написалъ; вотъ «экутэ», пожалуйста.

И начинаетъ мнѣ читать какую-то свою риомованную окрошку изъ словъ жидовскихъ, польскихъ и русскихъ.

Цѣлымъ этимъ стихотвореніемъ, которое я немного помню, убѣдительно доказывалось, что евреямъ не слѣдуетъ и невозможно служить въ военной службѣ, потому что, какъ у моего поэта было написано:

«Жидъ, который привыкъ торговать
Люкемъ и гужалькемъ,
Ляпсардакъ класть на спину
И подпирацься съ палькемъ;
Жидъ, ктурый, якъ се уродзилъ,
Нигдѣ по водѣ безъ мосту не ходзилъ.»

И такъ далѣе, все «который», да «ктурый», и въ результатѣ то, что жиду никакъ нельзя служить въ военной службѣ.

— Такъ что же по-вашему съ ними дѣлать?

— Перепасе люи данъ отръ режиманъ.

— Ага? «перепасе...» А вы, говорю, напрасно имъ заказываете палантины для вашихъ «танте» шить.

Полуфертъ сконфузился и забожился.

— Нонъ, Дьо манъ гардъ, говоритъ, — я это просто такъ, а ву комъ вуле ву, и же ву зангаже въ цукерьню— выпьемте по рюмочкѣ высочайше утвержденнаго.

Я, разумѣется, не пошелъ.

Досада только, что чортъ знаетъ какіе у меня помощники, даже не съ кѣмъ посовѣтоваться: одинъ глупъ, другой пьянъ безъ просыпа, а третій только поэзію разводитъ, да что-то каверзитъ.

Но у меня былъ деньщикъ-хохолъ изъ породы эдакихъ Шельменокъ; онъ видитъ мое затрудненіе и говоритъ:

— Ваше благородіе, осмѣливаюсь я вашему благородію доложить, что какъ ваше благородіе съ жидами ничего не зробите, почему що якъ ваше благородіе изъ Россыи, которые русскіе люди къ жидамъ непривычные.

— А ты, привычный, что ты мнѣ посовѣтуешь?

— А я, отвѣчаетъ, — тое вамъ присовѣтую, що тутъ треба поляка приставить; есть у насъ капральный изъ поляковъ, отдайте ихъ тому поляку, — полякъ до жида майстровитѣе.

Я подумалъ.

— А и справды попробовать! поляки ихъ круто донимали.

Полякъ этотъ былъ парень ловкій и даже очень образованный; онъ былъ изъ шляхты, не доказавшей дворянства, но обладалъ свѣдѣніями по исторіи и однажды пояснялъ мнѣ, что есть правленіе, которое называется республика и есть другое—республиканція. Республика — это выходило то, гдѣ «есть король и публика, а республиканція, гдѣ нѣтъ королю ваканціи.»

Велѣлъ я позвать къ себѣ этого образованнаго шляхтича и говорю ему:

— Вѣдь ты, братецъ, полякъ?

— Дѣйствительно такъ, отвѣчаетъ, — римско-католическаго исповѣданія, вѣрноподданный его императорскаго величества.

— Ты, говорятъ,—отлично знаешь евреевъ?

— Еще какъ маленькій былъ, то ихъ тогда горохомъ да клюквой стрѣлялъ для испуганія.

— Знаешь ты, какую у насъ жиды досаду дѣлаютъ.— падаютъ. Не можешь ли ты ихъ отучить?

— Со всѣмъ моимъ удовольствіемъ.

— Ну, такъ я отдаю ихъ на твою отвѣтственность. Дѣлай съ ними что знаешь, только помни, что они уже до сихъ поръ и на-черно и на-бѣло выпороны, такъ что даже сидѣть не могутъ, а лежа на брюхѣ работаютъ.

— Это, отвѣчаетъ, — ничего, не суть важно: жидъ поляка не обманетъ.

— Ну иди и дѣлай.

— Счастливо оставаться, говоритъ,—и завтра же узнаете, что Господь Богъ и поляка недаромъ создалъ.

— Хорошо, говорю,—доказывай.

На другой день иду посмотрѣть, какъ мои жидки обрѣтаются, и вижу, что всѣ они уже не сидятъ и не лежатъ на брюхѣ, а стоя шьютъ.

— Отчего, спрашиваю, — вы стоя шьете? развѣ вамъ такъ ловко?

— Никакъ нѣтъ,—совсѣмъ даже неловко,—отвѣчаютъ.

— Такъ отчего же вы не садитесь?

— Невозможно, отвѣчаютъ, — потому — мы съ этой стороны пострадали.

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть лежа на брюхѣ шейте.

— Теперь и такъ, говорятъ, невозможно, потому что мы и съ этой стороны тоже пострадали.

Полякъ ихъ, извольте видѣть, по другой сторонѣ отстрочилъ. Въ этомъ и было все его тонкое доказательство, зачѣмъ Богъ поляка создалъ; а жидовское паденіе все-таки и послѣ этого продолжалось.

Узналъ я, что мой Шельменко нарочно поляка подвелъ, и посадилъ ихъ обоихъ на хлѣбъ-на воду, а самъ послалъ за поручикомъ Фингершпилеромъ и очень удивился, когда тотъ ко мнѣ почти въ ту же минуту явился и совсѣмъ въ трезвомъ видѣ.

«Вотъ, думаю, нѣмецъ ихъ достигнетъ.»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

— Очень радъ, говорю,—что могу васъ видѣть и совсѣмъ свѣжаго.

— Какъ же, капитанъ, отвѣчаетъ,—я уже очень давно, даже еще со вчерашняго дня, совсѣмъ ничего не пью.

— Ну, вотъ видите ли, говорю, — это мнѣ очень большая радость, потому что я терплю смѣшную, но неодолимую досаду; вы знаете, у насъ во фронтѣ три жида, очень смирные люди, но должно быть отбиться отъ службы хотятъ — все падаютъ. Вы — нѣмецъ, человѣкъ твердой воли,

возьмитесь вы за нихъ и одолѣйте эту проклятую ихъ привычку.

— Хорошо, говоритъ,—я ихъ отучу.

Училъ онъ ихъ цѣлый день, а на слѣдующее утро опять та же исторія: выстрѣлили и попадали.

Повелъ ихъ нѣмецъ доучивать, а вечеромъ я спрашиваю вѣстового:

— Какъ наши жиды?

— Живы, говоритъ, — ваше благородіе, а только ни на что не похожи.

— Что это значитъ?

— Не могу знать для чего, ваше благородіе, а ничего распознать нельзя.

Обезпокоился я, не случилось ли чего черезчуръ глупаго, потому что съ одной стороны они всякаго изъ терпѣнія могли вывести, а съ другой — уже они меня въ какую-то меланхолію вогнали и мнѣ такъ и стало чудиться—не нажить бы съ ними бѣды.

Одѣлся я и иду въ ихъ закуту; но, еще не доходя, встрѣчаю солдата, который отъ нихъ идетъ, и спрашиваю:

— Живы жиды?

— Какъ есть живы, ваше благородіе.

— Работаютъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Что же они дѣлаютъ?

— Морды вверхъ держатъ.

— Что ты врешь,—зачѣмъ морды вверхъ держатъ?

— Очень морды у нихъ, ваше благородіе, поопухли, какъ будто пчелы изъѣли, и глазъ не видать; работать никакъ невозможно, только пить просятъ.

— Господи! воскликнулъ я въ душѣ своей,—да что же за мука такая мнѣ ниспослана съ этими тремя жидовинами; не беретъ ихъ ни таска, ни ласка, а между тѣмъ того и гляди, что переломить ихъ не переломишь, а либо тотъ, либо другой изувѣчитъ ихъ.

И уже самъ я въ эти минуты былъ противъ Мордвинова:

— Гораздо лучше, думаю, еслибы ихъ въ рекруты не брали.

Вхожу въ такомъ волненіи гдѣ были жиды, и вижу— дѣйствительно, всѣ они трое сидятъ на колѣняхъ, а руками въ землю опираются и лица кверху задрали.

Но, Боже мой, что это были за лица! Ни глазъ, ни рта— ничего не разсмотришь, даже носы жидовскіе и тѣ обезформились, а все вмѣстѣ скипѣлось и слилось въ одну какую-то безобразную, синебагровую нашлепку. Я просто ужаснулся, и, ничего не спрашивая, пошелъ домой, понуря голову.

Но тутъ-то, въ моментъ величайшаго моего сознанія своей немощи, и пришла ко мнѣ помощь нежданная и необыкновенно могущественная.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вхожу я въ свою квартиру, которая была заперта, послѣ посажденія подъ арестъ Шельменки, и вижу—на полу лежитъ довольно поганенькій конвертикъ и подписанъ онъ моему благородію съ обозначеніемъ слова «секретъ».

Все надписаніе сдѣлано неумѣлымъ почеркомъ, въ родѣ того, какимъ у насъ на Руси пишутъ лавочные мальчишки. Способъ доставки мнѣ тоже понравился—подметный; т. е. самый великорусскій.

Письмо, очевидно, было брошено мнѣ въ окно тѣмъ обычнымъ путемъ, которымъ встарину подбрасывались извѣты о «словѣ и дѣлѣ», а понынѣ возвѣщается о красномъ пѣтухѣ и его дѣтяхъ.

Ломаю конвертъ и достаю грязноватый листокъ, на которомъ начинается сначала долгое титулованіе моего благородія, потомъ извиненія о безпокойствѣ и просьбы о прощеніи, а затѣмъ такое изложеніе: «осмѣливаюсь я вамъ доложить, что какъ послѣ тѣлеснаго меня наказанія за дамскую никсу (т. е. книксенъ), лежалъ я все время въ обложной болѣзни съ нутренностями въ кіевскомъ вошпиталѣ и тамъ даютъ нашему брату только одну булычку и несчаст-

ной сунъ, то очень желамши чернаго христіанскаго хлѣба, задолжалъ я фершалу три гривенника и оставилъ тамъ ему въ закладъ сапоги, которые получилъ съ богомольцами изъ своей стороны, изъ Кромъ, замѣсто родительскаго благословенія. А потому прибѣгаю къ вашему благородію какъ къ командеру за помощью: нѣтъ ли въ царствѣ вашего благородія столько милосердныхъ денежекъ на выкупъ моего благословенія для обуви ногъ, за что вашему благородію все воздастъ Богъ въ день страшнаго своего пришествія, а я, въ ожиданіи всей вашей ко мнѣ благоволеніи, остаюсь по гробъ жизни вашей роты рядовой солдатъ, Семеонъ Мамашкинъ».

Тѣмъ и кончилась страница «секрета», но я былъ такъ благоразуменъ, что, не смотря на подпись, заключающую письмо, перевернулъ листокъ и на слѣдующихъ его страницахъ нашелъ настоящій «секретъ». Пишетъ мнѣ далѣе господинъ Мамашкинъ нижеслѣдующее:

«А что у насъ отъ жидовъ по службѣ, черезъ ихъ паденіе начался обегдотъ и вашему благородію есть опасеніе, что черезъ то можетъ послѣдовать портежъ по всей арміи, то я могу всѣ эти кляверзы уничтожить».

Прочелъ я еще это письмо, и, самъ не знаю почему, оно мнѣ показалось серьезнымъ.

Только не мало меня удивило, что я всѣхъ своихъ солдатъ отлично знаю и въ лицо и по имени, а этого Семеона Мамашкина будто не слыхивалъ и про какую онъ дамскую никсу писалъ—тоже не помню. Но какъ разъ въ это время заходитъ ко мнѣ Полуфертъ и напоминаетъ мнѣ, что это тотъ самый солдатикъ, который, выполоскавъ на рѣкѣ свои бѣлые штаны, надѣлъ ихъ на плечи и, встрѣтясь съ становихою, сдѣлалъ ей реверансъ и сказалъ: «кланяйтесь бабушкѣ и поцѣлуйте ручку». За это мы его въ успокоеніе штатскихъ властей посѣкли, а потомъ онъ, отъ какого-то другого случая, былъ боленъ и лежалъ въ лазаретѣ.

Впрочемъ, Полуфертъ рекомендовалъ мнѣ этого Мамашкина какъ человѣка крайне легкомысленнаго.

— Муа же ле коню бьенъ, говорилъ Полуфертъ,—сетъ бетъ Мамашкинъ: онъ у меня въ взводѣ и, — ву саве,— иль мель боку, и все проситъ себѣ «хлѣба супротивъ человѣческаго положенія».

— Пришлите его, пожалуйста, ко мнѣ: я хочу его видѣть.

— Не совѣтую,—говоритъ Полуфертъ.

— А почему?

— Паръ се ке же ву ди—иль мель боку.

— Ну, «мель» не «мель», а я его хочу выслушать. И съ этимъ кликнулъ вѣстового и говорю:

— Слетай на одной ногѣ, братецъ, въ роту, позови ко мнѣ изъ второго взвода рядового Мамашкина.

А вѣстовой отвѣчаетъ:

— Онъ здѣсь, ваше благородіе.

— Гдѣ здѣсь?

— Въ сѣняхъ, при кухнѣ, дожидается.

— Кто же его звалъ?

— Не могу знать, ваше благородіе, самъ пришелъ,— говоритъ, будто извѣстился въ томъ, что скоро требовать будутъ.

— Ишь, говорю,—какой торопливый, времени даромъ не тратитъ.

— Точно такъ,—говоритъ,—онъ уже щенка вашего благородія чистымъ дегтемъ вымазалъ и съ золой отмылъ.

— Отлично, думаю, — я все забывалъ приказать этого щенка отмыть, а мосье Мамашкинъ самъ догадался, значитъ—практикъ, а не то что «иль мель боку», и я приказалъ Мамашкина сейчасъ же ввести.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Входитъ этакій солдатикъ чистенькій, лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ, съ маленькими усиками, блѣдноватъ немножко, какъ бываетъ послѣ долгой болѣзни, но каріе маленькіе глазки смотрятъ бойко и смѣтливо, а въ манерѣ не

только нѣтъ никакой робости, а, напротивъ, даже нѣкоторая простодушная развязность.

— Ты, говорю,—Мамашкинъ, ѣсть очень сильно желаешь?

— Точно такъ, отвѣчаетъ,—очень сильно желаю.

— А все-таки нехорошо, что ты родительское благословеніе проѣлъ.

— Виноватъ, ваше благородіе, удержаться не могъ, потому даютъ, ваше благородіе, все одну булочку да весносный супъ.

— А все же, говорю,—отецъ тебя не похвалитъ.

Но онъ меня успокоилъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери.

— Тятеньки, говоритъ, — у меня совсѣмъ и въ заводѣ не было, а маменька померла, а сапоги прислалъ цаловальникъ изъ орловскаго кабака, возлѣ котораго Мамашкинъ до своего рекрутства калачи продавалъ. Но сапоги были важнѣйшіе: на двойныхъ передахъ и съ поднарядомъ.

— А какой,—говорю,—ты мнѣ хотѣлъ секретъ сказать объ обегдотѣ?

— Точно такъ, отвѣчаетъ,—а самъ на Полуферта смотритъ.

Я понялъ, что, по его мнѣнію, тутъ «лишнія бревна есть», и безъ церемоніи послалъ Полуферта исполнять какое-то порученьишко, а солдата спрашиваю:

— Теперь можешь объяснить?

— Теперь могу-съ, отвѣчаетъ: — евреи въ дѣйствительности не по природѣ падаютъ, а дѣлаютъ одинъ обегдотъ, чтобы службы обѣжать.

— Ну, это я и безъ тебя знаю, а ты какое средство противъ ихъ обегдота придумалъ?

— Всю ихъ хитрость, ваше благородіе, въ два мига разрушу.

— Небось, какъ-нибудь еще на иной манеръ ихъ бить выдумалъ?

— Боже сохрани, ваше благородіе! рѣшительно безъ всякаго бойла; даже безъ самой пустой подщечины.

— То-то и есть, а то они уже и безъ тебя и въ хвостъ и въ голову избиты... Это противно.

— Точно такъ, ваше благородіе; — человѣчество надо помнить: я, разсмотрѣвъ ихъ, видѣлъ, что весь спинной календарь до того росписанъ, что открышку поднять невозможно. Я оттого и хочу ихъ сразу отъ всего страданья избавить.

— Ну, если ты такой добрый и надѣешься ихъ безъ битья исправить, такъ говори, въ чемъ твой секретъ?

— Въ разсужденіи здраваго разсудка.

— Можетъ-быть, голодомъ ихъ морить хочешь?

Опять отрицается.

— Боже, говоритъ,—сохрани! пускай себѣ что хотятъ ѣдятъ: хоть свой рыбный супъ, хоть даже говяжій мыштексъ,—что имъ угодно.

— Такъ мнѣ, говорю,—любопытно: чѣмъ же ты ихъ хочешь донять?

Проситъ этого не понуждать его открывать, потому что такъ уже онъ поладилъ сдѣлать все дѣло въ секретѣ. И клянется, и божится, что никакого обмана нѣтъ и ошибки быть не можетъ, что средство его вѣрное и безопасное. А чтобы я не безпокоился, то онъ кладетъ такой зарокъ, что если онъ нашу жидовскую кувыркаллегію уничтожитъ, то ему за это ничего, окромя трехъ гривенниковъ на выкупъ благословенныхъ сапоговъ не нужно, «а если повторится опять тотъ самый многократъ, что они упадутъ», то тогда ему, господину Мамашкину, занести въ спинной календарь двѣсти палокъ.

Пари, какъ видите, для меня было совсѣмъ безпроигрышное, а онъ кое-чѣмъ рисковалъ.

Я задумался и, какъ русскій человѣкъ, заподозрилъ, что землячокъ какою ни на есть хитростью хочетъ съ меня что-то сорвать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Посмотрѣлъ я на Мамашкина въ упоръ и спрашиваю:

— Что же тебѣ, можетъ быть, расходъ какой-нибудь нуженъ?

— Точно такъ, говоритъ,—расходъ надо безпремѣнно.

— И большой?

— Очень, ваше благородіе, значительный.

— Ну, лукавь, думаю, лукавь,—откройся скорѣе,—на сколько ты замахнулся отца-командира объегорить.

— Хорошо, говорю,—я тебѣ дамъ сколько надо, и для вящаго ему соблазна руку къ кошельку протягиваю, но онъ замѣтилъ мое движеніе и перебиваетъ:

— Не извольте, ваше благородіе, безпокоиться, на такую неткаль не надо ничего изъ казны брать,—мы сею статьею такъ раздобудемся. Мнѣ позвольте только двухъ товарищей—Петрова да Иванова съ собой взять.

— Воровства дѣлать не будете?

— Боже сохрани! займемъ что надо, и какъ все справимъ, такъ въ исправности назадъ отдадимъ.

Убѣждаюсь, что человѣкъ этотъ не стремится съ меня сорвать, а хочетъ произвести свой полезный для меня и евреевъ опытъ собственными средствами, и снова чувствую къ нему довѣріе и, разрѣшивъ ему взять Петрова и Иванова, отпускаю съ обѣщаніемъ, если опытъ удастся, выкупить его благословенные сапоги.

А какъ все это было вечеру сущу, то самъ я, мало годя, легъ спать и заснулъ скоро и прекрѣпко.

Да!—позабылъ вамъ сказать, что весьма важно для дѣла: Мамашкинъ, послѣ того, какъ я его отпустилъ, пожелавъ мнѣ «счастливо оставаться», выговорилъ, чтобы обработанные Фингершпилеромъ евреи были выпущены изъ-подъ запора на «вольность вольдуха», дабы у нихъ морды поотпухли. Я на это соблаговолилъ и даже еще посмѣялся:— откуда онъ беретъ такое краснорѣчіе, какъ «вольность воль-

духа», а онъ мнѣ объяснилъ, что всѣ разныя такія хорошія слова онъ усвоилъ, продавая проѣзжимъ господамъ калачи.

— Ты, братъ, способный человѣкъ, похвалилъ я его и легъ спать, по правдѣ сказать, ничего отъ него не ожидая.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Во снѣ мнѣ снился Полуфертъ, который все выпытывалъ, что говорилъ мнѣ Мамашкинъ, и увѣрялъ, что «иль мель боку», а потомъ звалъ меня «жуе о картъ императорскаго воспитательнаго дома», а я его прогонялъ. Въ этомъ прошла у меня украинская ночь; и чуть назадъ Бѣлою Церковью начала алѣть слабая предразсвѣтная заря, я проснулся отъ тихаго зова, который несся ко мнѣ въ открытое окно спальни.

Это будилъ меня Мамашкинъ.

Слышу, что въ окно точно любовный шопотъ вѣетъ.

— Вставайте, ваше благородіе,—все готово.

— Что же надо сдѣлать?

— Пожалуйте на ученье, гдѣ всегда собираемся.

А собирались мы на рѣкѣ Роси, за мѣстечкомъ, въ превосходномъ расположеніи. Тутъ и лѣсокъ, и рѣка, и просторный выгонъ.

Было это немножко рано, но я всталъ и пошелъ посмотрѣть, что мой Мамашкинъ тамъ устроилъ.

Прихожу и вижу, что черезъ всю рѣку протянута веревка, а на ней держатся двѣ лодки, а на лодкахъ положена кладка въ одну доску. А третья лодка впереди въ лозѣ спрятана.

— Что же это за флотилія? спрашиваю.

— А это, говоритъ,—ваше благородіе,—«снасть». Какъ ваше благородіе скомандуете ружья зарядить на берегу, такъ сейчасъ добавьте имъ команду: «на лѣво-кругомъ», и чтобы фаршированнымъ маршемъ на кладку, а мнѣ впереди; а какъ жиды за мною взойдутъ, такъ—«оборотъ лицомъ къ

рѣкѣ», а сами сядьте въ лодку, посередь рѣки къ намъ визавидомъ станьте и дайте команду «пли». Они выстрѣлятъ и ни за что не упадутъ.

Посмотрѣлъ я на него и говорю:

— Да ты, пожалуй, три гривенника стоишь.

И какъ люди пришли на ученье,—я все такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ Мамашкинъ, и... представьте себѣ—жидъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ ни одинъ не упалъ! Выстрѣлили и стоятъ на досточкѣ, какъ журавлики.

Я говорю:—что же вы не падаете?

А они отвѣчаютъ:—«мозе, ту глибоко».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Мы не вытерпѣли и спросили полковника:

— Неужто тѣмъ и кончилось?

— Никогда больше не падали, отвѣчалъ Стадниковъ,— и все какъ рукой сняло. Сейчасъ же, по всѣмъ трактамъ къ Василькову, Сквирѣ и Звенигородкѣ, всѣ, во единомъ образѣ, видѣли, какъ проѣзжалъ верхомъ какой-то «жидъ каштановатый, конь сивый, бородатый»,—и кувыркаллегія повсемѣстно сразу кончилась. Да и нельзя иначе: вѣдь евреи же люди очень умные: какъ они увидѣли, что ни шибкомъ да рывкомъ, а настоящимъ умомъ за нихъ взялись,—они и полно баловаться. Даже благодарили, что, говорятъ, «теперь наши видятъ, что намъ нельзя было не служить». Вѣдь они больше своихъ боятся. А вскорѣ и «Рвотъ» пріѣхалъ, и оралъ, оралъ: «заппаррю... заккаттаю»! а ужъ къ чему это относилось, того, чай, онъ и самъ не зналъ, а за жидовъ мы отъ него даже получили отеческое «благгодарррю!», которое и старались употребить на улучшеніе солдатскаго приварка, — только не очень наварно выходило.

— Ну, а что же за все это было Мамашкину?

— Я ему выдалъ три гривенника на благословенные сапоги и четвертый гривенникъ прибавилъ за сборъ этой

снасти его собственными средствами. Онъ вѣдь все это у жидовъ же и позаимствовалъ: и лодки, и доски и веревки— надо было потомъ все это честно возвратить собственникамъ, чтобы никто не обижался. Но этотъ гривенникъ все и испортилъ:—не умѣли дурачки раздѣлить десять на три безъ остатка и все у жида въ шинкѣ пропили.

— А благословенные сапоги?

— Вѣроятно, такъ и пропали. Ну, да вѣдь когда дѣло государственныхъ вопросовъ касается, тогда частные интересы не важны.

ДУХЪ ГОСПОЖИ ЖАНЛИСЪ.

СПИРИТИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ.

«Духа иногда гораздо легче вызвать, чѣмъ отъ него избавиться».

А. Б. Калметъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Странное приключеніе, которое я намѣренъ разсказать, имѣло мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и теперь оно можетъ быть свободно разсказано, тѣмъ болѣе, что я выговариваю себѣ право не называть при этомъ ни одного собственнаго имени.

Зимою, 186** года, въ Петербургъ прибыло на жительство одно очень зажиточное и именитое семейство, состоявшее изъ трехъ лицъ: матери, пожилой дамы, княгини, слывшей женщиною тонкаго образованія и имѣвшей наилучшія свѣтскія связи въ Россіи и заграницею; сына ея, молодого человѣка, начавшаго въ этотъ годъ служебную карьеру по дипломатическому корпусу, и дочери, молодой княжны, которой едва пошелъ семнадцатый годъ.

Новоприбывшее семейство до сей поры обыкновенно проживало заграницею, гдѣ покойный мужъ старой княгини занималъ мѣсто представителя Россіи при одномъ изъ второстепенныхъ европейскихъ дворовъ. Молодой князь и

княжна родились и выросли въ чужихъ краяхъ, получивъ тамъ вполнѣ иностранное, но очень тщательное образованіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Княгиня была женщина весьма строгихъ правилъ и заслуженно пользовалась въ обществѣ самой безукоризненной репутаціей. Въ своихъ мнѣніяхъ и вкусахъ она придерживалась взглядовъ прославленныхъ умомъ и талантами французскихъ женщинъ временъ процвѣтанія женскаго ума и талантовъ во Франціи. Княгиню считали очень начитанною и говорили, что она читаетъ съ величайшимъ разборомъ. Самое любимое ея чтеніе составляли письма г-жи Савиньи, Лафаетъ и Ментенонъ, а также Коклюсъ и Данго Куланжъ, но всѣхъ больше она уважала г-жу Жанлисъ, къ которой она чувствовала слабость, доходившую до обожанія. Маленькіе томики прекрасно сдѣланнаго въ Парижѣ изданія этой умной писательницы, скромно и изящно переплетенные въ голубой сафьянъ, всегда помѣщались на красивой стѣнной этажеркѣ, висѣвшей надъ большимъ кресломъ, которое было любимымъ мѣстомъ княгини. Надъ перламутровой инкрустаціей, завершавшей самую этажерку, свѣшиваясь съ темной бархатной подушки, покоилась превосходно сформированная изъ terra-cota миніатюрная ручка, которую цѣловалъ въ своемъ Фернеѣ Вольтеръ, не ожидавшій, что она уронитъ на него первую каплю тонкой, но ѣдкой критики. Какъ часто перечитывала княгиня томики, начертанные этой маленькой ручкой, я не знаю, но они всегда были у ней подъ рукою и княгиня говорила, что они имѣютъ для нея особенное, такъ сказать, таинственное значеніе, о которомъ она не всякому рѣшилась бы разсказывать, потому что этому не всякій можетъ повѣрить. По ея словамъ выходило, что она не разстается съ этими волюмами «съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ», и что они лягутъ съ нею въ могилу.

— Мой сынъ, говорила она, — имѣетъ отъ меня пору-

ченіе положить книжечки со мной въ гробъ, подъ мою гробовую подушку, и я увѣрена, что они пригодятся мнѣ даже послѣ смерти.

Я осторожно пожелалъ получить хотя бы самыя отдаленныя объясненія по поводу послѣднихъ словъ,—и получилъ ихъ.

— Эти маленькія книги, говорила княгиня, — напоены *духомъ* Фелиситы (такъ она называла m-me Genlis, вѣроятно, въ знакъ короткаго съ нею общенія). Да, свято вѣря въ безсмертіе духа человѣческаго, я также вѣрю и въ его способность свободно сноситься изъ-за гроба съ тѣми, кому такое сношеніе нужно и кто умѣетъ это цѣнить. Я увѣрена, что тонкій флюидъ Фелиситы избралъ себѣ пріятное мѣстечко подъ счастливымъ сафьяномъ, обнимающимъ листки, на которыхъ опочили ея мысли, и если вы не совсѣмъ невѣрующій, то я надѣюсь, что вамъ это должно быть понятно.

Я молча поклонился. Княгинѣ, повидомому, понравилось, что я ей не возражалъ, и она въ награду мнѣ прибавила, что все, ею мнѣ сейчасъ сказанное, есть не только вѣра, но настоящее и полное *убѣжденіе*, которое имѣетъ такое твердое основаніе, что его не могутъ поколебать никакія силы.

— И это именно потому, заключила она,—что я имѣю множество доказательствъ, что духъ Фелиситы живетъ, и живетъ именно здѣсь!

При послѣднемъ словѣ княгиня подняла надъ головою руку и указала изящнымъ пальцемъ на этажерку, гдѣ стояли голубые волюмы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я отъ природы немножко суевѣренъ и всегда съ удовольствіемъ слушаю разсказы, въ которыхъ есть хотя какое-нибудь мѣсто таинственному. За это, кажется, прозорливая критика, зачислявшая меня по разнымъ дурнымъ категоріямъ, одно время говорила, будто я спиритъ.

Притомъ же, къ слову сказать, все, о чемъ мы теперь говоримъ, происходило какъ разъ въ такое время, когда изъ-за границы къ намъ приходили въ изобиліи вѣсти о спиритическихъ явленіяхъ. Они тогда возбуждали любопытство, и я не видалъ причины не интересоваться тѣмъ, во что начинаютъ вѣрить люди.

«Множество доказательствъ», о которыхъ упоминала княгиня, можно было слышать отъ нея множество разъ: доказательства эти заключались въ томъ, что княгиня издавна образовала привычку въ минуты самыхъ разнообразныхъ душевныхъ настроеній — обращаться къ сочиненіямъ г-жи Жанлисъ, какъ къ оракулу, а голубые волюмы, въ свою очередь, обнаруживали неизмѣнную способность разумно отвѣчать на ея мысленные вопросы.

Это, по словамъ княгини, вошло въ ея «абитюды», которымъ она никогда не измѣняла, и «духъ», обитающій въ книгахъ, ни разу не сказалъ ей ничего неподходящаго.

Я видѣлъ, что имѣю дѣло съ очень убѣжденной послѣдовательницей спиритизма, которая притомъ не обдѣлена умомъ, опытностью и образованіемъ, и потому чрезвычайно всѣмъ этимъ заинтересовался.

Мнѣ было уже извѣстно кое-что изъ природы духовъ, и въ томъ, чему мнѣ доводилось быть свидѣтелемъ, меня всегда поражала одна общая всѣмъ духамъ странность, что они, являясь изъ-за гроба, ведутъ себя гораздо легкомысленнѣе и, откровенно сказать, глупѣе, чѣмъ проявляли себя въ земной жизни.

Я уже зналъ теорію Кардека о «шаловливыхъ духахъ» и теперь крайне интересовался: какъ удостоитъ себя показать при мнѣ духъ остроумной маркизы Сюльери, графини Брюсляръ?

Случай къ тому не замедлилъ, но какъ и въ короткомъ разсказѣ, такъ же какъ въ маленькомъ хозяйствѣ, не нужно портить порядка, то я прошу еще минуту терпѣнія, прежде чѣмъ довести дѣло до сверхъ-естественнаго момента, способнаго превзойти всяческія ожиданія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Люди, составлявшіе небольшой, но очень избранный кругъ княгини, вѣроятно, знали ея причуды; но какъ все это были люди воспитанные и учтивые, то они умѣли уважать чужія вѣрованія даже въ томъ случаѣ, если эти вѣрованія рѣзко расходились съ ихъ собственными и не выдерживали критики. А потому никто и никогда съ княгиней объ этомъ не спорилъ. Впрочемъ, можетъ быть и то, что друзья княгини не были увѣрены въ томъ, что она считаетъ свои голубые волюмы обиталищемъ «духа» ихъ автора въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ, а принимали эти слова какъ риторическую фигуру. Наконецъ, можетъ быть и еще проще, т. е. что они принимали все это за шутку.

Одинъ, кто не могъ смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, къ сожалѣнію, былъ я; и я имѣлъ къ тому свои основанія, причины которыхъ, можетъ быть, кроются въ легковѣріи и впечатлительности моей натуры.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вниманію этой великосвѣтской дамы, которая открыла мнѣ двери своего уважаемаго дома, я былъ обязанъ тремъ причинамъ: во-первыхъ, ей почему-то нравился мой разсказъ: «Запечатлѣнный Ангелъ», незадолго передъ тѣмъ напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; во-вторыхъ, ее заинтересовало ожесточенное гоненіе, которому я ряды лѣтъ, безъ числа и мѣры, подвергался отъ моихъ добрыхъ литературныхъ собратій, желавшихъ, конечно, поправить мои недоразумѣнія и ошибки, и, въ-третьихъ, княгинѣ меня хорошо рекомендовалъ въ Парижѣ русскій іезуитъ,—очень добрый князь Гагаринъ старикъ, съ которымъ мы находили удовольствіе много бесѣдовать и который составилъ себѣ обо мнѣ не наихудшее мнѣніе.

Послѣднее было особенно важно, потому, что княгинѣ было дѣло до моего образа мыслей и настроенія; она имѣла, или, по крайней мѣрѣ, ей казалось, будто она можетъ имѣть надобность въ небольшихъ съ моей стороны услугахъ. Какъ это ни странно для человѣка такого скромнаго значенія, какъ я, это было такъ. Надобность эту княгинѣ сочинила ея материнская заботливость о дочери, которая совсѣмъ почти не знала по-русски... Привозя прелестную дѣвушку на родину, мать хотѣла найти человѣка, который могъ бы сколько-нибудь ознакомить княжну съ русскою литературою, — разумѣется, исключительно *хорошею*, т. е. настоящею, а не зараженною «злобою дня».

О послѣдней княгиня имѣла представленія самыя смутныя и притомъ до крайности преувеличенныя. Довольно трудно было понять, чего именно она боялась со стороны современныхъ титановъ русской мысли, — ихъ ли силы и отваги, или ихъ слабости и жалкаго самомнѣнія; но улавливая кое-какъ, съ помощью наведенія и догадокъ «головки и хвостики» собственныхъ мыслей княгини, я пришелъ къ безошибочному, на мой взглядъ, убѣжденію, что она всего опредѣлительнѣе боялась, «нецѣломудренныхъ намековъ», которыми, по ея понятіямъ, была въ конецъ испорчена вся наша нескромная литература.

Разувѣрять въ этомъ княгиню было безполезно, такъ какъ она была въ томъ возрастѣ, когда мнѣнія уже сложились прочно, и очень рѣдко кто способенъ подвергать ихъ новому пересмотру и повѣркѣ. Она, несомнѣнно, была не изъ этихъ, и, чтобы ее переувѣрить въ томъ, во что она увѣровала, недостаточно было слова обыкновеннаго человѣка, а это могло быть по силамъ развѣ духу, который счелъ бы нужнымъ придти съ этою цѣлью изъ ада или изъ рая. Но могутъ ли подобныя мелкія заботы занимать безплотныхъ духовъ безвѣстнаго міра; не мелки ли для для нихъ всѣ, подобные настоящему, споры и заботы о литературѣ, которую и несравненно большая доля живыхъ людей считаетъ пустымъ занятіемъ пустыхъ головъ?

Обстоятельства, однако, скоро показали, что, разсуждая такимъ образомъ, я очень грубо заблуждался. Привычка къ литературнымъ прегрѣшеніямъ, какъ мы скоро увидимъ, не оставляетъ литературныхъ духовъ и за гробомъ, а читателю будетъ предстоять задача рѣшить: въ какой мѣрѣ эти духи дѣйствуютъ успѣшно и остаются вѣрны своему литературному прошлому.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Благодаря тому, что княгиня имѣла на все строго сформированные взгляды, моя задача помочь ей въ выборѣ литературныхъ произведеній для молодой княжны, была очень опредѣлительна. Надо было, чтобы княжна могла изъ этого чтенія узнавать русскую жизнь и притомъ не встрѣтить ничего, что могло бы смутить дѣвственный слухъ. Материнскою цензурой княгини цѣликомъ не допускался ни одинъ авторъ, ни даже Державинъ и Жуковскій. Всѣ они ей представлялись не вполнѣ надежными. О Гоголѣ, разумѣется, нечего было и говорить, — онъ цѣликомъ изгонялся. Изъ Пушкина допускались: «Капитанская дочка» и «Евгеній Онѣгинъ», но послѣдній съ значительными урѣзками, которыя собственноручно отмѣчала княгиня. Лермонтовъ не допускался, какъ и Гоголь. Изъ новѣйшихъ одобрялся несомнѣнно одинъ Тургеневъ, но и то кромѣ тѣхъ мѣстъ, «гдѣ говорятъ о любви», а Гончаровъ былъ изгнанъ, и хотя я за него довольно смѣло заступался, но это не помогло, княгиня отвѣчала:

— Я знаю, что онъ большой художникъ, но это тѣмъ хуже,—вы должны признать, что у него есть разжигающіе предметы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я во что бы то ни стало хотѣлъ знать: что такое именно разумѣетъ княгиня подъ *разжигающими предметами*, которые она нашла въ сочиненіяхъ Гончарова. Чѣмъ онъ

могъ, при его мягкости отношеній къ людямъ и обуревающимъ ихъ страстямъ, оскорбить чье бы то ни было чувство?

Это было до такой степени любопытно, что я напустилъ на себя смѣлость и прямо спросилъ, какіе у Гончарова есть разжигающіе предметы?

На этотъ откровенный вопросъ я получилъ откровенный же, острымъ шопотомъ произнесенный, односложный отвѣтъ: «локти».

Мнѣ показалось, что я не вслушался или не понялъ.

— Локти, локти, повторила княгиня и, видя мое недоразумѣніе, какъ будто разсердилась. — Неужто вы не помните... какъ его этотъ... герой гдѣ-то... тамъ засматривается на голые локти своей... очень простой какой-то дамы?

Теперь я, конечно, вспомнилъ извѣстный эпизодъ изъ «*Обломова*» и не нашелъ отвѣтить ни слова. Мнѣ собственно тѣмъ удобнѣе было молчать, что я не имѣлъ ни нужды, ни охоты спорить съ недоступною для переубѣжденій княгинею, которую я, по правдѣ сказать, давно гораздо усерднѣе наблюдалъ, чѣмъ старался служить ей моими указаніями и совѣтами. И какія указанія я могъ ей сдѣлать послѣ того, какъ она считала возмутительнымъ неприличіемъ «локти», а вся новѣйшая литература шагнула въ этихъ откровеніяхъ несравненно далѣе?

Какую надо было имѣть смѣлость, чтобы, зная все это, назвать хотя одно новѣйшее произведеніе, въ которыхъ покровы красоты приподняты гораздо рѣшительнѣе!

Я чувствовалъ, что, при такомъ раскрытіи обстоятельствъ, моя роль совѣтчика должна быть кончена — и рѣшился не совѣтовать, а противорѣчить.

— Княгиня, — сказалъ я, — мнѣ кажется, что вы несправедливы: въ нашихъ требованіяхъ къ художественной литературѣ есть преувеличеніе.

Я изложилъ ей все, что, по моему мнѣнію, относилось къ дѣлу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Увлекаясь, я произнесъ не только цѣлую критику надъ ложнымъ пуризмомъ, но и привелъ извѣстный анекдотъ о французской дамѣ, которая не могла ни написать, ни выговорить слова «calotte», но за то, когда ей, однажды, неизбѣжно пришлось выговорить это слово при королевѣ, она запнулась и тѣмъ заставила всѣхъ расхохотаться. Но я никакъ не могъ вспомнить: у кого изъ французскихъ писателей мнѣ пришлось читать объ ужасномъ придворномъ скандалѣ, котораго совсѣмъ бы не произошло, еслибы дама выговорила слово «calotte» такъ же просто, какъ выговаривала его своими августѣйшими губками сама королева.

Цѣль моя была показать, что излишняя щепетильность можетъ служить во вредъ скромности, и что поэтому чрезчуръ строгій выборъ чтенія едва ли нуженъ.

Княгиня, къ немалому моему изумленію, выслушала меня, не обнаруживая ни малѣйшаго неудовольствія, и, не покидая своего мѣста, подняла надъ головою свою руку и взяла одинъ изъ голубыхъ волюмовъ.

— У васъ, сказала она, — есть доводы, а у меня есть оракулъ.

— Я, говорю,—интересуюсь его слышать.

— Это не замедлитъ:—я призываю духъ Genlis, и онъ будетъ отвѣчать вамъ. Откройте книгу и прочтите.

— Потрудитесь указать, гдѣ я долженъ читать? спросилъ я, принимая волюмчикъ.

— Указать? Это не мое дѣло: духъ самъ вамъ укажетъ. Раскройте, гдѣ попало.

Мнѣ это становилось немножко смѣшно, и даже какъ будто стыдно за мою собесѣдницу; однако, я сдѣлалъ такъ, какъ она хотѣла, и только что окинулъ глазомъ первый періодъ раскрывшейся страницы, какъ почувствовалъ досадительное удивленіе.

— Вы смущены? спросила княгиня.

— Да.

— Да; это бывало со многими. Я прошу васъ читать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Чтеніе—занятіе слишкомъ серьезное и слишкомъ важное по своимъ послѣдствіямъ, чтобы при выборѣ его не руководить вкусами молодыхъ людей. Есть чтеніе, которое нравится юности, но оно дѣлаетъ ихъ безпечными и предрасполагаетъ къ вѣтренности, послѣ чего трудно исправить характеръ. Все это я испытала на опытѣ». Вотъ что прочелъ я и остановился.

Княгиня съ тихой улыбкой развела руками и, деликатно торжествуя надо мною свою побѣду, проговорила:

— По-латыни это, кажется, называется dixi?

— Совершенно вѣрно.

Съ тѣхъ поръ мы не спорили, но княгиня не могла отказать себѣ въ удовольствіи поговорить иногда при мнѣ о невоспитанности русскихъ писателей, которыхъ, по ея мнѣнію, «никакъ нельзя читать вслухъ безъ предварительнаго пересмотра».

О «духѣ» Genlis я, разумѣется, серьезно не думалъ. Мало ли что говорится въ этомъ родѣ.

Но «духъ», дѣйствительно, жилъ и былъ въ дѣйствіи, и, вдобавокъ, представьте, что онъ былъ на нашей сторонѣ, т. е. на сторонѣ литературы. Литературная природа взяла въ немъ верхъ надъ сухимъ резонерствомъ, и, неуязвимый со стороны приличія «духъ» г-жи Жанлисъ, заговоривъ du fond de coeur, откололъ (да, именно откололъ) въ строгомъ салонѣ такую школярскую штуку, что послѣдствія этого были исполнены глубокой трагикомедіи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

У княгини разъ въ недѣлю собирались вечеромъ къ чаю «три друга». Это были достойные люди, съ отличнымъ по-

ложеніемъ. Два изъ нихъ были сенаторы, а третій—дипломатъ. Въ карты, разумѣется, не играли, а бесѣдовали.

Говорили, обыкновенно, старшіе, т. е. княгиня и «три друга», а я, молодой князь и княжна очень рѣдко вставляли свое слово. Мы болѣе поучались, и, къ чести нашихъ старшихъ, надо сказать, что у нихъ было чему поучиться,—особенно у дипломата, который удивлялъ насъ своими тонкими замѣчаніями.

Я пользовался его расположеніемъ, хотя не знаю за что. Въ сущности, я обязанъ думать, что онъ считалъ меня не лучше другихъ, а въ его глазахъ «литераторы» были всѣ «одного корня». Шутя онъ говорилъ: «и лучшая изъ змѣй есть все-таки змѣя».

Это-то самое мнѣніе и послужило поводомъ къ наступающему ужасному случаю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Будучи стоически вѣрна своимъ друзьямъ, княгиня не хотѣла, чтобы такое общее опредѣленіе распространялось и на г-жу Жанлисъ и на «женскую плеяду», которую эта писательница держала подъ своей защитою. И вотъ, когда мы собрались у этой почтенной особы встрѣчать тихо новый годъ, незадолго до часа полночи, у насъ зашелъ обычный разговоръ, въ которомъ опять упомянуто было имя г-жи Жанлисъ, а дипломатъ припомнилъ свое замѣчаніе, что «и лучшая изъ змѣй есть все-таки змѣя».

— Правила безъ исключенія не бываетъ, сказала княгиня.

Дипломатъ догадался—*кто* долженъ быть исключеніемъ, и промолчалъ.

Княгиня не вытерпѣла и, взглянувъ по направленію къ портрету Жанлисъ, сказала:

— Какая же она змѣя!

Но искушенный жизнью дипломатъ стоялъ на своемъ: онъ тихо помовалъ пальцемъ и тихо же улыбался,—онъ не вѣрилъ ни плоти, ни духу.

Для рѣшенія несогласія, очевидно, нужны были доказательства, и тутъ-то способъ обращенія къ духу вышелъ кстати.

Маленькое общество было прекрасно настроено для подобныхъ опытовъ, а хозяйка сначала напомнила о томъ, что мы знаемъ насчетъ ея вѣрованій, а потомъ и предложила опытъ.

— Я отвѣчаю, сказала она, — что самый придирчивый человѣкъ не найдетъ у Жанлисъ ничего такого, чего бы не могла прочесть вслухъ самая невинная дѣвушка, и мы это сейчасъ попробуемъ.

Она опять, какъ въ первый разъ, закинула руку къ помѣщавшейся также надъ ея этаблисманомъ этажеркѣ, взяла безъ выбора волюмъ,—и обратилась къ дочери:

— Мое дитя! раскрой и прочти намъ страницу.

Княжна повиновалась.

Мы всѣ изображали собою серьезное ожиданіе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Если писатель начинаетъ обрисовывать внѣшность выведенныхъ имъ лицъ въ концѣ своего разсказа, то онъ достоинъ порицанія; но я писалъ эту бездѣлку такъ, чтобы въ ней никто не былъ узнанъ. Поэтому я не ставилъ никакихъ именъ и не давалъ никакихъ портретовъ. Портретъ же княжны и превышалъ бы мои силы, такъ какъ она была вполнѣ, что называется, «ангелъ во плоти». Что же касается всесовершенной ея чистоты и невинности, —она была такова, что ей можно было даже довѣрить рѣшить неодолимой трудности богословскій вопросъ, который вели у Гейне «Bernardiner und Rabiner». За эту, непричастную ни къ какому грѣху душу, конечно, должно было говорить нѣчто, стоящее превыше міра и страстей. И княжна, съ этою именно невинностью, прелестно грасируя, прочитала интересныя воспоминанія Genlis о старости madame Dudeffand, когда она «слаба глазами стала». Запись говорила о тол-

стомъ Джиббонѣ, котораго французской писательницѣ рекомендовали какъ знаменитаго автора. Жанлисъ, какъ извѣстно, скоро его разгадала и ѣдко осмѣяла французовъ, увлеченныхъ дутой репутаціей этого иностранца.

Далѣе я привожу по извѣстному переводу съ французскаго подлинника, который читала княжна, способная рѣшить споръ между «Bernardiner und Rabiner»:

«Джиббонъ малъ ростомъ, чрезвычайно толстъ и у него преудивительное лицо. На этомъ лицѣ невозможно различить ни одной черты. Ни носа, ни глазъ, ни рта совсѣмъ не видно; двѣ жирныя, толстыя щеки, похожія чортъ знаетъ на что, поглощаютъ все... Онѣ такъ надулись, что совсѣмъ отошли отъ всякой соразмѣрности, которая была бы мало-мальски прилична для самыхъ большихъ щекъ; каждый, увидавъ ихъ, долженъ былъ бы удивляться: зачѣмъ это мѣсто помѣщено не на своемъ мѣстѣ. Я бы характеризовала лицо Джиббона однимъ словомъ, еслибы только возможно было сказать такое слово. Лозенъ, который былъ очень коротокъ съ Джиббономъ, привелъ его однажды къ Dudeffand. M-me Dudeffand тогда уже была слѣпа и имѣла обыкновеніе ощупывать руками лица вновь представляемыхъ ей замѣчательныхъ людей. Такимъ образомъ она усвояла себѣ довольно вѣрное понятіе о чертахъ новаго знакомца. Къ Джиббону она приложила тотъ же осязательный способъ, и это было ужасно. Англичанинъ подошелъ къ креслу и особенно добродушно подставилъ ей свое удивительное лицо. M-me Dudeffand приблизила къ нему свои руки и повела пальцами по этому шаровидному лицу. Она старательно искала на чемъ бы остановиться, но это было невозможно. Тогда лицо слѣпой дамы сначала выразило изумленіе, потомъ гнѣвъ, и, наконецъ, она, быстро отдернувъ съ гадливостью свои руки, вскричала: «какая гадкая шутка!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Здѣсь былъ конецъ и чтенію, и бесѣдѣ друзей, и ожидаемой встрѣчѣ наступающаго года, потому что, когда молодая княжна, закрывъ книгу, спросила:—что такое показалось m-me Dudeffand? то лицо княгини было столь страшно, что дѣвушка вскрикнула, закрыла руками глаза и опрометью бросилась въ другую комнату, откуда сейчасъ же послышался ея плачъ, похожій на истерику.

Братъ побѣжалъ къ сестрѣ, и въ ту же минуту широкимъ шагомъ поспѣшила туда княгиня.

Присутствіе постороннихъ людей было теперь некстати, и потому всѣ «три друга» и я сію же минуту потихоньку убрались, а приготовленная для встрѣчи новаго года бутылка вдовы Клико осталась завернутою въ салфетку, но не раскупоренною.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Чувства, съ которыми мы расходились, были томительны, но не дѣлали чести нашимъ сердцамъ, ибо, содержа на лицахъ усиленную серьезность, мы едва могли хранить разрывавшій насъ смѣхъ, и не въ мѣру старательно наклонялись, отыскивая свои галоши, что было необходимо, такъ какъ прислуга тоже разбѣжалась, по случаю тревоги, поднятой внезапной болѣзнью барышни.

Сенаторы сѣли въ свои экипажи, а дипломатъ прошелся со мною пѣшкомъ. Онъ хотѣлъ освѣжиться и, кажется, интересовался узнать мое незначущее мнѣніе о томъ, что могло представиться мысленнымъ очамъ молодой княжны, послѣ прочтенія извѣстнаго намъ мѣста изъ сочиненій m-me Жанлисъ?

Но я рѣшительно не смѣлъ дѣлать объ этомъ никакихъ предположеній.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ несчастнаго дня, когда случилось это происшествіе, я не видалъ болѣе ни княгини, ни ея дочери. Я не могъ рѣшиться идти поздравить ее съ новымъ годомъ, а только послалъ узнать о здоровьѣ молодой княжны, но и то съ большою нерѣшительностью, чтобъ не приняли этого въ другую сторону. Визиты же «кондолеансы» мнѣ казались совершенно неумѣстными. Положеніе было преглупое: вдругъ перестать посѣщать знакомый домъ выходило грубостью, а явиться туда — тоже казалось некстати.

Можетъ быть я былъ и неправъ въ своихъ заключеніяхъ, но мнѣ они казались вѣрными; и я не ошибся: ударъ, который перенесла княгиня подъ новый годъ отъ «духа» г-жи Жанлисъ, былъ очень тяжелъ и имѣлъ серьезныя послѣдствія.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Около мѣсяца спустя, я встрѣтился на Невскомъ съ дипломатомъ: онъ былъ очень привѣтливъ, и мы разговорились.

— Давно не видалъ васъ, сказалъ онъ.

— Негдѣ встрѣчаться, отвѣчалъ я.

— Да, мы потеряли милый домъ почтенной княгини: она, бѣдняжка, должна была уѣхать.

— Какъ, говорю, — уѣхать... Куда?

— Будто вы не знаете?

— Ничего не знаю.

— Они всѣ уѣхали заграницу, и я очень счастливъ, что могъ устроить тамъ ея сына. Этого нельзя было не сдѣлать послѣ того, что тогда случилось... Какой ужасъ! Несчастная, вы знаете она въ ту же ночь сожгла всѣ свои волюмы и разбила вдребезги терракотовую ручку, отъ которой, впрочемъ, кажется, уцѣлѣлъ на память одинъ пальчикъ или, лучше сказать, шишъ. Вообще пренепріятное проис-

шествіе, но зато оно служитъ прекраснымъ доказательствомъ одной великой истины.

— По-моему: даже двухъ и трехъ.

Дипломатъ улыбнулся и, смотря мнѣ въ упоръ, спросилъ:

— Какихъ-съ?

— Во-первыхъ, это доказываетъ, что книги, о которыхъ мы рѣшаемся говорить, нужно прежде прочесть.

— А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, — что неблагоразумно держать дѣвушку въ такомъ дѣтскомъ невѣдѣніи, въ какомъ была до этого случая молодая княжна; иначе она, конечно, гораздо раньше бы остановилась читать о Джиббонѣ.

— И въ-третьихъ?

— Въ-третьихъ, что на духовъ такъ же нельзя полагаться, какъ и на живыхъ людей.

— И все не то: духъ подтверждаетъ одно мое мнѣніе, что «и лучшая изъ змѣй есть все-таки змѣя» и притомъ, чѣмъ змѣя лучше, тѣмъ она опаснѣе, потому что держитъ свой ядъ въ хвостѣ.

Если бы у насъ была сатира, то это для нея превосходный сюжетъ.

Къ сожалѣнію, не обладая никакими сатирическими способностями, я могу передать это только въ простой формѣ разсказа.

СТАРЫЙ ГЕНІЙ.

«Геній лѣтъ не имѣетъ — онъ преодолѣваетъ все, что останавливаетъ обыкновенные умы».

Ларошфуко.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургъ пріѣхала маленькая старушка-помѣщица, у которой было, по ея словамъ, «вопіющее дѣло». Дѣло это заключалось въ томъ, что она, по своей сердечной добротѣ и простотѣ, чисто изъ одного участія, выручила изъ бѣды одного великосвѣтскаго франта, заложивъ для него свой домикъ, составлявшій все достояніе старушки и ея недвижимой, увѣчной дочери да внучки. Домъ былъ заложенъ въ пятнадцати тысячахъ, которыя франтъ полностію взялъ, съ обязательствомъ уплатить въ самый короткій срокъ.

Добрая старушка этому вѣрила, да и не мудрено было вѣрить, потому что должникъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ фамилій, имѣлъ передъ собою блестящую карьеру и получалъ хорошіе доходы съ имѣній и хорошее жалованье по службѣ. Денежныя затрудненія, изъ которыхъ старушка его выручила, были послѣдствіемъ какого-то мимолетнаго увлеченія или неосторожности за картами въ дворянскомъ клубѣ, что поправить ему было, конечно, очень легко, — «лишь бы только доѣхать до Петербурга».

Старушка знавала когда-то мать этого господина и, во имя старой пріязни, помогла ему; онъ благополучно уѣхалъ въ Питеръ, а затѣмъ, разумѣется, началась довольно обыкновенная въ подобныхъ случаяхъ игра въ кошку и мышку. Приходятъ сроки, старушка напоминаетъ о себѣ письмами, — сначала самыми мягкими, потомъ немножко пожостче, а наконецъ, и бранится, — намекаетъ, что «это не честно», но должникъ ея былъ звѣрь травленый и все равно ни на какія ея письма не отвѣчалъ. А между тѣмъ время уходитъ, приближается срокъ закладной — и передъ бѣдной женщиной, которая уповала дожить свой вѣкъ въ своемъ домишкѣ, вдругъ разверзается страшная перспектива холода и голода съ увѣчной дочерью и маленькою внучкою.

Старушка въ отчаяніи поручила свою больную и ребенка доброй сосѣдкѣ, а сама собрала кое-какія крохи и полетѣла въ Петербургъ «хлопотать».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Хлопоты ея вначалѣ были очень успѣшны: адвокатъ ей встрѣтился участливый и милостивый, и въ судѣ ей рѣшеніе вышло скорое и благопріятное, но какъ дошло дѣло до исполненія — тутъ и пошла закорюка, да такая, что и ума къ ней приложить было невозможно. Не то, чтобы полиція или иные какіе пристава должнику мирволили — говорятъ, что тотъ имъ самимъ давно надоѣлъ, и что они всѣ старушку очень жалѣютъ и рады ей помочь, да *не смѣютъ*... Было у него какое-то такое могущественное родство, или свойство, что нельзя было его приструнить, какъ всякаго иного грѣшника.

О силѣ и значеніи этихъ связей достовѣрно не знаю, да думаю, что это и не важно. Все равно — какая бабушка ему ни ворожила и все на милость преложила.

Не умѣю тоже вамъ разсказать въ точности, что надъ нимъ надо было учинить, но знаю, что нужно было «вру-

чить *должнику* съ роспискою» какую-то бумагу, и вотъ этого-то никто, никакія лица, никакого уряда — не могли сдѣлать. Къ кому старушка ни обратится, всѣ ей въ одномъ родѣ совѣтуютъ:

— Ахъ, сударыня, и охота же вамъ! Бросьте лучше! Намъ очень васъ жаль, да что дѣлать, когда онъ никому не платитъ... Утѣшитесь тѣмъ, что не вы первая, не вы и послѣдняя.

— Батюшки мои, отвѣчаетъ старушка:—да какое же мнѣ въ этомъ утѣшеніе, что не мнѣ одной худо будетъ? Я бы, голубчики, гораздо лучше желала, чтобы и мнѣ, и всѣмъ другимъ хорошо было.

— Ну, отвѣчаютъ, — что-бъ всѣмъ-то хорошо — вы ужъ это оставьте,—это спеціалисты выдумали и это невозможно.

А та, въ простотѣ своей, пристаетъ:

— Почему же невозможно? У него состояніе во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ онъ всѣмъ намъ долженъ и пусть онъ должное отдастъ, а ему еще много останется.

— Э, сударыня, у кого «много», тѣмъ никогда много не бываетъ, а имъ всегда недостаточно, но главное дѣло въ томъ, что онъ платить не привыкъ, и если очень докучать станете—можетъ вамъ непріятность сдѣлать.

— Какую непріятность?

— Ну, что вамъ разспрашивать: гуляйте лучше тихонько по Невскому проспекту, а то вдругъ уѣдете.

— Ну, извините, говоритъ старушка: — я вамъ не повѣрю: онъ замотался, но человѣкъ хорошій.

— Да, отвѣчаютъ: конечно онъ баринъ хорошій, но только дурной платить; а если кто этимъ занялся, тотъ и все дурное сдѣлаетъ.

— Ну, такъ тогда употребите мѣры.

— Да вотъ тутъ-то, отвѣчаютъ:—и точка съ запятою: мы не можемъ противъ всѣхъ «употреблять мѣры». Зачѣмъ съ такими знались.

— Какая же разница?

А вопрошаемые на нее только посмотрятъ да отвернутся, или даже предложатъ идти высшимъ жаловаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ходила она и къ высшимъ. Тамъ и доступъ труднѣе и разговору меньше, да и отвлеченнѣе.

Говорятъ: «да гдѣ онъ? о немъ доносятъ, что его нѣтъ!»

— Помилуйте, плачетъ старушка:—да я его всякій день на улицѣ вижу,—онъ въ своемъ домѣ живетъ.

— Это вовсе и не его домъ. У него нѣтъ дома: это домъ его жены.

— Вѣдь это все равно: мужъ и жена—одна сатана.

— Да это вы такъ судите, но законъ судитъ иначе. Жена на него тоже счеты предъявляла и жаловалась суду, и онъ у нея не значится... Онъ, чортъ его знаетъ, онъ всѣмъ намъ надоѣлъ, — и зачѣмъ вы ему деньги давали! Когда онъ въ Петербургѣ бываетъ—онъ прописывается гдѣ-то въ меблированныхъ комнатахъ, но тамъ не живетъ. А если вы думаете, что мы его защищаемъ, или намъ его жалко, то вы очень ошибаетесь: ищите его, поймайте,—это ваше дѣло,—тогда ему «*вручатъ*».

Утѣшительнѣе этого старушка ни на какихъ высотахъ ничего не добилась, и, по провинціальной подозрительности, стала шептать, будто все это «оттого, что сухая ложка ротъ деретъ».

— Что ты, говоритъ:—мнѣ ни увѣряй, а я вижу, что все оно оттого же самаго движетъ, что *надо смазать*.

Пошла она «мазать» и пришла еще болѣе огорченная. Говоритъ, что «прямо съ цѣлой тысячи начала», т. е. обѣщала тысячу рублей изъ взысканныхъ денегъ, но ее и слушать не хотѣли, а когда она, благоразумно прибавляя, насулила до трехъ тысячъ, то ее даже попросили выйти.

— Трехъ тысячъ не берутъ за то только, чтобы бумажку вручить! Вѣдь это что же такое?.. Нѣтъ, прежде лучше было.

— Ну. тоже, напоминаю ей: — забыли вы, вѣрно, какъ тогда хорошо шло: кто больше далъ, тотъ и правъ былъ.

— Это, отвѣчаетъ:—твоя совершенная правда, но только между старинными чиновниками бывали отчаянные доки. Бывало его спросишь: «можно ли?—а онъ отвѣчаетъ: «въ Россіи невозможности нѣтъ», и вдругъ выдумку выдумаетъ и сдѣлаетъ. Вотъ мнѣ и теперь одинъ такой объявился и пристаетъ ко мнѣ, да не знаю: вѣрить или нѣтъ? Мы съ нимъ вмѣстѣ въ Маріинскомъ пассажѣ у саечника Василья обѣдаемъ, потому что я вѣдь теперь экономлю и надъ каждымъ грошемъ трясусь,—горячаго уже давно не ѣмъ, все на дѣло берегу, а онъ, вѣрно, тоже по бѣдности или нитущій... но преубѣдительно говоритъ: «дайте мнѣ пятьсотъ рублей— я *вручу*». Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Голубушка моя, отвѣчаю ей:—увѣряю васъ, что вы меня своимъ горемъ очень трогаете, но я и своихъ-то дѣлъ вести не умѣю и рѣшительно ничего не могу вамъ посовѣтовать. Разспросили бы вы, по крайней мѣрѣ, о немъ кого-нибудь: кто онъ такой и кто за него поручиться можетъ?

— Да ужъ я саечника разспрашивала, только онъ ничего не знаетъ. «Такъ, говоритъ, надо думать, или купецъ притишилъ торговлю, или подупавшій изъ какихъ-нибудь своихъ благородій».

— Ну, самого его прямо спросите.

— Спрашивала—кто онъ такой и какой на немъ чинъ? «Это, говоритъ, въ нашемъ обществѣ разсказывать совсѣмъ лишнее и не принято; называйте меня Иванъ Иванычъ, а чинъ на мнѣ изъ четырнадцати овчинъ,—какую захочу, ту вверхъ шерстью и выворочу».

— Ну, вотъ видите,—это, выходитъ, совсѣмъ какая-то темная личность.

— Да, темная... «Чинъ изъ четырнадцати овчинъ»—это я понимаю, такъ какъ я сама за чиновникомъ была. Это значитъ, что онъ четырнадцатаго класса. А насчетъ имени и рекомендацій прямо объявляетъ, что «насчетъ рекомен-

дацій», говоритъ, «я ими пренебрегаю и у меня ихъ нѣтъ, а я геніальныя мысли въ своемъ лбу имѣю и знаю достойныхъ людей, которые всякій мой планъ готовы привести за триста рублей въ исполненіе».

— Почему же, батюшка, непремѣнно *триста?*

— А такъ,— ужъ это у насъ такой прификсъ, съ котораго мы уступать не желаемъ и больше не беремъ».

— Ничего, сударь, не понимаю.

— «Да и не надо. Нынѣшніе вѣдь много тысячъ берутъ, а мы сотни. Мнѣ двѣсти за мысль и за руководство, да триста исполнительному герою, въ соразмѣрѣ, что онъ можетъ за исполненіе три мѣсяца въ тюрьмѣ сидѣть, и конецъ дѣло вѣнчаетъ. Кто хочетъ—пусть намъ вѣритъ, потому что я всегда берусь за дѣла только за невозможныя: а кто вѣры не имѣетъ, съ тѣмъ дѣлать нечего»,—но что до меня касается,—прибавляетъ старушка,—то представь ты себѣ мое искушеніе: я ему почему-то вѣрю...

— Рѣшительно, говорю, не знаю, отчего вы ему вѣрите?

— Вообрази—предчувствіе у меня, что ли, какое-то, и сны я вижу, и все это какъ-то такъ тепло убѣждаетъ довѣриться.

— Не подождать ли еще?

— Подожду, пока возможно.

Но скоро это сдѣлалось невозможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ старушка въ состояніи самой трогательной и острой горести: во-первыхъ, настаетъ Рождество; во-вторыхъ, изъ дому пишутъ, что домъ на сихъ же дняхъ поступаетъ въ продажу; и въ-третьихъ, она встрѣтила своего должника подъ-руку съ дамой и погналась за ними и даже схватила его за рукавъ, и взывала къ содѣйствію публики, крича со слезами: «Боже мой, онъ мнѣ долженъ!» Но это повело только къ тому, что ее отъ должника съ его дамою отвлекли, а привлекли къ отвѣт-

ственности за нарушеніе тишины и порядка въ людномъ мѣстѣ. Ужаснѣе же этихъ трехъ обстоятельствъ было четвертое, которое заключалось въ томъ, что должникъ старушки добылъ себѣ заграничный отпускъ и не позже, какъ завтра, уѣзжаетъ съ роскошною дамою своего сердца за границу, — гдѣ навѣрно пробудетъ годъ или два, а можетъ быть и совсѣмъ не вернется, «потому что она очень богатая».

Сомнѣній, что все это именно такъ, какъ говорила старушка, не могло быть ни малѣйшихъ. Она научилась зорко слѣдить за каждымъ шагомъ своего неуловимаго должника и знала всѣ его тайности отъ подкупленныхъ его слугъ.

Завтра, стало быть, конецъ этой долгой и мучительной комедіи: завтра онъ несомнѣнно улизнетъ и надолго, а можетъ быть и навсегда, потому что его компаньонка, всеконечно, не желала афишировать себя за мигъ иль краткое мгновенье.

Старушка все это во всѣхъ подробностяхъ повергла уже обсужденію дѣльца, имѣющаго чинъ изъ четырнадцати овчинъ, и тотъ тамъ же, сидя за ночвами у сасчика въ Маріинскомъ пассажѣ, отвѣчалъ ей:

— «Да, дѣло кратко, но помочь еще можно: сейчасъ пятьсотъ рублей на столъ, и завтра же ваша душа на просторъ; а если не имѣете ко мнѣ вѣры—ваши пятнадцать тысячъ пропали».

— Я, другъ мой, разсказываетъ мнѣ старушка: — уже рѣшилась ему довѣриться... Что же дѣлать: все равно, вѣдь, никто не берется, а онъ берется и твердо говоритъ: «я вручу». Не гляди, пожалуйста, на меня такъ, глаза испытуючи.—Я нимало не сумасшедшая,—а и сама ничего не понимаю, но только имѣю къ нему какое-то таинственное довѣріе въ моемъ предчувствіи, и сны такіе снились, что я рѣшилась и увела его съ собою.

— Куда?

— Да видишь ли, мы у сасчика вѣдь только въ одну

пору, все въ обѣдъ встрѣчаемся. А тогда уже поздно будетъ,—такъ я его теперь при себѣ веду и не отпущу до завтраго. Въ мои годы, конечно, ужъ объ этомъ никто ничего дурного подумать не можетъ, а за нимъ надо смотрѣть, потому что я должна ему сейчасъ же всѣ пятьсотъ рублей отдать и безъ всякой росписи.

— И вы рѣшаетесь?

— Конечно, рѣшаюсь. — Что же еще сдѣлать можно? Я ему уже сто рублей задатку дала и онъ теперь ждетъ меня въ трактирѣ, чай пьетъ, а я къ тебѣ съ просьбою: у меня еще двѣсти пятьдесятъ рублей есть, а полутораста нѣтъ. Сдѣлай милость, ссуди меня,—я тебѣ возвращу. Пусть хоть домъ продадутъ,—все-таки тамъ полтораста рублей еще останется.

Зналъ я ее за женщину прекрасной честности, да и горе ее такое трогательное, — думаю: отдастъ или не отдастъ — Господь съ ней, отъ полутораста рублей не разбогатѣешь и не обѣднѣешь, а между тѣмъ у нея мученія на душѣ не останется, что она не всѣ средства испробовала, чтобы «вручить» бумажку, которая могла спасти ея дѣло.

Взяла она просимыя деньги и поплыла въ трактиръ къ своему отчаянному дѣльцу. А я съ любопытствомъ дожидалъ ее на слѣдующее утро, чтобы узнать: на какое еще новое штукарство изловчаются плутовать въ Петербургѣ?

Только то, о чемъ я узналъ, превзошло мои ожиданія: пассажный геній не постыдилъ ни вѣры, ни предчувствій доброй старушки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

На третій день праздника, она влетаетъ ко мнѣ въ дорожномъ платьѣ и съ саквояжемъ, и первое что дѣлаетъ,— кладетъ мнѣ на столъ занятые у меня полтораста рублей,

а потомъ показываетъ банковую, переводную росписку слишкомъ на пятнадцать тысячъ...

— Глазамъ своимъ не вѣрю! Что это значитъ?

— Ничего больше, какъ я получила всѣ свои деньги съ процентами.

— Какимъ образомъ? Неужто все это четырнадцати овчинный Иванъ Иванычъ устроилъ?

— Да, онъ. Впрочемъ, былъ еще и другой, которому онъ отъ себя триста рублей далъ, — потому что безъ помощи этого человѣка обойтись было невозможно.

— Это что же еще за дѣятель? Вы ужъ разскажите все, какъ они вамъ помогали!

— Помогли очень честно. Я какъ пришла въ трактиръ и отдала Ивану Иванычу деньги—онъ сосчиталъ, принялъ и говоритъ: «теперь, госпожа, поѣдемъ. Я, говоритъ, геній по мысли моей, но мнѣ нуженъ исполнитель моего плана, потому что я самъ таинственный незнакомецъ и своимъ лицомъ юридическихъ дѣйствій производить не могу». Ѣздили по многимъ низкимъ мѣстамъ и по банямъ — все искали какого-то «сербскаго сражателя», но долго его не могли найти. Наконецъ нашли. Вышелъ этотъ сражатель изъ какой-то ямки, въ сербскомъ военномъ костюмѣ, весь оборванный, а въ зубахъ пипочка изъ газетной бумаги и говоритъ: «я все могу, что кому нужно, но прежде всего надо выпить». Всѣ мы трое въ трактирѣ сидѣли и торговались, и сербскій сражатель требовалъ «по сту рублей на мѣсяцъ, за три мѣсяца». На этомъ рѣшили. Я еще ничего не понимала, но видѣла, что Иванъ Иванычъ ему деньги отдалъ, стало быть, онъ вѣритъ, и мнѣ полегче стало. А потомъ я Ивана Иваныча къ себѣ взяла, чтобы въ моей квартирѣ находился, а сербскаго сражателя въ бани ночевать отпустили съ тѣмъ, чтобы утромъ явился. Онъ утромъ пришелъ и говоритъ: я готовъ! А Иванъ Иванычъ мнѣ шепчетъ: «Пошлите для него за водочкой: отъ него нужна смѣлость. Много я ему пить не дамъ, а немножко

необходимо для храбрости: настаетъ самое главное его исполненіе».

Выпилъ сербскій сражатель и они поѣхали на станцію желѣзной дороги, съ поѣздомъ которой старушкинъ должникъ и его дама должны были уѣхать. Старушка все еще ничего не понимала, что такое они замыслили и какъ исполнятъ, но сражатель ее успокоивалъ и говорилъ, что «все будетъ честно и благородно». Стала съѣзжаться къ поѣзду публика, и должникъ явился тутъ, какъ листъ передъ травою, и съ нимъ дама; лакей беретъ для нихъ билеты, а онъ сидитъ съ своей дамой, чай пьетъ и тревожно осматривается на всѣхъ. Старушка спряталась за Ивана Иваныча и указываетъ на должника, говоритъ:— вотъ—онъ!

Сербскій воитель увидалъ, сказалъ «хорошо» и сейчасъ же всталъ и прошелъ мимо франта разъ, потомъ во второй, а потомъ въ третій разъ, прямо противъ него остановился и говоритъ:

— Чего это вы на меня такъ смотрите?

Тотъ отвѣчаетъ: «я на васъ вовсе никакъ не смотрю, я чай пью».

— А-а! говоритъ воитель:—вы не смотрите, а чай пьете? такъ я же васъ заставлю на меня смотрѣть, и вотъ вамъ отъ меня къ чаю лимонный сокъ, песокъ и шоколаду кусокъ!.. Да съ этимъ — хлопъ, хлопъ, хлопъ! его три раза по лицу и ударилъ.

Дама бросилась въ сторону, господинъ тоже хотѣлъ убѣжать и говорилъ, что онъ теперь не въ претензіи; но полиція подскочила и вмѣшалась: «этого, говоритъ, нельзя: это въ публичномъ мѣстѣ»,—и сербскаго воителя арестовали, и побитаго тоже. Тотъ въ ужасномъ былъ волненіи,—не знаетъ: ни то за своей дамой броситься, ни то полиціи отвѣчать. А между тѣмъ уже и протоколъ готовъ, и поѣздъ отходитъ... Дама уѣхала, а онъ остался... и какъ только объявилъ свое званіе, имя и фамилію, полицейскій говоритъ: «такъ вотъ у меня кстати для васъ и бумажка въ порт-

фелѣ есть для врученія». Тотъ—дѣлать нечего—при свидѣтеляхъ поданную ему бумагу принялъ, и, чтобы освободить себя отъ обязательствъ о невыѣздѣ, немедленно же сполна и съ процентами уплатилъ чекомъ весь долгъ свой старушкѣ.

Такъ были побѣждены неодолимыя затрудненія, правда восторжествовала и въ честномъ, но бѣдномъ домѣ водворился покой, и праздникъ сталъ тоже свѣтелъ и веселъ.

Человѣкъ, который нашелся какъ уладить столь трудное дѣло, кажется, вполнѣ имѣетъ право считать себя въ самомъ дѣлѣ геніемъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ НИГИЛИСТОМЪ.

«Кто скачетъ, кто мчится
въ таинственной мглѣ?»
Гете.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Случилось провести мнѣ рождественскую ночь въ вагонѣ, и не безъ приключеній.

Дѣло было на одной изъ маленькихъ желѣзно-дорожныхъ вѣтвей, такъ сказать, совсѣмъ въ сторонѣ отъ «большого свѣта». Линія была еще не совсѣмъ окончена, поѣзда ходили неаккуратно, и публику помѣщали какъ попало. Какой классъ ни возьми, все выходитъ одно и то же.— всѣ являются вмѣстѣ.

Буфетовъ еще нѣтъ; многіе, чувствуя холодъ, грѣются изъ дорожныхъ фляжекъ.

Согрѣвающіе напитки развиваютъ общеніе и разговоры. Больше всего толкуютъ о дорогѣ и судятъ о ней снисходительно, что бываетъ у насъ не часто.

— Да, плохо насъ везутъ.—сказалъ какой-то военный, а все спасибо имъ.—лучше чѣмъ на коняхъ. На коняхъ въ сутки бы не доѣхали, а тутъ завтра къ утру будемъ и завтра назадъ можно. Должностнымъ людямъ то удобство, что завтра съ родными повидаешься, а послѣзавтра и опять къ службѣ.

— Вотъ и я то же самое, поддержалъ, вставъ на ноги и держась за спинку скамьи, большой, сухощавый духовный;—вотъ у нихъ въ городѣ дьяконъ гласомъ подъупавши, многолѣтіе—вродѣ какъ пѣтухъ выводитъ. Пригласили меня за десятку позднюю обѣдню сдѣлать. Многолѣтіе проворчу и опять въ ночь въ свое село.

Одно находили на лошадяхъ лучше, что можно ѣхать въ своей компаніи и гдѣ угодно остановиться.

— Ну, да вѣдь здѣсь компанія-то не навѣкъ, а на часъ, молвилъ купецъ.

— Однако, иной если и на часъ навяжется, то можно его всю жизнь помнить, отозвался дьяконъ.

— Чего же это такъ?

— А если, напримѣръ, нигилистъ, да въ полномъ своемъ облаченіи, со всѣми составами и револьверъ-барбосомъ.

— Это сужектъ полицейскій.

— Всякаго это касается, потому вы знаете ли, что отъ одного даже трясенія... пафъ—и готово.

— Оставьте, пожалуйста... Къ чему вы это къ ночи завели. У насъ этого званія еще нѣтъ.

— Можетъ съ поля взяться.

— Лучше спать давайте.

Всѣ послушались купца и заснули, и не могу уже вамъ сказать, сколько мы проспали, какъ вдругъ насъ такъ сильно встряхнуло, что всѣ мы проснулись, а въ вагонѣ съ нами уже былъ нигилистъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Откуда онъ взялся? Никто не замѣтилъ, гдѣ этотъ непріятный гость могъ взойти, но не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что это настоящій, чистокровный нигилистъ, и потому сонъ у всѣхъ пропалъ сразу. Разсмотрѣть его еще было невозможно, потому что онъ сидѣлъ впотемочкахъ въ углу у окна, но и смотрѣть не надо—это такъ уже чувствовалось.

Впрочемъ, дьяконъ попробовалъ произвести обозрѣніе личности: онъ прошелся къ выходной двери вагона, мимо самаго нигилиста, и, возвратясь, объявилъ потихоньку, что весьма ясно примѣтилъ «рукава съ фибрами», за которыми непремѣнно спрятанъ револьверъ-барбосъ или динамидъ.

Дьяконъ оказывался человѣкомъ очень живымъ и, для своего сельскаго званія, весьма просвѣщеннымъ и любознательнымъ, а къ тому же и находчивымъ. Онъ немедленно сталъ подбивать военнаго, чтобы тотъ вынулъ папироску и пошелъ къ нигилисту попросить огня отъ его сигары.

— Вы, говоритъ, не цивильные, а вы со шпорою — вы можете на него такъ топнуть, что онъ какъ билліардный шаръ выкатится. Военному все смѣлѣе.

Къ поѣздовому начальству напрасно было обращаться, потому что оно насъ заперло на ключъ и само отсутствовало.

Военный согласился: онъ всталъ, постоялъ у одного окна, потомъ у другого и, наконецъ, подошелъ къ нигилисту и попросилъ закурить отъ его сигары.

Мы зорко наблюдали за этимъ маневромъ и видѣли, какъ нигилистъ схитрилъ: онъ не далъ сигары, а зажегъ спичку и молча подалъ ее офицеру.

Все это холодно, кратко, отчетисто, но безучастливо и въ совершенномъ молчаніи. Ткнулъ въ руки зажженную спичку и отворотился.

Но, однако, для нашего напряженнаго вниманія было довольно и одного этого свѣтового момента, пока сверкнула спичка. Мы разглядѣли, что это человѣкъ совершенно сомнительный, даже неопредѣленнаго возраста. Точно донской рыбецъ, котораго не отличишь—нынѣшній онъ или прошлогодній. Но подозрительнаго много: грефовскія круглыя очки, неблагонамѣренная фуражка, не православнымъ блиномъ, а съ еретическимъ надзатыльникомъ, и на плечахъ типическій пледъ, составляющій въ нигилистическомъ сословіи своего рода «мундирную пару», но что всего болѣе

намъ не понравилось—это его лицо. Не патлатое и воеводственное, какъ бывало у ортодоксальныхъ нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ, а нынѣшнее—щуковатое, такъ сказать фальсифицированное и представляющее какъ бы нѣкую невозможную помѣсь нигилистки съ жандармомъ. Въ общемъ это являетъ собою подобіе геральдическаго козерога.

Я не говорю геральдическаго *льва*, а именно геральдическаго *козерога*. Помните, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ по бокамъ аристократическихъ гербовъ: посрединѣ пустой шлемъ и забрало, а на него щерятся левъ и козерогъ. У послѣдняго вся фигура безпокойная и острая, какъ будто «счастья онъ не ищетъ и не отъ счастія бѣжитъ». Вдобавокъ и колера, въ которые былъ окрашенъ нашъ непріятный сопутникъ, не обѣщали ничего добраго: волосенки цвѣта гаванна, лицо зеленоватое, а глаза сѣрые и бѣгаютъ какъ метрономъ, поставленный на скорый темпъ «allegro udiratto». (Такого темпа въ музыкѣ, разумѣется, нѣтъ, но онъ есть въ нигилистическомъ жаргонѣ).

Чортъ его знаетъ: не то его кто-то догоняетъ,—или онъ за кѣмъ-то гонится—никакъ не разберешь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Военный, возвратясь на свое мѣсто, сказалъ, что на его взглядъ нигилистъ немножко чисто одѣтъ, и что у него на рукахъ есть перчатки, а передъ нимъ на противоположной лавочкѣ стоитъ бѣльевая корзинка.

Дьяконъ, впрочемъ, сейчасъ же доказалъ, что все это ничего не значитъ, и привелъ къ тому нѣсколько любопытныхъ исторій, которыя онъ зналъ отъ своего брата, служащаго гдѣ-то при таможнѣ.

— Черезъ нихъ,—говорилъ онъ,—разъ проѣзжалъ даже не въ простыхъ перчаткахъ, а филь-де-помъ, а какъ стали его обыскивать—обозначился шульеръ. Думали смирный—посадили его въ подводную тюрьму, а онъ изъ-подъ воды ушелъ.

Всѣ заинтересовались: какъ шульеръ ушелъ изъ-подъ воды?

— А очень просто, разъяснилъ дьяконъ: — онъ началъ притворяться, что его занапрасно посадили, и началъ просить свѣчку. «Мнѣ, говоритъ, — въ темнотѣ очень скучно, прошу дозволить свѣчечку, я хочу въ поверхностную комиссію графу Лорисъ-Мелихову объявленіе написать, кто я таковъ, и въ какихъ упованіяхъ прошу пощады и хорошее мѣсто. Но комендантъ былъ старый, мушкетнаго пороху,—зналъ всѣ ихъ хитрости и не позволилъ. «Кто къ намъ, говоритъ — залученъ, тому нѣтъ прощады», и такъ все его впотьмахъ и томилъ; а какъ этотъ померъ, а новаго назначили, шульеръ видитъ, что этотъ изъ неопытныхъ—навзрыдъ передъ нимъ зарыдалъ, и началъ просить, чтобы ему хоть самый маленькій сальный огарочекъ дали и какую-нибудь божественную книгу: «для того, говоритъ,— что я хочу благочестивыя мысли читать и въ раскаяніе придти». Новый комендантъ и далъ ему свѣчной огарокъ и духовный журналъ «Православное Воображеніе», а тотъ и ушелъ.

— Какъ же онъ ушелъ?

— Съ огаркомъ и ушелъ.

Военный посмотрѣлъ на дьякона и сказалъ:

— Вы какой-то вздоръ разсказываете!

— Нимало не вздоръ, а слѣдствіе было.

— Да что же ему огарокъ значилъ?

— А чортъ его знаетъ, что значилъ! Только послѣ стали вездѣ по каморкѣ смотрѣть — ни дыры никакой, ни щелочки, — ничего нѣтъ, и огарка нѣтъ, а изъ листовъ изъ «Православнаго Воображенія» остались одни корневильскіе корешки.

— Ну, вы совсѣмъ чортъ знаетъ что говорите!—нетерпѣливо молвилъ военный.

— Ничего не вздоръ, а я вамъ говорю — и слѣдствіе было, и узнали потомъ, кто онъ такой, да уже поздно.

— А кто же онъ такой былъ?

— Нахалкиканецъ изъ-за Ташкенту. Генералъ Черняевъ его верхомъ на битюкѣ послалъ, чтобы онъ болгарамъ отъ Кокорева пятьсотъ рублей отвезъ, а онъ, по театрамъ, да по баламъ, всѣ деньги въ карты проигралъ и убѣжалъ. Свѣчнымъ саломъ смазался, а съ свѣтилемъ ушелъ.

Военный только рукою махнулъ и отвернулся.

Но другимъ пассажирамъ словоохотливый дьяконъ нимало не наскучилъ: они любовно слушали, какъ онъ отъ коварнаго нахалкиканца съ корневильскими корешками перешелъ къ настоящему нашему собственному положенію съ подозрительнымъ нигилистомъ. Дьяконъ говорилъ:

— Я на его чистоту не льщусь, а какъ вотъ придетъ сейчасъ первая станція—здѣсь одна сторожиха изъ керосиновой бутылочки водку продаетъ,—я поднесу кондуктору бутершафтъ, и мы его встряхнемъ и что въ бѣльевой корзинѣ есть, посмотримъ... какіе тамъ у него составы...

— Только надо осторожнѣе.

— Будьте покойны — мы съ молитвою. Помилуй мя, Боже...

Тутъ насъ вдругъ и толкнуло, и завизжало. Многіе вздрогнули и перекрестились.

— Вотъ оно и есть, — воскликнулъ дьяконъ: — наѣхали на станцію!

Онъ вышелъ и побѣжалъ, а на его мѣсто пришелъ кондукторъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кондукторъ сталъ прямо передъ нигилистомъ и ласково молвилъ:

— Не желаете ли, господинъ, корзиночку въ багажъ сдать?

Нигилистъ на него посмотрѣлъ и не отвѣтилъ.

Кондукторъ повторилъ предложеніе.

Тогда мы въ первый разъ услыхали звукъ голоса нашего ненавистнаго попутчика. Онъ дерзко отвѣчалъ:

— *Не желаю.*

Кондукторъ ему представилъ резоны, что «такихъ боль-

нихъ вещей недозволено съ собой въ вагоны вносить».

Онъ процѣдилъ сквозь зубы:

— И прекрасно, что недозволено.

— Такъ желаете, я корзиночку сдамъ въ багажъ?

— *Не желаю.*

— Какъ же, сами правильно разсуждаете, что это не дозволяется, и сами не желаете?

— *Не желаю.*

Взошедшій на эту исторію дьяконъ не утерпѣлъ и воскликнулъ:—«развѣ такъ можно!» но, услыхавъ, что кондукторъ пригрозилъ «оберомъ» и протоколомъ, успокоился и согласился ждать слѣдующей станціи.

— Тамъ городъ,—сказалъ онъ намъ,—тамъ его и скрутятъ.

И что въ самомъ дѣлѣ за упрямый человѣкъ: ничего отъ него не добьются, кромѣ одного—«не желаю».

Неужто тутъ и взаправду замѣшаны корневильскіе корешки?

Стало очень интересно, и мы ждали слѣдующей станціи съ нетерпѣніемъ.

Дьяконъ объявилъ, что тутъ у него жандармъ даже кумъ и человѣкъ стараго мушкетнаго пороху.

— Онъ, говоритъ, — ему такую завинтушку подъ ребро ткнетъ, что изъ него все это рояльное воспитаніе выскочитъ.

Оберъ явился еще на ходу поѣзда и настойчиво сказалъ:

— Какъ пріѣдемъ на станцію, извольте эту корзину взять.

А тотъ опять тѣмъ же тономъ отвѣчаетъ:

— Не желаю.

— Да вы прочитайте правила!

— Не желаю.

— Такъ пожалуйте со мною объясниться къ начальнику станціи. Сейчасъ остановка.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пріѣхали.

Станціонное зданіе побольше другихъ и поотдѣланнѣе: видны огни, самоваръ, на платформѣ и за стеклянными дверями буфетъ и жандармы. Словомъ, все, что нужно. И вообразите себѣ: нашъ нигилистъ, который оказывалъ столько грубаго сопротивленія во всю дорогу, вдругъ обнаружилъ намѣреніе сдѣлать движеніе, извѣстное у нихъ подъ именемъ allegro udiratto. Онъ взялъ въ руки свой маленькій саквояжикъ и направился къ двери, но дьяконъ замѣтилъ это и очень ловкимъ манеромъ загородилъ ему выходъ. Въ эту же самую минуту появился оберъ-кондукторъ, начальникъ станціи и жандармъ.

— Это ваша корзина? спросилъ начальникъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ нигилистъ.

— Какъ нѣтъ?!

— Нѣтъ.

— Все равно, пожалуйте.

— Не уйдешь, братъ, не уйдешь, говорилъ дьяконъ.

Нигилиста и всѣхъ насъ, въ качествѣ свидѣтелей, попросили въ комнату начальника станціи и сюда же внесли корзину.

— Какія здѣсь вещи? спросилъ строго начальникъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ нигилистъ.

Но съ нимъ больше не церемонились: корзинку мгновенно раскрыли и увидали новенькое голубое дамское платье, а въ это же самое мгновеніе въ контору съ отчаяннымъ воплемъ ворвался еврей и закричалъ, что это его корзинка, и что платье, которое въ ней, онъ везетъ одной знатной дамѣ; а что корзину, дѣйствительно, поставилъ онъ, а не кто другой, въ томъ онъ сослался на нигилиста.

Тотъ подтвердилъ, что они взошли вмѣстѣ, и еврей, дѣйствительно, внесъ корзинку и поставилъ ее на лавочку, а самъ легъ подъ сидѣнье.

— А билетъ? спросили у еврея.

— Ну, что билетъ, отвѣчалъ онъ... Я не зналъ, гдѣ брать билетъ...

Еврея велѣно придержать, а отъ нигилиста потребовали удостовѣренія его личности. Онъ молча подалъ листокъ, взглянувъ на который начальникъ станціи рѣзко перемѣнилъ тонъ и попросилъ его въ кабинетъ, добавивъ при этомъ:

— Ваше превосходительство здѣсь ожидаютъ.

А когда тотъ скрылся за дверью, начальникъ станціи приложилъ ладони рукъ рупоромъ ко рту и отчетливо объявилъ намъ:

— Это *прокуроръ судебной палаты!*

Всѣ ощутили полное удовольствіе и перенесли его въ молчаніи; только одинъ военный вскрикнулъ:

— А все это надѣлалъ этотъ болтунъ дьяконъ! Ну-ка— гдѣ онъ... куда онъ дѣлся?

Но всѣ напрасно оглядывались: «куда онъ дѣлся»,— дьякона уже не было; онъ исчезъ, какъ нахалкиканецъ, даже и безъ свѣчки. Она, впрочемъ, была и не нужна, потому что на небѣ уже свѣтало и въ городѣ звонили къ рождественской заутрени.

МАЛЕНЬКАЯ ОШИБКА.

СЕКРЕТЪ ОДНОЙ МОСКОВСКОЙ ФАМИЛИИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вечеркомъ, на святкахъ, сидя въ одной благоразумной компаніи, было говорено о вѣрѣ и о невѣріи. Рѣчь шла, впрочемъ, не въ смыслѣ высшихъ вопросовъ деизма или матеріализма, а въ смыслѣ вѣры въ людей, одаренныхъ особыми силами предвѣдѣнія и прорицанія, а, пожалуй, даже и своего рода чудотворства. И случился тутъ же нѣкто, степенный московскій человѣкъ, который сказалъ слѣдующее:

— Не легко это, господа, судить о томъ: кто живетъ съ вѣрою, а который не вѣруетъ, ибо разные тому въ жизни бываютъ прилоги; случается, что разумъ-то нашъ въ таковыхъ случаяхъ впадаетъ въ ошибки.

И послѣ такого вступленія онъ разсказалъ намъ любопытную повѣсть, которую я постараюсь передать его же словами:

Дядюшка и тетушка мои одинаково прилежали покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу. Особенно тетушка,— никакого дѣла не начинала, у него не спросившись. Сначала бывало сходитъ къ нему въ съумасшедшій домъ и посовѣтуется, а потомъ попроситъ его, чтобы за ея дѣло молился. Дядюшка былъ себѣ на умѣ и на Ивана Яковле-

вича меньше полагался, однако тоже довѣрялъ иногда и носить ему дары и жертвы не препятствовалъ. Люди они были не богатые, но очень достаточные,—торговали чаемъ и сахаромъ изъ магазина въ своемъ домѣ. Сыновей у нихъ не было, а были три дочери: Капитолина Никитишна, Катерина Никитишна и Ольга Никитишна. Всѣ онѣ были собою недурны и хорошо знали разныя работы и хозяйство. Капитолина Никитишна была замужемъ, только не за купцомъ, а за живописцемъ,—однако, очень хорошій былъ человѣкъ и довольно зарабатывалъ — все бралъ подряды выгодно церкви расписывать. Одно въ немъ всему родству непріятно было, что работалъ божественное, а зналъ какія-то вольнодумства изъ Курганова «Письмовника». Любилъ говорить про Хаосъ, про Овидія, про Промиѳея и охотникъ былъ сравнивать баснословія съ бытописаніемъ. Еслибы не это, все бы было прекрасно. А второе—то, что у нихъ дѣтей не было, и дядюшку съ теткой это очень огорчало. Они еще только первую дочь выдали замужъ, и вдругъ она три года была бездѣтна. За это другихъ сестеръ женихи обѣгать стали.

Тетушка спрашивала Ивана Яковлевича, черезъ что ея дочь не родитъ: — оба, говоритъ, — молоды и красивы, а дѣтей нѣтъ?

Иванъ Яковлевичъ забормоталъ:

— Есть убо небо небесе; есть небо небесе.

Его подсказчицы перевели теткѣ, что батюшка велитъ,— говорятъ,—вашему зятю, чтобы онъ Богу молился, а онъ, должно быть, у васъ маловѣрующій.

Тетушка такъ и ахнула: все, говоритъ, — ему явлено! И стала она приставать къ живописцу, чтобы онъ поисповѣдался; а тому все трынь-трава! Ко всему легко относился... даже по постамъ скоромное ѣлъ... и притомъ, слышатъ они стороною, будто онъ и червей и устрицъ вкушаетъ. А жили они всѣ въ одномъ домѣ, и часто сокрушались, что есть въ ихнемъ купеческомъ родствѣ такой человѣкъ безъ вѣры.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вотъ и пошла тетка къ Ивану Яковлевичу, чтобы попросить его разомъ помолиться о еже рабѣ Капитолинѣ отверзти ложесна, а раба Ларія (такъ живописца звали) просвѣтити вѣрою.

Просятъ объ этомъ вмѣстѣ и дядя и тетка.

Иванъ Яковлевичъ залепеталъ что-то такое, чего и понять нельзя, а его послушныя женки, которыя возлѣ него присидѣли, разъясняютъ.

— Онъ, говорятъ, — нынѣ невнятенъ, а вы скажите о чемъ просите,—мы ему завтра на записочкѣ подадимъ.

Тетушка стала сказывать, а тѣ записываютъ: «Рабѣ Капитолинѣ отверзать ложесна, а рабу Ларію усугубити вѣру.»

Оставили старики эту просительную записочку и пошли домой веселыми ногами.

Дома они никому ничего не сказали, кромѣ одной Капочки, и то съ тѣмъ, чтобы она мужу своему, невѣрному живописцу, этого не передавала, а только жила бы съ нимъ какъ можно ласковѣе и согласнѣе, и смотрѣла за нимъ: не будетъ ли онъ приближаться къ вѣрѣ въ Ивана Яковлевича. А онъ былъ ужасный чертыханщикъ, и все съ присловьями, точно скоморохъ съ Прѣсни. Все ему шутки да забавки. Придетъ въ сумерки къ тестю—«пойдемъ,—говоритъ,—часословъ въ пятьдесятъ два листа читать», то-есть, значитъ, въ карты играть... Или садится,—говоритъ:—«съ уговоромъ, чтобы играть до перваго обморока».

Тетушка бывало этихъ словъ слышать не можетъ. Дядя ему и сказалъ:—«Не огорчай такъ ее: она тебя любитъ и за тебя обѣщаніе сдѣлала». А онъ разсмѣялся и говоритъ тещѣ:

— Зачѣмъ вы невѣдомыя обѣщанія даете? Или вы не знаете, что черезъ такое обѣщаніе глава Ивана Предтечи была отрублена. Смотрите, можетъ у насъ въ домѣ какое-нибудь неожиданное несчастіе быть.

Тещу это еще больше испугало, и она всякій день, въ тревогѣ, въ сумасшедшій домъ бѣгала. Тамъ ее успокоятъ,— говорятъ, что дѣло идетъ хорошо: батюшка всякій день записку читаетъ, и что теперь о чемъ писано, то скоро сбудется.

Вдругъ и сбылось, да такое, что и сказать неохотно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Приходитъ къ тетушкѣ средняя ея дочь дѣвица Катечка и прямо ей въ ноги, и рыдаетъ, и горько плачетъ.

Тетушка говоритъ:—что тебѣ—кто обидѣлъ?

А та сквозь рыданія отвѣчаетъ:

— Милая тетинька, и сама я не знаю, что это такое и отчего... въ первый и въ послѣдній разъ сдѣлалось... Только вы отъ тятеньки мой грѣхъ скройте.

Тетушка на нее посмотрѣла да прямо пальцемъ въ животъ ткнула и говоритъ:

— Это мѣсто?

Катечка отвѣчаетъ:

— Да, тетенька... какъ вы угадали... сама не знаю отчего...

Тетушка только ахнула да руками всплеснула.

— Дитя мое, говоритъ, и не дознавайся: это можетъ быть я виновата въ ошибкѣ,—я сейчасъ узнать съѣзжу, и сейчасъ на извозчикѣ полетѣла къ Ивану Яковлевичу.

— Покажите, говоритъ, мнѣ записку нашей просьбы, о чемъ батюшка для насъ проситъ рабѣ Божьей плодъ чрева: какъ она писана?

Присѣдящія поискали на окнѣ и подали.

Тетушка взглянула, и мало ума не рѣшилась. Что вы думаете? Дѣйствительно вѣдь все вышло по ошибочному моленію потому, что на мѣсто рабы Божіей Капитолины, которая замужемъ, тамъ писана раба Катерина — которая еще незамужняя, дѣвица.

Женки говорятъ:—Поди же, какой грѣхъ! Имена очень сходственны... но ничего, это *можно поправить.*

А тетушка подумала:—нѣтъ, врете теперь вамъ ужъ не поправить: Катѣ ужъ вымолено—и разорвала бумажку на мелкія частички.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Главное дѣло, боялись: какъ дядюшкѣ сказать? Онъ былъ такой человѣкъ, что если расходится, то его мудрено унять. Къ тому же, онъ Катю меньше всѣхъ любилъ, а любимая дочь у него была самая младшая, Оленька,—ей онъ всѣхъ больше и обѣщалъ.

Думала, думала тетушка и видитъ, что однимъ умомъ ей этой бѣды не обдумать,—зоветъ зятя-живописца на совѣтъ и все ему во всѣхъ подробностяхъ открыла, а потомъ проситъ:

— Ты, говоритъ, — хотя невѣрующій, однако, могутъ и въ тебѣ быть какія-нибудь чувства,—пожалуйста пожалѣй ты Катю, пособи мнѣ скрыть ея дѣвичій грѣхъ.

А живописецъ вдругъ лобъ нахмурилъ и строго говоритъ:

— Извините, пожалуйста, — вы хотя моей женѣ мать, однако, во-первыхъ, я этого терпѣть не люблю, чтобы меня безвѣрнымъ считали, а во-вторыхъ, я не понимаю — какой же тутъ причитаете Катѣ грѣхъ, если объ ней такъ Иванъ Яковлевичъ столько времени просилъ? Я къ Катечкѣ всѣ братскія чувства имѣю, и за нее заступлюсь, потому что она тутъ ни въ чемъ не виновата.

Тетушка пальцы кусаетъ и плачетъ, а сама говоритъ:

— Ну... ужъ какъ ни въ чемъ?

— Разумѣется, ни въ чемъ. Это вашъ чудотворецъ все напуталъ, съ него и взыскивайте.

— Какое же съ него взысканіе! Онъ праведникъ.

— Ну, а если праведникъ, такъ и молчите. Пришлите мнѣ съ Катею три бутылки шампанскаго вина.

Тетушка переспрашиваетъ:—что такое?

А онъ опять отвѣчаетъ: — Три бутылки шампанскаго,— одну ко мнѣ сейчасъ въ мои комнаты, а двѣ послѣ, куда

прикажу, но только, чтобы дома готовы были и во льду стояли заверчены.

Тетушка посмотрѣла на него и только головой покивала:

— Богъ съ тобою, говоритъ:—я думала, что ты только безъ одной вѣры, а ты святые лики изображаешь, а самъ безъ всѣхъ чувствъ оказываешься... Оттого я твоимъ иконамъ и не могу поклоняться.

А онъ отвѣчаетъ.

— Нѣтъ, вы насчетъ вѣры оставьте: это вы, кажется, сомнѣваетесь и все по естеству думаете, будто тутъ собственная Катина причина есть, а я крѣпко вѣрю, что во всемъ этомъ одинъ Иванъ Яковлевичъ причиненъ; а чувства мои вы увидите, когда мнѣ съ Катею въ мою мастерскую шампанское пришлете.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тетушка думала-подумала, да и послала живописцу вино съ самой Катечкой. Та взошла съ подносомъ, вся въ слезахъ, а онъ вскочилъ, схватилъ ее за обѣ ручки и самъ заплакалъ.

— Скорблю, говоритъ, — голубочка моя, что съ тобою случилося, однако, дремать съ этимъ некогда,—подавай мнѣ скорѣе наружу всѣ твои тайности.

Дѣвица ему открылась какъ спалила, — а онъ взялъ да ее у себя въ мастерской на ключъ и заперъ.

Тетушка встрѣчаетъ зятя съ заплаканными глазами и молчитъ. А онъ и ее обнялъ, поцѣловалъ и говоритъ:

— Ну не бойтесь, не плачьте. Авось Богъ поможетъ.

— Скажи же мнѣ, шепчетъ тетушка: — кто всему виноватъ?

А живописецъ ей ласково пальцемъ погрозилъ и говоритъ:

— Вотъ это ужъ нехорошо: сами вы меня постоянно невѣріемъ попрекали, а теперь, когда вѣрѣ вашей дано испытаніе, я вижу, что вы сами нимало не вѣрите. Неужто

вамъ не ясно, что виноватыхъ нѣтъ, а просто чудотворецъ маленькую ошибку сдѣлалъ.

— А гдѣ же моя бѣдная Катечка?

— Я ее страшнымъ художническимъ заклятьемъ заклялъ,—она, какъ кладъ отъ аминя, и разсыпалась.

А самъ ключъ тещѣ показываетъ.

Тетушка догадалась, что онъ дѣвушку отъ перваго отцова гнѣва укрылъ, и обняла его.

Шепчетъ:

— Прости меня,—въ тебѣ нѣжныя чувства есть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пришелъ дядя, по обычаю чаю напился и говоритъ:

— Ну, давай читать часословъ въ пятьдесятъ два листа? Сѣли. А домашніе всѣ двери вокругъ нихъ затворили и на цыпочкахъ ходятъ. Тетушка же то отойдетъ отъ дверей, то опять подойдетъ, — все подслушиваетъ, и все крестится.

Наконецъ, какъ тамъ что-то звякнетъ... Она поотбѣжала и спряталась.

— Объявилъ,—говоритъ,—объявилъ тайну! Теперь начнется адское представленіе.

И точно: вразъ дверь растворилась и дядя кричитъ:

— Шубу мнѣ и большую палку!

Живописецъ его назадъ за руку и говоритъ:

— Что ты? Куда это?

Дядя говоритъ:

— Я въ съумасшедшій домъ поѣду чудотворца бить!

Тетушка за другими дверями застонала:

— Бѣгите,— говоритъ, — скорѣе въ съумасшедшій домъ, чтобы батюшку Ивана Яковлевича спрятали!

И дѣйствительно, дядя бы его непремѣнно избилъ, но зять-живописецъ страхомъ вѣры своей и этого удержалъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сталъ зять вспоминать тестю, что у него есть еще одна дочь.

— Ничего,—говоритъ,—той своя доля, а я Корейшу бить хочу. Послѣ пусть меня судятъ.

— Да я тебя, — говоритъ, — не судомъ стращаю, а ты суди: какой вредъ Иванъ Яковлевичъ Ольгѣ можетъ сдѣлать. Вѣдь это ужасъ, чѣмъ ты рискуешь!

Дядя остановился и задумался:

— Какой же,—говоритъ,—вредъ онъ можетъ сдѣлать?

— А какъ разъ такой самый, какой вредъ онъ сдѣлалъ Катечкѣ.

Дядя поглядѣлъ и отвѣчаетъ:

— Полно вздоръ городить! Развѣ онъ это можетъ?

А живописецъ отвѣчаетъ:

— Ну, ежели ты, какъ я вижу, — не вѣрующій, то дѣлай, какъ знаешь, только потомъ не тужи и бѣдныхъ дѣвушекъ не виновать.

Дядя и остановился. А зять его втащилъ назадъ въ комнату и началъ уговаривать.

— Лучше, — говоритъ, — по-моему, чудотворца въ сторону, а взять это дѣло и домашними средствами поправить.

Старикъ согласился, только самъ не зналъ, какъ именно поправить, а зять-живописецъ и тутъ помогъ—говоритъ:

— Хорошія мысли надо искать не во гнѣвѣ, а въ радости.

— Какое,—отвѣчаетъ,—теперь, братецъ, веселіе при такомъ случаѣ?

— А такое, что у меня есть два пузырька шипучки, и пока ты ихъ со мною не выпьешь, я тебѣ ни одного слова не скажу. Согласись со мною. Ты знаешь, какъ я характеренъ.

Старикъ на него посмотрѣлъ и говоритъ: — «подводи, подводи! Что такое дальше будетъ?» А впрочемъ согласился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Живописецъ живо скомандовалъ и назадъ пришелъ, а за нимъ идетъ его мастеръ, молодой художникъ, съ подносомъ, и несетъ двѣ бутылки съ бокалами.

Какъ вошли, такъ живописецъ за собою двери заперъ и ключъ въ карманъ положилъ. Дядя посмотрѣлъ и все понялъ, а зять художнику кивнулъ,—тотъ взялъ и сталъ въ смирную просьбу.

— Виноватъ,—простите и благословите.

Дядюшка зятя спрашиваетъ:

— Бить его можно?

Зять говоритъ:

— Можно, да не надобно.

— Ну, такъ пусть онъ передо мною, по крайности, на колѣна станетъ.

Зять тому шепнулъ:

— Ну, стань за любимую дѣвушку на колѣна передъ батькою.

Тотъ сталъ.

Старикъ и заплакалъ.

— Очень,—говоритъ,—любишь ее?

— Люблю.

— Ну, цѣлуй меня.

Такъ Ивана Яковлевича маленькую ошибку и прикрыли. И оставалось все это въ благополучной тайности, и къ младшей сестрѣ женихи пошли, потому что видятъ — дѣвицы надежныя.

ПУГАЛО.

«У страха большіе глаза».
Поговорка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мое дѣтство прошло въ Орлѣ. Мы жили въ домѣ Нѣмчинова, гдѣ-то недалеко отъ «маленькаго собора». Теперь я не могу разобрать, гдѣ именно стоялъ этотъ высокій, деревянный домъ, но помню, что изъ его сада былъ просторный видъ за широкій и глубокій оврагъ, съ обрывистыми краями, прорѣзанными пластами красной глины. За оврагомъ разстилался большой выгонъ, на которомъ стояли казенные магазины, а возлѣ нихъ лѣтомъ всегда учились солдаты. Я всякій день смотрѣлъ, какъ ихъ учили и какъ ихъ били. Тогда это было въ употребленіи, но я никакъ не могъ къ этому привыкнуть, и всегда о нихъ плакалъ. Чтобы это не часто повторялось, моя няня, престарѣлая московская солдатка — Марина Борисовна, уводила меня гулять въ городской садъ. Здѣсь мы садились надъ мелководной Окой и глядѣли, какъ въ ней купались и играли маленькія дѣти, свободѣ которыхъ я тогда очень завидовалъ.

Главная выгода ихъ привольнаго положенія въ моихъ глазахъ состояла въ томъ, что они не имѣли на себѣ ни обуви, ни бѣлья, такъ какъ рубашонки ихъ были сняты и

воротъ ихъ съ рукавами связаны. Въ такомъ приспособленіи рубашки получали видъ небольшихъ мѣшковъ, и ребятишки, ставя ихъ противъ теченія, налавливали туда крохотную серебристую рыбешку. Она такъ мала, что ее нельзя чистить, и это признавалось достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы ее варить и ѣсть нечищенною.

Я никогда не имѣлъ отваги узнать ея вкусъ, но ловля ея, производившаяся крохотными рыбаками, казалась мнѣ верхомъ счастія, какимъ мальчика моихъ тогдашнихъ лѣтъ могла утѣшить свобода.

Няня, впрочемъ, знала хорошіе доводы, что мнѣ такая свобода была бы совершенно неприлична. Доводы эти заключались въ томъ, что я — дитя благородныхъ родителей и отца моего всѣ въ городѣ знаютъ.

— Другое дѣло, говорила няня, — еслибы это было въ деревнѣ. Тамъ, при простыхъ, сѣрыхъ мужикахъ, и мнѣ, пожалуй, можно было бы позволить наслаждаться кой-чѣмъ въ томъ же свободномъ родѣ.

Кажется, отъ этихъ именно сдерживающихъ разсужденій меня стало сильно и томительно манить въ деревню, и восторгъ мой не зналъ предѣловъ, когда родители мои купили небольшое имѣньице въ Кромскомъ уѣздѣ. Тѣмъ же лѣтомъ мы переѣхали изъ большого городского дома въ очень уютный, но маленькій деревенскій домъ съ балкономъ, подъ соломенною крышею. Лѣсъ въ Кромскомъ уѣздѣ и тогда былъ дорогъ и рѣдокъ. Это мѣстность степная и хлѣбородная и притомъ она хорошо орошена маленькими, но чистыми рѣчками.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ деревнѣ у меня сразу же завелись обширныя и любопытныя знакомства съ крестьянами. Пока отецъ и мать были усиленно заняты устройствомъ своего хозяйства, я не терялъ времени, чтобы самымъ тѣснымъ образомъ сблизиться съ взрослыми парнями и съ ребятишками, которые пасли

лошадей «на кулигахъ» *). Сильнѣе всѣхъ моими привязанностями овладѣлъ впрочемъ старый мельникъ, дѣдушка Илья, — совершенно сѣдой старикъ съ пребольшими черными усами. Онъ болѣе всѣхъ другихъ былъ доступенъ для разговоровъ, потому что на работы не отлучался, а или похаживалъ съ навозными вилами по плотинѣ, или сидѣлъ надъ дрожащею скрынью и задумчиво слушалъ, ровно ли стучатъ мельничныя колеса или не сосетъ ли гдѣ-нибудь подъ скрынью вода. Когда ему надокучало ничего не дѣлать,—онъ заготовлялъ на всякій случай кленовыя кулачья или цѣвки для шестерни. Но во всѣхъ описанныхъ положеніяхъ онъ легко отклонялся отъ дѣла и вступалъ охотно въ бесѣды, которыя онъ велъ отрывками, безъ всякой связи, но любилъ систему намековъ и при этомъ подсмѣивался не то самъ надъ собою, не то надъ слушателями.

По должности мельника дѣдушка Илья имѣлъ довольно близкое соотношеніе къ водяному, который завѣдывалъ нашими прудами, верхнимъ и нижнимъ, и двумя болотами. Свою главную штабъ-квартиру этотъ демонъ имѣлъ подъ холостою скрынью на нашей мельницѣ.

Дѣдушка Илья объ немъ все зналъ и говорилъ:

— *Онъ* меня любитъ. *Онъ*, если когда и сердитъ домой придетъ за какіе-нибудь безпорядки, — онъ меня не обижаетъ. Ляжь тутъ другой на моемъ мѣстѣ, на мѣшкахъ,— онъ такъ и сорветъ съ мѣшка и выброситъ, а меня ни въ жизнь не тронетъ.

Всѣ молодшіе люди подтверждали мнѣ, что между дѣдушкою Ильею и «водянымъ дѣдкой», дѣйствительно, существовали описанныя отношенія, но только они держались вовсе не на томъ, что водяной Илью любилъ, а на томъ, что дѣдушка Илья, какъ настоящій, заправскій мельникъ, зналъ настоящее, заправское мельницкое слово, которому водяной и всѣ его чертенята повиновалась такъ же безпре-

*) *Кулига*—мѣсто, гдѣ срублены и выжжены деревья, чищоба, пережога.

кословно, какъ ужи и жабы, жившіе подъ скрынями и на плотинѣ.

Съ ребятами я ловилъ пискарей и гольцовъ, которыхъ было великое множество въ нашей узенькой, но чистой рѣчкѣ Гостомлѣ; но, по серьезности моего характера, болѣе держался общества дѣдушки Ильи, опытный умъ котораго открывалъ мнѣ полный таинственной прелести міръ, который былъ совсѣмъ мнѣ, городскому мальчику, неизвѣстенъ. Отъ Ильи я узналъ и про домового, который спалъ на каткѣ, и про водяного, который имѣлъ прекрасное и важное помѣщеніе подъ колесами, и про кикимору, которая была такъ застѣнчива и непостоянна, что пряталась отъ всякаго нескромнаго взгляда въ разныхъ пыльныхъ заметахъ,—то въ ригѣ, то въ овинѣ, то на толчеѣ, гдѣ осенью толкли замашки. Меньше всѣхъ дѣдушка зналъ про лѣшаго, потому что этотъ жилъ гдѣ-то далеко у Селиванова двора и только иногда заходилъ къ намъ въ густой ракитникъ, чтобы сдѣлать себѣ новую ракитовую дудку и поиграть на ней въ тѣни у сажалокъ. Впрочемъ дѣдушка Илья во всю свою богатую приключеніями жизнь видѣлъ лѣшаго лицомъ къ лицу всего только одинъ разъ и то на Николинъ день, когда у насъ бывалъ храмовой праздникъ. Лѣшій подошелъ къ Ильѣ, прикинувшись совсѣмъ смирнымъ мужичкомъ, и попросилъ понюхать табачку. А когда дѣдушка сказалъ ему: «чортъ съ тобой—понюхай!» и при этомъ открылъ тавлинку,—то лѣшій не могъ болѣе соблюсти хорошаго поведенія и сошкольничалъ: онъ такъ поддалъ ладонью подъ табакерку, что запорошилъ доброму мельнику всѣ глаза.

Всѣ эти живыя и занимательныя исторіи имѣли тогда для меня полную вѣроятность, и ихъ густое, образное содержаніе до такой степени переполняло мою фантазію, что я самъ былъ чуть ли не духовидцемъ. По крайней мѣрѣ, когда я однажды заглянулъ съ большимъ рискомъ въ толчейный амбаръ, то глазъ мой обнаружилъ такую остроту и тонкость, что видѣлъ сидѣвшую тамъ въ пыли кикимору.

Она была неумытая, въ пыльномъ повойникѣ и съ золотушными глазами. А когда я, испуганный этимъ видѣніемъ, бросился безъ памяти бѣжать оттуда, то другое мое чувство—слухъ—обнаружило присутствіе лѣшаго. Я не могу поручиться, гдѣ именно онъ сидѣлъ,—вѣроятно, на какой нибудь высокой ракитѣ, но только, когда я бѣжалъ отъ кикиморы, лѣшій во всю мочь засвисталъ на своей зеленой дудкѣ, и такъ сильно прихватилъ меня къ землѣ за ногу, что у меня оторвался каблукъ отъ ботинки.

Едва переводя духъ, я сообщилъ все это домашнимъ и за свое чистосердечіе былъ посаженъ въ комнатѣ читать священную исторію, пока посланный босой мальчикъ сходилъ въ сосѣднее село къ солдату, который могъ исправить поврежденіе, сдѣланное лѣшимъ въ моей ботинкѣ. Но и самое чтеніе священной исторіи не защищало уже меня отъ вѣры въ тѣ сверхъестественныя существа, съ которыми я, можно сказать, сживался при посредствѣ дѣдушки Ильи. Я хорошо зналъ и любилъ священную исторію, — я и до сихъ поръ готовъ ее перечитывать, а все-таки ребячій милый міръ тѣхъ сказочныхъ существъ, о которыхъ наговорилъ мнѣ дѣдушка Илья, казался мнѣ необходимымъ. Лѣсные родники осиротѣли бы, еслибы отъ нихъ были отрѣшены геніи, приставленные къ нимъ народною фантазіей.

Въ числѣ непріятныхъ послѣдствій отъ лѣшевой дудки было еще то, что дѣдушка Илья, за прочитанные имъ для меня курсы демонологіи, получилъ отъ матушки выговоръ и нѣкоторое время меня дичился и будто не хотѣлъ продолжать моего образованія. Онъ даже притворялся, будто гонитъ меня отъ себя прочь.

— Пошелъ отъ меня прочь, иди къ своей нянькѣ, говорилъ онъ, заворачивая меня къ себѣ спиною и поддавая широкой, мозолистой ладонью подъ сидѣнье.

Но я уже могъ гордиться своимъ возрастомъ и считать подобное обращеніе со мною несовмѣстнымъ. Мнѣ было восемь лѣтъ, и къ нянькѣ своей мнѣ тогда идти было не зачѣмъ. Я это и далъ почувствовать Ильѣ, принося ему по-

лоскательную чашку вишенъ изъ-подъ слитой наливки.

Дѣдушка Илья любилъ эти фрукты, — принялъ ихъ, смягчился, погладилъ меня своей мозольной рукой по головѣ, и между нами снова возстановились самыя короткія и самыя добрыя отношенія.

— Ты вотъ что, говорилъ мнѣ дѣдушка Илья,— ты мужика завсегда больше всѣхъ почитай и люби слушать, но того, что отъ мужика услышишь, не всѣмъ сказывай. А не то — прогоню.

Съ тѣхъ поръ я сталъ таить все, что слышалъ отъ мельника, и за то узналъ такъ много интереснаго, что началъ бояться не только ночью, когда всѣ домовые, лѣшіе и кикиморы становятся очень дерзновенны и наглы, но даже сталъ бояться и днемъ. Такой страхъ овладѣлъ мною потому, что домъ нашъ и весь нашъ край, оказалось, находился во власти одного престрашнаго разбойника и кровожаднаго чародѣя, который назывался Селиванъ. Онъ жилъ отъ насъ всего въ шести верстахъ «на разновильѣ», т. е. тамъ, гдѣ большой почтовый трактъ развѣтвлялся на два: одна, новая дорога, шла на Кіевъ, а другая, старая, съ дуплистыми ракитами «Екатерининскаго насажденія», вела на Фатежъ. Эта теперь уже брошена и лежитъ взапустѣ.

Въ верстѣ за этимъ разновильемъ былъ хорошій, дубовый лѣсъ, а при лѣсѣ — самый дрянной, совершенно раскрытый и полуобвалившійся постоялый дворъ, въ которомъ, говорили, будто никто никогда не останавливался. И этому можно было легко вѣрить, потому что дворъ не представлялъ никакихъ удобствъ для постоя, и потому, что отсюда было слишкомъ близко до города Кромъ, гдѣ и въ тѣ полудикія времена можно было надѣяться найти теплую горницу, самоваръ и калачи второй руки. Вотъ въ этомъ-то ужасномъ дворѣ, гдѣ *никто* никогда не останавливался, и жилъ «пустой дворникъ» Селиванъ, ужасный человѣкъ, съ которымъ никто не радъ былъ встрѣтиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Повѣсть «пустого дворника» Селивана, по словамъ дѣдушки Ильи, была слѣдующая. Селиванъ былъ кромской мѣщанинъ; родители его рано умерли, а онъ жилъ въ мальчикахъ у калачника и продавалъ калачи у кабака за Орловской заставой. Мальчикъ онъ былъ хорошій, добрый и послушный, но только калачнику всегда говорили, что съ Селиваномъ требовалась осторожность, потому что у него на лицѣ была красная мѣтинка, какъ огонь, — а это никогда даромъ не ставится. Были такіе люди, которые знали на это и особенную пословицу: «Богъ плута мѣтитъ». Хозяинъ калачникъ очень хвалилъ Селивана за его усердіе и вѣрность, но всѣ другіе люди, по искреннему своему доброжелательству, говорили, что истинное благоразуміе все-таки заставляетъ его остерегаться и много ему не довѣрять, — потому что «Богъ плута мѣтитъ». Если мѣтка на его лицѣ положена, то это именно для того, чтобы всѣ слишкомъ довѣрчивые люди его остерегались. Калачникъ не хотѣлъ отстать отъ людей умныхъ, но Селиванъ былъ очень хорошій работникъ. Калачи онъ продавалъ исправно и всякій вечеръ аккуратно высыпалъ хозяину изъ большого кожанаго кошелька всѣ пятаки и гривны, сколько выручилъ отъ проѣзжавшихъ мужичковъ. Однако, мѣтка лежала на немъ недаромъ, а до случая (это уже всегда такъ бываетъ). Пришелъ въ Кромы изъ Орла «отслужившійся палачъ», по имени Борька, и сказано было ему: «ты былъ палачъ, Борька, а теперь тебѣ у насъ жить будетъ горько», — и всѣ, насколько кто могъ, старались, чтобы такія слова не остались для отставного палача вотще. А когда палачъ Борька пришелъ изъ Орла въ Кромы, съ нимъ уже была дочь, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, которая родилась въ острогѣ, — хотя многіе думали, что ей бы лучше совсѣмъ не родиться.

Пришли они въ Кромы жить по приписке. Это теперь

непонятно, но тогда бывало такъ, что отслужившимся палачамъ дозволялось приписываться къ какимъ-нибудь городишкамъ, и дѣлалось это просто, ни у кого на то желанія и согласія не спрашивая. Такъ случилось и съ Борькой: велѣлъ какой-то губернаторъ приписать этого стараго палача въ Кромахъ, — его и приписали, а онъ пришолъ сюда жить и привелъ съ собою дочку. Но только въ Кромахъ палачъ, разумѣется, ни для кого не былъ желаннымъ гостемъ, а, напротивъ, всѣ имъ пренебрегали, какъ люди чистые, и ни его, ни его дѣвочку рѣшительно никто не захотѣлъ пустить къ себѣ на дворъ. А время, когда они пришли, было уже очень холодное.

Попросился палачъ въ одинъ домъ, потомъ въ другой и не сталъ болѣе докучать. Онъ видѣлъ, что не возбуждаетъ ни въ комъ ни малѣйшаго состраданія, и зналъ, что вполнѣ этого заслужилъ.

«Но дитя! — думалъ онъ. — Дитя не виновато въ моихъ грѣхахъ, — кто-нибудь пожалѣетъ дитя».

И Борька опять пошелъ стучаться изъ двора во дворъ, прося взять, если не его, то только дѣвчонку... Онъ заклинался, что никогда даже не придетъ, чтобы навѣстить дочь.

Но и эта просьба была такъ же напрасна.

Кому охота съ палачемъ знаться?

И вотъ, обойдя городишко, стали эти злополучные пришельцы опять проситься въ острогъ. Тамъ хоть можно было обогрѣться отъ осенней мокроты и стужи. Но и въ острогъ ихъ не взяли, потому что срокъ ихъ острожной неволи минулъ, а они теперь были люди вольные. Они были свободны умереть подъ любымъ заборомъ, или въ любой канавѣ.

Милостыню палачу съ дочерью иногда подавали не для нихъ, конечно, а Христа ради, но въ домъ никуда не пускали. Старикъ съ дочерью не имѣли пріюта и ночевали то гдѣ-нибудь подъ кручею, въ глинокопныхъ ямахъ, то въ опустѣлыхъ сторожевыхъ шалашахъ на огородахъ, по

долинѣ. Суровую долю ихъ дѣлила тощая собака, которая пришла съ ними изъ Орла.

Это былъ большой, лохматый песъ, на которомъ вся шерсть завойлочилась въ войлокъ. Чѣмъ она питалась при своихъ нищихъ-хозяевахъ — это никому не было извѣстно, но, наконецъ, догадались, что ей вовсе и не нужно было питаться, потому что она была «безчеревная», то-есть у нея были только кости да кожа и желтые, истомленные глаза, а «въ серединѣ» у нея ничего не было, и потому пища ей вовсе не требовалась.

Дѣдушка Илья разсказывалъ мнѣ, какъ этого можно достигать «самымъ легкимъ манеромъ». Любую собаку, пока она щенкомъ, стоитъ только разъ напоить жидко расплавленнымъ оловомъ или свинцомъ и она сдѣлается *безъ черева* и можетъ не ѣсть. Но, разумѣется, при этомъ необходимо знать «особливое, колдовское слово». А за то, что палачъ, очевидно, зналъ этакое слово, — люди строгой нравственности убили его собаку. Оно, конечно, такъ и слѣдовало, чтобы не давать поблажки колдовству; но это было большимъ несчастьемъ для нищихъ, такъ какъ дѣвочка спала вмѣстѣ съ собакою, и та удѣляла ребенку часть теплоты, которую имѣла въ своей шерсти. Однако, для такихъ пустяковъ, разумѣется, нельзя было потворствовать волшебствамъ, и всѣ были того мнѣнія, что собака уничтожена совершенно правильно. Пусть колдунамъ не удается морочить правовѣрныхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣ уничтоженія собаки, дѣвочку согрѣвалъ въ шалашахъ самъ палачъ, но онъ уже былъ старъ и, къ его счастію, ему недолго пришлось нести эту непосильную для него заботу. Въ одну морозную ночь дитя ощутило, что отецъ ея застылъ, болѣе чѣмъ она сама, и ей сдѣлалось такъ страшно, что она отъ него отодвинулась и даже отъ ужаса потеряла сознаніе. До утра пробыла она въ объ-

ятіяхъ смерти. Когда стало свѣтать, и люди, шедшіе къ заутрени, заглянули изъ любопытства въ шалашъ, то они увидѣли отца и дочь закоченѣвшими. Дѣвочку кое-какъ отогрѣли, и когда она увидала у отца странно остолбенѣлые глаза и дико оскаленные зубы, тогда поняла, въ чемъ дѣло, и зарыдала.

Старика схоронили за кладбищемъ, потому что онъ жилъ скверно и умеръ безъ покаянія, а про его дѣвочку немножко позабыли... Правда, ненадолго, всего на какой-нибудь мѣсяцъ, но когда про нее черезъ мѣсяцъ вспомнили,—ее уже негдѣ было отыскивать.

Можно было думать, что сиротка куда-нибудь убѣжала въ другой городъ, или пошла просить милостыню по деревнямъ. Гораздо любопытнѣе было то, что съ исчезновеніемъ сиротки соединялось другое странное обстоятельство: прежде чѣмъ хватились дѣвочки, было замѣчено, что безъ вѣсти пропалъ куда-то калачникъ Селиванъ.

Онъ пропалъ совершенно неожиданно, и притомъ такъ необдуманно, какъ не дѣлалъ еще до него никакой другой бѣглецъ. Селиванъ рѣшительно ничего ни у кого не унесъ, и даже всѣ данные ему для продажи калачи лежали на его лоткѣ, и тутъ же уцѣлѣли всѣ деньги, которыя онъ выручилъ за то, что продалъ; но самъ онъ домой не возвращался.

И оба эти сироты считались безъ вѣсти пропавшими цѣлыхъ три года.

Вдругъ, однажды, пріѣзжаетъ съ ярмарки купецъ, которому принадлежалъ давно опустѣлый постоялый дворъ «на разновильѣ» и говоритъ, что съ нимъ было несчастіе: ѣхалъ онъ, да плохо направилъ на гать свою лошадь, и его возъ придавилъ, но его спасъ неизвѣстный бродяжка.

Бродяжка этотъ былъ имъ узнанъ, и оказалось, что это никто иной, какъ Селиванъ.

Спасенный Селиваномъ купецъ былъ не изъ такихъ людей, которые совсѣмъ нечувствительны къ оказанной имъ

услугѣ; чтобы не подлежать на страшномъ судѣ отвѣту за неблагодарность, онъ захотѣлъ сдѣлать добро бродягѣ.

— Я долженъ тебя осчастливить, сказалъ онъ Селивану:—у меня есть пустой дворъ на разновильѣ, иди туда и сиди въ немъ дворникомъ и продавай овесъ и сѣно, а мнѣ плати всего сто рублей въ годъ аренды.

Селиванъ зналъ, что на шестой верстѣ отъ городка, по запустѣвшей дорогѣ, постоялому двору не мѣсто, и, въ немъ сидючи, никакого заѣзда ждать невозможно; но, однако, какъ это былъ еще первый случай, когда ему предлагали имѣть свой уголъ, то онъ согласился.

Купецъ пустилъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Селиванъ пріѣхалъ во дворъ съ маленькой ручной, одноколесной навозницей, въ которой у него мѣстились пожитки, а на нихъ лежала, закинувъ назадъ голову, больная женщина въ жалкихъ лохмотьяхъ.

Люди спросили у Селивана:

— Кто это такая?

Онъ отвѣчалъ:

— Это моя жена.

— Изъ какихъ она мѣстъ родомъ?

Селиванъ кротко отвѣчалъ:

— Изъ Божьихъ.

— Чѣмъ она больна?

— Ногами недужна.

— А отчего она такъ недужаетъ?

Селиванъ, насупясь, буркнулъ:

— Отъ земного холода.

Больше онъ не сталъ говорить ни слова, поднялъ на руки свою немощную калѣку и понесъ ее въ избу.

Словоохотливости и вообще пріятной общительности въ Селиванѣ не было; людей онъ избѣгалъ и даже какъ-будто боялся, и въ городѣ не показывался, а жены его совсѣмъ

никто не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее сюда привезъ въ ручной навозной телѣжкѣ. Но съ тѣхъ поръ, когда это случилось, уже прошло много лѣтъ,—молодые люди тогдашняго вѣка уже успѣли состариться, а дворъ въ разновильѣ еще болѣе обветшалъ и развалился, но Селиванъ и его убогая калѣка все жили здѣсь и, къ общему удивленію, платили за дворъ наслѣдникамъ купца какую-то плату.

Откуда же этотъ чудакъ выручалъ все то, что было нужно на его собственныя нужды и на то, что слѣдовало платить за совершенно разрушенный дворъ? Всѣ знали, что сюда *никогда* не заглядывалъ *ни одинъ* проѣзжающій и не кормилъ здѣсь своихъ лошадей ни одинъ обозъ, а между тѣмъ Селиванъ хотя жилъ бѣдственно, но все еще не умиралъ съ голода.

Вотъ въ этомъ-то и былъ вопросъ, который, впрочемъ, не очень долго томилъ окрестное крестьянство. Скоро всѣ поняли, что Селиванъ знался съ нечистою силою... Эта нечистая сила и устраивала ему довольно выгодныя и для обыкновенныхъ людей даже невозможныя дѣлишки.

Извѣстно, что дьяволъ и его помощники имѣютъ большую охоту дѣлать людямъ всякое зло; но особенно имъ нравится вынимать изъ людей души такъ неожиданно, чтобы они не успѣли очистить себя покаяніемъ. Кто изъ людей помогаетъ такимъ проискамъ, тому вся нечистая сила, то-есть всѣ лѣшіе, водяные и кикиморы, охотно дѣлаютъ разныя одолженія, хотя, впрочемъ, на очень тяжелыхъ условіяхъ. Помогающій чертямъ долженъ самъ за ними послѣдовать въ адъ,—рано или поздно,—но непремѣнно. Селиванъ находился именно на этомъ роковомъ положеніи. Чтобы кое-какъ жить въ своемъ разоренномъ домишкѣ, онъ давно продалъ свою душу нѣсколькимъ чертямъ сразу, а эти съ тѣхъ поръ начали загонять къ нему на дворъ путниковъ самыми усиленными мѣрами. Назадъ же отъ Селивана не выѣзжалъ никто. Дѣлалось это такимъ образомъ, что лѣшіе, сговорясь съ кикиморами, вдругъ передъ ночью поднимали вьюги и мятели, при которыхъ

дорожный человѣкъ растерывался и спѣшилъ спрятаться отъ разгулявшейся стихіи куда попало. Селиванъ тогда сейчасъ же и выкидывалъ хитрость: онъ выставлялъ огонь на свое окошко, и на этотъ свѣтъ къ нему попадали купцы съ толстыми черезами, дворяне съ потайными шкатулками и попы съ мѣховыми треухами, подложенными во всю ширь денежными бумажками. Это была ловушка. Назадъ изъ Селивановыхъ воротъ уже не было поворота ни одному изъ тѣхъ, кто пріѣхалъ. Куда ихъ дѣвалъ Селиванъ,—про то никому не было извѣстно.

Дѣдушка Илья, договорившись до этого, только проводилъ по воздуху рукой и внушительно произносилъ:

— Сова летитъ, лунь плыветъ—ничего не видно: буря, мятель и... ночь матка—все гладко.

Чтобы не уронить себя во мнѣніи дѣдушки Ильи, я притворялся, будто понимаю, что значитъ «сова летитъ и лунь плыветъ», а понималъ я только одно, что Селиванъ—это какое-то общее пугало, съ которымъ чрезвычайно опасно встрѣтиться... Не дай Богъ этого никому на свѣтѣ.

Я, впрочемъ, старался провѣрить страшные разсказы про Селивана и отъ другихъ людей, но всѣ въ одно слово говорили то же самое. Всѣ смотрѣли на Селивана, какъ на страшное пугало, и всѣ такъ же, какъ дѣдушка Илья, строго заказывали мнѣ, чтобы я «дома, въ хоромахъ, никому про Селивана не сказывалъ». По совѣту мельника, я эту мужичью заповѣдь исполнялъ до особаго страшнаго случая, когда я самъ попался въ лапы Селивану.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Зимою, когда въ домѣ вставили двойныя рамы, я не могъ попрежнему часто видѣться съ дѣдушкой Ильей и съ другими мужиками. Меня берегли отъ морозовъ, а они всѣ остались работать на холоду, причемъ съ однимъ изъ нихъ произошла непріятная исторія, выдвинувшая опять на сцену Селивана.

Въ самомъ началѣ зимы, племянникъ Ильи, мужикъ

Николай, пошелъ на свои именины въ Кромы, въ гости, и не возвратился, а черезъ двѣ недѣли его нашли на опушкѣ у Селиванова лѣса. Николай сидѣлъ на пнѣ, опершись бородою на палочку и, повидимому, отдыхалъ послѣ такой сильной усталости, что не замѣтилъ, какъ метель замела его выше колѣнъ снѣгомъ, а лисицы обкусали ему носъ и щеки.

Очевидно, Николай сбился съ дороги, усталъ и замерзъ; но всѣ знали, что это вышло не спроста и не безъ Селивановой вины. Я узналъ объ этомъ черезъ дѣвушекъ, которыхъ было у насъ въ комнатахъ очень много и всѣ онѣ, большею частію, назывались Аннушками. Была Аннушка большая, Аннушка меньшая, Аннушка рябая и Аннушка круглая, и потомъ еще Аннушка, по прозванію «Шибаенокъ». Эта послѣдняя была у насъ въ своемъ родѣ фельетонистомъ и репортеромъ. Она по своему живому и рѣзвому характеру получила и свою бойкую кличку.

Не Аннушками звали только двухъ дѣвушекъ—Неонилу да Настю, которыя числились на нѣкоторомъ особомъ положеніи, потому что получили особенное воспитаніе въ тогдашнемъ модномъ орловскомъ магазинѣ мадамъ Морозовой, да еще были въ домѣ три побѣгушки-дѣвочки—Оська, Моська и Роська. Крестное имя одной изъ нихъ было Матрена, другой Раиса, а какъ звали по-настоящему Оську—этого я не знаю. Моська, Оська и Роська находились еще въ малолѣтствѣ, и потому къ нимъ всѣ относились довольно презрительно. Онѣ еще бѣгали босикомъ и не имѣли права садиться на стульяхъ, а присаживались внизу, на подножныхъ скамейкахъ. По должности онѣ исполняли разныя унизительныя порученія, какъ-то: чистили тазы, выносили умывальныя лаханки, провожали гулять комнатныхъ собачекъ и бѣгали скороходами на посылкахъ за кухонными людьми и на деревню. Въ теперешнихъ помѣщичьихъ домахъ уже нигдѣ нѣтъ такого излишняго многолюдства, но тогда оно казалось необходимымъ.

Всѣ наши дѣвы и дѣвчонки, разумѣется, много знали о страшномъ Селиванѣ, вблизи двора котораго замерзъ мужикъ Николай. По этому случаю теперь вспомнили Селивану всѣ его старыя продѣлки, о которыхъ я прежде и не зналъ. Теперь обнаружилось, что кучеръ Константинъ, ѣдучи одинъ разъ въ городъ за говядиной, слышалъ, какъ изъ окна Селивановой избы неслись жалобные стоны и слышались слова: «Ой, ручку больно! Ой, пальчикъ рѣжетъ».

Дѣвушка, Аннушка большая, объясняла это такъ, что Селиванъ забралъ къ себѣ, во время метели (по-орловски— *куры*), цѣлый господскій возокъ, съ цѣлымъ дворянскимъ семействомъ, и медленно отрѣзалъ дворянскимъ дѣтямъ пальчикъ за пальчикомъ. Это страшное варварство ужасно меня перепугало. Потомъ башмачнику Ивану приключилось что-то еще болѣе страшное и, вдобавокъ, необъяснимое. Разъ, когда его послали въ городъ за сапожнымъ товаромъ и онъ, позамѣшкавшись, возвращался домой темнымъ вечеромъ, то поднялась маленькая метель, — а это составляло первое удовольствіе для Селивана. Онъ сейчасъ же вставалъ и выходилъ на поле, чтобы вѣяться во мглѣ вмѣстѣ съ Ягою, лѣшими и кикиморами. И башмачникъ это зналъ и остерегался, но не остерегся. Селиванъ выскочилъ у него передъ самымъ носомъ и загородилъ ему дорогу... Лошадь стала. Но башмачникъ, къ его счастію, отъ природы былъ смѣлъ и очень находчивъ. Онъ подошелъ къ Селивану, будто съ ласкою, и проговорилъ: «Здравствуй, пожалуйста», а въ это самое время изъ рукава кольнулъ его самымъ большимъ и острымъ шиломъ прямо въ животъ. Это единственное мѣсто, въ которое можно ранить колдуна на-смерть, но Селиванъ спасся тѣмъ, что немедленно обратился въ толстый верстовой столбъ, въ которомъ острый инструментъ башмачника застрялъ такъ крѣпко, что башмачникъ никакъ не могъ его вытащить и долженъ былъ разстаться съ шиломъ, между тѣмъ какъ оно ему было рѣшительно необходимо.

Этотъ послѣдній случай былъ даже обидною насмѣшкою надъ честными людьми и убѣдилъ всѣхъ, что Селиванъ, дѣйствительно, былъ не только великій злодѣй и лукавый колдунъ, но и нахалъ, которому нельзя было давать спуску. Тогда его рѣшили проучить строго; но Селиванъ тоже не былъ промахъ и научился новой хитрости: онъ началъ «скидываться», то есть, при малѣйшей опасности, даже просто при всякой встрѣчѣ, онъ сталъ измѣнять свой человѣческій видъ и у всѣхъ на глазахъ обращаться въ различные одушевленные и неодушевленные предметы. Правда, что, благодаря общему противъ него возбужденію, онъ и при такой ловкости все-таки немножко страдалъ, но искоренить его никакъ не удавалось, а борьба съ нимъ иногда даже принимала немножко смѣшной характеръ, что всѣхъ еще болѣе обижало и злило. Такъ, напримѣръ, послѣ того, когда башмачникъ изо всей силы прокололъ его шиломъ и Селиванъ спасся только тѣмъ, что успѣлъ скинуться верстовымъ столбомъ, нѣсколько человѣкъ видѣли это шило торчавшимъ въ настоящемъ верстовомъ столбѣ. Они пробовали даже его оттуда вытащить, но шило сломалось и башмачнику привезли только одну ничего нестоющую деревянную ручку.

Селиванъ же и послѣ этого ходилъ по лѣсу, какъ-будто его даже совсѣмъ и не кололи, и скидывался кабаномъ до такой степени истово, что ѣлъ дубовые желуди съ удовольствіемъ, какъ будто такой фруктъ могъ приходиться ему по вкусу. Но чаще всего онъ вылѣзалъ подъ видомъ краснаго пѣтуха на свою черную, растрепанную крышу и кричалъ оттуда «ку-ка-реку!» Всѣ знали, что его, разумѣется, занимало не пѣніе «ку-ка-реку», а онъ высматривалъ, не ѣдетъ ли кто-нибудь такой, противъ кого стоило бы подучить лѣшаго и кикимору поднять хорошую бурю и затормошить его до смерти. Словомъ, окрестные люди такъ хорошо отгадывали всѣ его хитрости, что никогда не поддавались злодѣю въ его сѣти, и даже порядкомъ мстили Селивану за его коварства. Одинъ разъ, когда онъ, ски-

нувшись кабаномъ, встрѣтился съ кузнецомъ Савельемъ, который шелъ пѣшкомъ изъ Кромъ со свадьбы, между ними даже произошла открытая схватка, но кузнецъ остался побѣдителемъ, благодаря тому, что у него, къ счастію, случилась въ рукахъ претяжелая дубина. Оборотень притворился, будто онъ не желаетъ обращать на кузнеца ни малѣйшаго вниманія и, тяжело похрюкивая, чавкалъ желуди; но кузнецъ проникъ острымъ умомъ его замыселъ, который состоялъ въ томъ, чтобы пропустить его мимо себя и потомъ напасть на него сзади, сбить съ ногъ и съѣсть вмѣсто желудя. Кузнецъ рѣшился предупредить бѣду; онъ поднялъ высоко надъ головою свою дубину и такъ треснулъ ею кабана по храпѣ, что тотъ жалобно взвизгнулъ, упалъ и болѣе уже не поднимался. А когда кузнецъ послѣ этого началъ поспѣшно уходить, то Селиванъ опять принялъ на себя свой человѣческій видъ и долго смотрѣлъ на кузнеца, со своего крылечка,—очевидно, имѣя противъ него какое-то самое недружелюбное намѣреніе.

Послѣ этой ужасной встрѣчи, кузнеца даже била лихорадка, отъ которой онъ спасся единственно тѣмъ, что пустилъ по вѣтру за окно хинный порошокъ, который ему былъ присланъ изъ горницы для пріема.

Кузнецъ слылъ за человѣка очень разсудительнаго и зналъ, что хина и всякое другое аптечное лѣкарство противъ волшебства ничего сдѣлать не могутъ. Онъ оттерпѣлся, завязалъ на суровой ниткѣ узелокъ и бросилъ его гнить въ навозную кучу. Этимъ было все кончено, потому что какъ только узелокъ и нитка сгнили, такъ и сила Селивана должна была кончиться. И это такъ и сдѣлалось. Селиванъ послѣ этого случая въ свинью уже никогда болѣе не скидывался, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ его никто рѣшительно не встрѣчалъ въ этомъ неопрятномъ видѣ.

Съ проказами же Селивана въ образѣ краснаго пѣтуха было еще удачнѣе: на него ополчился косой мирошникъ Савка, преудалый парень, который дѣйствовалъ всѣхъ предусмотрительнѣе и ловчѣе.

Будучи посланъ разъ въ городъ на подторжье, онъ ѣхалъ верхомъ на очень лѣнивой и упрямой лошади. Зная такой нравъ своего коня, Савка взялъ съ собою, на всякій случай, потихоньку, хорошее березовое полѣно, которымъ надѣялся запечатлѣть сувениръ въ бока своего меланхолическаго буцефала. Кое-что въ этомъ родѣ онъ и успѣлъ уже сдѣлать, и настолько переломить характеръ своего коня, что тотъ, потерявъ терпѣніе, сталъ понемножку припрыгивать.

Селиванъ, не ожидая, что Савка такъ хорошо вооруженъ, какъ разъ къ его пріѣзду выскочилъ пѣтухомъ на застрѣху и началъ вертѣться, глазѣть на всѣ стороны да пѣть «ку-ка-реку!» Савка не сробѣлъ колдуна, а, напротивъ, сказалъ ему: «Э, братъ, врешь — не уйдешь», и съ этимъ, недолго думая, такъ ловко швырнулъ въ него своимъ полѣномъ, что тотъ даже не допѣлъ до конца своего «ку-ка-реку» и свалился мертвымъ. По несчастію, онъ только упалъ не на улицу, а во дворъ, гдѣ ему ничего не стоило, коснувшись земли, опять принять на себя свой природный человѣческій образъ. Онъ сдѣлался Селиваномъ и, выбѣжавъ, погнался за Савкою, имѣя въ рукѣ то же самое полѣно, которымъ его угостилъ Савка, когда онъ пѣлъ пѣтухомъ на крышѣ.

По разсказамъ Савки, Селиванъ въ этотъ разъ былъ такъ взбѣшенъ, что Савкѣ могло придтись отъ него очень плохо; но Савка былъ парень сообразительный и отлично зналъ одну преполезную штуку. Онъ зналъ, что его лѣнивая лошадь сразу забываетъ о своей лѣни, если ее поворотить домой, къ яслямъ. Онъ это и сдѣлалъ. Какъ только Селиванъ, вооруженный полѣномъ, на Савку кинулся, — Савка вразъ повернулъ коня въ обратный путь и скрылся. Онъ прискакалъ домой, не имѣя на себѣ лица отъ страха, и разсказалъ о бывшей съ нимъ страшной исторіи только на другой день. И то слава Богу, что заговорилъ, а то боялись, какъ бы онъ не остался нѣмъ навсегда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вмѣсто оробѣвшаго Савки былъ наряженъ другой, болѣе смѣлый посолъ, который достигъ Кромъ и возвратился назадъ благополучно. Однако и этотъ, совершивъ путешествіе, говорилъ, что ему легче бы сквозь землю провалиться, чѣмъ ѣхать мимо Селиванова двора. То же самое чувствовали и другіе: страхъ сталъ всеобщій; но зато со стороны всѣхъ вообще началось и за Селиваномъ всеобщее усиленное смотрѣніе. Гдѣ бы и чѣмъ бы онъ ни скрывался, его вездѣ постоянно обнаруживали и во всѣхъ видахъ стремились пресѣчь его вредное существованіе. Являлся ли Селиванъ у своего двора овцою или теленкомъ, — его все равно узнавали и били, и ни въ какомъ видѣ ему не удавалось укрыться. Даже, когда онъ одинъ разъ выкатился на улицу въ видѣ новаго свѣже-высмоленнаго телѣжнаго колеса и легъ на солнцѣ сушиться, то и эта его хитрость была обнаружена, и умные люди разбили колесо на мелкія части такъ, что и втулка, и спицы разлетѣлись въ разныя стороны.

Обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ, составлявшихъ героическую эпопею моего дѣтства, мною своевременно получались скорыя и самыя достовѣрныя свѣдѣнія. Быстротѣ извѣстій много содѣйствовало то, что у насъ на мельницѣ всегда случалась отмѣнная заѣзжая публика, пріѣзжавшая за помоломъ. Пока мельничные жернова мололи привезенныя ими хлѣбныя зерна, уста помольцевъ еще усерднѣе мололи всяческій вздоръ, а оттуда всѣ любопытныя исторіи приносились въ дѣвичью Моською и Роською, и потомъ, въ наилучшей редакціи, сообщались мнѣ, а я начиналъ о нихъ думать цѣлыя ночи и создавалъ презанимательныя положенія для себя и для Селивана, къ которому я, несмотря на все, что о немъ слышалъ, — питалъ въ глубинѣ моей души большое сердечное влеченіе. Я безповоротно вѣрилъ, что настанетъ часъ, когда мы съ

Селиваномъ какъ-то необыкновенно встрѣтимся, — и даже полюбимъ другъ друга гораздо болѣе, чѣмъ я любилъ дѣдушку Илью, въ которомъ мнѣ не нравилось то, что у него одинъ, именно лѣвый, глазъ всегда немножко смѣялся.

Я никакъ не могъ долго вѣрить, чтъ Селиванъ дѣлаетъ всѣ свои сверхъестественныя чудеса съ злымъ намѣреніемъ къ людямъ, и очень любилъ о немъ думать; и обыкновенно, чуть я начиналъ засыпать, онъ мнѣ снился тихимъ добрымъ и даже обиженнымъ. Я его никогда еще не видалъ и не умѣлъ себѣ представить его лица по искаженнымъ описаніямъ разсказчиковъ, но глаза его я видѣлъ, чуть закрывалъ свои собственные. — Это были большіе глаза, совсѣмъ голубые и предобрые. И пока я спалъ, мы съ Селиваномъ были въ самомъ пріятномъ согласіи: у насъ съ нимъ открывались въ лѣсу разныя секретныя норки, гдѣ у насъ было напрятано много хлѣба, масла и теплыхъ дѣтскихъ тулупчиковъ, которые мы доставали, бѣгомъ носили къ извѣстнымъ намъ избамъ по деревнямъ, клали на слуховое окно, стучали, чтобы кто-нибудь выглянулъ, и сами убѣгали.

Это были, кажется, самыя прекрасныя сновидѣнія въ моей жизни, и я всегда сожалѣлъ, что съ пробужденіемъ Селиванъ опять дѣлался для меня тѣмъ разбойникомъ, противъ котораго всякій добрый человѣкъ долженъ былъ принимать всѣ мѣры предосторожности. Признаться, я и самъ не хотѣлъ отстать отъ другихъ, и хотя во снѣ я велъ съ Селиваномъ самую теплую дружбу, но на яву я считалъ не лишнимъ обезпечить себя отъ него даже издали.

Съ этою цѣлію я, путемъ не малой лести и другихъ униженій, выпросилъ у ключницы хранившійся у нея въ кладовой старый, очень большой кавказскій кинжалъ моего отца. Я подвязалъ его на кутасъ, который снялъ съ дядинаго гусарскаго кивера, и мастерски спряталъ это оружіе въ головахъ, подъ матрацъ моей постельки. Если бы Селиванъ появился ночью въ нашемъ домѣ, я бы непремѣнно противъ него выступилъ.

Объ этомъ скрытомъ цейхгаузѣ не знали ни отецъ, ни мать, и это было совершенно необходимо, потому что иначе кинжалъ у меня, конечно, былъ бы отобранъ, а тогда Селиванъ могъ помѣшать мнѣ спать спокойно, потому что я все-таки его ужасно боялся. А онъ, между тѣмъ, уже дѣлалъ къ намъ подходы, но наши бойкія дѣвушки его сразу же узнали. Къ намъ въ домъ Селиванъ дерзнулъ появляться, скинувшись большою рыжею крысою. Сначала онъ просто шумѣлъ по ночамъ въ кладовой, а потомъ одинъ разъ спустился въ глубокій, долбленый липовый наполъ, на днѣ котораго ставили, покрывая рѣшетомъ, колбасы и другія закуски, сберегаемыя для пріема гостей. Тутъ Селиванъ захотѣлъ сдѣлать намъ серьезную домашнюю непріятность,— вѣроятно, въ отплату за тѣ непріятности, какія онъ перенесъ отъ нашихъ мужиковъ. Оборотясь рыжею крысою, онъ вскочилъ на самое дно въ липовый наполъ, сдвинулъ каменный гнетокъ, который лежалъ на рѣшетѣ, и съѣлъ всѣ колбасы, но зато назадъ никакъ не могъ выскочить изъ высокой кади. Здѣсь Селивану, по всѣмъ видимостямъ, никакъ невозможно было избѣжать заслуженной казни, которую вызвалась произвесть надъ нимъ самая скорая Аннушка Шибаенокъ. Она явилась для этого съ цѣлымъ чугуномъ кипятку и съ старою вилкою. Аннушка имѣла такой планъ, чтобы сначала ошпарить оборотня кипяткомъ, а потомъ приколоть его вилкою и выбросить мертваго въ бурьянъ на расклеванье воронамъ. Но, при исполненіи казни, произошла неловкость со стороны Аннушки круглой, она плеснула кипяткомъ на руку самой Аннушкѣ Шибаенку; та выронила отъ боли вилку, а въ это время крыса укусила ее за палецъ и съ удивительнымъ проворствомъ, по ея же рукаву, выскочила наружу и, произведя общій перепугъ всѣхъ присутствующихъ, сдѣлалась невидимкой.

Родители мои, смотрѣвшіе на это происшествіе обыкновенными глазами, приписывали глупый исходъ травли неловкости нашихъ Аннушекъ; но мы, которые знали тайныя

пружины дѣла, знали и то, что тутъ ничего невозможно было сдѣлать лучшаго, потому что это была не простая крыса, а оборотень Селиванъ. Разсказать объ этомъ старшимъ мы, однако, не смѣли. Какъ простосердечный народъ, мы боялись критики и насмѣшекъ надъ тѣмъ, что сами почитали за несомнѣнное и очевидное.

Черезъ порогъ передней Селиванъ перешагнуть не рѣшался ни въ какомъ видѣ, какъ мнѣ казалось, потому, что онъ кое-что зналъ о моемъ кинжалѣ. И мнѣ это было и лестно, и досадно, потому что, собственно говоря, мнѣ уже стали утомительны одни толки и слухи, и во мнѣ разгоралось страстное желаніе встрѣтиться съ Селиваномъ лицомъ къ лицу.

Это во мнѣ обратилось, наконецъ, въ томленіе, въ которомъ и прошла вся долгая зима съ ея безконечными вечерами, а съ первыми весенними потоками съ горъ у насъ случилось происшествіе, которое разстроило весь порядокъ жизни и дало волю опаснымъ порывамъ несдержанныхъ страстей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Случай былъ неожиданный и печальный. Въ самую весеннюю ростепель, когда, по народному выраженію, «лужа быка топитъ», изъ далекаго тетушкина имѣнія прискакалъ верховой съ роковымъ извѣстіемъ объ опасной болѣзни дѣдушки.

Длинный переѣздъ въ такую распутицу былъ сопряженъ съ большою опасностію; но отца и мать это не остановило, и они пустились въ дорогу немедленно. Ѣхать надо было сто верстъ и не иначе, какъ въ простой телѣжкѣ, потому что ни въ какомъ другомъ экипажѣ проѣхать совсѣмъ было невозможно. Телѣгу сопровождали два вершника, съ длинными шестами въ рукахъ. Они ѣхали впередъ и ощупывали дорожные просовы. Я и домъ были оставлены на попеченіе особаго временного комитета, въ составъ котораго входили разныя лица по разнымъ вѣдомствамъ.

Аннушкѣ большой были подчинены всѣ лица женскаго пола до Оськи и Роськи; но высшій нравственный надзоръ порученъ былъ старостихѣ Дементьевнѣ. Интеллигентное же руководженіе нами—въ разсужденіи наблюденія праздниковъ и дней недѣльныхъ—было ввѣрено діаконскому сыну Аполлинарію Ивановичу, который, въ качествѣ исключеннаго изъ семинаріи ритора, состоялъ при моей особѣ на линіи наставника. Онъ училъ меня латинскимъ склоненіямъ и вообще приготовлялъ къ тому, чтобы я могъ на слѣдующій годъ поступить въ первый классъ орловской гимназіи не совершеннымъ дикаремъ, котораго способны удивить латинская грамматика Бѣлюстина и французская—Ломонда.

Аполлинарій былъ юноша свѣтскаго направленія и собирался поступить въ «приказные» или, по-нынѣшнему говоря, въ писцы—въ орловское губернское правленіе, гдѣ служилъ его дядя, имѣвшій презанимательную должность. Если какой-нибудь становой или исправникъ не исполнялъ какого-нибудь предписанія, то дядю Аполлинарія посылали на одной лошади «нарочнымъ» на счетъ виновнаго. Онъ ѣздилъ, не платя за лошадей денегъ, и, кромѣ того, получалъ съ виновныхъ дары и презенты и видѣлъ разные города и много разныхъ людей, разныхъ чиновъ и обычаевъ. Мой Аполлинарій тоже имѣлъ въ виду современемъ достичь такого счастія, и могъ надѣяться сдѣлать гораздо болѣе своего дяди, потому что онъ обладалъ двумя большими талантами, которые могли быть очень пріятны въ свѣтскомъ обхожденіи: Аполлинарій игралъ на гитарѣ двѣ пѣсни: «Дѣвушка крапивушку жала» и вторую, гораздо болѣе трудную—«Подъ вечеръ осенью ненастной» и, что еще рѣже было въ тогдашнее время въ провинціяхъ,—онъ умѣлъ сочинять прекрасные стихи дамамъ, за что собственно и былъ выгнанъ изъ семинаріи.

Мы съ Аполлинаріемъ, несмотря на разницу нашихъ лѣтъ, держались какъ друзья и, какъ прилично вѣрнымъ друзьямъ, мы крѣпко хранили взаимныя тайны. Въ этомъ случаѣ на его долю приходилось немножко меньше, чѣмъ

на мою: мои всѣ секреты заключались въ находившемся у меня подъ матрацомъ кинжалѣ, а я обязанъ былъ глубоко таить два ввѣренные мнѣ секрета: первый касался спрятанной въ шкафѣ трубки, изъ которой Аполлинарій курилъ вечеромъ въ печку кисло-сладкіе, бѣлые нѣжинскіе корешки, а второй былъ еще важнѣе—здѣсь дѣло шло о стихахъ, написанныхъ Аполлинаріемъ въ честь нѣкоей «легконосной Пулхеріи».

Стихи были, кажется, очень плохіе, но Аполлинарій говорилъ, что для вѣрнаго о нихъ сужденія необходимо было видѣть, какое они могутъ произвести впечатлѣніе, если ихъ хорошенько, съ чувствомъ прочесть нѣжной и чувствительной женщинѣ.

Это предполагало большую и даже въ нашемъ положеніи непреодолимую трудность, потому что маленькихъ барышень у насъ въ домѣ не было, а барышнямъ взрослымъ, которыя иногда пріѣзжали, Аполлинарій не смѣлъ предложить быть его слушательницами, такъ какъ онъ былъ очень застѣнчивъ, а между нашими знакомыми барышнями водились большія насмѣшницы.

Нужда научила Аполлинарія выдумать компромиссъ.— именно продекламировать оду, написанную «Легконосной Пулхеріи», передъ нашей дѣвушкой Неонилой, которая усвоила себѣ въ модномъ магазинѣ Морозовой разныя отшлифованныя, городскія манеры и, по соображеніямъ Аполлинарія, должна была имѣть тонкія чувства, необходимыя для того, чтобы почувствовать достоинство поэзіи.

По малолѣтству моему я боялся подавать своему учителю совѣты въ его поэтическихъ опытахъ, но считалъ его намѣреніе декламировать стихи передъ швеею рискованнымъ. Я, разумѣется, судилъ по себѣ и хотя бралъ въ соображеніе, что молоденькой Неонилѣ знакомы нѣкоторые предметы городского круга, но едва ли ей можетъ быть понятенъ языкъ высокой поэзіи, какимъ Аполлинарій обращался къ воспѣваемой имъ Пулхеріи. При томъ въ одѣ къ «Легконосицѣ» были такія восклицанія: «О ты, жестокая!»

или «Исчезни съ глазъ моихъ!» и тому подобныя. Неонила отъ природы имѣла робкій и застѣнчивый характеръ, и я боялся, что она приметъ это на свой счетъ и непремѣнно расплачется и убѣжитъ.

Но всего хуже то, что, при обыкновенномъ строгомъ домашнемъ порядкѣ нашей домашней жизни, вся эта задуманная риторомъ поэтическая репетиція была совершенно невозможна. Ни время, ни мѣсто, ни даже всѣ другія условія не благопріятствовали тому, чтобы Неонила слушала стихи Аполлинарія и была ихъ первою цѣнительницею. Однако, безначаліемъ, которое водворилось у насъ съ отъѣздомъ родителей, все измѣнилось, и риторъ захотѣлъ этимъ воспользоваться. Теперь мы, забывъ всякую разность своихъ положеній, ежедневно играли по вечерамъ въ короли, а Аполлинарій даже курилъ въ комнатахъ свои нѣжинскіе корешки и садился въ столовой въ отцовскомъ креслѣ, что меня немножко обижало. Кромѣ того, по его же настоянію, у насъ нѣсколько разъ была затѣяна игра въ жмурки, причемъ мнѣ и брату набили синяки. Потомъ мы играли въ прятки, и разъ даже былъ устроенъ формальный фестивалъ, съ большимъ угощеніемъ. Кажется, все это дѣлалось «на шереметевскій счетъ», какъ въ тогдашнее время бражничали многіе неосмотрительные кутилы, по гибельному пути которыхъ направились и мы, увлекаемые риторомъ. Мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно, отъ кого тогда были предложены собранію цѣлый мѣшечекъ самыхъ зрѣлыхъ лѣсныхъ орѣховъ, добытыхъ изъ мышиныхъ норокъ (гдѣ обыкновенно бываютъ только орѣхи самаго высшаго сорта). Кромѣ орѣховъ были три свертка сѣрой бумаги съ желтыми паточными груздиками, подсолнухами и засмоквенной грушей. Послѣдняя очень прочно липла къ рукамъ и не скоро отмывалась.

Такъ какъ этотъ послѣдній фруктъ пользовался особымъ вниманіемъ, то груши давались только въ розыгрышъ на фанты. Моська, Оська и Роська, по существенному своему ничтожеству, смоквъ вовсе не получали. Въ фантахъ уча-

ствовали Аннушка и я, да мой наставникъ Аполлинарій, который оказался очень ловкимъ выдумщикомъ. Происходило все это въ гостиной комнатѣ, гдѣ бывало сидѣли только очень почетные гости. И тутъ-то, въ чаду увлеченія веселостями, въ Аполлинарія вошелъ какой-то отчаянный духъ, и онъ задумалъ еще болѣе дерзкое предпріятіе. Онъ захотѣлъ декламировать свою оду въ грандіозной и даже ужасающей обстановкѣ, при которой должны были подвергнуться самому высшему напряженію самые сильные нервы. Онъ началъ всѣхъ насъ подговаривать, чтобы отправиться всѣмъ вмѣстѣ въ будущее воскресенье за ландышами въ Селивановъ лѣсъ. А вечеромъ, когда мы съ нимъ ложились спать, онъ мнѣ открылся, что ландыши тутъ одинъ только предлогъ, а главная цѣль въ томъ, чтобы прочитать стихи въ самой ужасной обстановкѣ.

Съ одной стороны будетъ дѣйствовать страхъ отъ Селивана, а съ другой—страхъ отъ ужасныхъ стиховъ... Каково это выйдетъ и можно ли это выдержать?

Представьте же себѣ, что мы на это отважились.

Въ оживленности, которою всѣ мы были охвачены въ этотъ достопамятный весенній вечеръ, намъ представлялось, что всѣ мы смѣлы и можемъ совершить отчаянную штуку безопасно. Въ самомъ дѣлѣ, насъ будетъ много, и притомъ я возьму, разумѣется, свой огромный кавказскій кинжалъ.

Признаться, мнѣ очень хотѣлось, чтобы и всѣ другіе вооружились сообразно своей силѣ и возможности, но я ни у кого не встрѣтилъ къ этому должнаго вниманія и готовности. Аполлинарій бралъ только чубукъ да гитару, а съ дѣвушками ѣхали таганы, сковороды, котелки съ яйцами и чугунокъ. Въ чугункѣ предполагалось варить пшенный кулешъ съ саломъ, а на сковородѣ жарить яичницу, и въ этомъ смыслѣ они были прекрасны; но въ смыслѣ обороны, на случай возможныхъ продѣлокъ со стороны Селивана, рѣшительно ничего не значили.

Впрочемъ, по правдѣ сказать, я былъ и еще кое за что

недоволенъ моими компаньонами, и именно—я не чувствовалъ съ ихъ стороны того вниманія къ Селивану, какимъ я самъ былъ проникнутъ. Они и боялись его, но какъ-то легкомысленно, и даже рисковали критически надъ нимъ подтрунивать. Одна Аннушка говорила, что она возьметъ пирожную скалку и скалкой его убьетъ, а Шибаенокъ смѣялась, что она его загрызть можетъ, и при этомъ показывала свои бѣлые-пребѣлые зубы и перекусывала ими кусочекъ проволоки. Все это какъ-то не солидно; всѣхъ превзошелъ риторъ. Онъ совсѣмъ отвергалъ существованіе Селивана,—говорилъ, что его даже никогда не было и что онъ просто есть изобрѣтеніе фантазіи, такое же, какъ Пифонъ, Церберъ и тому подобное.

Тогда я первый разъ видѣлъ, до чего способенъ человѣкъ увлекаться въ отрицаніяхъ! Къ чему же тогда вся риторика, если она позволяетъ поставить на одну ступень вѣроятность баснословнаго Пифона съ Селиваномъ, дѣйствительное существованіе котораго подтверждалось множествомъ очевидныхъ событій.

Я этому соблазну не поддался и сберегъ мою вѣру въ Селивана. Даже болѣе того, я вѣрилъ, что риторъ за свое невѣріе будетъ непремѣнно наказанъ.

Впрочемъ, если не строго относиться къ этимъ философствамъ, то затѣянная поѣздка въ лѣсъ обѣщала много веселости, и никто не хотѣлъ или не могъ заставить себя приготовиться къ явленіямъ другого сорта. А межъ тѣмъ благоразуміе заставляло весьма поостеречься въ этомъ проклятомъ лѣсу, гдѣ мы будемъ, такъ сказать, въ самой пасти у звѣря.

Всѣ думали только о томъ, какъ имъ весело будетъ разбрестись по лѣсу, куда всѣ боятся ходить, а они не боятся. Размышляли о томъ, какъ мы пройдемъ насквозь весь опасный лѣсъ, аукаясь, перекликаясь и перепрыгивая ямки и овражки, въ которыхъ дотлѣваетъ послѣдній снѣгъ, а и не подумали, будетъ ли все это одобрено, когда возвратится наше высшее начальство. Впрочемъ, мы за то имѣли въ

виду изготовить на туалетъ мамы два большіе букета изъ лучшихъ ландышей, а изъ остальныхъ сдѣлать душистый перегонъ, который во все предстоящее лѣто будетъ давать превосходное умыванье отъ загара.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Нетерпѣливо дождавшись воскресенья, мы оставили въ домѣ на хозяйствѣ старостиху Дементьевну, а сами отправились къ Селиванову лѣсу. Вся публика шла пѣшкомъ, держась болѣе просохшихъ высокихъ рубежей, гдѣ уже зеленѣла первая изумрудная травка, а по дорогѣ слѣдовалъ обозъ, состоявшій изъ телѣги, запряженной старою буланою лошадью. На телѣгѣ лежала Аполлинаріева гитара и взятыя, на случай ненастья, дѣвичьи кацавейки. Правилъ лошадью я, а назади, въ качествѣ пассажировъ, помѣщались Роська и другія дѣвчонки, изъ которыхъ одна бережно везла въ колѣняхъ кошелочку съ яйцами, а другая имѣла общее попеченіе о различныхъ предметахъ, но наиболѣе поддерживала рукою мой огромный кинжалъ, который былъ у меня подвѣшенъ черезъ плечо на старомъ гусарскомъ шнурѣ отъ дядина этишкета и болтался изъ стороны въ сторону, значительно затрудняя мои движенія и отрывая мое вниманіе отъ управленія лошадью.

Дѣвушки, идучи по рубежу, пѣли: «Распашу-ль я пашеньку, посѣю-ль я ленъ-конопель», а риторъ имъ вторилъ басомъ.

Попадавшіеся намъ навстрѣчу мужики кланялись и спрашивали:

— Куда поднялись?

Аннушки имъ отвѣчали:

— Идемъ Селиванку въ плѣнъ брать.

Мужики помахивали головами и говорили:

— Угорѣлыя!

Мы и дѣйствительно были въ какомъ-то чаду, насъ охватила неудержимая полудѣтская потребность бѣгать, пѣть, смѣяться и дѣлать все очертя голову.

А между тѣмъ часъ ѣзды по скверной дорогѣ началъ на меня дѣйствовать неблагопріятно, — старый буланый мнѣ надоѣлъ и во мнѣ охладѣла охота держать въ рукахъ веревочныя вожжи; но невдалекѣ, на горизонтѣ, засинѣлъ Селивановъ лѣсъ, и все ожило. Сердце забилось и заныло, какъ у Вара при входѣ въ Тевтобургскія дебри. А въ это же время изъ-подъ талой межи выскочилъ заяцъ и, пробѣжавъ черезъ дорогу, понесся по полю.

— Фуй, чтобъ тебѣ пусто было! закричали вслѣдъ ему Аннушки.

Онѣ всѣ знали, что встрѣча съ зайцемъ къ добру никогда не бываетъ. И я тоже струсилъ и схватился за свой кинжалъ, но такъ увлекся заботами объ извлеченіи его изъ заржавѣвшихъ ноженъ, что не замѣтилъ, какъ выпустилъ изъ рукъ вожжи и, съ совершенною для себя неожиданностію, очутился подъ опрокинувшеюся телѣгою, которую потянувшійся на рубежъ за травкою буланый повернулъ самымъ правильнымъ образомъ, такъ что всѣ четыре колеса очутились вверху, а я съ Роськой и со всею нашею провизіею явились подъ спудомъ...

Это несчастіе съ нами случилось моментально, но послѣдствія его были неисчислимы: гитара Аполлинарія была разломана вдребезги, а разбитыя яйца текли и заклеивали намъ лица своимъ содержимымъ. Вдобавокъ Роська ревѣла.

Я былъ всемѣрно подавленъ и сконфуженъ и до того растерялся, что даже желалъ, чтобы насъ лучше совсѣмъ не освобождали; но я уже слышалъ голоса всѣхъ Аннушекъ, которыя, трудясь надъ нашимъ освобожденіемъ, тутъ же, очень выгодно для меня, разъяснили причину нашего паденія. Я и буланый были тутъ ни въ чемъ непричинны: все это было дѣломъ Селивана.

Это была первая хитрость, чтобы не допустить насъ къ его лѣсу; но, однако, она никого сильно не испугала, а, напротивъ, только привела всѣхъ въ большое негодованіе

и увеличила рѣшимость во что бы то ни стало исполнить всю задуманную нами программу.

Нужно было только поднять телѣгу, поставить насъ на ноги, смыть съ насъ гдѣ-нибудь у ручейка непріятную яичную слизь и посмотрѣть, что уцѣлѣло послѣ нашего крушенія изъ вещей, взятыхъ для дневного продовольствія нашей многоличной группы.

Все это и было кое-какъ сдѣлано. Меня и Роську вымыли у ручья, который бѣжалъ подъ самымъ Селивановымъ лѣсомъ, и когда глаза мои раскрылись, то свѣтъ мнѣ показался очень невзрачнымъ. Розовыя платья дѣвочекъ и мой новый бешметъ изъ голубого кашемира были никуда негодны: покрывшія ихъ грязь и яйца совсѣмъ ихъ попортили и не могли быть отмыты безъ мыла, котораго мы съ собой не захватили. Чугунъ и сковородка были расколоты, отъ тагана валялись однѣ ножки, а отъ гитары Аполлинарія остался одинъ грифъ съ закрутившимися на немъ струнами. Хлѣбъ и другая сухая провизія были въ грязи. По меньшей мѣрѣ намъ угрожалъ цѣлоденный голодъ, если не считать ни во что другихъ ужасовъ, которые чувствовались во всемъ окружающемъ. Въ долинѣ надъ ручьемъ свистѣлъ вѣтеръ, а черный, еще не убранный зеленью лѣсъ шумѣлъ и зловѣще махалъ на насъ своими прутьями.

Настроеніе духа во всѣхъ насъ значительно понизилось,—особенно въ Роськѣ, которая озябла и плакала. Но, однако, мы все-таки рѣшили вступить въ Селиваново царство, а дальше пусть будетъ, что̀ будетъ.

Во всякомъ случаѣ, одно и то же приключеніе безъ какой-нибудь перемѣны не могло повториться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Всѣ перекрестились и начали входить въ лѣсъ. Входили робко и нерѣшительно, но каждый скрывалъ отъ другихъ свою робость. Всѣ только уговаривались какъ можно чаще перекликаться. Но, впрочемъ, не оказалось и большой нужды

въ перекличкѣ, потому что никто далеко вглубь не ушелъ, всѣ мы какъ будто случайно безпрестанно скучивались къ краю и тянулись веревочкой вдоль опушки. Одинъ Аполлинарій оказался смѣлѣе другихъ и нѣсколько углубился въ чащу: онъ заботился найти самое глухое и страшное мѣсто, гдѣ его декламація могла бы произвести какъ можно болѣе ужасное впечатлѣніе на слушательницъ; но зато, чуть только Аполлинарій скрылся изъ вида, лѣсъ вдругъ огласился его пронзительнымъ, неистовымъ крикомъ. Никто не могъ себѣ вообразить, какая опасность встрѣтила Аполлинарія, но всѣ его покинули и бросились бѣжать вонъ изъ лѣса на поляну, а потомъ, не оглядываясь назадъ,—дальше, по дорогѣ къ дому. Такъ бѣжали всѣ Аннушки и всѣ Моськи, а за ними, продолжая кричать отъ страха, пронесся и самъ педагогъ, а мы съ маленькимъ братомъ остались одни.

Изъ всей нашей компаніи не осталось никого: насъ покинули не только всѣ люди, но безчеловѣчному примѣру людей послѣдовала и лошадь. Перепуганная ихъ крикомъ, она замотала головою и, повернувъ прочь отъ лѣса, помчалась домой, разбросавъ по ямамъ и рытвинамъ все, что еще оставалось до сихъ поръ въ телѣжкѣ.

Это было не отступленіе, а полное и самое позорное бѣгство, потому что оно сопровождалось не только потерею обоза, но и утратою всего здраваго смысла, причемъ мы, дѣти, были кинуты на произволъ судьбы.

Богъ знаетъ, что̀ намъ довелось бы испытать въ нашемъ безпомощномъ сиротствѣ, которое было тѣмъ опаснѣе, что мы одни дороги домой найти не могли и наша обувь, состоявшая изъ мягкихъ козловыхъ башмачковъ на тонкой рантовой подшивкѣ, не представляла удобства для перехода въ четыре версты по сырымъ тропинкамъ, на которыхъ еще во многихъ мѣстахъ стояли холодныя лужи. Въ довершеніе бѣды, прежде чѣмъ мы съ братомъ успѣли себѣ представить вполнѣ весь ужасъ нашего положенія, по лѣсу что-то зарокотало, и потомъ съ противоположной стороны

отъ ручья на насъ дунуло и потянуло холодной влагой.

Мы поглядѣли за лощину и увидали, что съ той стороны, куда лежитъ нашъ путь и куда позорно бѣжала наша свита, неслась по небу огромная дождевая туча съ весеннимъ дождемъ и съ первымъ весеннимъ громомъ, при которомъ молодыя дѣвушки умываются съ серебряной ложечки, чтобы самимъ стать бѣлѣй серебра.

Видя себя въ такомъ отчаянномъ положеніи, я готовъ былъ расплакаться, а мой маленькій братъ уже плакалъ. Онъ весь посинѣлъ и дрожалъ отъ страха и холода и, склонясь головою подъ кустикъ, жарко молился Богу.

Богъ, кажется, внялъ его дѣтской мольбѣ, и намъ было послано невидимое спасеніе. Въ ту самую минуту, когда прогремѣлъ громъ и мы теряли послѣднее мужество, въ лѣсу за кустами послышался трескъ и изъ-за густыхъ вѣтвей рослаго орѣшника выглянуло широкое лицо незнакомаго намъ мужика. Лицо это показалось намъ до такой степени страшнымъ, что мы вскрикнули и стремглавъ бросились бѣжать къ ручью.

Не помня себя, мы перебѣжали лощину, кувыркомъ слетѣли съ мокраго, осыпавшагося бережка и прямо очутились по-поясъ въ мутной водѣ, между тѣмъ какъ ноги наши до колѣнъ увязли въ тинѣ.

Бѣжать дальше не было никакой возможности. Ручей дальше былъ слишкомъ глубокъ для нашего маленькаго роста, и мы не могли надѣяться перейти черезъ него, а притомъ по его струямъ теперь страшно сверкали зигзаги молніи — они трепетали и вились какъ огненные змѣи и точно прятались въ прошлогоднихъ оставшихся водоросляхъ.

Очутясь въ водѣ, мы схватили другъ друга за руки и стали въ оцѣпенѣніи, а сверху на насъ уже падали тяжелыя капли полившаго дождя. Но это оцѣпенѣніе и сохранило насъ отъ большой опасности, которой мы никакъ бы не избѣжали, если бы сдѣлали еще хотя одинъ шагъ далѣе въ воду.

Мы легко могли поскользнуться и упасть, но, къ счастію, насъ обвили двѣ черныя, жилистыя руки — и тотъ самый мужикъ, который выглянулъ на насъ страшно изъ орѣшника, ласково проговорилъ:

— Эхъ, вы, глупые ребятки, куда залѣзли!

И съ этимъ онъ взялъ и понесъ насъ черезъ ручей.

Выйдя на другой берегъ, онъ опустилъ насъ на землю, снялъ съ себя коротенькую свитку, которая была у него застегнута у вòрота круглою мѣдною пуговкою, и обтеръ этою свиткою наши мокрыя ноги.

Мы на него смотрѣли въ это время совершенно потерянно и чувствовали себя вполнѣ въ его власти, но чудное дѣло—черты его лица въ нашихъ глазахъ быстро измѣнялись. Въ нихъ мы уже не только не видѣли ничего страшнаго, но, напротивъ, лицо его намъ казалось очень добрымъ и пріятнымъ.

Это былъ мужикъ плотный, коренастый, съ просѣдью въ головѣ и въ усахъ,—борода комкомъ и тоже съ просѣдью, глаза живые, быстрые и серьезные, но въ устахъ что-то близкое къ улыбкѣ.

Снявъ съ нашихъ ногъ, насколько могъ, грязь и тину полою своей свитки, онъ даже совсѣмъ улыбнулся и опять заговорилъ:

— Вы того... ничего... не пужайтесь...

Съ этимъ онъ оглянулся по сторонамъ и продолжалъ:

— Ничего; сейчасъ большой дождь пойдетъ! (Онъ уже шелъ и тогда).—Вамъ, ребятишки, пѣшкомъ не дойти.

Мы въ отвѣтъ ему только молча плакали.

— Ничего, ничего, не голосите, я васъ донесу на себѣ!— заговорилъ онъ и утеръ своею ладонью заплаканное лицо брата, отчего у того сейчасъ же показались на лицѣ грязныя полосы.

— Вонъ ишь, какія мужичьи руки-то грязныя, сказалъ нашъ избавитель и провелъ еще разъ по лицу брата ладонью въ другую сторону,—отчего грязь не убавилась, а только получила растушовку въ другую сторону.

— Вамъ не дойти... Я васъ поведу, да не дойти, и въ грязи черевички *) спадутъ.

— Умѣете ли верхомъ ѣздить? заговорилъ снова мужикъ.

Я взялъ смѣлость проронить слово и отвѣтилъ:

— Умѣю.

— А умѣешь, то и ладно! молвилъ онъ и въ одно мгновеніе вскинулъ меня на одно плечо, а брата—на другое, велѣлъ намъ взяться другъ съ другомъ руками за его затылкомъ, а самъ покрылъ насъ своею свиткою, прижалъ къ себѣ наши колѣна и понесъ насъ, скоро и широко шагая по грязи, которая быстро растворялась и чавкала подъ его твердо ступавшими ногами, обутыми въ большіе лапти.

Мы сидѣли на его плечахъ, покрытые его свитою. Это, должно-быть, выходила пребольшая фигура, но намъ было удобно: свита замокла отъ ливня и залубенѣла такъ, что намъ подъ нею и сухо, и тепло было. Мы покачивались на плечахъ нашего носильщика какъ на верблюдѣ и скоро впали въ какое-то каталептическое состояніе, а пришли въ себя у родника, на своей усадьбѣ. Для меня лично это былъ настоящій глубокій сонъ, изъ котораго пробужденіе наступало не разомъ. Я помню, что насъ разворачивалъ изъ свиты этотъ самый мужикъ, котораго теперь окружали всѣ наши Аннушки, и всѣ онѣ вырывали насъ у него изъ рукъ и при этомъ самого его за что-то немилосердно бранили, и свитку его, въ которой мы были имъ такъ хорошо сбережены, бросили ему съ величайшимъ презрѣніемъ на землю. Кромѣ того, ему еще угрожали пріѣздомъ моего отца и тѣмъ, что онѣ сейчасъ сбѣгаютъ на деревню, позовутъ съ цѣпами бабъ и мужиковъ и пустятъ на него собакъ.

Я рѣшительно не понималъ причины такой жестокой несправедливости, и это было неудивительно, потому что дома у насъ, во всемъ господствовавшемъ теперь временномъ правленіи, былъ образованъ заговоръ, чтобы намъ ничего не открывать о томъ, кто былъ этотъ человѣкъ, которому мы были обязаны своимъ спасеніемъ.

*) *Башмаки*—по-орловски *черевички*.

— Ничѣмъ вы ему не обязаны, говорили намъ наши охранительницы,—а, напротивъ, это онъ-то все и надѣлалъ.

По этимъ словамъ я тотчасъ же догадался, что насъ спасъ никто иной, какъ самъ *Селиванъ!*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Оно такъ и было. На другой день, въ виду возвращенія родителей, намъ это открыли и взяли съ насъ клятву, чтобы мы ни за что не говорили отцу и матери о происшедшей съ нами исторіи.

Въ тѣ времена, когда водились крѣпостные люди, иногда случалось, что помѣщичьи дѣти питали къ крѣпостной прислугѣ самыя нѣжныя чувства и крѣпко хранили ихъ тайны. Такъ было и у насъ. Мы даже покрывали, какъ умѣли, грѣхи и проступки «своихъ людей» передъ родителями. Такія отношенія упоминаются во многихъ произведеніяхъ, гдѣ описывается помѣщичій бытъ того времени. Что до меня, то мнѣ наша дѣтская дружба съ нашими бывшими крѣпостными до сихъ поръ составляетъ самое пріятное и самое теплое воспоминаніе. Черезъ нихъ мы знали всѣ нужды и всѣ заботы бѣдной жизни ихъ родныхъ и друзей на деревнѣ и учились *жалѣть народъ.* Но этотъ добрый народъ, къ сожалѣнію, самъ не всегда былъ справедливъ и иногда былъ способенъ для очень неважныхъ причинъ бросить на ближняго темную тѣнь, не заботясь о томъ, какое это можетъ имѣть вредное вліяніе. Такъ поступалъ «народъ» и съ Селиваномъ, объ истинномъ характерѣ и правилахъ котораго не хотѣли знать ничего основательнаго, но смѣло, не боясь погрѣшить передъ справедливостію, распространяли о немъ слухи, сдѣлавшіе его для всѣхъ *пугаломъ.* И, къ удивленію, все, что о немъ говорили, не только казалось вѣроятнымъ, но даже имѣло какіе-то видимые признаки, по которымъ приходилось думать, что Селиванъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ дурной и что

вблизи его уединеннаго жилища происходятъ страшныя злодѣйства.

То же самое произошло и теперь, когда насъ бранили тѣ, на которыхъ состояла обязанность охранять насъ: они не только взвалили всю вину на Селивана, который спасъ насъ отъ непогоды, но даже взвели на него новую напасть. Аполлинарій и всѣ Аннушки разсказали намъ, что когда Аполлинарій замѣтилъ въ лѣсу хорошенькій холмъ, съ котораго ему казалось удобно декламировать,—онъ побѣжалъ къ этому холму черезъ лощинку, засыпанную прошлогоднимъ увядшимъ древеснымъ листомъ, но здѣсь споткнулся на что-то мягкое. Это «мягкое» повернулось подъ ногами Аполлинарія и заставило его упасть, а когда онъ сталъ вставать, то увидалъ, что это трупъ молодой крестьянской женщины. Онъ разсмотрѣлъ, что трупъ былъ въ чистомъ бѣломъ сарафанѣ, съ краснымъ шитьемъ, и... съ перерѣзаннымъ горломъ, изъ котораго лилась кровь...

Отъ такой ужасной неожиданности, конечно, можно было и перепугаться, и закричать,—какъ онъ и сдѣлалъ; но вотъ что́ было непонятно и удивительно: Аполлинарій, какъ я разсказываю, былъ отъ всѣхъ другихъ въ отдаленіи, и одинъ споткнулся о трупъ убитой, но всѣ Аннушки и Роськи клялись и божились, что онѣ тоже *видѣли* убитую...

— Иначе, говорили онѣ,—мы развѣ бы такъ испугались?

И я о сю пору увѣренъ, что онѣ не лгали, что онѣ были глубоко увѣрены въ томъ, что видѣли въ Селивановомъ лѣсу убитую бабу, въ чистомъ крестьянскомъ уборѣ, съ краснымъ шитьемъ и съ перерѣзаннымъ горломъ, изъ котораго струилась кровь... Какъ это могло случиться?

Такъ какъ я пишу не вымыселъ, а то, что дѣйствительно было, то долженъ здѣсь остановиться и примолвить, что случай этотъ такъ и остался навсегда необъяснимымъ въ домѣ нашемъ. Убитую и лежавшую, по словамъ Аполлинарія, подъ листомъ въ ямкѣ женщину не могъ видѣть никто, кромѣ Аполлинарія, ибо никого, кромѣ Аполлинарія, здѣсь не было. Между тѣмъ всѣ клялись, что всѣ видѣли, точно

эта мертвая баба въ одно мгновенье ока проявилась на всѣхъ мѣстахъ подъ глазами у каждаго. Кромѣ того, видѣлъ ли въ дѣйствительности такую женщину и Аполлинарій? Едва ли это было возможно, потому что дѣло это происходило въ самую росталь, когда еще и снѣгъ не вездѣ стаялъ. Древесный листъ лежалъ подъ снѣгомъ съ *осени*, а между тѣмъ Аполлинарій видѣлъ трупъ въ чистомъ бѣломъ уборѣ, съ шитьемъ, и кровь изъ раны еще струилась... Ничего такого въ этомъ видѣ положительнаго не могло быть, но между тѣмъ всѣ крестились и клялись, что видѣли бабу, какъ разъ такъ, какъ сказано. И всѣ послѣ боялись ночью спать, и всѣмъ страшно было, точно всѣ мы сдѣлали преступленіе. Вскорѣ и я получилъ убѣжденіе, что мы съ братомъ тоже видѣли зарѣзанную бабу. Тутъ у насъ началась всеобщая боязнь, окончившаяся тѣмъ, что все дѣло открылось родителямъ, а отецъ написалъ письмо исправнику—и тотъ пріѣзжалъ къ намъ съ предлинной саблей и всѣхъ разспрашивалъ по секрету въ отцовскомъ кабинетѣ. Аполлинарія исправникъ призывалъ даже два раза и во второй разъ дѣлалъ ему такое сильное внушеніе, что у того, когда онъ вышелъ, оба уха горѣли какъ въ огнѣ и изъ одного изъ нихъ даже шла кровь.

Это мы тоже *всѣ видѣли*.

Но какъ бы то ни было, мы нашими розсказнями причинили Селивану много горя: его обыскивали, осматривали весь его лѣсъ и самого его содержали долгое время подъ карауломъ, но ничего подозрительнаго у него не нашли и слѣдовъ видѣнной нами убитой женщины тоже никакихъ не оказалось. Селиванъ опять вернулся домой, но это ему не помогло въ общественномъ мнѣніи: всѣ съ этихъ поръ знали, что онъ несомнѣнный, хотя и неуловимый злодѣй, и не хотѣли имѣть съ нимъ ровно никакого дѣла. А меня, чтобы я не подвергался усиленному воздѣйствію поэтическаго элемента, отвезли въ «благородный пансіонъ», гдѣ я и началъ усвоивать себѣ общеобразовательныя науки, въ полной безмятежности, вплоть до приближенія рождествен-

скихъ праздниковъ, когда мнѣ настало время ѣхать домой опять непремѣнно мимо Селиванова двора и видѣть въ немъ собственными глазами большіе страхи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Дурная репутація Селивана давала мнѣ большой апломбъ между моими пансіонскими товарищами, съ которыми я дѣлился моими свѣдѣніями объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Изъ всѣхъ моихъ пансіонерскихъ сверстниковъ ни одинъ еще не переживалъ такихъ страшныхъ ощущеній, какими я могъ похвастаться, и теперь, когда мнѣ опять предстояло проѣхать мимо Селивана, — къ этому никто не отнесся безучастно и равнодушно. Напротивъ, большинство товарищей меня сожалѣли и прямо говорили, что они не хотѣли бы быть на моемъ мѣстѣ, а два или три смѣльчака мнѣ завидовали и хвалились, что они бы очень хотѣли встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Селиваномъ. Но двое изъ этихъ были записные хвастунишки, а третій могъ никого не бояться, потому что, по его словамъ, у его бабушки въ *старинномъ венецейскомъ кольцѣ былъ «таусинный камень»*, съ которымъ къ человѣку «никакая бѣда неприступна» *). У насъ же въ семьѣ такой драгоцѣнности не было, да и притомъ я долженъ былъ совершить мое рождественское путешествіе не на своихъ лошадяхъ, а съ тетушкою, которая какъ разъ передъ святками продала домъ въ Орлѣ и, получивъ за него тридцать тысячъ рублей, ѣхала къ намъ, чтобы тамъ въ нашихъ краяхъ купить давно приторгованное для нея моимъ отцомъ имѣніе.

Къ досадѣ моей, сборы тетушки цѣлые два дня задер-

---

*) «Таусинный камень» или «таусень» — свѣтлый сафиръ съ оттѣнкомъ *павлиньяго пера*, встарину считался спасительнымъ талисманомъ. У Грознаго былъ такой талисманъ тоже въ кольцѣ или, по-старинному, въ «напалкѣ». «Напалка золотная жуковиною (перстнемъ), а въ ней камень *таусень*, а въ томъ муть и какъ бы пузырина зрится».

живались какими-то важными дѣловыми обстоятельствами, и мы выѣхали изъ Орла какъ разъ утромъ въ рождественскій сочельникъ.

Ѣхали мы въ просторной, рогожной троечной кибиткѣ, съ кучеромъ Спиридономъ и молодымъ лакеемъ Бориской. Въ экипажѣ помѣщались тетушка, я, мой двоюродный братъ, маленькія кузины и няня—Любовь Тимоѳеевна.

На порядочныхъ лошадяхъ, при хорошей дорогѣ, до нашей деревеньки отъ Орла можно было доѣхать въ пять или шесть часовъ. Мы пріѣхали въ Кромы въ два часа и остановились у знакомаго купца, чтобы напиться чаю и покормить лошадей. Такая остановка у насъ была въ обычаѣ, да ее требовалъ и туалетъ моей маленькой кузины, которую еще пеленали.

Погода была хорошая, близкая почти къ оттепели; но пока мы кормили лошадей, стало слегка морозить и потомъ «закурило», т. е. помело по землѣ мелкимъ снѣжкомъ.

Тетушка была въ раздумьѣ: переждать ли это, или, напротивъ, поспѣшить, ѣхать скорѣе, чтобы успѣть добраться къ намъ домой ранѣе, чѣмъ можетъ разыграться непогода.

Проѣхать оставалось съ небольшимъ двадцать верстъ. Кучеръ и лакей, которымъ хотѣлось встрѣтить праздникъ съ родными и пріятелями, увѣряли, что мы успѣемъ доѣхать благополучно — лишь бы только не медлить и выѣзжать скорѣе.

Мои желанія и желанія тетушки тоже вполнѣ отвѣчали тому, чего хотѣли Спиридонъ и Бориска. Никто не хотѣлъ встрѣтить праздникъ въ чужомъ домѣ, въ Кромахъ. Притомъ же тетушка была недовѣрчива и мнительна, а съ нею теперь была такая значительная сумма денегъ, помѣщавшаяся въ краснаго дерева шкатулочкѣ, закрытой чехломъ изъ толстаго зеленаго фриза.

Ночевать съ такимъ денежнымъ богатствомъ въ чужомъ домѣ тетушкѣ казалось очень небезопаснымъ, и она рѣшилась послушаться совѣта нашихъ вѣрныхъ слугъ.

Съ небольшимъ въ три часа кибитка наша была запря-

жена и мы выѣхали изъ Кромъ по направленію къ раскольницкой деревнѣ Колчевѣ; но едва лишь переѣхали по льду черезъ рѣку Крому, какъ почувствовали, что намъ какъ бы вдругъ недостало воздуха, чтобы дышать полною грудью. Лошади бѣжали шибко, пофыркивали и мотали головами,—это составляло вѣрный признакъ, что и онѣ тоже испытывали недостатокъ воздуха. Между тѣмъ экипажъ несся особенно легко, точно его сзади подпихивали. Вѣтеръ былъ намъ взадъ и какъ бы гналъ насъ съ усиленною скоростію къ какой-то предначертанной межѣ. Скоро, однако, бойкій слѣдъ по пути сталъ «заикаться»; по дорогѣ пошли уже мягкіе снѣговые переносы, — они начали встрѣчаться все чаще и чаще, наконецъ, вскорѣ прежняго бойкаго слѣда сдѣлалось вовсе не видно.

Тетушка тревожно выглянула изъ возка, чтобы спросить кучера, вѣрно ли мы держимся дороги, и сейчасъ же откинулась назадъ, потому что ее обдало мелкою холодною пылью и, прежде чѣмъ мы успѣли дозваться къ себѣ людей съ козелъ, снѣгъ понесся густыми хлопьями, небо въ мгновеніе стемнѣло, и мы очутились во власти настоящей снѣговой бури.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ѣхать назадъ къ Кромамъ было такъ же опасно, какъ и ѣхать впередъ. Даже позади чуть ли не было болѣе опасности, потому что за нами осталась рѣка, на которой было подъ городомъ нѣсколько прорубей, и мы при мятели легко могли ихъ не разглядѣть и попасть подъ ледъ, а впереди до самой нашей деревеньки шла ровная степь и только на одной седьмой верстѣ — Селивановъ лѣсъ, который въ мятель не увеличивалъ опасности, потому что въ лѣсу должно быть даже тише. Притомъ въ глубь лѣса проѣзжей дороги не было, а она шла по опушкѣ. Лѣсъ намъ могъ быть только полезнымъ указаніемъ, что мы проѣхали половину дороги до дому и потому кучеръ Спиридонъ погналъ лошадей пошибче.

Дорога все становилась тяжелѣе и снѣжистѣе: прежняго веселаго стука подъ полозьями не было и помина, а, напротивъ, возокъ ползъ по рыхлому наносу и скоро началъ бочить то въ одну, то въ другую сторону.

Мы потеряли спокойное настроеніе духа и начали чаще освѣдомляться о нашемъ положеніи у лакея и у кучера, которые давали намъ отвѣты неопредѣленные и нетвердые. Они старались внушить намъ увѣренность въ нашей безопасности, но, очевидно, и сами такой увѣренности въ себѣ не чувствовали.

Черезъ полчаса скорой ѣзды, при которой кнутъ Спиридона все чаще и чаще щелкалъ по лошадкамъ, мы были обрадованы восклицаніемъ:

— Вотъ Селиванкинъ лѣсъ завиднѣлся.

— Далеко онъ? спросила тетушка.

— Нѣтъ, вотъ совсѣмъ до него доѣхали.

Это такъ и слѣдовало,—мы ѣхали отъ Кромъ уже около часа. но прошло еще добрыхъ полчаса, — мы все ѣдемъ и кнутъ хлещетъ по конямъ все чаще и чаще, а лѣса нѣтъ.

— Что же это такое? Гдѣ Селивановъ лѣсъ?

Съ козелъ ничего не отвѣчаютъ.

— Гдѣ же лѣсъ? переспрашиваетъ тетушка:—проѣхали мы его, что ли?

— Нѣтъ, еще не проѣзжали,—глухо, какъ бы изъ-подъ подушки, отвѣчаетъ Спиридонъ.

— Да что же это значитъ?

Молчаніе.

— Подите вы сюда! Остановитесь! Остановитесь!

Тетушка выглянула изъ-за фартука и изо всѣхъ силъ отчаянно крикнула: «остановитесь!» а сама упала назадъ въ возокъ, куда вмѣстѣ съ нею ввалилось цѣлое облако снѣжныхъ шапокъ, которыя, подчиняясь вліянію вѣтра, еще не сразу сѣли, а тряслись точно рѣющія мухи.

Кучеръ остановилъ лошадей, и прекрасно сдѣлалъ, потому что онѣ тяжело носили животами и шатались отъ

устали. Если бы имъ не дать въ эту минуту передышки, бѣдныя животныя, вѣроятно, упали бы.

— Гдѣ ты? спросила тетушка сошедшаго Бориса.

Онъ былъ на себя не похожъ. Передъ нами стоялъ не человѣкъ, а снѣжный столбъ. Воротникъ волчьей шубы у Бориса былъ поднятъ вверхъ и обвязанъ какимъ-то обрывкомъ. Все это пропушило снѣгомъ и слѣпило въ одну кучу.

Борисъ былъ не знатокъ дороги и робко отвѣчалъ, что мы, *кажется*, сбились.

— Позови сюда Спиридона.

Звать голосомъ было невозможно: мятель всѣмъ затыкала рты и только сама одна ревѣла и выла на просторѣ съ ужасающимъ ожесточеніемъ.

Бориска полѣзъ на козла, чтобы потянуть Спиридона рукою, но... ему на это потребовалось потратить очень много времени прежде, чѣмъ онъ сталъ снова у возка и объяснилъ:

— Спиридона нѣтъ на козлахъ!

— Какъ нѣтъ! гдѣ же онъ?

— Я не знаю. Вѣрно сошелъ поискать слѣда. Позвольте и я пойду.

— О Господи! Нѣтъ, не надо, — не ходи; а то вы оба пропадете, и мы всѣ замерзнемъ.

Услыхавъ это слово, я и мой кузенъ заплакали, но въ это же самое мгновеніе у возка рядомъ съ Борисушкой появился другой снѣговой столбъ, еще болѣе крупный и страшный.

Это былъ Спиридонъ, надѣвшій на себя запасной мочальный кулекъ, который стоялъ вокругъ его головы весь набитый снѣгомъ и обмерзлый.

— Гдѣ же ты видѣлъ лѣсъ, Спиридонъ?

— Видѣлъ, сударыня.

— Гдѣ же онъ теперь?

— И теперь видно.

Тетушка хотѣла посмотрѣть, но ничего не увидала, все было темно. Спиридонъ увѣрялъ, что это оттого, что она

«необсмотрѣмши»; но что онъ очень давно видитъ какъ лѣсъ чернѣетъ, но... только въ томъ бѣда, что къ нему подъѣзжаемъ, а онъ отъ насъ отъѣзжаетъ.

— Все это, воля ваша, Селивашка дѣлаетъ. Онъ насъ куда-то заводитъ.

Услыхавъ, что мы попали въ такую страшную пору въ руки злодѣя Селивашки, мы съ кузеномъ заплакали еще громче, но тетушка, которая была по рожденію деревенская барышня и потомъ полковая дама, она не такъ легко терялась, какъ городскія дамы, которымъ всякія невзгоды меньше знакомы. У тетушки были опытъ и сноровка, и они насъ спасли изъ положенія, которое, въ самомъ дѣлѣ, было очень опасно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Не знаю: вѣрила или не вѣрила тетушка въ злое волшебство Селивана, но она прекрасно сообразила, что теперь всего важнѣе для нашего спасенія, чтобы не выбились изъ силъ наши лошади. Если лошади изнурятся и станутъ, а морозъ закрѣпчаетъ, то всѣ мы непремѣнно погибнемъ. Насъ удушитъ буря и морозъ заморозитъ. Но если лошади сохранятъ силу для того, чтобы брести какъ-нибудь, шагъ за шагомъ, то можно питать надежду, что кони, идучи по вѣтру, сами выйдутъ какъ-нибудь на дорогу и привезутъ насъ къ какому-нибудь жилью. Пусть это будетъ хоть нетопленая избушка на курьихъ ножкахъ въ овражкѣ, но все же въ ней хоть не бьетъ такъ сердито вьюга и нѣтъ этого дерганья, которое ощущается при каждомъ усиліи лошадей переставить ихъ усталыя ноги... Тамъ бы можно было уснуть... Уснуть ужасно хотѣлось и мнѣ, и моему кузену. На этотъ счетъ изъ насъ счастлива была только одна маленькая, которая спала за теплою заячьей шубкой у няни, но намъ двумъ не давали засыпать. Тетушка знала, что страшно, потому что сонный скорѣе замерзнетъ. Положеніе наше съ каждой минутой становилось хуже, потому что лошади уже едва шли и сидѣвшіе

на козлахъ кучеръ и лакей начали отъ стужи застывать и говорить невнятнымъ языкомъ, а тетушка перестала обращать вниманіе на меня съ братомъ, и мы, прижавшись другъ къ другу, разомъ уснули. Мнѣ даже видѣлись веселые сны: лѣто, нашъ садъ, наши люди, Аполлинарій, и вдругъ все это перескочило къ поѣздкѣ за ландышами и къ Селивану, про котораго не то что-то слышу, не то только что-то припоминаю. Все спуталось... такъ что никакъ не разберу, что происходитъ во снѣ, что на яву. Чувствуется холодъ, слышится вой вѣтра и тяжелое хлопанье рогожки на крышкѣ возка, а прямо передъ глазами стоитъ Селиванъ, въ свиткѣ на одно плечо, а въ вытянутой къ намъ рукѣ держитъ фонарь... Видѣніе это, сонъ или картина фантазіи?

Но это былъ не сонъ, не фантазія, а судьбѣ, дѣйствительно, угодно было привести насъ въ эту страшную ночь въ страшный дворъ Селивана, и мы не могли искать себѣ спасенія нигдѣ въ иномъ мѣстѣ, потому что кругомъ не было вблизи никакого другого жилья. А между тѣмъ съ нами была еще тетушкина шкатулка, въ которой находилось тридцать тысячъ ея денегъ, составлявшихъ все ея состояніе. Какъ остановиться съ такимъ соблазнительнымъ богатствомъ у такого подозрительнаго человѣка, какъ Селиванъ?

Конечно, мы погибли! Впрочемъ, выборъ могъ быть только въ томъ, что̀ лучше,—замерзнуть ли на вьюгѣ, или пасть подъ ножемъ Селивана и его злыхъ сообщниковъ?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Какъ во время короткаго мгновенія, когда сверкнетъ молнія, глазъ, находившійся въ темнотѣ, вдругъ различаетъ разомъ множество предметовъ, такъ и при появленіи освѣтившаго насъ Селиванова фонаря я видѣлъ ужасъ всѣхъ лицъ нашего бѣдствующаго экипажа. Кучеръ и лакей чуть не повалились передъ нимъ на колѣна и остолбе-

нѣли въ наклонѣ, тетушка подалась назадъ, какъ будто хотѣла продавить спинку кибитки. Няня же припала лицомъ къ ребенку и вдругъ такъ сократилась, что сама сдѣлалась не больше ребенка.

Селиванъ стоялъ молча, но... въ его некрасивомъ лицѣ я не видалъ ни малѣйшей злости. Онъ теперь казался только сосредоточеннѣе, чѣмъ тогда, когда несъ меня на закоркахъ. Оглядѣвъ насъ, онъ тихо спросилъ;

— Отогрѣться что ли?..

Тетушка оправилась скорѣе другихъ и отвѣтила ему:

— Да, мы замерзаемъ... Спаси насъ!

— Пусть Богъ спасетъ! Въѣзжайте,—изба топлена.

И онъ сошелъ съ порога и сталъ свѣтить фонаремъ въ кибиткѣ.

Между прислугою, тетушкою и Селиваномъ перекидывались отдѣльныя коротенькія фразы, обнаружившія со стороны нашей недовѣріе къ хозяину и страхъ, а со стороны Селивана какую-то далеко скрытую мужичью иронію и, пожалуй, тоже своего рода недовѣріе.

Кучеръ спрашивалъ:—есть ли кормъ лошадямъ?

Селиванъ отвѣчалъ:—поищемъ.

Лакей Борисъ узнавалъ, есть ли другіе проѣзжіе?

— Взойдешь—увидишь, отвѣчалъ Селиванъ.

Няня проговорила: — да у тебя не страшно ли оставаться?

Селиванъ отвѣчалъ:

— Страшно, такъ не заходи.

Тетушка остановила ихъ, сказавши каждому какъ могла тише:

— Оставьте, не перекоряйтесь, — все равно это ничему не поможетъ. Дальше ѣхать нельзя. Останемся на волю Божью.

И между тѣмъ, пока шла эта перемолвка, мы очутились въ дощатомъ отдѣленіи, отгороженномъ отъ просторной избы. Впереди всѣхъ вошлатетушка, а за нею Борисъ внесъ ея шкатулку. Потомъ вошли мы съ кузеномъ и няня.

Шкатулку поставили на столъ, а на нее поставили жестяной оплывшій саломъ подсвѣчникъ съ небольшимъ огаркомъ, котораго могло достать на одинъ часъ, не больше.

Практическая сообразительность тетушки сейчасъ же обратилась къ этому предмету, т. е. къ свѣчкѣ.

— Прежде всего, сказала она Селивану, — принеси-ка мнѣ, батюшка, новую свѣчку.

— Вотъ свѣчка.

— Нѣтъ, ты дай новую, цѣлую!

— Новую, цѣлую? переспросилъ Селиванъ, опираясь одною рукою на столъ, а другой о шкутулку.

— Давай поскорѣй новую, цѣлую свѣчку.

— Зачѣмъ тебѣ цѣлую?

— Это не твое дѣло,—я не скоро спать лягу. Можетъ-быть буря пройдетъ—мы поѣдемъ.

— Буря не пройдетъ.

— Ну все равно, я тебѣ за свѣчку заплачу.

— Знамо заплатила-бъ, да нѣтъ у меня свѣчки.

— Поищи, батюшка!

— Что неположеннаго искать попусту!

Въ этотъ разговоръ вмѣшался неожиданно слабый-преслабый тонкій голосъ изъ-за перегородки.

— Нѣтъ у насъ, матушка, свѣчечки.

— Кто это говоритъ? спросила тетушка.

— Моя жена.

Лица тетки и няни немножко просіяли. — Близкое присутствіе женщины, казалось. имѣло что-то ободрительное.

— Что она больна, что ли?

— Больна.

— Чѣмъ?

— Хворостью.—Ложитесь, мнѣ огарокъ въ фонарь нуженъ. Надо лошадей ввесть.

И какъ съ Селиваномъ ни разговаривали, онъ настоялъ на своемъ: что огарокъ ему необходимъ да и только. Онъ обѣщалъ принести его снова,—но пока взялъ его и вышелъ.

Исполнилъ ли Селиванъ свое обѣщаніе принести назадъ

огарокъ,—этого я уже не видѣлъ, потому что мы съ кузеномъ опять спали, но меня, однако, что-то тревожило. Сквозь сонъ я слышалъ иногда шушуканье тетушки съ няней и улавливалъ въ этомъ шопотѣ чаще всего слово «шкатулка».

Очевидно, няня и другіе наши люди знали, что въ этомъ ларцѣ сокрыты большія драгоцѣнности, и всѣ замѣтили, что шкатулка съ перваго же мгновенія остановила на себѣ алчное вниманіе нашего неблагонадежнаго хозяина.

Обладавшая большою житейскою опытностью тетушка моя видѣла явную необходимость подчиняться обстоятельствамъ, но зато тотчасъ же сдѣлала соотвѣтственныя опасному положенію распоряженія.

Чтобы Селиванъ не зарѣзалъ насъ, рѣшено было, чтобы никто не спалъ. Лошадей велѣно было выпрячь, но не снимать съ нихъ хомутовъ, и кучеру съ лакеемъ сидѣть обоимъ въ повозкѣ: они не должны были разъединяться, потому что по одиночкѣ Селиванъ ихъ перебьетъ и мы тогда останемся безпомощны. Тогда онъ убьетъ, конечно, и насъ, и всѣхъ насъ зароетъ подъ поломъ, гдѣ зарыто уже и безъ того множество жертвъ его лютости. Въ избѣ съ нами кучеръ и лакей не могли быть оставлены, потому что тогда Селиванъ обрѣжетъ гужи въ коренномъ хомутѣ, чтобы нельзя было запрячь лошадей, или совсѣмъ сдастъ всю тройку своимъ товарищамъ, которые у него пока гдѣ-то припрятаны. Въ такомъ случаѣ намъ не на чемъ будетъ и спасаться, между тѣмъ какъ очень можетъ статься, что мятель скоро уляжется, и тогда кучеръ станетъ запрягать, а Борисъ стукнетъ три раза въ стѣнку и мы всѣ бросимся на дворъ, сядемъ и уѣдемъ. Для того, чтобы быть постоянно наготовѣ, и изъ насъ никто не раздѣвался.

Не знаю, долго ли или коротко шло время для прочихъ, но для насъ, двухъ спящихъ мальчиковъ, оно пролетѣло какъ одно мгновенье, которое вдругъ завершилось ужаснѣйшимъ пробужденіемъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я проснулся оттого, что мнѣ стало невыносимо тяжело дышать. Открывъ глаза, я не увидалъ ничего ровно, потому что вокругъ меня было темно, но только въ отдаленіи что-то какъ-будто сѣрѣло: это обозначалось окно. Но зато, какъ при свѣтѣ Селиванова фонаря я разомъ увидалъ лица всѣхъ бывшихъ на той ужасной сценѣ людей, такъ теперь я въ одно мгновенье вспомнилъ все — кто я, гдѣ я, зачѣмъ я здѣсь, кто есть у меня милые и дорогіе въ отцовскомъ домѣ, — и мнѣ стало всего и всѣхъ жалко, и больно, и страшно, и мнѣ хотѣлось закричать, но это-то и было невозможно. Мои уста были зажаты плотно человѣческою рукою, а на ухо трепетный голосъ шепталъ мнѣ:

— Ни звука, молчи, ни звука! Мы погибли,—къ намъ ломятся.

Я узналъ теткинъ голосъ и пожалъ ея руку въ знакъ того, что я понимаю ея требованіе.

За дверями, которыя выходили въ сѣни, слышался шорохъ... кто-то тихо переступалъ съ ноги на ногу и водилъ по стѣнѣ руками... Очевидно, этотъ злодѣй искалъ, но никакъ не могъ найти двери...

Тетушка прижала насъ къ себѣ и прошептала, что Богъ намъ еще можетъ помочь, потому что въ дверяхъ ею устроено укрѣпленіе. Но въ это же самое мгновеніе, можетъ быть, именно потому, что мы выдали себя своимъ шопотомъ и дрожью, за тесовой перегородкой, гдѣ была изба и откуда при разговорѣ о свѣчкѣ отзывалась жена Селивана, кто-то выбѣжалъ и сцѣпился съ тѣмъ, кто тихо подкрадывался къ нашей двери, и они вдвоемъ начали ломиться; дверь затрещала, и къ нашимъ ногамъ полетѣли столъ, скамья и чемоданы, которыми заставилась тетушка, а въ самой распахнувшейся двери появилось лицо Борисушки, за шею котораго держались могучія руки Селивана...

Увидавъ это, тетушка закричала на Селивана и бросилась къ Борису.

— Матушка! Богъ спасъ,—хрипѣлъ Борисъ.

Селиванъ принялъ свои руки и стоялъ.

— Скорѣе, скорѣй вонъ отсюда! заговорила тетушка.— Гдѣ наши лошади?

— Лошади у крыльца, матушка, я только хотѣлъ васъ вызвать... А этотъ разбойникъ... Богъ спасъ, матушка!—лепеталъ скороговоркою Борисъ, хватая за руки меня и моего кузена и забирая по дорогѣ все, что попало. Всѣ врозь бросились въ двери, вскочили въ повозку и понеслись вскачь, сколько было конской мочи. Селиванъ, казалось, былъ жестоко переконфуженъ и смотрѣлъ намъ вслѣдъ. Онъ, очевидно, зналъ, что это не можетъ пройти безъ послѣдствій.

На дворѣ теперь свѣтало, и передъ нами на востокѣ горѣла красная, морозная рождественская заря.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Мы доѣхали до дому не болѣе какъ въ полчаса, во все время безумолчно толкуя о пережитыхъ нами страхахъ. Тетушка, няня, кучеръ и Борисъ всѣ перебивали другъ друга и безпрестанно крестились, благодаря Бога за наше удивительное спасеніе. Тетушка говорила, что она не спала всю ночь, потому что ей безпрестанно слышалось, какъ кто-то нѣсколько разъ подходилъ, пробовалъ отворить двери. Это и понудило ее загромоздить входъ всѣмъ, что попалось подъ ея руки. Она тоже слышала какой-то подозрительный шопотъ за перегородкою у Селивана, и ей казалось, что онъ не разъ тихонько отворялъ свою дверь, выходилъ въ сѣни и тихонько пробовалъ за скобку нашей двери. Все это слышала и няня, хотя она, по ея словамъ, минутами засыпала. Кучеръ и Борисъ видѣли болѣе всѣхъ. Боясь за лошадей, кучеръ не отходилъ отъ нихъ ни на минуту, но Борисушка не разъ подходилъ къ нашимъ дверямъ и всякій разъ, какъ подходилъ онъ,—сію же минуту

появлялся изъ своихъ дверей и Селиванъ. Когда буря передъ разсвѣтомъ утихла, кучеръ и Борисъ тихонько запрягли лошадей и тихонько же выѣхали, сами отперевъ ворота; но когда Борисъ также тихо подошелъ опять къ нашей двери, чтобы насъ вывесть, тутъ Селиванъ увидалъ, что добыча уходитъ у него изъ рукъ, бросился на Бориса и началъ его душить. Слава Богу, конечно, что это ему не удалось и онъ теперь уже не отдѣлается одними подозрѣніями, какъ отдѣлывался до сихъ поръ: его злыя намѣренія были слишкомъ ясны и слишкомъ очевидны, и все это происходило не съ глазу на глазъ съ какимъ-нибудь однимъ человѣкомъ, а при шести свидѣтеляхъ, изъ которыхъ тетушка одна стоила по своему значенію нѣсколькихъ, потому что она слыла во всемъ городѣ умницею и къ ней, несмотря на ея среднее состояніе, заѣзжалъ съ визитами губернаторъ, а нашъ тогдашній исправникъ былъ ей обязанъ устройствомъ своего семейнаго благополучія. По одному ея слову, онъ, разумѣется, сейчасъ же возьмется разслѣдовать дѣло по горячимъ слѣдамъ, и Селивану не миновать петли, которую онъ думалъ накинуть на наши шеи.

Сами обстоятельства, казалось, слагались такъ, что все собиралось къ немедленному отмщенію за насъ Селивану и къ наказанію его за звѣрское покушеніе на нашу жизнь и имущество.

Подъѣзжая къ своему дому, за родникомъ на горѣ, мы встрѣтили верхового парня, который, завидѣвъ насъ, чрезвычайно обрадовался, заболталъ ногами по бокамъ лошади, на которой ѣхалъ, и, снявъ издали шапку, подскакалъ къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и началъ рапортовать тетушкѣ, какое мы причинили дома всѣмъ безпокойство.

Оказалось, что отецъ, мать и всѣ домашніе тоже не спали. Насъ непремѣнно ждали, и съ тѣхъ поръ, какъ вечеромъ начала разыгрываться мятель, всѣ были въ большой тревогѣ—не сбились ли мы съ дороги или не случилось ли съ нами какое-нибудь другое несчастье: могла сломаться въ ухабѣ оглобля,—могли напасть волки... Отецъ

высылалъ навстрѣчу намъ нѣсколько человѣкъ верховыхъ людей съ фонарями, но буря рвала изъ рукъ и гасила фонари, да и ни люди, ни лошади никакъ не могли отбиться отъ дома. Топочется человѣкъ очень долго, — все ему кажется, будто онъ ѣдетъ противъ бури, и вдругъ остановка и лошадь ни съ мѣста далѣе. Сѣдокъ ее понуждаетъ, хотя и самъ едва дышитъ отъ задухи, но конь не идетъ... Вершникъ слѣзетъ, чтобы взять за поводъ и провести оробѣвшее животное, и вдругъ, къ удивленію своему, открываетъ, что лошадь его стоитъ, упершись лбомъ въ стѣну конюшни или сарая... Только одинъ изъ развѣдчиковъ уѣхалъ немножко далѣе и имѣлъ настоящую дорожную встрѣчу: это былъ шорникъ Прохоръ. Ему дали выносную форейторскую лошадь, которая закусывала между зубами удила, такъ что желѣзо до губъ ея не дотрогивалось, и ей черезъ то становились нечувствительны никакія удержки. Она и понесла Прохора въ самый адъ мятели, и скакала долго, брыкая задомъ и загибая голову къ переднимъ колѣнамъ, пока, наконецъ, при одномъ такомъ вольтѣ, шорникъ перелетѣлъ черезъ ея голову и всею своею фигурою ввалился въ какую-то странную кучу живыхъ людей, не оказавшихъ, впрочемъ, ему съ перваго раза никакого дружелюбія. Напротивъ, изъ нихъ кто-то тутъ же снабдилъ его тумакомъ въ голову, другой сдѣлалъ поправку въ спину, а третій сталъ мять ногами и приталкивать чѣмъ-то холоднымъ, металлическимъ и крайне неудобнымъ для ощущенія.

Прохоръ былъ малый не промахъ,—онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ особенными существами, и неистово закричалъ.

Испытываемый имъ ужасъ, вѣроятно, придалъ его голосу особенную силу, и онъ былъ немедленно услышанъ. Для спасенія его тутъ же, въ трехъ отъ него шагахъ, показалось «огненное свѣтеніе». Это былъ огонь, который выставили на окнѣ въ нашей кухнѣ, подъ стѣною которой пріютились исправникъ, его письмоводитель, разсыльный солдатъ и ямщикъ съ тройкою лошадей, увязшихъ въ сугробѣ.

Они тоже сбились съ дороги и, попавъ къ нашей кухнѣ, думали, что находятся гдѣ-то на лугу у сѣнного омета.

Ихъ откопали и просили кого на кухню, кого въ домъ, гдѣ исправникъ теперь и кушалъ чай, собираясь поспѣть къ своимъ въ городъ ранѣе, чѣмъ они проснутся и встревожатся его отсутствіемъ послѣ такой ненастной ночи.

— Вотъ это прекрасно, сказала тетушка: — исправникъ теперь всѣхъ нужнѣе.

— Да! онъ баринъ хватскій,—онъ Селивашкѣ задастъ!— подхватили люди, и мы понеслись вскачь и подкатили къ дому, когда исправникова тройка стояла еще у нашего крыльца.

Сейчасъ исправнику все разскажутъ и черезъ полчаса разбойникъ Селиванъ будетъ уже въ его рукахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Мой отецъ и исправникъ были поражены тѣмъ, что мы перенесли въ дорогѣ и особенно въ разбойничьемъ домѣ Селивана, который хотѣлъ насъ убить и воспользоваться нашими вещами и деньгами...

Кстати о деньгахъ. При упоминаніи о нихъ, тетушка сейчасъ же воскликнула:

— Ахъ, Боже мой! да гдѣ же моя шкатулка?

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же эта шкатулка и лежащія въ ней тысячи?

Представьте себѣ, что ея не было! Да, да, ея-то одной только и не было ни въ комнатахъ между внесенными вещами, ни въ повозкѣ, — словомъ нигдѣ... Шкатулка, очевидно, осталась тамъ и теперь —въ рукахъ Селивана... Или... можетъ-быть даже онъ ее еще ночью выкралъ. Ему вѣдь это было возможно; онъ, какъ хозяинъ, могъ знать всѣ щелки своего дрянного дома, и этихъ щелокъ у него навѣрно не мало... Могла у него быть и подъемная половица, и приставная дощечка въ перегородкѣ.

И едва только опытнымъ въ выслѣживаніи разбойничьихъ

дѣлъ исправникомъ было высказано послѣднее предположеніе о приставной дощечкѣ, которую Селиванъ могъ ночью тихонько отставить и черезъ нее утащить шкатулку, какъ тетушка закрыла руками лицо и упала въ кресло.

Боясь за свою шкатулку, она именно спрятала ее въ уголокъ подъ лавкою, которая приходилась къ перегородкѣ, отдѣляющей наше ночное помѣщеніе отъ той части избы, гдѣ оставался самъ Селиванъ съ его женою...

— Ну, вотъ оно и есть! воскликнулъ, радуясь вѣрности своихъ опытныхъ соображеній, исправникъ.—Вы сами ему подставили вашу шкатулку!.. но я все-таки удивляюсь, что ни вы, ни люди, никто ея не хватился, когда вамъ пришло время ѣхать.

— Да, Боже мой! мы были всѣ въ такомъ страхѣ! стонала тетушка.

— И это правда, правда; я вамъ вѣрю, говорилъ исправникъ, — вамъ было чего напугаться, но все-таки... такая большая сумма... такія хорошія деньги. Я сейчасъ скачу, скачу туда... Онъ вѣрно уже скрылся куда-нибудь, но онъ отъ меня не уйдетъ! Наше счастье, что всѣ знаютъ, что онъ воръ, и всѣ его не любятъ: его никто не станетъ скрывать... А впрочемъ,—теперь у него въ рукахъ есть деньги... онъ можетъ дѣлиться... Надо спѣшить... Народъ вѣдь шельма... Прощайте, я ѣду. А вы успокойтесь, примите капли... Я ихъ воровскую натуру знаю и увѣряю васъ, что онъ будетъ пойманъ.

И исправникъ опоясался своею саблею, какъ вдругъ въ передней послышалось между бывшими тамъ людьми необыкновенное движеніе и... черезъ порогъ въ залу, гдѣ всѣ мы находились, тяжело дыша, вошелъ Селиванъ съ тетушкиной шкатулкой въ рукахъ.

Всѣ вскочили съ мѣстъ и остановились какъ вкопанные...

— Укладочку забыли, возьмите, глухо произнесъ Селиванъ.

Болѣе онъ ничего не могъ говорить, потому что со-

всѣмъ задыхался отъ непомѣрно скорой ходьбы и, можетъ быть, отъ сильнаго внутренняго волненія.

Онъ поставилъ шкатулку на столъ, а самъ, никѣмъ непрошенный, сѣлъ на стулъ и опустилъ голову и руки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Шкатулка была въ полной цѣлости. Тетушка сняла съ шеи ключикъ, отперла ее и воскликнула:

— Все, все какъ было!

— Сохранно, тихо молвилъ Селиванъ.—Я все бёгъ за вами... хотѣлъ догнать... не сдужалъ... Простите, что сижу передъ вами... задохнулся.

Отецъ первый подошелъ къ нему, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

Селиванъ не трогался.

Тетушка вынула изъ шкатулки двѣ сотенныя бумажки и стала давать ихъ ему въ руки.

Селиванъ продолжалъ сидѣть и смотрѣть, словно ничего не понималъ.

— Возьми, что тебѣ даютъ, сказалъ исправникъ.

— За что?—не надо!

— За то, что ты честно сберегъ и принесъ забытыя у тебя деньги.

— А то какъ же? Развѣ надо не честно?

— Ну ты... хорошій человѣкъ... ты не подумалъ утаить чужое.

— Утаить чужое!.. Селиванъ покачалъ головою и добавилъ:—мнѣ не надо чужого.

— Но вѣдь ты бѣденъ,—возьми это себѣ на поправку! ласкала его тетушка.

— Возьми, возьми, убѣждалъ его мой отецъ. — Ты имѣешь на это право.

— Какое право?

Ему сказали про законъ, по которому всякій, кто найдетъ и возвратитъ потерянное, имѣетъ право на третью часть находки.

— Что такой за законъ, отвѣчалъ онъ, снова отстраняя отъ себя тетушкину руку съ бумажками. — Чужою бѣдою не разживешься... Не надо!—прощайте!

И онъ всталъ съ мѣста, чтобы идти назадъ къ своему опороченному дворишку, но отецъ его не пустилъ: онъ взялъ его къ себѣ въ кабинетъ и заперся тамъ съ нимъ на ключъ, а потомъ черезъ часъ велѣлъ запрячь сани и отвезти его домой.

Черезъ день объ этомъ происшествіи знали въ городѣ и въ округѣ, а черезъ два дня отецъ съ тетушкою поѣхали въ Кромы и, остановясь у Селивана, пили въ его избѣ чай и оставили его женѣ теплую шубу. На обратномъ пути они опять заѣхали къ нему и еще привезли ему подарковъ: чаю, сахару и муки.

Онъ бралъ все вѣжливо, но неохотно, и говорилъ:

— На что? Ко мнѣ теперь, вотъ уже три дня, все стали люди заѣзжать... пошелъ доходъ... щи варили... Насъ не боятся, какъ прежде боялись.

Когда меня повезли послѣ праздниковъ въ пансіонъ, со мною опять была къ Селивану посылка, и я пилъ у него чай и все смотрѣлъ ему въ лицо и думалъ:

«Какое у него прекрасное, доброе лицо! Отчего же онъ мнѣ и другимъ такъ долго казался *пугаломъ*?»

Эта мысль преслѣдовала меня и не оставляла въ покоѣ... Вѣдь это тотъ же самый человѣкъ, который всѣмъ представлялся такимъ страшнымъ, котораго всѣ считали колдуномъ и злодѣемъ. И такъ долго все выходило похоже на то, что онъ только тѣмъ и занятъ, что замышляетъ и устраиваетъ злодѣянія. Отчего же онъ вдругъ сталъ такъ хорошъ и пріятенъ?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Я былъ очень счастливъ въ своемъ дѣтствѣ въ томъ отношеніи, что первые уроки религіи мнѣ были даны превосходнымъ христіаниномъ. Это былъ орловскій священ-

никъ, Остромысленій,—хорошій другъ моего отца и другъ всѣхъ насъ, дѣтей, которыхъ онъ умѣлъ научить любить правду и милосердіе. Я не разсказывалъ товарищамъ ничего о томъ, что̀ произошло съ нами въ Рождественскую ночь у Селивана, потому что во всемъ этомъ не было никакой похвалы моей храбрости, а, напротивъ, надъ моимъ страхомъ можно было посмѣяться, но я открылъ всѣ мои приключенія и сомнѣнія отцу Ефиму.

Онъ меня поласкалъ рукою и сказалъ:

— Ты очень счастливъ; твоя душа въ день Рождества была—какъ ясли для Святого Младенца, который пришелъ на землю, чтобъ пострадать за несчастныхъ. Христосъ озарилъ для тебя тьму, которою окутывало твое воображеніе—пусторѣчіе темныхъ людей. Пугало было не Селиванъ, а вы сами, — ваша къ нему подозрительность, которая никому не позволяла видѣть его добрую совѣсть. Лицо его казалось вамъ темнымъ, потому что око ваше было темно. Наблюди это для того, чтобы въ другой разъ не быть такимъ же слѣпымъ.

Это былъ совѣтъ умный и прекрасный. Въ дальнѣйшіе годы моей жизни я сблизился съ Селиваномъ и имѣлъ счастье видѣть, какъ онъ у всѣхъ сдѣлался человѣкомъ любимымъ и почетнымъ.

Въ новомъ имѣніи, которое купила тетушка, былъ хорошій постоялый дворъ на проѣзжемъ трактовомъ пунктѣ. Этотъ дворъ она и предложила Селивану на хорошихъ для него условіяхъ, и Селиванъ это принялъ и жилъ въ этомъ дворѣ до самой своей кончины. Тутъ сбылись мои давніе дѣтскіе сны: я не только близко познакомился съ Селиваномъ, но мы питали одинъ къ другому полное довѣріе и дружбу. Я видѣлъ, какъ измѣнилось къ лучшему его положеніе, — какъ у него въ домѣ водворилось спокойствіе и мало-по-малу заводился достатокъ; какъ вмѣсто прежнихъ хмурыхъ выраженій на лицахъ людей, встрѣчавшихъ Селивана, теперь всѣ смотрѣли на него съ удовольствіемъ. И дѣйствительно, вышло такъ, что какъ только просвѣтились

очи окружавшихъ Селивана, такъ сдѣлалось свѣтлымъ и его собственное лицо.

Изъ тетушкиныхъ людей, Селивана особенно не любилъ лакей Борисушка, котораго Селиванъ чуть не задушилъ въ ту памятную намъ Рождественскую ночь.

Надъ этой исторіей иногда подшучивали. Случай этой ночи объяснялся тѣмъ, что какъ у всѣхъ было подозрѣніе — не ограбилъ бы тетушку Селиванъ, такъ точно и Селиванъ имѣлъ сильное подозрѣніе: не завезли ли насъ кучеръ и лакей на его дворъ нарочно съ тѣмъ умысломъ, чтобы украсть здѣсь ночью тетушкины деньги и потомъ свалить все удобнѣйшимъ образомъ на подозрительнаго Селивана.

Недовѣріе и подозрительность съ одной стороны вызывали недовѣріе же и подозрѣнія — съ другой, — и всѣмъ казалось, что всѣ они — враги между собою и всѣ имѣютъ основаніе считать другъ друга людьми, склонными ко злу.

Такъ всегда зло родитъ другое зло и побѣждается только добромъ, которое, по слову Евангелія, дѣлаетъ око и сердце наше чистыми.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Остается досказать, отчего же, однако, съ тѣхъ поръ, какъ Селиванъ ушелъ отъ калачника, онъ сталъ угрюмъ и скрытенъ? Кто тогда его огорчилъ и оттолкнулъ?

Отецъ мой, будучи расположенъ къ этому доброму человѣку, все-таки думалъ, что у него есть какая-то *тайна*, которую Селиванъ упорно скрываетъ.

Это такъ и было, но Селиванъ открылъ свою тайну одной только тетушкѣ моей и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ ея имѣніи и послѣ того, когда у Селивана умерла его всегда болѣвшая жена.

Когда я разъ пріѣхалъ къ тетушкѣ, бывши уже юношею, и мы стали вспоминать о Селиванѣ, который и самъ не-

задолго передъ тѣмъ умеръ, то тетушка разсказала мнѣ его тайну.

Дѣло заключалось въ томъ, что Селиванъ, по нѣжной добротѣ своего сердца, былъ тронутъ горестной судьбою безпомощной дочери умершаго въ ихъ городѣ отставного палача. Дѣвочку эту никто не хотѣлъ пріютить, какъ дитя человѣка презрѣннаго. Селиванъ былъ бѣденъ и притомъ онъ не могъ рѣшиться держать у себя палачеву дочку въ городкѣ, гдѣ ее и его всѣ знали. Онъ долженъ былъ скрывать отъ всѣхъ ея происхожденіе, въ которомъ она была неповинна. Иначе она не избѣжала бы тяжкихъ попрековъ отъ людей, неспособныхъ быть милостивыми и справедливыми. Селиванъ скрывалъ ее потому, что постоянно боялся, что ее узнаютъ и оскорбятъ, и эта скрытность и тревога сообщились всему его существу и отчасти на немъ отпечатлѣлись.

Такъ, каждый, кто называлъ Селивана «пугаломъ», въ гораздо бо́льшей мѣрѣ самъ былъ для него «пугаломъ».

ФИГУРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда я еще просвѣщался въ Кіевѣ и въ отдаленныхъ думахъ не имѣлъ заниматься писательствомъ, у меня завязалось одно знакомство съ бѣднымъ, но благороднымъ семействомъ, жившимъ въ маленькомъ собственномъ домикѣ въ самомъ отдаленномъ краю города, близъ упраздненнаго Кирилловскаго монастыря. Семейство состояло изъ двухъ пожилыхъ сестеръ, дѣвушекъ, и изъ третьей—старушки, ихъ тетки,—тоже дѣвушки. Жили онѣ скромно на очень маленькую пенсію и на доходъ отъ своихъ коровъ и отъ своего огорода. Въ гостяхъ у нихъ бывали только три человѣка: извѣстный русскій аболиціонистъ Дмитрій Петровичъ Журавскій, я и еще оригинальный, съ виду совсѣмъ похожій на крестьянина, человѣкъ, котораго фамилія была Вигура, но всѣ называли его «Фигура».

Объ немъ здѣсь и будетъ поминальная рѣчь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фигура или, по малороссійскому простому выговору, «Хвыгура» во время моего знакомства имѣлъ лѣтъ около шестидесяти, но обладалъ еще значительною силою и никогда не жаловался на нездоровье. Онъ имѣлъ огромный ростъ и атлетическое сложеніе: волосы у него были гу-

стые, коричневые, почти безъ просѣди, но усы «сивые». По собственному его выраженію, онъ «сививъ зъ морды— якъ песъ», т. е. сѣдѣлъ, начиная не съ головы, а съ усовъ—какъ сѣдѣютъ старыя собаки. Борода у него тоже была бы сѣдая, но онъ ее брилъ. Глаза у Фигуры были большіе, сѣрые съ поволокою, губы румяныя, цвѣтъ лица смуглый и загорѣлый. Взглядъ его имѣлъ выраженіе смѣлое, умное и съ оттѣнкомъ затаенной малороссійской ироніи.

Жилъ Фигура совершеннымъ, настоящимъ подгороднымъ мужикомъ, на предмѣстіи Куриневкѣ, «у своей господі», т. е. въ собственной усадьбѣ и при собственномъ хозяйствѣ, которое велъ въ сотрудничествѣ молодой и чрезвычайно красивой крестьянки Христи. Фигура все работалъ своими собственными руками и все содержалъ въ простомъ, но безукоризненномъ порядкѣ. Онъ самъ «копалъ огородъ», самъ его воздѣлывалъ и засѣвалъ овощами и самъ же вывозилъ эти овощи на Подолъ, на Житній базаръ, гдѣ становился со своею телѣгою въ ряду съ другими пріѣзжими мужиками и продавалъ свои огурцы, гарбузы (тыквы), дыни, капусту, бураки и рѣпку.

Торговалъ Фигура лучше другихъ потому, что его овощи всегда отличались лучшимъ достоинствомъ. Особенно славились его нѣжныя и сладкія тыквы, чрезвычайно большихъ размѣровъ, доходившія иногда до пуда вѣса.

Также и огурцы, и бураки, и капуста — все у Фигуры было самое рослое и самое лучшее.

Перекупки подольскаго Житняго базара знали, что «проть Хвыгуры вже не учкнешь»,—т. е. лучше его ни у кого не достанешь, — но онъ не любилъ продавать перекупкамъ «що-бъ людей не мордовали», а продавалъ прямо «людямъ», т. е. прямымъ потребителямъ.

Къ перекупамъ и перекупкамъ Фигура «мавъ зуба» (имѣлъ зубъ), и любилъ проникать хитрости этихъ людей и ихъ вышучивать. Какъ бывало перекупъ или перекупка

ни переодѣнутся, или кого ни подошлютъ къ возу съ подсыломъ, чтобы забрать товаръ у Фигуры, — онъ, бывало, это сейчасъ проникнетъ и на вопросъ «почемъ копа́» — отвѣчаетъ:

— По деньгамъ, але тыльки шкода що не для твоей милости.

Если же подсыльный станетъ увѣрять, что онъ простой человѣкъ и торгуетъ «для се́бѣ», то Фигура, не вынимая изъ губъ трубки, скажетъ ему:

— Эге! ну не юлы—бо не покуришь!—и больше не станетъ разговаривать.

Фигуру всѣ знали на базарѣ и знали, что онъ «якъ бы то не съ простыхъ людей, а тильки опростывся», но настоящаго его чина и званія и того—почему онъ такъ «опростывся»—не знали и узнать этого не добивались.

Я тоже долго этого не зналъ, а настоящаго его чина и теперь не знаю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Домикъ у Фигуры былъ обыкновенная малороссійская мазанка, раздѣленная, впрочемъ, на комнатку и кухню. Ѣлъ онъ пищу всегда растительную и молочную, но самую простую—крестьянскую, которую ему готовила вышеупомянутая замѣчательной красоты хохлушка Христя. Христя была «покрытка», т. е. дѣвушка, имѣвшая дитя. Дитя это была прехорошенькая дѣвочка по имени Катря. По сосѣдству думали, что она «хвыгурина дочка̀», но Фигура на это дѣлалъ гримасу и, пыхнувъ губами, отвѣчалъ:

— Такъ-то оно и есть що моя! Правда, що якъ Богъ мени давъ щасте, що-бъ ее кормить, то тимъ вона теперечки моя,—а кто ее на свитъ бидовать пустивъ, то я вже того добродія не знаю. Але якъ кто хоче — нехай такъ и ліче: якъ моя—то нехай моя,—мени все едино.

Но насчетъ Катри еще немножко сомнѣвались; а что

касается самой красавицы Христи, то ее уже считали за «дружину» Фигуры безъ всякихъ сомнѣній.

Фигура и къ этому тоже пребывалъ равнодушенъ, и если ему кто-нибудь Христей подшучивалъ, такъ онъ отвѣчалъ только:

— А вамъ хиба завидно?

Зато же и Фигура, и Христя, да и ни въ чемъ неповинная Катря несли епитимію: изъ нихъ трехъ никто не употреблялъ въ пищу ни мяса, ни рыбъ—словомъ ничего, имѣющаго сознаніе жизни.

Куриневскія жинки знали за что эта епитимія положена. Фигура же только усмѣхался и говорилъ:

— Дуры!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отношенія у Христи съ Фигурою были премилыя, но такія, что ничего ясно не раскрывали.

Христя держалась въ домѣ не какъ наймычка при хозяйкѣ, а какъ будто своя родная, живущая у родственника. Она «тягала воду» изъ колодца, мыла полы и хату мазала, и бѣлье стирала и шила себѣ, Катрѣ и Фигурѣ, но коровъ не доила, потому что коровы были «мощныя», и ихъ выдаивалъ самъ Фигура соотвѣтственными къ сему великомощными руками. Обѣдали они всѣ трое за однимъ столомъ, къ которому Христя «подносила» и «убирала». Чаю не пили вовсе, «бо це пуста повадка», а въ праздники пили сушеныя вишни или малину—и опять всѣ за однимъ столомъ. Гости у нихъ бывали только тѣ пожилыя барышни, Журавскій, да я. При насъ Христя «бигала и митусилась», т. е. хлопотала, и ее съ трудомъ можно было усадить на минуту; но когда гости вставали, чтобъ уходить, Христя быстро срывалась съ мѣста и неудержимо стремилась подавать всѣмъ верхнее платье и калоши. Гости сопротивлялись ея услугамъ, но она настаивала, и Фигура за нее заступался; онъ говорилъ гостямъ:

— Позвольте ей свою присягу исполнить.

Христя успокаивалась только тогда, когда гости позволяли ей себя «одѣть и обуть якъ слидъ по закону». Въ этомъ была «ея присяга»—ея служебное назначеніе, которому простодушная красавица оставалась преданною и вѣрной.

Въ разговорѣ между собою Фигура и Христя относились другъ къ другу въ разныхъ формахъ: Фигура говорилъ ей «ты» и называлъ ее Христино, или Христя, а она ему говорила «вы» и называла его по имени и отчеству. Дѣвочку Катрю оба они называли «дочкою», а она кликала Фигуру «татою», а Христю «мамой»... Катрѣ было девять лѣтъ, и она была вся въ мать—красавица.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Родственныхъ связей ни у Фигуры, ни у Христи никакихъ не было. Христя была «безродна сыротина», а у Фигуры (правильно Вигуры) хотя и были родственники, изъ которыхъ одинъ служилъ даже въ университетѣ профессоромъ,—но нашъ куриневскій Фигура съ этими Вигурами никакихъ сношеній не имѣлъ — «бо воны зъ панами знались», а это, по мнѣнію Фигуры, не то что нехорошо, а «якось—не до шмыги» (т. е. не идетъ ему).

— Богъ ихъ церковный знае: они вже може яки ассесоры, чи якись таки сяки совѣтники, а мы, якъ и зъ рыла бачите—изъ простыхъ свиней.

Въ основѣ же своего характера и всѣхъ поступковъ куриневскій Фигура былъ такая оригинальная личность, что даже снимаетъ всю нелѣпость съ пословицы, внушающей цѣнить человѣка битаго—дороже небитаго.

Вотъ одинъ его поступокъ, имѣвшій значеніе для всей его жизни, которая черезъ этотъ самый поступокъ и опредѣлилась. О немъ едва ли кто зналъ и едва ли знаетъ, а я объ этомъ слышалъ отъ самого Фигуры и перескажу, какъ помню.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Я жилъ въ Кіевѣ, въ очень многолюдномъ мѣстѣ, между двумя храмами — Михайловскимъ и Софійскимъ, — и тутъ еще стояли тогда двѣ деревянныя церкви. Въ праздники здѣсь было такъ много звона, что бывало трудно выдержать, а внизу по всѣмъ улицамъ, сходящимъ къ Крещатику, были кабаки и пивныя, а на площадкѣ балаганы и качели. Ото всего этого я спасался на такіе дни къ Фигурѣ. Тамъ была тишина и покой: играло на травкѣ красивое дитя, свѣтили добрыя женскія очи, и тихо разговаривалъ всегда разумный и всегда трезвый Фигура.

Разъ я ему и сталъ жаловаться на безпокойство, спозаранку начавшееся въ моемъ кварталѣ, а онъ отвѣчаетъ:

— И не говорите. Я самъ нашего русскаго празднованія съ дѣтства переносить не могу, и все до сихъ поръ боюсь: какъ бы какой бѣды не было. Бывало, насъ кадетами проводятъ подъ качели и еще говорятъ: «смотрите— это народное!» А мнѣ еще и тогда казалось: что тутъ хорошаго—хоть бы это и народное! У Исаіи пророка читается: «праздники ваши ненавидитъ душа Моя», — и я недаромъ имѣлъ предчувствіе, что со мною когда-нибудь въ этомъ разгулѣ дурное случится. Такъ и вышло, да только хорошо, что все дурное тогда для меня поворотилось на доброе.

— А можно узнать, что это такое было?

— Я думаю, что можно. Видите... это еще, когда вы у бабушки въ рукавѣ сидѣли,—тогда у насъ были двѣ арміи: одна называлась первая, а другая — вторая. Я служилъ подъ Сакеномъ... Вотъ тотъ самый Ерооеичъ, что и теперь еще все акаѳисты читаетъ *). Великій, Богъ съ нимъ, былъ богомолецъ, все на колѣняхъ молился, а то еще на полъ ляжетъ и лежитъ, и лежитъ долго, и куда ни идетъ, и что ни беретъ — все крестится. Ему тогда и многіе

*) Сакенъ тогда еще былъ живъ

другіе въ этомъ въ арміи старались подражать, и заискивали, чтобъ онъ ихъ видѣлъ... Которые умѣли—хорошо выходило... И мнѣ это разъ помогло такъ, что я за это до сихъ поръ пенсію получаю. Вотъ какимъ это было случаемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Полкъ нашъ стоялъ на югѣ, въ городѣ,—тутъ же былъ и штабъ сего Ероѳеича. И попало мнѣ идти въ караулъ къ погребамъ съ порохомъ, подъ самое Свѣтлое Воскресенье. Заступилъ я караулъ въ двѣнадцать часовъ дня въ чистую субботу и стоять мнѣ до двѣнадцати часовъ въ Воскресенье.

Со мною мои армейскіе солдаты, сорокъ два человѣка, и шесть объѣздныхъ казаковъ.

Сталъ надходить вечеръ, и мнѣ вдругъ начало дѣлаться чего-то очень грустно. Молодой человѣкъ былъ, и привязанности были семейныя. Родители еще были живы и сестра... но, самое главное, и драгоцѣннѣйшее мати... мати моя добродѣтельница!.. Чудесная у меня была мати,—предобрая и пренепорочная, — добромъ окрытая и въ добрѣ повитая... До того была милостива, что никого не могла огорчить, ни человѣка, ни животнаго,—даже ни мяса, ни рыбы не кушала изъ сожалѣнія къ животнымъ. Отецъ, бывало, споритъ: «Помилуй, скажи: сколько-жъ ихъ разродится? Дѣваться будетъ некуда». А она отвѣчаетъ: «Ну это еще когда-то будетъ, а я этихъ сама выкормила, такъ они мнѣ какъ родные. Я не могу своихъ родныхъ ѣсть». И у сосѣдей не ѣла: «этихъ, говорила, я живыхъ видѣла: они мнѣ знакомые, — не могу ѣсть своихъ знакомыхъ». А потомъ и незнакомыхъ не стала кушать. «Все равно, говоритъ, съ ними убійство сдѣлано». Священникъ ее уговаривалъ, что «это отъ Бога показано», и въ требникѣ на освященіе мясовъ молитву показывалъ, но ее не переспорилъ. «Ну, и хорошо, отвѣчала она: якъ вы прочитали, то вы и кушайте». Священникъ сказалъ отцу, что это все

дѣлаютъ какія-нибудь «поныряющія въ домы и прельщающія женища, всегда учащеся и николи же въ разумъ придти могущія». А мать говоритъ отцу: «Се пустое: я никакихъ поныряющихъ не знаю, а такъ просто противно мнѣ, чтобы одно другое поѣдало».

Я о моей матери никогда не могу воспоминать спокойно, — непремѣнно разстроюсь. Такъ случилось и тогда. Скучно по матери! Хожу-похожу, соломинку зубами со скуки кусаю и думаю: вотъ она теперь всѣхъ провожаетъ въ село, съ вечера на заутреню, а сама сиротокъ сберетъ, неодѣтыхъ, невычесаныхъ, — всѣхъ сама у печки перемоетъ, головенки имъ вычешетъ и чистыя рубахи надѣнетъ... Какъ съ ней радостно! Если бы я не дворянинъ былъ, я при ней бы и жилъ, и работалъ бы, а не въ караулѣ стоялъ. Что̀ мы такое караулимъ?.. Все для смертнаго бою... А, впрочемъ, что я такъ очень скучаю... — Стыдно!... Я вѣдь жалованье за службу получаю и чиновъ заслуживаю, а вонъ солдатъ — онъ совсѣмъ безнадежный человѣкъ, да еще бьютъ его безъ милосердія, — ему куда для сравненія тяжелѣе... а вѣдь живетъ же, терпитъ и не куксится... Бодрости себѣ надо поддать— все и пройдетъ. Что̀, думаю, самое лучшее можетъ человѣкъ сдѣлать, если ему самому тяжело? То, другое, третье приходитъ въ голову, и наконецъ опять самое ясное приходитъ отъ матери: она, бывало, говоритъ: «когда самому худо, тогда поспѣши къ тѣмъ, кому еще хуже, чѣмъ тебѣ»... Ну, вотъ, солдатамъ хуже, чѣмъ мнѣ...

«Давай, думаю, я чѣмъ-нибудь солдатъ бѣдныхъ обрадую! Угощу ихъ, что ли, чаемъ напою, — разговѣюсь съ ними на мои гроши!»

Понравилось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я позвалъ вѣстового, даю ему изъ своего кошелька денегъ и посылаю, чтобы купилъ четверть фунта чаю, да три фунта сахару, да копу крашенокъ (60 красныхъ яицъ),

да хлѣба шафраннаго на все, сколько останется. Прибавилъ бы еще болѣе, да у самого не было.

Вѣстовой сбѣгалъ и все принесъ, а я сѣлъ къ столику, колю и раскладываю по кусочкамъ сахаръ—и очень занялся тѣмъ: по скольку кусковъ на всѣхъ людей достанется

И хоть небольшая забота, а сейчасъ, какъ я этимъ занялся, такъ и скука у меня прошла, и я даже радостно сижу, да кусочки отсчитываю и думаю: простые люди — съ ними никто не нѣжничаетъ,—имъ и это участіе пріятно будетъ. Какъ услышу, что отпустный звонъ прозвонятъ, и люди изъ церкви пойдутъ, я поздороваюсь—скажу: «ребята! Христосъ воскресе!» и предложу имъ это мое угощеніе.

А стояли мы въ караулѣ за городомъ, какъ всегда пороховые погреба бываютъ вдалекѣ отъ жилья, а кордегардіей у насъ служили сѣни одного пустого погреба, въ которомъ въ эту пору пороху не было. Тутъ въ сѣняхъ и солдаты, и я,—часовые наружи, а казаки—трое съ солдатами, а трое въ разъѣздъ уѣхали.

Изъ города намъ, однако, звонъ слышенъ, и огни коекакъ мелькаютъ. Да и по часамъ я сообразилъ, что уже время церковной службы непремѣнно скоро кончиться, — скоро, должно быть, наступитъ пора поздравлять и потчивать. Я всталъ, чтобы обойти посты, и вдругъ слышу шумъ... дерутся... Я—туда, а мнѣ летитъ что-то подъ ноги, и въ ту же минуту я получаю пощечину... Что̀ вы смотрите? Да — настоящую пощечину и трахъ, — съ одного плеча эполета прочь!

— Что̀ такое?.. Кто меня бьетъ?

И главное дѣло — темно.

— Ребята! кричу,—братцы! Что̀ это дѣлается?

Солдаты узнали мой голосъ и отвѣчаютъ:

— Казаки, ваше благородіе, винища облопались!.. дерутся.

— Кто же это на меня бросился?

— И васъ, ваше благородіе, это казакъ по мордѣ уда-

рилъ. Вонъ онъ и есть — въ ногахъ лежитъ безъ памяти, а двухъ тамъ на погребицѣ вяжутъ. Рубиться хотѣли.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Все вдругъ въ головѣ у меня засуетилось и перепуталось. Тягчайшее оскорбленіе! Молодо-зелено, на все еще я тогда смотрѣлъ не своими глазами, а какъ задолбилъ, и разсужденіе тоже было не свое, а, чужое, вдолбленное, какъ принято. «*Тебя* ударили—такъ это безчестіе, а если *ты* побьешь на отместку — тогда ничего, — тогда это тебѣ честь»... Убить его, этого казака, я долженъ!.. зарубить его на мѣстѣ!.. А я не зарубилъ. Теперь куда же я годенъ? Я битый по щекѣ офицеръ. Все, значитъ, для меня кончено?.. Кинусь—заколю его! Непремѣнно надо заколоть! Онъ вѣдь у меня честь взялъ, онъ всю карьеру мою испортилъ. Убить! за это сейчасъ убить его! Судъ оправдаетъ или не оправдаетъ, но честь спасена будетъ.

А въ глубинѣ кто-то и говоритъ: «не убій!» Это я понялъ кто! — Это такъ Богъ говоритъ: на это у меня, въ душѣ моей, явилось удостовѣреніе. Такое, знаете, крѣпкое, несомнѣнное удостовѣреніе, что и доказывать не надо, и своротить нельзя. Богъ! Онъ вѣдь старше и выше самого Сакена. Сакенъ откомандуетъ, да когда-нибудь со звѣздой въ отставку выйдетъ, а Богъ-то вѣки-вѣковъ будетъ всей вселенной командовать! А если Онъ мнѣ не позволяетъ убить того, кто меня билъ, такъ что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать? Что̀ сдѣлать? Съ кѣмъ посовѣтуюсь?.. Всего лучше съ Тѣмъ, Кто самъ это вынесъ. Іисусъ Христосъ!.. Тебя Самого били?.. Тебя били, и Ты простилъ... а я что̀ предъ Тобою... я червь... гадость... ничтожество! Я хочу быть *Твой:* я простилъ! я *Твой*...

Вотъ только плакать хочется!.. плачу и плачу!

Люди думаютъ, что я это отъ обиды, а я уже, — понимаете... я уже совсѣмъ не отъ обиды...

Солдаты говорятъ:

— Мы его убьемъ!

— Что вы!.. Богъ съ вами!.. Нельзя человѣка убивать! Спрашиваю старшаго: куда его дѣли?

— Мы, говорятъ,—ему руки связали и въ погребъ его бросили.

— Развяжите его скорѣе и приведите сюда.

Пошли его развязать и вдругъ дверь изъ погреба наотмашь распахнулись, и этотъ казакъ летитъ на меня прямо, какъ по воздуху, и, точно снопъ, опять упалъ въ ноги и вопитъ:

— Ваше благородіе!.. я несчастный человѣкъ!..

— Конечно, говорю,—несчастный.

— Что̀ со мною сдѣлали!..

И плачетъ горестно такъ, что даже реветъ.

— Встань! говорю.

— Не могу встать, я еще въ изступленіи...

— Отчего ты въ изступленіи?

— Я непитущій, а меня напоили. . У меня дома жена молодая и дѣтки... и отцы старички старые... Что̀ я надѣлалъ!..

— Кто тебя упоилъ?

— Товарищи, ваше благородіе, — заставили за живыхъ и за мертвыхъ въ перезвонъ пить... Я непитущій!

И разсказалъ, что заѣхали они въ шинокъ, и стали его товарищи неволить — выпить для Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ самый первый звонъ, — чтобы всѣмъ живымъ и умершимъ «легонько взгадалося»,—одинъ товарищъ поднесъ ему чару, а другой—другую, а третью онъ уже самъ купилъ и другихъ потчивалъ, а дальше не помнитъ, что̀ ему пришло въ голову на меня броситься и ударить, и эполетъ сорвать.

Вотъ вамъ и приключеніе! Теперь валяется въ ногахъ, плачетъ, какъ дитя, и весь хмѣль сошелъ... Стонетъ:

— Дѣтки мои, голубятки мои!.. Старички мои жалостные!.. женка безсчастная!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Убивается бѣдняга, и люди всѣ на него смотрятъ, и— вижу и имъ тягостно, а мнѣ еще болѣе всѣхъ тяжело. А межъ тѣмъ какъ я немножко раздумался, сердце-то у меня ужъ назадъ пошло: разсуждать опять начинаю: ударь онъ меня наединѣ, я и минуты бы одной не колебался — сказалъ бы: «иди съ миромъ и впередъ такъ не дѣлай». Но вѣдь это все произошло при подначальныхъ людяхъ, которымъ я долженъ подавать первый примѣръ...

И вдругъ это слово опять меня спасительно уловляетъ... какой-такой намъ поданъ *первый примѣръ?* Я вѣдь не могу же это забыть... я вѣдь не могу же, чтобы Іисуса вспоминать, а при томъ ему совсѣмъ напротивъ надъ людьми дѣлать...

«Нѣтъ, думаю, этого нельзя: я спутался, — лучше я отстраню отъ себя это пока... хоть на-время, а скажу только то, что надо по правилу...»

Взялъ въ руки яйцо и хотѣлъ сказать: «Христосъ воскресъ!»—но чувствую, что вотъ вѣдь я уже и схитрилъ. Теперь я не Его,—я Ему ужъ чужой сталъ... Я этого не хочу... не желаю отъ Него увольняться. А зачѣмъ же я дѣлаю, какъ тѣ, кому съ Нимъ тяжело было... который говорилъ: «Господи, выйди отъ меня: я человѣкъ грѣшный!» Безъ Него-то, конечно, полегче... Безъ Него пожалуй со всѣми уживешься... ко всѣмъ поддѣлаешься...

А я этого не хочу! Не хочу, чтобы мнѣ легче было! Не хочу!

Я другое вспомнилъ... Я Его не попрошу уйти, а еще позову... Приди—ближе! и зачиталъ: «Христе, свѣте истинный, просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка, грядущаго въ миръ»...

Между солдатами вдругъ вниманіе... кто-то и повторилъ:

— «Всякаго человѣка!»

— Да, говорю,—«всякаго человѣка, грядущаго въ миръ»,

и такой смыслъ придаю, что Онъ просвѣщаетъ того, кто приходитъ отъ вражды къ *миру*. И еще сильнѣе голосомъ воззвалъ: «Да знаменуется на насъ, грѣшныхъ, свѣтъ Твоего лица!»

— «Да знаменуется!.. да знаменуется!» вразъ, однимъ дыханіемъ продохнули солдаты... Всѣ содрогнулись... всѣ всхлипываютъ... всѣ неприступный свѣтъ узрѣли и къ нему сунулись...

— Братцы! говорю:—будемъ молчать!

Вразъ всѣ поняли.

— Языкъ пусть намъ отсохнетъ, отвѣчаютъ:—ничего не скажемъ.

— Ну, я говорю:—значитъ Христосъ воскресъ! и поцѣловалъ перваго побившаго меня казака, а потомъ сталъ и съ другими цѣловаться. «Христосъ воскресъ!»—«Воистину воскресъ!»

И вправду обнимали мы другъ друга радостно. А казакъ все плакалъ и говорилъ: «я въ Іерусалимъ пойду Бога молить... священника упрошу, чтобы мнѣ питинью наложилъ».

— Богъ съ тобой, говорю:—еще лучше и въ Іерусалимъ не ходи, а только водки не пей.

— Нѣтъ, плачетъ:—я, ваше благородіе, и водки не буду пить, и пойду къ батюшкѣ...

— Ну, какъ знаешь.

Пришла смѣна, и мы возвратились, и я отрапортовалъ, что все было благополучно, и солдаты всѣ молчали; но случилось такъ, однако, что секретъ нашъ вышелъ наружу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

На третій день праздника призываетъ меня къ себѣ командиръ, запирается въ кабинетъ и говоритъ:

— Какъ это вы, смѣнившись послѣдній разъ съ караула, рапортовали, что у васъ все было благополучно, когда у васъ было ужасное происшествіе!

Я отвѣчаю:

— Точно такъ, господинъ полковникъ, происшествіе было нехорошее, но Богъ насъ вразумилъ, и все кончилось благополучно.

— Нижній чинъ оскорбилъ офицера и остается безъ наказанія... и вы это считаете благополучнымъ? Да у васъ что же—нѣтъ, что ли, ни субординаціи, ни благородной гордости?

— Господинъ полковникъ, говорю: казакъ былъ человѣкъ непьющій и обезумѣлъ, потому что его опоили.

— Пьянство—не оправданіе!

— Я, говорю:—не считаю за оправданіе,—пьянство пагуба, но я духу въ себѣ не нашелъ доносить, чтобы за меня безразсуднаго человѣка наказывали. Виноватъ, господинъ полковникъ, я простилъ.

— Вы не имѣли права прощать!

— Очень знаю, господинъ полковникъ, не могъ выдержать.

— Вы послѣ этого не можете болѣе оставаться на службѣ.

— Я готовъ выйти.

— Да; подавайте въ отставку.

— Слушаю-съ.

— Мнѣ васъ жалко,—но поступокъ вашъ есть непозволительный. Пеняйте на себя и на того, кто вамъ внушилъ такія правила.

Мнѣ стало отъ этихъ словъ грустно, и я попросилъ извиненія и сказалъ, что я пенять ни на кого не буду, а особенно на того, кто мнѣ внушилъ такія правила, потому что я взялъ себѣ эти правила изъ христіанскаго ученія.

Полковнику это ужасно не понравилось.

— Что̀, говоритъ:—вы мнѣ съ христіанствомъ!—вѣдь я не богатый купецъ и не барыня. Я ни на колокола не могу жертвовать, ни ковровъ вышивать не умѣю, а я съ васъ службу требую. Военный человѣкъ долженъ почерпать христіанскія правила изъ своей присяги, а если вы чего-нибудь не умѣли согласовать, такъ вы могли на все получить совѣтъ отъ священника. И вамъ должно быть очень стыдно,

что казакъ, который васъ прибилъ, лучше зналъ, что надо дѣлать: онъ явился и открылъ свою совѣсть священнику! Его это одно и спасло, а не ваше прощеніе. Дмитрій Ероѳеичъ простилъ его не для васъ, а для священника, а солдаты всѣ, которые были съ вами въ караулѣ, будутъ раскассированы. Вотъ чѣмъ ваше христіанство для нихъ кончилось. А вы сами пожалуйте къ Сакену; онъ самъ съ вами поговоритъ—ему и разсказывайте про христіанство: онъ церковное писаніе все равно, какъ военный уставъ, знаетъ. А всѣ, извините, о васъ того мнѣнія, что вы, извините, получивъ пощечину, изволили прощать единственно съ тѣмъ, чтобы это безчестіе вамъ не помѣшало на службѣ остаться... Нельзя! Ваши товарищи съ вами служить не желаютъ.

Это мнѣ, по тогдашней моей молодости, показалось жестоко и обидно.

— Слушаю-съ, говорю:—господинъ полковникъ, я пойду къ графу Сакену и доложу все, какъ дѣло было, и объясню, чему я подчинился—все доложу по совѣсти. Можетъ-быть, онъ иначе взглянетъ.

Командиръ рукой махнулъ.

— Говорите, что хотите, но знайте, что вамъ никто не поможетъ. Сакенъ церковные уставы знаетъ—это правда, но, однако, онъ все-таки пока еще исполняетъ военные. Онъ еще въ архіереи не постригся.

Тогда между военными ходили разные нелѣпые слухи о Сакенѣ: одни говорили, будто онъ имѣетъ видѣнія и знаетъ отъ ангела—когда надо начинать бой; другіе разсказывали вещи еще болѣе чудныя, а полковой казначей, имѣвшій большой кругъ знакомства съ купцами, увѣрялъ, будто Филаретъ московскій говорилъ графу Протасову: «Если я умру, то Боже васъ сохрани, не дѣлайте оберъ-прокуроромъ Муравьева, а митрополитомъ московскимъ—кіевскаго ректора (Иннокентія Борисова). Они только хороши кажутся, а хорошо не сдѣлаютъ; а вы ставьте на свое мѣ-

сто Сакена, а на мое—самаго смирнаго монаха. Иначе я вамъ въ темномъ блескѣ являться стану».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Я тогда ни за что не хотѣлъ, чтобы Сакенъ допускалъ, будто я простилъ и скрылъ полученную мною пощечину изъ-за того, чтобы мнѣ можно было на службѣ оставаться. Ужасная глупость! Не все ли это равно? Теперь это кажется смѣшно, а въ тогдашнемъ дикомъ состояніи я въ самомъ дѣлѣ полагалъ немножко свою честь въ такихъ пустякахъ, какъ постороннее мнѣніе... Ночей не спалъ: одну ночь въ караулѣ не спалъ, а потомъ три ночи не спалъ отъ волненія... Обидно было, что товарищи обо мнѣ нехорошо думаютъ, и что Сакенъ обо мнѣ нехорошо думаетъ! Надо, видите, такъ, чтобы всѣ о насъ хорошо думали!..

Опять изъ-за этого всю ночь не спалъ, и на другой день всталъ рано и являюсь утромъ въ сакенскую пріемную. Тамъ былъ только еще одинъ аудиторъ, а потомъ и другіе стали собираться. Жужжатъ между собою потихонечку, а у меня знакомыхъ нѣтъ, — я молчу и чувствую, что сонъ меня клонитъ,—совсѣмъ некстати. А глаза такъ и слипаются. И долго я тутъ со всѣми вмѣстѣ ожидалъ Сакена, потому что онъ въ этотъ день какъ нарочно не выходилъ: все у себя въ спальнѣ передъ чудотворной иконой молился. Онъ вѣдь былъ страшно богомоленъ: непремѣнно каждый день читалъ утреннія и вечернія молитвы и три акаѳиста, а то иногда зайдется до безконечности. Случалось, до того уставалъ на колѣняхъ стоять, что даже падалъ и на коврѣ ничкомъ лежалъ, а все молился. Мѣшать ему, или какъ-нибудь перебить молитву считалось—Боже сохрани! На это, кажется, даже при штурмѣ никто бы не отважился, потому что помѣшать ему все равно, что дитя разбудить, когда оно не выспалось. Начнетъ кукситься и капризничать, и тогда его ничѣмъ не успокоишь. Адъютанты у него это зна-

ли,—иные и сами тоже были богомолы,—другіе притворялись. Онъ не разбиралъ и всѣхъ такихъ любилъ и поощрялъ.

Какъ только, бывало, онъ покажется, штабные сейчасъ различали, если онъ намолился, и тогда въ хорошемъ расположеніи, и всѣ бумаги несли, потому что, намолившись, онъ добръ и тогда все подпишетъ.

На мою долю какъ разъ такое счастіе и досталось: какъ Сакенъ вышелъ ко всѣмъ въ пріемную, такъ одинъ опытный говоритъ мнѣ:

— Вы хорошо попали; нынче его обо всемъ можно просить; онъ теперь намолившись.

Я полюбопытствовалъ:

— Почему это замѣтно?

Опытный отвѣчаетъ:

— Развѣ не видите — у него колѣни бѣлѣются, и надъ бровями свѣтлыя пятнышки... какъ будто свѣтъ сіяетъ... Значитъ, будетъ ласковый.

Я сіянія надъ бровями не отличилъ, а панталоны у него на колѣняхъ, дѣйствительно, были побѣлѣвши.

Со всѣми онъ переговорилъ и всѣхъ отпустилъ, а меня оставилъ на самый послѣдъ и велѣлъ за собою въ кабинетъ идти.

«Ну, думаю,—тутъ будетъ развязка.» И сонъ прошелъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ кабинетѣ у него большая икона въ дорогой ризѣ, на особомъ возвышеніи, и трисоставная лампада въ три огня горитъ.

Сакенъ прежде всего подошелъ къ иконѣ, перекрестился и поклонился въ землю, а потомъ обернулся ко мнѣ и говоритъ:

— Вашъ полковой командиръ за васъ заступается. Онъ васъ даже хвалитъ,—говоритъ, что вы были хорошій офицеръ, но я не могу, чтобы васъ оставить на службѣ!

Я отвѣчаю, что я объ этомъ и не прошу.

— Не просите! Почему же не просите?

— Я знаю, что это нельзя, и не прошу о невозможномъ.

— Вы горды!

— Никакъ нѣтъ.

— Почему же вы такъ говорите — «о невозможномъ»? Французскій духъ! гордость! У Бога все возможно! Гордость!

— Во мнѣ нѣтъ гордости.

— Вздоръ!.. Я вижу. Все французская болѣзнь!.. своеволіе!.. Хотите все по-своему сдѣлать!.. Но васъ я, дѣйствительно, оставить не могу. Надо мною тоже выше начальство есть... Эта ваша вольнодумная выходка можетъ дойти до государя... Что это вамъ пришла за фантазія!..

— Казакъ, говорю,—по дурному примѣру напился пьянъ до безумія и ударилъ меня безъ всякаго сознанія.

— А вы ему это простили?

— Да, я не могъ не простить!..

— На какомъ же основаніи?

— Такъ, по вліянію сердца.

— Гм!.. сердце!.. На службѣ прежде всего долгъ службы, а не сердце... Вы, по крайней мѣрѣ, раскаиваетесь?

— Я не могъ иначе.

— Значитъ, даже и не каетесь?

— Нѣтъ.

— И не жалѣете?

— О немъ я жалѣю, а о себѣ нѣтъ.

— И еще бы во второй разъ, пожалуй, простили?

— Во второй разъ, я думаю, даже легче будетъ.

— Вонъ какъ!.. вонъ какъ у насъ!.. солдатъ его по одной щекѣ ударилъ, а онъ еще другую готовъ подставить.

Я подумалъ: «Цыцъ! не смѣй этимъ шутить!» и молча посмотрѣлъ на него съ таковымъ выраженіемъ.

Онъ какъ бы смутился, но опять по-генеральски напѣтушился и задаетъ:

— А гдѣ же у васъ гордость?

— Я сейчасъ имѣлъ честь вамъ доложить, что у меня нѣтъ гордости.

— Вы дворянинъ?

— Я изъ дворянъ.

— И что же, этой... noblesse oblige... дворянской гордости у васъ тоже нѣтъ?

— Тоже нѣтъ.

— Дворянинъ безъ всякой гордости?

Я молчалъ, а самъ думалъ:

«Ну, да, ну, да: дворянинъ и безъ всякой гордости,— ну, что же ты со мной подѣлаешь?»

А онъ не отстаетъ—говоритъ:

— Что же вы молчите? Я васъ спрашиваю объ этой— о благородной гордости?

Я опять промолчалъ, но онъ еще повторяетъ:

— Я опять спрашиваю о *благородной гордости*, которая возвышаетъ человѣка. Сирахъ велѣлъ «пещись объ имени своемъ»...

Тогда я, чувствуя себя уже какъ бы отставнымъ и потому человѣкомъ свободнымъ, отвѣтилъ, что я ни про какую благородную гордость ничего въ Евангеліи не встрѣчалъ, а читалъ про одну только гордость сатаны, которая противна Богу.

Сакенъ вдругъ отступилъ и говоритъ:

— Перекреститесь!.. Слышите: я вамъ приказываю, сейчасъ перекреститесь!

Я перекрестился.

— Еще разъ!

Я опять перекрестился.

— И еще... до трехъ разъ!

Я и въ третій разъ перекрестился.

Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и самъ меня перекрестилъ, и прошепталъ:

— Не надо про сатану! Вы вѣдь православный?

— Православный.

— За васъ воспріемники у купели отреклись отъ сатаны... и отъ гордыни, и отъ всѣхъ дѣлъ его, и на него плюнули. Онъ бунтовщикъ и отецъ лжи. Плюньте сейчасъ.

Я плюнулъ.

— И еще!

Я еще плюнулъ.

— Хорошенько!.. До трехъ разъ на него плюньте!

Я плюнулъ, и Сакенъ самъ плюнулъ и ногою растеръ. Всего сатану мы оплевали.

— Вотъ такъ!.. А теперь... скажите, того... Что же вы будете съ собой дѣлать въ отставкѣ?

— Не знаю еще.

— У васъ есть состояніе?

— Нѣтъ.

— Нехорошо! Родственники со связями есть?

— Тоже нѣтъ.

— Скверно! На кого же вы надѣетесь?

— Не на князей и не на сыновъ человѣческихъ: воробей не пропадаетъ у Бога, и я не пропаду.

— Ого-го, какъ вы, однако, начитаны!... Хотите въ монахи?

— Никакъ нѣтъ,—не хочу.

— Отчего? Я могу написать Иннокентію.

— Я не чувствую призванія въ монахи.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу только того, чтобы вы не думали, что я умолчалъ о полученномъ мною ударѣ изъ-за того, чтобы остаться на службѣ: я это сдѣлалъ просто...

— Спасти свою душу! Понимаю васъ, понимаю! я вамъ потому и говорю: идите въ монахи.

— Нѣтъ, я въ монахи не могу, и спасать свою душу не думалъ, а просто я пожалѣлъ другого человѣка, чтобы его не били на смерть палками.

— Наказаніе бываетъ человѣку въ пользу. «Любяй наказуетъ». Вы не дочитали... А, впрочемъ, мнѣ васъ все-таки жалко. Вы пострадали!.. Хотите въ комиссаріатскую комиссію?

— Нѣтъ, благодарю покорно.

— Это отчего?

— Я не знаю, право, какъ вамъ объ этомъ правдивѣе доложить... я туда неспособенъ.

— Ну, въ провіанты?

— Тоже не гожусь.

— Ну, въ цейхвартеры!—тамъ, случается, бываютъ люди и честные.

Такъ онъ меня этимъ своимъ разговоромъ отяготилъ, что я просто будто замагнитизировался и спать хочу до самой невозможности.

А Сакенъ стоитъ передо мною,—и мѣрно, въ тактъ головою покачиваетъ и, загиная одною рукою пальцы другой руки, вычисляетъ:

— Въ Писаніи начитанъ; благородной гордости не имѣетъ; по лицу битъ; въ комиссаріатъ не хочетъ; въ провіантскіе не хочетъ и въ монахи не хочетъ! Но я, кажется, понялъ васъ, почему вы не хотите въ монахи: вы влюблены?

А мнѣ только спать хочется.

— Никакъ нѣтъ, говорю:—я ни въ кого не влюбленъ.

— Жениться не намѣрены?

— Нѣтъ.

— Отчего?

— У меня слабый характеръ.

— Это видно! Это сразу видно! Но что же вы застѣнчивы,—вы боитесь женщинъ... да?

— Нѣкоторыхъ боюсь.

— И хорошо дѣлаете! Женщины суетны и... есть очень злыя, но вѣдь не всѣ женщины злы и не всѣ обманываютъ.

— Я самъ боюсь быть обманщикомъ.

— То-есть... Какъ?.. Для чего?

— Я не надѣюсь сдѣлать женщину счастливой.

— Почему? Боитесь несходства характеровъ?

— Да, говорю:—женщина можетъ не одобрять то, что я считаю за хорошее, и наоборотъ.

— А вы ей докажите.

— Доказать все можно, но отъ этого выходятъ только споры и человѣкъ дѣлается хуже, а не лучше.

— А вы и споровъ не любите?

— Терпѣть не могу.

— Такъ ступайте же, мой милый, въ монахи! Что же вамъ такое?! Вѣдь вамъ въ монахахъ отлично будетъ съ вашимъ настроеніемъ.

— Не думаю.

— Почему? Почему не думаете-то? Почему?

— Призванія нѣтъ.

— А вотъ вы и ошибаетесь—прощать обиды, безбрачная жизнь... это и есть монастырское призваніе. А дальше что же еще остается трудное?—мяса не ѣсть. Этого, что ли, вы боитесь? Но вѣдь это не такъ строго...

— Я мяса совсѣмъ никогда не ѣмъ.

— А зато у нихъ прекрасныя рыбы.

— Я и рыбы не ѣмъ.

— Какъ, и рыбъ не ѣдите? Отчего?

— Мнѣ непріятно.

— Отчего же это можетъ быть непріятно—рыбъ ѣсть?

— Должно-быть, врожденное—моя мать не ѣла тѣлъ убитыхъ животныхъ и рыбъ тоже не ѣла.

— Какъ странно! Значитъ, вы такъ и ѣдите одно грибное да зелень?

— Да, и молоко, и яйца. Мало ли еще что можно ѣсть!

— Ну, такъ вы и сами себя не знаете: вы природный монахъ, вамъ даже схиму дадутъ. Очень радъ! очень радъ! Я вамъ сейчасъ дамъ письмо къ Иннокентію!

— Да я, ваше сіятельство, не пойду въ монахи!

— Нѣтъ, пойдете,—такихъ, которые и рыбъ не ѣдятъ, очень мало! вы схимникъ! Я сейчасъ напишу.

— Не извольте писать: я въ монастырь жить не пойду.—Я желаю ѣсть свой трудовой хлѣбъ въ потѣ своего лица.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сакенъ наморщился.

— Это, говоритъ:—вы Библіи начитались,—а вы Библіи-то не читайте. Это англичанамъ идетъ: они недовѣрки и кривотолки. Библія опасна,—это мірская книга. Человѣкъ съ аскетическимъ основаніемъ долженъ ея избѣгать.

«Фу ты, Господи! думаю. — Что же это за мучитель такой!»

И говорю ему:

— Ваше сіятельство! я уже вамъ доложилъ: во мнѣ нѣтъ никакихъ аскетическихъ основаній.

— Ничего, идите и безъ основаній! Основанія послѣ придутъ; всего дороже, что у васъ это врожденное: не только мяса, а и рыбы не ѣдите. Чего вамъ еще!

Умолкаю! Рѣшительно умолкаю и думаю только о томъ: когда же онъ меня отъ себя выпуститъ, чтобы я могъ спать.

А онъ возлагаетъ мнѣ руки на плечи, смотритъ долго въ глаза и говоритъ:

— Милый другъ! вы уже призваны, но только вамъ это еще непонятно!..

— Да, отвѣчаю, непонятно!

Чувствую, что мнѣ теперь все равно,—что я вотъ-вотъ сейчасъ тутъ же, стоя, усну—и потому инстинктивно отвѣтилъ:

— Непонятно.

— Ну, такъ помолимся, говоритъ, вмѣстѣ поусерднѣе вотъ передъ этимъ ликомъ. Этотъ образъ былъ со мною во Франціи, въ Персіи и на Дунаѣ... Много разъ я передъ нимъ упадалъ въ недоумѣніи и когда вставалъ—мнѣ было все ясно. Становитесь на коврѣ на колѣни и земной поклонъ... Я начинаю.

Я сталъ на колѣни и поклонился, а онъ зачиталъ умиленнымъ голосомъ: «Совѣтъ превѣчный открывая Тебѣ»...

А дальше я уже ничего не слыхалъ, а только почуди-

лось мнѣ, что я, какъ дошелъ лбомъ до ковра,—такъ и пошелъ свайкой спускаться внизъ, куда-то все глубже къ самому центру земли.

Чувствую, что-то не то, что нужно: мнѣ бы нужно куда-то легкимъ перомъ вверхъ, а я иду свайкой внизъ туда, гдѣ по словамъ Гёте «первообразы кипятъ,—клокочутъ зиздящія силы». А потомъ и не помню уже ничего.

Возвращаюсь опять отъ центра къ поверхности не скоро и ничего не узнаю: трисоставная лампада горитъ, въ окнахъ темно, впереди меня на томъ же коврѣ какой-то генералъ клубочкомъ свернувшись спитъ.

— Что это такое за мѣсто?—заспалъ и запамятовалъ.

Потихонечку поднимаюсь, сажусь и думаю: гдѣ я?—Что это генералъ въ самомъ дѣлѣ, или такъ кажется... Потрогалъ его... ничего—парной, теплый и смотрю—и онъ просыпается и шевелится... И тоже сѣлъ на коврѣ и на меня смотритъ... Потомъ говоритъ:

— Что вижу?.. Фигура!

Я отвѣчаю:—точно такъ.

Онъ перекрестился и мнѣ велѣлъ.

— Перекрестись!

Я перекрестился.

— Это мы съ вами вмѣстѣ были?

— Да-съ.

— Каково!

Я промолчалъ.

— Какое блаженство!

Не понимаю въ чемъ дѣло, но, къ счастію, онъ продолжаетъ:—видѣли, какая святыня!

— Гдѣ?

— Въ раю!

— Въ раю? Нѣтъ, говорю,—я въ раю не былъ и ничего не видалъ.

— Какъ не видалъ! Вѣдь мы вмѣстѣ летали... Туда... вверхъ!

Я отвѣчаю, что я летать, леталъ, но только не вверхъ, а внизъ.

— Какъ внизъ!

— Точно такъ.

— Внизъ?

— Точно такъ.

— Внизу адъ!

— Не видалъ.

— И ада не видалъ?

— Не видалъ.

— Такъ какой же дуракъ тебя сюда пустилъ?

— Графъ Остенъ-Сакенъ.

— Это я графъ Остенъ-Сакенъ.

— Теперь, говорю,—вижу.

— А до сихъ поръ и этого не видалъ?

— Прошу прощенія, — говорю,—мнѣ кажется, будто я спалъ.

— Ты спалъ!

— Точно такъ.

— Ну, такъ пошелъ вонъ!

— Слушаю, говорю: но только здѣсь темно—я не знаю, какъ выйти.

Сакенъ поднялся, самъ открылъ мнѣ дверь и самъ сказалъ:

— Zum Teufel!

Такъ мы съ нимъ и простились, хотя нѣсколько сухо, но его ко мнѣ милости этимъ не кончились.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Я былъ совершенно спокоенъ, потому что зналъ, что мнѣ всего дороже — это моя воля, возможность жить по одному завѣту, а не по нѣсколькимъ, не спорить, не поддѣлываться и никому ничего не доказывать, если ему не явлено свыше,—и я зналъ, гдѣ и какъ можно найти такую волю. Я не хотѣлъ рѣшительно никакихъ службъ, ни тѣхъ,

гдѣ нужна благородная гордость, ни тѣхъ, гдѣ можно обходиться и безъ всякой гордости. Ни на какой службѣ человѣкъ самъ собой быть не можетъ, онъ долженъ впередъ не обѣщаться, а потомъ исполнять, какъ обѣщался, а я вижу, что я порченый, что я ничего обѣщать не могу, да и не смѣю, и не долженъ, потому что суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы... Сердце сжалится, и я не могу обѣщанія выдержать: увижу страданіе и не выстою... я измѣню субботѣ! На службѣ надо имѣть клятвенную твердость и умѣть самого себя заговаривать, а у меня этого дарованія нѣтъ. Мнѣ надо что-нибудь самое простое... Перебиралъ я, перебиралъ,—что есть самое простое, гдѣ не надо себя заговаривать, и рѣшилъ, что лучше пахать землю.

Но меня, однако, ждала еще награда и по службѣ.

Передъ самымъ моимъ выѣздомъ полковникъ объявляетъ мнѣ:

— Вы не безъ пользы для себя съ Дмитріемъ Ерофеичемъ повидались. Онъ тогда былъ съ утра прекрасно намолившись, и еще съ вами, кажется, молился?

— Какъ же, отвѣчаю:—мы молились.

— Вмѣстѣ въ блаженныя селенія парили?..

— То-есть... какъ это вамъ доложить...

— Да, вы,—большой политикъ! Знаете, вы и достигли,—вы ему очень понравились; онъ вамъ велѣлъ сказать, что особымъ путемъ вамъ пенсію выпроситъ.

— Я, говорю:—пенсіи не выслужилъ.

— Ну, ужъ это теперь расчислять поздно,—ужъ отъ него пошло представленіе, а ему не откажутъ.

Вышла мнѣ пенсія по тридцати шести рублей въ годъ, и я ее до сихъ поръ по этому случаю получаю. Солдаты со мною тоже хорошо простились.

— Ничего, говорили:—мы, ваше благородіе, вами довольны и не плачемся. Намъ все равно, гдѣ служить. А вамъ бы, ваше благородіе, мы желали, чтобы къ намъ въ попы достигнуть и благословлять на поле сраженія.

Тоже доброжелатели!

А я вмѣсто всего ихняго доброжеланія вотъ эту господку купилъ... Невелика господка, да дòбра... Може и Катря еще на ней буде съ мужемъ господуроваты... Бидна Катруся! Я ее съ матерью подъ тополями Подолинскаго сада нашелъ... Мать хотѣла ее на чужія руки кинуть, а сама къ какой-нибудь пани въ мамки идти. А я вызвѣрывся, да говорю ей:

— Чи ты съ самаго роду такъ дурна, чи ты сумасшедшая! Що тоби такэ подиялось, щобъ свою дытыну покинуты, а паньскихъ своимъ молокомъ годувати! Нехай ихъ яка пани породыла, та сама и годуетъ: такъ отъ Бога показано, — а ты ходы впростъ до менэ, та пильнуй свою дытыну.

Она встала,—подобрала Катрю въ тряпочки и пишла,— каже:

— Пиду, куды минэ доля моя ведэ!

Такъ вотъ и живемъ, и поле оремъ, и сіемъ, а чого нэма, о томъ не скучаемъ—бо всѣ люди просты: мать сирота, дочка мала, а я битый офицеръ, да еще и безъ усякой благородной гордости. Тифу, яка пропаща фигура!

По моимъ свѣдѣніямъ, Фигура умеръ въ концѣ пятидесятыхъ или въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ. О немъ я не встрѣчалъ въ литературѣ никакихъ упоминаній.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.

СОВМѢСТИТЕЛИ.

БУКОЛИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАНВѢ.

«Родъ сей ничѣмъ же изимается».

Совмѣстительство у насъ есть очень старое и очень важное зло. Даже когда по существу какъ-будто ничему не мѣшаетъ, оно все-таки составляетъ зло,—говорилъ нѣкоторый знатный и правдивый человѣкъ и при этомъ разсказалъ слѣдующій, по моему мнѣнію, не безъинтересный анекдотическій случай изъ стараго времени. — Дѣло идетъ о бывшемъ министрѣ финансовъ, извѣстномъ графѣ Канкринѣ. Я записалъ этотъ разсказъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, прямо со словъ разсказчика и такъ его здѣсь и передамъ, почти тѣми же словами, какъ слышалъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Графъ Канкринъ былъ дѣловитъ и уменъ, но любилъ поволочиться. Тогда было, впрочемъ, такое время, что всѣ волочились. Даже впослѣдствіи это перешло какъ бы въ преданіе по финансовому вѣдомству, и покойный Вронченко тоже былъ превеликій ухаживатель: только въ этомъ игры и любезности той не было, какъ въ Канкринѣ *). Такое господствовало настроеніе: жизнь играла у гробового входа.

---

*) Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ род. 1774 г., состоялъ генералъ-интендантомъ въ 1812 г., а съ 1823 года министромъ финансовъ. Умеръ въ 1846 г. Былъ отличный финансистъ и извѣстенъ также какъ писатель; писалъ на нѣмецкомъ языкѣ.

И тѣ, кому волокитство уже ни на что не нужно было, и они все-таки старались не отставать отъ сверстниковъ.

Если не для чего-нибудь, то хоть для порядка или приличія всѣ имѣли дамъ на попеченіи. Въ самой большой модѣ были танцорки или цыганки, но иногда и другія особы соотвѣтственнаго значенія. И притомъ никто почти не скрывалъ свои грѣшки, а нерѣдко даже желали ихъ огласки. Это давало случай въ обществѣ подшучивать надъ «старыми грѣшниками». О нихъ разсказывали разные смѣшные анекдоты, а это дѣлало грѣшникамъ извѣстность и рекомендовало ихъ какъ добрыхъ и забавныхъ вье-гарсоновъ.

Случалось, что имя грѣшника вспоминалось съ какою-нибудь веселою шуткою при такихъ лицахъ, что это воспомянутому было полезно, и этимъ дорожили и умѣли обращать себѣ въ выгоду.

Были даже такіе старички, которые сами про себя нарочно сочиняли смѣшныя любовныя исторійки и доходили въ этомъ до замѣчательной виртуозности. Позднѣйшіе критики, не знавшіе хорошо дѣйствительности прошлой жизни, приписали нигилистической порѣ стремленіе «пить втроемъ утренній чай»; но это несправедливо. Все это было извѣстно гораздо раньше появленія нигилистовъ и производилось гораздо крупнѣе, но только тогда на это былъ другой взглядъ, и «чай втроемъ» не получалъ тенденціозныхъ истолкованій.

А что старички въ то время очень, очень шалили и что грѣшки ихъ забавляли общество—это вы можете видѣть по театральному репертуару. Тогда нерѣдко такъ съ кого-нибудь прямикомъ и писали пьесы. Напримѣръ, «Новички въ любви», или «Его превосходительство или средство нравиться» — это все съ натуры. Теперь всѣхъ этихъ пьесъ уже и названій не припомнишь, а тогда бывало выведенныхъ лицъ по именамъ въ театрѣ называли и смѣялись. Многіе актеры, особенно Мартыновъ, бывало нарочно гримировались и копировали на сценѣ того, въ кого мѣтили. Былъ даже одинъ такой случай, что нѣкто, имѣвшій же-

ланіе о себѣ напомнить, самъ избралъ для этого театръ и самъ пріѣзжалъ къ Мартынову съ просьбою — «нельзя ли такъ представить, чтобы его лицо узнали». Мартыновъ надъ этимъ просителемъ подсмѣялся: онъ ему не отказалъ, но что-то такое какъ-то прикрасилъ по-своему и чуть-чуть не повредилъ почтенному человѣку. Впрочемъ, дѣло обошлось, и тотъ возобновилъ себя у кого желалъ въ памяти и получилъ солидную должность.

Въ министерствѣ финансовъ тогда собралась компанія очень большихъ волокитъ, и самъ министръ считался въ этой компаніи не послѣднимъ. Любовныхъ грѣшковъ у графа Канкрина, какъ у очень умнаго человѣка, съ очень живою фантазіей, было много, но къ той порѣ, когда подошелъ комическій случай, о которомъ теперь наступаетъ разсказъ, графъ уже былъ въ упадкѣ тѣлесныхъ силъ и не совсѣмъ охотно, а болѣе для одного приличія велъ знакомство съ нѣкоторой барынькой полуинтендантскаго происхожденія.

Среди интендантовъ графъ Канкринъ былъ очень извѣстенъ по его прежней службѣ, а можетъ быть и по его прежней старательности въ ухаживаніяхъ за смазливыми дамочками, или, какъ онъ ихъ называлъ, «жоли мордочками». Это совсѣмъ не то, что Тургеневъ называетъ въ своихъ письмахъ *мордемондіи*. «Мордемондіи» — это начитанная противность, а «жоли-мордочки» — это была прелесть.

Притомъ, я не знаю, какъ это кажется вамъ, а я въ этомъ названіи слышу что-то веселое, молодое и беззаботное и въ словѣ «жоли-мордочка» не вижу ничего ни грубаго, ни обиднаго для прекраснаго пола.

Въ оное былое время, когда графъ интендантствовалъ, «жоли-мордочки» его сильно занимали и не мало ему стоили; но въ ту пору, до которой доходитъ мой разсказъ, онъ уже только «соблюдалъ приличія круга» и потому сталъ и разсчетливъ, и лѣнивъ въ оказательствахъ своего вниманія дамѣ.

А состоявшая въ это время при немъ «жоли-мордочка» была, какъ на грѣхъ, особа съ нѣкоторымъ образованіемъ и очень живого характера: она требовала вниманія, сердилась, капризничала, дѣлала ему сцены и вообще хотѣла, чтобы онъ ею занимался и какъ-нибудь ее развлекалъ. Графъ же былъ и старъ, и очень занятъ, да и по положенію своему онъ не могъ удовлетворять эти требованія. А потому, поступая въ духѣ времени, онъ очень желалъ, чтобы часть заботъ о развлеченіи молоденькой особы понесъ кто-нибудь другой. Это тогда не только допускалось, но даже и патронировалось. Одно лишь было въ условіяхъ этикета, чтобы совмѣститель былъ человѣкъ съ тактомъ и не ронялъ значенія главенствующаго лица, или патрона.

Такимъ дамамъ позволяли появляться съ ихъ адъютантами, гдѣ можно, въ общественныхъ мѣстахъ, и это никому не вредило, потому что отъ этого шелъ хорошій говоръ: «Вотъ-де князь NN надуваетъ графа ZZ». А совсѣмъ никакого надувательства ни съ чьей стороны и не было, — все было съ общаго согласія, но только черезъ хорошаго «аташе» больше прославлялось имя патрона. Старичокъ бывало заѣдетъ утромъ, чашку кофе или шоколада выпьетъ и уѣдетъ и денегъ пачку оставитъ, а послѣ визита пріѣзжаетъ совмѣститель, и идетъ счастливое препровожденіе времени.

Но нынѣшняя «жоли-мордочка» графа была капризница и дикарка: она ни съ кѣмъ не знакомилась и тѣмъ ужасно обременяла графа безпрерывными претензіями.

Онъ хотѣлъ отношеній болѣе удобныхъ, а она скучала и совсѣмъ другое пѣла.

— Я, говоритъ, — такъ безъ участія сердца жить не могу,—я понимаю только одни серьезныя отношенія.

Графъ ей нѣсколько разъ представлялъ, что ему невозможно сидѣть у нея и оказывать «участіе сердца», а она говорила:

— Нѣтъ, вы должны. Пойдемъ погуляемъ; я вамъ что-нибудь почитаю или поиграю.

Ни за что не хотѣла понять, что ему, какъ министру,

это неудобно. Онъ и озаботился помирить ея требованія какъ-нибудь иначе, и сдѣлалъ въ этомъ направленіи очень находчивый и смѣлый шагъ; но только съ хлопотами его вышелъ пресмѣшной казусъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Графъ жилъ лѣтомъ въ Лѣсномъ, который тогда считался очень хорошимъ дачнымъ мѣстомъ. Канкринъ самъ, вѣдь, и положилъ начало здѣшнему заселенію и всегда Лѣсному покровительствовалъ.

Оттого, можетъ быть, здѣсь и послѣ долго жили директоры изъ министерства финансовъ, но только это ужъ не то. Славы Лѣсного они не поддержали — она пала невозвратно. Даму свою Канкринъ помѣстилъ отъ себя въ сторонкѣ, именно въ Новой Деревнѣ, гдѣ тогда тоже было еще довольно чистенько и прилично. На здѣшнихъ дачахъ помѣщалось большинство нѣжныхъ особъ, имѣвшихъ именитыхъ попечителей. Дачи этихъ дамъ, бывало, замѣтны. и опытный глазъ сейчасъ ихъ узнавалъ по хорошимъ, густымъ занавѣскамъ и по тому, что изъ нихъ чаще всего слышалось пѣніе куплетовъ:

«Въ васъ, конечно, нѣтъ дурного,
«Только,—право не въ упрекъ,—
«Нѣтъ ли гдѣ-нибудь сѣдого?
«Что-съ?»

а хоръ отвѣчаетъ:

«Водится грѣшокъ!
«Водится грѣшокъ!»

Весело, очень весело жилося! И куда только все это ушло и куда миновалося съ усиленіемъ разночинца!..

Какъ пошли пѣть подъ бряцаніе: «Ты, душа-ль моя, красна дѣвица! Ты, звѣзда-ль моя ненаглядная», — такъ игривый куплетъ изъ комнатнаго пѣнія и вывелся.

«Всякой вещи свое время подъ солнцемъ», — даже и куплету.

Такъ пройдетъ и оперетка, съ которою нынче напрасно борятся.

Все пройдетъ когда-нибудь въ свое время.

Канкринъ посѣщалъ свою пустынницу всегда верхомъ и всегда безъ провожатаго; но серьезный служебный недосугъ мѣшалъ ему дѣлать эти посѣщенія такъ часто, какъ желала его неудобная, по серьзности своихъ требованій, «жоли-мордочка». И выходило у нихъ худо: та скучала и капризничала, а онъ, будучи обремененъ государственными вопросами и литературой, никакъ не могъ угодить ей. Сцены она умѣла дѣлать такія, что графъ даже сталъ бояться одинъ къ ней ѣздить.

Рядомъ же съ дачей графа Канкрина въ Лѣсномъ въ это лѣто поселился молодой, умный, прекрасно образованный и очень въ свое время красивый гвардейскій кавалеристъ П. П. К—шинъ. Онъ былъ изъ дворянъ нашей Орловской губерніи, и я зналъ его отца и весь родъ этихъ К—шиныхъ: всѣ были преумны и прекрасивы, этакіе бравые, рослые, черноглазые,—просто молодцы.

Этотъ интересный сосѣдъ графа, не смотря на свои молодые годы и на военное званіе, съ представленіемъ о которомъ у насъ соединяется понятіе о склонности къ развеселому житью, велъ жизнь самую уединенную,—онъ все домосѣдничалъ и читалъ книги или игралъ на скрипкѣ.

Игра на скрипкѣ и обратила на него вниманіе графа, который тоже былъ музыкантъ и притомъ очень неплохой музыкантъ. Графъ игралъ на скрипкѣ въ темной комнатѣ, примыкавшей къ его кабинету, который былъ тоже полутеменъ, потому что окна его были заслонены деревьями и кромѣ того заставлены рамками, на которыхъ была натянута темнозеленая марли.

Офицеръ заиграетъ, а графъ положитъ перо и слушаетъ и, заинтересовавшись имъ, спрашиваетъ одинъ разъ у своего латыша-камердинера:

— Кто это, братецъ, возлѣ насъ такъ хорошо играетъ?

Тотъ отвѣчаетъ:

— Офицеръ какой-то, ваше сіятельство.

— Да кто же онъ такой,—онъ какого полка?

Камердинеръ говоритъ:

— Я не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ приказываю: разузнай и доложи мнѣ.

Камердинеръ все разузналъ и вечеромъ, когда сталъ раздѣвать графа, докладываетъ ему, что сосѣдъ ихъ — молодой, одинокій офицеръ самаго щегольского кавалерійскаго полка, человѣкъ очень достаточный, а живетъ скромно. Графу это понравилось. Молодой человѣкъ и военный, если онъ все сидитъ дома да читаетъ, то непремѣнно, должно быть, онъ человѣкъ интересный и нравственный. Вѣтренникъ или гуляка не выдержалъ бы, онъ бы все бѣгалъ да на глазахъ мотался. У графа что-то на сонъ грядущій и замелькало въ мечтахъ, а утромъ, только что графъ просыпается, — офицеръ уже на самой тонкой струнѣ выводитъ какую-то самую забористую Паганиніевскую нотку.

— Ишь, однако, какой онъ досужій, этотъ офицерикъ!— подумалъ графъ, и ему захотѣлось посмотрѣть на сосѣда. А тотъ какъ разъ подошелъ и сталъ со скрипкою у окна.

Камердинеръ говоритъ:

— Извольте, ваше сіятельство, смотрѣть: господинъ офицерикъ весь теперь въ виду вашемъ.

Графъ взглянулъ и отвѣчаетъ камердинеру:

— Ты, братецъ, дуракъ. Развѣ это «офицерикъ»? Это цѣлый офицеръ, да еще, пожалуй, даже офицерище!

И графу захотѣлось съ этимъ сосѣдомъ познакомиться.

На слѣдующій же день, когда молодой офицеръ возвращался съ купанья и проходилъ мимо ограды сада графа Канкрина, тотъ стоялъ у своей рѣшетки и заговорилъ съ нимъ.

— Извините меня, поручикъ, — это вы такъ хорошо играете на скрипкѣ?

— Да, я играю, ваше сіятельство. Не смѣю думать, чтобы я игралъ хорошо, но прошу у васъ извиненія, если безпокою васъ моею игрою. Я, впрочемъ, старался узнать время, когда я могу не нарушать вашего покоя.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нисколько. Сдѣлайте милость, играйте! Я самъ играю и прошу васъ покорно—познакомимтесь. И у жены моей тоже собираются Klimperei. Приходите ко мнѣ запросто, по-сосѣдски, и мы съ вами вмѣстѣ поиграемъ.

Молодой человѣкъ поклонился, а графъ указалъ часы, когда его удобно посѣщать запросто, «по-сосѣдски», и они разстались.

Кавалеристъ поблагодарилъ графа и очень умно воспользовался его приглашеніемъ. Онъ пришелъ къ графу не очень скоро и не черезчуръ долго, а какъ того требовали вѣжливость и уваженіе къ лицу Канкрина, человѣка дѣйствительно замѣчательнаго—и по уму, и по дѣятельности, и по таланту.

Въ два визита молодой, умный поручикъ чрезвычайно расположилъ къ себѣ министра. Графъ съ удовольствіемъ любовался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и втайнѣ возъимѣлъ на него свой планъ. Офицеръ ему казался какъ разъ такимъ человѣкомъ, съ которымъ онъ могъ завоевать себѣ — если не область міра, то нѣкоторую долю весьма желательнаго покоя. Короче и проще говоря, графъ былъ увѣренъ, что его безпокойная дама съ серьезными взглядами и требованіями непремѣнно этимъ молодымъ человѣкомъ заинтересуется. Стоитъ лишь ихъ познакомить — и они станутъ вмѣстѣ читать и разыгрывать дуэты, а ему, старичку, будетъ отдыхъ. И вотъ, когда офицеръ еще разъ навѣстилъ Канкрина, министръ и сказалъ ему:

— Ахъ, поручикъ, какой сегодня хорошій день. Мнѣ совсѣмъ не хочется сидѣть дома и читать мои скучныя бумаги. Я бы съ большимъ удовольствіемъ проѣхался верхомъ, а отъ васъ зависитъ сдѣлать мнѣ эту прогулку еще пріятнѣе.

Тотъ говоритъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, но только спрашиваетъ,— какимъ образомъ онъ можетъ увеличить это удовольствіе.

— А вотъ, — отвѣчаетъ графъ, — прикажите-ка, чтобы

вамъ осѣдлали вашу лошадь да привели ее сюда и поѣдемте вмѣстѣ.

Офицеръ съ удовольствіемъ согласился. Приказаніе было немедленно отдано и исполнено: верховыя лошади подведены къ крыльцу, и графъ съ молодымъ человѣкомъ сѣли и поѣхали.

День былъ дѣйствительно прекрасный, располагающій человѣка хорошо себя чувствовать и весело болтать.

Канкринъ былъ въ своемъ обыкновенномъ, длиннополомъ военномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, въ большихъ темныхъ очкахъ съ боковыми зелеными стеклами и въ галошахъ, которыя онъ носилъ во всякую погоду и часто не снималъ ихъ даже въ комнатѣ. На головѣ графъ имѣлъ военную фуражку съ большимъ козырькомъ, который отѣнялъ все его лицо. Онъ вообще одѣвался чудакомъ, и не смотря на тогдашнюю строгость въ отношеніи военной формы, позволялъ очень большія отступленія и льготы. Государь этого какъ бы не замѣчалъ, а прочіе и не смѣли замѣчать.

Всадники ѣхали довольно долго молча, но, не смотря на это молчаніе, видно было, что графъ чувствуетъ себя очень въ духѣ. Онъ не разъ улыбался и весело поглядывалъ на своего спутника, а, потомъ у одного поворота вправо къ тогдашней опушкѣ лѣса, остановилъ лошадь и сказалъ:

— А знаете ли что, поручикъ: не заѣдемъ ли мы съ вами къ одной прехорошенькой дамочкѣ.

Молодой человѣкъ немного сконфузился отъ этой неожиданности и проговорилъ, что онъ не знаетъ—ловко ли это будетъ съ его стороны пріѣхать незванымъ въ незнакомый домъ.

— О, не безпокойтесь,— отвѣчалъ графъ. — Вы уже во всемъ этомъ положитесь на меня. Я, конечно, знаю, куда васъ приглашаю. Это, я вамъ скажу, премилая молодая особа, и держитъ себя совсѣмъ безъ глупыхъ церемоній. Мы съ нею давно друзья, и вы, я увѣренъ, непремѣнно захотите съ нею подружиться. Она довольно умна и пре-

хорошенькая. По своимъ семейнымъ обстоятельствамъ она живетъ совершенно одна—монастыркой и очень часто скучаетъ. Это ея единственный, можно сказать, недостатокъ. Мы пріѣдемъ очень кстати, и вы увидите, какъ она мило намъ обрадуется и встрѣтитъ насъ à bras-ouvert.

— Въ такомъ случаѣ, я въ вашемъ распоряженіи, отвѣчалъ офицеръ.

— Ну, вотъ и прекрасно!—воскликнулъ графъ.—А эта милая дама и живетъ отсюда очень недалеко—въ Новой Деревнѣ, и дача ея какъ разъ съ этой стороны. Мы подъѣдемъ къ ея домику такъ, что насъ рѣшительно никто и не замѣтитъ. И она будетъ удивлена и обрадована, потому что я только вчера ее навѣщалъ, и она затомила меня жалобами на тоску одиночества. Вотъ мы и явимся ее веселить. Теперь пустимъ коней рысью и черезъ четверть часа будемъ уже пить шоколадъ, сваренный самыми безподобными ручками.

Офицеръ молча поклонился.

— Да, да,—продолжалъ Канкринъ.—Вы не думайте, что это одни слова. Такихъ другихъ ручекъ нескоро отыщете. Лавальеръ дорого дала бы, чтобы имѣть такія ручки, потому что ихъ-то ей и недоставало, но у этой госпожи ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Ну, давайте поводья, и мы сейчасъ будемъ тамъ.

Поводья даны, и путники пріѣхали такъ скоро, какъ обѣщалъ Канкринъ. И другое его соображеніе тоже оказалось вѣрно: при приближеніи ихъ къ дачкѣ, обитаемой прелестною дамою, ихъ дѣйствительно никто не замѣтилъ. На маленькомъ дворикѣ была тишина,—только чьи-то пестренькія цесарскія куры похаживали и дѣлали свойственныя имъ фальшивыя движенія головами изъ стороны въ сторону,—точно онѣ на кого-то кивали. Разрисованныя сторы съ пастушками и деревьями были опущены до низу, и изъ-за одной изъ нихъ выглядывала морда сытаго рыжаго кота, но сама милая пустынница была нигдѣ не замѣтна и не спѣшила à bras-ouvert на встрѣчу графу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Черезъ минуту пріѣздъ гостей былъ, однако, замѣченъ и произвелъ смятеніе въ маленькомъ домикѣ. Владѣтельная обитательница дачи не показалась, а ея служанка взглянула въ окно и тотчасъ же быстро снова исчезла. Запертую изнутри дверь открыли не совсѣмъ скоро, и вышедшая на встрѣчу гостямъ дѣвушка заговорила второпяхъ, что «барышня» нездорова, а она оберегала ее, чтобъ было тихо, и сама заснула.

Графъ спросилъ:

— Чѣмъ Марья Степановна нездорова?

— Зубки у нихъ болятъ,—всю ночь не спали.

— А-а, зубки! Надо заговорить ея зубки.

Канкринъ входилъ въ комнаты, громко стуча своими галошами, а его спутникъ слѣдовалъ молодой, легкой поступью за нимъ.

Горничная еще больше обезпокоилась и стала говорить:

— Осмѣлюсь доложить... Онѣ сейчасъ выйдутъ, я имъ уже сказала, что вы пожаловали, и онѣ одѣваютъ распашонку.

Образованіе тогда еще было распредѣлено такъ неровно, что многія горничныя не употребляли иностранное слово «пеньюаръ», а называли по-русски «распашонка».

— Ну, такъ мы подождемъ, пока она одѣнется. отвѣчалъ графъ, и не пошелъ далѣе, а спокойно сѣлъ на широкомъ оттоманѣ и пригласилъ сѣсть офицера:—Садитесь, поручикъ. Не стѣсняйтесь,—я васъ увѣряю, что мы будемъ хорошо приняты.

Онъ понизилъ голосъ и, наклонясь къ уху собесѣдника, добавилъ:

— Она немножко съ душкомъ,—какъ и всѣ хорошенькія женщины,—но это ровно ничего не значитъ: миленькимъ женщинамъ все простить можно. Притомъ же надо имѣть снисхожденіе къ ея положенію. Какъ хотите, а оно немножко

неправильно и уязвляетъ ея самолюбіе. Конечно, она ни въ чемъ не нуждается, но это все не то, что она намѣчала въ своихъ мечтаніяхъ. Она дочь почтеннаго человѣка и образована, притомъ мечтательна. Она прекрасно умѣетъ разсказать свою исторію и вѣрно когда-нибудь вамъ ее разскажетъ. О, она преинтересная и любитъ «участіе сердца».

И графъ сообщилъ кое-что о странностяхъ живого и смѣлаго характера Марьи Степановны. Она жила въ фаворѣ и на свободѣ у отца, потомъ въ имѣніи у бабушки, отчаянно ѣздитъ верхомъ, какъ наѣздница, стрѣляетъ съ сѣдла и прекрасно играетъ на билліардѣ. Въ ней есть немножко дикарки. Петербургъ ей въ тягость, особенно какъ она здѣсь лишена живого сообщества равныхъ ей людей,—и ужасно скучаетъ.

— Но вы понимаете, продолжалъ графъ, — что, послѣ утомленія однообразіемъ характеровъ нашихъ свѣтскихъ «кавалеръ-дамъ», этакое живое существо — оно, чортъ возьми, шевелитъ, оно волнуетъ и встряхиваетъ своею кипучей натурой.

А Марья Степановна все-таки еще не показывалась.

Графъ усталъ говорить, тѣмъ болѣе, что спутникъ его ничего ему не возражалъ, а только молча съ нимъ соглашался и обводилъ глазами квартиру прелестной дамы въ фальшивомъ положеніи. Какъ большинство всѣхъ дачныхъ построекъ, это былъ животрепещущій домикъ съ досчатыми переборками, оклеенными бумагой и выкрашенными клеевою краскою.

Набивные бумажные обои тогда еще только начинали входить въ употребленіе въ городскихъ домахъ, а дачные домики внутри раскрашивали и потолки ихъ расписывали цвѣтами и амурами.

Это тогда дешевле стоило и, по правдѣ сказать, выходило недурно.

Убранство комнатъ было не бѣдное, но и не богатое, но какое-то особенное, какъ бы, напримѣръ, *походное* или вообще полковое; точно какъ-будто здѣсь жила не молодень-

кая, красивая женщина, а, напримѣръ, эскадронный командиръ, у котораго лихость и отвага соединялись съ нѣкоторымъ вкусомъ и любовью къ изящному. Не плохіе ковры, не плохіе занавѣсы, диваны, фортепіано и цитра, но больше всего ковровъ. Все, гдѣ только можно повѣсить коверъ, тамъ покрыто и занавѣшено коврами. Огромный же персидскій коверъ закрываетъ отъ потолка до полу и всю дверь въ спальню, гдѣ теперь за перегородкой одѣвается Марья Степановна.

А оттуда все-таки еще ни слуха, ни духа.

— Однако, долго она что-то надѣваетъ свою распашонку! замѣтилъ графъ и громко позвалъ по-русски:

— Марья Степановна!

Очень пріятный грудной контральтъ отозвался изъ-за стѣнки.

— Сейчасъ.

— А когда же вы кончите свои Klimperei? мы уже устали васъ ждать.

— Тѣмъ лучше.

— Да, но если вы скоро не выйдете, то я буду такъ дерзокъ, что пойду къ вамъ.

— Вы этого не смѣете. Впрочемъ, я сейчасъ, сейчасъ выйду.

— Все пукольки, пукольки, пошутилъ графъ.

Офицеръ приподнялся съ дивана и началъ разсматривать приставленную въ углу комнаты доску, на которой былъ наклеенъ бѣлый картонъ съ расчерченными на немъ кругами и со многими слѣдами попавшихъ сюда пулекъ.

— Это вотъ наша Діана изволитъ стрѣлять, сказалъ графъ.

— Довольно мѣткіе выстрѣлы.

— Да, но вѣдь это не дозволено въ жиломъ мѣстѣ, и я уже изъ-за нея имѣлъ по этому поводу объясненія... Но, однако...

Графъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и добавилъ:

— Этотъ прекрасный стрѣлокъ нынче такъ долго медлитъ, что я позволю себѣ сдѣлать атаку.

И графъ только что приподнялся съ дивана, чтобы постучать въ двери, какъ завѣшивавшій дверь коверъ отодвинулся и въ его полутемномъ отворотѣ появилась красивая Марья Степановна. Она въ самомъ дѣлѣ была очень хороша.—хотя немножко полновата. Ростъ у нея былъ небольшой, но хорошій и притомъ удивительное античное тѣлосложеніе, а лицо нѣсколько смугловатое, съ замѣчательнымъ тонкимъ очертаніемъ, напоминающимъ новогреческій типъ. Это прелестное лицо очень знали въ Петербургѣ, и Марья Степановна впослѣдствіи еще покрушила много сердецъ и головъ, такъ какъ съ этого случая, о которомъ я теперь разсказываю, только началась ея настоящая карьера. Впослѣдствіи изъ нея вышелъ такой на всѣ руки боецъ и дѣлецъ, черезъ котораго обдѣлывались самыя невозможныя дѣла. Но мы, однако, не будемъ предупреждать событія.

Графъ подалъ Марьѣ Степановнѣ руку, а другою рукою поддержалъ ее за затылокъ подъ головку и поцѣловалъ ее въ лобъ, который та подставила графу, какъ истая леди.

Затѣмъ онъ представилъ хозяйкѣ гостя, а тому сказалъ:

— Марья Степановна—мой другъ: ея друзья—мои друзья, а враговъ у насъ съ нею нѣтъ.

Марья Степановна ласково протянула гостю руку, а въ сторону графа отвѣчала:

— Что до меня, то это не такъ: у меня враги есть и впредь очень быть могутъ, но я ихъ никогда не замѣчаю

Между тѣмъ, хотя она держала себя и очень самоувѣренно и смѣло, но въ ея лицѣ, фигурѣ и въ довольно хорошихъ, но нѣсколько нервныхъ движеніяхъ было что-то немножко вульгарное и немножко тревожное, но тревожное, такъ сказать, «съ предусмотрѣніемъ» на всякій возможный случай. Она держалась прекрасно и говорила бойко и умно, не стѣсняясь своей очень очевидной роли,—что непремѣнно стала бы дѣлать женщина менѣе сообразительная; но только ей все-таки было не по себѣ и она прибѣгла къ

обще-армейскому средству: она пожаловалась на нездоровье, причемъ впала въ довольно замѣтную ошибку: дѣвушка ея говорила о зубной боли, а сама Марья Степановна возроптала на несносную мигрень.

Графъ замѣтилъ ей это и разсмѣялся, а она разсердилась и запальчиво отвѣтила:

— Не все ли это равно.

— Ну, не совсѣмъ все равно.

— Совершенно равно: когда сильно болятъ зубы, тогда все болитъ. Не правда-ли? обратилась она къ офицеру.

Тотъ согласился съ шутливымъ поклономъ.

— Вы очень милы, отвѣчала она и снова обвела комнату взглядомъ, въ которомъ читалось ея желаніе, чтобы визитъ посѣтителей сошелъ какъ можно короче. Когда же графъ сказалъ ей, что они только выпьютъ у нея чашку шоколада и сейчасъ же уѣдутъ, то она просіяла и, забывъ роль больной, живо вышла изъ комнаты отдать приказанія служанкѣ, а графъ въ это время спросилъ своего спутника:

— Какова-съ?

— Эта дама очень красива.

— Да, это лицо сотворено для художника, — и она позировала передъ Майковымъ. Пріятный художникъ. Я его зналъ еще въ двѣнадцатомъ году, когда онъ былъ офицеромъ. Очень нѣжно пишетъ. Государь любитъ его кисть. У меня есть нѣсколько головокъ Марьи Степановны, но тутъ у нея у самой есть съ нея этюдъ, гдѣ видно больше чѣмъ одна головка... Это ничего, что она полна. Майковъ былъ ею очарованъ. Говорятъ, будто онъ религіозенъ, — я этого не знаю, но онъ въ беззастѣнчивомъ родѣ пишетъ прелестно. Вы видали его произведенія въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ,—я о нихъ только слышалъ.

— Ну, такъ вы сейчасъ это можете видѣть: давайте вашу руку и идите за мною.

И Канкринъ почти втянулъ офицера за собою въ спальню

красавицы, гдѣ надъ газированнымъ уборнымъ столомъ висѣлъ довольно большой, драпированный бархатомъ, портретъ Марьи Степановны. Портретъ дѣйствительно былъ хорошо написанъ, извѣстными нѣжными Майковскими лассировками и съ большою классическою открытостію, дозволявшею любоваться и формами и живымъ и сочнымъ колоритомъ прелестнаго женскаго тѣла. Картина была вполнѣ мастерская и вполнѣ достойная живой красоты, которую она воспроизводила. Но Майковскія лассировки были очень нѣжны, а офицеръ былъ отъ природы сильно близорукъ и, чтобы разсмотрѣть картину, долженъ былъ стать къ ней очень близко. Канкринъ его самъ къ этому и подвинулъ, подведя вплотную къ пышно убранному кисеею туалетному столику.

Тутъ и случилось самое неожиданное происшествіе: офицеръ не замѣтилъ, какъ онъ запутался шпорами или саблей въ легкія оборки кисейной отдѣлки туалетнаго стола, а когда онъ нагнулся, чтобы поправить свою неловкость, то сдѣлалъ другую, еще бо̀льшую. Желая освободить себя изъ волнъ кисеи, онъ приподнялъ полу чехла и остолбенѣлъ: глазамъ его, какъ равно и глазамъ графа, представились подъ столомъ двѣ неизвѣстно кому принадлежащія ноги въ мужскихъ сапогахъ и двѣ руки, которыя обхватывали эти ноги, чтобы удержать ихъ въ ихъ неестественномъ компактѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Молодой офицеръ былъ преисполненъ жесточайшею на себя досадою за свою неловкость, и въ тоже время ему разомъ хотѣлось смѣяться, и было жаль и этой дамы, и графа, и того неизвѣстнаго счастливца, кому принадлежали обрѣтенныя ноги.

Но положеніе сдѣлалось еще труднѣе, когда офицеръ оглянулся и увидалъ, что сама Марья Степановна успѣла возвратиться и стояла тутъ же на порогѣ открытой двери.

— Вотъ, чортъ возьми, положеніе! подумалъ онъ, и въ его головѣ вдругъ промелькнуло, какъ такія вещи разыгрываются у людей той или другой націи и того или другого круга, но вѣдь это все здѣсь не годится... Вѣдь это Канкринъ! Онъ долженъ быть уменъ вездѣ, во всякомъ положеніи, и если въ данномъ досадномъ и смѣшномъ случаѣ Марьѣ Степановнѣ предстояла задача показать присутствіе духа, болѣе чѣмъ нужно на сѣдлѣ и съ ружьемъ въ рукахъ, то и онъ долженъ явить собою примѣръ благоразумія!

Между тѣмъ картина не могла оставаться нѣмою, — и графъ былъ, очевидно, того же самаго мнѣнія.

Видя всеобщее удрученіе нѣмою сценою, графъ, нимало не теряя своего спокойнаго самообладанія, нагнулся къ задрапированному столу, изъ-подъ котораго торчали ноги, и привѣтливо позвалъ:

— Милостивый государь!

Отвѣта не было.

— Молодой человѣкъ! повторилъ графъ.

Ноги слегка вздрогнули.

— Mon enfant, обратился графъ къ Марьѣ Степановнѣ:— не можете ли вы мнѣ сказать, какъ зовутъ этого страннаго молодого человѣка?

— Его зовутъ Иванъ Павловичъ, отвѣчала покраснѣвъ, но съ задоромъ въ голосѣ хозяйка *).

— Прекрасная вещь, но какъ жаль, что онъ такъ застѣнчивъ! Зачѣмъ онъ отъ насъ прячется?

— Такъ... просто застѣнчивъ...

— Что за причуды сидѣть подъ столомъ!

— Онъ прекрасно вышиваетъ и помогалъ мнѣ вышивать сюрпризъ ко дню вашего рожденія, и... сконфузился.

— Сюрпризъ ко дню моего рожденія...

---

*) Имена героя и героини я ставлю не настоящія и фамиліи ихъ не обозначаю. Отъ этого изображеніе эпохи и нравовъ, надѣюсь, ничего не теряютъ.—Н. Л.

Графъ послалъ ей рукою по воздуху поцѣлуй и добавилъ:

— Mersi, mon enfant. Иванъ Павловичъ, выходите: вамъ тамъ совсѣмъ неловко вышивать.

Гость подъ столомъ фыркнулъ отъ смѣха и самымъ беззаботнымъ, веселымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, ваше сіятельство, неудобно.

И съ этимъ вдругъ, какъ арлекинъ изъ балаганнаго люка, передъ ними появился штатскій молодецъ въ сюртучкѣ не первой свѣжести, но съ веселыми голубыми глазами, пунцовымъ ртомъ и такими русыми кудрями, отъ которыхъ, какъ отъ нагрѣтой проволоки, тепломъ палило...

Канкринъ подалъ ему съ лежавшаго на столѣ серебрянаго plateau большую черепаховую гребенку и сказалъ:

— Поправьте вашу прическу.

— Это напрасно, ваше сіятельство.

— Нѣтъ, она у васъ въ безпорядкѣ.

— Все равно, ваше сіятельство, ихъ причесать нельзя.

— Отчего?

— Они у меня не ложатся.

— Какъ не ложатся!

— Никогда, ваше сіятельство, не ложатся.

— Слышите! обратился графъ къ офицеру; тотъ улыбнулся.

— Ну, а если ихъ—эти ваши волосы намочить водою?

— И тогда не ложатся!

— Вотъ какъ натура! подхватилъ графъ, и то же самое повторилъ, оборотясь къ офицеру, а Марьѣ Степановнѣ сказалъ по-французски:

— А вы напрасно говорите, что онъ конфузливъ.

— Онъ теперь оправился, потому что вы его обласкали.

— А-а, это очень быть-можетъ, согласился графъ и докончилъ:

— Ведите же насъ, милая хозяйка, къ вашему столу.

Съ этимъ онъ подалъ Марьѣ Степановнѣ руку и провелъ ее къ столу, гдѣ всѣхъ ихъ ожидалъ шоколадъ.

На Ивана Павловича дѣйствительно была сказана на-

праслина, будто онъ конфузливъ; но тѣмъ не менѣе онъ все-таки не зналъ, куда дѣть глаза, и министръ вступился въ его положеніе и началъ его разспрашивать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Служите ли вы гдѣ-нибудь, молодой человѣкъ?

— Служу, ваше сіятельство.

— И что же: везетъ ли вамъ на службѣ?

— Не знаю, какъ вамъ объ этомъ доложить.

— Ну, какое вы, напримѣръ, занимаете мѣсто?

— Канцелярскій чиновникъ.

— Еще не высоко! А давно уже служите?

— Пять лѣтъ.

— Что же васъ не подвигаютъ?

— Протекціи не имѣю, ваше сіятельство.

— Надо имѣть не протекцію, а способности и доброе прилежаніе, при добромъ поведеніи. Это гораздо надежнѣе.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Что значитъ ваше «никакъ нѣтъ?»

— Протекція гораздо надежнѣй.

— Что за вздоръ вы говорите!

— Нѣтъ-съ, это дѣйствительно такъ.

— Перестаньте, пожалуйста! Это даже думать такъ стыдно.

— Отчего же, ваше сіятельство, стыдно, — я это беру съ практики.

— Съ какой практики? Велика ли еще ваша практика! Вы такъ молоды.

— Молодъ, дѣйствительно, ваше сіятельство, но всѣ такъ говорятъ и я тоже по себѣ заключаю: я считаюсь и способнымъ и все стараніе прилагаю, и ни въ чемъ предосудительномъ въ поведеніи не замѣченъ, въ этомъ, я думаю, Марья Степановна за меня поручиться можетъ, потому что я ей уже три года извѣстенъ...

— Ахъ, вы уже три года знакомы! перебилъ графъ. — Это раньше меня!

— Нѣсколько менѣе,—замѣтила Марья Степановна.

— Да, дѣйствительно, менѣе,—подхватилъ Иванъ Павловичъ.

— Онъ, однако, вовсе незастѣнчивъ,—шепнулъ ей на ухо графъ.

— Вы его обласкали.

— Правда ваша, правда.

— А кто это, молодой человѣкъ, вашъ главный начальникъ, при которомъ такъ мало значатъ труды и способности, а все зависитъ отъ протекціи?

— Прошу прощенія у вашего сіятельства: этотъ вопросъ меня затрудняетъ.

— Не стѣсняйтесь! Мы здѣсь встрѣтились просто у общей знакомой—милой и доброй дамы и можемъ говорить откровенно. Кто вашъ главный начальникъ?

— Вы, ваше сіятельство.

— Какъ я!

Точно такъ, ваше сіятельство: я служу въ министерствѣ финансовъ.

— Ну, послушайте, обратился графъ по-французски къ Марьѣ Степановнѣ,—онъ совершенно незастѣнчивъ.

Та сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Отчего же я васъ, Иванъ Павловичъ, никогда не видалъ?—спросилъ графъ.

— Нѣтъ, вы изволили меня видѣть, только не замѣтили. Я во всѣ праздники являюсь и росписываюсь на канцелярскомъ листѣ раньше многихъ.

— Да какъ же, наконецъ, ваша фамилія?

— Я называюсь N—овъ.

— N—овъ,—такъ я произношу?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Ну, adieu, mon enfant, обратился графъ къ дамѣ:—и au revoir, monsieur N—овъ.

Графъ и его спутникъ простились, сѣли на своихъ коней и уѣхали.

Наблюдавшій всю эту любопытную сцену офицеръ за-

мѣтилъ, что Марья Степановна различила разницу посланнаго ей графомъ «adieu» отъ адресованнаго Ивану Павловичу «au revoir», но нимало этимъ не смутилась; что касается самого Ивана Павловича, то онъ при отъѣздѣ гостей со двора выстроился у окна и смотрѣлъ совсѣмъ побѣдителемъ, а завитки его жесткихъ, какъ сталь, волосъ казались еще сильнѣе наэлектризованными и топорщились кверху.

— Чортъ меня знаетъ, на какое я налетѣлъ происшествіе,—думалъ офицеръ и ощущалъ сильное желаніе какъ можно скорѣе разстаться съ графомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

То же самое, въ свою очередь, испытывалъ и Канкринъ. И ему, разумѣется, не было теперь удовольствія ѣхать съ глазу-на-глазъ вдвоемъ съ малознакомымъ щегольскимъ офицеромъ, который видѣлъ его въ смѣшномъ положеніи.

Какъ только они выѣхали за Новую Деревню, на лужайку къ Лѣсному, графъ говоритъ:

— Ну, вы теперь отсюда куда же?

Офицеръ понялъ, что тотъ хочетъ отъ него отдѣлаться, и самъ этому случаю обрадовался.

— Я, говоритъ, — хотѣлъ бы заѣхать къ одному товарищу здѣсь, въ Старой Деревнѣ.

— Что же, и прекрасно, вы не стѣсняйтесь. А я поѣду на Каменный навѣстить графа Панина.

Имъ дальше было не по дорогѣ.

Графъ остановилъ коня и крѣпко, дружески пожалъ офицеру руку.

Тотъ ощутилъ въ этомъ пожатіи цѣлую скромную просьбу и въ молчаливомъ поклонѣ умѣлъ выразить готовность ее исполнить.

— Спасибо,—отвѣчалъ Канкринъ, и они разстались.

Графъ, однако, обманулъ своего молодого друга, — онъ

не поѣхалъ къ Панину, а возвратился домой и прошелъ къ супругѣ. Графиня Екатерина Захаровна (рожденная Муравьева) въ это время принимала у себя какого-то иностранца-піаниста, котораго привезъ ей напоказъ частый ея гость, извѣстный въ свое время откупщикъ Жадовскій.

Графиня и Жадовскій сидѣли и слушали артиста, который съ величайшимъ стараніемъ показывалъ имъ свое искусство въ игрѣ на фортепіано.

Графъ даже не вошелъ въ комнату, а только постоялъ въ открытыхъ дверяхъ, держась обѣими руками за притолки, а когда пьеса была окончена и графиня съ Жадовскимъ похлопали польщенному артисту, Канкринъ, махнувъ рукою, произнесъ безцеремонно «miserable Klimperei», и застучалъ своими галошами по направленію къ своему темному кабинету.

Здѣсь онъ надѣлъ на лобъ козырекъ отъ фуражки, служившій ему вмѣсто тафтяного зонтика, и сѣлъ за работу передъ большимъ подсвѣчникомъ, въ которомъ горѣли въ рядъ шесть свѣчей подъ темнымъ абажуромъ.

На половинѣ «кавалеръ-дамы» Екатерины Захаровны (такъ величалъ ее покойный графъ) долго еще оставались откупщикъ и артистъ, и раздавалась «miserable Klimperei», а графъ все сидѣлъ и, можетъ быть, обдумывалъ одинъ изъ своихъ финансовыхъ плановъ, а можетъ быть просто дремалъ послѣ прогулки на лошади. Но только возвратившійся домой спутникъ графа видѣлъ съ своего балкона силуэтъ Канкрина на марли заставокъ очень долго, а утромъ рано опять уже послышалась его скрипка. Это значило, что Канкринъ всталъ, умылся и, вмѣсто утренней молитвы, играетъ въ своей темной уборной.

Значитъ, его настроеніе находится въ полномъ порядкѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день, при докладѣ, Канкринъ обратился къ директору департамента, Александру Максимовичу Княже-

вичу, и спросилъ: есть-ли у него канцелярскій чиновникъ по фамиліи N—овъ?

Княжевичъ этого навѣрно и самъ не зналъ, но отвѣчалъ, что, кажется, будто такой есть.

Спросили у экзекутора, — оказалось, что дѣйствительно есть чиновникъ N—овъ.

— А давно ли онъ служитъ и гдѣ воспитывался?

Отвѣчаютъ, что служитъ уже около пяти лѣтъ (совершенно вѣрно, какъ говорилъ самъ Иванъ Павловичъ). А происходитъ онъ изъ небогатыхъ курскихъ дворянъ, мать его была въ Суджѣ акушеркою, а онъ обучался на средства какого-то благодѣтеля въ курской гимназіи и окончилъ курсъ.

Графъ это выслушалъ и говоритъ:

— Я его видѣлъ. Въ курской гимназіи хорошо воспитываютъ. У насъ образованныхъ молодыхъ людей немного еще: нельзя ли намъ его какъ-нибудь по службѣ поощрить?

А Александръ Максимовичъ Княжевичъ былъ иногда упрямъ и съ странностями; онъ отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ никакихъ вакансій.

Только тутъ же случился директоръ другого департамента, который былъ ловчѣе; этотъ и вызвался:

— У меня, говоритъ, — ваше сіятельство, въ одномъ отдѣленіи есть мѣсто помощника столоначальника, и мнѣ образованный, скромный молодой человѣкъ очень нуженъ.

Канкринъ поблагодарилъ этого директора и мѣсто Ивану Павловичу тотчасъ дали.

Какъ онъ былъ радъ — ужъ это можно представить, но только на другой день, по подписаніи приказа, директоръ призвалъ Ивана Павловича къ себѣ и говоритъ:

— Есть ли у васъ вицъ-мундиръ?

Иванъ Павловичъ отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство: я занималъ до сихъ поръ неклассную должность и вицъ-мундира себѣ не шилъ да и сшить не за что.

— Ну теперь, отвѣчаетъ директоръ, — вы повышены, и на классной должности вамъ вицъ-мундиръ необходимъ. Я назначу вамъ изъ канцелярскихъ суммъ полтораста рублей пособія, — извольте ихъ получить и немедленно же закажите себѣ хорошій вицъ-мундиръ. Совѣтую вамъ сдѣлать его на Васильевскомъ Островѣ у портного Доса. Онъ самъ англичанинъ и всѣмъ англичанамъ работаетъ. Его фраки очень солидно сидятъ, что̀ для формы идетъ. Можете ему сказать, что я васъ прислалъ: онъ и мнѣ тоже работаетъ.— А когда будете одѣты, прошу ко мнѣ явиться.

Досъ сшилъ Ивану Павловичу такую вицъ-мундирную пару, что тотъ сразу получилъ видъ, по крайней мѣрѣ, молодого сенатора.

— Чудесно сшито, похвалилъ директоръ. — Теперь извольте же завтра представиться въ этомъ вицъ-мундирѣ графу и поблагодарить его, такъ какъ вы вашимъ повышеніемъ обязаны непосредственному вниманію его сіятельства къ вашимъ способностямъ и воспитанію.

— Эхъ, ты, чортъ возьми, какая загвоздка! — подумалъ Иванъ Павловичъ.

Онъ и самъ чувствовалъ въ себѣ большую потребность благодарить графа, но, при воспоминаніи объ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому начальственному вниманію, мысли молодого человѣка путались. Ивану Павловичу казалось и смѣшно и даже какъ-будто дерзко напоминать о себѣ графу предъявленіемъ ему своей интересной самоличности. Иванъ Павловичъ думалъ такъ, что если онъ не пойдетъ благодарить, то это будетъ лучше: графъ навѣрно не сочтетъ этого за непочтительность, а, напротивъ, похвалитъ его скромность; но директоръ понималъ дѣло иначе и настоялъ, чтобы Иванъ Павловичъ непремѣнно пошелъ представляться и благодарить.

Дѣлать нечего, надо было повиноваться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ нарочитый день, когда Канкринъ принималъ чиновниковъ своего вѣдомства, сталъ передъ нимъ въ числѣ представлявшихся и Иванъ Павловичъ.

Только этотъ застѣнчивый человѣкъ, — сколько по скромности, столько же по тонкому разсчету, — помѣстился ниже всѣхъ, въ самомъ концѣ шеренги представлявшихся чиновъ. Этимъ Иванъ Павловичъ оказалъ скромность передъ другими болѣе сановными лицами, а себѣ предуготовилъ ту выгоду, что, оставаясь послѣднимъ, онъ могъ принести свою благодарность министру наединѣ.

Дѣйствительно, такъ и пришлось: Канкринъ отпустилъ по очереди всѣхъ представлявшихся, а потомъ подошелъ къ послѣднему Ивану Павловичу и, не смотря ему въ лицо, протянулъ руку, чтобы принять прошеніе.

Иванъ Павловичъ поклонился и молвилъ:

— Я, ваше сіятельство, не съ прошеніемъ.

Канкринъ вскинулъ на него глаза и проговорилъ:

— Что же вамъ угодно?

— Я являюсь, по приказанію директора, чтобы благодарить ваше сіятельство.

— За что?

— Я получилъ мѣсто...

— Прекрасно... я очень радъ... Значитъ, вы его заслужили.

— Господинъ директоръ мнѣ объявилъ, что вы сами изволили оказать мнѣ въ этомъ помощь.

— Очень можетъ быть: вы мнѣ помогали, а я вамъ помогъ. Это такъ и слѣдовало. Желаю вамъ счастливо подвигаться впередъ.

Графъ поклонился и ушелъ, а директоръ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Ивана Павловича и разспросилъ его, что съ нимъ говорилъ министръ при представленіи.

Иванъ Павловичъ отвѣчалъ:

— Графъ изволили быть со мной очень милостивы и пожелали мнѣ «счастливо подвигаться впередъ».

Директоръ сдѣлалъ жестъ и говоритъ:

— Это прекрасно, — вы можете считать себя устроеннымъ: графъ очень проницателенъ и онъ не ошибся отмѣтить въ васъ способнаго молодого человѣка, которому стоило только сдѣлать первый шагъ. Этотъ шагъ теперь вами и сдѣланъ, а дальнѣйшее зависитъ не отъ однихъ вашихъ стараній, но также и отъ сообразительности,—присядьте.

Иванъ Павловичъ поклонился.

— Присядьте, присядьте, — повторилъ директоръ, показывая ему на стулъ.

Тотъ сѣлъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— Финансовая служба, заговорилъ директоръ, — это не то, что какая-нибудь другая служба. Она имѣетъ свои особенности. Здѣсь идетъ дѣло не о юридическихъ фантазіяхъ, а о хозяйствѣ, — о всемъ, такъ сказать, достояніи Россіи. Вотъ почему люди, которые допускаются къ финансовымъ должностямъ, облекаются большимъ довѣріемъ начальства, и потому они должны быть ему крѣпки... Они должны, такъ сказать, представлять начальству въ самихъ себѣ прочное ручательство, что, кромѣ естественно въ каждомъ честномъ человѣкѣ предполагаемаго сознанія собственнаго достоинства и священнаго долга, они скрѣпили себя другими узами, которыя въ своемъ родѣ тоже равны присягѣ, потому что они произносятся передъ алтаремъ и начертываются въ сердцѣ...

Директоръ былъ немножко поэтъ, но Иванъ Павловичъ въ ту же минуту умѣлъ перелагать его оду на обыкновенный прозаическій языкъ.

— Я говорю о томъ, сказалъ директоръ, — что въ финансовомъ вѣдомствѣ довольно трудно полагаться на холо-

стыхъ людей. Холостые люди—они, какъ мотыльки или какъ перелетныя птички, всегда готовы порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ вѣтки на вѣтку. Посидѣлъ, вспорхнулъ—и нѣтъ его, и ищи гдѣ знаешь. Въ военной службѣ это, напримѣръ, даже принято, но по финансовой службѣ это невозможно. Настоящій финансистъ, если онъ желаетъ внушать къ себѣ полное довѣріе, непремѣнно долженъ имѣть дорогихъ и близкихъ его сердцу существъ... Понимаете чтобы ему было къ кому чувствовать привязанность и было чѣмъ и для кого дорожить собою.

Директоръ чувствовалъ, что говоритъ вздоръ, и спѣшилъ окончить.

— Я разумѣю то,—заключилъ онъ,—что финансистъ непремѣнно долженъ быть женатъ и имѣть семейство. Да, да, да! Непремѣнно! И я разумѣю не какое-нибудь вѣтренное семейство, составленное на холостую руку, а плотную и почтенную женатую жизнь. Истинный финансистъ, если онъ желаетъ представлять собою надежныя за себя ручательства, непремѣнно долженъ быть женатъ. Одно глубоко и искренно уважаемое мною лицо, котораго я не назову вамъ, разъ прямо высказало мнѣ свою тайную задушевную мысль, что, по его мнѣнію, отвѣтственныя должности по финансовому вѣдомству предпочтительно надлежитъ довѣрять людямъ женатымъ. И мы этого держимся, если не совсѣмъ безъ отступленій, то по возможности мы женатымъ даемъ преимущества. Таковы почти правила для финансовой службы, если ею управляютъ какъ слѣдуетъ. И я хотѣлъ бы сказать, что это прекрасныя правила, выработанныя практикой и освященныя временемъ. И для того, кто имѣетъ благородное честолюбіе и кто способенъ никогда не упускать изъ виду сдѣлать себѣ быструю и хорошую карьеру,—я надѣюсь, что я не говорю ничего необычайнаго и новаго. Кто религіозенъ и кто уважаетъ заповѣдь Божію, тотъ долженъ знать, что «не благо быть человѣку одному». Этого положенія обойти нельзя, ибо оно вѣчно, ибо это... такъ...

Директоръ поднялся съ своего кресла, вознесъ вверхъ

правую руку съ двумя выпрямленными пальцами и докончилъ.

— Такъ сказалъ о человѣкѣ самъ Богъ.

Съ этимъ сановникъ вручилъ свои два пальца Ивану Павловичу и отпустилъ его со словами:

— И я такъ вамъ совѣтую, и желаю вамъ счастья и успѣховъ. Вашъ столоначальникъ почти такой же, какъ вы, молодой человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ и сердцемъ. Вамъ съ нимъ будетъ пріятно. Въ немъ много самолюбія и онъ на своемъ нынѣшнемъ посту долго не засидится. Я не люблю оставлять безъ поощренія людей способныхъ и меня понимающихъ. Томить людей не слѣдуетъ, и никого изъ моихъ подчиненныхъ не томить—это мое правило.

Они поклонились другъ другу самымъ пристойнымъ и самымъ выразительнымъ манеромъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Спустя столько времени, сколько Ивану Павловичу показалось нужнымъ для того, чтобы дѣло его имѣло надлежащій видъ, онъ подалъ своему директору записку о разрѣшеніи ему вступить въ законный бракъ съ Марьей Степановной.

Графъ Канкринъ хотя съ неудовольствіемъ, но все-таки не отказалъ въ просьбѣ Марьи Степановны и былъ у нея посаженымъ отцомъ.

Иванъ Павловичъ для этого случая обнаружилъ всю тонкость своего практическаго ума: онъ устроилъ свадьбу «по-англійски»—тихую, въ маленькой домовой церкви, состоявшей на особыхъ правахъ.

Министръ ни малѣйшимъ образомъ не имѣлъ причины пожалѣть о томъ, что онъ уступилъ *послѣдней* просьбѣ своей милой знакомой, которой уже ранѣе сказалъ свое «adieu».

Она ему, впрочемъ, напомнила объ этомъ «adieu», когда,

по пріѣздѣ изъ церкви, осталась на короткое мгновеніе вдвоемъ съ глазу на глазъ съ графомъ.

— «Adieu», сказала она,—можетъ говорить женщина мужчинѣ, но не мужчина женщинѣ. Вы меня оскорбили—это на васъ не похоже.

Графъ извинился разсѣянностью.

— Я очень рада, а то я начинала думать, что вы способны забывать свои самыя лучшія философскія правила.

— Напримѣръ, какія?

— Никогда не говорить «никогда». Вы меня этому учили, и я помню.

Графъ засмѣялся, — какъ будто этимъ ему было приведено на память что-то очень смѣшное и въ тоже время пріятное.

— А что, видите,—вы мнѣ вѣрно не льстили, находя у меня «философскую складку».

— О, я вамъ нимало не льстилъ! Вы не только имѣете «философскую складку», но вы совсѣмъ великій практическій философъ.

— И что же, должна ли я теперь сказать вамъ «adieu»?

— Mon ange,—вы можете попрежнему сказать au revoir.

И онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку, а она слегла коснулась его лба и слегка же уронила ему въ отвѣтъ:

— Попрежнему.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Иванъ Павловичъ немедленно же получилъ мѣсто столоначальника и былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Марья Степановна была ему прекрасною женою, что ей было и не трудно, потому что она этого молодца въ самомъ дѣлѣ любила. Изъ ея приглашенія графа къ «прежнему» для супружескаго счастія Ивана Павловича не выходило ничего угрожающаго. Марья Степановна была не пустая, легкомысленная кокетка, которая способна упражняться въ кокетствѣ по одной любви къ этому искусству.

Нѣтъ, Марья Степановна была умная женщина и именно русская умная женщина, съ практическимъ закаломъ. Она широко обозрѣвала раскрывающееся передъ нею поле жизни и умѣла отличать кажущееся отъ существеннаго. Въ самомъ ея красивомъ обличьи тонкія черты новогреческаго типа, если всматриваться въ нихъ, напоминали одновременно старый византизмъ и славянскую смышленость. Въ ней было что-то пристойное бывшей «матерой вдовѣ Мамелефѣ Тимоѳеевнѣ», передъ которою въ раздумьѣ тыкали посошками въ землю и трясли бородами поважные старцы, чувствуя, что при такой бабѣ имъ негоже надъ бабьею головою тѣшиться. Весь разговоръ, веденный Марьей Степановной съ цѣлью упомянуть про «прежнее», былъ умный пріемъ не для возобновленія прежнихъ «пустяковъ», изъ которыхъ Марья Степановна выбралась совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы къ нимъ возвращаться, «какъ песъ на своя блевотины», а для того, чтобы сохранить декорумъ. Она знала французское присловье, что и «королевская любовница не стоитъ честной жены пастуха»—и она вышла замужъ недаромъ не балуясь; но что могло быть пригодно, того она упускать тоже не хотѣла. Уважала или нѣтъ она своего Ивана Павловича,—это иной вопросъ: умныя, практическія женщины рѣдко кого уважаютъ, да имъ это и не нужно; но она его *любила*, и этого съ нея было довольно, чтобы сдѣлать для него привязанность къ ней легкою, пріятною и ничѣмъ невозмутимою.

Какъ большинство женщинъ подобнаго практическаго склада, она любила Ивана Павловича просто за то, что онъ молодецъ собою, а притомъ расторопенъ, смѣтливъ и ей послушенъ. Онъ ей во всемъ станетъ вѣрить: она его ни въ чемъ не обманетъ—именно потому, что онъ ей очень нравится, и они вдвоемъ заживутъ въ мирѣ и согласіи безъ всякаго уваженія, и возьмутъ съ жизни на бенефисъ прехорошую срывку.

А о томъ, что о нихъ будутъ говорить, что о нихъ станутъ думать,—этому вздору она знала настоящую цѣну.

«Будь бѣла какъ снѣгъ и чиста какъ ледъ и — все равно—людская клевета тебя очернитъ».

Играя съ графомъ на «прежнихъ» струнахъ, она знала, что аккордъ зазвучитъ такъ, какъ она захочетъ.

Уголь, который она раздувала будто бы неосторожно, былъ ей извѣстенъ: она знала, что въ немъ есть нѣкоторая теплота, но не осталось уже ни малѣйшей доли опаснаго пламени.

Но именно эта-то тихая и безопасная теплота ей и была полезна для ея цѣлей. Въ ней именно и нуждалось ихъ все-таки пока еще совсѣмъ неустроенное и несогрѣтое домашнее гнѣздышко. Графъ былъ нуженъ,—и Иванъ Павловичъ зналъ это ничуть не менѣе, чѣмъ его супруга. А потому, когда Канкринъ, считая себя совершенно уединеннымъ съ Марьей Степановной, цѣловалъ ея пальчикъ въ знакъ возстановленія чего-то «прежняго»,—Иванъ Павловичъ, стоя за дверью съ шампанскою бутылкою, придерживалъ подрѣзанную пробку, чтобы она не хлопнула ранѣе чѣмъ разговоръ будетъ конченъ.

Онъ явился съ виномъ какъ разъ во̀-время и кстати, когда все нужное уже было сказано.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Иванъ Павловичъ, при всей его малозначительности для такого несомнѣнно большого человѣка, какъ графъ Канкринъ. сдѣлался тѣмъ, что былъ какой-то сомнительный духъ, вызванный изъ какой-то бездны словомъ очень неосторожнаго аскета.

Выскочилъ Иванъ Павловичъ передъ графомъ изъ-подъ уборнаго стола неожиданно, какъ гороховый ростокъ изъ пупа индійскаго дервиша, котораго описываетъ болтливый французъ Жаколіо, а убрать его назадъ съ глазъ долой сдѣлалось трудно.

Это произошло, во-первыхъ, отъ изящной манеры графа никогда не оставлять безъ вниманія тѣхъ дамъ, съ кото-

рыми онъ былъ однажды ласковъ, и во-вторыхъ—тутъ оказались на античныхъ ручкахъ Марьи Степановны (которымъ могла позавидовать Лавальеръ) забористые коготки «матерой» Мамелефы Тимоѳеевны.

Графъ былъ пораженъ, какъ начальникъ колѣна Іуды, отъ собственныхъ чреслъ своихъ: онъ не могъ отбиться отъ предупредительнаго желанія угодить ему въ лицѣ Ивана Павловича. Этотъ молодой счастливецъ въ началѣ слѣдующаго года былъ представленъ уже въ начальники отдѣленія. Канкринъ его утвердилъ—хотя, впрочемъ, освѣдомился:

— Что же, развѣ онъ очень способенъ?

Ему отвѣчали:—О, да-съ; онъ очень способенъ.

Министръ не имѣлъ никакихъ причинъ оспаривать заключенія ближайшаго начальника, и Иванъ Павловичъ сталъ начальникомъ отдѣленія.

Это великій урядъ въ департаментской іерархіи. Съ это уряда начинается уже пріятная положительность не только въ департаментѣ, но и въ мірѣ. Начальника отдѣленія уже не вышвыриваютъ изъ службы, какъ мелкую сошку, а съ нимъ церемонятся и даже въ случаѣ обнаруженія за нимъ какихъ-нибудь большихъ грѣховъ—его все-таки спускаютъ благовидно. Начальникъ отдѣленія получаетъ позицію — онъ уже можетъ пробираться въ члены благотворительныхъ обществъ, а оттуда его начинаютъ «проводить въ дома». И положеніе его все лѣпится глаже и выше.

Для жены чиновника достиженіе мужемъ мѣста начальника отдѣленія было еще важнѣе. Теперь это значительно измѣнилось, потому что іерархія вообще разслабѣла и потеряла престижъ, но тогда и женщины ее знали и соблюдали. Всѣ жены лицъ низшаго положенія иначе не назывались, какъ «наши чиновницы», ниже которыхъ были однѣ курьерши, а съ женъ начальниковъ отдѣленій уже начинались «наши министерскія дамы». Эти уже не ходили на Пасху въ приходскій храмъ, а пріѣзжали въ

«свою министерскую церковь», гдѣ ихъ съ предупредительностію провожалъ дежурный чиновникъ и подавалъ унесенное изъ канцеляріи мужнино кресло; дьяконъ подкаждалъ имъ граціознымъ движеніемъ щегольски рокочащаго кадила съ стираксой, а батюшка говорилъ: «цвѣтите и благоухайте!»

Послѣ пасхальнаго служенія, у начальницъ отдѣленія уже нерѣдко цѣловали ручки даже сами директоры, а взамѣнъ того мужья начальницъ поздравляли лично директоршъ...

Это уже былъ «министерскій кругъ», соприкасающійся съ «кабинетомъ», а не канцелярія, которая граничитъ съ курьерской.

Иванъ Павловичъ съ Марьей Степановной преодолѣли эти ступени, но они не думали на нихъ остановиться. Да, по правдѣ сказать, это имъ было и невозможно, ибо, не смотря на то, что офиціальная часть положенія была теперь въ порядкѣ, но въ неофиціальной многое не ладилось: дамы называли Марью Степановну «ci-devant» и немножечко отъ нея сторонились.

Надо было сдѣлать что-нибудь такое, чтобы образовать свой кругъ и заставить отдать справедливость своимъ способностямъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ, были достойны вниманія.

Марья Степановна кое-что придумала. Она нашла поводъ видѣться со Скобелевымъ, который когда-то зналъ ея ничѣмъ не знаменитаго отца. Старый комендантъ тоже былъ не прочь приволокнуться и обошелся привѣтливо съ милой дамой, а она заинтересовалась его разсказами. Она вообще попробовала кое-что говорить о литературѣ и увидала, что въ Россіи ничего нѣтъ легче какъ это. Скобелевъ заходилъ къ ней пить чай и иногда излагалъ такіе разсказы, которые не были напечатаны.

Марья Степановна чувствовала вкусъ къ простонародности,—тамъ столько сердца, ума и юмора...

Скобелевъ находилъ, что все это есть и въ самой въ ней.

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ находка у нея нынѣшняго мужа въ нѣкоторомъ родѣ не самая простонародная сцена? Развѣ это не отдаетъ «Москалемъ Чаривникомъ»?.. Какъ хороша взаправду живая народная жизнь! Марья Степановна почувствовала негодованіе къ выходкамъ противъ Бѣлинскаго. Скобелевъ ей открылъ болѣе, и она добилась случая видѣть разъ знаменитаго критика. Потомъ у ней пилъ чай и что-то читалъ Николай Полевой, и кто-то съ кѣмъ-то спорилъ о славянофилахъ и о необычайномъ умѣ молодого Хомякова.

Это произвело свое дѣйствіе: «министерскія дамы» измѣнили неглижированную презрительность на сосредоточенную сухость, въ которой одновременно ощущались и надменіе, и зависть.

Съ такимъ недоброжелательствомъ со стороны искреннихъ уже можно было жить.

Марья Степановна пошла пожинать плоды умнаго посѣва.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Марья Степановна, разумѣется, не могла любить литературу, а имѣла ее лишь только для своихъ практическихъ цѣлей. Литература представляетъ большое удобство, когда хочешь говорить о чемъ-нибудь, а не о комъ-нибудь,— такъ однако, чтобы это было для насъ полезно. Она усвоила двѣ-три мысли Бѣлинскаго, знала какое-то непримиримое положеніе Хомякова и склонялась на сторону Иннокентія противъ Филарета. Словомъ, впала, что называется, въ сферу высшихъ вопросовъ.

Это дало ей апломбъ и заставило многихъ кивать головами: «чѣмъ-то это кончится?»

Иванъ Павловичъ уже былъ сдѣланъ вице-директоромъ. Полагали, что это по женѣ, у которой такія прекрасныя, хотя, быть-можетъ, и не безопасныя знакомства.

Только она уже очень рисковала. Графъ Канкринъ былъ

человѣкъ довольно свободныхъ взглядовъ, однако, сказывали, что и онъ, подписывая назначеніе Ивана Павловича вице-директоромъ, поморщился.

Но судьба Ивану Павловичу служила съ невѣроятною преданностію: какъ нарочно, случались такія дѣла, что надо было командировать туда и сюда лицъ способныхъ и достойныхъ, и всякій разъ министру представляли для такихъ дѣлъ Ивана Павловича.

Это было очень непріятно Канкрину, и онъ одно представленіе отложилъ въ сторону, — сдѣлать было неудобно; но черезъ нѣсколько дней графъ былъ на одномъ музыкально-литературномъ «soirée intime», куда гости попадали не иначе, какъ сквозь фильтръ,—и вдругъ тамъ, въ одномъ укромномъ уголкѣ, графъ встрѣтилъ скромную женскую фигуру, которая ему сдѣлала глубокій поклонъ съ оттѣнкомъ подчиненности и ироніи, и произнесла только одно слово:

— Excellence!

Графъ не ожидалъ ее здѣсь встрѣтить и, немножко взволновавшись, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Ахъ, мой другъ,—вѣдь ужъ для него много сдѣлано— что же такое нужно, чтобы я еще сдѣлалъ?

— Только не мѣшайте.

Графъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Это напоминаетъ комедію: «Одно слово министру».— Ну, хорошо: я подпишу.

И онъ подписалъ Ивану Павловичу новое повышеніе.

Сила ея надъ графомъ была доказана. Пусть онъ и морщится, когда ему представляютъ Ивана Павловича, но въ общемъ сочетаніи различныхъ комбинацій все-таки пріятно. Вскорѣ къ протекціи Марьи Степановны стали прибѣгать сторонніе люди, имѣвшіе въ графѣ надобность по дѣламъ, и престранная вещь—тоже выходило успѣшно...

Было ли это случайное совпаденіе обстоятельствъ, или нѣтъ,—въ этомъ трудно было разобраться.

Пошло какое-то жужжанье, въ которомъ мѣшали все,

упоминая что-то и про Иннокентія, и про Хомякова, — и вдругъ также что-то такое про взятку...

Словомъ, являлось острое положеніе, въ которомъ надо— какъ говорятъ игроки—«квитъ или двойной кушъ».

Марья Степановна повела на двойной кушъ, а объ Иванѣ Павловичѣ въ самую неожиданную минуту послѣдовало новое представленіе графу къ повышенію.

Графъ вскипѣлъ.

— Что такое!.. куда его еще!.. И притомъ я что-то слышалъ...

Представлявшій отлично зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и хорошо нашелся.

— Да, отвѣчалъ онъ,—я знаю, что говорятъ: это очень жалко, но это не его вина,—а вина его жены, которая увлечена идеями славянофильства Хомякова...

Славянофильство графу было противно.

— Что такое? Какія хомяковскія идеи? Это что-то про сорокъ мучениковъ... Я въ этомъ рѣшительно ничего не понимаю. Оставьте у меня бумаги.

Но тотчасъ же гдѣ-то и какъ-то опять является «она, прелестной простоты полна», и даже безъ «excellence», а съ однимъ поклономъ и даетъ дѣлу желанное направленіе.

Увидавъ ее въ высокомъ кругѣ, графъ захотѣлъ, во что бы то ни стало, разъ и навсегда избавиться и отъ нея, и отъ ея мужа самымъ рѣшительнымъ пріемомъ.

Онъ самъ съ нею остановился, самъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Я все, все сдѣлаю, но другимъ образомъ.

Марья Степановна отвѣчала:

— Я всегда вѣрю вашему рыцарскому слову.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Дѣло о карьерѣ Ивана Павловича приходилось завершать,—только бы не быть болѣе съ нимъ вмѣстѣ.

Графъ сдѣлалъ комбинацію. Другое лицо большого по-

ложенія—графъ Панинъ имѣлъ надобность въ услугѣ министра финансовъ.

Канкринъ ее сдѣлалъ скоро и охотно, а чрезъ нѣкоторое время явился просить за подчиненнаго, котораго заслугъ онъ не въ силахъ совмѣстить съ ограниченностію персонала по своему вѣдомству.

Графъ Панинъ пожевалъ и отвѣчалъ, что «совмѣщать» многое очень трудно, и свободнѣе другихъ это можетъ развѣ Перовскій, у котораго не перечесть сколько хорошихъ мѣстъ, находящихся въ его власти.

Перовскій это и сдѣлалъ, а Канкринъ, подписывая бумагу о согласіи на переводъ Ивана Павловича въ другое вѣдомство, совсѣмъ неожиданно для предстоявшихъ перекрестился по-русски, какъ самъ Хомяковъ, и сказалъ:

— Это, какъ тамъ говорятъ, «нынче отпущаеши». Наконецъ, я не буду опасаться, что мнѣ представятъ, чтобы я его утвердилъ начальникомъ самому себѣ.

Такъ всѣ были введены въ обманъ, и думали, будто, представляя Ивана Павловича, дѣлали графу неописанное удовольствіе, тогда какъ это было совсѣмъ напротивъ.

Но собственно «отпущенія» графу все-таки не было. Въ Петербургѣ поняли, что въ услужливости ему въ лицѣ Ивана Павловича было много ошибочнаго, но въ провинціи куда этотъ карьеристъ поѣхалъ большимъ лицомъ и гдѣ первенствующее положеніе Марьѣ Степановнѣ уже принадлежало по праву, они были встрѣчены иначе. Въ осѣдавшее тѣсто словно подпустили свѣжихъ дрожжей, и оно пошло подниматься на опарѣ.

Марья Степановна слыла всемогущею по своему прежнему положенію и совмѣщала теперь это съ выгодами новаго положенія: она стояла выше того, чтобы ее подозрѣвать въ искательности: она говорила словами Бѣлинскаго «о человѣкѣ нравственно-развитомъ», слѣдила за Хомяковымъ, бесѣдовала съ Иннокентіемъ и... брала самыя отчаянныя взятки даже по такимъ вѣдомствамъ, которыя были чужды непосредственному вліянію ея мужа. Всѣ думали,

что въ ея лицѣ заключается всеобщее надежное «совмѣстительство».

Съ кѣмъ она дѣлилась тѣмъ, что взимала,—это была ея тайна, но графъ напрасно думалъ, будто его рѣшительная мѣра отстраненія совмѣстителей отъ непосредственнаго участія въ вѣдомствѣ освободила его на самомъ дѣлѣ отъ ихъ вліянія.

— Совмѣстительство, какъ лесть, можетъ являться въ разнообразныхъ формахъ, и гдѣ не промчится звѣремъ рыскучимъ, тамъ проползетъ змѣею или перепорхнетъ легкой пташечкой. Надо свѣтъ передѣлать или, другими словами, пріучить людей, чтобы они въ каждомъ дѣлѣ старались служить дѣлу, а не лицамъ. Вотъ это поистинѣ прекрасная задача, и добромъ вспомянется имя того, кто ей съ умѣньемъ служитъ.

Такъ закончилъ свой разсказъ правдивый и умный человѣкъ, со словъ котораго мною теперь передана выше изложенная исторійка «о совмѣстителѣ».

СТАРИННЫЕ ПСИХОПАТЫ.

«Что взаправду было и что міромъ сложено—не распознаешь».

В. Даль.

Полагаю, что рѣдко кому не приводилось слышать или читать разсказъ о какомъ-нибудь болѣе или менѣе любопытномъ событіи, выдаваемый авторомъ или разсказчикомъ за *новое*, тогда какъ новость эта уже давно сообщена другими въ томъ же самомъ видѣ или немножко измѣненная. И читать, и слышать такія вещи бываетъ досадно. Еще досаднѣе, когда случится самому принять такой разсказъ за дѣйствительную новость и потомъ неосторожно передать его — какъ происшествіе, бывшее съ пріятелемъ или знакомымъ, живущимъ будто тамъ-то и тамъ-то. И вдругъ оказывается, что все это или было когда-то очень давно, въ Нормандіи, съ барономъ, который имѣлъ большую слабость къ псамъ и жилъ съ деревенской простотою, или же и вовсе этого никогда еще нигдѣ не было. Такіе смѣшные, а отчасти иногда и непріятные казусы бывали, я думаю, съ каждымъ; но частный человѣкъ, не занимающійся литературою, не знаетъ, какъ легко можно попасть тому же самому при литературныхъ занятіяхъ и во сколько досаднѣе и обиднѣе попасться съ этимъ не въ устной бесѣдѣ, а съ записью «чернымъ по бѣлому». Между тѣмъ въ послѣднее время, Богъ вѣсть по какимъ причинамъ, въ на-

шей литературѣ безпрестанно начинаютъ встрѣчаться сказанія о такихъ исторіяхъ, которыя уже давно оповѣданы.

И еще того удивительнѣе, — замѣчаются случаи, когда вымышленный разсказъ послѣ весьма небольшого промежутка времени объявляется за дѣйствительное событіе, или съ маленькими измѣненіями пересказывается заново какъ фактъ, имѣвшій будто бы дѣйствительное бытіе въ другомъ мѣстѣ.

Въ первомъ родѣ мы не разъ доходили до повторенія заново старой выдумки объ «ипербол̀ѣ», поѣдавшей много сѣна, а во второмъ — я могу указать два лично меня касающіеся случая: первый былъ съ моимъ «Сказомъ о тульскомъ косомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ», а второй — съ разсказомъ «Путешествіе съ нигилистомъ». Оба эти разсказа нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною *выдуманы* и напечатаны—первый въ «Руси», И. С. Аксакова, а второй— въ «Новомъ Времени», А. С. Суворина; но «Лѣвшу» критики объявили исторіей, которая имъ будто давно была извѣстна, а съ «Путешествіемъ съ нигилистомъ» случилось нѣчто еще болѣе странное. Этотъ послѣдній разсказъ состоялъ въ томъ, что нѣсколько человѣкъ, ѣдучи въ вагонѣ желѣзной дороги, вели будто бесѣду о различныхъ странахъ и мало-по-малу наэлектризовались до того, что сами начали всего бояться. Вдругъ имъ сталъ казаться подозрительнымъ молчаливый пассажиръ, передъ которымъ на лавочкѣ помѣщался маленькій чемоданъ. Отчего этотъ господинъ все молчитъ? Что это за поведеніе? Зачѣмъ передъ нимъ стоитъ чемоданчикъ? Что у него въ этомъ чемоданѣ? Можетъ быть, это и есть «трахъ-тарарахъ»? И навѣрное такъ... Даже не можетъ быть иначе... Иначе онъ сдалъ бы чемоданчикъ въ багажъ — и тогда столь очевидная опасность для всѣхъ пассажировъ значительно уменьшилась бы...

Пассажиры обезпокоились и посылаютъ къ незнакомцу депутата съ вѣжливой просьбой удалить проклятый «трахъ-тарарахъ» изъ вагона. Посолъ говоритъ: «не желаете ли вы сдать этотъ чемоданъ въ багажъ?» Пассажиръ отвѣчаетъ: «Не желаю». — «А! въ такомъ случаѣ мы къ начальству.

Кондуктора, жандармы, станціонные — всѣ приступаютъ съ вопросомъ: не желаете ли сдать», — но пассажиръ всѣмъ даетъ одинъ отвѣтъ: «Не желаю». И голосъ у незнакомца недобрый, и тонъ подозрительный и видъ ожесточенный. Всѣ рѣшаютъ, что это «нигилистъ». Его берегутъ, глазъ съ него не спускаютъ и, наконецъ, у городской станціи требуютъ, чтобы онъ вышелъ. Онъ выходитъ очень охотно, потому что ему тутъ и надо было выйти, но чемодана брать не хочетъ. — «Не желаете ли взять съ собою этотъ чемоданъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Не желаю». Его ведутъ къ допросу, спрашиваютъ, кто онъ такой, и узнаютъ, что онъ «прокуроръ судебной палаты», а чемоданъ оказывается принадлежащимъ еврею, который скрывался безъ билета подъ лавкою. — Картина. Всѣ успокоиваются, смѣются и ѣдутъ далѣе... И вдругъ все это вымышленное мною шуточное событіе будто бы повторяется въ дѣйствительности, и гдѣ же?—въ Италіи съ предсѣдателемъ окружнаго суда изъ Равенны, проѣзжавшимъ черезъ маленькій городокъ Форли. Есть кое-какая перемѣна въ лицахъ и обстановкѣ, сообразно условіямъ мѣстности, но вся фабула та же.

Узнавъ объ этомъ 11-го января изъ «Новостей», я не только изумился, но даже испугался...

— Какъ, подумалось мнѣ: — неужто и до того должно было дойти, что «оскудѣніе» ощущается уже не въ области литературнаго вымысла, но даже въ самой жизни, изобрѣтательность которой всегда почиталась столь разнообразною и неистощимою. Неужто и она вдругъ притупѣла и вмѣсто того, чтобы постыждать насъ блѣдностію нашихъ измышленій передъ живостью истинныхъ событій, она нисходитъ до того, чтобы разыгрывать на своихъ клавишахъ несовершенные наброски нашей композиціи... Но, однако, къ счастію, еще не утрачено право думать, что это не такъ,— что дѣйствительная жизнь нашихъ литературныхъ фантазій не разыгрываетъ, а совпаденіе, какое случилось въ Италіи послѣ моего разсказа, придумано, быть можетъ, знакомымъ съ русскимъ языкомъ нѣмецкимъ корреспондентомъ.

И мнѣ сталъ припоминаться цѣлый рой болѣе или менѣе замѣчательныхъ исторій и исторіекъ, которыя издавна живутъ въ той или другой изъ русскихъ мѣстностей и постоянно передаются изъ устъ въ уста, отъ одного человѣка другому. Большинство изъ нихъ пользуется репутаціей самыхъ достовѣрныхъ событій и сообщается съ указаніемъ собственныхъ именъ, мѣста и времени событій. Разсказы эти ведутся такъ, что усомниться въ справедливости ихъ часто значило бы оскорбить не одного разсказчика, но всю мѣстную публику, раздѣляющую его вѣрованія, а между тѣмъ вѣрить въ дѣйствительность упоминаемыхъ событій очень трудно и иногда даже совсѣмъ невозможно.

Между тѣмъ всѣ подобныя исторіи должны быть дороги литературѣ и достойны сохраненія ихъ въ ея записяхъ. Эти исторіи, какъ бы кто о нихъ ни думалъ, — есть современное продолженіе народнаго творчества, къ которому, конечно, непростительно не прислушиваться и считать его за ничто. Въ устныхъ преданіяхъ или даже въ сочиненіяхъ этого рода (допустимъ, что есть чистѣйшія сочиненія) всегда сильно и ярко обозначается настроеніе умовъ, вкусовъ и фантазіи людей даннаго времени и данной мѣстности. А что это дѣйствительно такъ, въ томъ меня достаточно убѣждаютъ записи, сдѣланныя мною во время моихъ скитаній по разнымъ мѣстамъ моего отечества. Такъ, напримѣръ, въ преданіяхъ (или, пожалуй, въ вымыслахъ) малороссійскихъ всегда преобладаетъ характеръ *героическій*, напоминающій сродство здѣшней фантазіи съ вымыслами польскихъ сочинителей апокрифовъ о «панѣ Коханку», а въ исторіяхъ великорусскихъ и особенно столичныхъ, петербургскихъ — больше сказывается *находчивость*, бойкость и тонкость плутовскаго пошиба. Очевидно, фантазія людей данной мѣстности выражаетъ ихъ настроеніе и, такъ сказать, создаетъ сама себѣ *своихъ козырей* для своей игры. Но замѣчательно, что всѣ эти козыри, какъ герои, такъ и плуты, — всѣ въ своемъ родѣ выходятъ какъ будто въ свою очередь тоже и «*психопаты*».

Я очень цѣню такія исторіи, даже и тогда, когда историческая достовѣрность ихъ не представляется надежною, а иногда и совсѣмъ кажется сомнительною. По моему мнѣнію, какъ вымыселъ или какъ сплетеніе вымысла съ дѣйствительностью—онѣ даже любопытнѣе. Я передамъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ не только затѣмъ, чтобы сохранить эти памятники общественнаго творчества, но и для того, чтобы вызвать нѣкоторымъ изъ нихъ этимъ путемъ провѣрку. Быть можетъ, то, что мнѣ кажется невѣроятнымъ, или сочиненнымъ, или заимствованнымъ изъ какихъ-то постороннихъ источниковъ,—происходило и на самомъ дѣлѣ, но только переиначено и преувеличено. Кто-нибудь изъ мѣстныхъ людей можетъ отозваться къ моимъ записямъ и поправить ихъ свѣдущими сообщеніями и тогда предъ нами предстанетъ рядъ житейскихъ курьезовъ, которые до сихъ поръ не переходятъ за границу своихъ мѣстностей.

Я начну съ *героическаго*, — съ разсказовъ малороссійскихъ, въ которыхъ болѣе грандіознаго, наивнаго и, какъ мнѣ кажется, преувеличеннаго, но во всякомъ случаѣ весьма своеобразнаго.

Эпопея о Вишневскомъ и его сродникахъ.

Вотъ самъ помѣщикъ благодатный,
Изъ непосредственныхъ натуръ.
И. Тургеневъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, былъ помѣщикъ Иванъ Гавриловичъ Вишневскій. Онъ получилъ отъ щедротъ императрицы Елисаветы Петровны большое имѣніе по обоимъ берегамъ рѣки Суноя (рѣки Удай и Суной отмѣчены въ одной географіи «неспособными къ судоходству по множеству пороковъ»). Имѣніе это состояло изъ двухъ большихъ деревень, изъ которыхъ одна называлась Фарбованая, а другая Сосновка.

Старый панъ Иванъ Вишневскій жилъ и умеръ въ этомъ имѣніи, а послѣ его смерти Фарбованая и Сосновка достались сыну его. Степану Ивановичу Вишневскому, который оставилъ по себѣ героическую извѣстность,—можетъ быть сильно дополненную и разукрашенную домыслами во вкусѣ мѣстной фантазіи.

Степанъ Ивановичъ былъ атлетъ и богатырь, а притомъ также хлѣбосолъ, самодуръ и преужасный развратникъ, но имѣлъ образованіе. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ императрица Екатерина посылала въ Англію «для просвѣщенія ума и сердца».

По возвращеніи изъ Англіи онъ поступилъ на службу въ конно-гвардейскій полкъ, но какъ только дослужился до чина поручика—вышелъ въ отставку, женился на тверской дворянкѣ, дѣвицѣ Степанидѣ Васильевнѣ изъ рода Шубинскихъ, и поселился въ Москвѣ въ собственномъ домѣ.

Дѣлать Вишневскому здѣсь было нечего, и онъ началъ «чудить».

Прежде всего онъ надумалъ импонировать москвичамъ своей хохлацкой «нацыей». Онъ не хотѣлъ никого знать,—одѣвался по-хохлацки, много пилъ «запридуху» и ѣлъ будто одно только медвѣжье мясо.

Императрицѣ доложили, что Вишневскій «не соблюдаетъ свѣтскихъ приличій», и тогда самодуру было сдѣлано замѣчаніе. Онъ рѣшился исправиться и съ этою цѣлью вытребовалъ себѣ изъ Малороссіи въ Москву хохлацкую телѣгу съ парою воловъ и паробка, который умѣлъ этими волами править. А какъ только наступилъ день обычныхъ и для всѣхъ видныхъ лицъ въ столицѣ обязательныхъ визитовъ, Степанъ Ивановичъ собрался «объѣзжать всѣхъ именитыхъ людей съ визитами». Но выѣхалъ онъ не налегкѣ въ одномъ экипажѣ, а съ цѣлымъ поѣздомъ. Впереди скакалъ жокей на кургузой англійской кобылѣ, за нимъ слѣдовала цугомъ запряженная прекрасная карета, въ которой сидѣлъ камердинеръ, а за каретою ѣхала телѣга,

или хохлацкій «возъ», заложенный парою сивыхъ, круторогихъ воловъ, и на этомъ возу помѣщался панъ Степанъ. Онъ сидѣлъ, какъ обыкновенно садятся малороссійскіе крестьяне, — т. е. посерединѣ телѣги, на кучкѣ раскинутой ржаной соломы, и курилъ съ флегматическимъ спокойствіемъ коренковую трубку излюбленнаго хохлацкаго фасона. Волами правилъ хохолъ въ затрапезныхъ шароварахъ «ширше облака», въ дехтярной рубахѣ съ прямымъ воротомъ, въ «тяжкихъ чоботахъ», и въ высокой смушковой шапкѣ. Хохолъ шелъ около воловъ съ батогомъ и придерживалъ ихъ за ременный налыгачь, «що-бъ ни злякались якъ торохтыть городъ», а самъ покрикивалъ гдѣ надо: «цо-бе», о гдѣ надо: «цобъ».

Жокей имѣлъ списокъ особъ, которыхъ долженъ былъ посѣтить этотъ задичавшій европеецъ. Справляясь съ спискомъ, жокей скакалъ впередъ и, прискакавъ на дворъ стоявшаго въ спискѣ вельможнаго лица, возвѣщалъ:

— Мій панъ іде!

А когда поѣздъ показывался, жокей оборачивался къ нему лицомъ и опять въ голосъ кричалъ:

— Ось самъ панъ Вишневьски приіхавъ!

Тогда карета останавливалась у крыльца, изъ нея вылѣзалъ камердинеръ Степана Ивановича и шелъ спрашивать угодно ли хозяевамъ принять его господина?

Если Вишневскаго принимали,—тогда карета отъѣзжала далѣе, а къ крыльцу подъѣзжалъ «возъ» на парѣ воловъ, и Степанъ Ивановичъ входилъ въ покои и щедро одарялъ всю попавшуюся ему на глаза хозяйскую прислугу. Въ апартаментахъ онъ велъ себя бариномъ и европейцемъ, щеголяя прекрасными манерами, отличнымъ знаніемъ языковъ и острою ѣдкостью малороссійскаго ума.

«Бо бувъ собі шутковатій, и знавъ усе по-хрянцузьски и по-вложски и на усі языки умівъ хвалыть Господа. Але тылько до того бувъ лінивый».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ѣлъ Вишневскій, какъ выше сказано, будто бы только одну медвѣжатину и для того содержалъ въ одномъ изъ тверскихъ имѣній жены «медвѣжій питомникъ». Медвѣдей тамъ кормили и доставляли въ Москву, къ столу Степана Ивановича. Къ полиціи Вишневскій имѣлъ врожденную и непобѣдимую ненависть и ни одинъ полицейскій не смѣлъ отважиться войти къ нему во дворъ, не рискуя натерпѣться всяческихъ обидъ, если только попадется на глаза Степану Ивановичу. Домъ Вишневскаго въ Москвѣ для полиціи былъ недоступенъ и, по тому ли, или по другому, скоро получилъ себѣ весьма таинственную и нѣсколько нелестную извѣстность. Болѣе всего ей помогали безнравственные инстинкты Вишневскаго по отношенію къ женщинамъ, или, пожалуй, точнѣе сказать, къ дѣтямъ женскаго пола. Полиція, въ свою очередь, ненавидѣла Степана Ивановича и подыскивала случаи ему отмстить за его невѣжества, но долго никакого удобнаго къ тому основанія не находила. Наконецъ, однако, къ тому представился случай: одинъ разъ дворная собака вытащила на улицу и обронила не совсѣмъ еще лишенную мускульныхъ связей пясть, которая была признана стопою небольшой человѣческой ноги. Черезъ нѣсколько дней это еще разъ повторилось. За собакою подсмотрѣли и увидали, что она таскаетъ эти кости изъ мусорной ямы. Прислуга сосѣднихъ домовъ стала говорить, что Вишневскій производитъ безчинства надъ своими крѣпостными дѣвочками и потомъ, будто бы, ихъ убиваетъ. Скоро стали производить счетъ дѣвочкамъ, будто бы безвѣстно пропавшимъ, и даже называли ихъ по именамъ.

Полиція не только усмотрѣла въ этомъ достаточный поводъ вмѣшаться въ дѣло, но даже сочла это своею прямою обязанностью,—что и въ самомъ дѣлѣ такъ было. Съ этою цѣлью на дворъ Степана Ивановича явились приставъ и

квартальный и приступили къ осмотру той ямы, откуда собака таскала подозрительныя кости. Вѣрные слуги Степана Ивановича не дозволили полиціи приступить къ осмотру, не извѣстивъ своего «пана». Степанъ Ивановичъ надѣлъ архалукъ, самъ вышелъ къ полицейскимъ и велѣлъ имъ открыть яму. Тамъ, къ радости полицейскихъ, нашли множество такихъ точно костей, какія послужили поводомъ къ подозрѣнію, но тутъ же было доказано, что это отнюдь не ступни человѣческихъ ногъ, а лапы убитыхъ для стола Вишневскаго молодыхъ медвѣжатъ.

Полицейскіе сконфузились и начали извиняться передъ Степаномъ Ивановичемъ, говоря, что они были вовлечены въ ошибку сомнѣніями и ложными слухами.

Вишневскій ихъ извинилъ и... тутъ же отстегалъ кнутомъ.

Эта острая выходка имѣла для него послѣдствіемъ то, что ему велѣно было оставить Москву и жить въ малороссійскихъ деревняхъ, пожалованныхъ его отцу Ивану Гавриловичу отъ щедротъ императрицы Елисаветы Петровны.

Вишневскій долженъ былъ подчиниться сказанному требованію и переѣхалъ въ Переяславскій уѣздъ въ Фарбованую, чтобы колобродить тамъ еще на бо̀льшей свободѣ.

Случай съ медвѣжьими лапами приписывается московскими розсказнями нѣсколькимъ лицамъ, и Степану Ивановичу Вишневскому онъ усвояется только одними малороссійскими преданіями, сложившимися преимущественно по равнинамъ, орошаемымъ рѣками Удаемъ и Супоемъ. Что же касается визитовъ по Москвѣ на парѣ воловъ, то въ этомъ родѣ какъ будто что-то было, но въ московскихъ преданіяхъ объ этомъ мнѣ никогда не удалось услыхать о такой оригинальной выходкѣ ни малѣйшаго воспоминанія. На этомъ основаніи разсказъ этотъ, кажется, должно считать сомнительнымъ; но между обитателями равнинъ Удая и Супоя много охотниковъ крѣпко стоять за справедливость этой исторіи, и на всѣ доводы о томъ, что это ничѣмъ не подтверждается въ Москвѣ, они съ самоувѣренною

презрительностью оттопыриваютъ свои толстыя казацкія губы и говорятъ:

— Отъ тоже, — захотілы вы на Москві правду шукать!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Когда Степанъ Ивановичъ Вишневскій поселился въ своихъ малороссійскихъ маетностяхъ, то онъ себѣ построилъ дома въ обѣихъ деревняхъ, по обѣ стороны достославнаго Суноя, — въ Фарбованой и Сосновкѣ. При обоихъ домахъ, ремонтированныхъ на широкую барскую руку, содержались обширные штаты прислуги, выѣзды охоты, конные заводы и гаремы, которыми, впрочемъ, Степанъ Ивановичъ не довольствовался и пользовался еще широко своими правами падишаха на всѣхъ женщинъ своего подданства. Жилъ онъ попеременно то въ одномъ своемъ имѣніи, то въ другомъ и вездѣ содержалъ разъ установленные имъ своевольные порядки. Онъ считалъ себя въ полнѣйшемъ правѣ приводить всѣхъ, какъ онъ выражался, «въ свою крещеную вѣру» — и свободно и безпрепятственно достигалъ всего, чего желалъ достичь.

Между всѣми прихотями его своенравія и здѣсь прежде всего обозначалась ничѣмъ неусмиряемая ненависть Вишневскаго къ полиціи. Какъ только онъ пріѣхалъ въ деревню, такъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ни исправникъ, ни пристава и никто изъ чиновниковъ не смѣли ѣздить по его владѣніямъ съ колокольчиками. Крестьянамъ было приказано, чтобы они останавливали каждаго, кто ѣдетъ съ колокольчикомъ, и освѣдомлялись — кто онъ такой. Если проѣзжающій былъ дворянинъ или вообще частное лицо, то его было велѣно отпускать и при этомъ говорить, что земли, по которымъ онъ ѣдетъ, принадлежатъ пану Вишневскому, и что этотъ панъ «любитъ и шануетъ» честныхъ гостей, — для чего проѣзжающихъ и приглашали «до господы», чтобы «отпочить съ дороги», то-есть отдохнуть отъ путевыхъ трудовъ и «откушать панскаго хлѣба-

соли». Если проѣзжающій торопился и не хотѣлъ заѣзжать «на гостинци», а учтиво благодарилъ, то его насильно не задерживали, а также «учтиво» позволяли слѣдовать далѣе и не возбраняли звонить колокольцемъ. А если проѣзжій не спѣшилъ и изъявлялъ согласіе заѣхать къ пану, то его провожали въ Фарбованую или Сосновку, смотря по тому, въ которой изъ этихъ деревень жилъ въ то время панъ Вишневскій.

Степанъ Ивановичъ встрѣчалъ всѣхъ такихъ гостей радушно, не разбирая ихъ чиновъ и званій, и угощалъ ихъ по-тогдашнему роскошно и обильно, — иногда даже слишкомъ обильно, такъ что иные отъ его хлѣбосольства даже занемогали. Но приневоливанія ни въ пищѣ, ни въ питіи не было, а только все предлагалось «до отвалу», и если кто-нибудь себя превозмогалъ до излишества, то въ этомъ вины и насилія со стороны Вишневскаго не было, а всякій неосторожный гость долженъ былъ пенять на самого себя, безропотно казнился за свою неумѣренность.

Многимъ изъ гостей, которые оказывались людьми нуждающимися, Степанъ Ивановичъ даже оказывалъ значительное пособіе, а офицерамъ всегда любилъ дарить что-нибудь цѣнное на память. И такой широкій обычай былъ причиною того, что его ласка и хлѣбосольство дѣлали его очень милымъ и любезнымъ. Но чуть только дѣло касалось чиновниковъ и особенно полиціи, — Степанъ Ивановичъ являлся по отношенію къ нимъ самымъ грубымъ тираномъ, и требованія, какія онъ простиралъ къ этимъ несчастнымъ лицамъ, были въ такой степени суровы и для нихъ унизительны, что даже трудно вѣрить — какъ они могли имъ подчиниться и не находили средства оградить себя отъ фарбованскаго причудника.

Какъ только исправникъ или приставъ подъѣзжали къ граничной межѣ владѣній Вишневскаго, они должны были остановиться и подвязать язычекъ колокольчика, чтобы онъ не звонилъ. Иначе крестьяне останавливали блюстителя порядка, должны были *отвязать* колокольчикъ и немедлен-

но отнести его въ господскій домъ къ самому пану. Сопротивленіе со стороны полиціанта угрожало ему двойною опасностью — быть побитымъ отъ крестьянъ, которые могли производить это въ «панскую голову», т. е. на отвѣтственность самого помѣщика, а потомъ виновнаго отвели бы къ «пану», у котораго всякаго полицейскаго, по меньшей мѣрѣ, ожидалъ невѣроятно унизительный, но съ неупустительною строгостью соблюдавшійся особый церемоніалъ.

Покорный и непокорный, честный или притязательный полицейскій чиновникъ былъ у Степана Ивановича «въ одномъ расчисленіи». Въ честность ихъ онъ, впрочемъ, нимало не вѣрилъ и, кажется, на этотъ счетъ не очень сильно ошибался. Правиломъ его было то, что *никакой* чиновникъ ни для какой надобности и ни подъ какимъ предлогомъ не могъ переступать черезъ порогъ его дома. Если исправникъ или приставъ имѣли къ нему служебную надобность или вынуждены были явиться къ нему съ какою-либо претензіею или просьбою, то они знали, что должны ѣхать по его владѣніямъ «безъ звона», какъ можно тише и останавливаться у околицы, — отнюдь не смѣя въѣзжать на лошадяхъ въ его усадьбу. По усадьбѣ и по двору они обязаны были идти пѣшкомъ и, снявъ шапку у воротъ, проходить мимо оконъ дома не иначе, какъ съ открытою головою.

Иначе, при малѣйшемъ нарушеніи этого правила, надрессированная прислуга сейчасъ же взяла бы ихъ подъ локти и заворотила назадъ, «наклавъ имъ при семъ добре по потылицѣ». А такъ какъ это соблюдалось крѣпко и вѣрно, то никто и не смѣлъ думать ослушаться и сопротивляться. На этомъ, однако, униженія еще не кончались: чиновникъ не допускался далѣе крыльца, подъ которымъ жили огромныя меделянскія собаки. Здѣсь чиновникъ долженъ былъ стоять и ожидать, пока Степанъ Ивановичъ вышлетъ къ нему «комнатнаго казака», то-есть, просто говоря, лакея. Съ лакеемъ чиновникъ долженъ былъ «поздороваться вровняхъ», то-есть подать лакею руку, и затѣмъ

только могъ изложить тому же лакею цѣль своего пріѣзда къ пану.

Если Вишневскому казалось, что надобность, за которою пріѣхалъ чиновникъ, не стоитъ вниманія, то онъ приказывалъ «прогнать его вонъ». А если надобность была какая-нибудь дворянская или объявленіе ему чего-либо изъ высшихъ сферъ, то Степанъ Ивановичъ надѣвалъ на себя бекешъ, шапку, самъ выходилъ на крыльцо и выслушивалъ чиновника, стоя къ нему все время бокомъ и никогда не глядя ему въ лицо.

Затѣмъ Вишневскій молча уходилъ, а лакей подавалъ чиновнику на тарелкѣ рюмку водки и пятидесятирублевую ассигнацію. Чиновникъ долженъ былъ выпить водку и потомъ взять себѣ на «закуску» пятьдесятъ рублей (хлѣба-соли въ ихъ натуральномъ видѣ чиновникамъ въ домѣ Вишневскаго не предлагали). Если же чиновникъ, паче чаянія, какъ-нибудь высоко о себѣ мнилъ и не сталъ бы выпивать вынесенной ему на крыльцо рюмки водки, то онъ не могъ получить и денегъ, положенныхъ на закуску. Въ такомъ случаѣ лакей долженъ былъ *столкнуть* его съ крыльца и водку выплеснуть ему въ спину, а закусочные пятьдесятъ рублей взять себѣ въ свою пользу и дернуть за веревку, а эта веревка шла къ желѣзной клямкѣ отъ двери, за которою сидѣли подъ крыльцомъ меделянскія собаки.

Зная все это, чиновники никогда не отваживались обнаруживать хотя бы самомалѣйшее сопротивленіе установленіямъ Степана Ивановича и... даже были очень рады, когда имъ встрѣчалась надобность появиться на крыльцѣ фарбованскаго пана.

Если все это несомнѣнно такъ, какъ гласятъ преданія, то 50 рублей на закуску, очевидно, имѣли тогда свою высокую цѣну.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ отношеніи цѣломудрія и нравственности вообще Степанъ Ивановичъ слылъ человѣкомъ безцеремоннымъ и притомъ самымъ наивнымъ. Впрочемъ, въ этихъ отношеніяхъ онъ имѣлъ себѣ очень много подобныхъ и равныхъ, но въ его героической эпопеѣ въ этого рода дѣлахъ чрезвычайно оригинальною представляется роль его супруги Степаниды Васильевны, рожденной Шубинской, которую тоже, кажется, есть полное основаніе называть психопаткою, — хотя, впрочемъ, въ иномъ родѣ.

Она была, какъ выше сказано, тверская дворянка и образованная барыня изъ очень хорошаго рода. Супруга своего она любила и жила съ нимъ всегда въ постоянномъ согласіи. Отъ союза ея съ Степаномъ Ивановичемъ у нея были двѣ дочери, изъ которыхъ рожденіе второй было очень неблагополучно и Степанида Васильевна сдѣлалась «на вѣкъ не человѣкъ». Степанъ Ивановичъ сталъ съ нею сепаратничать: если она жила въ Фарбованой, онъ уѣзжалъ въ Сосновку, а если она была въ Сосновкѣ, то онъ съѣзжалъ въ Фарбованую. Видя это и, какъ говорила Степанида Васильевна, «любя своего мужа», она стала прилагать всякія заботы, чтобы онъ «отъ нея не удалялся» и чтобы ему и при ней «жить было не скучно». Съ этою цѣлью она устраивала у себя дѣвичьи посидѣлки, на которыя дѣвушки шли неохотно и со слезами, но Степанида Васильевна ихъ обласкивала и угощала до тѣхъ поръ, пока тѣ освоивались и переставали плакать. Тогда Степанида Васильевна писала мужу и приглашала его къ себѣ «прибыть на дѣвицъ полюбоваться». А онъ ей отвѣчалъ: «очень тебя благодарю и заботы твои обо мнѣ цѣню, а, впрочемъ, въ главномъ выборѣ я на твой вкусъ больше, чѣмъ на свой собственный, полагаюсь».

Такой отвѣтъ мужа не только радовалъ, но и умилялъ Степаниду Васильевну. Чувства ея къ Степану Ивано-

вичу горѣли сугубымъ пламенемъ, и она ему въ скорости же опять нетерпѣливо отписывала: «за довѣріе твое, безцѣнный другъ мой, весьма тебя благодарю, и въ разсужденіи моего вкуса, въ чемъ на меня полагаешься, отъ души тебѣ угодить надѣюсь, но только прошу тебя, ангелъ моей души, — пріѣзжай ко мнѣ сколь возможно скорѣе, потому что сердце мое по тебѣ стосковалося, и ты увидишь, что я не объ одной себѣ сокрушаюсь, но и твой вкусъ понимаю. Дѣти наши обѣ здоровы и тебѣ кланяются и цѣлуютъ ручки». Подпись: «твоя вѣрная жена и раба Степанида».

Степанъ Ивановичъ, получивъ такое посланіе, оставлялъ отдѣльное житье и пріѣзжалъ къ супругѣ, которая вполнѣ достигала того, что ему «жить въ одномъ домѣ съ нею становилось нескучно».

Она не только ласкала и нѣжила ею же избранныхъ для своего мужа фаворитокъ, но няньчила и выхаживала его дѣтей, которыхъ при такомъ патріархальномъ порядкѣ панской жизни въ Фарбованой народилось очень много.

Самъ Вишневскій далеко не былъ такъ чистосердеченъ и искрененъ, какъ его жена: когда растлѣнный нравъ Степана Ивановича начиналъ прискучать тою особою, которая была призвана къ обязанности «дѣлать его жизнь нескучною». Вишневскій начиналъ собираться «пожить одинъ въ другой деревнѣ».

Степанида Васильевна это тотчасъ же понимала и хотя не перечила мужу, такъ какъ миръ и согласіе супружеское она, по завѣту предковъ, ставила выше всего на свѣтѣ, но черезъ нѣкоторое время она опять устраивалась и писала ему тихое и ласковое письмо, гдѣ говорила: «Хитрости твои и твоя со мною въ важныхъ дѣлахъ неоткровенность очень меня, мой другъ, огорчаютъ и терзаютъ, потому что я ихъ ничѣмъ не заслужила. Богъ видитъ мою правду и истину, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ, и отъ разлуки съ тобой сердце мое по тебѣ изсушается какъ трава, но горючая слеза текущая не вы-

сыхаетъ. А ту особу, которая незанимательностію своею тебя утомила и прискучила, я своимъ раченіемъ безъ большихъ хлопотъ совершенно устроила и всѣ онѣ нынче своимъ положеніемъ теперь вполнѣ довольны и благодарятъ. А ты бы если поспѣшилъ ко мнѣ, то могъ бы теперь полюбоваться на очень пріятныя лица. Дѣти же наши обѣ благостію Божіею хранимы,—живы и здоровы и объ отцѣ своемъ молятся». И опять та же подпись: «жена и раба».

Въ отвѣтъ на это отъ Вишневскаго слѣдовали комплименты женѣ, съ повтореніемъ полнаго довѣрія къ ея вкусу, и затѣмъ Степанъ Ивановичъ вскорѣ возвращался подъ семейный кровъ. Его ждали, разумѣется, тимпаны и лики, ласки и восклицанія, и телецъ упитанный, и все, все, что было нужно, чтобы сдѣлать его счастливымъ, какъ онъ желалъ и какъ это могла устроить его нѣжная, пренѣжная жена, которая имѣла несчастіе изъ живой и очень милой женщины стать «навѣкъ не человѣкъ».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Послѣ описанныхъ уже перипетій Степанъ Ивановичъ исправился въ отношеніи своей скрытности и недовѣрія и никогда не прибѣгалъ болѣе къ хитростямъ сепаратной политики.

Степанида Васильевна, по словамъ крестьянъ, «доглядала его якъ маты свою дытыну».

Невѣроятная, примитивная простота этихъ отношеній, напоминающая собою библейскій разсказъ о Саррѣ и объ Агари, становится еще невѣроятнѣе, если дать вѣру частностямъ, которыя разсказываютъ о житьѣ этихъ супруговъ.

Степанъ Ивановичъ былъ какой-то чистый турокъ. По отношенію къ своимъ многообразнымъ привязанностямъ онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ роды любви, отъ мимоходныхъ неосторожностей до привязанностей къ одалискамъ

и къ первой султаншѣ. Мимоходное, конечно, ни во что не ставилось и не подлежитъ счету; а роль первой султанши, разумѣется, занимала его законная жена, которую онъ, съ своей стороны, тоже, пожалуй, по-своему любилъ и, во всякомъ случаѣ, увѣрялъ, будто очень ее «уважаетъ».

— Если кто сдѣлаетъ что-нибудь противъ меня, говорилъ онъ,—то это я еще, пожалуй, могу простить, но если бы кто-нибудь только помыслилъ вслухъ сдѣлать что-нибудь къ обидѣ Степаниды Васильевны, то кто бы онъ ни былъ, я вездѣ его достану, и самъ царь Иванъ Васильевичъ не выдумалъ такой казни, какою я расказню грубіяна безцѣнной жены моей.

Всѣ это знали и знали тоже, что Степанъ Ивановичъ не шутитъ и что̀ говоритъ, то и выполнитъ, и потому никому и въ голову не приходило обнаружить хоть малѣйшій признакъ неповиновенія или ослушанія Степанидѣ Васильевнѣ. Но не всѣ одинаково разумѣли такую ревнивую заботу Вишневскаго о женѣ, и между тѣмъ, какъ одинъ приписывалъ ее безмѣрной его къ ней нѣжности,—другіе усматривали въ этомъ хитрость, которая и въ самомъ дѣлѣ была въ значительной мѣрѣ доступна хохлацкой натурѣ Вишневскаго. Думали, что онъ «нагонялъ страхъ» всѣмъ за жену болѣе для того, чтобы ея требованія, къ услажденію его жизни любовью крѣпостныхъ одалисокъ, не встрѣчали ни малѣйшаго противорѣчія, такъ какъ всякое самомалѣйшее ослушаніе ей онъ наказалъ бы такъ, что царь Иванъ Васильевичъ во гробѣ бы содрогнулся.

Впрочемъ, было это такъ или иначе, съ положительностію сказать невозможно, но есть положительные разсказы, что крайне развращенный и до жестокости безцеремонный въ своихъ мимоходныхъ дѣлахъ, Степанъ Ивановичъ любилъ вносить своеобычную поэзію въ свои отношенія съ одалисками, избранными для него на вкусъ его первой султанши. И онъ умѣлъ достигать этого безъ всякаго принужденія своей натуры, въ которой обнаруживалось въ этихъ

случаяхъ нѣчто нѣжное и чувствительное. Онъ, подобно Донъ-Жуану, могъ похвалиться, что не только не оскорблялъ молодыя существа грубостію, но даже «никода не обольщалъ съ холодностью безстрастной». Нѣтъ, онъ пріѣзжалъ въ домъ жены, гдѣ ея любовь приготовила ему утѣху, съ нѣжною ласковостію, и оба супруга вмѣстѣ выносили избранницу «какъ соколку по зорькамъ». Они ее приласкивали, наряжали, лелѣяли, она жила въ комнатахъ Степаниды Васильевны, пестро разодѣтая, утопая въ нѣгѣ и пресыщаясь лакомствами, и сама не замѣчала, какъ переходила изъ одной роли въ другую, словно въ туманѣ долго не сознавая того, что съ нею сталось и чѣмъ это должно было окончиться. Всѣ эти одалиски вступали въ свою роль въ лѣтахъ едва окончившагося дѣтства, когда еще голова бѣдна опытомъ и представленія о грядущемъ слабы, а жизнь, полная утѣхъ въ настоящемъ, заманчива. Изъ нихъ многія искренно располагались душою и сердцемъ къ своему повелителю или по крайней мѣрѣ не тяготились имъ, а Степаниду Васильевну даже любили «якъ маты». И она ихъ дѣйствительно ласкала какъ мать и ободряла какъ старшая гаремная подруга, наслаждавшаяся тѣмъ счастіемъ, какое младшія одалиски доставляли ея любимому падишаху. Въ домѣ жена, мужъ и дежурная фаворитка почти не разлучались и бо̀льшею частію проводили время втроемъ, но къ нѣкоторымъ изъ одалисокъ Степанъ Ивановичъ пристращался до того, что не могъ съ ними разставаться даже и на одну минуту. Вишневскій пристращался къ возлюбленной не только чувственно, но и любовно, какъ пылкій юноша, и, покидая домъ въ случаяхъ неизбѣжныхъ, бралъ ее съ собою, переодѣтою казачкомъ или арапчикомъ, на попеченіи котораго будто состояли янтари его роскошныхъ чубуковъ и кисетъ съ табакомъ, который надобился ему безпрестанно, такъ какъ Степанъ Ивановичъ курилъ даже ночью, и потому «трубочный мальчикъ» былъ при немъ безотлучно.

Полагали, что въ подобныхъ случаяхъ Степаномъ Ивано-

вичемъ до извѣстной степени руководила ревность, но это предположеніе не имѣетъ основанія, такъ какъ Вишневскій, конечно, ничѣмъ не рисковалъ бы, если бы оставилъ дѣвушку на попеченіе Степаниды Васильевны: и потому гораздо вѣрнѣе думать такъ, какъ передавали люди, ближе знавшіе этого малороссійскаго психопата,—то-есть, что онъ просто страстно влюблялся въ своихъ фаворитокъ и не могъ съ ними разставаться до тѣхъ поръ, пока страсть его совершала свое теченіе и остывала.

И чѣмъ страстнѣе была привязанность къ извѣстной одалискѣ со стороны Степана Ивановича, тѣмъ большую нѣжность и заботу это лицо вызывало къ себѣ со стороны его жены. Проходила страсть у Вишневскаго, и онъ «отъѣзжалъ за Супой», а Степанида Васильевна брала на себя заботу устроить старую «утѣху» и пріуготовить новую, которая снова возвратила бы фарбованскаго пана съ того берега.

Трагическаго въ этихъ развязкахъ никогда не было. Благодаря такту, сердоболію и щедрости Степаниды Васильевны, всѣ эти дѣла устраивались мирно и ладно, ко всеобщему удовольствію всѣхъ мало-мальски близкихъ къ дѣвушкѣ лицъ. Исключеніе составлялъ единственный случай съ пятнадцатилѣтнею крестьянскою дѣвочкою, занявшей особенно сильное положеніе въ сердцѣ Вишневскаго и оставившей ему сына и непріятный слѣдъ въ его воспоминаніяхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣстныя преданія сохранили самое имя этой стройной «якъ былинка», черноокой дѣвушки, приблизившейся къ своему пану въ довольно уже поздніе годы его жизни. Ее называютъ Ганка Петруненко. Она была такъ хороша, «що ажъ очамъ мило було на нее дивитися», и, какъ показываетъ ея исторія, имѣла сердце чуткое и очень воспріимчивую душу. Вишневскій могъ обнять ея тонкій станъ, ея талію перстами своихъ рукъ, и такъ любилъ ее, какъ ни-

какую другую, ни до нея, ни послѣ ея пользовавшуюся его фаворомъ. Онъ одѣвалъ ее въ розовый атласъ и въ кофты, сшитыя изъ дорогихъ турецкихъ шалей, носилъ ее на рукахъ и цѣловалъ ея ноги.

Видя такую неутолимую привязанность мужа къ этой дѣвушкѣ, Степанида Васильевна тоже пестовала ее до забвенія о себѣ и о своихъ дочеряхъ, изъ которыхъ старшей тогда уже шелъ двѣнадцатый годъ. Степанида Васильевна сама плела на день черныя косы Гапочки, сама ихъ расплетала на ночь и подкуривала ароматами, пахучій дымъ которыхъ проницалъ густые волосы и держался въ нихъ съ смолистою силою. Она не дозволяла ничьимъ низкихъ рукамъ коснуться до ея тѣла и даже сама орошала крѣпкимъ настоемъ душистыхъ розъ ея ноги, къ которымъ на ея же глазахъ въ страстномъ самозабвеніи припадалъ устами Степанъ Ивановичъ. Словомъ, эта прелестная дѣвушка была фавориткой изъ фаворитокъ, и пребываніе ея въ домѣ Вишневскихъ заключало въ себѣ много отъ всѣхъ отмѣннаго. Степанъ Ивановичъ, даже выѣзжая на охоту съ борзыми, бралъ Гапку съ собою и не довольствовался тѣмъ, что она, одѣтая черкешенкой, ѣдетъ въ покойномъ рыдванѣ, а бралъ ее оттуда и возилъ передъ собою на сѣдлѣ. Когда же дѣвушка уставала отъ неудобнаго и утомительнаго путешествія на лошади и сонъ начиналъ клонить ея головку,— Вишневскій не отдавалъ ее ни на чьи чужія руки, а тотчасъ же прекращалъ полеванье и бережно, на своихъ собственныхъ рукахъ, везъ Гапочку домой. И Боже сохрани, чтобы кто-нибудь изъ его свиты завелъ въ это время какой-нибудь шумъ и нарушилъ имъ дѣтскій сонъ возлюбленницы пана!.. Виновный не миновалъ бы сырой ямы и ременныхъ арапниковъ.

Такъ же бережно Вишневскій опускалъ съ рукъ это дитя у крыльца на руки встрѣчавшихъ его людей и самъ сопровождалъ ихъ, когда они переносили Гапку во всякой тишинѣ въ покои Степаниды Васильевны.

Здѣсь ее раздѣвали и укладывали на атласныя подушки

широкаго турецкаго дивана, на которомъ съ краю садились и сами супруги пить чай. И во все это время они не говорили, а только любовались, глядя на спящую дѣвушку. Когда же наставалъ часъ идти къ покою, Степанида Васильевна вставала, чтобы легкою стопою по мягкимъ коврамъ перейти въ смежную комнату, гдѣ была ея опочивальня, а Степанъ Ивановичъ въ благодарномъ молчаніи много разъ кряду цѣловалъ руки жены и шепталъ ей:

— Ты мой ангелъ-хранитель,—я тебя обожаю!

Степанида Васильевна чувствовала и раздѣляла счастье мужа съ способностью, быть-можетъ, ей одной только свойственною по своей неимовѣрной прихотливости.

Она уходила въ спальню, долго тамъ молилась передъ лампадою и потомъ опять неслышными стопами входила въ смежную комнату, гдѣ розовая Гапка спала, обнявъ крѣпкими молодыми руками подушки, а атлетическая фигура Вишневскаго лежала на коврѣ, съ головою, прислоненною къ дивану, въ ногахъ спящей дѣвушки.

Степанида Васильевна крестила ихъ обоихъ и уходила на свою вдовью кроватку и сонъ ея былъ тихъ, миренъ и живителенъ... И во всемъ этомъ странномъ и несогласимомъ, повидимому, сочетаніи чувствъ и отношеній она не видала ничего для себя унизительнаго, и даже ничего неудобнаго, а, напротивъ, ей казалось, что все идетъ именно такъ, какъ только можетъ идти лучше.

Безграничная любовь этой женщины къ мужу и огромное несчастіе, заключавшееся для нея въ условіяхъ ея здоровья, какъ-то смѣшивались, ея нравственныя понятія никому не были ясны и понятны. Передавая эти сказанія въ сборѣ отрывочныхъ свѣдѣній изъ нѣсколькихъ устъ, я не стану и стараться пояснить личность Степаниды Васильевны Вишневской какимъ-нибудь болѣе точнымъ опредѣленіемъ. Думаю лишь, что по нынѣшнимъ временамъ это подходило бы къ тому, что называютъ «*психопатіей*». Я передаю только любопытный разсказъ, какъ самъ его слышалъ,

и не произношу надъ характерами и правилами героевъ этихъ легендарныхъ сказаній никакой своей критики.

Я думаю, что дѣло главнымъ образомъ теперь не въ критикѣ, отъ которой всѣ именуемыя здѣсь лица ушли уже въ царство тѣней, а въ сохраненіи на память потомству удивительной непосредственности ихъ характеровъ и прихотливой, оригинальной ихъ жизни.

Намъ хорошо извѣстны бурныя натуры нашихъ великорусскихъ дворянъ, при которыхъ, по выраженію поэта, жизнь «текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата мелкаго и мелкаго тиранства,—гдѣ хоръ подавленныхъ и трепетныхъ людей завидовалъ житью собакъ и лошадей». Здоровое, реальное направленіе нашей русской литературы, быть-можетъ, порою заслуживающей и укоры за излишній реализмъ, показало намъ нашу великорусскую жизнь на-лицо. Мы знаемъ, каковы наши «ветхіе мѣхи», затрещавшіе при игрѣ влитаго въ нихъ молодого вина; но писатели малороссійскаго происхожденія на слѣдовали нашему, можетъ-быть, единственно полезному въ настоящее время литературному направленію. Жизнь малороссійскаго козырнаго барства отъ насъ скрыта романтизмомъ или крайнимъ простонародничествомъ малорусскихъ писателей. Если она гдѣ-нибудь изрѣдка и представляется, то почти всегда въ напыщенныхъ формахъ, напоминающихъ безконечныя польскія исторіи о «панѣ Коханку». Межъ тѣмъ малороссійское барство имѣетъ свою оригинальность, которая стоитъ изученія и которая въ то же время способна проливать довольно яркій свѣтъ на тѣ особенности малороссійскаго характера, какія, по замѣчанію Шевченко, представляютъ міру «славніхъ прадідовъ велыкихъ праунокы погани».

Небезполезно посмотрѣть на представителей той серединной генераціи, которая лежитъ пластомъ между «прадідами и праунуками», — между тѣми, которыхъ національный поэтъ величалъ «велыкими», и тѣми, которыхъ онъ считалъ за «поганыхъ». Передъ нами теперь фигуры, стоявшія на

водораздѣлѣ этихъ двухъ главныхъ теченій, изъ которыхъ одно несло будто на себѣ малороссійскій край къ незапятнанному величію, а другое повлекло его къ неисправимому «поганству».

Въ мірѣ «все причинно, послѣдовательно и условно», и потому въ цѣпи могутъ измѣняться фасоны звеньевъ, но тѣмъ не менѣе все-таки звено за звено держится и одно къ другому непремѣнно находится въ соотношеніи.

Собирая въ одну запись то, что мнѣ приводилось слыхать о Вишневскомъ и его сродникахъ, я думаю, что я сберегаю этимъ литературѣ звено чего-то пропущеннаго и до сихъ поръ сохранившагося только въ однихъ преданіяхъ. Пусть они и не совсѣмъ вѣрны, но даже и въ такомъ случаѣ они интересны,—какъ мѣстное народное творчество, указывающее, что̀ поражало и что̀ вдохновляло людей съ фантазіей или что̀ имъ нравилось.

Продолжаю о Вишневскомъ.

За нѣсколько строкъ предъ симъ мы оставили могучаго фарбовановскаго пана спящимъ на коврѣ у ногъ своей сельской нимфы. Оставимъ ихъ и еще въ этомъ положеніи, изящнѣе и поэтичнѣе котораго, кажется, не было въ его своеобразной, безалаберной и ни вѣсть чему подобной жизни. Пусть они, какъ малороссы говорятъ, «отпочнутъ» здѣсь сладко до зари того дня, который омрачилъ ихъ счастье и спокойствіе и въ чашу любовныхъ утѣхъ пана выжалъ каплю горькаго омега.

Ниже мы встрѣтимъ случай, при которомъ будетъ мѣсто изложить это происшествіе, составлявшее высшій кульминаціонный пунктъ душевныхъ страданій и нравственнаго возбужденія Вишневскаго, — вслѣдъ зачѣмъ опять пошли своимъ чередомъ любовныя смѣны, не захватывавшія выше того, что нами уже описано, но зато не оставлявшія Степана Ивановича до самой его смерти.

Очеркнемъ теперь, какъ можемъ и какъ умѣемъ, другія стороны его дѣятельности и характера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ отецъ и какъ воспитатель, Вишневскій ни въ одномъ изъ слышанныхъ мною о немъ разсказовъ не занималъ никакихъ характерныхъ положеній, а упоминается только какъ *родитель*. Впрочемъ, говорятъ, что когда въ Петербургѣ «заводились институты» и именитое дворянство, по желанію государыни, получило приглашеніе привозить туда для воспитанія дѣвицъ, то Степанъ Ивановичъ ѣздилъ въ Петербургъ и самъ отвезъ туда дочь. Но и это обстоятельство воспоминается не для того, чтобы обозначать ею родительскую заботливость Вишневскаго, а потому, что эта поѣздка оказалась въ связи съ другимъ любопытнымъ событіемъ, о которомъ ниже будетъ разсказано. Какъ помѣщикъ, въ качествѣ хозяина, судіи и наказателя душъ подвластныхъ ему крѣпостныхъ людей, Вишневскій тоже не представлялъ собою особой оригинальности. Онъ правилъ хозяйствомъ «якъ повелось изъ давняго времени». Все дѣлалось черезъ крѣпостныхъ или наемныхъ приставниковъ, изъ православныхъ и изъ поляковъ. Вишневскій держалъ при себѣ на службѣ нѣсколько человѣкъ поляковъ, къ которымъ не питалъ никакой вражды, но любилъ иногда надъ ними забавляться. Было и нѣсколько евреевъ, которыхъ психопатъ любилъ пугать разными страхами. Не одного изъ нихъ онъ заморилъ и загналъ страхомъ со свѣта, но они все къ нему лѣзли, потому что Вишневскій иногда бывалъ щедръ и бросалъ имъ что-нибудь на разживу. Впрочемъ, комиссіонерскихъ услугъ отъ евреевъ онъ не чуждался. Только Боже спаси было его обмануть... Онъ не столько больно запоретъ розгами или плетьми, сколько истерзаетъ страхомъ. У Вишневскаго былъ и патріотизмъ, выражавшійся, впрочемъ, à la longue пристрастіемъ къ малороссійскому жупану и къ малороссійской рѣчи, а затѣмъ—въ презрѣніи къ иноземцамъ. Особенно онъ не благоволилъ къ нѣмцамъ, которыхъ не находилъ возможности уважать по двумъ причи-

намъ: во-первыхъ, что они «тонконоги», а во-вторыхъ— вѣра ихъ ему не нравилась—«святителей не почитаютъ». Степанъ Ивановичъ думалъ, что самъ онъ «святителей почитаетъ». Въ вопросахъ вѣры онъ былъ невѣжда круглый и ни въ критику, ни въ философію религіозныхъ вопросовъ не пускался, находя, что «се діло поповское», а какъ «лыцарь» онъ только ограждалъ и отстаивалъ «свою вѣру» отъ всѣхъ «иновѣрныхъ», и въ этомъ пунктѣ смотрѣлъ на дѣло взглядомъ народнымъ, почитая «христіанами» однихъ православныхъ, а всѣхъ прочихъ, такъ-называемыхъ «инославныхъ» христіанъ, считалъ «недовѣрками», а евреевъ и «всю остальную сволочь» — *поганцами.* Иностранецъ и «даже нѣмецъ» могъ попасть къ столу Степана Ивановича, и одинъ—именно нѣмецъ — даже втерся къ нему въ домъ и пользовался его довѣріемъ, но все-таки, прежде чѣмъ допустить «недовѣрка» къ сближенію, религіозная совѣсть Вишневскаго искала для себя удовлетворенія и примиренія съ собою. У Степана Ивановича, который, по собственному его сознанію, «катехизицу не обучавься», хорошо сложился и очень конкретно оформился имъ самимъ составленный чинокъ для пріятія инославныхъ.

Степанъ Ивановичъ говорилъ «люторю» или «католыку»:

— Ну, а все же вѣдь ты хоть и не по-нашему вѣришь и молишься, но Николу угодника ты навѣрно уважаешь?

Испытуемый «иновѣръ» зналъ по достовѣрнымъ слухамъ, что̀ бы такое съ нимъ произошло, если бы онъ посмѣлъ сказать, что онъ не уважаетъ угодника, за котораго стоитъ фарбованскій панъ... Онъ бы сейчасъ узналъ—крѣпки ли стулья, на которыхъ Степанъ Ивановичъ сажаетъ своихъ гостей, и гибки ли лозы, которыя растутъ, купая свои вѣточки въ водахъ Супоя. А потому каждый инославецъ, которому посчастливилось расположить къ себѣ Вишневскаго до того, что онъ уже заговорилъ о вѣрѣ,—отвѣчалъ ему какъ разъ то, что требовалось по чину «пріятія».

— О, да! отвѣчалъ вопрошаемый инославецъ,—какъ же не уважать Николу,—его весь свѣтъ уважаетъ.

— Ну, чтобы «весь свѣтъ» — это ужъ ты, братъ, немножко хватилъ лишнее, говорилъ Степанъ Ивановичъ,— ибо надлежитъ тебѣ знать, что святой Никола природы московской, а ты поуважай нашего «русськаго Юрка».

Слово «русській», въ смыслѣ малороссійскій или южнорусскій, тогда здѣсь рѣзко противопоставлялось «московскому» или великороссійскому, сѣверному. Московское и «русськое» — это были два разныя понятія, и на небѣ, и на землѣ. Земныя различія всякому были видимы тѣлесными очами, а расчисленія, относимыя къ небесамъ, познавались вѣрою. По вѣрѣ же, великорусскія дѣла подлежали заботамъ чудотворца Николая, какъ покровителя Россіи, а дѣла южно-русскія находили себѣ защиту и опору въ попеченіяхъ особенно расположеннаго къ малороссіянамъ святого Юрія, или, по нынѣшнему произношенію, св. Георгія (по народному «Юрко»).

Всякій инославецъ, выдержавъ испытаніе о св. Николаѣ, конечно, еще тверже говорилъ Вишневскому, что онъ уважаетъ святого Юрія «еще больше, якъ Николу».

Это Степану Ивановичу нравилось. Тѣмъ вся катехизація новопріемлемаго оканчивалась, и возсоединеннаго уже никогда болѣе разновѣріемъ не попрекали. Даже если кто-нибудь невзначай касался словомъ ихъ разницы, то Степанъ Ивановичъ это останавливалъ, говоря:

— Никакой нѣтъ разницы: онъ и Николу уважае, а святого Юрко еще больше.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Такъ исправившіе себя инославцы всходили на самыя перси психопата, а нѣмецъ даже управлялъ почти безотчетно однимъ имѣніемъ и такъ широко пользовался своими полномочіями, что дѣлалъ почти все то самое, что дѣлалъ и Вишневскій.

Степанъ Ивановичъ только въ разсужденіи женщинъ не позволялъ ему простирать требованій къ себѣ на дворъ,

дабы никто не видалъ женщины настоящаго, греческаго закона «входящей къ нѣмцу». Изъ этого для нея могъ произойти срамъ, унизительный даже и для могущаго явиться ребенка. Нѣмецъ обязанъ былъ надѣвать лѣтомъ холодный, а зимою ватный халатъ и картузъ, и брать въ руки фонарь и идти самъ на деревню, въ сопровожденіи десятника, который «отвѣчалъ за его жизнь». А нѣмецъ былъ только ограничиваемъ однимъ наказомъ, чтобы отъ него не было никакого размноженія «нѣмецкой прибыли, а все шло въ прибыль русскую».

По деталямъ это казалось только частными ограниченіями, но въ общей сложности всего выходило, что нѣмецъ жаловался Степану Ивановичу, говоря:

— Никакъ нивозможность.

— А почему бы это такъ?

— Всѣ удираетси!..

Это означало, что какъ только нѣмецъ выходилъ въ свой ночной походъ въ длинномъ спальномъ халатѣ и съ фонаремъ въ сопровожденіи «отвѣчавшаго за его жизнь», такъ всѣ его издали видѣли и всѣ, кому угрожало по направленію его посѣщеніе, разбѣгались и прятались.

Степанъ Ивановичъ объ этомъ какъ будто сожалѣлъ, но ничего въ установленномъ имъ порядкѣ отмѣнять не дозволялъ.

— Безъ фонаря и безъ провожатаго тебя пришибутъ и выпотрошатъ, и отвѣчать за тебя мнѣ будетъ некому, говорилъ онъ, какъ будто искренно признавая установленный имъ порядокъ за необходимое; но близко изучившіе его люди замѣчали, что притомъ, какъ онъ обсуждалъ съ нѣмцемъ его дѣло, — «одинъ усъ» у Степана Ивановича «смѣялся».

У него, какъ у настоящаго психопата, многое безтолковое соединялось съ хитрымъ и было такъ «пересыпано», что «не можно було добрать, що вінъ вередуе».

Игривыя штуки его съ нѣмцемъ кончились тѣмъ, что тотъ все ходилъ, мерцая своимъ фонаремъ, какъ иванов-

скій жукъ въ травѣ, пока, наконецъ, въ сѣняхъ одной крестьянской хаты ему отмяли бока, и провожатый, отвѣчавшій за его жизнь, принесъ его домой, гдѣ тотъ и не замедлилъ отдать Богу свою нѣмецкую душу, пожившую здѣсь съ почтеніемъ къ святителю Николаю и къ св. Георгію.

Но, не смотря на самоподчиненіе этого нѣмца названнымъ святымъ, Степанъ Ивановичъ все-таки нашелъ, что его недостойно было хоронить внутри кладбища, «вмѣстѣ съ родителями правой восточной вѣры», а указалъ закопать его «за оградою» и не крестъ поставить надъ нимъ, а положить камень, «дабы притомленные люди могли на немъ присѣсть и отпочить».

Все онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ какой-то особливый, но въ своемъ родѣ очень сообразный тонъ, обличавшій въ немъ и юморъ, и почтительность къ родной вѣрѣ, утверждавшейся для него не столько на катехизическомъ ученіи, какъ на св. Николѣ и на Юркѣ. Но Богу единому вѣдомо, было ли это такъ, какъ выдавалъ Степанъ Ивановичъ, и не располагало ли имъ что-либо иное.

Для выраженія полноты религіознаго культа Вишневскаго остается прибавить, что почитать или обожать св. Николая и св. Георгія тоже дозволялось не всякому, а только однимъ христіанамъ инославныхъ исповѣданій. Тѣ ласкою и почтеніемъ къ этимъ святымъ откупались отъ бѣдъ и входили въ милость у Степана Ивановича. Но евреямъ онъ отнюдь не дозволялъ прибѣгать подъ защиту этихъ святыхъ, и даже тѣхъ, которые обнаруживали къ этому хоть малѣйшую наклонность,—подвергалъ взысканію. Такъ, былъ одинъ еврей, который въ чемъ-то обманулъ Степана Ивановича и былъ за то назначенъ къ поркѣ. Когда его повлекли отъ крыльца, съ котораго Вишневскій изрекалъ свой судъ,—еврей этотъ сталъ упираться и, жалостно кривляясь, кричалъ:

— Ой, кили жъ я шаную... я шаную и Мыколу... шаную и Юрко...

Степанъ Ивановичъ велѣлъ ликторамъ остановиться и переспросилъ трясущагося жидка:

— Что ты такое кричишь?

— Кили я шаную... Кили я шаную...

— Не лопочи,—скажи спокойно, кого шануешь?

— Ой же усихъ... ой обоихъ шаную... святого Мыколу и святого Юрка.

— Ну, это ты напрасно...

— Ой, отчего... ой, зачѣмъ напрасно... Кили жъ вони милостивы... можетъ, вони меня помилуютъ.

— Да, они милостивы, — это совершенно правда, но имъ, братку, никакого дѣла нѣтъ за жидовъ заступаться,— у васъ есть свой Моисей, ты его и кличь, когда тебя пороть будутъ; а за то, що ты осмілився своими жидовскими устами произнести таке свячене имя, — прибавьте ему, хлопци, еще десять плетюгановъ за Мыколу, да двадцать пьять за святого Юрка, що бы не дерзалъ ихъ трогать.

И несчастнаго еврейчика, конечно, отвели куда надо, и задали ему все, что было назначено за обманъ,—съ прибавкою тридцати пяти ударовъ за неумѣстное, по мнѣнію Вишневскаго, ласкательство къ Николѣ и къ св. Георгію,— причемъ и тутъ тоже честь этихъ двухъ святыхъ не была сравнена, а за Николу давалось только десять «плетюгановъ», тогда какъ за св. Юрія двадцать пять.

Разумѣется, это дѣлалось неспроста, а по бо̀льшему почтенію и любви къ св. Юрію.

— «Бо се, выбачайте,—нашъ, русскій, а не зъ московьской стороны».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Упомянувъ не разъ, что Степанъ Ивановичъ отдавалъ видимый преферансъ тому, что̀ исходило «не зъ стороны московьской», я долженъ предупредить читателя, чтобы онъ не поспѣшилъ счесть Вишневскаго политикомъ, сепаратистомъ или, какъ нынче называютъ, «хохломаномъ». Правда, что тогда на хохломанство не только смотрѣли

сквозь пальцы, но даже совсѣмъ и знать о немъ не хотѣли; но если бы кто приступилъ къ душѣ Степана Ивановича и «со всякимъ испытаніемъ», то онъ не нашелъ бы тамъ ничего политическаго. Вѣрнѣе всего, онъ почувствовалъ бы себя тамъ какъ въ амбарѣ, гдѣ все навалено и все, почитай, есть, но никто толкомъ ничего не отыщетъ. Вишневскій противорѣчилъ рѣшительно всѣмъ, кромѣ своей первой жены, здѣсь уже довольно подробно описанной Степаниды Васильевны, изъ рода тверскихъ дворянъ Шубинскихъ. Если собесѣдникъ былъ хохломанъ и хвалилъ все малороссійское, то Вишневскій непремѣнно хотѣлъ выставлять недостатки малороссійскихъ нравовъ, и дѣлалъ это съ талантомъ, доводя свои сравненія до большой мѣткости и ѣдкости. Тогда онъ усердно похвалялъ Польшу, особенно Батура и Собіесскаго,—называлъ «Богдана» великимъ «пьянычкой» и приводилъ споръ къ рѣшительной, по его мнѣнію, формулѣ, что «Польша впала и насъ задавила». Но отзывался кто-нибудь со вздохомъ за Польшу,— и Степанъ Ивановичъ сейчасъ перемѣнялъ валъ въ своемъ органѣ и велъ рѣчь на великорусскій мотивъ.

— То правда, говорилъ онъ, — були у нихъ вольности и поважанье, але що зъ того, якъ всѣ хотѣли быть «крулями» да надъ «крулями» каверзували. За те жъ то и згинули, и мусяли сгинуть, бо не тімъ занимались, що треба для благоденствія цілаго края, а шарпали ту несчастну свободу усякъ, кто якъ могъ, на свою сторону.

Онъ махалъ рукою и презрительно заключалъ:

— Ледаще, ледаще!

Но Вишневскій не былъ и поборникъ строгаго уваженія къ властямъ, а, напротивъ, какъ выше показано, самъ весьма часто и даже почти при всякомъ случаѣ готовъ былъ унижать и оскорблять органы законной власти. Не былъ онъ и демократомъ, не былъ и народникомъ въ нашемъ нынѣшнемъ понятіи. Напротивъ, самое скромное и, повидимому, безобидное учрежденіе выборной должности городскихъ головъ его смѣшило, и онъ ни за что не хотѣлъ

называть ихъ «головами», а называлъ иначе. Словомъ, Вишневскій, по короткому, но мѣткому опредѣленію простыхъ людей, былъ «*панъ*, якъ се належи — якъ жубръ изъ Бѣловѣжи», т. е. онъ былъ «баринъ», какъ слѣдуетъ, все равно, что зубръ изъ Гродненской пущи, который не чета обыкновеннымъ быкамъ, а всѣхъ ихъ отважнѣе и сильнѣе. И какъ панъ, онъ наблюдалъ свое полное достоинство и зналъ толкъ въ этомъ дѣлѣ. Не имѣя настоящаго образованія и не читавъ неизвѣстныхъ еще тогда политическихъ разсужденій, написанныхъ позже такими людьми какъ Токвиль, — онъ вѣрно понималъ космополитическія стремленія настоящаго аристократизма, свойственныя также и настоящему демократизму, ибо при обоихъ объединяющимъ стимуломъ является принципъ, оттѣсняющій въ сторону симпатіи національности. Вишневскій недолюбливалъ поляковъ, но чуть рѣчь заходила о какихъ-нибудь именитыхъ людяхъ «московськихъ»,—онъ сейчасъ начиналъ строить ироническія гримасы и, улучивъ минуту, когда Степанида Васильевна не была въ комнатѣ, говорилъ:

— Ну, какая тамъ у нихъ именитость!—у всѣхъ у нихъ дѣды и бабки батогами биты.

Съ этой точки зрѣнія, Вишневскій превозвышалъ польскую знать и даже ливонскихъ бароновъ; но если бы съ ними у Россіи зашла война, онъ бы не утерпѣлъ и пошелъ бы ихъ «колотить» со всеусердіемъ, ибо хотя онъ втайнѣ завидовалъ чистотѣ ихъ «родовитой крови», но терпѣть не могъ въ нихъ «собачьей брови», т. е. ихъ высокомѣрія и надменія, которыя ему были противны, такъ какъ онъ считалъ себя простымъ и прямодушнымъ.

Кто могъ бы разобраться во всемъ этомъ, что было наворочено подъ черепомъ у этого психопата? Но возникалъ случайно передъ нимъ какой-нибудь вопросъ или случай необыкновеннаго свойства, — и вся эта психопатическая «бусырь» куда-то исчезала и Степанъ Ивановичъ обнаруживалъ самую удивительную, тоже, пожалуй, психопатическую находчивость. Онъ дѣйствовалъ смѣло и разсчитанно

въ обстоятельствахъ сложныхъ и опасныхъ и шутя выводилъ людей изъ затрудненій и большихъ бѣдъ, которыя угрожали тѣхъ задавить.

Одинъ изъ такихъ случаевъ разсказываютъ объ офицерахъ какого-то драгунскаго полка, квартировавшаго не то въ Пирятинѣ (Полтавской губерніи), не то въ Бѣжецкѣ (Тверской губерніи).

Этотъ занимательный случай одни усвояютъ Тверской области, а другіе Малороссіи, и что правѣе—судить трудно, да едва ли и стóитъ ломать надъ этимъ голову. Случай таковъ, что онъ съ одинаковою вѣроятностію могъ произойти въ любомъ городкѣ, но, судя по характерамъ двухъ упоминаемыхъ здѣсь «панычей», кажется, статочнѣе прилагать это къ нравамъ малороссійскаго подьячества.

Намъ, впрочемъ, дѣло не въ точномъ обозначеніи мѣста, а въ самой картинѣ событія и въ томъ участіи, которое принялъ въ немъ нашъ психопатическій герой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ Пирятинѣ (примемъ за данное, что это было тамъ) стояли драгуны. Части полка были расположены и въ другихъ мѣстностяхъ. Полковой командиръ квартировалъ, можетъ-быть, въ Переяславѣ.

Разумѣется, на стоянкѣ въ крошечномъ городкѣ офицеры скучали отъ бездѣлья и развлекались, разъѣзжая въ гости къ помѣщикамъ. Когда же выдавалось нѣсколько дней домосѣдства, они кутили, играли въ карты и пили въ погребкѣ при лавкѣ какого-то мѣстнаго торговца виноградными винами. Торговецъ былъ еврей, любилъ обирать офицеровъ и разгулу ихъ потворствовалъ, но самъ ихъ боялся и, — для того ли, чтобы они хоть мало-мальски вели себя тише при возбужденіи,—онъ повѣсилъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ пировали его гости, портретъ лица, которое, по его понятіямъ, могло напоминать посѣтителямъ его заведенія объ уваженіи къ законамъ благочинія. Можетъ-быть, это было умно, но повело къ исторіи.

Какъ-то, въ самую скучную лѣтнюю пору, въ городъ заѣхалъ жонглеръ и, ходя по городу, давалъ, гдѣ его принимали, свои незамысловатыя представленія, изъ коихъ одно пришлось очень по вкусу господамъ офицерамъ: артистъ сажалъ свою дочь на стулъ, плотно подвигая его спинкой къ стѣнѣ, и, доставъ изъ мѣшка нѣсколько кинжаловъ, металъ ихъ въ стѣну такъ, что они втыкались, обрамливая голову дѣвушки со всѣхъ сторонъ, но нигдѣ ее не задѣвая.

Такое твердое и ловкое упражненіе оружіемъ весьма заняло людей, знакомыхъ съ трудностію этихъ смѣлыхъ эволюцій кинжалами, и вотъ офицеры, собравшись однажды тамъ, гдѣ было имъ за обычай пить и закусывать кусочками сыра, наструганнаго наподобіе вывѣтрѣлыхъ остриженныхъ ногтей, стали говорить о метаніяхъ кинжала, и когда сдѣлались уже пьяны, то одному изъ нихъ пришло въ голову, что и онъ можетъ продѣлать то же самое.

Кинжаловъ при нихъ не было, но на столѣ находились вилки, которыя до извѣстной степени при этомъ опытѣ могли замѣнить кинжалы. Если ихъ и не такъ легко было бросать съ прицѣломъ, то все же таки онѣ втыкались въ стѣну.

Остановка была за человѣческимъ лицомъ, около котораго можно бы натыкать вилокъ. Изъ офицеровъ, разумѣется, ни одинъ не пожелалъ самъ подвергнуть себя этакому опыту. Надо было найти личность низшаго разряда, конечно, самое лучшее жида,—и разгулявшіеся офицеры отнеслись съ предложеніемъ такого рода къ прислуживавшимъ евреямъ, но тѣ, по трусости и жизнелюбію, не только не согласились сидѣть на такомъ сеансѣ, но даже покинули свои посты при торговлѣ и предоставили всю лавку во власть господъ офицеровъ, а сами разбѣжались и скрылись, хотя, конечно, не переставали наблюдать изъ скрытныхъ мѣстъ за тѣмъ, кто что будетъ брать и, вообще, что станетъ далѣе дѣлать шумливая компанія.

На этотъ грѣхъ случай поднесъ сюда двухъ молодыхъ

приказныхъ, по мѣстному выраженію—«судовыхъ панычей», которые въ этотъ день, вѣроятно, стянули съ кого-нибудь «добраго хобара» (т. е. хорошую взятку) и пришли угостить себя въ погребкѣ холоднымъ донскимъ виномъ полыннаго привкуса.

Офицерамъ тотчасъ же пришла мысль пріурочить этихъ панычей для своего опыта,—для чего тѣмъ сначала было предложено вмѣстѣ выпить, а потомъ къ нимъ стали приставать, чтобы который-нибудь изъ нихъ посидѣлъ на сеансѣ.

Панычи оказались очень странными людьми, совершенно разнаго нрава,—одинъ какъ Гераклитъ, а другой какъ Демокритъ. Придя съ жару въ холодный погребокъ, они какъ выпили холоднаго вина, такъ ихъ и развезло, и потому, когда офицеры стали къ нимъ приставать, они вмѣсто того, чтобы скорѣе уйти, не трогались съ мѣста. Считая себя на равной ногѣ, какъ аборигены, они начали проявлять свой характеръ. Одинъ на дѣлаемыя ему предложенія смѣялся и отпускалъ раздражавшія офицеровъ малороссійскія шуточки, а другой раскисъ и сталъ плакать. И хотя его уже никто не трогалъ, но онъ все продолжалъ кричать: «Не чепайте меня! Идите соби до біса! дайте мени святого покою!»

Оба эти панычи такъ надоѣли офицерамъ, что тѣ, наконецъ, поступили съ ними по-свойски, — т. е. похлопали ихъ и подбили подъ столъ и рѣшили держать тамъ, «какъ поросятъ», до тѣхъ поръ, пока окончится пирушка. Это было и удобно, и безопасно, ибо подъ столомъ панычей офицеры удерживали ногами, имѣя и рты и руки свободными, а между тѣмъ, черезъ обезпеченіе личности панычей устранялся скандалъ, который казался неизбѣжнымъ при мерзкомъ характерѣ, какой обнаруживали эти неуступчивые молодцы. Одинъ изъ нихъ непремѣнно бы сталъ на площади или на улицѣ визжать на весь городъ, а другой, чего добраго, могъ бы влѣзть на заборъ или подойти къ окну и тутъ же черезъ окно дразниться.

Тогда пришлось бы за нимъ бѣгать, его доставать и ловить,—все это было бы скандально и непремѣнно бы собрало бы кучу бабъ и жиденятъ. Словомъ, вышло бы совсѣмъ неприлично офицерскому званію,—между тѣмъ какъ панычи, подбитые подъ столъ, сидѣли тамъ смирно и только жались, обнявшись другъ съ другомъ, на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ ихъ тѣснили офицерскія ноги, въ сапогахъ со шпорами.

Все было прекрасно, но въ компанію замѣшался чортъ, и все дѣло испортилось: офицеры до того запьянѣли, что стали метать вилки въ портретъ, разсчитывая, что могутъ окружить его такъ же ловко, какъ жонглеръ окружалъ кинжалами голову живого человѣка. Но чортъ тутъ и былъ: какъ только первый офицеръ метнулъ вилку, бѣсъ толкнулъ его подъ локоть — и вилка попала въ самый глазъ портрета. Метнулъ другой офицеръ, а чортъ опять навелъ вилку по тому же направленію въ другой глазъ, и тогда въ опьянѣвшей компаніи развилось соревнованіе, — вилки полетѣли одна за другою и совсѣмъ изуродовали лицо портрета.

Въ пьяномъ загулѣ, перешедшемъ уже въ состояніе умственнаго омраченія, офицеры не придали этому событію никакого особеннаго значенія. Попортили картину—больше ничего. Не Богъ вѣсть какого она мастера,—не Рафаэлево произведеніе и огромныхъ суммъ стоить не можетъ. Призовутъ завтра жида-хозяина, спросятъ его, сколько картина стоила, хорошенько съ нимъ поторгуются и заплатятъ,— и на томъ квитъ всему дѣлу. Зато какъ было весело, сколько шутили и смѣялись при всякой неудачѣ бросить вилку такъ мѣтко, какъ бросалъ жонглеръ.

— Нѣтъ, онъ, шельма, лучше дѣлалъ. Намъ такъ не сдѣлать. И слава Богу, что никто живой не согласился передъ нами сидѣть, а то бы мы живому глаза повыкололи— тогда и не раздѣлаться.

Очень рады были добрые удальцы, что такъ хорошо дѣло кончилось одними смѣшками да шутками, и, поддер-

живая другъ друга, разбрелись по квартирамъ. Уходя, они совсѣмъ даже позабыли про судовыхъ панычей, которые притихли подъ столомъ и не подавали о себѣ ни слуху, ни духу.

А дѣло было совсѣмъ не такъ просто и совсѣмъ неблагополучно, какъ думали разошедшіеся на отдыхъ добрые ребята.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Какъ только офицеры разошлись и оставленная ими камора при еврейской лавкѣ опустѣла, «судовые панычи» вылѣзли изъ-подъ стола и, расправя окоченѣвшія отъ долгаго согбенія колѣни, оглядѣли вокругъ свою диспозицію... Все было тихо—ни въ каморѣ, ни въ лавкѣ ни души, а сквозь густое облако табачнаго дыма со стѣны едва былъ виденъ изуродованный портретъ съ выколотыми глазами и со множествомъ рваныхъ дырокъ въ другихъ мѣстахъ,

По счастью для однихъ и по несчастью для другихъ, панычи были много трезвѣе офицеровъ, потому что, когда тѣ довершали свое опьянѣніе за столомъ, изъ-за котораго метали въ портретъ вилки, заключенные подъ столомъ Гераклитъ и Демокритъ значительно «прочунѣли», — чему, можетъ-быть, сильно содѣйствовали и страхъ, и воздержаніе, и жажда мести, которая въ нихъ зажглась, и они придумали прекрасный планъ наказать своихъ обидчиковъ.

Панычи, недолго размышляя, сняли со стѣны израненный портретъ и, выбѣжавъ съ нимъ вмѣстѣ на крылечко лавки, закричали: «гвалтъ!»

— Люди добрые, сходытесь... Кто въ Бога віруе и старшихъ поважае, дывитесь... Ось якъ охвицеры такой персоны патретъ спонивадыли!

И сейчасъ на этотъ зовъ — ни вѣсть откуда, какъ изъ земли, выросли спрятавшіеся на время дебоша хозяева, прибѣжали съ торга бабы-перекупки, загалдѣли жиденята,— и пошла исторія.

Жидъ-хозяинъ, больше всѣхъ струсившій и всѣхъ болѣе

недовольный скандаломъ, закрылъ себѣ большими пальцами глаза, какъ закрываетъ ихъ благословляющій раввинъ, и кричалъ:

— Я ничего небачывъ и теперь не бачу да и не знаю, кто сей войсковій панъ, ще тутъ писанъ... Дай Богъ ему, чтобъ все доброе, а только мени... мени теперь эта картына совсѣмъ ненужна... Я ее жертвую: берите ее себѣ кто хочетъ.

А Демокритъ возглашаетъ:

— Мы то знаемъ... яка се персона и протестуемось... Бачте, добри люди, — очей нема, повыколованы. Несемъ портретъ до городничаго.

И Демокритъ понесъ израненный портретъ по улицѣ къ городническому дому, а Гераклитъ его сопровождалъ и опять раскисъ на тепломъ солнышкѣ и плакалъ, и всѣ, кто за ними слѣдовалъ, указывали на него съ похвалою, говоря:

— Отъ се жъ дивитесь яке чувства маетъ!

А офицеры себѣ спятъ да спятъ и не чуютъ, что они опротестованы и что дѣло это имъ непремѣнно натворитъ хлопотъ, съ которыми не знать какъ и развязаться.

Но если грузенъ былъ ихъ хмельной сонъ, то не легко было и пробужденіе на слѣдующее утро.

Рано всѣхъ собутыльниковъ описанной попойки обѣжалъ вѣстовой отъ усатаго маіора или ротмистра, который командовалъ эскадрономъ и представлялъ своимъ лицомъ высшую полковую власть въ мѣстѣ расположенія.

Конечно, ротмистръ еще не Богъ вѣсть какое высокое начальство,—почти то же, что «свой братъ Исакій», и порою «вмѣстѣ пляшетъ»,—однако офицеры струхнули.

Главное лихо въ томъ было, что у нихъ еще головы трещали и они никакъ не могли вспомнить всего, что вчера происходило въ каморѣ при жидовской лавкѣ... Что-то такое помнилось, что было будто крѣпко закручено, да только не все подрядъ вспомнить, а что-то обрывается и являются промежутки времени, когда будто даже и самаго времени

не было... Помнится, что будто разогнали жидовъ, да вѣдь это совсѣмъ не важно и не разъ это случалось и при самомъ ротмистрѣ. Разогнать никого не бѣда, а особенно жидовъ, потому что это такой народъ, который самыми высшими судьбами обреченъ на «разсѣяніе». Жидъ насчитаетъ лишнее, положитъ за выпитое то, что и не было пито, и за то поврежденное и разбитое, что совсѣмъ не повреждалось; но они разсчитаются съ нимъ и опять будутъ жить ладно до новой исторіи. Жидъ самъ же имъ поставитъ первую выставку безъ денегъ «на мировую», а потомъ они заохотятся и поддержатъ коммерцію... Не можетъ быть, чтобы это онъ, жидъ, захотѣлъ съ ними ссориться и былъ причиною внезапнаго ранняго призыва ихъ къ старшему офицеру!.. Развѣ что-нибудь приказные... Кажется, будто тамъ были какіе-то два приказные... «судовые панычи»... Тоже кушанье неважное... мало ли ихъ вездѣ въ то время военные люди трепали!.. Да и чего они больше стоятъ—это крапивное сѣмя, взяточники?.. Развѣ вотъ только не обрубили бы которому-нибудь изъ нихъ носъ или уши!.. Вотъ это скверно,—отрубленнаго не приставишь... Но,—Богъ милостивъ, — сходили съ рукъ и не такія дѣла,—сойдетъ и это. Да и на что приказному носъ?—развѣ только чтобы табакъ нюхать да обсыпать имъ казенную бумагу... А хабаръ или взятка не жаркое, онъ ее и такъ, безъ носа почуетъ... Разумѣется, придется сложиться и заплатить, но вскладчину это не тяжело будетъ...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ такихъ или приблизительно въ подобныхъ сему размышленіяхъ офицеры, мало унывая, потянулись къ квартирѣ своего старшаго товарища и вступили въ его просторную, но низенькую залу, въ малороссійскомъ домикѣ, смѣло; но тутъ сразу же замѣтили, что дѣло что-то очень неладно. Ротмистръ ихъ не встрѣчаетъ за панибрата—въ

полосатомъ канаусовомъ архалукѣ, съ трубкой въ зубахъ, а двери въ его кабинетъ заперты, — пока, значитъ, всѣ соберутся, тогда онъ и выйдетъ и заговоритъ ко всѣмъ разомъ...

Эта официальность не обѣщала ничего добраго, и сходящіеся офицеры переглядывались другъ съ другомъ и, понизивъ тонъ до полушопота, спрашивали одинъ у другого:

— Да что это такое?.. Что мы вчера надѣлали?

Одному кому-то на переходѣ по улицѣ удалось что-то услыхать про портретъ...

— Портретъ, портретъ... Что такое за портретъ?!

Никто не можетъ вспомнить.

А въ это время дверь вдругъ отворяется и изъ кабинета выходитъ ротмистръ, въ мундирѣ съ эполетами и усы оттопырены, и, не поздоровавшись, начинаетъ рѣчь словами, гораздо позднѣе вложенными Гоголемъ въ уста Сквозника-Дмухановскаго.

— Я пригласилъ васъ, господа, для того, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: на васъ подана жалоба по гражданскому начальству, и мнѣ сообщилъ о ней городничій; я долженъ васъ арестовать. Пожалуйте мнѣ ваши сабли и извольте сейчасъ чистосердечно объясниться: что вы такое вчера надѣлали въ лавкѣ?

Офицеры стали безропотно снимать сабли и подавать ихъ эскадронному, но насчетъ «чистосердечнаго объясненія» отвѣчали, что они и сами рады бы узнать, что̀ такое именно они надѣлали, но не могутъ привести себѣ этого на память.

Ротмистръ еще принасупился и еще суровѣе произнесъ:

— Прошу не шутить! я съ вами говорю по службѣ, какъ старшій!

— Шутокъ и нѣтъ,—отвѣчалъ одинъ изъ обвиняемыхъ,— а ей-Богу мы не помнимъ.

— Припоминайте!

— День былъ жаркій... вошли невзначай... стали пить въ холодкѣ полынное... съ жидами за что-то поспорили...

но худого умысла не имѣли... Тамъ даже были два приказные, и тѣ все могли видѣть...

— То-то и есть... два приказные! Въ нихъ-то и дѣло. Эти два приказные, дѣйствительно, могли все видѣть, и они и видѣли, а вотъ вы чѣмъ будете противъ нихъ оправдываться? Срамъ нашему званію!

— Да въ чемъ оправдываться?... Позвольте узнать, — проговорили офицеры.

— А вотъ въ чемъ вамъ надо оправдываться!—воскликнулъ ротмистръ и, вынувъ изъ кармана сложенный вчетверо листъ бумаги, сталъ читать обязательно сообщенную ему городничимъ копію съ извѣта судовыхъ панычей, гдѣ писано, какъ господа офицеры повреждали портретъ метаніемъ вилокъ, не смотря на то, что они, случившіеся на мѣстѣ преступленія судовые панычи, «имѣя въ сердцахъ своихъ страхъ Божій и любовь ко Всевышнему», во все это время стояли на колѣняхъ и до того даже, что растерзали на тѣхъ мѣстахъ объ полъ имѣвшіяся на нихъ въ ту пору единственныя шаровары и по той причинѣ теперь лишены возможности ходить на исправленіе обязанностей службы. А потому они противъ всего оказаннаго офицерами безчинства по долгу своему протестуютъ, а за панталонное поврежденіе просятъ взыскать съ виновныхъ, особенно въ пользу каждаго, по двадцати рублей ассигнаціей.

Дочиталъ это ротмистръ и, свиснувъ вѣстовому, велѣлъ подать изъ своей спальни портретъ, на которомъ офицеры во-очію могли увидѣть слѣды своего вчерашняго времяпровожденія, и остолбенѣли...

А ротмистръ межъ тѣмъ снялъ съ себя мундиръ и, оставшись въ одномъ военномъ галстукѣ, сѣлъ на столъ и, заложивъ руки за вышитыя гарусныя подтяжки, заговорилъ другимъ голосомъ:

— Дѣло, господа, плохое. Это имѣетъ предрянной характеръ, потому что тутъ чортъ знаетъ что такое присочинятъ... Какая-то ничтожная приказь, дрянь, канцелярскіе съ приписью подьячіе и противъ офицеровъ... Я съ

вами обошелся какъ старшій, а теперь говорю какъ товарищъ... Этого такъ предоставить своему обыкновенному теченію невозможно, а надо предупредить быстротою и чистосердечною военною откровенностію, какъ прилично благороднымъ людямъ... Поможетъ это или нѣтъ, но надо дѣйствовать откровенно и честно. Прошу садиться, закуривайте трубки и давайте думать. А мое мнѣніе такое: грѣхъ воровать, да нельзя миновать. Надо тѣмъ пользоваться, что почта въ Переяславъ вчера ушла и теперь опять только черезъ три дня пойдетъ. Это ваше счастье. Я отобралъ у васъ сабли, и вы выберите поскорѣе изъ себя двухъ и пусть они скачутъ къ полковнику и разскажутъ ему все по совѣсти. Онъ съ губернаторомъ хорошо знакомъ и помочь можетъ.

Лучше этого плана не могли и придумать, и черезъ часъ два офицера уже скакали изъ Пирятина въ Переяславъ, а на дорогѣ у нихъ Фарбованая; съ неба послѣ жары и духоты ударилъ громъ и полилъ ливень, и въ потокахъ воды, какъ пузырь, выскакиваетъ передъ офицерами изъ хлѣбовъ хохолъ въ видлогѣ.

— Що за люди съ дзвономъ и чого треба?

Отвѣчаютъ:

— Мы офицеры, ѣдемъ по своему дѣлу.

— А якъ по своему ділу, то вертайте до нашего пана Вишневскаго.

Офицеры было не хотѣли, но хохолъ ихъ убѣдилъ, что— Се вже такички... такая поведенцыя.

Заѣхали, чтобы переждать дождикъ и грозу, а Степанъ Ивановичъ встрѣчаетъ ихъ радушно, — сейчасъ напоилъ, накормилъ и спрашиваетъ:

— Что вы, господа, волей-неволей или своею охотою дальше рветесь въ такую погоду?

Офицеры отвѣчаютъ по-сказочному, — что ѣдутъ они и волей, и неволей, и своею охотою.

— А именно?.. Можетъ быть, я пособить вамъ могу, что и ѣхать не надо будетъ.

Тѣ вздохнули и говорятъ:

— Нѣтъ, у насъ такое трудное дѣло, что развѣ только полковникъ губернатора упросить можетъ.

— Ну, однако—что такое губернаторъ? Я вѣдь не изъ пустого любопытства спрашиваю.

Офицеры разсказали.

Вишневскій поводилъ себя растопыренными пальцами по темени, чихнулъ и говоритъ:

— Это совсѣмъ не губернаторское дѣло, и вамъ въ Переяславъ ѣхать незачѣмъ. Никто вамъ не поможетъ, если не дать дѣлу правильнаго оборота.

— А какъ ему дать правильный оборотъ?

— Ну, это мнѣ надо еще почихать.

И Степанъ Ивановичъ опять поводилъ себѣ пальцами по темени, чихнулъ и говоритъ:

— Да, вижу я, что всѣ вы хоть москали и надо бы вамъ насъ учить, а вы дѣло нехорошо поставили и можете его совсѣмъ испортить, если поѣдете къ старшимъ. Вы вашею откровенностію себѣ не поможете и начальство затрудните, а вотъ я васъ до завтраго у себя арестовываю и имѣю право арестовать, потому что вы мнѣ сами сознались, что сбѣжали, да при васъ и вашихъ сабель нѣтъ. Прошу пожаловать во флигель, — тамъ вамъ готовы всѣ услуги, и спите крѣпко, а завтра утромъ все ваше дѣло приметъ такое правильное направленіе, какъ слѣдуетъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Офицеры, поговоривъ, подумали: что же, до утра подождать бѣда не велика,—и подчинились своеобычному хозяину. Они ушли во флигель, а фарбованскій панъ крикнулъ гайдука Прокопа, велѣлъ ему сѣсть въ бричку и скакать въ Пирятинъ, гдѣ найти такихъ-то двухъ судовыхъ паничей и во что бы ни стало привезти ихъ къ утру въ Фарбованую.

Гайдукъ поскакалъ, розыскалъ паничей и говоритъ:

— Мій панъ Вишневьскій нездужае. Такъ ему прикоротіло, що ажъ не знаю, чи вінъ до вечера додышетъ. Схопывся, колысь теперечки отказну духовну писать и приславъ меня до васъ просити, щобъ сейчасъ увзяли съ собою каломарь и паперу и іхалы со мною, въ свидѣтеляхъ подписаться. Вамъ за се добрый хабаръ буде.

Панычи знали, что Вишневскій *никогда не болѣлъ* а такіе если заболятъ, то къ смерти.

Они подумали: «Вѣрно онъ помретъ, то и мы себѣ что нибудь въ духовной припишемъ. Онъ больной не расчухаетъ».

Такъ они съ радостію скоро собрались и поѣхали и какъ Степанъ Ивановичъ только проснулся, — они уже у него на крыльцѣ стоятъ.

Степанъ Ивановичъ сдѣлалъ для этихъ гостей маленькую отмѣну въ пріемномъ этикетѣ. Въ домъ онъ ихъ, разумѣется, тоже не впустилъ, но велѣлъ вынесть на свой люостротонъ маленькій столикъ и на двухъ панычей одинъ стулъ,—только съ тѣмъ, чтобы они не смѣли на него садиться.

Затѣмъ онъ вышелъ къ нимъ въ картузѣ съ большимъ козырькомъ и повелъ политику.

— Васъ, говоритъ, — мой гайдукъ надулъ, будто я помираю. Это еще, хлопци, Богъ дастъ, не скоро будетъ, и я до тѣхъ поръ привезу для своей духовной другихъ свидѣтелей, васъ поисправнѣе. А я привезъ васъ сюда для вашего блага...

Тѣ смотрятъ.

— Что вы тамъ, анаоемы, позавчера у жида въ каморѣ надѣлали? А?

Панычи выразили удивленіе.

— Помилуйте... Кто это вамъ наговорилъ?.. Мы ничего, а это офицеры...

— Да, да,—я все знаю. Потому мнѣ васъ и жаль, что вы, дурни, вздумали свою вину на офицеровъ взваливать, какъ будто это вамъ поможетъ... Вы-бъ таки одно то взду-

мали, что офицеровъ шесть человѣкъ свидѣтельствуютъ, что вы портретъ повредили, а васъ противъ нихъ всего только двое... Кто же вамъ повѣритъ?

— Позвольте... да мы...

— Нечего, нечего пустяки говорить, перебиваетъ Вишневскій.—Я все знаю,—мнѣ все извѣстно. Вы тамъ задумали доносъ писать, и когда еще вашъ тотъ доносъ пойдетъ,—а уже офицеры поскакали и въ Переяславъ, и въ Полтаву, и въ Кіевъ. Хвала Божья, що я ихъ перехвативъ да у себя зариштовавъ... Ихъ шесть человѣкъ и всѣ видѣли, какъ вы вилки кидали...

— Позвольте... да когда же мы кидали?

— Нечего, нечего! не даетъ слова Вишневскій: — васъ двое, а ихъ шесть, и вамъ не выкрутиться. Притомъ они васъ знатнѣе... они благородные дворяне, а вы что такое?— яки-сь крученые панычи, пидкрапивники...

— Да мы въ правдѣ...

— Цыцъ! что такое за правда съ москалями! Ихъ шесть, а васъ двое... Кто-жъ вамъ повѣритъ? И развѣ вы не знаете, что у насъ и все большое начальство тоже московское. Да еще и забісовьски жиды навѣрно за сильнѣйшаго потягнутъ — скажутъ, что видѣли, какъ вы кололи.

— Смилуйтесь, пане, — вѣдь жиды-жъ шельмы!

— Да кто-жъ вамъ говоритъ, что они не шельмы, а только они на васъ покажутъ... Вотъ потому-то мнѣ васъ и жаль, что вы въ такую біду попали, а ужъ просвіту нэма.

Подьячіе, понимая толкъ въ формахъ судопроизводства, видятъ, что чортъ возьми — дѣло-то вѣдь въ самомъ дѣлѣ плохо и не только нѣтъ никакого преферанса на ихъ сторонѣ, а даже, пожалуй, какъ пить дадутъ — всю вину на нихъ взвалятъ.

— Ихъ вѣдь шестеро... а насъ двое... А!

— Да... А еще жиды, можетъ быть...

— Что же дѣлать?

— Что намъ, ваша милость, дѣлать?

— А я вотъ что научу васъ сдѣлать. Садись-ка одинъ изъ васъ и пиши, что я говорить буду.

Началось писаніе, а Степанъ Ивановичъ диктуетъ:

«Бувъ малосмысленны отъ природы и отъ обращенія въ хабарной бідности помрачени совістью»...

Пишущій пріостановился... но Вишневскій его подогналъ:

— Пиши, пиши! Это такъ надо.

«Помрачени совістью... мы такой-то и такой судовые копіисты, придя въ камору при жидовской лавкѣ, упилися до безумія нашего и, зачавъ за хабара спориться, стали другъ въ друга метать вилками, и какъ були весьма пьяны, то попали неосторожностью въ портретъ»...

Пишущій опять остановилъ руку, но Степанъ Ивановичъ пощупалъ его за затылокъ, и тотъ сейчасъ же сталъ продолжать и написалъ до конца цѣлый актъ своего сознанія въ невольной винѣ и потомъ въ томъ, что «по опасенію своему они рѣшились было возвести свою вину на офицеровъ, уповая, что тѣмъ, какъ людямъ войсковымъ, ничего не будетъ. Но нынѣ, чувствуя свое согрѣшеніе и помышляя часъ смертный, они въ томъ каются и просятъ у офицеровъ прощенія и *недонесенія*. А за провинность свою, въ пьяномъ видѣ сдѣланную, сами упросили пана Вишневскаго родительски наказать ихъ у него въ селѣ Фарбованой по возможности розгами, послѣ чего Вишневскій будетъ, въ случаѣ надобности, просить, чтобы дѣло не начиналось».

— Да за що жъ... ваша милость, за що жъ насъ же и битимуть?

— Это только такъ пишется!

Они подписались, и Вишневскій подписалъ, и позвалъ офицеровъ.

— И вы, говоритъ, — господа, подпишите, что согласны ихъ простить отъ своего общества и ужъ, пожалуста, по-военному — будьте великодушны, ни до кого этого дѣла... не доводите. Я вѣдь межъ васъ порукою.

И тѣ подписали.

— Вотъ такъ чисто, сказалъ Степанъ Ивановичъ, кладя въ карманъ бумагу,—а теперь,—добавилъ онъ, обращаясь къ людямъ,—сведите этихъ панычей на конюшню и велите ихъ тамъ добре выпороть.

— Помилуйте, — что такое...

— А то що такое? — это же такъ... якъ писано есть! Що жъ вы уже писанію хотите противиться! Эге! добры панычи. Выпорите ихъ, хлопци!

И выпороли.

Этихъ панычей послѣ, говорятъ, будто долго спрашивали:

— Що якъ имъ трапилось: якъ вони въ Фарбованой фарбовались?

А къ Степану Ивановичу въ Фарбованую пріѣзжалъ командиръ и хоть словами не говорилъ, но всѣмъ выражалъ ему свою признательность за такое находчивое и «правильное направленіе дѣла».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Самъ въ собственныхъ своихъ дѣлахъ Степанъ Ивановичъ былъ предусмотрителенъ и поддавался ошибочнымъ увлеченіямъ только тогда, когда его отуманивала любовная страсть. И высшее въ этомъ родѣ безумство овладѣло имъ по одному случаю, бывшему именно съ тою тонкой и стройной Ганкой Петруненко, у ногъ которой мы его оставили на коврѣ.

Во время любви Вишневскаго къ этой дѣвушкѣ, въ церкви села Фарбованой былъ священникъ, котораго называютъ Платономъ. Онъ имѣлъ будто довольно общую русскимъ людямъ слабость, что трезвый «на все добре мовчалъ», а выпивши — любилъ говорить и даже «правдуматку різать».

На другой день, послѣ того какъ Вишневскій всталъ съ ковра, онъ радостно объявилъ утромъ Степанидѣ Васильевнѣ важную новость.

Гапка ощутила въ себѣ біеніе новой жизни.

— И то, что отъ нея родится, ужъ не будетъ моимъ крѣпакомъ, а будетъ вольнымъ, — сказалъ Вишневскій.

Степанида Васильевна встала и поцѣловала мужа въ голову.

Это былъ рѣдкій даръ любви со стороны Степана Ивановича, потому что все великое множество его дѣтей были писаны за нимъ «душами» и благополучно исправляли паньщину на его поляхъ.

И Гапочка была веселенькая.

А черезъ часъ она пошла себѣ рвать малину, и тогда къ садовой оградѣ подошелъ въ правдивомъ настроеніи отецъ Платонъ. Онъ увидалъ дѣвушку и заговорилъ съ ней пастырскимъ тономъ:

— Що, дивчинка — весела?.. Веселись, веселись, — ішь малынку сладеньку... а якъ родышь дытынку, маленьку, такъ тоди тебѣ буде по потылицѣ...

— Зачѣмъ такъ? — оглянулась на него въ бокъ Гапка, вдругъ внезапно сконфуженная и огорченная... потому что, — какъ это ни странно, — Вишневскаго любили многія женщины, дѣлавшіяся сначала его любовницами противъ своей воли. И Гапка чувствовала то же самое и спросила: зачѣмъ ей непремѣнно надлежитъ быть прогнанной, какъ только она родитъ дытыну.

— А затѣмъ, отвѣчалъ батюшка, — що на панскомъ дворѣ не держатъ коровку по второму теленку.

Только всей и причины было со стороны отца Платона, а Гапочка была впечатлительна, особенно въ новомъ, чуткомъ состояніи своего организма, и стала горько плакать; но, какъ скрытная малороссіянка, она ни за что не хотѣла сказать о чемъ плачетъ. Степанъ Ивановичъ самъ о всемъ довѣдался: люди видѣли, какъ священникъ говорилъ съ Гапкою, и донесли пану, и тотъ сейчасъ потребовалъ своего духовнаго отца къ себѣ на исповѣдь и говоритъ ему:

— Что такое ты насказалъ Гапци?

Священникъ не могъ рѣшиться сказать, что онъ говорилъ дѣвушкѣ, и говоритъ:

— Не помню.

Вишневскій взбѣсился и заоралъ:

— Ага!.. я теперь тебя знаю: это ты самъ до нея матавься... Ты думалъ, що вона мене на тебя зміняе?

— Что вы, что вы, ваша милость...

— Нечего «моя милость». Моя милость только тѣмъ тебя помилуетъ, что, какъ духовный сынъ твой, я бить тебя не велю, а пускай тебя уберутъ, якъ слідъ, и проведутъ по селу, щобъ бачили, якій ты паскудникъ...

Несчастнаго взяли, раздѣли, всунули его въ рогожный куль, изъ котораго была выставлена въ прорѣзъ одна голова, и въ волосы ему насыпали пуху и въ такомъ видѣ провели по всему селу.

Священникъ ѣздилъ, жаловался, просилъ перевода и получилъ его, безъ всякихъ, впрочемъ, неудобныхъ для Степана Ивановича послѣдствій.

Отмщеніе ему воздалъ самъ обиженный священникъ, но отмщеніе смѣшное и очень позднее. Оно открылось черезъ много лѣтъ, когда Степанъ Ивановичъ задумалъ выдавать замужъ одну изъ своихъ дочерей. Тогда потребовалась выпись изъ метрическихъ книгъ, и тамъ неожиданно нашли глупую и совершенно безсмысленную запись по подчищенному, что такого-то Степана Ивановича и *законной* жены его родилась *незаконная* дочь такая-то...

Это было безсмысленно и серьезнаго вреда Степану Ивановичу причинить не могло, но это его ужасно сконфузило. Какъ, съ нимъ и осмѣлились отшутить такую шутку!.. И кто же?—попъ! И притомъ—онъ останется неотомщеннымъ... потому что отецъ Платонъ раньше этого волею Божіею умеръ.

Иначе, разумѣется, Степанъ Ивановичъ нашелъ бы его и въ чужомъ приходѣ...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Таковы были дикіе поступки этого оригинала, которые теперь, въ наше порицаемое время, были бы невозможны, или ихъ навѣрное нынче зачли бы за психопатію. Но у Вишневскаго отдавали психопатизмомъ и самые его вкусы и ощущенія. Онъ, напримѣръ, не чувствовалъ красотъ природы, но любилъ только ночь и грозовые эфекты, а въ мірѣ животныхъ любилъ только голубя и лошадей. Голуби ему нравились потому, что они «цѣлуются», а лошади потому, что въ нихъ есть удаль, быстрота и голосъ... Да да, да,— ему чрезвычайно нравился лошадиный голосъ, т. е. ржаніе.

Для доставленія себѣ удовольствія въ первомъ родѣ, Степанъ Ивановичъ содержалъ передъ своими окнами большую голубятню и часто по цѣлымъ часамъ любовался, «якъ вони цілуются». И Степаниду Васильевну призывалъ къ этому зрѣлищу.

— Смотри,—цѣлуются.

И смотрятъ бывало оба—долго, долго и навѣрно съ хорошими мыслями.

Для конскаго ржанья Степанъ Ивановичъ всегда ѣздилъ на жеребцахъ, и оставался совершенно равнодушенъ къ тому, если они производили безпорядокъ въ какомъ-нибудь съѣздѣ экипажей Но и этого ему мало было: гдѣ бы онъ ни заслышалъ конское ржаніе—на ѣздѣ ли это или изъ дома, онъ сейчасъ же останавливался, поднималъ передъ собою палецъ и замиралъ... Навѣрно ни одинъ меломанъ не слушалъ такъ страстно ни Кальцоляри, ни Тамберлика, ни Патти.

Любимѣйшее зрѣлище Вишневскаго было хорошій конскій табунъ, гдѣ гуляетъ мощный и красивый жеребецъ. Даже издали заслышавъ его ржаніе, Степанъ Ивановичъ останавливался, и лицо его принимало выраженіе полнаго удовольствія... Казалось, глаза его не стѣсняясь пространствомъ видѣли, какъ конь, напрягши хребетъ и втягивая и ноздрями и оскаломъ воздухъ, несется и пышетъ страстью...

— Слышишь, Степанида Васильевна?

— Да, мой другъ, слышу.

И счастливая всѣмъ на свѣтѣ, что только доставляло удовольствіе ея мужу, она и здѣсь выражала счастіе... И Степанъ Ивановичъ это цѣнилъ.

Ему было шестьдесятъ лѣтъ, когда Степанида Васильевна скончалась и онъ ее оплакалъ горячими слезами, а потомъ, не смотря на свой преклонный уже возрастъ, довольно скоро вступилъ во второй бракъ съ восемнадцати-лѣтнею красивою малороссійскою дѣвушкою по фамиліи Гордіенко. И снова съ этою своею супругою тоже былъ счастливъ, но... Степаниду Васильевну помнилъ... Второй его молодой супругѣ, при многихъ ея достоинствахъ, недоставало той, такъ сказать, *вхожести* во всѣ его слабости и маніи... Ей Степанъ Ивановичъ не указывалъ на цѣлующихся голубковъ и не хотѣлъ ее спрашивать, слышитъ ли она, какъ звенитъ и разрывается трелями, а потомъ сходитъ на октаву источнымъ голосомъ заливающійся султанъ табуна...

Вишневскій попробовалъ было обратить на это вниманіе своей новой жены, но она оказалась безчувственна,— она даже не встала и не улыбнулась, а только холодно проговорила:

— Да, слышу, это гдѣ-то лошадь заржала!—и затѣмъ опять спокойно принялась за свою работу...

Не такъ должна была относиться къ такимъ страстнымъ вещамъ женщина съ живою фантазіею!...

Степанъ Ивановичъ понялъ, что его новой женѣ недостаетъ того, что имѣла прежняя, и не втягивалъ ее болѣе въ циклъ понятій, которыя были ей недоступны.

Въ минуты душевнаго подъема онъ только вздыхалъ и искалъ глазами портрета Степаниды Васильевны и ей улыбался...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Со второю своею супругою Вишневскій прожилъ еще около двадцати лѣтъ, наслаждаясь никогда неизмѣнявшимъ ему здоровьемъ, и скончался, начавъ девятый десятокъ. Всѣхъ лѣтъ жизни его было восемьдесятъ два года. Немо-

щей старости или медленнаго, но постояннаго умиранія, онъ тоже не испытывалъ, а когда пришелъ къ нему его часъ, онъ сразу отпалъ, какъ отпадаетъ отъ стебля мягко созрѣвшая малина.

Утромъ, въ одинъ изъ дней своего восемьдесятъ третьяго года,—весною, когда въ Малороссіи цвѣтетъ роскошно сирень, Степанъ Ивановичъ объѣзжалъ никому неподдававшуюся ногайскую кобылицу.

При участіи своей необычайной силы и при необычайной своей тяжести, онъ уходилъ до изнеможенія дикую кобылицу и, сойдя съ сѣдла, отдалъ ея поводья конюхамъ, а самъ взошелъ на балконъ и вдругъ остановился...

Вишневскому показалось, что у него какъ будто «отряслось сердце»... Скакалъ, скакалъ, трясся, трясся—и оно отряслось... Такъ совсѣмъ безъ боли, безъ поврежденія, какъ будто упала дозрѣвшая ягода... Мѣсто его стало пусто... и все вдругъ стало сдвигаться, какъ часовыя гири, у которыхъ бичева сошла съ колеса.

Вишневскій сѣлъ скорѣй въ кресло и хотѣлъ что-то сказать, но языкъ его завялъ въ устахъ... Все такъ хорошо, кругомъ цвѣтъ и благоуханіе... Онъ все видитъ, слышитъ и понимаетъ... Вотъ конюхи, облегчивъ подпругу, «разводятъ» подъ тѣнью стѣны потную кобылицу... Она отдыхаетъ, встряхнулась и легкія частицы покрывавшей ее бѣлой пѣны пронеслись въ воздухѣ. За стѣною конюшни раздался ударъ о помостъ двухъ крѣпкихъ переднихъ копытъ и разлилось могучее и звонкое съ фаготнымъ трескомъ: и-го-го-го!...

Степанъ Ивановичъ повелъ глазами направо и налѣво... Онъ искалъ портрета Степаниды Васильевны, но остановилъ ихъ на кустѣ цвѣтущей сирени и улыбнулся...

Надо думать, что онъ увидалъ тамъ самоё Степаниду Васильевну съ ея продолговатымъ обличьемъ типа Шубинскихъ, и... упалъ со стула къ ея ногамъ—мертвый. Въ жизни иной они оба другъ друга, вѣроятно, узнали.

ИНТЕРЕСНЫЕ МУЖЧИНЫ.

«Нѣтъ ничего увлекательнѣе
порыва горячаго чувства».
Берсье.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ дружественномъ мнѣ домѣ съ нетерпѣніемъ ожидали полученія февральской книги московскаго журнала «Мысль». Нетерпѣніе это понятно, потому что долженъ былъ появиться новый разсказъ графа Льва Николаевича Толстого.—Я заходилъ къ моимъ друзьямъ почаще, чтобы встрѣтить ожидаемое произведеніе нашего великаго художника и прочитать его вмѣстѣ съ добрыми людьми за ихъ круглымъ столомъ и у ихъ тихой, домашней лампы. Подобно мнѣ, заходили и другіе изъ короткихъ друзей — все съ одною и тою же самою цѣлью. И вотъ желанная книжка пришла, но разсказа Толстого въ ней не было: маленькій розовый билетикъ объяснялъ, что разсказъ не можетъ быть напечатанъ. Всѣ огорчились и всякъ это выразилъ соотвѣтственно своему характеру и темпераменту: кто молча надулся и насупился, кто заговорилъ въ раздражительномъ тонѣ, иные проводили параллели между воспоминаемымъ прошедшимъ, переживаемымъ настоящимъ и воображаемымъ будущимъ. А я въ это время молча перелистывалъ книгу и пробѣгалъ напечатанный тутъ новый очеркъ Глѣба Ива-

новича Успенскаго,—одного изъ немногихъ литературныхъ собратій нашихъ, который не разрываетъ связей съ жизненною правдою, не лжетъ и не притворствуетъ ради угодничества такъ-называемымъ направленіямъ. Отъ этого бесѣдовать съ нимъ всегда пріятно и очень нерѣдко—даже полезно.

На этотъ разъ г. Успенскій писалъ о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ пожилою дамою, которая припоминала передъ нимъ недавнее прошлое и замѣчала, что тогда мужчины были *интереснѣе.* Съ виду они были очень форменны, ходили въ узкихъ мундирахъ, а между тѣмъ имѣли много одушевленія, сердечнаго жара, благородства и занимательности,—словомъ, того, что дѣлаетъ человѣка *интереснымъ* и черезъ что онъ нравится. Нынче, по замѣчанію дамы, этого стало меньше, да порою и совсѣмъ не встрѣчается. По профессіямъ мужчины теперь стали свободнѣе и одѣваются какъ хотятъ и разныя большія идеи имѣютъ, а при всемъ томъ они стереотипны, они скучны и неинтересны.

Замѣчанія пожилой дамы мнѣ показались очень вѣрными, и я предложилъ оставить тщетныя кручины о томъ, чего читать не можемъ, и прочесть то, что предлагаетъ г. Успенскій. Предложеніе мое было принято, и разсказъ г. Успенскаго всѣмъ показался справедливымъ. Пошли воспоминанія и сравненія. Нашлось нѣсколько человѣкъ, знавшихъ лично недавно скончавшагося грузнаго генерала Ростислава Андреевича Ѳадеева; стали припоминать, сколько необыкновеннаго, живого интереса умѣлъ онъ являть своею особою, которая съ виду была такъ мѣшковата и ничего будто не обѣщала. Вспомнили, какъ онъ даже подъ старость легко бывало овладѣвалъ вниманіемъ самыхъ умныхъ и милыхъ женщинъ, и ни одному изъ молодыхъ и цвѣтущихъ здоровьемъ щеголей никогда не удавалось взять передъ нимъ первенство.

— Эко вы вещь какую указали! отозвался на мои слова собесѣдникъ, который былъ всѣхъ въ компаніи постарше

и отличался наблюдательностію. — Велико ли дѣло такому умному человѣку, какъ былъ покойный Ѳадеевъ, заполонить себѣ вниманіе *умной* женщины! Умнымъ женщинамъ, батюшка, жутко. Ихъ, во-первыхъ, на свѣтѣ очень немного, а во-вторыхъ — какъ онѣ больше другихъ понимаютъ, то онѣ больше и страдаютъ, и рады встрѣчѣ съ настоящимъ умнымъ человѣкомъ. Тутъ simile simili curatur или gaudet—не знаю, какъ лучше сказать: «подобное подобному радуется». Нѣтъ, и вы, и дама, съ которою бесѣдовалъ нашъ пріятный писатель, берете очень свысока: вы выставляете людей отличныхъ дарованій, а по-моему болѣе замѣчательно, что и гораздо пониже, въ сферахъ самыхъ обыкновенныхъ, гдѣ, кажется, ничего особеннаго ожидать было невозможно, являлись живыя и привлекательныя личности, или, какъ ихъ называли, «интересные мужчинки». И дамы, ими занятыя, тоже были не изъ такихъ избранницъ, которыя способны «преклоняться» передъ умомъ и талантомъ, а тоже, бывало и такія, въ своемъ родѣ, особы средней руки — очень бывали нѣжны и чувствительны. Какъ въ глубокихъ водахъ была въ нихъ своя скрытая теплота. Вотъ эти-то средніе люди по-моему еще чуднѣе, чѣмъ тѣ, которые подходили къ типу лермонтовскихъ героевъ, въ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же было не влюбляться.

— А вы знаете какой-нибудь примѣръ такого рода интересныхъ среднихъ людей съ скрытою теплотою глубокихъ водъ?

— Да, знаю.

— Такъ вотъ и разсказывайте, и пусть это будетъ намъ хоть какимъ-нибудь возмѣщеніемъ за то, что мы лишены удовольствія читать Толстого.

— Ну, «возмѣщеніемъ» мой разсказъ не будетъ, а для времяпровожденія я вамъ разскажу одну старую исторійку изъ самаго невеликаго армейско-дворянскаго быта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я служилъ въ кавалеріи. Стояли мы въ Т. губерніи, расположившись по разнымъ деревнямъ, но полковой командиръ и штабъ, разумѣется, находились въ губернскомъ городѣ. Городокъ и тогда былъ веселый, чистенькій, просторный и съ учрежденіями, —былъ въ немъ театръ, клубъ дворянскій и большая, довольно нелѣпая, впрочемъ, гостиница, которую мы завоевали и взяли въ свое владѣніе почти бо̀льшую половину ея номеровъ. Одни нанимали офицеры, которые имѣли постоянное пребываніе въ городѣ, а другіе номера содержались для временно прибывающихъ изъ деревенскихъ стоянокъ, и эти никому изъ постороннихъ людей не передавались, а такъ и шли все «подъ офицеровъ». Одни съѣзжаютъ, а другіе на ихъ мѣсто пріѣзжаютъ, — такъ и назывались «офицерскими».

Времяпровожденіе было, разумѣется,—картежъ и поклоненіе Бахусу, а также и богинѣ радостей сердечныхъ.

Игра велась порою очень большая, — особенно зимою и во время выборовъ. Играли не въ клубѣ, а у себя въ «номерахъ»—чтобы свободнѣе, безъ сюртуковъ и нараспашку,— и зачастую проводили за этимъ занятіемъ дни и ночи. Пустѣе и безчиннѣе время, кажется, и проводить нельзя было, и отсюда вы сами вѣрно можете заключить, что̀ мы за народъ были о ту пору и какими главнымъ образомъ мы одушевлялись идеями. Читали мало, писали еще того менѣе, — и то развѣ послѣ сильнаго проигрыша, когда нужно было обмануть родителей и выпросить у нихъ денегъ сверхъ положенія. Словомъ — хорошему среди насъ поучиться было нечему. Проигрывались то между собою, то съ пріѣзжими помѣщиками—людьми такого же серьезнаго настроенія, какъ мы сами, а въ антрактахъ пили да приказныхъ били, увозили да назадъ привозили купчихъ и актерокъ.

Общество самое пустое и забубенное, въ которомъ молодые спѣшили равняться со старшими и всѣ равно не представляли въ своихъ особахъ ничего умнаго и достойнаго уваженія.

Объ отмѣнной чести и благородствѣ тоже ни разговоровъ, ни рацей никогда не было. Ходили всѣ по формѣ и вели себя по заведенному обыкновенію,—тонули въ оргіяхъ и въ охлажденіи души и сердца ко всему нѣжному, высокому и серьезному. А между тѣмъ *скрытая теплота*, присущая глубокимъ водамъ, была и оказалась на нашемъ мелководьѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Командиръ полка былъ у насъ довольно уже пожилой,—очень честный и бравый воинъ, но человѣкъ суровый и, какъ говорилось въ то время,—«безъ пріятностей для нѣжнаго пола». Ему было лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь. Онъ былъ уже два раза женатъ, въ Т. опять овдовѣлъ и снова задумалъ жениться на молоденькой барышнѣ, происходившей изъ мѣстнаго небогатаго помѣщичьяго круга. Звали ее Анна Николаевна. Имя этакое незначительное, и подъ кадриль тому—все въ ней было такое же совершенно незначительное. Средняго роста, средней полноты, ни хороша, ни дурна, бѣлокуренькіе волосики, голубые глазки, губки аленькія, зубки бѣленькіе, круглолица, бѣлолица, на румяныхъ щечкахъ по ямочкѣ,—словомъ, особа невдохновительная, а именно что называется—«стариковское утѣшеніе».

Познакомился съ нею нашъ командиръ въ собраніи черезъ ея брата, который служилъ у насъ же корнетомъ, и черезъ него же сдѣлалъ ея родителямъ и предложеніе.

Просто это дѣлалось, — по-товарищески. Пригласилъ офицера къ себѣ въ кабинетъ:

— Послушайте — на меня ваша достойная сестра произвела самое пріятное впечатлѣніе, но вы знаете—въ мои года и при моемъ положеніи мнѣ получить отказъ будетъ

очень непріятно, а мы съ вами какъ солдаты — люди свои и я вашей откровенностію, какова бы она ни была, нимало не обижусь... Въ случаѣ—если хорошо, то хорошо, а если пожелаютъ мнѣ отказать, то Боже меня сохрани отъ мысли, чтобы я сталъ имѣть къ вамъ черезъ то какую-нибудь личность, но вы узнайте...

Тотъ такъ же просто отвѣчаетъ:

— Извольте—узнаю.

— Очень благодаренъ.

— Могу ли, говоритъ, — я для этой надобности отлучиться отъ своей части домой на три или четыре дня?

— Сдѣлай милость,—хоть на недѣлю.

— И не позволите ли, говоритъ, — поѣхать со мною и моему двоюродному брату?

Братъ двоюродный у него былъ почти такой же, какъ онъ, молоденькій, розовый юноша, котораго всѣ за его юность и дѣвственную свѣжесть такъ и называли «Саша-розанъ». Особеннаго описанія ни одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не заслуживаетъ, потому что ни въ одномъ изъ нихъ ничего замѣчательнаго и выдающагося не было.

Командиръ замѣчаетъ корнету:

— Для чего же вамъ нуженъ вашъ двоюродный братъ при такомъ семейномъ вопросѣ?

А тотъ отвѣчаетъ, что именно при семейномъ-то вопросѣ онъ и нуженъ.

— Я, говоритъ,—съ отцомъ и съ матерью долженъ буду разговаривать, а онъ въ это время займется съ сестрою и отвлечетъ ея вниманіе, пока я улажу дѣло съ родителями.

Командиръ отвѣчаетъ:

— Что же,—въ такомъ разѣ поѣзжайте оба съ вашимъ двоюроднымъ братомъ,—я его увольняю.

Корнеты поѣхали, и миссія ихъ вышла вполнѣ благоуспѣшна. Черезъ нѣсколько дней родной братъ возвращается и говоритъ командиру:

— Если вамъ угодно, можете моимъ родителямъ написать или сдѣлать ваше предложеніе словесно,—отказа не будетъ.

— Ну, а какъ, спрашиваетъ,—сама ваша сестра?

— И сестра, отвѣчаетъ,—согласна.

— Но какъ она... то есть... рада этому или не рада?

— Ничего-съ.

— Ну, однако... по крайней мѣрѣ — довольна она или больше недовольна.

— По правдѣ доложить, она ничего почти не обнаруживала. Говоритъ: «какъ вамъ, папаша и мамаша, угодно— я вамъ повинуюсь».

— Ну да, это прекрасно, что она такъ говоритъ и повинуется, но вѣдь по лицу, въ глазахъ, безъ словъ дѣвушку можно замѣтить, какое у нея выраженіе.

Офицеръ извиняется, что онъ, какъ братъ, къ лицу своей сестры очень привыкъ и за выраженіемъ ея глазъ не слѣдилъ, такъ что ничего на этотъ счетъ опредѣленнаго сказать не можетъ.

— Ну, а двоюродный вашъ братъ могъ замѣтить,—вы могли съ нимъ объ этомъ говорить на обратномъ пути?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, — мы объ этомъ не говорили, потому что я спѣшилъ исполнить ваше порученіе и вернулся одинъ, а его оставилъ у своихъ и вотъ имѣю честь представить отъ него рапортъ о болѣзни, такъ какъ онъ захворалъ и мы послали дать знать его отцу и матери.

— А-а! А что же съ нимъ такое сдѣлалось?

— Внезапный обморокъ и головокруженіе.

— Вонъ какая дѣвичья немочь. Хорошо-съ. Я васъ очень благодарю и такъ какъ теперь мы почти какъ родные, то прошу васъ — останьтесь, пожалуйста, со мной вдвоемъ пообѣдать.

И за обѣдомъ все нѣтъ-нѣтъ да его о кузенѣ и спроситъ — что онъ и какъ въ ихъ домѣ принятъ, и опять— при какихъ обстоятельствахъ съ нимъ сдѣлался обморокъ. А самъ все молодого человѣка виномъ поитъ, и очень его подпоилъ, такъ что тотъ еслибы имѣлъ въ чемъ проговориться, то навѣрно бы проговорился; но ничего такого, къ счастію, не было, и командиръ скоро на Аннѣ Николаевнѣ

женился, мы всѣ на свадьбѣ были и медъ-вино пили, а оба корнета — родной братъ и кузенъ были даже у невѣсты шаферами, и ничего не было замѣтно ни за кѣмъ — ни сучка, ни занозочки. Молодые люди попрежнему кутили, а новая наша полковница скоро начала авантажнѣть въ турнюрѣ, и особыя желанія у нея являлись во вкусѣ. Командиръ этимъ радовался, мы всѣ, кто чѣмъ могъ, старались споспѣшествовать ея капризцамъ, а молодые люди — ея братъ съ кузеномъ въ особенности. Бывало, то за тѣмъ, то за другимъ такъ тройки въ Москву и скачутъ, чтобы доставить ей что-либо желанное. И вкусы у нея, помню, все сказывались не избранные, все къ вещамъ простымъ, но которыхъ не всегда отыщешь: то султанскаго финика ей захочется, то орѣховой халвы греческой,—словомъ, все простое и дѣтское, какъ и сама она глядѣла дѣтёнкомъ. Наконецъ, насталъ и часъ воли Божіей, а ихъ супружеской радости, и изъ Москвы привезли для Анны Николаевны акушерку. Какъ сейчасъ помню, что пріѣхала эта дама въ городъ во время звона къ вечернѣ, и мы еще посмѣялись: «вотъ, молъ, фараонскую бабу со звономъ встрѣчаютъ! Что-то за радость черезъ нея будетъ?» И ждемъ этого, точно это въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь общее полковое дѣло. А тѣмъ временемъ является неожиданное происшествіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Если вы читали у Бретъ-Гарта, какъ какія-то малопутящіе люди въ американской пустынѣ были со скуки заинтересованы рожденіемъ ребенка совершенно постороннею имъ женщиною, то вы не станете удивляться, что мы, офицеры, кутилы и тоже безпутники, всѣ внимательно занялись тѣмъ, что Богъ даруетъ дитя нашей молоденькой полковницѣ. Вдругъ это почему-то получило въ нашихъ глазахъ такое общественное значеніе, что мы даже распорядились отпировать появленіе на свѣтъ новорожденнаго и съ этою цѣлью заказали своему трактирщику приготовить

усиленный запасъ пипучаго, а сами—чтобы не заскучать—сѣли подъ вечерній звонъ «рѣзаться», или, какъ тогда говорилось, «трудиться для пользъ императорскаго воспитательнаго дома».

Повторяю, что это было у насъ и занятіе, и обыкновеніе, и работа, и самое лучшее средство, которое мы знали для того, чтобы преодолѣвать свое скучаніе. И нынче это производилось точно такъ же, какъ и всегда: заначалили бдѣніе старшіе, ротмистры и штабъ-ротмистры съ пробивающеюся сѣдиною на вискахъ и усахъ. Они сѣли именно какъ разъ, когда въ городѣ звонили къ вечернѣ и горожане, низко раскланиваясь другъ съ другомъ, тянулись въ церкви исповѣдываться, такъ какъ описываемое мною событіе происходило въ пятницу на шестой недѣлѣ великаго поста.

Ротмистры посмотрѣли на этихъ добрыхъ христіанъ, поглядѣли и вслѣдъ акушеркѣ, а потомъ съ солдатскою простотою пожелали всѣмъ имъ удачи и счастія, какое кому надобится, и, спустивъ въ большомъ номерѣ оконныя шторы изъ зеленаго коленкора, зажгли канделябры и пошли метать «направо, налѣво».

Молодежь же еще сдѣлала нѣсколько концовъ по улицамъ и, проходя мимо купеческихъ домовъ, перемигнулась съ купеческими дочками, а потомъ, при сгустившихся сумеркахъ, тоже явилась къ канделябрамъ.

Я отлично помню этотъ вечеръ, какъ онъ стоялъ и по ту, и по другую сторону опущенныхъ шторъ. На дворѣ было превосходно. Свѣтлый, мартовскій день сгасъ румянымъ закатомъ и все оттаявшее на угрѣвѣ опять подкрѣпилось, — стало свѣжо, а въ воздухѣ все-таки повѣвало весеннимъ запахомъ и сверху слышались жаворонки. Церкви были полуосвѣщены, и изъ нихъ тихо выходили поодиночкѣ сложившіе свои грѣхи исповѣдники. Тихо, поодиночкѣ же брели они, ни съ кѣмъ не говоря, по домамъ и исчезали, храня глубокое молчаніе. На всѣхъ на нихъ была одна забота, чтобы ничѣмъ себя не развлечь и не

лишиться водворившихся въ ихъ душахъ мира и безмятежности.

Тишина разомъ скоро стала во всемъ городѣ,—и безъ того, впрочемъ, нешумномъ. Запирались ворота, за заборами послышалось дерганіе собачьихъ цѣпей по веревкамъ: заперлись маленькіе трактиры, и только у занимаемой нами гостиницы вертѣлись два «живейные» извозчика, поджидавшіе, что они намъ на что-нибудь понадобятся.

Въ эту пору вдалекѣ, по подмерзшему накату большой улицы застучали большія дорожныя троечныя сани, и къ гостиницѣ подъѣхалъ незнакомый рослый господинъ въ медвѣжьей шубѣ съ длинными рукавами и спросилъ: «есть номеръ?»

Это случилось какъ разъ въ то время, какъ я и еще двое изъ молодыхъ офицеровъ подходили къ подъѣзду гостиницы послѣ обхода дозоромъ окошекъ, въ которыхъ имѣли обыкновеніе показываться намъ недоступныя купеческія барышни.

Мы слышали, какъ пріѣзжій спросилъ себѣ номеръ и какъ вышедшій къ нему старшій коридорный Марко назвалъ его «Августомъ Матвѣичемъ», поздравилъ его съ счастливымъ возвращеніемъ, а потомъ отвѣчалъ на его вопросъ:

— Не смѣю, сударь Августъ Матвѣичъ, солгать вашей милости, что номера нѣтъ. Номерокъ есть-съ, но только я опасаюсь—останетесь ли вы имъ, сударь, довольны?

— А что такое? спросилъ пріѣзжій:—нечистый воздухъ или клопы?

— Никакъ нѣтъ,—нечистоты, изволите знать, мы не держимъ, а только у насъ очень много офицеровъ стоятъ...

— Что же—шумятъ что ли?

— Н... н .. да-съ, знаете—холостежь,—ходятъ, свищутъ... Чтобы вы послѣ не гнѣвались и неудовольствія на насъ бы не положили, потому какъ мы ихъ вѣдь утихомирить не можемъ.

— Ну вотъ—еще бы вы смѣли сами офицеровъ усми-

рять! Послѣ этого на что бы уже и на свѣтѣ жить... Но, я думаю, съ усталости переночевать можно.

— Оно точно можно, но только я хотѣлъ, чтобы впередъ это вашей милости объяснить, а то, разумѣется, можно-съ. Затѣмъ позволите брать чемоданъ и подушки?

— Бери, братецъ, бери. Я отъ самой Москвы не останавливался и такъ спать хочу, что никакого шума не боюсь—мнѣ никто не помѣшаетъ.

Лакей повелъ помѣщать гостя, а мы прослѣдовали въ главный номеръ—эскадроннаго ротмистра, гдѣ шла игра, въ которой теперь принимала участіе уже вся наша компанія, кромѣ полковницына кузена Саши, который жаловался на какое-то нездоровье, не хотѣлъ ни пить, ни играть, а все прохаживался по коридору.

Родной братъ полковницы ходилъ съ нами на купеческое обозрѣніе и съ нами же присоединился и къ игрѣ, а Саша только вошелъ въ игорный номеръ и сейчасъ же опять вышелъ и опять сталъ прохаживаться.

Страненъ онъ былъ какъ-то, такъ что даже пришлось обратить на него вниманіе. На видъ онъ казался, въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто просто не въ своей тарелкѣ—не то боленъ, не то грустенъ, не то разстроенъ, а станешь въ него всматриваться — будто и ничего. Только сдавалось, будто онъ мысленно отъ всего окружающаго отошелъ и занятъ чѣмъ-то далекимъ и для всѣхъ насъ постороннимъ. Всѣ мы слегка надъ нимъ подтрунили, что, молъ, «ты не акушеркою ли заинтересовался», а впрочемъ никакого особеннаго значенія его поведенію не придали. Въ самомъ дѣлѣ—онъ былъ еще очень молодой человѣкъ и въ настоящее офицерское питье «изъ девяти элементовъ» еще какъ слѣдуетъ не втравился. Вѣроятно ослабѣлъ отъ бывшихъ передъ тѣмъ трудовъ и притихъ. Притомъ же въ комнатѣ, гдѣ играли, было, по обыкновенію, сильно накурено и голова могла разболѣться; да могло быть, что и финансы у Саши были въ безпорядкѣ, потому что онъ въ послѣднее время азартно игралъ и часто бывалъ въ зна-

чительномъ проигрышѣ, а онъ былъ мальчикъ съ правилами и стыдился часто безпокоить родителей.

Словомъ—мы оставили этого молодого человѣка бродить тихими шагами по суконному половику, застилавшему коридоръ, а сами рѣзались, пили и закусывали, спорили и шумѣли, и совсѣмъ позабыли и о теченіи ночныхъ часовъ, и о торжественномъ событіи, которое ожидалось въ командирскомъ семействѣ. А чтобы забвеніе это вышло еще гуще,— около часа за полночь всѣ мы были развлечены однимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, которое подвелъ намъ тотъ самый незнакомый пріѣзжій, котораго мы встрѣтили, какъ я вамъ сказалъ, выходящимъ изъ дорожныхъ саней на ночлегъ въ нашу гостиницу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Во второмъ часу ночи въ комнату, гдѣ мы играли, явился старшій коридорный Марко и, помявшись, доложилъ, что пріѣзжій «княжескій главноуправитель», остановившійся въ такомъ-то номерѣ, прислалъ его къ намъ извиниться и доложить, что онъ не спитъ и скучаетъ, а потому проситъ— не позволятъ ли ему господа офицеры придти и принять участіе въ игрѣ?

— Да ты знаешь ли этого господина? спросилъ старшій изъ нашихъ офицеровъ.

— Помилуйте, какъ же не знать Августа Матвѣича? Ихъ здѣсь всѣ знаютъ, — да они и по всей Россіи, гдѣ только есть княжьи имѣнія, всѣмъ извѣстны. Августъ Матвѣичъ самую главную довѣренность имѣетъ на всѣ княжескія дѣла и вотчины и близко сорока тысячъ въ годъ одного жалованья беретъ. (Тогда еще считали на ассигнаціи).

— Полякъ онъ, что ли?

— Изъ поляковъ-съ, только баринъ отличный и самъ въ военной службѣ служилъ.

Слугу, который намъ докладывалъ, всѣ мы считали за

человѣка добропорядочнаго и намъ преданнаго. Очень смышленный былъ и набожный—все ходилъ къ заутренѣ и на колоколъ въ свой приходъ въ деревню собиралъ. А Маркъ видитъ, что мы заинтересовались, и поддерживаетъ интересъ.

— Августъ Матвѣичъ теперь, говоритъ, — изъ Москвы ѣдетъ, какъ слухъ былъ—два имѣнія княжескія въ совѣтъ заложивши, и должно быть съ деньгами — желаютъ поразсѣяться.

Наши переглянулись, перешепнулись и рѣшили:

— Что же намъ все свои-то лобанчики изъ кошелька въ кошелекъ перелобанивать. Пусть придетъ свѣжій человѣкъ и освѣжитъ насъ новымъ элементомъ.

— Что же, говоримъ, — пожалуй, но только ты намъ отвѣчаешь: есть ли у него деньги?

— Помилуйте! Августъ Матвѣичъ никогда безъ денегъ не бываютъ.

— А если такъ, то пусть идетъ и деньги несетъ,—мы очень рады. Такъ, господа? — обратился ко всѣмъ старшій ротмистръ.

Всѣ отвѣчали согласіемъ.

— Ну и прекрасно, — скажи, Марко, что просимъ пожаловать.

— Слушаю-съ.

— Только того... про всякій случай намекни, или прямо скажи, что мы хоть и товарищи, но даже между собою непремѣнно на наличныя деньги играемъ. Никакихъ счетовъ, ни росписокъ—ни за что.

— Слушаю-съ,—да это не безпокойтесь. У него во всѣхъ мѣстахъ деньги.

— Ну и проси.

Черезъ самое малое время, сколько надо было человѣку не франту одѣться, растворяется дверь, и въ наше облако дыма входитъ очень приличный на видъ, высокій, статный, пожилыхъ лѣтъ незнакомецъ, — въ штатскомъ платьѣ, но манера держаться военная и даже, можно сказать, этакая...

гвардейская, какъ тогда было въ модѣ, — то есть смѣло и самоувѣренно, но съ лѣнивой граціей равнодушнаго пресыщенія. Лицо красивое съ чертами, строго размѣщенными, какъ на металлическомъ циферблатѣ длинныхъ англійскихъ часовъ Грагама. Стрѣлка въ стрѣлку такъ весь многосложный механизмъ и ходитъ.

И самъ-то онъ какъ часы длинный и говоритъ онъ — какъ Грагамовъ бой отчеканиваетъ.

— Прошу,—начинаетъ,—господа, извиненія, что позволилъ себѣ напроситься въ вашу дружескую компанію. Я такой-то (назвалъ свое имя), спѣшу изъ Москвы домой, но усталъ и захотѣлъ здѣсь отдохнуть, а межъ тѣмъ услыхалъ вашъ говоръ— и «покой бѣжитъ отъ глазъ». Какъ старый боевой конь, я рванулся и приношу вамъ искреннюю благодарность за то, что вы меня принимаете.

Ему отвѣчаютъ:

— Сдѣлайте милость! сдѣлайте милость! Мы люди простые и ѣдимъ пряники неписанные. Мы всѣ здѣсь товарищи и держимъ себя безъ всякихъ церемоній.

— Простота,—отвѣчаетъ онъ,—всего лучше, ее любитъ Богъ и въ ней поэзія жизни. Я самъ служилъ въ военной службѣ и хотя по семейнымъ дѣламъ вынужденъ былъ ее оставить, при самомъ счастливомъ ходѣ, но военныя привычки во мнѣ остались и я врагъ всѣхъ церемоній. Но вы, я вижу, господа, въ сюртукахъ, а здѣсь жарко?

— Да, признаться, мы только сейчасъ надѣли сами сюртуки для встрѣчи незнакомаго человѣка.

— Ай, какъ не стыдно! А я этого-то и боялся. Но если уже вы были такъ любезны, что меня приняли, то вы на первомъ шагу нашего знакомства ничѣмъ не можете мнѣ сдѣлать такого истиннаго удовольствія, какъ если освободите себя и останетесь снова, какъ было до моего прихода.

Офицеры позволили склонить себя къ этому и остались въ однихъ жилетахъ, — причемъ потребовали точно такого же дезабилье и отъ незнакомца. Августъ Матвѣичъ охотно сбросилъ съ себя ловко и солидно сшитую венгерку съ

голубою шолковою подкладкою въ рукавахъ и не отказался выпить «для знакомства со всѣми» рюмку водки.

Всѣ по рюмкѣ выпили и закусили и при этомъ случаѣ вспомнили о «кузенѣ» Сашѣ, который все еще продолжалъ свою прогулку по коридору.

— Позвольте,— говорятъ,—здѣсь нѣтъ одного изъ нашихъ. Позвать его сюда!

А Августъ Матвѣичъ и говоритъ:

— Вы вѣрно не досчитываетесь этого интереснаго молодого корнета, который тамъ ходитъ въ милой задумчивости по коридору?

— Да, его. Позовите его сюда, господа!

— Да онъ не идетъ.

— Что за пустяки такіе!.. Премилый молодой товарищъ и уже хорошо повелъ курсъ наукъ по питью и игрѣ и вдругъ что-то сегодня измѣнилъ и осовѣлъ. Возьмите его сюда, господа, силою.

Этому запротиворѣчили, и послышалось нѣсколько замѣчаній, что, быть можетъ, Саша въ самомъ дѣлѣ боленъ.

— Какой чортъ, — я головою отвѣчаю, что онъ просто усталъ или хандритъ съ непривычки отъ большого проигрыша.

— А корнетъ много проигралъ?

— Да,— въ послѣднее время ему ужасно не везло, онъ былъ постоянно какъ-то внѣ себя и постоянно проигрывалъ.

— Скажите, пожалуйста,—это бываетъ; но у него такой видъ, какъ-будто онъ не столько несчастливъ въ картахъ, какъ несчастливъ въ любви.

— А вы его видѣли?

— Да; и притомъ я въ него всмотрѣлся совершенно случайно. Онъ такъ задумчивъ и потерянъ, что зашелъ ошибкою въ мой номеръ вмѣсто своего и, не видя меня на постели, направился было прямо къ комоду и сталъ что-то искать. Я даже подумалъ, не лунатикъ ли онъ, и позвалъ Марка.

— Что за удивленіе!

— Да, и когда Маркъ спросилъ его, что ему угодно,— онъ точно не скоро понялъ, въ чемъ дѣло, а потомъ, бѣдняжка, очень сконфузился... Я вспомнилъ старые годы и подумалъ: вѣрно тутъ зазноба сердечная!

— Ну, ужъ и зазноба. Пройдетъ это все. Вы, господа, въ Польшѣ слишкомъ много значенія придаете этимъ сентиментамъ, а мы, москали, народъ грубый.

— Да, но видъ этого молодого человѣка не говоритъ о грубости: онъ, напротивъ, нѣженъ и показался мнѣ встрѣвоженнымъ или безпокойнымъ.

— Онъ просто усталъ, и надъ нимъ, по нашей философіи, надо употребить насиліе. Господа, выйдите вы кто-нибудь двое и введите сюда Сашу, пусть онъ оправдается противъ подозрѣній въ безнадежной любви!

Два офицера вышли и вернулись съ Сашей, на молодомъ лицѣ котораго блуждали, поборая другъ друга, усталость, конфузъ и улыбка.

Онъ говорилъ, что ему дѣйствительно нездоровится, но что болѣе всего его смущаетъ то, что съ него безпрестанно требуютъ отчета. Когда же ему пошутили, что «даже незнакомецъ» замѣтилъ въ немъ «страданье сердца отъ амура», Саша вдругъ вспыхнулъ и взглянулъ на нашего гостя съ невыразимою ненавистью, а потомъ сердито и рѣзко оторвалъ:

— Это вздоръ!

Онъ просилъ позволенія уйти къ себѣ въ номеръ и лечь спать, но ему напомнили, что сегодня ожидается важное событіе, которое всѣ желаютъ вмѣстѣ привѣтствовать, и потому оставить компанію непозволительно. При напоминаніи объ ожидаемомъ «событіи», Саша опять поблѣднѣлъ.

Ему сказали:

— Уйти нельзя, но выпей свою очередную рюмку водки, и если не хочешь играть, то сними сюртукъ и ложись здѣсь на диванѣ. Когда тамъ закричитъ дитя,—мы услышимъ и тебя разбудимъ.

Саша повиновался, но не вполнѣ: рюмку водки онъ выпилъ, но сюртука не снялъ и не легъ, а сѣлъ въ тѣни у окна, гдѣ отъ дурно вставленной рамы ходилъ холодокъ, и сталъ смотрѣть на улицу.

Ждалъ ли онъ кого и высматривалъ, или такъ просто его безпокоило что-то внутреннее — не могу вамъ сказать; но онъ все глядѣлъ, какъ мерцаетъ огонекъ въ фонарѣ, которымъ качалъ и скрипѣлъ вѣтеръ, и то откинется въ глубь, то точно хочетъ сорваться и убѣжать.

Нашъ незнакомецъ, съ которымъ я сидѣлъ рядомъ, замѣчалъ, что я наблюдаю за Сашей, и самъ наблюдалъ его. Я это долженъ былъ видѣть по его взглядамъ и по тому, что онъ сказалъ мнѣ, а онъ сказалъ мнѣ вполголоса слѣдующія дрянныя слова, которыхъ я не могу позабыть во всю жизнь:

— Вы дружны съ этимъ вашимъ товарищемъ?

При этомъ онъ метнулъ глазами въ сторону опустившагося Саши.

— Ну, разумѣется, — отвѣчалъ я съ легкимъ задоромъ молодости, усмотрѣвшей въ такомъ вопросѣ неумѣстную фамильярность.

Августъ Матвѣичъ замѣтилъ это и тихо пожалъ подъ столомъ мою руку. Я посмотрѣлъ на его солидное и красивое лицо, и опять, по какой-то странной ассоціаціи идей, мнѣ пришли на память никогда себѣ не измѣняющіе англійскіе часы въ длинномъ футлярѣ съ грагамовскимъ ходомъ. Каждая стрѣлка ползетъ по своему назначенію и отмѣчаетъ часы, дни, минуты и секунды, лунное теченіе и «звѣздныя зодіи», а все тотъ же холодный и безъучастный «фронъ»: указать они могутъ все, отмѣтятъ все — и останутся сами собою.

Примиривъ меня съ собою ласковымъ рукопожатіемъ, Августъ Матвѣичъ продолжалъ:

— Не сердитесь на меня молодой человѣкъ. Повѣрьте, я не хочу сказать о вашемъ товарищѣ ничего дурного, но я не мало жилъ, и его положеніе мнѣ что-то внушаетъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Онъ мнѣ кажется какимъ-то... какъ вамъ это сказать... феральнымъ: оно глубоко меня трогаетъ и безпокоитъ.

— Даже уже и безпокоитъ?

— Да именно — безпокоитъ.

— Ну, смѣю васъ увѣрить, что это совершенно напрасное безпокойство. Я хорошо знаю всѣ обстоятельства этого моего товарища и ручаюсь вамъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, что могло бы смутить или оборвать теченіе его жизни.

— *Оборвать!* повторилъ онъ за мною: — c'est le mot! Вотъ именно слово... «оборвать теченіе жизни!»

Меня непріятно покоробило. Зачѣмъ это я самъ именно такъ выразился, что далъ поводъ незнакомцу ухватиться за мое выраженіе?

Августъ Матвѣичъ мнѣ вдругъ началъ ненравиться, и я сталъ съ недоброжелательствомъ смотрѣть на его точный грагамовскій циферблатъ. Что-то гармоничное и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то давящее и неотразимое. Идетъ, идетъ — и проиграютъ куранты, и опять идетъ далѣе. И все на немъ какое-то отмѣнное... Вонъ рукава его рубашки, которая несравненно тоньше и бѣлѣе всѣхъ нашихъ, а подъ нею красная шолковая фуфайка какъ кровь сверкаетъ изъ-подъ бѣлыхъ манжетъ. Точно онъ снялъ съ себя свою живую кожу да чѣмъ-то только обернулся. А на рукѣ у него женскій золотой браслетъ, который то поднимается къ кисти, то снова упадетъ и спрячется внизъ за рукавъ. На немъ явно читается польскими буквами исполненное русское женское имя «Olga».

Мнѣ почему-то досадно за эту «Ольгу». Кто она и что она ему такое — родня или любовница, — мнѣ все равно досадно.

Чего, зачѣмъ и почему? Не знаю. Такъ,—одна изъ тысячи глупостей, нивѣсть откуда приходящихъ затѣмъ, чтобы «смутить смыслъ смертнаго».

Но я вспоминаю, что мнѣ надо отдѣлаться отъ своего

слова «*оборвать*», которому онъ придалъ вовсе нежеланное значеніе, и говорю:

— Я жалѣю, что я такъ выразился,—но сказанное мною слово не можетъ имѣть никакого двойного значенія. Мой товарищъ молодъ, имѣетъ состояніе, онъ одинъ сынъ у родителей и всѣми любимъ...

— Да, да, но тѣмъ не менѣе... онъ не хорошъ.

— Я васъ не понимаю.

— Вѣдь онъ смертенъ?

— Разумѣется, какъ вы и я,—какъ цѣлый свѣтъ.

— Совершенно справедливо, но только людей цѣлаго свѣта я не вижу, а ни на мнѣ, ни на васъ нѣтъ этихъ роковыхъ знаковъ, какъ на немъ.

— Какихъ «роковыхъ знаковъ?» О чемъ вы говорите?

Я очень неумѣстно разсмѣялся.

— Зачѣмъ же вы смѣетесь надъ этимъ?

— Да, извините, говорю,—я сознаю невѣжливость моего смѣха, но вы представьте мое положеніе: мы съ вами глядимъ на одно и то же лицо, и вы мнѣ разсказываете, будто видите на немъ что-то необыкновенное, тогда какъ я рѣшительно ничего не вижу, кромѣ того, что всегда видѣлъ.

— Всегда? Этого не можетъ-быть.

— Я васъ увѣряю.

— Гиппократовы черты!

— Въ этомъ ничего не понимаю.

— Какъ не понимаете? Есть такой agent psychique.

— Не понимаю, сказалъ я, — чувствуя, что это слово наволокло на меня какой-то глупый страхъ.

— Agent psychique, или гиппократовы черты — это непостижимыя, роковыя, странныя обозначенія, которыя давно извѣстны. Эти неуловимыя черты появляются на лицахъ людей только въ роковыя минуты ихъ жизни, только наканунѣ того, когда предстоитъ свершить «великій шагъ въ страну, откуда путникъ къ намъ еще не возвращался»... Эти черты превосходно умѣютъ наблюдать шотландцы и индусы Голубыхъ горъ.

— Вы были въ Шотландіи?

— Да,—я въ Англіи учился сельскому хозяйству и путешествовалъ по Индостану.

— И что же—вы говорите, что видите извѣстныя вамъ проклятыя черты теперь на добромъ Сашѣ?

— Да; если этотъ молодой человѣкъ сейчасъ называется Саша, то я думаю, что онъ скоро получитъ *другое* имя.

Я почувствовалъ, что меня прошелъ насквозь какой-то ужасъ, и несказанно обрадовался, что въ это самое время къ намъ подошелъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, сильно подгулявшій, и спросилъ меня:

— Что ты—о чемъ съ этимъ бариномъ ссоришься?

Я отвѣчалъ, что мы вовсе не ссоримся, но что у насъ шелъ вотъ какой странный и смутившій меня разговоръ.

Офицеръ, малый простой и рѣшительный, посмотрѣлъ на Сашу и сказалъ:

— Онъ, въ самомъ дѣлѣ, какой-то скверный! — Но вслѣдъ за тѣмъ обратился къ Августу Матвѣичу и сурово спросилъ:

— А вы что же—френологъ или предсказатель?

Тотъ отвѣчалъ:

—Я не френологъ и не предсказатель.

— А такъ—чортъ знаетъ что?

— Ну и это тоже нѣтъ, — я не «чортъ знаетъ что»,— отвѣчалъ тотъ спокойно.

— Такъ что же вы: стало быть, колдунъ?

— И не колдунъ.

— А кто же?

— *Мистикъ.*

— Ага! вы *мистикъ!*.. это значитъ — вы любите поиграть въ вистикъ. Знаю, знаю, видали мы такихъ,—протянулъ офицеръ и, будучи безъ того уже порядкомъ пьянъ, снова отправился еще повреждать себя водкою.

Августъ Матвѣичъ посмотрѣлъ на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ презрѣніемъ. Обозначательныя стрѣлки на его циферблатѣ передвинулись; онъ всталъ, отошелъ

къ играющимъ, декламируя себѣ подъ носъ изъ Красинскаго:

Ja Boga nie chcę, ja nieba nie czuję,
Ja w niebo nie pójdę...

Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ не по себѣ, точно я бесѣдовалъ съ самимъ паномъ Твардовскимъ, и я захотѣлъ себя пріободрить. Я еще далѣе отошелъ отъ карточнаго стола къ закусочному, и позамѣшкался съ пріятелемъ, изъяснявшимъ по-своему слово «мистикъ», а когда меня черезъ нѣкій часъ волною снова подвинуло туда, гдѣ играли въ карты, то я засталъ уже талію въ рукахъ Августа Матвѣича.

У него были огромныя записи выигрышей и проигрышей, и на всѣхъ лицахъ по отношенію къ нему читалось какое-то нерасположеніе, выражавшееся даже отчасти и задорными замѣчаніями, которыя ежеминутно угрожали еще болѣе обостриться и, можетъ быть, сдѣлаться причиною серьезныхъ непріятностей.

Безъ непріятностей какъ-то дѣло не представлялось ни на минуту, — словно на то было будто какое-то, какъ мужички говорятъ, «придѣленіе».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Когда я подошелъ къ игравшимъ, кто-то изъ нашихъ замѣтилъ, напримѣръ, Августу Матвѣичу, что браслетъ, прыгавшій вверхъ и внизъ на его рукѣ, мѣшаетъ ему свободно метать талію. И тутъ же добавилъ:

— Вы бы, можетъ быть, лучше сняли съ себя это женственное украшеніе.

Но Августъ Матвѣичъ и на этотъ разъ выдержалъ спокойствіе и отвѣчалъ:

— Да, снять бы лучше, это такъ, но я не могу воспользоваться вашимъ добрымъ совѣтомъ: эта вещь наглухо заклепана на моей рукѣ.

— Вотъ фантазія—изображать изъ себя невольника!

— А почему бы и нѣтъ? — иногда очень хорошо чувствовать себя невольникомъ.

— Ага! и поляки это, наконецъ, признали!

— Какъ же, — что до меня, то я съ самыхъ первыхъ дней, когда мнѣ стали доступны понятія о добрѣ, истинѣ и красотѣ, призналъ, что они достойны господствовать надъ чувствами и волей человѣка.

— Но въ комъ бываютъ совмѣщены всѣ эти идеалы?

— Конечно, въ лучшемъ твореніи Бога—въ женщинѣ.

— Которую зовутъ Ольгою, — пошутилъ кто-то, прочитавъ имя на браслетѣ.

— Да,—вы угадали: имя моей жены Ольга. Не правда ли, какое это прекрасное русское имя, и какъ отрадно думать, что русскіе хоть его не заняли у грековъ, а нашли въ своемъ родномъ обиходѣ.

— Вы женаты на русской?

— Я вдовъ. Счастье, какого я былъ удостоенъ, было такъ полно и велико, что не могло быть продолжительно, но я о сю пору счастливъ воспоминаніемъ о русской женщинѣ, которая находила себя со мною счастливою.

Офицеры переглянулись. — Отвѣтъ показался имъ немножко колкимъ и куда-то направленнымъ.

— Чортъ его возьми! проговорилъ кто-то: — не хочетъ ли этотъ заѣзжій сказать, что господа поляки особенно милы и вѣжливы и что наши женщины безъ ума отъ ихъ любезности.

Тотъ непремѣнно долженъ былъ это слышать, даже посмотрѣлъ молча въ сторону говорившаго и улыбнулся, но тотчасъ же снова началъ метать очень спокойно и чисто. За нимъ, разумѣется, во всѣ глаза смотрѣли понтеры, но никто изъ нихъ не замѣчалъ ничего нехорошаго. Вдобавокъ, никакое подозрѣніе въ нечестности игры не могло имѣть и мѣста, потому что Августъ Матвѣичъ былъ въ очень значительномъ проигрышѣ. Часамъ къ четыремъ онъ заплатилъ уже болѣе двухъ тысячъ рублей и, окончивъ разсчетъ, сказалъ:

— Если вамъ, господа, угодно продолжать игру, то я еще закладываю тысячу.

Выигравшіе офицеры, по принятому этикету банковой игры, находили неловкимъ забастовать и отвѣчали, что они будутъ понтировать.

Нѣкоторые только, отвернувшись, пересмотрѣли заплаченныя Августомъ Матвѣичемъ деньги, но въ содержаніи оныя одобрили.

Все было въ совершенномъ порядкѣ, онъ всѣмъ заплатилъ самыми достовѣрными и несомнѣнными ассигнаціями.

— Далѣе, господа, сказалъ онъ, — я не могу положить на столъ передъ вами ходячей монеты, такъ какъ все, что у меня было въ этомъ видѣ, отъ меня уже ушло. Но у меня есть банковые билеты по пятисотъ и по тысячѣ рублей. Я буду ставить билеты и для удобства прошу васъ на первый разъ размѣнять мнѣ пару такихъ билетовъ.

— Это возможно,—отвѣчали ему.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ буду имѣть честь представить вамъ два билета и попрошу васъ ихъ разсмотрѣть и размѣнять на деньги.

Съ этими словами онъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ своему сюртуку, который лежалъ на диванѣ неподалеку отъ сидѣвшаго въ непробудномъ самоуглубленіи Саши, и сталъ шарить по карманамъ. Но это выходило долго, и потомъ вдругъ Августъ Матвѣичъ отшвырнулъ отъ себя прочь сюртукъ, взялся рукою за лобъ, пошатнулся и едва не упалъ на полъ.

Движеніе это было тотчасъ же всѣми замѣчено и показалось до такой степени истиннымъ и неподдѣльнымъ, что Августъ Матвѣичъ возбудилъ во многихъ живое участіе. Два или три человѣка, находившіеся къ нему ближе, участливо воскликнули: «что съ вами такое?» и кинулись его поддержать.

Гость нашъ былъ очень блѣденъ и на себя не похожъ. Я въ этотъ разъ впервые еще видѣлъ, какъ большое и неожиданное горе вдругъ перевертываетъ и моментально старитъ очень сильнаго и самообладающаго человѣка, какимъ, мнѣ казалось, надлежало считать появившагося среди насъ

на свое и на наше несчастіе княжескаго главноуправителя. Моментально постигающее человѣка неожиданное горе его какъ-то третъ, мнетъ и комкаетъ, какъ баба тряпку на портомойнѣ, и потомъ колотитъ валькомъ, пока все изъ него не выколотитъ. Не умѣю и не стану вамъ описывать лицо и взгляды Августа Матвѣича, но живо помню досадное и неуважительное по отношенію къ его горю сравненіе, которое мнѣ пришло въ голову, когда я въ числѣ другихъ подался къ главноуправителю и приблизилъ къ его лицу свѣчу. Это опять касалось часовъ и циферблата и притомъ одного смѣшного съ ними случая.

Отецъ мой имѣлъ страсть къ старымъ картинамъ. Онъ ихъ много розыскивалъ и портилъ: онъ самъ ихъ размывалъ и покрывалъ новымъ лакомъ. Мы бывало смотримъ, какъ онъ привезетъ откуда-нибудь старую картину, и видимъ темноватую, ровную поверхность, на которой всѣ колера какъ-то мирно стушевались и сгладились во что-то неразборчивое, но гармоническое, подъ слоемъ потемнѣвшаго лака; но вотъ по этой картинѣ проѣхала губка, напитанная скипидаромъ; остекленившійся лакъ пошелъ сворачиваться, проползли грязные потоки, и всѣ тоны той же самой картины зашевелились, измѣнились и, кажется, пришли въ безпорядокъ. Она стала какъ будто не она — именно потому, что теперь-то она и являлась глазамъ сама собою, какъ есть, безъ лакировки, которая ее усмиряла и сглаживала. И мнѣ вспомнилось, какъ мы разъ, подражая отцу, хотѣли также *умыть* циферблатъ на часахъ въ нашей дѣтской и, къ ужасу своему, увидали, что изображенный на немъ Бука съ корзинкою, въ которой сидѣли непослушныя дѣти, вдругъ потерялъ свои очертанія и на мѣсто очень храбраго лица являлъ что-то въ высшей степени двусмысленное и смѣшное.

Нѣчто такое же являетъ собою въ несчастіи и живой человѣкъ, даже самообладающій, а иногда и гордый. Горе срываетъ съ него лакъ, и вдругъ всѣмъ становятся видны его пожухлые тоны и давно прорвавшіяся до грунта трещины.

Но нашъ гость былъ еще сильнѣе многихъ: онъ владѣлъ собою,—онъ старался оправиться и заговорилъ:

— Извините, господа,—совершенные пустяки... Я только прошу васъ не обращать на это вниманія и отпустить меня къ себѣ, потому что... мнѣ... сдѣлалось дурно: извините— я продолжать игры не могу.

И Августъ Матвѣичъ обратилъ ко всѣмъ свое лицо, глядѣвшее теперь совершенно смытымъ циферблатомъ, но онъ еще силился держать любезную улыбку. Очевидно, онъ хотѣлъ «уйти безъ исторіи», но въ это самое мгновеніе кто-то изъ нашихъ, тоже, конечно, находившійся подъ вліяніемъ лишней рюмки, задорно крикнулъ:

— У васъ еще раньше этого не было ли дурно?

Полякъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, отозвался онъ скоро и сильно возвысивъ голосъ:—нѣтъ, со мною никогда еще не бывало *такъ дурно*. Кто говоритъ и думаетъ иначе, тотъ ошибается... Я сдѣлалъ неожиданное открытіе... я имѣю слишкомъ достаточную причину, чтобы отмѣнить мое намѣреніе продолжать игру, и рѣшительно не понимаю: что и кому отъ меня угодно!

Тутъ всѣ заговорили:

— О чемъ это онъ? Отъ васъ, милостивый государь, ничего не угодно и никто ничего не требуетъ. Но это любопытно: какое такое вы сдѣлали, находясь среди насъ, открытіе?

— Никакое,—отвѣчалъ полякъ и, поблагодаривъ поклономъ офицеровъ, поддерживавшихъ его въ виду охватившей его мгновенной слабости, добавилъ:—Вы, господа, меня совсѣмъ не знаете, и рецутація моя, отрекомендованная вамъ коридорнымъ слугою, не можетъ вамъ много говорить въ мою пользу, а потому я не нахожу возможнымъ продолжать дальнѣйшій разговоръ и желаю вамъ откланяться.

Но его удержали.

— Позвольте, позвольте, заговорили къ нему, — этакъ невозможно.

— Я не знаю — почему «этакъ невозможно». Я заплатилъ все, что проигралъ, а дальше игры продолжать не желаю и прошу освободить меня изъ вашего общества.

— Тутъ не о платѣ...

— Да, не о платѣ-съ.

— Такъ о чемъ же еще?.. Спрашиваю: «что вамъ угодно?» вы отвѣчаете, что вамъ отъ меня «ничего не угодно»; ухожу молча—вы снова въ какой-то претензіи... Что такое, чортъ возьми! Что такое?

Тутъ къ нему подошелъ одинъ изъ усатыхъ ротмистровъ,—«товарищъ въ битвахъ посѣдѣлый», мужъ бывалый въ картежныхъ столкновеніяхъ различнаго рода.

— Милостивый государь! заговорилъ онъ:—позвольте мнѣ объясниться съ вами одному отъ лица многихъ.

— Я очень радъ, — хотя совершенно не вижу, о чемъ намъ объясняться.

— Я вамъ сейчасъ это изложу.

— Извольте.

— Я и мои товарищи, милостивый государь, дѣйствительно, васъ не знаемъ, но мы приняли васъ въ свою компанію съ нашею простою русскою довѣрчивостію, а между тѣмъ вы не могли совершенно скрыть, что васъ поразила какая-то внезапность... И это въ нашемъ кружкѣ... Вы, милостивый государь, упомянули слово «репутація». У насъ, чортъ возьми!—надѣюсь, тоже есть репутація... Да-съ! Мы вамъ вѣримъ, но васъ тоже просимъ довѣриться нашей честности.

— Охотно-съ, перебилъ полякъ, — охотно! — и протянулъ руку, которую ротмистръ какъ бы не замѣтилъ, и продолжалъ:

— Я вамъ ручаюсь моею рукою и головою, что васъ не ожидаетъ здѣсь ни малѣйшая непріятность, и всякій, кто позволитъ себѣ чѣмъ бы то ни было, хотя бы отдаленнымъ намекомъ оскорбить васъ здѣсь до разбора дѣла, тотъ бу-

детъ имѣть во мнѣ вашего защитника. Но это дѣло такъ остаться не можетъ; ваше поведеніе намъ кажется страннымъ, и я прошу васъ отъ лица всѣхъ здѣсь присутствующихъ, чтобы вы успокоились и серьезно намъ объяснили, дѣйствительно ли вы внезапно заболѣли или вы что-нибудь замѣтили и съ вами что-нибудь случилось. Просимъ вамъ сказать это намъ откровенно въ одно слово.

Всѣ подхватили: «да мы всѣ просимъ, всѣ просимъ!» И дѣйствительно всѣ просили. Движеніе сдѣлалось всеобщее. Къ нему не присоединялся развѣ только одинъ Саша, который попрежнему оставался въ своей глупой потерянности, но и онъ всталъ съ своего мѣста, — произнесъ: «какъ это противно!» и оборотился лицомъ къ окну.

А полякъ, когда мы къ нему такъ круто приступили, не потерялся, а напротивъ, даже пріосанился, развелъ руками и сказалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ, господа, я васъ прошу меня извинить: я ничего не хотѣлъ говорить и все хотѣлъ снести на моемъ сердцѣ, но когда вы меня честью обязываете вамъ сказать,—что со мною сдѣлалось, я повинуюсь чести и какъ честный человѣкъ и дворянинъ...

Кто-то не выдержалъ и крикнулъ:

— Не слишкомъ ли долго все о чести!

Ротмистръ сердито посмотрѣлъ въ сторону, откуда это было сказано, а Августъ Матвѣичъ продолжалъ:

— Какъ честный человѣкъ и дворянинъ, я скажу вамъ, что у меня, господа, кромѣ того, сколько я проигралъ вамъ, было еще съ собою въ бумажникѣ двѣнадцать тысячъ рублей банковыми билетами по тысячѣ и по пятисотъ рублей.

— Вы ихъ имѣли при себѣ?—спросилъ ротмистръ.

— Да, при себѣ.

— Вы хорошо это помните?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія.

— И теперь ихъ нѣтъ?

— Да; это вы сказали: ихъ нѣтъ.

Пьяный офицеръ опять было крикнулъ:

— Да они были ли?

Но ротмистръ еще строже отвѣтилъ:

— Прошу молчать! Господинъ, котораго мы видимъ, не смѣетъ лгать. Онъ знаетъ, что такими вещами въ присутствіи порядочныхъ людей не шутятъ, потому что такія шутки кровью пахнутъ. А что мы дѣйствительно порядочные люди—это мы должны доказать дѣломъ. Никто, господа, ни съ мѣста, а вы, поручикъ такой-то, и вы, и вы еще (онъ назвалъ трехъ изъ товарищей) извольте сейчасъ запереть на ключъ всѣ двери и положить ключи здѣсь у всѣхъ на виду. Первый, кто захотѣлъ бы теперь отсюда выйти, долженъ лечь на мѣстѣ, но я надѣюсь, что изъ насъ, господа, никто этого не сдѣлаетъ. Никто не смѣетъ сомнѣваться, что изъ насъ ни одинъ не можетъ быть виноватъ въ пропажѣ, о которой говоритъ этотъ проѣзжій, но это должно быть доказано.

— Да, да, безъ сомнѣнія,—вторили офицеры.

— И когда это будетъ доказано, тогда начнется второе дѣйствіе, а теперь, оберегая нашу честь и гордость, всѣ мы, господа, обязаны немедленно, не выходя отсюда, позволить себя обыскать до нитки.

— Да, да, обыскать, обыскать!—заговорили офицеры.

— И до нитки, господа!—повторилъ ротмистръ.

— До нитки, до нитки!

— Мы всѣ по очереди до-нага раздѣнемся передъ этимъ господиномъ. Да, да, какъ мать родила — до нага, чтобы нельзя было нигдѣ ничего спрятать, и пусть онъ самъ обыщетъ насъ каждаго. Я всѣхъ васъ старше лѣтами и службою, и я первый подвергаю себя этому обыску, въ которомъ не должно быть ничего унизительнаго для честныхъ людей. Прошу отойти отъ меня далѣе и стать всѣмъ въ рядъ,—я раздѣваюсь.

И онъ сталъ скоро и порывисто снимать съ себя все, до носковъ на ногахъ, и положивъ вещи на полу передъ управляющимъ, поднялъ надъ головою руки и сказалъ:

— Вотъ я весь,—какъ рекрутъ на пріемѣ стою. Прошу обыскивать мои вещи.

Августъ Матвѣичъ началъ было отнѣкиваться и уклоняться подъ тѣмъ довольно справедливымъ предлогомъ, что онъ подозрѣній не заявлялъ и обыска не требовалъ.

— Э-э! нѣтъ, это стара шутка,—заговорилъ, весь побагровѣвъ и засверкавъ гнѣвно глазами, ротмистръ и затопоталъ босыми пятками по полу. Теперь поздно, милостивый государь, деликатничать... Я не даромъ передъ вами раздѣвался... Прошу васъ осмотрѣть мои вещи до нитки! Иначе я, голый, сію же минуту и тутъ же убью васъ вотъ этимъ стуломъ.

И тяжелый трактирный стулъ заходилъ въ его волосатой рукѣ по воздуху надъ головою Августа Матвѣича.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Августъ Матвѣичъ волей-неволей нагнулся къ разложенному на полу гардеробу ротмистра и сталъ трогать вещи для вида.

Голыя пятки по полу затопотали еще сильнѣе, и съ нихъ тупымъ выстукиваніемъ раздался задушенный, шипящій со свистомъ голосъ:

— Не такъ ищутъ, не такъ! Держите меня, или я кинусь на него и задушу его, если онъ не будетъ насъ обыскивать какъ слѣдуетъ!

Ротмистръ былъ буквально внѣ себя и такъ весь трясся отъ гнѣва, что даже дрожалъ густой черный мохъ на подмышкахъ его мускулистыхъ рукъ, которыя онъ теперь судорожно сжалъ снова надъ своею головою.

Полякъ, однако, оказался молодцомъ и ни мало не сробѣлъ передъ бѣшенымъ порывомъ ротмистра: онъ окинулъ спокойнымъ взглядомъ его лицо и его подмышки, въ которыхъ точно, будто, дрожали двѣ черныя крысы, и сказалъ:

— Извольте, — и хотя я увѣренъ, что вы несомнѣнно честный человѣкъ, я, по вашему требованію, буду обыскивать васъ какъ вора.

— Да, чортъ возьми,—я честный человѣкъ, и я непремѣнно требую, чтобы вы обыскивали меня *какъ вора!*

Августъ Матвѣичъ его обыскалъ и, разумѣется, ничего не нашелъ.

— Итакъ, я чистъ отъ подозрѣній,—сказалъ ротмистръ.— Прошу другихъ слѣдовать моему примѣру.

Другой офицеръ раздѣлся, и его обыскали такимъ же образомъ, потомъ третій, и такъ всѣ мы по очереди уже позволили себя осмотрѣть, и оставался еще необысканнымъ только одинъ Саша, какъ вдругъ въ ту самую минуту, когда до него дошла очередь, въ дверь изъ коридора раздался стукъ.

Мы всѣ вздрогнули.

— Не пускать никого!—скомандовалъ ротмистръ.

Стукъ повторился настойчивѣе.

— Да какой это чортъ тамъ ломится? Мы не можемъ пустить никого посторонняго на этакое срамное дѣло. Кто бы это ни былъ—прогнать его къ дьяволу.

Но стукъ снова повторился и вмѣстѣ съ тѣмъ послышался знакомый голосъ:

— Прошу отворить,—это я.

Голосъ принадлежалъ нашему полковнику.

. . . . . .

. . . . . .

Офицеры переглянулись.

— Откройте же, господа, двери,—просилъ полковникъ.

— Откройте!—сказалъ, застегиваясь, ротмистръ.

Двери отперли, и командиръ, очень мало нами любимый, вошелъ пріятельски съ рѣдко посѣщавшей его лицо ласковой улыбкой.

— Господа!—заговорилъ онъ, не успѣвъ оглядѣться,— у меня дома все благополучно, и я послѣ пережитыхъ мною тревожныхъ минутъ вышелъ пройтись по воздуху и, зная ваше товарищеское желаніе раздѣлить мою семейную радость, самъ зашелъ сказать вамъ, что мнѣ Богъ далъ дочь!

Мы стали его поздравлять, но поздравленія наши, разу-

мѣется, были не такъ живы и веселы, какъ полковникъ вправѣ былъ ожидать потому, что узналъ о тронувшихъ его нашихъ сборахъ, и онъ это замѣтилъ, — онъ окинулъ своими желтыми глазами комнату и остановилъ ихъ на постороннемъ человѣкѣ.

— Кто этотъ господинъ?—спросилъ онъ тихо.

Ротмистръ ему отвѣчалъ еще тише и сейчасъ же въ короткихъ словахъ передалъ нашу смутительную исторію.

— Какая гадость!—воскликнулъ полковникъ.—И чѣмъ же это кончено, или до сихъ поръ еще не кончено?

— Мы всѣ заставили его насъ обыскать и къ вашему приходу остался необысканнымъ только одинъ корнетъ N.

— Такъ кончайте это!—сказалъ полковникъ и сѣлъ на стулъ посреди комнаты.

— Корнетъ N, ваша очередь раздѣться, — позвалъ ротмистръ.

Саша стоялъ у окна со сложенными на груди руками и ничего не отвѣчалъ, но и не трогался съ мѣста.

— Что же вы, корнетъ,—развѣ не слышите? — позвалъ полковникъ.

Саша двинулся съ мѣста и отвѣтилъ:

— Господинъ полковникъ и всѣ вы, господа офицеры,— клянусь моею честью, что я денегъ не кралъ...

— Фуй, фуй! къ чему такая ваша клятва! — отвѣчалъ полковникъ,—всѣ вы здѣсь выше всякихъ подозрѣній, но если товарищи ваши постановили сдѣлать, какъ они всѣ сдѣлали, то тоже самое должны сдѣлать и вы. Пусть этотъ господинъ васъ обыщетъ при всѣхъ — и затѣмъ начнется другое дѣло.

— *Я этого не могу.*

— Какъ?.. чего не можете?

— Я денегъ не кралъ и у меня ихъ нѣтъ, но я обыскать себя не позволю!

Послышался недовольный шопотъ, говоръ и движеніе.

— Что это? Это глупо... Почему же мы всѣ позволили себя обыскать?..

— Я не могу.

— *Но вы должны* это сдѣлать! Вы должны, наконецъ, понять, что ваше упрямство усиливаетъ унизительное для всѣхъ насъ подозрѣніе... Вамъ должна, наконецъ, быть дорога если не ваша честь, то честь всѣхъ вашихъ товарищей, — честь полка и мундира!.. Мы всѣ отъ васъ требуемъ, чтобы вы сейчасъ, сію минуту раздѣлись и дали себя обыскать... И какъ поведеніе ваше уже усилило подозрѣніе, то мы рады случаю, что вы можете быть обысканы при полковникѣ... Извольте раздѣваться.

— Господа!—продолжалъ блѣдный, покрывшійся холоднымъ пòтомъ юноша:—я денегъ не бралъ... Я вамъ клянусь въ томъ отцомъ и матерью, которыхъ люблю больше всего на свѣтѣ. И на мнѣ денегъ этого господина нѣтъ, но я сейчасъ вышибу эту раму и брошусь на улицу, но не раздѣнусь ни ради чего на свѣтѣ. Этого требуетъ *честь*.

— Какая честь! что за честь можетъ-быть выше чести общества... чести полка и мундира... Чья это честь?

— Я вамъ не скажу больше ни слова, но я не раздѣнусь, и у меня въ карманѣ есть пистолетъ,—я предупреждаю, что выстрѣлю во всякаго, кто захочетъ меня тронуть силою.

Юноша, говоря это, то блѣднѣлъ, то горѣлъ весь какъ въ огнѣ, задыхался и блуждающимъ взоромъ глядѣлъ на дверь съ томящимъ желаніемъ вырваться, межъ тѣмъ какъ въ рукѣ его, опущенной въ карманъ рейтузъ, щелкнулъ взведенный пальцемъ курокъ.

Словомъ, Саша былъ внѣ себя, и этимъ экстазомъ онъ остановилъ весь потокъ направленныхъ къ нему убѣжденій и всѣхъ заставилъ задуматься.

Полякъ первый обнаружилъ къ нему самое большее и даже трогательное участіе. Забывая свое уединенное и вполнѣ невыгодное, нерасполагающее положеніе, онъ съ выраженіемъ какого-то заразительнаго ужаса закричалъ:

— Проклятье! проклятье этому дню и этимъ деньгамъ! Я не хочу, я не ищу ихъ, я о нихъ не жалѣю, я никому

никогда ни одного слова не скажу объ ихъ пропажѣ, но только ради создавшаго васъ Саваоѳа, ради страдавшаго за правду и милость Христа, ради всего, что кому-нибудь изъ васъ жалко и дорого,—отпустите этого *младенца*...

Онъ сказалъ именно «младенца» вмѣсто юноши, и вдругъ совершенно инымъ, какъ будто изъ какихъ-то глубокихъ нѣдръ души, исходящимъ голосомъ добавилъ:

— Не *ускоряйте* рока... Развѣ вы не видите, куда идетъ онъ...

А онъ, т. е. Саша, дѣйствительно, въ это время шелъ, или, лучше сказать, пробирался мимо офицеровъ къ двери.

Полковникъ слѣдилъ за нимъ желтыми бѣлками своихъ глазъ и проговорилъ:

— Пусть уходитъ...

И потомъ онъ еще тише добавилъ:

— Я, кажется, что-то понимаю.

Саша достигъ порога, остановился и, оборотясь ко всѣмъ лицомъ, сказалъ:

— Господа! я знаю, какъ я оскорбилъ васъ и какъ дуренъ долженъ быть въ глазахъ всякаго мой поступокъ. Простите! я иначе поступить не могъ... Это моя тайна... Простите!.. Это честь...

Голосъ его заволновался,—точно въ немъ задрожали чистыя дѣтскія слезы, и онъ застыдился ихъ,—захотѣлъ ихъ скрыть, — онъ закрылъ ладонью глаза, крикнулъ: «прощайте!» и выбѣжалъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Очень трудно излагать такія происшествія передъ спокойными слушателями, когда и самъ уже не волнуешься пережитыми впечатлѣніями. Теперь, когда надо разсказать то, до чего дошло дѣло, то я чувствую, что это рѣшительно невозможно передать въ той живости и, такъ сказать, въ той компактности, быстротѣ и въ какомъ-то натискѣ событій, которыя другъ друга гнали, толкали, мостились одно

на другое, и все это для того, чтобы глянуть съ какой-то роковой высоты на человѣческое малоуміе и снова разлиться гдѣ-то въ природѣ.

Если вы читали, что писалъ Жаколіо, или пишетъ о загадочныхъ вещахъ наша соотечественница Рада-Бай, то вы, можетъ быть, прислушались къ тому, что она повѣствуетъ о «психической силѣ» у индусовъ и о зависимости этой силы отъ «умственнаго настроенія». Психическая сила, можетъ быть, есть и въ томъ франтѣ, который проходитъ по тротуару, помахивая тросточкой и насвистывая изъ Орфея:—«*И-в-о-т-ъ м-ы шли,—и в-о-т-ъ м-ы шли*». Но подите-ка, докопайтесь въ немъ, гдѣ у него завалена эта сила, да и къ чему ее приложить можно. Екклезіастъ прекрасно представляетъ это въ примѣрѣ тѣни, падающей отъ дерева по направленію получаемаго освѣщенія... Въ общей суматохѣ всѣ метутся и принимаютъ за важнѣйшее то, что вовсе не важно, а одинъ иначе настроенный взглядъ видитъ, и замѣчаетъ настоящее и самое главное въ эту минуту,—и вотъ вамъ «психическая сила».

Во мнѣ какъ будто сверкнулъ какой-то маленькій ея клочекъ, когда выбѣжалъ Саша. Что-то было страшное въ его движеніи и въ оборотѣ, — въ быстромъ скачкѣ — не скачкѣ, а въ какомъ-то отдаленіи,—словно онъ оторвался и унесся безслѣдно... Даже шаговъ его не было слышно по коридору, а только что-то прошумѣло... Полякъ сразу же бросился вслѣдъ за нимъ... Мы думали, что онъ хочетъ его настичь и обличить въ кражѣ, такъ какъ Саша, если помните, имѣлъ роковое несчастіе заходить еще ранѣе ошибкою въ его комнату и, стало быть, становился еще подозрительнѣе по отношенію къ пропавшимъ деньгамъ (а мы всѣ уже волею-неволею вѣрили въ то, что деньги были и пропали). Нѣсколько человѣкъ сдѣлали быстрое движеніе, чтобы преградить Августу Матвѣевичу путь къ двери, а полковникъ крикнулъ ему:

— Остановитесь, милостивый государь, ваши деньги будутъ вамъ заплачены!

Но полякъ съ удивительною силою отбросилъ офицеровъ, а полковнику крикнулъ въ отвѣтъ:

— Пусть чортъ возьметъ деньги! и выбѣжалъ вслѣдъ за Сашей.

Тутъ только всѣ мы вспомнили свой непростительный промахъ, что, дозволяя обыскивать самихъ себя, мы не потребовали того же самаго отъ причинившаго намъ все это безпокойство поляка, и кинулись за нимъ, чтобы схватить его и не дать ему возможности спрятать деньги и потомъ взвести на насъ унизительную клевету; но въ это самое мгновеніе, которое шло быстрѣе и кратче, чѣмъ идетъ мой разсказъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи изъ коридора послышался какъ-будто ударъ въ ладоши...

Насъ прожгла мысль, что полякъ оскорбилъ Сашу ударомъ въ лицо, и мы кинулись на помощь къ товарищу, но... помощь ему была безполезна...

Въ дверяхъ передъ нами стояла, колеблясь, длинная часовая фигура Августа Матвѣича съ грагамовскимъ циферблатомъ, на которомъ всѣ стрѣлки упали книзу..

— Поздно, прохрипѣлъ онъ:—*онъ застрѣлился.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мы бросились толпою въ маленькій номерокъ, который занималъ Саша, и увидали поражающую картину: посреди комнаты, освѣщенной одною догоравшею свѣчкой, стоялъ блѣдный, испуганный деньщикъ Саши и держалъ его въ своихъ объятіяхъ, межъ тѣмъ какъ голова Саши лежала у него на плечѣ. Руки его повисли какъ плети, но согнувшіяся въ колѣнахъ ноги еще дѣлали такія судорожныя движенія, какъ-будто его щекотали и онъ смѣялся.

Исторія о деньгахъ, которая довела до всего этого или, по крайней мѣрѣ, подоспѣла къ тому, чтобы подтвердить причинность появленія «гиппократовъ чертъ» на юномъ лицѣ бѣднаго Саши, была позабыта... Опасеніе скандала тоже отодвинулось Богъ вѣсть куда,—всѣ забѣгали, засуе-

тились, укладывали раненаго на постель, требовали докторовъ и хотѣли помочь ему, бывшему уже внѣ всякихъ средствъ для помощи... Старались унять кровь, въ изобиліи стремившуюся изъ раны, нанесенной большою пулею въ самое сердце, звали его по имени и кричали ему на ухо: «Саша! Саша! милый Саша!..» Но онъ, очевидно, ничего не слышалъ,—онъ гасъ, холодѣлъ и черезъ минуту вытянулся на кровати какъ карандашъ.

Многіе плакали, а деньщикъ рыдалъ навзрыдъ... Изъ толпы къ трупу протѣснился коридорный Марко и, вѣрный своему набожному настроенію, сказалъ тихо:

— Господа, это нехорошо надъ отходящей душою плакать. Лучше молитесь,—и съ этимъ онъ раздвинулъ насъ и поставилъ на столъ глубокую тарелку съ чистою водою.

— Это что?—спросили мы Марка.

— Вода,—отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ она?

— Чтобы омылась и окунулась его душа.

И Марко поправилъ самоубійцу навзничь и сталъ заводить ему глазныя вѣки...

Мы всѣ крестились и плакали, а денщикъ упалъ на колѣна и билъ лбомъ о полъ, такъ что это было слышно.

Прибѣжали два доктора, — нашъ полковой и полицейскій, и оба, какъ нынче по-русски говорятъ, «констатировали фактъ смерти...»

Саша умеръ.

За что? за кого онъ убилъ себя? Гдѣ деньги, кто воръ, который укралъ ихъ? Что будетъ дальше съ этой исторіей, которая разлетѣлась какъ выпущенная на вѣтеръ пуховая подушка и ко всѣмъ къ намъ липла?

Все это мѣшалось и головы шли кругомъ, но мертвое тѣло умѣетъ отвлечь все вниманіе и заставить прежде всего заботиться о себѣ.

Въ номерѣ Саши появились полицейскіе и лѣкаря съ фельдшерами и стали писать протоколъ. Мы оказались лишними и насъ попросили удалиться. Его раздѣвали и

осматривали его вещи при однихъ понятыхъ, въ числѣ которыхъ былъ коридорный Марко и нашъ полковой докторъ, да одинъ офицеръ въ видѣ депутата. Денегъ, разумѣется, не нашли.

Подъ столомъ оказался пистолетъ, а на столѣ листокъ бумаги, на которомъ наскоро, торопливымъ почеркомъ Саша написалъ: «Папа и мама, простите—я невиненъ».

Для того, чтобы написать это, требовалось, разумѣется, двѣ секунды.

Денщикъ, который былъ свидѣтелемъ смерти Саши, говорилъ, что покойный вбѣжалъ,—не садясь къ столу, стоя написалъ эту строчку и сейчасъ же, стоя, выстрѣлилъ себѣ въ грудь и упалъ ему на руки.

Солдатъ много разъ передавалъ этотъ разсказъ въ неизмѣнной редакціи всѣмъ, кто его разспрашивалъ, и потомъ стоялъ молча, моргая глазами; но когда подошелъ къ нему Августъ Матвѣичъ и, взглянувъ ему въ глаза, хотѣлъ его разспрашивать болѣе подробно, денщикъ отвернулся отъ него и сказалъ ротмистру:

— Дозвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ выйти обмыться, на моихъ рукахъ кровь христіанская.

Ему разрѣшили выйти, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ сильно залитъ кровью,—что являло видъ тяжелый и ужасный.

Все это происходило еще на разсвѣтѣ, и заря уже чуть алѣла—свѣтъ уже чуть пробивался въ окна.

Въ номерахъ, занятыхъ офицерами, всѣ двери въ коридоръ были открыты и вездѣ еще горѣли свѣчи. Въ двухъ, трехъ комнаткахъ сидѣли, опустя руки и головы, офицеры. Всѣ они были похожи теперь болѣе на мумій, чѣмъ на живыхъ людей. Пьяный чадъ унесся какъ туманъ, не оставивъ и слѣда... На всѣхъ лицахъ выражалось отчаянье и горе...

Бѣдный Саша,—если бы духъ его могъ интересоваться земнымъ,—конечно, долженъ бы найти утѣшеніе въ томъ, какъ всѣ его любили и какъ всѣмъ больно было пережить

его, столь молодого, столь цвѣтущаго и полнаго жизнью!

А на немъ тяготѣло подозрѣніе... ужасное, гнусное подозрѣніе... Но кто бы посмѣлъ напомнить теперь объ этомъ подозрѣніи усачамъ, по опустившимся лицамъ которыхъ струились слезы...

— Саша! Саша! бѣдный, юный Саша! что ты съ собой сдѣлалъ?—шептали уста и вдругъ сердце останавливалось и предъ всякимъ изъ насъ вставалъ вопросъ: и ты тоже не виноватъ ли въ этомъ? Развѣ ты не видѣлъ, *какой онъ былъ?* Развѣ ты остановилъ другихъ, чтобы къ нему не приставали? Развѣ ты сказалъ, что ты ему вѣришь, что ты уважаешь неприкосновенность его тайны? Саша! бѣдный Саша! И что это за тайна, которую унесъ онъ съ собою въ тотъ міръ, куда онъ предсталъ теперь съ явной разгадкой погубившей его тайны... О, онъ чистъ, конечно, онъ чистъ отъ этого гнуснаго подозрѣнія и... проклятіе тому, кто довелъ его до этого поступка!

А кто довелъ?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Комната Августа Матвѣича была отворена въ коридоръ точно такъ же, какъ и всѣ офицерскія комнаты, но въ ней не было зажженой свѣчи, и при слабомъ разсвѣтѣ тамъ едва можно было отличить щегольской чемоданъ и другія дорожныя вещи. Въ углу комнаты стояла слегка смятая постель.

Проходя мимо этой комнаты, непремѣнно хотѣлось остановиться и поглядѣть издали: что въ ней такое? Откуда и за что на насъ нанесло такую напасть?

Меня лично тянуло зайти сюда и поискать, нѣтъ ли пропавшихъ денегъ здѣсь—не засунулъ ли ихъ куда-нибудь самъ пострадавшій и потомъ позабылъ и развелъ всю эту исторію, стоившую намъ столькихъ тревогъ и потери прекраснаго, молодого товарища. Я даже склоненъ былъ исполнить это: я хотѣлъ вскочить въ номеръ поляка и поискать.

и съ этимъ приблизился къ двери, но, по счастію, неосторожное легкомысліе мое было остановлено неожиданнымъ предупрежденіемъ.

Изъ конца коридора, съ той стороны, гдѣ былъ просторный ротмистерскій номеръ, въ которомъ ночью шла игра и попойка, послышалось нѣсколько голосовъ:

— Куда? Куда?.. Еще этой глупости недоставало!

Я сконфузился и оробѣлъ. Мнѣ вдругъ ясно представилась моя опрометчивость и опасность, которой я подвергалъ себя быть заподозрѣннымъ въ особенной близости къ этому дѣлу.

Я перекрестился и ускореннымъ шагомъ пошелъ въ тотъ уголъ, откуда донеслись ко мнѣ предостерегшіе меня голоса.

Здѣсь, у полутемнаго еще окна, выходившаго на сѣверъ, на грязномъ войлокѣ, покрывавшемъ грязный же коникъ, служившій постелью ротмистерскаго денщика, сидѣли три наши офицера и нашъ полковой батюшка съ заплетенной косою и широчайшею русою бородою, за которую мы его звали «отецъ Барбаросса». Онъ былъ очень добрый человѣкъ, принимавшій участіе во всѣхъ полковыхъ интересахъ, но все выражавшій всегда безъ словъ, однимъ лишь многозначительнымъ качаніемъ головы и повтореніемъ короткой частицы «да». Говорилъ онъ только въ случаѣ крайней необходимости и тогда отличался находчивостью.

Три офицера и батюшка курили вмѣстѣ изъ двухъ трубокъ, затягиваясь поочередно и затѣмъ передавая ихъ для потребы ближняго. Батюшка помѣщался посерединѣ группы и потому трубки шли черезъ него и справа, и слѣва, — отчего онъ получалъ двойную противъ всѣхъ долю наслажденія и притомъ еще увеличивалъ его тѣмъ, что послѣ всякой сильной затяжки закрывалъ себѣ все лицо своею бородою и выпускалъ изъ себя дымъ съ большою медлительностію сквозь этотъ удивительный респираторъ.

Коникъ, на которомъ сидѣли эти добрые люди, приходился вблизи ротмистерскихъ дверей, которыя теперь были

заперты на ключъ, и за ними шла оживленная, но очень сдержанная бесѣда. Слышенъ былъ говоръ и перемѣнявшіяся реплики, но нельзя было разобрать ни одного слова.

Тамъ, запершись на ключъ, находились теперь нашъ полковой командиръ, нашъ ротмистръ и виновникъ всѣхъ нашихъ сегодняшнихъ бѣдъ, Августъ Матвѣичъ. Они вошли въ эту комнату по приглашенію полковника и о чемъ они тамъ хотѣли говорить—никому не было извѣстно. Три офицера и батюшка заняли ближайшую къ комнатѣ позицію сами,—по собственному побужденію и по собственной предусмотрительности, изъ опасенія, чтобы не оставить своихъ безпомощными въ случаѣ, если объясненія примутъ острый характеръ.

Опасенія эти были, однако, напрасны: разговоръ, какъ я уже сказалъ, шелъ въ приличномъ тонѣ, который все болѣе смягчался и, наконецъ, даже послышались ноты дружественности и задушевности,—вслѣдъ затѣмъ раздалось движеніе стульевъ и шаги двухъ человѣкъ, приближавшихся къ двери.

Повернулся ключъ, и въ открытыхъ дверяхъ показались нашъ командиръ и Августъ Матвѣичъ.

Выраженіе ихъ лицъ было если не спокойное, то вполнѣ мирное и даже дружественное.

Полковникъ пожалъ на порогѣ руку поляка и сказалъ:

— Очень радъ, что могу питать къ вамъ тѣ чувства, которыя вы сумѣли внушить мнѣ при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Прошу вѣрить моей искренности, такъ же какъ я вѣрю вашей.

Полякъ съ достоинствомъ отвѣтилъ ему поклономъ и молча направился въ свою комнату, а полковникъ обратился къ намъ и сказалъ:

— Я спѣшу домой. Прошу васъ всѣхъ войти къ ротмистру и отъ него узнать,—чего мы всѣ должны держаться.

Съ этимъ полковникъ кивнулъ намъ головою и пошелъ къ выходу, а мы всѣ, сколько насъ было, наполнили номеръ ротмистра прежде чѣмъ внизу прогремѣлъ блокъ выходной двери, затворившейся за нашимъ командиромъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Нашъ ротмистръ былъ прекрасный человѣкъ, но нервякъ, вспыльчивый и горячка. Онъ былъ находчивъ и уменъ, но не отличался умѣньемъ владѣть собою и даръ краснорѣчія имѣлъ чисто военный, — онъ болѣе внушалъ, чѣмъ излагалъ и разсказывалъ.

Таковъ же точно онъ былъ и въ эту минуту, когда мы его застали срывающимъ съ себя галстукъ и мечущимъ на всѣхъ сердитые взгляды.

— Что?.. хорошо случилось? — обратился онъ къ батюшкѣ.

Тотъ отвѣчалъ: «да, да, да», и покачалъ головою.

— То-то и есть—«да, да, да». Добрыя занятія довели и до добрыхъ послѣдствій.

Батюшка опять протянулъ: «да, да. да».

— А вѣдь это ваше бы дѣло...

— Что такое?

— Внушить нашему брату совсѣмъ другое настроеніе...

— Да.

— А вы никакого вліянія не имѣете.

— Говори пустяки.

— Нечего «пустяки». Чего вы теперь явились?—теперь надо дьячка псалтырь читать и ничего болѣе.

— Да въ чемъ дѣло-то... что дѣлать-то далѣе? — стали приступать наши. — Полковникъ ушелъ — вы пылите и батьку распекаете... Развѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, его внушеній что ли стали бы слушать... А гдѣ теперь полякъ? Чортъ знаетъ, были ли у него деньги, — что онъ одинъ теперь у себя въ комнатѣ дѣлаетъ? Говорите, пожалуйста,— что рѣшено? Кто же обидчикъ, кто злодѣй?

— Чортъ злодѣй, чортъ! Другого никого нѣтъ, — отвѣчалъ ротмистръ!

— Но самъ этотъ панъ...

— Этотъ панъ внѣ всякихъ подозрѣній...

— Кто это вамъ открылъ?

— Мы сами, господа, мы сами: я и вашъ полковой командиръ сами за него ручаемся. Мы не говоримъ вамъ, что онъ честнѣйшій человѣкъ, но мы ясно видимъ, что онъ говоритъ правду,—что деньги у него были и пропали. Ихъ могъ взять только чортъ... А что онѣ были — это доказывается тѣмъ, что командиръ, желая избѣжать скандальной огласки, здѣсь при мнѣ предложилъ ему сегодня же получить отъ него сполна всѣ двѣнадцать тысячъ, лишь бы не было дѣла и разговоровъ,—и онъ отказался...

— Отказался?..

— Да; и *мало того*, что отказался, но онъ самъ вызвался никому не жаловаться на пропажу и ни передъ кѣмъ не упоминать объ этомъ проклятомъ происшествіи. Словомъ, онъ велъ себя такъ честно, благородно и деликатно, какъ только можно пожелать.

— Да, да, да!—протянулъ батюшка.

— Да, и мы съ полковникомъ дали ему слово, что и мы, и вы будемъ питать къ нему полную довѣренность и станемъ считать себя всѣ его должниками въ теченіе года,— и если, по истеченіи года, ничто не разъяснится и деньги не отыщутся, тогда мы платимъ ему двѣнадцать тысячъ, а онъ ихъ тогда далъ согласіе взять...

— Разумѣется, мы это принимаемъ и будемъ передъ нимъ исправны въ нашемъ долгѣ,—подхватили офицеры.

— Но, господа,—продолжалъ ротмистръ, понизивъ голосъ, — онъ увѣренъ, что мы и не будемъ платить, — онъ почему-то утверждаетъ, что *эти деньги найдутся*. Онъ говоритъ объ этомъ такъ твердо и съ такою увѣренностію, что если только вѣрно, что вѣра можетъ переставлять горы,—то его увѣренность должна сбыться... Да, да,—она должна сбыться, ибо это цѣна крови... Онъ передалъ, просто сказать, онъ перелилъ эту вѣру въ насъ съ полковникомъ, и хотя онъ просилъ насъ, чтобы мы его обыскали, но и я, и полковникъ отъ этого отказались... Вамъ предоставляю сдѣлать, что вамъ угодно, — онъ пошелъ въ

свой номеръ и будетъ ждать васъ тамъ безъ выхода, чтобы вы его обыскали. Можете. Но условіе у насъ одно: мертвое молчаніе объ этомъ передъ всѣми. На это я требую отъ васъ честное слово.

Мы дали честное слово и номеръ Августа Матвѣича обыскивать не пошли, а только зашли къ нему наскоро пожать его руку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

А тѣмъ не менѣе во всѣхъ осталось полное тяжелое недоумѣніе и скорбь о человѣкѣ, а тамъ надъ бѣднымъ Сашей производилось вскрытіе; написанъ фальшивый по существу актъ о томъ, что онъ «лишилъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства»; батька отпѣлъ панихиду и дьячокъ тянетъ монотонно псалтырь: «имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желаетъ душа моя ко Богу крѣпкому, Богу благодѣявшему мнѣ».

Томленье духа. Ходишь, ходишь, куришь до безчувствія и уйдешь и заплачешь. Какая юность, какая свѣжесть угасла!.. Вотъ именно «вкусилъ мало меду и умеръ».

Всѣ мы боевые или, по крайней мѣрѣ, предназначенные къ боямъ люди раскисли и размякли. Полякъ тоже не хотѣлъ уѣзжать — онъ хотѣлъ проводить съ нами Сашу въ могилу и видѣть его отца, за которымъ, рано утромъ, послали и ждали его въ городъ къ вечеру.

Если бы не коридорный Марко, то мы бы забыли время ѣсть и пить, но онъ бдѣлъ надъ нами и много дѣлалъ и для покойника. Онъ его обмывалъ, одѣвалъ и разсказывалъ, что̀ надо купить и гдѣ поставить, да и насъ уговаривалъ успокоиться.

— На все воля Господня!—говорилъ онъ,—мы всѣ какъ трава.

И сейчасъ же опять бѣжалъ по другимъ дѣламъ. Другіе слуги подъ какимъ-то предлогомъ были арестованы и въ вещахъ ихъ былъ сдѣланъ обыскъ. Деньщика покойнаго

Саши тоже обыскали и даже допросили: не передалъ ли ему чего-нибудь передъ своею смертью самоубійца.

Солдатъ, казалось, не сразу понялъ этотъ вопросъ, но потомъ отвѣчалъ:

— Его благородіе никакихъ денегъ мнѣ не передавалъ.

— Ты помнишь, что тебѣ можетъ быть за утайку?

— Какъ же-съ, помню.

Разумѣется, все это спрашивали не мы, а слѣдственныя власти, которымъ нельзя увлекаться щекотливостью.

Деньщика отпустили, и онъ тотчасъ же ушелъ и сталъ чистить запасные Сашины сапоги.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вечеромъ пріѣхалъ отецъ. Онъ былъ очень миловидный и совсѣмъ еще не старый,—не болѣе лѣтъ пятидесяти двухъ или трехъ. Манера держаться у него была военная, и онъ былъ въ отставномъ военномъ сюртукѣ, со шпорами, но безъ усовъ. Мы его никогда ранѣе не видали и потому не замѣтили, какъ онъ вошелъ въ комнату сына, а узнали его уже тогда, когда онъ оттуда вышелъ.

Онъ съ пріѣзда спросилъ деньщика, и тотъ повелъ его и оставался съ нимъ одинъ на одинъ, съ глазу на глазъ при покойникѣ около 2—3 минутъ. И послѣ этого короткаго времени отецъ вышелъ къ намъ въ залъ, имѣя видъ, поразившій насъ своимъ тихимъ величіемъ.

— Господа! я представляюсь вамъ,—началъ онъ кланяясь,—я отецъ вашего несчастнаго товарища! Мой сынъ умеръ, онъ убилъ себя... онъ осиротилъ меня и свою мать... *но онъ не могъ поступить, господа, иначе...* Онъ умеръ какъ честный и благородный молодой человѣкъ и... и... это то, въ чемъ я увѣряю васъ и... въ чемъ я самъ буду искать себѣ утѣшенія...

Съ этими словами сразу обаявшій насъ старикъ упалъ на стулъ къ круглому столу и, закрывъ лицо руками, звонко заплакалъ какъ ребенокъ.

Я поспѣшилъ подать ему дрожащею рукою стаканъ воды.

Онъ принялъ ее, проглотилъ два глотка и, ласково сжавъ мою руку, молвилъ:

— Благодарю васъ всѣхъ, господа.

А потомъ обмахнулся платкомъ и сказалъ:

— Не то еще... Я что такое? Но жена, жена какъ узнаетъ!.. Материнское сердце не вынесетъ.

И онъ опять утерся платкомъ и поѣхалъ «представиться полковнику».

Полковнику онъ сказалъ тоже, что Саша «умеръ какъ должно честному и благородному молодому человѣку», и что «иначе онъ поступить не могъ».

Полковникъ глядѣлъ на него въ упоръ долго, кусая, по своему обычаю, маленькій леденецъ, и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, что этому предшествовало одно несчастное обстоятельство... Мы съ вами вѣдь въ свойствѣ и потому я вамъ могу и долженъ сказать все. Я ничему не вѣрю, но поведеніе корнета было-таки странно...

— О, оно было совершенно необходимо, полковникъ...

— Я вѣрю, но если бы вы могли приподнять передъ моими глазами хоть уголокъ завѣсы, закрывающей эту тайну...

— Не могу, полковникъ.

Полковникъ пожалъ плечами.

— Что дѣлать, сказалъ онъ, — пусть все такъ остается.

— Кромѣ одного, полковникъ. Деньги княжескому управителю полкъ платить не будетъ, потому что ихъ плачу я. Это мое грустное право.

— Не смѣю спорить.

И отецъ Саши, дѣйствительно, въ тотъ же самый день съ глазу на глазъ подалъ Августу Матвѣичу двѣнадцать тысячъ.

Полякъ взялъ пачку и сказавъ: «никогда!» — положилъ ее снова въ карманъ старика, и они сѣли другъ противъ друга и оба стали плакать.

— Великій Боже! великій Боже! восклицалъ старикъ,—

все это такое честное, такое благородное,—и между тѣмъ есть же злодѣй, который здѣсь что-то сдѣлалъ.

— И онъ найдется.

— Да; но сынъ мой не воскреснетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

А въ чемъ же была тайна?

Чтобы разсказъ сталъ наконецъ понятнымъ, — надо нескромно раскрыть ее.

На груди Саши былъ акварельный портретъ его милой розовой кузины Ани, которая была теперь его полковницей и дала жизнь новому человѣческому существу въ то самое мгновеніе, когда Саша самовольно разрѣшилъ себя отъ жизни.

Этотъ портретъ былъ залогъ не столько страстной любви, какъ свѣтлой дѣтской дружбы и цѣломудренныхъ обѣтовъ; но когда розовая Аня сдѣлалась женой полковника и тотъ сталъ ревновать ее къ кузену,—Саша почувствовалъ себя въ томленьяхъ Донъ-Карлоса. Онъ довелъ эти муки до помрачающихъ терзаній и... въ эту-то пору подвернулся случай съ деньгами и съ обыскомъ, къ которому, какъ на грѣхъ, подошелъ полковникъ.

Саша не выдалъ тайны кузины.

Держа уже пистолетъ у груди, онъ подалъ этотъ портретъ деньщику и сказалъ:

— Богомъ заклинаю—отдай отцу.

Тотъ и отдалъ его черезъ гробъ покойнаго.

Отецъ сказалъ, что его сынъ «умеръ, какъ должно честному и благородному молодому человѣку».

Портретикъ былъ чистый, невинный, даже мало схожій съ тою, кого изображалъ онъ, съ дробною надписью: «милому Сашѣ его вѣрная Аня».

И ничего болѣе...

Это теперь смѣшно,—пожалуй даже глупо! Да, да; быть-можетъ, все это такъ. «Что ни время—то и птицы, что ни

птицы—то и пѣсни». Я вамъ никого не аттестую и ничего не критикую, но только я насчетъ *интересности*, какъ ее женщины чувствуютъ.

Что это такое былъ корнетъ Саша? Такъ себѣ, ничего или очень мало,—розовый мальчикъ, дворянчикъ, бѣлогубый выкормочекъ въ мундирѣ. Ничего у него, никакихъ плѣнительныхъ даровъ, кромѣ дара молодости, и... безоглядного *чувства личной чести женщины*... И вотъ подите-ка, что вы скажете: было ли тутъ передъ чѣмъ пасть и преклониться? А я вамъ разскажу, какъ пали и преклонялись.

Исторіи той тайны, которую я вамъ сейчасъ по необходимости разсказалъ, въ городѣ тогда никто никому разсказать не могъ, потому что о ней только кое-что зналъ деньщикъ, а вполнѣ понималъ ее одинъ отецъ самоубійцы. Кромѣ того, явилось еще обстоятельство, которое не только могло, но и непремѣнно должно было все это спутать, благодаря ошибкѣ Марка, который видѣлъ и, крестясь, разсказалъ многимъ по секрету, какъ деньщикъ покойнаго передалъ что-то тайно изъ рукъ въ руки его отцу. Что это могло-быть такое, что̀ одинъ изъ нихъ передалъ, а другой взялъ и спряталъ съ такою тайностію?.. Богъ знаетъ. Маркъ крестился и говорилъ:

— Не хочу брать на свою душу грѣха,—не могъ разсмотрѣть, что именно такое, а только видѣлъ, что какой-то пакетецъ въ бумажкѣ переданъ.

Не это ли были деньги? Почему бы такъ не думать при тѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ, которыя я вамъ описываю и которыя, какъ всякое подозрѣніе, становились часъ отъ часу безтолковѣе и способнѣе распространять на всю свою деморализующую подозрительность... Не всякій ли, имѣющій руки, имѣетъ и средства взять ими? Открыть вора—вотъ въ чемъ первая задача; не упустить малѣйшаго подозрительнаго признака—вотъ въ чемъ обязанность каждаго...

Да, каждаго, кто думаетъ, что желчные глаза подозрительности видятъ лучше, чѣмъ свѣтлое око растроганнаго сердца; но, къ счастію рода человѣческаго, ему доступны

бываютъ и великія душевныя откровенія, когда люди какъ бы осязаютъ невидимую правду и, ничѣмъ не сдерживаемые, стихійно стремятся почтить скорбью несчастье. Это своего рода священныя бури, ниспосылаемыя для того, чтобы разогнать сгустившійся удушливый туманъ, — въ нихъ есть «дыханье свыше», въ нихъ есть откровенье, которому ясно все, что закрыто сплетеньемъ.

Марку даже не давали воли говорить о томъ, что онъ видѣлъ. Всѣ *знали*, что̀ такое деньщикъ передалъ отцу бѣднаго Саши: *это былъ женскій портретъ*... Въ этомъ ни на одно мгновеніе не хотѣла усомниться ни одна человѣческая душа,—объ этомъ говорилъ свѣтъ, глядѣвшій въ окно, гдѣ совершилась съ глазу на глазъ таинственная передача; этимъ дышалъ воздухъ, объ этомъ разливался пѣснью жаворонокъ...

Похороны Саши были неторжественны и даже нетрогательны, а онѣ были ужасны. Всѣ вы, господа, видали торжественныя погребенія съ тѣмъ, что называютъ «помпою»... Я не говорю о похоронахъ съ парадомъ, которыми, по моему мнѣнію, выражается только одна жалкая суета человѣческая. Вспомните похороны Гоголя, о которыхъ мы читали такія прекрасныя описанія, похороны Некрасова и Достоевскаго, которыя называли «событіемъ въ исторіи». Все это, конечно, имѣетъ значеніе и, быть-можетъ, не лишено искренности, но только искренность-то тутъ слишкомъ загромождена чѣмъ-то ей постороннимъ. Я видѣлъ, какъ въ Москвѣ хоронили Скобелева... Тутъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь прорывалось того, что отдаетъ настоящей скорбью, но — смѣйтесь надо мною, если вамъ угодно, а я, стоя тамъ, вспоминалъ и сравнивалъ тотъ значительно оригинальный день моей молодости, когда мы хоронили Сашу... Какое сравненіе! Тоже и ему, какъ офицеру, мы устроили по уставу «церемонію», но ее никто не видѣлъ и не замѣчалъ, хотя она и занимала самое видное мѣсто. То, что сдѣлала въ честь его истинная скорбь людей, устремившихся отовсюду, чтобы рыдать и терзаться при видѣ его моло-

дого мертвенно-блѣднаго лица, подавило все и, кажется, самый воздухъ пропитало трепетомъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Никого не собирали на эти похороны, кромѣ эскадрона, въ которомъ служилъ покойникъ, но люди во множествѣ сами пришли отовсюду. Вдоль всего пути отъ гостиницы вплоть до кладбищенской церкви стали люди разнаго положенія. Женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Имъ никто не внушалъ, о чемъ надо жалѣть, но онѣ сами знали, что надо оплакать, и плакали о погибшей молодой жизни, которая сама оборвала себя «за благородность». Да-съ, я вамъ употребляю то слово, какое всѣ говорили другъ другу.

— За благородство свое, голубчикъ, померъ!

— Себя не пожалѣлъ для милаго сердца!

Стоитъ этакая подгородной слободы баба-тетеха и причитаетъ:

— Соколикъ ты ясный... жизнюшку свою положилъ за благородность...

И, куда ни повернитесь, всѣ въ томъ же родѣ что-то тепло-тепло и фамильярно лепечутъ. Непремѣнно на «ты» чтобъ поласковѣй, — будто до сердца обнимаетъ.

— Крошка ты милый!.. молодой, благородный!..

— Ангелъ ты мой чувствительный!.. Какъ тебя не любить было!

И все такъ... Дворянки, купчихи, поповны, мѣщанки, горничныя и хоровыя цыганки, — и особенно эти послѣднія, какъ профессорины и жрицы трагическаго стиля въ любви, — всѣ лепечутъ дрожащими устами теплыя словца и плачутъ о немъ, какъ о лучшемъ другѣ, какъ о собственномъ возлюбленномъ, котораго будто послѣдній разъ держатъ и ластятъ у сердца.

А все вѣдь это женщины не ахти какія, и онѣ Сашу совсѣмъ и не знали, можетъ-быть, ни разу не видали, и,

пожалуй, можетъ-быть, даже совсѣмъ ни за что и не полюбили бы его, когда бы знали его со всѣмъ, что въ немъ было хорошаго и дурного. А вотъ тутъ, когда онъ «за благородство», да за «милое сердце», — тутъ уже нѣтъ ни минуты, чтобы разсуждать и отрезвлять себя какимъ-нибудь разсужденіемъ, а надо причитать и плакать... Вонъ изъ тѣла душа просится...

Иннокентій однажды такъ всѣхъ тронулъ: вышелъ да вмѣсто ораторства говоритъ: «Онъ въ гробѣ—давайте плакать», вотъ и все, — и слезы льются и льются изъ глазъ. Это была какая-то общая трясовица сердецъ. Женщины вглядывались въ проносимое мимо лицо Саши (тамъ носятъ покойниковъ въ открытомъ гробѣ) и всѣ находили его очень обыденное личико самымъ величественнымъ и прелестнымъ... «Такъ, говорятъ, и написано: «вѣрность до гроба!»

Что за дѣло, что, можетъ-быть, не совсѣмъ то было написано? Онѣ читали то, что видѣли ихъ глаза, — и этого довольно.

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Губы нервно дрожатъ и лица мокры отъ слезъ; всѣ нѣжны, всѣ съ нимъ говорятъ:

— Усни, усни, мой страдальчикъ!

Въ церкви иное настроеніе, еще острѣе. Ораторское искусство не дерзаетъ ни на минуту испортить тотъ священный строй, къ которому все выше и выше возводитъ сердца пѣснотворческій геній Дамаскина. Его поэтическій вопль и жжетъ, и заживляетъ рану.

«Иду въ незнаемый я путь,
Иду межъ страха и надежды;
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу вашего рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струитъ благоуханье,

Но, вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,
И ею всѣхъ я васъ молю,
Пусть каждый за меня взываетъ:
Господь! Въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра преставленье,—
Прими усопшаго раба
Въ Твои блаженныя селенья».

И ужъ я вамъ, милостивые государи, доложу, что ужъ дѣйствительно... припадали съ этимъ къ Господу-то!.. Да вѣдь съ слезами-съ, съ какимъ плачемъ-съ!.. Какъ великъ грѣхъ Саши-розана по богословской наукѣ — въ этомъ оплакивавшіе его были не знатоки, но ужъ умоляли «принять его въ блаженныя селенья» такъ неотступно, что я, право, не знаю, какъ тутъ согласить этотъ душевный вопль съ точными положеніями оной науки... Я бы въ этомъ запутался.

Нынче многіе укоряютъ нашихъ, что они очень плохіе ораторы. Не напрасно ли? Правда, что ораторы — плохіе, да вѣдь не вездѣ хорошо говорить, гдѣ принято. Есть случаи, гдѣ просто лучше плакать, гдѣ вопли «прими» и «прости» пристойнѣй рацей, которыя иной какъ пойдетъ разводить, такъ и договорится до чего-нибудь такого, что̀ либо оскорбляетъ разумъ, либо оскорбляетъ чувство. Вспомните Шиллеровскаго великаго инквизитора. За то я и люблю погребеніе по восточному чину. Приходятъ и уходятъ какъ-то... точно на зовъ пророка Исаіи: «Пріидите и стяжемся»... Но гдѣ тутъ стязаться? Кто побѣдитъ — ясно. А Ты вотъ все можешь. Ты призвалъ, Ты измѣнилъ зракъ и положилъ «красоту», какъ «неимущую вида»,—такъ Ты же «забудь», «прости» и «презри» все, чѣмъ онъ не оправдалъ себя передъ Тобою...

«Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный,
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье,—
Прими усопшаго, Господь,
Въ Твои блаженныя селенья».

Снова все опять къ тому же и къ тому: «прости!»

Вспомнишь притчу о вельможѣ, который «никого не боялся и ничего не стыдился», а между тѣмъ, когда и къ такому усердно пристали, то и онъ сказалъ наконецъ: «сдѣлаю», — и успокоишься.

Онъ ли, Который Самъ создалъ ухо, чтобы все слышать, Онъ ли задремлетъ, Онъ ли уснетъ, Онъ ли не сдѣлаетъ, что проситъ голосъ столькихъ растроганныхъ душъ...

Пусть даже и «вѣрѣ могила темна», но ужъ пристойнѣе и трогательнѣе обходиться съ этимъ, какъ придумали обходиться восточные христіане, кажется невозможно. Со вкусомъ поэтъ былъ Дамаскинъ!

Еще случай тутъ вышелъ на Сашиныхъ похоронахъ со вдовою одного бывшаго вельможи. Это была дама родовитая, умная, очень воспитанная, а называлась она «змѣею». Кличка эта была глупая, змѣей эту даму звали не за зло, котораго она рѣшительно никому не дѣлала а за презрительность, про которую говорили много. Она будто не любила ничего своего, русскаго — ни языка, ни вѣры, ни обычая, а все презирала, и презирала не съ легкомысліемъ, не съ фатовской замашкой, которыя легче простить, — а прочно, глубоко и искренно, съ какимъ-то сознаніемъ. Она ничего не порицала и не отвергала, а считала все русское даже не заслуживающимъ вниманія... Она даже удивлялась, что географы на ландкартахъ Россію обозначаютъ... Такія дамы тогда были. А и эта, услыхавъ, что всѣ плачутъ по какомъ-то офицерѣ, который «застрѣлился за благородство», — велѣла открыть двойную дверь на своемъ балконѣ, мимо котораго несли Сашу, и вышла съ лорнетомъ. Я ее помню: высокая, въ гранатовой шубкѣ на собольемъ мѣху, стоитъ и смотритъ въ лорнетъ.

А юный нашъ Саша, съ открытымъ лицомъ, словно оторванная вѣтка плыветъ передъ нею по людныхъ волнамъ.

«Змѣя» подавила вздохъ и сказала стоявшей съ ней англичанкѣ:

— Юность безумна вездѣ,—безуміе же иногда схоже съ геройствомъ, а героизмъ нравится массѣ.

Англичанка отвѣчала:

— О, yes! и при этомъ прибавила, что ее интересуетъ замѣчаемое дружное, всеобщее чувство. «Змѣя» изъ деликатности къ желанію чужестранки согласилась пойти въ церковь, гдѣ надо всѣмъ поставитъ послѣднюю точку молотокъ гробовщика по гробовой крышкѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Противъ всякихъ законовъ архитектоники и экономіи въ постройкѣ разсказа, я при концѣ его ввелъ это новое лицо и долженъ еще сказать вамъ объ этой дамѣ, чтобы вы знали, до чего она была язвительна. Когда супругъ ея былъ на землѣ, они однажды принимали у себя такое лицо, передъ которымъ хозяинъ хотѣлъ показаться въ блескѣ своего значенія, а она презирала мужа, какъ и всѣхъ, или, можетъ-быть, немножно болѣе. Мужъ это зналъ и запросилъ у нея пардона. Только одного просилъ: «Не опровергайте меня». Она посмотрѣла на него и согласилась.

— Я даже готова васъ поддержать.

Мужъ ей поклонился на этомъ. Высокій гость былъ добраго нрава и иногда любилъ говорить запросто. Такъ и въ этотъ разъ онъ пожелалъ слушать администратора за чаемъ, который кушалъ, получая чашку прямо изъ рукъ хозяйки. Хозяинъ и пошелъ ему читать, какъ онъ все видѣлъ, все зналъ, все предохранялъ, предупреждалъ и устраивалъ общее благо... Говорилъ онъ, говорилъ и, наконецъ, ошибся и что-то правду сказалъ. А «змѣя» сейчасъ его здѣсь и поддержала, и прошипѣла:

— Voilà ça c'est vrai.

Ничего больше, — только и сказала, а гость не выдер-

жалъ, посупился и разсмѣялся, у нея поцѣловалъ руку, а супругу ея сказалъ:

— Ну, хорошо, хорошо, довольно: я буду вѣрить, что tout ça est vrai.

Такъ она его съ этимъ и похоронила, и съ той поры жила здѣсь съ одною своей англичанкой и читала иностранныя книги.

На людяхъ ее никогда не видали, и потому теперь, когда она съ своею англичанкою показалась въ церкви, гдѣ отпѣвали Сашу, — на нее всѣ взглянули и всякій потѣснился, и имъ двумъ нашлось мѣсто. Даже толпа будто сама ихъ придвинула впередъ, чтобы посмотрѣть на нихъ. Но высшимъ велѣніемъ угодно было, чтобы ничто постороннее не отвлекало общаго вниманія отъ того, что ближе касалось бѣднаго Саши.

Въ то самое мгновеніе, какъ двѣ важнаго вида дамы подвигались впередъ, на порогѣ дверей еще появилась одна женщина — скромная, въ черной шелковой шубкѣ: одежда ея какъ пепломъ посыпана дорожнымъ соромъ, лицо ея — воплощенье горя...

Ее никто не зналъ, но всѣ узнали, и въ толпѣ пронеслось слово:

— Мать!

Всѣ ей дали широкій путь къ драгоцѣнному для нея гробу.

Она шла посреди раздвинувшейся толпы—скоро, протянувъ впередъ передъ собой обѣ руки, и, донесясь къ гробу,— обняла его и замерла...

И пало и замерло съ нею все... Всѣ преклонили колѣна, и въ то же время все было до того тихо, что когда «мать» сама поднялась и перекрестила мертваго сына, — мы всѣ слышали ея шопотъ:

— Спи, бѣдный мальчикъ... ты умеръ честно.

Ея уста произнесли эти слова тихимъ, едва замѣтнымъ движеніемъ, а отозвались они во всѣхъ сердцахъ, точно мы всѣ были ея дѣти.

Молотокъ гробовщика простучалъ, гробъ понесли къ выходу; отецъ велъ подъ локоть эту печальную мать, а глаза ея тихо смотрѣли куда-то вверхъ... Она вѣрно знала, гдѣ искать силъ для такого горя, и не замѣчала, какъ къ ней толпились со всѣхъ сторонъ молодыя женщины и дѣвушки и всѣ цѣловали ея руки, какъ у святой...

Отъ могилы къ воротамъ кладбища снова тотъ же натискъ и то же движеніе.

У самыхъ воротъ, гдѣ стоялъ экипажъ, «мать» какъ бы что-то поняла изъ окружающаго: она обернулась и хотѣла сказать «благодарю», но пошатнулась на ногахъ. Ее поддержала стоявшая возлѣ «змѣя» и... поцѣловала ея руку.

Такъ всѣхъ растрогалъ и расположилъ къ себѣ нашъ бѣдный Саша, такъ былъ оцѣненъ всѣми простой и, можетъ-быть, необдуманный порывъ его — «не выдать женщину».

Никто не останавливался надъ тѣмъ, что̀ это за женщина и сто̀ила ли она такого жертвоприношенія. Все равно! И что это была за любовь, — на чемъ она зиждилась? Все началось точно съ дѣтской, точно «въ мужа съ женою играли», — потомъ разстались, и *она*, по своей малосодержательности, быть-можетъ, счастлива, мужа ласкаетъ и рождаетъ дѣтей, — а *онъ* хранитъ какой-то клочокъ и убиваетъ себя за него... Это все равно! *Онъ*-то хорошъ, *онъ всѣмъ интересенъ!* О немъ какъ-то легко и пріятно плакать.

Словомъ, никого тутъ нельзя отмѣтить титломъ особаго величія, а всѣ серьезно и вѣрно ведутъ свои роли, — вотъ какъ актеры занимавшей недавно Петербургъ мейнингенской труппы. Все *серьезно* поставлено!

Англичанка, про которую я, напримѣръ, говорилъ вамъ, — лицо намъ всѣхъ болѣе постороннее. Ей выходка Саши вѣрно должна была представляться совсѣмъ не такъ, какъ плакавшимъ о немъ хоровымъ цыганкамъ, и довольно бы ей, кажется, придти, посмотрѣть и уйти въ себя снова. Такъ нѣтъ же, — и она хотѣла свой штрихъ провести на

картинѣ. Она писала свои замѣтки о Россіи и, разумѣется, дѣлала это основательно, свѣрялась съ тѣмъ, кто прежде ея посѣщалъ нашу родину и что говорилъ о нашихъ нравахъ, а потомъ обо всемъ дознавала въ новомъ, что видѣла, и отмѣчала. Въ старыхъ справкахъ она почерпнула, что «на женъ нѣтъ подлѣй какъ на Москвѣ», а дабы вѣрно отмѣтить новый фактъ, она выбрала время и адресовалась къ самому Сашину отцу. Она послала ему деликатное письмо, въ которомъ выражала сочувствіе его скорби и чрезвычайному достоинству, съ какимъ онъ и его жена перенесли свое горе. Въ заключеніе она просила позволенія знать: кто руководилъ ихъ воспитаніемъ, давшимъ всѣмъ имъ столько достойнаго чувства?

Старикъ отвѣчалъ, что его жена училась во французскомъ пансіонѣ, а его воспитаніемъ руководилъ monsieur Ravel изъ Парижа.

Англичанка находила странность въ этомъ извѣстіи, но «змѣя» помогла ей, сказавъ:

— Если бы ихъ училъ семинаристъ, то вы, быть-можетъ, даже не получили бы отвѣта.

Тогда думали, что все грубое и неприкладное къ жизни идетъ изъ семинарій, и винили ихъ такъ же искренно и неосновательно, какъ въ послѣдовавшую за тѣмъ недавнюю эпоху хотѣли было заставить всѣхъ насъ судить о вещахъ съ граціей мыслителей изъ «Бурсы» Помяловскаго.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Остается покончить съ уголовщиной, которая во всякомъ разѣ была въ моей исторіи. Украдены или нѣтъ деньги, а вспомните, что вѣдь было положено возвратить ихъ поляку, и къ этому еще было добавленіе.

Кромѣ полковыхъ товарищей, явился еще добровольный плательщикъ и притомъ самый настойчивый—это Сашинъ отецъ. Поляку стоило большихъ усилій отказаться отъ его требованій немедленно принять эти деньги, но Августъ

Матвѣичъ ихъ не взялъ. Вообще онъ велъ себя во всей этой исторіи въ высшей степени деликатно и благородно, и мы ни въ чемъ не находили, чтобы его укорить или заподозрить. Въ томъ, что деньги были и пропали, уже никто изъ насъ не сомнѣвался. Да и какъ иначе: разъ, что онъ не беретъ предлагаемыхъ ему денегъ, то какую же онъ могъ имѣть цѣль, чтобы сочинить всю эту хлопотливую исторію съ кровавымъ концомъ?

Городское общество, для котораго наше ночное происшествіе не могло остаться въ совершенномъ секретѣ, было того же мнѣнія, но одна голова обдумала дѣло иначе и задала намъ загвоздку.

Это былъ неважный и нѣсколько разъ уже мною вскользь упомянутый коридорный нашъ Марко. Онъ былъ парень замысловатый, и не смотря на то, что черезъ него мы и узнали объ Августѣ Матвѣичѣ,—Марко теперь стоялъ не на его и даже не на своей сторонѣ и такъ намъ по секрету и высказывался.

— Я, говоритъ,—себя клятвѣ и отлученію за это готовъ поддать, потому что я о немъ вамъ доложилъ, но какъ теперь я подразумѣваю, то это не столько моя вина, какъ Божіе попущеніе. А ваше нынѣшнее на него расположеніе больше ничего, какъ—извините—это за то, что онъ не русскаго званія, и черезъ него объ насъ прошла слава про заведеніе, и полиція безъ причины, подъ разными выдумками, услужающихъ забираетъ и все напрасно къ этимъ деньгамъ сводитъ, чтобы путались... Грѣхъ одинъ только, грѣхъ, и ничего больше какъ грѣхъ,—заключалъ Марко и уходилъ къ себѣ въ темную каморочку, гдѣ у него былъ большой образникъ и передъ нимъ горѣла неугасимая лампада.

Его иногда становилось жалко: онъ, бывало, по цѣлымъ часамъ стоитъ здѣсь и думаетъ.

— Все думаешь, Марко?

Пожметъ плечами и отвѣчаетъ:

— Льзя ли, сударь, не думать... Такое несчастье... срамъ и позоръ и гибель душѣ христіанской!

Тѣ, кто болѣе съ нимъ разговаривали, первые стали имѣть мысли, которыя потомъ мало-по-малу сообщились и прочимъ.

— Какъ хотите, говорили,—Марко, разумѣется, простой человѣкъ, изъ крестьянъ, но онъ уменъ этимъ... нашимъ простымъ... истинно-русскимъ умомъ.

— И честенъ.

— Да, и честенъ. Иначе бы, разумѣется, хозяинъ его не поставилъ надъ дѣломъ. Онъ человѣкъ вѣрный.

— Да, да,—поддакивалъ нашъ батюшка, пуская себѣ дымъ въ бороду.

— А онъ, смотря просто, видитъ, можетъ-быть, то, чего мы не видимъ. Онъ судитъ такъ: для чего ему было это дѣлать? Денегъ онъ не беретъ. Да ему деньги и ненадобны...

— Очевидно, ненадобны, если не беретъ, когда ему ихъ предлагаютъ.

— Конечно! Это не изъ-за денегъ и дѣлано...

— А изъ-за чего же?

— А-а, ужъ объ этомъ вы не меня, а Марка спрашивайте.

И батюшка такъ поддерживалъ:

— Да, да, да,—отселѣ услышимъ Марка.

— А что же глаголетъ Марко?

— А Марко глаголетъ: «не вѣрь поляку».

— Но почему же?

— Потому, что онъ есть полякъ и невѣрный.

— Ну, позвольте, позвольте! Однако, вѣдь *невѣрный*— это одно дѣло, а *воръ*—это совсѣмъ другое. Поляки народъ амбиціонный и о нихъ этакъ думать... не того... нечестно.

— Да позвольте, пожалуйста,—перебиваетъ вдохновленный Маркомъ разсказчикъ,—«этакъ думать», «этакъ думать», а сами навѣрное вовсе и не знаете, о какомъ думаньѣ говорится... О воровствѣ нѣтъ и рѣчи, нѣтъ и подозрѣнія, а

поляку именно то самое и принадлежитъ, что сами ему присвоиваете,—то-есть именно *амбиція*.

— Да что же ему нужно было, чтобы пропали деньги?

— Поляку-то?

— Да-съ.

— Вамъ въ голову ничего не приходитъ?

Всѣ начали думать:

«Что такое мнѣ приходитъ въ голову?»

— Нѣтъ—ничего не приходитъ.

— Это оттого, что у насъ съ вами, батюшка, головы-то дворянствомъ забиты, а простой истинно-русскій человѣкъ, онъ видитъ, что поляку надо.

— Да что же ему надо,—говорите, вѣдь это всѣхъ касается!

— Да, это всѣхъ касается-съ. Ему въ авантажѣ его родины было, чтобы насъ обезславить...

— Батюшки мои!

— Конечно-съ! пустить въ ходъ, что въ обществѣ русскихъ офицеровъ можетъ случиться воровство...

— А ну какъ это въ самомъ дѣлѣ *такъ*!

— Да нечего гадать: это *такъ и есть*!

— Ахъ, чортъ бы его взялъ!

— Экій коварный народъ эти поляки!

И батюшка поддержалъ, сказавъ:

— Да, да, да.

А потомъ еще подумали и нашли, что соображенія Марка не слѣдуетъ скрыть отъ командира, но только не надо обнаруживать, что это отъ Марка, потому что это можетъ вредить впечатлѣнію, а указать какой-нибудь источникъ болѣе авторитетный и безотвѣтственный.

— Въ трактирѣ, въ бильярдной кто-то говорилъ...

— Нѣтъ,—это нехорошо. Полковникъ скажетъ: какъ же вы слышали такую мораль и не вступились. Арестовать надо было, кто это говорилъ.

— Надо выдумать другое.

— Да что?

Вотъ тутъ намъ батюшка и помогъ:

— Лучше всего, говоритъ,—сказать, что въ общей банѣ слышали.

Это всѣмъ понравилось. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь умно: баня—мѣсто народное, тамъ крикъ, шумъ, говоръ, вмѣстѣ всѣ голые жмутся и вмѣстѣ на полкѣ парятся,—вмѣстѣ плескаются... А кто сказалъ?... разбери-ка, поди, или заарестуй... Всѣхъ развѣ надо брать, потому что тутъ всѣ люди ровненькіе, всѣ голенькіе.

Такъ и сдѣлали: и батюшку же самого упросили съ этимъ и пойти.

Онъ согласился и на другой же день все выполнилъ.

Полковникъ тоже этимъ слухомъ заинтересовался и говоритъ:

— И что̀ всего хуже, что это уже сдѣлалось общей молвою... въ народѣ, въ банѣ говорится.

Батюшка отвѣчаетъ:

— Да, да, да! все въ банѣ... Я это все въ банѣ слышалъ.

— И что же вы... рѣшительно не могли узнать, кто это говорилъ?

— Не могъ-съ. Да, да, да, рѣшительно не могъ.

— Очень жалко.

— Да... я очень хотѣлъ узнать, но не могъ, потому что всѣ, да... знаете, въ банѣ всѣ одинаковы. Насъ, духовныхъ, еще кое-какъ отличить можно, потому мы, мужчины, но съ косами, а простые люди, кои безъ этого, всѣ другъ на дружку похожи.

— Вы бы могли за руку схватить того, кто говорилъ.

— Помилуйте — намыленный сейчасъ выскользнетъ!.. И притомъ какъ я въ это время на полкѣ парился, то мнѣ даже нельзя было его и достать.

— Ну, да,—если нельзя достать, такъ тогда, разумѣется, нечего... А только, я думаю, все-таки это пока лучше оставить такъ... Теперь вѣдь ужъ нѣсколько времени прошло, а черезъ годъ этотъ полякъ вѣдь далъ слово пріѣхать... Я

думаю, онъ свое слово сдержитъ. А вотъ вы разскажите мнѣ, какъ по-духовному надо думать о снахъ? Пустяки они или нѣтъ?

Батюшка отвѣчаетъ:

— Это все отъ взгляда.

— Какъ отъ взгляда?

— Да, то-есть нѣтъ, — я не то хотѣлъ... есть сны отъ Бога, просвѣтительные, есть и иные—есть сны натуральные отъ пищи, есть сны вредные отъ лукаваго.

— То-то вотъ, отвѣчаетъ полковникъ, — но, однако, и это еще не точно. А вотъ какъ вы отнесете такой сонъ. Моя жена—вы знаете—очень молодая женщина, и покойный корнетъ былъ ей и родня, и другъ ея дѣтства, а потому смерть его ее страшно поразила и она сдѣлалась какъ бы суевѣрна. Притомъ мы потеряли ребенка и она передъ тѣмъ видѣла сонъ.

— Скажите!

— Да, да, да. Что касается до сновъ, то она относится къ нимъ—какъ вы сейчасъ сказали. Я этого не раздѣляю, но опровергнуть не хочу, хотя очень знаю, что если на ночь поужинать, то сонъ снится «бя» какой—стало-быть, это отъ желудка.

— Да, и отъ желудка, согласился батюшка,—даже всего больше отъ желудка,—но ему пришлось еще помучиться.

— Да-съ, продолжалъ полковникъ,—но вѣдь вотъ то и дѣло, что у нея это не сонъ, а видѣнія...

— Какъ видѣнія?

— Да-съ, понимаете—она не во снѣ видитъ, не закрытыми глазали, а видитъ на-яву и слышитъ...

— Это странно.

— Очень странно, — тѣмъ болѣе, что она его никогда не видала-съ!

— Да, да, да... Это вы про кого же?

— Ну, понятно, про поляка!

— Ага-га... да, да, да! понимаю.

— Моя жена тогда его не видала, потому что тогда, во

время этого несчастнаго приключенія, она была въ постели, — такъ что не могла даже проститься съ несчастнымъ безумцемъ, мы смерть его отъ нея скрыли, чтобы молоко не бросилось въ голову.

— Боже спаси!

— Ну, да... Разумѣется, ужъ лучше смерть, чѣмъ это... Навѣрное — безуміе. Но представьте вы себѣ, что онъ ее постоянно преслѣдуетъ!..

— Покойникъ?

— Да нѣтъ—полякъ! Я даже очень радъ, что вы ко мнѣ послѣ баньки зашли и что мы объ этомъ разговорились, потому что вы въ своей духовной практикѣ что-нибудь все-таки можете почерпнуть.

И тутъ полковникъ разсказалъ батюшкѣ, что бѣдняжкѣ, нашей молодой, розовенькой полковницѣ все мерещится Августъ Матвѣичъ и, по примѣтамъ, какъ разъ такой, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. стоитъ, говоритъ, гдѣ-то передъ нею на виду, точно какъ бываютъ старинные аглицкіе часы въ футлярѣ...

Батюшка такъ и подпрыгнулъ.

— Скажите, говоритъ,—пожалуйста! Часы! Вѣдь его такъ и офицеры прозвали.

— Ну, я потому-то вамъ и разсказываю, что это удивительно! А вы еще представьте себѣ, что въ залѣ у насъ, словно на зло, именно и стоятъ такіе хозяйскіе часы да еще съ курантами; какъ заведутъ: динь-динь-динь-динь-динь-динь, такъ и конца нѣтъ, и она мимо ихъ съ сумерекъ даже и проходить боится, а вынесть некуда, и говорятъ, будто вещь очень дорогая, да вѣдь и жена-то сама стала ихъ любить.

— Чего же это?

— Нравится ей мечтать... что-то этакое въ маятникѣ слышитъ... Понимаете, какъ онъ идетъ... размахъ свой дѣлаетъ, а ей слышится, будто «и-щщу и и-щщу». Да! И такъ, знаете, ей это интересно, и страшно,—жмется ко мнѣ

и чтобы я ее все держалъ. Думаю, очень можетъ быть, она опять въ исключительномъ положеніи.

— Да, да.. и это можетъ быть съ замужнею, это... очень можетъ быть... И даже очень быть можетъ, — отхваталъ сразу батюшка, и на этотъ разъ освободился и прибѣжалъ къ намъ, въ самомъ дѣлѣ какъ будто онъ изъ бани, и все намъ сразбѣгу высыпалъ, но потомъ попросилъ, чтобы мы никому ни о чемъ не сказывали.

Мы, впрочемъ, этими переговорами не были довольны. По нашему мнѣнію, полковникъ отнесся къ сообщенному ему открытію недостаточно внимательно и совсѣмъ некстати свелъ къ своимъ марьяжнымъ интересамъ.

Одинъ изъ нашихъ, хохолъ родомъ, сейчасъ нашелъ этому и объясненіе.

— У него, говоритъ про полковника,—мать зовутъ Вероника Станиславовна.

Другіе было его спросили:

— Что вы этимъ хотите сказать?

— А ничего больше, кромѣ того, что ее зовутъ Вероника Станиславовна.

Всѣ поняли, что мать полковника, конечно, полька, и что ему, значитъ, о полякахъ слышать непріятно.

Ну, наши тогда рѣшили къ полковнику больше не обращаться, а выбрали одного товарища, который былъ благонадеженъ нанести кому угодно оскорбленіе, и тотъ поѣхалъ будто въ отпускъ, но въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы разыскать немедленно Августа Матвѣича и всучить ему деньги, а если не возьметъ—оскорбить его.

И найди онъ его—это бы непремѣнно сдѣлалось, но волею судебъ послѣдовало совсѣмъ другое.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ одинъ жаркій день, въ концѣ мая, вдругъ и совершенно для всѣхъ неожиданно къ нашей гостиницѣ подкатилъ въ дорожной коляскѣ самъ Августъ Матвѣичъ,—взбѣжалъ на лѣстницу и крикнулъ:

— Эй, Марко!

Марко былъ въ своей каморкѣ,—вѣрно молился передъ неугасимой,—и сейчасъ на зовъ выскочилъ.

— Сударь! говоритъ, — Августъ Матвѣичъ! Васъ ли, государь, вижу.

А тотъ отвѣчаетъ:

— Да, братецъ, ты меня видишь. А ты, мерзавецъ, все, знать, колокола льешь, да вѣрно, чтобъ они громче звонили, ты про честныхъ людей вздоры распускаешь, — и хлопъ его въ щеку.

Марко съ ногъ долой и завопилъ:

— Что это такое!.. за что!

Мы, кто случился дома, выскочили изъ своихъ комнатъ и готовы были вступиться. Что такое, въ самомъ дѣлѣ,— за что его бить,—Марко человѣкъ честный.

А Августъ Матвѣичъ отвѣчаетъ:

— Прошу васъ повременить минутку—за мною слѣдуютъ другіе гости, при которыхъ я вамъ сейчасъ покажу его честность, а пока прошу васъ къ нему не прикасаться и не трогать его, чтобы онъ ни на одно мгновенье не сошелъ съ моихъ глазъ.

Мы отступили, а въ это время, смотримъ, ужъ явилась полиція.

Августъ Матвѣичъ обернулся къ полицейскимъ и говоритъ:

— Извольте его брать—я передаю вамъ вполнѣ уличеннаго вора, который укралъ мои деньги, а вотъ и улика.

И онъ передалъ удостовѣреніе, что на колокольномъ заводѣ полученъ отъ Марка билетъ съ номеромъ, съ какимъ Августъ Матвѣичъ, за день до пропажи, получилъ этотъ билетъ изъ опекунскаго совѣта.

Марко упалъ на колѣна, покаялся, и сознался какъ дѣло было. Августъ Матвѣичъ, когда ложился спать, вынулъ билеты изъ кармана и сунулъ ихъ подъ подушку, а потомъ запамятовалъ и сталъ ихъ въ карманѣ искать. Марко же, войдя въ его номеръ, поправить постель, нашелъ деньги,

соблазнился, скралъ ихъ, въ увѣренности, что можно будетъ запутать другихъ,—въ чемъ, какъ видѣли, и успѣлъ. А потомъ, чтобы загладить свой грѣхъ передъ Богомъ,—онъ къ одному прежде заказанному колоколу еще цѣлый звонъ «на подборъ» заказалъ и заплатилъ краденымъ билетомъ.

Всѣ остальные билеты тутъ же нашли у него въ ящикѣ подъ кіотомъ.

И зазвонили у насъ свои «Корневильскіе колокола», и еще разъ всѣ всплеснули руками и отерли слезу за бѣднаго Сашу, а потомъ пошли съ радости пировать.

Августу Матвѣичу всѣ чувствовали себя благодарными, а командиръ, чтобы показать ему свое уваженіе и благодарность, большой вечеръ сдѣлалъ и всю знать собралъ. Даже мать его, эта самая Вероника-то,—ей уже лѣтъ подъ семьдесятъ было,—и та пріѣхала, только оказалось, что она совсѣмъ не «Станиславовна», а Вероника *Васильевна*, и изъ духовнаго званія, протопопская дочь,—потому что Вероника есть и у православныхъ. А почему думали, что она «Станиславовна»,—такъ и не разъяснилось.

На этомъ вечерѣ полковница встрѣтила Августа Матвѣича при всѣхъ съ особеннымъ вниманіемъ: она встала, прошла ему навстрѣчу и подала ему обѣ руки, а онъ попросилъ извиненія «въ польскомъ обычаѣ» и поцѣловалъ у нея руки, а на другой день прислалъ ей письмо по-французски, гдѣ написалъ, что онъ все это время отыскивалъ самъ пропавшія деньги вовсе не для ихъ цѣнности, а для причинъ чести... И хотя деньги эти нынче найдены, но онъ ихъ взять не желаетъ, потому что онѣ есть «цѣна крови» и внушаютъ ужасъ. Онъ просилъ полковницу оказать ему «милосердіе»—воспитать на эти деньги круглую сиротку-дѣвочку, которую онъ отыскалъ и которая родилась какъ разъ въ ту ночь, когда разстался съ жизнью Саша. «Быть-можетъ, въ ней его душа».

Молоденькая полковница растрогалась и пожелала взять

дитя, которое Августъ Матвѣичъ и привезъ ей самъ въ чистой бѣлой корзинѣ, въ бѣлой кисеѣ и лентахъ.

— Ловкій полякъ!—всѣ ему даже позавидовали, какъ онъ умѣлъ сдѣлать это красиво, нѣжно и вкрадчиво. Мистикъ, и вистикъ!

Она, говорили, прощаясь съ нимъ, плакала, а мы съ нимъ простились при брудершафтахъ за городомъ въ рощѣ. Это была случайность: онъ уѣзжалъ, а мы бражничали и остановили его. Извинились и затащили, и пили, пили безъ конца и откровенно ему все разсказали, что̀ гадкаго о немъ думали.

— Ну и ты тоже, приступили, — и ты намъ скажи... какъ ты это все подстроилъ.

Онъ говорилъ:

— Да я, господа, ничего не подстраивалъ, — все само собой такъ вышло...

— Ну, да ладно, говоримъ,—не виляй, братъ,—ты полякъ, мы тебѣ это въ вину не ставимъ, а, однако, какъ же это ты могъ отыскать сиротку-дитя, которое родилось какъ разъ въ ту ночь, какъ умеръ Саша, и, стало-быть, это дитя — ровесникъ умершему ребенку полковницы...

Полякъ засмѣялся.

— Ну, господа, говоритъ, — да развѣ можно было это подстроить?

— Да въ томъ-то и дѣло! Чортъ васъ знаетъ, какіе вы тонкіе!

— Ну, повѣрьте, я теперь только и узнаю, что я такъ тонокъ, что даже самъ себя не могу видѣть. Но вы меня увольте въ дорогу, а то почтовый ямщикъ, по своимъ правиламъ, выпряжетъ лошадей изъ моего экипажа.

Мы его отпустили, сами подсадили его въ коляску и крикнули: «пошелъ!»

А онъ примѣрялся, какъ намъ граціозно поклониться изъ коляски, но вѣрно не успѣлъ сѣсть, какъ лошади дернули— и онъ предвусмысленно поклонился намъ задомъ.

Такъ наша грустная исторія и кончилась. Въ ней нѣтъ

идей, которыя бы чего-нибудь стоили, а я разсказалъ ее только по интересности. Тогда было такъ, что что-нибудь этакое самое ничтожное затѣется и пойдетъ расти, расти, и все какіе-то интересные ножки и рожки показываются. А теперь захватъ будто ухъ какой большущій, а потомъ пойдутъ перетирать—и меньше, меньше и, наконецъ, совсѣмъ ничего нѣтъ... Иной даже любить начнетъ, да и оставитъ—скучно станетъ. А отчего это?—чай, отъ многаго, а болѣе всего—думается—не отъ равнодушія ли къ тому, что называется *личной честью?..*

ТАИНСТВЕННЫЯ ПРЕДВѢСТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

При толкахъ о возможности близкой войны, недавно, какъ встарь, говорили о разныхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, которыя, по мнѣнію вѣрующихъ, должны предвѣщать необыкновенныя событія. Въ Кіевѣ, напримѣръ, у храма Трехъ Святителей найдены въ необыкновенномъ положеніи два человѣческіе скелета; въ Кронштадтѣ родился необыкновенный младенецъ, который тотчасъ же заговорилъ, что ему надлежитъ наречь имя «Іоаннъ»; прилетные грачи не заняли старыхъ гнѣздъ по набережью взморья, а завились ближе вовнутрь; многимъ былъ видимъ редакторъ Комаровъ въ сербскомъ военномъ убраньѣ...

Эти, а также и нѣкоторыя другія, столь же замѣчательныя или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдкія событія въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца 1885 года отмѣчены русскими газетами великой и малой печати, и истолковывались какъ «предвѣщанія» той «близкой войны», о которой въ истекшіе дни всѣ говорили и всѣ ждали рѣшительныхъ извѣстій. Особеннымъ значеніемъ пользовалось «прореченіе кронштадтскаго младенца».

Полагали, что «Іоанникъ» не остановится на одномъ провѣщаніи своего имени, а скоро скажетъ и еще что-то болѣе обще-интересное,—потомъ стали даже опасаться: не скры-

ваютъ ли по какимъ-нибудь соображеніямъ то, что говоритъ «Іоанникъ».

Въ виду такихъ событій, можетъ-статься, не излишнимъ будетъ разсказать, что въ этомъ же чудесномъ родѣ случалось у насъ прежде.

Одно изъ таковыхъ, какъ мнѣ кажется, весьма интересное событіе,—достойное вниманія по своей образности и по полнотѣ объясненія, — я нашелъ въ принадлежащихъ мнѣ отрывочныхъ запискахъ одного лица, пользовавшагося особеннымъ вниманіемъ весьма извѣстнаго общественнаго дѣятеля и писателя, Андрея Николаевича Муравьева. Тамъ оно значится подъ заглавіемъ: «*Событіе о сѣножатѣхъ*».

Дѣло касается загадочнаго происшествія, которое случилось какъ разъ за годъ передъ Крымскою войною и заставило говорить о себѣ многихъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ что сохранилось объ этомъ въ замѣткахъ современника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разъ, лѣтомъ 1852 года, покойный императоръ Николай Павловичъ, въ какомъ-то разговорѣ съ графомъ Протасовымъ, поинтересовался Валаамскимъ монастыремъ. Графъ не былъ приготовленъ къ вопросамъ государя, но не хотѣлъ обнаружить своей неготовности и, начавъ отвѣчать бойко и рѣчисто, увлекся до нѣкоторой неосторожности. Онъ необыкновенно нахвалилъ государю Валаамскую обитель со стороны красотъ ея островного мѣстоположенія, аскетическаго благочестія ея обитателей, ихъ превосходныхъ хозяйственныхъ учрежденій и необыкновенныхъ успѣховъ ихъ въ садоводствѣ и огородничествѣ, причемъ было что-то говорено и о винограде.

Государь находился въ самомъ благопріятномъ расположеніи, чтобы выслушать разсказъ графа, и особенно заинтересовался виноградомъ, а потомъ замѣтилъ:

— Это все любопытно. Братъ Александръ былъ тамъ, и я помню, что монастырь произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Тамъ бы стóило побывать.

Графъ, въ какихъ онъ зналъ соотвѣтственныхъ выраженіяхъ, отвѣчалъ государю, что проѣхать, дѣйствительно, стóитъ, а государь уронилъ въ отвѣтъ на это: «да, да», и перешелъ къ другимъ рѣчамъ.

Было ли у государя серьезное намѣреніе посѣтить Валаамъ или замѣчанія его были высказаны вскользь безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но графъ Протасовъ тотчасъ же послѣ описаннаго разговора поѣхалъ прямо изъ дворца въ лавру къ бывшему тогда митрополиту Никанору *) и сообщилъ ему слова императора, какъ событіе, которое немедленно требуетъ подготовительныхъ дѣйствій.

Графъ былъ неспокоенъ, потому что онъ не хорошо зналъ Валаамъ и опасался, не проскользнуло ли въ его отвѣтахъ государю чего-нибудь несоотвѣтственнаго и опрометчиваго. Графу, конечно, была извѣстна необыкновенная памятливость государя и его строгость, если онъ узнаетъ обманъ. Слѣдовательно, если государю вздумается поѣхать на Валаамъ, да онъ найдетъ тамъ что-нибудь не то, что ему разсказалъ графъ, то ему отъ императора достанется. А что государь ничего не забудетъ и обстоятельно сравнитъ разсказъ графа съ дѣйствительностію, въ томъ тоже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Безпокойство графа не показалось напраснымъ и владыкѣ Никанору. Напротивъ, оно еще значительно возросло въ митрополитѣ, такъ какъ высокопреосвященный проживалъ въ Петербургѣ въ епископскомъ санѣ съ 1848 года, а на Валаамѣ тоже еще не бывалъ; и теперь, когда оберъ-прокуроръ заговорилъ съ нимъ, онъ почувствовалъ, что и самъ не знаетъ — въ какой степени дѣйствительность Ва-

*) Никаноръ (Клементьевскій) былъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ съ 20 ноября 1848 г. по 17 октября 1856 г., когда умеръ. Его замѣстилъ съ 1 окт. того же года в.-пр. Григорій (Постниковъ), ум. 17 іюня 1860 г.

лаама отвѣчаетъ словеснымъ изображеніямъ графа. Особенно внѣшній порядокъ и чистота, которыя обыкновенно не скрывались отъ глазъ императора, легко могли быть ниже того, что о нихъ было разсказано. Все это высокопреосвященный самъ и выразилъ графу.

— Ну, вотъ видите ли, какъ оно есть! — отвѣчалъ на то графъ. — Это никуда не годится. Такъ и мнѣ, и вамъ можетъ быть очень непріятно. Вы знаете, какъ государь проницателенъ.

— Знаю.

— Ну, такъ я бы совѣтовалъ вамъ предупредить государя и самимъ туда съѣздить — поклониться святынямъ и все посмотрѣть и исправить.

Митрополитъ согласился.

— Я и самъ, говоритъ,—давно желалъ поклониться преподобнымъ Герману и Сергію.

Графъ одобрилъ и вызвался самъ доложить государю объ этомъ намѣреніи.

Протасовъ съ этимъ *уѣхалъ*, а высокопреосвященный Никаноръ обратился къ лаврскимъ записямъ и къ старымъ инокамъ лавры за справками: когда и кто изъ петербургскихъ іерарховъ ѣздилъ самъ на Валаамъ и какія это имѣло послѣдствія?

Оказалось, что изъ всѣхъ митрополитовъ, бывшихъ прежде высокопреосвященнаго Никанора, совершалъ паломничество на Валаамъ только одинъ Михаилъ *), и цѣль его путешествія тоже была сложная: главное влеченіе, разумѣется, было поклониться мощамъ преподобныхъ Германа и Сергія, но совпала эта поѣздка владыки съ дошедшимъ до него слухомъ, что покойный государь Александръ Павловичъ желаетъ съѣздить помолиться на Валаамъ.

---

*) Высокопреосвященный Михаилъ (Десницкій) былъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ съ 25 іюня 1818 г. по день своей смерти, 24 марта 1821 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Это было лѣтомъ 1819 года, и именно въ половинѣ іюля. Одиннадцатаго числа іюля, въ день св. благовѣрныя княгини Ольги, одна изъ посѣтившихъ владыку тезоименитыхъ дамъ большого свѣта сообщила преосвященному, какъ кому-то случилось заинтересовать государя разсказомъ о духовной жизни, о прозорливствѣ и другихъ особенныхъ дарованіяхъ валаамскихъ скитниковъ и схимниковъ, а шестнадцатаго числа того же іюля владыка Михаилъ «прибылъ уже на Валаамъ на трехъ лодкахъ въ сопровожденіи выборгскаго протоіерея, іеромонаха, двухъ іеродіаконовъ, четырехъ пѣвчихъ и прочихъ духовныхъ и *свѣтскихъ* лицъ. Митрополитъ Михаилъ пробылъ здѣсь четыре дня (16—20 іюля), — служилъ, молился, провожалъ покойника и шествовалъ со славою, и 20 іюля отплылъ на лодкахъ». (См. описаніе Валаамскаго монастыря. Спб., 1864 г.). А «въ августѣ на Валаамѣ разнеслось извѣстіе, что къ десятому числу туда будетъ государь». Слухъ этотъ скоро и оправдался: «уже шестого августа получено было съ нарочнымъ отъ министра духовныхъ дѣлъ, князя Голицына, игуменомъ Валаамскаго монастыря письмо, въ которомъ изъяснена высочайшая воля государя императора *непремѣнно быть въ монастырѣ, и повелѣно: не приготовлять ничего,— церемоніи не дѣлать, а принять самодержавнаго посѣтителя какъ благочестиваго путешественника*» (ibidem).

Государю Александру Павловичу очень хотѣлось видѣть отдаленную обитель такъ, какъ она есть—ничѣмъ не приспособленную къ нарочитому пріему, а въ простомъ, въ обычномъ строѣ ея общежитія, но это не удалось. «Описаніе» сообщаетъ, что усердные иноки не могли совладать съ охватившею ихъ радостію и едва государь прибылъ въ Сальму, какъ его здѣсь уже встрѣтилъ валаамскій экономъ Арсеній. Правда, что экономъ какъ будто случился здѣсь

по экономическимъ надобностямъ обители, а это было въ порядкѣ вещей, но тѣмъ не менѣе государь Александръ Павловичъ едва ли принялъ это за простую случайность, и во всякомъ случаѣ онъ воспользовался свиданіемъ съ экономомъ и самъ настойчиво выразилъ ему свое желаніе освободиться отъ всякихъ встрѣчъ и отъ всякаго особливаго почета на Валаамѣ. Государь Александръ Павловичъ «самъ» подтвердилъ эконому, чтобъ встрѣчи никакой не было, чтобъ службъ церковныхъ не прибавлять и не убавлять, а быть всему по монастырскому положенію, чтобы рукъ у его величества не цѣловать и въ ноги ему не кланяться (Опис. Валаам. монаст., стр. 195).

И болѣе того: «склонный къ тонкой деликатности, государь, чтобы не смущать тишину скитской жизни и не нарушать богомысленнаго настроенія братіи блескомъ и многолюдствомъ придворныхъ, переплылъ на Валаамъ, не взявъ съ собою никого, кромѣ «одного камердинера». Но въ монастырѣ все-таки узнали о пріѣздѣ его величества, когда онъ уже всходилъ по гранитной лѣстницѣ. Тогда *затрезвонили во всѣ колокола* и братія начала сходиться со всѣхъ сторонъ къ собору. Государь стоялъ на церковномъ крыльцѣ и внимательно изволилъ смотрѣть на монаховъ, *поспѣшавшихъ другъ передъ другомъ*» (196). Это было уже не то, чего хотѣлось государю.

«Взойдя въ соборъ, государь сталъ посрединѣ церкви; игуменъ былъ въ ризѣ и съ крестомъ, а іеродіаконъ въ стихарѣ, царскія двери отворены и іеродіаконъ возгласилъ многолѣтіе».

Государь выслушалъ эту встрѣчу и пошелъ «прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ», а игуменъ, тѣмъ временемъ, снялъ съ себя ризу и «сталъ за амвономъ съ братіею».

«Государь подошелъ къ нему и принялъ благословеніе сначала отъ него, а потомъ отъ всѣхъ іеромонаховъ, *цѣлуя у каждаго руку, но своей никому не давая;* затѣмъ кланялся всей братіи». Всѣмъ этимъ государь Александръ

Павловичъ сколько удовлетворялъ своему собственному настроенію, столько же и давалъ чувствовать братіи въ какомъ духѣ имъ надлежало держать себя въ его присутствіи; но братія, въ отвѣтъ на поклонъ императора, «поклонилась ему въ землю» (ibidem). Тогда государь уже сказалъ прямо въ лицо инокамъ, «чтобы ему никто не кланялся поклоненіемъ въ землю, подобающимъ только Богу».

Въ этомъ же родѣ случилось нѣчто и въ отношеніи службъ: государя опять спрашивали, какъ служить, — онъ опять просилъ служить все по установленію. Ему все хотѣлось, чтобы на него не обращали вниманія, а инокъ Савватій во время службы оставилъ свое мѣсто, чтобы «поднять перчатку», которую уронилъ государь, и «его величество не допустилъ до этого отца Савватія» (203). Одну службу затянули такъ, что «іеросхимонахъ-пустынножитель Никонъ, въ присутствіи государя, при привычномъ вниманіи и напряженномъ слушаніи божественнаго пѣнія, выпустилъ костыль изъ рукъ и упалъ, а государь его поднялъ и посадилъ» (ibidem).

Когда все это было приведено на память высокопреосвященному Никанору, онъ увидалъ, что есть очень большая надобность подготовить валаамскихъ отшельниковъ къ тому, чтобы они могли держать себя при встрѣчѣ государя Николая Павловича соотвѣтственнѣе того, какъ держали себя, встрѣчая покойнаго Александра Перваго. А для того, чтобы такую подготовку сдѣлать многостороннѣе и избѣжать недосмотровъ, допущенныхъ митрополитомъ Михаиломъ, высокопреосвященный Никаноръ пришелъ къ очень счастливой мысли—повезти съ собою на Валаамъ не однихъ спутниковъ изъ столичнаго духовенства, которые могли дать инокамъ подходящіе совѣты въ отношеніи богослуженія, но также пригласить съ собою и двухъ-трехъ мірянъ изъ такихъ людей, которые совмѣщаютъ въ себѣ настоящее русское благочестіе и настоящее знаніе этикета и вкусовъ государя.

Въ такихъ лицахъ тогда недостатка не было. Къ митрополиту была вхожа цѣлая группа свѣтскихъ людей, изъ коихъ каждый могъ основательно оспаривать у другого право и на общественное уваженіе, и на набожность и благочестіе. Таковы, напримѣръ, были: Степанъ Онисимовичъ Бурачокъ (изд. «Маяка»), графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, Андрей Андреевичъ Вагнеръ, Аркадій Николаевичъ Мазовской и Иванъ Якимовичъ Мальцевъ.

Выборъ былъ свободный, такъ какъ каждое изъ этихъ лицъ отвѣчало цѣлямъ, которыя имѣлъ митрополитъ, и каждое, конечно, изъявитъ полнѣйшую готовность съ рвеніемъ принести свою долю ожидаемой отъ него пользы.

Мысли владыки втайнѣ намѣчали отдать предъ всѣми предпочтеніе Андрею Николаевичу Муравьеву, но судьба и разныя неожиданныя вещи устроили все это иначе, и притомъ гораздо лучше и ко всеобщему удовольствію многихъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Единомысленное содружество или «братство», состоявшее изъ Бурачка, гр. Дм. Н. Толстого, Андрея Н. Муравьева, Андрея А. Вагнера и Ивана Якимовича Мальцева, само признавало или, лучше сказать, чувствовало надъ собою нравственное старѣйшинство Андрея Николаевича Муравьева и было отъ него въ нѣкоторой авторитетной зависимости. Онъ ихъ тихо, но плотно подавлялъ извѣстными превосходствами своей натуры — смѣлостью, оригинальностью и беззастѣнчивостью; притомъ всѣ они признавали въ немъ большой умъ и талантъ и знали, что высокопреосвященный Никаноръ отличаетъ его отъ прочихъ и «помогаетъ ему» такъ чувствительно, что это давало поводъ многимъ утверждать, будто Муравьевъ «жилъ на счетъ митрополита» *).

---

*) Муравьевыхъ было пять братьевъ: Александръ—бывшій декабристъ и впослѣдствіи ссыльный, а потомъ губернаторъ и сенаторъ —

Андрей Н. Муравьевъ—лицо очень замѣчательное, оригинальное и до сихъ поръ еще никѣмъ не описанное съ тою тщательностію, какой заслуживаетъ этотъ характерный выразитель своего времени. У меня кое-что собрано для его характеристики; владѣютъ также драгоцѣнными въ этомъ отношеніи матеріалами и другіе, но въ настоящемъ разсказѣ, конечно, не кстати подробно заниматься этимъ любопытнымъ дѣломъ, которое должно составить предметъ особаго сочиненія. Тутъ отмѣтимъ объ Андреѣ Николаевичѣ только вскользь, что̀ идетъ къ рѣчи о значеніи сего лица въ извѣстномъ въ свое время «религіозномъ братствѣ», изъ котораго были взяты свѣтскіе сопутники при путешествіи митрополита Никанора на Валаамъ.

Андрей Николаевичъ, поссорившись съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, потерялъ свое мѣсто въ синодѣ и остался при небольшомъ жалованьѣ въ тысячу рублей, которое ему отпускали изъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ этими средствами онъ нуждался очень, и ему помогали многіе, отчасти чувствовавшіе нѣкую духовную связь съ нимъ, а отчасти «будировавшіе» такимъ образомъ противъ графа Протасова. Митрополитъ московскій отдалъ ему для житья большое помѣщеніе на Троицкомъ подворьѣ, у Аничкина моста, а петербургскій митрополитъ «поддерживалъ его денежно». Въ послѣднемъ съ владыкою Никаноромъ участвовали и другія изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Андрей Николаевичъ въ этомъ отношеніи обладалъ большимъ тактомъ и отлично умѣлъ группировать знакомство. Рѣзкіе люди не безъ основаній называли его «салонницей».

Михаилъ (Виленскій), Николай (Карсскій), Сергѣй, служившій гдѣ-то въ небольшихъ должностяхъ, и общеизвѣстный Андрей Николаевичъ, котораго называли «вселенскимъ». Онъ былъ «другъ всѣхъ патріарховъ» и «эпитропъ». Часть свою изъ наслѣдства отца Андрей Н. отдалъ брату своему Александру, а самъ жилъ на Троицкомъ подворьѣ, въ прекрасномъ, впрочемъ, помѣщеніи, которое даромъ предложилъ ему покойный митрополитъ московскій Филаретъ (Дроздовъ).

Будучи самъ бѣденъ и нуждаясь въ помощи, онъ группировалъ нужныхъ ему людей въ кружокъ и «доминировалъ надъ ними» силою своего духовнаго авторитета. Надъ этимъ шутили, и онъ самъ въ шутку называлъ свой кругъ «своимъ свѣтскимъ приходомъ» и собиралъ этихъ прихожанъ къ себѣ въ митрополичьи покои на такъ-называемыя «свѣтскія всенощныя».

«Свѣтскія всенощныя» — это собственно былъ вечерній чай, на который заходили къ Андрею Николаевичу его друзья по окончаніи всенощной службы въ митрополичьей церкви.

Андрей Николаевичъ, будучи достаточно смѣшонъ и уязвимъ во многомъ, имѣлъ слабость всѣмъ и всему давать особенныя названія или клички. Какъ вещи, такъ и люди назывались у него не своими именами. Слѣдуя такой привычкѣ, онъ одну изъ комнатъ своего помѣщенія въ митрополичьихъ аппартаментахъ уставилъ скамьями, застлалъ скатертями и назвалъ «боярской палатой». А какъ на стѣнахъ этой палаты онъ развѣсилъ портреты знакомыхъ ему патріарховъ, то приглашеніе пить здѣсь чай выражалось словами: «пить чай подъ патріархами».

Люди у него тоже ходили всѣ съ особыми кличками, часто весьма неудачными, а иногда и довольно плоскими. Особенно молодежь, или его «пажи» и «берейторы», которые при немъ состояли и являлись «по очереди», — эти Ганимеды всѣ откликались не на свои имена, а на данныя имъ клички. Но объ ихъ кличкахъ и о нихъ самихъ поговоримъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, а теперь о «чаѣ подъ патріархами».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Волею-неволею и своею охотою отрѣшившійся отъ «свѣта», Андрей Николаевичъ Муравьевъ старался показывать, что онъ «свѣтомъ вовсе не дорожитъ», но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не переставалъ интересоваться всѣмъ, что

дѣлается въ «большихъ сферахъ», и имѣлъ все тамъ происходившее на слуху. Если мы назовемъ здѣсь хоть нѣсколько лицъ изъ его постоянной компаніи или, какъ самъ онъ называлъ, изъ его «прихода», то всякому станетъ ясно, что онъ и могъ имѣть очень скорыя и очень вѣрныя извѣстія.

Къ Муравьеву «пить чай подъ патріархами» собирались, между прочимъ, извѣстная Татьяна Борисовна Потемкина, графиня Ламбертъ (рожденная Канкрина), Мальцева, Марья Яковлевна Веригина (рожденная Булгарина) — жена Александра Ивановича Веригина, бывшаго генералъ-губернатора.—Александра Ѳедоровна Туманская (рожденная Опочинина), сестра ея Горяинова, жена Николая Михайловича Лонгинова, Марія Михайловна (рожденная Корсакова) и др. А изъ мужчинъ—Абамеликъ (женатый на Лазаревой), Мезенцевъ, Сиверсъ, Эвальдъ, Мазовской, Павелъ Петровичъ Мельниковъ, Вагнеръ и Шаховской. Всѣ эти люди постоянно вращались въ разныхъ тогдашнихъ дѣловыхъ кружкахъ: вездѣ собирали всякія сколько-нибудь интересныя новости и сносили ихъ въ «боярскія палаты» къ Муравьеву, который выслушивалъ ихъ по виду съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но въ самомъ дѣлѣ—съ большимъ вниманіемъ и никогда не упускалъ того, что могло касаться какихъ-нибудь личныхъ его видовъ.

Изъ лицъ, сейчасъ нами названныхъ, одинъ даже имѣлъ долгъ или обязанность всегда являться въ собраніе «подъ патріархами» *непремѣнно* съ новостію и за то получилъ отъ Андрея Николаевича кличку «Репетиловъ» *).

*) Вотъ клички нѣкоторыхъ другихъ «муравьевскихъ прихожанъ»: Эвальдъ назывался «Азъ и Фертъ», Мазовской — «Кукушка», Вагнеръ—«Користъ-хохолъ», Шаховской—«Колокольчикъ», Абамеликъ—«Зосима и Савватій». Дамы тоже имѣли клички. Пажи и берейторы назывались общимъ именемъ «сенъ-сиры», по степенью расположенности они пользовались у Муравьева неодинаковою. Въ числѣ ласкаемой Андреемъ Николаевичемъ молодежи («сенъ-сировъ») были тогдашніе юнкера Шереметевъ и братья Алексѣй и Петръ Ахматовы, изъ которыхъ одинъ потомъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Репетиловъ» приходился сродни Андрею Николаевичу (племянникъ) и занималъ такую должность, по которой могъ скоро и вѣрно знать новости Двора. А потому при «чаѣ подъ патріархами» онъ былъ интересная персона, которую всегда встрѣчали съ любопытствомъ и которой потому даже дозволялось запаздывать и являться «подъ патріарховъ» не изъ церкви, а прямо изъ города, лишь бы только его «вечернее приношеніе было въ порядкѣ».

«Приношенія» къ «чаю подъ патріархами» были не только въ обычаѣ, но это, такъ сказать, составляло необходимое условіе. Андрей Николаевичъ не скрывалъ, что его дѣла находятся въ большомъ стѣсненіи, но, напротивъ, онъ самъ говорилъ объ этомъ всѣмъ и своей веселою откровенностью довольно легко и благоуспѣшно выходилъ изъ затрудненій, не испытывая лишеній.

— Трудящійся достоинъ мзды, говорилъ шутя, но съ серьезными цѣлями Муравьевъ.—Я васъ просвѣщаю, а вы меня кормите. Безъ меня вы ничего бы не знали, а я напишу моимъ золотымъ перомъ, что вамъ нужно знать, и вы будете знать *).

Поэтому являлись съ «приношеніями» всѣ приходившіе «подъ патріарховъ». Не освобождались отъ этого даже и люди совершенно бѣдные. Изъ тѣхъ одинъ (В.) былъ обязанъ приносить сливки, другой (А.) — калачи, и т. д. — кто что могъ. У кого не было ничего своего для приношенія, тому Андрей Николаевичъ доставалъ возможность отбывать свою повинность на счетъ «ввѣренной части»,—такъ, напримѣръ, М. Э. и С. присылали ему верховыхъ лошадей изъ берейторской школы, и онъ совершалъ на нихъ по го-

*) Андрей Николаевичъ Муравьевъ писалъ *золотымъ перомъ,* которое было ему поднесено его почитателями, съ надписью: «перо Муравьева». Куда оно дѣлось — неизвѣстно. Писалъ онъ всегда прескверно и потому предпочиталъ диктовать.

роду свои прогулки, которыя обращали на него вниманіе и не дозволяли забывать о немъ людямъ безпамятнымъ. Но всѣхъ исправнѣе и всѣхъ щедрѣе въ приношеніяхъ были вышеназванныя дамы, между коими находились обладательницы огромныхъ состояній. Ихъ попеченіями Андрею Николаевичу доставлялось не только все существенно необходимое для безнуждного существованія, но также не мало и излишняго. Дамы только иногда затруднялись знать, что̀ нужно Андрею Николаевичу или что̀ ему желается; но въ этихъ случаяхъ ихъ обыкновенно выручалъ тезка Андрея Николаевича — «корнетъ-хохолъ» А. А. Вагнеръ, который былъ одно время какъ бы наперсникомъ Муравьева и его ризничимъ и кравчимъ его «боярской палаты». Какъ бы тщательно ни былъ пополненъ весь палатскій инвентарь Муравьева, Вагнеръ всегда умѣлъ указать желающимъ услужить Андрею Николаевичу что̀ еще можетъ быть предложено къ его благоугожденію. Даже если было укомплектовано все,—то и тогда еще желающимъ приносить не приходилось тосковать въ невѣдѣніи, что̀ можетъ быть предметомъ новыхъ приношеній. Андрей Николаевичъ постоянно носилъ дома черные полукафтанья (архалуки) изъ шолковой матеріи, устроенные такъ, что они должны были застегиваться на пуговицы, но пуговицы къ нимъ не пришивались, а только прометывались петли. Въ эти петли вставлялись запоны изъ драгоцѣнныхъ цвѣтныхъ камней, обдѣланныхъ въ серебро или въ золото. Пуговицы одного какого-нибудь цвѣта Андрею Николаевичу надоѣдали, и онъ имѣлъ разныя смѣны: яхонтовыя, изумрудныя, рубиновыя, янтарныя. Новая смѣна въ этомъ родѣ всегда приносила Андрею Николаевичу удовольствіе, а Андрей Андреевичъ Вагнеръ зналъ вкусы «брата Андрея» и всегда могъ помочь дамамъ, затруднявшимся — какое приношеніе было умѣстнѣе во всякую данную минуту.

Понятно, что такъ хорошо обставленный А. Н. Муравьевъ былъ неупустительно извѣщенъ о томъ, что случилось послѣ мимолетнаго разговора государя съ графомъ

Протасовымъ о Валаамѣ, и предполагавшаяся поѣздка митрополита вызвала въ Андреѣ Николаевичѣ свои соображенія.

Дѣло представлялось такъ, что Андрею Николаевичу, кажется, слѣдовало бы имѣть первое мѣсто и главную роль въ этомъ паломничествѣ, и такъ какъ съ мѣропріятіями по этому поводу медлить было некогда, то Андрей Николаевичъ тотчасъ же и сдѣлалъ свои распоряженія по причету.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У нихъ въ «братствѣ» былъ такой порядокъ, что къ концу «чая подъ патріархами» Андрей Николаевичъ, какъ «настоятель», назначалъ подначальнымъ ему младшимъ братіямъ—куда имъ надлежитъ являться на завтрашнія воскресныя службы.

Назначенія эти дѣлались всякій разъ по непосредственному его усмотрѣнію; часто, напримѣръ, назначалось посѣтить «внезапно» раннія службы у Пантелеймона или у Симеона, гдѣ Андрей Николаевичъ преслѣдовалъ извѣстныя ему упущенія (особенно лѣность какого-то діакона), но иногда надобность указывала имъ явиться «внезапно» въ другихъ храмахъ,—и всѣ эти распоряженія давались только наканунѣ, подъ «патріархами», такъ что объ этомъ никто не могъ предупредить неисправныхъ священнослужителей, и Андрей Николаевичъ съ «братіею» настигали упустительныхъ врасплохъ, со всѣми слабостями, и тутъ же взыскивали или исправляли *). Если же все по храмамъ епар-

*) Если Андрей Николаевичъ приходилъ въ церковь Пантелеймона передъ начатіемъ ранней обѣдни и видѣлъ, что священникъ готовится начинать литургію одинъ безъ діакона, котораго Муравьевъ уже зналъ за человѣка лѣниваго къ молитвѣ, то Андрей Николаевичъ тотчасъ же просилъ батюшку «подождать», а за діакономъ посылалъ сторожа, съ приказаніемъ «поднять его съ постели». Сторожъ шелъ и исполнялъ порученіе такъ успѣшно, что діаконъ приходилъ очень скоро и служилъ съ благоговѣніемъ.

хіальнаго вѣдомства въ столицѣ шло въ порядкѣ и упущеній нигдѣ не предвидѣлось, тогда Андрей Николаевичъ дозволялъ себѣ и своимъ братіямъ высшее духовное удовольствіе: они всѣ могли съѣзжаться въ Александро-Невскую лавру, въ Крестовую церковь митрополита, и тамъ даже принимать возможное для мірянъ личное участіе въ службахъ. Изъ «братіи» Андрей Николаевичъ Муравьевъ и Андрей Андреевичъ Вагнеръ почитались за хорошихъ чтецовъ и имъ дозволялось читать въ Крестовой церкви за всенощною шестопсалміе. (Самъ митрополитъ слушалъ это чтеніе, сидя у окна, которое было продѣлано въ церковь изъ его столовой). Вагнеръ и Муравьевъ читали «каждый въ своемъ родѣ»; но какъ однимъ изъ ихъ слушателей больше нравилось чтеніе Муравьева, а другимъ былъ пріятнѣе Вагнеръ, то въ общихъ интересахъ, для уравненія слушателей, между обоими мастерами читать была установлена очередь: одинъ разъ читалъ «Андрей большой», а въ другой—«Андрей меньшой», т. е. Вагнеръ.

Оба чтеца въ очередь свою подготовлялись къ чтенію и превосходили другъ друга въ своемъ искусствѣ, а потому случаи эти представляли интересъ для компаніи и сопровождались нѣкоторою особенною торжественностію. Въ тѣ дни, когда читали Муравьевъ или Вагнеръ, Андрей Николаевичъ пріѣзжалъ въ лавру одинъ, такъ какъ онъ былъ очень честолюбивъ и занималъ въ церквахъ особыя мѣста (въ Троицкомъ подворьѣ Муравьевъ, въ отсутствіе московскаго митрополита, стоялъ всегда на его мѣстѣ), а весь остальной мужской персоналъ «братіи» долженъ былъ пріѣзжать разомъ «въ курятникѣ». Это требуетъ объясненія. «Братія» съѣзжалась сначала на Моховую, въ домъ секундъ-маіора Ивана Якимовича Мальцева, къ обѣду. Обѣдъ въ такихъ случаяхъ происходилъ ранѣе обыкновеннаго, и при послѣднемъ блюдѣ къ крыльцу подавалась большая четверомѣстная карета, которую, со словъ Муравьева, называли «курятникъ». Въ этотъ-то «курятникъ» усаживались—самъ чтецъ Вагнеръ («иже бысть первый по Фараонѣ») и зна-

токи службы: Бурачокъ, Толстой и самъ секундъ-маіоръ Мальцевъ.

Въ Крестовой церкви оканчивалось служеніе, чтецы отличались, и затѣмъ всѣ шли на чай къ митрополиту, гдѣ и проводили часъ въ пріятныхъ разговорахъ о томъ, что̀ было на ту пору интереснаго въ городѣ.

Муравьевъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать, что въ этотъ разъ тамъ дежурный разговоръ будетъ о Валаамѣ, но, къ крайней своей досадѣ, онъ очень грубо ошибся.

Андрей Николаевичъ понялъ, что это не спроста и что ему что-то подстроено.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Положеніе Муравьева въ духовенствѣ было чрезвычайно странное. Близкій по своимъ отношеніямъ къ патріархамъ и вообще высшимъ іерархамъ, онъ вовсе не пользовался расположеніемъ клира. Напротивъ, онъ имѣлъ въ числѣ священнослужителей множество недоброжелателей и даже нѣкоторое число очень откровенныхъ и смѣлыхъ враговъ, которые не боялись «ходить на него въ одиночку». Изъ нихъ одинъ такой жилъ тогда въ Невской лаврѣ,—это былъ знаменитый синологъ, архимандритъ Аввакумъ, извѣстный по своей учености, по благородной прямотѣ характера, по неукротимой пылкости и по анекдотической небрежности въ отправленіи совершенно несродныхъ ему цензорскихъ обязанностей, къ которымъ онъ былъ назначенъ и потомъ отрѣшонъ. За продолжительную жизнь въ Китаѣ, отецъ Аввакумъ совсѣмъ «отвыкъ отъ европейской политики» и не скрывалъ никакихъ своихъ чувствъ: онъ гласно говорилъ, что «самое безвредное чтеніе — читать этикеты на бутылкахъ, а самый противный человѣкъ на свѣтѣ—Андрей Муравьевъ съ братіею его». И Андрей Николаевичъ это зналъ, потому что Аввакумъ однажды высказалъ всю эту тираду за столомъ въ присутствіи самого Муравьева; но Муравьевъ не могъ ему ничего сдѣлать и даже не дерзалъ

его припугнуть. Онъ даже не выдумалъ Аввакуму никакой клички, кромѣ какъ «китаецъ», что, впрочемъ, составляло обыкновенное и давно извѣстное въ монастырскомъ обиходѣ прозваніе «Аввакума китайскаго» *). Этотъ характерный старикъ терпѣть не могъ Муравьева будто бы за то, что онъ и его «іезуиты» много «стòятъ» высокопреосвященному Никанору и увлекаютъ его «къ свѣтскости». Аввакумъ любилъ приволье и простоту, любилъ и уважалъ въ человѣкѣ прямую доброту и честность, былъ заботливъ о сиротахъ и не находилъ никакого удовольствія въ сообществѣ свѣтскихъ людей, если они не занимаются «чтеніемъ этикетовъ». Положеніе же его было несравненно лучше и тверже положенія Андрея Николаевича, которое всегда «зависѣло отъ игры обстоятельствъ», тогда какъ «китайскій Аввакумъ» стяжалъ себѣ самую твердую репутацію и имѣлъ до шести тысячъ рублей въ годъ «полученія» при готовой, неотъемлемой монастырской квартирѣ, выходившей окнами какъ разъ насупротивъ митрополичьихъ покоевъ **).

Здѣсь онъ могъ видѣть изъ своихъ оконъ всѣхъ, кто пріѣзжалъ къ митрополиту, и когда замѣчалъ пріѣздъ Муравьева съ его «братіей», то впадалъ въ гнѣвность, и если на тотъ случай былъ еще «начитавшись этикетовъ», то

---

*) Архимандритъ Аввакумъ дожилъ свой обильный приключеніями вѣкъ и скончался въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ погребенъ тамъ же, подлѣ церкви Благовѣщенія, и надъ его могилою стоитъ такъ-называемый «Китайскій памятникъ». Китайская надпись изсѣчена на немъ въ Петербургѣ, но сочинена въ Китаѣ.

**) Аввакумъ получалъ около 4,000 р. пенсіи за свою службу въ Китаѣ, да 2,000 прибавочныхъ. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ сказано, будто онъ былъ «казначеемъ» лавры, но это неправда. Аввакумъ казначеемъ не былъ и былъ такъ же неспособенъ къ этой должности, какъ къ должности цензорской. Онъ былъ очень добръ и очень щедръ, но все это подъ довольно грубою формою. Аввакумъ происходилъ изъ духовныхъ тверской епархіи. Цензорская проруха съ нимъ случилась на книгѣ архимандрита Израиля, гдѣ въ вину Аввакуму была поставлена слѣдующая неловкая строка: «блудъ не былъ бы блудомъ, если бы не было учреждено таинство брака». Аввакумъ не оправдывался и не тужилъ, что его отставили.

не таился съ своими чувствами, а открывалъ форточку и кричалъ:

— Опять вы налетѣли, іезуиты!.. Пошли вонъ, попрошайки!

И такъ далѣе, въ этомъ родѣ.

Муравьевъ былъ очень самолюбивъ и мстителенъ до безконечности, и онъ нимало не таился съ этими качествами. Очень нерѣдко онъ даже своимъ приближеннымъ и друзьямъ рѣзко говорилъ серьезнымъ тономъ:

— Прошу не забывать, что я *Муравьевъ*.

Но Аввакуму онъ возражать не смѣлъ и отыгрывался отъ его обидъ, представляя, будто ихъ не замѣчаетъ. Иного ничего и не оставалось, потому что если бы онъ напомнилъ ему, что онъ «Муравьевъ», то Аввакумъ у него въ долгу бы не остался, ибо почиталъ себя «ничимъ же меньше» и, кажется, имѣлъ на то основаніе. Но и, кромѣ независимаго Аввакума, при особѣ митрополита были еще лица, въ которыхъ Муравьевъ также имѣлъ болѣе или менѣе затаенныхъ недруговъ. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый въ лѣтописяхъ лавры протодіаконъ-монахъ Викторъ *). Это былъ величайшій знатокъ богослужебныхъ церемоній, какому не было равныхъ даже между протодіаконами, всегда ведущими весь порядокъ сложнаго архіерейскаго богослуженія. Андрей Николаевичъ Муравьевъ тоже мнилъ себя знатокомъ этого предмета и отъ многихъ былъ почитаемъ за такое знаніе, но при познаніяхъ, навыкѣ и распорядительности Виктора всѣ Муравьевскія свѣдѣнія ничего не

*) Мнѣ случалось встрѣчать въ печати, что Виктора называютъ то «иподіакономъ», то «архидіакономъ». Какъ то, такъ и другое невѣрно. Викторъ прославился въ санѣ *«протодіакона»*. Первый *архидіаконъ* въ Невской лаврѣ поставленъ высокопреосвященнымъ Исидоромъ—это Валеріанъ, а между нимъ и Викторомъ былъ еще протодіакономъ Германъ. Также читалъ я гдѣ-то, что будто Викторъ выѣзжалъ съ митрополитомъ Серафимомъ на площадь во время декабристскаго бунта и защитилъ митрополита. Это опять невѣрно: на Сенатской площади 14 декабря 1825 года съ митрополитомъ Серафимомъ былъ протодіаконъ Прохоръ.

стоили, и Андрей Николаевичъ даже боялся говорить и не любилъ Виктора, какъ соперника, который подавлялъ его своимъ авторитетомъ. Андрею Николаевичу оставалось одно: держаться будто покровительствующаго Виктору тона, а между тѣмъ ронять его потихоньку въ глазахъ владыки сожалѣніями о «разночтеніяхъ», которымъ прилежалъ протодіаконъ по примѣру Аввакума. Но это «сожалительное коварство» обнаружилось и поселило въ сердцѣ протодіакона горькія чувства противъ Муравьева, а серьезно повредить Виктору оно не могло, такъ какъ онъ былъ человѣкъ нужный и даже казался незамѣнимымъ. Притомъ же «разночтенія» Виктора совсѣмъ не мѣшали дѣламъ службы. Протодіаконъ Викторъ, хотя былъ отъ природы простъ и снисходителенъ, но тоже, подобно Аввакуму, посматривалъ на Муравьева свысока, какъ человѣкъ нужный на человѣка, представляющаго изъ себя что-то такое, безъ чего все обходиться можетъ.

Казалось, что Викторъ иногда тоже, подобно Аввакуму, желалъ обнаруживать свое пренебреженіе къ Муравьеву очень открыто. Такъ, напримѣръ, онъ часто обтиралъ со лба потъ цвѣтнымъ фуляромъ передъ самымъ лицомъ Андрея Николаевича, который находилъ такой «форсъ» со стороны протодіакона совершенно непозволительнымъ.

Андрей Николаевичъ даже не разъ ему говорилъ: «вы меня этимъ просто убиваете»; но отецъ Викторъ отвѣчалъ: «а что же, если у меня такая привычка»,—и продолжалъ его «убивать».

Но кромѣ этихъ двухъ лицъ, которыя своего нерасположенія не скрывали, но зато бились честнымъ оружіемъ въ открытомъ бою, у Андрея Николаевича при митрополитѣ были еще два человѣка, въ души которыхъ было гораздо труднѣе проникнуть, чѣмъ въ души Аввакума и Виктора; эти два лица были: письмоводитель митрополита Навроцкій и секретарь Ласскій, оба изъ малороссіянъ,—люди тонкіе и съ вліяніемъ. Притомъ послѣдній изъ нихъ, Ласскій, тоже дѣлалъ конкурренцію Андрею Николаевичу

еще въ томъ, что владыка считалъ этого своего чиновника за знатока «свѣтской политики». Андрей Николаевичъ считалъ это за вопіющую несообразность, но отчасти, должно-быть, въ Ласскомъ были политическія дарованія. По крайней мѣрѣ мы должны такъ думать, судя по наступающему случаю, который обличалъ сообразительность Ласскаго въ ущербъ желаніямъ Андрея Николаевича, за «престижъ» котораго, однако, возстала сила судебъ и подняла его какъ пренебреженный камень на самую главу угла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Когда Андрей Николаевичъ послѣ всенощной вошелъ въ аппартаменты митрополита Никанора, онъ засталъ здѣсь тѣ открыто и тайно непріязненныя ему лица, о которыхъ мы выше упомянули. Архимандритъ Аввакумъ, который, по обыкновенію, готовъ былъ всегда «будировать» противъ Муравьева, и теперь, при входѣ его, громко разсказывалъ кому-то, какъ просто жилъ въ этомъ самомъ помѣщеніи предмѣстникъ Никанора—митрополитъ Серафимъ.

— Вотъ, говоритъ Аввакумъ,—эта комната была у него гостиная, и вотъ тутъ въ стѣнѣ было окошечко къ его келейнику. Бывало, позоветъ къ себѣ послѣ всенощной когонибудь чай пить, а келейникъ не подаетъ чаю. Онъ къ окошечку и говоритъ: «Давай же скорѣй чаю!» А тотъ отвѣчаетъ: «Подождите, владыко,—воды нѣтъ». И ждали, и не обижались, потому что къ нему не приходили таковые, которые...

Андрей Николаевичъ почувствовалъ, что эти «таковые, которые» могутъ залетѣть въ его огородъ, и поспѣшилъ проникнуть далѣе здѣсь стоявшихъ и ожидавшихъ выхода владыки. Этимъ онъ избѣгалъ непріятности слушать Аввакума и всѣмъ далъ почувствовать, что онъ «Муравьевъ».

Но зато самое свиданіе съ-глазу-на-глазъ, наединѣ съ митрополитомъ, Андрея Николаевича не порадовало. Его штатный «Репетиловъ» не оказался на полной высотѣ сво-

его призванія и оконфузился. Онъ принесъ къ чаю «подъ патріархами» не самое свѣжее приношеніе. Вѣсти Ренетилова не были самыя свѣжія, и оттого вышли безчисленныя досажденія... Дѣло о путешествіи на Валаамъ ушло очень далеко впередъ противъ того, что было разсказано «подъ патріархами». Графъ Протасовъ уже довелъ о желаніи митрополита до свѣдѣнія государя, а государь приказалъ «снарядить экспедицію какъ можно приличнѣе». Въ такомъ случаѣ, конечно, хорошо бы спросить Муравьева, но графъ Протасовъ его не жаловалъ, а другіе не желали о немъ напомнить митрополиту, и потому вопрошенъ былъ Ласскій, котораго Муравьевъ въ насмѣшку назвалъ «церемоніймейстеромъ».

Ласскій, однако, имѣлъ вполнѣ достаточную компетентность въ дѣлѣ, о которомъ его спрашивали, и никакихъ насмѣшекъ не заслуживалъ. Онъ зналъ, что плаваніе митрополита Михаила Десницкаго «на лодкахъ», при теперешнихъ взглядахъ, не можетъ быть признано за «приличное», и навелъ, гдѣ зналъ, справки, какъ плавалъ по петербургскимъ водамъ при Петрѣ Великомъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Справка показала, что судно, носившее владыку, ходило *подъ митрополичьимъ флагомъ*... Вотъ какъ приличествовало плыть и высокопреосвященному Никанору, который тоже любилъ пышность. Государь приказалъ дать митрополиту вмѣсто двухъ лодокъ «два парохода и чтобы оба шли подъ митрополичьимъ флагомъ». Штатъ своей свиты владыкѣ предоставлено было составить по его непосредственному усмотрѣнію, а онъ призвалъ на совѣтъ опять того же Ласскаго, и Ласскій предложилъ такой подборъ лицъ, какого лучше нельзя выдумать для прикровенныхъ соображеній, руководившихъ экспедиціей. Съ митрополитомъ ѣхали оба его секретаря — Навроцкій и Ласскій, которые знали и исторію, и епархіальныя дѣла въ совершенствѣ; архимандритъ Сергіевской пустыни (впослѣдствіи архіерей) Игнатій Брянчаниновъ, который зналъ и свѣтское, и духовное не хуже, чѣмъ Муравьевъ, но притомъ обладалъ еще

ласкою и увѣтливостью прекраснаго характера; архимандритъ Аввакумъ-китайскій, археологъ, нумизматъ и такой книговѣдъ, что ему довольно было поглядѣть библіотеку, чтобы понять, что въ ней есть и какъ ее показать лицомъ; протодіаконъ Викторъ — тихій, смирный, голосистый и головастый, съ замѣчательною манерою особенно хорошо носить волосы и вести служеніе въ величайшей тишинѣ и стройности. Онъ въ одинъ, въ два пріема могъ исправить несоотвѣтственныя манеры служенія въ любомъ малоискусномъ скитникѣ. Словомъ, никого не брали лишняго, но во всякомъ нужномъ родѣ былъ человѣкъ, вполнѣ отвѣчающій требованію. А эти избранники, каждый по своей части, знали кого еще прихватить нужно; такъ, напримѣръ, Игнатій Брянчаниновъ взялъ съ собой изъ своей Сергіевской пустыни повара, православнаго чухонца, по имени Сергія. Это былъ «врожденный талантъ», который умѣлъ приготовлять монастырскія трапезныя кушанья — какъ никакой другой поваръ. Разсчитывали, что Сергій могъ принести свою долю благихъ указаній на уединенномъ островѣ, гдѣ во многихъ отношеніяхъ не знаютъ лучшаго, а держатся пріемовъ рутинныхъ. Изъ свѣтскихъ было приглашено нѣсколько лицъ изъ моряковъ, кажется, больше по выбору Брянчанинова. Муравьевъ и его клирики были «абортированы», и это было бы непоправимо, если бы, къ счастью, не явился задержавшій отплытіе вопросъ о флагѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Военные пароходы, на которыхъ слѣдовало плыть митрополиту, были готовы; но нигдѣ не могли отыскать того флага, подъ которымъ плавалъ Прокоповичъ. Въ лаврѣ этого флага не оказалось и никто не зналъ, гдѣ его слѣдуетъ искать. Пришлось дѣйствовать наугадъ. Думали, что флагъ можетъ быть въ синодальномъ архивѣ, и искали его, но не нашли. Потомъ пришло на мысль — не положили ли его, по минованіи надобности, гдѣ-нибудь въ запасныхъ

кладовыхъ адмиралтейства, и опять тутъ вездѣ искали, но тоже не нашли, и стали думать, что всякіе дальнѣйшіе поиски будутъ напрасны, потому что, очевидно, митрополичій флагъ послѣ Ѳеофана легкомысленно почли за вещь, которая болѣе ненужна, и сунули его куда-нибудь небрежно, безъ описи и расписокъ, и онъ гдѣ-нибудь тлѣетъ безъ всякихъ слѣдовъ, а можетъ-быть даже и уничтоженъ какимъ-нибудь невѣжественнымъ профаномъ, польстившимся на кусокъ матеріи. И когда явились такія, повидимому, весьма вѣроятныя соображенія, тогда пришли къ заключенію, что дѣло собственно не въ томъ, чтобы отыскать старинный митрополичій флагъ, а гораздо скорѣе и проще будетъ устроить такой флагъ вновь и плыть подъ нимъ безъ задержанія. Но тутъ обнаружилось наше обыкновенное русское небреженіе въ геральдическихъ дѣлахъ: несомнѣнно было, что митрополичій флагъ существовалъ, но какой именно онъ былъ, т. е. какого цвѣта и что на немъ было изображено, — объ этомъ нигдѣ не нашли никакихъ записей и никакихъ рисунковъ. Тогда, чтобы не останавливаться безконечное время на этомъ вопросѣ, для основательнаго разрѣшенія котораго не находилось никакихъ положительныхъ данныхъ, рѣшились сдѣлать поскорѣе новый флагъ «съ приличными изображеніями», — и это такъ и сдѣлали *).

*) Замѣчательно, что и этотъ случай не исправилъ нашей характерной небрежности. Одинъ флагъ потеряли безслѣдно, другой при нуждѣ въ немъ сдѣлали кое-какъ наскоро, но опять и объ этомъ не сохранили никакихъ историческихъ памятей. О томъ, что флагъ былъ сооруженъ для плаванія митрополита Никанора, помнятъ нѣкоторые изъ доживающихъ свой вѣкъ иноковъ и мірянъ, но мнѣ ни отъ одного изъ нихъ не удалось узнать — какой именно былъ этотъ флагъ и куда онъ дѣлся послѣ экспедиціи митрополита на Валаамъ? Полагаютъ, что и этотъ флагъ тоже пропалъ, а о томъ, что̀ именно онъ изображалъ, говорятъ гадательно и разнорѣчиво: одни говорятъ, будто «были нашиты какіе-то кресты», а А. А. Вагнеру «помнится», что на флагѣ были нарисованы аттрибуты митрополичьяго служебнаго облаченія: митра, посохъ, трикирій и дикирій. А какое изъ этихъ свѣдѣній вѣрнѣе — о томъ рѣшительно сказать невозможно.

Только эти хлопоты съ флагомъ и были причиною того, что митрополитъ не отплылъ безъ вѣдома Андрея Николаевича и что этотъ послѣдній могъ имѣть при экспедиціи на судахъ митрополита своихъ людей. Высокопреосвященный Никаноръ, въ угожденіе ему, пригласилъ съ собою Мазовскаго, Вагнера и еще кого-то... Компанія составилась не малая. Оба парохода въ прекрасный, свѣтлый, погожій день отвалили съ блестящимъ экипажомъ отъ петербургской пристани и направились вверхъ по Невѣ къ Ладожскому озеру. А Андрей Николаевичъ остался въ Петербургѣ, вѣроятно, не въ наилучшемъ расположеніи духа, и ходилъ ли онъ въ своемъ архалукѣ по покоямъ Троицкаго подворья, или ѣздилъ верхомъ въ своемъ штатскомъ плащѣ, — онъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ желчную досаду отъ того, что терпѣлъ въ угоду прихотямъ «гусара», какъ величалъ онъ графа Протасова.

Впрочемъ, такіе удары ему были уже знакомы, и онъ ихъ старался переносить съ достоинствомъ, что̀ ему порою и удавалось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Между тѣмъ отплывшія подъ митрополичьимъ флагомъ суда совершали свой ходъ такъ весело и благополучно, что это навсегда оставило самое пріятное впечатлѣніе во всѣхъ соучастникахъ эскадры. Погода стояла прекрасная; солнце горѣло на небѣ, воздухъ былъ тихъ и тепелъ, невозмутимая гладь водъ блистала какъ зеркало. Вездѣ, на встрѣчныхъ судахъ и по берегамъ рѣки, все замѣчались оживленныя и веселыя лица. Нѣкоторыя были даже очень веселы. Въ послѣднемъ родѣ отличалась публика, помѣщавшаяся на палубѣ небольшого частнаго парохода, который отвалилъ отъ другой петербургской пристани почти одновременно съ эскадрою митрополита и, нагнавъ ее, шелъ за нею очень не въ большомъ разстояніи.

На этомъ пароходѣ было много кавалеровъ и дамъ: от-

туда слышались звуки музыки, смѣхъ разныхъ голосовъ и смѣшанный русскій и иностранный говоръ.

Появленіе этого парохода съ веселыми пассажирами было неожиданностію для митрополита и его спутниковъ, и имъ удалось разгадать эту неожиданность только въ Шлиссельбургѣ, гдѣ пароходы, прежде чѣмъ войти въ озеро, пристали на короткое время, чтобы дать возможность пассажирамъ поклониться чудотворному образу, находящемуся въ прибрежной часовнѣ.

Оказалось, что это ѣдетъ очень интересная компанія милыхъ и веселыхъ людей, состоящая по преимуществу изъ французскихъ и русскихъ артистовъ и художниковъ, тоже собравшихся полюбоваться красотами Валаама. Пришелся ли выѣздъ ихъ случайно въ одно время съ отплытіемъ митрополита, или они, быть-можетъ, нарочно старались увидать монастырскій островъ, когда тамъ будутъ встрѣчать высшаго церковнаго сановника, — это осталось неизвѣстнымъ. Одни говорили такъ, а другіе иначе; но высокопреосвященный Никаноръ, чувствовавшій себя тоже въ прекрасномъ расположеніи, слушая сообщеніе объ этомъ, не обнаружилъ ни малѣйшаго неудовольствія и сказалъ:

— Господь съ ними! они намъ не мѣшаютъ.

Услыхавъ такой снисходительный отзывъ отъ владыки, нѣкоторые изъ его свиты, замѣтившіе въ числѣ артистовъ извѣстнаго комика Мартынова, сдѣлали было даже предложеніе пригласить его въ Шлиссельбургѣ пересѣсть съ частнаго парохода на казенный пароходъ митрополита, но высокопреосвященный Никаноръ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Нѣтъ. Зачѣмъ его отрывать отъ своихъ. Всякому въ своей компаніи свойственнѣе. Не станемъ мѣшать другъ другу.

Пароходы вошли въ озеро и, держась одного фарватера, опять пошли на виду и на слуху одинъ у другого. Пассажиры ихъ какъ будто не обращали другъ на друга никакого вниманія; но, однако, тѣмъ не менѣе, съ обѣихъ сторонъ можно было наблюдать взаимную деликатность. Не-

сходные по своему положенію путники старались ничѣмъ не стѣснять одни другихъ: митрополитъ не выходилъ на палубу, а сидѣлъ у открытаго окна въ рубкѣ, а по другую сторону этого окна, противъ него, сидѣли на морскихъ складныхъ табуретахъ Брянчаниновъ и китайскій Аввакумъ. Преосвященный и его спутники вели самыя веселыя и оживленныя бесѣды. «Лицедѣи» пѣли и шутили, но сдержанно; они, очевидно, старались умѣрять свое веселье, чтобы оно не очень доходило до подвижнаго монастыря.

Тотчасъ по входѣ въ Ладожское озеро начался обѣдъ, который былъ отдѣльно сервированъ для мірянъ и для монаховъ. Для первыхъ готовили обыкновенные морскіе «кохи», а для митрополита и его свиты изготовлялъ трапезу тотъ знаменитый въ свое время православный чухонецъ Сергій, кулинарными способностями котораго скромно щеголялъ Игнатій Брянчаниновъ.

Тотъ, кто хотѣлъ быть «говѣйнымъ» и, отказавшись отъ скоромной стряпни «коховъ», присоединился къ постной трапезѣ иноковъ, — былъ положительно въ выигрышѣ, потому что отецъ Сергій на водѣ даже превзошелъ свою репутацію, составившуюся на сушѣ. Впрочемъ, можетъ-быть, этому много помогалъ и свѣжій морской воздухъ, развивающій аппетитъ и поддерживающій легкое расположеніе духа.

Затѣмъ солнце стало склоняться къ западу, пошло вечерѣть; съ частнаго парохода порывами легкаго вѣтерка доносилось отрывками стройное пѣніе. Митрополитъ опять сидѣлъ у открытаго окна рубки, а Брянчаниновъ долго-долго глядѣлъ молча вдаль и вдругъ, какъ бы забывшись, забредилъ стихами Пушкина, которыхъ зналъ наизусть чрезвычайно много...

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Владыка и Аввакумъ не прерывали его; поникнувъ головами, они его тихо слушали... Протодіаконъ Викторъ сто-

ялъ у косяка, опершись головою о локоть, и тоже слушалъ... Его простое вниманіе было своего рода «народная тропа» къ могилѣ пѣвца. Вечеръ густѣлъ. На бѣловатомъ лѣтнемъ сѣверномъ небѣ встала блѣдная луна; вдалекѣ слѣва, на финляндскомъ берегу, заяцъ затопилъ листвой печку, и туманъ, какъ дымокъ, слегка поползъ по гладкому озеру, а вправо, далеко-далеко, началъ чуть зримо обозначаться надъ водой Коневецъ.

Митрополитъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Мы опоздали къ всенощной.

— Мы сейчасъ споемъ ее здѣсь, владыко! — отозвался Викторъ, и въ одну минуту досталъ и подалъ гдѣ-то близко у него подъ рукою лежавшую эпитрахиль Брянчанинову. Отецъ Игнатій сейчасъ же ее надѣлъ и громко, вслухъ благословилъ царство вездѣсущаго Бога подъ открытымъ куполомъ Его нерукотворнаго храма...

Викторъ читалъ и пѣлъ наизусть. Аввакумъ пѣлъ съ нимъ. Митрополитъ стоялъ у окна съ сложенными на груди руками и молился... Другіе, кто попалъ на эту отпѣтую безъ книгъ вечерню, стали на колѣна,—нѣкоторые плакали...

О чомъ и для чего?—вѣдаетъ Тотъ, Кому угодно было, чтобы «благоухала эѳирною душою роза» и чтобы душа находила порою отраду и счастье омыться слезою.

Это была не всенощная, не вечерня, а какое-то вольное соединеніе того и другого или, еще вѣрнѣе сказать, — это былъ благоговѣйный порывъ высоко настроившихъ себя душъ, которому знатокъ богослуженія Викторъ вдругъ съимпровизировалъ молитвенную форму.

На пароходѣ было небольшое число взятыхъ съ собою митрополитомъ пѣвчихъ, но ихъ не позвали. Они бы, выстроившись съ регентомъ, не такъ тепло воспѣли «славу въ вышнихъ Богу», какъ спѣли ее втроемъ «китаецъ», Викторъ и Брянчаниновъ...

Къ концу ихъ хваленій пароходъ былъ завиденъ съ Коневца, и по волнамъ озера поплылъ навстрѣчу путникамъ привѣтный звонъ...

На частномъ пароходѣ, гдѣ плыли артисты, все было тихо: пароходъ держался близко къ судну митрополита, и артисты—дамы и мужчины—стояли у борта и... тоже молились...

Тѣ, кто помнятъ описанное путешествіе, никогда не говорили объ этой минутѣ иначе, какъ съ чувствомъ живого восторга...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ночевали у Коневца. Митрополитъ и болѣе высокіе изъ лицъ его свиты почивали въ помѣщеніяхъ монастыря (тогда еще очень не обширныхъ), а всѣ прочіе ночевали гдѣ пришлось на своихъ судахъ. Пассажиры частнаго парохода всѣ остались на суднѣ, которому, вдобавокъ, и вполнѣ удобнаго мѣста для стоянки не было, такъ какъ у пристани стали военные пароходы подъ митрополичьимъ флагомъ.

Да экипажъ частнаго парохода такъ преисполнился деликатностію, что и самъ сторонился отъ митрополичьихъ судовъ, и на другой день утромъ снялся отъ Коневца и ушелъ въ море ранѣе казенныхъ пароходовъ.

На Валаамъ артисты прибыли за часъ или за полтора ранѣе прихода эскадры митрополита. Надъ артистами здѣсь шутили, что они, вѣроятно, пошли впередъ, чтобы извѣстить иноковъ о приближеніи именитаго гостя, или поспѣшили, чтобы занять подъ себя помѣщенія, а свиту владыки оставить безъ крова. Но въ самомъ дѣлѣ это было не такъ: артисты дѣйствительно укрывались, чтобы не стѣснять своимъ появленіемъ лицъ, положеніе и настроеніе которыхъ не могло отвѣчать ихъ положенію и ихъ настроенію. Ими не руководили никакія другія соображенія, кромѣ тонкой деликатности, столь много свойственной женщинамъ французской крови, которыхъ было много въ этой артистической компаніи, и онѣ своимъ мягкимъ вліяніемъ давали тонъ всей группѣ. Онѣ не хотѣли отказаться отъ возможности осмотрѣть Валаамъ, для чего выѣхали большою компаніей послѣ

большихъ и довольно сложныхъ сборовъ, но хотѣли сдѣлать это какъ можно незамѣтнѣе для настигшихъ ихъ внезапно попутчиковъ, и для этого какъ можно скорѣе стушеваться и, если можно, совсѣмъ скрыться съ ихъ глазъ.

На пароходѣ подъ митрополичьимъ флагомъ ими теперь тоже не занимались, потому что свѣжее впечатлѣніе, охватившее всѣхъ вчера въ началѣ плаванія, теперь уже притупѣло послѣ ночи, не совсѣмъ удобно проведенной въ коневецкихъ помѣщеніяхъ; да и притомъ, въ концѣ перехода къ Валааму, съ большою серьезностью надо было обдумать, что̀ тамъ надо посмотрѣть и что̀ приспособить на случай предвидѣнной графомъ Протасовымъ возможности посѣщенія острова государемъ.

Вообще настроеніе измѣнялось тутъ и тамъ и не располагало болѣе путешественниковъ къ шуткамъ.

На островъ они прибыли, какъ я выше сказалъ, за часъ до парохода подъ митрополичьимъ флагомъ и застали тутъ совсѣмъ неблагопріятное для нихъ положеніе: для нихъ не было ни мѣста, ни людей, которые бы имѣли время съ ними заниматься, и если артисты съѣхались съ митрополитомъ не случайно, а съ разсчетомъ видѣть островъ въ минуты торжественной встрѣчи высокаго гостя, то этотъ разсчетъ ихъ выходилъ самымъ неудачнымъ. Валаамская братія была болѣе чѣмъ когда-нибудь усиленно погружена въ дѣятельность, которую можно было замѣчать далеко съ моря. Прежде чѣмъ нога путника становилась на берегъ, онъ видѣлъ, что зеленые острова усѣяны иноками и послушниками въ ихъ бѣлыхъ холщевыхъ кафтанахъ и такихъ же колпачкахъ, и всѣ они, не покладая рукъ, «ворошили» и гребли свѣжее скошенное сѣно.

При приближеніи частнаго парохода, они было остановились, опершись на свои вилы и грабли, но точно получили издали условный, побудительный знакъ и опять продолжали работать. Но зато, когда вслѣдъ затѣмъ въ заливѣ показался митрополичій флагъ и на колокольнѣ раздался встрѣчный звонъ, всѣ эти «трудники» покидали на мѣстѣ

свои вилы и грабли и, бросивъ недокопненное сѣно въ валахъ, бросились бѣгомъ къ пристани, опережая другъ друга, чтобы принять благословеніе и поцѣловать руку любимаго архипастыря.

Увидавъ эту картину — сбѣгающихъ съ горъ иноковъ, артисты, остававшіеся до сихъ поръ безпристанными, поняли, что имъ тутъ и ждать нечего, и, какъ не въ пору пришедшіе гости, они ушли въ дальнія части лѣсистаго острова и, пробродивши ночь, уѣхали на другое утро рано, когда братія еще молилась за заутренею въ храмѣ.

Впрочемъ, когда и какъ отплыли артисты, на это не обращали вниманія и объ этомъ и не говорили, потому что у каждаго было много дѣла, а къ тому же еще случился обратившій на себя вниманіе необыкновенный случай: недокопненное вчера вечеромъ сѣно было такъ и брошено въ рядяхъ на ночь, но утромъ оно оказалось все сгребено и сметано въ копны...

Это было на виду у всѣхъ; никакой фальши или сомнѣнія тутъ быть не могло: уснули—сѣно оставалось въ валахъ, а когда встали—сѣно было въ копнахъ...

Мало того, два брата-трудника, «производившіе смолу» или гнавшіе деготь изъ бересты (работа которыхъ не могла быть прервана), робко и нерѣшительно разсказывали, что они, не спавши свѣтлою ночью, видѣли, какъ изъ лѣса вышли нѣкіе «легкіе естествомъ и препоясанные воздушнаго круга сѣножати и начали метать сѣно». А братья-трудники, увидѣвъ таинственныхъ сѣножатей, отвернулись. Они не знали, какъ имъ отнестись къ появленію тѣхъ сѣножатей, а когда настало утро, они увидѣли, что появленіе это было не призракъ, потому что сѣно оказалось убрано и сметано въ копны.

И вотъ всѣ пошли, всѣ посмотрѣли, и всѣ удивлялись: сѣно было въ копнахъ...

Иноки крестились и отходили. Разсказъ двухъ братій-трудниковъ о «сѣножатѣхъ» передавался изъ устъ въ уста и дошелъ до митрополита...

Высокопреосвященный Никанор выслушал объ этомъ чудесномъ событіи и улыбнулся. Повидимому, занятый настоящими цѣлями своего пріѣзда, онъ нерасположенъ былъ придавать особеннаго значенія происшествію съ сѣномъ, но нѣкто изъ «птенцовъ Андрея», много писавшій подъ диктовку своего учителя *), изложилъ въ тонѣ своего учителя и представилъ митрополиту проектъ записи «дивнаго событія о сѣножатѣхъ...»

Владыка отвергъ эту литературу, а когда другіе, желавшіе поддержать «птенца», попробовали представить соображенія, что событіе о «сѣножатѣхъ» не малозначуще, и что оно, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ значеніемъ, какое имѣетъ посѣщеніе острова митрополитомъ, то преосвященный разсердился.

Запись «о сѣножатѣхъ», сдѣланная птенцомъ муравьевскаго гнѣзда, такъ и осталась безъ санкціи владыки и никуда не могла быть занесена, а только списана «для себя» тѣми, которыхъ разсказанное таинственное событіе особенно поражало и которымъ описаніе, сдѣланное ему муравьевскимъ слогомъ, особенно нравилось.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Къ тому же, какъ пріѣздъ митрополита былъ легокъ и веселъ, такъ возвращеніе его вышло неблагопріятно. Онъ распредѣлилъ свое время, когда ему угодно было вер-

*) Андрей Николаевичъ Муравьевъ имѣлъ очень дурной почеркъ и остерегался своихъ неладовъ съ русскою орѳографіею, а потому онъ не любилъ писать собственною рукою. Онъ обыкновенно диктовалъ свои сочиненія которому-нибудь изъ «птенцовъ», назначавшихся по каждому случаю въ должность «генеральнаго писаря». Для полученія болѣе широкаго и сильнаго вдохновенія, Муравьевъ во время диктовокъ надѣвалъ на себя, поверхъ полукафтанья съ запонами, широкій бедуинскій плащъ и диктовалъ, ходя скоро по комнатѣ, чтобы плащъ на немъ вѣялся какъ будто отъ вѣтра въ пустынѣ. Такъ настраивался онъ «закидывая за себя Шатобріана», или «метая горящіе угли на головы» малопочтительныхъ къ нему людей.

нуться, и въ тотъ самый день, когда хотѣлъ, тогда и отплылъ. А между тѣмъ на зарѣ, передъ восходомъ солнца, въ этотъ день по водѣ озера, щурясь, мигали, то расширяясь, то суживаясь, маленькіе кружочки. Это называютъ, будто «котъ плакавъ», и считаютъ за предвѣстіе къ бурѣ; и въ самомъ дѣлѣ поднялась буря, пошла бросать пароходъ, и пришлось убрать поскорѣе флаги... На пароходѣ появилось много больныхъ, и не было того, кто бы могъ приготовить трапезу, потому что о. Сергій, чухонецъ, лежалъ пластомъ на палубѣ блѣдный, какъ мѣлъ, и вопіялъ:

— Ой, моя мартонька!.. Вынимайте скорѣе съ меня мою дусаньку.

Отецъ Викторъ стоялъ надъ нимъ и уговаривалъ:

— Подожди умирать,—ты человѣкъ нужный.

Отецъ Аввакумъ былъ непоколебимъ, и то по особой причинѣ.

Такъ пріѣхали въ Петербургъ всѣ не въ авантажѣ и прежде чѣмъ передавать о томъ, что и какъ учредили на Валаамѣ,—всѣ поспѣшили искать покоя и отдыха. Только одни строго-дисциплинированные «птенцы Андрея», ни минуты не упуская, явились донести ему о всемъ происшедшемъ и, конечно, изложили притомъ и исторію «о сѣножатѣхъ».

Андрею Николаевичу не понравилось, что этакое достопримѣчательное событіе могло произойти въ его небытность.

Непосредственную связь между пріѣздомъ на островъ высокопреосвященнаго Никанора и появленіемъ «сѣножатей» Андрей Николаевичъ отвергалъ.

По его мнѣнію, событіе могло быть всегда, но оно дѣйствительно заслуживаетъ вниманія и изслѣдованія, а не этакой «пусторамашки».

Изъ этого былъ выводъ тотъ, что при митрополитѣ не было надлежащихъ людей, которые бы знали, что надо дѣ-

лать, и—главное—которые сумѣли бы «безстрашно настоять на томъ, что должно».

— Завтра я ему противъ этого пропишу,—рѣшилъ Андрей Николаевичъ, и назначилъ себѣ на случай сего писанія завтра «дежурнаго генеральнаго писаря».

Въ назначенный день и часъ писарь сидѣлъ на мѣстѣ и выводилъ быстролетнымъ перомъ, что изрекалъ, быстролетая въ своемъ бедуинскомъ плащѣ, Муравьевъ.

Смыслъ писанья былъ тотъ, «что нельзя отрицать...» что «испытывать надо»; но тутъ вдругъ совсѣмъ некстати доложили, что пришелъ актеръ Мартыновъ и непремѣнно проситъ его принять.

Андрей Николаевичъ изумился и пошутилъ:

— Святъ, святъ, святъ! Зачѣмъ ко мнѣ «Филатка и Мирошка»? Не ошибся ли онъ дверью?

— Никакъ нѣтъ, — онъ къ вамъ, ваше превосходительство.

— Часъ-отъ-часу не легче! Но кое же общеніе тьмѣ со свѣтомъ? Впустите его.

Впустили.

Иванъ Евстафьевичъ вошелъ и удивилъ еще болѣе, объявивъ Муравьеву, что онъ желаетъ говорить съ нимъ съ глазу-на-глазъ и не можетъ говорить при постороннемъ.

— Но это мой близкій человѣкъ,—отвѣчалъ Муравьевъ, указывая на секретаря.

— Все равно, я не могу ни при комъ.

Муравьевъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Выйди на минутку.

А когда тотъ выходилъ, онъ добавилъ:

— Не вздумалъ ли онъ и здѣсь разыграть своего «Филатку и Мирошку»?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Но игры не было. Набожный, какъ большинство русскихъ актеровъ, Мартыновъ пришелъ къ Муравьеву съ испугомъ и за самымъ серьезнымъ содѣйствіемъ.

Утромъ на репетиціи онъ слышалъ отъ Максимова о бывшемъ на Валаамѣ «чудѣ о сѣножатѣхъ», которому будто Муравьевъ желаетъ составить описаніе, какъ предвѣщательному къ войнѣ событію,—ибо были будто тѣ сѣножати не люди, но духи, а между тѣмъ...

Мартыновъ остановился.

Муравьевъ его поддержалъ:

— Договаривайте—я Муравьевъ.

— Извольте,—заключилъ Мартыновъ,—я договорю: здѣсь ничего худого нѣтъ и никакого дурного умысла не было, а сѣно убрали мы.

— Какъ это вы?

— Мы, наша компанія,—артистки и артисты... Мы ходили, бродили по острову въ ожиданіи дня... пришли на мѣсто, гдѣ оставалось сѣно и вилы и грабли... Одна французская актриса взяла грабли и говоритъ: «давайте, уберемъ за этихъ бѣдныхъ старичковъ», и всѣ стали гресть и копнить, и скопнили. Но теперь мнѣ—какъ православному — это очень непріятно, и я пришелъ просить васъ разъяснить это кому нужно и не допустить до ложныхъ толкованій.

— Благодарю,—произнесъ Муравьевъ и снисходительно протянулъ Мартынову руку, а бумагу, написанную ранѣе подъ диктовку, разорвалъ и поѣхалъ въ лавру, гдѣ Аввакумъ видѣлъ его при вхожденіи и при выхожденіи отъ митрополита «въ позѣ громадной».

Онъ одержалъ верхъ надъ всѣми своими недоброжелателями и показалъ, что такихъ людей, какъ онъ, нельзя манкировать, потому что до нихъ и отовсюду и всѣми путями доходятъ обо всемъ извѣстія.

И Аввакумъ, и Викторъ, и Ласскій съ Навроцкимъ должны были уступить и помолчать.

Это было лѣтомъ въ поздній сѣнокосъ 1852 года, и сочтено было за «предвѣстіе войны», которой нигдѣ не было на горизонтѣ.

Андрей Николаевичъ очень эффектно разрушилъ это предсказаніе. Но *не прошло года*, какъ въ маѣ 1853 года возникъ офиціально вопросъ о «святыхъ мѣстахъ», и въ Константинополь былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ князь Меншиковъ, а 14-го іюня послѣдовалъ высочайшій манифестъ, которымъ повелѣвалось нашимъ войскамъ занять Дунайскія княжества «съ миролюбивыми цѣлями»...

Муравьевъ вспомнилъ все это въ нѣкоторомъ разговорѣ въ Кіевѣ, и сказалъ:

— Да, вотъ вамъ и разбирайте теперь — было ли это предвѣщательное «событіе о сѣножатѣхъ«, а война была.

———.

АЛЕКСАНДРИТЪ.

Натуральный фактъ въ мистическомъ освѣщеніи.

Въ каждомъ изъ насъ, окруженномъ міровыми тайнами, существуетъ склонность къ мистицизму, и одни изъ насъ, при извѣстномъ настроеніи, находятъ сокровенныя тайны тамъ, гдѣ другіе, кружась въ водоворотѣ жизни, находятъ все яснымъ. Каждый листикъ, каждый кристаллъ напоминаетъ намъ о существованіи въ насъ самихъ таинственной лабораторіи.

Н. Пироговъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я позволю себѣ сдѣлать маленькое сообщеніе объ одномъ причудливомъ кристаллѣ, открытіе котораго въ нѣдрахъ русскихъ горъ связано съ воспоминаніемъ объ усопшемъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ. Долѣ идетъ о красивомъ густо-зеленомъ драгоцѣнномъ камнѣ, который получилъ названіе «александритъ» въ честь покойнаго императора.

Поводомъ къ усвоенію этого имени названному минералу послужило то, что камень впервые найденъ 17 апрѣля 1834 г., въ день совершеннолѣтія государя Александра II. Мѣстонахожденіемъ александрита были уральскія изумрудныя копи, находящіяся въ восьмидесяти пяти верстахъ отъ Екатеринбурга по рѣчкѣ Токовой, впадающей въ Большую-

Ревть. Названіе «александритъ» далъ камню извѣстный финляндскій ученый минералогъ Норденшильдъ, именно потому, что камень найденъ имъ, г-мъ Норденшильдомъ, въ день совершеннолѣтія покойнаго государя. Сказанной причины, я думаю, достаточно, чтобы никакой другой не разыскивать.

Какъ Норденшильдъ назвалъ вновь найденный кристаллъ «камнемъ Александра», такъ онъ и именуется по сіе время. Что же касается до свойствъ его природы, то о нихъ извѣстно слѣдующее:

«Александритъ» (Alexandrit, Chrisoberil Cymophone) есть видоизмѣненіе уральскаго хризоберила. Это минералъ драгоцѣнный. Цвѣтъ александрита — *темно-зеленый*, довольно сходный съ цвѣтомъ темнаго изумруда. При искусственномъ освѣщеніи камень этотъ теряетъ свою зеленую окраску и *переходитъ въ малиновый цвѣтъ*».

«Самые лучшіе кристаллы александрита были найдены на глубинѣ трехъ сажень въ Красноболотскомъ пріискѣ. Вставки изъ александрита очень рѣдки, а безукоризненно хорошіе кристаллы составляютъ величайшую рѣдкость и не превышаютъ вѣсомъ одного карата *). Вслѣдствіе этого александритъ въ продажѣ не только весьма рѣдокъ, но даже нѣкоторые ювелиры знаютъ о немъ только по-наслышкѣ. Онъ почитается камнемъ Александра Второго».

Свѣдѣніе это я выписалъ изъ книги Мих. Ив. Пыляева, изданной с.-петербургскимъ минералогическимъ обществомъ въ 1877 г. подъ названіемъ: «Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе».

Къ тому, что выписано изъ сочиненія г. Пыляева о мѣстонахожденіи александрита, надо прибавить, что рѣдкость этого камня еще болѣе увеличилась отъ двухъ причинъ: 1) отъ укоренившагося между искателями камней повѣрья, что гдѣ обозначился александритъ, тамъ уже на-

---

*) *Каратъ* собственно считается равнымъ тяжестью одному зерну сладкаго рожка, или около 4 гранъ.

прасно искать изумруда и 2) отъ того, что копи, гдѣ доставали лучшіе экземпляры камня Александра II,—*залило водою* прорвавшейся рѣки.

Такимъ образомъ прошу замѣтить, что александритъ очень рѣдко можно встрѣтить у ювелировъ русскихъ, а иностранные ювелиры и гранильщики, какъ говоритъ М. И. Пыляевъ, «знаютъ о немъ только *по-наслышкѣ*».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣ трагической и великоскорбной кончины усопшаго государя, при которомъ прошли теплые, весенніе дни людей нашей поры, многіе изъ насъ, по довольно распространенному въ человѣческомъ обществѣ обычаю, желали имѣть о дорогомъ покойникѣ какія кто могъ вещественныя «памятки». Для этого разными чтителями покойнаго государя избирались разнообразныя вещи, впрочемъ преимущественно такія, которыя бы можно имѣть всегда при себѣ.

Одни пріобрѣли миніатюрные портреты покойнаго государя и вдѣлывали ихъ въ свои бумажники или часовые медальоны, другіе вырѣзывали на завѣтныхъ вещахъ день его рожденія и день его кончины; третьи дѣлали еще что-нибудь въ этомъ родѣ: а немногіе—кому позволяли средства и кому представился случай — пріобрѣтали вставки изъ камня Александра Второго. Изъ нихъ или съ ними устраивали перстни, чтобы носить и не снимать эту памятку съ руки.

Перстни съ александритомъ были изъ самыхъ любимыхъ и притомъ изъ самыхъ рѣдкихъ и, можетъ-быть, изъ самыхъ характерныхъ памятокъ, и кто добылъ для себя таковую, тотъ уже съ нею не разставался.

Колецъ съ александритомъ, однако, никогда не было много, ибо, какъ справедливо сказано у г. Пыляева, хорошія вставки изъ александрита и рѣдки, и дороги. А потому на первыхъ порахъ были люди, которые прилагали чрезвычайно большія усилія, чтобы отыскать александритъ,

и часто не находили его ни за какія деньги. Разсказывали, будто это усиленное требованіе даже вызвало опыты поддѣлывать александритъ, но поддѣлывать этотъ оригинальный камень оказалось невозможнымъ. Всякая поддѣлка непремѣнно должна обнаружиться, такъ какъ «камень Александра Второго» обладаетъ дихроизмомъ или свѣтоперемѣнностію. Опять прошу помнить, что александритъ при дневномъ свѣтѣ *зеленъ*, а при вечернемъ освѣщеніи онъ — *красенъ*.

Этого достичь никакимъ искусственнымъ сплавомъ нельзя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мнѣ досталось кольцо съ александритомъ, шедшее съ руки одного изъ незабвенныхъ людей царствованія Александра Второго.

Я пріобрѣлъ перстень самымъ простымъ способомъ—покупкою, послѣ смерти того, кто носилъ эту вещь. Перстень перешелъ черезъ руки рыночнаго торговца и достался мнѣ. Онъ былъ мнѣ впору, и я какъ надѣлъ его на руку, такъ съ нимъ и остался.

Кольцо было сдѣлано довольно затѣйно и идейно—съ символизмомъ: камень покойнаго государя Александра Второго сидѣлъ не одинъ, а его окружали два, чистой воды, брильянта. Они долженствовали представлять здѣсь собою два блестящія дѣла прошедшаго царствованія—освобожденіе крестьянъ и учрежденіе лучшаго судопроизводства, которое смѣнило старую «черную неправду».

Хорошій густоцвѣтный александритъ немного менѣе карата, а брильянты каждый только по полукарату. Это опять, очевидно, съ тѣмъ, чтобы брильянты, изображающіе дѣла, не закрывали собою главнаго скромнаго камня, который долженъ напоминать самое лицо благороднаго дѣятеля. Все это вдѣлано въ чистое, гладкое золото, безъ всякой пестроты и украшеній, какъ дѣлаютъ англичане,—чтобы перстень былъ дорогимъ воспоминаніемъ, но чтобы отъ него «деньгами не пахло».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лѣтомъ 1884 года мнѣ привелось быть въ Чехахъ. Имѣя безпокойную склонность увлекаться разными отраслями искусства, я тамъ нѣсколько заинтересовался мѣстными ювелирными и гранильными работами.

Цвѣтныхъ камней въ чешскихъ земляхъ не мало, но всѣ они невысокаго достоинства и вообще много уступаютъ цейлонскимъ и нашимъ сибирскимъ. Исключеніе составляетъ одинъ *чешскій пиропъ*, или «огненный гранатъ», добываемый на «сухихъ поляхъ» Мероница. Лучше его нѣтъ нигдѣ граната.

У насъ пиропъ былъ когда-то въ почетѣ и встарину высоко цѣнился, но теперь хорошаго крупнаго чешскаго пиропа въ Россіи почти невозможно найти ни у одного ювелира. Многіе изъ нихъ не имѣютъ о немъ и понятія. У насъ нынче встрѣчается въ дешевыхъ ювелирныхъ вещахъ или мутный, темный тирольскій гранатъ, или «гранатъ водяникъ», но крупнаго огненнаго пиропа съ «сухихъ полей» Мероница нѣтъ. Всѣ лучшіе старинные экземпляры этого прекраснаго, густоцвѣтнаго камня, ограненные, большею частію, мелкогранною крейцъ-розетою, скуплены по ничтожнымъ цѣнамъ иностранцами и вывезены за границу, а вновь находимые въ Чехіи хорошіе пиропы прямо идутъ въ Англію или въ Америку. Тамъ вкусы устойчивѣе, и англичане очень любятъ и цѣнятъ этотъ прекрасный камень съ таинственнымъ огнемъ, въ немъ заключеннымъ («огонь въ крови»—«Feuer in Blut»). Англичане и американцы, впрочемъ, вообще любятъ характерные камни, какъ, напримѣръ, пиропъ или какъ «лунный камень», который при всякомъ освѣщеніи отливаетъ только однимъ своимъ *луннымъ* свѣтомъ. Въ ихъ маленькой, но очень полезной брошюркѣ «Правила вѣжливости и приличій», есть даже указаніе на эти камни, какъ на болѣе достойные вкуса истиннаго джентльмена. О брильянтахъ тамъ сказано, что ихъ «можетъ но-

сить всякій, у кого есть деньги». Въ Россіи на это другой взглядъ: ни символики, ни красоты, ни загадочности удивительныхъ цвѣтовъ камня у насъ нынче не уважаютъ и «запаха денегъ» скрывать не желаютъ. У насъ, напротивъ, цѣнятъ только то, «что принимается въ ломбардъ». Оттого такъ называемые любительскіе камни и не идутъ къ намъ, и они нашимъ нынѣшнимъ охотникамъ до драгоцѣнностей неизвѣстны. Имъ даже, можетъ быть, показалось бы удивительно и невѣроятно, что прелестный экземпляръ огненнаго граната считается однимъ изъ лучшихъ украшеній австрійской короны и стоитъ ужасной цѣны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ѣдучи за границу, я, между прочимъ, имѣлъ порученіе отъ одного петербургскаго пріятеля привезти ему изъ Богеміи два лучшіе граната, какіе только можно будетъ найти у чеховъ.

Я и отыскалъ два камня изрядной величины и хорошаго цвѣта; но одинъ изъ нихъ, наиболѣе пріятный по своему тону, къ досадѣ моей, былъ испорченъ очень несовершенной, грубой огранкой. Онъ имѣлъ форму брильянта, но верхняя его площадка была какъ-то неуклюже, прямолинейно срѣзана, и оттого камень не имѣлъ ни глубины, ни блеска.

Руководившій меня въ выборѣ чехъ, однако, посовѣтовалъ мнѣ купить этотъ гранатъ и потомъ отдать его перегранить одному извѣстному мѣстному гранильщику, по имени Венцелю, котораго поводырь мой называлъ величайшимъ мастеромъ своего дѣла и притомъ большимъ оригиналомъ.

— Это артистъ, а не ремесленникъ, говорилъ чехъ, и разсказалъ мнѣ, что старый Венцель — кабалистъ и мистикъ, а также отчасти восторженный поэтъ и большой суевѣръ, но человѣкъ преоригинальный и подчасъ даже прелюбопытный.

— Вы недаромъ съ нимъ познакомитесь, говорилъ мой пріятель. —Камень для дѣдушки Венцеля представляетъ не бездушное, а одушевленное существо. Онъ чувствуетъ въ немъ отблескъ таинственной жизни горныхъ духовъ и, — прошу васъ не смѣяться, — онъ входитъ съ ними черезъ камень въ какія-то таинственныя сношенія. Иногда онъ разсказываетъ кое-что о полученныхъ откровеніяхъ, и слова его заставляютъ многихъ думать, что у бѣднаго старика уже не все исправно подъ черепомъ. Онъ уже очень старъ и капризенъ. Самъ онъ теперь рѣдко принимается за работу, работаютъ у него два его сына, но если его попросить и если ему камень понравится, то онъ его сдѣлаетъ самъ. А ужъ если онъ самъ сдѣлаетъ, то это будетъ превосходно, потому что, повторяю, самъ Венцель — великій и притомъ вдохновенный артистъ своего дѣла. Мы съ нимъ давно знакомы и вмѣстѣ пьемъ пиво у Едличка. Я его попрошу, и надѣюсь, что онъ исправитъ вамъ камень. Тогда это будетъ у васъ прекрасная покупка, которою вы какъ нельзя болѣе угодите тому, кто васъ просилъ о ней.

Я послушался и купилъ гранатъ, а затѣмъ мы тотчасъ же понесли его къ старому Венцелю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Старикъ жилъ въ одной изъ мрачныхъ, узкихъ и тѣсно застроенныхъ улицъ жидовскаго предмѣстья, недалеко отъ извѣстной исторической синагоги.

Гранильщикъ былъ высокій, худой старикъ, немного сгорбленный, съ совершенно бѣлыми длинными волосами и съ быстрыми карими глазами, взглядъ которыхъ выражалъ большую сосредоточенность съ оттѣнкомъ чего-то такого, что замѣчается у больныхъ людей, одержимыхъ горделивымъ помѣшательствомъ. Согнутый въ хребтѣ, онъ держалъ голову вверхъ и смотрѣлъ какъ король. Актеръ, глядя на Венцеля, могъ бы превосходно загримироваться Лиромъ.

Венцель осмотрѣлъ купленный мною пиропъ и кивнулъ

головою. По этому движенію и по выраженію лица старика надлежало понять, что онъ нашелъ камень хорошимъ, но, кромѣ того, старый Венцель повелъ дѣло такъ, что съ этой же первой минуты, хотя все шло у насъ о пиропѣ, но собственно главный интересъ для меня сосредоточился на самомъ гранильщикѣ.

Онъ долго-долго смотрѣлъ камень, чавкалъ беззубыми челюстями и одобрительно мнѣ кивалъ; потомъ мялъ пиропъ между двумя пальцами, а самъ глядѣлъ прямо и остро въ глаза мнѣ и морщился, морщился, точно съѣлъ зеленую скорлупу орѣха, и вдругъ объявилъ:

— Да, это *онъ*.

— Хорошій пиропъ?

Вмѣсто прямого отвѣта Венцель проговорилъ, что онъ этотъ камень «давно знаетъ».

Я очень удачно могъ вообразить себя передъ Лиромъ и отвѣчалъ:

— Я этимъ безмѣрно счастливъ, господинъ Венцель.

Почтительность моя старику понравилась, и онъ показалъ мнѣ мѣсто на скамейкѣ, а затѣмъ самъ подошелъ ко мнѣ такъ, что прижалъ своими колѣнами мои колѣна, и заговорилъ:

— Мы съ нимъ знакомы давно... Я видѣлъ его еще на его родинѣ, на сухихъ поляхъ Мероница. Онъ тогда былъ въ своей первозданной простотѣ, но я его чувствовалъ... И кто могъ мнѣ сказать, что его постигнетъ его ужасная участь? О, вы можете видѣть по немъ, какъ духи горъ предусмотрительны и зорки! Его купилъ разбойникъ - швабъ и швабу далъ его гранить. Швабъ можетъ хорошо продавать камень, потому что онъ имѣетъ каменное сердце; но гранить швабъ не можетъ. Швабъ насильникъ, онъ все хочетъ по-своему. Онъ не совѣтуется съ камнемъ — чѣмъ тотъ можетъ-быть, да чешскій пиропъ и гордъ для того, чтобы отвѣчать швабу. Нѣтъ, онъ разговаривать съ швабомъ не станетъ. Нѣтъ, въ немъ и въ чехѣ одинъ духъ. Швабъ изъ него не сдѣлаетъ того, что ему вздумается.

Вотъ они захотѣли сдѣлать его крейцъ-розетою, вы это видите (я ничего не видѣлъ), но онъ имъ на это не дался. О да — онъ пиропъ! онъ схитрилъ, онъ лучше позволилъ имъ, чтобы швабы ему отрѣзали голову, и они ему ее отрѣзали.

— Ну да, перебилъ я: — значитъ, онъ погибъ.

— Погибъ! отчего?

— Вы сами сказали, что у него отрѣзали голову.

Дѣдушка Венцель сожалительно улыбнулся:

— Голова! Да, голова — важная штука, господинъ, но духъ... духъ еще важнѣе головы. Мало ли головъ отрѣзали чехамъ, а они всѣ живы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, когда попалъ варвару въ руки. Поступи швабъ такимъ подлымъ образомъ съ какимъ-нибудь животнымъ, съ какимъ-нибудь жемчугомъ или съ какимъ-нибудь «кошачьимъ глазомъ», который нынче пошелъ въ моду, — и отъ нихъ не осталось бы ничего. Изъ нихъ вышла бы какая-нибудь пошлая пуговица, которую осталось бы только выбросить. Но чехъ не таковъ, его не скоро столчешь въ швабской ступѣ! У пироца закаленная кровь... Онъ зналъ, что̀ ему надо дѣлать. Онъ притворился, какъ чехъ подъ швабомъ, онъ отдалъ свою голову, а свой огонь спряталъ въ сердцѣ... Да, господинъ, да! Вы огня не видите? Нѣтъ! А я его вижу: вонъ онъ густой, неугасимый огонь чешской горы... Онъ живъ и... — вы его извините, господинъ — онъ надъ вами смѣется.

Старый Венцель самъ засмѣялся и закачалъ головою.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я стоялъ передъ этимъ старикомъ, который держалъ въ рукѣ мой камешекъ, и рѣшительно не зналъ, что̀ ему отвѣчать на его капризныя и малопонятныя рѣчи. И онъ, кажется, понялъ мои затрудненія: онъ взялъ меня за руку, а другою захватилъ концами пинцета пиропъ, поднялъ его въ двухъ пальцахъ вверхъ передъ своимъ лицомъ и продолжалъ повышеннымъ тономъ:

— Онъ самъ чешскій князь, онъ первозданный рыцарь Мероница! Онъ зналъ, какъ уйти отъ невѣждъ: онъ у нихъ на глазахъ переодѣлся трубочистомъ. Да, да, я видѣлъ его; я видѣлъ, какъ барышникъ-жидъ возилъ его въ своемъ карманѣ, барышникъ и выбиралъ по немъ другіе камни *). Но онъ не для того горѣлъ на первозданномъ огнѣ, чтобы тереться уродомъ въ кожаной мошнѣ барышника. Ему надоѣло ходить трубочистомъ, и онъ пришелъ ко мнѣ за свѣтлой одеждой. О! мы понимаемъ другъ друга, и принцъ Мероницкихъ горъ явится принцемъ. Оставьте его у меня, господинъ. Мы съ нимъ поживемъ, мы съ нимъ посовѣтуемся— и принцъ будетъ принцемъ.

Съ этимъ Венцель довольно непочтительно кивнулъ мнѣ головою и еще непочтительнѣе бросилъ первозданнаго рыцаря на очень грязную, засиженную мухами тарелку, на которой валялось нѣсколько совершенно схожихъ на видъ гранатовъ.

Мнѣ это не понравилось, и я даже просто побоялся, что мой пиропъ перемѣшается съ другими худшими.

Венцель это замѣтилъ и наморщилъ лобъ.

— Постойте! — сказалъ онъ и, смѣшавъ рукою всѣ гранаты въ тарелкѣ, неожиданно бросилъ ихъ всѣ въ мою шляпу, а потомъ потрясъ ее и, опустивъ въ нее, не глядя, свою руку, какъ разъ вынулъ «трубочиста».

— Хотите это сто разъ повторить или довольно, довольно одного раза?

Онъ чувствовалъ и различалъ камень по плотности.

— Довольно,—отвѣчалъ я.

---

*) Если долго пересматривать однородные цвѣтные камни, то «глазъ притупляется» и теряетъ способность отличать лучшіе цвѣта отъ худшихъ. Чтобы возстановить эту способность, скупщики камней имѣютъ при себѣ *регуляторъ*, т. е. такой камень, цвѣтъ котораго имъ извѣстенъ своимъ достоинствомъ. Сличая съ нимъ чужой камень, покупщикъ сейчасъ же видитъ разницу въ его оцвѣченіи и можетъ правильно судить о его достоинствѣ.

Венцель опять бросилъ камень въ тарелку и еще горделивѣе кивнулъ головою.

Мы на этомъ разстались.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Во всѣхъ словахъ и въ самой фигурѣ стараго гранильщика было столько прихотливаго и особеннаго, что его трудно было считать нормальнымъ человѣкомъ, и во всякомъ случаѣ отъ него вѣяло сагой.

— Вотъ, — думалось мнѣ,—если бы такого оригинальнаго знатока камней повстрѣчалъ въ свое время такой великій любитель самоцвѣтныхъ лаловъ, какъ Иванъ Грозный! Вотъ бы съ кѣмъ онъ всласть поговорилъ и можетъ-быть самъ бы его затравилъ самымъ лучшимъ медвѣдемъ! Теперь Венцель уже не ко времени птица и не къ масти козырь. Въ любомъ ломбардѣ сидятъ знатоки, которые навѣрное должны относиться къ нему по крайней мѣрѣ съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ онъ къ нимъ относится. Что онъ мнѣ наговорилъ о какомъ-то двадцатирублевомъ камнѣ!.. Чешскій принцъ, первозданный князь, и потомъ самъ швырнулъ его на грязную тарелку...

Нѣтъ,—онъ сумасшедшій.

А Венцель, какъ на зло, не выходилъ у меня изъ головы, да и только. Даже онъ сталъ мнѣ сниться. Мы съ нимъ все лазили по Мероницкимъ горамъ и чего-то скрывались отъ швабовъ. Поля были не только сухи, но жарки, и Венцель то здѣсь, то тамъ припадалъ къ землѣ, прикладывалъ ладони къ пыльному щебню и шепталъ мнѣ: «Пробуй! пробуй, какъ горячо!.. Какъ *они* тамъ пылаютъ! Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ такихъ камней!»

И подъ напіемъ всего этого купленный мною гранатъ въ самомъ дѣлѣ сталъ мнѣ казаться чѣмъ-то оживленнымъ «отъ первозданныхъ огней». Чуть я оставался одинъ, мнѣ тотчасъ начинали припоминаться въ дѣтствѣ читанное путешествіе Марко Поло и родныя сказанья новгородцевъ «о

камняхъ драгихъ, ко многимъ дѣламъ угодныхъ». Вспомнилось, какъ бывало читаешь и удивляешься, что «гранатъ веселитъ сердце человѣческое и кручину отдаляетъ и кто его при себѣ носитъ, у того рѣчь и смыслъ исправляетъ и къ людямъ прилюбляетъ». Позже все это потеряло значеніе,—на всѣ эти сказанія мы стали смотрѣть какъ на пустое суевѣріе, стали сомнѣваться, что «алмазъ смягчить можно, помочивъ его въ крови козлей», что алмазъ «лихіе сны отгоняетъ», а если къ носящему его «окормъ приблизить, то онъ потѣти зачнетъ»; что «яхонтъ сердце крѣпитъ, лалъ счастье множитъ, лазорь болѣзни унимаетъ, изумрудъ очи уздоровляетъ; бирюза отъ паденія съ коня бережетъ, бечетъ нехорошую мысль отжигаетъ, тумпазъ кипѣніе воды прекращаетъ, агатъ непорочность дѣвицъ бережетъ, а безоаръ-камень всякій ядъ погашаетъ». А вотъ попался старикъ съ густымъ бредомъ, и я самъ съ нимъ снова готовъ бредить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Спишь, а все это снится... И какъ славно, какъ это все густо, и жизненно, хотя и знаешь, что это вздоръ. Не вздоръ—это то, что знаетъ оцѣнщикъ камней въ ломбардѣ. О да, то не вздоръ. То оцѣнка... то фактъ...

Да, но вѣдь и это было въ свое время фактомъ... Вѣдь патріархъ Никонъ фактъ писалъ царю Алексѣю, когда жаловался на своихъ лиходѣевъ. Совсѣмъ хотѣли его извести и злымъ окормомъ его на-смерть окормили, да былъ патріархъ запасливъ—онъ при себѣ «безуй-камень» имѣлъ и «*безуемъ отсосался*». Долго онъ лизалъ безуй-камень, который былъ у него въ напалкѣ вправленъ, но за то ему помоглося, а лиходѣи его пострадали. Правда, что все это было встарину, когда и камни въ нѣдрахъ земли, и планеты въ выси небесной—всѣ были озабочены судьбой человѣка, а не нынче, когда и въ небесахъ горѣ, и подъ землею—все охладѣло къ судьбѣ сыновъ человѣческихъ и нѣсть имъ оттуда ни гласа, ни послушанія. Всѣ вновь от-

крытыя планеты уже не получили никакихъ должностей для гороскоповъ; много есть и новыхъ камней, и всѣ они смѣрены, свѣшены, сравнены по удѣльной тяжести и плотности и затѣмъ ничего они не вѣщаютъ, ни отъ чего не пользуютъ. Прошелъ ихъ чередъ говорить съ человѣкомъ, и они теперь тоже, что «витія многовѣщанные», которые сдѣлались «яко рыбы безгласныя». И старый Венцель, конечно, дуритъ, повторяя какія-нибудь старыя сказки, которыя у него перепутались въ ослабѣвшемъ мозгу.

Но какъ же онъ меня мучилъ, этотъ сумасбродный старикъ! Сколько разъ я заходилъ къ нему, а мой пиронъ не только былъ еще не готовъ, но Венцель за него даже и не принимался. Мой «первозданный принцъ» валялся «трубочистомъ» на тарелкѣ, въ самомъ низкомъ и малодостойномъ его товариществѣ.

Если хоть каплю, но искренно суевѣрить, что въ этомъ камнѣ живетъ какой-то горный, гордый духъ, который мыслитъ и чувствуетъ, то обращаться съ нимъ такимъ непочтительнымъ образомъ тоже есть варварство.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Венцель меня уже не интересовалъ, а сердилъ. Онъ ни на что не отвѣчалъ толкомъ, и порою мнѣ въ немъ сказывался даже нахалъ. На самыя вѣжливыя мои замѣчанія, что я слишкомъ долго жду маленькаго поворота его шлифовальнаго колеса, онъ меланхолически чистилъ свои гнилые зубы и начиналъ разсуждать, что̀ за вещь *колесо* и сколько есть разнообразныхъ колесъ на свѣтѣ. Колесо при мужичьей мельницѣ, колесо въ мужичьей телѣгѣ, колесо въ вагонѣ, колесо въ легкой вѣнской коляскѣ, часовое колесо до Брегета и часовое колесо послѣ Брегета, колесо въ часахъ Дениса Блонделя и колесо въ часахъ Луи Одемара... Словомъ, чортъ знаетъ, что̀ за рацею разведетъ, а конецъ тотъ, что каретную ось легче выковать, чѣмъ огранить камень, а потому: «ждите, славянинъ».

Я потерялъ терпѣніе и попросилъ Венцеля возвратить мнѣ назадъ мой камень, какимъ онъ есть, но въ отвѣтъ на это старикъ заговорилъ ласково:

— Ну какъ это можно? зачѣмъ дѣлать такіе капризы?

Я признался, что мнѣ это надоѣло.

— Ага, отвѣчалъ Венцель, — а я думалъ, что вы уже сдѣлались шпабомъ и нарочно хотите оставить чешскаго князя трубочистомъ...

И Венцель захохоталъ, широко раскрывъ ротъ, такъ что изъ него по всей комнатѣ запахло хмѣлемъ и солодомъ.

Мнѣ показалось, что старикъ въ этотъ день выпилъ лишнюю кружку пильзенскаго пива.

Венцель даже сталъ мнѣ разсказывать какую-то глупость, — будто онъ бралъ *его* съ собою *гулять* на Виноградъ за Нуссельскіе сходы. Тамъ они будто вмѣстѣ сидѣли на сухой горѣ противъ Карлова тына, и *онъ* будто открылъ, наконецъ, ему, Венцелю, всю свою исторію «отъ первозданныхъ дней», когда еще не только не родились ни Сократъ, ни Платонъ, ни Аристотель, но не было содомскаго грѣха и содомскаго пожара, — вплоть до самаго того часа, какъ *онъ* выползъ на стѣну клопомъ и посмѣялся надъ бабой...

Венцель будто вспомнилъ что-то очень смѣшное,—снова расхохотался и опять наполнилъ комнату запахомъ солода и хмѣля.

— Довольно, дѣдушка Венцель,—я ничего не понимаю.

— Это очень странно! — замѣтилъ онъ съ недовѣріемъ и разсказалъ, что бывали случаи, когда превосходные пироны находили просто въ избяной обмазкѣ стѣнъ. Богатство камней было такъ велико, что они валялись поверхъ земли и попадали съ глиной въ штукатурку.

Венцель, вѣроятно, имѣлъ все это въ головѣ, когда сидѣлъ въ садикѣ пивницы при Нуссельскихъ сходахъ, и унесъ это съ собою на сухую гору, на которой глубоко и мирно уснулъ и видѣлъ прелюбопытный сонъ: онъ видѣлъ бѣдную чешскую избу въ горахъ Мероница, въ избушкѣ сидѣла молодая крестьянка и пряла руками козью шерсть.

а ногою качала колыбель, которая при каждомъ движеніи тихонько толкала въ стѣнку. Штукатурка тихо шелушилась и опадала пылью и... «*онъ пробудился*!» То-есть пробудился не Венцель и не дитя въ колыбели, а *онъ* — первозданный рыцарь, замазанный въ штукатурку... Онъ пробудился и выглянулъ наружу, чтобы полюбоваться лучшимъ зрѣлищемъ, какое бываетъ на свѣтѣ, — молодою матерью, которая прядетъ шерсть и качаетъ своего ребенка... Матьчешка увидала на свѣтѣ гранатъ и подумала: «вотъ клопъ», и чтобы гадкое насѣкомое не кусало ея ребенка, она ударила его со всей силы своей старою туфлей. *Онъ* выпалъ изъ глины и покатился на землю; а она увидала, что это камень, и продала его швабу за горсть гороховыхъ зеренъ. Все это было тогда, когда зерно пиропа стоило одну горсть гороха. Это было раньше, чѣмъ случилось то, что описано въ чудесахъ св. Николая, когда пиропъ проглотила рыба, которая досталась бѣдной женщинѣ, и ту обогатила эта находка...

— Дѣдушка Венцель! сказалъ я: — извините меня — вы говорите очень любопытныя вещи, но мнѣ недосужно ихъ слушать. Я послѣзавтра утромъ рано уѣду, и потому завтра приду къ вамъ въ послѣдній разъ, чтобы получить мой камень.

— Прекрасно, прекрасно! отвѣчалъ Венцель. — Приходите завтра въ сумерки, когда станутъ зажигать огни: трубочистъ встрѣтитъ васъ принцемъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я пришелъ какъ разъ въ назначенное время, когда зажгли свѣчи, и на этотъ разъ мой пиропъ дѣйствительно былъ готовъ. «Трубочистъ» въ немъ исчезъ, и камень поглощалъ и извергалъ изъ себя пуки густого, темнаго огня. Венцель на какую-то незамѣтную линію снялъ края верхней площадки пиропа, и середина его поднялась капюшономъ. Гранатъ принялъ въ себя свѣтъ и заигралъ: въ немъ

въ самомъ дѣлѣ, горѣла въ огнѣ очарованная капля несгораемой крови.

— Что? каковъ витязь?—восклицалъ Венцель.

Я поистинѣ не могъ налюбоваться пирономъ и хотѣлъ выразить Венцелю это, но, прежде чѣмъ я успѣлъ сказать хоть одно слово, мудреный старикъ выкинулъ неожиданную и престранную штуку: онъ вдругъ схватилъ меня за кольцо съ александритомъ, который теперь при огнѣ былъ красенъ, и закричалъ:

— Сыны мои! чехи! Скорѣй! Смотрите, вотъ-вотъ тотъ *вѣщій русскій камень*, о которомъ я вамъ говорилъ! Коварный сибирякъ! онъ все былъ зеленъ, какъ надежда, а къ вечеру облился кровью. Отъ первозданья онъ таковъ, но онъ все прятался, лежалъ въ землѣ и позволилъ найти себя только въ день совершеннолѣтія царя Александра, когда пошелъ его искать въ Сибирь большой колдунъ, волшебникъ, вейделота...

— Вы говорите пустяки, перебилъ я. — Этотъ камень нашелъ не волшебникъ, а ученый—Норденшильдъ!

— Колдунъ! Я говорю вамъ—колдунъ, закричалъ громко Венцель.—Смотрите, что̀ это за камень! въ немъ зеленое утро и кровавый вечеръ... Это судьба, это судьба благороднаго царя Александра!

И старый Венцель отвернулся къ стѣнѣ, оперъ голову на локоть и... заплакалъ.

Сыновья его стояли молча. Не только для нихъ, но и для меня, который такъ давно видалъ постоянно на своей рукѣ «камень Александра Второго», камень этотъ будто вдругъ исполнился глубокою вѣщей тайной, и сердце сжалось тоскою.

Какъ хотите—старикъ увидалъ и прочелъ въ камнѣ что-то такое, что въ немъ какъ будто и было, но что прежде до него никому въ глаза не бросилось.

Вотъ что̀ иногда значитъ посмотрѣть на вещь подъ необыкновеннымъ настроеніемъ фантазіи!

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

ВЪ СУМАСШЕДШЕМЪ ДОМѢ.

(Извлечено изъ бумагъ Е. В. Пеликана.)

(1858—1878.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ нынѣшнее время часто доводится слышать сильное негодованіе, если какое-нибудь изъ ряда выходящее происшествіе остается безъ скораго и удовлетворительнаго разъясненія его причинъ. Это сейчасъ же ставится въ вину порядкамъ новаго судопроизводства и еще чаще въ вину тѣмъ людямъ, которые нынче производятъ слѣдствія, и тѣмъ, которые совершаютъ судъ по законамъ императора Александра II. Думаютъ,—и такихъ людей не мало,—что ранѣе, т. е. до введенія новыхъ судовъ, дѣла будто бы шли лучше, т. е. скорѣе, строже и справедливѣе. Такое мнѣніе не только существуетъ въ темномъ простонародьѣ, но оно даже безъ стѣсненія высказывается и въ извѣстныхъ органахъ періодической печати, руководимыхъ образованными людьми. Послѣднее, въ свою очередь, раздражаетъ и сердитъ людей, сохранившихъ вѣрное воспоминаніе о прежнемъ слѣдственномъ и судебномъ процессѣ. Это раздраженіе понятно, но гнѣвъ все-таки неумѣстенъ. Напротивъ, кажется, надо радоваться, что если уже есть въ обществѣ такое странное мнѣніе, то пусть оно не таится, а находитъ себѣ свобод-

ное выраженіе въ печати. Печать лучше, чѣмъ что-либо иное, можетъ послужить свѣркѣ и оцѣнкѣ всякихъ мнѣній— какъ ошибочныхъ, такъ и обстоятельныхъ.

Однимъ изъ лучшихъ способовъ для этого служатъ сравненія, которыхъ много можно привести изъ такъ называемыхъ «памятей» о дѣлахъ «добраго стараго времени».

Разумѣю не то настоящее «старое время», какимъ почитается въ нашей исторіи до-Петровскій періодъ, а собственно время, предшествовавшее введенію судебной реформы, которое нынче часто тоже называютъ «старымъ».

Любопытные сборники Любавскаго не богаты матеріаломъ для исторіи о дѣлахъ угасшихъ. Очень можетъ быть— тамъ нѣтъ такихъ дѣлъ, потому что во время составленія сборниковъ Любавскаго никому изъ нашихъ русскихъ современниковъ еще не приходило на мысль искать идеала правосудія въ старинномъ судебномъ порядкѣ. Не предвидѣлось и того, что скоро можетъ представиться надобность доказывать несостоятельность слѣдственнаго процесса въ дореформенное время. Иначе, вѣроятно, въ уголовныхъ сборникахъ нашли бы мѣсто образцы дѣлъ неразъясненныхъ, и притомъ такіе образцы, которые способны каждаго удивить и поразить своею оригинальностію и маловѣроятностію. Такихъ дѣлъ особенно много по группѣ убійства помѣщиковъ крѣпостными людьми и обратно, и не менѣе ихъ еще, напримѣръ, по истребленію казенныхъ лѣсовъ. Въ ранней моей молодости я помню, какъ въ Орлѣ, кажется около четырнадцати лѣтъ, производилось дѣло о вырубкѣ казеннаго лѣса въ Карачевскомъ или въ Трубчевскомъ уѣздѣ. Въ этомъ преступленіи и грабежѣ казны на огромную, по-тогдашнему, сумму подозрѣвался и изобличался мѣстный лѣсничій по фамиліи Красовскій,—человѣкъ уже очень старый, набожный и постникъ, джентльменъ, съ совершенно бѣлой головою, всегда тщательно выбритый и причесанный.

Я помню, когда его водили изъ острога съ двумя часовыми мимо такъ называемаго губернаторскаго сада, гдѣ я игралъ во дни моего дѣтства.

Красовскій ходилъ съ часовыми очень спокойно, ласково улыбался знакомымъ и почему-то *благословлялъ дѣтей!..* Онъ жилъ въ орловскомъ острогѣ болѣе десяти лѣтъ, и жилъ настоящимъ тюремнымъ аборигеномъ или даже патріархомъ. Когда въ Орлѣ была впервые прочтена «Крошка Доритъ», то многіе говорили, что старый отецъ маленькой Доритъ, живущій въ тюрьмѣ и тамъ лицемѣрствующій, точно будто списанъ Диккенсомъ съ орловскаго острожнаго патріарха—Красовскаго.

Красовскій, такъ же какъ и герой Диккенса, получилъ вѣсъ и значеніе въ тюрьмѣ; онъ славился своимъ благочестіемъ и скупостію; имѣлъ нравственное вліяніе на заключенныхъ и на охранителей, и довелъ двухъ прислуживавшихъ ему арестантовъ изъ простонародья до того, что они сдѣлали покушеніе задушить его за скупость, и за то наказаны плетьми и сосланы въ каторгу.

Такъ изъ-за Красовскаго, во время его долголѣтней жизни въ орловскомъ острогѣ, возникали новыя дѣла, а его собственное дѣло объ истребленіи ввѣренныхъ ему казенныхъ лѣсовъ все тянулось. На немъ, такъ сказать, воспитывались цѣлыя поколѣнія палатскихъ юристовъ (выписку изъ него при представленіи въ сенатъ дѣлалъ сынъ слѣдователя, начавшаго слѣдствіе), и за всѣмъ тѣмъ хищническое дѣло это такъ и осталось нераскрытымъ. Кто срубилъ тысячи десятинъ казеннаго лѣса и куда ушли деньги, за нихъ вырученныя,—это такъ и не обнаружено. Красовскій притворялся бѣднымъ, или въ самомъ дѣлѣ ничего не имѣлъ,—это такъ и не открыто. Только онъ никому никакихъ взятокъ не платилъ и въ острогѣ промышлялъ ростовщичествомъ, давая подъ залоги отъ двугривеннаго до рубля изъ десяти процентовъ въ недѣлю. За это его и хотѣли задушить. Наконецъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго содержанія въ тюрьмѣ Красовскаго выпустили, но онъ еще не хотѣлъ идти изъ тюрьмы, говорилъ, что ему негдѣ жить и нечѣмъ жить. Такъ онъ «прижился въ тюрьмѣ» и такъ мало значила въ его глазахъ драгоцѣнная каждому живущему свобода.

Въ Орлѣ, назадъ тому сорокъ лѣтъ, всѣ отъ мала до велика были поражены, что столь всѣмъ очевидное преступленіе Красовскаго не раскрылось. Но это такъ и кончено.

Однако, не станемъ удивляться и на это: убійство господъ и крестьянъ, равно какъ и истребленіе лѣсовъ происходили на широкихъ пространствахъ, гдѣ не было особыхъ наблюденій и не было такъ называемой локализаціи преступленія. А встрѣчались случаи гораздо болѣе удивительные, когда дѣло совершалось, напримѣръ, въ домѣ, окруженномъ самымъ тщательнымъ присмотромъ, гдѣ все было, такъ сказать, «какъ въ горсти», а между тѣмъ уходило изъ горсти, и не могли добраться до виноватаго.

Одно изъ такихъ дѣлъ, интересныхъ не только въ судебномъ, но и въ научномъ отношеніи, представляетъ нѣкоторый воронежскій случай, замѣтки о которомъ попались мнѣ въ бумагахъ покойнаго предсѣдателя медицинскаго совѣта, Евгенія Венцеславовича Пеликана.

Вотъ это дѣло.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ шесть часовъ утра мглистаго, морознаго дня, 27 января 1853 года, на женской половинѣ сумасшедшаго дома въ Воронежѣ прозвонилъ звонокъ, «возвѣщавшій время топки печей». Таковъ былъ ежедневный порядокъ въ заведеніи во все то время, когда зданіе отапливалось печами.

Звонокъ этотъ разбудилъ въ числѣ прочихъ служительницъ одну, по имени Кирсанову, которая ночевала при умалишенныхъ въ коридорѣ между комнатами №№ 6 и 10.

Кирсанова встала и удивилась, что ее сегодня первый разъ не разбудила раньше звонка одна изъ помѣшанныхъ— молодая, крѣпкая женщина, по имени Елена Швидчикова (по фамиліи судя, вѣроятно малороссіянка).

Названная больная имѣла пироманическія наклонности и очень любила топить печи. Такъ какъ это было совершенно безвредно и притомъ облегчало трудъ служитель-

ницы, то Швидчиковой было дозволено топить печи, и она, дорожа такимъ удовольствіемъ, имѣла привычку вставать очень рано. До звонка она будила Кирсанову и помогала ей при топкѣ, но... сегодня вдругъ Швидчикова первый разъ проспала.

Служанка подивилась, однако не стала безпокоить Елену, а сама затопила всѣ печи, но потомъ подумала:

«Что же это, однако, значитъ, что Елена не встаетъ о сю пору?»

Служанкѣ пришло на мысль, не случился ли какой грѣхъ,— и не напрасно.

Когда Кирсанова вошла въ комнату, гдѣ, въ числѣ трехъ больныхъ, спала Швидчикова, она не замѣтила здѣсь ни малѣйшаго безпорядка. Все было тихо, и всѣ помѣщавшіяся здѣсь три женщины въ самомъ спокойномъ положеніи лежали, закрывшись одѣялами, на своихъ койкахъ.

Служанка подошла прямо къ своей добровольной помощницѣ, Еленѣ Швидчиковой, и сначала позвала ее по имени. Елена не откликалась. Тогда Кирсанова хотѣла ее побудить рукою, но едва лишь дотронулась до нея, какъ упала отъ страха на полъ и потеряла сознаніе.

Елена Швидчикова была мертва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Придя въ себя, перепуганная служанка вскочила на ноги и бросилась къ другой сосѣдней койкѣ, на которой спала умопомѣшанная Фіона Курдюкова (28 лѣтъ), но, къ ужасу служанки, Фіона тоже была мертва... Служанка съ страшнымъ воплемъ кинулась къ третьей больной, молодой дѣвушкѣ (18 лѣтъ), по имени Прасковьѣ Снѣгиревой, и закричала ей во весь голосъ:

— Паша! Пашенька! — встань, помоги!

Но Пашенька тоже не вставала и не трогалась, а когда Кирсанова, вся дрожа какъ листъ, коснулась рукою до тѣла этой дѣвушки, то поняла, что и здѣсь всѣ зовы на

помощь напрасны, потому что и молоденькая Паша тоже мертва...

Неожиданно, разомъ три покойницы, на трехъ сряду стоящихъ койкахъ, при сѣромъ сумракѣ январскаго утра и ходячихъ тѣняхъ отъ дрожащаго пламени только что растопленныхъ печей,—это, какъ хотите, картина, способная произвести сильное и безпокойное впечатлѣніе даже и на больничную сидѣлку.

Кирсанова бросила мертвыхъ и, не помня себя отъ перепуга, кинулась бѣжать къ надзирательницѣ, г-жѣ Азаровой.

Азарова встревожилась, — прибѣжала еще съ другими служительницами заведенія и удостовѣрилась, что всѣ три помѣшанныя, спавшія въ комнатѣ № 10, дѣйствительно недвижимы, бездыханны и холодны. Азарова и другія бывшія съ нею прислужницы, въ тревогѣ, бросились посмотрѣть — все ли благополучно въ прочихъ покояхъ, и нашли не вездѣ все въ полномъ благополучіи. А именно, когда онѣ вошли въ небольшую комнату № 6, отдѣлявшуюся отъ № 10 лѣстницею, то здѣсь опять обрѣли роковую тишину и еще двухъ новыхъ покойницъ: Прасковью Воронину и Ирину Деревенскую.

Эти женщины спали вдвоемъ въ комнатѣ № 6, каждая на своей койкѣ, и такъ обѣ и найдены мертвыми на своихъ же койкахъ, безъ малѣйшихъ знаковъ насилія, въ спальныхъ чепцахъ и одѣтыя байковыми одѣялами.

Послали за фельдшеромъ Варламомъ Ивановичемъ, чтобы онъ шелъ какъ можно скорѣе — подать какую-нибудь помощь, или — какъ нынче красиво говорятъ — «констатировать смерть». Фельдшеръ пришелъ, посмотрѣлъ и объявилъ, что никакая помощь уже невозможна, — что всѣ пять женщинъ несомнѣнно умерли.

Пять скоропостижно умершихъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины и въ строго охраняемомъ мѣстѣ... Что̀ за происшествіе!

Первое, разумѣется, что̀ могло придти въ голову при

подобномъ случаѣ, — это *угаръ*, но объ угарѣ не могло быть и рѣчи, потому что, во-первыхъ, печи въ заведеніи топились съ утра, а всѣ пять умершихъ легли спать вечеромъ здоровыми, да во-вторыхъ же — другія больныя, сосѣдки по комнатамъ тѣхъ, которыя умерли, были живы и здоровы, межъ тѣмъ какъ ихъ комнаты согрѣвались тѣми самыми печами и вообще находились вполнѣ въ одинаковыхъ атмосферныхъ условіяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надзирательница и фельдшеръ тотчасъ же дали знать о страшномъ и загадочномъ происшествіи смотрителю заведенія, маіору Колиньи; тотъ удостовѣрился самоличнымъ видѣніемъ, что пять женщинъ умерли, и сейчасъ же донесъ объ этомъ губернатору.

Губернаторъ не медлилъ распоряженіями, и въ 11½ часовъ того же 27 января 1853 года въ сумасшедшій домъ прибыли инспекторъ врачебной палаты Шарковъ, старшій докторъ Погорскій и полиціймейстеръ города Воронежа г. Осдоровъ. Они сдѣлали осмотръ и написали актъ, изъ котораго беремъ слѣдующія подлинныя мѣста:

Первая осмотрѣна Курдюкова. Ей 28 лѣтъ, тѣлосложенія крѣпкаго, найдена на постели въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ чепцѣ на головѣ. Она покрыта байковымъ одѣяломъ, лежала на спинѣ въ прямомъ положеніи, съ головою нѣсколько наклоненною на правую сторону и съ руками, расположенными по бокамъ тѣла (какъ велятъ спать благовоспитаннымъ дѣвушкамъ въ пансіонахъ). Руки въ суставахъ отъ оцѣпенѣнія найдены малоподвижными, лицо нѣсколько вздуто, правая щека покрыта красноватыми пятнами, а лѣвая натуральнаго труннаго цвѣта; животъ вздутъ и мягокъ при осязаніи; бедра и икры, преимущественно на задней поверхности, а равно спина, поясница и зашеекъ оказались при осмотрѣ темно-краснаго цвѣта; глаза закрыты, зрачки расширены; на головѣ надъ лѣвою темен-

ною костью найденъ струпъ красноватаго цвѣта; другого рода поврежденій на тѣлѣ Курдюковой не было.

Вторая скоропостижно умершая сумасшедшая была Снѣгирева, дѣвушка лѣтъ около 18-ти, тѣлосложенія крѣпкаго. Она тоже найдена одѣтою — въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ чепцѣ, покрыта шерстянымъ байковымъ одѣяломъ, лежала въ постели на спинѣ въ прямомъ почти положеніи; правая рука протянута близъ боку и въ локтѣ немного согнута, съ приподнятою къ лицу кистью. Пальцы рукъ полусжаты, конечности въ суставахъ отъ оцѣпенѣнія малоподвижны, вся спина отъ шеи и задняя поверхность бедеръ и обѣихъ голеней найдены краснаго цвѣта; на лицѣ темнаго же цвѣта пятна замѣчены, прочія части тѣла натуральнаго трупнаго цвѣта; животъ раздутъ, напряженъ и твердоватъ. Лѣвый рукавъ рубашки найденъ замараннымъ въ жидкости красноватаго цвѣта (сукровицею, истекавшею изъ рта).

Третья — Елена Швидчикова (та самая, которая любила топить печи), около 30 лѣтъ, тѣлосложенія крѣпкаго, одѣта въ рубашкѣ, въ чулкахъ, въ чепцѣ и покрыта байковымъ шерстянымъ одѣяломъ. Она лежала въ постели на спинѣ въ прямомъ положеніи, съ наклоненною нѣсколько головою на лѣвую сторону, обѣ руки сложены вмѣстѣ, на животѣ, съ протянутыми пальцами. Конечности въ составѣ отъ оцѣпенѣнія малоподвижны, вся спина, поясница и задняя поверхность бедеръ испещрена была красноватыми пятнами, лицо и прочія части тѣла трупнаго цвѣта; другого рода измѣненій на тѣлѣ не оказалось; животъ нѣсколько раздутъ и твердоватъ, ротъ закрытъ, зубы стиснуты, у лѣваго глаза верхняго вѣка недостаетъ, отчего глазное яблоко открыто, истощеннаго вида отъ предшествовавшаго болѣзненнаго состоянія этого органа.

Въ такомъ положеніи найдены три скоропостижно умершія жилицы сумасшедшей камеры № 10-й.

У всѣхъ обнаружена краснота, пятна, вздутости, но всѣ лежатъ на своихъ постеляхъ въ чепцахъ и ни одна не сбро-

сила съ себя ни этого чепца, ни одѣяла, точно смерть ни одной изъ нихъ не стоила ни малѣйшей муки. Пришло каждой «отложенное ея» — и онѣ пошли за ангеломъ смерти цѣлой компаніей «въ путь всея земли».

Исторія все становится удивительнѣе и непонятнѣе.

Теперь перейдемъ въ маленькій покой подъ № 6-мъ, — гдѣ спали только двѣ женщины, возрастомъ постарше, и тоже обѣ умерли въ товарищеской компаніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Начинается опять то же самое.

Первая — Прасковья Воронина, крѣпкаго тѣлосложенія, 45 лѣтъ, найдена лежащею на постели въ рубашкѣ, въ чулкахъ и въ неизбѣжномъ чепцѣ. Она такъ же, какъ и жилицы № 10-го, покрыта байковымъ одѣяломъ, лицомъ обернулась къ стѣнѣ и держала лѣвую руку на животѣ, а правую на кровати протянутою къ бедру; пальцы мало сжаты, животъ твердоватъ. Спина, поясница и задняя поверхность бедеръ темно-краснаго цвѣта, лицо и прочія части тѣла обыкновеннаго трупнаго цвѣта. Другого рода измѣненій на тѣлѣ никакихъ не найдено.

Ирина Деревенская, отъ роду лѣтъ около 50, тѣлосложенія посредственнаго, въ рубашкѣ, чулкахъ и въ чепцѣ; покрыта байковымъ шерстянымъ одѣяломъ; конечности, какъ верхнія, такъ и нижнія, найдены въ составахъ оцѣпенѣвшими, животъ вздутый и твердоватъ; поясница, спина и затылокъ краснаго цвѣта, лицо и прочія части тѣла натуральнаго трупнаго цвѣта.

Опять и здѣсь краснота и сукровица,—которыя, конечно, совсѣмъ уже упраздняютъ всякую необходимость разсуждать объ угарѣ, да и самый актъ, о которомъ мы говоримъ, на угарѣ не настаиваетъ. Очевидно, воронежскіе чиновники съ самаго начала не сомнѣвались, что причиною смерти пяти сумасшедшихъ былъ не угаръ, а что-то иное... Но что же именно?

Любопытныя вещи требуютъ часто большого терпѣнія.

Послѣдуемъ пока за осматривающими зданіе и посмотримъ, какія свѣдѣнія они соберутъ отъ служебнаго персонала.

При осмотрѣ зданія всего женскаго отдѣленія умалишенныхъ, оказалось: комнаты, въ которыхъ найдены мертвыя, — сухи, и воздухъ въ нихъ чистъ. Въ каждой изъ тѣхъ комнатъ, равно и во всѣхъ другихъ сего отдѣленія, *топка печей устроена изъ коридора; отдушниковъ въ комнаты нѣтъ* по всему зданію. Комната № 10-й отдѣлена отъ прочихъ; въ ней одна голландская печь изъ простыхъ изразцовъ и безъ отдушниковъ въ комнату. Топка этой печи устроена изъ коридора. Комната № 6-й (гдѣ найдено два мертвеца) отдѣлена отъ предыдущей комнаты № 10-й (гдѣ три мертвеца) лѣстницею, которая ведетъ въ нижній этажъ; рядомъ же, только съ другой стороны этой комнаты, находится другая сосѣдняя комната, обозначенная подъ № 7. Это, надо думать, былъ покой для больныхъ особенно буйныхъ, потому что здѣсь стѣны до двухъ третей вышины обиты войлокомъ, а поверхъ войлока крашенинным холстомъ. Такія обивки въ домахъ умалишенныхъ дѣлаютъ только въ такихъ покояхъ, гдѣ помѣщаютъ людей, обнаруживающихъ большое раздраженіе, съ мрачною наклонностью вредить своему здоровью или самой жизни.

Комната эта нагрѣвается одною и тою же голландскою печью, которая обогрѣваетъ № 6-й, и эта печь точно такого же устройства, какъ и печь въ комнатѣ подъ № 10-мъ, т. е. онѣ голландки и безъ отдушниковъ.

Въ комнатахъ подъ №№ 10-мъ и 6-мъ, гдѣ найдены умершія, а равно на постеляхъ и другихъ покрывалахъ нѣтъ ни слѣдовъ рвоты, ни другихъ изверженій. Стѣны комнатъ, а равно и самаго коридора, выбѣлены мѣломъ и не представляютъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы заподозрить, что ихъ скоблили или лизали языкомъ.

Слѣдовательно, отравленіе этимъ способомъ тоже невозможно.

На кроватяхъ, гдѣ лежали умершія, и вообще въ комнатахъ, не найдено никакихъ постороннихъ вещей кромѣ того, что принадлежало къ устройству и инвентарю этихъ помѣщеній. Бѣлье на постеляхъ и на умершихъ чистое. Солома въ тюфякахъ, по объявленію надзирательницы Вѣры Азаровой, по всему отдѣленію женскаго дома умалишенныхъ перемѣнена назадъ тому всего только семь дней и притомъ опять-таки солому не отбирали на отборъ для тѣхъ пяти, которыя умерли, а набивали ею *всѣ* тюфяки изъ одной общей массы, а между тѣмъ умерли не всѣ изъ находящихся въ заведеніи, а только пятеро.

Что касается до порядковъ въ домѣ, то смотритель маіоръ Колиньи объявилъ, что печи, какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ зданіяхъ, 26-го января были истоплены въ 5 часовъ утра и во второй разъ въ эти сутки топлены не были. Въ этомъ зданіи и по всему этому женскому отдѣленію дома умалишенныхъ нѣтъ ни кухонь, ни прачечной, ни другихъ какихъ-либо служебныхъ построекъ, откуда бы могли заходить дымъ, чадъ или какія-нибудь зловонныя и міазматическія испаренія.

Досмотръ за больными былъ такой рачительный, что, повидимому, желать лучшаго невозможно.

Для примѣра достаточно прослѣдить одинъ день 26-го января, предшествовавшій роковой ночи, когда пять сумасшедшихъ неизвѣстно отъ чего умерли цѣлой компаніей.

Въ 26-е число января это отдѣленіе посѣщали, въ 10 часовъ утра, старшій докторъ Погорскій и младшій ординаторъ Предтеченскій, а предъ ихъ визитаціей, въ 8 часовъ утра, все зданіе осматривали экономъ Алексѣевъ и помощникъ смотрителя Никитинъ.

Словомъ, досмотръ со стороны начальства былъ во весь день до вечера и никакихъ упущеній не указано.

Теперь начинается ближайшее время къ роковой ночи,— вечеръ 26-го января.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вечеромъ 26-го января, въ 10 часовъ, вторично обходилъ это отдѣленіе экономъ Алексѣевъ.

Вечеръ въ такихъ домахъ кончается рано, въ 8 часовъ здѣсь уже спятъ. А послѣ того какъ больныя легли спать, въ 11 часовъ ночи, покои ихъ обходилъ дежурный надзиратель по заведенію, унтеръ-офицеръ Коноплевъ. Оба эти должностныя лица, обойдя покои, явились къ смотрителю маіору Колиньи и доложили ему о совершенномъ благополучіи того самаго отдѣленія, гдѣ къ утру оказался такой неожиданный и такой несчастный случай.

Что же касается пяти скоропостижно умершихъ женщинъ, то онѣ проводили день 26-го января вмѣстѣ съ прочими, находящимися въ томъ же отдѣленіи, умопомѣшанными въ числѣ 24; всѣ онѣ обѣдали за однимъ общимъ столомъ и употребляли одну, для всѣхъ безъ различія, приготовленную пищу.

Обѣдъ больныхъ состоялъ изъ щей, сваренныхъ съ говядиною и съ кислою капустою, изъ ржаного хлѣба и кваса для питья. Пищу всѣмъ помѣшаннымъ подавали въ деревянныхъ крашеныхъ чашкахъ, а ѣли онѣ всѣ деревянными ложками, съ которыхъ краска отъ давняго употребленія сошла.

Послѣ обѣда до вечера *всѣ* были здоровы, и ни одна ни на что не жаловалась.

Вечеромъ въ шесть часовъ, больнымъ подавался ужинъ, который былъ вполнѣ повтореніемъ обѣда, т. е. всѣмъ имъ за однимъ общимъ столомъ, въ шесть часовъ, была подана та же самая пища, что и за обѣдомъ.

Кушанье для больныхъ приготовлялось всегда въ одной кухнѣ и въ однихъ котлахъ. Эти чугунные котлы были осмотрѣны и оказались въ самомъ чистомъ видѣ. Слѣдовательно, подозрѣвать, что пять скоропостижно умершихъ отравились пищею, предложенною имъ заведеніемъ, тоже невозможно.

Оставалось обратить вниманіе, какъ эти несчастныя проводили свой послѣдній день и ночь каждая въ отдѣльности. Но и это ничего особеннаго не представляло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣ ужина всѣхъ призрѣваемыхъ въ вышеозначенномъ отдѣленіи, въ 7 часовъ, положили спать. Каждая легла на своей койкѣ. Точно также легли спать и тѣ пять женщинъ, которыя ночью скоропостижно умерли. Онѣ легли на тѣхъ самыхъ постеляхъ и въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ утромъ служанка Кирсанова нашла ихъ мертвыми.

Двери въ этихъ двухъ комнатахъ, точно такъ же какъ и во всѣхъ прочихъ, были во всю ночь растворены настежь въ коридоръ, гдѣ ночевала Кирсанова. Рядомъ съ комнатой № 6-й, гдѣ найдено двое умершихъ, въ комнатѣ подъ № 7-мъ, нагрѣваемой тою же самою печью, которая обогрѣвала № 6-й, ночевала умалишенная Авдотья Рубцова; а тотчасъ же за этой комнатой—въ № 8-мъ, ночевали еще двѣ другія умалишенныя, Надежда Вихирева и Матрена Скобина, и всѣ онѣ остались живы и здоровы. Наканунѣ загадочнаго событія, т. е. 26 января, и при наступленіи ночи, какъ умершія, такъ и прочія умалишенныя, оставшіяся въ живыхъ, не жаловались ни на какіе болѣзненные припадки.

Послѣ урочнаго времени (7 часовъ вечера), когда всѣхъ умалишенныхъ уложили спать, съ ними осталась ночевать дежурная служанка Ѳедосья Кирсанова. Изъ лицъ правоспособныхъ она одна оставалась ближайшею свидѣтельницею, что̀ здѣсь происходило въ послѣдующіе ночные часы до утра, и съ нея тотчасъ же сняли показаніе, записанное въ актъ.

Кирсанова объявила, что до трехъ часовъ всѣ призрѣваемыя спали спокойно безъ особенныхъ движеній и не обнаруживали никакого безпокойства. Въ три же часа ночи одна изъ скоропостижно умершихъ—именно Елена Швид-

чикова, которая любила топить печи,—проснулась, разбудила двухъ другихъ спавшихъ съ нею въ одной комнатѣ подъ № 10-мъ (Снѣгиреву и Курдюкову), а потомъ пошла въ комнату № 6-й и тамъ разбудила двухъ тамошнихъ жилицъ—Воронину и Деревенскую. Собравъ эту компанію, Швидчикова попросила служанку Кирсанову провести ихъ въ ретирадное мѣсто. Служанка будто исполнила это безпрекословно, и всѣ пять помѣшанныхъ пошли съ нею, куда имъ было нужно. Оттуда Кирсанова провела ихъ обратно въ ихъ же комнаты, и при этомъ Кирсанова замѣтила, что Швидчикову немного вырвало на полъ. Больная спокойно попросила Кирсанову вытереть, и Кирсанова это исполнила.

Послѣ этого выхода и возвращенія всѣ пять скоропостижно умершихъ женщинъ, не тратя времени, тотчасъ же снова легли по своимъ койкамъ и уснули спокойно.

Ни одна изъ нихъ не жаловалась ни на какую боль, да если бы у нихъ что-нибудь болѣло, то онѣ бы и не уснули.

Отчего же стошнило Швидчикову и не было ли у нея чего-нибудь такого вредоноснаго, чѣмъ бы она могла извести себя и своихъ сосѣдокъ въ то короткое время, которое имъ нужно было на то, чтобы выйти въ ретираду и снова возвратиться на свои койки?

Слѣдователи не упустили изъ вида и этого, но опять ничего не вышло.

Надзирательница Азарова и служанки Кирсанова и Пелагея Логинова объявили, что постороннихъ посѣтителей въ заведеніи передъ этимъ не было, кромѣ 25-го числа января; 25-го же утромъ, до обѣда больныхъ посѣщали какія-то три неизвѣстныя барыни и раздали всѣмъ по одному французскому хлѣбу. Хлѣбы эти были всѣми больными съѣдены до обѣда того же 25-го января, и съ этой поры больныя не употребляли никакой другой ѣды, кромѣ вышеописанной больничной пищи, состоявшей изъ съѣдобныхъ предметовъ довольно грубыхъ, но здоровыхъ и во всякомъ разѣ безвредныхъ.

Засимъ старшій докторъ, коллежскій совѣтникъ Погорскій, удостовѣрилъ, что вышепоименованныя скоропостижно умершія женщины 26-го января и до этого дня были здоровы (исключая умственнаго разстройства въ разной степени) и никакихъ лѣкарствъ ни одна изъ нихъ не принимала.

Стало-быть, даже и съ этой стороны ничего сокращающаго жизнь имъ подано не было, и смерть ихъ послѣдовала по крайней мѣрѣ «безъ медицинской помощи».

Но, однако, отчего же онѣ умерли?

Вотъ въ томъ-то и тайна.

Да это и въ теченіе цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ оставалось тайною даже для такого лица, какъ предсѣдатель медицинскаго совѣта, которому въ интересахъ науки нельзя было не заботиться, чтобы уяснить разсказанный случай. И предсѣдатель медицинскаго совѣта описаннымъ происшествіемъ въ воронежскомъ сумасшедшемъ домѣ интересовался,—только втуне.

Актъ, сохранившійся въ бумагахъ покойнаго Пеликана, кончается на томъ, что̀ мы могли изъ него выбрать и сообщить; но на немъ есть еще чрезвычайно любопытная помѣтка, сдѣланная собственною рукою Евгенія Венцеславовича 8-го декабря 1878 года. Изъ этой надписи видно, что покойному предсѣдателю медицинскаго совѣта описанное загадочное событіе пяти смертей оставалось необъяснимымъ до 1878 года, т. е. въ теченіе ровно двадцати пяти лѣтъ.

Въ 1878 году покойный Пеликанъ распорядился искать по этому дѣлу справокъ въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но, несмотря на то, что Пеликанъ держалъ свои бумаги въ отличномъ порядкѣ и обо всемъ касающемся даннаго предмета дѣлалъ обстоятельныя отмѣтки собственною рукою,—загадочный случай пяти смертей въ воронежскомъ сумасшедшемъ домѣ и послѣ 1878 года оставленъ имъ безъ объясненія,—при одномъ лишь желаніи знать: чѣмъ такая загадка разъяснена быть можетъ.

Къ сказанному, можетъ статься, нелишнимъ будетъ прибавить, что всѣ пять въ одно время скоропостижно умершихъ были женщины бѣдныя и изъ низшаго класса, такъ что, кажется, трудно даже придумать, кому было выгодно озабочивать себя приспѣшеніемъ всѣмъ имъ коллективной кончины.

Развѣ, можетъ статься, теперь кто-нибудь изъ воронежскихъ старожиловъ въ состояніи пролить свѣтъ на любопытный вопросъ: отчего въ ихъ городѣ скоропостижно и вдругъ умерли, въ 1853 году, пять сумасшедшихъ?

Для медицинской науки это еще и теперь, несмотря на тридцатилѣтнюю давность, будетъ интересно.

На читателей этотъ маленькій разсказъ изъ недавняго русскаго прошлаго, можетъ-быть, произведетъ непріятное чувство; онъ какъ бы незаконченъ,—въ немъ нѣтъ удовлетворенія любопытству: чѣмъ же дѣло разъяснилось?

Пишущій настоящія строки вполнѣ сознаетъ законность такого неудовольствія, и самъ его испытывалъ, когда прочелъ сейчасъ разсказанное дѣло. Но просвѣщенный читатель пусть не посѣтуетъ за эту неудовлетворенность. Пусть онъ обратитъ свою мысль въ другую сторону,—пусть онъ вспомнитъ тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, по замѣчанію Н. И. Пирогова, «преподѣдили въ себѣ даже потребность воспоминаній о прошломъ».

Настоящій разсказъ годится для того, чтобы оцѣнить весь трудъ ихъ «преподѣжденной» памяти, и въ этомъ отношеніи онъ не оставитъ досадительной неудовлетворенности.

Припомнить себѣ такую неудовлетворенность есть своего рода большое удовлетвореніе.

УМЕРШЕЕ СОСЛОВІЕ.

(Изъ юношескихъ воспоминаній.)

Въ 1884 году было напечатано въ газетахъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ торговецъ и одинъ чиновникъ, сидя въ трактирѣ, бранили мѣстнаго губернатора Баранова. Полиція арестовала этихъ господъ, но губернаторъ Барановъ приказалъ ихъ освободить и указалъ полиціи впредь не обращать вниманія на такія ничтожныя вещи.

Этотъ случай, незаслуживающій, кажется, ничего другого, кромѣ сочувствія должностному лицу, которое такъ распорядилось—вызвалъ, однако, у кривотолковъ осужденія.

— Во всякомъ случаѣ (доводилось слышать)—это своего рода рисовка, гарунъ-аль-рашидство; все это только разводитъ дикія фантазіи.

Въ дни нашей юности мы тоже видали «дикія фантазіи», но только въ другомъ родѣ. Нижегородскія «дикія фантазіи» напоминаютъ мнѣ другой городъ и другой губернаторскій характеръ, который считали типическимъ въ прошлую, хотя и не очень отдаленную отъ насъ пору. Кто любитъ вспоминать недалекую старину и сопоставлять ее съ нынѣшнимъ временемъ, для тѣхъ, можетъ статься, это будетъ не лишено интереса.

Во время моей юности, проходившей въ Орлѣ, тамъ жилъ «на высылкѣ» Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, впослѣд-

ствіи мужъ талантливой русской писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ «Марко-Вовчокъ».

Аѳанасій Васильевичъ въ очень молодыхъ годахъ былъ высланъ въ Орелъ изъ Кіева по случившейся въ Кіевѣ «исторіи», которую тогда считали «политическою» и называли «Костомаровскою исторіей».

Марковичъ долженъ былъ жить въ Орлѣ и находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго губернатора, а дабы наблюденіе за нимъ было удобнѣе, Марковичъ былъ зачисленъ на службу въ губернаторскую канцелярію. Тутъ онъ занималъ должность дѣлопроизводителя, или помощника правителя,—не помню уже теперь по какому отдѣлу.

Имущественныя средства Марковича были не очень свободны—онъ нуждался въ подспорьѣ, которымъ ему и служило маленькое жалованье, присвоенное его канцелярской должности (помнится, что-то около 25 р. въ мѣсяцъ). Занятія службою Марковича не тяготили, но не могла его не тяготить подчиненность лицу, отъ котораго онъ зависѣлъ.

Орловскою губерніей во время ссылки Марковича правилъ не разъ упоминавшійся въ литературѣ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

Увѣряли, будто онъ былъ человѣкъ не злой, но невоспитанный и какой-то,—какъ его звали орловцы,—«невразумительный». Князь зналъ и понималъ въ дѣлахъ очень мало, или, вѣрнѣе сказать, — почти ничего, а правительственнаго искусства онъ не имѣлъ вовсе, но безмѣрно любилъ власть и страдалъ охотою вмѣшиваться во все.

Такая склонность побудила его, между прочимъ, вмѣшаться даже въ дѣла церковнаго управленія, что̀ и было причиною возникновенія много разъ описанной непримиримой «войны» между нимъ и покойнымъ орловскимъ архіепископомъ Смарагдомъ Крыжановскимъ, который ранѣе, по случаю болѣзни Павскаго, далъ нѣсколько уроковъ покойному государю Александру Николаевичу во время его

дѣтства. Поэтому Смарагдъ слылъ въ Орлѣ «царскимъ законоучителемъ» и очень этимъ кичился. Вообще же онъ имѣлъ характеръ гордый и неуступчивый.

Его «война» съ Трубецкимъ есть своего рода орловская эпопея. Она не разъ изображалась и въ прозѣ, и въ стихахъ, и даже въ произведеніяхъ пластическаго искусства. (Въ Орлѣ тогда были карикатуристы: маіоръ Шульцъ и В. Череповъ). Интереснѣе исторіи этой войны въ старомъ Орлѣ, кажется, никогда ничего не происходило, и все, о чемъ не доведется говорить изъ тогдашнихъ орловскихъ событій, непремѣнно немножко соприкасается какъ-нибудь съ этой войной.

Я хочу разсказать объ одномъ покушеніи князя Трубецкого вторгнуться въ область исторіи, и о томъ, кто его на это навелъ и кто его отъ этого отвелъ... Все это относится къ тому же боевому времени.

Кто-то изъ охотниковъ вмѣшиваться не въ свое дѣло сообщилъ письмомъ князю Петру Ивановичу, что въ Орловской гимназіи происходятъ будто бы непозволительныя вещи, а именно—будто учитель исторіи (кажется) Вас. Ив. Фортунатовъ (тогда уже почтенный старикъ) излагаетъ ученикамъ «революціонные экзерсисы», а почетный попечитель гимназіи, флота капитанъ 2-го ранга Мордарій Васильевичъ Милюковъ (на дочери котораго впослѣдствіи былъ женатъ В. Якушкинъ) будто бы оказываетъ этому вредному дѣлу потворство.

Наблюдатель, желающій оставаться самъ въ неизвѣстности, представлялъ въ подкрѣпленіе своихъ словъ доказательства, состоявшія въ томъ, что подозрѣваемый имъ въ неблагонадежности учитель исторіи, въ присутствіи попечителя Милюкова, разъяснялъ ученикамъ «о правахъ третьяго сословія во Франціи», а капитанъ 2-го ранга Милюковъ учителя не остановилъ и тѣмъ выразилъ ему какъ бы свое одобреніе.

Можно было предполагать, что извѣтъ этотъ прислалъ

князю кто-нибудь изъ родителей какого-нибудь воспитанника,—человѣкъ, можетъ-быть, ничего не знавшій въ исторіи и имѣвшій какой-то сумасшедшій взглядъ на позволительное и непозволительное въ преподаваніи.

Болѣе важнаго въ доносѣ ничего не указывалось, но князь никогда не давалъ себѣ труда различать важное отъ неважнаго. Ему главное было, чтобы имѣлся предлогъ «пошумѣть». Это былъ въ его время такой служебный терминъ. О начальникахъ, которыхъ особенно хотѣли похвалить, всегда говорили: «Охотникъ пошумѣть. Если къ чему привяжется, и зашумитъ, и изругаетъ какъ нельзя хуже, а непріятности не сдѣлаетъ. Все однимъ шумомъ кончалъ».

Такихъ начальниковъ одобряли: «брань на вороту не виснетъ».

Таковъ былъ отчасти и князь Петръ Ивановичъ, и такъ же поступилъ онъ въ томъ случаѣ, о которомъ будемъ бесѣдовать, вспоминая его славное время.

Князю Трубецкому письмо показалось вполнѣ достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вмѣшаться не въ свое дѣло и кому-нибудь «надерзить». (О немъ такъ и говорили въ Орлѣ, что онъ «любитъ дерзить»).

Князь сейчасъ же призвалъ правителя или исправлявшаго его должность и велѣлъ немедленно написать «хорошій напрягай и указаніе». Сноситься съ попечителемъ, который тогда жилъ въ Харьковѣ, князю казалось излишнимъ,—онъ хотѣлъ самъ исправлять все непосредственно,—да и дѣло не терпѣло отлагательства.

Правитель канцеляріи не могъ возражать князю, а извернулся иначе. Онъ сослался на незнакомство съ учебнымъ дѣломъ и указалъ на Марковича, какъ на человѣка «университетскаго», который долженъ все это хорошо знать и потому можетъ написать и «напрягай указаніе».

Приказаніе сейчасъ же было передано Марковичу и поставило того въ очень непріятное затрудненіе. Онъ не могъ усмотрѣть рѣшительно никакой вины со стороны учителя

въ томъ, что тотъ упоминалъ про «третье сословіе», и не зналъ, какой и за что давать напрягай. А потому онъ явился къ князю и осмѣлился ему доложить, что это не губернаторское дѣло, а дѣло попечителя учебнаго округа, а притомъ, что учитель имѣлъ основаніе упоминать о «третьемъ сословіи», такъ какъ это, очевидно, не что иное, какъ tiers-état, т. е. сословіе гражданъ и крестьянъ, составлявшее въ феодальныя времена во Франціи часть генеральныхъ штатовъ (États-généraux) и существовавшее до революціи рядомъ съ аристократіею и съ духовенствомъ.

Князь разсердился, и хотя онъ обращался съ Марковичемъ всегда деликатнѣе, чѣмъ съ другими, но тутъ и на него зашумѣлъ во всю. Обрезонить его не было никакой возможности, ибо онъ былъ ужаснѣйшій крикунъ и ругатель.

Вообще, какъ гражданскій правитель, Трубецкой походилъ, пожалуй, на Альберта Брольи, о которомъ Реклю говоритъ, что «по мѣрѣ того, какъ онъ приходилъ въ волненіе, онъ начиналъ пыхтѣть, свистать, харкать, кричать и трещать, гнѣвъ его походилъ на гнѣвъ восточнаго евнуха, который не знаетъ, чѣмъ излить досаду». Но Трубецкой имѣлъ еще перевѣсъ передъ Брольи, потому что зналъ такія слова, которыхъ Брольи, конечно, не зналъ, да, безъ сомнѣнія, и не посмѣлъ бы употребить съ французами.

Такимъ Трубецкой явился и на сей разъ. Онъ ничего не желалъ слушать и настойчиво велѣлъ какъ можно скорѣе написать «напрягай» и подать его къ подписи.

Онъ былъ очень скоръ и любилъ дѣйствовать по-военному.

Марковичъ дерзнулъ только спросить, какъ онъ прикажетъ впередъ называть людей третьяго сословія?

— Называть ихъ такъ, въ какихъ они нынче чинахъ.

— Они всѣ уже умерли.

— А это еще лучше: если они умерли, то пусть учитель и говоритъ о правахъ «умершаго сословія».

Приходилось писать объ умершемъ сословіи и напрягай

Милюкову, и наставленіе учителю, а также и сообщеніе окружному учебному начальству.

Но что человѣкъ предполагаетъ, то Богъ располагаетъ.

Представлять резоны князю Трубецкому было невозможно, тѣмъ болѣе, что и тѣ краткія замѣчанія, которыя осмѣлился представить ему Марковичъ, уже привели легко возбуждавшуюся натуру губернатора въ кипяченіе. Князь въ такихъ случаяхъ не переносилъ даже себя самого и нетерпѣливо рвался на воздухъ. Ему надо было выгуляться и выпустить изъ себя неукротимый жаръ.

Въ губернаторскомъ домѣ всѣ это знали, и чуть князь начиналъ шумѣть, сейчасъ же готовили для него лошадей «на выскочку».

Такъ въ городѣ и говорили: «вотъ князь ѣдетъ на выскочку»—и всѣ по возможности прятались, чтобы не попадаться ему на глаза.

И теперь онъ тоже рѣзко всталъ изъ-за стола, порывисто отбросилъ ногою прочь свое кресло и велѣлъ какъ можно скорѣе подать открытую пролетку. Онъ очень спѣшилъ на кого-нибудь покричать на вольномъ воздухѣ, потому что въ такихъ случаяхъ онъ любилъ кричать громко, во все свое удовольствіе, но дома, при княгинѣ, онъ не всегда смѣлъ доставить себѣ такое удовольствіе *).

Чиновникъ ушелъ, а князь поѣхалъ по городу, чтобы какъ-нибудь перетерпѣть, пока ему изготовятъ и подадутъ подписывать «напрягай», а тѣмъ временемъ, по усмотрѣнію судебъ, мысли его получили другое направленіе и напрягай оказался совсѣмъ ненужнымъ.

У князя Петра Ивановича въ Орлѣ былъ знаменитый

*) Супруга князя Петра Ивановича Трубецкого, рожденная Витгенштейнъ, была сама очень грознаго характера и любила властвовать безъ раздѣла. Ея гнѣвность и силу знали не только въ городѣ, но и на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ ея боялись всѣ ямщики... Необыкновенное воспитаніе этой знатной дамы составляло для всѣхъ неразъяснимую загадку.

кучеръ. Онъ развѣ малымъ чѣмъ-нибудь уступалъ оставившему по себѣ въ Москвѣ историческую память кучеру оберъ-полиціймейстера Берринга. Орловскій наѣздникъ былъ такъ же утробистъ, такъ же горластъ и краснорожъ, имѣлъ такіе же выпяченные рачьи глаза и такъ же неистово хрипло оралъ и очертя голову несся на всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, ни за что не ожидая, пока тѣ успѣютъ очистить ему дорогу. На душѣ этого христіанина, говорятъ, считалось уже нѣсколько смертныхъ грѣховъ, и во всякомъ случаѣ онъ по справедливости могъ почитаться въ свое время очень опаснымъ человѣкомъ въ городѣ.

Лихая ѣзда какъ на пожаръ тогда была, впрочемъ, въ модѣ у многихъ большихъ лицъ, и это почиталось даже необходимымъ признакомъ «твердой власти». Особенно шибко ѣздили губернаторы и полиціймейстеры: они всюду скакали, и кучера ихъ всегда особенно кричали. Это придавало городамъ оживленіе.

Князь Трубецкой по преимуществу любилъ такого рода всенародную помпу, и горожанамъ она нравилась. Всѣ видѣли, что губернаторъ ѣдетъ какъ губернаторъ, а не трюхъ-трюхъ, какъ ѣздилъ тогда въ Орлѣ приснопамятный инспекторъ гимназіи Азбукинъ.

А ѣздилъ князь большею частію по-русски, то-есть парой, съ пристяжкой,—рысакъ въ корнѣ и залихватскій въ кольцо изогнувшійся скакунъ въ пристяжкѣ.

Летитъ, бывало, какъ вихорь, кони мчатся, подковы лязгаютъ о широкіе каменья отвратительной орловской мостовой, кучеръ выпретъ глаза и оретъ, какъ будто его снизу огнемъ жаритъ, а князь сидитъ руки въ боки, во всѣ стороны поворачиваетъ свое маленькое незначительное лицо, которому не даровано было отъ природы никакого величія, но, однако, дозволено было производить нѣкоторый испугъ. Для этого князю стоило только поднять къ носу стоячіе усы и пустить въ ходъ свое прискорбное сквернословіе. Ротъ у него тогда становился черный и круглый какъ у сжатаго за жабры окуня, а изъ-подъ усовъ рвались и текли

эти звуки, которые по справедливости требовали увѣщаній по тексту извѣстнаго поученія, приписываемаго Іоанну Златоусту.

Прибавьте къ этому, что человѣкъ, о которомъ говоримъ, по вѣрному мѣстному опредѣленію, былъ «невразумителенъ», грубъ и самовластенъ,—и тогда вамъ станетъ понятно, что онъ могъ внушать и ужасъ, и желаніе избѣгать всякой съ нимъ встрѣчи. Но простой народъ съ удовольствіемъ любилъ глядѣть, когда «ёнъ садитъ». Мужики, побывавшіе въ Орлѣ и имѣвшіе счастье видѣть ѣхавшаго князя, бывало долго разсказываютъ:

— И-и-ихъ, какъ ёнъ садитъ! Ажно быдто весь городъ тарахтитъ.

Особенно сильное впечатлѣніе производило, когда князь поворачивалъ на углу изъ одной улицы въ другую. Тутъ его кони, экипажъ, кучеръ и самъ онъ неслись совсѣмъ накренясь и на поворотѣ летѣли въ наклонномъ положеніи, пока опять выравнивались и, принявъ прямое положеніе, мчались еще быстрѣе. Это никогда не обѣщало благополучія ни пѣшему, ни конному, кто бы тутъ ни подвернулся.

Такъ Трубецкой понесся и теперь, раздраженный почтительными представленіями Марковича о третьемъ сословіи во Франціи.

Губернаторъ ѣхалъ отъ себя съ горы, по Болховской улицѣ внизъ. Онъ имѣлъ, вѣроятно, намѣреніе пронестись мимо оконъ гимназіи, чтобы тамъ его увидали и заранѣе уже содрогнулись.

Онъ благополучно обскакалъ «домъ дворянства» и безъ всякаго для себя вреда повернулъ внизъ за уголъ, но здѣсь случилось съ нимъ несчастье: кони его сшибли съ ногъ одного приказнаго. Тотъ, однако, съ Божіею помощью всталъ и выпутался изъ своей разодранной шинелишки, и даже старался успокоить начальство, что его приказной спинѣ не больно. Но князь еще больше осердился и обругалъ

подьячаго за неловкость,—а затѣмъ вдругъ встрѣтилъ новый, еще большій безпорядокъ.

Въ то время, какъ князь подъѣхалъ къ Введенскому дѣвичьему монастырю (нынче, кажется, простая приходская церковь), ему, противъ магазина тогдашняго великосвѣтскаго портного Жильберта, попался навстрѣчу мѣстный купецъ П.—Купецъ былъ старикъ и плохо видѣлъ, а притомъ онъ ѣхалъ въ маленькой бѣговой купеческой телѣжкѣ и самъ правилъ дорогимъ кровнымъ рысакомъ.

Купецъ этотъ былъ большой храмоздатель и съ этой стороны былъ извѣстенъ архіерею Смарагду, а кромѣ того, онъ былъ охотникъ до лошадей и съ этой стороны былъ извѣстенъ князю, у котораго не было ни одной такой хорошей лошади, какою правилъ теперь купецъ. Это уже само по себѣ было непорядокъ.

Ѣхалъ купецъ шагомъ, чинно и степенно, что называется «въ свое удовольствіе», а рядомъ съ нимъ, подъ лѣвымъ локтемъ, помѣщался мальчикъ лѣтъ четырнадцати, его фаворитъ-внучекъ; но, встрѣтясь съ губернаторомъ, купецъ ни самъ не снялъ картуза, ни поучилъ этому внука. Это уже было совсѣмъ непозволительно.

Всего вѣроятнѣе, что купецъ, правя горячею лошадью, не успѣлъ снять передъ княземъ Петромъ Ивановичемъ свой картузъ, а о внукѣ не вспомнилъ. Но князь не любилъ входить въ такія мелочи. Онъ видѣлъ въ этомъ одинъ оскорбительный для него фактъ. Онъ заколотился руками и ногами и поднялъ такой шумъ и крикъ, что купецъ оробѣлъ и бросилъ возжи. Лошадь рванула и понесла, выбросивъ старика у дверей Жильберта, а внучка у столбовъ Георгіевской церкви.

Мальчикъ, болѣе легкій тѣломъ, отдѣлался счастливо, а грузный старикъ очень расшибся. Старый французъ Жильбертъ имѣлъ столько независимости, что поднялъ его и посадилъ у себя на крылечкѣ, — и тѣмъ, можетъ-быть, вызвалъ на мягкость самого князя.

Трубецкой велѣлъ посадить старика на извозчика и от-

править его на гауптвахту, гдѣ того и продержали, пока князь успокоился, а онъ въ это время все ждалъ, не станетъ ли заступаться за купца Смарагдъ, и за этою новою заботою позабылъ о полученномъ имъ извѣтѣ насчетъ третьяго сословія. Марковичъ же слукавилъ и не напоминалъ ему о его намѣреніи вмѣшаться не въ свое дѣло. Такъ опасность отъ вреднаго направленія въ гимназіи миновала, и губернаторское распоряженіе именовать tiers-état «умершимъ сословіемъ» не получило дальнѣйшаго хода. За все французское tiers-état въ Орлѣ оттерпѣлся одинъ купецъ, едва умѣвшій выводить каракулями «церикофніи старта».

Въ Трубецкомъ была прелестна и достойна самаго любовнаго наблюденія искренность его губернаторскаго величія: онъ его словно несъ съ собою повсемѣстно, какъ бы нѣкій алавастръ мура, съ постоянною заботливостью, чтобы кто-нибудь не подтолкнулъ его подъ локоть, чтобы сосудъ не колыхнулся и не расплескалось бы его содержимое. Это былъ «губернаторъ со всѣхъ сторонъ»; такой губернаторъ, какіе теперь перевелись за «неблагопріятными обстоятельствами». Но въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, въ числѣ современниковъ Трубецкого было нѣсколько такихъ губернаторовъ, которыхъ не позабудетъ исторія. Надъ ними надъ всѣми яркой звѣздою сіялъ Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ въ Пензѣ, на котораго дерзкою рукою «навелъ слѣдствіе» немножко извѣстный въ литературѣ своими «стансами» Евфимъ Ѳедоровичъ Заринъ («Библіотека для чтенія» — «стансы Зарина» и т. д.). Печатной гласности тогда у насъ и въ заведеніи еще не было, а функціи ея исполняла «молва»: «земля слухомъ полнилась». Между Орловскою губерніею, гдѣ процвѣталъ князь Трубецкой, и Пензенскою, которая была осчастливлена переводомъ туда изъ Саратова А. А. Панчулидзева, находится Тамбовская губернія, сродная Орловской по особенной чистотѣ плутовскихъ типовъ. (Ни въ той, ни въ

другой даже «жидъ долго не могъ привиться» — потому что «свои были жида ядовитѣе»). Черезъ Тамбовскую губернію орловцы съ пензяками перекликались: пензяки хвалились орловцамъ, а орловцы пензякамъ — какіе молодецкіе у нихъ водворились правители. «Нашъ жестокъ».—«А нашъ еще жоще».—«Нашъ ругается на всякіе манеры».—«А нашъ даже изъ своихъ рукъ не спущаетъ».—Такъ другъ друга и превосходили. Но пришло какое-то измѣнчивое время, и Смарагдъ съ предводителемъ какъ-то «подвели» Трубецкому какую-то хитрую механику. Почувствовалась надобность «убрать его въ сенаторы». Убрали. Онъ уѣхалъ на-чисто, такъ что послѣ его отъѣзда въ губернаторскомъ домѣ не нашли даже нѣкоторыхъ паркетовъ. Въ Пензѣ, между тѣмъ, А. Панчулидзевъ продолжалъ процвѣтать. Предводитель А. А. Арановъ былъ ему другъ и собратъ по «заводчеству» (оба были «винокуры и бѣдокуры»), а Е. Заринъ еще былъ въ юности, и сразительный ядъ еще не созрѣлъ подъ его семинарскимъ языкомъ. Приставленный къ сенату, Трубецкой былъ и польщенъ, и въ то же время обиженъ: въ сенатѣ его рѣшительно никто не боялся, да и на стогнахъ столицы онъ совсѣмъ не производилъ никакого внушающаго впечатлѣнія. При появленіи его самые обыкновенные люди такъ же шли и ѣхали, какъ будто его и нѣтъ,—и «не ломали шапокъ» и не уступали дороги, между тѣмъ, какъ это столько лѣтъ кряду согрѣвало и вдохновляло князя... Онъ заскучалъ въ столицѣ о добрыхъ и простыхъ нравахъ провинціи, и поѣхалъ лѣтомъ прокатиться — навѣстить свои и витгенштейновскія родовыя маетности. Орелъ онъ «промигнулъ мимо»... Не въ гостиницѣ же ему было тутъ останавливаться и слушать какъ «другой» правитъ!.. Но въ Кіевѣ онъ остановился для совѣтовъ съ врачами и ради какихъ-то духовныхъ потребностей княгини, которой тоже были свойственны и религіозные порывы. Остановились они incognito, въ молитвенномъ смиреніи, не въ гостиницѣ «Англетеръ», а у самого православнаго купца Ивантія Михайловича

Батухина, и вечеркомъ, когда всѣ кошки становятся сѣры, князь отправлялся подышать чистымъ воздухомъ. Дѣло это было по осени. На дворѣ, послѣ погожаго дня, проморосилъ дождичекъ и смочилъ кіевскіе кирпичные тротуары.— гуляющихъ было мало и князь могъ «растопыриться». Это было самое любимое его устроеніе своей фигуры, когда ему надо было идти, а не ѣхать. Онъ бралъ руки «въ боки» или «фертомъ», отчего капюшонъ и полы его военнаго плаща растопыривались и занимали столько широты, что на его мѣстѣ могли бы пройти три человѣка: всякому видно, что идетъ губернаторъ. (Сенаторства князь не ровнялъ съ губернаторствомъ и любилъ быть вѣчно губернаторомъ).

Такъ шелъ онъ и теперь по лучшей улицѣ Кіева, Крещатику, отъ «Англетера» къ Александровскому спуску, и вдругъ на самомъ углу Институтской горы съ нимъ случилось странное, но въ то же время досадительное происшествіе.

Въ Кіевѣ былъ тогда гражданскимъ губернаторомъ знаменитый въ своемъ родѣ богачъ и добрый, кроткій человѣкъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей, иждивеніемъ котораго сдѣлано много прекрасныхъ описательныхъ изданій. Онъ былъ одинокій, довольно скучный человѣкъ, тучнаго тѣлосложенія и страдалъ неизлѣчимыми и отвратительными лишаями. Его лѣчили многія медицинскія знаменитости и не вылѣчили: лишаи немножко успокаивались, но потомъ опять разыгрывались,—пузырились, пухли, чесались и не давали богачу нигдѣ ни малѣйшаго покоя. Тогда потаенно былъ призванъ который-то изъ извѣстныхъ въ свое время кіевскихъ самоучекъ,—не то Потапенко, не то Корней (Столичевскій) и сталъ лѣчить расчесавшагося вельможу «травкою и *выпотнѣніемъ*». Травки шли больше «для успокоенія больного», но главное на что разсчитывалъ знахарь — это было «выпотнѣніе», столь извѣстное по своимъ послѣдствіямъ ветеринарамъ и спортсменамъ. Лошадямъ для этого покрываютъ подлежащую выпотнѣнію часть тѣла войлочнымъ пот-

никомъ и гоняютъ ихъ на кордѣ, а для Фундуклея было устроено такъ, что онъ покрывалъ стеганымъ набрюшникомъ пораженное лишаемъ мѣсто, надѣвалъ на себя длинное ватное пальто, сшитое «англійскимъ сюртукомъ», бралъ зонтикъ и шелъ гулять съ своею любимою нѣгою левреткою. Такимъ образомъ производилось «выпотнѣніе», и производилось оно въ теченіе довольно долгаго времени неотложно и аккуратно при всякой погодѣ. А такъ какъ губернаторамъ въ то время днемъ среди толпы гулять было неудобно, потому что всѣ будутъ кланяться, и надо будетъ откланиваться, а Фундуклей былъ человѣкъ застѣнчивый и скромный, то онъ дѣлалъ свою гигіеническую прогулку черезъ часъ послѣ обѣда, вечеромъ, когда—думалось ему—его не всякій узнаетъ, для чего онъ еще тщательно закрывался зонтикомъ.

Разумѣется, всѣ эти старанія скромнаго губернатора не вполнѣ достигали того, чего онъ желалъ: кіевляне узнавали Фундуклея и, по любви къ этому тихому человѣку, давали ему честь и мѣсто. Образованные люди, замѣтивъ его большую фигуру, закрытую зонтикомъ, говорили: «Вотъ идетъ прекрасная *испанка*», а простолюдины повѣряли по немъ время, сказывая: «Седьмой часъ,—вонъ уже *дьякъ* съ горы спускается».

«Дьякомъ» называли Фундуклея потому, что въ своемъ длинномъ, англійскомъ ватошникѣ онъ очень напоминалъ извѣстную кіевлянамъ фигуру златоустовскаго дьячка «Котина», который въ такомъ же длинномъ ватошникѣ сидѣлъ на скамеечкѣ съ тарелочкою и кропильницей у деревянной церкви Іоанна Златоуста и «переймалъ богомуловъ», уговаривая ихъ «не ходить на Подолъ до братчиковъ, бо они дуже учени и переучени, а класти упростъ жертву Ивану». Издали дьякъ Котинъ и губернаторъ Фундуклей въ англійскомъ капотѣ имѣли по фигурѣ много сходства.

Чтобы выпотнѣніе шло сильнѣе, губернаторъ дѣлалъ свои вечернія прогулки не по ровной мѣстности, въ верхней плоскости города, гдѣ стоитъ губернаторскій домъ на

«Липкахъ», а, спускаясь внизъ по Институтской горѣ, шелъ Крещатикомъ и потомъ опять поднимался въ Липки, по крутой Лютеранской горѣ, гдѣ присаживался для кратковременнаго отдыха на лавочкѣ у дома портного Червяковскаго, а потомъ, отдохнувъ, шелъ домой.

Такой курсъ держалъ онъ и въ тотъ теплый и темноватый вечеръ, когда шелъ случившійся проѣздомъ въ Кіевѣ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой.

Фундуклей шелъ, понуривъ голову и закрывая лицо распущеннымъ безъ надобности зонтикомъ, а Трубецкой «перъ» своей гордой растопыркой, задравъ лицо кверху. Они столкнулись. Трубецкой получилъ легкое прикосновеніе къ локтю, но самъ вышибъ этимъ локтемъ у Фундуклея зонтикъ и шнурокъ, на которомъ шла собачка.

Грузный Иванъ Ивановичъ ничего не сказалъ и сталъ дѣлать очень тяжелое для него усиліе, чтобы поймать и поднять покатившійся зонтикъ, а въ это время отъ него побѣжала его собачка, шнурокъ которой ему было еще труднѣе схватить, чѣмъ зонтикъ.

Трубецкой же разсердился, затопоталъ и закричалъ:

— Знаешь ли, кто я? знаешь ли, кто я?

— Не знаю, отвѣчалъ Фундуклей.

— Я губернаторъ!

— Ну такъ что же дѣлать, разсѣянно произнесъ Иванъ Ивановичъ:—я и самъ тоже губернаторъ!

Въ это время на небѣ блеснула луна, и случившійся на улицѣ квартальный, узнавъ Фундуклея, поймалъ и подвелъ къ нему на шнуркѣ его собачку.

Тутъ Трубецкой воочію убѣдился, что передъ нимъ въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, губернаторъ, и поспѣшилъ возвратиться въ свою гостиницу въ гнѣвѣ и досадѣ, которыя и излилъ передъ покойнымъ медицинскимъ профессоромъ Алекс. Павл. Матвѣевымъ. Акушеръ Матвѣевъ происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи и имѣлъ родныхъ, знакомыхъ Трубецкому, вслѣдствіе чего и былъ приглашенъ для

безплатнаго медицинскаго совѣта. Ему Трубецкой разсказалъ свою «непріятную встрѣчу», а тотъ по нескромности развезъ ее во всю свою акушерскую практику.

Теперь всѣ эти лица уже сами составляютъ «умершее сословіе»; но когда случится вспомнить о ихъ времени, то даже какъ-будто не вѣрится, что все это было въ дѣйствительности, и притомъ еще сравнительно такъ недавно.

ГОЛОСЪ ПРИРОДЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Извѣстный военный писатель генералъ Ростиславъ Андреевичъ Ѳаддеевъ, долго сопутствовавшій покойному фельдмаршалу Барятинскому, разсказывалъ мнѣ слѣдующій забавный случай.

Проѣзжая съ Кавказа въ Петербургъ, князь однажды почувствовалъ себя въ дорогѣ нездоровымъ и позвалъ доктора. Было это, если я не ошибаюсь, кажется, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Докторъ осмотрѣлъ больного и нашелъ, что опаснаго въ его состояніи ничего нѣтъ, а что онъ просто утомился и ему необходимо отдохнуть одинъ день безъ дорожной качки и тряски въ экипажѣ.

Фельдмаршалъ послушался доктора и согласился остановиться въ городѣ: но станціонный домъ былъ здѣсь прескверный, а частнаго помѣщенія, по непредвидѣнности такого случая, приготовлено не было.—Явились неожиданныя хлопоты: куда помѣстить на сутки такого именитаго гостя.

Пошла суета да бѣганье, а нездоровый фельдмаршалъ тѣмъ временемъ помѣстился въ почтовой станціи и улегся на грязномъ диванѣ, который для него только чистою простынею покрыли. Между тѣмъ вѣсть объ этомъ событіи, разумѣется, скоро облетѣла весь городъ и всѣ военные побѣжали поскорѣе чиститься и нарадиться, а штатскіе—сапоги наваксили, виски припомадили и столпились противъ

станціи на другомъ тротуарѣ. Стоятъ и фельдмаршала высматриваютъ,—не покажется ли въ окно?

Вдругъ, ни для кого неожиданно и негаданно, одинъ человѣкъ всѣхъ сзади распихалъ, выскочилъ и побѣжалъ прямо на станцію, гдѣ фельдмаршалъ на простынѣ, на грязномъ диванѣ лежалъ, и началъ кричать:

— Я этого не могу, во мнѣ голосъ природы воздымается!

Посмотрѣли на него всѣ и подивилися: что̀ за нахалъ такой! Мѣстные обыватели всѣ этого человѣка знали, и знали, что санъ у него не великъ—такъ какъ онъ былъ не штатскій, не военный, а просто смотрителишка при какомъ-то мѣстномъ маленькомъ интендантскомъ или комиссаріатскомъ запасѣ, и грызъ вмѣстѣ съ крысами казенные сухари да подошвы, и такимъ манеромъ себѣ какъ разъ черезъ дорогу противъ станціи хорошенькій деревянный домикъ съ мезониномъ нагрызъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прибѣжалъ этотъ смотритель на станцію и проситъ Ѳаддеева, чтобы непремѣнно о немъ доложить фельдмаршалу.

Ѳаддеевъ и всѣ другіе стали его отговаривать

— Зачѣмъ вамъ,—это совсѣмъ не требуется и никакого пріема чиновъ тутъ не будетъ,—фельдмаршалъ здѣсь только для временнаго отдыха отъ своей усталости и, какъ отдохнетъ, опять уѣдетъ.

А интендантскій смотритель на своемъ стоитъ и еще больше воспламенился,—проситъ, чтобы непремѣнно о немъ князю доложили.

— Потому что я, говоритъ,—не славы ищу и не почестей, а въ томъ самомъ видѣ именно и предстою, какъ вами сказано: не по службѣ, а по усердію моей ему благодарности, такъ какъ я всѣмъ на свѣтѣ князю обязанъ и теперь во всемъ моемъ благоденствіи, голосомъ природы возбуждаемъ, желаю ему благодарно долгъ отдать.

Его спросили: — а въ чемъ вашъ долгъ природы заключается?

А онъ отвѣчаетъ:

— Таковъ мой долгъ благодарной природы, что князю здѣсь въ казенной неопрятности нехорошо отдыхать, а у меня какъ разъ отсюда визави домъ, свой домъ съ мезониномъ, и жена у меня изъ нѣмокъ, домъ нашъ содержится въ чистотѣ и опрятности, то у меня для князя и для васъ есть на мезонинѣ комнаты свѣтлыя, чистыя, вездѣ на всѣхъ окнахъ занавѣски бѣлыя съ кружевами и на чистыхъ постеляхъ тонкое бѣлье полотняное. Я желаю съ большимъ радушіемъ принять у себя князя, какъ отца родного, потому что я всѣмъ въ жизни ему обязанъ и безъ того отсюда не пойду, чтобы ему не было доложено.

Такъ онъ настойчиво на этомъ стоялъ и не хотѣлъ уходить, что фельдмаршалъ изъ другой комнаты услыхалъ и спрашиваетъ:

— Какой это шумъ? Нельзя ли мнѣ доложить: о чемъ такой разговоръ слышно?

Тогда Ѳаддеевъ все доложилъ, а князь пожалъ плечами и говоритъ:

— Рѣшительно не помню, какой-такой это человѣкъ и чѣмъ онъ мнѣ обязанъ; а, впрочемъ, посмотрите его комнаты, которыя онъ предлагаетъ, и если онѣ лучше этой лачуги, то я приглашеніе его принимаю и за безпокойство ему заплачу. Узнать—сколько хочетъ?

Ѳаддеевъ пошелъ мезонинъ у интенданта осмотрѣлъ и докладываетъ:

— Помѣщеніе очень спокойное и чистота необыкновенная, а про плату хозяинъ и слышать не хочетъ.

— Какъ такъ, и отчего? спросилъ фельдмаршалъ.

— Говоритъ, что онъ много вамъ обязанъ и голосъ природы его побуждаетъ за счастье выразить вамъ долгъ благодарности. А иначе, говоритъ, — если платить хотите, то я и дверей своихъ открыть не могу.

Князь Барятинскій засмѣялся и этого чиновника похвалилъ.

— Однако, я замѣчаю, говоритъ,—онъ молодецъ и съ характеромъ—это въ нашей сторонѣ стало рѣдко, и я такихъ людей люблю: вспомнить, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ, я не могу, но къ нему перейду. Давайте вашу руку и идемъ отсюда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Перешли улицу и... во дворъ; а у калитки уже фельдмаршала встрѣчаетъ самъ смотритель,—припомаженъ, приглаженъ, на всѣ пуговицы застегнутъ и съ лицомъ самымъ радостнымъ.

Князь какъ оглянулся вокругъ—видитъ все чисто, свѣтло сіяетъ, за палисадникомъ зелень веселая и розы въ цвѣту. Князь и самъ развеселился.

Спросилъ:—какъ хозяина зовутъ?

Тотъ отвѣчалъ, что въ родѣ Филиппъ Филипповъ Филипповъ.

Князь продолжаетъ съ нимъ разговоръ и говоритъ:

— Очень у тебя хорошо, Филиппъ Филиппычъ,—и мнѣ нравится; только одного я никакъ припомнить не могу: гдѣ и когда я тебя встрѣчалъ или видѣлъ, и какое я тебѣ могъ одолженіе сдѣлать?

А смотритель отвѣчаетъ:

— Ваша свѣтлость меня очень видѣли, а когда, — это если забыли,—то послѣ объяснится.

— Зачѣмъ же послѣ, когда я сейчасъ тебя хочу вспомнить.

Но смотритель не сказалъ.

— Прошу, говоритъ,—у вашей свѣтлости прощенія: если вы сами этого не вспомнили, то я сказать не смѣю, но голосъ природы вамъ скажетъ.

— Что за вздоръ! какой «голосъ природы», и отчего ты самъ сказать не смѣешь?

Смотритель отвѣчаетъ: «такъ, не смѣю», и глазами потупился.

А тѣмъ временемъ они пришли на мезонинъ, и здѣсь еще лучше чистота и порядокъ: полъ весь мыломъ вымытъ и хвощомъ натертъ такъ, что свѣтится, посерединѣ и вдоль всей чистенькой лѣстницы постланы бѣлыя дорожки, въ гостиной диванъ и на кругломъ переддиванномъ столѣ большой поливанный кувшинъ съ водою и въ немъ букетъ изъ розъ и фіалокъ, а дальше—спальная комната съ турецкимъ ковромъ надъ кроватью, и опять столикъ и графинъ съ чистой водой и стаканъ, и снова другой букетъ цвѣтовъ, а еще на особомъ столикѣ перо, и чернильница, и бумага съ конвертами и сургучъ съ печатью.

Фельдмаршалъ сразу окинулъ все это глазомъ и очень ему понравилось.

— Видно, говоритъ,—что ты, Филиппъ Филиппычъ, человѣкъ полированный, знаешь, что какъ слѣдуетъ, и я тебя, дѣйствительно, какъ будто гдѣ-то видѣлъ, но не могу вспомнить.

А смотритель только улыбается и говоритъ:

— Не извольте безпокоиться: черезъ голосъ природы это все объяснится.

Барятинскій разсмѣялся:

— Ты, говоритъ, братецъ, послѣ этого и самъ не Филиппъ Филипповичъ, а «голосъ природы»,—и очень этимъ человѣкомъ заинтересовался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Легъ князь въ чистую постель—ноги и руки вытянулъ, и такъ хорошо ему стало, что онъ сразу же задремалъ: проснулся черезъ часъ въ прекрасномъ расположеніи, а передъ нимъ уже стоитъ прохладный шербетъ вишневый и этотъ самый хозяинъ проситъ его выкушать.

— Вы, говоритъ,—на лѣкарства медиковъ, ваша свѣт-

лость, не полагайтесь, а у насъ природа и вдыханіе атмосферы пользуютъ.

Князь весело ему отвѣчаетъ, что все это, говоритъ, очень хорошо, но я тебѣ долженъ признаться—я у тебя прекрасно спалъ, но, чортъ меня возьми, и во снѣ все думалъ: гдѣ же я тебя видѣлъ, или никогда не видалъ?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, говоритъ, — вы изволили очень хорошо меня видѣть, но только совершенно въ другомъ видѣ природы и потому теперь не признаете.

Князь говоритъ:

— Хорошо, пусть такъ; но теперь здѣсь, кромѣ меня и тебя, никого нѣтъ, если же тамъ въ сосѣдней комнатѣ кто есть — то вышли всѣхъ ихъ вонъ, пусть на лѣстницѣ постоятъ, а ты мнѣ откровенно скажи безъ всякой секретности: кто ты такой былъ и въ чемъ твоя преступная тайна,—я могу тебѣ обѣщать выпросить прощеніе и обѣщаніе свое исполню, какъ есть я истинный князь Барятинскій.

Но чиновникъ даже улыбнулся и отвѣчалъ, что за нимъ ровно никакой провинной тайности нѣтъ и никогда не было, а онъ не смѣетъ только «сконфузить» князя за его непамятливость.

— Такъ и такъ, говоритъ,—я вашу свѣтлость за ваше добро постоянно помню и на всѣхъ молитвахъ поминаю; а нашъ государь и вся царская фамилія постоянно кого разъ видѣли и замѣтили—того ужъ цѣлый вѣкъ помнятъ. Потому дозвольте, говоритъ,—мнѣ вамъ словесно о себѣ ничего не вспоминать, а въ свое время я все это вамъ въ ясныхъ примѣтахъ голосомъ природы обнаружу—и тогда вы вспомните.

— А какое же ты къ этому средство имѣешь голосомъ природы все обнаруживать?

— Въ голосѣ природы, отвѣчаетъ,—всѣ средства есть.

Князь улыбнулся чудаку и говоритъ:

— Это твоя правда, сказалъ князь: — забывать скверно, и нашъ государь и царская фамилія, дѣйствительно, удивительно какіе памятливые; но у меня память слабая. Не

снимаю съ тебя воли, дѣлай какъ знаешь, только я желаю знать: когда же это ты будешь мнѣ свой голосъ природы обнаруживать, потому что я себя теперь въ твоемъ домѣ уже очень хорошо почувствовалъ и послѣ полуночи, холодкомъ, хочу выѣхать. А ты мнѣ долженъ сказать: чѣмъ тебя наградить за мой покой, который я у тебя имѣлъ,—потому что на это уже таковъ есть мой обычай.

Смотритель отвѣчаетъ:

— Я до полуночи успѣю вашей свѣтлости вполнѣ весь голосъ природы открыть, если только вы въ разсужденіи моей награды не откажете мнѣ то, что я составляю себѣ за драгоцѣннѣйшее.

— Хорошо, отвѣчаетъ князь,—даю тебѣ свое слово, что все, о чемъ попросишь, я тебѣ сдѣлаю, но только не проси невозможнаго.

Смотритель отвѣчаетъ:

— Я невозможнаго просить не стану, а у меня такое желаніе больше всего на свѣтѣ, чтобы вы явили мнѣ протекцію,—сошли ко мнѣ въ нижніе покои и сѣли съ нами за столъ и что-нибудь скушали, или даже хоть просто такъ посидѣли, потому что я нынче справляю мою серебряную свадьбу послѣ двадцати пяти лѣтъ, какъ я на Амаліи Ивановнѣ женился по вашему милосердію. А будетъ это къ вечеру въ одиннадцатомъ часу; въ полночь же, какъ вамъ угодно, вы можете благопристойно холодкомъ выѣхать.

Князь согласился и слово далъ, но только все-таки опять никакъ не могъ вспомнить: что̀ это и откуда этотъ человѣкъ, и отчего онъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ женился на Амаліи Ивановнѣ по его милосердію?

— Я даже съ удовольствіемъ пойду на ужинъ къ этому чудаку, сказалъ князь,—потому что онъ меня очень занимаетъ; да и по правдѣ сказать: мнѣ самому что-то помнится, не то насчетъ его, не то насчетъ Амаліи Ивановны, а что именно такое—припомнить не могу. Подождемъ голоса природы!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Къ вечеру фельдмаршалъ совсѣмъ поправился и даже ходилъ гулять съ Ѳаддеевымъ,—городъ посмотрѣлъ и закатомъ солнца полюбовался, а потомъ, какъ возвратился домой въ десять часовъ, хозяинъ уже его ждетъ и къ столу проситъ.

Князь говоритъ:

— Очень радъ, сейчасъ приду.

Ѳаддеевъ пошутилъ, что это даже и кстати, потому что онъ послѣ прогулки почувствовалъ аппетитъ и очень хотѣлъ съѣсть, что̀ тамъ Амалія Ивановна наготовила.

Барятинскій опасался только того: не посадилъ бы его хозяинъ на первомъ мѣстѣ и не сталъ бы подавать много шампанскаго да потчивать. Но всѣ эти опасенія были совершенно напрасны: смотритель и за столомъ показалъ столько же пріятнаго такта, какъ и во всѣ предыдущіе часы, которые князь провелъ въ его домѣ.

Столъ былъ накрытъ щеголевато, но просто; въ зальцѣ, очень просторномъ, сервировка опрятная, но скромная, и зажжены два черные чугунные канделябра прекрасной французской работы, въ каждомъ по семи свѣчей. А вино стоитъ хорошихъ сортовъ, но все мѣстное,—но между ними толстопузенькія бутылочки съ ручными надписями.

Это — наливки и водицы разныхъ сортовъ и превосходнаго вкуса, и малиновыя, и вишневыя, и изъ крыжовника.

Сталъ смотритель гостей разсаживать, и тоже опять показалъ свою ловкость: не повелъ князя въ конецъ стола къ хозяйскому мѣсту, а усадилъ его гдѣ тотъ самъ хотѣлъ— между адъютантомъ князя и прехорошенькой дамочкой, чтобы было фельдмаршалу съ кѣмъ сказать и короткое слово, и любезностями къ пріятному полу заняться. Князь съ дамочкой сразу же очень разговорился: онъ интересовался, откуда она и гдѣ воспиталась и какое въ та-

комъ далекомъ уѣздномъ городѣ находитъ для себя развлеченіе?

Она ему на всѣ его вопросы отвѣчала очень смѣло и безъ всякаго жеманства, и открыла, что больше всего, будто, чтеніемъ книгъ занимается.

Князь спрашиваетъ: какія она книги читаетъ?

Она отвѣчаетъ: Поль-де-Кока романы.

Князь засмѣялся:

— Это, говоритъ,—веселый писатель, и спрашиваетъ:— Что же вы именно читали: какіе романы?

Она отвѣчаетъ:

— «Кондитеръ», «Мусташъ», «Сестра Анна» и прочіе.

— А своихъ русскихъ писателей не читаете?

— Нѣтъ, говоритъ,—не читаю.

— А почему такъ?

— У нихъ мало свѣтскаго.

— А вы любите свѣтское?

— Да.

— Почему же это такъ?

— Потому, что мы о своей жизни сами все знаемъ, а то интереснѣе.

И тутъ говоритъ, что у нея есть братъ, который сочиняетъ романъ изъ свѣтской жизни.

— Вотъ это любопытно! сказалъ князь.—Нельзя ли хоть немножко видѣть, что̀ онъ тамъ пишетъ?

— Можно, отвѣчала дама, и на минуточку встала и принесла небольшую тетрадку, въ которой Барятинскій, взглянувъ только на первую страницу, и весь развеселился и подалъ ее Ѳадееву, сказавши:

— Посмотрите, какъ бойко начато!

Ѳаддеевъ посмотрѣлъ на первыя строки свѣтскаго романа и ему стало весело.

Романъ начинался словами: «Я, какъ свѣтскій человѣкъ, встаю въ двѣнадцать часовъ и утренняго чаю дома не пью, а ѣзжу по ресторанамъ».

— Чудесно? спросилъ Барятинскій.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Ѳаддеевъ.

Въ это время всѣ развеселились, а хозяинъ всталъ, поднялъ вверхъ бокалъ съ шипучимъ цимлянскимъ и говоритъ:

— Ваша свѣтлость, прошу вашего позволенія, ко всеобщему и моему удовольствію, въ сей драгоцѣнный для меня день, дозволить мнѣ изъяснить: кто я такой и откуда и кому всѣмъ, что̀ имѣю къ своему благоденствію, обязанъ Но не могу я этого изложить въ хладномъ словѣ человѣческаго голоса, такъ какъ я ученъ на самыя мелкія деньги. а разрѣшите мнѣ во всемъ законѣ моего естества при всѣхъ торжественно испустить гласъ природы!

Тутъ уже настало время самому фельдмаршалу сконфузиться, и онъ до того смѣшался, что нагнулся внизъ, будто хотѣлъ салфетку поднять, а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, не знаю, что ему сказать: что̀ это онъ такое спрашиваетъ?

А дамочка, его сосѣдка, щебечетъ:

— Не бойтесь, разрѣшайте: ужъ Филиппъ Филипповичъ дурного не выдумаетъ.

Князь думаетъ: «Э, была — не была, — пусть испущаетъ голосъ!»

— Я такой же гость, говоритъ, — какъ и всѣ прочіе, а вы хозяинъ—дѣлайте, что вы хотите.

— Благодарю всѣхъ и васъ, отвѣчаетъ смотритель и, махнувъ головой Амаліи Ивановнѣ, говоритъ:—иди, жена, принеси, что ты сама знаешь собственными твоими руками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Амалія Ивановна вышла и идетъ назадъ съ большою, ярко отполированною мѣдною валторною, и подала ее мужу; а онъ взялъ, приложилъ трубу къ устамъ и весь въ одно мгновенье перемѣнился. Только что надулъ щеки и издалъ одинъ трескучій раскатъ, какъ фельдмаршалъ закричалъ:

— Узнаю, братъ, тебя, сейчасъ узнаю: ты егерскаго полка музыкантъ, котораго я за честность надъ плутомъ интендантомъ присматривать посылалъ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ хозяинъ. — Я вамъ этого напоминать и не хотѣлъ, а сама природа напомнила.

Князь обнялъ его и говоритъ:

— Выпьемте, господа, всѣ вдругъ тостъ за честнаго человѣка!

И изрядно-таки выпили, а фельдмаршалъ совсѣмъ выздоровѣлъ и уѣхалъ чрезвычайно какой веселый.

Оглавленіе VII тома.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ:

стр.

Предисловіе 3
Жемчужное ожерелье. 4
Неразмѣнный рубль. 22
Звѣрь. 33
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. (Изъ кадетскихъ воспоминаній.) 57
Отборное зерно. Краткая трилогія въ просонкѣ 74
Обманъ 104
Штопальщикъ. 142
Жидовская кувырколлегія 160
Духъ госпожи Жанлисъ. Спиритическій случай. 194
Старый геній. 210
Путешествіе съ нигилистомъ 221
Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи . . . 230
Пугало 239
Фигура 297

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ:

Совмѣстители. 327
Старинные психопаты. 365
Интересные мужчины. 416
Таинственныя предвѣстія 483
Александритъ. 518
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ. 534
Умершее сословіе 550
Голосъ природы. 565

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Загадочный человѣкъ.—II. На ножахъ. I, II и III части.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

СЪ ПИСЬМОМЪ Н. С. ЛѢСКОВА

КЪ

ИВАНУ СЕРГѢЕВИЧУ ТУРГЕНЕВУ

(1871 г.)

Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ!

Я, весьма вѣроятно, не рѣшился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса въ защиту молодого человѣка, злополучныя приключенія котораго здѣсь разсказаны. Вашъ починъ въ этомъ дѣлѣ далъ мнѣ мысль и возможность нѣсколько подробнѣе опровергнуть злостныя клеветы, преслѣдовавшія Артура Бенни при его жизни и не пощадившія его въ некрологѣ, напечатанномъ послѣ его смерти. Мнѣ не разъ приходилось въ настоящемъ разсказѣ упоминать Ваше почтенное имя, такъ какъ Вашими добрыми мнѣніями о Бенни я старался подкрѣплять свое собственное мнѣніе о немъ, и потому первому Вамъ посылаю эту книгу съ просьбою принять ее. Чтобы сдѣлать эту повѣсть возможно полною, я, при нынѣшнемъ ея изданіи, воспользовался Вашими указаніями на прежніе промахи и ошибки въ моемъ разсказѣ и дополнилъ кое-что съ Вашихъ словъ и со словъ П. Д. Боборыкина, а равно присовокупилъ нѣкоторыя подробности о кончинѣ Бенни, напечатанныя въ трехъ номерахъ періодическаго изданія г-жею Якоби. Такимъ образомъ въ этой книжкѣ теперь собрано почти все, касающееся того «загадочнаго человѣка», который, при безвѣстности своего происхожденія и отсутствіи выдающихся и крупныхъ дарованій, пріобрѣлъ себѣ у насъ самую разнообразную извѣстность въ самыхъ разнородныхъ кружкахъ и котораго потомъ неразборчивые люди предпочли оклеветать и достигли этого съ такимъ успѣхомъ, какого, къ сожалѣнію, не достигаютъ попытки установить настоящій взглядъ на Бенни. Но тѣмъ не менѣе, дѣлая еще одну и послѣднюю такую

попытку, названную Вами въ почтенномъ письмѣ Вашемъ ко мнѣ «дѣломъ хорошимъ и честнымъ», я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что отнынѣ клеветѣ, до сихъ поръ съ непостижимою упорностію не позабывающей Артура Бенни, уже придется имѣть противъ себя печатное свидѣтельство четырехъ человѣкъ, то-есть Ваше, госпожи Якоби, мое и П. Д. Боборыкина, выразившаго мнѣ свое намѣреніе не оставить безотзывно этого моего опыта представить русскому обществу наглядный образецъ, чѣмъ оно увлекается то въ ту, то въ другую сторону и какъ у насъ, благодаря шаткости общественнаго мнѣнія, составлялись и составляются репутаціи.

Есть люди, которые смотрятъ на напечатаніе моихъ воспоминаній о Бенни совсѣмъ не такъ, какъ взглянули на это Вы и другія почтенныя лица, сочувствіе и одобреніе которыхъ мнѣ пріятно и дорого. Нашлись господа, которымъ хотѣлось бы, чтобы Артуръ Бенни остался въ томъ самомъ убранствѣ, въ которое они его снарядили, сваливая всякую дрянь съ больной головы на здоровую. Я получалъ не только укоризны, но даже угрозы, не продолжать этой исторіи, но я ее продолжилъ, окончилъ и издаю въ свѣтъ отдѣльною книгою, предоставляя кому угодно видѣть въ этомъ прямой отвѣтъ мой на всѣ заявленныя мнѣ неудовольствія, а Вамъ я тутъ же, на первой страницѣ этой книги, позволяю себѣ принести мою глубочайшую признательность за ту большую нравственную поддержку, которую Вы оказали мнѣ Вашими строками, утвердивъ меня во мнѣніи, что моя попытка возстановить истину въ этой запутанной исторіи есть *дѣло честное*, къ которому и Вы не остаетесь равнодушны.

Еще разъ прошу Васъ, принимая книгу, посылаемую при настоящихъ строкахъ, принять и мою глубокую благодарность за эту поддержку и увѣреніе въ моихъ почтительнѣйшихъ къ Вамъ чувствахъ, съ каковыми имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Николай Лѣсковъ*.

С.-Петербургъ, іюнь 1871 г.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИСТИННОЕ СОБЫТІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Повѣствователи и романисты одного довольно страннаго литературнаго направленія долго разсказывали о какихъ-то непосѣдливыхъ людяхъ, которые все будто уѣзжали изъ Петербурга въ глубь Россіи и дѣлали тамъ какія-то «*предпріятія*»; но, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ писателей этого односторонняго направленія не воспроизвелъ сколько-нибудь осязательнаго типа упомянутыхъ имъ предпринимателей и тайна, въ чемъ именно заключаются такъ называемыя ихъ «предпріятія», остается для всѣхъ до такой степени тайною, что множество людей даже сомнѣваются въ томъ, были ли въ дѣйствительности самые предприниматели? Между тѣмъ, несомнѣнно, что «предприниматели» такіе — не совсѣмъ выдумка. Предприниматели, дѣйствительно, бывали, и вотъ одинъ изъ таковыхъ, не сочиненный и неизмышленный, а живой, съ настоящимъ его именемъ и въ настоящемъ его свѣтѣ и значеніи.

Въ 1870 г. въ «Иллюстрированной Газетѣ» г. В. Зотова было напечатано извѣстіе о смерти нѣкоего *Артура Бенни*, человѣка, пріобрѣвшаго себѣ нѣкогда въ нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ кружкахъ самую бы-

струю и странную извѣстность. Онъ слылъ то за герценовскаго эмиссара и предпринимателя, то за англичанина и тайнаго агента одного изъ административныхъ русскихъ учрежденій.

Газетное извѣстіе о смерти этого человѣка слово въ слово заключается въ слѣдующемъ: «*Скончался* Бенни, англійскій подданный, высланный за границу (Россіи), по опредѣленію правительствующаго сената. Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, Бенни участвовалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ: «Русской Рѣчи», «Сѣверной Пчелѣ», «Книжномъ Вѣстникѣ». О немъ ходило много толковъ, такъ какъ никто не зналъ, зачѣмъ онъ прибылъ въ Россію. Нѣкоторые изъ этихъ толковъ были неблагопріятны для него. Въ послѣднюю Римскую кампанію онъ поступилъ въ отрядъ гарибальдійцевъ и убитъ при Ментанѣ».

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, знавшій покойнаго Бенни за человѣка честнаго, вступился за оскорбленіе его памяти намекомъ, кинутымъ на нее упоминаніемъ о тѣхъ толкахъ, которые, по словамъ некролога, «были неблагопріятны для Бенни», и напечаталъ въ другой газетѣ, что покойный Бенни былъ человѣкъ чистый и неповинный въ томъ, что столь недостойно на него возводилось.

Вотъ и все краткое сказаніе о жизни и смерти человѣка, дѣятельность котораго въ Россіи не лишена самаго живого интереса и лучше всякаго вымышленнаго направленскаго романа знакомитъ насъ съ характерами дѣятелей недавно минувшаго, безпокойнаго и оригинальнаго времени. Но, прежде чѣмъ мы дойдемъ до того рода дѣятельности Артура Бенни, которая давала поводъ досужимъ людямъ выдавать его то за герценовскаго эмиссара, то за шпіона, скажемъ два слова о томъ, кто таковъ былъ взаправду этотъ Бенни, откуда онъ взялся на петербургскую арену и какими путями доходилъ онъ до избранія себѣ той карьеры, которою сдѣлался извѣстенъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ русской сѣверной столицы.

Все, что далѣе будетъ слѣдовать за симъ, изложено частію по личнымъ воспоминаніямъ автора и свидѣтельствамъ другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ очевидцевъ, частію же по разсказамъ самого покойнаго Бенни, съ которымъ авторъ состоялъ въ долгихъ и прочныхъ дружескихъ отношеніяхъ, не прекращавшихся до высылки Бенни изъ Россіи. Авторъ не скрываетъ, что, печатая, можетъ быть, нѣсколько рано этотъ свой очеркъ, онъ имѣетъ желаніе очистить честную память Бенни отъ возведенныхъ на него злостныхъ и безчестныхъ клеветъ. Авторъ проситъ вѣрить ему, что онъ не вынужденъ для оправданій Бенни прибѣгать ни къ какимъ утайкамъ и натяжкамъ, да это было бы и невозможно, потому что въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы теперь еще слишкомъ много живыхъ людей, которымъ исторія покойнаго Бенни извѣстна, если не во всемъ цѣломъ, какъ она здѣсь излагается, то по деталямъ, изъ которыхъ сгруппировано это цѣлое. Ни лжи, ни лести здѣсь нѣтъ, да ихъ и не нужно: пусть гдѣ Бенни былъ ребячливъ и смѣшонъ, пусть онъ тамъ такимъ и останется, дѣло не въ его ребячливости или его серьезности, даже и не въ его умѣ, а въ его честности и отчасти въ занимательности и поучительности его странной судьбы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Артуръ Бенни убитъ въ самой цвѣтущей молодости. Ему и теперь не было бы еще 28 лѣтъ *). Нѣкоторые въ Петербургѣ утверждали, что имя «Артура Бенни» — есть имя вымышленное, и что человѣкъ, который жилъ здѣсь, между насъ, подъ этимъ именемъ, есть *подольскій шляхтичъ Бениславскій*: это выпустилъ въ Петербургѣ покойный г. Европеусъ, но это неправда. Артуръ Бенни *дѣйствительно былъ Артуръ Бенни*. Онъ родился въ Царствѣ Польскомъ, въ мѣстечкѣ Томашовѣ-Равскомъ, гдѣ отецъ

*) Писано въ началѣ 1870 года.

его, Іоганнъ Бенни, былъ пасторомъ томашовскаго евангелическаго прихода. Старикъ Бенни пользовался прекрасною репутаціею и умеръ въ 1862 году. Мать Артура Бенни, природная англичанка, была жива еще, когда вышло въ свѣтъ это правдивое повѣствованіе. У Артура Бенни остались также братья: старшій Германъ (впослѣдствіи томашовскій пасторъ) и младшій Карлъ (медикъ, обучавшійся въ Парижѣ и нынѣ практикующій въ Варшавѣ). Кромѣ этихъ двухъ братьевъ, у него живы двѣ сестры—Анна и Марія. Все это настоящіе члены настоящаго, а не вымышленнаго, и весьма почтеннаго семейства покойнаго томашовскаго пастора.

Несмотря на то, что семейство Бенни народилось и жило въ Польшѣ, домъ Бенни оставался всегда домомъ англійскимъ; ихъ домашніе нравы, обычаи,—все это было чисто англійское, и англійскій языкъ былъ ихъ домашнимъ языкомъ. Десяти-лѣтнимъ мальчикомъ Артуръ Бенни былъ отвезенъ въ польскую гимназію, въ городъ Піотрковъ, и поступилъ прямо въ третій классъ. Это былъ первый выходъ Артура Бенни изъ дома своего отца—изъ того дома, въ которомъ онъ, живучи въ Польшѣ, могъ гораздо удобнѣе воображать себя римляниномъ, аѳиняниномъ или спартанцемъ, чѣмъ полякомъ, ибо воспитанный отцомъ своимъ, большимъ классикомъ, Артуръ Бенни о Римѣ, Спартѣ и Аѳинахъ зналъ въ это время гораздо больше, чѣмъ о Польшѣ. По разсказамъ покойнаго Бенни (которыхъ онъ никогда не давалъ повода заподозрѣвать ни въ малѣйшей несправедливости), онъ въ домѣ отца своего совсѣмъ не зналъ польскаго характера, а, придя въ соприкосновеніе съ своими польскими сверстниками въ піотрковской гимназіи, не умѣлъ ни на чемъ сойтись съ ними и съ перваго же раза *не полюбилъ ихъ*.

— «Я, говорилъ Бенни, услыхалъ отъ этихъ дѣтей ложь, хвастовство и льстивость, которыхъ я никогда не слыхалъ въ домѣ отца моего, гдѣ никто никогда не лгалъ и не лукавилъ. Притомъ у нихъ бывали часто такіе без-

стыдные разговоры, что это мнѣ было противно. А болѣе же всего я рѣшительно не могъ выносить высокомѣрнаго и презрительнаго отношенія этихъ мальчиковъ къ простолюдинамъ, и особенно къ ихъ собственнымъ слугамъ, съ которыми у насъ въ домѣ всегда было принято обращеніе самое мягкое».

Бенни былъ ребенокъ очень нѣжный, впечатлительный и способный увлекаться до безконечности. Въ то самое время, когда имъ овладѣвало негодованіе на своихъ товарищей-мальчиковъ за ихъ высокомѣріе съ простолюдинами, рядомъ съ этимъ въ его нѣжную душу западало безграничное сожалѣніе къ самимъ этимъ простолюдинамъ, которые силою обстоятельствъ поставлены были въ необходимость переносить господское высокомѣріе. Что это за сила обстоятельствъ?—рабство и бѣдность,—бѣдность рабства и рабство бѣдности. (Такъ рѣшило себѣ дитя). Кто же создалъ такое положеніе? Для кого оно выгодно? Для кого оно нужно? Кто можетъ желать его сохраненія? Виновниками такого положенія выходили, разумѣется, помѣщики и вообще капиталисты. Нѣжное и воспріимчивое дитя, дойдя путемъ своихъ размышленій до такого рѣшенія, нашло въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ, для людей, создавшихъ такое положеніе другимъ людямъ, мѣсто непримиримой враждѣ, и съ тѣхъ поръ въ ребенкѣ росли всѣ необходимые задатки для того, чтобы изъ него, подъ извѣстными вліяніями, современемъ могъ создаться настоящій, искренній и ревностный демократъ и соціалистъ.

Обстоятельства этому благопріятствовали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ то самое время, когда Артуръ Бенни, соболѣзнуя своимъ отроческимъ сердцемъ о неравномѣрности распредѣленія на землѣ правъ и богатствъ, ломалъ себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ такихъ формъ общежитія, при которыхъ бы возмущавшая его неравномѣрность не могла

имѣть мѣста, — въ Польшѣ стояло много русскихъ войскъ, и одинъ полкъ, или одинъ отрядъ ихъ былъ расположенъ въ Піотрковѣ. Нѣсколько солдатъ изъ этого отряда квартировали въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ ученикъ Артуръ Бенни. Случалось такъ, что когда онъ, вообще чуждавшійся въ то время своихъ товарищей, сидѣлъ однажды на дворѣ, гдѣ играли его сверстники, на этотъ же дворъ выползъ подышать воздухомъ какой-то больной русскій солдатъ, и легъ на солнышкѣ, на кучѣ сваленныхъ на дворѣ бревенъ. Расшалившіеся польскіе мальчики, товарищи Бенни, замѣтивъ обезсиленнаго,больного русскаго солдата, стали кидать въ него мячемъ. Мальчики дѣлали это какъ-будто ненарочно; но Бенни зналъ, что они это дѣлаютъ съ умысломъ, чтобы досаждать больному. Благовоспитанному сыну томашовскаго пастора такой поступокъ представился крайне неблагороднымъ. Бенни не вытерпѣлъ и сказалъ товарищамъ, что они поступаютъ дурно и «*не по-рыцарски*». Мальчики отвѣчали ему, что онъ самъ ужъ «za nadto rycerz» (черезчуръ рыцарь), что онъ, какъ полякъ, не долженъ поступать по-рыцарски съ москалемъ.

— А я, разсказывалъ, смѣясь, Бенни, полный въ то время прочитанныхъ мною повѣстей о славныхъ рыцаряхъ и великихъ людяхъ древнихъ и новыхъ временъ, всегда поставлялъ себѣ задачею подражать этимъ людямъ. У насъ, въ нашемъ томашовскомъ саду, были и свои зáмки, и свои рыцарскіе уставы, и всѣ мы, братья, были «рыцари», а сестры наши дамы. Поэтому, привыкнувъ дорожить «рыцарствомъ», я вспылилъ, что будто можно быть «рыцаремъ черезчуръ». Мнѣ этотъ солдатъ, изъ-за котораго началось дѣло, конечно, былъ совсѣмъ чужой человѣкъ по всему; но тутъ я вдругъ просто полюбилъ его. «Москаль не стоитъ сожалѣнія»... Мнѣ сейчасъ же припомнилась извѣстная американка, которая сказала, что если хотя три человѣка будутъ осуждены на вѣчное мученіе въ аду, то она будетъ просить, чтобы она была четвертая, и я, почти не помня себя отъ гнѣва, отвѣтилъ, что если, будучи полякомъ, нельзя

быть рыцаремъ, то я лучше не хочу быть и полякомъ»..

— Впрочемъ, продолжалъ Бенни, — я, и успокоясь, не чувствовалъ особенной опрометчивости въ этомъ отвѣтѣ. Послѣ мнѣ только было досадно, что я оскорбилъ національное чувство моихъ товарищей, но самъ для себя я не чувствовалъ никакой неловкости отъ того, что отрекся быть полякомъ. Я, напротивъ, былъ очень радъ почувствовать послѣ этой сцены, что не имѣю рѣшительно никакихъ національныхъ пристрастій и что у меня *нѣтъ никакого отечества*—что для меня просто милы и дороги люди, — что я люблю все скорбящее и бѣдствующее человѣчество.

Такимъ образомъ юный демократъ и соціалистъ отыскалъ въ себѣ и еще одно новое свойство, пригодное для воспитанія въ немъ совершеннѣйшихъ соціалистическихъ симпатій: онъ былъ *космополитъ* и (что всего рѣже) Бенни былъ космополитъ самый искренній, а не напускной, до первой кости. Да и удивительно ли было ему чувствовать себя космополитомъ? Отецъ Бенни (извѣстный гебраистъ) жилъ въ землѣ чужой, и родство у Бенни по мужской линіи было еврейское; мать его была англичанка, не знавшая и даже, кажется, не изучавшая языка той страны, гдѣ ей довелось жить; онъ самъ родился въ Польшѣ, странѣ, подвластной Россіи и ненавидящей ее,—какое, въ самомъ дѣлѣ, могло быть отечество у такого, такъ сказать, безпочвеннаго гостя земли? Ему всего легче было чувствовать себя *гражданиномъ вселенной*, — онъ такъ себя и чувствовалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Усвоивъ себѣ эти чувства, Бенни не сталъ скрывать ихъ отъ своихъ польскихъ товарищей, и, въ доказательство своего равнодушія къ патріотической польской нетерпимости, часто ходилъ бесѣдовать съ квартировавшими съ нимъ на одномъ дворѣ русскими солдатами. Отъ одного изъ этихъ

солдатъ онъ узналъ, что въ Россіи есть такая вещь, какъ *общинное владѣніе землею* у вольныхъ крестьянъ. Бенни это поразило! Та форма общежитія, о которой онъ мечталъ и которую собирался отыскивать, была уже открыта, и притомъ открыта простыми людьми и людьми той національности, которую вокругъ него всѣ не уважали, называли варварскою и всячески ее порочили и осуждали. За что же осуждать такой народъ, который любитъ и удерживаетъ такія, какъ находилъ мальчикъ, безпримѣрно хорошія учрежденія? Бенни, напротивъ, почувствовалъ съ этого времени симпатію къ Россіи и весь предался изученію русскаго языка и исторіи.

— Въ классѣ надо мною за это смѣялись, говорилъ покойникъ,—и даже строго осуждали мое вниманіе къ Россіи; но дома, пріѣзжая на каникулы, я весь отдавался моему любимому чтенію объ этой странѣ съ такимъ восхитительнымъ земельнымъ устройствомъ.

Такимъ образомъ, при безпрерывномъ чтеніи, Бенни дочитался до болѣе ясныхъ опредѣленій русской круговой поруки, общины и артели (которыми, здѣсь можно кстати сказать, покойный всегда бредилъ, идеализировалъ ихъ и никогда не понималъ ихъ какъ слѣдуетъ).

— Не знаю, говорилъ Бенни,—и не помню, что за критическій взглядъ проводился на эти формы русской жизни тѣми заграничными писателями, у которыхъ я все это вычиталъ; но помню, что и артель, и община, и круговая порука мнѣ нравились все болѣе и болѣе, и я съ одной стороны сгаралъ нетерпѣніемъ увидать, какъ живутъ люди въ общинѣ и въ артели, а съ другой—приходилъ въ отчаяніе, какъ честные люди всего міра не видятъ преимуществъ такого устройства передъ всякими иными организаціями? Я былъ твердо убѣжденъ, что русская община современемъ будемъ понята и усвоена всѣмъ міромъ, и тогда на свѣтѣ будетъ конецъ пролетаріату. Я рѣшилъ и всегда потомъ чувствовалъ, что отсюда начнется исполненіе пророчества Іезекіиля о приближеніи времени, когда

«всѣ мечи раскуютъ на рала». «*Жизнь мою*, говорилъ Бенни,— *я тогда же опредѣлилъ положить за успѣхъ этой задачи*».

Все это такъ и осталось вѣчною его задачею, къ осуществленію которой онъ постоянно рвался горячо, искренно, со всѣмъ пыломъ настоящаго фанатика и со всею безтактностію юнаго теоретика.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Артуръ Бенни окончилъ гимназическій курсъ очень рано, чуть ли не 15-ти лѣтъ, и былъ посланъ для продолженія своего образованія въ Англію, подъ надзоръ одного изъ братьевъ своей матери. Въ Лондонѣ онъ доучился и потомъ поступилъ въ англійскую службу инженеромъ, въ вульвичскій арсеналъ.

— Мнѣ жилось бы прекрасно, говорилъ Бенни,—если бы для меня «*прекрасно*» выражалось въ томъ, что у меня есть все нужное, а впереди — ровная, хорошая служебная карьера; но такая жизнь была далека отъ моего идеала жизни».

Русскія симпатіи Бенни повлекли его въ Лондонѣ къ сближенію съ тогдашнимъ лондонскимъ русскимъ революціоннымъ кружкомъ. Бенни познакомился съ покойнымъ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ (Искандеромъ), съ Бакунинымъ, съ Огаревымъ, съ возвратившимся послѣ на родину и писавшимъ свои покаянія эмигрантомъ Василіемъ Ивановичемъ Кельсіевымъ и со многими другими революціонными людьми, группировавшимися во то время въ Лондонѣ вокругъ Герцена. Въ домѣ Герцена Бенни былъ принятъ пріятельски и, кромѣ того, давалъ нѣкоторое время какіе-то уроки дочери покойнаго Герцена, Ольгѣ Александровнѣ, — кажется, онъ училъ эту молодую дѣвушку языкамъ, такъ какъ онъ, при хорошемъ общемъ классическомъ образованіи, былъ большой и довольно просвѣщенный лингвистъ. О томъ же, какъ онъ долженъ былъ казаться пріят-

нымъ дѣтямъ, нечего и говорить, такъ какъ это былъ человѣкъ образцовой мягкости, благовоспитанный, нѣжный, честный, много начитанный, беззавѣтно веселый и безповоротно самоотверженный. Однимъ словомъ, герой для самаго восторженнѣйшаго романа!

Сближеніе юнаго, пылкаго и рѣшительнаго Артура Бенни съ герценовскимъ кружкомъ имѣло рѣшительное вліяніе на позднѣйшія судьбы пылкаго юноши.

Слѣдуетъ не забывать, что все то, о чемъ мы разсказываемъ, для Бенни возымѣло свое начало еще въ эпоху бывшаго въ Россіи крѣпостного права, которому хотя тогда и наступили уже послѣдніе дни, но кончинѣ котораго даже и здѣсь, въ Россіи, еще плохо вѣрилось. Въ Лондонѣ же тогда всевластно господствовало убѣжденіе, что единственный путь спасенія Россіи отъ крѣпостного права, злосудія и произвела есть соціально-демократическій переворотъ, а переворотъ этотъ надо произвесть посредствомъ народнаго возстанія противъ правительства и при этомъ порѣшить помѣщиковъ. Однимъ словомъ—это относится еще къ порѣ столь памятнаго, хотя совсѣмъ не безпристрастно растолкованнаго герценовскаго воззванія: «къ топорамъ!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Такъ какъ вся революція, которая считалась иными тогдашними нашими политиками столь необходимою и сбыточною, замышлялась будто бы на пользу тѣхъ великихъ формъ русской народной жизни, въ которыя былъ сентиментально влюбленъ и о которыхъ мечталъ и грезилъ Артуръ Бенни, то онъ, какъ боевой конь, ждалъ только призыва, куда бы ему броситься, чтобы умирать за народную общинную и артельную Россію, въ борьбѣ ея съ Россіею дворянскою и монархическою. Въ Лондонѣ же, изъ тамошнихъ русскихъ революціонныхъ людей, настоящихъ охотниковъ столь рьяно и безразсчетно искать смерти за мужицкую Русь не находилось, или, по крайней мѣрѣ, они

не выступали. Тогда еще только *говорили*, а ничего *не дѣлали*. (Поѣздки въ Норвегію Герцена-сына и Бакунина, равно какъ и пріѣздъ въ Россію Василья Кельсіева съ паспортомъ турецкаго подданнаго Янини—все это дѣла дней позднѣйшихъ). Въ то же время, котораго это касается, опять повторяю, въ Лондонѣ *только говорили* о революціяхъ *да писали*, а къ дѣламъ вовсе не приступали. Нетерпѣливаго юношу Бенни это чрезвычайно огорчало: онъ становился безпокоенъ, назойливъ, рвался и напрашивался на дѣло. Онъ вообще былъ не изъ говоруновъ, и фразерства терпѣть не могъ, а потому, чтобы избавиться отъ его порывовъ къ дѣлу, его непремѣнно надо было или пускать въ ходъ, или скорѣе вовсе съ рукъ спустить. Можно полагать, что Бенни своею пылкостью и назойливостью началъ надоѣдать своимъ русскимъ лондонскимъ друзьямъ, но самъ онъ, тогда нетерпѣливо ожидая похода на Россію, ничего этого не замѣчалъ. Онъ только томился передъ вопросами: «когда же и скоро-ли?» Но тѣ, къ кому приступалъ онъ съ этими вопросами спѣшили потихоньку и только ораторствовали въ интимныхъ бесѣдахъ и на большихъ выходахъ. Эта медлительность и равнодушіе лондонскихъ революціонныхъ зачинщиковъ повергала Бенни въ отчаяніе. Онъ тѣмъ больше кипятился, что въ это время въ Россіи правительство уже освободило крестьянъ съ земельными надѣлами, задумало дать гласный судъ и ввести другія реформы, при которыхъ доказывать русскимъ людямъ настоятельную необходимость революціи становилось день-ото-дня все труднѣе и труднѣе. Въ это время, какъ нарочно и какъ на горе Бенни, подвернулся слѣдующій незначительный случай. Одинъ русскій сибирскій купецъ прибылъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Лондонъ (Имя его секретъ Полишинеля). Проѣздомъ черезъ Парижъ онъ тамъ схороводился кое съ кѣмъ изъ русскихъ распространителей «Колокола»; разболтался съ ними, разлиберальничался и, столкнувшись потомъ съ ними въ Лондонѣ, гдѣ они желали представиться Герцену, онъ и самъ ощутилъ

въ себѣ потребность исполнить эту церемонію. Представившись Герцену, заѣзжій сибирякъ познакомился черезъ него съ прочими людьми лондонской революціонной семьи, собиравшейся у Герцена при его большихъ выходахъ. Въ числѣ этихъ новыхъ знакомствъ сибирскаго гостя оказался и Артуръ Бенни. Увлекшись заманчивостью своего новаго положенія и находясь подъ обаяніемъ ласкъ самого Герцена (чѣмъ тогда дорожили и не такіе люди), сибирскій купецъ на время позабылъ, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, какъ говорится, «по своимъ дѣламъ», а вовсе не для того, чтобы вертѣться около г. Герцена. Онъ началъ добродушно лисить передъ всѣми людьми герценовскаго кружка и, съ свойственною русскому человѣку лукавинкою, сейчасъ смекнулъ, какъ ему здѣсь держать себя, чтобы на него глядѣли получше. Онъ сталъ говорить, что прибылъ въ Лондонъ именно съ тѣмъ единственно, чтобы завязать здѣсь съ самимъ Александромъ Ивановичемъ и съ его вѣрными людьми хорошія и прочныя связи на жизнь и на смерть, и затѣмъ, уѣхавъ въ Сибирь, служить оттуда, изъ дома, тому самому дѣлу, которому они служатъ здѣсь, въ Лондонѣ.—«Дескать, поручите мнѣ что вамъ угодно: перепечатывать ли тамъ, въ Сибири, герценовскій «Колоколъ», — будемъ «Колоколъ» перепечатывать; или издавать прокламаціи, какихъ потребуютъ обстоятельства, и на это, говоритъ, готовъ: прокломаціи будемъ издавать».

Однимъ словомъ, готовъ человѣкъ вести въ Сибири соціально-демократическую пропаганду и рыть подкопы противъ существующаго правительства, которое (какъ тогда было рѣшено) освободило крестьянъ скверно, и само ничего не способно разрѣшить удовлетворительно и сообразно съ выгодами народа.

Въ Лондонѣ предпочли всему одобрить перепечатку «Колокола» и распространеніе его въ Сибири. Сибирякъ съ полною готовностью взялся и за то, и за другое, и завѣрялъ, что Сибирь непремѣнно очень скоро взбунтуется.

Одного сибирскому соціалисту яко-бы недоставало: гра-

мотнаго, представительнаго и смѣлаго человѣка, который бы взялъ на себя трудъ по затѣянной перепечаткѣ въ Сибири «Колокола». Купецъ, раскинувъ здравымъ умомъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что охотника взяться за такое дѣло въ Сибири, въ числѣ живущихъ въ Лондонѣ людей, конечно, не найдется ни одного, и онъ только повздыхаетъ передъ лондонцами своими гражданскими вздохами, что «вотъ все бы-де такъ; я на все готовъ, но людей нѣтъ», да все и тѣмъ и покончится.

— Такъ, молъ, это Господь милосердный и пронесетъ, и вернемся мы опять къ своимъ дѣламъ и станемъ жить да поживать, да добро наживать. Надую, молъ, всѣхъ васъ въ одно слово, да и только.

Но не тутъ-то было: купецъ промахнулся. Онъ все соображалъ, прикидывая всѣхъ на масштабъ тѣхъ революціонеровъ, какихъ ему случилось видѣть въ Россіи и частію въ Парижѣ, а не зналъ, какіе антики водятся въ Лондонѣ.

На этомъ его Богъ и попуталъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не успѣлъ купецъ попечаловаться, что онъ не имѣетъ человѣка для перепечатыванія въ Сибири «Колокола», какъ ему сейчасъ же съ оника былъ предложенъ для этого дѣла человѣкъ, способный и готовый положить свою голову и душу за демократическую Россію. Человѣкъ этотъ былъ Артуръ Бенни.

Купцу-соціалисту, захваченному такою напастью врасплохъ, въ Лондонѣ некуда было отъ этого попятиться. Онъ увидалъ, что попался очень крѣпко, но тотчасъ же понялъ, что отпираться ему неловко, и что пока онъ здѣсь, въ Лондонѣ, ему надо себя выдержать. Онъ рѣшился принять предложеннаго ему революціоннаго агента и провезть его съ собою въ Россію, въ качествѣ инженера, нужнаго будто бы для его сибирскихъ фабрикъ и заводовъ. Артуръ Бенни торжествовалъ. Онъ радостно прощался съ

Англіею и оставлялъ безъ малѣйшаго сожалѣнія свое мѣсто при вульвичскомъ арсеналѣ, гдѣ онъ получалъ около 500 фунтовъ жалованья (по позднѣйшему курсу около 5000 р. с. на наши деньги). Артуръ Бенни досталъ себѣ англійскій паспортъ, въ которомъ значился *«натурализованнымъ англійскимъ субъектомъ»*, и снарядился въ путь съ своимъ русскимъ принципаломъ въ Россію.

Купецъ отплывалъ съ Бенни совершенно спокойно, потому что у него уже былъ столько же простой, сколько оригинальный и вѣрный планъ, какъ ему развязаться и съ транспортируемымъ имъ революціонеромъ, и со всею задуманною въ Лондонѣ революціею въ Сибири.

Перевалившись на континентъ Европы, сибирякъ, которому приснастили Артура Бенни, тотчасъ же нѣсколько поспустилъ съ своихъ плечъ революціонную хламиду. Прежде всего во Франціи онъ захотѣлъ, что называется, «пожуировать своею жизнію». Дѣвственный Бенни былъ для этого самый плохой компаніонъ: онъ не любилъ и даже не выносилъ вида никакихъ оргій, самъ почти ничего не пилъ, въ играхъ ни въ какихъ не участвовалъ, легкихъ отношеній къ женщинамъ со стороны порядочныхъ людей даже не допускалъ, а самъ и вовсе не зналъ плотскаго грѣха и считалъ этотъ грѣхъ большимъ преступленіемъ нравственности (Артуръ Бенни былъ *дѣвственникъ*, — это извѣстно многимъ близко знавшимъ его лицамъ и между прочимъ одному уважаемому и нынѣ весьма извѣстному петербургскому врачу, г. Т—му, пользовавшему Бенни отъ тяжкихъ и опасныхъ болѣзней, причина которыхъ лежала въ его *дѣвственности*, боровшейся съ пламеннымъ темпераментомъ его пылкой, (почти жгучей натуры). Купцу же, въ свою очередь, не нравилось такое цѣломудріе, и онъ безъ церемоніи говорилъ Бенни:

— Экой же ты, братъ, шутъ, что не знаешь ты самаго хорошаго, безъ чего жить нельзя! Ты примѣряйся, а то мы такихъ не любимъ.

Артуръ Бенни, дорожа своимъ русскимъ революціоне-

ромъ, скрѣпя сердце, отшучивался, нраву его не препятствовалъ и закочевали они съ нимъ изъ столицы въ столицу Европы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Купецъ распился и безобразничалъ,—Бенни смотрѣлъ съ отвращеніемъ на его дикія оргіи, но все терпѣлъ. Переносясь изъ страны въ страну, купецъ даже нашелъ средство извлекать себѣ изъ слѣдовавшаго за нимъ Бенни изрядную пользу. Онъ отпустилъ въ Парижѣ своего наемнаго переводчика, котораго до сей поры возилъ съ собою, и обратилъ въ переводчика Бенни, разумѣется безъ всякаго ему за это вознагражденія.

Купецъ не спѣшилъ въ Россію, а Бенни, слѣдуя за нимъ, прокаталъ почти всѣ свои небольшія деньги и все только удивлялся, что это за странный закалъ въ этомъ русскомъ революціонерѣ? Все онъ только ѣстъ, пьетъ, мечетъ банки, рѣжетъ штоссы, раздѣваетъ и одѣваетъ лоретокъ и только между дѣломъ иногда вспомнитъ про революцію, да и то вспомнитъ для шутки: «А что, молъ, скажешь, какъ, милый баринъ, наша революція!»

Будь на мѣстѣ Артура Бенни сопутникомъ этого сибирскаго купца какой хотите не совсѣмъ безтолковый человѣкъ, не нашпигованный и не наученный лондонскими знатоками русскаго народа видѣть въ каждой наглости, грубости и глупости простого русскаго человѣка черту особыхъ, одному русскому простолюдину свойственныхъ, высокихъ качествъ, этотъ человѣкъ давно бы увидѣлъ, что его дурачитъ дуракъ и бросилъ бы этого дурака посреди его дороги. Но Бенни уже такъ было наказано, что революціоннѣе русскаго раскольника нѣтъ никого въ мірѣ, и что какъ онъ, этотъ раскольникъ, по своей непосредственности, ни чуди и ни юродствуй, а уже противъ него никто не постоитъ ни въ умѣ, ни въ твердости, ни въ разсудкѣ. Въ то наивное время такъ вѣрили и не въ одномъ Лондонѣ. Такъ точно вѣрилъ и простодушный Бенни и все терпѣлъ отъ своего

безобразника; но, наконецъ, купцу надоѣло разъѣзжать да пьянствовать; подходило время ѣхать домой. На пути въ Россію ему оставался одинъ нѣмецкій Берлинъ; нужно было только взять на желѣзной дорогѣ сквозной билетъ въ Россію, и переводчикъ съ иностранныхъ языковъ купцу больше не нуженъ. Купецъ взглянулъ на Бенни и рѣшилъ, что уже тутъ пора ему съ нимъ и кончить.

— Думалъ было я его сбросить, гдѣ попало, по дорогѣ, разсуждалъ сибирякъ, да поманулося мнѣ, что онѣ на всѣ языки знаетъ и завезъ его вотъ какъ далеко.

Тогда сибирскій соціалистъ, много не обинуясь съ Бенни, сказалъ ему: «Куда же это мы теперь съ тобою, милый баринъ, подъѣхали?»

— Мы въ Пруссіи, отвѣчалъ Бенни.

— Знаю, что въ Пруссіи, да кой насъ, прости Господи, лукавый вмѣстѣ сюда занесъ? Вѣдь изъ самой изъ этой Пруссіи летятъ къ намъ гусіи нашу пшеницу клевать.

— А что? спросилъ удивленный Бенни.

— Да вѣдь говорю же тебѣ *что*. Да еще вонъ я теперь вспомнилъ, что ихъ король-то съ нашимъ государемъ и по сейчасъ въ родствѣ!

Изумленный Бенни смотрѣлъ на своего сопутника недоумѣвая, что онъ хочетъ этимъ сказать, и, наконецъ, спросилъ его, что же такое изъ этого слѣдуетъ, что прусскій король въ родствѣ съ русскимъ государемъ?

— А то слѣдуетъ, отвѣчалъ купецъ,—что ѣхалъ бы ты теперь, нѣмчикъ, отсюда назадъ.

— Какъ назадъ? спросилъ съ удивленіемъ произведенный въ нѣмчики Бенни.

— А такъ, что вѣдь тебѣ у насъ по настоящему дѣлать совсѣмъ нечего: я съ тобою не поѣду, да и всего этого, что я вамъ говорилъ, ничего не будетъ, объявилъ онъ Бенни и добавилъ, что все, что онъ тамъ въ Лондонѣ разсказывалъ, то это было такъ во снѣ, и онъ самъ ничего этого теперь не вспомнитъ.

— А къ тому же, говоритъ,—мы и сами въ своемъ мѣ-

стѣ не послѣдніе капиталисты, и насъ-де и хорошіе люди, благодаря Бога, не за пустыхъ людей почитаютъ, да есть, молъ, у меня и жена, и дѣти; ну, однимъ словомъ, не хочу дѣлать революцію да и все тутъ, и ступай, нѣмчикъ, назадъ. Бенни сталъ уговаривать купца, чтобы онъ хоть только къ своимъ дѣламъ его въ Сибирь взялъ.

— Нѣтъ, и этого, говоритъ,—душа моя, никакъ невозможно: потому у меня братья—простецы, необразованные; имъ этихъ нашихъ съ тобою политическихъ дѣловъ ни за что не понять... Нѣтъ, и не собирайся, ни за что нельзя.

Бенни пустился уговаривать его, что никакихъ политическихъ предпріятій въ ихъ домѣ не разовьетъ, что онъ только хочетъ взглянуть на Сибирь и познакомиться съ нею; но собирякъ сталъ на своемъ, что и этого нельзя, да и не стоитъ.

— Чего ее, говоритъ,—и смотрѣть Сибирь-то? Ее у насъ только поневолѣ, за наказанье смотрятъ, сторона ссыльная, да глухая, а у меня опять тоже и матушка съ батюшкою такіе же люди старозаконные; а ты, кто тебя знаетъ, какой вѣры; они съ тобою за столъ не сядутъ, а тамъ еще, помилуй Богъ, что откроется...—Нѣтъ. Въ общемъ выводѣ выходитъ опять: «ступай, нѣмчикъ, назадъ, да и все тутъ».

— Въѣдемте же, по крайней мѣрѣ, хоть вмѣстѣ въ Россію? уговаривалъ его Бенни; но купецъ и отъ этого отказался и самымъ рѣшительнымъ образомъ запротестовалъ противъ того, что Бенни везетъ на себѣ множество листовъ «Колокола», съ которыми его могутъ поймать на границѣ.

— Но вѣдь это все только меня будетъ касаться, а не васъ, отвѣчалъ агитаторъ.

— «*Не васъ*» отозвался купецъ.—Ага! вы вѣдь думаете, что у насъ небось какъ у прочихъ, какъ въ Англіи, слабости въ начальствѣ-то! Нѣтъ-съ, у насъ на это честно: у насъ, какъ прижучатъ, такъ вы тогда и про меня скажете. А мы съ вами давай лучше добромъ здѣсь разстанемтесь;

вотъ почеломкаемтесь, да и бывайте здоровы. Ей-Богу, такъ лучше.

Бенни посмотрѣлъ на своего партнера и холодно отвѣчалъ ему, что ему нѣтъ дѣла до его соображеній, и что онъ все-таки поѣдетъ въ Россію.

— Да вы, пожалуй, если охота пропадать, такъ и поѣзжайте, говорилъ купецъ.—Только вмѣстѣ намъ ѣхать не надо; а то поѣзжайте.

Бенни еще суше замѣтилъ, что онъ поѣдетъ, когда захочетъ.

— А ну, если вы отъ меня тутъ добромъ не отстанете и поѣдете вмѣстѣ со мною, зарѣшилъ купецъ, такъ я,— вотъ рука отсохни,—какъ на границу взъѣду, сейчасъ и укажу, чтобы васъ обыскали.

Бенни понялъ все значеніе этой угрозы и отсталъ отъ своего политическаго русскаго единомышленника въ Берлинѣ.

— Послѣ отхода поѣзда, съ которымъ уѣхалъ мой купецъ, говорилъ Бенни,—я, признаюсь, долго думалъ: Зачѣмъ же этотъ человѣкъ взманивалъ меня, зачѣмъ онъ меня везъ, и что это такое онъ теперь сдѣлалъ? Я ничего этого не могъ себѣ разрѣшить и чувствовалъ только, что, вѣроятно, еще ни одинъ революціонеръ въ мірѣ не былъ поставленъ въ такое смѣшное, глупое и досадное положеніе, въ какое поставленъ былъ я. Я былъ жалокъ самому себѣ и самого себя ненавидѣлъ; но возвращаться не хотѣлъ. Меня словно что-то роковое неодолимо тянуло въ Россію.

Возвращаться назадъ въ Лондонъ Бенни, кромѣ того, казалось чрезвычайно смѣшнымъ и даже невозможнымъ, да и къ тому же, какъ сказано, онъ хотѣлъ видѣть Россію. Теперь посмотрѣть Россію ему казалось даже еще необходимѣе, потому что ему хотѣлось удостовѣриться: много ли въ Россіи сибирскихъ купцовъ, въ родѣ его дорожнаго спутника, и познакомиться съ тѣми лучшими петербургскими людьми, изъ которыхъ онъ съ одними встрѣчался у Герцена, а о другихъ много слышалъ какъ о людяхъ развитыхъ,

серьезныхъ, умныхъ и держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ нити русской соціально-демократической революціи. Стало быть, стоитъ доѣхать въ Петербургъ, сойтись съ этими людьми, и снова можно попасть другимъ путемъ въ то же самое дѣло. Бенни такъ рѣшилъ и съ остатками своихъ деньжонокъ махнулъ изъ Берлина въ Россію участвовать въ здѣшней соціально-демократической революціи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Люди, къ которымъ Бенни явился въ Петербургѣ, съ первоначала очень обрадовались такому гостю. Свелъ Бенни съ этою партіею нѣкто умершій подъ арестомъ въ крѣпости акцизный чиновникъ Ничипоренко, а къ Ничипоренкѣ Бенни явился потому, что зналъ объ этомъ жалкомъ и въ то же время роковомъ человѣкѣ отъ В. И. Кельсіева, съ которымъ Ничипоренко былъ товарищъ по воспитанію въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ и поддерживалъ перепискою съ нимъ непрерывныя сношенія. Здѣшніе молодцы (теперь уже одни старцы, а другіе покойники), съ которыми Ничипоренко свелъ Бенни, пріютили его и безъ мѣры радовались, что къ нимъ прибылъ «*герценовскій эмиссаръ*». Другого имени Бенни не было, и отсюда онъ такъ и пошелъ *герценовскимъ посломъ*, пока потомъ тѣми же самыми людьми былъ объявленъ *шпіономъ*.

Бенни до самой послѣдней минуты утверждалъ, что онъ никогда и нигдѣ не выдавалъ себя за герценовскаго посла, и не знаетъ, *кто первый* выпустилъ это слухъ; но съ другой стороны утверждалось, что онъ будто когда-то называлъ себя этимъ титуломъ, и это было поводомъ ко многимъ непріятностямъ для горячаго и легкомысленнаго юноши (Бенни впослѣдствіи два раза писалъ Герцену и просилъ его вступиться за него и оправдать его, но Герценъ этого не сдѣлалъ. Почему? Бенни говорилъ, что Герценъ не хотѣлъ нарушать согласія въ здѣшнихъ кружкахъ; и это было источникомъ многихъ горестнѣйшихъ для Бенни минутъ).

Но вотъ и здѣсь, въ Петербургѣ, съ Бенни открылась та же забота, что была съ нимъ въ Лондонѣ: эмиссару надо дать занятіе, достойное герценовскаго посла: надо было показать ему, что вся русская революція, о которой тогда били тревогу заграницею, тутъ уже совсѣмъ на мази, что все здѣсь и ключемъ кипитъ, и огнемъ горитъ, и что еще денекъ-другой, да и *«заутро бой»*. А между тѣмъ дѣлъ-то, собственно говоря, какъ извѣстно, не было почато никакихъ, да и никто не зналъ, какъ ихъ еще и починаютъ. Знали, что во время революцій люди сходятся на площадяхъ, и вздумаютъ: «можетъ быть, и намъ бы на площадь?» и согласятся сойтись на площадь. А какъ опять это администрировать, чтобы сойтися на площадь, даже и объ этомъ не было ни у кого ни малѣйшаго понятія.

Все, что умѣли дѣлать тогдашніе революціонеры, заключалось развѣ въ томъ, чтобы, ѣдучи съ извозчикомъ, наговорить ему, сколь много стоитъ армія, или чего стоятъ дворцы; или же дать солдатику почитать «Колоколъ». Больше же никто ничего не умѣлъ дѣлать, чѣмъ вполнѣ и объясняется, что въ романахъ и повѣстяхъ, гдѣ выводились люди, устроивающіе революцію, глухо говорилось, что люди эти *поѣхали дѣлать предпріятіе*, а какъ это «предпріятіе» надо дѣлать?—того никто не зналъ. Гораздо спустя, только уже у позднѣйшихъ далѣе развившихся писателей встрѣчаемъ, что *предпріятели* шныряютъ по городамъ, сидятъ гдѣ-то въ слободкахъ и все *пишутъ до-бѣла свѣта*, но и эти позднѣйшіе писатели все-таки опять не могли придумать, что̀ такое именно пишутъ ихъ предприниматели, и оттого эти герои ихъ опытному человѣку все болѣе напоминали собою нарочныхъ чиновниковъ, секретно повѣряющихъ ревизскія сказки. Артуръ же Бенни, несмотря на свои юные годы, былъ въ революціонныхъ дѣлахъ человѣкъ, если не очень опытный, то, по крайней мѣрѣ, наслышанный и начитанный: онъ видалъ въ Лондонѣ избраннѣйшихъ революціонеровъ всѣхъ странъ и теоретически зналъ, какъ у людей распочинаютъ революціи, и что для этого нужно. Первое,

что онъ присовѣтывалъ своимъ новымъ политическимъ друзьямъ (П. Курочкину, В. Якушкину и С. Громеко), заключалось въ томъ, чтобы они пробовали отъ времени до времени дѣлать примѣрные «маневры». Его долго увѣряли, что этого вовсе не надо, что у насъ это все сдѣлается безъ всякихъ плановъ и маневровъ; но онъ, однако, упросилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ назначенный день и часъ всѣ люди, преданные въ Петербургѣ дѣлу революціи и готовые къ ней, прошли по одной изъ извѣстныхъ петербургскихъ площадей. Надъ этимъ смѣялись, находя все это совершенно ненужнымъ: увѣряли, что у насъ и на козла посмотрѣть тысячи народу собирается; но, однако, изъ снисхожденія къ прихоти англичанина сдѣлали для него распоряженіе о маневрахъ.

— «Англичанинъ — да эксцентрикъ, — пусть-де его тѣшится!»

Ни одному изъ хитрыхъ людей, неудомѣвавшихъ, зачѣмъ нуженъ Бенни этотъ смотръ, и въ голову не бросилось, что англичанинъ не прихотничаетъ, а просто хочетъ повѣрить самихъ ихъ, революціонеровъ.

Сколько молъ ихъ? Не лгутъ ли они?

Маневры были назначены, и на нихъ явилось *три человѣка* по инфантеріи (въ томъ числѣ Громека) и *два* на извозчикѣ, чтобы легче удирать (они-таки, поворотивъ, и далеко удрали, *но въ гору*, а не подъ гору, куда скатился злополучный эмиссаръ, производившій имъ смотръ, стоя у магазина Даціаро). Бенни пересчиталъ всѣхъ пятерыхъ храбрецовъ, рискнувшихъ пройтись и проѣхаться, и нашелъ, что наличная революціонная армія еще не довольно сильна, чтобы вступать въ открытый бой съ императорскими войсками, и притомъ довольно плохо дисциплинирована. Бенни понялъ, что хозяева его лгутъ, что въ Петербургѣ по революцію еще и кони не сѣдланы и что все, что въ Лондонѣ и здѣсь разсказываютъ о близости революціи въ Россіи, есть или легкомысленный обманъ, или злостная ложь.

Послѣ этого смотра, или этихъ маневровъ, и Бенни, и тѣ,

кто долженъ былъ репрезентовать чужеземному революціонеру домашнія русскія революціонныя силы, внезапно почувствовали, что имъ стало не совсѣмъ ловко смотрѣть въ глаза другъ другу.

Неудачность маневровъ старались приписать тому, что Бенни новое лицо, и что ему не всѣ довѣряются: Бенни показалъ, что онъ этому вѣритъ; но онъ прекрасно понималъ, что это одна увертка. Теперь онъ, при всей своей дѣтской довѣрчивости, видѣлъ уже и то, что люди, бредящіе въ Петербургѣ революціею, совсѣмъ люди не того закала, какой требуется для революцій, и отписалъ объ этомъ со всею искренностію, кому находилъ нужнымъ, въ Лондонъ. По поводу писемъ, въ которыхъ все это было описано и которыхъ недаромъ имѣли основанія бояться здѣшніе революціонеры, произошла исторія. Бенни долго выжидалъ случая отправить эти письма съ благонадежнымъ человѣкомъ. Здѣшніе революціонеры навязчиво предлагали ему свои услуги для отправки этихъ писемъ: имъ хотѣлось или совсѣмъ удержать ихъ у себя, или по крайней мѣрѣ, подпечатать ихъ и прочесть. Бенни очень легко провидѣлъ эту хитрость. Онъ принялъ эти услуги, но не для того, чтобы ими воспользоваться, а для того, чтобы только испытать людей, съ которыми ему довелось имѣть дѣло. Онъ отослалъ свои письма въ Лондонъ съ знакомымъ ему англійскимъ шкиперомъ, а написалъ два другія малозначущія письма, для передачи его родственникамъ, и эти-то два письма и вручилъ своимъ петербургскимъ друзьямъ (Н. Курочкину и Ничипоренко), которые вызывались переслать его корреспонденцію черезъ вѣрныя руки въ Лондонъ. Петербургскіе политическіе друзья играли съ Бенни, а онъ игралъ съ ними. — Искренности, нужной для согласныхъ дѣйствованій, между ними уже не было никакой, они уже съ этихъ же первыхъ дней боялись другъ друга и другъ съ другомъ хитрили. Питерцы чувствовали, что они взаправду совсѣмъ не революціонеры и что Бенни, пожалуй, все это замѣтилъ въ нихъ и отписалъ объ этомъ, и потому они хлопотали захватить въ свои руки его письма.

Дескать: «распечатаемъ ихъ, прочтемъ, и тогда сами предупредимъ его и *его опишемъ* какъ нельзя лучше». Бенни же, читая насквозь этихъ дипломатовъ, съ таинственнѣйшимъ видомъ вручилъ имъ, въ одномъ большомъ пакетѣ, письма, содержаніе которыхъ резюмировалось фразою: «кланяйтесь бабушкѣ и поцѣлуйте ручку».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ, чтобы не терять попусту своего времени въ Петербургѣ, Артуръ Бенни пожелалъ проѣхаться по Россіи. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, что за народъ сидитъ тамъ, въ глуби русскихъ трущобъ, и посчитаться, съ кѣмъ тамъ придется вести дѣло, еслибы затѣялась революція. На это петербургскіе предприниматели говорили Артуру Бенни, что въ провинціяхъ статья эта уже давно обработана, что Поволжье готово все встать какъ одинъ человѣкъ, и что въ Петербургѣ есть такіе знатоки русскаго міра, которые «*все знаютъ*»; но Бенни уже не вѣрилъ своимъ политическимъ друзьямъ и все-таки собирался на ярмарку, въ Нижній-Новгородъ. Видя его непреклонность, съ нимъ перестали спорить, но для сопровожденія его и для руководства его въ ознакомленіи съ страною снарядили того же юркаго и чрезвычайно въ то время популярнаго акцизнаго чиновника Андрея Ничипоренко. Этотъ молодой человѣкъ, имя котораго намъ уже приходилось вспоминать выше, въ то время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ пользовался славою перваго русскаго революціонера. Особенно онъ былъ силенъ у низшихъ и высшихъ чиновниковъ нѣкоторыхъ канцелярій, гдѣ сидѣли наилучшіе герценовскіе корреспонденты изъ Петербурга, которыхъ этотъ Ничипоренко всѣхъ потомъ и перепуталъ. Онъ-то, сей самый Ничипоренко, и былъ избранъ менторомъ къ молодому, неопытному и восторженному Телемаку. Ихъ снабдили рекомендаціями (даже П. И. Мельниковъ въ этомъ участвовалъ) и даны были наставленія: какъ, куда ѣхать, съ кѣмъ повидаться, къ чему

прислушаться? Кромѣ того, имъ даны были и особыя порученія привезти сюда съ ярмарки по оказіи нѣкоторыя мелочи: кому кальянъ, кому кавказскаго вина, кому другія подобныя хозяйственныя бездѣлушки. Забыли имъ дать только одного — денегъ, но зато имъ было внушено, что они могутъ отлично ѣздить и безъ денегъ, заработывая все нужное на путевыя издержки корреспонденціями, которыя здѣшніе друзья ихъ взялись пристраивать въ газеты. Ничипоренко сразу и самъ убѣдился, что это, дѣйствительно, очень легко, и умѣлъ въ этомъ убѣдить и Артура Бенни. Менторъ и Телемакъ забрали въ саквояжи необходимыя письменныя принадлежности, сѣли въ Петербургѣ въ третьеклассный вагонъ Николаевской желѣзной дороги и поѣхали путешествовать по Россіи и *«устраивать предпріятіе»*. Нѣкій театральный человѣкъ сказалъ имъ комическое благословеніе, которое можетъ быть ихъ и сопровождало...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Эта поѣздка Бенни съ чиновникомъ Ничипоренко, сколько извѣстно, была первымъ дѣйствительнымъ *«предпріятіемъ»*, совершеннымъ лѣтъ за пять до того, какъ начали ни на что не похоже описывать подобныя предпріятія въ вялыхъ и неинтересныхъ повѣстяхъ и романахъ.

Ѣдучи съ недалекимъ, болѣзненнымъ, чахлымъ и до противности неопрятнымъ чиновникомъ Ничипоренко, Бенни немного нужно было, чтобы разгадать своего Ментора. До Твери Бенни уже составилъ себѣ ясное понятіе, что спутникъ его крайняя ограниченность и несетъ белиберду. Остановившись по дорогѣ въ Твери, гдѣ имъ слѣдовало сѣсть на пароходъ, они уже немножко поссорились. Въ маленькомъ трактирчикѣ, гдѣ они пристали, Ничипоренко, строго взыскивая съ трактирнаго мальчика за какую-то неисправность, толкнулъ его и обругалъ словомъ, которое Бенни понималъ и котораго не могъ слышать.

Бенни показалось ужаснымъ такое обращеніе со стороны

человѣка, который ѣхалъ «сходиться съ народомъ», и у нихъ произошла сцена. Бенни настоятельно потребовалъ, чтобы Ничипоренко или тотчасъ же извинился передъ трактирнымъ мальчикомъ и далъ слово, что впередъ подобнаго обращенія ни съ кѣмъ изъ простолюдиновъ, въ присутствіи Бенни, не допуститъ, или оставилъ бы его, Бенни, одного и ѣхалъ, куда ему угодно.

Бенни поставилъ Ничипоренко свои условія съ такою рѣшимостію, что тотъ сразу увидѣлъ себя въ совершенной необходимости на которое-нибудь изъ нихъ рѣшиться. Ѣхать назадъ одному, ничего не сдѣлавши для «предпріятія» и притомъ не имѣя что̀ и разсказать о томъ, за что онъ прогнанъ, Ничипоренко находилъ невозможнымъ, и онъ извинился передъ мальчишкою и далъ Бенни требуемое этимъ послѣднимъ слово воздержаться впередъ и отъ драчливости, и отъ брани.

За симъ эмиссары снова поѣхали далѣе уже не по сухому пути, а по Волгѣ.

Ничипоренко, кажется, вовсе не понималъ всего значенія сдѣланной имъ уступки требованіямъ Бенни: онъ не предвидѣлъ, что послѣ нея онъ уже не можетъ имѣть никакой менторской власти надъ своимъ возмутившимся Телемакомъ, и что онъ изъ руководителя и наставника вдругъ, ничего не видя, сошелъ на позицію школяра, котораго дерутъ за уши.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ Нижній Новгородъ у Бенни и Ничипоренко было отъ П. И. Мельникова) письмо въ одинъ хорошій семейный домъ, хотя и не имѣвшій никакихъ прямыхъ связей съ предпріимчивою партіею, но весьма интересный для знакомства. Хозяинъ этого дома былъ молодой человѣкъ, чиновникъ съ родовыми связями и хорошо открытой карьерой. Въ то время этотъ господинъ всего года три какъ былъ женатъ на молодой дѣвушкѣ, тоже изъ очень хорошаго се-

мейства. Молодые хозяева приняли рекомендованныхъ имъ изъ Петербурга гостей дружественно и радушно,—сдѣлали для нихъ обѣдъ и пригласили къ этому обѣду нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ, мужчинъ и дамъ. Ничипоренко уже успѣлъ шепнуть всѣмъ по секрету, что сопровождаемый имъ человѣкъ, Артуръ Бенни, есть «герценовскій эмиссаръ», съ которымъ они ѣдутъ «дѣлать предпріятіе», и всѣ, кому это было сказано, разумѣется, спѣшили, какъ на чудо, посмотрѣть на герценовскаго эмиссара. Ничипоренко, показывая Бенни любопытнымъ нижегородцамъ, былъ, однако, не совсѣмъ имъ доволенъ: онъ находилъ, что его эмиссаръ не такъ себя держитъ, какъ бы слѣдовало, что онъ «сентиментальничаетъ», что это въ немъ отзывается англійская рутина, и что онъ, Ничипоренко, долженъ показать Бенни, какъ слѣдуетъ вести себя съ провинціалами для того, чтобы производить на нихъ надлежащее впечатлѣніе. Ничипоренко приготовился блеснуть своимъ вольномысліемъ передъ собравшимся къ обѣду провинціальнымъ обществомъ. За обѣдомъ къ этому представился и удобный случай. Дамы, бесѣдуя съ Бенни (котораго дамы и полицейскіе всегда неотразимо принимали за настоящаго англичанина), говорили комплименты англійскимъ нравамъ и хвалили чистоту идей, проводимыхъ въ большинствѣ англійскихъ романовъ.

— Тамъ никогда не позволяютъ себѣ издѣваться надъ семейными привязанностями и надъ бракомъ, сказала одна дама.

— Это совершенно справедливо, отвѣчалъ Бенни,—хотя бракъ уважается повсюду, но въ Англіи особенно крѣпки и семейныя связи, и семейныя преданія.

Ничипоренко нашелъ этотъ моментъ отмѣнно удобнымъ, чтобы заразъ и проучить Бенни, «чтобы онъ не подличалъ», и, въ то же время, показать, какъ людямъ ихъ званія слѣдуетъ направлять въ обществѣ такіе разговоры. Со всѣмъ свойственнымъ ему петербургскимъ вольномысліемъ того простодушнаго времени, Ничипоренко объявилъ во всеуслы-

шаніе, что бракъ совсѣмъ не пользуется повсемѣстнымъ уваженіемъ, и что у насъ, у первыхъ, есть раскольники, которые не признаютъ брака, ибо бракъ есть—просто вредная глупость.

Имѣя въ виду, что такое суровое осужденіе брака было произнесено въ присутствіи замужней хозяйки и многихъ присутствовавшихъ здѣсь замужнихъ дамъ, нѣкоторая почтенная пожилая дама, родственница хозяевъ, замѣтила Ничипоренко, что ему такъ при семейныхъ людяхъ разсуждать не годится, что она и сама вѣнчалась и дочерей замужъ выдавала, но никакой вредной глупости въ этомъ не видитъ.

— Да кто же видитъ свои глупости! отвѣчалъ развязный Ничипоренко.

— Хотѣла бы вамъ, батюшка, отвѣчать, что, слушая васъ, я готова повѣрить, что, дѣйствительно, бываютъ люди, неспособные видѣть свои глупости; но скажу вамъ только, что вы большой невѣжа.

— А вы меня, небойсь, этимъ хотите сконфузить? отвѣчалъ разсмѣявшись Ничипоренко и, махнувъ рукою, добавилъ:—Намъ мало дѣла до того, что о насъ думаетъ подгнивающее поколѣніе! А что касается до вашихъ дочерей, которыхъ вы выдали замужъ, такъ мы еще не знаемъ, чѣмъ это окончится? Если спросить женщинъ, по совѣсти, такъ каждая изъ нихъ предпочитаетъ временныя свободныя отношенія вѣковѣчнымъ брачнымъ.

— Вы должны выйти вонъ! Сейчасъ вонъ! вскрикнула, вся побагровѣвъ, старушка и, быстро отодвинувъ свое кресло, встала изъ-за стола.

Обѣдъ и дальнѣйшее гостеваніе въ этомъ домѣ были разстроены самымъ неожиданнымъ и самымъ печальнымъ образомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ печальная исторія эта должна была отразиться и на самомъ предпріятіи. Эмиссары разсчитывали получить въ этомъ нижегородскомъ домѣ рекомендательныя письма въ Казань, въ Астрахань и въ Саратовъ, и имъ уже были и обѣщаны эти реко-

мендаціи; но какъ же послѣ этого, устроеннаго Ничипоренкомъ, скандала заикаться напоминать объ этомъ обѣщаніи?

Ничипоренко еще увѣрялъ опечаленнаго Бенни, что это не значитъ ничего, что у насъ, въ Россіи, теперь молодые за старыхъ не стоятъ; но Бенни считалъ дѣло проиграннымъ и ни за что не согласился просить писемъ.

— Мало того, что ихъ нельзя просить, но еслибы мнѣ ихъ и дали, то я ихъ теперь не возьму, рѣшилъ онъ Ничипоренкѣ.

Ничипоренко только пожалъ плечами и отвѣчалъ: «Ну, этакъ, батюшка мой, съ такими тонкостями вы въ Россіи ничего не сдѣлаете».

Бенни ему не отвѣчалъ.

Агитаторы оба взаимно были другъ другомъ недовольны и оба были не въ духѣ. Для перваго шага у нихъ уже было довольно неудачъ. Ничипоренко, однако, первый нашелся, какъ ему выйти изъ такого непріятнаго положенія. Сидя послѣ этого обѣда въ трактирномъ нумерѣ у окна, въ которое ярко свѣтило спускавшееся къ закату солнце и въ которое врывался шумъ и громъ съ зарѣчья, гдѣ кипѣла ярмарка, Ничипоренко нѣсколько разъ озирался на своего унылаго и поникшаго головою партнера и, наконецъ, сказалъ:

— Да бросьте вы, Бенни, объ этомъ думать! Эка, чортъ возьми, невидаль какая, что старая барыня разсердилась! Намъ не онѣ нужны,—намъ народъ нуженъ.

Бенни приподнялъ голову и взглянулъ на своего сопутника остолбенѣлыми глазами.

Большіе, черные, какъ уголь, глаза Бенни при всякомъ грубомъ и неделикатномъ поступкѣ имѣли странную способность останавливаться, и тогда стоило большого труда, чтобы его, въ такое время, снова докликаться и заставить перевести свой взглядъ на другой предметъ. Позже это знали очень многіе; но Ничипоренко не былъ предупрежденъ о такихъ столбняковыхъ припад-

кахъ Бенни и очень испугался. Онъ облилъ Бенни водою и послалъ за докторомъ. Пришедшій докторъ велѣлъ пустить Бенни кровь, но пока отыскали фельдшера, который долженъ былъ открыть жилу, больной пришелъ въ себя. Ничипоренко былъ несказанно этимъ обрадованъ: онъ вертѣлся около Бенни, юлилъ и булькоталъ своимъ непріятнымъ голосомъ: «Намъ нуженъ народъ! Не они, а народъ. Я положительно говорю, что намъ нуженъ народъ!»

Разстроенный Бенни повторялъ за нимъ: «народъ».

— Именно народъ! подхватывалъ Ничипоренко, — и мы должны идти къ народу, и мы должны сойтись съ нимъ.

Бенни смотрѣлъ на него молча.

— Чего вы смотрите? Пойдемте! заговорилъ вдругъ, оживляясь, Ничипоренко. — Я вамъ ручаюсь, что вы въ народѣ увидите совсѣмъ другое, чѣмъ тамъ. Берите скорѣе шапку и идемъ.

Бенни взялъ шапку, и они пошли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Менторъ велъ своего Талемака на ярмарку, которая волновалась и шумѣла, вся озаренная краснымъ закатомъ.

Они шли сходиться съ народомъ.

Ничипоренко опять впалъ въ свою роль руководителя и хотѣлъ показать Бенни, какъ должно сходиться съ русскимъ народомъ; но только на свое несчастіе онъ въ это время спохватился, что онъ и самъ не знаетъ, какъ за это взяться. Правда, онъ слыхалъ, какъ Павелъ Якушкинъ разговариваетъ съ прислугою, и зналъ онъ, что уже Павелъ Якушкинъ, всѣми признано, настоящій мужикъ, но опять онъ никакъ не могъ припомнить ни одной изъ якушкинскихъ рѣчей; да и все ему мерещился ямщикъ, который однажды сказалъ Якушкину:

— А зачѣмъ же на табѣ очки? Коли ты мужикъ, табѣ очки ненадобѣ. Нѣшто мужики очки носятъ?

Ничипоренко поскорѣе схватилъ съ себя синіе консервы, которые надѣлъ въ дорогу для приданія большой серьезности своему лицу и едва онъ снялъ очки, какъ его простымъ, не заслоненнымъ стеклами, глазамъ представился небольшой чистенькій домикъ съ дверями, украшенными изображеніемъ чайника, графина, рюмокъ и чайныхъ чашекъ. Вверху надъ карнизомъ домика была вывѣска: «*Бѣлая харчевня*».

Въ эту же минуту Ничипоренко почувствовалъ, что Бенни вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и остановился.

— Чего вы? спросилъ его Ничипоренко.

Бенни ничего не отвѣчалъ, но зорко, не сводя глазъ, смотрѣлъ на обогнавшихъ ихъ трехъ купцовъ, которые шли, жарко между собою разговаривая и перекидывая другъ другу съ рукъ на руки какой-то образчикъ.

Одинъ изъ этихъ купцовъ, кричавшій громко: «некогда! некогда!» былъ тотъ самый сибирскій революціонеръ, который сманилъ Бенни изъ Лондона и сказалъ ему въ Берлинѣ: «ступай, нѣмчикъ, назадъ». Вся эта исторія теперь проснулась въ памяти Бенни, и ему стало и еще тяжелѣе, и еще досаднѣе.

— И ему теперь некогда! думалъ я съ завистію, разсказывалъ Бенни. Онъ, сыгравшій со мною такую комедію, такъ счастливъ, что ему некогда, что его день, часъ, минута всѣ разобраны, а я все слоняюсь безъ дѣла, безъ толка, безъ знанія—что дѣлать, за что приняться? Онъ проходитъ теперь мимо меня, вовсе меня и не замѣчая... Не замѣтилъ онъ меня, или онъ меня побоялся?

Но прежде чѣмъ Бенни успѣлъ рѣшить себѣ этотъ вопросъ, купецъ, поворачивая въ слѣдующій переулокъ, вдругъ быстро оборотился назадъ, погрозилъ Бенни въ воздухѣ кулакомъ и скрылся.

Въ раскрытыя окна «*Бѣлой харчевни*» неслись стукъ ножей, звонъ чашекъ, рюмокъ и тарелокъ, говоръ, шумъ и

крикъ большой толпы и нескладные звуки русской пьяной, омерзительной пѣсни.

Бенни опомнился и, указывая на харчевню, съ гадливостью спросилъ: «что это?»

Ничипоренко захохоталъ.

— Чего вы,—заговорилъ онъ.—Испугался!... Небось ни вѣсть что подумалъ, а это просто *народъ*.

— Но тутъ драка, что ли?

— Какая драка,—просто русскій *народъ!* Пойдемте.

Они вошли въ харчевню.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Оба агитатора были одѣты довольно оригинально: на Ничипоренкѣ былъ длинный коричневый пальмерстонъ и островерхая гарибальдійская шляпа, въ которой длинный и нескладный Ничипоренко съ его плачевною физіономіею былъ похожъ на факельщика, но такими шляпами тогда щеголяли въ Петербургѣ,—а на Бенни былъ гуттаперчевый макинтошъ и форменная англійская фуражка съ краснымъ околышемъ, на которомъ посерединѣ, надъ козырькомъ, красовался довольно большой, шитый золотомъ, вензель королевы Викторіи «R. W.» (Regina Wictoria). Въ рукѣ Бенни держалъ дорогой шолковой зонтикъ, который привезъ съ собою изъ Англіи и съ которымъ никогда не разставался. Въ этомъ стройномъ уборѣ они и предъявились впервые народу.

Взойдя въ харчевню и отыскавъ свободное мѣсто, Ничипоренко спросилъ себѣ у полового чаю и газету.

Половой подалъ имъ чай и «*Ярмарочныя Извѣстія*». Газета эта ни Бенни, ни Ничипоренко не интересовала, а другихъ газетъ въ *Бѣлой харчевнѣ* не было.

За недостаткомъ въ литературѣ надо было прямо начинать «сходиться съ народомъ».

Ничипоренко все озирался и выбиралъ, съ кѣмъ бы ему какъ-нибудь заговорить? Но посѣтители харчевни — кто

пилъ, кто ѣлъ, кто пѣлъ, кто шопотомъ сговаривался и торговался, не обращая никакого вниманія на нашихъ предпринимателей.

Среди шума, гвалта и толкотни, въ толпѣ мелькала маленькая, сѣдая голова крохотнаго старичка, который плавалъ по залѣ, какъ легкій поплавокъ среди тяжелыхъ листовъ водяного папоротника. Онъ на секунду пріостанавливался у какой-нибудь кучки и опять плылъ далѣе и такъ обтекалъ залу.

— Видите, какая сила,—говорилъ Ничипоренко, кивая головою на народъ. — Какова грамадища, и вѣдь безстыжая,—все подъ себя захватитъ, исковеркаетъ и перемелетъ, только сумѣйте заговорить съ нимъ ихъ языкомъ.

— «Сѵмеону Богопріимцу и Аннѣ Пророчицѣ на возобновленіе храма Божія будьте укладчики!»—тихо и молитвенно пропѣлъ надъ нимъ въ эту минуту подплывшій къ нимъ сѣдой старичокъ въ сѣренькомъ шерстяномъ холодайчикѣ, съ книжечкою въ чахлѣ, съ позументнымъ крестомъ.

Ничипоренко взглянулъ на старичка и сказалъ: «Проходи, дѣдъ, проходи: у насъ деньги трудовыя, мы на пустяки ихъ не жертвуемъ».

Старичокъ поклонился, пропѣлъ: «Дай вамъ Богъ доброе здоровье, родителямъ царство небесное», и поплылъ далѣе.

— Когда, какъ церковь-то сгорѣла? — слышалъ Бенни, какъ началъ разспрашивать одинъ изъ сосѣдей подошедшаго къ нему сборщика.

— На семикъ, на самый семикъ, молоньей сожгло.

Старичокъ еще поклонился и добавилъ: «Жертвуй Сѵмеону и Аннѣ за свое спасеніе».

Мѣщанинъ вынулъ пятакъ, положилъ его на книжку и перекрестился.

Старикъ отвѣтилъ ему такъ же, какъ отвѣчалъ Ничипоренкѣ,— ни болѣе, ни менѣе, какъ то же: «Дай Богъ тебѣ доброе здоровье, родителямъ царство небесное».

Старичокъ уже стоялъ передъ третьимъ столикомъ, за которымъ веселая компанія тянула пиво и орала пѣсни.

— Что?—крикнулъ пьяный парень, обводя старика посоловѣвшими глазами.—А! собираешь на церковное построеніе, на кабацкое разореніе,—это праведно! Жертвуй, ребята, живѣе! продолжалъ парень и самъ досталъ изъ лежавшаго передъ нимъ картуза бумажный платокъ, зацѣпилъ изъ него нѣсколько мѣдныхъ копѣекъ, бросилъ ихъ старику на книжку и произнесъ: «Будь она проклята эта питра̀,—унеси ихъ скорѣе, Божій старичокъ».

Бенни всталъ, догналъ старичка и положилъ ему на книжку рублевый билетъ.

Старикъ-сборщикъ, не выходя ни на секунду изъ своего спокойнаго состоянія, отдалъ Бенни свой поклонъ и протянулъ ему то же: «Дай Богъ тебѣ доброе здоровье, родителямъ царство небесное».

Но пьяный парень не былъ такъ равнодушенъ къ пожертвованію Бенни: онъ тотчасъ же привскочилъ со стула и воскликнулъ:

— Вотъ графчикъ—молодецъ!

Парень быстро тронулся съ мѣста, шатаясь на ногахъ, подошелъ къ Бенни и сказалъ:

— Поцѣлуемся!

Бенни, вообще не переносившій безъ неудовольствія пьяныхъ людей, сдѣлалъ надъ собою усиліе и облобызался съ пьянымъ парнемъ во имя сближенія съ народомъ.

— Вотъ мы... какъ...—залепеталъ пьяный парень, обнимая Бенни и направляясь къ столику, за которымъ тотъ помѣщался съ Ничипоренкою.—Душа! ваше сіятельство... поставь пару пива!

— Зачѣмъ вамъ пить?—отвѣчалъ ему Бенни.

— Зачѣмъ пить? А затѣмъ, что загулялъ... Далъ зарокъ не пить... опять бросилъ... Да загулялъ,—вотъ зачѣмъ пью... съ досады!

Мѣщанинъ сѣлъ къ ихъ столу, облокотился и завелъ глаза.

Ничипоренко шепнулъ Бенни, что этому перечить нельзя, что нашему народу питье не вредитъ и что этого парня непремѣнно надо поподчивать.

— Вотъ вы тогда въ немъ его духъ-то народный и увидите,—рѣшилъ Ничипоренко и, постучавъ о чайникъ крышкою, потребовалъ пару пива.

Парень былъ уже очень тяжелъ и безпрестанно забывался; но стаканъ холоднаго пива его освѣжилъ на минуту: онъ крякнулъ, ударилъ дномъ стакана объ столъ и заговорилъ:

— Благодаримъ, дворецкій, на угощеніи... Пей же самъ!

Ничипоренко выпилъ.

— Давай съ тобой, графчикъ, пѣсни пѣть!—отнесся парень къ Бенни.

— Я не умѣю пѣть,—отвѣчалъ юноша.

— Чего не умѣешь?

— Пѣть не умѣю.

— Отчего жъ такъ не умѣешь?

— Не учился, отвѣчалъ, улыбнувшись Бенни.

— Ахъ, ты, чортъ! Да нѣшто пѣть учатся? Заводи!

— Я не умѣю,—снова отвѣчалъ Бенни, вовсе лишенный того, что называютъ музыкальнымъ слухомъ.

— А еще графъ называешься! презрительно отмахнувшись отъ него рукою, отозвался парень и, обратившись затѣмъ непосредственно къ Ничипоренкѣ, сказалъ: «ну, давай, дворецкій, съ тобой!»

Ничипоренко согласился; но онъ тоже, какъ и Бенни, и не умѣлъ пѣть, и не зналъ ни одной пѣсни, кромѣ «*Долго насъ помѣщики душили*», пѣсни, сочиненіе которой приписываютъ покойному Аполлону Григорьеву и которая одно время была застольною пѣснью извѣстной партіи петербургской молодежи. Но этой пѣсни Ничипоренко здѣсь не рѣшался спѣть.

А парень все приставалъ:

— Ну, пой, дворецкій, пой!

Ничипоренко помирилъ дѣло на томъ, чтобы парень самъ завелъ пѣсню, какая ему была по обычью, а онъ-де ему тогда станетъ подтягивать.

Парень согласился,—онъ закинулся на стулѣ назадъ, вы-

ставилъ впередъ руки и самою высокою пьяною фистулою запѣлъ:

«Царь нашъ бѣлый, православный,
Витязь сердцемъ и душой!»

Пѣсня эта имѣла на Ничипоренко такое же вліяніе, какое производилъ на Мефистофеля видъ освященныхъ мѣстъ: онъ быстро всталъ и положилъ на столъ серебряную монету за пиво; но тутъ произошла маленькая неожиданность: парень быстрымъ движеніемъ руки покрылъ монету своею ладонью и спросилъ: «орелъ или рѣшотка?»

Ничипоренко смутился и сказалъ сурово парню, чтобъ тотъ не баловался и отдалъ деньги.

— Орелъ или рѣшотка?—съ азартомъ повторялъ, не поднимая руки, парень.

Ничипоренко досталъ изъ кармана другую монету, разсчелся и ушелъ. Съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и Бенни, получившій отъ мѣщанина на дорогу еще нѣсколько влажныхъ пьяныхъ поцѣлуевъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

«Предприниматели» шли молча по утихавшимъ стогнамъ деревяннаго ярмарочнаго города.

При послѣднихъ трепетаніяхъ закатныхъ лучей солнца, они перешли плашкоутный мостъ, соединяющій ярмарочный городъ съ настоящимъ городомъ, и въ быстро густѣющей тѣни сумерекъ стали подниматься въ гору по пустынному нижегородскому взвозу. Здѣсь, на этомъ взвозѣ, въ ярмарочную, да и не въ ярмарочную пору, какъ говорили, бывало *нечисто*: тутъ въ ночной тьмѣ бродили уличные грабители и воришки, и тутъ же, подъ сѣнью обваловъ, ютился гнилой развратъ, не имѣющій пріюта даже за рогожами кабачныхъ выставокъ.

Бенни и Ничипоренко шли по этому мѣсту, вовсе не зная его репутаціи, и ни въ одномъ изъ нихъ не было столько опытности, чтобы, по характеру мѣстности, сдѣ-

лать приблизительно вѣрное заключеніе о характерѣ лицъ и сценъ, которыя всего легче можно здѣсь встрѣтить. Они шли теперь посреди сгущающейся вокругъ ихъ тьмы, разговаривая о народѣ, о которомъ Ничипоренко «зналъ все» и говорилъ о немъ съ большою самоувѣренностію тогдашнихъ народовѣдцевъ.

Бенни съ чисто дѣтскою пытливостію хотѣлъ объясненій, отчего всѣ эти люди давали на церковь, когда онъ былъ наслышанъ, что церковь въ Россіи никто не любитъ, и что народъ прилежитъ къ расколу, ибо расколомъ замаскирована революція? Ничипоренко объяснялъ ему, что «это ничего не значитъ».

— Да какъ же ничего не значитъ?—пытало бѣдное дитя, еще не привыкшее нахально игнорировать возникающіе вопросы святого сомнѣнія.

— Да такъ, ничего не значитъ. Народъ знаетъ, что это, можетъ быть, шпіонъ.

— Кто же шпіонъ?

— А вотъ этотъ старикъ, что на церковь просилъ.

— Въ такомъ случаѣ, *зачѣмъ же вы ему не дали?* Вѣдь это могло обратить на васъ его вниманіе.

— Ну, такъ,—очень нужно деньги тратить!

Бенни посмотрѣлъ въ глаза своему ментору, сколько могъ пристальнѣе, сквозь сумеречный мракъ и сказалъ: «да какъ же не нужно?»

— А разумѣется, не нужно.

— Да вѣдь мы же должны дорожить, чтобы на насъ тѣни подозрѣнія не падало!

— Да оно и не падало бы, если бы вы не сунулись съ своимъ рублемъ,—отвѣчалъ Ничипоренко, внезапно почувствовавшій за собою силу положенія.

— Это вы все испортили,—продолжалъ онъ, развивая свою мысль,—васъ и назвали сейчасъ же отъ этого графомъ. Графъ! Bon soir, ваше сіятельство!

Ничипоренко снялъ шляпу и захохоталъ.

— Да; но и васъ, однако, тоже назвали дворецкимъ,— кротко отвѣчалъ Бенни.

— Дворецкимъ? — да дворецкимъ-то ничего, но не аристократомъ, не графомъ.

Бенни чувствовалъ, что Ничипоренко какъ будто вретъ что-то безъ толку, но, припоминая, что ему было наговорено о народѣ, невольно допускалъ, что, можетъ-быть, и вправду онъ всему виноватъ, что онъ наглупилъ своимъ рублемъ и выдалъ себя этимъ поступкомъ за такого человѣка, видя котораго, народъ перестаетъ быть искреннимъ и начинаетъ хитрить.

— Согласны вы со мною? — допрашивалъ его Ничипоренко.

— Да; можетъ-быть вы и правы,—отвѣчалъ введенный въ сомнѣніе Бенни.

— Не можетъ быть, а это такъ есть,—отозвался, возвышая голосъ, Ничипоренко.—Да, это именно такъ есть; а зачѣмъ онъ, по-вашему, запѣлъ эту пѣсню?

— Какую?

— Да вотъ эту: «бѣлый-то и православный?»

Бенни полагалъ, что это изъ оперы «Жизнь за Царя», но Ничипоренко это осмѣялъ и разъяснилъ дѣло иначе.

— Онъ охмѣлѣлъ и пѣлъ самъ не зналъ что,—отвѣчалъ Бенни.

Ничипоренко расхохотался.

— Не зналъ что! — повторилъ онъ и опять расхохотался. — Да, много вы, должно-быть, надѣлаете, если такъ будете понимать. Эхъ, вы, Англія, Англія, мореплаватели! А знаете ли вы, что народъ-то похитрѣе насъ съ вами? Народъ при «графчикахъ» никогда не заговоритъ о томъ, о чемъ онъ самъ съ собою говоритъ, — да-съ! Чтобы его знать, надо его слушать, когда онъ васъ не видитъ, когда онъ васъ не считаетъ ни графчикомъ, ни бариномъ, тогда его изучать надо, а не тогда, когда вы сами себя выдали и вашимъ шолковымъ зонтикомъ, и вашею «Режиною Викторіею», и вашимъ рублемъ.

— Но какъ же его слушать и видѣть такъ, чтобы *онъ* насъ не видѣлъ?—спросила Англія, находя, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторый, даже весьма немалый, смыслъ въ этомъ замѣчаніи.

— А это надо искать, надо ждать для этого случая... Ихъ, такихъ случаевъ, очень много, и надо только не упускать ихъ.

— Анаѳема! шейгицъ... только обдирать народъ знаютъ!— послышалось вдругъ въ это время недалеко отъ нихъ, въ сторонѣ.

«Предприниматели» вздрогнули и остановились. Кругомъ ихъ уже была темная ночь: вдали то затихалъ, то снова раскатывался грохотъ разъѣзжавшагося по домамъ города; на небѣ изрѣдка проскакивали чуть замѣтныя звѣзды; на длинномъ, пустомъ, повидимому, взвозѣ не было замѣтно ни души живой.

Но вотъ опять изъ темноты раздается:

— А рупь-то серебромъ узялъ. Зачѣмъ же ты рупь серебромъ узялъ? Узялъ да и по шеѣ—а? Есть развѣ теперь тебѣ такая правила, чтобы за свои деньги хрестьянъ бить по шеѣ—а? Ты думаешь, что хрестьяне ничего. Ты куру съ масломъ ѣшь, а хрестьянину не надо ничего?..

Ничипоренко дернулъ Бенни за руку и прошепталъ: «*тсссъ*!»

— А если хрестьянинъ за это тебѣ, собакѣ, голову долой—а? Сѣкимъ башка долой—а?—произнесъ азартно, возвышаясь въ это время, очевидно, пьяный голосъ.—Ты думаешь, что тебѣ вѣкъ куру съ масломъ ѣсть!.. А я теперь, можетъ, и самъ хочу куру съ масломъ ѣсть!

— Идемъ!—воскликнулъ Ничипоренко, порывая Бенни по тому направленію, откуда слышался голосъ.

— Вы слышите: онъ, должно-быть, хмѣленъ, и вотъ увидите, этотъ ничего не скроетъ,—онъ чортъ знаетъ какъ проврется, а мы такого человѣка должны сберечь.

Бенни съ этимъ согласился.

Они шли почти ощупью, потому что подъ прямымъ от-

косомъ прорѣзаннаго въ горѣ взвоза было еще темнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а дорогого человѣка, который могъ провраться и котораго надо было спасти, не находили.

Но дорогой человѣкъ имъ самъ объявился.

— Что?—заговорилъ онъ снова въ пяти шагахъ отъ нихъ.—Что тебѣ медаль на грудь нацѣпили, такъ ты и грабить можешь... — а? Да я самъ бляху-то куда хочешь себѣ подцѣплю!

Ничипоренко и Бенни бросились на этотъ голосъ, какъ перепела на вабило.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Подоспѣвъ на голосъ роптавшаго впотьмахъ незнакомца, Бенни и Ничипоренко разглядѣли мужика, который стоялъ, упершись обѣими ладонями въ срѣзанную стѣну довольно высокаго земляного откоса и, изогнувъ на бокъ голову, косился на что-то черезъ правое плечо. Онъ былъ пьянъ до такой степени, что едва стоялъ на ногахъ и, вѣроятно, ничего не видѣлъ.

— Кто тебя ограбилъ?—спросилъ его Ничипоренко.

Мужикъ, шатаясь на подгибающихся колѣнахъ, продолжалъ сопѣть и ругаться. Онъ, очевидно, не видалъ подошедшихъ къ нему предпринимателей и не слышалъ Ничипоренковскаго вопроса.

Ничипоренко взялъ его за плечи, встряхнулъ и опять спросилъ, кто его обидѣлъ?

— А?—отозвался мужикъ.

— Кто тебя обидѣлъ, я говорю?

Мужикъ подумалъ съ минуту, посопѣлъ и, опять заворачиваясь вправо черезъ плечо, заговорилъ:

— Мош-ш-шен-н-никъ, анаѳема... шейгицъ!..

— Кого ты ругаешь?—спросилъ Ничипоренко.—За что?

— А зачѣмъ онъ рупь серебромъ узялъ!—отвѣчалъ мужикъ и снова закричалъ вправо:—«шейгицъ! анаѳема... мошенникъ!»

— Откуда онъ у *васъ* взялъ ихъ?—спросилъ Бенни, думая такимъ вопросомъ навести мысли пьянаго человѣка на ближайшія его соображенія.

Онъ не ошибся. Мужикъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ и съ довѣрчивостію заговорилъ:

— Да какъ же, скажи: зачѣмъ онъ у меня съ чертогона послѣдній рупь серебра сдернулъ... а? Нѣшь ты затѣмъ здѣсь поставленъ... а? Нѣшь ты за то будушникъ названъ... а? Шейгицъ ты, мошенникъ!—заговорилъ снова, валясь вправо головою, мужикъ.

— Что такое «*чертогонъ?*»—спросилъ у своего спутника шопотомъ Бенни.

Ничипоренко пожалъ плечами и отвѣчалъ:—«Чортъ его знаетъ, что онъ мелетъ!»

— Этого нельзя,—говорилъ мужикъ.—Ты въ будку для проспанья меня велъ и рупь серебра смоталъ... Нѣшь на это тебѣ законъ есть... а?

— Его просто нужно отправить домой,—проговорилъ Бенни, и затѣмъ, снова обратясь къ мужику, спросилъ: «гдѣ *вы* живете?»

— Что?

Бенни повторилъ свой вопросъ.

Мужикъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Пошелъ прочь!

— Я хочу васъ домой довести.

— Пошелъ прочь,—опять такъ же незлобиво отвѣчалъ мужикъ.

— Бросьте его,—сказалъ Ничипоренко.

Бенни этого не послушался.

— Я вамъ дамъ рубль серебромъ, и вы идите домой, сказалъ онъ тихо, оттягивая мужика отъ глинистаго обрѣза, въ который тотъ упирался.

— Рупь серебромъ...

Мужикъ подставилъ пригоршни, сжимая ихъ такъ сильно, какъ будто ему хотѣли насыпать ихъ макомъ.

Бенни одною рукою поддерживалъ пьянаго, другою до-

сталъ изъ своего кармана рублевый билетъ и подалъ его мужику.

Тотъ взялъ и началъ совать его въ штаны; но пьяная рука ему не повиновалась, и каждый разъ, какъ онъ посылалъ ее въ карманъ, она прямо проскальзывала мимо кармана.

— Я положу *вамъ* въ карманъ,—сказалъ Бенни, протягивая руку къ билету, но тотъ вдругъ неожиданно вскрикнулъ: «Пошелъ прочь!» быстро отдернулъ у Бенни свою руку и, не удержавшись на ногахъ, тяжело шлёпнулся во весь ростъ о землю и лежалъ, какъ сырой конопляный снопъ.

Бенни рѣшительно не зналъ, что ему предпринять съ этимъ дорогимъ человѣкомъ: оставить его здѣсь, гдѣ онъ лежитъ,—его могутъ раздавить; оттащить его назадъ и снова приставить къ стѣнѣ,—съ него снимутъ ночью и сапоги, и послѣднюю одежду. Къ тому же мужикъ теперь охалъ и жалостно стоналъ.

Бенни нагнулся къ его лицу и сквозь сумракъ ночи, къ которому въ это время уже достаточно приглядѣлись его глаза, увидѣлъ на лицѣ мужика печать серьезности, которою выражается только что ощущенное страданіе.

— *Вы* расшиблись?—спросилъ Бенни.

— Въ печеняхъ...—отвѣчалъ мужикъ.

— Больно?

— Больно,—отойди, больно.

— Ты расшибся?—спросилъ Ничипоренко.

— Поди прочь,—расшибся.

Ничипоренко объявилъ, что теперь нечего размышлять: что больше здѣсь стоять невозможно; что, чортъ его знаетъ, онъ, этотъ мужикъ, можетъ издохнуть, а не издохнетъ, такъ кто-нибудь какъ на грѣхъ подойдетъ и скажетъ, что они его убили и ограбили.

Бенни былъ другого мнѣнія; онъ находилъ, что это и прекрасно, если ихъ возьмутъ въ полицію, потому что имъ, при правотѣ ихъ, не трудно будетъ оправдаться; но зато тамъ и этотъ мужикъ тоже найдетъ себѣ защиту.

— Ну, да, защиту! Какъ же, вѣдь это, небось, вамъ Англія здѣсь. чтобы находить въ полиціи защиту!—заговорилъ, вспыхнувъ и суетясь, Ничипоренко.—Такъ вотъ сейчасъ палочку изъ-подъ сюртука вынетъ—фить—и оправдалъ... Вы это забудьте про вашу палочку, она въ Лондонѣ осталась, а вы тутъ въ Россіи. У насъ съ полиціею не судятся; а полу отъ кафтана рѣжутъ, если она схватитъ, да уходятъ.

— Я ни отъ какой полиціи не побѣгу. У меня краденыхъ вещей нѣтъ.

— Зато у насъ съ вами полтора пуда «Колокола» въ номерѣ заперто.

— Полтора фунта развѣ?—замѣтилъ Бенни.

— Довольно полтора золотника, чтобы отсюда прямо да въ крѣпость.

Младшій же братъ, надъ разбитыми печенями котораго происходилъ теперь споръ, въ это время, отложивъ всякое житейское попеченіе, захрапѣлъ.

Положеніе предпринимателей становилось все труднѣе и труднѣе, каждый изъ нихъ горячился и, возражая другъ другу, они дошли до того, что Ничипоренко сказалъ Бенни, что онъ разсуждаетъ «какъ либералъ, филантропъ и трусъ», а Бенни отвѣчалъ Ничипоренкѣ, что онъ не хочетъ ставить его сужденій выше болтовни революціонныхъ шарлатановъ и дураковъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Оставалось очень немного до того, чтобы имъ совсѣмъ переплюнуться черезъ спящаго младшаго брата, какъ счастливый случай вступился за предпринимателей. Сверху спуска слегка застучало, — громче, громче и, наконецъ, совсѣмъ стало слышно, что это ѣдетъ экипажъ не массивный, не вѣсскій, не карета и не коляска, а легкій извозчичій экипажецъ.

— Вотъ если это пустой экипажъ, и споръ весь кон-

ченъ,—сказалъ Бенни,—я найму кучера отвезть этого человѣка и пойдемте домой.

Ничипоренко не возражалъ и былъ очень доволенъ, лишь бы уйти.

Онъ даже вызвался самъ остановить извозчика и вышелъ для этого на середину дороги.

Спускавшійся экипажъ, дѣйствительно, принадлежалъ городскому извозчику, возвращавшемуся порожнякомъ домой.

Ничипоренко далъ извозчику поровняться съ собою и выступилъ къ нему въ своемъ длинномъ пальмерстонѣ и островерхой гарибальдійской шляпѣ.

— Можешь ли ты свезть пьянаго человѣка?—спросилъ онъ возницу.

Извозчикъ, перехвативъ возжи въ лѣвую руку, правою оперся о крыло дрожекъ и, склонясь къ Ничипоренкѣ, сказалъ полушопотомъ: «а онъ еще теплый?»

— Какъ теплый?

— Живой?

— Да, конечно, живой,—отвѣчалъ Ничипоренко.

— Пять цѣлковыхъ.

— Подлецъ! Ахъ ты подлецъ; ахъ ты рожа всероссійская!

— Чего же ругаться-то!—возразилъ извозчикъ.

— Какъ же не ругаться? пять рублей просишь человѣка въ городъ отвезть!

— Человѣка отвезть! Да вы его теперь какого сдѣлали, а онъ если за пять цѣлковыхъ у меня въ пролеткахъ очерствѣетъ, да я и отвѣчай! Да я—чортъ съ вами и совсѣмъ... Но!..—и извозчикъ покатилъ.

Бенни, слышавшій весь этотъ разговоръ, испугался, что извозчикъ уѣдетъ и въ отчаяніи закричалъ ему, чтобы онъ остановился и взялъ человѣка, а что пять рублей ему будетъ заплачено.

Извозчикъ остановился, но потребовалъ, чтобы ему деньги были заплачены прежде, чѣмъ посадятъ *его*.

Бенни отдалъ ему деньги, которыя извозчикъ пощупалъ,

повертѣлъ и, наконецъ, съ нѣкоторою отчаянностію сунулъ... «Э, молъ, была не была: настоящая, такъ настоящая, а красноярка такъ красноярка!» *).

Теперь оставалось только поднять *его* и посадить на дрожки.

Предприниматели взялись за меньшого брата, подняли его и потащили; но меньшій братъ, на ихъ горе, неожиданно проснулся и спросонья во все мужичье горло заоралъ: «карраулъ!»

Чѣмъ энергичнѣе дергалъ его Ничипоренко за ухо и чѣмъ деликатнѣе и нѣжнѣе убѣждалъ его Бенни, говоря: «Вы нездоровы, вы поѣзжайте домой», тѣмъ младшій братъ оралъ ожесточеннѣе, доходя до визговъ, воплей и рева. Ничипоренко зажалъ ему рукою ротъ, тотъ укусилъ его за руку. Подъ вліяніемъ боли и досады, вообще скорый на руку Ничипоренко ударилъ младшаго брата укушенною имъ рукою по губамъ. Младшій братъ взревѣлъ, какъ будто его перерѣзали.

При этомъ неистовомъ воплѣ въ одномъ изъ откосовъ горы словно раздалась щель, въ которой на мгновеніе блеснулъ свѣтъ, и изъ этого свѣта выскочили двѣ человѣческія фигуры. Извозчикъ хлопнулъ по лошадямъ и унесся,—исчезъ во тьмѣ и Ничипоренко, крикнувъ Бенни: «спасайтесь!» Бенни оставался одинъ и слышалъ, какъ все сближались шаги бѣгущихъ къ нему людей. Еще ни одного изъ нихъ онъ не успѣлъ разсмотрѣть, какъ на грудь ему упалъ конецъ издали брошенной въ него веревки. Онъ откинулъ отъ себя эту веревку, но въ эту же минуту почувствовалъ, что чрезъ плечо ему шлепнулась на спину другая. Отбрасывая поспѣшно эту вторую, онъ нащупалъ узелъ петли, быстро сдвигавшейся около кисти его руки. Онъ вырвалъ руку изъ аркана и бросился бѣжать куда глядѣли глаза.

---

*) Тогда на нижегородской ярмаркѣ не мало обращалось фальшивыхъ бумажекъ, фабрикованныхъ будто бы гдѣ-то вблизи Красноярска и потому называвшихся въ народѣ «красноярками».

За нимъ раздавалось: «Держи! держи! жуликъ ушелъ! держи!»

Казаки или кто другой гнались за нимъ по пятамъ, но онъ не даромъ учился гимнастикѣ и бѣгалъ на геркулесовыхъ шагахъ: темнота и быстрыя ноги помогли ему скрыться и достичь благополучно своей гостиницы съ номеромъ, гдѣ хранилась кипа герценовскаго «Колокола».

О судьбѣ оставшагося на спускѣ младшаго брата и Ничипоренки было ничего неизвѣстно и Бенни былъ страшно встревоженъ, что̀ сталось съ послѣднимъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Озабоченный тѣмъ, что̀ постигло Ничипоренко, Бенни не могъ оставаться дома въ покоѣ ни на одну минуту. Онъ спряталъ въ печку кипу «Колокола» и собрался ѣхать къ полиціймейстеру. Но только что онъ вышелъ въ коридоръ, какъ Ничипоренко предсталъ ему въ полномъ нарядѣ и въ добромъ здоровьѣ и, вдобавокъ, съ сіяющимъ лицомъ. Онъ разсказалъ Бенни, что при первой же суматохѣ онъ бросился къ откосу, прилегъ за канавку и пролежалъ, пока казаки побѣжали мимо его за Бенни, а послѣ всталъ, и вотъ благополучно пришелъ домой.

Ничипоренко разъяснилъ все случившееся съ ними такъ, что младшій братъ тоже былъ мошенникъ, который только притворялся пьянымъ для того, чтобы удобнѣе ихъ ограбить.

Бенни это казалось невѣроятнымъ, и онъ болѣе раздѣлялъ мнѣніе стараго гостиничнаго слуги, который, выслушавъ разсказъ взволнованныхъ господъ, выводилъ изъ ихъ словъ, что пьяный мужикъ былъ не что иное, какъ просто пьяный мужикъ, какихъ часто обираютъ на этомъ спускѣ, и что обобрали его, вѣроятно, сами сторожевые казаки, наполняющіе городъ во время ярмарки, или будочникъ; что извозчикъ принялъ Ничипоренко и Бенни за мошенниковъ, которые искали средствъ забросить куда-

нибудь за городъ побитаго, а можетъ-быть и совсѣмъ убитаго ими человѣка; а что казаки, желавшіе заарканить Бенни, обобрали бы, вѣроятно, и его точно такъ же, какъ они обобрали мужика.

День этотъ, завершенный такимъ образомъ, былъ для предпринимателей днемъ такихъ тревогъ, что имъ не захотѣлось болѣе ни слова сказать другъ другу: они легли въ свои постели и уснули.

Не смотря на довольно разнообразныя чувства, которыя могли волновать агитаторовъ, они спали какъ убитые; но тѣмъ не менѣе въ третьемъ часу ночи все-таки случилось обстоятельство, которое ихъ разбудило.

Ничипоренкѣ приснился во снѣ казакъ, который началъ на него метаться, лаять, кусать и, наконецъ, скинувшись синимъ пуделемъ, вспрыгнулъ ему на голову и поѣхалъ.

Ничипоренко, перепугавшись этого синяго пуделя, сталъ отъ него отмахиваться во снѣ, завертѣлся, забрыкалъ на диванѣ, на которомъ спалъ, зацѣпился за покрывавшую столъ скатерть и упалъ, стащивъ съ нею вслѣдъ за собою на полъ графинъ съ водою, стаканъ, тарелку съ сахаромъ и связку баранокъ.

Все это произвело такой шумъ, что Бенни проснулся.

Ничипоренко началъ разсказывать Бенни свое сновидѣніе; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить разсказъ, въ двери ихъ номера со стороны коридора послышался тихій, но настойчивый стукъ, и въ то же время въ нижнемъ пазу блеснула яркая полоска свѣта.

— Господа, что у васъ такое?—окликнулъ ихъ коридорный.

— Ничего, — дай, пожалуйста, огня, — отвѣчалъ, приподнимаясь съ пола и съ тѣмъ вмѣстѣ роняя остальныя вещи, Ничипоренко.

Въ эту минуту снаружи вложенный ключъ легко и быстро повернулся два раза въ замкѣ и дверь отперлась.

Бенни и Ничипоренко рѣшительно этого не ожидали.

Но если они не ожидали, что дверь ихъ номера во всякое время можно свободно отпереть съ другой стороны стороннею рукою, то еще менѣе они ожидали увидѣть въ распахнувшейся двери то, что̀ представилось тамъ ихъ изумленнымъ глазамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Чуть только распахнулись отпертыя лакеемъ двери и по комнатѣ неровно разлился дрожащій свѣтъ свѣчи, Ничипоренко, стоящій въ это время въ одномъ бѣльѣ среди комнаты, присѣлъ на колѣняхъ и, побѣлѣвъ какъ полотно, затрепеталъ.

Въ открытой двери стояли съ зажжеными свѣчами не одинъ человѣкъ, а нѣсколько и между ними, къ тому же, находился жандармъ.

«Вотъ тебѣ и пудель», подумалъ Ничипоренко, чувствуя, что его оставляютъ силы, и ища сзади себя руками какой-нибудь опоры.

Въ самомъ дѣлѣ это не было сновидѣніе, а здѣсь вмѣстѣ съ растерзаннымъ лакеемъ въ комнату, дѣйствительно, засматривали жандармъ, квартальный и три головы въ скобку, за которыми еще виднѣлись три или четыре головы, остриженныя по-солдатски.

Лакей внесъ свѣчу, осмотрѣлся и еще разъ спросилъ, что тутъ такое случилось? Бенни, сохраняя все наружное спокойствіе, разсказалъ, что тутъ ничего особеннаго не было: что его товарищъ просто свалился сонный съ дивана, зацѣпилъ скатерть и поронялъ все, что было на столѣ.

Отвѣтъ этотъ показался всѣмъ совершенно удовлетворительнымъ.

Лакей началъ убирать валявшіяся на столѣ вещи; жандармъ, съ окружавшими его, посмотрѣлъ еще одну минуту въ комнату и отошелъ, сказавъ бывшимъ при немъ людямъ, что это не ихъ дѣло. Лакей, котораго Бенни спросилъ о причинѣ появленія здѣсь жандарма и полицейскихъ, объ-

явилъ, что это комиссія, которая ищетъ какихъ-то двухъ пріѣхавшихъ на ярмарку петербургскихъ мошенниковъ,—тѣмъ вся эта передряга и окончилась, и Бенни съ Ничипоренкою остались спокойно досыпать свою ночь.

Но Ничипоренко вовсе уже не расположенъ былъ спать: напротивъ, сонъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ далекъ отъ его глазъ.

Чуть только лакей скрылся за дверью, Ничипоренко заперъ эти двери и, не вынимая ключа изъ замочной скважины, подпрыгнулъ къ Бенни.

— Намъ остается, можетъ-быть, всего двѣ минуты, пока насъ узнаютъ, и эти двѣ минуты мы должны употребить на то, чтобы сжечь нашъ «Колоколъ».

Съ этимъ Ничипоренко схватилъ спички и присѣлъ передъ печкою. Онъ трясся какъ въ лихорадкѣ, и рѣшительно не могъ слушать никакихъ убѣжденій Бенни, доказывавшаго ему, что появленіе комиссіи въ коридорѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣйствительно должно быть не что иное, какъ случайность и что «Колоколъ» жечь не изъ-за чего, тѣмъ болѣе, что печная труба вверху можетъ быть закрыта, что печка станетъ дымить, взойдутъ люди, и тогда непремѣнно родится подозрѣніе, что они жгли что-нибудь недозволенное. Ничипоренко не послушался. Онъ только шепнулъ тихо на ухо Бенни: «Молчите! вы вѣдь ничего не знаете, а я сегодня оставлялъ «Колоколъ» подъ подушками дрожекъ у извозчиковъ и далъ десять нумеровъ одному полицейскому».

— Полицейскому!—воскликнулъ Бенни.

— Да, полицейскому; но это все пустяки, онъ хорошій человѣкъ; я и въ Петербургѣ очень много полицейскимъ давалъ,—да еще какимъ!.. это ничего,—между ними тоже есть славные ребята,—и съ этимъ Ничипоренко опять кинулся къ печи и безжалостно зажегъ тѣ самые заграничные листы, которые съ такою тщательностію и серьезностію транспортировалъ на себѣ изъ Англіи въ Россію Бенни.

Труба, однако, къ счастію предпринимателей, была открыта, и кипа «Колокола» сгорѣла благополучно.

Ничипоренко перемѣшалъ концомъ бенніевскаго дождевого зонтика пепелъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь просимъ покорно хоть и комиссію.

Комиссія къ нимъ, впрочемъ, не пришла, она поступила какъ гоголевскія крысы: «понюхала и пошла прочь», и Бенни съ Ничипоренкомъ провели остатокъ ночи благополучно.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

За утреннимъ чаемъ предприниматели были невеселы и неразговорчивы: они пили свой чай молча и не говоря другъ съ другомъ. Ничипоренко чувствовалъ, что Бенни не можетъ питать никакого уваженія ни къ его революціоннымъ убѣжденіямъ, ни къ его поведенію, и онъ въ этомъ не ошибался. Чтобы вывести Бенни на какой-нибудь разговоръ, онъ спросилъ его:

— А вы думаете, что это невозможно давать «Колоколъ» полицейскимъ? Я знаю жандармовъ такихъ, которые Герцену матеріалы доставали.

Бенни, смотрѣвшій во все это время въ свою записную книжечку, вмѣсто того, чтобы отвѣчать Ничипоренкѣ, спросилъ его: помнитъ ли онъ ихъ маршрутъ? На маршрутѣ этомъ стояли Казань, Саратовъ, Царицынъ, Красный Яръ и Астрахань.

Ничипоренко маршрутъ помнилъ, но забылъ, что для совершенія этого путешествія нужны деньги; а предприниматели, повѣривъ свою казну, нашли, что она у обоихъ ихъ составляетъ уже всего около тридцати рублей, съ которыми спуститься до Каспія и снова всплыть до Тверцы было совсѣмъ невозможно. Положимъ, что, плывучи на пароходахъ въ третьемъ классѣ и питаясь булками да чаемъ, еще и можно было кое-какъ протащиться и съ этими деньгами; но теперь у Бенни рождался вопросъ: чего же ради имъ плыть внизъ? чего подниматься вверхъ, когда вѣдь

опять будетъ все то же самое: трактиръ, улица, извозчики, кабакъ, да сборъ на церковь? А какъ сходиться съ народомъ,—кто это знаетъ? И при томъ не мало смущало Бенни, какъ это все скоро съ ними кончается,—ужасно скоро!

Бенни сообщилъ свои опасенія Ничипоренкѣ, что вездѣ, должно-быть, будетъ только то самое, что они уже видѣли, и что врядъ ли стòитъ для этого тащиться далѣе? Ничипоренко, къ удивленію своего товарища, тотчасъ же согласился, что новаго и въ самомъ дѣлѣ ничего, пожалуй, не будетъ, и что тащиться до Астрахани имъ, дѣйствительно, нечего. Онъ совѣтывалъ перемѣнить маршрутъ, а именно: ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Москву; повидаться съ «московскою *бѣлою* партіею» и потомъ ѣхать въ Полтавскую губернію, гдѣ жили родные Ничипоренки и гдѣ онъ надѣялся устроиться по акцизной части. Ничипоренко увѣрялъ Бенни, что малороссійскій народъ больше развитъ, и что имъ гораздо лучше начинать съ Малороссіи, гдѣ сепаратисты примкнутъ къ нимъ и пойдутъ съ ними заодно.

Бенни уже ни на волосъ не вѣрилъ Ничипоренкѣ и слушалъ его только изъ вѣжливости; но ему хотѣлось видѣть и Москву, и Малороссію, и Ивана Сергѣевича Тургенева, котораго онъ зналъ за границею и который тогда жилъ въ Орловской губерніи въ своемъ Мценскомъ имѣніи, какъ разъ на пути изъ Москвы въ Малороссію. А ко всему этому еще присоединилось то, что съ тридцатью рублями разъѣзжать было довольно трудно; а въ Москвѣ Ничипоренко обѣщалъ Бенни достать много, много денегъ.

— Я, говорилъ онъ, — тамъ сейчасъ же присяду и напишу серьезную корреспонденцію въ «*Экономическій Указатель*» и смѣшную въ «*Искру*», и у насъ будутъ деньги, а вы пишите что-нибудь изъ англійской жизни, — я все пристрою.

Ничипоренко говорилъ все это съ такою самоувѣренностію, что всѣмъ младенчески увлекавшійся Бенни опять ему довѣрился. Онъ согласился и ѣхать въ Москву, и пи-

сать «что-нибудь изъ англійской жизни». Ничипоренко тотчасъ же пошелъ послать одному изъ своихъ знакомыхъ въ Москву депешу, чтобы его ждали вмѣстѣ съ нѣкоторымъ таинственнымъ гостемъ, а Бенни, спустивъ своего сопутника съ глазъ, почувствовалъ неотразимую потребность сходить въ тотъ домъ, гдѣ Ничипоренко вчера за обѣдомъ произвелъ вышеразсказанный скандалъ и извиниться тамъ за него и за себя передъ хозяевами. На случай, если бы его не приняли, Бенни приготовилъ небольшое письмецо и пошелъ; но его приняли и даже приняли очень радушно.

Бенни всегда съ самымъ восторженнымъ чувствомъ вспоминалъ объ удивившей его русской мягкости, съ которою его встрѣтили хозяинъ и хозяйка этого дома, послѣ столь свѣжей и столь нелѣпой исторіи.

— Судя по нравамъ Англіи и даже Польши, говорилъ Бенни, — я думалъ, что меня или вовсе не захотятъ на порогъ пустить, или же примутъ такъ, чтобы я чувствовалъ, что сдѣлалъ мой товарищъ, и я готовъ былъ не обижаться, какъ бы жестко меня ни приняли; но, къ удивленію моему, меня обласкали, и меня же самого просили забыть о случившейся вчера за столомъ исторіи. Они меня же сожалѣли, что я ѣду съ такимъ человѣкомъ, который такъ странно себя держитъ. Эта доброта поразила меня и растрогала до слезъ.

Предприниматели направлялись въ Москву.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Во всю дорогу отъ Нижняго до Москвы Бенни съ Ничипоренко не говорили другъ съ другомъ ни слова. Бенни, въ одно и то же время, занятъ былъ обдумываніемъ, что бы такое ему написать пригодное для печати изъ англійской жизни, и кипятился все болѣе и болѣе скрытымъ негодованіемъ на своего партнера. Ничипоренко былъ совершенно спокоенъ. По выѣздѣ изъ Нижняго, на лицѣ

его опять засіяла значительная улыбка самомнящаго, но ни къ чему неспособнаго петербургскаго дѣятеля тогдашнихъ дней. Ничипоренко знакомился въ своемъ третьеклассномъ вагонѣ направо и налѣво, «разрушалъ предразсудки», «обрывалъ сантиментальность», «проводилъ идею» и вообще былъ въ своей сферѣ и въ своемъ любимомъ духѣ.

Это самодовольство Ничипоренки, послѣ столькихъ доказательствъ его неспособности и неумѣнія ни за что взяться, приводило Бенни въ отчаяніе. Отчаяніе это еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что этотъ Ничипоренко, по питерскимъ рекомендаціямъ, былъ звѣзда, жемчужина, Голіаѳъ, которымъ въ Петербургѣ любовались, на котораго надѣялись и у котораго заповѣдали Бенни учиться и брать съ него примѣръ, потому что онъ-де уже *все знаетъ* и научитъ, какъ и гдѣ себя держать, сообразно всякимъ обстоятельствамъ.

— Всю дорогу, глядя на Ничипоренку (говорилъ Бенни), я спрашивалъ себя, что можетъ выйти изъ моей поѣздки съ этимъ человѣкомъ? Я все болѣе и болѣе убѣждался, что въ этой компаніи мнѣ не предстоитъ ничего, кромѣ какъ только безпрестанно компрометировать себя въ глазахъ всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ людей; но я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ его дѣть и гдѣ искать другихъ людей.

Предприниматели прибыли въ Москву вечеромъ, остановились на Тверской въ гостиницѣ Шевалдышева и тотчасъ же принялись литераторствовать. Бенни имѣлъ при себѣ англійскій журналъ, въ которомъ была довольно занимательная для тогдашняго времени статья о мормонахъ. Онъ сѣлъ переводить ее, а Ничипоренко взялся писать корреспонденцію *съ дороги*, но почувствовалъ позывъ ко сну и легъ въ постель. Переводъ Бенни былъ сдѣланъ очень дурнымъ русскимъ языкомъ и въ этомъ видѣ никуда не годился; но Ничипоренко обѣщался ему все выправить и пристроить. Самъ Ничипоренко написалъ кор-

респонденцію и подалъ ее черезъ одного своего знакомаго въ «Русскую Рѣчь», чтобы здѣсь ее поскорѣе напечатали и выдали бы за нее деньги; но въ «Русской Рѣчи» корреспонденція эта не была принята и Ничипоренко опять рѣшилъ послать ее въ «Искру» или въ «Экономическій Указатель». Сами же предприниматели оставались въ Москвѣ. Въ это время они попали здѣсь въ одинъ литературный домъ. Хозяйка этого дома, пожилая дама, отличалась благородствомъ своего личнаго характера и горячностію убѣжденій, но страдала неукротимою невыдержанностію въ спорахъ, до которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ была страстная охотница. Теперь случай сводилъ эту даму съ Бенни и Ничипоренко на новое несчастіе сего послѣдняго. Здѣсь, можетъ-быть, еще разъ слѣдуетъ упомянуть, что покойный Ничипоренко былъ замѣчательно не хорошъ собою отъ природы и, кромѣ своей неблагообразности, онъ былъ страшно непріятенъ своимъ неряшествомъ и имѣлъ очень дурныя манеры и двѣ отвратительнѣйшія привычки: дергать безпрестанно носомъ, а во время разговора выдавливать себѣ пальцемъ изъ орбиты лѣвый глазъ. Все это вмѣстѣ взятое на нервнаго человѣка, а въ особенности на нервныхъ женщинъ дѣйствовало ужасно невыгодно для Ничипоренко. Этимъ же безобразіемъ своей наружности, неряшливостію и отталкивающими манерами Ничипоренко съ перваго же своего визита произвелъ и на впечатлительную, нетерпѣливую и раздражительную хозяйку дома самое неблагопріятное для себя впечатлѣніе. Невыгодное впечатлѣніе это Ничипоренко еще болѣе усилилъ чисто маратовскою кровожадностію, которой онъ, вѣроятно, и не имѣлъ, но которую, по безтактности своей, считалъ долгомъ выказывать въ этомъ «благонадежномъ, *но бѣломъ* домѣ». Къ выраженію этой кровожадности его подзадоривало присутствіе посѣщавшаго этотъ домъ, на правахъ жениха, флигель-адъютанта, которому хозяйка, разумѣется, оказывала вниманіе какъ будущему своему зятю. Къ концу перваго вечера, проведеннаго Ничипоренкою въ этомъ домѣ,

онъ устроился такъ, что хозяйка просто уже питала къ нему отвращеніе. Отвращеніе это въ ней скоро еще болѣе увеличилось и сдѣлалось для другихъ предметомъ любопытнѣйшихъ наблюденій.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ ряду московскихъ литераторовъ, среди которыхъ проводила свою жизнь эта «бѣлая дама», она не встрѣчала ничего подобнаго Ничипоренкѣ, ни по его великому невѣжеству, ни по большой его наглости, ни по безконечному его легкомыслію и нахальству.

Ничипоренко въ своей простотѣ ничего этого не замѣчалъ и, увлекаясь своею ролью *предпринимателя*, какъ на зло, ломался, кривлялся, говорилъ не иначе, какъ отъ лица какой-то партіи: «*мы*», «*у насъ рѣшено*», «*наши люди готовы*» и т. п. словами. Ничипоренко велъ себя такъ, какъ ведутъ себя предприниматели, описанные въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ повѣстяхъ и въ романахъ, но то, что люди въ повѣстяхъ и романахъ, по волѣ авторовъ, слушаютъ развѣся уши, за то въ дѣйствительной жизни, сплошь и рядомъ, называютъ человѣка дуракомъ и просятъ его выйти за двери. Это и случилось съ Ничипоренкою. Московская хозяйка Ничипоренки не выдержала его тона и сказала ему, не обинуясь, что она «*не любитъ красныхъ и не вѣритъ имъ*».

— А мы не любимъ *бѣлыхъ*, смѣло отвѣчалъ Ничипоренко,— и имъ не вѣримъ.

— Да кто это—вы? кто это—вы?—вскричала, вспыхнувъ, хозяйка.

— Мы...

— Мы!—повторила съ презрительною гримасою хозяйка и тотчасъ, сдѣлавъ гримасу, передразнила: «Кто идетъ?— Мы.—Кто—вы?—Калмыкъ.—Сколько васъ?—*Одна*. Вотъ вамъ ваше и «мы».

А что касается до тогдашнихъ петербургскихъ крас-

ныхъ... то мнѣнія хозяйки насчетъ этихъ людей были самыя дурныя, и надо сказать правду, Ничипоренкѣ трудно было ей что-нибудь возражать, потому что она знала про петербургскихъ красныхъ ихъ настоящія *дѣла*, а не подозрѣнія и фразы. Когда при этой смѣтѣ было упомянуто про дѣло о денежныхъ недоразумѣніяхъ между Н. А. Некрасовымъ и покойною первою женою Николая Платоновича Огарева, Ничипоренко вступился было за поэта и хотѣлъ представить все дѣло объ этихъ денежныхъ недоразумѣніяхъ апокрифическимъ; но, во-первыхъ, оказалось, что хозяйка хорошо знала это дѣло, а, во-вторыхъ, зналъ хорошо эту исторію и Бенни, и зналъ онъ ее отъ самихъ гг. Герцена и Огарева, причемъ Бенни разсказалъ, какъ Некрасовъ, бывши за границею, пытался было повидаться съ Герценомъ и объясниться насчетъ этихъ недоразумѣній, но Герценъ, имѣя твердыя основанія считать всякія объясненія поэта излишними, отказался принять его.

— Вы это сами видѣли?

— Я присутствовалъ при этомъ.

Ничипоренко спасовалъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, пусть даже это будетъ и такъ, но это одна неаккуратность... Очень многіе хорошіе люди съ деньгами неаккуратны. Я говорю не объ общей, *не о мѣщанской* честности, а о *честности абсолютной* и, употребляя слово мы, говорю отъ лица *всѣхъ петербургскихъ литераторовъ*, со мною единомысленныхъ.

Услышавъ это, дама очень рѣзко отозвалась и о многихъ другихъ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ и, не обинуясь, назвала людей этихъ кружковъ невѣждами. Ничипоренко совсѣмъ вскипѣлъ и вступился за репутацію литераторовъ Петербурга. Онъ рѣшился подшибить даму сразу и притомъ подшибить какъ можно больнѣе и безпощаднѣе. Онъ зналъ по слухамъ, что хозяйка, съ которою онъ велъ эти дебаты, очень любила и уважала покойныхъ московскихъ профессоровъ Кудрявцева и Грановскаго, и

даже была другомъ одного изъ нихъ. Поэтому, чтобы уязвить ее какъ можно болѣе, Ничипоренко покусился на память этихъ двухъ покойниковъ.

— Что же,—сказалъ онъ,—да что изъ того, что у насъ невѣжды? Во-первыхъ, это еще неизвѣстно, невѣжды ли они или не невѣжды, потому что въ томъ, что слѣдуетъ знать для народнаго счастья, наши знаютъ больше, чѣмъ ваши; а, во-вторыхъ, теперь вѣдь сантименталовъ, въ родѣ вашего Кудрявцева съ Грановскимъ, только презирать можно.

— Какъ вы смѣли это сказать! Какъ вы смѣли заикнуться объ этомъ въ моемъ присутствіи, что этихъ людей можно презирать!—вскипѣла за своихъ друзей хозяйка.

— А отчего же бы и не сказать? что же такого сдѣлали эти ваши трутни? Они конституціи, можетъ-быть, какой-то добивались? да намъ чортъ ли въ ней, въ этой ихней конституціи? Намъ нуженъ народъ, а они ничего не сдѣлали для народнаго дѣла.

— Они воспитали цѣлыя тысячи людей, изъ которыхъ ни одинъ не скажетъ такой глупости, какую я сейчасъ слышала.

Ничипоренко звонко захихикалъ.

— И все-таки — что же они сдѣлали, эти люди? Говорить научили? да?—запыталъ онъ.

— Они научили людей быть честными людьми.

— Честными!

Ничипоренко опять захихикалъ и началъ, нимало не смущаясь, развивать ту мысль, что такого рода честность, какую могъ внушать Кудрявцевъ, восторгавшійся цѣломудренными римскими матронами, или Грановскій, вѣровавшій даже въ жизнь за гробомъ, скорѣе вредна, чѣмъ полезна.

— Вы въ Москвѣ о нихъ жалѣете, а мы въ Петербургѣ даже радуемся, что эти господа Грановскіе къ нашему времени убрались и поочистили мѣсто другимъ. Пусть ихъ также бесѣдуютъ теперь на томъ свѣтѣ съ Пушкинымъ и

цѣлуютъ его ручку за Таню, которая разъ «другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна».

Читая этотъ монологъ, Ничипоренко не замѣчалъ, или и замѣчалъ, но не придавалъ тому значенія, что хозяйка, передъ которою говорилъ онъ, мѣнялась въ лицѣ и, наконецъ, въ неукротимомъ негодованіи встала, à la Ristori, протянула руку и молча указала ею на двери.

Видя, что онъ не трогается съ мѣста, она упавшимъ голосомъ проговорила: «Вонъ! вонъ! сію минуту вонъ!» и съ тѣмъ вмѣстѣ сама, съ нервными слезами на глазахъ, выбѣжала, шатаясь, изъ своего кабинета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ничипоренкѣ положительно не везло за Петербургомъ; не везло, съ нимъ и изъ-за него, и Артуру Бенни. Предприниматели были всего вторую недѣлю въ дорогѣ и попали всего только во второй русскій домъ, а уже имъ во второй разъ указывали на двери. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ предпринимателя было надъ чѣмъ призадуматься! Артуръ Бенни былъ страшно жалокъ въ томъ печально-смѣшномъ положеніи, въ которое его поставили его петербургскіе знакомые, отправивъ для изученія Россіи съ такимъ руководителемъ, какъ Ничипоренко. Бенни еще въ Петербургѣ изумляла крайняя невоспитанность Ничипоренки, но тамъ она еще приходилась какъ-то къ масти того кружка, въ которомъ онъ зазналъ этого предпринимателя, и не била въ глаза. По незнанію Россіи и по своему чистому младенческому легковѣрію, Бенни думалъ, что, стало-быть, таковы повсюду нравы въ Россіи и что несносная невоспитанность Ничипоренки тяжела только для него, человѣка нерусскаго, а русскимъ людямъ она всѣмъ нисколько не противна, и вдругъ, повсемѣстно, такое разочарованіе! Какъ только они вырвались изъ атмосферы, которою тогда дышали нѣкоторые кружки въ Петербургѣ, и попали къ другимъ людямъ, — ихъ только

отовсюду гонятъ и гонятъ! Теперь Бенни стало ясно, что за петербургскими рогатками человѣкъ, который ведетъ себя какъ Ничипоренко, и проводникъ, и сотоварищъ непригодный. Бенни, не обинуясь, высказалъ все это Ничипоренкѣ въ глаза и старался объяснить ему всю нелѣпость его поведенія. Ничипоренко расхохотался было, но Бенни вспылилъ и объявилъ ему, что если онъ еще гдѣ-нибудь такъ поведетъ себя, какъ велъ до сихъ поръ, то онъ, Бенни, просто выброситъ его въ окно. У нихъ при свидѣтеляхъ произошла въ гостиницѣ Шевалдышева очень жаркая сцена, въ заключеніе которой Ничипоренко опять просилъ у Бенни прощенья и сѣлъ писать новую корреспонденцію въ петербургскія газеты. Денегъ у нихъ къ этой порѣ уже не было ни гроша, и имъ нечѣмъ было ни жить, ни ѣхать. Ни «*Искра*», ни «*Экономическій Указатель*» посланныхъ этимъ изданіямъ корреспонденцій Ничипоренки не печатали и денегъ ему за его литературу не высылали.

Между тѣмъ московская дама, у которой Ничипоренко потерпѣлъ свою вторую неудачу, женщина очень добраго и благороднаго сердца, почувствовала большое состраданіе къ юному, неопытному и вовсе незнавшему Россіи Артуру Бенни. Она послала за нимъ одного изъ своихъ знакомыхъ и, призвавъ Бенни къ себѣ, сказала ему, что негодованіе ея на его товарища вовсе не падаетъ на ни въ чемъ неповиннаго Бенни; но что если онъ, Бенни, хочетъ путешествовать по Россіи съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ страною и съ хорошими русскими людьми, то прежде всего онъ долженъ освободить себя отъ своего петербургскаго товарища. Бенни признался, что онъ и самъ давно думаетъ точно также, и давно видитъ, что съ нимъ въ Петербургѣ сыграли очень нехорошую штуку, давши ему такого компаніона, каковъ былъ Ничипоренко.

— Да, ваши петербургскіе друзья рѣшительно ничего не могли вамъ сдѣлать хуже, какъ дать вамъ такого спутника,—подтвердила ему дама.—Вамъ съ нимъ невозможно

будетъ показаться ни въ одинъ порядочный домъ, не ожидая ежеминутнаго срама: въ этомъ вы мнѣ можете повѣрить.

Бенни былъ съ этимъ совершенно согласенъ; онъ готовъ былъ разстаться съ Ничипоренко ту же минуту, но не находилъ никакихъ средствъ отъ него отвязаться.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ просто совѣтую отказаться отъ путешествія, которое въ сообществѣ этого господина принесетъ вамъ только одни скандалы,—сказала ему дама.

Бенни нашелъ это основательнымъ, и съ этихъ поръ ему нуженъ былъ только предлогъ, подъ которымъ бы онъ могъ удобнѣе оставить задуманное путешествіе. Но какъ это сдѣлать послѣ того, какъ онъ обѣщалъ Ничипоренкѣ ѣхать съ нимъ въ Малороссію, пожить въ Прилукахъ, быть въ Кіевѣ, а, главное, познакомить его съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, къ чему Ничипоренко, всегда имѣвшій неодолимую слабость къ знакомствамъ съ извѣстными людьми, стремился неудержимо.

Онъ даже забывалъ говорить и о «предпріятіи» при мысли, что будетъ скоро «гостить у Тургенева лѣто въ деревнѣ». Онъ увѣрялъ, что это ему «очень нужно» и, дѣйствительно, впослѣдствіи доказалъ, что не лгалъ: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ понадобился г-ну Ничипоренко для того, чтобы впутать его въ дѣло, въ которое, окромя Тургенева, попали многіе люди, никогда ничего не знавшіе о настоящихъ планахъ и предпріятіяхъ Ничипоренки.

Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди, а теперь возвращаемся къ нашей исторіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Бенни не зналъ, какъ ему отвязаться отъ Ничипоренки.

Сказать Ничипоренкѣ прямо, что онъ не годится ни для какого предпріятія, Бенни находилъ неудобнымъ: Ничипоренко вернулся бы тотчасъ же въ Петербургъ и разска-

залъ бы, что Бенни «дружитъ съ постепеновцами», что онъ просто *темная личность*, что онъ забраковалъ его, Ничипоренко, человѣка столь извѣстнаго во всемъ Петербургѣ, и забраковалъ единственно потому, что онъ не позволялъ ему хитрить.

Товарищи Ничипоренко по коммерческому училищу говорятъ, что онъ еще съ дѣтства былъ «неуловимъ и неуязвимъ».

Будь на мѣстѣ Бенни человѣкъ поразсудительнѣе и посерьезнѣе, онъ, конечно, не побоялся бы этого: онъ понялъ бы, что никакой соціальной революціи въ Россіи въ тѣ дни еще не было, что революціонерамъ здѣсь дѣлать нечего, и затѣмъ благоразумно бросилъ бы этого Ничипоренко, какъ бросали его многіе люди, не возбраняя ему распускать о нихъ что онъ хочетъ и кому хочетъ. Бенни уѣхалъ бы себѣ назадъ въ свой Вульвичскій арсеналъ получать пять тысячъ рублей жалованья, и тогда что́ ему въ Англіи было бы до Ничипоренки? Но честный маньякъ Бенни, къ сожалѣнію, ни къ какой серьезной вдумчивости не былъ способенъ. Онъ никогда не могъ видѣть передъ собою всего дѣла въ цѣломъ его объемѣ, а разсматривалъ его по деталямъ: «это, молъ, если неловко, то, можетъ-быть, вотъ это вывезетъ». А притомъ какъ было, вернувшись въ Англію, представиться Герцену и сказать ему, что никакой организованной революціи въ Россіи нѣтъ, а есть только одни говоруны, которымъ никто изъ путныхъ людей не дастъ вѣры. Вѣдь Герценъ уже объявилъ, что онъ «создалъ поколѣніе *безповоротно соціалистическое*», и люди повторяли эти слова... Выходитъ большая неловкость! Опять-таки другой человѣкъ, болѣе серьезный, чѣмъ Бенни, не подорожилъ бы, можетъ-быть, и г. Герценомъ, который, какъ на-смѣхъ, въ ту пору довѣрялся людямъ безъ разбора и часто увѣрялъ другихъ въ томъ, о чемъ и самъ не былъ удостовѣренъ; но Бенни не могъ сказать всю правду г. Герцену. Герценъ былъ его кумиръ, который не могъ лгать и ошибаться, и Бенни во что бы то ни стало хотѣлъ

разыскать ему скрывающуюся въ Россіи революцію. Такое упорство со стороны Бенни было тѣмъ понятнѣе, что онъ былъ дѣйствительно фанатикъ и соціалистъ до готовности къ мученичеству и притомъ вѣрилъ, что Александръ Ивановичъ такъ грубо ошибаться не можетъ и что революція въ Россіи дѣйствительно гдѣ-то есть, но только она все отъ него прячется. А между тѣмъ, пока Бенни предавался этимъ разсужденіямъ, злосчастный Ничипоренко окончилъ еще новыя корреспонденціи въ «*Экономическій Указатель*» и въ «*Искру*», и собирался скорѣе вонъ изъ непривѣтливой Москвы. Отъѣздъ предпринимателей долженъ былъ состояться завтра. Бенни ѣхалъ противъ воли своей, а отказаться и сказать Ничипоренкѣ: «оставьте меня, я не хочу съ вами ѣздить»,—онъ не могъ. Тогда началась преуморительнѣйшая игра, похожая на водевиль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Чтобы какъ-нибудь спасти этого несчастнаго Бенни, столь комически начавшаго свое путешествіе и теперь изнемогавшаго подъ бременемъ своей нерѣшительности и деликатности, дама, о которой здѣсь часто идетъ рѣчь, вызвалась послать ему на почтовую станцію въ Орелъ телеграмму о томъ, что важныя дѣла требуютъ его немедленнаго возвращенія въ Москву. Полагали, что словъ «важныя дѣла» будетъ достаточно для Ничипоренки, и что предприниматель этотъ съ миромъ отпуститъ отъ себя Бенни, а самъ благополучно поѣдетъ себѣ, одинъ, къ своимъ домашнимъ Ларамъ и Пенатамъ, и также благополучно будетъ себѣ что-нибудь писать, въ своихъ Прилукахъ, «для блага народа» и читателей «*Искры*» и «*Экономическаго Указателя*», а Бенни, такимъ образомъ, освободится отъ своего тирана на волю.

Артуръ Бенни тоже находилъ, что такой денеши съ него будетъ за-глаза довольно, чтобы отбиться въ Орлѣ отъ Ничипоренки.

Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе: какъ только

предприниматели съ своими саками и зонтиками усѣлись въ почтовую карету, такъ, два часа спустя, въ Орелъ, на имя Артура Бенни, была послана условленная депеша. Бенни исправно получилъ ее въ Орлѣ и разыгралъ передъ Ничипоренко, что депеша эта получена имъ совершенно неожиданно, но что, къ сожалѣнію, она имѣетъ значеніе очень важное и потому онъ, Бенни, долженъ отложить свое намѣреніе путешествовать по Россіи до будущаго года, а теперь, немедленно же, тѣми же слѣдами, долженъ спѣшить назадъ въ Москву, а оттуда Богъ знаетъ куда,—куда потребуютъ обстоятельства. Но ни Бенни, ни спасавшая его отъ Ничипоренки московская «бѣлая» дама, никто не отгадали, какъ приметъ эту депешу Ничипоренко.

Услыхавъ, что у Бенни уже есть важныя дѣла, которыхъ Ничипоренко такъ, вотще, до сихъ поръ добивался, петербургскій предприниматель такъ и вцѣпился въ предпринимателя лондонскаго: покажите, молъ, мнѣ, что это такое бываютъ за *важныя дѣла?* Въ Москвѣ уповали, что Ничипоренко поспѣшитъ въ Прилуки и радъ будетъ тамъ отдохнуть отъ своихъ революціонныхъ работъ и треволненій, но онъ, чуть только услыхалъ про «важныя дѣла», сейчасъ же думать забылъ и про отдыхъ въ ничтожномъ малороссійскомъ городишкѣ, и про всѣхъ тѣхъ, съ которыми онъ тамъ хотѣлъ повидаться и кого хотѣлъ просвѣтить. Ничипоренко коротко и ясно объявилъ Бенни, что и онъ съ нимъ тоже вернется въ Москву. Бенни сталъ упирать на то, что его вызываютъ *одного*, но Ничипоренко отвѣчалъ, что это, очевидно, или недосказанность, или пустая деликатность къ нему, потому что знаютъ, что онъ, между прочимъ, желалъ повидаться съ родными; но что онъ этой деликатности не принимаетъ и непремѣнно ѣдетъ назадъ. Однимъ словомъ, сталъ — какъ Елисѣй передъ Ильею—и стоитъ въ одномъ, что «живъ Господь и жива душа твоя, аще оставлю тебя. Ты въ Вефиль, такъ и я въ Вефиль, а ты въ Іерихонъ, такъ и я въ Іерихонъ и берега Іордана увидятъ меня съ тобою».

— Да и при томъ, говоритъ,—вы разсудите: *двое* вѣдь все-таки болѣе значитъ чѣмъ *одинъ*. Зовутъ одного, а мы пріѣдемъ двое,—это имъ не убытокъ, а прибыль.

Бенни поднялся на хитрость и пустился доказывать Ничипоренкѣ, что при революціяхъ прежде всего должна соблюдаться точность въ исполненіи распоряженій, что если Бенни одного требуютъ назадъ, такъ онъ одинъ и долженъ ѣхать; а если его, Ничипоренко, назадъ не требуютъ, то значитъ высшая революціонная власть находитъ нужнымъ, чтобы онъ, Ничипоренко, ѣхалъ впередъ и онъ такъ ужъ и долженъ ѣхать впередъ.

Такая рѣчь крайне удивила Ничипоренко, вовсе не допускавшаго мысли, чтобы и въ революціяхъ нужна была какая-нибудь субординція. Ничипоренко, растерявшись нѣсколько отъ этой неслыханной новости, сказалъ Бенни, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ нужна въ революціяхъ субординація? Что это значитъ опять зависимость и что, по «его мнѣнію, требовать отъ предпринимателя слѣпого послушанія, это значитъ вводить въ предпріятіе бюрократію».

Бенни поговорилъ съ нимъ о разницѣ между субординаціею и бюрократіею и увидалъ, что политическій другъ его и этой разницы не понимаетъ, и что съ нимъ гораздо удобнѣе шутить, чѣмъ сердиться на него или убѣждать его. Онъ ему разсказывалъ, что въ революціяхъ даже и разстрѣливаютъ и вѣшаютъ. Ничипоренко удивился. Революціонеръ, бросившій берега Альбіона для того, чтобы быть исполнителемъ русской революціи, теперь самъ уже смѣялся надъ тѣмъ человѣкомъ, котораго въ Петербургѣ считали способнѣйшимъ дѣятелемъ и мечтали послать въ Лондонъ для самоважнѣйшихъ (какъ впослѣдствіи оказалось, самыхъ пустыхъ) негоціацій съ Герценомъ. Теперь Бенни просто подтрунивалъ надъ этимъ важнымъ человѣкомъ и подстрекалъ его тѣмъ, что «важныя дѣла», для которыхъ его, Бенни, вызываютъ назадъ, онъ не можетъ назвать потому, что это запрещено ему его «*Старшимъ*».

— Ну, вотъ и «Старшимъ!» Да это, можетъ-быть, чортъ знаетъ, кто этотъ «Старшій?»

— Это все равно: старшаго надо слушаться.

— Какъ же вамъ, стало-быть, если и палку поставятъ старшимъ, вы и палку будете слушаться?

— И палку буду слушаться. Безъ этого ничего не идетъ.

— Фу, чертовщина какая!

Ничипоренко задумался: а, можетъ-быть, и точно въ революціяхъ нужна субординація? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ у *всамдѣльныхъ* революціонеровъ это такъ? Желаніе быть всамдѣльнымъ революціонеромъ диктовало Ничипоренкѣ суровую мысль, что онъ долженъ послушаться Бенни и ѣхать далѣе, но съ другой стороны, вспомнивъ, что вѣдь собственно ни онъ и никто изъ русскихъ революціонеровъ еще никакого своего революціоннаго начальства не имѣетъ, онъ находилъ, что ему некому и повиноваться: Герценъ далеко, а здѣсь, въ Россіи, всѣ равны и старшаго никого нѣтъ.

— Нѣтъ, какъ вы хотите, а я не останусь, — отвѣчалъ Ничипоренко съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

Удовольствіе возить «герценовскаго эмиссара» и ѣздить съ предпріятіемъ было такъ сильно въ эти минуты въ Ничипоренкѣ, что онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и стоялъ на томъ, что, не смотря ни на субординацію и ни на какіе революціонные законы, онъ все-таки ѣдетъ назадъ; Бенни рѣшительно потерялъ надежду отвязаться отъ своего спутника: онъ указывалъ ему на близость его родины отъ Орла и совѣтывалъ проѣхаться туда и навѣстить сестеръ, но ничего не помогало: Ничипоренко твердилъ: «что сестры! теперь не до родства, а вы безъ меня Богъ знаетъ чего напутаете», и онъ ни на пядь не отставалъ отъ Бенни.

Тогда Артуръ Бенни просто бѣжалъ отъ Ничипоренко изъ гостиницы. Онъ вышелъ изъ комнаты «по надобности царя Саула», и на Болховской улицѣ, въ Орлѣ, заложилъ у часовщика Керна свои карманные часы и съ вырученными за нихъ восемьнадцатью рублями бросился въ отдѣ-

леніе почтовыхъ каретъ. Здѣсь онъ думалъ освѣдомиться, сколько порожнихъ мѣстъ есть въ экипажѣ, который поѣдетъ вечеромъ въ Москву. Харьковскій экипажъ, идущій въ Москву, случайно былъ въ это время у подъѣзда, но въ немъ не было ни одного мѣста... Зато можно было купить кондукторское мѣсто у кондуктора. Бенни тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ: онъ купилъ себѣ это мѣсто и, тщательно задернувшись въ немъ занавѣсками, уѣхалъ, пославъ, впрочемъ, Ничипоренкѣ со сторожемъ почтовой станціи записку, что онъ воспользовался единственнымъ мѣстомъ въ почтовомъ экипажѣ и уѣхалъ въ Москву. Теперь Ничипоренко волею-неволею *долженъ* былъ остаться въ Орлѣ, а Бенни прикатилъ въ Москву. Но Ничипоренко еще перехитрилъ Бенни и доказалъ, что не одни пауки влетаютъ подъ облака на птичьихъ хвостахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Бенни пріѣхалъ въ Москву очень рано и въ семь часовъ утра былъ уже у одного изъ своихъ московскихъ знакомыхъ, знавшаго всѣ комическія побѣгушки предпринимателей другъ за другомъ. Хозяинъ и гость, не будя никого семейныхъ, сѣли вдвоемъ за ранній чай и Бенни съ веселымъ смѣхомъ началъ разсказывать исторію своего бѣгства отъ Ничипоренки; но не успѣлъ хозяинъ съ гостемъ поговорить и четверти часа, какъ одинъ изъ нихъ, взглянувъ на улицу въ окно, увидалъ у самаго стекла перекошенное и дергающееся лицо Ничипоренки. Онъ стоялъ какъ привидѣніе, появленіе котораго, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно невозможно было объяснить ничѣмъ, если бы онъ не объяснилъ его черезъ минуту самъ. Ничипоренко разсказалъ, что онъ нашелъ на станціи въ Орлѣ очень добраго офицера, ѣдущаго въ Москву «по казенной надобности», упросилъ того взять его съ собою и догналъ Бенни на перекладной. Спасенія отъ него не было нигдѣ, а ѣхать опять съ нимъ же вмѣстѣ назадъ, въ Петербургъ, значи-

ло—опять попасть въ кружокъ тѣхъ же самыхъ людей, о которыхъ Бенни въ это время уже не могъ безъ раздраженія вспомнить и съ которыми потомъ никогда не сходился во всю свою жизнь въ Россіи.

Настигнутый Бенни сообщилъ Ничипоренкѣ, что онъ долженъ ожидать кого-то въ Москвѣ въ теченіе неопредѣленнаго времени. Ничипоренко и здѣсь не отсталъ: «и я буду ждать съ вами»,—сказалъ онъ, и опять жилъ съ Бенни съ недѣлю въ гостиницѣ Шевалдышева. Бенни бывалъ у той писательницы, которая не переносила присутствія Ничипоренки, и у нѣкоторыхъ другихъ московскихъ литературныхъ людей, и у двухъ тамошнихъ редакторовъ Каткова и Аксакова. Катковъ съ нимъ бесѣдовалъ долго, выспрашивалъ много и попросилъ оставить какой-то проектъ; Бенни оставилъ, Катковъ черезъ часъ прислалъ проектъ въ запечатанномъ конвертѣ безъ адреса и безъ малѣйшаго слова приписки. Бенни обидѣлся страшно. Аксаковъ принялъ Бенни очень холодно, и проекта читать не сталъ, сказавъ: «это дѣло Катковское», но посовѣтывалъ Бенни «прежде узнать русскій народъ» и затѣмъ откровенно уклонился отъ продолженія съ нимъ знакомства. Ничипоренко во все это время или сидѣлъ въ своемъ номерѣ, или гостевалъ у брата извѣстнаго Василія Кельсіева, студента Ивана Кельсіева, необыкновенно добраго и чистаго сердцемъ юноши, болѣе извѣстнаго въ московскихъ студенческихъ кружкахъ подъ именемъ *добраго Вани*. Онъ тоже потомъ, бывъ арестованъ по обвиненію въ какомъ-то политическомъ преступленіи, бѣжалъ изъ-подъ стражи и, пробравшись за границу, вскорѣ умеръ тамъ отъ чахотки. Жизнь Ничипоренки въ Москвѣ была невыносимая, вялая и скучная, но онъ, кажется, рѣшился терпѣть все до конца и уѣзжать изъ Москвы не собирался. «*Искра*» и «*Экономическій Указатель*» корреспонденцій его опять не печатали и денегъ ему не высылали, и онъ жилъ займами, перебиваясь съ гроша на грошъ. Неизвѣстно, когда бы и чѣмъ бы кончилась эта игра, если бы, къ счастію Бенни, у нихъ не подорвались и послѣднія ихъ

средства. Предпринимателямъ рѣшительно и буквально стало нечего ѣсть. Бенни, котораго принимали кое-гдѣ, могъ еще найти себѣ радушно предложенный обѣдъ и даже пріютъ, но Ничипоренкѣ ровно некуда было ни пріютиться, ни попасть на хлѣбы; комната «Вани Кельсіева» была вся съ птичью клѣтку, а обѣда у него часто не доставало и у самого. Онъ, по его шутливому замѣчанію, «*закуривалъ голодъ*» вонючимъ кнастеромъ, изъ своей коротенькой трубочки, съ которою никогда не разставался ни дома, ни въ гостяхъ. Тогда только, въ этихъ непреоборимыхъ обстоятельствахъ, Ничипоренко, спасая себя отъ холода и голода, рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ, впрочемъ, успокоивалъ Бенни, что ѣдетъ ненадолго, что онъ тамъ только пораздобудется деньжонками и на-дняхъ же вернется снова къ Бенни для продолженія предпріятія. Наивный Ничипоренко вовсе и не замѣчалъ, что его выпроваживали, и уѣзжалъ съ полнымъ упованіемъ, что онъ, во все это время, дѣлалъ какое-то предпріятіе, которое остановилось только за случившимся недостаткомъ въ деньгахъ, но разыщетъ онъ въ Петербургѣ деньжонокъ, и ему надо будетъ вернуться и предпріятіе опять пойдетъ далѣе. Напуганный Бенни опасался, что Ничипоренко, дѣйствительно, того и гляди, снова явится въ Москвѣ, но его успокоивали, что этого не можетъ случиться, потому что на это нужны деньги, а на деньги въ Петербургѣ не тароваты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Выпроводивъ Ничипоренко въ Петербургъ, Бенни остался въ Москвѣ тоже безъ гроша. Въ это время онъ воспользовался моимъ гостепріимствомъ и, живучи у меня, въ домѣ Волоцкой, съ моею помощію привелъ свою небольшую компиляцію о «*Мормонахъ*» въ такое состояніе, что она могла быть напечатана въ «*Русской Рѣчи*». Это и была первая и единственная статья, напечатанная Бенни въ газетѣ Евгеніи Туръ, постояннымъ сотрудникомъ которой Бенни никогда

не былъ и названъ таковымъ въ некрологѣ «*Иллюстрированной Газеты*» г. Зотова совершенно неосновательно. Бенни въ это время просто жилъ у меня въ Москвѣ, по совершенному недостатку средствъ къ выѣзду, и отъ нечего дѣлать приглядывался къ московской жизни и нравамъ и былъ принятъ въ дома нѣкоторыхъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Русская литература въ то время Бенни нимало не интересовала, а его революціонныя идеи въ Москвѣ не встрѣчали никакой поддержки. Одни изъ москвичей, которымъ онъ высказывалъ свои планы, только отрезвляли его отъ революціоннаго опьяненія, въ которомъ онъ явился въ Россію, а другіе, слушая, какъ онъ хлопочетъ о Россіи, просто пожимали въ недоумѣніи плечами, дескать: «что онъ Гекубѣ и что ему Гекуба?» и отходили отъ него въ сторону. Какъ Петербургъ представилъ ему совсѣмъ не то, что ожидалъ онъ встрѣтить въ немъ по своимъ лондонскимъ соображеніямъ, такъ и въ Москвѣ онъ опять нашелъ совсѣмъ не то, что ему разсказывали: онъ видѣлъ все лѣниво, рыхло, ничего не ворохнешь,—ничего не сдвинешь. Гдѣ этотъ *расколъ*, про который онъ наслышался въ Лондонѣ всякихъ чудесъ отъ Бакунина и Василія Кельсіева? Расколъ не хочетъ и взглянуть на того, кто ищетъ его ради другихъ цѣлей, а не ради раскола. Гдѣ эта партія vieiy bojard moskowites? Сидитъ она на семи дубахъ, въ осьмой упирается, и дѣла ей нѣтъ до того, что затѣваетъ лондонскій «нѣмчикъ». Бенни еще разъ убѣдился, что въ Россіи въ то время рѣшительно не было никакой организованной революціи; что въ Петербургѣ тогда только выдумывали революцію и занимались сю, такъ сказать, *для шику*, да и то занимались люди, вовсе неимѣющіе ни малѣйшихъ понятій о томъ, какъ дѣлаются революціи. Въ отрезвляющемъ, консервативномъ покоѣ равнодушной къ питерскимъ затѣямъ Москвы Бенни теперь задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? что такое значитъ здѣсь *онъ*, фактически русскій подданный и документально «натурализованный англійскій субъектъ», че-

ловѣкъ нерусскій ни по крови, ни по привычкамъ, и космополитъ по убѣжденіямъ? Не мудрено, что въ это время Бенни и самъ себя вопросилъ: что онъ Гекубѣ, и что ему Гекуба? Молодой, даже совсѣмъ юный, Бенни сталъ понимать, что онъ сдѣлалъ большой промахъ, что положеніе его просто глупо и что его и лондонскіе его друзья, и петербургскіе нарядили въ какіе-то политическіе шуты и выпихнули его паясничать съ убогенькимъ простачкомъ, который вертится передъ нимъ и ляскаетъ, какъ холщовая коза передъ пляшущимъ на ярмаркѣ медвѣдемъ. Увидать себя такою игрушкою не радостно и не легко; а тутъ еще, съ тою извѣстностію, которую онъ такъ быстро пріобрѣлъ, какъ «герценовскій эмиссаръ», нѣтъ возможности скрыться безслѣдно, нѣтъ и средствъ жить. А между тѣмъ все бѣжитъ, все коритъ, все точитъ, все гонопитъ деньгу, все кричитъ: «*некогда, некогда*», словно напоминаютъ сибиряка, забывшаго на ярмаркѣ обо всѣхъ революціяхъ и повторявшаго одно *некогда*. Всѣмъ некогда и всѣ ѣдятъ зато свой хлѣбъ, а у него, у самаго предпріимчиваго изъ предпринимателей, времени бездна и ни гроша заработка, который былъ бы такъ легокъ при его, относительно, очень хорошемъ образованіи. Куда дѣть свое праздное время? на что употребить его, чтобы безъ стыда смотрѣть, какъ все вокругъ трудится и работаетъ? Какъ избавить себя отъ непріятности садиться за чужой столъ?.. «Изучать народъ», живучи подъ чужимъ кровомъ и на чужомъ хлѣбѣ, для совѣстливаго Бенни было несносно. Прежде всего теперь нужно было позаботиться о своемъ собственномъ существованіи, о своемъ насущномъ хлѣбѣ. Въ Москвѣ Бенни рѣшительно не могъ ничего добыть и собрался въ Петербургъ, гдѣ надѣялся найти переводную работу и жить, пока осмотрится и успѣетъ списаться съ Англіею. Въ это время онъ имѣлъ положительное намѣреніе уѣхать въ Англію, но, по недостатку характера, не устоялъ на этомъ и передумалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Между тѣмъ Пичиноренко въ это время былъ уже въ Петербургѣ и въ Москву не собирался. Къ возвращенію Бенни въ Петербургъ здѣсь уже все было противъ него возстановлено и самъ Бенни объявленъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ русскимъ *политическимъ шпіономъ*, хитро подосланнымъ въ Петербургъ русскимъ правительствомъ черезъ Лондонъ. Сплетнѣ этой предшествовала цѣлая исторія. Тотчасъ по выѣздѣ Бенни, Н. С. Курочкинъ и его друзья въ Петербургѣ распечатали письма, которыя Бенни имъ оставилъ для отсылки въ Англію. Прочитавши эти письма, любопытные люди не нашли въ нихъ ничего выдающаго Бенни съ дурной стороны. Бенни, который предвидѣлъ, что его письма не избѣгнутъ люстраціи, какъ выше сказано, нарочно оставилъ въ рукахъ своихъ петербургскихъ друзей не политическую свою корреспонденцію, а простыя письма къ своимъ лондонскимъ родственникамъ. Курочкинъ и другіе люстраторы, подпечатавшіе эти письма, поняли, что Бенни ихъ нарядилъ въ дураки, и разсердились. Они чувствовали, что теперь непремѣнно должны отмстить за себя, и отмстить, не пренебрегая никакими средствами. Въ тогдашнее время всѣмъ людямъ, которые почему-нибудь не раздѣляли красныхъ убѣжденій, въ Петербургѣ тотчасъ же присвоивали званіе правительственныхъ шпіоновъ. Гнусное средство это раздѣлываться такимъ образомъ съ людьми изъ-за несходства въ убѣжденіяхъ и вкусахъ тоже было въ ходу въ Петербургѣ, а въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ разсказъ, стоило какому-нибудь прощалыгѣ произнести это слово о человѣкѣ, и оно тотчасъ же безъ всякой критики повторялось людьми, иногда даже довольно умными и честными. Это было прекраснымъ средствомъ для отвода глазъ отъ настоящихъ мушаровъ, которыхъ было множество, особенно изъ людей «преданныхъ русскому искусству». Проходили годы; оклеветанный лже-шпіонъ оставался нищъ,

убогъ; не было ни одного факта, чтобы онъ кого-нибудь выдалъ и на кого-нибудь сошпіонилъ, а кличка, данная ему первымъ неразборчивымъ на средства безчестнымъ человѣкомъ, все-таки повторялась людьми не безчестными. Такъ начиналось царство клеветническаго террора въ либеральномъ вкусѣ послѣ террора въ смыслѣ иномъ. Сказано было «кто не съ нами — тотъ подлецъ», а «подлецъ» разумѣется и шпіонъ. Теперь, когда шпіоновъ, такимъ образомъ, произведено такъ много, что за ними уже не видно настоящихъ мастеровъ этого ремесла, и когда нравы партіи, дающей такія названія, изучены и разоблачены, подобная кличка уже никого не запугиваетъ и не огорчаетъ; но тогда, въ то *комическое время*, были люди, которые лѣзли на стѣны, чтобы избавиться отъ подозрѣнія въ шпіонствѣ. Дѣйствительные шпіоны, распечатавшіе письма Бенни, рѣшили назвать его своимъ именемъ. Шпіоны эти или люстраторы или, какъ ихъ назвать, не знаю, рѣшили, что Бенни шпіонъ: но такъ какъ для многихъ онъ былъ еще «герценовскій посолъ», то они не торопились объявлять о его шпіонствѣ тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, какъ была сочинена эта гнусная клевета, а выжидали случая, чтобы неосторожный Бенни чѣмъ-нибудь самъ себя скомпрометировалъ, и тогда положили все это сплесть, сгруппировать и выставить его шпіономъ съ представленіемъ какихъ-нибудь доказательствъ его шпіонства. Случай не замедлилъ представиться. Случай этотъ былъ возвращеніе въ Петербургъ Ничипоренки и его разсказъ, какъ Бенни дружилъ съ постепеновцами; какъ онъ обнаруживалъ нерѣшительныя дѣйствія, куда-то исчезъ изъ Орла и, наконецъ, теперь остался въ Москвѣ. Этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы начать говорить, что Бенни ведетъ себя подозрительно и что онъ всеконечно не что иное, какъ подосланный черезъ Англію шпіонъ русской тайной полиціи. При постановленіи этого рѣшенія не стѣснялись ни тѣмъ, что Бенни бѣденъ, нищъ и былъ вынужденъ для возвращенія изъ Орла въ Москву продать послѣдніе часы,

чего со шпіономъ богатаго вѣдомства не должно бы случиться, ни тѣмъ, что онъ имѣлъ въ Англіи около 5 тысячъ рублей ежегоднаго жалованья и за шпіонство въ Россіи большаго вознагражденія, конечно, ожидать не могъ.

Рѣшеніе это было на-руку петербургскимъ друзьямъ эмиссара, потому что оно освобождало этихъ фразеровъ отъ всякой необходимости давать революціонную работу пылкому Бенни и возвращало самимъ имъ прежнее видное положеніе въ ихъ собственномъ кружкѣ, а потому оно всѣмъ очень понравилось и было принято единодушно. Въ подобныхъ кружкахъ *подозрѣніе* всегда равнялось *доказательству*, и Бенни, во время его отсутствія, былъ объявленъ въ Петербургѣ несомнѣннымъ шпіономъ и, по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ, встрѣченъ въ Петербургѣ съ обидною осторожностью, какъ вполнѣ изобличенный шпіонъ, котораго разгадали и съ которымъ общаго ничего имѣть не хотятъ. Съ этихъ поръ такъ мало свойственное легкомысленному, но честному маньяку Бенни званіе шпіона было усвоено ему и удерживается за нимъ даже и до сего дня, съ упорствомъ, въ которомъ поистинѣ не знаешь чему болѣе дивиться—глупости или злобѣ ничтожныхъ людей этой низкой «*партіи*», давшей впослѣдствіи неожиданно самыхъ лихихъ перевертней еще новаго фасона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенни, уѣхавшій изъ Петербурга герценовскимъ эмиссаромъ и возвратившійся сюда всего черезъ мѣсяцъ шпіономъ, прослышавъ о темномъ и пошломъ коварствѣ господъ люстраторовъ, уличилъ здѣшнихъ друзей своихъ во вскрытіи и задержаніи его писемъ и отшатнулся отъ этихъ людей, столь безцеремонно поступившихъ и съ чужими тайнами, и съ чужими репутаціями. Наученный, посредствомъ своихъ московскихъ столкновеній, что въ средѣ такъ-называвшихся тогда «постепеновцевъ» гораздо болѣе уважаются тѣ правила жизни, въ которыхъ выросъ и которыя

привыкъ уважать самъ Бенни, онъ не сталъ даже искать работы у литераторовъ-нетерпѣливцевъ и примкнулъ сначала, на нѣкоторое время, къ редакціи «*Русскаго Инвалида*», которою тогда завѣдывали на арендномъ правѣ полковникъ Писаревскій и Вл. Н. Леонтьевъ. Въ этой газетѣ Бенни работалъ недолго и скоро перешелъ изъ «*Инвалида*» въ редакцію «*Сѣверной Пчелы*». Въ «*Сѣверной Пчелѣ*» Бенни успокоился. Лица, составлявшія тогда редакцію этой газеты, не давали ни малѣйшей вѣры толкамъ, распускаемымъ досужими людьми о шпіонствѣ Бенни. Бенни, ужасавшійся того, что его ославляютъ шпіономъ, впрочемъ, входилъ въ новую компанію осторожно. Такъ, напримѣръ, онъ упросилъ покойнаго В. В. Толбина сказать всѣмъ участвующимъ въ «*Пчелѣ*», что о немъ, Бенни, распространены такіе-то и такіе-то слухи; Толбинъ это исполнилъ въ точности, и однажды, при всѣхъ сотрудникахъ газеты, за завтракомъ у П. С. Усова назвалъ Бенни въ шутку, «шпіономъ». Эта шутка всѣхъ передернула, но когда Толбинъ затѣмъ разъяснилъ въ чемъ дѣло, то всѣ протянули Бенни руки и стали просить его забыть перенесенную имъ отъ недобрыхъ людей обиду и успокоиться. Такимъ образомъ Бенни вошелъ въ редакціонную семью не прежде, какъ получивъ отъ всѣхъ общее подтвержденіе, что дурнымъ слухамъ на его счетъ здѣсь никто не вѣритъ *).

*) Редакція «*Пчелы*» состояла тогда изъ П. С. Усова, П. И. Мельникова (Печерскаго), П. И. Небольсина, Н. П. Перозіо, С. Н. Палаузова, В. В. Толбина, І. Н. Шиля, К. П. Веселовскаго и меня, и никто изъ насъ не питалъ къ покойному Бенни никакихъ непріятныхъ чувствъ и ничего худого за нимъ не зналъ. Расположенность къ нему была такъ велика, что извѣстный своею деликатностью Павелъ Степановичъ Усовъ даже вида не подавалъ Бенни, что онъ, г. Усовъ, получалъ *внушенія* не держать Бенни въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Объ этомъ обстоятельствѣ, извѣстномъ очень многимъ живымъ до сего времени людямъ, стоитъ упомянуть въ доказательство, что Бенни никогда не былъ протежируемъ никакимъ особымъ вѣдомствомъ, а, напротивъ, изъ-за него выпадали хлопоты тѣмъ, кто съ нимъ водился. Такихъ хлопотъ, и подчасъ довольно серьезныхъ

Отношенія загнаннаго въ чужой лагерь предпринимателя съ новыми его товарищами были прямы, мягки, открыты и недвусмысленны. Да и самъ Бенни, послѣ всѣхъ заданныхъ ему нравственныхъ встрепокъ, не бредилъ болѣе русскою революціею, хотя и послѣ всѣхъ этихъ данныхъ ему уроковъ не избѣгалъ вѣчныхъ тяготѣній къ революціоннымъ людямъ. Онъ никогда не прерывалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ своихъ сношеній, никогда не забывалъ о заботахъ оправдаться въ возведенномъ на него вздорѣ и, наконецъ, попалъ подъ уголовный судъ, по оговору того же Ничипоренки. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство, тоже довольно комическаго свойства, но кончившееся для многихъ весьма трагически.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Раскаявшійся прощенный русскій эмигрантъ герценовской партіи, В. И. Кельсіевъ, считаясь тогда въ изгнаніи и именуясь «не осужденнымъ государственнымъ преступникомъ» *), проѣзжалъ изъ Англіи черезъ Петербургъ въ

непріятностей, вволю выпадало на долю нѣсколькихъ лицъ, но болѣе всѣхъ доставалось на мою. Помимо тѣхъ низкихъ клеветъ, которыя распускали на мой счетъ люстраторы Бенніевскихъ писемъ за то, что я не раздѣлялъ мнѣній, къ которымъ они настроивали всѣхъ, кого могли, и создали благородному юношѣ горестную славу и въ другихъ сферахъ, гдѣ Бенни тоже былъ на примѣтѣ, близость моя съ этимъ человѣкомъ казалась столь подозрительною, что самое невиннѣйшее мое желаніе, отправляясь за границу, проѣхать по Литвѣ и Галичинѣ, подало поводъ къ наведенію обо мнѣ весьма курьезныхъ справокъ. Артуръ Бенни сталъ въ такую позицію, что къ нему даже не дозволялось питать самыя позволительныя чувства дружества по простымъ побужденіямъ, а, дружась съ нимъ, человѣкъ непремѣнно долженъ былъ попадать въ подозрѣніе или въ революціонерствѣ, или въ шпіонствѣ, или же и въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ и разомъ, по пословицѣ: «гуртомъ выгоднѣй».

*) Такое *званіе* принадлежало не одному В. И. Кельсіеву, а его, въ офиціальныхъ бумагахъ, давали и покойному Алек. И. Герцену и многимъ другимъ, но что такое собственно значитъ «не осужденный государственный преступникъ», это пусть рѣшатъ гг. юристы.

Москву для свиданія съ тамошними раскольниками, которымъ впослѣдствіи этотъ визитъ надѣлалъ кучу хлопотъ, а пріютившему Кельсіева московскому купцу, Ивану Ивановичу Шебаеву, стоилъ даже продолжительной потери свободы, чего старушка-мать Шебаева не перенесла и умерла, не дождавшись рѣшенія судьбы арестованнаго сына. Василій Кельсіевъ ѣхалъ въ Москву съ паспортомъ турецкаго подданнаго Яни или Яники. Въ Петербургѣ Кельсіевъ останавливался, на короткое время, у Бенни, квартировавшаго въ то время на Гороховой близъ Каменнаго моста, въ домѣ № 29. Про то, что Кельсіевъ присталъ у Бенни, на несчастіе сего послѣдняго, случайно свѣдалъ Ничипоренко; онъ зналъ также и то, что когда Кельсіевъ опасался самъ идти для визированія своего паспорта, то Бенни взялъ всю эту рискованную процедуру на себя и благополучно получилъ визу на фальшивый паспортъ Кельсіева. Ничипоренко былъ въ восторгѣ отъ этой продѣлки и разронялъ эти новости повсюду, а вскорѣ послѣ секретной побывки Кельсіева въ Петербургѣ, онъ ѣздилъ съ упомянутымъ въ сенатскомъ рѣшеніи по этому дѣлу акцизнымъ чиновникомъ и театральнымъ писателемъ Николаемъ Антип. Потѣхинымъ въ Лондонъ къ Герцену, для тѣхъ сношеній, для которыхъ давно прочили Ничипоренку петербургскіе друзья Герцена. Покойному Герцену Ничипоренко необыкновенно понравился. Герценъ на немъ совершенно срѣзался; онъ нашелъ въ Ничипоренкѣ то, чего въ немъ не было ни слѣда, ни зачатка, именно онъ отыскалъ въ немъ *«большой характеръ»*, и немедленно же отписалъ объ этомъ въ Петербургъ В. С. Курочкину и Н. Г. Чернышевскому. Ничипоренко, въ качествѣ «большого характера», снискалъ у Герцена огромное довѣріе и, получивъ отъ него полномочіе для дальнѣйшихъ негоціацій, взялся доставить какія-то важныя революціонныя бумаги къ бѣлокриницкому митрополиту Кириллу. Это была цвѣтущая, золотая пора Андрея Ив. Ничипоренко,—пора, когда онъ забылъ отъ счастія всѣ свои неудачи при нижегородскихъ «предпрія-

тіяхъ». Теперь онъ былъ *особа*, а Николай Антипычъ Потѣхинъ (такъ читано въ рѣшеніи сената) только былъ при немъ въ качествѣ подначальнаго «добраго малаго и болтуна».

Получивъ отъ Герцена такъ-называемыя «важныя бумаги», скомпрометировавшія впослѣдствіи великое множество людей, Ничипоренко, однако, не довезъ ихъ къ митрополиту Кириллу. Онъ испугался угрожающаго ему обыска и бросилъ всѣ эти бумаги подъ прилавокъ въ одной изъ австрійскихъ таможень. Тамъ эти герценовскія бумаги безъ всякихъ хитростей были найдены убиравшимъ комнату сторожемъ, представлены по начальству, прочитаны и чрезъ кого слѣдуетъ доставлены русскому правительству. Ничипоренко во все это время пребывалъ въ совершенномъ спокойствіи. Безпечность и безразсудство этого человѣка были такъ велики, что онъ даже вовсе не придавалъ никакого значенія тому, что бросилъ въ таможнѣ, посреди фискальныхъ чиновниковъ, секретныя революціонныя бумаги. Онъ считалъ все это вздоромъ и благополучно пріѣхалъ въ свои родныя Прилуки, вступилъ въ должность, которую ему его петербургскіе друзья устроили по акцизному вѣдомству, и сѣлъ было здѣсь спокойнымъ обывателемъ, какъ вдругъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ показаніяхъ своихъ, которыя Ничипоренко писалъ съ какимъ-то азартомъ покаянія и увлеченіемъ поклепа, онъ записывалъ все и всѣхъ, кого зналъ и что помнилъ. Если бы теперь въ ходу были пытки, то можно бы подумать, что этого человѣка душили, жгли, рѣзали и пилили на части, заставляя его оговаривать людей на всѣ стороны и что онъ подъ тяжкими муками говорилъ что̀ попало, и правду, и неправду,—таковы его необъятнѣйшія воспоминанія, вписанныя имъ въ свое уголовное дѣло, гдѣ человѣческихъ именъ кишитъ какъ блохъ въ собачьей шкурѣ.

Среди такихъ воспоминаній онъ вдругъ, ни съ того ни сего, вспомнилъ и о проѣздѣ черезъ Петербургъ В. И. Кельсіева, о томъ, что Кельсіевъ въ Петербургѣ былъ у Бенни. Все это Ничипоренко тотчасъ же собственноручно самымъ аккуратнымъ образомъ записалъ въ свое показаніе, замѣтивъ при этомъ кстати, что это онъ говоритъ «*о томъ самомъ Бенни, пздивши съ которымъ въ Орелъ, онъ заѣзжалъ съ нимъ по знакомству во Мценскую деревню Ив. Серг. Тургенева*» *). Такимъ образомъ Ничипоренкѣ удалось пріобщить къ дѣлу разомъ двухъ своихъ добрыхъ знакомыхъ: Артура Бенни, который жилъ въ это время въ Петербургѣ, и Ив. Серг. Тургенева, который въ это время уже находился за границею, но по этому случаю тоже привлеченъ былъ къ отвѣту и пріѣзжалъ сюда изъ Парижа. Бенни тоже былъ, разумѣется, призванъ въ слѣдственную комиссію, и на вопросы, сдѣланные ему насчетъ указаннаго Ничипоренкомъ проѣзда г. Кельсіева черезъ Петербургъ съ паспортомъ Яни, крѣпко-на-крѣпко заперся, хотя слѣдователи и убѣждали Бенни не запираться, выставляя ему на видъ,

---

*) Невозможно понять, съ какою цѣлью покойный Ничипоренко при слѣдствіи вызывалъ изъ своей памяти самыя пустыя событія, о которыхъ его никто не спрашивалъ, а иногда просто даже *сочинялъ*, чтобы только приписать въ свои показанія чье-нибудь новое имя. Такъ, онъ, напримѣръ, вспомнилъ между прочимъ и обо мнѣ и, описывая какой-то сторонній случай, вставилъ кстати, что «въ это-де время я познакомился съ литераторомъ Лѣсковымъ, который своимъ образомъ мыслей имѣлъ вредное вліяніе на мои понятія», и далѣе опять о постороннемъ. Я самъ не читалъ этихъ касающихся меня строкъ, но слыхалъ о нихъ отъ Бенни и отъ Тургенева, которымъ я вполнѣ вѣрю, а они имѣли случай читать дѣло Ничипоренки. По этому поводу я тщательно припоминалъ себѣ всѣ мельчайшія подробности моихъ сношеній съ Ничипоренко, съ которымъ мы одно время жили вмѣстѣ у профессора И. В. Вернадскаго, но ничего не могъ припомнить, чѣмъ бы я его могъ совратить съ добраго пути? Развѣ тѣмъ, что мы съ пр. Вернадскимъ иногда позволяли себѣ слегка воздерживать его отъ увлеченій революціею, да *предсказывали* ему его печальную судьбу, которая съ нимъ, на его несчастіе, вся и исполнилась?

что это уже безполезно, потому что Ничипоренко все расписалъ, но Артуру Бенни казалось, будто его выпытываютъ, что у членовъ комиссіи есть только подозрѣніе, что г. Кельсіевъ, проѣзжалъ черезъ Петербургъ, но достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, а потому Бенни и не видалъ побудительныхъ причинъ открывать это «событіе». Но въ дѣлѣ дѣйствительно было уже собственноручное показаніе Ничипоренки, въ которомъ подробнѣйшимъ образомъ описывалось пребываніе г. Кельсіева въ Петербургѣ и тѣмъ самымъ доказывалось преступное запирательство Бенни, вмѣненное ему впослѣдствіи въ число обстоятельствъ, усилившихъ его вину. Бенни была предложена очная ставка съ Ничипоренко, который самъ вызвался уличить Бенни въ томъ, что Кельсіевъ дѣйствительно былъ въ Петербургѣ; но Бенни, не хотя доводить Ничипоренко до этого во всякомъ случаѣ малопріятнаго труда, удовольствовался однимъ представленнымъ ему собственноручнымъ показаніемъ Ничипоренки *и признался и въ передержательствѣ Кельсіева, и въ своемъ умышленномъ запирательствѣ на первомъ допросѣ.* Послѣ этого у Бенни былъ немедленно отобранъ паспортъ на прожитіе въ Россіи и онъ попалъ подъ судъ. Правда, что у него никогда не былъ взятъ его англійскій паспортъ, съ которымъ онъ, во всякое время, могъ бы свободно перебѣжать за границу, какъ перебѣжалъ за границу Кельсіевъ съ паспортомъ Яни (что со всею откровенностію самимъ же г. Кельсіевымъ и разсказано въ книгѣ его покаяній и признаній). Бенни имѣлъ всѣ возможности уйти изъ Россіи даже безъ хлопотъ и безъ риска, но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, опасаясь, что его побѣгъ дастъ дѣлу Ничипоренковскаго посольства къ Герцену характеръ важнаго заговора и увеличитъ въ глазахъ правительства вину несчастнаго Ничипоренко. Дѣло это шло очень долго, Бенни, во все это время, тихо и мирно сотрудничалъ въ «*Сѣверной Пчелѣ*» и, вспоминая порою о своихъ попыткахъ произвести въ Россіи вдругъ общую революцію съ Ничипоренкомъ, искреннѣйшимъ образомъ надъ собою смѣялся,

негодуя на тѣхъ русскихъ соціалистовъ, которыхъ нашелъ, но неуклонно стремясь отыскать другихъ, которые, по его великой вѣрѣ, непремѣнно должны гдѣ-то въ Россіи таиться... Иначе онъ никогда не думалъ, да и можно ли его винить, что онъ не зналъ Россіи, когда самъ хиротонисавшій его Герценъ былъ тѣхъ же самыхъ мнѣній и уповалъ и хвалился, что «онъ создалъ поколѣніе безповоротно соціалистическое»? Чего послѣ этого можно спрашивать съ человѣка, совершенно чуждаго русской почвѣ?

Между тѣмъ въ это же время Бенни, сталкиваясь съ различными людьми столицы, сдѣлалъ себѣ нѣсколько очень хорошихъ знакомствъ. Его отличали и любили въ весьма почтенныхъ домахъ, у людей, занимавшихъ въ то время видныя мѣста въ правительствѣ. У Бенни были хорошія юридическія способности и довольно большая начитанность въ юридической литературѣ. Зная это, два сенатора, въ домахъ которыхъ Бенни былъ принятъ, старались открыть ему юридическую карьеру. Онъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это и началъ сдавать въ университетѣ кандидатскій экзаменъ. Казалось, вотъ-вотъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ ускользнетъ отъ мелкихъ дрязгъ суетной жизни, выйдетъ на солидную дорогу, на которой его могутъ ждать и благодарный трудъ, и благодарная дѣятельность, и доброе имя, но ничему этому не суждено было совершиться. Горячій, какъ бы весь изъ одного сердца, нервъ и симпатій сотканный Бенни снова былъ увлеченъ круговоротомъ ежедневныхъ событій: благія намѣренія его замѣнились другими, хотя и не злыми, но эфемерными, и онъ снова попалъ въ положеніе, которое дало извѣстный поводъ еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ распространять о немъ вздорные слухи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Поводомъ къ новымъ непріятностямъ для Бенни былъ извѣстный апраксинскій пожаръ, которому предшествовало нѣсколько меньшихъ, быстро одинъ за другимъ слѣдовав-

нихъ пожаровъ. Тогда вездѣ говорили, что эти пожары происходятъ будто отъ поджоговъ: даже утверждали, что это не простые грабительскіе поджоги, а поджоги, производимые «красными» съ цѣлію взбунтовать народъ. Объ этомъ есть свидѣтельства у романистовъ Писемскаго и у Крестовскаго (см. «Взбаламученное море» и «Панургово стадо»), да это, наконецъ, столь общеизвѣстно, что и не нуждается ни въ чьихъ свидѣтельствахъ. Бенни, работая въ редакціи газеты, куда разумѣется притекали подобные слухи, все это слышалъ и зналъ всѣ эти толки. Но, кромѣ того, въ самый день апракеинскаго пожара, Бенни былъ свидѣтелемъ ужаснаго событія: онъ видѣлъ, какъ по слуху, распространившемуся въ народѣ, что городъ жгутъ студенты, толпа разсвирѣпѣвшихъ людей схватила студента Чернявскаго (впослѣдствіи одинъ изъ секретарей правительствующаго сената) и потащила его съ тѣмъ, чтобы бросить въ огонь, гдѣ г. Чернявскій, конечно, и погибъ бы, если бы ему не спасъ жизнь подоспѣвшій на этотъ случай патруль (происшествіе это въ подробности описано въ первомъ томѣ моихъ разсказовъ). Другого студента, родомъ поляка, г. К-го (товарища Бенни по Піотроковской гимназіи), избили до полусмерти и онъ спасся лишь тѣмъ, что началъ креститься по-православному и забожился, что онъ не студентъ, а «поваръ княгини Юсуповой». Какъ уже тутъ ему бѣдняку въ этомъ страхѣ пришла въ голову эта счасливая мысль— не знаю, но только она спасла его: ему дали еще нѣсколько толчковъ и прогнали *«тарелки лизать»*. Этого избитаго, въ разорванномъ платьѣ горюна, по просьбѣ одного изъ членовъ редакціи «*Сѣверной Пчелы*», спряталъ дворникъ, нѣкогда служившій въ домѣ Н. И. Греча *). Энер-

*) Судьба этого находчиваго сармата, спасшагося подъ именемъ юсуповскаго повара, тоже не безъ интереса. Отправленный «лизать тарелки», онъ и въ самомъ дѣлѣ прекрасно было пристроился «при милости на кухнѣ» большого барскаго дома, но повстанческимъ терроромъ былъ отторгнутъ отъ сытной трапезы (которую безмѣрно любилъ) и увлеченъ въ литовскіе лѣса, гдѣ и убитъ при стычкѣ

гичный Бенни, бывшій свидѣтелемъ этого событія, услышавъ злой ревъ: «въ огонь студентовъ! Студенты жгутъ!» выкрикнулъ громко: «Неправда, неправда! Студенты не жгутъ, а гасятъ», и съ этимъ вскочилъ на одну пожарную трубу, гдѣ качальщики видимо уставали, и началъ работать. За нимъ послѣдовали три знакомые ему университетскіе студента и два литератора, и всѣ они начали качать воду. «Видите, мы студенты, и мы гасимъ, а не поджигаемъ», бодро и смѣло крикнулъ Бенни въ толпу съ трубы. Толпѣ это понравилось, и изъ нея раздались одобрительные голоса: «Хорошо, баринъ, хорошо! молодецъ! работай!»

Нѣсколько мѣщанъ вскочили и начали качать вмѣстѣ съ студентами. Такъ это и уладилось, благодаря энергіи и находчивости Бенни.

Возвратясь домой (Бенни жилъ въ редакціи, гдѣ всѣ въ это время заняты были обстоятельствами ужаснаго бѣдствія), Бенни раздѣлялъ общее мнѣніе, что вредныхъ толковъ, распространяющихся въ народѣ о томъ, что Петербургъ поджигаютъ студенты, скрывать не слѣдуетъ, а, напротивъ, должно немедленно и энергически заявить, что такіе толки неосновательны и что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана немедленно назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей извѣстны. Такъ это, съ общаго согласія, и было «*Сѣвѣрною Пчелою*» сдѣлано. Въ передовой статьѣ номера, вышедшаго на другой день послѣ пожара, было отъ слова до слова сказано слѣдующее: «*Во время пожара въ толпахъ народа слышались нелѣпыя обвиненія въ поджогахъ противъ людей извѣстной корпораціи. Не допуская ни малѣйшаго основанія подобнымъ слухамъ, мы полагаемъ, что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей извѣстны*». Было сказано ни болѣе, ни менѣе, какъ именно то, что здѣсь

банды съ русскими войсками, при чемъ представилась такая странность: на груди его чамарки нашли пришитую русскую медаль за крымскую войну... Вѣроятно, онъ это припасъ про всякій случай.

приводится. Полиція, разумѣется, ничего этого, въ защиту чести студентовъ, не сдѣлала, а нѣкоторые смутьяны по злобѣ ли, или по глупости угораздились усмотрѣть въ приведенныхъ строкахъ не только какую-то обиду «молодому поколѣнію», но даже и обвиненіе его въ поджигательствѣ! И вотъ, утромъ, въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ пожара, къ Бенни, въ редакцію, явились два человѣка, называвшіе себя «депутаціею отъ молодого поколѣнія». Депутація эта предстала съ укоромъ Бенни (какъ будто онъ, а не другое лицо было редакторомъ газеты) и съ требованіемъ, чтобы Бенни заявилъ всѣмъ участвующимъ въ газетѣ, что это «обвиненіе молодого поколѣнія въ поджогахъ такъ не пройдетъ никому, особенно тому, кто писалъ передовую статью». На имя этого угрожаемаго сотрудника были присланы два анонимныя письма, что онъ «будетъ убитъ близъ Египетскаго моста», чрезъ который тотъ, дѣйствительно, часто ходилъ въ одно знакомое ему семейство и возвращался оттуда ночью одинъ и бо́льшею частью пѣшкомъ. Теперь, впрочемъ, кажется, можно уже безъ обиняковъ сказать, что этотъ угрожаемый сотрудникъ былъ не кто иной, какъ я самъ, пишущій эти строки.

Но возвращаемся къ Бенни. При всѣхъ этихъ допросахъ, угрозахъ и заявленіяхъ «депутатовъ молодого поколѣнія» Бенни опять вдругъ потерялъ свою деликатную выдержанность и забылся до рѣзкости. Послѣ попытки разъяснить «депутатамъ молодого поколѣнія», что они не умѣютъ читать по писанному, что взволновавшая ихъ статья самымъ искреннимъ образомъ направлена въ защиту студентовъ отъ клеветы, а не въ обвиненіе ихъ, Бенни назвалъ депутатовъ людьми, лишенными смысла и выпроводилъ ихъ отъ себя вонъ довольно безцеремоннымъ образомъ. Но тутъ, пылкій и неудержимый въ преслѣдованіи всѣхъ своихъ цѣлей, Бенни опять выкинулъ штуку, очень благонамѣренную, но которая была понята Богъ знаетъ какъ и снова причинила ему много досады и горя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Освободясь отъ депутатовъ молодого поколѣнія, Бенни немедленно же отправился къ бывшему въ то время С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру Анненкову съ самою странною и неожиданною просьбою, объясняемою единственно лишь только пылкостью характера Бенни и его относительнымъ незнаніемъ петербургскихъ нравовъ. Не упоминая, разумѣется, ни одного слова о приходившей къ нему съ угрозами депутаціи молодого поколѣнія, Бенни просилъ генерала Анненкова, во вниманіе къ распространившимся въ столицѣ ужаснымъ слухамъ, что въ поджогахъ Петербурга принимаютъ участіе молодые люди, обучающіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дать этимъ молодымъ людямъ возможность разрушить эти нелѣпые и вредные толки, образовавъ изъ себя на это смутное время волонтеровъ для содѣйствія огнегасительной командѣ. Бенни доказывалъ оберъ-полиціймейстеру Анненкову, что мѣра эта совершенно безопасна и дозволяется почти вездѣ за границею, да и у насъ въ Ригѣ, а между тѣмъ она и усилитъ средства огнегасительной команды, когда будетъ являться въ помощь ей на пожары, и въ то же самое время докажетъ, что у молодыхъ людей, изъ которыхъ она будетъ навербована, нѣтъ ничего общаго съ зажигателями. Въ священной простотѣ своей Бенни, объясняя свой планъ генералу Анненкову, ни на минуту не сомнѣвался, что молодые люди, о которыхъ онъ хлопоталъ, такъ и кинутся въ волонтеры-гасители. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ кружкахъ, гдѣ распоряжались отъ лица «молодого поколѣнія», не было и малѣйшаго поползновенія оправить и очистить студентовъ отъ подозрѣній, а напротивъ, вся забота состояла въ томъ, чтобы представлять самихъ себя въ *опасномъ положеніи*, чтобы только свирѣпѣть и злобствовать, выводя изъ всѣхъ этихъ пустяковъ необходимость непримиримой вражды... Съ кѣмъ и за что?—тогда разобрать

было невозможно. Между же тѣмъ не совсѣмъ укладистая мысль Бенни не была вдругъ отвергнута оберъ-полиціймейстеромъ. Генералъ Анненковъ попросилъ Бенни изложить его мысль о волонтерахъ на бумагѣ и Бенни подалъ объ этомъ генералу обстоятельную записку, и, въ теченіе нѣкотораго времени, осуществленіе волонтерской команды казалось возможнымъ. Въ это время «*Пчела*» эту мысль поддерживала, а другія тогдашнія петербургскія газеты (впрочемъ не всѣ) вдругъ ополчились противъ хлопотъ Бенни и нашли въ нихъ нѣчто столь смѣшное и вредоносное, что не давали ему прохода. Всегда отличавшаяся близорукостью и полнымъ отсутствіемъ политическаго такта сатирическая газета «*Искра*» хохотала надъ этою затѣею учредить волонтеровъ, и мало того, что издѣвалась надъ нею въ прозѣ и въ стихахъ, она еще рисовала Бенни разъѣзжающимъ на пожарной трубѣ вмѣстѣ съ другими сотрудниками «*Пчелы*», которые не принимали въ этихъ хлопотахъ Бенни ни малѣйшаго непосредственнаго участія. Дѣло было осмѣяно, студенты въ него теперь не пойдутъ. Все замущено и одурачено, никто не разберетъ, что хорошо и что дурно... Этого только и надо! Встрѣтивъ такое противодѣйствіе своей мысли не со стороны администраціи, а со стороны прессы—откуда Бенни, въ святой простотѣ сердца, ждалъ только одной поддержки, онъ даже растерялся отъ этой безтактности, казавшейся ему совершенно невозможною. Осмѣянный и обруганный, онъ бросилъ всѣ свои хлопоты о волонтерной командѣ и опять взялся за свой кандидатскій экзаменъ, съ цѣлію сдать его и, со временемъ, искать мѣста присяжнаго повѣреннаго при ожидавшихся тогда новыхъ судахъ. Съ этихъ поръ Бенни рѣшилъ было совсѣмъ удалиться отъ всякихъ русскихъ революціонныхъ дѣятелей. Но живая, впечатлительная натура его, при полномъ отсутствіи всякой устойчивости, не позволяла ему и на этотъ разъ остаться въ сторонѣ отъ вопросовъ дня, волновавшихъ тогдашнихъ хлопотуновъ. Въ это время въ Петербургѣ разгорался такъ-называемый «*женскій вопросъ*».

Бенни непремѣнно надо было попасть и сюда; надо было впутаться и въ этотъ «вопросъ», имѣвшій для него впослѣдствіи болѣе роковое значеніе, чѣмъ всѣ его прежнія предпріятія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Многимъ извѣстно, что какъ только здѣсь, въ Петербургѣ, былъ поднятъ «*женскій вопросъ*», онъ тотчасъ же не избѣжалъ общей участи многихъ вопросовъ, обращенныхъ въ шутовство, съ которымъ дѣятелямъ того времени удалось сблизить и общественную благотворительность, и обученіе грамотѣ народа, и даже безстрастное преподаваніе естественныхъ наукъ и многое другое. Пока въ петербургскихъ журналахъ печатались разныя теоретическія соображенія насчетъ новаго устройства женскаго пола, въ жизни практической объявились нѣкоторые спеціалисты по женской части. Эти практиканты начали направлять бездомовныхъ и отбившихся отъ семействъ женщинъ въ типографіи. Что за выгодную статью видѣли эти люди въ типографской работѣ и почему наборщичество казалось имъ, напримѣръ, прибыльнѣе часовщичества, гравированья, золоченья и другихъ ремеслъ, въ которыхъ женщина вполнѣ можетъ конкурировать съ мужчиной?—это такъ и остается ихъ тайною, а полицію это предпочтеніе типографскаго труда натолкнуло на подозрѣніе, что тутъ дѣло идетъ не о женскомъ трудѣ, не объ обезпеченіи женщинъ, но объ ихъ сообщничествѣ по прокламаторской части. Это была почти самая первая и едва ли не самая большая и вредная ошибка со стороны администраторовъ женскаго вопроса, по крайней мѣрѣ съ этого начинались подозрительные взгляды на трудъ женщинъ. Но теоретиковъ никакое подозрѣніе не образумливало, а только сердило, и они еще болѣе утверждались въ убѣжденіи, что пріученіемъ женщинъ работать въ типографіяхъ можно достичь благодѣтельной реформы въ судьбахъ русской женщины и положить начало

практическому разрѣшенію женскаго вопроса. Спеціалисты-практиканты взялись все это осуществить. Здѣсь не мѣсто разсказывать, сколько тутъ было обличено лжи, безнравственности и притворства, и какъ невелико было число людей, искренно готовыхъ приносить какія бы то ни было жертвы на пользу женщинъ. Именно, ихъ можно бы даже безъ затрудненія всѣхъ пересчитать здѣсь по пальцамъ, и они давно отмѣчены отъ толпы шарлатановъ, искавшихъ въ этой суматохѣ только лишь случаевъ репетиловски «пошумѣть» во имя женскаго вопроса (очень часто во вредъ дѣлу), или просто съ цѣлію пользоваться труднымъ положеніемъ женщинъ, когда тѣ, отбившись отъ семей и отъ преданій, охранявшихъ ихъ женственность, увидятъ себя на распутіи, безъ средствъ и безъ положенія. Къ сожалѣнію, со стороны многихъ людей это было то же самое мірское лукавство, отъ котораго женщина страдаетъ повсюду. Волки только надѣли овечьи шкурки... Число искреннихъ людей, желавшихъ собственно облегчить тяжкій женскій заработокъ, въ столицѣ было самое маленькое, и Бенни былъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ небольшомъ числѣ. Онъ началъ съ того, что ввелъ въ редакцію «*Сѣверной Пчелы*» нѣсколько дамъ и дѣвицъ въ качествѣ переводчицъ. Особы эти должны были работать подъ его надзоромъ, но работы, къ сожалѣнію, дѣлалось очень мало... Большое помѣщеніе, которое имѣлъ Бенни при редакціи, въ домѣ Греча, съ этихъ поръ каждый день было переполнено мужчинами, которые сюда были введены В. А. Слѣпцовымъ, чтобы могли видѣть, какъ онъ будетъ «учить и воспитывать дамъ». Съ этихъ поръ по всѣмъ комнатамъ, во всѣхъ углахъ раздавались жаркіе дебаты о правѣ женщинъ на трудъ, а на всѣхъ рабочихъ столахъ красовались курительный табакъ, папиросныя гильзы, чай и самыя спартанскія, но самыя употребительныя здѣсь яства: молоко и норвежскія сельди. Неисповѣдимымъ путямъ всеохраняющаго Провидѣнія угодно было, чтобы селедки, плавая въ молокѣ, въ желудкахъ милыхъ дамъ и благородныхъ мужчинъ «гречевской фалан-

стеры» не причиняли ни малаго вреда питавшимся ими дѣятелямъ. Работою здѣсь серьезно никогда не занимались; ею только изрѣдка пошаливали двѣ изъ посѣщавшихъ редакцію дамъ, но и то работа эта, бо̀льшею частію, была никуда негодная: Бенни все передѣлывалъ самъ и только отдавалъ работницамъ мнимо слѣдовавшій имъ гонораръ. Бенни вскорѣ же увидѣлъ, что изъ его усилій создать женскую atelier не выходитъ ничего похожаго на atelier, но терпѣлъ ее въ томъ видѣ, какой она принимала по волѣ и по вкусамъ приходившихъ развивателей. До чего это дошло бы?—это предсказать трудно; но, на счастье Бенни, atelier его скоро стала разсыпаться: двѣ изъ его работницъ, обладавшихъ бо̀льшею противъ другихъ практичностію и миловидностію, вышли замужъ церковнымъ бракомъ за нигилистничавшихъ богатыхъ юношей (одна изъ нихъ теперь даже *княгиня*), а остальныя, обладавшія меньшею практичностію, устроились менѣе прочно, но все-таки и эти, наскучивъ такъ-называвшимся «бенніевымъ млекомъ», мало-по-малу оставили его atelier. Самъ же Бенни въ это время додумался, что нужно заботиться о томъ, чтобы пріурочить къ труду *простыхъ* женщинъ, а не барышень и не барынь, въ которыхъ онъ разочаровался.

Бѣдный Бенни и не воображалъ, что «простая русская женщина» уже и безъ него давно такъ пріурочена къ труду, что на нее не только нельзя ничего накидывать, но, напротивъ, давно надо позаботиться, чтобы избавить эту женщину хотя отъ части ея трудовъ. Крайнее непониманіе жизни, врожденная легкомысленность и отвычка вдумываться въ дѣло, пріобрѣтенная двухлѣтнимъ вращеніемъ среди вопросовъ, не составляющихъ вопроса, пустила Бенни увлекаться по этому пути заблужденія. Да и это бы еще ничего, но онъ пошелъ увлекать на этотъ путь тѣхъ, которыя имѣли неосторожность на него полагаться. На зарабатываемыя своимъ литературнымъ трудомъ деньги, Артуръ Бенни пріобрѣлъ четыре типографскихъ реала и поставилъ за нихъ четырехъ наборщицъ. Дѣвушки, начав-

шія учиться за этими реалами типографскому дѣлу, были: одна бѣдная швея, не имѣвшая о ту пору работы, другая бѣдная полька, жившая субсидіями Огрызко, третья бѣдная дворянка, дочь едва двигавшей ноги старушки, которую дочь содержала своими трудами, а четвертая капризная подруга одного изъ мелкотравчатыхъ писателей. Но съ этими женщинами у Бенни тоже дѣло не пошло, да и не могло идти, какъ не шли всѣ его предпріятія, потому что Бенни, котораго простодушные люди считали хитрымъ, былъ легкомысленъ, какъ дитя. Онъ, этотъ траги-комическій, «натурализованный англійскій субъектъ», пришедшій къ намъ съ мыслію произвесть соціально-демократическій переворотъ въ Россіи, сдѣлавшись антрепренеромъ четырехъ типографскихъ реаловъ изъ чужой типографіи, выказалъ такую неспособность организовать работу, что это новое его серьезнѣйшее предпріятіе обратилось въ самый смѣшной анекдотъ. Оказалось, что Бенни не только не имѣлъ и такой основательности, какая непремѣнно бываетъ у каждаго мелкаго ремесленника, открывающаго маленькую собственную мастерскую, но что у него не было даже предусмотрительности босоногаго деревенскаго мальчишки, сажающаго, для своей потѣхи, въ клѣтку чижа или щегленка. Тотъ, сажая птичку, заботится припасти для ея продовольствія горсть конопель или проса, а Бенни взялъ четырехъ совершенно бѣдныхъ женщинъ съ условіемъ доставлять имъ содержаніе до тѣхъ поръ, пока онѣ выучатся и станутъ печатать книги, и упустилъ изъ виду, что это содержаніе вовсе не дебаты о трудѣ, а нѣчто вещественное, что его надо было своевременно пріобрѣсть и запасти. Онъ не сообразилъ, что ученицы, шедшія къ нему на опредѣленное готовое положеніе, были совсѣмъ не то, что прежнія его сотрудницы, барышни-переводчицы, хотя и получавшія задѣльную плату съ переведенной строчки, но имѣвшія все-таки кусокъ хлѣба и безъ этого заработка. Его новымъ, бѣднымъ работницамъ надо было давать четверымъ восемьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, хотя бы онѣ не выработали и на восемьдесятъ копѣекъ.

Имѣя возможность заработывать въ ежедневной газетѣ отъ 300 до 500 рублей въ мѣсяцъ, Бенни, конечно, не зарывался, считая себя въ силахъ давать своимъ ученицамъ ежемѣсячно восемьдесятъ рублей, — онъ могъ давать имъ эти деньги; но онъ упустилъ изъ вида одно важное условіе, что для полученія денегъ онъ долженъ былъ продолжать работать, а ему въ это время стало не до работы. Пока Бенни учреждалъ свою женскую типографію, другой литераторъ (имя котораго всецѣло принадлежитъ исторіи комическаго времени на Руси) учредилъ въ Петербургѣ упомянутую въ «Панурговомъ стадѣ» г. Крестовскаго «*коммуну*», гдѣ поселилось на общежительство нѣсколько молодыхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ въ эту коммуну изъ Москвы женскихъ членовъ была одна дѣвица изъ очень хорошаго московскаго дома. Ей суждено было произвести на Бенни то сильное и неотразимое впечатлѣніе, которое на человѣческомъ языкѣ называется любовью...

Дѣвушка эта, надѣленная отъ природы очень способною головою, но безпокойнѣйшимъ воображеніемъ, не поладивъ съ порядками родительскаго дома, пріѣхала изъ Москвы съ намѣреніемъ жить въ Петербургѣ своимъ трудомъ.

Справедливость требуетъ, упоминая здѣсь объ этой дѣвушкѣ, замѣтить, что тотъ бы очень погрѣшилъ, кто сталъ бы думать о ней, какъ позволяли о себѣ думать нѣкоторыя другія, шедшія тою дорогою, на которой показалась и она. Дѣвица К. была личность юная, чистая, увлекавшаяся пламенно, но по разуму своему скоро обнимавшая вопросъ съ разныхъ сторонъ и съ тѣхъ поръ страдавшая сомнѣніями, обращавшимися для нея въ нравственныя пытки. Безукоризненная чистота ея образа мыслей и поведенія всегда были превыше всякихъ подозрѣній, но она несла разныя подозрѣнія и несла ихъ въ молчаливомъ и гордомъ покоѣ, въ которомъ эта «маленькая гражданка» (какъ мы ее называли) была чрезвычайно интересна. Она, подобно Бенни, глубоко и искренно вѣрила въ то, чѣмъ увлекалась, и Ар-

туръ Бенни сразу же это отмѣтилъ въ ней и... полюбилъ ее. Бенни устремился угождать ей отыскиваніемъ для нея переводной работы, исправленіемъ ея переводовъ и ихъ продажею. Потомъ, когда уставщикъ коммуны однажды неосторожно оскорбилъ эту дѣвушку, явясь въ ея комнату въ костюмѣ, въ которомъ та не привыкла видѣть мужчинъ, живучи въ домѣ своего отца, — она заподозрила, что въ коммунѣ идетъ дѣло не объ усиленномъ трудѣ съобща и, возставъ противъ нравовъ коммуны, не захотѣла болѣе жить въ ней. Понадобились хлопоты Бенни объ устройствѣ оскорбленной дѣвушки въ какомъ-нибудь частномъ домѣ. Все это требовало времени и денегъ, а работа не дѣлалась; заработковъ у Бенни не было и четыре, засаженныя имъ въ типографію, пташки оставались безъ корма.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Такимъ образомъ, типографское предпріятіе Артура Бенни и его покровительство русскимъ женщинамъ постигла участь всѣхъ прежнихъ предпріятій этого увлекавшагося юноши: оно не годилось съ самаго начала. Ученицамъ нечего было ѣсть. Бенни дѣлился съ ними, онъ отдавалъ имъ, что было. А у него, при его бездѣйствіи, бывали ничтожные рублишки и то не во всякое время. Все это, разумѣется, ничего не помогало. Въ срединѣ ученицъ произошло нѣчто въ родѣ возстанія, которымъ въ качествѣ литературной дамы предводительствовала подруга писателя. Она не хотѣла слышать ни о какихъ отсрочкахъ и, на второмъ же мѣсяцѣ, шумно покинула кооперативное учрежденіе. Три остальныя были терпѣливѣе и выносливѣе, но однако, мало-по-малу, и онѣ отстали. Швея ушла шить; полька ушла «до familiy», а одна продолжала ходить и училась, питаясь Богъ вѣсть чѣмъ, какъ птица небесная. Она выдержала такъ четыре мѣсяца и поступила потомъ корректоромъ въ другую типографію. Засимъ исчезъ и слѣдъ женской типографіи Артура Бенни и на мѣстѣ ея стала «мерзость запустѣнія».

Въ это время Бенни посѣтила тяжелая болѣзнь и нищета, къ которой онъ привелъ себя предшествовавшимъ своимъ поведеніемъ и изъ которой, упавъ духомъ, не могъ выбиться до самой высылки его, по рѣшенію сената, за русскую границу, въ качествѣ «англичанина». Средства, къ которымъ Артуръ Бенни прибѣгалъ для того, чтобы, имѣя нѣкоторый талантъ и знанія, при отмѣнной трезвости и добросовѣстности въ работѣ, доходить, порой, до неимѣнія хлѣба и носильнаго платья, были самыя оригинальныя.

Безкорыстное служеніе Бенни неспособнымъ переводчицамъ, его возня съ капризными жилицами коммуны, его женская типографія и вообще многіе другіе его поступки, свидѣтельствовавшіе о его безконечной простотѣ и добротѣ, обратили на него вниманіе нѣкоей литературной черни, рѣшившей себѣ, что *«онъ Филимонъ простота»*. У Бенни была большая квартира: у него былъ или бывалъ иногда кое-какой кредитъ; онъ одинъ, съ его начитанностію и съ знаніемъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ, могъ заработать втрое болѣе, чѣмъ пять человѣкъ, не приготовленныхъ къ литературной работѣ. Пятеро изъ людей такого сорта (одинъ неокончившій курса студентъ, одинъ вышедшій въ отставку кавалерійскій офицеръ, одинъ лѣкарь изъ малороссіянъ, одинъ чиновникъ и одинъ, впослѣдствіи убитый въ польской бандѣ, студентъ изъ поляковъ) устремились овладѣть священнѣйшею простотою Бенни, чтобы жить поспокойнѣе на его счетъ. Устремились они къ этому довольно одновременно, такъ что ни одному изъ нихъ не удалось обратить Бенни въ свою исключительную частную собственность. Понимая другъ друга, какъ рыбакъ рыбака, и боясь одинъ другого, какъ іезуитъ іезуита, достопочтенные люди эти рѣшились, скрѣпя сердца свои, владѣть Артуромъ Бенни съобща, въ компаніи, на коммунистическихъ началахъ. Они склоняли его къ мысли устроить у него мужскую atelier. Бенни и въ этомъ не отказалъ и коммунисты поселились у него всѣ

разомъ. Условіемъ этой однополой коммуны было, чтобы никому между собою ничѣмъ не считаться. Кто что заработаетъ, кто что принесетъ, кто что истратитъ, чтобы все это было безъ контроля и безъ счета. Бенни вѣрилъ, что это гораздо болѣе по-русски, чѣмъ въ общежительной *коммунѣ*, откуда бѣжала «маленькая гражданка», и гдѣ каждый бралъ заработки въ свои руки, а только лишь расходы велись съобща. Это и точно вышло по-русски. Наглости артельщиковъ Бенни не было и не можетъ быть ничего равнаго и подобнаго. Это ничего почти не выразитъ, если мы, по сущей справедливости, скажемъ, что сожители его обирали, объѣдали, опивали, брали его послѣднее бѣлье и платье, дѣлали на его имя долги, закладывали и продавали его завѣтныя материнскія вещи,—они лишали его возможности работать и выгоняли его изъ его же собственной квартиры. Чтобы передать хотя сотую долю того, что продѣлывали съ этимъ добрѣйшимъ человѣкомъ поселившіеся у него лже-соціалисты, надо писать томы, а не одинъ очеркъ, и притомъ надо быть увѣреннымъ, что пишешь для читателя, который хотя сколько-нибудь знакомъ съ нравами подобныхъ дѣятелей, свирѣпствовавшихъ въ Петербургѣ въ эпоху комическаго времени на Руси. Иначе каждый человѣкъ, не видавшій подобныхъ вещей, подумаетъ, что ему разсказываютъ вымыселъ и сказку,—такъ все это, поистинѣ, чудно и невѣроятно. Если бы Бенни не велъ своего дневника и не оставь онъ никакихъ бумагъ, то трудно, можетъ-быть, было бы рѣшиться разсказать и то, что до сихъ поръ разсказано въ этой «*Беннеидѣ*»; но благодаря этимъ бумагамъ когда-то объявятся міру еще не такія чудеса «комическаго времени» и, читая ихъ, конечно, не одинъ потомокъ вздохнетъ и покраснѣетъ за своего предка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Еще разъ приходится упомянуть, что Артуръ Бенни былъ *дѣвственникъ*. Хотя собственно это его личное дѣло,

но объ этомъ нельзя не упомянуть, потому что этимъ объясняется нѣчто такое, о чемъ наступаетъ очередь разсказывать. До высылки Бенни изъ Россіи, многіе, близко знавшіе этого юношу, знали и его цѣломудренность. Такой цѣломудренности лучшая изъ матерей могла бы пожелать своей нѣжно-любимой дочери, и дѣвушка эта имѣла бы право называться скромнѣйшею изъ дѣвицъ своего времени. Артуръ Бенни не только не любилъ никакого нескромнаго слова и смущался при видѣ обнаженной женщины на картинѣ, но онъ положительно *страдалъ* отъ всякаго нескромнаго разговора и не разъ горестно жаловался на это автору настоящихъ записокъ. Говоря о женщинѣ (знакомой или незнакомой—это все равно), но говоря о ней цинично, какъ иные любятъ говорить, думая, что это очень интересно, Бенни можно было довести или до слезъ, или до столбняка, что́ не разъ и случалось. Артельные сожители Артура Бенни знали за нимъ это и создали ему изъ его стыдливости нравственную пытку. Имъ претила его нравственная чистота и его несносная для нихъ цѣломудренность. Они начали толковать, что этотъ «*порокъ*» мѣшаетъ Бенни быть полезнымъ дѣятелемъ.

— Онъ не шпіонъ, а онъ михрютка, не знающій, гдѣ раки зимуютъ, сказалъ о немъ однажды всей его компаніи одинъ беллетристъ, имѣвшій одно время значеніе въ нѣкоторыхъ кружкахъ, примыкавшихъ къ «*общежительной коммунѣ*».—Оттого, говорилъ беллетристъ,—и всѣ дѣйствія Бенни странныя, оттого-де онъ и выходитъ такимъ шутомъ. Это можно, молъ, доказать и съ физіологической точки зрѣнія: посмотрите-де только на старыхъ дѣвушекъ и монахинь, и т. п.

Беллетристъ резонировалъ бархатнымъ баскомъ; ему внимали его сателиты и нашли, что все имъ сказанное на эту тему, дѣйствительно, очень умно и резонно. Поощряемый такимъ сочувствіемъ, ораторъ и дѣятель заключилъ, что Бенни надо *перевоспитать*, что изъ него «надо выбить дурь англійской морали» и сдѣлать изъ него такого чело-

вѣка, какъ всѣ они. Рѣшеніе это тотчасъ же было принято всѣми сожителями Бенни, крайне заинтересовавшимися, на этотъ разъ, бѣдственною судьбою своего кормильца. Проживавшая на хлѣбахъ у Бенни артель давно тяготилась отсутствіемъ въ ихъ казармѣ женскаго элемента. Правда, приходили туда къ нимъ иногда въ гости нѣкоторыя дамы, но онѣ должны были и уходить оттуда съ чинностью, къ которой, волей-неволей, обязывало ихъ присутствіе скромнаго хозяина. Нахлѣбники Бенни находили, что это, со стороны ихъ хозяина, даже своего рода деспотизмъ, что такимъ образомъ, черезъ его чудачества ихъ собственная, дорогая имъ жизнь утрачиваетъ очень много своей прелести и «*гречевская фаланстера*» (какъ называли сами они квартиру Бенни), теперь, по его милости, скорѣе не фаланстера, а раскольничій скитъ, да еще съ скопцомъ игуменомъ. Теперь рѣшено было, что все это дѣйствительно несносно, и что необходимо, чтобы съ этого же дня все здѣсь пошло по-другому. Составленъ былъ планъ, какъ дѣйствовать на Бенни. Молодецъ, руководившій всѣмъ этимъ дѣломъ, прежде всего вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ измѣнить свое обращаніе съ Бенни. До сихъ поръ всѣ знавшіе Бенни остерегались при немъ всякихъ скабрезныхъ разговоровъ, циническихъ выходокъ и словъ, которыхъ Бенни не переносилъ; теперь было рѣшено «ошколить его» и пріучить его *ко всему*. Начать это положено было немедленно же, даже съ сего же дня, если только Бенни сегодня возвратится, пока не улягутся спать. Бенни былъ легокъ на поминѣ и позвонилъ въ то самое время, когда его артель и гости закусывали. Заслышавъ его голосъ, нахлѣбники переглянулись, они оробѣли — почувствовали, что все-таки они, мимо воли своей, уважаютъ нравственную чистоту Бенни. Но уставщикъ-беллетристъ былъ гораздо наглѣе и оживилъ своимъ примѣромъ смѣлыхъ на словахъ, но на самомъ дѣлѣ оробѣвшихъ, нахлѣбниковъ Бенни.

«Натурализованному англійскому субъекту» готовился всего менѣе имъ ожиданный русскій спектакль.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

— А, Беня! воскликнулъ беллетристъ навстрѣчу вошедшему хозяину, и запѣлъ: «Ахъ, гдѣ ты была, моя не чужая?» Хоръ смѣтилъ, что нужно поддержать, и подхватилъ:

«Ахъ, гдѣ-жъ ты была,
«Завалилася?
«На дырявомъ я мосту
«Провалилася.
«А чортъ тебя несъ
«На дырявый мостъ!
«А чортъ тебя несъ
«На дырявый мостъ!

Бенни сконфузился: его за это постыдили и завели съ нимъ срамной разговоръ. Онъ ушелъ, со слезами на глазахъ, въ другую комнату, сѣлъ надъ столомъ и закрылъ ладонями уши. Къ нему подошла вся компанія и хватила надъ нимъ:

«Ой ты куда, куда ёжъ, ползешь?
«Ты куда, куда, таковскій сынъ, идешь?

Безстыдная пѣсня все развивалась, развивалась и, наконецъ, выговорила слова неистовѣйшаго разврата. Бенни вскочилъ, бѣгомъ бросился въ свою небольшую рабочую комнатку, схватилъ томикъ Лонгфелло и началъ читать, скоро и громко читать, чтобы не слыхать, что поютъ въ его квартирѣ, «въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ стоитъ портретъ его матери!» Это ему казалось ужасно. Это перевертывало въ немъ всѣ понятія о человѣкѣ и человѣческой натурѣ; а тутъ анекдотъ за анекдотомъ, пошлость за пошлостію и воспитатели твердою стопою входятъ и въ послѣднее убѣжище Бенни. Книжка выпала у него изъ рукъ; онъ сѣлъ на кровать и устремилъ глаза на вошедшихъ. Тѣ стояли передъ нимъ и распѣвали, какъ шелъ съ кумою кумъ, и какъ оба они споткнулися, и что отъ того сдѣлалось. У Бенни не было уже энергіи, чтобы встать и вы-

бросить за двери этихъ людей, нарушавшихъ его спокойствіе и отравлявшихъ его жизнь. Онъ только силился помнить слова Лонгфелло и не слыхать за его словами словъ пѣсни про кума и куму; но наша доморощенная русская муза одолѣла американскую. Бенни прослушалъ всѣ упреки кумы и многократно, на разные тоны, повторенное оправданіе передъ нею кума.

«А ты, кума Матрена,
«Не подвертывайся.

Пѣвцы, увлеченные своимъ пѣніемъ, не замѣчали остолбенѣлаго взгляда, который устремилъ на нихъ злополучный Бенни, и варьировали этотъ конецъ, долго и старательно выработывая:

«А ты, кума Матрена,
«А т-ы, к-у-м-а М-а-т-р-е-н-а,
«А т-ы, к-у-м-а М-а-т-р-е-н-а,
«Не подвертывайся!

Но когда раскатилась послѣдняя рулада и пѣсня была спѣта, оказалось, что она была пѣта истукану: Бенни не слыхалъ и не видалъ ничего—онъ былъ въ жесточайшемъ столбнякѣ.

Засимъ, разумѣется, понадобился докторъ, а воспитатели, удивленные нѣсколько страннымъ результатомъ своего перваго урока, разошлись, пожимая плечами и повторяя съ улыбкою:

«А ты, кума Матрена,
«Не подвертывайся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Но и на этомъ еще суждено было не кончиться злоключеніямъ Бенни. Непосредственно вслѣдъ за этою встрепкою онъ заболѣлъ очень серьезною болѣзнью и дошелъ до того крайняго обнищанія, въ которомъ тянулъ уже все послѣдующее время, пока его, по иску полковника Сверчкова и портного мастера Ѳедора Андреева Степанова, посадили за

долгъ въ 369 р. въ долговую тюрьму, а изъ той перевели въ тюрьму политическую.

Едва Бенни оправился отъ своего столбняка и начиналъ понемногу входить въ себя, какъ однажды, ночью, въ его большую, одинокую квартиру (изъ которой артель его, лишась, во время болѣзни Бенни, всякаго провіанту, немедленно же разбѣжалась), является къ нему одна дама, бывшая у него въ ученицахъ типографскаго искусства. Она чѣмъ-то поразладила съ мужемъ и, въ порывѣ гнѣва и раздраженія, явилась къ Бенни, съ просьбою дать ей у него ночлегъ. Строгое понятіе Бенни о нравахъ и приличіи было шокировано этимъ до послѣдней степени; но, съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что нельзя же отослать женщину, приходящую среди ночи искать себѣ пріюта. Бенни поручилъ свою гостью попеченіямъ своей горничной дѣвушки, нѣкогда многоизвѣстной здѣсь въ нѣкоторыхъ кружкахъ московской чудихи и добрячки Прасковьи, а самъ тотчасъ же одѣлся, взялъ у перевозчика, на сенатской набережной, яликъ и уѣхалъ на взморье. Цѣлую ночь онъ простоялъ противъ Екатерингофа, глядя, какъ рыбаки ловили рыбу, и возвратился домой, когда уже былъ день. Въ слѣдующую ночь онъ уже надѣялся имѣть возможность спать въ своей постели, ибо вчерашнее нашествіе считалъ возможнымъ только разъ, въ минуту крайней растерянности. Но, возвратясь на другой день домой, около двѣнадцати часовъ ночи, онъ опять засталъ у себя свою вчерашнюю гостью, и... *чтобы избавить ее отъ всякихъ подозрѣній*, опять, по вчерашнему же, провелъ ночь на яликѣ, на взморьѣ, противъ Екатерингофа. Двое сутокъ безъ сна и двѣ ночи, проведенныя на водѣ, подъ свѣжимъ морскимъ вѣтромъ и сырыми зорями, сказались Бенни страшною простудою, которую онъ почувствовалъ на третій же день и въ тотъ же день слегъ въ постель, чтобы не вставать съ нея очень долго. Болѣзнь у него была весьма серьезная и сложная, средствъ для лѣченія не было почти никакихъ; други и пріятели всѣ его оставили, и онъ лежалъ одине-

шенекъ, поддерживаемый единственною заботливостію той же его служанки, простой московской крестьянской женщины Прасковьи, да безкорыстнымъ участіемъ вступившагося въ его спасеніе нынѣ весьма извѣстнаго въ Петербургѣ доктора Веніамина Тарновскаго (въ ту пору еще молодого медика). Изъ всѣхъ людей, съ которыми Бенни съ полнымъ великодушіемъ дѣлился всѣмъ, чѣмъ могъ подѣлиться, его не вспомнилъ никто или, по крайней мѣрѣ, никто не вспомнилъ его съ тѣмъ, чтобы заплатить ему хотя малѣйшею внимательностію за его услуги, а вспомнили его одинъ разъ три друга, но только для того, чтобы забрать у больного послѣднія его вещи, имѣвшія хотя какую-нибудь цѣнность. Самое носильное платье его было со скандаломъ спасено отъ этого расхищенія тою же его служанкою Прасковьею. При самой постели тяжко больного Бенни эта московская баба Прасковья *дралась* съ соціалистами, отнимая у одного прежняго сожителя Бенни послѣднюю теплую вещь, которою она одѣвала стывшія ноги больного и которую тѣ сняли и хотѣли реализировать... Это не прикрасы: это истинное событіе, которое знаютъ многіе люди.

Такъ одинокій Бенни предоставленъ былъ своей роковой судьбѣ. Онъ обмогался медленно и плохо. Во время его болѣзни послѣднія вещи его, убереженныя отъ расхищенія, пошли въ залогъ; силы его почти не возвращались. Онъ постарѣлъ за эту болѣзнь на десять лѣтъ; лицо его получило рановременныя глубокія морщины, прекрасные черные глаза его потухли, изо рта выпали почти всѣ передніе зубы. Отъ бѣднаго бѣленькаго бабушкинаго козлика, дѣтство котораго такъ холили и нѣжили въ чистенькомъ домикѣ уважаемаго томашовскаго пастора, оставались лишь ножки да рожки. Онъ буквально слегъ юношею, всталъ старцемъ. Вдобавокъ же ко всему этому, чтобы не былъ нарушенъ непостижимый законъ, по которому бѣды не бродятъ въ одиночку, а ходятъ толпами, дѣла газеты, отъ которой Бенни хотя и отсталъ, но въ которую

все-таки могъ бы работать снова, получили самый дурной оборотъ.

Воскресши изъ мертвыхъ послѣ своей болѣзни, Бенни еще разъ тяжко сознавалъ свои ошибки и тяготился воспоминаніемъ о времени, убитомъ имъ съ русскими революціонерами и соціалистами. Его вѣра въ русскихъ предпринимателей получала ударъ за ударомъ: въ это время нѣкто ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда роковое извѣстіе, которому, кажется, невозможно бы и вѣрить: новость заключалась въ томъ, что извѣстный сотрудникъ *Современника* Г. З. Е—сѣевъ былъ у М. Н. Каткова и просилъ послѣдняго принять его въ число его сотрудниковъ, но... получилъ отъ г. Каткова отказъ. Бенни былъ этимъ жестоко смущенъ: онъ, говоря его словами, всегда вѣрилъ, что «если людишки и плохи, то между ними все-таки *два человѣка* есть». Эти два человѣка, по его мнѣнію, были г. Чернышевскій и г. Е—сѣевъ, изъ которыхъ съ послѣднимъ Бенни лично даже едва ли былъ знакомъ, но объ обоихъ имѣлъ самое высокое мнѣніе, и вотъ одинъ изъ нихъ, самый крѣпкій, г. Е—сѣевъ,—идетъ и продается Каткову, котораго имени Бенни не могъ переносить съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ являлся къ редактору «*Московскихъ Вѣдомостей*».

...Но этимъ еще все зло не исчерпывалось: помимо ввергавшаго Бенни въ отчаяніе обстоятельства, что Г. З. Е—сѣевъ искалъ сотрудничества при изданіяхъ М. Н. Каткова, оказалось, что этого же добивался у редакторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* и самъ Н. Г. Чернышевскій и что искательства этого тоже были отклонены... Бенни бѣгалъ, освѣдомлялся, возможно ли, слыхано ли что-нибудь подобное, и узналъ, что все это и возможно, и слыхано. Съ этой поры его все поражало: онъ, напримѣръ, былъ «пораженъ», что Вас. Ст. Курочкинъ писалъ во время крымской обороны патріотическіе стихи, обращавшіе на него взыскующее вниманіе начальства, а Григорій Захарьевичъ Елисѣевъ сочинилъ «жизнеописаніе святителей Григорія,

Германа и Варсонофія казанскихъ и свіяжскихъ» и посвятилъ эту книгу «Его Высокопреосвященству, Высокороднѣйшему Владиміру, Архіепископу казанскому и свіяжскому» *). Но что уже совсѣмъ срѣзало Бенни, такъ это нѣкоторыя стихотворенія столь извѣстнаго поэта Николая Алексѣевича Некрасова. Я говорю о тщательно изъятой Некрасовымъ изъ продажи книжечкѣ, носящей заглавіе «*Мечты и Звуки*». Я уберегъ у себя эту рѣдкость нынѣшняго времени, и Бенни переварить не могъ этой книги и негодовалъ за стихи, впрочемъ, еще не особенно несогласные съ позднѣйшими мечтами и звуками г. Некрасова. Таково, напримѣръ, тамъ стихотвореніе, въ которомъ г. Некрасовъ внушалъ, что:

Отъ жажды знанья плодъ не сладокъ!
О, не кичись, средь гордыхъ думъ,
Толпой безсмысленныхъ догадокъ,
Мудрецъ: *безъ Бога прахъ твой умъ!*

Поэтъ, совѣтуя «мудрецу» не упорствовать и не изнурять себя науками, пѣлъ:

---

*) Такъ какъ книга эта, можетъ быть, знакома далеко не всѣмъ, интересующимся разнообразіемъ дарованій ея автора, то я выписываю здѣсь обращеніе г. Елисѣева къ владыкѣ казанскому и свіяжскому при посвященіи ему сего сочиненія. Вотъ отъ слова до слова эти смущавшія Бенни строки: «Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь! Съ Вашего архипасторскаго благословенія я началъ трудъ сей; при Вашемъ постоянномъ вниманіи продолжалъ его, Вамъ и приношу сію *малую лепту моего дѣланія*. Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Примите съ свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ мое скудное приношеніе, да Вашимъ снисхожденіемъ ободрится къ большимъ трудамъ недостоинство трудящагося. Вашего Высокопреосвященства, Милостивѣйшаго Отца и Архипастыря нижайшій послушникъ, казанской Духовной Академіи баккалавръ Григорій Елисѣевъ». Этотъ тонъ возмущалъ Бенни, и мнѣ кажется, что такое посвященіе въ самомъ дѣлѣ довольно любопытно, какъ для современниковъ автора, такъ особенно для будущаго историка литературы нашего времени, который по достоинству оцѣнитъ искренность литературныхъ трудовъ этого любопытнаго писателя и прозорливость «снисхожденія, одобрявшаго *недостоинства трудившагося*».

Не жди, не мучься, не грѣши:
Съ мольбой возьмись за трудъ по силѣ,
Путь къ знаньямъ *вѣрой* освяти
И съ этимъ факеломъ къ могилѣ,
Всего отгадчицѣ, гряди.

Поучая «мудреца» идти этою дорогою, г. Некрасовъ былъ строгъ и сурово наказывалъ «мудрецу» даже не любить людей, которые думали бы иначе идти къ «отгадчицѣ»:

И разлюби родного сына
За отступленье отъ Творца!

Поэтической просьбы же г. Некрасова къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, когда поэтъ боялся, чтобы графъ не былъ слабъ, и умолялъ его «не щадить виновныхъ», Артуръ Бенни не дождался, да и, по правдѣ сказать, съ него уже довольно было того, что Богъ судилъ ему слышать и видѣть.

Бенни во всей этой нечистой игрѣ съ передержкой мыслей не могъ понять ничего, и да укоримъ ли мы въ этомъ его, чужеродца, если только вспомнимъ, что наши коренные и умные русскіе люди, какъ напр. поэтъ Щербина, тогда до того терялись, что не знали уже что оберегать и надъ чѣмъ потѣшаться? Припомнимъ только, что́ считалъ смѣшнымъ и «комическимъ» Щербина, составитель весьма хорошей, если не самой лучшей книги для русскаго народа, стало быть человѣкъ способный болѣе чѣмъ чужеземецъ проникать въ то, что совершалось въ нашей жизни. Покойный Щербина написалъ:

Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
А генералы гнули выю;
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію;
Когда, чуть выскочивъ изъ школъ,
Въ судахъ мальчишки засѣдали;
Когда фразистый произволъ
«Либерализмомъ» величали;
Когда могъ Ольхинъ быть судьей
Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ;

Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
А Пискаревъ зѣло прославленъ;
Когда сталъ чиномъ генералъ
Служебный якобинецъ С—совъ
И Муравьева воспѣвалъ
Нашъ красный филантропъ Некрасовъ,—
Тогда въ бездѣйствіи влачилъ
Я жизни незамѣтной бремя
И счастливъ, что незнаемъ былъ
Въ сіе комическое время!

Онъ былъ *счастливъ* тѣмъ, что стушевался и спрятался въ «сіе комическое время».

Чѣмъ онъ обстоятельнѣе Артура Бенни и много ли его солиднѣе относился по своему времени?

Но возвращаемся къ герою нашего разсказа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенни порою доходилъ то до нервныхъ слезъ, то до отчаянія, то до неоставлявшихъ его столбняковъ, изъ которыхъ два были особенно продолжительны и страшны. Онъ видѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ, одураченъ, разбитъ, оклеветанъ, смѣщенъ въ разрядъ мальчишекъ, обобранъ и брошенъ въ запометъ.

Ради насущнаго хлѣба онъ бросался искать работы повсюду, и тутъ-то онъ увидалъ, что именно было самаго существеннаго въ распространенной на его счетъ гнусной клеветѣ, что онъ будто бы агентъ тайной полиціи и шпіонъ. Въ либеральныя или либерально-фразерскія изданія онъ, разумѣется, уже и не покушался идти искать работы; но и изъ тихоструйныхъ петербургскихъ газетъ ни одна не давала ему надежды пристроиться. Онъ обратился къ журналамъ. Первую свою работу (это была очень интересная компиляція) онъ передалъ, черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ, покойному редактору «Отечественныхъ Записокъ» С. С. Дудышкину. Но покойный Дудышкинъ, при всемъ его презрѣніи къ кружкамъ, изъ которыхъ шли толки о

шіонствѣ Бенни, однако же усомнился принять его, и вѣжливо уклонился отъ помѣщенія его работы. Отказъ этотъ былъ сдѣланъ Бенни въ самой деликатной формѣ, подъ обыкновеннымъ редакціоннымъ предлогомъ; но до Бенни дошло, что Дудышкинъ сторонился отъ него по тѣмъ толкамъ, которые о немъ были распущены безцеремонными празднословами, и это для него было очень тяжелымъ ударомъ. Гораздо болѣе терпимости и великодушія оказали Бенни въ редакціяхъ «*Эпохи*» и «*Библіотеки для чтенія*». Нѣкогда самъ много вытерпѣвшій Ѳ. М. Достоевскій принялъ компиляцію Бенни и заплатилъ за нее, а П. Д. Боборыкинъ даже предложилъ ему постоянные переводы въ «*Библіотекѣ*». Въ сотрудникахъ того и другого журнала Бенни тоже встрѣтилъ и мягкость, и довѣріе, и самъ обнаруживалъ теплыя тяготѣнія къ Н. Н. Страхову и Н. Н. Воскобойникову. Въ «*Библіотекѣ для чтенія*» всѣми силами хотѣли поддержать Бенни, но все это для него уже было поздно; онъ былъ уже истерзанъ и глядѣлъ не жильцомъ на этомъ свѣтѣ. Два послѣдніе года онъ жилъ въ какомъ-то отупѣніи: обидныя подозрѣнія его мучили и безпрестанно напоминали ему о глупо прожитомъ времени; силы его оставили; у него явилась ко всему глубокая апатія, которой не разсѣевала и его привязанность къ любимой имъ русской дѣвушкѣ, да и эта, полная глубокаго и трагическаго значенія для Бенни, любовь его также его не осчастливила. Напротивъ, полюбя, онъ какъ бы совсѣмъ растерялся, и, если такъ можно понятно выразиться, какъ бы распался подъ натискомъ незнакомаго ему доселѣ чувства и потерялъ способность чѣмъ бы то ни было заниматься. Цѣлые мѣсяцы онъ не исполнялъ своихъ работъ въ журналъ, и редакція должна была передать эти работы въ другія, болѣе аккуратныя руки. Бенни остался безо всего и жилъ на счетъ займовъ; но, наконецъ, у него опять не стало ни кредита, ни платья, ни квартиры. Онъ проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь въ теченіе цѣлаго мѣсяца и... Богъ его знаетъ въ какомъ состояніи была въ это время

его голова и угнетенное несчастливою любовью сердце, но онъ часто говорилъ вздоръ, отвѣчалъ невпопадъ и во все это время мечталъ о томъ, какъ бы освободить изъ Сибири г. Чернышевскаго. Какими средствами надѣялся онъ располагать для исполненія этого плана, это осталось его тайною. Бенни, кажется, въ это время былъ, что называютъ, «не въ полномъ разсудкѣ» и часто много и много плакалъ и молился.

Рано утромъ, въ одинъ весенній день, ночуя у меня въ Коломнѣ, противъ Литовскаго рынка, Бенни былъ взятъ подъ арестъ за долгъ портному Степанову и какому-то г. Вигилянскому, отъ коего вексель Бенни перешелъ къ служившему чѣмъ-то по полиціи полковнику Сверчкову, представившему на него кормовые. Вакансій въ долговомъ отдѣленіи въ это время не было и Бенни былъ заключенъ въ одиночный казематъ при Спасской части. Въ это время для него ударилъ роковой часъ разлуки съ Россіею; онъ не хотѣлъ уходить изъ нея честью,—она выгоняла его насильно.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Изъ-подъ ареста Бенни уже не суждено было выйти на свободу, потому что во время его ареста за долгъ г. Сверчкову и портному Степанову, въ Правительствующемъ Сенатѣ было рѣшено дѣло Ничипоренки, по оговору котораго Бенни былъ подъ судомъ, и, по сенатскому рѣшенію, состоявшемуся по этому дѣлу, Бенни, за передержательство Кельсіева (въ чемъ, какъ выше сказано, его уличилъ передъ судомъ Ничипоренко), было опредѣлено «подвергнуть его трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и потомъ, *какъ иностраннаго подданнаго*, выслать за границу, съ воспрещеніемъ навсегда въѣзжать въ Россію». Самъ Ничипоренко умеръ прежде, чѣмъ состоялось о немъ рѣшеніе, а его сопутникъ въ поѣздкѣ въ Лондонъ, акцизный чиновникъ Николай Антипычъ Потѣхинъ, былъ освобожденъ, на основаніи отысканнаго въ какихъ-то бумагахъ собственно-

ручнаго письма г. Герцена, въ которомъ было сказано, что все, касающееся плановъ г. Герцена, извѣстно лишь только благонадежному Ничипоренкѣ, а г. Потѣхину ничего не открыто, потому что онъ (приводимъ подлинныя слова) «*добрый малый, но болтунъ*». Это выгодное мнѣніе г. Герцена отворило передъ г. Потѣхинымъ заключенныя двери его русской темницы.

Содержаніе подъ арестомъ въ казематѣ съѣзжаго дома Спасской части производило на Бенни ужасное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ арестованъ больной. Подъ арестомъ нервное разстройство его достигло высочайшей степени. Въ маленькой, душной, узенькой коморкѣ, съ крошечнымъ окномъ подъ потолкомъ, онъ томился, жалуясь на недостатокъ воздуха и на безпокойство, которое переносилъ отъ безпрерывно привозимыхъ въ часть пьяницъ и дебошировъ. Въ госпиталь онъ не хотѣлъ идти, боясь, что тамъ будетъ лишенъ послѣдняго удобства—одиночества, и потому онъ постоянно скрывалъ свою болѣзнь отъ тюремнаго начальства. Въ тюрьмѣ Бенни помогалъ кое-чѣмъ извѣстный добрякъ, такъ же безвременно погибшій, покойный рождественскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій, а на выкупъ несчастливца родной братъ Бенни, пасторъ Германъ Бенни, выслалъ деньги, но уже выкупомъ дѣла невозможно было поправить: арестъ перешелъ изъ долгового въ криминальный. Въ тюрьмѣ, во время своего заключенія, Бенни, отъ скуки, читалъ очень много русскихъ книгъ и, между прочимъ, прочелъ всего Гоголя. По прочтеніи «Мертвыхъ Душъ», онъ, возвращая эту книгу тому, кто ему ее доставилъ, сказалъ: «Представьте, что только теперь, когда меня выгоняютъ изъ Россіи, я вижу, что я никогда не зналъ ея. Мнѣ говорили, что нужно ее изучать то такъ, то эдакъ, и всегда, изъ всѣхъ этихъ разговоровъ, выходилъ только одинъ вздоръ. Мои несчастія произошли просто отъ того, что я не прочиталъ въ свое время «Мертвыхъ Душъ». Еслибы я это сдѣлалъ хотя не въ Лондонѣ, а въ Москвѣ, то я бы первый считалъ обязатель-

ствомъ чести доказывать, что въ Россіи никогда не можетъ быть такой революціи, о которой мечтаетъ Герценъ».

— Отчего вы такъ думаете? спросили его.

— «Оттого, что никакіе благородные принципы не могутъ привится среди этихъ Чичиковыхъ и Ноздревыхъ». За симъ три мѣсяца заключенія Бенни окончились и русскіе жандары отвезли его на ту самую пограничную съ Пруссіею станцію, откуда сибирскій купецъ совѣтовалъ ему уходить назадъ, чтобы сберечь свою жизнь, можетъ быть, на гораздо болѣе дѣльное употребленіе, чѣмъ то, которое этотъ «натурализованный англійскій субъектъ» сдѣлалъ изъ нея, взявъ на себя непосильный трудъ научить Чичиковыхъ и Ноздревыхъ «любить ближняго, какъ самого себя». Такъ этимъ и заключилась карьера Бенни въ нашемъ отечествѣ. Суровое море русской жизни опять выбросило его на чужой берегъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Но и послѣ того, какъ этотъ бѣдный юноша, безплодно потративъ здѣсь лучшіе годы своей жизни, былъ осужденъ на вѣчное отсюда изгнаніе, и ни у народной, ни у государственной Россіи не осталось ничего, въ чемъ бы она хотѣла считаться съ отвергнутымъ ею искреннѣйшимъ соціалистомъ и демократомъ, извѣстная петербургская литературная партія еще не хотѣла покончить съ нимъ своихъ счетовъ. Самый арестъ его считали или по крайней мѣрѣ выдавали за *подвохъ* и послѣ высылки его предсказывали «второе его пришествіе во славѣ его»...

Но чей же былъ шпіонъ Артуръ Бенни и кто могъ убить его за шпіонство на поляхъ Ментаны?

Въ Петербургѣ утверждали вотъ что:

— «*Бенни, или Бениславскій, былъ при гарибальдійскомъ легіонѣ русскимъ шпіономъ, а убитъ за это поляками*».

Какія доказательства представлялись въ подтвержденіе этой нелѣпой сказки?

Никакихъ.—«Духъ анализа и изслѣдованій, духъ нашего времени» вовсе не нуженъ, когда люди хотятъ клеветать.

Кончина же Артура Бенни случилась дѣйствительно не такъ, какъ ее описывали нѣкоторыя газеты, и не такъ, какъ разсказываютъ о ней въ извѣстныхъ петербургскихъ кружкахъ.

Кромѣ короткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ о смерти Бенни газетами, въ Петербургѣ, близкими покойнику людьми, интересовавшимися знать всѣ обстоятельства его кончины, получены сначала частнымъ путемъ слѣдующія извѣстія.

Артуръ Бенни, послѣ высылки его изъ Россіи, жилъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ будто бы вступилъ въ церковный бракъ съ тою самою русскою дѣвушкою, которую онъ узналъ и полюбилъ въ Петербургѣ въ эпоху существованія *Знаменской коммуны.* Въ то время Артуръ Бенни подалъ о себѣ слухъ одною статьею, напечатанною имъ въ одномъ англійскомъ журналѣ. Статья эта трактовала о Россіи и показывала, что Бенни, даже и послѣ прочтенія въ тюрьмѣ «*Мертвыхъ душъ*», все-таки нимало не научился понимать Россію, и все-таки думалъ, что соціалистическая революція въ ней не только неминуема, но и возможна теперь же, при наличномъ изобиліи Чичиковыхъ и Ноздревыхъ. Потомъ, незадолго до послѣдней попытки Гарибальди отнять у папы Римъ, Артуръ Бенни оставилъ въ Швейцаріи жену и отправился въ Италію *корреспондентомъ* одной англійской газеты.

Въ качествѣ корреспондента дружественнаго гарибальдійскому дѣлу изданія, Бенни находился въ самомъ лагерѣ гарибальдійцевъ. Въ день Ментанской битвы онъ выѣхалъ на маленькой телѣжкѣ, запряженной одною лошадью, и тащился вслѣдъ за шедшимъ въ дѣло отрядомъ. Когда началась роковая схватка, Бенни увлекся интересомъ сраженія и, забираясь все далѣе и далѣе впередъ, заѣхалъ въ самое жаркое мѣсто драки. Это случилось въ тѣ минуты, когда гарибальдійцы, послѣ ожесточенныхъ стычекъ съ папскими

войсками, были внезапно окружены и смяты свѣжими силами французской кавалеріи. Изнемогавшій гарибальдійскій отрядъ, при которомъ находился Бенни, смѣшался, дрогнулъ и началъ отступать въ такомъ смятеніи и безпорядкѣ, которое правильнѣе слѣдуетъ назвать не отступленіемъ, а бѣгствомъ. Французская кавалерія, пришпоривъ коней, стремительно неслась въ погоню за измученными волонтерами и, нагоняя разстроенные ряды ихъ, усѣивала поля Ментаны изувѣченными трупами. Въ это время, слѣдуя за бѣгущимъ отрядомъ гарибальдійцевъ, Бенни увидалъ двухъ волонтеровъ, которые съ трудомъ уносили тяжело раненаго третьяго. За ними, махая обнаженными саблями, гнались три французскіе кавалериста. Бенни видѣлъ, что погибель всѣхъ этихъ людей неминуема. Онъ, долго не думая, соскочилъ съ своей повозки и предложилъ положить въ нее истекавшаго кровью раненаго и поскорѣе увезти его. Предложеніе это было принято и больного увезли, а *безоружный* Бенни, оставшись пѣшимъ, былъ настигнутъ преслѣдовавшими отрядъ кавалеристами, изъ которыхъ одинъ ударилъ по немъ саблею и отсѣкъ ему кисть лѣвой руки. Помочь Бенни и перевязать ему отрубленную руку было некому, и Бенни, истекая кровью, тащился, отыскивая одинъ изъ перевязочныхъ пунктовъ, но не могъ найти ни одного изъ этихъ пунктовъ, потому что всѣ они были сбиты. Ослабѣвъ отъ потери крови, Бенни палъ на полѣ битвы, гдѣ и былъ отысканъ въ безчувственномъ состояніи. Плохой уходъ въ подвижномъ гарибальдійскомъ госпиталѣ докончилъ остальное; легко излѣчимая вначалѣ, рана Бенни скоро приняла характеръ раны неизлѣчимой; у Бенни сдѣлался антоновъ огонь и быстро прекратилъ его молодую, восторженную и безчестно оклеветанную жизнь. (Таково первое сказаніе о его смерти,—ниже черезъ одну главу слѣдуетъ другое, принадлежащее г-жѣ Якоби и во многомъ представляющее дѣло иначе).

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Поляки Артура Бенни никогда шпіономъ русскимъ не считали, и если въ исторіи Бенни нѣкоторое время было что-нибудь способное вводить въ заблужденіе насчетъ его личности, то это у болѣе основательныхъ людей было подозрѣніе, не слѣдуетъ ли видѣть въ самомъ Бенни,—сынѣ томашовскаго пастора изъ Царства Польскаго, подосланнаго въ Россію эмиссара польскаго революціоннаго комитета? Это было единственное подозрѣніе, которое можно было имѣть на Бенни и которое, дѣйствительно, и имѣли нѣкоторые люди, настолько, впрочемъ, честные, что не рѣшались высказывать своихъ подозрѣній прежде, чѣмъ ихъ догадки получили бы какую-нибудь достовѣрность. Полагали, что Бенни подосланъ поляками къ русскимъ революціоннымъ кружкамъ для того, чтобы возбуждать глупенькихъ людей къ безпорядкамъ. Въ пользу этихъ подозрѣній были разсказы нѣсколькихъ вернувшихся въ Россію изъ-за границы молодыхъ ученыхъ, которые, находясь въ Парижѣ до пріѣзда Бенни въ Петербургъ, знали его тамъ *за поляка* и, встрѣчая его потомъ здѣсь, между русскими предпринимателями, удивлялись быстрой перемѣнѣ въ его симпатіяхъ, потому что въ Парижѣ они знали его однимъ изъ пламеннѣйшихъ приверженцевъ польской революціи. Одинъ изъ такихъ молодыхъ ученыхъ (нынче профессоръ Ал—въ) говорилъ объ этомъ, не обинуясь, многимъ русскимъ знакомымъ Бенни, что и стало извѣстно самому Бенни, который на это отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно въ Парижѣ держался польскаго общества, но удивляется, какъ можно было отъ него требовать, чтобы, находясь въ средѣ парижскихъ поляковъ, онъ могъ высказывать симпатіи, противныя ихъ преобладающему чувству! Противъ же того, чтобы подозрѣвать Бенни въ польскомъ эмиссарствѣ, служила, во-первыхъ, его, съ самаго перваго шага, видимая неспособность къ политической интригѣ, къ которой въ

польской партіи была надобность и были великіе мастера. Вновь напечатанная въ полнѣйшей редакціи книжка Гогеля «Іосафатъ Огрызко» (не существующая въ продажѣ, но бывшая въ рукахъ В. В. Крестовскаго) хранитъ имена такихъ польскихъ агентовъ въ Петербургѣ, что при нихъ никуда не могъ годиться молодой безъ положенія Бенни. Было бы черезчуръ странно, чтобы революціонный ржондъ отрядилъ для самой щекотливой миссіи въ Россію человѣка самаго неопытнаго и держалъ его здѣсь, послѣ того какъ онъ, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Россіи, прослылъ шпіономъ и тѣмъ показалъ полнѣйшую свою неспособность къ интригѣ. Если же думать, что тонкіе и дальновидные члены ржонда игнорировали мнѣніе, родившееся насчетъ ихъ агента, и берегли Бенни для другихъ, высшихъ сферъ общества, куда благовоспитанный, приличный и образованный Бенни могъ бы проложить себѣ дорогу, то если допустить, что онъ въ тѣхъ именно слояхъ назначался служить польской интригѣ, такъ съ этимъ нельзя согласить ни поведеніе Бенни, ни поведеніе ржонда. Бенни только случайно попадалъ къ людямъ съ вѣсомъ и значеніемъ и не только не старался оріентироваться въ ихъ кругѣ, а даже тяготился этимъ кругомъ. Нельзя предполагать, чтобы Бенни такъ манкировалъ своими обязанностями, или чтобы ржондъ безучастливо оставлялъ его во всемъ ужасающемъ видѣ нищенскаго убожества, какъ извѣстно, вовсе неблагопріятствующаго короткому сближенію съ богатыми и выгодно поставленными въ свѣтѣ людьми. Если же сдѣлать вопросомъ: были ли, однако, у Бенни какія-нибудь отношенія къ революціонному ржонду въ Польшѣ, или не было никакихъ, то пишущій эти строки можетъ отвѣчать, что они *были*, но это, сколько извѣстно, были вотъ какія отношенія. Однажды, когда авторъ этихъ записокъ и Артуръ Бенни жили вмѣстѣ, на одной квартирѣ, покойнаго Бенни посѣтилъ какой-то пожилой чиновникъ, весьма скромной наружности, съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Бенни имѣлъ съ этимъ че-

ловѣкомъ довольно продолжительный разговоръ, шедшій съ глаза-на-глазъ. Проводивъ владимірскаго кавалера, Бенни былъ взволнованъ и сказалъ пишущему эти строки, что это приходилъ петербургскій комиссаръ народнаго ржонда. При этомъ Бенни разсказалъ также, что онъ уже получилъ изъ Варшавы три повѣстки, требующія, чтобы онъ явился туда къ революціонному начальству; но что онъ, не считая себя полякомъ, не считалъ себя и обязаннымъ исполнять это требованіе, а теперь онъ *долженъ поѣхать, чтобы навсегда отдѣлаться отъ притязаній, которыя на него простираютъ поляки за его рожденіе въ Польшѣ.* Свое «*я долженъ поѣхать*» Бенни мотивировалъ тѣмъ, что у него въ Польшѣ живутъ родные, и что онъ хочетъ честно разъяснить полякамъ, что онъ ихъ *политической* революціи не сочувствуетъ, а сочувствуетъ революціи международной,—*соціалистической.*

Въ эту пору Бенни былъ уже подъ судомъ по оговору Ничипоренки и могъ выѣхать изъ Петербурга или только тайно, съ тѣмъ, чтобы уже никогда сюда не возвращаться, или же испросивъ на это разрѣшеніе начальства. Онъ предпочелъ послѣднее, подалъ просьбу о дозволеніи ему съѣздить въ Польшу «для свиданія съ умирающимъ отцомъ». Просимое разрѣшеніе ему было дано на самое короткое время съ обязательствомъ дорогою нигдѣ не останавливаться, а наблюденіе за возвращеніемъ его было поручено въ Томашовѣ какому-то начальству. Бенни все сдѣлалъ аккуратно и, возвратившись назадъ въ Петербургъ, говорилъ, что онъ теперь свободенъ и что ржондъ болѣе никакихъ претензій простирать на него не будетъ. Сколь искренни были эти слова Бенни, — за то пишущій эти строки не отвѣтствуетъ, но, по привычкѣ всегда вѣрить честности Бенни, не имѣетъ основаній сомнѣваться, что онъ и на этотъ разъ говорилъ правду. Да и къ тому же, надо признаться, цѣль поѣздки Артура Бенни и его возвращеніе были гораздо менѣе загадочны, чѣмъ его отпускъ изъ Петербурга. Подсудимый Бенни считался здѣсь *англій-*

скимъ подданнымъ, а между тѣмъ правительственное учрежденіе, снабжавшее этого *великобританскаго подданнаго* Артура Бенни отпускомъ въ Польшу *для свиданія съ отцомъ его, подданнымъ русской короны, томашовскимъ пасторомъ*, ни на одну минуту не остановилось передъ разноподданностью этого отца съ сыномъ! Автору этихъ записокъ казалось, что Бенни, указавъ на свое родство съ томашовскимъ пасторомъ, можетъ утратить свои преимущества иностранца въ Россіи, что съ нимъ, хотя онъ и натурализованный англійскій субъектъ, могутъ пожелать раздѣлаться какъ съ русскимъ подданнымъ, — но этого ничего не случилось. Бенни черезъ нѣсколько времени и еще разъ съѣздилъ, точно такимъ же образомъ, въ Польшу, когда отецъ его въ самомъ дѣлѣ захворалъ и скончался, и начальство опять, и во второй разъ отпуская его, не находило ничего несоотвѣтственнаго между разноподданствомъ отца съ сыномъ. Тогда Бенни, видя, что учрежденія, съ которыми онъ имѣлъ дѣло по своей подсудности, неуклонно намѣрены трактовать его иностранцемъ, черезъ что его по суду могутъ выслать изъ Россіи за границу, *подалъ просьбу о дозволеніи ему принять русское подданство*. Людямъ, удивлявшимся этой новой странной выходкѣ Бенни, онъ отвѣчалъ, что не желаетъ пользоваться привилегіею своего иностраннаго подданства и хочетъ принять на себя ту же самую степень наказанія, какая будетъ опредѣлена всѣмъ русскимъ подданнымъ, осужденнымъ съ нимъ по одному дѣлу; но ходатайство Бенни о принятіи его въ русское подданство не удовлетворено, и онъ высланъ за границу, какъ иностранецъ. Вотъ развѣ одно это только и можетъ казаться въ судьбахъ Бенни загадочнымъ, но на это-то загадочное обстоятельство никто изъ много разсуждавшихъ о Бенни людей ни разу не обратилъ вниманія.

Бенни никогда не считалъ себя литераторомъ и очень не любилъ, если въ печати какъ-нибудь появлялось его имя.

— Имя мое, говорилъ онъ, не поздно будетъ назвать

тогда, когда я умру, и когда кто-нибудь захочетъ сдѣлать *духу моему* дружескую услугу, снявъ съ меня тягостнѣйшія для меня обвиненія въ томъ, въ чемъ меня обвиняли и въ чемъ я не повиненъ ни передъ друзьями моими, ни передъ врагами, которыхъ прощаю отъ всего моего сердца.

Теперь это сдѣлано настолько, насколько казалось удобнымъ въ настоящее время. Гораздо большее, вѣроятно, будетъ раскрыто въ другую пору дневникомъ Бенни и его бумагами, а пока это сдѣлается удобнымъ (что, конечно, случится не при нашей жизни), человѣка, о которомъ мы говоримъ, можно укорить въ легкомысленности, но надо вѣрить ручательству Ивана Сергѣевича Тургенева, что «*Артуръ Бенни былъ человѣкъ честный*», и это ручательство авторъ настоящихъ записокъ призываетъ въ подкрѣпленіе своего искренняго разсказа объ Артурѣ Бенни, столь незаслуженно понесшемъ тягостнѣйшія оскорбленія отъ тѣхъ, за чьи идеи онъ хотѣлъ жить и не боялся умереть.

Но остается еще сказать о томъ, что сдѣлалось извѣстно о его кончинѣ изъ другого, можетъ болѣе достовѣрнаго источника, именно изъ устъ одной очевидицы его смертнаго часа.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Артура Бенни и о его кончинѣ въ печати довольно долгое время останавливались на извѣстіи «*Иллюстрированной газеты*» г. Зотова, что «Артуръ Бенни, о которомъ ходили разнорѣчивые и невыгодные слухи, убитъ при Ментанѣ». Извѣстіе это, какъ оно ни кратко, снова подало поводъ къ толкамъ: старинные клеветники Бенни заговорили, что Артуръ Бенни убитъ не какъ гарибальдіецъ, а какъ открытый гарибальдійцами русскій шпіонъ. Дѣятельные люди, на которыхъ всѣ несчастія Бенни должны лечь позорнымъ и тяжкимъ укоромъ, обнаружили неслыханную энергію въ поддержкѣ этой послѣд-

ней клеветы на покойнаго несчастливца, и эта послѣдняя вещь была бы, кажется, еще горше первой, потому что не предвидѣлось уже никакого слѣда для возстановленія истины; но вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 года, въ газетѣ «*Недѣля*», №№ 21, 22 и 23, появились воспоминанія госпожи Александры Якоби о ея пребываніи «между гарибальдійцами». Госпожа Якоби дала Артуру Бенни очень большое мѣсто въ своихъ воспоминаніяхъ и притомъ отнеслась къ нему въ своихъ строкахъ не только съ женскою теплотою, но и съ тѣмъ сочувствіемъ, которое возбуждалъ у всѣхъ честныхъ людей этотъ *искреннѣйшій* молодой страдалецъ.

Желаніе сдѣлать нашъ разсказъ объ Артурѣ Бенни по возможности полнымъ и яснымъ заставляетъ насъ сдѣлать небольшія позаимствованія изъ разсказа о немъ госпожи Якоби. Она встрѣтила его въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года въ числѣ раненыхъ плѣнныхъ, сваленныхъ въ какомъ-то скверномъ углу. Вотъ подлинныя слова г-жи Якоби (газета «*Недѣля*» № 23, стр. 762): «Я заинтересовалась одною личностью, отъ которой не могла никогда добиться ни одного слова. Это былъ невысокаго роста господинъ съ темными волосами, довольно окладистой бородкой, немного рыжеватой посрединѣ. Одѣтъ онъ былъ въ лиловую гарибальдійскую рубашку. Лежалъ онъ бо̀льшею частію къ стѣнѣ лицомъ и мало съ кѣмъ говорилъ. Съ виду ему было лѣтъ тридцать. Подлѣ него на столикѣ лежали номера «Times» и нѣсколько гидовъ Бедекера въ красныхъ оберткахъ. Онъ былъ раненъ въ правую руку, и, повидимому, не особенно опасно. Разъ я увидѣла, что онъ долго разговаривалъ по-англійски съ протестантскимъ священникомъ Way. Когда мистеръ Way отошелъ отъ него, я спросила:

— Кто этотъ господинъ?

— Это Артуръ Бенни.

Тогда я прямо подошла къ нему и крѣпко пожала ему руку. Его я не знала, но была знакома въ Парижѣ съ его братомъ, Карломъ. Долго проговорили мы съ нимъ.

Все, что я буду говорить о немъ, я слышала отъ самого покойнаго, подлѣ котораго я была до послѣдней минуты.

Бенни во время сраженія находился въ лагерѣ Гарибальди, куда онъ прибылъ изъ Швейцаріи, въ качествѣ корреспондента. Когда командиръ девятаго полка былъ убитъ, тогда сынъ Гарибальди, Менотти, предложилъ Бенни команду, отъ которой онъ не отказался. Но командовать пришлось ему недолго, онъ былъ раненъ въ правую руку около большого пальца. Въ день 4-го ноября онъ вмѣстѣ съ другими ранеными былъ привезенъ въ госпиталь святого Онуфрія. Вотъ, что онъ разсказывалъ мнѣ о ночи на 5-е ноября:

— Я никогда не забуду этой ночи. Вообразите, когда мы были привезены, ни постелей, ни даже соломы на полу не было. Сложивши насъ всѣхъ кое-какъ, всѣ удалились, кромѣ часовыхъ у дверей. Помню, подо мной умиралъ одинъ тяжело раненый, но у меня не было силъ сдвинуться, чтобы освободить его изъ-подъ моего груза. Около меня слышались голоса, просившіе пить. Часовые даже не двигались, сказавъ намъ: «до утра». Ночи этой не было конца. Напрасно я ждалъ разсвѣта, — черезъ окна, узкія, грязныя, закрытыя вѣчной паутиной, онъ пройти не могъ. Утромъ принесли лампы, начали носить кровати, мѣшки съ соломой вмѣсто тюфяковъ. Всѣхъ насъ освѣтили желтоватымъ свѣтомъ. Тутъ я увидалъ по угламъ многихъ моихъ товарищей, плавающихъ въ крови. Въ эту ночь умерло двѣнадцать человѣкъ. Что мы испытывали, трудно разсказать.

— Нельзя ли похлопотать перевести меня отсюда, — продолжалъ онъ: — здѣсь, несмотря на ничтожную рану, умру навѣрное. Вы, вѣдь, всего не видите, что здѣсь дѣлается.

— Отчего вы медлили такъ долго и не обратились ко мнѣ съ этимъ раньше? Вы бы давно уже были куда-нибудь переведены. Если бы мнѣ не позволили взять васъ

къ себѣ на домъ, то мы бы выхлопотали перевести васъ въ другой госпиталь.

— У васъ и безъ меня много дѣла. Есть люди опаснѣе меня раненые. Да и потомъ, кто знаетъ, позволятъ ли?

— Вамъ можетъ то помочь, что вы по тѣмъ извѣстіямъ, которыя они имѣютъ, не были объявленнымъ гарибальдійцемъ; васъ считаютъ просто корреспондентомъ.

— Такъ похлопочите, пожалуйста.

Съ помощію мистера Way и генерала-канцлера, мы выхлопотали позволеніе перевести Бенни въ госпиталь святой Агаты.

Въ госпиталѣ святой Агаты была отведена ему особая комната. Вообще помѣщеніемъ онъ былъ доволенъ. Подлѣ него былъ докторъ французъ, Labord.

Разница въ положеніи Бенни, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ новомъ госпиталѣ, была довольно значительная. Онъ даже, спустя недѣлю, могъ подолгу сидѣть на своей постели и помногу писалъ лѣвой рукой. У него была большая переписка съ однимъ швейцарскимъ городкомъ, гдѣ жила имъ любимая личность, о которой онъ, впрочемъ, мнѣ сказалъ лишь тогда, когда уже не могъ болѣе писать, и когда я принуждена была ему читать получаемыя имъ письма. Кромѣ этой переписки, онъ велъ дневникъ своего пребыванія въ Ментанѣ. Всѣ эти замѣтки, а также и частныя письма, оставшіяся послѣ него, были захвачены, и несмотря на мои убѣдительныя просьбы, не были мнѣ выданы. Итакъ я отправлялась къ Бенни каждое утро, носила ему мясо и другую провизію и готовила ему обѣдъ сама, на небольшомъ столикѣ подлѣ его постели. Больничное кушанье пугало его. Видя его постоянно занятымъ, я убѣдительно просила его не писать много, не читать; когда у меня было время, я читала ему сама. Судя по чистому наружному виду комнаты, мнѣ казалось, что и уходъ за нимъ долженъ быть хорошъ. Но этого-то и не было».

Г-жа Якоби описываетъ слѣдующую сцену, которую она застала однажды, вступая въ комнату больного.

«Бенни лежалъ на постели со свѣсившейся головой, обручъ и окровавленныя тряпки валялись на полу, раздробленная рука, лежавшая постоянно въ вытянутомъ положеніи, сдвинута съ мѣста. Стонъ раздавался по всей комнатѣ.

— Бенни,—кликнула я его,—Бенни!

Но отвѣта не было. Я взяла его голову, положила на подушку, дала ему нюхать спирту, обтерла лицо губкой, намоченной въ уксусѣ. Наконецъ онъ открылъ глаза.

— Затвори дверь, подойди поближе; вонъ видишь этотъ лѣсъ, сейчасъ оттуда выбѣгалъ тигръ и больно кусалъ мнѣ эту руку, но я его вотъ такъ!..

Онъ поднялъ другую руку и *ударилъ ею изо-всей силы по больной рукѣ.* Меня такъ и обдало холодомъ. Но что было дѣлать, я сѣла подлѣ него и стала дожидаться, когда онъ придетъ въ сознаніе.

Спустя нѣкоторое время онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Вы давно здѣсь? Что было со мной, не отрѣзали ли уже мнѣ руку? Что мнѣ дѣлать съ собою? Болѣзнь моя не улучшается. Не лучше ли дѣйствительно отрѣзать руку? А что потомъ я буду дѣлать? Вѣдь эта рука только и поддерживаетъ мое существованіе?

Я спросила Танчони, который осматривалъ больныхъ, о состояніи Бенни.

— Да ему давно бы уже было нужно отнять кисть руки».

Танчони г-жа Якоби не довѣряла и обратилась къ одному англичанину, доктору, и просила его черезъ посредство мистера Way прійти въ госпиталь.

«Когда пришелъ англичанинъ-докторъ, то онъ, осмотрѣвъ рану, нашелъ, что Бенни не спасетъ и ампутація. Но ампутацію все-таки сдѣлали тотчасъ, по уходѣ этого доктора. Меня не пропускали къ Бенни цѣлыхъ пять дней подъ предлогомъ, что ему вредно говорить. На такой резонъ я поневолѣ должна была сдаться и ходила только каждый

день справляться о его здоровьѣ. Отвѣтъ былъ постоянно тотъ, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, я вошла къ нему. Онъ былъ веселъ, показывалъ мнѣ свою коротенькую руку и говорилъ, что ему иногда хочется почесать себѣ пальцы, которыхъ нѣтъ.

— А что, какъ вы думаете, смерть теперь не догонитъ меня? Право, не хотѣлось бы умирать на полдорогѣ жизни, а, главное, жаль, что я ничего не сдѣлалъ.

Говоря это, онъ пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто видѣлъ въ нихъ сомнѣніе.

Дѣйствительно, онъ угадалъ: я при видѣ его сдерживала непріятное чувство, которое овладѣло мной. Появившаяся маленькая лихорадка пугала меня, лицо его очень измѣнилось, глаза ввалились, носъ заострился. Однимъ словомъ, я его считала покойникомъ. Въ этотъ самый день посѣтила госпиталь бывшая неаполитанская королева. Между тѣмъ изъ Швейцаріи давно писали, что хотѣли пріѣхать въ Римъ *). Онъ все отклонялъ.

Прежде онъ говорилъ: «Пусть тогда пріѣзжаетъ, когда ампутація будетъ уже сдѣлана».—А потомъ думалъ: «Нѣтъ, лучше тогда, когда поправлюсь. Что она будетъ дѣлать въ незнакомомъ городѣ, не зная языка».

Но она не ждала отвѣта и прислала депешу, что уже выѣхала. А ему, между тѣмъ, становилось все хуже, Телеграммами мы мѣнялись два раза въ день (она, къ несчастію, заболѣла на дорогѣ). Въ первый день Рождества, къ вечеру, ему сдѣлалось очень худо, такъ что *онъ потребовалъ къ себѣ священника и въ десять часовъ вечера причастился.* На другой день я пришла къ нему; онъ былъ очень слабъ и еле узналъ меня.

— А, вы снова здѣсь. Подойдите, вѣдь я не такъ еще страшенъ. Что вы ей отвѣтили на депешу?

---

*) Это «писали», очевидно, касается молодой особы М. Н. К., пользовавшейся глубочайшею привязанностію Артура Бенни.

Перемолвясь объ этомъ, Бенни сказалъ г-жѣ Якоби:

— Только бы поправиться, какъ бы мнѣ хотѣлось вернуться въ Россію: *я радъ, что, встрѣтя васъ, могу говорить по-русски.*

27-го декабря я была у Бенни около десяти часовъ. Лихорадка била его страшно. Лицо совершенно осунулось. Подбородокъ какъ-то надвинулся къ носу.

— Бенни! окликнула я его, проведя рукой по его уже совершенно холодному лбу.

Онъ губами прикоснулся къ моей рукѣ, и нѣсколько крупныхъ слезъ выкатились изъ глазъ.

— Теперь я, дѣйствительно, умираю. А она... вы сказали, что пріѣдетъ къ одиннадцати часамъ, ну, я и старался дожить, но не могу.

Это было его послѣднее слово. Агонія продолжалась до двухъ съ половиною часовъ пополудни. Тотчасъ послѣ смерти съ него былъ снятъ прекрасный портретъ масляными красками, который и былъ переданъ г-жѣ К... 29-го его похоронили на протестантскомъ кладбищѣ; въ могилу его, прежде чѣмъ засыпать ее землею, мы набросали красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ зеленью — то были національные цвѣта Италіи».

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Таковъ разсказъ очевидицы послѣдняго томленія и смерти Артура Бенни,—разсказъ, котораго, кажется, уже нѣтъ никакого повода заподозрѣвать въ несправедливости, пристрастіи или натяжкахъ, тѣмъ болѣе, что все это подтверждается по деталямъ разсказами извѣстныхъ людей, какъ Ивана Сергѣевича Тургенева и Петра Дмитріевича Боборыкина.

Покойный Бенни писалъ къ обоимъ этимъ лицамъ письма послѣ своего увѣчья лѣвою рукою и вообще выражалъ ту любовь къ русскимъ и къ Россіи, о какой свидѣтельствуетъ бывшая при его послѣднихъ минутахъ г-жа Якоби. Покой-

ный Артуръ Бенни, испивъ до дна горькую чашу уксуса и жолчи, смѣшанныхъ для него пылкими увлеченіями его восторженной и альтруистической натуры и коварствомъ злыхъ людей, маскировавшихъ сочиняемыми на него клеветами собственную малость и ничтожество, пришелъ къ тѣмъ же самымъ разочарованіямъ, какія видимъ въ посмертныхъ запискахъ учителя его, Александра Герцена, человѣка даровитѣйшаго и тѣмъ не менѣе объявлявшаго, будто онъ «создалъ въ Россіи *поколѣніе безповоротно соціалистическое.* Опубликованныя посмертныя записки Герцена показали, что у него недоставало *смѣлости* сознаться, что онъ ошибся и что «поколѣнія безповоротно соціалистическаго» на Руси нѣтъ, а Скотинины, Чичиковы и Ноздревы живы. Покойный Бенни, оказывается, былъ гораздо его искреннѣе, и И. С. Тургеневу съ П. Д. Боборыкинымъ извѣстно, что Артуръ Бенни не только хотѣлъ просить у государя прощенія и дозволенія возвратиться въ Россію, но его даже видѣли уже занятымъ окончательною редакціею письма къ графу Петру Андреевичу Шувалову, черезъ котораго онъ намѣренъ былъ направить свое ходатайство къ императору. Судьба рѣшила все это иначе.

Дописывая эти послѣднія строки о моемъ усопшемъ другѣ, я хочу сказать короткій отвѣтъ тѣмъ, кто недоволенъ этою повѣстью и протестуетъ противъ ея появленія. Эти болѣзненно щекотливые люди, между прочимъ, говорятъ, что они не видятъ никакой надобности въ оглашеніи этой исторіи; я же вижу въ этомъ нѣсколько надобностей, изъ коихъ каждая одна настоятельнѣе другой: 1) я хочу изложеніемъ исторіи похожденій Артура Бенни очистить его собственную память отъ недостойныхъ клеветъ; 2) я желаю посредствомъ этой правдивой и удобной для повѣрки повѣсти освободить отъ порицанія и осужденія живыхъ лицъ, терпящихъ до сихъ поръ тяжелыя напраслины за пріязнь къ Бенни при его жизни; 3) я пытаюсь показать въ этой невымышленной повѣсти настоящую картину недавней эпохи, отнявшей у нашей не богатой про-

свѣщенными людьми родины, наилучшихъ юношей, которые при другихъ обстоятельствахъ могли бы быть полезнѣйшими дѣятелями, и 4) я имѣю намѣреніе дать этою живою исторіею всякому, кому попадается въ руки эта скромная книжка, такое чтеніе, въ коемъ старость найдетъ себѣ нѣчто на послушаніе, а молодость на поученіе. Ошибочны или нѣтъ мои соображенія, но худа эта книга никому сдѣлать не можетъ, а малую пользу можетъ принести хотя бы указаніемъ на слѣдствіе увлеченій, которыя будутъ повторяться до скончанія вѣка, точно такъ же какъ и человѣческое злословіе и клеветы.

Измѣняя съ лѣтами и съ событіями свои взгляды и убѣжденія, иногда не безполезно отойти и поглядѣть, съ кѣмъ мы продолжаемъ сидѣть — не безполезно вспомнить тѣхъ,

Кто истину искалъ,
И тѣхъ, кто побѣжденный палъ
Въ толпѣ безсмысленной, холодной,
Какъ жертва мысли благородной.

НА НОЖАХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

БОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отступница.

Въ губернскомъ городѣ N есть довольно большой деревянный домъ, принадлежащій господамъ Висленевымъ, Іосафу Платоновичу, человѣку лѣтъ тридцати пяти, и сестрѣ его, Ларисѣ Платоновнѣ, дѣвушкѣ по двадцатому году. Домъ этотъ, просторный и барскій, былъ бы вовсе бездоходенъ, еслибъ его владѣльцы захотѣли жить въ немъ, не стѣсняясь. Въ немъ девять комнатъ, по старорусскому дворянскому обычаю расположенныхъ такъ, что двумъ семействамъ въ нихъ никакъ размѣститься невозможно. Родители нынѣшнихъ владѣльцевъ строили домъ для себя и не предвидѣли никакой нужды извлекать изъ него какіе бы то ни было доходы, а потому и планировали его, что называется, по своей фантазіи. Старикамъ не было и нужды стѣснять себя, потому что у нихъ по старинѣ были хорошіе доходы съ доходнаго мѣста. При извѣстной безпечности, вообще свойственной русской натурѣ, доходамъ этимъ не предвидѣлось конца, а онъ вдругъ и пришелъ: старикъ Платонъ Висленевъ, совѣтникъ одной изъ губернскихъ палатъ, легъ однажды спать и не проснулся. Вдова

его нашла въ бюро мужа очень небольшую сумму денегъ и получила тоже очень небольшой пенсіонъ. Всѣмъ этимъ прожить было невозможно, тѣмъ болѣе, что приходилось воспитывать нынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Іосафа Платоновича, бывшаго тогда въ шестомъ классѣ гимназіи, и Ларису Платоновну, оставшуюся въ совершенномъ малолѣтствѣ. Домъ надо было сдѣлать изъ бездоходнаго доходнымъ. Съ этою цѣлью вдова Висленева построила во дворѣ, окнами въ садъ, флигелекъ въ пять небольшихъ комнатъ, и сама съ дѣтьми поселилась въ этомъ флигелькѣ, а большой домъ начала отдавать въ наймы. Съ этихъ поръ доходы ея стали таковы, что она могла содержать сына въ гимназіи, а потомъ и въ университетѣ, а дочь добрые люди помогли устроить въ институтъ на казенный счетъ. Вдова Висленева вела жизнь аккуратную и разсчетливую, и съ тяжкою нуждой не зналась, а отсюда въ губернскихъ кружкахъ утвердилось мнѣніе, что доходы ея отнюдь не ограничиваются домомъ да пенсіей, а что у нея, кромѣ того, конечно, есть еще и капиталъ, который она тщательно скрываетъ, приберегая его на приданое Ларисѣ. Доходили такіе слухи и до самой вдовы, и она ихъ, по общему мнѣнію, опровергала очень слабо: старушка имѣла въ виду, что эти толки ей не повредятъ. Семь лѣтъ тому назадъ, подозрѣнія насчетъ таинственнаго ларца вдовы Висленевой получили еще новое и для мѣстныхъ прозорливцевъ неотразимое подтвержденіе. Іосафъ Платоновичъ Висленевъ тотчасъ, по окончаніи университетскаго курса, пріѣхалъ домой, и только что было опредѣлился на службу, какъ вдругъ его ночью внезапно арестовали, обыскали и увезли куда-то по политическому дѣлу. Спасенія и возврата его никто не чаялъ, его считали погибшимъ навѣки, при чемъ губернскому человѣчеству были явлены новыя доказательства человѣческаго, или, собственно говоря, женскаго коварства и предательства, со стороны одной молодой, но, какъ всѣ рѣшили, крайне испорченной и корыстной дѣвушки, Александры Ивановны Гриневичъ. Вы-

ручилъ же Іосафа Висленева материнъ заповѣдный ларецъ. Дѣло объ этомъ предательствѣ требуетъ подробнаго объясненія.

Іосафъ Платоновичъ Висленевъ еще чуть не съ пятнадцати лѣтъ былъ влюбленъ въ дочь нанимавшаго ихъ домъ инспектора врачебной управы Гриневича. Близкіе люди считали эту любовь большимъ несчастіемъ для молодого человѣка, подававшаго блестящія надежды. Считали это несчастіемъ, конечно, не потому, чтобы кто-нибудь признавалъ Сашеньку Гриневичъ, тогда еще дѣвочку, недостойною современемъ хорошей партіи, но потому, что взаимное тяготѣніе дѣтей обнаружилось слишкомъ рано, такъ что предусмотрительные люди имѣли основаніе опасаться, чтобы такая ранняя любовь не помѣшала молодому человѣку учиться, окончить курсъ и стать на хорошую дорогу.

Опасенія, и понятныя, и умѣстныя, на этотъ разъ, какъ рѣдкое, быть можетъ, исключеніе, оказались излишними. Любовь Іосафа Платоновича Висленева къ Александрѣ Ивановнѣ Гриневичъ не помѣшала ему ни окончить съ золотою медалью курсъ въ гимназіи, ни выдти однимъ изъ первыхъ кандидатовъ изъ университета. Пока молодой Висленевъ былъ въ гимназіи, а Александра Ивановна ходила въ пансіонъ, родители не препятствовали ихъ юной привязанности. Когда Висленевъ уѣхалъ въ университетъ, между нимъ и Сашей Гриневичъ, оставившей въ это время пансіонскіе уроки, установилась правильная переписка, которой никто изъ родителей не заботился ни пріостанавливать, ни провѣрять. Все это за обычай стало дѣломъ, имѣющимъ правильное теченіе, которое, какъ всѣ вѣрили, должно завершиться вѣнцомъ.

Родители Сашеньки имѣли про черный день состояньице, правда, очень небольшое, но во всякомъ случаѣ обезпечивавшее ихъ дочери безбѣдное существованіе. Такимъ образомъ Сашенька, которая была недурна собой, очень способна, училась хорошо, нравъ имѣла веселый и кроткій,

чѣмъ она не невѣста? Іосафъ Висленевъ молодецъ собой, имѣлъ домъ, университетское образованіе: стало быть, чѣмъ же онъ не женихъ? Матери очень многихъ дѣвицъ, поставленныхъ гораздо лучше, чѣмъ дочь доктора Гриневича, и гораздо положительнѣе ея обезпеченныхъ, не пренебрегли бы такимъ женихомъ, какъ Висленевъ, а Сашенькѣ Гриневичъ партія съ Висленевымъ, по всеобщему приговору, была просто кладъ, за который эта дѣвушка должна была держаться крѣпче.

По общимъ замѣчаніямъ, Сашенька понимала свою пользу и держалась, за что ей слѣдовало держаться, превосходно. Говорили, что надо было дивиться ея такту и уму, твердымъ и разсчетливымъ даже не по лѣтамъ. Съ Іосафомъ Платоновичемъ она не всегда была ровна, и даже подчасъ для самаго ненаблюдательнаго взгляда было замѣтно, что между ними пробѣгали легкія тѣни.

— Наши дѣти дуются, говорили другъ другу ихъ матушки, бывшія между собою друзьями.

Дѣти дулись, но ихъ никто не мирилъ и никто не уговаривалъ; за ними, однако, наблюдали со вниманіемъ, и очень радовались, когда ссора прекращалась и между ними возстанавливалась дружба и согласіе, а это случалось всегда немедленно послѣ того, какъ Іосафъ Висленевъ, переломивъ свою гордость и изыскавъ удобную минуту уединеннаго свиданія съ Сашей, просилъ у нея прощенія.

Въ чемъ заключались тѣ вины Іосафа Висленева, которыя Александра Ивановна разрѣшала и отпускала ему не иначе какъ послѣ покаянія? Это оставалось тайной, этого никто изъ родныхъ и домашнихъ не зналъ, да и не усиливался проникнуть. Однажды лишь одной досужей сосѣдкѣ вдовы Висленевой удалось подслушать, какъ Саша журила Іосафа Платоновича за его опыты въ стихотворствѣ. Это многихъ возмутило и показалось капризомъ со стороны Саши, но Іосафъ Платоновичъ самъ сознался матери, что онъ писалъ въ стихахъ ужасный вздоръ, который, однако,

отразился вредно на его учебныхъ занятіяхъ въ классѣ, и что онъ даже очень благодаренъ Сашѣ за то, что она вернула его къ настоящему дѣлу.

Это разъ навсегда примирило мать Висленева съ тѣнями въ отношеніяхъ Саши къ Іосафу Платоновичу, и вдова не преминула, кому только могла, разсказать о Сашенькиной солидности.

Солидности этой, однако, не всѣми была дана одинаковая оцѣнка, и многіе построили на ней заключенія невыгодныя для характера молодой дѣвушки. Нѣкоторыя молодыя дамы, напримѣръ, называли это излишнею практичностью и жесткостью: по ихъ мнѣнію, Саша, имѣй она душу живую и воспріимчивую, какую предполагаетъ въ себѣ каждая провинціальная дама, не убивала бы поэтическіе порывы юноши, а поддержала бы ихъ: женщина должна вдохновлять, а не убивать вдохновеніе.

Вдова Висленева не внимала этимъ рѣчамъ, ей не легко было содержать сына въ школѣ и потому она страшно боялась всего, что угрожало его успѣхамъ, и осталась на сторонѣ Саши, которою такимъ образомъ была одержана первая солидная побѣда надъ всѣми желавшими соперничать съ нею въ семьѣ жениха.

Старыя дамы глядѣли на дѣло съ другой стороны, и, прозирая вдаль, предсказывали утвердительно одно, что Саша раньше времени беретъ Іосафа Платоновича подъ башмакъ и отнынѣ будетъ держать цѣлую жизнь подъ башмакомъ.

Мать Висленева явила столько характера, что не смущалась и такими предсказаніями и, махая рукой, отвѣчала, что «Улита ѣдетъ, а когда-то будетъ!»

Мать Александры Ивановны, въ свою очередь, пробовала допрашивать дочь, за что она порой недовольна на Висленева; но Саша обыкновенно кротко отвѣчала:

— Такъ, за пустяки, maman!

— Такъ за пустяки, мой другъ, зачѣмъ же сердиться? Споры во всякомъ случаѣ не красятъ жизнь, а темнятъ ее.

— Ну, мамочка, повѣрьте мнѣ, что я не хочу же, чтобъ его жизнь мрачилась, а, напротивъ, желаю ему счастія и...

Дѣвушка потупилась и замолчала.

— И что, Alexandrine? допросила ее мать, положивъ на колѣни свое шитье и вскинувъ на лобъ черепаховыя очки.

— И я, maman, сама стыжусь безпрестанныхъ размолвокъ и страдаю отъ нихъ больше чѣмъ онъ. Вѣрьте, что я тысячу разъ сама охотнѣе просила бы у него извиненія... я сдѣлала бы все, чего бы онъ только захотѣлъ, если бъ я... была виновата!

— Предъ нимъ?

— Нѣтъ, maman, не предъ нимъ... этого я даже не допускаю, но предъ правдой, предъ долгомъ, предъ его матерью, которой онъ такъ обязанъ. Повѣрь, maman, что все, что въ этомъ отношеніи въ немъ для другихъ мелко и ничтожно, то... для меня ужасно видѣть въ немъ. Онъ... проговорила Саша и снова замялась.

Старая Гриневичъ посмотрѣла на дочь пристальнымъ взглядомъ и тихо поманила ее къ себѣ.

Дѣвушка опустилась колѣнами на скамейку, стоявшую у ногъ матери и, взявъ ея руки, поцѣловала ихъ.

Старуха откинула набѣжавшія на лобъ дочери каштановыя кудри и вперила пристальный взглядъ въ ея большіе глаза.

— Скажи мнѣ, что онъ дѣлаетъ, мой другъ? прошептала мать.

— Мама, дружокъ мой, не спрашивай меня объ этомъ, это, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ все пустяки, которые я преувеличиваю; но ихъ... какъ тебѣ, мама, выразить, не знаю. Онъ хочетъ любить то, чего любить не можетъ, онъ вѣритъ тѣмъ, кому не довѣряетъ; онъ слушается всѣхъ и никого... Родная! прости мнѣ, что я тебя встревожила, и забудь о моей болтовнѣ.

Когда пріѣзжалъ на каникулы Іосафъ Висленевъ изъ университета, онъ и Саша встрѣчались другъ съ другомъ

каждый разъ чрезвычайно тепло и нѣжно, но въ то же время было замѣчено, что съ каждою побывкою Висленева домой радость свиданія съ Сашей охладѣвала. Тѣней и прежнихъ полудѣтскихъ ссоръ теперь, правда, не было, но за то ихъ въ молодой дѣвушкѣ замѣнили сдержанность и самообладаніе и въ рѣчи, и въ пріемахъ. Впрочемъ, было ясно, что это была только сдержанность, а не измѣна въ чувствахъ. Опытный и зоркій взглядъ, наблюдая молодыхъ людей, могъ замѣтить, что они любили другъ друга попрежнему, а Саша еще и больше прежняго. Чѣмъ дальше Висленевъ уклонялся отъ ея идеала, тѣмъ сильнѣе овладѣвалъ ея сердцемъ, ея волею и ея помыслами. Такъ любятъ въ жизни разъ, далеко предъ тою порой, когда любовь послушна разуму.

Любовь, самая чистая, самая преданная, сказывалась у Саши вниманіемъ ко всѣмъ вѣстямъ, касавшимся Висленева, выливалась въ пространнѣйшихъ письмахъ, которыя она ему писала аккуратно каждую недѣлю.

Но вотъ прекратились и письма. Отчего и какъ? Это опять оставалось ихъ же секретомъ, но корреспонденція прекратилась, и на лбу у Саши между бровями стала набѣгать тонкая морщинка.

Такъ стояли дѣла въ послѣдній годъ пребыванія Висленева въ университетѣ, когда Сашѣ Гриневичъ только что минуло восемнадцать лѣтъ, а ему исполнилось двадцать четыре года. Окончательно же Висленевъ потерялъ свою невѣсту слѣдующимъ образомъ.

Пріѣхалъ Висленевъ домой, опредѣлился на службу въ губернскую канцелярію; служитъ, сводитъ знакомства. Саша выѣзжаетъ мало, однако и не избѣгаетъ выѣздовъ, показывается съ другими на губернскихъ вечерахъ, раутахъ; и весела она, и спокойна, и не отказывается отъ танцевъ. Съ Висленевымъ холодна. Въ городѣ рѣшили, что дѣло между ними кончено. Разныя лица, то самой Сашѣ, то ея родителямъ начали дѣлать предложенія. Сначала ея руки искалъ генералъ Синтянинъ, если не очень важное, то

очень вліятельное лицо въ районѣ губерніи, вдовецъ, съ небольшимъ пятидесяти лѣтъ, имѣющій хорошее содержаніе и двухлѣтнюю глухонѣмую дочь. Предложеніе генерала было отклонено, чему, впрочемъ, никто и не удивился, потому что хотя Синтянинъ еще бодръ, и свѣжъ, и даже ловокъ настолько, что не боялся соперничества молодыхъ людей въ танцахъ, но про него шла ужасная слава. Помнили, что когда онъ, десять лѣтъ тому назадъ, пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ первомъ штабъ-офицерскомъ чинѣ, онъ привезъ съ собою экономку Эльвиру Карловну, чрезвычайно кроткую петербургскую нѣмку. Эльвира Карловна не была принята нигдѣ во всѣ годы, которые она провела въ должности экономки у генерала. Красотою ея, хотя и довольно стереотипною по безпредѣльной кротости выраженія, можно было любоваться только случайно, когда она, глядя въ окно, смаргивала съ глазъ набѣгавшія на нихъ слезы, или когда изъ-за оконной ширмы видно было ея вздрагивающее плечо. Она была всегда если не въ слезахъ, то въ страхѣ,—такъ ее всѣ себѣ и представляли, и связывали это представленіе съ характеромъ генерала Синтянина. А какой это былъ характеръ, про то Богъ одинъ вѣдалъ, хотя по наружности и пріемамъ генералъ былъ человѣкъ очень мягкій, даже черезчуръ мягкій. Для женщинъ Синтянинъ былъ особенно антипатиченъ, потому что онъ на словахъ былъ неумытно строгъ къ нравамъ: трактовалъ женщинъ несовершеннолѣтними, требующими всегдашней опеки, и цинически говорилъ, что «любитъ видѣть, какъ женщина плачетъ». Ко всему же этому у генерала Синтянина, человѣка очень стройнаго и высокаго роста, при правильномъ и блѣдномъ матовомъ лицѣ и при очень красиво-павшихъ сѣдинахъ, были ужасные, леденящіе глаза, неопредѣленнаго, темно-сѣраго цвѣта, безъ малѣйшаго отблеска. Такой цвѣтъ имѣетъ пухъ подъ крыльями совъ. Свыкнуться съ этими глазами было невозможно.

Но и этого мало: генералъ Синтянинъ нашелъ еще средство возстановить противъ себя всѣхъ женщинъ города

однимъ поступкомъ, котораго неловкость даже самъ сознавалъ и для объясненія котораго снизошелъ до того, что предпослалъ ему нѣкоторыя оправданія, несмотря на небреженіе свое къ общественному мнѣнію.

Дѣло въ томъ, что у Эльвиры Карловны, въ то время, когда она пріѣхала съ Синтяниным изъ Петербурга, была десятилѣтняя дочь, Флора, отъ законнаго брака Эльвиры Карловны съ бѣднымъ ювелирнымъ подмастерьемъ изъ нѣмцевъ, покинутымъ женою въ Петербургѣ, неизвѣстно за что и почему! (Конечно, «не сошлись характерами»). Когда дѣвочкѣ минуло одиннадцать лѣтъ, ее стали посылать въ пансіонъ. Генералъ въ качествѣ «благодѣтеля» вносилъ за нее деньги, а черезъ семь лѣтъ неожиданно вздумалъ завершить свои благодѣянія, сдѣлавъ ее своею законною женой «предъ лицомъ неба и людей». Таково было его собственное выраженіе.

Пустыхъ и вздорныхъ людей этотъ бракъ генерала тѣшилъ, а умныхъ и честныхъ, безъ которыхъ, по писанію, не стоитъ ни одинъ городъ, этотъ союзъ возмутилъ; но генералъ сумѣлъ смягчить непріятное впечатлѣніе своего поступка, объявивъ тамъ и сямъ подъ рукой, что онъ женился на Флорѣ единственно для того, чтобы, въ случаѣ своей смерти, закрѣпить за нею и за ея матерью право на казенную пенсію, безъ чего онѣ могли бы умереть съ голоду.

Объясненіе это произвело свое впечатлѣніе и даже пріобрѣло генералу въ губернскомъ обществѣ ретивыхъ защитниковъ, находившихъ бракъ его дѣломъ очень благороднымъ и предусмотрительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная по состоянію, безвѣстная по происхожденію, запуганная Флора едва ли бы могла сдѣлать себѣ партію выше генеральскаго писаря.

Большинство общества рѣшило, что Флорѣ все-таки гораздо лучше быть генеральшею, чѣмъ писаршей, и большинство этимъ удовольствовалось, а меньшинство, содержащее необходимую для стоянія города «праведность трехъ», только покивало головами и пріумолкло.

Дѣло во всякомъ случаѣ совершено, и никто на былъ властенъ въ немъ ничего ни поправлять, ни перерѣшать. Домъ генерала всегда былъ запертъ для всѣхъ. Далѣе генеральскаго кабинета, куда къ нему являлись разные люди по дѣламъ, въ дальнѣйшіе его апартаменты не проникалъ никто. Съ женитьбой генерала ничто не перемѣнилось. Синтянинъ и вѣнчался съ Флорой тихо, безъ всякой помпы, въ походной церкви перехожаго армейскаго полка; визитовъ съ женой никому не дѣлалъ, и ни жена его, ни теща попрежнему не показывались нигдѣ, кромѣ скромной приходской церкви. Онѣ обѣ перемѣнили лютеранство на православіе и были чрезвычайно богомольны, а можетъ быть даже и религіозны. Пелены, занавѣсы, орари и воздухи приходской церкви — все это было сдѣлано ихъ руками, и приходское духовенство считало Флору и ея мать ревностнѣйшими прихожанками.

Такъ прошло десять лѣтъ. Городъ привыкъ видѣть и не видать скромныхъ представительницъ генеральскаго семейства, и празднымъ людямъ оставалось одно удовольствіе рѣшать: въ какихъ отношеніяхъ находятся при генералѣ мать и дочь, и нѣтъ ли между ними соперничества? Соперничества между ними очевидно, не было, и онѣ были очень дружны. Къ концу десятаго года замужества Флорѣ, или по нынѣшнему Аннѣ Ивановнѣ, Богъ далъ глухонѣмую дочку, которую назвали Вѣрой.

Эльвиры Карловны скоро не стало. Густой, черный вуаль Флоры, никогда не открывавшійся на улицѣ и часто спущенный даже въ темномъ углу церкви, былъ поднятъ, когда она стояла посреди храма у изголовья гроба своей матери. На бѣдную Флору смотрѣли жадно и со вниманіемъ, и она, доселѣ по общему признанію считавшаяся некрасивою, къ удивленію, не только никому отнюдь не казалась дурною, но, напротивъ, кроткое, блѣдное, съ легкимъ золотистымъ подцвѣтомъ лицо ея, и ея черные, глубокіе глаза, направленные на одну точку открытыхъ вратъ алтаря, были найдены даже прекрасными.

Старый священникъ, отецъ Гермогенъ, духовникъ усопшей Эльвиры Карловны, духовникъ и Флоры, когда ему замѣтили, что послѣдняя такъ неожиданно похорошѣла, отвѣчалъ: «не такъ вы выражаетесь, она просіяла».

Флора не плакала и не убивалась при материномъ гробѣ, и поцѣловала лобъ и руку покойницы съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто здѣсь вовсе и не шло дѣло о разлукѣ. Да оно и въ самомъ дѣлѣ не имѣло для Флоры значенія разлуки: онѣ съ матерью шли другъ за другомъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ Эльвиры Карловны въ той же церкви отпѣвали Флору. Быстрая, хотя и очень спокойная кончина ея дала поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ, еще болѣе увеличивавшимъ общій страхъ къ характеру генерала Синтянина. Какъ ни замкнутъ былъ для всѣхъ домъ Синтянина, но все-таки изъ него дошли слухи, что генералъ, узнавъ, по чьему-то доносу, что у одного изъ писарей его канцеляріи, мараковавшаго живописью, есть поясной портретъ Флоры, сдѣланный съ большимъ сходствомъ и искусствомъ, потребовалъ этотъ портретъ къ себѣ, долго на него смотрѣлъ, а потомъ тихо и спокойно выкололъ на немъ письменными ножницами глаза и поставилъ его на каминѣ въ комнатѣ своей жены. Что же касается до самого художника, то онъ былъ отчисленъ отъ канцеляріи генерала и отданъ въ другую команду, въ чьи-то суровыя руки; несчастный не вынесъ тяжкой жизни, зачахъ и умеръ. Предъ кончиною онъ не хотѣлъ причащаться изъ рукъ госпитальнаго священника, а просилъ призвать къ нему всегдашняго духовника его, отца Гермогена; исповѣдался ему, причастился и умеръ такъ спокойно, какъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ врачей, умѣютъ умирать одни русскіе люди. Черезъ недѣлю этому же отцу Гермогену исповѣдала грѣхи свои и отходившая Флора, а двое сутокъ позже, тотъ же отецъ Гермогенъ, выйдя къ аналою, чтобы сказать надгробное слово Флорѣ, взглянулъ въ тихое лицо покойницы, вздрогнулъ, и, быстро устремивъ взоръ и руки къ стоявшему у изголовья гроба генералу, съ нѣмымъ ужасомъ на лицѣ вос-

кликнулъ: «Отче благій: она молитъ Тебя: молитвъ ея ради ими же вѣси путями спаси его!» и больше онъ не могъ сказать ничего, заплакалъ, замахалъ руками и сталъ совершать отпѣваніе.

Генералъ Синтянинъ овдовѣлъ и остался жить одинъ съ глухонѣмою дочкой;—ему показалось очень скучно; онъ нашелъ, что для него не поздно еще одинъ разъ жениться, и сдѣлалъ предложеніе Александрѣ Ивановнѣ Гриневичъ. Та, какъ выше сказано, предложеніе это отклонила, и генералъ болѣе за нее не сватался; но въ это же время отецъ Саши, старый инспекторъ Гриневичъ, ни сѣло ни пало, получилъ безъ всякой просьбы чистую отставку. Въ городѣ проговорили, что это не безъ Синтянинской руки, но какъ затѣмъ доктору Гриневичу, неповинному ни въ чемъ, кромѣ мелкихъ взятокъ по должности (что не считалось тогда ни грѣхомъ, ни покоромъ), опасаться за себя не приходилось, то ему и на мысль не вспадало робѣть предъ Синтянинымъ, а тѣмъ болѣе жертвовать для его прихоти счастіемъ дочери. Объ этомъ и рѣчи не было въ семейныхъ совѣтахъ Гриневичей. Они только сократили свои расходы, и продолжали жить тихо и смирно на свои очень умѣренныя средства. Люди ихъ, однако, не позабывали, и женихи къ Alexandrine сватались и бѣдные, и богатые, и не знатные, и для губернскаго города довольно знатные, но Сашенька всѣмъ имъ отказъ и отказъ. Благодаритъ и отвѣчаетъ, что она замужъ не хочетъ, что ей весело съ отцомъ и съ матерью. Ее, наконецъ, и оставили въ покоѣ. Прошелъ другой годъ, какъ уже Висленевъ служилъ, и вдругъ разражается надъ нимъ туча: его арестовываютъ и увозятъ; старуха мать его, въ страшномъ отчаяніи, спѣшитъ въ Петербургъ, ходитъ тамъ, хлопочетъ, обиваетъ пороги, и все безуспѣшно. «Іосафу спасенья нѣтъ», пишетъ она родной сестрѣ, майоршѣ, Катеринѣ Астафьевнѣ Форовой. Вѣсть эта, разумѣется, содержится въ секретѣ, но, однако, Катерина Астафьевна не таитъ ее отъ Гриневичей, потому что это все равно, что одна семья.

Старикъ Гриневичъ, врачъ стараго закала, лѣчившій людей бузиной да ромашкой, и то перекрестясь, и писавшій вверху рецептовъ: «cum Deo», развѣдавъ, въ чемъ заключается вина Іосафа Платоновича, и узнавъ, что съ нимъ и по его винѣ обречены къ страданіямъ многіе, поморщился и сказалъ дочери:

— Ну, знаешь, Саша, воля твоя, я хотя Висленевымъ старый другъ и очень жалѣю Іосафа Платоновича, но хотѣлось бы мнѣ умереть съ увѣренностью, что ты за него замужъ не пойдешь.

— Ваша воля, папа, будетъ исполнена, спокойно отвѣчала Саша.

Старикъ даже подскочилъ на мѣстѣ: онъ считалъ свою дочь очень доброю, благоразумною, но такого покорнаго отвѣта, такого спокойнаго согласія не ожидалъ отъ нея.

— Я тебя, Саша, совсѣмъ не стѣсняю и не заклинаю... Нѣтъ, нѣтъ! Спаси меня отъ этого Боже! продолжалъ онъ, крестясь и поднимая на лобъ очки, — покидать человѣка въ несчастіи недостойно. И пожелай ты за него выйти, я, скрѣпя сердце, дамъ согласіе. Можетъ быть, даже сами со старухою пойдемъ за тобой, если не отгонишь, но...

— Да полно тебѣ, Иванъ Петровичъ, на старости лѣть романическія слова говорить! остановила его жена.

— Нѣтъ, постой, продолжалъ докторъ.—Это не романъ, а дѣло серьезное. Но если, другъ мой Сашенька, взвѣсить, какъ ужасно предъ совѣстью и предъ честными людьми это ребячье легкомысліе, которое ничѣмъ нельзя оправдать и отъ котораго теперь плачутъ столько матерей и томятся столько юношей, то...

— Я понимаю, папа, что это грѣхъ и преступленіе.

— И хорошо еще, если онъ глубоко, искренно вѣрилъ тому, что гибель тѣхъ, кого губилъ онъ, нужна, а если же къ тому онъ искренно не вѣрилъ въ то, что дѣлалъ... Нѣтъ, нѣтъ! не дай мнѣ видѣть тебя за нимъ, вскричалъ онъ, вскочивъ и дѣлая шагъ назадъ.—Нѣтъ, я отрекусь отъ тебя, и если Богъ покинетъ меня силою терпѣнья, то... я вѣдь

еще про всякій случай врачъ и своею собственною рукой выпишу pro me acidum borussicum.

Старикъ закрылъ одною рукой глаза, а другою затрясъ въ воздухѣ, какъ будто отгоняя отъ себя страшное видѣніе, и отвернулся.

Саша приблизилась къ отцу, отвела тихо его руку отъ глазъ, прижала его голову къ своей груди и, поцѣловавъ отца въ лобъ, тихо шепнула ему:

— Успокойся, успокойся, мой добрый папа. Чего ты не хочешь, того не будетъ.

Саша въ обыкновенномъ, спокойномъ, житейскомъ разговорѣ съ отцомъ и съ матерью всегда говорила имъ *вы*; но когда заходила рѣчь отъ сердца, она безнамѣренно устраняла это *вы* и говорила отцу и матери дружеское *ты*.

— Нѣтъ, заговорилъ опять, успокоившись, старикъ, — ты какъ слѣдуетъ пойми меня, дитя мое. Я вѣдь отнюдь не упрашиваю тебя сдѣлаться эгоисткой! Напротивъ, я заповѣдываю тебѣ, жертвуй собой, дитя мое, жертвуй собой на пользу ближняго и не возносись своею чистотой. Правому нечего гордиться предъ неправыми, ибо неправый можетъ исправиться, ибо въ живой душѣ всегда возможно обновленіе. Неодолимымъ страстямъ есть извѣстное оправданіе въ ихъ силѣ и неодолимости; но съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ... вовсе этого... какъ бы это тебѣ назвать... съ человѣкомъ...

— Безнатурнымъ, ты хочешь сказать?

— Да; вотъ именно ты это прекрасно выразила, съ безнатурнымъ человѣкомъ только измаешься и наконецъ сдѣлаешься тѣмъ, чѣмъ никогда не хотѣла бы сдѣлаться.

Весь слѣдующій день Саша провела въ молитвѣ тревожной и жаркой: она не умѣла молиться тихо и въ спокойствіи; а на другой, на третій, на четвертый день она много ходила, гуляла, думала, и наконецъ въ сумерки пятаго дня вошла въ залу, гдѣ сидѣлъ ея отецъ, и сказала ему:

— Нѣтъ, знаешь что, папа, изъ всѣхъ твоихъ совѣтовъ я способна принять только одинъ.

— Скажи какой, дитя мое?

— Лучше сдѣлать что-нибудь съ разсчетомъ и упованіемъ на свои силы, чѣмъ браться за непосильную ношу, которую придется бросить на половинѣ пути. Я положила себѣ предѣлъ самый малый: я пойду замужъ за человѣка благонадежнаго, обезпеченнаго, который не потребуетъ отъ меня ни жертвъ, ни пылкой любви, къ которой я неспособна.

Старикъ щелкнулъ пальцемъ по табакеркѣ, потянулъ носомъ большую понюшку и, обмахнувшись энергически платкомъ, взглянулъ на дочь и спросилъ:

— Ты, Александра, это шутишь? За кого это ты собираешься?

— Папа, я иду за генерала.

Старый Гриневичъ взглянулъ на дочь и тихо шепнулъ.

— Полно, Саша, шутить! перекрестилъ ее и пошелъ въ свой маленькій кабинетикъ.

Онъ былъ увѣренъ, что весь этотъ разговоръ веденъ его дочерью просто ради шутки; но это была съ его стороны большая ошибка, которая и обнаружилась на другой же день, когда старикъ и старуха Гриневичи сидѣли вмѣстѣ послѣ обѣда въ садовой бесѣдкѣ, и къ нимъ совершенно неожиданно подошла дочь вмѣстѣ съ генераломъ Синтянинымъ и попросила благословенія на бракъ.

— Да-съ, вы насъ благословите-съ! прибавилъ тихимъ, но металлическимъ голосомъ генералъ и, немного сморщась, согнулъ свои ноги и опустился рядомъ съ Сашей на колѣни.

Старики растерялись и тутъ же благословили.

Объясненія, которыя послѣ этого послѣдовали у нихъ наединѣ съ дочерью, были по обычаю очень кратки и не выяснили ничего кромѣ того, что Сашѣ бракъ съ Синтянинымъ приходился болѣе всего по мыслямъ и по сердцу. Говорить болѣе было не о чемъ, и дочь Гриневича была обвѣнчана съ генераломъ.

По поводу этой свадьбы пошли самые разнообразные

толки. Поступокъ молодой генеральши объясняли алчностью къ деньгамъ и низостью ея характера, и за то предсказывали ей скорую смерть, какъ одной изъ женъ Рауля Синей Бороды; но объясненія остаются и доселѣ въ области догадокъ, а предсказанія не сбылись.

Теперь уже прошло восемь лѣтъ со дня свадьбы, а Александра Ивановна Синтянина жива и здорова, и даже отнюдь не смотритъ надгробною статуей, съ которой сравнивали Флору. Александра Ивановна, напротивъ, и полна, и очень авантажна, и всегда находитъ въ себѣ силу быть въ мѣру веселою и разговорчивою.

Въ чемъ заключается этотъ секретъ полнѣть и не распадаться въ несчастіи? (А что Александра Ивановна была несчастлива, въ томъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Это было признано всѣми единогласно).

— Она безчувственная деревяжка, говорили одни, думая все разрѣшить этимъ приговоромъ.

— Она суетна, мелка и фальшива; для нея совершенно довольно того, что она теперь генеральша, утверждали другіе.

— Да; но отчего же она не шла за Синтянина, когда онъ прежде просилъ ея руки? ставили вопросъ скептики для поддержанія разговора.

— О, это такъ просто: ей тогда нравился Висленевъ, а когда бѣдный Жозефъ попалъ въ бѣду, она предпочла любви выгодный бракъ. Дѣло простое и понятное.

— Совершенно! Два заключенія здѣсь невозможны.

Что она не любила Висленева или очень мало любила, это вполнѣ доказывается тѣмъ, что даже внезапное извѣстіе объ освобожденіи его и его товарищей съ удаленіемъ на время въ отдаленныя губерніи вмѣсто Сибири, которую имъ пророчили, Синтянина приняла съ деревяннымъ спокойствіемъ какъ-будто какую нибудь самую обыкновенную вѣсть. Она даже вѣнчалась именно въ тотъ самый день, когда отъ Висленева получилось письмо, что онъ на свободѣ, и вѣнчалась (какъ говорятъ), имѣя при себѣ это письмо въ носо-

вомъ платкѣ. Ея безчувственность, впрочемъ, едва ли и потомъ нуждалась въ какихъ-нибудь подтвержденіяхъ, такъ какъ вскорѣ стало извѣстно, что когда ей однажды, по порученію старой Висленевой, своякъ послѣдней, отставной майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ, прочелъ вслухъ письмо, гдѣ мать несчастнаго Іосафа горько укоряла измѣнницу и называла ее «змѣею предательницей», то молодая генеральша выслушала все это спокойно, и по окончаніи письма сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, не хотите ли закусить?

Добрыя и искреннія чувства въ молодой генеральшѣ не допускались, хотя лично она никому никакого зла не сдѣлала, и съ первыхъ же дней своего брака не только со вниманіемъ, но и съ любовью занималась своею глухо-нѣмою падчерицей,—дочерью умершей Флоры;—но это ей не вмѣнялось въ заслугу, точно всякая другая на ея мѣстѣ сдѣлала бы несравненно больше. Говорили, что это для нея самой служитъ развлеченіемъ, такъ какъ двое собственныхъ ея дѣтей, которыхъ она имѣла въ первые годы замужества, умерли въ колыбельномъ возрастѣ. Отца и мать своихъ любила Синтянина, но вѣдь они же были и превосходные люди, которыхъ не за что было не любить; да и то, по отношенію къ нимъ, у нея, кажется, былъ на устахъ медокъ, а на сердцѣ ледокъ. По крайней мѣрѣ носились слухи, что будто, вскорѣ послѣ замужества Александры Ивановны, генералъ ея супругъ вызвался исходатайствовать ея отцу его прежнее служебное мѣсто, но генеральша будто даже отклоняла это, хотѣла погордиться на стариковскій счетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣчто въ этомъ родѣ было, но было вотъ какъ: Гриневичъ посовѣтовался съ дочерью, принять или не принять обязательное предложеніе?

Она спокойно отвѣчала отцу, что можно принять и не принять.

— То-то, кажется нѣтъ зазора принять! резонировалъ старикъ.

— Пожалуй, зазора нѣтъ, отвѣтила ему дочь.

— А не принять какъ-будто еще достойнѣе?

— А ужъ про это и говорить нечего.

— Такъ я самъ лучше поблагодарю и не приму?

— Сдѣлавши такъ, ты, папа, поступишь, какъ слѣдуетъ.

— Правда: вѣдь я, дитя мое, ужъ старъ.

— Конечно, тебѣ ужъ шестьдесятъ пять лѣтъ!

— Ну да, ужъ не до службы, а денегъ хоть и мало...

— Да не на что тебѣ ихъ больше, папа.

— Совершенная правда! ты пристроилась, а мы стары. Нѣтъ; да мимо меня идетъ чаша сія! рѣшилъ, махнувъ рукой, старый Гриневичъ и отказался отъ мѣста, сказавъ: что мѣста нужны молодымъ, которые могутъ быть на службѣ гораздо полезнѣе старика, а мнѣ де пора на покой; и черезъ годъ съ небольшимъ дѣйствительно получилъ покой въ безвѣстныхъ краяхъ и три аршина земли на городскомъ кладбищѣ, куда вслѣдъ за собою призвалъ вскорѣ и жену.

Генеральша осиротѣла.

Нива смерти зрѣетъ быстро. Вслѣдъ за Гриневичами умерла вскорѣ и старуха Висленева. Проживя съ годъ при сынѣ въ одномъ изъ отдаленныхъ городовъ и затѣмъ въ Петербургѣ, она вернулась домой съ окончившею курсъ красавицей дочерью, Ларисою, и не успѣла путемъ осмотрѣться на старомъ пепелищѣ въ своемъ флигелькѣ, какъ тоже скончалась.

Съ Александрой Ивановной старуха вначалѣ избѣгала встрѣчъ и сближенія, но въ послѣднее время своей жизни пламенѣла къ ней благоговѣйною любовью.

Этотъ всѣхъ удивившій переворотъ въ чувствахъ доживавшей свой вѣкъ Висленевой къ молодой генеральшѣ не имѣлъ иныхъ объясненій, кромѣ старушечьей прихоти и фантазіи, тѣмъ болѣе, что произошло это вдругъ и неожиданно.

Старуха въ тяжкой болѣзни однажды спала послѣ обѣда и позвонила. Въ комнатахъ никого не случилось, кромѣ Синтяниной, пришедшей навѣстить Ларису. Генеральша взошла на зовъ старушки и черезъ часъ ихъ застали обнявшихся и плачущихъ.

Съ этихъ поръ собственное имя Александры Ивановны не произносилось устами умиравшей старушки, а всякій разъ, когда она хотѣла увидать генеральшу, она говорила: «пошлите мнѣ мою праведницу».

Умирая, Висленева не только благословила Синтянину, ей же, ея дружбѣ и вниманію поручила и свою дочь, свою ненаглядную красавицу Ларису.

Всѣ знали, что эта дружба не доведетъ Ларису до добра, ибо около Синтяниной все фальшь и ложь.

Нынѣ, то есть въ тѣ дни, когда начинается нашъ разсказъ, Александрѣ Ивановнѣ Синтяниной отъ роду двадцать восемь лѣтъ, хотя, по привычкѣ ни въ чемъ не довѣрять ей, есть охотники утверждать, что генеральшѣ уже стукнуло тридцать, но она объ этомъ и сама не споритъ. Физическая жизнь ея въ полномъ расцвѣтѣ. Довольно замѣтная полнота стана генеральши нимало не портитъ ея высокой и стройной фигуры, напротивъ, эта полнота идетъ ей. Полныя руки ея съ розовыми ногтями достойны быть моделью ваятеля; шея бѣла какъ алебастръ и чрезвычайно красиво поставлена въ соотношеніи къ бюсту, служащему ей основаніемъ. Густые, свѣтлокаштановые волосы слегка волнуются, образуя на всей головѣ три-четыре волны. Положены они всегда очень просто, безъ особыхъ претензій. Все свѣжее лицо ея дышетъ здоровьемъ, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ ясное спокойствіе души. Она не блондинка, но всѣмъ кажется блондинкою: это тоже какой-то обманъ. Въ лицѣ ея есть постоянно нѣкоторая тѣнь ироніи, но ни одной черты, выражающей злобу. Походка ея плавна, всѣ движенія спокойны, тверды и рѣшительны.

Образъ жизни генеральши въ ея городской квартирѣ и въ загородномъ хуторѣ, гдѣ она проводитъ большую часть своихъ дней въ обществѣ глухо-нѣмой Вѣры, къ крайнему неудовольствію многихъ, почти совсѣмъ неизвѣстенъ.

Общество видитъ только нѣчто страшное въ этихъ безпрестанныхъ перекочевкахъ генеральши изъ городской квартиры на хуторъ и съ хутора назадъ въ городъ, и пола-

гаетъ, что тутъ что-нибудь да есть; но тутъ же само это общество считаетъ всѣ составляющіяся на счетъ Синтяниной соображенія апокрифическими.

Но чѣмъ же живетъ она, что занимаетъ ее и что даетъ ей эту неодолимую силу души, крѣпость тѣла и спокойную ясность полусокрытаго взора? Какъ и чѣмъ она произвела и производитъ укрощеніе своего строптиваго мужа, который по отношенію къ ней, повидимому, не смѣетъ помыслить о какомъ-либо деспотическомъ притязаніи?

Это долго занимало всѣхъ. Всѣ увѣрены, что здѣсь непремѣнно есть какая-нибудь исторія, даже очень важная и можетъ-быть страшная исторія. Но какъ ее проникнуть? Вотъ вопросъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вся впереди.

Во флигелѣ, построенномъ въ глубинѣ двора Висленевыхъ и выходящемъ одною стороной въ старый, густой садъ, оканчивающійся крутымъ обрывомъ надъ Окою, живетъ сама собственница дома, Лариса Платоновна Висленева, сестра знакомаго намъ Іосафа Платоновича Висленева, отъ котораго такъ отступнически отреклась Александра Ивановна. Флигель построенъ съ большимъ комфортомъ. По довольно высокому крылечку, равному высотѣ нижняго полуэтажа, вы входите въ свѣтлыя, но очень тѣсныя сѣни, въ которыхъ только что можно поворотиться. Отсюда дверь въ переднюю, тоже очень чистую, съ двумя окнами на дворъ; изъ передней налѣво большая комната съ двумя окнами въ одной стѣнѣ и съ итальянскимъ окномъ въ другой. Эта комната называется «Жозефовъ кабинетъ.» Несмотря на то, что Іосафъ Платоновичъ здѣсь давно не живетъ, комната его сохраняетъ обстановку кабинета человѣка хотя небогатаго, но и не бѣднаго. Мягкіе диваны кругомъ трехъ стѣнъ, два шкафа съ книгами; большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ кистями по угламъ, хоро-

шія шторы на окнахъ, тяжелые занавѣсы на дверяхъ. По стѣнамъ висятъ нѣсколько гравюръ и литографій, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ Ревекка съ овцами у колодца; Лаванъ, обыскивающій походный шатеръ Рахили, укравшей его боговъ, и пара замѣчательныхъ по своей красотѣ и статности лошадей въ англійскихъ сѣдлахъ; на одной сидитъ жокей, другая идетъ въ поводу, безъ сѣдока. Обѣ лошади въ своемъ родѣ совершенство: на нихъ нельзя не заглядѣться послѣ горбатыхъ верблюдовъ, дремлющихъ на библейскихъ картинахъ. Опѣненныя губы перваго коня показываютъ, что онъ грызетъ и сжимаетъ желѣзо удилъ, но идетъ мирно и тихо, потому что знаетъ власть и силу узды; но другой конь... О, ему опытъ еще незнакомъ. Но это сказочный конь, которому только нужно прикосновеніе руки сказочнаго же царевича, и вихорь-конь взовьется выше лѣса стоячаго.

Чтобы покончить описаніе кабинета отсутствующаго хозяина, должно еще упомянуть о двухъ вещахъ, помѣщающихся въ бѣлой кафельной нишѣ, на каминѣ: здѣсь стоитъ высокая чайная чашка, съ массивною позолотою и съ портретомъ гвардейскаго полковника, въ мундирѣ тридцатыхъ годовъ, и почернѣвшіе бронзовые часы со стрѣлкою, остановившеюся на пятидесяти шести минутахъ двѣнадцатаго часа.

На этой чашкѣ портретъ отца нынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Платона Висленева, а часовая стрѣлка стоитъ на моментѣ его смерти. Съ тѣхъ поръ часы эти не идутъ въ теченіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ.

Вторая комната небольшой залъ, съ окнами, выходящими въ садъ, и стеклянною дверью, ведущею на террасу, съ которой широкими ступенями сходятъ въ садъ. Убранство комнаты не зальное и не гостинное, а и то и другое вмѣстѣ. Здѣсь есть и мягкая мебель, и буковые стулья, и зеркало, и рояль, заваленная нотами. Изъ залы двери ведутъ въ столовую и въ спальню Ларисы. Спальня Ларисы тѣхъ же размѣровъ, какъ и кабинетъ ея брата. Здѣсь также два

окна въ одной стѣнѣ и одно широкое, тройное, «итальянское» окно въ другой. Всѣ эти окна выходятъ въ садъ: два справа затѣнены густою зеленью липъ, а надъ итальянскимъ окномъ, предъ которымъ расчищена, разбитая на клумбы площадка, повѣшена широкая бѣлая маркиза съ красными прошвами. Такимъ образомъ въ комнату открытъ доступъ аромату цвѣтовъ, и удалены палящіе лучи солнца, извлекающіе благоуханіе изъ резеды, левкоевъ и геліотроповъ. Мебель обита свѣтлымъ ситцемъ, которымъ драпированы и двери, и окна. Кровать замѣнена диваномъ съ подъемною подушкой, предъ диваномъ у изголовья небольшой круглый столикъ, въ сторонѣ двѣ этажерки съ книгами.

Описавъ домъ, познакомимъ читателей съ его одинокою жилицей.

Разсказъ этотъ будетъ коротокъ, потому что и вся жизнь Ларисы еще впереди.

Она окончила институтскій курсъ семнадцати лѣтъ и по выходѣ изъ заведенія жила съ матерью и братомъ въ Петербургѣ. Перечитала гибель книгъ, перевидала массы самыхъ разнообразныхъ лицъ и не вошла ни въ какія исключительныя отношенія ни съ кѣмъ.

По смерти матери, она опять было уѣхала въ Петербургъ къ брату, но черезъ мѣсяцъ стала собираться назадъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ брата не видала.

Прибывъ домой, она появилась первой Александрѣ Ивановнѣ Синтяниной и объявила ей, что жизнь брата ей не понравилась, и что она рѣшилась жить у себя въ домѣ одна. Другое лицо, которое увидало Ларису въ первый же часъ ея пріѣзда, была тетка ея, родная сестра ея матери, Катерина Астафьевна Форова, имя которой было уже упомянуто. Катерина Астафьевна, женщина лѣтъ сорока пяти, полная, нервная, порывистая, очень добрая, но горячая и прямая необыкновенно. Узнавъ о внезапномъ возвращеніи племянницы изъ Петербурга, она влетѣла какъ бомба въ

комнату, гдѣ сидѣла Лариса, кинулась на шею дрожа и всхлипывая, и наконецъ совсѣмъ разрыдалась. Лариса поцѣловала у тетки руку и съ той же минуты не то полюбила ее, не то привязалась къ ней. Сойдясь близко съ теткой, она сошлась и съ мужемъ ея, пятидесятилѣтнимъ майоромъ изъ военныхъ академистовъ. Майоръ Форовъ, Филетеръ Ивановичъ, толстоватый, полусѣдой, здоровый и очень добрый человѣкъ, ведущій въ отставкѣ самую оригинальную жизнь.

Майоръ Форовъ и самъ очень легко сблизился съ Ларисой и посѣщалъ ее ежедневно. У нихъ были общія точки прикосновенія, и Филетеръ Ивановичъ очень нравился жениной племянницѣ. Впрочемъ, Форовъ нравился всѣмъ, не исключая и тѣхъ, кто его не любилъ. Онъ нравился за свои энциклопедическія познанія, и за характеръ, который самъ называлъ «примитивнымъ». Александра Ивановна употребила всѣ усилія сойтись съ Ларисой какъ можно ближе и дружественнѣе и, кажется, достигла этого, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Онѣ видѣлись другъ съ другомъ ежедневно, когда Синтянина была въ городѣ, а не на хуторѣ: и несмотря на неравенство ихъ лѣтъ (гдѣ играла роль цифра 10), были другъ съ другомъ на ты. Чего же больше? Любили ли онѣ одна другую?

Да, Синтянина любила Ларису горячо и искренно.

Лариса высока и очень стройна. Легкая фигура ея имѣетъ свою особенность, и особенность эта заключается именно въ томъ, что у нея не только была *фигура*, но у нея была *линія;* видя ее разъ, ее можно было нарисовать всю одною чертою отъ шляпки до шлейфа. Ея красивая голова кажется, однако, нѣсколько велика, отъ цѣлаго моря черныхъ волосъ. У ней небольшое, продолговатое лицо съ тонкимъ носомъ, слегка подвижными и немного вздутыми ноздрями. При ея привычкѣ меньше говорить и больше слушать, пунцовыя губки ея, влажныя, но безъ блеска, всегда, въ самомъ спокойствіи своемъ, готовы какъ-будто къ шопоту. Можно думать, что она отвѣчаетъ и возражаетъ на все, но только

не удостоивая никого сообщеніемъ этихъ возраженій. Она, какъ сказано, брюнетка, жгучая брюнетка. Въ ней мало русскаго, но она и не итальянка, и не испанка, а тѣмъ меньше гречанка, но южнаго въ ней бездна. У нея совершенно особый типъ,—нѣсколько напоминающій что-то еврейское, но непохожее ни на одну еврейку. Еврейскимъ въ ней отдаетъ ея внутренній огонь и сила. Цвѣтъ лица ея блѣдный, но горячо-блѣдный, матовый; глаза большіе, черные, свѣтящіеся электрическимъ блескомъ откуда-то изъ глубины, отчего вся она кажется фарфоровою лампой, освѣщенною жаркимъ внутреннимъ свѣтомъ. Всякое ея движеніе спокойно и даже лѣниво, хотя и въ этой лѣни видимо разлита спящая, но и во снѣ своемъ рдѣющая, неутомимая нѣга. По виду она всегда спокойна; но покой ея видимо полонъ тревоги. Она совсѣмъ не кокетка, она вѣжлива и наблюдательна, и въ ея наблюдательности кроется для нея источникъ ожесточающихъ раздраженій. Она ребенокъ по опытности, и сама ничѣмъ не участвовала въ жизни, но, судя по выраженію ея лица, она всего коснулась въ тишинѣ своего долгаго безмолвія; она отвѣдала горькихъ лѣкарствъ, самою ею составленныхъ для себя по разнымъ рецептамъ, и всѣ эти питья ей не по вкусу. Ее интересуютъ только предѣлы вещей и крайнія положенія. Ей хочется собрать и совмѣстить, какъ въ фокусѣ стекла, то, что вмѣстѣ не собирается и несовмѣстимо.

Настоящее у Ларисы такое: недѣлю тому назадъ нѣкто Подозеровъ, небогатый изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, служащій по земству, сдѣлалъ ей предложеніе. Онъ былъ давній ея знакомый; она знала, что онъ любитъ ее...

Лариса, выслушавъ Подозерова, дала ему слово обдумать его предложеніе и отвѣтить ему надняхъ положительно и ясно.

Этого отвѣта еще не дано.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Глава, которую можно поставить въ началѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ недавно прошедшаго года, четыре часа спустя послѣ жаркаго полудня, надъ крутымъ обрывомъ, которымъ заканчивался у рѣки садъ Висленевыхъ, собрались всѣ, хотя отчасти, знакомыя намъ лица. Лариса Висленева сидѣла на широкой доскѣ качелей, подвѣшенныхъ на вѣтвяхъ двухъ старыхъ кленовъ. Она держалась обѣими руками за одну веревку и, положивъ на нихъ голову, смотрѣла вдаль за рѣку, на широкую, безпредѣльную зеленую степь, надъ которою въ синевѣ неба дотаивало одинокое облачко. Шагахъ въ трехъ отъ качель, на зеленой деревянной скамейкѣ помѣщались Катерина Астафьевна Форова и генеральша Синтянина. Первая жадно курила папироску изъ довольно плохого табаку, а вторая шила и слушала повѣсть, которую читалъ Форовъ. Майоръ одѣтъ въ черный статскій сюртукъ и военную фуражку съ кокардой, по жилету у него виденъ часовой ремешокъ, на которомъ виситъ въ видѣ брелока тяжелая, массивная золотая лягушка съ изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладкомъ брюшкѣ лягушки мелкою, искусною вязью выгравировано: «Нигилисту Форову отъ Бодростиной». Дорогая вещь эта находится въ видимомъ противорѣчіи съ прочимъ гардеробомъ майора. Филетеръ Ивановичъ теперь читаетъ: правою рукой онъ придерживаетъ листы лежащей у него на колѣняхъ книги, а лѣвою—машинально дергаетъ толстый, зеленый бумажный шнурокъ, привязанный къ серединѣ доски, на которой сидитъ Лариса. Чтеніе идетъ плавно и непрерывно, качаніе тоже.

Есть здѣсь и еще одинъ человѣкъ: онъ лежитъ въ травѣ надъ самымъ обрывомъ, спиной къ рѣкѣ, лицомъ къ качающейся Ларисѣ. Это Подозеровъ. Ему на видъ лѣтъ тридцать пять; одѣтъ онъ безъ претензіи, но опрятно; лицо

у него очень пріятное, но въ немъ, можетъ быть, слишкомъ много серьезности и нервнаго безпокойства, что придаетъ ему минутами недоброе выраженіе. Подозеровъ какъ бы постоянно или что-то вспоминаетъ, или ожидаетъ себѣ чего-то непріятнаго, и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ сдвигаетъ красивыя брови, морщитъ лобъ и шевелитъ рукою свои недлинные, но густые темнорусые волосы съ раннею сѣдиной въ вискахъ.

Чтеніе, начатое назадъ тому съ полчаса, неожиданно прервано было веселымъ и довольно громкимъ смѣхомъ Катерины Астафьевны Форовой, смѣхомъ, который поняла только одна тихо улыбавшаяся Синтянина. Лариса же и Подозеровъ его даже не замѣтили, а чтецъ только поднялъ удивленные глаза и спросилъ баскомъ свою жену:

— Что ты это разсыпалась, Тора?

— Для кого ты читаешь, бѣдный мой Форовъ? Всякій разъ заставятъ его читать и никто его не слушаетъ.

— Ну и что же такое? отвѣчалъ майоръ.

— Ничего. Ты читаешь, Лариса гдѣ-то витаетъ; Подозеровъ витаетъ за нею; мы съ Сашей еще надъ первою страницей задумались, а ты все читаешь да читаешь!

— Ну и что же такое? я же въ прибыли: я, значитъ, начитываюсь и умнѣю, а вы выбалтываетесь.

— И глупѣемъ?

— Сама сказала, отвѣтилъ, шутя, Форовъ и, доставъ изъ кармана кошелекъ съ табакомъ, началъ крутить папироску.

Жена долго смотрѣла на майора съ улыбкой и наконецъ спросила:

— Вы, господинъ Форовъ, пенсіонъ нынче получили?

— Разумѣется, получилъ-съ, отвѣчалъ Форовъ и, доставъ изъ кармана конвертикъ, подалъ его женѣ.

— Вотъ вамъ всѣ полностію тридцать одинъ рубль.

— А шестьдесятъ копѣекъ?

— Положеніе извѣстное! отвѣчалъ майоръ, раскуривая толстую папироску.

Синтянина взглянула на майора и разсмѣялась.

— Да чего же она въ самомъ дѣлѣ спрашиваетъ? заговорилъ Филетеръ Ивановичъ, обращая свои слова къ генеральшѣ,—вѣдь ужъ сколько лѣтъ условлено, что я ей буду отдавать все жалованье за удержаніемъ въ свою пользу въ день полученія капитала шестидесяти копѣекъ на тринкгельдъ.

— Нѣтъ, я что-то этого условія не помню! Когда ты за мной ухаживалъ, ты мнѣ ни о какихъ тринкгельдахъ тогда не говорилъ, возразила майорша.

— Ну, ухаживать за тобой я не ухаживалъ.

— Такъ зачѣмъ же ты на мнѣ женился?

Майоръ тихонько улыбнулся и проговорилъ:

— Что же, женился просто: вижу женщина въ несчастномъ положеніи, дай, думаю себѣ, хоть кого-нибудь въ жизни осчастливлю.

— Да, проговорила Катерина Астафьевна, ни къ кому особенно не обращаясь:—чему, видно, быть, того не миновать. Нужно же было, чтобъ я рѣшила, что мнѣ замужемъ не быть, и пошла въ сестры милосердія; нужно же было, чтобы Форова въ Крыму мнѣ въ госпиталь полумертваго принесли! Все это судьба!

— Нѣтъ, французская пуля, отвѣчалъ Форовъ.

— Ты, невѣрующій, молчи, молчи, пока Богъ постучится къ тебѣ въ сердце.

— А я не пущу.

— Пустишь, и самъ позовешь, скажешь: «взойди и сотвори обитель».

Вышла маленькая пауза.

— И Сашина свадьба тоже судьба? спросила Лариса.

— А еще бы! отвѣчала живо Форова.—Почемъ ты знаешь. . можетъ быть, она приставлена къ Вѣрѣ за молитвы покойной Флорушки.

— Ахъ, полноте, тетя! воскликнула Лариса. — Я знаю эти «роковыя опредѣленія!»

— Неправда, ничего ты не знаешь!

— Знаю, что въ нихъ сплошь и рядомъ нѣтъ ничего рокового. Неужто же вы можете ручаться, что не встрѣться дядя Филетеръ Ивановичъ съ вами, онъ никогда не женился бы ни на комъ другомъ?

— Ну, на этотъ разъ, жена, положительно говори, что никогда бы и ни на комъ, отвѣчалъ Форовъ.

— Ну, не женились бы вы, напримѣръ, на Александринѣ?

— Ни за что на свѣтѣ.

— Браво, браво, Филетеръ Ивановичъ, воскликнула смѣясь Синтянина.

— А почему?—спросила Лариса.

— Вы всегда все хотите знать «почему?» Бойтесь, этакъ скоро состарѣетесь.

— Но я не боюсь и хочу знать, почему бы вы не женились на Сашѣ?

— Говорите, Филетеръ Ивановичъ, мнѣ ужъ замужъ не выходить, вызвала Синтянина.

— Ну, извольте: Александра Ивановна слишкомъ умна и имѣетъ деспотическій характеръ, а я люблю свободу.

— Не великъ комплиментъ тетѣ Катѣ! Ну, а на мнѣ бы вы развѣ не женились? Я вѣдь не такъ умна, какъ Александрина.

— На васъ?

— Да, на мнѣ.

Форовъ снялъ фуражку, три раза перекрестился, и проговорилъ:

— Боже меня сохрани!

— На мнѣ жениться?

— Да, на васъ жениться: сохрани меня грозный Господь Богъ Израилевъ, карающій сыны сыновъ даже до седьмого колѣна.

— Это отчего?

— Да развѣ мнѣ жизнь надоѣла!

— Значитъ, на мнѣ можетъ жениться только тотъ...

— Тотъ, кто хочетъ ада на землѣ, въ надеждѣ встрѣ-

титься съ вами тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

— Вотъ одолжилъ! воскликнула, разсмѣявшись, Лариса, — ну позвольте, кого бы вамъ еще изъ нашихъ посватать?

— Глафиру Васильевну Бодростину, подсказалъ, улыбаясь, Подозеровъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ Бодростину! подхватила Лариса.

— Кого ни сватайте, все будетъ напрасно.

— Но вы ея кавалеръ «лягушки».

— «Золотой лягушки», отвѣчалъ Форовъ, играя своимъ цѣннымъ брелокомъ. — Глафирѣ Васильевнѣ охота шутить и дарить мнѣ золото, а я философъ и беру сей презрѣнный металлъ въ какомъ угодно видѣ, и особенно доволенъ, получая кусочекъ золота въ видѣ этого невиннаго созданія, напоминающаго мнѣ поколѣніе людей, которыхъ я очень любилъ и съ которыми навсегда желаю сохранить нравственное единеніе. Но жениться на Бодростиной... ни за что на свѣтѣ!

— На ней почему же нѣтъ?

— А почему? Потому, что мнѣ нравится только особый сортъ женщинъ: умныя дуры, которыя, какъ все хорошее, встрѣчаются необыкновенно рѣдко.

— Такъ это я по-твоему дура? спросила, напуская на себя строгость, Катерина Астафьевна.

— А ужъ, разумѣется, не умна, когда за меня замужъ пошла, отвѣчалъ Форовъ. — Вотъ Бодростина умна, такъ она въ золотомъ терему живетъ, а ты подъ соломкою.

— Ну, а бодростинская золотая лягушка-то что же вамъ такое милое напоминаетъ? дружески подшучивая надъ майоромъ, спросилъ Подозеровъ.

— Золотая лягушка напоминаетъ мнѣ золотое время и прекрасныхъ умныхъ дураковъ, изъ которыхъ однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко.

— Она напоминаетъ ему моего брата Жозефа, сказала Лариса.

— Ну ужъ это нѣтъ-съ, отрекся майоръ.

— Почему же нѣтъ? Братъ мой развѣ не женился по принципу, не любя женщину, для того только, чтобы «освободить ее отъ тягости отцовской власти», сказала Лариса, надуто продекламировавъ послѣднія шесть словъ. Надѣюсь, это могъ сдѣлать только «умный дуракъ», которыхъ вы такъ любите.

— Нѣтъ-съ; умные дураки этого не дѣлали, умные дураки, которыхъ я люблю, на такіе вздоры не попадались, а это могъ сдѣлать глупый умникъ, но я съ этимъ асортиментомъ мало знакомъ, а, впрочемъ, вотъ поразглядимъ его!

— Какъ это *поразглядите*? Развѣ вы его надѣетесь скоро видѣть?

— А вы развѣ не надѣетесь дожить до той недѣли?

— Что это за шарада? спросила въ недоумѣніи Лариса.

— Какъ же, вѣдь онъ надняхъ пріѣдетъ.

— Какъ надняхъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ Форовъ. — Мой знакомый видѣлъ его въ Москвѣ; онъ ѣдетъ сюда.

Присутствующіе переглянулись.

— Это что-нибудь недоброе! мелькнуло во взглядѣ Ларисы, брошенномъ на Синтянину; та поняла и, сама немного измѣнясь въ лицѣ, сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, вы совсѣмъ безтолковы.

— Чѣмъ-съ? Чѣмъ я безтолковъ?

— Да что же это вы намъ открываете новости по каплѣ?

— Чѣмъ же я безтолковѣе васъ, которыя мнѣ и по каплѣ не открыли, что вы этого не знаете?

— Откуда же мы могли это знать?

— А развѣ онъ не писалъ объ этомъ Ларисѣ Платоновнѣ?

— Ничего онъ не писалъ ей.

— Ну, а я почему могъ это знать?

— Но вы, Филетеръ Иванычъ, шутите это или правду

говорите, что онъ ѣдетъ сюда? спросила серьезно Лариса.

По дорожкѣ, часто сѣменя маленькими ногами, шла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, остриженная въ кружокъ и одѣтая въ опрятное ситцевое платье съ фартучкомъ. Въ рукахъ она держала круглый подносъ, и на немъ запечатанное письмо.

Лариса разорвала конвертъ.

— Вы отгадали, это отъ брата, сказала она, и, пробѣжавъ маленькій листокъ, добавила: — все извѣстіе заключается вотъ въ чемъ (она взяла снова письмо и снова его прочитала) «Сестра, я ѣду къ тебѣ; черезъ недѣлю мы увидимся. Приготовь мнѣ мою комнату, я проживу съ мѣсяцъ. Ѣду не одинъ, а съ Гор....»

— Не могу дальше прочесть, съ кѣмъ онъ ѣдетъ, заключила она, передавая письмо Синтяниной.

— Не прочтете ли вы, Филетеръ Ивановичъ?

Форовъ посмотрѣлъ на указанную ему строчку и, качнувъ отрицательно головой, передалъ письмо Подозерову.

— «Гордановъ», прочелъ Подозеровъ, возвращая письмо Ларисѣ.

— Такъ вотъ онъ какъ будетъ называться вашъ рокъ! воскликнулъ майоръ.

— Филетеръ Ивановичъ, вы несносны, замѣтила ему съ неудовольствіемъ Синтянина, кинувъ взглядъ на немного смущеннаго Подозерова.

— А я говорю только то, что бываетъ, оправдывался майоръ: — братья всегда привозятъ жениховъ, какъ мужья сами вводятъ любовниковъ...

— А что это за Гордановъ? сухо спросила Лариса.

— Я, кажется, немножко знаю его, отвѣчалъ Подозеровъ. — Онъ помѣщикъ здѣшней губерніи и нашъ сверстникъ по университету... Я его часто видѣлъ въ домѣ нѣкіихъ господъ Фигуриныхъ, гдѣ я давалъ уроки, а теперь у него здѣсь есть дѣло съ крестьянами о землѣ.

— Фигуриныхъ! воскликнула Лариса. — Вы видѣли его тамъ? Онъ ихъ знакомый?

— Кажется, даже родственникъ.

— Интересный господинъ? полюбопытствовала Синтянина.

— М-ммъ! Какъ вамъ сказать...

Подозеровъ, казалось, что-то хотѣлъ сказать нехорошее о названномъ лицѣ, но перемѣнилъ что-то и отвѣтилъ:

— Не знаю, право, мы съ нимъ какъ-то не сладились.

— А вы кого же у Фигуриныхъ учили?

— Тамъ были мальчикъ Петръ и дѣвочки Наташа и Алина.

— А вы эту Алину учили?

— Да; она уже была великонька, но я ее училъ.

— Хороша она?

— Нѣтъ.

— Умна?

— Не думаю.

— Добра?

— Господь ее знаетъ, дѣвушки вѣдь почти всѣ кажутся добрыми. У малороссіянъ есть присловье, что будто даже «всѣ панночки добры».

— «А только откуда-то поганыя жинки берутся?» докончилъ Форовъ.

— Эта Алина теперь жена моего брата.

— Въ такомъ случаѣ малороссійское присловье прочь.

— Лариса, взгляни, перебила дрогнувшимъ голосомъ Синтянина, глядя на ту дорожку, по которой недавно дѣвочка принесла письмо отъ Висленева. Лариса обернулась,

— Что тамъ такое?

Синтянина блѣднѣла и не отвѣчала.

По длинной дорожкѣ отъ входныхъ воротъ шелъ высокій, статный мужчина. Онъ былъ въ легкомъ, сѣромъ пиджакѣ и маленькой соломенной шляпѣ, а черезъ плечо у него висѣла щегольская дорожная сумочка. Сзади него въ двухъ шагахъ семенила давишняя дѣвочка, у которой теперь въ рукахъ былъ большой портфель.

— Братъ!.. Іосафъ!.. Каковъ сюрпризъ! вскрикнула Лариса, ступая съ качелей на землю.

И съ этимъ она рванулась быстрыми шагами впередъ и побѣжала навстрѣчу брату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Безъ содержанія.

Въ наружности Іосафа Висленева не было ни малѣйшаго сходства съ сестрой: онъ былъ блондинъ съ голубыми глазами и очень маленькимъ носомъ. Лицо его нельзя было назвать некрасивымъ и непріятнымъ, оно было открыто и даже довольно весело, но на немъ постоянно блуждала неуловимая тѣнь тревоги и печали.

Лариса встрѣтилась съ братомъ на половинѣ дорожки; они обнялись и поцѣловались.

— Ты не ждала меня такъ скоро, Лара? заговорилъ Висленевъ.

— То есть я ждала тебя, Жозефъ, но не сегодня; я только сейчасъ получила твое письмо, что ты въ Москвѣ и ѣдешь сюда съ какимъ-то твоимъ товарищемъ.

— Да, съ Гордановымъ.

— Онъ здѣсь съ тобой?

Лариса оглядѣла дорожку.

— Да, онъ здѣсь, то есть здѣсь въ городѣ, мы вмѣстѣ пріѣхали, но онъ остановился въ гостиницѣ. Я самъ не думалъ быть сюда такъ скоро; но случайныя обстоятельства выгнали насъ изъ Москвы раньше, чѣмъ мы собирались. Ты, однако, не будешь на меня сердиться, что я этакъ сюпризомъ къ тебѣ нагрянулъ?

— Помилуй, что ты!

— Ну да, а я, видишь ли, въ виду этой скоропостижности расчелъ, что мы застанемъ тебя врасплохъ и потому не пригласилъ Горданова остановиться у насъ.

— Напрасно, я не бываю врасплохъ, и твоему гостю нашлось бы мѣсто.

— Ну все равно; онъ не захотѣлъ ни стѣснять насъ, ни самъ стѣсняться, да тѣмъ и лучше: у него дѣла съ кре-

стьянами... нужно будетъ принимать разныхъ людей... Не удобно это!

—А по крестьянскимъ дѣламъ самый вліятельный человѣкъ теперь здѣсь мой добрый знакомый.

— Кто?

— Подозеровъ, твой товарищъ.

— А-а! Я было совсѣмъ потерялъ его изъ виду, а онъ здѣсь; вотъ что значитъ долго не переписываться.

Висленевъ чуть замѣтно поморщился и отеръ лобъ платкомъ.

— Подозеровъ кстати и теперь у меня, продолжала Лариса.—Пойдемъ туда или сюда, показала она сначала на домъ, а потомъ на конецъ сада, гдѣ оставались гости.

— Да, встрепенулся братъ.—У тебя гости, мнѣ это сказала дѣвочка, я потому и не велѣлъ тебя звать, а пошелъ сюда самъ. Я уже умылся въ гостиницѣ и на первый разъ, кажется, настолько опрятенъ, что въ качествѣ дорожнаго человѣка могу представиться твоимъ знакомымъ.

— О, да, конечно! тѣмъ болѣе, что это и не гости, а мои друзья: тутъ Форовы. Сегодня день рожденія дяди.

— Ахъ, здѣсь безцѣнный Филетеръ Иванычъ, весело перебилъ Висленевъ.—А еще кто?

— Жена его и Alexandrine Синтянина.

— И она здѣсь?

Висленевъ вспыхнулъ на минуту и тотчасъ же весело проговорилъ:

— Вотъ еще интереснѣйшая встрѣча.

— Ты долженъ былъ знать, что ты ее здѣсь встрѣтишь.

— Представь, что это-то у меня и изъ ума вонъ вышло. Да, впрочемъ, что же такое!

— Разумѣется, ничего.

— Много немножко сразу: отставная дружба и измѣнившая любовь, но все равно! А еще кто такой здѣсь у тебя?

— Больше никого.

— Ну и прекрасно. Пойдемъ. Возьми вотъ только мой портфель: здѣсь деньги и бумаги, и потому я не хотѣлъ его тамъ безъ себя оставить.

Лариса приняла изъ рукъ дѣвочки портфель, и они, взявшись съ братомъ подъ руку, пошли къ оставшимся гостямъ.

Здѣсь между тѣмъ хранилось мертвое молчаніе.

Форовъ, жена его, Подозеровъ и Синтянина, всѣ четверо теперь сидѣли рядомъ на скамейкѣ и, за исключеніемъ майора, который снова читалъ, всѣ, не сводя глазъ, смотрѣли на встрѣчу брата съ сестрой. Катерина Астафьевна держала въ своей рукѣ стынущую руку генеральши и постоянно ее пожимала. Синтянина это чувствовала и раза два отвѣчала легкимъ благодарнымъ пожатіемъ.

Братъ и сестра Висленевы подходили.

Катерина Астафьевна въ это время взяла изъ рукъ мужа книгу, кинула ее въ траву, а сама тихо шепнула на ухо Синтяниной: «Саша...»

— Ничего, проговорила также шопотомъ Синтянина,— теперь все прошло. Сдѣлавъ надъ собою видимое усиліе, она вызвала на лицо улыбку и весело воскликнула навстрѣчу Висленева:—Здравствуйте, Іосафъ Платоновичъ!

Гость неспѣшно подошелъ: съ достоинствомъ снялъ свою шляпу и поклонился всѣмъ общимъ поклономъ.

— Я васъ первая привѣтствую и первая протягиваю вамъ руку, проговорила Синтянина.

Форова почувствовала въ эту минуту, что вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ другая рука генеральши мгновенно согрѣлась.

Висленевъ, очевидно, не ждалъ такого привѣтствія; онъ ждалъ чего нибудь совсѣмъ въ другомъ родѣ: онъ ждалъ со стороны отступницы смущенія, но ничего подобнаго не встрѣтилъ. Конечно, онъ и теперь замѣтилъ въ ней небольшую тревогу, которой Александра Ивановна совсѣмъ скрыть не могла, но эта тревога такъ смѣла, и Александра Ивановна, повидимому, покушается взять надъ нимъ верхъ.

Висленевъ рѣшилъ тотчасъ же отпарировать это покушеніе, но сдѣлалъ неосторожность.

Едва намѣревался онъ, подавъ Синтяниной руку, пора-

зить ее холодностію взгляда, она посмотрѣла ему въ упоръ и весело воскликнула:

— Однако какъ же вы быстро умѣли перемѣниться. Почти узнать нельзя!

Висленеву это показалось даже смѣшно, и онъ рѣшилъ не сердиться, а отшучиваться.

— Я думаю, я измѣнился какъ и всѣ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, нѣтъ, вы больше всѣхъ другихъ, кого я давно не видала.

— Вамъ незамѣтно, а вы и сами тоже измѣнились и...

— Ну. да, быстро перебила его на полусловѣ генеральша,—конечно, года идутъ и для меня, но между тѣмъ меня еще до сей поры никто не звалъ старухой, вы развѣ первый будете такъ нелюбезны?

— Помилуй Богъ! отвѣчалъ, разсмѣявшись, Висленевъ.— Я пораженъ, оставивъ здѣсь васъ скромнымъ ландышемъ и видя васъ теперь на томъ же самомъ мѣстѣ...

— Не скажете ли пышною лиліей?

— Почти. Но вотъ кто совсѣмъ не измѣняется, такъ это Филетеръ Ивановичъ! обратился Висленевъ къ майору.— Здравствуйте, мой «грубый матеріалистъ»!

Они поцѣловались.

— Ничего не перемѣнился! Только носъ развѣ немножко покраснѣлъ, воскликнулъ, снова обозрѣвая майора, Висленевъ.

— Носъ красенъ отъ того, что у меня насморкъ вѣчный, какъ вѣчный жидъ, отвѣчалъ Форовъ.

— А вамъ сегодня сколько стукнуло?

— Да пятьдесятъ два, девять мѣсяцевъ.

— Девять мѣсяцевъ? Ахъ да, у васъ вѣдь особый счетъ

— Конечно, какъ слѣдуетъ.

— А дѣти у васъ есть?

— Не знаю, но очень можетъ быть, что и есть.

— И опять все вретъ, замѣтила жена.

Висленевъ подалъ руку Катеринѣ Астафьевнѣ.

— Васъ, тетушка, я думаю, можно и поцѣловать?

— Если тебѣ, милый другъ, не противно, сдѣлай милость, поцѣлуемся.

Висленевъ и Катерина Астафьевна три раза поцѣловались.

— Вы перемѣнились, но немного.

— Какъ видишь, все толстѣю.

Іосафъ Платоновичъ обернулся къ Подозерову, протянулъ и ему руку, и, принявъ серьезную мину, посмотрѣлъ на него молча ласковымъ, снисходительнымъ взглядомъ.

— Вы много измѣнились, сказалъ Висленевъ, удерживая его руку въ своей рукѣ.

— Да, всѣ старѣемъ, отвѣчалъ Подозеровъ.

— «Старѣемъ»! Рано бы еще старѣть-то!

— Ну, нѣтъ, пожалуй, и пора.

— Вотъ и пора! чуть стукнетъ тридцать лѣтъ, какъ мы ужъ и считаемъ, что мы старѣемъ. Вамъ вѣдь, я думаю, лѣтъ тридцать пять не больше?

— Мнѣ тридцать два.

— Изволите ли видѣть, вѣкъ какой! Вонъ у васъ уже виски сѣдые. А у меня будетъ къ вамъ просьба.

— Очень радъ служить.

— То-есть еще и не своя, а пріятеля моего, съ которымъ я пріѣхалъ, Павла Николаевича Горданова: съ нимъ по лѣности его стряслось что-то такое вопіющее. Онъ чортъ знаетъ что съ собой надѣлалъ: онъ, знаете, пока шли всѣ эти пертурбаціи, нигилистничанье и всякая штука, онъ за-глаза надавалъ мужикамъ самыя глупыя согласія на поземельныя разверстки, и такъ разверстался, что имѣніе теперь гроша не стоитъ. Вы вѣдь, надѣюсь, не принадлежите къ числу тѣхъ, для которыхъ лапоть всегда правъ предъ ботинкомъ?

— Рѣшительно не принадлежу.

— Вы за крупное землевладѣніе?

— Ни за крупное, ни за дробное, а за законное, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы наша опора! Вы позволите намъ побывать у васъ на-дняхъ?

— Сдѣлайте милость, я дома каждое утро до одиннадцати часовъ.

— Впрочемъ... сестра! обратился Висленевъ къ Ларисѣ, удерживая въ своей рукѣ руку Подозерова,—теперь всего вѣдь семь часовъ, не позволишь ли попросить тебя велѣть приготовить что-нибудь часамъ къ одиннадцати?

— Охотно, братъ, охотно.

Въ это время они прошли весь садъ и стояли у террасы.

— Право, продолжалъ Висленевъ, что-нибудь такое, что Богъ послалъ, что напомнило бы святой обычай старины. Можно?

Лариса кивнула въ знакъ согласія головою:

— Я очень рада.

— Такъ вотъ, Андрей Иванычъ, отнесся Висленевъ къ Подозерову,—теперь часочекъ я приберусь, сдѣлаю кое-какъ мой туалетъ, оправлюсь и привезу съ собой моего пріятеля,—онъ тутъ сирота, а къ десяти часамъ позвольте васъ просить придти побесѣдовать, вспомнить старину и выпить рюмку вина за упокой прошлаго и за многія лѣта грядущаго.

— Отъ такихъ приглашеній, Іосафъ Платоновичъ, не отказываются, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Вашу руку! и Висленевъ, взявъ руку Подозерова, крѣпко сжалъ ее въ своей рукѣ и сказалъ:—«До свиданія».

Всѣмъ остальнымъ гостямъ онъ поклонился общимъ поклономъ, и тоже отъ всѣхъ взялъ слово вечеромъ придти къ Ларисѣ на ужинъ.

Гости ушли.

Висленевъ, взойдя съ сестрою и теткою въ домъ, направился прямо въ свой кабинетъ, гдѣ еще разъ умылся и переодѣлся, прихлебывая наскоро поданный ему сюда чай,—и послалъ за извозчикомъ.

— Братъ! сказала ему Лариса, когда онъ вышелъ въ

залъ и оправлялся передъ большимъ зеркаломъ:— не дать ли знать Бодростиной, что ты пріѣхалъ?

— Кому это? Глафирѣ Васильевнѣ!

— Да.

— Что ты это! Зачѣмъ?

— Да, можетъ быть, и она захотѣла бы пріѣхать?

— Богъ съ ней совсѣмъ!

— За что же это?

— Да такъ; на что она здѣсь?

— Она очень умная и пріятная женщина.

— Ну, мнѣ она вовсе не пріятная, пробурчалъ Висленевъ, обтягивая воротникъ рубашки.

— А непріятна, такъ и не надо, но только какъ бы она сама не заѣхала.

— Будетъ предосадно.

— И еще вотъ что, Жозефъ: ты позвалъ вэчеромъ Синтянину?

— Кажется... да.

— Нѣтъ, навѣрное *да*. Такъ зайди же къ нимъ, позови генерала Ивана Демьяныча.

Висленевъ оборотился къ сестрѣ и сморщился.

— Что такое? проговорила Лариса.

— Такъ, знаешь, тамъ доносомъ пахнетъ, отвѣчалъ Висленевъ.

Лариса вспыхнула и нетерпѣливо сказала:

— Полно, пожалуйста: мы объ этомъ никогда не говоримъ и не знаемъ; а Александрина... такая прекрасная женщина...

— Но дѣло-то въ томъ, что если вы чего не знаете, то я это знаю! говорилъ, смѣясь, Висленевъ.— Знаю, дружокъ, Ларушка, все знаю, знаю даже и то, *какая* прекрасная женщина эта Александра Ивановна.

Лариса промолчала.

— Да, сестра, говорилъ онъ, наклонивъ къ Ларисѣ голову и приподнявъ на вискѣ волосы:—здѣсь тоже въ мои тридцать лѣтъ есть серебряныя нити, и ихъ выпряла эта

прекрасная бѣлая ручка этой прекрасной Александры Ивановны... Такъ ужъ предоставь *мнѣ* лучше васъ знать эту Александру Ивановну, заключилъ онъ, ударяя себя пальцемъ въ грудь, и затѣмъ еще разъ сжалъ сестрину руку и уѣхалъ.

Лариса глядѣла ему вслѣдъ.

— Все тотъ же самый! подумала она:—даже десять разъ повторяетъ, что ему тридцать лѣтъ, когда ему ужъ тридцать пятый! Бѣдный, бѣдный человѣкъ!

Она вздохнула и пошла распорядиться своимъ хозяйствомъ и туалетомъ къ встрѣчѣ пріѣзжаго гостя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

На всѣ ноги кованъ.

Павелъ Николаевичъ Гордановъ, котораго Висленевъ назвалъ «сиротою», не терпѣлъ никакихъ недостатковъ въ своемъ временномъ помѣщеніи. Древняя худая слава губернскихъ пристанищъ для проѣзжающихъ теперь уже почти повсемѣстно напраслина. Въ большинствѣ сколько-нибудь замѣтныхъ русскихъ городовъ почти всегда можно найти не только чистый номеръ, но даже можно получить цѣлый «ложементъ», въ которомъ вполнѣ удобно задать обѣдъ на десять человѣкъ и вечерокъ на нѣсколько карточныхъ столовъ.

Такой ложементъ изъ трехъ комнатъ съ передней и ванной, и съ особымъ ходомъ изъ особыхъ сѣней занялъ и Павелъ Николаевичъ Гордановъ. Съ него спросили за это десять рублей въ сутки,—онъ не поторговался и взялъ помѣщеніе. Эта щедрость сразу дала Горданову вѣсъ и пріобрѣла ему почтеніе хозяина и слугъ.

Павелъ Николаевичъ на первыхъ же порахъ объявилъ, что онъ будетъ жить здѣсь не менѣе двухъ мѣсяцевъ, договорилъ себѣ у содержателя гостинницы особаго слугу, самаго представительнаго и расторопнаго изо всего гостиничнаго штата, лучшій экипажъ съ кучеромъ и парою ло-

шадей,—однимъ словомъ, сразу сталъ не на обыкновенную ногу дюжиннаго проѣзжающаго, а былъ рѣдкимъ и дорогимъ гостемъ. Его огромные юфтовые чемоданы, строченные цвѣтнымъ шелкомъ и изукрашенные нейзильберными винтами и бляхами съ именемъ Горданова; его гардеробъ, обширный какъ у актрисы; батистовое бѣлье; громадые портфели и несессеры, надъ разборомъ которыхъ отряженный ему слуга хлопоталъ цѣлый часъ, проведенный Висленевымъ у сестры, все это увеличивало обаяніе, произведенное пріѣзжимъ.

Черезъ часъ послѣ своего пріѣзда, Павелъ Николаевичъ, освѣжившись въ прохладной ваннѣ, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ предъ дорожнымъ зеркаломъ въ серебряной рамѣ, и чистилъ костянымъ копьецомъ ногти.

Гордановъ вообще человѣкъ не особенно представительный: онъ не высокъ ростомъ, плечистъ, но не толстъ, ему тридцать лѣтъ отъ роду и столько же и по виду; у него правильный, тонкій носъ; высокій, замѣчательно хорошо развитый смѣлый лобъ; черные глаза, большіе, бархатные, совсѣмъ безъ блеска, очень смышленные и смѣлые. Уста у него свѣжія, очерченныя тонко и обрамленныя небольшими усами, сходящимися у угловъ губъ съ небольшою черною бородкой. Кисти ослѣпительно бѣлыхъ рукъ его малы и находятся въ нѣкоторой дисгармоніи съ крѣпкими и сильно развитыми мышцами верхней части. Говоритъ онъ голосомъ ровнымъ и спокойнымъ, хотя лѣвая щека его слегка подергивается не только при противорѣчіяхъ, но даже при малѣйшемъ обнаруженіи непонятливости со стороны того, къ кому относится его рѣчь.

— Человѣкъ! какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ своего новаго слугу послѣ того, какъ, выкупавшись и умывшись, сѣлъ предъ зеркаломъ.

— Еѳимъ Ѳедоровъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ ему лакей, униженно сгибаясь предъ нимъ.

— Во-первыхъ, я васъ совсѣмъ не спрашиваю, Ѳедоровъ вы или Степановъ, а во-вторыхъ, вы не смѣйте меня называть «вашимъ сіятельствомъ». Слышите?

— Слушаю-съ.

— Меня зовутъ Павелъ Николаевичъ.

— Слушаю-съ, Павелъ Николаевичъ.

— Вы всѣхъ знаете здѣсь въ городѣ?

— Какъ вамъ смѣю доложить... городъ большой.

— Вы знаете Бодростиныхъ?

— Помилуйте-съ,—отвѣчалъ, сконфузясь, лакей.

— Что это значитъ?

— Какъ же не знать-съ: предводитель!

— Узнайте мнѣ: Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ здѣсь въ городѣ или нѣтъ?

— Навѣрное вамъ смѣю доложить, что ихъ здѣсь нѣтъ,— они вчера уѣхали въ деревню-съ.

— Въ Рыбецкое?

— Такъ точно-съ.

— Вы это навѣрно знаете?

— У насъ здѣсь на дворѣ почтовая станція: вчера они изволили уѣхать на почтовыхъ.

— Все равно: узнайте мнѣ, одинъ онъ уѣхалъ или съ женой?

— Супруга ихъ, Глафира Васильевна, здѣсь-съ. Онѣ, небольше часу тому назадъ, изволили проѣхать здѣсь въ коляскѣ.

Гордановъ лѣниво всталъ, подошелъ къ столу, на которомъ былъ разставленъ щегольской письменный приборъ, взялъ листокъ бумаги и написалъ: «Я здѣсь къ твоимъ услугамъ: сообщи, когда и гдѣ могу тебя видѣть».

Запечатавъ это письмо, онъ положилъ его подъ обложку красиво переплетенной маленькой книжечки, завернулъ ее въ бумагу, снова запечаталъ и велѣлъ лакею отнести Бодростиной. Затѣмъ, когда слуга исчезъ, Гордановъ сѣлъ предъ зеркаломъ, развернулъ свой бумажникъ, пересчиталъ деньги и, сморщивъ съ неудовольствіемъ лобъ, долго сидѣлъ, водя въ раздумьи длинною ручкой черепаховой гребенки по чистому, серебристому пробору своихъ волосъ.

Въ это время въ дверь слегка постучали.

Гордановъ отбросилъ въ сторону бумажникъ и, не поворачиваясь на стулѣ, крикнулъ:

— Войдите!

Ему видно было въ зеркало, что вошелъ Висленевъ.

— Фу, фу, фу, заговорилъ Іосафъ Платоновичъ, бросая на одинъ стулъ пальто, на другой шляпу, на третій палку.— Ты уже совсѣмъ устроился?

— Какъ видишь, сижу на мѣстѣ.

— Въ полномъ нарядѣ и добромъ здоровьи!

— Даже и въ полномъ нарядѣ, если бѣлье по твоему составляетъ для меня полный нарядъ, отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я думалъ, что ты не разобрался.

— Разсказывай лучше, что ты засталъ тамъ у себя и что твоя сестра?

— Сестра еще похорошѣла.

— То была хороша, а теперь еще похорошѣла?

— Красавица, братъ, просто волшебная красавица!

— Наше мѣсто свято! Ты меня до крайности интересуешь похвалами ея красотѣ.

— И не забудь, что вѣдь нимало не преувеличиваю.

— Ну, а твоя, или ci-dêvant твоя генеральша... коварная твоя измѣнница?

— Ну та ужъ видъ вальяжный имѣетъ, но тоже, чортъ ее возьми, хороша о сю пору.

— За что же ты ее чорту-то предлагаешь? Разскажи же, какъ вы увидѣлись, оба были смущены и долго молчали, а потомъ...

— И тѣни ничего подобнаго не было.

— Ну ты непремѣнно, чай, предъ ней балетъ протанцовалъ, дескать: «ничтожество вамъ имя», а она тебѣ за это стречка по носу?

— Представь, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ это было почти такъ.

— Ну, а она что же?

— Вообрази, что ни въ одномъ глазу: шутитъ и смѣется.

— Въ любви клянется и измѣняетъ тутъ же шутя?

— Ну, этого я не сказалъ.

— Да этого и я не сказалъ; а это изъ *Марты*, что ли,— не помню. А ты за которой же намѣренъ прежде пріударить?

Висленевъ взглянулъ на пріятеля недоумѣвающимъ взглядомъ и переспросилъ:

— То-есть какъ за которою?

— То-есть за которою изъ двухъ?

— Позволь, однако, любезный другъ, тебѣ замѣтить, что вѣдь одна изъ этихъ двухъ, о которыхъ ты говоришь, мнѣ родная сестра!

— Тьфу, прости, пожалуйста,—отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ:—ты меня съ ума сводишь всѣми твоими разсказами о красотѣ, и я, растерявшись, горожу вздоръ. Извини, пожалуйста: а ужъ эту послѣднюю глупость я ставлю на твой счетъ.

— Можешь ставить ихъ на мой счетъ сколько угодно, а что касается до ухаживанья, то, нѣтъ, братъ, я ни за кѣмъ: я, братецъ, тонъ держалъ, да, серьезный тонъ. Тамъ цѣлое общество я засталъ: тетка, ея мужъ, чудакъ, антикъ, нигилистъ чистой расы...

— Скажи, пожалуйста! а здѣсь и они еще водятся?

Висленевъ посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ:

— А отчего же имъ не быть здѣсь? Желѣзныя дороги... Да ты постой... вѣдь ты его долженъ знать.

— Откуда и почему я это долженъ?

— А помнишь онъ съ Бодростинымъ-то пріѣзжалъ въ Петербургъ, когда Бодростинъ женился на Глафирѣ? Такой... бурбонъ немножко!

— Носъ съ красниной?

— Да, на нутро немножко принимаетъ.

— Ну помню: какъ бишь его фамилія?

— Форовъ.

— Да, Форовъ, Форовъ, — меня всегда удивляла этимологія этой фамиліи. Ну, а еще кто же тамъ у твоей сестры?

— Одинъ очень полезный намъ человѣкъ.

— *Намъ?* удивился Гордановъ.

— Да; то-есть тебѣ, самый вліятельный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, нѣкто Подозеровъ. Этого, я думаю, ты ужъ совсѣмъ живо помнишь?

— Подозеровъ?.. я его помню? Откуда и какъ: разскажи, сдѣлай милость.

— Господи! Что ты за притворщикъ!

— Во-первыхъ, ты знаешь, я все и всѣхъ позабываю. Разсказывай: что, какъ, гдѣ и почему я зналъ его?

— Изволь: я только не хотѣлъ напоминать тебѣ непріятной исторіи: этотъ Подозеровъ, когда всѣ мы были на четвертомъ курсѣ, былъ распорядителемъ въ воскресной школѣ.

Гордановъ спокойно произнесъ вопросительнымъ тономъ:

— Да?

— Ну да, и... ты, конечно, помнишь все остальное?

— Ничего я не помню.

— Исторія въ Ефремовскомъ трактирѣ?

— И никакой такой исторіи не помню,—холодно отвѣчалъ Гордановъ, прибирая волосокъ къ волоску въ своей бородѣ.

— Такъ я тебѣ ее напомню.

— Сдѣлай милость.

— Мы зашли туда всѣ вчетверомъ: ты, я, Подозеровъ и Форовъ, прямо съ Бодростинской свадьбы, и ты хотѣлъ, чтобы былъ выпитъ тостъ за какое-то родимое пятно на плечѣ или подъ плечомъ Глафиры Васильевны.

— Ты, другъ любезный, просто лжешь на меня; я не дуракъ и не могу объявлять такихъ тостовъ.

— Да; ты не объявлялъ, но ты шепнулъ мнѣ на ухо, а я сказалъ.

— Ахъ *ты* сказалъ... это иное дѣло! Ты, вѣдь, тоже тогда на нутро бралъ, тебѣ вѣрно и послышалось, что я шепталъ. Ну, а что же дальше? Онъ, кажется, тебя побилъ, что ли?

— Ну, вотъ ужъ и побилъ! ничего подобнаго не было, но онъ заставилъ меня сознаться, что я не имѣю права поднимать такого тоста.

— Однако, онъ, значитъ, мужчина молодецъ! Ну, ты, конечно, и сознался?

— Да; по твоему же настоянію и сознался: ты же уговорилъ меня, что надо беречь себя для дѣла, а не ссориться изъ-за женщинъ.

— Скажи, пожалуйста: какъ это я ничего этого не помню?

— Ну, полно врать: помнишь! Прекрасно ты все помнишь! Еще по твоему же совѣту... ты же сказалъ, что ты понимаешь одну только такую дуэль, по которой противникъ будетъ навѣрняка убитъ. Что, не твои это слова?

— Ну, безъ допроса,—что же дальше?

— Пустили слухъ, что онъ доносчикъ.

— Ничего подобнаго не помню.

— Ты, Павелъ Николаичъ, лжешь! это всѣ въ мірѣ знаютъ.

— Ну, да, да, Іосафъ Платонычъ, непремѣнно «всѣ въ мірѣ», вы меньшею мѣрой не мѣряете! Ну и валяй теперь, сынъ весь свой дикціонеръ: «всякую штуку», «батеньку» и «голубушку»... Эхъ, любезный другъ! сколько мнѣ разъ тебѣ повторять: отучайся ты отъ этого поганаго нигилистическаго жаргона. Теперь настало время, что съ порядочными людьми надо знаться.

— Ну, такъ просто: *всѣ знаютъ.*

— Ошибаешься, и далеко не всѣ: вотъ здѣшній лакей, знающій здѣсь всякую тварь, ничего мнѣ не доложилъ объ этакомъ Подозеровѣ, но вотъ въ чемъ дѣло: ты тамъ не того?..

— Что такое?

— Балетъ-то танцовалъ, а, надѣюсь, не раскрывался бутономъ?

— То есть въ чемъ же, на какой предметъ, и о чемъ я могу откровенничать? Ты, вѣдь, чортъ знаетъ зачѣмъ меня

схватилъ и привезъ сюда; я и самъ путемъ ничего иного не знаю, кромѣ того, что у тебя дѣло съ крестьянами.

— И ты этого, надѣюсь, не сказалъ?

— Нѣтъ, это-то, положимъ, я сказалъ, но сказалъ умно: я закинулъ только слово.

Гордановъ бросилъ на него бархатный взглядъ, обдававшій трауромъ, и внятно, отбивая каждое слово отъ слова, протянулъ:

— Ты это сказалъ? Ты, милый, уменъ какъ дьяконъ Семенъ, который книги продалъ, да карты купилъ. И ты претендуешь, что я съ тобой не откровененъ. Ты досадуешь на свою второстепенную роль. Играй, дружокъ, первую, если умѣешь.

— Паша, я вѣдь не знаю, въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ истинѣ, изреченной въ твоей дѣтской прописи: «истинный способъ быть богатымъ состоитъ въ умѣреніи нашихъ желаній». Не желай ничего знать болѣе того, что тебѣ надо дѣлать въ данную минуту.

— Позволь, голубушка, — отвѣчалъ Висленевъ, перекатывая въ рукахъ жемчужину булавки Горданова. Я тебя очень долго слушалъ.

— И всегда на этомъ выигрывалъ.

— Кромѣ одного раза.

— Какого?

— Моей женитьбы.

— Что же такое? и тутъ, кажется, обмана не было: ты бралъ жену во имя принципа. Спасъ женщину отъ родительской власти.

— То-то, что все это вышло вздоръ: не отъ чего ее было спасать.

— Ну, вѣдь, я же не могъ этого знать! Да и что ты отъ этого потерялъ, что походилъ вокругъ аналоя? Гиль!

— Да, очень тебѣ благодаренъ! Я и самъ когда-то такъ разсуждалъ, а теперь не разсуждаю, и знаю, что это содержанія требуетъ.

— Ну вотъ видишь, зато у тебя есть одинъ лишній опытъ.

— Да, шути-ка ты «опытъ». Запрегся бы ты самъ въ такой опытъ!

— Ты очень добръ ко мнѣ. Я, братъ, всегда сознавался, что я предъ тобою нуль въ такихъ дѣлахъ, гдѣ нужно полное презрѣніе къ преданію: но, вѣдь, зато ты и былъ вождь, и пользовался и уваженіемъ и славой, тобой заслуженными, и я тебѣ не завидовалъ.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, Павелъ Николаичъ, мнѣ вовсе не весело.

Гордановъ оборотился къ Висленеву, окинулъ его недовольнымъ взглядомъ и спросилъ:

— Это еще что такое значитъ? Чѣмъ ты недовольна, злополучная тѣнь, и чего еще жаждешь?

— Да что жъ ты шутишь?

— Скажите, пожалуйста! А чего бы мнѣ плакать?

— Не плачь, но и не злорадствуй. Что тамъ за опытъ я получилъ въ моей женитьбѣ? Не новость, положимъ, что моя жена меня не любитъ, а любитъ другого, но... то, что...

— Ну, а что же новость?

— Что?—крикнулъ Висленевъ.—А то, что она любитъ чортъ знаетъ кого, да и его не любитъ.

— А тебѣ какое дѣло?

— Она любитъ ростовщика, процентщика.

— А тебѣ, повторяю, какое до этого дѣло?

— Какое дѣло? такое, что это подлость... тѣмъ болѣе, что она и его не любитъ!

— Такъ что же ты за него что ли обижаешься?

— За кого?

— За Тихона Ларіоновича?

— О чортъ бы его побралъ! еще имя этого проклятаго здѣсь нужно.

— Шутъ ты,—сказалъ мягко Гордановъ и, вставъ, началъ одѣваться. — Шутъ и болѣе ничего! Какое тебѣ до всего этого дѣло?

— Ахъ, вотъ покорно васъ благодарю: новый министръ юстиціи явился и разсудилъ! Что мнѣ за дѣло? А имя мое, и вѣдь всѣ знаютъ, а дѣти, чортъ ихъ возьми, а дѣти... Они «Висленевы», а не жиды Кишенскіе.

— Скажите, какая важная фамилія: «Висленевъ!» Фу, чортъ возьми! Да имъ же лучше, что они не будутъ такіе сумасшедшіе, какъ ты! Ты бы еще радовался, что она не на твоей шеѣ, а еще тебѣ же помогала.

Висленевъ не отвѣчалъ и досадливо кусалъ ногти. Гордановъ продолжалъ одѣваться: въ комнатѣ минутъ пять продолжалось молчаніе.

— Ты ему сколько долженъ, Кишенскому-то?

Висленевъ промолчалъ.

— Да что же ты это на меня, значитъ, сердишься за то, что женился не хорошо, или за то, что много долженъ?

Висленевъ опять промолчалъ.

— Вотъ престранная, ей-Богу, порода людей! заговорилъ, повязывая предъ зеркаломъ галстукъ, Гордановъ; что только по ихнему желанію ни случится, всѣмъ они сами же первые сейчасъ недовольны. Захотѣлъ Іосафъ Платоновичъ быть вождемъ политической партіи,—былъ, и не доволенъ: подчиненные не слушаются; захотѣлъ показать, что для него бракъ гиль,—и женился для другихъ, то есть для жены, и объ этомъ теперь скорбитъ; брезговалъ собственностью, коммуны заводилъ, а теперь душа не сноситъ, что карманъ тощъ; взаймы ему человѣкъ тысченокъ десятокъ далъ, теперь, зачѣмъ онъ далъ? поблагородничалъ, сестрѣ свою часть подарилъ, и объ этомъ нынче во всю грудь провздыхалъ: зачѣмъ не на *общее дѣло* отдалъ, зачѣмъ не бѣднымъ роздалъ? зачѣмъ не себѣ взялъ?

— Ну, извини, пожалуйста: послѣдняго я никогда не говорилъ.

— Ну полно, братъ Жозефъ, я вѣдь давно читаю тебя насквозь. А ты скажи, что это у васъ родовое что ли? И сестра твоя такая?

— Оставь мою сестру; а читать меня не мудрено, по-

тому что въ такихъ каторжныхъ сплетеніяхъ, въ какихъ я, конечно, пожалѣешь о всякомъ грошѣ, который когда-нибудь употреблялъ легкомысленно.

— Ну вотъ то-то и есть!

— Да, но все-таки, я, конечно, ужъ, если за что на себя не сѣтую, такъ это за то, что исполнилъ кое-какъ свой долгъ по отношенію къ сестрѣ. Да и нечего о томъ разговаривать, что уже сдѣлано и не можетъ быть передѣлано.

— Отчего же не можетъ быть передѣлано? даръ дарится и возвращается.

— Какой вздоръ!

— Не смѣй, Іосафушка, закона называть вздорамъ.

— И неужто ты думаешь, что я когда-нибудь прибѣгнулъ бы къ такому средству?

— Ни за что не думаю.

— Очень тебѣ благодаренъ хоть за это. Я ни мало не сожалѣю о томъ, что я отдалъ сестрѣ, но только я охотно сбѣжалъ бы со свѣта отъ всѣхъ моихъ дѣлъ.

— Да куда, странничекъ, бѣжать-то? Это очень замысловатая штучка! въ полѣ холодно, въ лѣсу голодно. Нѣтъ, милое дитя мое, Іосафъ Платонычъ, не надо отъ людей отбиваться, а надо къ людямъ прибиваться. Денежка, мой другъ, трудъ любитъ, а мы съ тобой себѣ-то хотя, давай, не будемъ лгать: мы, когда надо было учиться, свистѣли; когда пора была грошъ на маленькомъ мѣстѣ имѣть, сами разными силами начальствовали; а вотъ лѣто-то все пропѣвши къ осени-то и жутко становится.

— Ахъ жутко, Поль, жутко!

— То-то и есть, но нечего же и головы вѣшать. Съ азбуки намъ уже начинать поздно, служба только на кусокъ хлѣба даетъ, а люди на нашихъ глазахъ милліоны составляютъ; и дураковъ, надо уповать, еще и на нашъ вѣкъ хватитъ. Бабы-то наши вонъ раньше насъ за умъ взялись, и посмотри-ко ты, напримѣръ, теперь на Бодростину... Та ли это Бодростина, что была Глаша Акатова, которая, въ

дни нашей глупости, съ нами ради принципа питалась снятымъ молокомъ? Нѣтъ! это не та!

— И какъ она въ свою роль вошла! говорятъ, совсѣмъ природная дюшесса, герцогиня.

— Да и удивляться нечего; а почему? А потому что есть царь въ головѣ. Чего ей не быть дюшессой? Она всѣмъ съумѣла бы быть. Вотъ это-то и надо имѣть въ умѣ такимъ людямъ какъ мы съ тобой, которые ворчали, что дѣлать состояніе будто бы «противно природѣ». Кто идетъ въ лѣсъ по-малину спустя время, тому одно средство: встрѣтилъ кого съ кузовомъ и отсыпь себѣ въ кузовъ.

— А что еслибы твои эти слова слышалъ бы кто-нибудь посторонній? спросилъ, щуря глаза и раскачивая ногою, Висленевъ.

— Что жъ: сказалъ бы, что я подлецъ?

— Навѣрно.

— И навѣрно совралъ бы; потому что самъ точно также подлецъ думаетъ. Ты хочешь быть добръ и честенъ?

— Конечно.

— Такъ будь же прежде богатъ, чтобы было изъ чего добрить и щедрить, а для этого... пересыпай любезный въ свой кузовъ изъ кузова тѣхъ, отъ кого какъ отъ козла ни шерсти, ни молока. А что скажутъ?.. Мы съ тобой, почтенный коллега, сбившись съ толку въ столицахъ, пріѣхали сюда дѣла свои пристраивать, а не нервничать, и ты, пожалуйста, здѣсь всѣ свои замашки брось и не хандри, и тоже не поучай, а понимаешь... соглашайся. Время, когда изъ Петербурга можно было наѣзжать въ провинціи съ тѣмъ, чтобы здѣсь пропагандировать да развивать свои теоріи, прошло безвозвратно. Вы, господа «передовые», трунили, что въ Россіи желѣзныхъ дорогъ мало, а желѣзныя дороги вамъ первая помѣха; онѣ надѣлали, что Питеръ совсѣмъ перестаетъ быть оракуломъ, и теперь, пріѣхавъ сюда изъ Петербурга, надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развивать, а на то, чтобы кого-нибудь... обирать. Это одно еще пока ново и не заѣзжено.

Висленевъ молчалъ.

— Но только вотъ что худо, продолжалъ Гордановъ, — когда вы тамъ въ Петербургѣ считали себя разныхъ дѣлъ мастерами, и посылали сюда разныхъ своихъ подмастерьевъ, вы сами позабыли провинцію, а она вѣдь иной разъ похитрѣй Петербурга, и ты этого пожалуйста не забывай. Въ Петербургѣ можно цѣлый вѣкъ, ничего умнаго не сдѣлавши, слыть за умника, а здѣсь... здѣсь тебя всего разберутъ, кожу на тебѣ на живомъ выворотятъ и не поймутъ...

— Да я это сто разъ проводилъ въ моихъ статьяхъ, но ты, съ твоимъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, разумѣется, ничего этого не читалъ.

— Напротивъ, я «читалъ, и духомъ возмутился, зачѣмъ читать учился». Ты все развиваешь тамъ, что въ провинціи тебя не поймутъ. Да, любезный другъ, пожалуй что и не поймутъ; но не забудь, что за то непремѣнно разъяснятъ. Провинція—это волшебница Всевѣда: она до всего доберется. А вы вотъ этого-то именно и не чаете, и оттого въ въ Петербургѣ свистите, а здѣсь какъ разъ и заревете. Совѣтую тебѣ прежде всего не объявляться ни подъ какою кличкой, тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, всякая кличка гиль, звукъ пустой, а потомъ, по правдѣ тебѣ сказать, ты вовсе и не *нигилистъ*, а весьма порядочный гилистъ. Гиль заставила тебя фордыбачить и отказываться отъ пособія, которое тебѣ Тихонъ Ларіонычъ предлагалъ для ссудной кассы, гиль заставила тебя метаться и искать судебныхъ мѣстъ, къ которымъ ты неспособенъ; гиль загнала тебя въ литературу, которая вся яйца выѣденнаго не стоитъ, еслибы не имѣла одной цѣли—убить литературу; гиль руководитъ тобой, когда ты всѣмъ и каждому отрицаешься отъ нигилизма; однимъ словомъ, что ты ни ступишь, то это все гиль. Держись, пожалуйста, умнѣй, мой благородный вождь, иначе ты будешь свѣшенъ и смѣрянъ здѣсь въ одну недѣлю, и тебя даже подлецомъ не назовутъ, а просто нарядятъ въ шуты и будутъ вышучивать! а тогда ужъ и я не стану тебя утѣшать, а скажу тебѣ: выпроси, другъ Іосафъ

Платонычъ, у кого-нибудь сахарную веревочку и подвѣсься минутъ на десять.

— Ты, однако, очень своеобразно утѣшаешь.

— Да, именно очень своеобразно; я не развожу вамъ разводовъ о «силѣ и матеріи», а ищу дѣйствующей силы, которая бы нашу голову на плечи поставила.

Висленевъ въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Да гдѣ же эта сила, Поль? воскликнулъ онъ почти со слезами на глазахъ.

— Вотъ здѣсь, въ моемъ лбу и въ твоемъ послушаніи и скромности. Я тебѣ это сказалъ въ Москвѣ, когда уговорилъ сюда ѣхать, и опять тебѣ здѣсь повторяю то же самое. Вѣрь мнѣ; вѣра не гиль, она горы двигаетъ; вѣрь въ меня, какъ я въ тебя вѣрю, и ты будешь обладать и достаткомъ, и счастіемъ.

— Полно, пожалуйста, гдѣ ты тамъ въ меня вѣришь?

— А ужъ я другому навѣрно бы не отдалъ портфеля съ полусотней тысячъ денежныхъ бумагъ.

— А я кстати не знаю, зачѣмъ ты ихъ мнѣ отдалъ? Возьми ихъ Бога ради.

— Нельзя, мой милый; я живу въ гостиницѣ.

— Да все равно, конечно: ключъ вѣдь у тебя?

Въ это время въ комнату явился слуга, посланный Гордановымъ съ книгою къ Бодростинымъ, и вручилъ ему маленькую записочку, на которую тотъ только взглянулъ и тотчасъ же разорвалъ ее въ мельчайшіе лепесточки. Долго, впрочемъ, въ ней нечего было и читать, потому что на маленькомъ листкѣ была всего одна коротенькая строчка, написанная мелкимъ женскимъ почеркомъ. Строчка эта гласила: «12 chez vous».

Горданова на минуту только смутила цифра 12. Къ какой порѣ сутокъ она относилась? Впрочемъ, онъ сейчасъ же рѣшилъ, что она не можетъ относиться къ полудню; некстати такъ же, чтобъ это касалось какой-нибудь и другой полуночи, а не той, которая наступитъ вслѣдъ за нынѣшнимъ вечеромъ.

— Она всегда толкова, и дѣло здѣсь, очевидно, идетъ о сегодня, сказалъ онъ себѣ и, положивъ такое рѣшеніе, вздохнулъ изъ глубины души и, обратясь къ сидѣвшему въ молчаніи Висленеву, добавилъ:—такъ-то, такъ-то, братъ Савушка; все у насъ съ тобой впереди, и деньги прежде всего.

— Ахъ, деньги важная вещь!

— Еще бы! Деньги, дитя мое, большой эфектъ въ жизни. И вотъ разъ, что онѣ у насъ съ тобой явятся въ изобиліи, исцѣлятся даже и всѣ твои язвы сердечныя. Прежде же всего надобно заботиться о томъ, чтобы поправить грѣхъ юности моей съ мужичонками. Для этого я попрошу тебя съѣздить въ деревню съ моею довѣренностью.

— Хорошо; я поѣду.

— Я дамъ тебѣ планъ и инструкціи какъ дѣйствовать, а самому мнѣ нужно будетъ тѣмъ временемъ остаться здѣсь. А еще прежде того, есть у тебя деньги или нѣтъ?

— Откуда же онѣ, голубчикъ Павелъ? Изъ ста рублей...

— Да полно вычислять!

Гордановъ развернулъ свой портфель, вынулъ изъ него двѣсти рублей и подалъ Висленеву.

— Мнѣ, право, совѣстно, Поль... заговорилъ Висленевъ, протягивая руку къ деньгамъ.

— Какой же ты послѣ этого нигилистъ, если тебѣ совѣстно деньги брать? Бери, пожалуйста, не совѣстись. Не далеко время, когда у тебя будутъ средства, которыми ты разочтешься со мною за все сразу.

— Ахъ, только будутъ ли они? будутъ ли когда-нибудь?— повторялъ Висленевъ, опуская деньги въ карманъ.

— Будутъ; все будетъ: будутъ деньги, будетъ положеніе въ свѣтѣ; другой жены новой только ужъ не могу тебѣ обѣщать; но кто же въ нашъ вѣкъ изъ порядочныхъ людей живетъ съ женами? А за то, — добавилъ онъ, схватывая Висленева за руку,—за то любовь, любовь... Въ провинціяхъ изъ лоскутковъ шьютъ очень теплыя одѣяла... а ты, каналья, вѣдь охотникъ кутаться!

— Пусти, пожалуйста, съ твоею любовью!—проговорилъ, невольно осклабляясь, Висленевъ.

— Нѣтъ, а ты не шути! — настойчиво сказалъ Гордановъ и, наклонясь къ уху собесѣдника, прошепталъ: — я знаю, кто о тебѣ думаетъ, и не самовольно обѣщаю тебѣ любовь такой женщины, предъ которою у всякаго зарябитъ въ глазахъ. Это вотъ какая женщина, предъ которою и сестра твоя, и твоя генеральша—померкнутъ какъ свѣтляки при свѣтѣ солнца, и которая... сумѣетъ полюбить такъ... какъ сорокъ тысячъ женъ любить не могутъ!—заключилъ онъ, быстро кинувъ руку Висленева.

— Ты это отъ себя фантазируешь?

— Да развѣ такія вещи можно говорить, не имѣя на то полномочія?

— Такъ что жъ она меня знаетъ, что ли?

— Конечно, знаетъ.

Висленевъ подернулъ въ недоумѣніи плечами, а Гордановъ заглянулъ ему въ глаза и, улыбаясь, проговорилъ:

— А! глаза забѣгали!

Висленевъ разсмѣялся.

— Да что же,—отвѣчалъ онъ,—нельзя же все въ самомъ дѣлѣ серьезно слушать, какъ ты интригуешь точно въ маскарадѣ.

— Нечего тебѣ толковать, маскарадъ это или не маскарадъ: довольно съ тебя, что я сдержу всѣ мои слова, а ты будешь и богатъ и счастливъ, а теперь я вотъ ужъ и одѣтъ, и если ты хочешь меня куда-нибудь везти, то можешь мною располагать.

— Да я пригласилъ къ себѣ пріятелей сестры поужинать и самъ пріѣхалъ за тобой.

— Прекрасно сдѣлалъ, что пригласилъ ихъ, и я очень радъ познакомиться съ пріятелями твоей сестры, но только два условія: сейчасъ мнѣ дома нужно написать маленькую цидулочку, и потомъ не сердись, что я долѣе половины двѣнадцатаго ни за что у васъ не останусь.

— А мнѣ бы, знаешь... кажется, надо бы забѣжать...

— Куда?

— Да къ этому генералу Синтянину, заговорилъ, морщась, Висленевъ.—Сестра увѣряетъ, что, по ихъ обычаямъ, будто безъ того и генеральшѣ неловко будетъ придти.

— Ну, разумѣется! А ты не хочешь что ли идти къ нему?

— Конечно, не хотѣлось бы.

— Почему?

Висленевъ сдѣлалъ заученную гримасу и проговорилъ:

— Все, знаешь, лучше, какъ подалѣе отъ синяго мундира.

— Ахъ, ты кумъ!—Гордановъ пожалъ плечами и комически проговорилъ:—Вотъ что общество такъ губитъ: предразсудкамъ нѣтъ конца! Нѣтъ лучше поближе, а не подальше! Иди сейчасъ къ генералу, сію же минуту иди, и до моего пріѣзда умѣй снискать его любовь и расположеніе. Льсти, лги, кури ему, — словомъ, дѣлай что знаешь, это все нужно,—добавилъ онъ, пихнувъ тихонько Висленева рукой къ двери.

— Ну, такъ постой же, знаешь еще что? Сестра хотѣла позвать Бодростину.

— Ну, это вздоръ!

— Я ей такъ и сказалъ.

— Да Глафира и сама не поѣдетъ. Ахъ, женщина какая, Іосафъ?

— Кусай, любезный, локти!—проговорилъ, уходя, Іосафъ Платоновичъ.

Висленевъ ушелъ, а Гордановъ заперъ за нимъ двери на ключъ, досталъ изъ дорожной шкатулки два револьвера, осмотрѣлъ ихъ заряды, обтеръ замшей курки и положилъ одинъ пистолетъ на комодъ возлѣ изголовья кровати, другой—въ ящикъ письменнаго стола. Затѣмъ онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ большое письмо въ Петербургъ, а потомъ на другомъ клочкѣ бумаги начертилъ:

«Я непремѣнно долженъ былъ отлучиться изъ дому, но къ урочному часу буду назадъ, и если минуту запоздаю, то ты подожди».

Окончивъ это послѣднее писаніе, Гордановъ позвонилъ

лакея и велѣлъ ему, если бы кто пришолъ отъ Бодростиныхъ, отдать посланному запечатанную записку, а самъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ къ Висленевымъ.

На дворѣ уже совсѣмъ смерклось и тучилось; былъ девятый часъ вечера, въ небѣ далеко рѣяли зарницы и пахло дождемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Волкъ въ овечьей кожѣ.

Когда экипажъ Горданова остановился у воротъ Висленевскаго дома, Іосафъ Платоновичъ, исполняя завѣтъ Павла Николаевича, былъ у генерала.

Ворота двора были отворены, и Горданову съ улицы были видны освѣщенныя окна флигеля Ларисы, раскрытыя и завѣшенныя ажурными занавѣсками. Гордановъ, по разсказамъ Висленева, зналъ, что ему нужно идти не въ большой домъ, но все-таки затруднялся: сюда ли, въ этотъ ли флигель ему надлежало идти? Онъ не велѣлъ экипажу въѣзжать внутрь двора, сошелъ у воротъ и пошелъ пѣшкомъ. Ни у воротъ, ни на дворѣ не было никого. Изъ флигеля слышались голоса и на занавѣскахъ мелькали тѣни, но отнестись съ вопросомъ было не къ кому.

Гордановъ остановился и оглянулся вокругъ. Въ это время на ступеняхъ крыльца дома, занимаемаго генераломъ, показалась высокая женская фигура въ свѣтломъ платьѣ, безъ шляпы и безъ всякаго выходного убора. Это была генеральша Александра Ивановна. Она тоже замѣтила Горданова съ первой минуты и даже отгадала, что это онъ, отгадала она и его затрудненіе, но, не показавъ ему этого, дернула спокойною рукой за тонкую веревку, которая шла куда-то за уголъ и гдѣ-то терялась. Послышался мѣрный звонъ колокольчика и громкій откликъ: «сейчасъ!»

— Семенъ, иди подай скорѣе барину одѣваться!—отвѣчала на этотъ откликъ Спитянина и стала сходить по ступенямъ, направляясь къ флигелю Висленевыхъ.

Гордановъ тронулся ей на встрѣчу, и только что хотѣлъ сдѣлать ей вопросъ объ указаніи ему пути, какъ она сама предупредила его и, остановясь, спросила:

— Вы, вѣрно, не знаете, какъ вамъ пройти къ Висленевымъ?

— Да,—отвѣчалъ, кланяясь, Гордановъ.

— Вы господинъ Гордановъ?

— Вы не ошиблись, это мое имя.

— Не угодно ли вамъ идти за мной, я иду туда же.

Они перешли дворикъ, взошли на крылечко, и Синтянина позвонила. Дверь не отворялась.

Александра Ивановна позвонила еще разъ, громче и нетерпѣливѣе, задвижка отодвинулась и въ растворенной двери предстала легкая фигура Ларисы.

— Какъ у тебя, Лара, никто не слышитъ,—проговорила Синтянина и сейчасъ же добавила:—вотъ къ вамъ гость.

Лариса, смущенная появленіемъ незнакомаго человѣка, подвинулась назадъ и, войдя въ залъ, спросила шопотомъ:

— Кто это?

— Гордановъ,—отвѣчала ей тихо генеральша, и кивнула головой Подозерову по направленію къ передней, гдѣ Гордановъ снималъ съ себя пальто.

Подозеровъ всталъ и быстро подошелъ къ двери какъ разъ въ то время, какъ Гордановъ готовился войти въ залу.

Оба они вѣжливо поклонились, и Гордановъ назвалъ себя по фамиліи.

— Я здѣсь самъ гость, отвѣчалъ ему Подозеровъ и тотчасъ же, указавъ ему рукой на Ларису, которая стояла съ теткой у балконной двери, добавилъ:—вотъ хозяйка.

— Лариса Платоновна,—заключилъ онъ,—вамъ желаетъ представиться товарищъ Іосафа Платоновича, господинъ Гордановъ.

Лариса сдѣлала шагъ впередъ и проговорила казенное:

— Я очень рада видѣть друзей моего брата.

Павелъ Николаевичъ, со скромностью истиннаго джентль-

мена, отвѣчалъ тонкою любезностью Ларисѣ, и, поручая себя ея снисходительному вниманію, отдалъ общій поклонъ всѣмъ присутствующимъ.

Лариса назвала по именамъ тетку и прочихъ.

Гордановъ еще разъ поклонился дамамъ, пожалъ руки мужчинамъ и затѣмъ, обратясь къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Вашъ братъ безпрестанно огорчаетъ меня своею неаккуратностью, и нынче снова поставилъ меня въ затрудненіе. По его милости я являюсь къ вамъ, не имѣя чести быть вамъ никѣмъ представленнымъ, и долженъ самъ рекомендовать себя.

— Братъ здѣсь у нашего жильца и будетъ сюда сію минуту.

И дѣйствительно, въ эту же минуту въ передней, которая оставалась незапертою, послышались шаги и легкій брязгъ шпоръ: это вошли Висленевъ и генералъ Синтянинъ.

Іосафъ Платоновичъ, какъ только появился съ генераломъ, тотчасъ же познакомилъ его съ Гордановымъ и затѣмъ завелъ полушуточный разсказъ о Форовѣ.

Все это время Синтянина зорко наблюдала гостя, но не замѣтила, чтобы Лариса произвела на него впечатлѣніе. Это казалось нѣсколько удивительнымъ, потому что Лариса, прекрасная при дневномъ свѣтѣ, теперь при огнѣ матовой лампы была очаровательна: большіе черные глаза ея горѣли отъ непривычнаго и противнаго ея гордой натурѣ стѣсненія присутствіемъ незнакомаго человѣка, тонкія дуги ея бровей ломались и сдвигались, а строжайшія линіи ея стана блестѣли серебромъ на изломахъ покрывавшаго ея бѣлаго альпага.

По неловкости Висленева, мужчины задержались на нѣкоторое время на срединѣ комнаты и разговаривали между собою. Синтянина рѣшила положить этому конецъ. Ее интересовалъ Гордановъ, и ей хотѣлось съ нимъ говорить, вывѣдать его и понять его.

— Господа! воскликнула она, направляя свое слово какъ

будто исключительно къ Форову и къ своему мужу,—что же вы насъ оставили? Позвольте замѣтить, что намъ это ни мало не нравится.

Мужчины повернулись и, сопровождаемые Іосафомъ Платоновичемъ, усѣлись къ столу. Завязался общій разговоръ. Рѣчь зашла о провинціи и впечатлѣніяхъ провинціальной жизни. Гордановъ говорилъ сдержанно и осторожно.

— Не находите ли вы, что провинція нынче еще болѣе болтлива чѣмъ встарь? спросила Синтянина.

— Я еще не успѣлъ вглядѣться въ нынѣшнихъ провинціальныхъ людей, отвѣчалъ Гордановъ.

— Да, но вы, конечно, знаете, что встарь съ новымъ человѣкомъ заговаривали о погодѣ, а нынче начинаютъ рѣчь съ направленій. Это пріемъ новый, хотя, можетъ-быть и не самый лучшій: это ведетъ къ риску сразу потерять всякій интересъ для новыхъ знакомыхъ.

— Самое лучшее, конечно, это вести рѣчь такъ, какъ вы изволите вести, то-есть заставлять высказываться другихъ, ничѣмъ не выдавая себя, отвѣтилъ ей съ улыбкой Гордановъ.

Александра Ивановна слегка покраснѣла и продолжала:

— О, я совсѣмъ не обладаю такими дипломатическими способностями, какія вы во мнѣ заподозрили, я только любопытна какъ женщина стариннаго режима и люблю повѣрять свои догадки соображеніями другихъ. Есть пословица, что человѣка не узнаешь, пока съ нимъ не съѣшь три пуда соли, но мнѣ кажется, что это вздоръ. Такъ называемые нынче «вопросы» очень удобны для того, чтобы при ихъ содѣйствіи узнавать человѣка, даже ни разу не посоливши съ нимъ хлѣба.

Гордановъ усмѣхнулся.

— Вы, кажется, другого мнѣнія? спросила Синтянина.

— Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ! отвѣчалъ онъ,—мое молчаніе есть только знакъ согласія и удивленія предъ вашею наблюдательностью.

— Вы, однако, тоже, какъ и Іосафъ Платонычъ,не пре-

небрегаете старинным обычаемъ немножко льстить женской суетности, но я недругъ любезностей, расточаемыхъ женскому уму.

— Не женскому, а вашему, хотя я вообще не малый чтитель женскаго ума.

— Не знаю, какой вы его чтитель, но по-моему все нынѣшнее куреніе женскому уму вообще, это опять ничто иное, какъ вѣковѣчная лесть той же самой женской суетности, только положенная на новыя ноты.

— Я съ вами совершенно согласенъ,—отвѣчалъ ей тономъ большой искренности Гордановъ.

— Мой пріятель попъ Евангелъ того убѣжденія, что всякій человѣкъ есть только ветхій Адамъ,—вставилъ Форовъ.

— И вашъ отецъ Евангелъ совершенно правъ,—опять согласился Гордановъ. — Если возьмемъ этотъ вопросъ серьезно и обратимся къ исторіи, къ лѣтописямъ преступленій или къ біографіямъ великихъ людей и друзей человѣчества, вездѣ и повсюду увидимъ одно безконечное ползанье и круженье по зодіакальному кругу: всѣ тѣ же овны, тельцы, раки, львы, дѣвы, скорпіоны, козероги и рыбы, съ маленькими отмѣнами на всякій случай, и только. Ново лишь то, что хорошо забыто.

— Сдаюсь на ваши доводы; вы правы,—согласился Форовъ.

— Теперь, напримѣръ,—продолжалъ Гордановъ,—развѣ не ощутительны новыя тяготѣнія къ старому: Татьяна Пушкина опять скоро будетъ нашимъ идеаломъ; самыя свѣтскія матери не стыдятся знать о здоровьи и воспитаніи своихъ дѣтей; недавно отвергнутый бракъ снова получаетъ важность. Восторги по поводу женскаго труда остыли...

— Нѣтъ-съ, извините меня,—возразилъ Филетеръ Ивановичъ,—вы, я вижу, стародумъ, стоите за старь, зато, что древле было все лучше и дешевле.

— Нимало: я совсѣмъ внѣ времени, но я во всякомъ времени признаю свое хорошее и свое худое.

— Такъ за что же вы противъ женскаго труда?

— Боже меня сохрани! Я не настолько самоотверженъ, чтобы, будучи мужчиной, говорить во вредъ себѣ.

— Я васъ не понимаю,—отозвался генералъ.

— Я стою за самую широкую эмансипацію женщинъ въ отношеніи труда; я даже думаю, что со стороны мужчинъ будетъ очень благоразумно свалить всю работу женщинамъ, но я, конечно, не позволю себѣ называть это эмансипаціей и не могу согласиться, что эта штука впервые выкинута съ женщинами, такъ называемыми, новыми людьми. Привиллегія эта принадлежитъ не имъ.

— Она принадлежитъ нашимъ русскимъ мужичкамъ въ промысловыхъ губерніяхъ,—вставилъ Форовъ.

— Да; чтобы не восходить далѣе и не искать указаній въ странахъ совершенныхъ дикарей, привиллегію эту, конечно, можно отдать тѣмъ изъ русскихъ мужиковъ, для которыхъ семья не дорога. Мужикъ Орловской и Курской губерніи, пахарь, не гоняетъ свою бабу ни пахать, ни боронить, ни косить, а исполняетъ эту тягчайшую работу самъ; промысловый же мужикъ, который, конечно, хитрѣе хлѣбопашца, самъ пьетъ чай въ городскомъ трактирѣ, а жену обучилъ править за него мужичью работу на полѣ. Я отдаю справедливость, что все это очень ловко со стороны господъ мужчинъ, но совѣщусь сказать, что все это сдѣлано для женской пользы по великодушію.

— Вы, кажется-съ, играете словами,—промолвилъ генералъ, замѣтивъ общее вниманіе женщинъ къ словамъ Горданова; но тотъ это рѣшительно отвергъ.

— Я дѣлаю самые простые выводы изъ самыхъ простѣйшихъ фактовъ,—сказалъ онъ,—и притомъ изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, которые ясно убѣждаютъ, что съ женщиной поступаютъ коварно и что значеніе ея все падаетъ. Какъ самое совершеннѣйшее изъ твореній, она призвана къ господству надъ грубою силой мужчины, а ее смѣщаютъ внизъ съ принадлежащаго ей положенія.

— Позвольте-съ, съ этимъ трудно согласиться!

— Съ этимъ, генералъ, *нельзя не согласиться!*

— А я не соглашусь-съ!

— Непремѣнно согласитесь. Развѣ не упало, не измельчало значеніе любви, преданности женщинамъ? Развѣ любовь не замѣняется холоднымъ сватовствомъ, не становится куплею... Согласитесь, что женитьба стала бременемъ, что распространяется ухаживанье за чужими женами, волокитничество, интрига безъ всякихъ обязательствъ со стороны мужчины. Даже обязанности волокитства кажутся ужъ тяжки,—женщина не стоитъ труда, и начинаются rendez-vous новаго сорта; не мелодраматическія rendez-vous съ замирающимъ сердцемъ на балконѣ «съ гитарою и шпагой», а спокойное свиданіе у себя предъ каминомъ, въ архалукѣ и туфляхъ, съ заученною лекціей сомнительныхъ достоинствъ о принципѣ свободы... Рѣчь о свободѣ съ тою, которая сама властна одушевить на всякую борьбу... Простите меня, но, мнѣ кажется, нѣтъ нужды болѣе доказывать, что значеніе женщины, въ такъ называемый «нашъ вѣкъ» едва ли возвеличено тѣмъ, что ей, разжалованной царицѣ, позволили быть работницей! Есть женщины, которыя уже теперь недовѣрчиво относятся къ такой эмансипаціи.

— Да, это правда,—вставила свое слово Лариса.

Гордановъ взглянулъ на нее и, встрѣтивъ ея взглядъ, закончилъ:

— Какъ вамъ угодно, для живой женщины наѣдаться за трудъ не было, не есть нынѣ и никогда не будетъ задачею существованія, и потому и въ этомъ вопросѣ,—если это вопросъ,—кругъ обойденъ, и просится нѣчто новое, это уже чувствуется.

— Однако же-съ, законъ этого-съ еще какъ будто не предусматриваетъ, того, что вы изволите говорить, — прозвучалъ генералъ.

— Законъ!.. Вы правы, ваше превосходительство, законъ не предусматриваетъ, но и въ Англіи не отмѣненъ законъ, дозволяющій мужу продать невѣрную жену, а у

насъ зато есть учрежденія, которыя всегда доставляли защиту женщинѣ, не стѣсняясь закономъ.

— Ага-съ! ага! поняли наконецъ-то: и извѣстныя учрежденія! Вотъ видите когда поняли!—воскликнулъ генералъ.

— Да этого нельзя и не понимать!

— Ага! ага! «нельзя не понимать!» Нѣтъ-съ, не понимали. Законъ! законъ! твердили: все законъ! А законъ-то-съ хорошъ-съ тѣмъ, кто выросъ на законѣ, какъ европейцы, а калмыцкую лошадь одинъ калмыкъ переупрямитъ.

Лариса бросила взглядъ на Горданова и, видя, что онъ молчитъ, встала и попросила гостей къ столу.

Ужинъ шелъ недолго, хотя состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ и начался супомъ съ потрохами. Разговоръ десять разъ завязывался, но не клеился, а Гордановъ упорно молчалъ: съ его стороны былъ чистый разсчетъ оставлять всѣхъ подъ впечатлѣніемъ его недавнихъ рѣчей. Онъ оставался героемъ вечера.

За столомъ говорилъ только Висленевъ, и говорилъ съ однимъ генераломъ о дѣлахъ, о правительствѣ, о министрахъ. Вмѣшиваться въ этотъ разговоръ охотниковъ не было. Висленевъ попробовалъ было потрунить надъ матеріализмомъ дяди, но тотъ отмолчался; тронулъ онъ было теткину религіозность, посмѣявшись, что она не ѣстъ раковъ, боясь грѣха, но Катерина Астафьевна спокойно отвѣтила:

— Не потому, батюшка, не ѣмъ, чтобы считала это грѣхомъ, а потому, что не столько на этихъ ракахъ мяса наѣшь, сколько зубовъ растеряешь.

Такъ ужинъ и кончился.

Вставъ изъ-за стола, Гордановъ тотчасъ же простился и зашелъ на минуту въ кабинетъ Висленева только для того, чтобы раскурить сигару, но, замѣтивъ старинные эстампы, пріостановился передъ Ѳамарью и Іудою.

— Какъ это хорошо исполнено,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это ничего, а ты вотъ взгляни-ка на этихъ коней, позвалъ его къ другой картинѣ Висленевъ.

Гордановъ оглянулся.

— Недурны,—сказалъ онъ сквозь зубы, мелькомъ взглянувъ на картинку.

— А которая тебѣ болѣе нравится?

— Одна другой лучше.

— Ну, этого не бываетъ.

— Почему нѣтъ? твоя сестра и генеральша развѣ не обѣ одинаково прекрасны? Здѣсь больше силы,—она дольше проскачетъ,—сказалъ онъ, показывая головкою тросточки на взнузданнаго бураго коня,—а здѣсь изъ очей пламя бьетъ, изъ ноздрей дымъ валитъ. Прощай,—добавилъ онъ, зѣвнувъ.—Да вотъ еще что, Генералъ-то Синтянинъ, я слышалъ, говорилъ тебѣ за ужиномъ, что онъ ѣдетъ для какихъ-то внушеній въ сторонѣ, гдѣ мое имѣніе,—вотъ тебѣ хорошо бы съ нимъ примазаться! Обдумай-ко это!

— А что-жъ, я, если хочешь, это улажу, но ловко ли только съ нимъ-то?

— И прекрасно сдѣлаешь: съ нимъ-то и ловко! а того.. что бишь такое я еще хотѣлъ тебѣ сказать?.. Да, вспомнилъ! Приходи ко мнѣ завтра часу въ одиннадцатомъ; съѣздимъ вмѣстѣ къ этому Подозерову.

— Хорошо.

— А что, твоя сестра за него уже просватана или нѣтъ?

— Что тако-ое? моя сестра просватана!.. На чемъ ты это основываешь?

— На гусиной печенкѣ, которую она ловила для него въ суповой чашѣ. Это значитъ, она знаетъ его вкусы и собирается угождать имъ.

— Какой вздоръ! сестра, кажется, такой субъектъ, что она можетъ положить ему на тарелку печенку, а тебѣ сердце.

Гордановъ засмѣялся.

— Чего ты смѣешься?

— Не знаю право, но мнѣ почему-то всегда смѣшно, когда ты расхваливаешь твою сестру. А что касается до твоей генеральши, то скажу тебѣ, что она прелесть и баба мозговитая.

— А вотъ видишь ли, а вѣдь ты ошибаешься, она совсѣмъ не такъ умна, какъ тебѣ кажется. Она только бойка.

— Ну да; разсказывай ты! Нѣтъ, а ты рта-то съ ней не разѣвай! Прощай, я совсѣмъ сплю.

Пріятели пожали другъ другу руки, и Висленевъ проводилъ Горданова до коляски, изъ которой тотъ сунулъ Іосафу Платоновичу два пальца и уѣхалъ.

На дворѣ было уже безъ четверти полночь. Гордановъ нетерпѣливо понукалъ кучера, и наконецъ, увидавъ въ окнахъ своего номера чуть замѣтный подслѣповатый свѣтъ, выскочилъ изъ коляски, прежде чѣмъ она остановилась.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не поняли, но объясняютъ.

Проводивъ Горданова, Висленевъ возвратился назадъ въ домъ насвистывая оперетку, и засталъ здѣсь уже все общество на-готовѣ разойтись: Подозеровъ, генералъ и Филетеръ Ивановичъ держали въ рукахъ фуражки, Александра Ивановна прощалась съ Ларисой, а Катерина Астафьевна повязывалась предъ зеркаломъ башлыкомъ.

Іосафъ Платоновичъ хотѣлъ показать, что его эти сборы удивили.

— Господа! воскликнулъ онъ,—куда же вы это?

— Домой-съ, домой, отвѣчалъ, протягивая ему руку, генералъ.

— Что-жъ это такъ рано и притомъ всѣ вдругъ?

— Вамъ спать пора, — отвѣчала ему, подавая на прощанье руку, генеральша Синтянина.

— И даже вы, тетушка, тоже уходите?—обратился онъ къ Форовой, окончившей въ эту минуту свой туалетъ.

— Мужъ меня, батюшка, беретъ, замужъ вышла, не свой человѣкъ.

— Лара, уговори хоть ты, — обратился онъ къ сестрѣ.

— Alexandrine, погоди,—проговорила Лара.

— Мой другъ... ты знаешь, у меня дома есть больная.

Александра Ивановна нагнулась къ уху Ларисы и прошептала:

— Я и такъ поступаю не хорошо: Вѣра весь день очень безпокойна.

— Я больше не прошу,—отвѣтила ей громко Лариса.

— Ну, дѣлать нечего, прощайте, господа, — повторилъ Висленевъ,—но я во всякомъ случаѣ надѣюсь, что мы будемъ часто видѣться. А какъ вамъ, Филетеръ Ивановичъ, показался мой пріятель Гордановъ? Не правда ли, умница?

— Да вы что же сами подсказываете?—возразилъ Форовъ.

— Я не подсказываю, я только такъ...

— Ну ужъ теперь нечего «такъ»! прощайте.

— Нѣтъ, а вѣдь вправду уменъ? допрашивалъ Висленевъ, удерживая за руку майора.

— Ну вотъ, не видала Москва таракана: экая рѣдкость, что уменъ!

— И резоненъ, на вѣтеръ не болтаетъ.

— Это еще того дешевле. Намъ его резоны все равно, что морю дождикъ, мы резоны-то и безъ него съ прописей списывали, а вотъ онъ настоящую *свою суть* покажи!

— Пока вы его провожали, мы на его счетъ по нашей провинціальной привычкѣ уже немножко посплетничали,— сказала почти на порогѣ генеральша. — Знаете, вашъ другъ,—если только онъ другъ вашъ, привелъ насъ всѣхъ къ соглашенію, между тѣмъ какъ всѣ мы чувствуемъ, что съ нимъ мы вовсе несогласны.

Висленевъ засмѣялся и сказалъ:

— Я это ему передамъ.

— У своего крыльца Синтянина на минуту остановилась съ Подозеровымъ и, удержавъ въ своей рукѣ руку, которую послѣдній подалъ ей на прощанье,—спросила его:

— Ну, а вамъ, Андрей Ивановичъ, понравился этотъ баринъ?

— Не очень понравился, Александра Ивановна, коротко отвѣчалъ Подозеровъ.

— Это значитъ, что онъ вамъ совсѣмъ не понравился. Я это, впрочемъ, видѣла и очень сожалѣла. что вы сегодня такъ убійственно скучны и молчаливы. Вы одинъ могли бы ему отвѣчать, и вы-то и не сказали ни слова.

— Къ чему? отвѣтилъ Подозеровъ.—Онъ говоритъ красно Да; они совсѣмъ довоспиталися: теперь уже не такъ легко открыть, кто подъ какимъ флагомъ везетъ какую контрабанду.

— Зачѣмъ же вы молчали? И вообще что значитъ: цѣлый день унылость, а къ ночи сплинъ?

— Не знаю, скучно и сердце болитъ.

— А вы бы вотъ поучились у Горданова владѣть собою! Удивительное самообладаніе!

— Ничего удивительнаго! Самообладаніемъ отличается шулеръ, когда смотритъ всѣмъ въ глаза, чтобы не замѣтили, какъ онъ передергиваетъ карту.

— Во всякомъ случаѣ, господинъ Гордановъ мастерски владѣетъ собою.

— И другими даже, подтвердила Форова, цѣлуя въ лобъ Синтянину.—Это, господа, не человѣкъ, а... кто его знаетъ, кто онъ такой: его въ ступѣ толки, онъ будетъ вокругъ толкача бѣгать.

— А ваше мнѣніе, Филетеръ Ивановичъ, о новомъ гостѣ какое?

— Пока не вложу перста моего—ничего не знаю.

— Вы неисправимы,—промолвила генеральша и добавила:—я рада бы съ вами много говорить, да Вѣра нездорова; но одно вамъ скажу: по-моему, этотъ Гордановъ точно рефлекторъ, онъ все отражалъ и все соединялъ въ фокусѣ, но что же онъ намъ сказалъ?

— А ничего!—отвѣтилъ Форовъ.—Съ пытливыхъ дамъ и этого довольно.

— Ну, прощайте,—произнесла генеральша и, кивнувъ всѣмъ головою, пошла на крыльцо.

Форовъ втроемъ съ женою и Подозеровымъ вышли за

калитку и пошли по пустынной улицѣ озареннаго луной и спящаго города.

Іосафъ Платоновичъ, выпроводивъ гостей, счелъ было нужнымъ поговорить съ сестрой по-сердцу и усадилъ ее въ гостиной на диванѣ, но, перекинувшись двумя-тремя фразами, почувствовалъ нежеланіе говорить и ударилъ отбой.

— Ну и слава Богу, что у тебя все хорошо;—сказалъ онъ. — Ты сколько же берешь нынче въ годъ за домъ съ Синтяниныхъ?

— Столько же какъ и прежде, Жозефъ.

— То-есть, что же именно? Я вѣдь уже все это позабылъ, сколько за все платилось.

— Они мнѣ платятъ шестьсотъ рублей.

— Фуй, фуй, какъ дешево! Квартиры повсемѣстно ужасно вздорожали.

— Да? я, право, этого не знаю, Жозефъ.

— Какъ же, Ларушка. По крайней мѣрѣ у насъ въ Петербургѣ все стало чортъ знаетъ какъ дорого. Ты напрасно не обратишь на это вниманія.

— Но что же мнѣ до этого?

— Какъ что тебѣ до этого, моя милая? Ихъ превосходительства могли бы тебѣ теперь и подороже...

— Ахъ, полно Бога ради, цѣна, которую они платятъ, мнѣ ровесница. Синтянинъ, съ тѣхъ поръ какъ выѣхали Гриневичи, платитъ за этотъ домъ шестьсотъ рублей, не я же стану набавлять на нихъ... Съ какой стати?

— Какъ съ какой стати? Все дорожаетъ, а деньги дешевѣютъ. Матушка наша, я помню, платила кухаркѣ два рубля серебромъ въ мѣсяцъ, а мы теперь сколько платимъ?

— Пять.

— Ну, вотъ, здравствуй, пожалуйста! Платишь за все втрое, а берешь то же самое, что и сто лѣтъ тому назадъ брала. Это невозможно. Я даже удивляюсь, какъ имъ самимъ это не совѣстно жить за старую цѣну, и если они этого не понимаютъ, то я дамъ имъ это почувствовать.

— Нѣтъ, я прошу тебя, Жозефъ, этого не дѣлать! Во-первыхъ, Синтянины небогаты, а во-вторыхъ, у насъ квартиры втрое и не вздорожали, въ-третьихъ же, я дорожу Синтяниными, какъ хорошими постояльцами, и дружна съ Alexandrine...

— Да; «дружба, это ты!» когда намъ это выгодно,— перебилъ, махнувъ рукой, Висленевъ.

— А въ-четвертыхъ...—проговорила и замялась на словѣ Лариса.

— Въ-четвертыхъ, это не мое дѣло. Я съ тобой согласенъ, часть свою я тебѣ уступилъ, и домъ вполнѣ твоя собственность, но вѣдь тебѣ же надо на что-нибудь и жить.

— Я и живу.

— Да, ты живешь мастерски, живешь чисто и прекрасно,—продолжалъ онъ,—но все-таки... быть посвободнѣе въ грошѣ никогда не мѣшаетъ. Конечно, я предъ тобой много виноватъ...

— Ты виноватъ? Чѣмъ это? я не знаю.

— Ну, помнишь, вѣдь я обѣщалъ тебѣ, что я буду помогать и даже опредѣлилъ тебѣ триста рублей въ годъ, но мнѣ, дружочекъ Лара, такъ не везетъ,—добавилъ онъ, сжимая руку сестрѣ,—мнѣ такъ не везетъ, что даже одурь подчасъ взять готова! Тяжко наше переходное время! То принципы не идутъ въ согласіе съ выгодами, то... ахъ, да ужъ лучше и не поднимать этого! Вообще тяжело человѣку въ наше переходное время.

— Вообще ты напоминаешь мнѣ о томъ, Жозефъ, о чемъ я давно позабыла.

— То-есть о чемъ же я тебѣ напоминаю?

— О твоемъ обѣщаніи, которое ты исполнять отнюдь не долженъ; потому что имѣешь теперь уже свою семью, и о томъ, какъ живется человѣку въ наше переходное время. Я его ненавижу.

— Что же, развѣ ты перешла «переходы» и видишь пристанище? пошутилъ Висленевъ, гладя сестру по рукѣ и смотря ей въ глаза.

— Пристанище въ томъ: жить какъ живется.

— Ой, шутишь, сестренка!

— Нимало.

— Тебѣ всего вѣдь девятнадцать лѣтъ.

— Нѣтъ, черезъ мѣсяцъ двадцать.

— Пора бы тебѣ и замужъ.

Лариса разсмѣялась и отвѣчала:

— Не берутъ.

— Ой, лжешь ты, Лара, лжешь, чтобы тебя не брали! Ты хороша какъ пери.

— Полно, пожалуйста.

— Ей-Богу! Вѣдь ты ослѣпительно хороша! Погляди-ка на меня! Фу, ты Господи! Что за глазищи: мракъ и пламень, и сердце не камень.

— Камень, Іосафъ,—отвѣчала, улыбаясь, Лара.

— Врешь, Ларка! Я тебя уже изловилъ

— Ты изловилъ меня?.. На чемъ?

— На гусиной печенкѣ.

Лариса выразила непритворное удивленіе.

— Не понимаешь? Полно, пожалуйста, притворяться! Намъ, братъ, Питеръ-то уже глаза повытеръ, мы всюду смотримъ и всякую штуку замѣчаемъ. Ты зачѣмъ Подозерову полчаса цѣлыхъ искала въ супѣ печенку?

— Ахъ, это-то... Подозерову!

И Лариса вспыхнула.

— Стыдъ не потерянъ,—сказалъ Іосафъ Платоновичъ,— но выборъ особыхъ похвалъ не заслуживаетъ.

— Выбора нѣтъ.

— Что же это... Такъ?

— Именно такъ... ничего.

— Ну, я такъ и говорилъ.

— Ты *такъ говорилъ?*.. Кому и что такъ ты говорилъ?

— Нѣтъ, это такъ, пустяки. Гордановъ меня спрашивалъ, просватана ты или нѣтъ? а я говорю: «съ какой стати?»

Висленевъ вздохнулъ, выпустилъ клубъ сигарнаго дыма и, потеребя сестру за мизинецъ, проговорилъ:

— Покрѣпись, Ларушка, покрѣпись, подожди! У меня все это настраивается, и прежде Богъ дастъ хорошенько подкуемся, а тогда ужъ для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ пойдетъ не та музыка. А теперь, покуда, прощай,— добавилъ онъ, вставая и цѣлуя Ларису въ лобъ, а самъ подумалъ про себя: «Тьфу, чортъ возьми, что это такое выходитъ! Хотѣлъ у ней попросить, а вмѣсто того ей же еще наобѣщалъ».

— Лариса молча пожала его руку.

— А мой портфель, который я тебѣ давеча отдалъ, у тебя? спросилъ, простившись, Висленевъ.

— Нѣтъ! я положила его на твой столъ въ кабинетѣ.

— Ай! зачѣмъ же ты это сдѣлала такъ неосторожно?

— Но вѣдь онъ, слава Богу, цѣлъ?

— Да, это именно слава Богу; въ немъ сорокъ тысячъ денегъ, и не моихъ еще вдобавокъ, а Гордановскихъ.

— Онъ такъ богатъ?

— Н... н... не столько богатъ какъ тароватъ, онъ далеко пойдетъ. Это человѣкъ какъ разъ по времени, по сезону. Меня, признаюсь, очень интересуетъ, какъ онъ здѣсь понравится-ли?

— Я думаю.

— Нѣтъ; вѣдь его, дружокъ, надо знать такъ, какъ я его знаю; вѣдь это голова, это страшная голова!

— Онъ уменъ.

— Страшная голова!.. Прощай, сестра,

И братъ съ сестрой еще разъ простились и разошлись.

Зала стемнѣла, и въ дверяхъ Ларисы щелкнулъ замокъ, повернутый ключемъ изъ ея спальни.

— Ключъ!—прошепталъ, услыхавъ этотъ звукъ, Іосафъ Платоновичъ, стоя въ раздумьи надъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи и между ними лежалъ портфель.

— Ключъ! — повторялъ онъ въ раздумьи и, взявъ въ руки портфель, повертѣлъ его, пожалъ, завелъ подъ его крышку костяной ножикъ, поштурфовалъ имъ во всѣ сто-

роны и, бросивъ съ досады и ножикъ, и портфель, вошелъ въ залу и постучалъ въ двери сестриной спальни.

— Что тебѣ нужно, Жозефъ?—отозвалась Лариса.

— Къ тебѣ, Лара, ходитъ какой-нибудь слесарь?

— Да, когда нужно, у Синтяниныхъ есть слесарь-солдатъ,—отвѣчала сквозь двери Лариса.

— Пошли за нимъ, пожалуйста, завтра, онъ мнѣ нуженъ.

— Хорошо. А кстати, Жозефъ, ты завтра дѣлаешь кому-нибудь визиты?

— Кому же, Лара?

— Бодростиной, напримѣръ?

— Бодростиной! Зачѣмъ?

— Мы же съ ней въ родствѣ: она двоюродная сестра твоей жены, и она у меня бываетъ.

— Да, милый другъ, мы съ ней въ родствѣ, но не въ согласіи, проговорилъ, уходя, братъ. — Прощай, Ларушка.

— Спокойной ночи, братъ.

— Да, да, да, мысленно проговорилъ себѣ Іосафъ Платоновичъ, остановившись на минуту предъ темными стеклами балконной двери.—Да, и Бодростина, и Гордановъ, это все свойственники... Свойство и дружество!.. Нѣтъ, друзья и вправду видно хуже враговъ. Ну, да еще посмотримъ, кто кого? Старые охотники говорятъ, что въ отчаянную минуту и заяцъ кусается, а я хоть и загнанъ, но еще не заяцъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Изъ балета «Два вора».

Покойная ночь, которую всѣ пожелали Висленеву, была неспокойная. Простясь съ сестрой и возвратясь въ свой кабинетъ, онъ заперся на ключъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ. Думы его летѣли одна за другою толпами, словно онъ куда-то несся и обгонялъ кого-то на ретивой тройкѣ; ему, очевидно, было сильно не по себѣ: его

точилъ незримый червь, отъ котораго нельзя уйти какъ отъ самого себя.

— Весь я истормошился и изнемогъ, говорилъ онъ себѣ. — Здѣсь какъ будто легче немного, въ отцовскомъ домѣ, но надолго ли?.. Надолго ли они не будутъ знать, что я изъ себя сдѣлалъ?.. Кто я и что я?.. Надо, надо спасаться! Дни ужасно быстро бѣгутъ, сбѣжали безвѣстно куда цѣлые годы, перевалило за полдень, а я еще не доигралъ ни одной... нѣтъ, нужна рѣшимость... квитъ или двойной кушъ!

Висленевъ нетерпѣливо сбросилъ пиджакъ и жилетку и уже хотѣлъ совсѣмъ раздѣваться, но вмѣсто того только завелъ руку за разстегнутый воротъ рубашки и до крови сжалъ себѣ ногтями кожу около сердца. Черезъ нѣсколько секундъ онъ ослабилъ руку, подошелъ въ раздумьи къ столу, взялъ перочинный ножикъ, открылъ его и приставилъ къ крышкѣ портфеля.

«Разъ и все кончено и все объяснится», пробѣжало въ его умѣ.

— Но если тутъ дѣйствительно есть такія деньги? Если... Гордановъ не лгалъ, а говорилъ правду? Откуда онъ могъ взять такія цѣнныя бумаги? Это ложь... но, однако, какое же я имѣю право въ немъ сомнѣваться? Вѣдь во всѣхъ случаяхъ до сихъ поръ онъ меня выручалъ, а я его... и что же я выиграю оттого, если удостовѣрюсь, что онъ меня обманываетъ и хочетъ обмануть другихъ? Я ничего не выигрываю. А если онъ дѣйствительно владѣетъ вѣрнымъ средствомъ выпутаться самъ и меня выпутать, то я, обличивъ предъ нимъ свое невѣріе, послѣднимъ поклономъ всю обѣдню себѣ испорчу. Нѣтъ!

Онъ быстрымъ движеніемъ бросилъ далеко отъ себя ножъ, задулъ свѣчи и, распахнувъ окно въ садъ, свѣсился туда по грудь и сталъ вдыхать свѣжій ночной воздухъ.

Ночь была тихая и теплая, по небу шли грядками слоистыя облака и заслоняли луну. Дождь, не разошедшійся съ вечера, не расходился вовсе. На усыпанной дорожкѣ

противъ окна Ларисиной комнаты лежали три полосы слабаго свѣта, пробивавшагося сквозь опущенныя сторы.

— Сестра не спитъ еще, подумалъ Висленевъ. — Бѣдняжка!.. Славная она, кажется, дѣвушка... только никакого въ ней направленія нѣтъ... а вправду, чортъ возьми, и нужно ли женщинамъ направленіе? Правила, я думаю, нужнѣе. Это такъ и было: прежде цѣнили въ женщинахъ хорошія правила, а нынче направленіе... мнѣ, по правдѣ сказать, въ этомъ случаѣ старина гораздо больше нравится. *Правила*, это нѣчто твердое, вѣрное, само себя берегущее и само за себя отвѣтствующее, а направленіе... это: день мой—вѣкъ мой. Это все колеблется, перемѣняется и мятется, и въ своихъ перебиваніяхъ, и въ своихъ задачахъ. И что такое это наше направленіе?.. Кто мы и что мы? Мы лѣземъ на мѣста, не пренебрегаемъ властью, хлопочемъ о деньгахъ и полагаемъ, что когда заберемъ въ руки и деньги, и власть, тогда сдѣлаемъ и «общее дѣло»... но вѣдь это все вздоръ, все это лукавство, никакъ не болѣе, на самомъ же дѣлѣ теперь о себѣ хлопочетъ каждый... Гордановъ служилъ въ Польшѣ, а развѣ онъ любитъ Россію? Онъ потомъ учредилъ кассу ссудъ на чужое имя, и дралъ и съ живого и съ мертваго, говоря, что это нужно для «общаго дѣла», но развѣ какое-нибудь общее дѣло видало его деньги? Онъ давалъ мнѣ взаймы... но развѣ мое нынѣшнее положеніе при немъ не то же самое, что положеніе нѣмца, котораго Блонденъ носилъ за плечами, хотя по канату? Я долженъ сидѣть у него на закорткахъ, потому что я *долженъ*... Прегадкій каламбуръ! Но мой Блонденъ рано или поздно полетитъ внизъ головой... онъ не сдобруетъ, этотъ чудотворецъ, заживо творящій чудеса, и я съ нимъ вмѣстѣ сломаю себѣ шею... я это знаю, я это чувствую и предвижу. Здѣсь, въ родительскомъ домѣ, мнѣ это ясно до боли въ глазахъ... мнѣ словно кто-то шепчетъ здѣсь: «кинь, брось его и оглянись назадъ... А назади?..»

Ему въ это мгновеніе показалось, что позади его кто-то дышетъ.

Висленевъ быстро восклонился отъ окна и глянулъ назадъ.

По полу, черезъ всю переднюю, лежала чуть замѣтная полоса слабаго свѣта и ползла чрезъ открытую дверь въ темный кабинетъ и здѣсь терялась во тьмѣ.

— Луна за облакомъ, откуда бы могъ быть этотъ свѣтъ? подумалъ Висленевъ, тихо вышелъ въ переднюю и вздрогнулъ.

Высокій фасадъ большого дома, занимаемаго семействомъ Синтянина, былъ весь теменъ, но въ одномъ окнѣ стояла легкая, почти воздушная бѣлая фигура, съ лицомъ, ярко освѣщеннымъ двумя свѣчами, которыя горѣли у ней въ обѣихъ рукахъ.

Это не была Александра Ивановна, это легкая, эѳирная, полудѣтская фигура въ бѣломъ, но не въ бѣломъ платьѣ обыкновеннаго покроя, а въ чемъ-то въ родѣ ряски монастырской бѣлицы. Стоячій воротничекъ обхватываетъ тонкую, слабую шейку, дѣтскій станъ словно повитъ пеленой и широкіе рукава до локтей открываютъ тонкія руки, озаренныя трепетнымъ свѣтомъ горящихъ свѣчъ. Съ головы на плечи вьются свѣтлыя русыя кудри, и едва черные острые глаза глядятъ точно не видя, а уста шевелятся.

— И что она дѣлаетъ, стоя со свѣчами у окна? размышлялъ Висленевъ.—И главное, кто это такой: ребенокъ, женщина или, пожалуй, привидѣніе... духъ!.. Какъ это смѣшно! Кто ты? Мой ангелъ ли спаситель иль темный демонъ искуситель? А вотъ и темно... Какъ странно у нея погасъ огонь! Я не видалъ, чтобъ она задула свѣчи, а она точно сама съ ними исчезла... Что это за явленіе такое? Завтра первымъ дѣломъ спрошу, что это за фея у нихъ мерцаетъ въ ночи? Не призываюсь ли я вправду къ покаянію? О, да, о, да, какая разница, еслибъ я пріѣхалъ сюда одинъ, именно для одной сестры, или теперь?.. Мнѣ тяжело здѣсь съ демономъ, на котораго я возложилъ мои надежды. Сколько разъ я думалъ придти сюда какъ блудный сынъ, покаяться и жить какъ всѣ они, ихъ тихою, простою жизнью... Нѣтъ,

все не хочется смириться и надежда все лжетъ своимъ лепетомъ, да и нельзя: въ нашъ вѣкъ отсылаютъ къ самопомощи... Самъ себѣ, говорятъ, помогай, то есть что же, крадь что ли, если не за что взяться? Вотъ отъ этого и мошенниковъ стало очень много. Фу, Господи, откуда и зачѣмъ опять является въ окнѣ это бѣлое привидѣніе! Что это?.. Обѣ руки на-крестъ и свѣчи у ушей взмахнула... Нѣтъ ее... и холодъ возлѣ сердца... Ну, однако, мои нервы съ дороги воюютъ. Давно пора спать. Нечего думать о мистеріяхъ блуднаго сына, теперь ужъ настала пора ставить балетъ *Два вора*... Что?.. и онъ вдругъ вздрогнулъ при послѣднемъ словѣ и повторилъ въ умѣ «балетъ *Два вора*». «Ужасно!.. А вонъ окно-то въ садъ открыто о сю пору... Какая неосторожность! Садъ кончается неогороженнымъ обрывомъ надъ рѣкою... Вору ничего почти не стоитъ забраться въ садъ и... украсть портфель. Виленевъ перешелъ назадъ въ свой кабинетъ и остановился. Такъ ничего невозможно сдѣлать съ такою нерѣшительностью...» соображалъ онъ, «оттого мнѣ никогда и не удавалось быть честнымъ, что я всегда хотѣлъ быть честнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, я всегда упускалъ хорошіе случаи, а за дрянные брался... Гордановъ бы не раздумывалъ на моемъ мѣстѣ обревизовать этотъ портфель, тѣмъ болѣе, что сюда въ окна, напримѣръ, очень легко могъ влѣзть воръ, взять изъ портфеля цѣнныя бумаги... а портфель... бросить разрѣзанный въ саду... Отчего я не могу этого сдѣлать? Низко?.. Передъ кѣмъ? Кто можетъ это узнать... Гораздо хуже я хотѣлъ звать слесаря. Слесарь свидѣтель... Но самого себя стыдно. Сердце бьется! Но я вѣдь и не хочу ничего взять себѣ, это будетъ только хитрость, чтобы знать: есть у Горданова средства повести какія-то блестящія дѣла или все это вздоръ? Конечно, конечно; это простительно, даже это нравственно разоблачать такое темное мошенничество! Иначе никогда на волю не выберешься... Гдѣ ножъ? Куда я его бросилъ!» шепталъ онъ, дрожа и блуждая взоромъ по темной комнатѣ. «Фу, какъ темно! Онъ, кажется, упалъ подъ кровать...»

Висленевъ началъ шарить впотьмахъ руками по полу, но ножа не было.

— Какая глупость! Гдѣ спички?

Онъ началъ осторожно шарить по столу, ища спичекъ, но и спичекъ тоже не было.

— Все не то, все попадается портфель... Вотъ, кажется, и спички... Нѣтъ!.. Однако же какая глупость... съ кѣмъ это я говорю и дрожу... Гдѣ же спички?.. У сестры все такъ въ порядкѣ и нѣтъ спичекъ... Что?.. Съ какой стати я сказалъ: «у сестры...» Да это правда, я у сестры, и на столѣ нѣтъ спичекъ... Этъ оттого, что онѣ вѣрно у кровати.

Онъ, чуть касаясь ногами пола, пошелъ къ кровати: здѣсь было еще темнѣе. Опять надо было искать на ощупь, но Висленевъ, проводя руками по маленькому столику, вдругъ неожиданно свалилъ на полъ колокольчикъ, и съ этимъ быстро бросился обутый и въ панталонахъ въ постель, и закрылся съ головой одѣяломъ.

Его обливалъ потъ и въ то же время била лихорадка, въ головѣ все путалось и плясало, сдавалось, что по комнатѣ кто-то тихо ходитъ, стараясь не разбудить его.

— Не лучше ли дать знать, что я не крѣпко сплю и притворно вздохнулъ, сонныхъ вздохомъ и, потянувшись, совлекъ съ головы одѣяло.

Въ жаркое лицо ему пахнула свѣжая струя, но въ комнатѣ было все тихо.

— Сестра притихла, или она вышла, подумалъ онъ и ворохнулся посмѣлѣе.

Конецъ спустившагося одѣяла задѣлъ за лежавшій на полу колокольчикъ, и тотъ, медленно дребезжа о края язычкомъ, покатился по полу. Вотъ онъ описалъ полукругъ и все стихло, и снова нигдѣ ни дыханія, ни звука, и только слышно Висленеву, какъ крѣпко ударяетъ сердце въ его груди; онъ слегка разомкнулъ рѣсницы и видитъ—темно.

— Да, можетъ быть, сестра сюда вовсе и не входила, можетъ все это мнѣ только послышалось... или, можетъ

быть, не послышалось... а сюда входила не сестра... а садъ кончается обрывомъ надъ рѣкой... ограды нѣтъ, и воръ... или *онъ самъ* могъ все украсть, чтобы послѣ обвинить меня и погубить!

Висленевъ быстро сорвался съ кровати, потянулъ за собою одѣяло и, кинувшись къ столу, судорожными руками нащупалъ портфель и палъ на него грудью.

Нѣсколько минутъ онъ только тяжело дышалъ и потомъ, медленно распрямляясь, всталъ, прижалъ портфель обѣими руками къ груди и, высунувшись изъ окна, поглядѣлъ въ садъ.

Ночь темнѣла предъ разсвѣтомъ, а на пескѣ дорожки попрежнему мерцали три полоски свѣта, проходящаго сквозь шторы итальянскаго окна Ларисиной спальни.

— Неужто это Лара до сихъ поръ не спитъ? А можетъ быть у нея просто горитъ лампада. Пойти бы къ ней и попросить у нея спички? Что жъ такое? Да и вообще чего я пугаюсь! Вздоръ все это; гиль! Я не только долженъ удостовѣриться, а я долженъ... взять, да, взять, взять... средство, чтобы самому себѣ помогать... Презираю себя, презираю другихъ, презираю то, что меня могутъ презирать, но ужъ кончу же это все разомъ! Прежде всего разбужу сестру и возьму спичекъ, тутъ нѣтъ ничего непозволительнаго? Нездоровится, неспится, а спичекъ не поставлено, или я не могу ихъ найти?

Висленевъ прокрался въ самый темный уголъ къ камину и поставилъ тамъ портфель за-часы, а потомъ подошелъ къ запертой двери въ залъ и осторожно повернулъ ключъ.

Замочная пружина громко щелкнула и дверь въ залу отворилась.

Ну ужъ теперь надобно идти!

Онъ подошелъ къ дверямъ сестриной комнаты, но вдругъ спохватился и сталъ.

— Это никуда не годится, рѣшилъ онъ.—Зачѣмъ мнѣ огонь? Въ саду можетъ кто-нибудь быть, и ему все будетъ видно ко мнѣ въ окно, что я дѣлаю! Теперь ночь, это правда, но самыя неожиданныя случайности часто выда-

вали самыя вѣрно разсчитанныя предпріятія. Положимъ, я могу опустить штору, но все-таки будетъ извѣстно, что я просыпался и что у меня былъ огонь... тѣнь можетъ все выдать, надо бояться и тѣни.

Онъ сдѣлалъ два шага назадъ и остановился противъ балконной двери.

— Не лучше ли отворить эту дверь? Это было бы прекрасно... Тогда могло бы все пасть на то, что забыли запереть дверь и ночью взошелъ воръ, но...

Онъ ужъ хотѣлъ повернуть ключъ и остановился: опять пойдетъ это замочное щелканье, и потомъ... это неловко... могутъ пойти гадкіе толки, вредные для чести сестры...

Висленевъ отмѣнилъ это намѣреніе и тихо возвратился въ свой кабинетъ. Осторожно, какъ можно тише притворилъ онъ за собою дверь изъ залы, пробрался къ камину, на которомъ оставилъ портфелъ, и вдругъ чуть не свалилъ завѣтныхъ часовъ. Его даже облилъ холодный потъ, но онъ впотьмахъ, не зная самъ какимъ чудеснымъ образомъ подхватилъ часы налету, взялъ въ руки портфель и, отдохнувъ минуту отъ волненія, началъ хладнокровно шарить руками, ища по полу заброшеннаго ножа.

Хладнокровная работа оказалась далеко успѣшнѣе давишнихъ судорогъ, и ножикъ скоро очутился въ его рукахъ. Взявъ въ руки ножъ, Висленевъ почувствовалъ твердое и неодолимое спокойствіе. Сомнѣнія его сразу покинули,—о страхахъ не было и помину. Теперь ему никто и ничто не помѣшаетъ вскрыть портфель, узнать, дѣйствительно ли тамъ лежатъ цѣнныя бумаги, и потомъ свалить все это на воровъ. Размышлять больше не о чемъ, да и некогда; ножъ, крѣпко взятый рѣшительною рукой, глубоко вонзился въ спай крышки портфеля, но вдругъ Висленевъ вздрогнулъ, ножъ завизжалъ, вырвался изъ его рукъ, точно отнятый сторонней силой, и упалъ куда-то далеко за окномъ, въ густую траву, а въ комнатѣ, среди глубочайшей ночной тишины, съ рычаньемъ раскатился оглушительный звонъ, трескъ, шипѣніе, свистъ и грохотъ.

Висленевъ схватился за косякъ окна и не дышалъ, а когда онъ пришелъ въ себя, предъ нимъ стояла со свѣчей въ рукахъ Лариса, въ ночномъ пеньюарѣ и кругломъ фламандскомъ чепцѣ на черныхъ кудряхъ.

— Что здѣсь такое, Joseph? спросила она голосомъ тихимъ и спокойнымъ, но наморщивъ лобъ и острымъ взглядомъ окидывая комнату.

— А... что такое?

— Зачѣмъ ты пустилъ эти часы! Они уже восемнадцать лѣтъ стояли на минутѣ батюшкиной смерти... а ты ихъ стронулъ.

— Ну, да я испугался и самъ! заговорилъ, оправляясь, Висленевъ.—Они подняли здѣсь такой содомъ, что мертвый бы впалъ въ ужасъ.

— Ну, да это не мудрено, у нихъ давно все перержавѣло, и разумѣется, какъ колеса пошли, такъ и скатились всѣ до новаго завода. Тебѣ не надо было ихъ пускать.

— Да я и не пускалъ.

— Помилуй, кто же ихъ пустилъ? Они всегда стояли.

— Я тебѣ говорю, что я ихъ не пускалъ.

— Ты, вѣрно, ихъ толкнулъ или покачнулъ неосторожно. Они стояли безъ четырехъ минутъ двѣнадцать, прошли нѣсколько минутъ и начали бить, пока сошелъ заводъ. Я сама не менѣе тебя встревожилась, хотя я еще и не ложилась спать.

— А я вѣдь, представь ты, спалъ и очень крѣпко спалъ, и вдругъ здѣсь этотъ шумъ и... кто-то... словно бросился въ окно... я вспрыгнулъ и вижу... портфель... гдѣ онъ?

— Онъ вотъ у тебя, у ногъ.

— Да вотъ... и онъ нагнулся къ портфелю.

Лариса быстро отвернулась и, подойдя къ камину, на которомъ стояли часы, начала поправлять ихъ, а затѣмъ задула свѣчу и, переходя безъ огня въ переднюю, остановилась у того окна, у котораго незадолго предъ тѣмъ стоялъ Висленевъ.

— Чего ты смотришь?—спросилъ онъ, выходя вслѣдъ за сестрой.

— Смотрю, нѣтъ ли кого на дворѣ.

— Ну и что же: нѣтъ никого?

— Нѣтъ, я вижу, кто-то прошелъ?

— Кто прошелъ? Кто?

— Это вѣрно жандармъ.

— Что? жандармъ! Зачѣмъ жандармъ? И Висленевъ подвинулся за сестрину спину.

— Здѣсь это часто... Къ Ивану Демьянычу депеша или бумага, и больше ничего.

— А, ну такъ будемъ спать!

Лариса не подала брату руки, но молча подставила ему лобъ, который былъ холоденъ, какъ кусокъ свинца.

Висленевъ ушелъ къ себѣ, заперся со всѣхъ сторонъ и, опуская штору въ окнѣ, подумалъ: «Ну, чортъ возми совсѣмъ! Хорошо, что это еще такъ кончилось? Конечно, тамъ мой ножъ за окномъ... Но, впрочемъ, кто же знаетъ, что это мой ножъ?.. Да и если я не буду спать, то я на зарѣ пойду и отыщу его...»

И съ этимъ онъ не замѣтилъ, какъ уснулъ.

Лариса между тѣмъ, войдя въ свою комнату, снова заперлась на ключъ и, ставъ на срединѣ комнаты, окаменѣла.

— Боже! Боже мой! прошептала она, приходя чрезъ нѣсколько времени въ себя,—да неужто же мои глаза... Неужто онъ!

И она покрылась яркою краской багроваго румянца и перешла изъ спальни въ столовую. Здѣсь она сѣла у окна и, спрятавшись за косякомъ, рѣшилась не спать, пока настанетъ день и проснется Синтянина.

Ждать приходилось недолго, на дворѣ уже замѣтно сѣрѣло, и у сосѣда Висленевыхъ, въ клѣткѣ, на высокомъ шестѣ, перепелъ громко ударялъ свое утреннее «бакъ-бабакъ!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дока на доку нашелъ.

Чтобъ идти далѣе, надо возвратиться назадъ къ тому полуночному часу, въ который Гордановъ уѣхалъ изъ дома Висленевыхъ къ себѣ въ гостиницу.

Мы знаемъ, что, когда Павелъ Николаевичъ пріѣхалъ къ себѣ, было безъ четверти двѣнадцать часовъ. Онъ велѣлъ отпрягать лошадей и, проходя по коридору, кликнулъ своего новаго слугу.

— Ко мнѣ должны сейчасъ пріѣхать мои знакомые: дожидай ихъ внизу и встрѣть ихъ и приведи, — велѣлъ онъ лакею.

— Понимаю-съ.

— Ничего ты не понимаешь, а иди и дожидайся. Подай мнѣ ключъ, я самъ взойду одинъ.

— Ключа у меня нѣтъ-съ, потому что тамъ, въ передней, васъ ожидаютъ съ письмомъ отъ Бодростиныхъ.

— Отъ Бодростиныхъ! изумился Гордановъ, который ожидалъ совсѣмъ не посланнаго.

— Точно такъ-съ.

— Давно?

— Минуты три не больше, я только проводилъ и шелъ сюда.

— Хорошо, все-таки жди внизу, приказалъ Гордановъ и побѣжалъ вверхъ, прыгая черезъ двѣ и три ступени.

— Человѣкъ съ письмомъ! думалъ онъ, это, конечно, ей помѣшало что-нибудь очень серьезное. Чортъ бы побралъ всѣ эти препятствія въ такую пору, когда все больше чѣмъ когда-нибудь виситъ на волоскѣ.

Съ этимъ онъ подошелъ къ двери своего ложемента, нетерпѣливо распахнулъ ее и остановился.

Коридоръ былъ освѣщенъ, но въ комнатахъ стояла непроглядная темень.

— Кто здѣсь? громко крикнулъ Гордановъ на порогѣ и

мысленно ругнулъ слугу, что въ номерѣ нѣтъ огня, но, замѣтивъ въ эту минуту маленькую гаснущую точку только что задутой свѣчи, повторилъ гораздо тише:—кто здѣсь такой?

— Это я! отвѣчалъ ему изъ темноты тихій, но звучный голосъ.

Гордановъ быстро переступилъ порогъ и заперъ за собою дверь.

Въ это мгновеніе плеча его тихо коснулась мягкая, нѣжная рука. Онъ взялъ эту руку и повелъ того, кому она принадлежала, къ окну, въ которое слабо свѣтилъ снизу уличный фонарь.

— Ты здѣсь?—воскликнулъ онъ, взглянувъ въ лицо таинственнаго посѣтителя.

— Какъ видишь... Одинъ ли ты, Павелъ?

— Одинъ, одинъ, и сейчасъ же совсѣмъ отошлю моего слугу.

— Пожалуйста, скорѣй пошли его куда-нибудь далеко... Я такъ боюсь... Вѣдь здѣсь не Петербургъ.

— О, перестань, все знаю и самъ дрожу.

Онъ свѣсился въ окно и позвалъ своего человѣка по имени.

— Куда бы только его послать, откуда-бы онъ не скоро воротился?

— Пошли его на извозчикѣ въ нашу оранжерею купить цвѣтовъ. Онъ не успѣетъ воротиться раньше утра.

Гордановъ ударилъ себя въ лобъ и, воскликнувъ: «отлично!» выбѣжалъ въ коридоръ. Здѣсь, столкнувшись носъ съ носомъ съ своимъ человѣкомъ, онъ далъ ему двадцать рублей и строго приказалъ сейчасъ же ѣхать въ Бодростинское подгорное имѣніе, купить тамъ у садовника букетъ цвѣтовъ какой возможно лучше и привезти его къ утру.

Слуга поклонился и исчезъ.

Гордановъ возвратился въ свой номеръ. Въ его гостиной теплилась стеариновая свѣча, слабый свѣтъ которой былъ заслоненъ темнымъ силуэтомъ человѣка, стоявшаго ко входу спиной.

— Ну вотъ и совсѣмъ одни съ тобой! заговорилъ Гордановъ, замкнувъ на ключъ дверь и направляясь къ силуэту.

Фигура молча повернулась и начала нетерпѣливо разстегивать напереди частыя пуговицы черной шинели.

Гордановъ быстро опустилъ занавѣсы на всѣхъ окнахъ, зажегъ свѣчи, и когда кончилъ, предъ нимъ стояла высокая стройная женщина, съ подвитыми въ кружокъ темнорусыми волосами, большими сѣрыми глазами, свѣжимъ, пріятнымъ лицомъ, которому небольшой вздернутый носъ и полныя пунцовыя губы придавали выраженіе очень смѣлое и въ то же время пикантное. Гостья Горданова была одѣта въ черной бархатной курточкѣ, въ такихъ же панталонахъ и высокихъ, черныхъ лакированныхъ сапогахъ. Бѣлую, довольно полную шею ея обрамлялъ отложной воротничокъ мужской рубашки, застегнутой на груди брилліантовыми запонками, а у ногъ ея на полу лежала широкополая, сѣрая мужская шляпа и шинель. Однимъ словомъ, это была сама Глафира Васильевна Бодростина, жена престарѣлаго губернскаго предводителя дворянства, Михаила Андреевича Бодростина,—та самая Бодростина, которую не разъ вспоминали въ Висленевскомъ саду.

Сбросивъ неуклюжую шинель, она стояла теперь, похлопывая себя тоненькимъ хлыстикомъ по сапогу, и съ легкою тѣнью ироніи, глядя прямо въ лицо Горданову, спросила его:

— Хороша я, Павелъ Николаевичъ?

— О да, о да! Ты всегда и во всемъ хороша! отвѣчалъ ей Гордановъ, ловя и цѣлуя ея руки.

— А я тебѣ могу вѣдь, какъ Татьяна, сказать, что «прежде я лучше была и васъ, Онѣгинъ, я любила».

— Тебѣ нѣтъ равной и теперь.

— А затѣмъ мнѣ, знаешь, что надобно сдѣлать?.. Повернуться и уйти, сказавъ тебѣ прощайте, или... даже не сказавъ тебѣ и этого.

— Но ты, разумѣется, такъ не поступишь, Глафира?

Она покачала головой и проговорила:

— Ахъ, Павелъ, Павелъ, какой ты гнусный человѣкъ!

Брани меня, какъ хочешь, но одного прошу: позволь мнѣ прежде всего разсказать тебѣ...

— Зачѣмъ?.. Ты только будешь лгать и сдѣлаешься жалокъ мнѣ и гадокъ, а я совсѣмъ не желаю ни плакать о тебѣ, какъ было встарину, ни брезговать тобой, какъ было послѣ, отвѣсила съ гримасой Бодростина и, вынувъ изъ бокового кармана своей курточки черепаховый портъ-сигаръ съ серебряною отдѣлкой, достала пахитоску и, отбросивъ ногой въ сторону кресло, прыгнула и полулегла на диванъ.

Гордановъ подвелъ ей подъ локоть подушку. Бодростина приняла эту услугу безо всякой благодарности и, не глядя на него, сказала:

— Подай мнѣ огня!

Глафира Васильевна зажгла пахитоску и откинулась на подушку.

— Что ты смѣешься? спросила она сухо.

— Я думаю: какой бы это былъ судъ, гдѣ женщины были бы судьями? Ты осуждаешь меня, не позволяя мнѣ даже объясниться.

— Да; объясняться, — это давняя мужская спеціальность, но она уже намъ надоѣла. Въ чемъ ты можешь объясниться? Въ чемъ ты мнѣ не ясенъ? Я знаю все, что говорится въ вашихъ объясненіяхъ. Вашъ мудрый полъ довольно глупъ: вы очень любите разнообразіе; но сами всѣ до утомительности однообразны.

Она подняла вверхъ руку съ дымящеюся пахитоской и продекламировала:

Кто устоитъ противъ разлуки, —
Соблазна новой красоты,
Противъ бездѣйствія и скуки,
И своенравія мечты?

— Не такъ ли?

— Вовсе нѣтъ.

— О, тогда еще хуже!.. Резоны, доводы, примѣры и

пара фактовъ изъ подвиговъ какихъ-то дивныхъ, всепрощавшихъ женщинъ, для которыхъ ваша память служитъ синодикомъ, когда настанетъ покаянное время... все это скучно и не нужно, Павелъ Николаичъ.

— Да, ты позволь же говорить! Быть можетъ, я и самъ хочу говорить съ тобой совсѣмъ не о чувствахъ, а...

— О принципахъ... Ахъ, пощади и себя, и меня отъ этого шарлатанства! Оставимъ это донашивать нашимъ горничнымъ и лакеямъ. Я пришла къ тебѣ совсѣмъ не для того, чтобъ укорять тебя въ измѣнахъ; я не изъ тѣхъ, которыя рыдаютъ отъ отставокъ; ты мнѣ чужой...

— Позволь тебѣ немножко не повѣрить?

Бодростина тихонько перегнула голову и, взглянувъ черезъ плечо, сказала серьезно:

— А ты еще до сихъ поръ въ этомъ сомнѣвался.

— Признаюсь тебѣ, и нынче сомнѣваюсь.

— Скажите, Бога ради! А я думала всегда, что ты гораздо умнѣе! Пожалуйста же впередъ не сомнѣвайся. Возьми-ка вотъ и погаси мою пахитосу, чтобъ она не дымила, и перестанемъ говорить о томъ, о чемъ уже давно пора позабыть.

Гордановъ замялъ пахитоску.

Въ то время какъ онъ былъ занятъ такою работой, Бодростина пересѣла въ уголъ дивана и, сложивъ на груди руки, начала спокойнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Если ты думалъ, что я тебя выписывала сюда по сердечнымъ дѣламъ, то ты очень ошибался. Я, cher ami, стара для этихъ дѣлъ — мнѣ скоро двадцать восемь лѣтъ, да и потомъ, еслибъ ужъ лукавый попуталъ, то какъ бы нибудь и безъ васъ обошлась.

Бодростина завела руку за голову Горданова и поставила ему съ затылка пальцами рожки.

Гордановъ увидалъ это въ зеркало, засмѣялся, поймалъ руку Глафиры Васильевны и поцѣловалъ ея пальцы.

— Ты похожъ на мальчишку, котораго высѣкутъ и потомъ еще велятъ ему цѣловать розгу; но оставь мою руку

и слушай. Благодарю тебя, что ты пріѣхалъ по моему письму: у меня есть за тобою долгъ, и мнѣ теперь понадобился платежъ...

Гордановъ сконфузился.

— Что, видишь какая презрѣнная проза насъ сводитъ!

— Истинно презрѣнная, потому что я... годъ какъ турецкій святой, съ тою разницею, что даже лишенъ силы чудотворенія.

— Ты совсѣмъ не о томъ говоришь, возразила Бодростина: — я очень хорошо знаю, что ты всегда голъ какъ африканская собака, у которой предъ тобой есть явныя преимущества въ ея вѣрности, но мнѣ твоего денежнаго платежа и не нужно. Вотъ, на тебѣ еще!

Она вынула съ этимъ изъ-за жилета пачку новыхъ сторублевыхъ ассигнацій и бросила ихъ на столъ.

— Но я не возьму этого, Глафира!

— Возьмешь, потому что это нужно для моего дѣла, которое ты долженъ сдѣлать, потому что я на одного тебя могу положиться. Ты долженъ мнѣ заплатить одинъ невещественный долгъ.

— Скажи яснѣе. Какой? Ихъ множество.

— Перечти всѣ важнѣйшіе случаи въ нашихъ съ тобой столкновеніяхъ. Начинай назадъ тому семь лѣтъ, ты, молодой студентъ, вошелъ «въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую», въ качествѣ учителя двѣнадцати-лѣтняго мальчика и, встрѣтивъ въ той хижинѣ, «за Невой широкою, дѣву свѣтлоокую», ты занялся развитіемъ сестры болѣе чѣмъ уроками брата. Кончилось все это тѣмъ, что «дѣва» увлеклась плѣнительною сладостью твоихъ обманчивыхъ рѣчей и, положившись на твои сладкія приманки въ аллюминіевыхъ чертогахъ свободы и счастія, въ трудѣ съ беранжеровскими шансонетками, бросила отца и мать и пошла жить съ тобою «на разумныхъ началахъ», глупѣе которыхъ ничего невозможно представить. Колоссальная дура эта была я. Подтверди это.

— Что-жъ тутъ подтверждать! Собственное сознаніе лучше свидѣтельства цѣлаго свѣта.

— Какая у тебя холодная натура, Гордановъ! Я еще до сихъ поръ не отвыкла стыдиться, что ты когда-то для меня нѣчто значилъ. Но я все-таки дорисую тебѣ вашей честности портретъ. Я тебѣ скоро надоѣла, потому что вамъ всякій надоѣдаетъ, кому надобно ѣсть. Вы всѣ, господа, очень опрометчиво поступали, склоняя женщинъ жить только плотью и не вѣрить въ душу: вамъ гораздо сподручнѣе были бы безплотныя; но я, къ сожалѣнію, была не безплотная и доказала вамъ это живымъ существомъ, которое вы «во имя принципа» сдали въ Воспитательный домъ. Потомъ вы... хотѣли спустить меня съ рукъ, обратить меня въ карту для игры съ передаточнымъ вистомъ. «Такія, дескать, у насъ правила игры»; но я вамъ плюнула на ваши «правила игры» и стала казаться опасною... Вы боялись, чтобъ я сдуру не повѣсилась, и положили спровадить меня къ отцу и къ матери: «вотъ, дескать, ваша дочка! Не говорите, что мы разбойники и воры, мы ее совсѣмъ не украли, а поводили, поводили, да и назадъ привели». Но я и на такіе курбеты была неспособна: сидѣть съ вашими стрижеными, грязношеими барышнями и слушать ихъ безконечныя сказки «про бѣлаго бычка», да склонять отъ бездѣлья слово «трудъ», мнѣ наскучило; ходить по вашимъ газетнымъ редакціямъ и не выручать тяжелою работой на башмаки я считала глупымъ, и въ томъ не каюсь... Конечно, было средство женить на себѣ принципнаго дурака, сказать, что я стѣснена въ своей свободѣ, и потребовать, чтобы на мнѣ женился кто-нибудь «изъ принципа», въ родѣ Висленева... но мнѣ всѣ «принципные» послѣ васъ омерзѣли... Тогда рѣшились попрактиковать на мнѣ еще одинъ принципъ: пустить меня, какъ красивую женщину, на поиски и привлеченье къ вамъ богатыхъ людей... и я, ко всеобщему вашему удивленію, на это согласилась; но вы, тогдашніе міровые дѣятели, были всѣ столько глупы, что, вознамѣрясь употребить меня вмѣсто червя на удочку

для приманки богатыхъ людей, нужныхъ вамъ для великаго «общаго дѣла», не знали даже, гдѣ водятся эти золотые караси и гдѣ ихъ можно удить... На ваше счастье отыскался какой-то панъ Холявскій, или панъ Молявскій: онъ пронюхалъ, что есть милліонеръ, помѣщикъ трехъ губерній, заводчикъ и фабрикантъ и предводитель благороднаго дворянства Бодростинъ, который желалъ бы имѣть красивую лектрису. Мѣсто это тонкость пана Холявскаго и ваше великодушіе и принципъ приспособили мнѣ, обусловливъ дѣло тѣмъ, что половина изо всего, что за меня будетъ выручено, должна поступить на «общее дѣло», а другая половина на «польское дѣло». Вы это помните?

— Конечно.

— И помните, какъ я жестоко обманула васъ и ихъ, и «общее дѣло»? Ха-ха-ха!.. Послушай, Павелъ Николаевичъ! Ты давеча хотѣлъ цѣловать руки: изволь же ихъ, я позволяю тебѣ, цѣлуй ихъ, цѣлуй—онѣ надѣли на васъ такіе дурацкіе колпаки съ ослиными ушами, это стоитъ благодарности.

Бодростина опять расхохоталась.

— Какъ весело! сказалъ Гордановъ.

— Ахъ, когда бы ты вправду зналъ, какъ это весело надуть бездѣльниковъ и негодяевъ! Ха-ха-ха... Ой!.. Подайте мнѣ, пожалуйста, воды, а то со мной сдѣлается истерика отъ смѣху.

Гордановъ всталъ, подалъ воды и, сидя въ креслѣ, нагнулся лицомъ къ колѣнамъ. Бодростина жадно глотала воду и все продолжала смѣяться, глядя на Горданова чрезъ край стакана.

— Возьми прочь, наконецъ выговорила она сквозь смѣхъ, опуская на полъ недопитый стаканъ, и въ то время какъ Гордановъ нагнулся, чтобы поднять этотъ стаканъ, она, полушутя, полусерьезно, ударила его по спинѣ своимъ хлыстомъ.

Павелъ Николаевичъ вспрыгнулъ и поблѣднѣлъ. Бодростина еще дерзче захохотала.

— Это очень непріятная шутка: отъ нея больно! весь трясясь отъ злобы, сказалъ Гордановъ.

Бодростина въ одно мгновеніе эластическимъ тигромъ соскочила съ дивана и стала на ноги.

— А-а, заговорила она съ презрительной улыбкой. — Вамъ больна эта шутка съ хлыстомъ, тогда какъ вы меня всю искалѣчили... въ лектрисы пристраивали... и я не жаловалась, не кричала «больно». Нѣтъ, я васъ слушала, я васъ терпѣла, потому что знала, что, повѣсившись, надо мотаться, а, оторвавшись, кататься: мнѣ оставалась одна надежда— мой царь въ головѣ, и я васъ осмѣяла... Я пошла въ лектрисы потому... что знала, что не могу быть лектрисой! Я знала, что я хороша, я лучше васъ знала, что красота есть сила, которой не чувствовали только ваши тогдашніе косматые уроды... Я пошла, но я не заняла той роли, которую вы мнѣ подстроили, а я позаботилась о самой себѣ, *о своемъ собственномъ дѣлѣ*, и вотъ я стала «ея превосходительство Глафира Васильевна Бодростина», дѣлающая неслыханную честь своимъ посѣщеніемъ перелетной птицѣ, господину Горданову, аферисту, который поздно спохватился, но жадно гонится за деньгами и играетъ теперь на своей и чужой головкѣ. Но вы такой мнѣ и нужны.

— Я готовъ служить вамъ, чѣмъ могу.

— Вѣрю: я всегда знала, что у васъ есть point d'honneur, своя «каторжная совѣсть».

— Я сдѣлаю все, что могу.

— Женитесь для меня на старухѣ!

— Вы шутите?

— Нимало.

— Я не могу этого принимать иначе какъ въ шутку.

— Да, вы правы, я не хочу васъ мучить: мнѣ не надо, чтобы вы женились на старухѣ. Я фокусовъ не люблю. Нѣтъ, вотъ въ чемъ дѣло...

— Который разъ ты это начинаешь?

Бодростина вмѣсто отвѣта щелкнула себя своимъ хлыстомъ по ногѣ и потомъ, поднявъ этотъ тонкій хлыстъ за

оба конца двумя пальцами каждой руки, протянула его между своими глазами и глазами Горданова въ линію и проговорила:

— Старикъ мой очень зажился!

Гордановъ отступилъ шагъ назадъ.

Глафира Васильевна медленно опустила хлыстъ къ своимъ колѣнамъ, медленно сдѣлала два шага впередъ къ собесѣднику и, мѣряя его холоднымъ проницающимъ взглядомъ, спросила:

— Вы, кажется, изумлены?

Въ глазахъ у Бодростиной блеснула тревога, но она тотчасъ совладѣла съ собой и, оглянувшись въ сторону, гдѣ стояло трюмо, спросила съ улыбкой:

— Чего вы испугались, не своего ли собственнаго отраженія?

— Да; но оно очень преувеличено, отвѣчалъ Гордановъ.

— Вы очень впечатлительны и нервны, Поль.

— Нѣтъ; я впечатлителенъ, но я не нервенъ.

Съ этими словами онъ взялъ руку Бодростиной и добавилъ:

— Моя рука тепла и суха, а твоя влажна и холодна.

— Да, я нервна, и если у тебя есть стаканъ шампанскаго, то я охотно бы его выпила. Не будемъ ли мы спокойнѣе говорить за виномъ?

— Вино готово, отвѣчалъ, уходя въ переднюю, Гордановъ, и черезъ минуту вынесъ оттуда бутылку и два стакана.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ органѣ перемѣнили валъ.

— Чокнемся! сказала Бодростина и, ударивъ свой стаканъ о стаканъ Горданова, выпила залпомъ болѣе половины и поставила на столъ. Теперь садись со мной рядомъ,—проговорила она, указывая ему на кресло.—Видишь въ чемъ дѣло: весь міръ, то есть всѣ тѣ, которые меня знаютъ, думаютъ, что я богата: не правда ли?

— Конечно.

— Ну да! А это ложь. На самомъ дѣлѣ я такъ же богата, какъ церковная мышь. Это могло быть иначе, но ты это разстроилъ, а вотъ это и есть твой долгъ, который ты долженъ мнѣ заплатить, и тогда будетъ мнѣ хорошо, а тебѣ въ особенности... Надѣюсь, что могу съ вами говорить, не боясь васъ встревожить?

Гордановъ кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Я тебѣ откровенно скажу, я никогда не думала тянуть эту исторію такъ долго.

Бодростина остановилась, Гордановъ молчалъ. Оба они понимали, что подходятъ къ очень серьезному дѣлу и очень зорко слѣдили другъ за другомъ.

— Выйдя замужъ за Михаила Андреевича, — продолжала Бодростина, — я надѣялась на первыхъ же порахъ, черезъ годъ или два, быть чѣмъ-нибудь обезпеченною настолько, чтобы покончить мою муку, уѣхать куда-нибудь и жить, какъ я хочу... и я во всемъ этомъ непремѣнно бы успѣла, но я еще была глупа и, несмотря на всѣ продѣланныя со мною штуки, вѣрила въ любовь... хотѣла жить не для себя... я тогда еще слишкомъ интересовалась тобой... я искала тебя вездѣ и повсюду: мой мужъ съ перваго же дня нашей свадьбы былъ въ положеніи молодого козла, у котораго чешется лобъ, и лобъ у него чесался недаромъ: я тебя отыскала. Ты былъ нелѣпъ. Ты взревновалъ меня къ мужу. Это было съ твоей стороны чрезвычайно пошло, потому что долженъ же ты былъ понимать, что я не могла же не быть женой своего мужа, съ которымъ я только что обвѣнчалась; но... я была еще глупѣе тебя: мнѣ это казалось увлекательнымъ... я любила видѣть, какъ ты меня ревнуешь, какъ ты, снявши съ себя голову, плачешь по своимъ волосамъ. Что дѣлать? Я была женщина: ваша школа не могла меня вышколить какъ собачку, и это меня погубило; взбѣшенный ревностью, ты оскорбилъ моего мужа, который предъ тобой ни въ чемъ не виноватъ, который старѣе тебя на полстолѣтія и кото-

рый даже старался и умѣлъ быть тебѣ полезнымъ. Но все еще и не въ этомъ дѣло: но ты выдалъ меня, Павелъ Николаевичъ, и выдалъ головой съ доказательствами продолженія нашихъ тайныхъ свиданій послѣ моего замужества. Глупая кузина моя, эта злая и пошлая Алина, которую ты во имя «принципа» женской свободы съ такимъ мастерствомъ женилъ на дурачкѣ Висленевѣ, по совѣту вашихъ дуръ, вообразила, что я глупа, какъ всѣ онѣ, и измѣнила имъ... выдала ихъ!.. Кого? Кому и въ чемъ могла я выдать? Я могла выдать только одно, что онѣ дуры; но это и безъ того всѣмъ извѣстно; а она, благодаря тебѣ, выдала мою тайну—прислала мужу мои собственноручныя письма къ тебѣ, противъ которыхъ мнѣ, разумѣется, говорить было нечего, а осталось или гордо удалиться, или... смириться и взяться за неветшающее женское орудіе—за слезы и моленія. Обстоятельства уничтожили меня въ конецъ, а у меня ужъ слишкомъ много было проставлено на одну карту, чтобы принять ее съ кона, и я не постояла за свою гордость: я приносила раскаяніе, я плакала, я молила... и я, проклиная тебя, была уже не женой, а одалиской для человѣка, котораго не могла терпѣть. Всѣмъ этимъ я обязана тебѣ!

Бодростина хлебнула глотокъ вина и замолчала.

— Но, Глафира, вѣдь я же во всемъ этомъ не виноватъ! сказалъ смущенный Гордановъ.

— Нѣтъ, ты виноватъ; мужчина, который не умѣетъ сберечь тайны ввѣрившейся ему женщины, всегда виноватъ и не имѣетъ оправданій...

— У меня украли твои письма.

— Это все равно, зачѣмъ ты дурно ихъ берегъ? но все это уже относится къ архивной пыли прошлаго; печально то лишь, что все, что было такъ легко холодной и нелюбящей женѣ, то оказалось невозможнымъ для самой страстной одалиски: фонды мои стоятъ плохо и мнѣ грозитъ бѣда.

— Какая?

— Большая и неожиданная! Человѣкъ, когда слишкомъ заживется на свѣтѣ, становится глупъ...

— Я слушаю,—промолвилъ глухо Гордановъ.

— Мой мужъ, въ его семьдесятъ четыре года, сталъ легкомысленъ какъ ребенокъ... онъ сталъ страшно самоувѣренъ, онъ кидается во всѣ стороны, рискуетъ, аферируетъ, не слушаетъ никого и слушаетъ всѣхъ... Его окружаютъ разные люди, изъ которыхъ, положимъ, иные мнѣ преданы, но у другихъ я преданности себѣ найти не могу.

— Почему?

— Потому что для нихъ выгоднѣе быть мнѣ не преданными, таковы здѣсь Ропшинъ и Кюлевейнъ.

— Что это за птицы? спросилъ Гордановъ, поправивъ назадъ рукава: это была его привычка, когда онъ терялъ спокойствіе.

Отъ Бодростиной не укрылось это движеніе.

— Ропшинъ... это бѣлокурый чухонецъ, юноша добраго сердца и небольшой головы, онъ служитъ у моего мужа секретаремъ и находится у всѣхъ благотворительныхъ дамъ въ амишкахъ.

— И у тебя?

— Быть-можетъ; а Кюлевейнъ, это... кавалеристъ, родной племянникъ моего мужа, — ораторъ, агрономъ и мотъ, пріѣхавшій сюда подсиживать дядюшкину кончину; и вотъ тебѣ мое положеніе: или я все могу потерять такъ, или я все могу потерять иначе.

— Это въ томъ случаѣ, если твой мужъ заживется,— проговорилъ Гордановъ, разсматривая внимательно пробку.

Бодростина отвѣчала ему пристальнымъ взглядомъ и молчаніемъ.

— Да,—рѣшилъ онъ черезъ минуту,—ты должна получить все... все, что должно по закону, и все, что можно въ обходъ закону. Тутъ надо дѣйствовать.

— Ты сюда и призванъ совсѣмъ не для того, чтобы спать или развивать въ висленевской Геосиманіи твои примирительныя теоріи.

Гордановъ удивился.

— Ты почему это знаешь, что я тамъ былъ? — спросилъ онъ.

— Господи! какое удивленье!

— Тебя тамъ тоже ждали, но я, конечно, зналъ, что ты не будешь.

— Еще бы! Ты лучше разскажи-ка мнѣ теперь, на чемъ ты самъ здѣсь думалъ зацѣпиться? Я что-то слышала: ты мужикамъ землю что ли какую-то подарилъ?

— Какое тамъ «какую-то»? Я просто подарилъ имъ весь надѣлъ.

— Плохо.

— Плохо, да не очень: я за это былъ на виду, обо мнѣ говорили, писали, я имѣлъ мѣсто...

— Имѣлъ и средства?

— Да, имѣлъ.

— И все потерялъ.

— Что жъ повторять напрасно.

— И въ Петербургѣ тебѣ было пришпилили хвостикъ на гвоздикъ?

Гордановъ покраснѣлъ и, заставивъ себя улыбнуться черезъ силу, отвѣчалъ:

— Почему это тебѣ все извѣстно?

— Ахъ, Боже мой, какая непослѣдовательность! часъ тому назадъ ты сомнѣвался въ томъ, что ты мнѣ чужой, а теперь ужъ удивляешься, что ты мнѣ дорогъ и что я тобой интересуюсь!

— Интересуешься какъ оберъ-полицеймейстеръ.

— Почему же не какъ любимая женщина... по старой привычкѣ?

Она окинула его двусмысленнымъ взглядомъ и произнесла другимъ тономъ:

— Вы, Павелъ Николаевичъ, просто странны.

Гордановъ разсмѣялся, всталъ и, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ жилетные карманы, прошелъ два раза по комнатѣ.

Бодростина, не трогаясь съ мѣста, продолжала разспросъ.

— Ты что же, вѣрно, хотѣлъ поразмѣняться съ мужиками?

— Да, взять себѣ берегъ...

— И построить заводъ?

— Да.

— На что же строить, на какія средства?.. Ахъ да: Лариса заложитъ для брата домъ?

— Я никогда объ этомъ не думалъ, — отвѣчалъ Гордановъ.

Бодростина ударила его шутя пальцемъ по губамъ и продолжала:

— Это все что-то старо: застроить, не достроить, застраховать, заложить, сжечь и взять страховыя... Я не люблю такихъ стереотипныхъ ходовъ.

— Покажи другіе, мы поучимся.

— Да, надо поучиться. Ты началъ хорошо: квартира эта у тебя для пріѣзжаго хороша, одобрила она, оглянувъ комнату.

— Лучшей не было.

— Ну да; я знаю. Это по здѣшнему считается хорошо. Экипажъ, лошадей, прислугу... все это чтобъ было... Необходимо, чтобы твое положеніе было на эфектъ, понимаешь ты: это мнѣ нужно! Планъ мой таковъ, что... общаго плана нѣтъ. Въ общемъ планѣ только одно: что мы оба съ тобой хотимъ быть богаты. Не правда ли?

— Молчу, отвѣчалъ, улыбаясь, Гордановъ.

— Молчишь, но очень дурное думаешь. Она прищурила глаза, и послѣ минутной паузы положила свои руки на плечи Горданову и прошептала:—ты очень ошибся, я вовсе не хочу никого посыпать персидскимъ порошкомъ.

— Чего же ты хочешь?

— Прежде всего здѣсь старъ и младъ должны быть увѣрены, что ты богачъ и дѣлецъ, что твоя деревнишка... это такъ, одна кроха съ твоей трапезы.

— Твоими устами пить бы медъ.

— Потомъ... потомъ мнѣ нужно полное съ твоей стороны невниманіе.

Гордановъ беззвучно засмѣялся.

— Потомъ? спросилъ онъ,—что-жъ далѣе?

— Потомъ: ухаживай, конечно, не за первою встрѣчною и поперечною,—падучихъ звѣздъ здѣсь много, какъ вездѣ, но ихъ паденья ничего не стоятъ: ихъ пятна на пестромъ незамѣтны, — одинъ бѣлый цвѣтъ марокъ, — ударь за Ларой,—она красавица, и, будь я мужчина, я бы сама ее въ себя влюбила.

— Потомъ?

— Потомъ, конечно, соблазни ее, а если не ее—Синтянину, или обѣихъ вмѣстѣ,—это еще лучше. Вотъ ты тогда здѣсь на-расхватъ!

— Да ты напрасно мнѣ объ этомъ и говоришь, мной здѣсь, можетъ быть, никто и не захочетъ интересоваться.

— О, успокойся, будутъ! У тебя слишкомъ дрянная репутація, чтобы тобой не интересовались.

— Какъ это пріятно слышать! Но кому же извѣстна моя репутація?

— Моему мужу. Онъ сначала будетъ вредить тебѣ, а потомъ, когда увидитъ, что мы съ тобой враги, онъ станетъ тебя защищать, а ты опровергнешь все своимъ прекраснымъ образомъ мыслей,—и въ тебя начнутъ влюбляться.

— Ну, вотъ ужъ и влюбляться.

— Когда же въ провинціи не влюблялись въ новаго человѣка? Встарь это счастье доставалось перехожимъ гусарамъ, а теперь... пока еще влюбляются въ новаторовъ, ну и ты будешь новаторъ.

— Я что же за новаторъ?

— Ты? а развѣ ты уже отмѣнилъ свое рѣшеніе прикладывать къ практикѣ теорію Дарвина?

Гордановъ щипалъ усъ и молчалъ.

— Глотай другихъ, или иначе тебя самого проглотятъ

другіе—выводъ, кажется, вѣрный, произнесла Бодростина,— и ты его когда-то очень отстаивалъ.

— Я и теперь на немъ стою.

— А во время оно, когда я только вышла замужъ, Михаилъ Андреичъ завѣщалъ все состояніе мнѣ, и завѣщаніе это...

— Цѣло?

— Да; но только надо, чтобъ оно было послѣднее, чтобы послѣ него не могло быть никакого другого.

Гордановъ чувствовалъ, что руки Бодростиной, лежавшія на его плечахъ, стыли, а на его вѣкахъ какъ бы что тяготѣло и гнало ихъ книзу.

Вышла минута тягостнѣйшаго раздумья: обѣ фигуры стояли какъ окаменѣвшія другъ противъ друга, и наконецъ Гордановъ съ усиліемъ приподнялъ глаза и прошепталъ: «да!»

Бодростина опустила свои руки съ его плечъ и, взявъ его за кисти, сжала ихъ и спросила его шопотомъ: «союзъ?»

— На жизнь и на смерть, отвѣчалъ Гордановъ.

— На смерть... и... потомъ... на жизнь, повторила она, и, встрѣтивъ взглядъ Павла Николаевича, отодвинула его отъ себя подалѣе рукой и сказала:—Я совѣтую тебѣ погасить свѣчи. Съ улицы могутъ замѣтить, что у тебя свѣтилось до зари, и пойдетъ тысяча заключеній, изъ которыхъ невиннѣйшее можетъ повести къ подозрѣнію, что ты разбиралъ и просушивалъ фальшивыя ассигнаціи. Погаси огонь и открой окно. Я вижу, уже брезжетъ заря, мнѣ пора брать свою ливрею и идти домой; сейчасъ можетъ вернуться твой посолъ за цвѣтами. Я ухожу отъ цвѣтовъ къ терніямъ жизни.

Она подошла къ окну, которое раскрылъ Гордановъ, погасивъ сперва свѣчи, и заговорила:

— Вонъ видишь ты тотъ бельведеръ надъ домомъ, вправо, на горѣ? Тотъ нашъ домъ, а въ этомъ бельведерѣ, въ фонарѣ, моя библіотека и мой пріютъ. Оттуда я тебѣ черезъ нѣсколько часовъ дамъ знать, вѣрны ли мои подо-

зрѣнія насчетъ завѣщанія въ пользу Кюлевейна... и если они вѣрны... то... этой бѣлой занавѣсы, которая парусить въ открытомъ окнѣ, тамъ не будетъ завтра утромъ, и ты тогда... поймешь, что дѣло наше скверно, что мигъ наступаетъ рѣшительный.

Съ этимъ она сжала руку Горданова и, взявъ со стула свою шинель, начала одѣваться. Гордановъ хотѣлъ ей помочь, но она его устранила.

— Я вовсе не желаю, сказала она,—чтобы ты меня разсматривалъ въ этомъ уродствѣ.

— Ты, душенька, во всѣхъ нарядахъ хороша.

— Только не въ траурной ливреѣ, а впрочемъ, мнѣ это очень пріятно, что ты такъ веселъ и шутливъ.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ: съ ума не сойдешь.

— И прекрасно, продолжала она, застегивая частыя петли шинели.—Держись же хорошенько, и если ты не сдѣлаешь ошибки, то ты будешь владѣть моимъ мужемъ вполнѣ, а потомъ... обстоятельства покажутъ, что дѣлать. Вообще заставь только, чтобъ отъ тебя здѣсь приходили въ восторгъ, въ восхищеніе, въ ужасъ, и когда вода будетъ возмущена...

— Но ты съ ума сошла!.. Твой мужъ меня не приметъ!

— О, разумѣется, не приметъ!.. если ты самъ къ нему пріѣдешь; но если онъ тебя позоветъ, тогда, надѣюсь, будетъ другое дѣло. Пришли ко мнѣ, пожалуйста, Висленева... его я могу принимать, и заставлю его быть трубой твоей славы.

— Но этотъ шутъ тебя чуждается.

— А пусть онъ разъ придетъ, и тогда онъ больше не будетъ меня чуждаться. Только уже вы, Павелъ, пожалуйста, не ведите регистра моимъ прегрѣшеніямъ, — намъ теперь совсѣмъ не до этого вздора... Висленевъ будетъ нашъ козелъ, на котораго мы сложимъ наши грѣхи.

— Это очень умно; но ты только должна знать, что онъ вѣдь ораторъ и у него правая пола ума слишкомъ заходитъ за лѣвую. Онъ все будетъ путаться и не распахнется.

— Не бойся, онъ распахнется такъ, что его послѣ и не застегнешь.

— Но я тебѣ хочу сказать, что на немъ ужасно трудно что-нибудь сыграть.

— Ну, есть мастера, которые даютъ концерты и на фаготѣ.

— Но зачѣмъ именно онъ тебѣ нуженъ, *онъ* ничтожный мальчишка?

— А видишь, Поль, когда взрослый человѣкъ хочетъ достать плодъ, онъ всегда посылаетъ мальчика трясти дерево.

— Смотри сама: съ нимъ даже и кокетство нужно совершенно особаго рода.

— Милый другъ, не рѣжь льву мяса, ему на это природа зубы дала.

— Беру мои слова назадъ.

— А я иду впередъ. Прощай!.. Ахъ, да! завтра же сдѣлай визитъ губернаторшѣ, и надняхъ же найдемъ случай пожертвовать двѣ тысячи рублей въ пользу ея дѣтскихъ пріютовъ. Это первая взятка, которую ты кинешь обществу впередъ за нужную тебѣ индульгенцію. Деньги будутъ, не жалѣй ихъ,—за все Испанія заплатитъ... Видѣться мы съ тобой и не будемъ, пока пріѣдетъ мой мужъ: рисковать изъ-за свиданій непростительно. Висленевъ же долженъ быть у меня до тѣхъ поръ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Да вотъ еще что: въ новомъ мѣстѣ людей трудно узнать скоро, какъ ты ни будь уменъ, и потому я должна дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ. Ты сразу напалъ на самыхъ нужныхъ намъ людей.

— Я ихъ всѣхъ разглядѣлъ.

— Смотри,—она стала загибать одинъ по одному пальцы на лѣвой рукѣ.—генералъ Синтянинъ предатель, но его опасаться особенно нечего; жена его—это женщина умная и характера стального; майоръ Форовъ—честность и жена его тоже; но майора надо беречься; онъ бываетъ дурашки прямъ и болтливъ; Лариса Висленева... я уже сказала, что

еслибъ я была мужчина, то я въ нее бы только и влюбилась; затѣмъ Подозеровъ...

— Ну, это...

Гордановъ махнулъ рукой.

— Что «это?» защуривъ глаза, передразнила его Бодростина. — Нѣтъ, что такое «это», что мой тебѣ совѣтъ, приказъ и просьба—имъ не манкировать.

— Да что имъ не манкировать? Это какой-то испанскій дворянинъ донъ-Сезаръ де-Базаръ.

— Да, да, ты вѣрно его опредѣляешь; но эти господа испанскіе дворяне самый опасный народъ: у нихъ есть дырявые плащи, въ которыхъ имъ все нипочемъ! ни холодъ, ни голодъ. А ты съ нимъ, я знаю, непремѣнно столкнешься, тѣмъ болѣе, что онъ влюбленъ въ Ларису.

— Да, я это замѣтилъ: она ему печеночку изъ супа выбирала; но не знаю я, что онъ у васъ здѣсь значитъ, а у насъ въ университетѣ его не любили и преблагополучно сорвали ему головенку.

— Все это ничего не значитъ, его и здѣсь не любятъ; но этотъ человѣкъ заковалъ себя крѣпкою броней... А Лара, ты говоришь, ему выбирала печеночку?

— Да, выбирала; но скажи, пожалуйста, что же онъ сталъ что ли хитръ послѣ житейскихъ трепокъ?

— Нимало: онъ даже безтактенъ и неостороженъ, но онъ ничѣмъ для себя не дорожитъ, а такіе люди опаснѣй всѣхъ. Помни это, и еще разъ прощай... А ты тонокъ!

— Въ чемъ ты это видишь?

— Даже печеночки не просмотрѣлъ и по ней выслѣдилъ!

— М-да! Теперь все дѣло въ печеняхъ сидитъ, а впрочемъ, я замѣчаю, что и тебя эта печенка интересуетъ? Не разболися сердцемъ: это предъ сраженіемъ негодится.

— О, да, да, какъ разъ разболюся! отвѣчала, разсмѣявшись, Бодростина.—Нѣтъ, мой милый другъ, я иду въ дѣло, завѣщая тебѣ какъ Ларошжакленъ: si j'avance, suivez moi, si je recule, tuez moi; si je meurs, vangez moi, хотя знаю,

что послѣдняго ты ни за что не исполнишь. Ну, наконецъ, прощай! зашла бесѣда наша за ночь. Если ты захочешь меня видѣть, то ты будешь дѣйствовать такъ, какъ я говорю, и если будешь дѣйствовать такъ, то вотъ моя рука тебѣ, что Бодростинъ будетъ у тебя самъ и будетъ всѣмъ хорошо, а *тебѣ въ особенности*... Ну, прощай, до поры до времени. А что мой братъ, Григорій?

— Служитъ.

— Я совсѣмъ и забыла про него спросить. Что онъ теперь: начальникъ отдѣленія?

— Вице-директоръ.

— Вотъ какъ!

Бодростина вздохнула.

— Вы видитесь съ нимъ?

Гордановъ покачалъ отрицательно головой.

— Ну, наконецъ, совсѣмъ прощай, торопливо сказала Бодростина и, взявъ Горданова рукой за затылокъ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ты ужъ идешь, Глафира?

— А что?... Пора... Да и тебѣ, какъ кажется, со мной вдвоемъ быть скучно... Мы люди дѣловые, все кончили, и время отдохнуть передъ предстоящею работой.

Гордановъ протянулъ къ ней свои руки, но она прыгнула, подбѣжала къ двери, остановилась на минуту на дорогѣ и исчезла, прошептавъ: «А провожать меня ненужно».

Черезъ минуту внизу засвистѣлъ блокъ и щелкнула дверь, а когда Гордановъ снова подошелъ къ окну, то мальчикъ, въ сѣрой шляпѣ и черной шинели, перешелъ уже черезъ улицу и, зайдя за уголъ, обернулся, погрозилъ пальцемъ и скрылся.

— Что жъ, такъ и быть, когда она будетъ богата, я на ней женюсь, разсуждалъ, засыпая, Гордановъ,—а не то надо будетъ порѣшить на Ларисѣ... Конечно, здѣсь мало, но... все-таки за что-нибудь зацѣплюсь хоть на время.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Утро, которое хочетъ быть мудренѣе вечера.

Послѣ ночи, которою заключился вчерашній день встрѣчъ, свиданій, знакомствъ, переговоровъ и условій, утро встало неласковое, вѣтреное, суровое и измѣнчивое. Солнце, выглянувшее очень рано, вскорѣ же затѣмъ нырнуло за сѣрую тучу, и то выскакивало на короткое время въ прорѣху облаковъ, то снова завѣшивалось ихъ темною завѣсой. Внизу было тихо, но вверху вѣтеръ быстро гналъ безконечную цѣпь тяжелыхъ, слоистыхъ облаковъ, набѣгавшихъ одно на другое, сгущавшихся и плывшихъ предвѣстниками большой тучи.

На землѣ парило и пахло электрическою сыростью, дышать было тяжело, и нервными людьми овладѣло столь общее имъ предгрозовое безпокойство.

Іосафъ Платоновичъ Висленевъ спалъ, обливаясь потомъ, котораго ни мало не освѣжала струя воздуха, достигавшая до него въ открытое окно.

Висленеву снились тяжелые сны съ безпрестанными перерывами, какъ это часто бываетъ съ людьми, уснувшими въ сознаніи совершенной ими неловкости. Висленевъ во снѣ повернулся на другую сторону, лицомъ къ окну: здѣсь было болѣе воздуха и стало дышаться легче. Іосафъ Платоновичъ мало-по-малу освобождался отъ своихъ сновъ и началъ припоминать, что онъ въ отеческомъ домѣ, но съ этимъ вмѣстѣ его кольнуло въ сердце. «Что я здѣсь вчера дѣлалъ?» мелькнуло въ его головѣ. «Гдѣ теперь этотъ ножикъ? Это улика противъ меня. Надо встать и искать». Онъ раскрылъ полусонные глаза и видитъ, что сновидѣнье ему не лжетъ: онъ дѣйствительно въ родительскомъ домѣ, лежитъ на кровати и предъ нимъ знакомое, завѣшенное шторой окно. Онъ слышитъ шопотъ дрожащихъ древесныхъ листьевъ и соображаетъ, что солнце не блещетъ, что небо должно-быть въ тучахъ, и точно, вотъ штора приподнялась

и отмахнулась, и видны ползущія по небу сѣрыя тучи и звонче слышенъ шопотъ шумящихъ деревьевъ, и вдругъ среди всего этого въ просвѣтѣ рамы какъ будто блеснулъ на мгновеніе туманный контуръ какой-то эѳирной фигуры, и по дорожному песку послышались легкіе и частые шаги. Что бы это такое было? Во снѣ или на яву?

Висленевъ совсѣмъ пробудился, привсталъ на кровати, взглянулъ на окно и оторопѣлъ: его ножъ лежалъ на подоконникѣ.

Іосафъ Платоновичъ сорвался съ кровати, быстро бросился къ окну и высунулся наружу. Ни на террасѣ, ни на балконѣ никого не было, но ему показалось, что влѣво. въ садовой калиткѣ, въ это мгновеніе мелькнулъ и исчезъ клочокъ свѣтлозеленаго полосатаго платья. Нѣтъ, Іосафу Платоновичу это не показалось: онъ это дѣйствительно видѣлъ, но только видѣлъ съ боку, съ той стороны, куда не глядѣлъ, и видѣлъ смутно, неясно, почти какъ во снѣ, потому что сонъ еще взаправду не успѣлъ разсѣяться.

Висленевъ отступилъ отъ окна и потеръ себѣ лобъ.

— Скверно я начинаю дебютировать дома! — подумалъ онъ и, оглянувшись на столъ, взялъ съ него портфель, осмотрѣлъ надрѣзъ и царапину, и заперъ его въ бюро.

Повернувъ ключъ въ замкѣ, онъ прислушался: въ залѣ кто-то тихо разговаривалъ шопотомъ.

— Сестра, значитъ, ужъ встала, — подумалъ Висленевъ и поглядѣлъ на часы. Было десять часовъ.

Іосафъ Платоновичъ тихо подкрался къ двери, ведущей въ залъ, и прицѣлился глазомъ къ замочной скважинѣ.

Лариса въ утреннемъ капотѣ сидѣла за чашкой чая и предъ нею стояла высокая женщина въ коричневомъ ситцевомъ платьѣ.

«Въ этомъ сестриномъ платьѣ нѣтъ ничего похожаго на то, которое мелькнуло въ садовой калиткѣ. Кто же это былъ? Кто нашелъ, поднялъ и положилъ ножикъ? Неужто ея превосходительство, Александра Ивановна... или кто-нибудь изъ прислуги? Вотъ это былъ бы тогда сюрпризъ, это очень

вѣжливо и до подлости догадливо, но это прескверно на всякій случай... Мнѣ просто одно спасеніе можетъ быть въ томъ, чтобы предоставить себя *его* великодушію... сказать ему все, открыть свое недовѣріе, покаяться, признаться... Вотъ, извольте видѣть, проклятая судьба сама руками выдаетъ меня этому человѣку!.. Но надо же явиться, пора дать знать, что я проснулся.»

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Взглянуть въ глаза сестрѣ?.. ужасно!.. Но что же дѣлать?.. Нуженъ куражъ!.. Ну, напусти, Господи, смѣлость!

Онъ надѣлъ шлафрокъ и, отворивъ дверь въ переднюю, крикнулъ:

— Лара, ты встала?

— Да; что тебѣ нужно, Joseph?

— О-о! голосъ нѣженъ и ласковъ, радостно замѣтилъ Весленевъ.—Нѣтъ, да вѣдь мало мудренаго, что она и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, ничего и не поняла... Пришли, дружокъ, дѣвушку дать мнѣ умыться!—воскликнулъ онъ громко и, засвиставъ, смѣло зашлепалъ туфлями по полу.

Въ комнату его предстала двѣнадцатилѣтняя дѣвочка съ блестящимъ мѣднымъ тазомъ и такимъ же кувшиномъ и табуреткою.

Это была та самая дѣвочка, которая ввела его вчера въ садъ. Она одѣта сегодня, какъ и вчера. въ темномъ люстриновомъ платьицѣ, съ зеленымъ шерстянымъ фартукомъ.

«Есть зелень, да совсѣмъ не та»,—подумалъ Висленевъ, засучивая рукава своей рубашки и приготовляясь умываться.

— Васъ какъ зовутъ?—спросилъ онъ дѣвочку.

— Меня-съ? — переспросила она тоненькимъ голосомъ.

— Да-съ, васъ-съ, передразнилъ ее фистулой Висленевъ.

Дѣвочка покраснѣла и отвѣчала, что ее зовутъ Малашей.

— Прекрасное имя!—Вы имъ довольны или нѣтъ?

Дѣвочка молчала.

— Довольны вы или нѣтъ, что васъ зовутъ Малашей?

Опять молчаніе.

— Что же вы молчите? Не хотѣли бы вы, напримѣръ, чтобы васъ лучше звали Дуней или Сашей?

— Нѣтъ-съ, не хочу-съ.

— Отчего же вы не хотите? Стало-быть, вамъ ваше имя нравится?

— Надо какое Богъ далъ-съ.

— А-а! По вашему, имена Богъ даетъ; ну тогда это другое дѣло. А отецъ и мать у васъ живы?

— Папенька въ солдатахъ, а маменька здѣсь.

— Здѣсь въ городѣ?

Дѣвочка раскрыла большіе, до сихъ поръ полуопущенные глаза и отвѣчала не безъ удивленія:

— Моя маменька здѣсь у нашей барышни въ кухаркахъ.

— У какой барышни?

— У Ларисы Платоновны.

— А-а. такъ вы вмѣстѣ съ маменькой?

— Вмѣстѣ-съ.

— Такъ это вамъ чудесно!

Дѣвочка отмолчалась.

— И вамъ тоже моя сестра платитъ жалованье? приставалъ къ ней Висленевъ.

— Нѣтъ-съ; барышня мнѣ послѣ будетъ платить, а теперь онѣ маменькѣ платятъ, а меня только одѣваютъ.

— Вотъ что!.. И что же, много барышня нашила вамъ платьевъ?

Дѣвочка сконфузилась, улыбнулась и, потупя глаза, отвѣчала:

— Много-съ.

— Небось у васъ, гляди, и розовое платье есть?—шутилъ Висленевъ.

— Есть-съ и розовое.

— А? — переспросилъ Висленевъ, прерывая на минуту свое умыванье.

— Есть-съ и розовое, и голубое есть,—отвѣчала дѣвочка, осмѣливаясь съ быстротой, свойственною ея возрасту.

— И бѣлое есть?

— И бѣлое тоже есть-съ.

— А зеленое?

— Зеленаго нѣту-съ.

— Что же такъ?—это плохо. Зеленое непремѣнно нужно. Вы себѣ изъ маменькинаго по крайней мѣрѣ перешейте, когда она поноситъ его.

— У маменьки настоящаго зеленаго тоже нѣтъ-съ.

— Настоящаго зеленаго тоже нѣтъ!—Скажите, пожалуйста. А ея не настоящее зеленое платье какое же?

— Оно больше какъ коричневое.

— Ну вотъ видите: какое же ужъ это зеленое! Нѣтъ, вамъ къ лѣту надо настоящее зеленое, — какъ травка-муравка. Ну, да погодите, моргнулъ онъ, — я барышню попрошу, чтобъ она вамъ свое подарила: у нея вѣдь ужъ навѣрное есть зеленое платье?

— У нихъ есть-съ.

«Ага! вотъ оно кто это былъ!» подумалъ Висленевъ и, взявъ изъ рукъ дѣвочки полотенце, сухо спросилъ:

— А у барышни зеленое платье какое и съ какою отдѣлкой?

— Крепоновое-съ, съ такою же и съ отдѣлкой-съ.

«Опять не то», подумалъ Висленевъ и затѣмъ, довольно скоро одѣвшись и сіяя свѣжестью лица и туалета, вышелъ въ залу къ сестрѣ.

Іосафъ Платоновичъ, появясь предъ сестрой, старался имѣть видъ какъ можно болѣе живой, веселый и безпечный.

— Я тебя перепугалъ немножко сегодня ночью, матушка сестрица! началъ онъ, цѣлуя руку Ларисы.

— Полно, пожалуйста, я ужъ про это забыла.

— Ты выспалась?

— О, какъ нельзя лучше! Я не люблю много спать.— Вотъ чай и вотъ хлѣбъ,—добавила она, подавая брату стаканъ и корзинку съ печеньемъ.

— Постой!.. Но какой же ты разбойникъ, Лара!—отвѣчалъ, весело улыбаясь во все лицо и отступя шагъ назадъ, Висленевъ.

— Что такое?

Лариса оглянулась.

— Какъ ты злодѣйски хороша!

— Ахъ, да перестань же наконецъ, Joseph!

— Да что же дѣлать, когда я никакъ не привыкну?

Лариса засмѣялась.

— Этотъ желтый цвѣтъ особенно идетъ къ твоему лицу и волосамъ.

— Онъ идетъ ко всѣмъ брюнеткамъ.

— А кстати о цвѣтахъ! — проговорилъ онъ и, оглянувшись, добавилъ полушопотомъ: — знаешь, какая преуморительная вещь: я, умываясь, разболтался съ твоей маленькой камеръ-фрау.

— Съ Малашей?

— Да, и она мнѣ разсказала всѣ свои платья.

— Да, я знаю, она большая кокетка.

— Что же, вѣдь это ничего: то есть я хочу сказать, что когда кокетство не выходитъ изъ границъ, такъ это ничего. Я потому на этомъ и остановился, что предѣлъ не нарушенъ: знаешь, все это у нея такъ просто и имѣетъ свой особенный букетъ — букетъ дѣвичьей стараго господскаго дома. Я долженъ тебѣ сознаться, я очень люблю эти старыя патріархальныя черты господской дворни... «зеленаго, говоритъ, только нѣтъ у нея». Я ей сегодня подарю зеленое платье—ты позволишь!

— Сдѣлай милость.

— Да, а то она и въ виду его не имѣетъ: «у барышни, говоритъ, есть одно крепоновое зеленое».

— Я и того никогда не ношу.

— Отчего же не носишь? Тебѣ зеленый цвѣтъ долженъ быть очень къ лицу.

— Такъ, не ношу.

— Почему же *такъ?* шутилъ Іосафъ Платоновичъ. — Какая же ты странная съ этими своими «таками». Никого не любитъ—«такъ», печенку кладетъ Подозерову—«такъ»

зеленое платье сошьетъ и не носитъ—«такъ». А знаешь, нѣтъ дѣйствія безъ причины?

— Ахъ, Боже мой! еще и на это будто нужна причина? Послѣ этого я могу думать, что и ты имѣешь особую причину допрашивать меня о зеленомъ платьѣ?

— Конечно, конечно, есть и на это причина. Безъ причины ничего не дѣлается.

— Ну, такъ мнѣ мое зеленое платье не нравится.

— Ну, вотъ и причина! А вели мнѣ его показать, пожалуйста.

— Вотъ фантазія!

— Ну, фантазія, — потѣшь мою фантазію. Ты такъ хороша, такъ безукоризненно хороша, все, что тобою сдѣлано, все, что принадлежитъ тебѣ, такъ изящно, что я даже горжусь, принадлежа тебѣ въ качествѣ брата. Малаша! обратился онъ къ дѣвочкѣ, проходившей въ эту минуту чрезъ комнату,—принесите мнѣ сюда барышнино зеленое платье.

— Ну, что за вздоръ, Joseph! прошептала Лора.

— Ну, я тебя прошу.

— Принеси, сказала Лариса остановившейся и ожидавшей ея приказанія дѣвочкѣ.

Черезъ минуту та явилась, высоко держа у себя надъ головой лифъ, а черезъ лѣвую ея руку спускались цѣлыя волны легкаго густо-зеленаго крепона.

Висленевъ всталъ, взялъ платье, вывернулъ юбку и, притворно полюбовавшись свѣжими фестонами и уборками изъ той же матеріи, повторилъ нѣсколько разъ: «Прекрасное платье!» и отдалъ его назадъ.

Это опять было не то платье, которое ему было нужно.

— Я ужасно люблю со вкусомъ сдѣланные дамскіе наряды! заговорилъ онъ съ сестрой.—Въ этомъ, какъ ты хочешь, сказывается вся женщина; и въ этомъ, должно правду сказать, нашъ вѣкъ сдѣлалъ большіе шаги впередъ. Еще я помню, когда каждая наша барышня и барыня въ своихъ манерахъ и въ туалетѣ старались какъ можно болѣе походитъ на une dame de comptoir, а теперь наши женщины

поражаютъ вкусомъ; это значитъ вкусъ получаетъ гражданство въ Россіи.

— Въ такомъ случаѣ ты много у себя отнимаешь, не желая поторопиться видѣть Бодростину.

— А что?

— Ужъ эта женщина, конечно, вся вкусъ, изящество и прелесть.

— Будто она нынче такъ хороша!

— А будто она когда-нибудь была нехороша?

— Ну, Богъ съ ней: сколько бы она ни была прелестна, я ее видѣть не хочу.

— За что это? позволь тебя спросить, Joseph.

— У насъ есть старые счеты.

— Но все равно, отвѣчала, подумавъ минуту, Лариса.— Тебѣ видѣться съ ней вѣдь неизбѣжно, потому что, если она еще недѣлю не переѣдетъ въ деревню, то вѣрно сама ко мнѣ заѣдетъ, а Михайло Андреевичъ такой нецеремонливый, что можетъ даже и нарочно завернетъ къ намъ. Тогда, встрѣтясь съ нимъ здѣсь или у Синтяниныхъ, ты долженъ будешь отдать визитъ, и въ барышахъ будетъ только то, что старикъ выйдетъ любезнѣе тебя.

— Ну, хорошо... не сегодня же вѣдь непремѣнно?

— Конечно, можно и не сегодня.

— А что же, наша генеральша дома?

— Да; нѣсколько минутъ тому назадъ была дома: мы съ ней чрезъ окно прощались.

— Какъ, прощались?

— Она уѣхала къ себѣ на хуторъ.

— Чего и зачѣмъ?

— Зачѣмъ? хозяйничать. Она полжизни тамъ проводитъ и лѣтомъ, и зимой.

— Что-жъ это за хуторъ? Дребедень какая-нибудь?

— Да; онъ не великъ, но Alexandrine распоряжается имъ съ толкомъ и получаетъ отъ него доходы.

— Вотъ видишь, а ты вчера говорила, что они бѣдны. И что же тамъ домъ есть у нея?

— Каютка въ двѣ крошечныя комнатки: столовая и спальня ея съ дѣвочкой.

— Съ какою дѣвочкой?

— А съ падчерицей, съ Вѣрой, съ дочерью покойной Флоры.

— Ахъ, помню, помню: это, кажется, уродецъ какой-то, идіотка, если я не ошибаюсь?

— Она глухонѣмая, но вовсе не уродъ и ужъ совсѣмъ не идіотка.

— Что же это мнѣ что-то помнится, какъ будто что-то такое странное говорили про это дитя?

— Не знаю, что ты слышалъ: Вѣра очень милая дѣвочка, но слабаго здоровья.

— Нѣтъ; именно я помню, что... ее считали, какъ это говорятъ, испорченною что ли?

— Какой вздоръ! Она очень нервна и у нея бываетъ что-то въ родѣ ясновидѣнія.

— Вотъ страсти!

— Никакихъ страстей, она прекрасное дитя, и ея волненія бываютъ съ ней не часто, но вчера она чѣмъ-то разгорячилась и плакала до обморока, и потому Alexandrine сегодня увезла ее на хуторъ... Это всегда помогаетъ Вѣрѣ: она не любитъ быть съ отцомъ...

— А мачиху любитъ?

— О, безконечно! Она предчувствуетъ малѣйшую ея непріятность, малѣйшее ея нездоровье и... вообще она ея тѣнь или больше: онѣ двѣ живутъ одною жизнію.

— Александра Ивановна добра къ ней?

— Стоитъ ли объ этомъ спрашивать? Къ кому же Alexandrine не добра?

— Ко мнѣ.

— Оставь, Joseph, я этого не знаю.

— Ну, Богъ съ тобой!.. А какъ же это?.. заговорилъ онъ, не зная что спросить.—Да!.. Зачѣмъ же онѣ поѣхали въ такую пору?

— А что?

— Да вонъ дождь-то такъ и виситъ.

— Ну, что же за бѣда, это вѣдь недалеко, и у нихъ рѣзвая лошадь.

— Да, впрочемъ, въ крытомъ экипажѣ ничего.

— Онѣ поѣхали не въ крытомъ экипажѣ.

— А въ чемъ онѣ поѣхали?

— Въ сѣромъ платьѣ-съ, отвѣчала, подавая новый стаканъ чаю, дѣвочка Малаша.

— Ты можешь отвѣчать, когда тебя спрашиваютъ, остановила ее Лариса и сама добавила брату: — онѣ поѣхали, какъ всегда ѣздятъ: въ тюльбюри.

— Вдвоемъ безъ кучера?

— Онѣ всегда вдвоемъ ѣздятъ туда, безъ кучера, живутъ тамъ безъ прислуги.

— Совсѣмъ безъ прислуги?

— Работница имъ дѣлаетъ, что нужно.

— Вотъ чѣмъ покончила Александра Ивановна: пустынножительствомъ!

— Ей, кажется, еще далеко до конца. А впрочемъ, я еще скажу: я не люблю судить о ней ни вправо, ни налѣво.

— Да не судить, а разсуждать... И ты тамъ у нея бываешь на хуторѣ?

— И я, и тетушка, и дядя, и отецъ Евангелъ, и Подозеровъ: всѣ мы бываемъ.

— Что жъ, хорошо тамъ у нея?

— Н... н... ничего особеннаго: садикъ, прудокъ, мельница, осиновый лѣсокъ, орѣховый кустарникъ, много скота, да небольшое поле островкомъ, вотъ и все.

— Какъ же это поле «островкомъ» ты сказала?

— То-есть вокругъ, въ одной межѣ, это здѣсь называютъ «островкомъ».

— Да-да; а я думалъ, что это въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь островъ Калипсо.

— Мы всѣ шутя называемъ этотъ хуторъ «островомъ».

— Любви?

— Нѣтъ: «забвенія».

— Кто жъ это далъ ему такую романическую кличку? Конечно Александра Ивановна, которая нуждается въ забвеніи?

— Нѣтъ, — отвѣчала, поморщась, Лара: — это названіе дано Вѣрой.

— Глухонѣмой?

— Да.

— Какъ же она это сказала?

— Она написала.

— А-а! Кто же это здѣсь ее научилъ писать?

— Alexandrine и отецъ Евангелъ.

— Что это за отецъ Евангелъ? Я уже не разъ про него слышу.

— Это ихъ приходскій священникъ, хуторной, прекрасный человѣкъ: онъ Сашинъ и дядинъ другъ.

— Онъ почему же умѣетъ учить глухонѣмыхъ?

— Онъ все на свѣтѣ понемножку умѣетъ, и Вѣру выучилъ читать и писать по собственной методѣ.

— Какое это ужасное несчастіе ничего не слыхать и не имѣть возможности ничего выговорить!

— Да; но ничего не видать это еще хуже. Маленькая Вѣра сравниваетъ себя со слѣпыми и находитъ, что она счастлива.

— Правда, правда, слѣпота гораздо хуже.

— А дядя Форовъ находитъ, что боль въ боку и удушье еще хуже.

— Дѣйствительно хуже! А она, эта бѣдная дѣвочка, ни звука не слышитъ и не произноситъ?

— Когда здѣсь, въ проѣздъ государя, были маневры, она говоритъ, что слышала, какъ дрожали стекла отъ пушекъ, но произноситъ... я не слыхала ни звука, а тетушка говоритъ, что она одинъ разъ слышала, какъ Вѣра грубо крикнула одно слово... но Богъ знаетъ, было ли это слово или просто непонятный звукъ...

— Что же это былъ за звукъ?

— Н... н... не знаю: это было при особомъ какомъ-то обстоятельствѣ, до моего пріѣзда, я объ этомъ не разспрашивала, а тетя говоритъ, что...

— Да; непріятное что-нибудь конечно, — сказалъ Висленевъ.

— Нѣтъ, не непріятное, а страшное.

— Страшное! Въ какомъ же родѣ?

— Я, право, не умѣю разсказать. Вѣра такая нѣжная и легкая, какъ будто неземная, а голосъ вышелъ будто какой-то басъ. Тетя говоритъ, что точно будто изъ нея совсѣмъ другой человѣкъ, сильный, сильный мужчина закричалъ...

— И какое же это было слово?

— Тетя увѣряетъ, что Вѣра крикнула: «прочь!»

— На кого же она такъ крикнула?

— На отца, за мачиху. Впрочемъ, повторяю тебѣ, это тетя знаетъ, а я не знаю.

— А знаешь что: пока мой Гордановъ теперь еще спитъ, схожу-ка я самый первый визитъ сдѣлаю теткѣ, Катеринѣ Астафьевнѣ и Филетеру Ивановичу.

— Что жъ, и прекрасно.

— Право! Кто что ни говори, а они родные и хорошіе люди.

— Еще бы!

— Такъ, до свиданья, сестра, я пойду.

Лариса молча пожала брату руку, которую тотъ поцѣловалъ, взялъ свою шляпу и трость, и вышелъ.

Лариса посмотрѣла ему вслѣдъ въ окно и ушла въ свою комнату.

За часъ или за полтора до того, какъ Іосафъ Платоновичъ убирался и разговаривалъ съ сестрой у себя въ домѣ, на перемычкѣ предъ небольшою рѣчкой, которою замыкалась пустынная улица загородной солдатской слободы, надъ самымъ бродомъ остановилось довольно простое тюльбюри Синтяниной, запряженное рослою вороною лошадью. Александра Ивановна правила, держа вожжи въ рукахъ, обтя-

нутыхъ шведскими перчатками, а въ ногахъ у нея, вся свернувшись въ комочекъ и положивъ ей голову на колѣни, лежала, закрывшись пестрымъ шотландскимъ пледомъ, Вѣра. Снаружи изъ-подъ пледа виднѣлась только одна ея маленькая, длинная и блѣдная ручка, на которой выше кисти была обмотана черная резиновая тесьма широкополой соломенной бержерки.

Александра Ивановна, выѣзжая изъ города, бросила взглядъ налѣво, на послѣдній домикъ надъ рѣчкой, и, увидавъ въ одномъ изъ его оконъ полусѣдую голову Катерины Астафьевны, ласково кивнула ей и, подъѣхавъ къ самой рѣкѣ, остановила лошадь.

Майорша Форова была совсѣмъ одѣта, даже въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ, и во всемъ этомъ нарядѣ тотчасъ же вышла изъ калитки и подошла къ Синтяниной.

— Здравствуй, голубушка Саша! — сказала она, поставивъ ногу на ступеньку тюльбюри, и пожала руку Синтяниной.—А я не думала, что ты поѣдешь нынче на хуторъ.

— Вѣра нездорова,—отвѣчала мягко Синтянина.—А ты куда рано, Катя?

— Я къ ранней обѣднѣ, хочется помолиться,—отвѣчала Форова, прислоняясь къ щитку тюльбюри.—Что съ Вѣрой такое?

— Не говори, пожалуйста!—отвѣчала Синтянина, бросивъ взглядъ на закрытую головку Вѣры.

Форова легонько приподняла закрывавшій лицо ребенка уголъ пледа и тихо шепнула: «она спитъ?»

— Какъ сѣла, такъ опустилась въ ноги и заснула.

— И какъ она сегодня необыкновенно блѣдна!

— Да; она всю ночь не спала ни минуты.

— Отчего?—шепнула Форова.

— Что ты шепчешь? Она вѣдь не слышитъ.

— И какъ это странно и страшно, что она спитъ и все смотритъ глазами,—проговорила Катерина Астафьевна, и съ этимъ словомъ бережно и тихо покрыла пледомъ блѣдное до синевы лицо дѣвушки, откинувшей головку съ полу-

открытыми глазами на служащее ей изголовьемъ колѣно мачихи.

— Несчастное дитя! — заключила Форова, вздохнувъ и перекрестивъ ее. — Она рукой такъ и держится за твое платье.

— Я не могу себѣ простить, что я вчера ее оставляла одну. Я думала, что она спитъ днемъ, а она не спала, ходила предъ вечеромъ къ отцу, пока мы сидѣли въ саду, и ночью... представь ты... опять было то, что тогда...

— Да?

— Я только вернулась, легла и... ты понимаешь? я все же вчера была немножко тревожна...

— Да, да, понимаю, понимаю.

— Я лежу и никакъ не засну, все Богъ знаетъ что идетъ въ голову, какъ вдругъ она, не касаясь ногами пола, влетаетъ въ мою спальню: вся блѣдная, вся въ бѣломъ, глаза горятъ, въ обѣихъ рукахъ по зажженной свѣчѣ изъ канделябра, бросилась къ окну, открыла занавѣску и вдругъ... Какіе звуки! Какіе тягостные звуки, Катя! Такъ, знаешь, «а-а-а-а!» какъ будто она хочетъ кого-то удержать надъ самою пропастью, и вдругъ... смотрю ужъ свѣчи на полу, и, когда я нагнулась, чтобы поднять ихъ, потому что она не обращала на нихъ вниманія, кажется, я слышала слово..:

Форова промолчала.

— Мнѣ показалось, что какъ-будто пронзительно раздалось: «кровь!»

— Господи помилуй! — произнесла, отодвигаясь, Форова и перекрестилась.

— Какое странное дитя!

— И я тебѣ скажу, я не нервна, но очень испугалась.

— Еще бы! Это кого хочешь встревожитъ.

— Я взяла ее сзади и посадила ее въ кресла. Она была холодная какъ ледъ, или лучше тебѣ сказать, что ее совсѣмъ не было, только это бѣдное, больное сердце ея такъ билось, что на груди какъ мышонокъ ворочался подъ блузой, а дыханья нѣтъ.

— Бѣдняжка! какая тяжкая ея жизнь!

— Нѣтъ, ты дослушай же, Катя.

— Знаешь, меня всегда отъ этихъ вещей немножко коробитъ.

— Нѣтъ, это вовсе не страшно. Она вдругъ схватила карандашъ...

— И написала: «кто я?» Не говори мнѣ, я дрожу, когда она объ этомъ спрашиваетъ.

— А вотъ представь, совсѣмъ не то: она взяла карандашъ и написала: «змѣй съ трещоткой».

— Что это значитъ?

Синтятина пожала плечами.

— А гдѣ же кровь?

— Я ее объ этомъ спросила.

— Ну и что же?

— Она показала рукой вокругъ и остановила на Висленевскомъ флигелѣ. Конечно, все это вздоръ...

— Почемъ намъ это знать, что это вздоръ, Сашура?

— О, полно, Катя! Что же можетъ угрожать имъ? Нѣтъ, все это вздоръ, пустяки; но Вѣра была такъ тревожна, какъ никогда, и я все это тебѣ къ тому разсказываю, чтобы ты не отнесла моего бѣгства къ чему-нибудь другому,— договорила, слегка краснѣя, Синтянина.

— Ну да, поди-ка ты, стану я относить.

— Не станешь?

— Да, разумѣется, не стану. Легко ли добро: есть отъ кого бѣжать.

Синтянина вздохнула.

— А ты знаешь, Катя,—молвила она,—что порочныхъ дѣтей болѣе жаль, чѣмъ тѣхъ, которыя насъ не огорчаютъ.

— Э, полно, пожалуйста,—отвѣчала Форова, энергически поправляя рукой свои сѣдые волосы, выбившіеся у нея изъ-подъ шляпки.—Я теперь на много лѣтъ совсѣмъ спокойна за всѣхъ хорошихъ женщинъ въ мірѣ: теперь, кромѣ дуры, ни съ кѣмъ ничего не случится. Увлекаться ужъ некѣмъ и нечѣмъ.

— Но, ахъ! смотри!—воскликнула она, взглянувъ на дѣвочку.

Вѣра во снѣ отмахнула съ головы пледъ и, не просыпаясь, глядѣла полуоткрытыми глазами въ лицо Синтянной.

— Какъ страшно,—сказала Форова,—она точно слѣдитъ за тобой и во снѣ и на яву. Прощай, Господь съ тобой.

— Ты навѣстишь меня?

— Да, непремѣнно.

— Мнѣ надо кое-что тебѣ сказать.

— Скажи сейчасъ.

— Нѣтъ, это долго.

— А что такое? У тебя есть опасенія?

— Да, но теперь прощай.

Съ этими словами Синтянина пустила лошадь вбродъ и уѣхала.

Висленевъ вышелъ со двора, раскрылъ щегольской шелковый зонтъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, тотчасъ же закрылъ его и пошелъ быстрымъ ходомъ. Дождя еще не было; городъ Висленевъ зналъ прекрасно и очень скоро дошелъ по разнымъ уличкамъ и переулкамъ до маленькаго, низенькаго домика въ три окошечка. Это былъ опять тотъ же самый домикъ, предъ которымъ за часъ предъ этимъ Синтянина разговаривала съ Форовой.

Висленевъ поглядѣлъ чрезъ окно внутрь домика и, никого не увидавъ тутъ, отворилъ калитку и вошелъ на дворъ. На него сипло залаяла старая черная собака, но тотчасъ же зѣвнула и пошла подъ крыльцо.

Изъ-подъ сарая вылетѣла стая куръ, которыхъ посреди двора поджидалъ голенастый красный пѣтухъ, и вслѣдъ затѣмъ оттуда же вышла бойкая рябая, востроносая баба съ ребенкомъ подъ одною рукой и двумя курицами — подъ другою.

— Милая, Филетеръ Иванычъ дома?—освѣдомился Висленевъ.

— Ахъ, нѣту-ти ихъ, нѣту-ти, ушедши они со двора,— отвѣчала съ сожалѣніемъ баба.

— А Катерина Астафьевна?

— Катерина Астафьевна были въ саду, да нешто не ушли ли... Ступайте въ садъ.

— А ваша собака меня не укуситъ?

— Собака, нѣтъ; она не кусается, не поважена. Вотъ корова буренка... Тпружи, тпружи, дура! тпружи!—закричала баба, махая дитятей и курами.

Висленевъ вдругъ почувствовалъ сзади у своего затылка нѣжное теплое дыханіе, и въ то же мгновеніе шляпа его слетѣла съ головы вмѣстѣ съ нѣсколькими вырванными изъ затылка волосами.

Іосафъ Платоновичъ вскрикнулъ и прыгнулъ впередъ, а баба, бросивъ на землю куръ и ребенка, быстро кинулась защищать гостя отъ коровы, которая спокойно жевала и трясла его соломенную шляпу.

Нѣсколькихъ ударовъ, которые женщина нанесла коровѣ по губамъ, было достаточно, чтобы та освободила Висленевскую шляпу, но, конечно, жестоко помятую и безъ куска полей.

— Это все баринъ, Филетеръ Иванычъ, у насъ такихъ глупостевъ ее научили,— заговорила баба, подавая Висленеву его испорченную шляпу.

— Но она, однако, можетъ-быть еще и бодается?—освѣдомился Висленевъ, прячась за бабу отъ коровы, которая опять подходила къ нимъ, пережевывая во рту кусокъ шляпы и медленно помахивая головой съ тупыми круглыми глазами.

— Нѣтъ, идите; бодаться она рѣдко бодается... развѣ только кто ей не понравится,—успокаивала баба, стремясь опять изловить куръ и взять кричащее дитя.

— Ну, однакоже, покорно васъ благодарю. Я вовсе не желаю испытывать, понравился я ей или не понравился; а вы лучше проведите меня до саду.

Баба согласилась, и Висленевъ, подъ ея прикрытіемъ, пошелъ скорыми шагами впередъ, держась рукой за холщевый, вышитый красною бумагой передникъ своей провожатой.

Переступивъ за порогъ утлой ограды, онъ заперъ за собой на задвижку калитку и разсмѣялся.

— Скажите, пожалуйста, вотъ вамъ и провинціальная простота жизни! А тутъ чтобы жить надо еще и коровамъ нравиться! Ну, краекъ! ну, сторонушка!

Онъ снялъ свою изуродованную шляпу, оглядѣлъ ее и, надѣвъ прорѣхой на затылокъ, пошелъ по узенькой, не пробитой, а протоптанной тропинкѣ вглубь небольшого, такъ сказать, однодворческаго сада. Кругомъ растутъ, какъ попало, жимолости, малина, крыжовникъ, корявая яблонька и въ концѣ кустъ густой черемухи; но живой души человѣческой нѣтъ.

Іосафъ Платоновичъ даже плюнулъ: очевидно, баба соврала; очевидно, Катерины Астафьевны здѣсь нѣтъ, а между тѣмъ идти назадъ... тамъ корова и собака... Но въ это самое мгновеніе Висленевъ дошелъ до черемухи и отодвинулся назадъ и покраснѣлъ. Въ пяти шагахъ отъ него, подъ наклонившеюся до земли вѣткой, копошился ворохъ зеленой полосатой матеріи, и одна рука ею обтянутая взрывала ножикомъ землю.

— Такъ вотъ это кто: это была тетушка!.. Ну, слава Богу! Испугаю же ее за то, что она меня напугала.

И съ этимъ Висленевъ тихо, на цыпочкахъ подкрался къ кусту и, разведя свои руки въ разныя стороны, кольнулъ сидящую фигуру подъ бока пальцами, и вслѣдъ затѣмъ раздались два разные восклика отчаяннаго перепуга.

Висленевъ очутился лицомъ къ лицу съ бѣлокурымъ, среднихъ лѣтъ мужчиной, одѣтымъ въ вышесказанную полосатую матерію, съ изрядною окладистою бородой и свѣтло-голубыми глазами.

— Что же это такое?—проговорилъ, наконецъ, Висленевъ.

— А ужъ объ этомъ мнѣ бы васъ надлежало спросить, отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Я думалъ, что вы тетушка.

— Между тѣмъ, я своимъ племянникамъ дядя.

— Но позвольте, какъ же это такъ?

— А ужъ это опять мнѣ васъ позвольте спросить: какъ вы это такъ? Я червей копалъ, потому что мы съ Филетеромъ Иванычемъ собираемся рыбу удить, а вы меня подъ ребра, и испугали. Я Евангелъ Минервинъ, священникъ и майора Форова пріятель.

Висленевъ хотѣлъ извиниться, но вмѣсто того не удержался и расхохотался.

— Вотъ какъ у насъ!—проговорилъ Евангелъ, глядя съ улыбкой, какъ заливается Висленевъ, — чего же это вы такъ ослабѣли?

— Да позвольте!.. началъ было Висленевъ, и опять расхохотался.

— Вона! Ну, смѣшливы же вы!

— Вы, отецъ Евангелъ, не говорите, пожалуйста... Я васъ принялъ за тетушку, Катерину Астафьевну...

— Для чего такъ? я на нее не похожъ!

— Ну, вотъ подите же! я хотѣлъ съ ней пошутить...

— Ну и что же: это ничего.

— Это меня вашъ подрясникъ ввелъ въ заблужденіе: мнѣ показалось, что это тетушкино платье.

— А у нея развѣ есть такое платье?

— Кажется... то-есть я думаю...

— Нѣтъ; у вашей тетушки таковаго платья нѣтъ.

— А вы развѣ знаете?

— Разумѣется, знаю: у нея сѣрое лѣтнее, коричневое и черное, что изъ голубого перекрашено, а бѣлое, которое въ прошломъ году вмѣстѣ съ моею женой къ причастью шила, такъ она его не носитъ. Да, вы ничего: не смущайтесь, что пошутили,—вотъ если бы меня прибили, надо бы смущаться, а то... да что же это у васъ у самихъ-то чепецъ помятъ?

— Представьте, это корова...

— А, а! буренка! она одинъ разъ пьяному казаку весь хохолъ на кичкѣ съѣла, а животина добрая... питаетъ. Вы изъ Питера?

— Да, изъ Питера.

— Ученый?

— Ну, не очень...

Висленевъ разсмѣялся.

— Что такъ? Тамъ будто какъ всѣ ученые. Къ литературѣ привержены?

— Да, я писалъ.

— Статьи и изящныя произведенія?

— Статьи. А вы съ дядюшкой много читаете?

— Одолѣваемъ-таки. Изящную литературу люблю, но только писателей изящныхъ мало встрѣчаю. Поворотъ назадъ чувствую.

— Какъ поворотъ назадъ?

— А какъ же-съ: развѣ вы его не усматриваете? Помните въ комедіи господина Львова было сказано, что «прежде все сочиняли, а теперь-де описываютъ», а ужъ нынѣ опять все сочиняютъ: людей такихъ вовсе не видимъ, про какихъ пишутъ... А вотъ и отецъ Филетеръ идетъ.

Въ это время на тропинкѣ показался майоръ Форовъ. Онъ былъ въ старомъ, грязномъ-прегрязномъ драповомъ халатѣ, подпоясанномъ засаленными шнурами; за пазухой у него былъ завязанъ ребенокъ, въ лѣвой рукѣ трубка, а въ правой книга, которую онъ читалъ въ то самое время, какъ дитя всячески старалось ее у него вырвать.

— Чье-жъ это у него дитя? — полюбопытствовалъ Висленевъ.

— А это солдатское... работницы Авдотьи. Ее, вѣрно, куда-нибудь послали; впрочемъ, вѣдь Филетеръ Иванычъ дѣтей страшно любятъ. Перестань читать, Филетеръ: вотъ тебя гость ждетъ.

Форовъ взглянулъ, перехватилъ въ одну руку книгу и трубку, а другую протянулъ Висленеву.

— Торочку вы не видали?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

— А она къ вамъ пошла. Вы по какой улицѣ шли: по Покровской или по Рождественской?

— По Рождественской.

— Ну, значитъ, просмотрѣли.

— А она въ чемъ: въ какомъ платьѣ?

— А ужъ я ея платьевъ не знаю. А журналовъ новыхъ, отецъ Евангелъ, нѣтъ: былъ у Бодростиной, былъ и у Подозерова, а ничего не добылъ. Захватилъ книжонку Диккенса «Изъ семейнаго круга».

— Что жъ, перечитаемъ: тамъ «Габріель и Роза» хороши.

— А теперь пойдемъ закусить, да и въ дорогу. Вы любите закусывать?—отнесся онъ къ Висленеву.

— Не особенно, а впрочемъ, съ вами очень радъ.

— А вамъ развѣ не все равно, съ кѣмъ ѣсть?

— Ну, не все равно. Да, что же вы не спросите, кто мнѣ шляпу обработалъ?

— А что же мнѣ въ этомъ за интересъ? Извѣстно, что если у кого ризы обветшали, такъ значитъ ремонентовъ нѣтъ.

— Чего ремонентовъ! это ваша корова!

— Ну и что жъ? Плохого князя и телята лижутъ.

— Вы, Филетеръ Иванычъ, чудакъ.

— Ну, вотъ и чудакъ! Я чудакъ да не красенъ, а вы не чудакъ да спламенѣли не знай чего. Пойдемте-ка лучше закусывать.

— Только вина, извините, у меня нѣтъ,—объяснилъ Форовъ, подводя гостей къ непокрытому скатертью столу, на которомъ стоялъ горшокъ съ вареным картофелемъ, студень на поливеномъ блюдѣ и водочный графинчикъ.

— Да у тебя и въ баклажкѣ-то оскудѣніе израилево, — замѣтилъ Евангелъ, поднимая пустой графинъ.

— Что жъ, нарядимъ сейчасъ посланіе къ евреямъ,— отвѣчалъ Форовъ, вручая работницѣ графинъ и деньги.

— А я вѣдь совсѣмъ водки не пью, — сказалъ Висленевъ.—Вы не обидитесь?

— Чѣмъ это?.. Я издавна солистъ и акомпанимента не ожидаю, одинъ пью.

— Отецъ Евангелъ развѣ тоже не пьетъ?

— Не пью-съ, отвѣчалъ отецъ Евангелъ, разбирая у себя на ладони разсыпчатую картофелину.

— Мы пошлемъ за виномъ, Филетеръ Иванычъ, если вы позволите?

— А сдѣлайте милость, хоть за шампанскимъ.

Только если вы меня считаете, то я вѣдь и вина никакого не пью,—отвѣчалъ отецъ Евангелъ.

— Будто никакого?

— Вина рѣшительно никакого.

— Ну, рюмку хересу.

— Ну, такъ и быть: для васъ рюмку хересу выпью.

Работница побѣжала, сдавъ опять своего ребенка Филетеру Ивановичу, и черезъ нѣсколько минутъ доставила вино и водку. Форовъ выпилъ водки и началъ ходить по комнатѣ.

— А что же вы, Филетеръ Иванычъ, не закусываете?— заговорилъ Висленевъ.

— Истинные таланты не закусываютъ, — отвѣчалъ, не глядя на него, Форовъ.

Висленеву показалось, что майоръ съ нимъ почему-то сухъ. Онъ ему это замѣтилъ, на что тотъ сейчасъ же отвѣчалъ:

— Я, сознаюсь вамъ, смущенъ, что это вы за птицу привезли, этого господина Горданова?

— А что такое?

— Да онъ мнѣ не нравится.

— Съ какихъ это поръ? Вы, кажется, съ нимъ вчера соглашались?

— Да мало ли что соглашался? Съ инымъ и соглашаешься, да не любишь, а съ другимъ и не согласенъ, да ладишь.

— Такъ вы вотъ какой: вы единомышленниковъ, значитъ, немного цѣните?

— Да вы къ чему мнѣ это говорите? Мыслитъ всякъ для себя.

— А партія?

— Партія? Такъ это значитъ я ея крѣпостной, что ли,

что я ради партіи долженъ подлеца въ честь ставить?.. А чтобъ она этого не дожидалась сія партія!

— А Гордановъ прекрасный и очень умный человѣкъ.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ майоръ.—Знаю только, что онъ цѣлый вечеръ точно бурлацкую пѣсню тянулъ «а-о-е», а живого слова не выберешь.

— Онъ говорилъ резонно.

— Да что же резонно, всѣ его резоны, это, я говорю, все равно, что дождь на морѣ, ничего не прибавляютъ. Интересно бы знать его дѣла и дѣла... Слышишь, отецъ Евангелъ, этотъ Гордановъ мужиченкамъ землишку подарилъ, да теперь выдурить ее у нихъ на обмѣнъ хочетъ.

— Т-е-е-съ! сдѣлалъ укоризненно, покачавъ головою, отецъ Евангелъ, у котораго ротъ былъ изобильно наполненъ горячимъ картофелемъ.

— Да это кто же вамъ сказалъ, что таковы Гордановскія намѣренія?

— Да вѣдь вы же Подозерову объ этомъ говорили. И вы сами еще, милостивый государь, за такое дѣло взялись?.. Нехорошо!..

— Вретъ вашъ Подозеровъ.

— Что-о? Подозеровъ вретъ? Ну это, во-первыхъ, въ первый разъ слышу, а во-вторыхъ, Подозеровъ мнѣ и не говорилъ ничего.

— Подозеровъ самъ-то очень хорошъ.

— Человѣкъ рабочій и честный, хотя идеалистъ.

— Очень честный, но никогда ни на что честное и въ университетѣ не умѣлъ откликнуться.

— А на что откликаться-то въ университетѣ, когда тамъ надо учиться?

— Мало ли на что тамъ въ наше время приходилось откликаться! А ему какое дѣло, бывало, ни представь, все разрезонируетъ и выведетъ, что въ немъ содержанія нѣтъ.

— Да вѣдь какое же, въ самомъ дѣлѣ, содержаніе можно найти въ дѣлѣ о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ?

— Ну, я вижу вы совсѣмъ подозеровскій партизанъ здѣсь?

— Напротивъ, я совсѣмъ другихъ убѣжденій, чѣмъ Подозеровъ...

— А не пора ли намъ съ тобой, друже Филетеръ, и въ ходъ, прервалъ отецъ Евангелъ.

— Идемъ, отвѣчалъ Форовъ, и накинулъ на себя вмѣсто халата парусинный балахонъ, забралъ на плечи торбу, въ карманъ книгу и протянулъ Висленеву руку.

— Куда вы? спросилъ Іосафъ Платоновичъ.

— Туда, къ Аленину верху.

— Гдѣ это, далеко?

— А верстъ съ десятокъ отсюда, вотъ гдѣ горы-то видны, между Бодростинкой и Спитянинскимъ хуторомъ.

— Что-жъ вы тамъ будете дѣлать?

— Въ озерѣ карасей половимъ, съ росой травъ порвемъ, а въ солнцепекъ читать будемъ въ лѣсу на прохладѣ.

— Возьмите меня съ собой.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, а Форовъ сказалъ:

— Что-жъ, намъ все равно.

— Такъ я иду.

— Идемте.

— А гроза васъ не пугаетъ?

— Насъ—нѣтъ, потому что мы каждый съ своей точки зрѣнія жизнью не дорожимъ, а вотъ вы-то, пожалуй, лучше останьтесь.

— А что?

— Да гроза непремѣнно будетъ, а кто считаетъ свое существованіе драгоцѣннымъ, тому жутко на полѣ, какъ облака заспорятъ съ землей. Вы не поддавайтесь лучше этой гили, что говорятъ, будто стыдно грозы трусить. Что за стыдъ бояться того, съ кѣмъ сладу нѣтъ!

— Нѣтъ, я хочу побродить съ вами и посмотрѣть, какъ вы ловите карасей, какъ сбираете травы и пр. и пр. Однимъ словомъ, мнѣ хочется побыть съ вами.

— Такъ идемъ.

Они встали и пошли.

Выйдя на улицу, Форовъ и отецъ Евангелъ тотчасъ сѣли

на землю, сняли обувь, связали на веревочку, перекинули себѣ черезъ плеча и, закатавъ вверхъ панталоны, пошли въ бродъ черезъ мелкую рѣчку. Висленевъ этого не сдѣлалъ: онъ не сталъ разуваться и сказалъ, что босой идти не можетъ; онъ вошелъ въ рѣку прямо въ обуви и сильно измочился.

Форовъ вытащилъ изъ кармана книжку Диккенса и зачиталъ разсказъ о *Габріэлѣ* и *Розѣ*.

Шли они, шли, и Висленеву показалось, что они уже Богъ знаетъ какъ далеко ушли, а было всего семь верстъ.

— Я усталъ, господа, сказалъ Висленевъ.

— Что-жъ, сядемъ, отдохнемъ, отвѣчалъ Евангелъ.

И они сѣли.

— Скажите, неужели вы всегда и дорогой читаете? спросилъ Висленевъ.

— Ну, это какъ придется, отвѣчалъ Форовъ.

— И всегда повѣсти?

— По большей части.

— И не надоѣли онѣ вамъ?

— Отчего же? Самая глупая повѣсть все-таки интереснѣе, чѣмъ трактатъ о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ.

— Ну такъ вотъ же я вамъ подарокъ припасъ: это ужъ не о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ, а о бревнѣ, упавшемъ и убившемъ свободу.

И съ этимъ Висленевъ вынулъ изъ кармана пальто и преподнесъ Форову книжку изъ числа изданныхъ заграницей и въ которой трактовалась сущность христіанства по Фейербаху.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ майоръ,—но я, впрочемъ, этого барона фонъ-Фейербаха не уважаю.

— А вы его развѣ читали?

— Нечего у него читать-то, вотъ горе.

— Онъ разбираетъ сущность христіанства.

— Знаю-съ, и очень люблю эти критики только не его, не господина Фейербаха съ послѣдователями.

— Они это очень грубо дѣлаютъ, поддержалъ отецъ Еван-

гелъ.—Есть на это мастера гораздо тоньше — филигранью чеканятъ.

— Да, разумѣется, Ренанъ, напримѣръ, я это знаю.

— Нѣтъ; да Ренанъ о духѣ мало и касается, онъ все по критикѣ событій; но и Ренанъ-то въ своихъ положеніяхъ тоже не ахти-мнѣ; онъ шатокъ противъ, напримѣръ, богослововъ современной тюбингенской школы. Вы какъ находите?

— Я, признаться сказать, всѣхъ этихъ господъ не читалъ.

— А-а, не читали, жаль! Ну да это примѣромъ можно объяснить будетъ, хоть и въ противномъ родѣ, вотъ какъ, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ противъ Василія Великаго, Массильонъ супротивъ Боссюэта, или Иннокентій противъ Филарета московскаго.

— Ничего не понимаю.

— Одни увлекательнѣй и легче, какъ Златоустъ, Массильонъ и Иннокентій, а другіе тверже и опористѣй, какъ Василій Великій, Боссюэтъ и Филаретъ. Ренанъ вѣдь очень легокъ, а вы если критикой духа интересуетесь, такъ Ламене изволите прочитать. Этотъ гораздо позабористѣй.

«Чортъ ихъ знаетъ, сколько они нынче здѣсь, по трущобамъ-то сидя, поначитались!» подумалъ Висленевъ и добавилъ вслухъ:

— Да, можетъ быть. Я мало этихъ вещей читалъ, да на что ихъ? Это роскошь знанія, а нужна польза. Я вѣдь только со стороны критики сущности христіанства согласенъ съ Фейербахомъ; а то я, разумѣется, и его не знаю.

— Да вы съ критикой согласны? Ну а ея-то у него и нѣтъ. Какая же критика при односторонности взгляда? Это въ нѣкоторыхъ теперешнихъ свѣтскихъ журналахъ ведется подобная критика, такъ вѣдь quod licet bovi, non licet jovi, что приличествуетъ быку, то не приличествуетъ Юпитеру. Нѣтъ, вы Ламене почитайте. Онъ хоть нашего брата пробираетъ христіанство, а онъ лучше послѣдователей Фейербаха понимаетъ. Христіанство это-съ вѣдь дѣло слишкомъ серьезное и великое: его не повалить.

— Оно даже хлѣбомъ кормитъ, вмѣшался Форовъ.

— Нѣтъ, оно больше дѣлаетъ, Филетеръ Иванычъ, ты это глупо говоришь, отвѣчалъ Евангелъ.

— А мнѣ кажется, онъ, напротивъ, прекрасно сказалъ, и позвольте мнѣ на этомъ съ нимъ покончить, сказалъ Висленевъ.—Хлѣбъ, какъ все земное, мнѣ ближе и понятнѣе, чѣмъ всѣ небесныя блага. А какъ же это кормитъ христіанство хлѣбомъ?

— Да вотъ какъ. Во многихъ мѣстахъ десятки тысячъ людей, которые непремѣнно должны умереть въ силу обстоятельствъ съ голоду, всякій день сыты. Петербургъ кормитъ такихъ двадцать тысячъ и все «по сущности христіанства». А уберите вы эту «сущность» на три дня изъ этой сторонушки, вотъ вамъ и голодная смерть, а ваши философы этого не видали и не разъяснили.

— Дѣла милосердія вѣдь возможны и безъ христіанства.

— Возможны, да... не всякъ на нихъ тронется изъ тѣхъ, кто нынче трогается.

— Да, со Христомъ-то это легче, поддержалъ Евангелъ.

— А то «жестокіе еще, сударь, нравы въ нашемъ городѣ», добавилъ Форовъ.

— А со Христомъ жестокое-то дѣлать труднѣй, опять подкрѣпилъ Евангелъ.

— Скажите же, зачѣмъ вы живете въ такой странѣ, гдѣ по вашему все такъ глупо, гдѣ всѣ добрыя дѣла творятся силой иллюзій и страховъ?

— А гдѣ же мнѣ жить?

— Гдѣ угодно!

— Да мнѣ здѣсь угодно, я здѣсь органическія связи имѣю.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, пенсіонъ получаю.

— И только?

— И-н-ну... и не только... Я мужиковъ люблю, солдатъ люблю!

— Что же вамъ въ нихъ нравится?

— Прекрасные люди.

— А неужто же цивилизованный иностранецъ хуже русскаго невѣжды?

— Нѣтъ; а иностранный невѣжда хуже.

— А я, каюсь вамъ, не люблю Россіи.

— Для какой причины? спросилъ Евангелъ.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ въ ней видите хорошаго? Ни природы, ни людей. Гдѣ лавръ да миртъ, а здѣсь квасъ да спиртъ, вотъ вамъ и Россія.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, нарвалъ горсть синей озими и сталъ ею обтирать свои запачканныя ноги.

— Ну, природа, заговорилъ онъ,—природа наша здоровая. Оглянитесь хоть вокругъ себя, неужто ничего здѣсь не видите достойнаго благодаренія?

— А что же я вижу? Вижу будущій квасъ и спиртъ, и будущее сѣно!

Евангелъ опять замолчалъ и наконецъ всталъ, бросилъ отъ себя траву и, стоя среди поля съ подоткнутымъ запоясъ подрясникомъ, началъ говорить спокойнымъ и тихимъ голосомъ:

— Сѣно и спиртъ! А вотъ у самыхъ вашихъ ногъ растетъ здѣсь благовонный девясилъ, онъ утоляетъ боли груди; подальше два шага отъ васъ, я вижу огневой жабникъ, который лѣчитъ черную немочь; вонъ тамъ на камняхъ растетъ верхоцвѣтный исопъ, отъ удушья; вонъ ароматная марь, противъ нервовъ; рвотный капытень; сонъ-трава отъ пострѣла; кустистый дрокъ; крѣпящая разслабленныхъ аліела; вонъ болдырянъ, отъ дѣтскаго родилища и мадрагары, отъ которыхъ спятъ убитые тоской и страданіемъ. Теперь, тамъ, на полѣ, я вижу траву гулявицу отъ судорогъ; на холмикѣ вонъ Божье деревцо; вонъ львиноустъ отъ трепетанья сердца; дягиль, лютикъ, цѣлебная и смрадная трава омегъ; вонъ курослѣпъ, отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ; а тамъ по потовинамъ луга растетъ ручейный гравилатъ, отъ кровотока; авранъ и многолѣтній кринъ, возстановляющій безсиліе; медвѣжье ухо отъ перхоты; хрупкая ива, въ которой

купаютъ золотушныхъ дѣтей; кувшинчикъ, кукушкинъ ленъ, козлобородъ... Не сѣно здѣсь, мой государь, а Божья аптека.

И съ этимъ отецъ Евангелъ вдругъ оборотился къ Висленеву спиной, прилегъ, свернулся калачикомъ и въ одно мгновеніе уснулъ, рядомъ со спящимъ уже и храпящимъ майоромъ. Точно порѣшили оба насчетъ Іосафа Платоновича, что съ нимъ больше говорить не о чемъ.

Висленевъ такой выходки никакъ не ожидалъ, потому что онъ не видалъ никакой причины укладываться теперь и спать, и не чувствовалъ ни малѣйшаго позыва ко сну; но помѣшать Форову и отцу Евангелу, когда они ужъ уснули, онъ, разумѣется, не захотѣлъ, и рѣшилъ побродить немножко по кустарникамъ. Походилъ, нашелъ двѣ ягоды земляники и съѣлъ ихъ, и опять вернулся на опушку, а Форовъ и Евангелъ попрежнему спятъ. Висленеву стало скучно, онъ бы пошелъ и домой, но кругомъ тучится и погромыхиваетъ громъ, котораго онъ не любитъ. Дѣлать нечего, онъ снялъ пиджакъ, свернулъ его, подложилъ подъ голову и легъ рядомъ съ крѣпко спящимъ Форовымъ, сорвалъ былинку и, покусывая ее, началъ мечтать. Мечты его были невыспренни, онѣ витали все около его портфеля, около его трудныхъ дѣлъ, около Петербурга, гдѣ у Висленева осталась нелюбимая жена и никакого положенія, и наконецъ около того, какъ онъ появится Горданову и какъ разскажетъ ему исторію съ портфелемъ.

«Чѣмъ я позже ему это сообщу, тѣмъ лучше, — думалъ онъ, — чего же мнѣ и спѣшить? Я съ этимъ и ушелъ сюда, чтобы затянуть время. Пусть тамъ послѣ Гордановъ потрунитъ надъ моими увлеченіями, а между тѣмъ время большой изобрѣтатель. Подчиняюсь моей судьбѣ и буду спать, какъ они спятъ».

Висленевъ оборотился лицомъ къ Форову и закрылъ глаза на все.

Долго ли онъ спалъ, онъ не помнилъ, но проснулся онъ вдругъ отъ страшнаго шума и проницающей прохлады.

Небо было черно, въ воздухѣ рокоталъ громъ и падали крупныя капли дождя. Висленевъ увидалъ въ этомъ достаточный поводъ поднять своихъ спутниковъ и разбудилъ отца Евангела. Дождь усиливался быстро и вдругъ пустился какъ изъ ведра, прежде чѣмъ Форовъ проснулся.

— Побѣжимте куда-нибудь? — упрашивалъ, метаясь на мѣстѣ, Висленевъ.

— Да куда же бѣжать-съ? Кругомъ поле, ни кола, ни двора, въ городъ назадъ семь верстъ, до Бодростинки четыре, а влѣво не больше двухъ верстъ до Синтянина хутора, да вѣдь все равно и туда теперь не добѣжишь. Видите, какой полилъ. Ухъ, за рубашку потекло!

Отецъ Евангелъ сталъ на корточки, нагнулъ голову и выставилъ спину.

— Я говорилъ, что это будетъ,—проворчалъ Форовъ и тоже сталъ на колѣни точно такъ же, какъ и Евангелъ.

Среди ливня, обратившаго весь воздухъ вокругъ въ сплошное мутное море, рѣяли молніи и грохоталъ, не прерывая, громъ, и вотъ, весь мокрый и опустившійся Висленевъ видитъ, что среди этихъ волнъ, погоняемыхъ вѣтромъ, аршина два отъ земли плыветъ блѣдно-огненный шаръ, колеблется, растетъ, перемѣняетъ цвѣта, становится изъ блѣднаго багровымъ, фіолетовымъ, и вдругъ сверкнуло и вздрогнуло, и шара ужъ нѣтъ, но зато на дорогѣ что-то взвилось, затрещало и повалилось.

Форовъ и Евангелъ подняли головы.

Въ трехъ шагахъ передъ ними, въ морѣ волнъ, стоялъ двухмѣстный фаэтонъ, запряженный четверней лошадей, изъ которыхъ одна, оторвавши поводъ, стояла головой къ заднему колесу и въ страхѣ дрожала.

— Помогите, пожалуйста,—кричалъ изъ фаэтона человѣкъ съ большими кудрями à la Beranger.

— Это Михаилъ Андреичъ,—проговорилъ, направляясь къ экипажу, отецъ Евангелъ.

— Кто?—освѣдомился Висленевъ, идучи вслѣдъ за нимъ вмѣстѣ съ Форовымъ.

— Бодростинъ.

Въ фаэтонѣ сидѣлъ бѣлый, чистый, очень красивый старикъ Бодростинъ и возлѣ него молодой кавалеристъ съ нѣсколько недменнымъ и улыбающимся лицомъ.

— А, это вы, странники вѣчные!—заговорилъ, высовываясь изъ экипажа, Бодростинъ, въ то время какъ кучеръ съ отцомъ Евангеломъ выпутывали и выпрягали лошадь, тщетно наровившую подняться.—А это кто жъ съ вами еще!—любопытствовалъ Бодростинъ.

— А это пріѣзжій къ намъ съ сѣвера, Висленевъ,—отвѣтствовалъ майоръ Форовъ.

— Ахъ это ты, Есафушка! Здорово, дружокъ! Вотъ радъ, да говорить-то некогда... Ты что жъ, куда идешь?

— Пошелъ съ ними, и самъ не знаю, чего и куда, отозвался Висленевъ.

— Да кинь ты ихъ, бродягъ, и поѣдемъ въ городъ. Вотъ видишь, какъ ты измокъ, какъ куликъ.

— Ужъ просто ни одинъ Язонъ въ Колхидѣ не знавалъ такого душа!

— Ну и садись. Володя, подвигайся, братъ! Возьмемъ сего Язона, — добавилъ онъ, отстраня кавалериста.—Это мой племянникъ, сестры Агаты сынъ, Кюлевейнъ. Ну, я беру у васъ господина этого городскаго воробья!—добавилъ онъ, втягивая Висленева за руку къ себѣ въ экипажъ,—онъ вамъ не къ перу и не къ шерсти.

— Съ Богомъ,—отвѣтилъ Евангелъ.

Бодростинъ кивнулъ своею беранжеровскою головой, и фаэтонъ опять понесся надъ моремъ дождя и сѣтью рѣющихъ молній.

Висленевъ дрожалъ отъ холоду и сырости и жался, совѣстясь мочить своимъ смокшимся платьемъ сосѣдей.

— Я просто мокръ, какъ губка, и совсѣмъ никуда не гожусь, — говорилъ онъ, стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Ну, вздоръ, ничего, хорошій молодецъ изъ воды долженъ сухъ выходить. Вотъ пріѣдемъ къ женѣ, она задастъ

тебѣ такого эрфиксу, что ты высохнешь и зарокъ дашь съ пріѣзда по полямъ не разгуливать, прежде чѣмъ друзей навѣстишь.

— А, нѣтъ! Бога ради! Я не могу показаться Глафирѣ Васильевнѣ.

— Что тако-о-о-е? Не можешь показаться моей женѣ? Полно, пожалуйста, дурить-то.

— Я право, Михаилъ Андреевичъ, не дурю, а не могу же я въ такомъ печальномъ видѣ являться къ Глафирѣ Васильевнѣ,—отпрашивался Висленевъ.

— Все это чистый вздоръ, облечемъ тебя въ сухое бѣлье и теплый халатъ, а тѣмъ временемъ тебѣ и другое платье принесутъ.

— Нѣтъ, воля ваша, я у своего дома сойду, переодѣнусь дома и пріѣду.

— Ну, да, разсказывай, придешь ты, какъ же! Нѣтъ ужъ, братъ, надо было ко мнѣ сюда не садиться, а ужъ какъ сѣлъ, такъ привезу, куда захочу. У насъ на Руси на то и пословица есть: «на чьемъ возу ѣдешь, того и пѣсенку пой».

Отмѣнить этого не предвидѣлось никакой возможности: Бодростинъ неотразимо исполнялъ непостижимый и роковой законъ, по которому мужья столь часто употребляютъ самыя упорныя усилія вводить къ себѣ въ домъ людей, которыхъ бы лучше имъ вѣкъ не подпускать къ своему порогу.

— Сей молодецъ яко старецъ,—проговорилъ Евангелъ, садясь съ майоромъ снова подъ межку.

— Межеумокъ,—отвѣчалъ нехотя Форовъ, и болѣе они о Висленевѣ не говорили.

Подъ третьимъ кровомъ утро это началось еще иначе.

Глафира Васильевна Бодростина возвратилась домой съ небольшимъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ она вышла отъ Горданова. Она сама отперла бывшимъ у нея ключомъ небольшую дверь въ оранжерею и черезъ нее прошла по довольно крутой спиральной лѣстницѣ на вто-

рой этажъ, въ чистую комнату, гдѣ чуть теплилась лампада подъ низкимъ абажуромъ и дремала въ креслѣ молодая, красивая дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ.

Бодростина заперла за собой дверь и, тронувъ дѣвушку слегка за плечо, бросила ей шинель и шляпу, а сама прошла три изящно убранныя комнаты своей половины и остановилась, наконецъ, въ кабинетѣ, оклеенномъ темнозелеными обоями и убранномъ съ большимъ вкусомъ темнозеленымъ бархатомъ и позолотой.

Дѣвушка вошла вслѣдъ за нею и сказала:

— Вамъ есть письмо!

— Откуда такъ поздно?

— Швейцаръ мнѣ прислалъ его, какъ только вы изволили уйти. Я сказала, что вы уже изволили започивать.

— На,—отвѣчала Бодростина, бросая на руки дѣвушки свою бархатную куртку и жилетъ,—сними съ меня сапоги и подай мнѣ письмо,—добавила она, полуулегшись на диванъ, глубоко уходящій въ нишь окна.

Дѣвушка вышла и черезъ минуту явилась съ розовыми атласными туфлями и съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежалъ большой конвертъ.

Глафира Васильевна взяла письмо, взглянула на адресъ и покраснѣла.

— А-а! Наконецъ-то!—шепнула она себѣ.

Дѣвушка разула ее и надѣла на ея ноги туфли.

— Ложись спать! приказала Бодростина.

Дѣвушка поклонилась и вышла.

Глафира Васильевна встала, тихо обошла нѣсколько разъ вокругъ комнаты, опустила занавѣсы дверей, отдернула занавѣсу окна, въ нишѣ котораго помѣщался диванъ, и снова сѣла здѣсь и наморщила лобъ.

— Игра начинается большая и опасная!—носилось въ ея головѣ.—Рискованнѣе и смѣлѣе я еще не задумывала ничего, и я выиграю... Я должна выиграть ставку, потому что ходы мои разсчитаны вѣрно, и рука, мнѣ повинующаяся, неотразима, но... Гордановъ хитеръ, и съ нимъ

нужна вся осторожность, чтобъ онъ ранѣе времени не узналъ, что онъ будетъ работать не для себя. Впрочемъ, я готова встрѣтить все, и намъ пора окончить съ Павломъ Николаевичемъ наши счеты!

Бодростина тихо вздохнула и, взявъ неспѣшною рукой со стола письмо, разорвала конвертъ.

Письмо было на большомъ листѣ почтовой бумаги, исписанномъ вокругъ чистымъ и красивымъ мужскимъ почеркомъ, внизу стояла подпись «Подозеровъ».

«Я получилъ четыре дня тому назадъ ваше письмо, начиналъ авторъ.—Не нахожу словъ, которыми могъ бы отблагодарить васъ за чувства, выраженныя въ вашихъ строкахъ, которыхъ я никогда не перестану помнить. Я не отвѣчалъ вамъ скоро потому, что хотѣлъ отвѣчать обстоятельно. Прежде всего я отвѣчу на ваше запрещеніе смѣяться надъ вами. Это напрасно. Я не умѣю смѣяться ни надъ кѣмъ и всегда отвѣчаю на всякій вопросъ по совѣсти точно такъ же поступаю и въ настоящемъ случаѣ.

«Вы напоминаете мнѣ мой долгъ вамъ, напоминаете данное мною вамъ, при одномъ шуточномъ случаѣ, серьезное слово безотговорочно и честно исполнить первое ваше требованіе, и въ силу этого слова дѣлаете для меня обязательнымъ обстоятельный и чистосердечный отвѣтъ на ваше письмо, заключающее въ себѣ и дружескій вопросъ, и совѣтъ, и предостереженіе, и ваше предсказаніе. Вы разрѣшаете мнѣ тоже, взамѣнъ всякихъ отвѣтовъ, отдѣлаться сознаніемъ, что откровенность мнѣ не по силамъ.

«Очень благодарю васъ за дарованіе мнѣ такого легкаго способа отступленія, но, конечно, имъ не воспользуюсь: я буду съ вами совершенно откровененъ.

«Я бы очень прямо отвѣчалъ вамъ, почему держу себя, какъ вы говорите, «такъ странно и двусмысленно», если бъ я видѣлъ въ моемъ поведеніи какую-нибудь двусмысленность и загадочность. Мнѣ даже самому было бы пріятно уяснить себѣ мои странности, но я, къ крайней моей до-

садѣ, лишенъ способности ихъ видѣть. Мнѣ кажется, что я живу, какъ всѣ, одѣваюсь, какъ всѣ, ложусь спать и встаю въ часы, болѣе или менѣе обычные для всѣхъ, занимаюсь моей службой, посѣщаю моихъ немногочисленныхъ друзей и мало забочусь о моихъ врагахъ, которыхъ, по вашему замѣчанію, у меня очень много. Не смѣю вамъ противорѣчить, но если это и такъ, то что же я долженъ дѣлать, чтобъ уменьшить число моихъ недоброжелателей. Я не употреблялъ никакихъ стараній пріобрѣсть ихъ вражду, и не знаю, за что получилъ ее, не знаю и средства къ умилостивленію ихъ. Помогите мнѣ, пожалуйста, и спросите перваго человѣка, который выскажется ко мнѣ предъ вами враждебно, что я ему сдѣлалъ худого? Этимъ вы мнѣ дадите средство исправиться. Вы относите чувства моихъ недруговъ къ моему безучастію «въ общественныхъ дѣлахъ», и ставите мнѣ въ укоризну мой отказъ отъ продолженія секретарства по человѣколюбивымъ учрежденіямъ, въ которомъ вы принимаете участіе. Мнѣ кажется, что вы правы: я дѣйствительно мало показываюсь въ обществѣ, но это потому, что у меня очень хлопотливая служба, едва оставляющая мнѣ сколько-нибудь времени для того, чтобъ освѣжить мою голову страницей чтенія. Поэтому же я отказался и отъ секретарства, и отъ всякаго участія въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, кромѣ посильной ленты моей, которую отдаю охотно. Я не могу дѣйствовать иначе, потому что прямое мое дѣло, которое я ежеминутно дѣлаю, стоя у интересовъ крестьянъ, тоже есть дѣло благотворенія, и оно непремѣнно потерпѣло бы, если бъ я сталъ раздѣлять свое время на стороны. Скажу вамъ болѣе: я бы считалъ очень радостнымъ фактомъ, если бы среди русскихъ мужчинъ, имѣющихъ опредѣленныя занятія, находилось какъ можно менѣе охотниковъ вступаться въ дѣла непосредственнаго благотворенія. Зная характеръ этихъ дѣлъ, и характеръ, и цѣль большинства пристающихъ къ нимъ лицъ, я позволяю себѣ искреннѣйше желать, чтобы благотвореніе и помощь бѣднымъ, какъ прямыя дѣла христіанскаго ми-

лосердія, вѣдались приходами, а не людьми, занимающимися этими дѣлами pour passer le temps. Я увѣренъ, что это къ тому непремѣнно и придетъ, когда умножится число людей, въ самомъ дѣлѣ добрыхъ и въ самомъ дѣлѣ соболѣзнующихъ о нуждающемся братѣ, а не ищущихъ себѣ связей и протекцій насчетъ благотворенія, какъ это дѣлается. Я чувствую ложь въ основѣ нынѣшней благотворительности и не хочу тратить силъ и времени, нужныхъ дѣлу, служить которому я обязанъ присягой и добрымъ моимъ хотѣніемъ. Вотъ вамъ разъясненіе одной моей странности и послѣдней неловкости, «завершившей, по вашимъ словамъ, цѣпь моихъ безтактностей».

«Вторая укоризна въ томъ, что̀ вы называете невниманіемъ къ своей репутаціи, можетъ-быть, еще болѣе справедлива. Вы ставите мнѣ въ вину, что я «кажется» никогда не употребляю никакихъ усилій для того, чтобы смирить зазнающуюся наглость. Слово «кажется» вы поставили напрасно: вы могли бы даже сказать это совершенно утвердительно, и я призналъ бы неопровержимую правоту вашихъ словъ; но вы неправы, приписывая это такъ-называемому «презрительному индиферентизму къ людямъ» или «неспособности ненавидѣть, происходящей отъ неспособности любить». Здѣсь вы погрѣшаете въ вашихъ заключеніяхъ. «Презрительнаго индиферентизма къ людямъ» во мнѣ нѣтъ, и я его даже не понимаю: напротивъ, у меня черезъ мѣру неосторожны и велики тяготѣнія къ однимъ людямъ и я очень сильно чувствую отвращеніе отъ другихъ, но ненавидѣть я дѣйствительно неспособенъ. Я, какъ человѣкъ очень дурно воспитанный, конечно, не свободенъ отъ злобности, и я даже могу ненавидѣть, но я ненавижу одну мстительную ненависть, и зато ненавижу ее непримиримо. Наше дѣло сберегать себя отъ зла, къ которому, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе склонны всѣ люди, но ненавидѣть человѣка и стараться мстить ему... это такая черная работа, отъ которой, конечно, пожелаетъ освободить себя всякій, какъ только онъ захочетъ вдуматься въ существо дѣла.

Вотъ вамъ объясненіе моего мнимаго незлобія: я не мстителенъ больше по недосугу и по эгоизму.

«Вы вообще желаете поднять во мнѣ желаніе защищаться и, указывая на принца Гамлета, какъ на примѣръ, достойный подражанія, совѣтуете усвоить изъ него «то, что въ немъ есть самаго сильнаго». Принцъ Гамлетъ—образецъ великій, и вы напрасно шутите, что будто бы его душа живетъ теперь во мнѣ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, это не такъ; но все-таки я чту и чувствую принца Гамлета, и я знаю, что̀ у него было самое сильное, но это отнюдь вѣдь не желаніе мстить и издѣваться, здѣсь только слабость принца, а сила его въ любви его... въ любви его не къ Офеліи, которую онъ, какъ женщину, любитъ потому, что «любитъ», а въ его любви къ Гораціо, котораго «избралъ онъ передъ всѣми». Вы, конечно, помните эти прекрасныя слова, за что онъ избранъ:

Страдая, ты, казалось, не страдалъ,
Ты бралъ удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое,
И ты благословенъ!..
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не дѣлала рабомъ, и я укрою
Его души моей въ святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрылъ тебя.

«Поистинѣ, я во всей трагедіи не знаю ничего величественнѣе этого, вообще мало замѣчаемаго мѣста; но здѣсь достоинъ подражанія не нерѣшительный принцъ Гамлетъ, а Гораціо, съ которымъ у меня, къ сожалѣнію, только одно сходство, что я такой же «бѣднякъ», какъ онъ.

«Далѣе вы совѣтуете мнѣ измѣнить мой образъ жизни, но скажите, Бога ради, можно ли не быть самимъ собой ни для чего или, что еще хуже, измѣниться для того, чтобы быть хуже?.. Я это говорю потому, что вы мнѣ совѣтуете «окраситься», потому что «бѣлый цвѣтъ марокъ», вы рѣшительно сказали «интригуйте, какъ большинство, имѣйте всѣ пороки, которые имѣютъ всѣ, не будьте мимозой, свер-

тывающейся отъ всякаго преткновенія, будьте чѣмъ вы хотите: шулеромъ, взяточникомъ, ханжой, и васъ кто-нибудь да станетъ считать своимъ, между тѣмъ какъ нынѣ, гнушаясь гадости людей, вы всѣмъ не только чужой, но даже ненавистный человѣкъ. Люди не прощаютъ такого поведенія; они не вѣрятъ, что вы отходите для того, чтобы только отойти; нѣтъ, имъ кажется, что это не цѣль, а только средство, чтобы вредить имъ издали. Вредите имъ, и они будутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ находясь въ догадкахъ». Вы очень наблюдательны, Глафира Васильевна! Это все очень вѣрно, но не сами ли же вы говорили, что, чтобъ угодить на общій вкусъ, надо себя «безобразить». Согласитесь, это очень большая жертва, для которой нужно своего рода геройство. Какъ эгоистъ, я имѣю болѣе близкую мнѣ заботу: прежде чѣмъ нравиться людямъ, я не хочу приходить въ окончательный разладъ съ самимъ собой. Какъ вы хотите, человѣку можно простить эту манкировку и позволить заботиться немножко о своемъ самоусовершенствованіи или, скромнѣе сказать, о собственномъ исправленіи. Надо же немножко держать корректуру надъ самимъ собой, чтобы не дойти въ концѣ концовъ до внутренняго разлада, за чѣмъ, конечно, всегда слѣдуетъ необходимость плясать по чужой дудкѣ, къ чему я совершенно неспособенъ. Вы указываете мнѣ на существующую будто бы общую подготовку сразу сложиться въ дружный союзъ противъ меня и предрекаете, что это будутъ силы, которыя сломятъ всякую волю; но, Глафира Васильевна, я никогда и не считалъ себя героемъ, для одолѣнія котораго нужны были бы очень сложныя силы въ родѣ «всеобщаго раздраженія или всеобщаго озлобленія», которыя вы желаете отвратить отъ головы моей. Я гораздо скромнѣе и уступчивѣй, и все, на что я уповаю, это усвоенная мною себѣ привычка отходить отъ зла, творя этимъ благо и себѣ, и тому, кому я досадилъ. Я не претендую ни на какое мѣсто въ обществѣ, ни на какое вліяніе; даже равнодушествую, какъ вы говорите, къ обществен-

ному мнѣнію все потому, что я крайне доволенъ своимъ положеніемъ, въ которомъ никто на свѣтѣ не можетъ заставить меня пожертвовать драгоцѣнною для меня свободой совѣсти, мыслей и поступковъ; я среди людей какъ среди моря: не всѣ валы сердиты и не всѣ и нахлестываютъ, а есть и такіе, которые выносятъ. Я не хвалюсь друзьями, но они у меня есть. Если я, по вашимъ же словамъ, не смѣю разсчитывать на доброжелательство въ обществѣ, то чему же, напримѣръ, я обязанъ за ваше участіе и вниманіе, послѣднимъ доказательствомъ которыхъ мнѣ служитъ лежащій предо мной листокъ, написанный вашею доброжелательною рукой? Неужто въ самомъ дѣлѣ тому, что я не хотѣлъ позволить гдѣ-то и кому-то говорить о васъ вздорныя и пустыя слова, обстоятельство, которое вы помните съ приводящимъ меня въ стыдъ постоянствомъ?.. Глафира Васильевна! я очень люблю Филетера Ивановича, но я готовъ разлюбить его за его болтливость, съ которою онъ передалъ вамъ почти трактирную, недостойную сцену мою съ Висленевымъ, который лепеталъ о васъ что-то тогда, отнюдь не по зложелательству, а по тогдашнему, довольно многимъ общему, влеченію къ такъ-называвшейся «очистительной критикѣ». Форовъ не долженъ былъ ничего сообщать объ этомъ случаѣ, незначащемъ и недостойномъ никакого вниманія, какъ и вы, мнѣ кажется, не должны напоминать мнѣ объ этомъ, поселяя тѣмъ непріятное чувство къ добродушному Филетеру Ивановичу. Попросить человѣка перестать говорить несовсѣмъ хорошо о женщинѣ, повѣрьте, самый простой поступокъ, который всякій сдѣлаетъ по такому же естественному побужденію, по какому человѣкъ желаетъ не видать непріятнаго зрѣлища или не слыхать раздирающихъ звуковъ. При извѣстной слабости нервовъ и извѣстной привычкѣ потворствовать имъ, я въ томъ случаѣ, который стараюсь объяснить вамъ, поступилъ бы одинаково, какой бы женщины это ни касалось. И затѣмъ последнее: за приглашеніе ваше гостить лѣто у васъ въ Рыбацкомъ, я, разумѣется, безконечно вамъ благодаренъ, но

принять его я не могу: какъ ни непріятно оставаться въ городѣ, но я уѣхать отсюда не могу.

«Примите и пр. «Андрей Подозеровъ».

Бодростина сжала письмо въ рукѣ, посидѣла минуту молча, потомъ встала и, шепнувъ: «и ты благословенъ», вздохнула и ушла въ свою спальню.

Черезъ двѣ минуты она снова появилась оттуда въ кабинетѣ въ пышной бѣлой блузѣ и съ распущенными не длинными, но густыми темно-русыми волосами, зажгла пахитоску, открыла окно и, вставъ на колѣни на диванъ, легла грудью на бархатный матрацъ подоконника.

«Онъ бѣжитъ меня и tant mieux!..» Она истерически бросила за окно пахитоску и, хрустнувъ пальцами обѣихъ рукъ, соскользнула на диванъ, закрыла глаза и заснула при безпрестанныхъ мельканіяхъ словъ: «Завтра, завтра, не сегодня—такъ лѣнивцы говорятъ: завтра, завтра». И вдругъ пауза, тишь, и на разсвѣтѣ въ комнату является черноглазый мальчикъ въ розовой ситцевой рубашкѣ, барабанитъ и громко поетъ:

Бей, бей, барабанъ,
Маршируй впереди,
А кто спитъ, тотъ болванъ.
Поскорѣе буди!..

У Бодростиной дрожатъ вѣки, грудь подымается и она хочетъ вскрикнуть: «братъ! Гриша!», но открываетъ глаза... Ея комната освѣщена жаркимъ свѣтомъ измѣнчиваго утра, дѣвушка стоитъ предъ Глафирой Васильевной и настойчиво повторяетъ ей: «Сударыня, васъ ждутъ Генрихъ Ивановичъ Ропшинъ».

Бодростина мгновенно вскочила, спросила мокрое полотенце, обтерла имъ лицо и велѣла привести гостя въ бельведеръ.

— Мнѣ красную шаль, — сказала она возвратившейся дѣвушкѣ и, накинувъ на плечи требуемую шаль,

нетерпѣливо вышла изъ комнаты и поднялась въ бельведеръ.

Въ фонарѣ, залитомъ солнцемъ, стоялъ молодой человѣкъ, блондинъ, «нескверный и неблазный», съ свернутымъ въ трубку листомъ бумаги.

Заслышавъ легкіе шаги входившей по лѣстницѣ Бодростиной, онъ всталъ и подбодрился, но при входѣ ея тотчасъ же снова потупилъ глаза.

Глафира Васильевна остановилась предъ нимъ молча, молодой человѣкъ, не сказавъ ей ни слова, подалъ ей свернутый листъ бумаги.

Глафира Васильевна взяла этотъ листъ, пробѣжала его первыя строки и, сдернувъ съ себя красную шаль, сказала:

— Какъ здѣсь сегодня ярко! завѣсьте, пожалуйста, одно окно этимъ платкомъ!

«Нескверный и неблазный» юноша молчаливо и робко исполнилъ ея приказаніе, и, когда оглянулся, увидѣлъ Глафиру Васильевну, стоящую на своемъ мѣстѣ, а свитокъ бумаги у ея ногъ.

Глафира была блѣдна какъ платъ, но Ропшинъ этого не замѣтилъ, потому что на ея лицо падало отраженіе красной шали. Онъ наклонился къ ногамъ окаменѣвшей Глафиры, чтобы поднять листъ. Бодростина въ это мгновеніе встрепенулась и съ подкупающею улыбкой на устахъ приподняла отъ ногъ своихъ этого бѣлаго юношу, взявъ его однимъ пальцемъ подъ его безволосый подбородокъ.

Тотъ истлѣлъ отъ блаженства и зашатался, не зная куда ему двинуться: впередъ или назадъ?

— Оставьте мнѣ это на два часа, —проговорила Бодростина, держа свитокъ и стараясь выговаривать каждый слогъ какъ можно отчетливѣе, между тѣмъ какъ языкъ ея деревенѣлъ и ноги подкашивались.

Ропшинъ, мнѣя и колеблясь, поклонился и вышелъ.

Съ этимъ вмѣстѣ Глафира Васильевна воскликнула: «я нищая!» и, пошатнувшись, упала безъ чувствъ на полъ.

Черезъ часъ послѣ этой сцены въ домѣ Бодростиной, вѣтеръ ревѣлъ, хлесталъ дождь и гремѣлъ громъ и рѣяли молніи.

Дурно запертыя рамы распахнулись и въ фонарѣ Бодростинскаго бельведера, и въ комнатѣ Гордонова.

Послѣдній, крѣпко заснавшійся, былъ разбуженъ бурей и ливнемъ; онъ позвонилъ нетерпѣливо человѣка и велѣлъ ему открыть занавѣсы и затворить хлопавшую раму.

— Цвѣты!—доложилъ ему лакей, подавая букетъ.

Гордановъ покосился на свѣжія розы, всталъ и подошелъ къ окну.

— Ага! загорѣлась орифлама!—проговорилъ онъ, почесавъ себѣ шею, и, взявъ на столѣ листочекъ бумаги, написалъ: «Дѣла должны идти хорошо. Проси мнѣ у Тихона Ларіоновича льготы всего два мѣсяца: черезъ два мѣсяца я буду богатъ и тогда я вашъ. Занятые у тебя триста рублей посылаю въ особомъ конвертѣ завтра. Мужъ твой пока еще служитъ и его надо поберечь».

Гордановъ запечаталъ это письмо и, надписавъ его «въ Петербургъ, Алинѣ Александровнѣ Висленевой», подалъ конвертъ слугѣ, сказавъ: «сію минуту сдай на почту, но прежде отнеси эти цвѣты Ларисѣ Платоновнѣ Висленевой».

А огненная орифлама все горѣла надъ городомъ въ одной изъ рамъ бельведера, и вѣтеръ рвалъ ее и хлесталъ ея мокрыя коймы о желѣзныя трубы желѣзныхъ драконовъ, вѣнчавшихъ крышу хрустальной клѣтки, громоздившейся на крутой горѣ и подъ сильнымъ вѣтромъ.

Теперь мы должны покинуть здѣсь подъ бурей всѣхъ нашихъ провинціальныхъ знакомыхъ и ихъ заѣзжихъ гостей и перенестись съ тучнаго и теплаго чернозема къ холоднымъ финскимъ берегамъ, гдѣ заложенъ и выстроенъ на костяхъ и сваяхъ городъ, изъ котораго въ послѣдніе годы, доколѣ не совершился кругъ, шли и думали вѣчно идти самые разнообразные новаторы. Посмотримъ, скрѣпя наши

сердца и нервы, въ нѣкоторыя недавно еще столь безобразныя и неряшливыя, а нынѣ столь отмѣнившіяся отъ прошлаго клочья этого гнѣзда, гдѣ въ остромъ уксусѣ «сорока разбойниковъ» отмачиваются и въ вымоченномъ видѣ выбираются въ житейское плаванье новые межеумки, съ которыми надо ликовать или мучиться и многозаботливымъ Марѳамъ, и безвѣстно совершающимъ свое теченіе Маріямъ.

Путь не тяжелъ, срокъ не дологъ,—и мы откочевываемъ въ Петербургъ.

Часть вторая.

БЕЗДНА ПРИЗЫВАЕТЪ БЕЗДНУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Entre chien et loup.

Гордановъ не сразу сшилъ себѣ свой нынѣшній мундиръ: было время, когда онъ носилъ другую форму. Принадлежа не къ новому, а къ новѣйшему культу, онъ имѣлъ предъ собою довольно большой выборъ модъ и фасоновъ: предъ нимъ прошли во всемъ своемъ убранствѣ Базаровъ, Раскольниковъ и Маркушка Волоховъ, и Гордановъ всѣхъ ихъ смѣрилъ, свѣсилъ, разобралъ и осудилъ: ни одинъ изъ нихъ не выдержалъ его критики. Базаровъ, по его мнѣнію, былъ неуменъ и слабъ,—неуменъ потому, что ссорился съ людьми и вредилъ себѣ своими рѣзкостями, а слабъ потому, что свихнулся предъ «богатымъ тѣломъ» женщины, что̀ Павелъ Николаевичъ Гордановъ признавалъ слабостью изъ слабостей. Раскольникова Гордановъ сравнивалъ съ курицей, которая не можетъ не кудахтать о снесенномъ ею яйцѣ, и глубоко презиралъ этого героя за его привычку безпрестанно чесать свои душевныя мозоли. Маркушка Волоховъ (котораго Гордановъ зналъ вживѣ) былъ, по его мнѣнію, и

посильнѣе, и поумнѣе двухъ первыхъ, но ему, этому алмазу, недоставало шлифовки, чтобы быть брильянтомъ, а Гордановъ хотѣлъ быть брильянтомъ и чувствовалъ, что къ тому уже настало удобное время.

Павелъ Николаевичъ—человѣкъ происхожденія почти безвѣстнаго, но романическаго: онъ сынъ московской цыганки и старшаго брата Михаила Андреевича Бодростина. Отецъ его нѣкогда истратилъ чудовищныя деньги на ухаживаніе за его матерью и еще бо́льшія—на выкупъ ея изъ табора; но, проживъ съ нею одинъ годъ съ-глазу-на-глазъ въ деревнѣ, наскучилъ ея однообразными ласками и вывелъ ее въ особый хуторокъ, а самъ женился на дѣвушкѣ соотвѣтственнаго положенія. Мать Павла Николаевича этого не снесла: какъ за нею ни присматривали на хуторѣ, она обманула своихъ приставниковъ, убѣжала въ прежнее обиталище къ своему измѣннику и пришла какъ разъ во время свадебнаго пира. Ее не пустили, она взобралась на берегъ Оки, не помня себя, въ мукахъ и бѣшенствѣ родила здѣсь ребенка и, можетъ-быть, не помня же себя, бросилась въ воду и утонула. Ребенокъ былъ взятъ; его назвали въ крещеніи Павломъ и записали на имя бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина Горданова, которому подарили за это семью людей. Чтобы Павелъ Гордановъ не мотался на глазахъ, его свезли сначала въ уѣздный городишко и отдали на воспитаніе акушеркѣ; отсюда восьми лѣтъ его перевезли въ губернскій пансіонъ, а изъ пансіона, семнадцати лѣтъ, отправили въ Петербургскій университетъ. Отца своего Гордановъ никогда не помнилъ, судьбами мальчика всегда распоряжался Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, котораго Павелъ Николаевичъ видалъ разъ въ годъ. Къ семнадцатому году своего возраста, Павелъ Николаевичъ освободился отъ всѣхъ своихъ родныхъ, какъ истинныхъ, такъ и нареченныхъ: старшій Бодростинъ умеръ; супруги Гордановы, фамилію которыхъ носилъ Павелъ Николаевичъ, также переселились въ вѣчность, и герой нашъ предъ отправленіемъ своимъ въ университетъ получилъ изъ рукъ Михаила Ан-

дреевича Бодростина копію съ протокола дворянскаго собранія объ утвержденіи его, Павла Николаевича Горданова, въ дворянствѣ и документъ на принадлежность ему деревни въ восемьдесятъ душъ, завѣщанной ему усопшимъ Петромъ Бодростинымъ. Все остальное большое состояніе бездѣтнаго стараго Бодростина перешло къ его вдовѣ и брату, нынѣшнему мужу Глафиры Васильевны Бодростиной, урожденной Агатовой.

Павелъ Гордановъ былъ отъ природы уменъ и способенъ; учился онъ хорошо; нужды никогда не зналъ и не боялся ея: онъ всегда былъ увѣренъ, что бѣдность есть удѣлъ людей глупыхъ. Унижаемъ онъ никогда не былъ, потому что всегда онъ былъ одѣтъ и обутъ хорошо; постоянно имѣлъ у себя карманныя деньги, считался дворяниномъ и умѣлъ не дозволять наступать себѣ на ногу. Въ жизни его было только одно лишеніе: Гордановъ не зналъ родныхъ ласкъ и не видалъ, какъ цвѣтутъ его родныя липы, но онъ объ этомъ и не заботился; онъ съ отроческой своей поры былъ всегда занятъ самыми серьезными мыслями, при которыхъ нѣжныя чувства не получали мѣста. Гордановъ рано дошелъ до убѣжденія, что всѣ эти чувства—роскошь, гиль, путы, безъ которыхъ гораздо легче жить на бѣломъ свѣтѣ, и онъ жилъ безъ нихъ. Базаровцы ему приходились не по обычаю: мы выше сказали, что базаровцы казались ему непрактичными, но сила вещей брала свое, надо было примыкать къ этой силѣ, и Гордановъ числился въ студенческой партіи, которою руководилъ бурнопламенный, суетливый и суетный Висленевъ. Сначала Гордановъ держался этой партіи единственно только для мундира и положенія, и потому, когда на Висленева и его ближайшихъ сотоварищей рухнула туча, удивившая всѣхъ тѣмъ, что изъ нея вышелъ очень маленькій громъ, Гордановъ остался здравъ и невредимъ. Его ни что не задѣло, и онъ во время отсутствія разосланныхъ верховодовъ даже подвинулся немножечко впередъ, получилъ нѣкоторый вѣсъ и значеніе. Наступившая пора entre chien et loup показала Павлу Николаевичу, что

изъ бреда, которымъ были полны предъ тѣмъ временемъ отуманенныя головы, можно при самой небольшой ловкости извлекать для себя громадную пользу Надо было только стать на виду и, если можно, даже явиться во главѣ движенія, но, конечно, такого движенія, которое бы принесло выгоды, а не спровадило вслѣдъ неосторожнаго Висленева и его товарищей. Павелъ Николаевичъ быстро воспользовался положеніемъ. Видя въ кружкѣ «своихъ» амурныя заигрыванья съ поляками, онъ провозгласилъ іезуитизмъ. «Свои» сначала отъ этого осовѣли, но Гордановъ краснорѣчиво представлялъ имъ картины неудачъ въ прошломъ, — неудачъ, прямо происшедшихъ отъ грубости базаровской системы, неизбѣжныхъ и впередъ при сохраненіи старой, такъ-называемой нигилистической системы отношеній къ обществу, и указалъ на несомнѣнныя преимущества борьбы съ міромъ хитростію и лукавствомъ. Въ средѣ слушателей нашлись нѣсколько человѣкъ, которые на первый разъ немножко смутились этимъ новшествомъ, но Гордановъ налегъ на естественныя науки; указалъ на то, что и заяцъ примѣняется къ средѣ — зимой бѣлѣетъ и лѣтомъ темнѣетъ, а насѣкомыя часто совсѣмъ не отличаются цвѣтомъ отъ предметовъ, среди которыхъ живутъ, и этого было довольно: гордановскіе принципы сначала сдѣлались предметомъ осужденія и потомъ быстро стали проникать въ плоть и кровь его поклонниковъ.

Къ этому времени гордановской жизни относится пріобрѣтеніе имъ себѣ расположенія Глафиры Агатовой, чему онъ не придавалъ большой цѣны, и потомъ потеря ея, съ чѣмъ онъ едва справился, надѣлавъ предварительно нѣсколько глупостей, не отвѣчавшихъ ни его намѣреніямъ, ни его планамъ, ни тѣмъ принципамъ, которые онъ вырабатывалъ для себя и внушалъ другимъ.

Безъ ошибокъ было нельзя, и пригонка нынѣшняго спокойнаго просторнаго и теплаго мундира Гордонову обошлась ему не безъ хлопотъ: надо было выбираться изъ хаоса страшно переплетенныхъ и перепутанныхъ понятій,

уставовъ и преданій, въ которыхъ не было ничего стройнаго и безъ которыхъ нельзя было вывести никакого плана и никакой системы для дальнѣйшихъ дѣйствій. Павлу Николаевичу не трудно было доказать, что нигилизмъ сталъ смѣшонъ, что грубостію и сорванечествомъ ничего не возьмешь; что похвальба силой остается лишь похвальбой, а на дѣлѣ бѣдные новаторы, кромѣ нужды и страданій, не видятъ ничего, между тѣмъ какъ сила, очевидно, слагается въ другихъ рукахъ. Это уже давно чувствовали и другіе, но только они не были такъ рѣшительны и не смѣли сказать того, что сказалъ имъ Гордановъ, но за то же Павелъ Николаевичъ нашелъ себѣ готовую большую поддержку. Всѣ, желавшіе снять съ себя власяницу и вериги нигилизма, были за Горданова, и съ ихъ поддержкой Павелъ Николаевичъ доказалъ. что поведеніе отжившихъ свой вѣкъ нигилистовъ не годится никуда и ведетъ къ погибели. Когда Гордановъ представилъ все это въ надлежащемъ положеніи, всѣ поняли, что это дѣйствительно такъ, и что потому, сталобыть, нужно сдѣлать сводъ всему накопившемуся хламу полурѣчій и недомолвокъ и рѣшить, чѣмъ впередъ руководствоваться.

Кому же было заняться этимъ сводомъ, какъ не Горданову? Онъ за это и взялся, и въ длинной рѣчи отмѣнилъ грубый нигилизмъ, заявленный нѣкогда Базаровымъ въ его неуклюжемъ сакѣ, а вмѣсто его провозгласилъ *негилизмъ* — гордановское ученіе, въ сути котораго было понятно пока одно, что *негилистамъ* дозволяется жить со всѣми на другую ногу, чѣмъ жили нигилисты. Дружнымъ хоромъ кружокъ рѣшилъ, что Гордановъ великъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Враги г. Горданова.

Но какъ всякое величіе должно имѣть недоброжелателей и враговъ, то не обошлось безъ нихъ и у Павла Николаевича.

Гордановъ въ своей законодательной дѣятельности встрѣчалъ не мало непріятныхъ противорѣчій со стороны нѣкоторыхъ тяжелыхъ людей, недовольныхъ его новшествами и составившихъ старовѣрческую партію посреди новыхъ людей. Во главѣ этихъ безпокойныхъ старовѣровъ болѣе всѣхъ надоѣдала Горданову приземистая молоденькая дѣвушка, Анна Александровна Скокова, особа ограниченная, тупая, рьяная и до того скорая, что въ устахъ ея изо всего ея имени, отчества и фамиліи, когда она ихъ произносила, по скорости, выходило только *Ванскокъ*, отчего ее, въ видахъ сокращенія переписки, никогда ея собственнымъ именемъ и не звали, а величали ее въ глаза Ванскокомъ, а за глаза или «Тромбовкой» или «Помадною банкой», съ которыми она имѣла нѣкоторое сходство по наружному виду и крѣпкому сложенію.

Старовѣрка Ванскокъ держалась древняго нигилистическаго благочестія; хотѣла, чтобы общество было прежде уничтожено, а потомъ обобрано, между тѣмъ какъ Гордановъ проповѣдывалъ планъ совершенно противоположный, то-есть, чтобы прежде всего обобрать общество, а потомъ его уничтожить.

— Въ чемъ же преимущество его ученія,— добивалась Ванскокъ.

— Въ томъ, что его игра безпроигрышна; въ томъ, что при его системѣ можно выигрывать при всякомъ расположеніи картъ,—внушали Ванскокъ люди, перемигнувшіеся съ Гордановымъ и поддерживавшіе его съ благодарностью за то, что онъ указалъ имъ удобный лазъ въ сторону отъ опостылившихъ имъ бредней.

— Въ такомъ случаѣ это наше новое ученіе будетъ сознательная подлость, а я не хочу имѣть ничего общаго съ подлецами,—сообразила и отвѣтила прямая Ванскокъ.

Она въ эти минуты представляла собою того приснопоминаемаго мольеровскаго мѣщанина, который не зналъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой.

Чтобы покончить съ этой особой и съ другими немно-

гими щекотливыми лицами, стоявшими за старую вѣру, имъ объявили, что новая теорія есть «дарвинизмъ». Этимъ фортелемъ щекотливость была успокоена и старой вѣрѣ нанесенъ окончательный ударъ. Ванскокъ смирилась и примкнула къ хитрымъ нововѣрамъ, но она примкнула къ нимъ только внѣшнею стороной, въ глубинѣ же души она чтила и любила людей стараго порядка, гражданскихъ мучениковъ и страдальцевъ, для которыхъ она готова была срѣзать мясо съ костей своихъ, если бы только это мясо имъ на что-нибудь пригодилось. Такихъ страдальцевъ въ эту пору было очень много, всѣ они были не устроены и всѣ они тяжко нуждались во всякой помощи,—они первые были признаны за гиль, и о нихъ никто не заботился. По новымъ гордановскимъ правиламъ, не слѣдовало дѣлать никакихъ непроизводительныхъ затратъ, и расходы на людей, когда-нибудь компрометированныхъ, были объявлены расходами непроизводительными. Общительность интересовъ рушилась, всякому предоставлялось вредить обществу по-своему.

Ванскокъ это возмутило до бѣшенства. Она потребовала обстоятельнѣйшихъ объясненій, въ чемъ же заключается «дарвинизмъ» новаго рода?

— Глотай другихъ, чтобы тебя не проглотили,—отвѣчали ей коротко и небрежно.

Но отъ Ванскокъ не такъ легко было отвязаться.

— Это теорія,— сказала она,— но въ чемъ же экспериментальная часть дѣла?

— Въ борьбѣ за существованіе,— было ей тоже короткимъ отвѣтомъ.

— Но позвольте: прежде я вѣрила въ естественныя науки, теперь во что же я буду вѣрить?

— Не вѣрьте ни во что; все, во что вы вѣрили — гиль, не будьте никакою гилисткой.

— Но какъ пріучить себя къ этому?—мутилась несчастная Ванскокъ.—Я прежде работала надъ Боклемъ, демонстрировала надъ лягушкой, а теперь... я ничего другого

не умѣю: дайте же мнѣ надъ кѣмъ работать, дайте мнѣ надъ чѣмъ демонстрировать.

Ей велѣли работать надъ своими нервами, упражнять ихъ «силу».

— Какъ?

Ей дали въ руки кошку и велѣли задушить ее рукой.

Ванскокъ ни на минуту не подумала, что это шутка: она серьезно взяла кошку за горло, но не совладѣла ни съ нею, ни съ собою: кошка ее оцарапала и убѣжала.

— Изъ этого вы видите,—сказали ей,—что эксперименты съ кошкой гораздо труднѣе экспериментовъ съ лягушкой.

Ванскокъ должна была этому повѣрить. Но сколько она ни работала надъ своими нервами, результаты выходили слабые, между тѣмъ какъ одна ея знакомая, дочь полковника Фигурина, по имени Алина (нынѣшняя жена Іосафа Висленева), при ней же, играя на фортепіано, встала, свернула голову попугаю и, выбросивъ его за окно, снова спокойно сѣла и продолжала доигрывать пьесу.

Эта «сила нервовъ» поражала и занимала скорбную головой дѣвицу, и она проводила время въ упражненіяхъ надъ своею нервною системой, не замѣчая, что дѣлали въ это время другіе, слѣдуя гордановской теоріи; и вдругъ предъ ней открылась ужасная картина неслыханнѣйшихъ злодѣяній.

Во-первыхъ, всѣ члены кружка мужского пола устремились на службу; самъ Гордановъ пошелъ служить въ опольщенный край и... гордановцы все это оправдали всѣмъ своимъ сонмомъ.

— Это ловко,—сказали они, и болѣе ничего.

Мелкій газетный сотрудникъ, Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій, пошелъ въ полицейскую службу.

— Это очень ловко,—говорили гордановцы,—онъ можетъ быть полезенъ своимъ.

Кишенскій открылъ кассу ссудъ.

— Это чрезвычайно умно,—говорили тѣ же люди,—пусть

онъ выбираетъ деньги у подлецовъ и выручитъ при случаѣ своихъ.

Кишенскій пошелъ строчить въ трехъ разныхъ газетахъ, трехъ противоположныхъ направленій, изъ коихъ два, по мнѣнію Ванскокъ, были безусловно «подлы». Онъ сталъ богатъ; въ годъ его уже нельзя было узнать, и онъ не помогъ никому ни своею полицейскою службой, ни изъ своей кассы ссудъ, а въ печати, если кому и помогалъ одною рукой, то другой зато еще злѣе вредилъ, но съ нимъ никто не прерывалъ никакихъ связей.

— Онъ подлецъ!—вопіяла Ванскокъ.

— Ничуть не бывало, — отвѣчали ей, — онъ только борется за существованіе.

Далѣе... далѣе, жиду Тишкѣ Кишенскому стали кланяться; Ванскокъ попала въ шутихи; надъ ней почти издѣвались въ глаза.

Далѣе... Далѣе страхи!

Коварная красавица Глафира Васильевна Агатова предательски измѣнила принципу безбрачія и вышла замужъ церковнымъ бракомъ за пріѣзжаго богатаго помѣщика Бодростина, котораго ей поручалось только не болѣе какъ обобрать, то-есть стянуть съ него хорошій кушъ «на общее дѣло». Глафира обманула всѣхъ и завершила дѣло ужасное: она поставила свою красоту на большую карту и вышла замужъ. Ей за это жестоко мстили всѣ и особенно не очень красивая и никогда не надѣявшаяся найти себѣ мужа Алина Фигурина и Ванскокъ, защищенныя самою природой отъ нарушенія обѣтовъ вѣчнаго дѣвства.

Онѣ выдали Михаилу Андреевичу Бодростину тайну отношеній Горданова къ Глафирѣ и, какъ мы видѣли изъ словъ этой дамы, навсегда испортили ея семейное положеніе.

Съ Бодростиной строго взыскано, и это прекрасно, но зато, что же за ужасный случай былъ черезъ годъ!

Нѣкто изъ правовѣрныхъ, Казимира Швернотская, тоже красавица, какъ и Бодростина, никого не спросясь, вышла

замужъ за богатаго князя Вахтерминскаго, и что же? Всѣ съ неслыханною дерзостью начали ее поддерживать, что она хорошо сдѣлала. Это говорили и Пасіянсова, и Бурдымовская и Ципри-Кипри, и другія. Ципри-Кипри, маленькая барышня съ картофельнымъ носомъ, даже до того забылась, что начала проводить преступную мысль, будто бы женщинѣ, живущей съ мужчиной, должно быть какое-нибудь названіе, а названіе-де ей одно—«жена», и потому бракъ нужно дозволить, и проч. и проч. Возмутительное вольномысліе это имѣло ужасныя послѣдствія: такъ, красивая армянка Пасіянсова, наслушавшись такихъ сужденій, ни съ того, ни съ сего вдругъ приходитъ разъ и объявляетъ, что она вышла замужъ.

— Какъ, что, за кого?—удивились всѣ хоромъ.

— Мой мужъ путеецъ, Парчевскій, — отвѣчала Пасіянсова.

— Парчевскій! Путеецъ!.. Ну, молодчина вы, Пасіянсова!—воскликнули всѣ снова хоромъ.

Одна Ванскокъ, разумѣется, не похвалила бывшую Пасіянсову и замѣтила ей, что Парчевскій былъ всегда противъ брака.

— Мало ли противъ чего они бываютъ!—небрежно отвѣчала ей бывшая Пасіянсова.—А на что же даны мужчинѣ кровь, а женщинѣ умъ? Товаръ полюбится и умъ разступится!

— Такъ это вы его заставили измѣнить принципу?

— Конечно, я. Неужто я и такого вздора не стою?

— И вы это безъ стыда такъ прямо говорите!

— Да, вотъ такъ прямо и говорю.

— Я на васъ соберу сходку!

Ванскокъ только расхохотались въ глаза.

Наконецъ дошло до того, что сама Алина Фигурина, недавно яростно мстившая Бодростиной за ея замужество пересылкой ея мужу писемъ Глафиры къ Горданову, уже относилась къ браку Пасіянсовой съ возмущавшимъ Ванскокъ равнодушіемъ. Это былъ просто омутъ, ражъ, умо-

помраченіе. Даже бѣлокурая, голубоглазая Геба комунъ, Данка Бурдымовская, тоже объявилась замужемъ, и все это опять неожиданно, и все это опять нечаянно, негаданно и недуманно.

Опять тѣ же вопросы: какъ, что и за кого? И на все это спокойный разсказъ, что Данка нашла себѣ избранника гдѣ-то совсѣмъ на сторонѣ, какого-то Степана Александровича Головцына, котораго встрѣтила разъ у литератора-ростовщика Тихона Ларіоновича, прошлась съ нимъ до своей квартиры, другой разъ зашла къ нему, увидала, что онъ тученъ и изобиленъ, и хотя не литераторъ, а просто ростовщикъ, однако гораздо болѣе положительный и солидный, чѣмъ Тихонъ Ларіоновичъ, и Данка обвѣнчалась, никѣмъ незримая, законнымъ бракомъ съ Головцынымъ, котораго плѣнила своими бѣлыми плечами и умѣньемъ дѣлать фрикадельки изъ вчерашняго мяса.

— По крайней мѣрѣ одно хотя, — сказала Ванскокъ Данкѣ, — надѣюсь же по крайней мѣрѣ, что вы, Данка, тряхнете мошну своего ростовщика и поможете теперь своимъ.

— Эхъ, милый другъ,—отвѣтила Данка, едва удостоивая Ванскокъ мимолетнаго взгляда, — Головцынъ такой кремешокъ, что изъ него ничего не выкуешь.

При всей непроницательности Ванскокъ, она хорошо видѣла, что всѣ эти госпожи врутъ и виляютъ, и Ванскокъ отвернулась отъ нихъ и плакала о нихъ, много, горько плакала о своемъ погибшемъ Іерусалимѣ, а между тѣмъ эпидемія новоженства все свирѣпѣла; скоро, казалось, не останется во внѣбрачномъ состояніи никого изъ непріемлющихъ браковъ. Ципри-Кипри съ ея картофельнымъ носомъ, и та уловила въ свои сѣти какого-то содержателя одного изъ увеселительныхъ лѣтнихъ садовъ и сидѣла сама у васисдаса и продавала билеты. Объ этой даже ужъ и вѣсти не приходило, какъ она вышла замужъ, а Ванскокъ только случайно замѣтила ее въ васисдасѣ и, подскочивъ, спросила:

— Сколько вы здѣсь получаете, Ципри-Кипри, и не можете ли устроить сюда еще кого-нибудь изъ нашихъ старинныхъ?..

Но Ципри-Кипри не дала ей окончить и проговорила:

— Я здѣсь, душка, не по найму, я тутъ замужемъ.

Ванскокъ плюнула и убѣжала.

Негодованіе Ванскокъ росло не по днямъ, а по часамъ, и было отъ чего: она узнала, къ какимъ кощунственнымъ мѣрамъ прибѣгаютъ нѣкоторыя лицемѣрки, чтобы наверстать упущенное время и выйти замужъ.

Казимира Шверпотская, какъ оказалось, за поясъ заткнула Глафиру Агатову и отлила такую штуку, что всѣ разинули рты. Двадцатилѣтній князекъ Вахтерминскій, бѣлый, пухлый юноша, ненавидѣлъ бракъ, двадцатипятилѣтняя Казимира тоже, на этомъ они и сошлись. Непризнающей брака Казимирѣ вдругъ стала *угрожать родительская власть*, и потому, когда Казимира сказала: «князь, сдѣлайте дружбу, женитесь на мнѣ и дайте мнѣ свободу», князь не задумался ни на одну минуту, а Казимира Шверпотская сдѣлалась княгиней Казимирой Антоновной Вахтерминской, что уже само по себѣ нѣчто значило, но если къ этому прибавить красоту, умъ, разсчетливость, безстыдство, ловкость и наглость, съ которою Казимира на первыхъ же порахъ сумѣла истребовать съ князя обязательство на значительное годовое содержаніе и вексель во сто тысячъ, «за то, чтобы жить, не марая его имени», то, конечно, надо сказать, что княгиня устроилась недурно.

Литераторъ и ростовщикъ Тихонъ Ларіоновичъ, знавшій толкъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, только языкомъ почмокалъ, узнавъ, какъ учредила себя Казимира.

— Послѣ Бодростиной это положительно второй смѣлый ударъ, нанесённый обществу нашими женщинами,—объявилъ онъ дамамъ и добавилъ, что, соображая обѣ эти *работы*, онъ все-таки видитъ, что искусство Бодростиной выше, потому что она вела игру съ многоопытнымъ старцемъ, тогда какъ Казимира свершила все съ молокососомъ; но что, ко-

нечно, здѣсь въ меньшемъ планѣ больше смѣлости, а главное больше силы въ натурѣ: Бодростина живая, страстная женщина, любившая Горданова сердцемъ горячимъ и неистовымъ, не стерпѣла и склонилась къ нему снова, и на немъ потеряла почти взятую ставку. Княгиня же Казимира Вахтерминская, обезпечась какъ слѣдуетъ насчетъ русскаго князя, сплыла въ Варшаву, а оттуда въ Парижъ, гдѣ, кажется, довольно плохо сдерживаетъ свое обязательство не марать русское княжеское имя. По крайней мѣрѣ такъ были увѣрены всѣ служащіе въ конторѣ банкира R*, откуда княгиня получала содержаніе, опредѣленное ей отъ князя.

И все это оправдывалось, и всему этому слѣдовали съ завистью, съ алчбой, лишь бы только удалось... Но такіе фокусы нельзя часто повторять, и въ этомъ ихъ неудобство. Требуются постоянныя усовершенствованія, а изобрѣтательныя головы родятся не часто, и вотъ дѣло опять очутилось въ заминкѣ: браки попритихли.

Весталка Ванскокъ радовалась и съ язвительною доброжелательностью говорила, что необходимо, чтобы опять явился назадъ Гордановъ, а онъ вдругъ, какъ по ея слову, и явился удивить собою Петербургъ, или самъ ему удивиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Свой своего не узналъ.

Возвратясь въ Петербургъ послѣ трехлѣтняго отсутствія, Гордановъ былъ увѣренъ, что здѣсь въ это время весь хаосъ понятій уже поосѣлъ и поулегся, — такъ онъ судилъ по разсказамъ пріѣзжихъ и по тону печати, но стройность, ясность и порядокъ, которые онъ засталъ здѣсь на самомъ дѣлѣ, превзошли его ожиданія и поразили его. Никакой прежней раскольничьей нетерпимости и тѣни не было. Ученики въ три года ушли много дальше своего учителя и представляли силу, которой ужаснулся самъ Гордановъ.

Какіе люди! какіе пріемы! просто заглядѣнье! Вотъ одинъ уже замѣтное лицо на государственной службѣ; другой—капиталистъ; третій—извѣстный благотворитель, живущій принѣваючи насчетъ филантропическихъ обществъ; четвертый—спиритъ и сообщаетъ депеши изъ-за могилы отъ Данта и Поэ; пятый—концессіонеръ, наживающійся на казенный счетъ; шестой—адвокатъ и блистательно говорилъ въ защиту правъ мужа, насильно требующаго къ себѣ свою жену; седьмой литераторствуетъ и одною рукой пишетъ панегирики власти, а другою—порицаетъ ее. Все это могло поразить даже Горданова, и поразило. Ясно, что его обогнали, и что ему, чтобы не оставаться за флагомъ, надо было сдѣлать прыжокъ черезъ всѣ головы. Онъ и не сробѣлъ, потому что онъ тоже пріѣхалъ не съ простыми руками и съ непустой головой: у него въ заповѣдной сумкѣ было спрятано мурзамецкое копье, отъ котораго сразу должна была лечь костьми вся несмѣтная рать и сила великая. Богатырю нашему только нужно было къ тому копью доброе древко, и онъ немедленно же пустился поискать его себѣ въ давно знакомомъ чернолѣскѣ.

Павелъ Николаевичъ вытребовалъ Ванскокъ, привѣтилъ ее, далъ ей двадцать пять рублей на бѣдныхъ ея старовѣрческаго прихода (которымъ она благотворила втайнѣ) и узналъ отъ нея, что литераторствующій ростовщикъ Тихонъ Кишенскій развернулъ будто бы огромныя денежныя дѣла. Павелъ Николаевичъ въ этомъ немножко поусомнился.

— На большія дѣла, голубка Ванскокъ, нужны и не малыя деньги,—замѣтилъ онъ своей гостьѣ, нѣжась предъ нею на диванѣ.

— А развѣ же у него ихъ не было?—прозвенѣла въ отвѣтъ Ванскокъ.

— Были? Вы «бѣдная пастушка, вашъ міръ лишь этотъ лугъ» и вамъ простительно не знать, что такое нынче называется порядочныя деньги. Вы вѣдь небось думаете, что «порядочныя деньги» это значитъ сто рублей, а тысяча такъ ужъ это на вашъ взглядъ несмѣтная казна.

— Не безпокойтесь, я очень хорошо знаю, что значитъ несмѣтная казна.

— Ну, что же это такое, напримѣръ, по-вашему?

— По-моему, это, напримѣръ, тысячъ двѣсти или триста.

— Ага! браво, браво, Ванскокъ! Хорошо, вы, я вижу, напрактиковались и кое-что постигаете.

Помадная банка сдѣлала ироническую гримаску и отвѣтила:

— Ужа-а-сно! есть что постигать!

— Нѣтъ, право, навострилась дѣвушка хоть куда; теперь васъ можно даже и замужъ выдавать.

— Мнѣ эти шутки противны.

— Ну, хорошо, оставимъ эти шутки и возвратимся къ нашему Кишенскому.

— Онъ больше вашъ, чѣмъ мой, подлый жидъ, котораго я ненавижу.

— Ну, все равно, но дѣло въ томъ, что вѣдь ему сотню тысячъ негдѣ было взять, чтобы развертывать большія дѣла. Это вы, дитя мое, легкомысленностью увлекаетесь.

— Отчего это?

— Оттого, что я оставилъ его два года тому назадъ съ кассой ссудъ въ полтораста рублей, изъ которыхъ онъ давалъ по три цѣлковыхъ Висленеву подъ пальто, да давалъ подъ ваши схимонашескія ряски.

— Ну и что же такое?

— Да вотъ только и всего, неоткуда ему было, значитъ, такъ разбогатѣть. Я согласенъ, что съ тѣхъ поръ онъ могъ удесятерить свой капиталъ, но усотерить...

— А онъ его утысячерилъ!

Гордановъ посмотрѣлъ снисходительно на собесѣдницу и, улыбаясь, проговорилъ:

— Не говорите, Ванскокъ, такого вздора.

— Это не вздоръ-съ, а истина.

— Что жъ это, стало-быть, у него по-вашему теперь до полутораста тысячъ.

— Если не больше, спокойно отвѣтила Ванскокъ.

— Вы сходите съ ума,—проговорилъ тихо Гордановъ, снова потягиваясь на диванѣ.—Я вамъ еще готовъ дать пятьдесятъ рублей на вашу богадѣльню, если вы мнѣ докажете, что у Кишенскаго былъ источникъ, изъ котораго онъ хватилъ капиталъ, на который бы могъ такъ развернуться.

— Давайте пятьдесятъ рублей.

— Скажите, тогда и дамъ.

— Нѣтъ, вы обманете.

— Говорю вамъ, что не обману.

— Такъ давайте.

— Нѣтъ, вы прежде скажите, откуда Тишка взялъ большой капиталъ?

— Фигурина дала.

— Кто-о-о?

— Фигурина, Алина Фигурина, дочь полицейскаго полковника, который тогда, помните, арестовалъ Висленева.

Гордановъ наморщилъ брови и съ напряженнымъ вниманіемъ продолжалъ допрашивать:

— Что же эта Алина—вдова или дѣвушка?

— Да, она не замужемъ.

— Сирота стало-быть и получила наслѣдство?

— Ничуть не бывало.

— Такъ откуда же у нея деньги? Двѣсти тысячъ что ли она выиграла?

— Отецъ ея награбилъ себѣ денегъ.

— Да вѣдь то отецъ, а она-то что же такое?

— Она украла ихъ у отца.

— Украла!?

— Что, это васъ удивляетъ? Ну, да, она украла.

— Что жъ она, воровка, что ли?

— Зачѣмъ воровка, она до сихъ поръ честная женщина: отецъ ея былъ взяточникъ и, награбивши сто тысячъ, хотѣлъ все отдать сыну, а Алинѣ назначилъ въ приданое пять тысячъ.

— А она украла все?

— Не все, а она раздѣлила честно: взяла себѣ половину.

— Пятьдесятъ тысячъ?

— Да; а другую такую же половину оставила брату просвистывать съ француженками у Борелей, да у Дононовъ, и, конечно, сдѣлала это очень глупо.

— Вы бы ничего не оставили?

— Разумѣется, у ея брата есть усы и шпоры, онъ можетъ звякнуть шпорами и жениться.

— А отецъ?

— У отца пенсіонъ, да ему пора ужъ и издохнуть; тогда пенсіонъ достанется Алинкѣ, но она робка...

— Да... она робка? Гм!.. вотъ какъ вы нынче рѣжете: она робка!.. то-есть нехорошо ему чай наливаетъ, что ли?

— Понимайте, какъ знаете.

— Ого-го, да вы взаправду здѣсь какія-то отчаянныя стали.

— Когда пропали деньги, виновныхъ не оказалось,—продолжала Ванскокъ послѣ маленькой паузы.

— Да?

— Да; люди, прислуга ихъ, сидѣли болѣе года въ острогѣ, но всѣ выпущены, а виновныхъ все-таки нѣтъ.

— Да вѣдь виновная жъ сама Алина!

— Ну, старалась, конечно, не дать подозрѣнія.

— Какое тутъ, чортъ, подозрѣніе, ужъ не вы одни объ этомъ знаете! А что же ея отецъ и братъ, отчего же имъ это въ носы не шибнуло?

— Можетъ-быть и шибнуло, но на нихъ узда есть — семейная честь. Ихъ дорогой братецъ вѣдь въ первостепенномъ полку служитъ, и нехорошо же для нихъ, если сестрицу за воровство на Мытной площади къ черному столбу привяжутъ; да и что пользы ее преслѣдовать, денегъ вѣдь ужъ все равно назадъ не получить, деньги у Кишенскаго.

— У Кишенскаго!.. Всѣ пятьдесятъ тысячъ у Кишенскаго!—воскликнулъ Гордановъ, раскрывъ глаза такъ, какъ

будто онъ проглотилъ ложку сѣрной кислоты и у него отъ нея внутри все загорѣлось.

— Ну, да, не класть же ей было ихъ въ банкъ, чтобы ее поймали, и не играть самой бумагами, чтобы тоже огласилось. Кишенскій ей разрабатываетъ ея деньги—они въ компаніи.

— А-а, въ компаніи,—прошипѣлъ Гордановъ.—Но почему же она такъ ему вѣритъ? Вѣдь онъ ее можетъ надуть какъ дуру.

— Спросите ее, почему она ему вѣритъ? Я этого не знаю.

— Любва что ли зашла?

— Даже щенокъ есть.

— Она замужъ за него, можетъ-быть, собирается?

— Онъ женатъ.

Гордановъ задумался и черезъ минуту произнесъ нараспѣвъ:

— Такъ вотъ вы какіе стали, голубчики! А вы, моя умница, знаете ли, что подобныя дѣла-то очень удобно всплываютъ на воду по одной молвѣ?

— Конечно, знаю, только что же значитъ бездоказательная молва, когда старикъ признанъ сумасшедшимъ, и все его показаніе о пропажѣ пятидесяти тысячъ принимается какъ бредъ сумасшедшаго.

— Бредъ сумасшедшаго! Онъ сумасшедшій?

— Да-а-съ, сумасшедшій, а вы что же меня допрашиваете? Мы вѣдь здѣсь съ вами двое съ-глаза-на-глазъ, безъ свидѣтелей, такъ вы немного съ меня возьмете, если я вамъ скажу, что я этому не вѣрю, и что вѣрить здѣсь нечему, потому что пятьдесятъ тысячъ были, онѣ дѣйствительно украдены, и онѣ въ рукахъ Кишенскаго, и изъ нихъ уже вышло не пятьдесятъ тысячъ, а сто пятьдесятъ, и что же вы, наконецъ, изъ всего этого возьмете?

— Но вы сами можете отсюда что-нибудь взять, любезная Ванскокъ! Вы можете взять, понимаете? Можете взять благородно, и не для себя, а для бѣдныхъ вашего прихода, которымъ нечего лопать!

— Благодарю васъ покорно за добрый совѣтъ; я пока еще не доносчица,—отвѣчала Ванскокъ.

— Но вѣдь васъ же безсовѣстно эксплоатируютъ: себѣ все, а вамъ ничего.

— Что жъ, въ жизни каждый воруетъ для себя. Борьба за существованіе!

— Ишь ты, какая она стала! А вы знаете, что вы могли бы облагодѣтельствовать сотни преданныхъ вамъ людей, а такая цѣль, я думаю, оправдываетъ всякія средства.

— Ну, Гордановъ, вы меня не надуете.

— Я васъ не надую!.. да, конечно, не надую, потому что вы не волынка, чтобы васъ надувать, а я...

— А вы хотѣли бы заиграть на мнѣ, какъ на волынкѣ?— Нѣтъ, прошло то время, теперь мы сами съ усами и я знаю, чего вамъ отъ меня надобно?

— Чего вы знаете? ничего вы не знаете, и я хочу перевести силу изъ чужихъ рукъ въ ваши.

— Да, да, да, разсказывайте, разводите мнѣ антимонію-то! Вы хотите сорвать куртажъ!

— *Куртажъ*!.. Скажите, пожалуйста, какія она слова узнала!.. Вы меня удивляете, Ванскокъ, это все было всегда чуждо вашимъ чистымъ понятіямъ.

— Да, подобные вамъ добрые люди перевоспитали, полно и мнѣ быть дурой, и я поняла, что, съ волками живучи, надо и выть по-волчьи.

— Такъ войте-жъ! Войте, если вы это понимаете!—сказалъ ей Гордановъ, крѣпко стиснувъ Ванскока за руку повыше кисти.

— Что вы это, съ ума что ли сошли?—спокойно спросила его, не возвышая голоса, Ванскокъ.

— Живучи съ волками, войте по-волчьи и не пропускайте то, что плыветъ въ руки. Что вамъ далось это глупое слово «доносъ», всѣ средства хороши, когда они ведутъ къ цѣли. Волки не церемонятся, рѣжьте ихъ, душите ихъ, коверкайте ихъ, подлецовъ, воровъ, разбойниковъ и душегубовъ!

— И потомъ?

— И потомъ... чего вы хотите потомъ? Говорите, говорите, чего вы хотите?.. Или, постойте, вы гнушаетесь доносомъ, ну, не надо доноса...

— Я думаю, что не надо, потому что я ничего не могу доказать и не хочу себѣ за это бѣды.

— Бѣды, положимъ, не могло быть никакой, потому что доносъ можно было сдѣлать безъимянный.

— Ну, сдѣлайте?

— Но, я говорю, не надо доноса, а возьмите съ нихъ отсталаго, съ Кишенскаго и Фигуриной.

— Покорно васъ благодарю!

— Вы подождите благодарить! Мы съ вами станемъ дѣйствовать заодно, я буду вамъ большой помощникъ, неподозрѣваемый и незримый.

У Горданова зазвенѣло въ ушахъ и въ головѣ зароился хаосъ мыслей.

Ванскокъ замѣтила, что собесѣдникъ ея весь покраснѣлъ и даже пошатнулся.

— Ну, и что далѣе?—спросила она.

— Далѣе, — отвѣчалъ Гордановъ, весь находясь въ какомъ-то туманѣ,—далѣе... мы будемъ сила, я поведу вамъ ваши дѣла не такъ, какъ Кишенскій ведетъ дѣла Фигуриной...

— Вы все заберете себѣ?

— Нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ... клянусь вамъ... не знаю, чѣмъ вамъ клясться.

— Намъ нечѣмъ клясться.

— Да, это прескверно, что намъ нечѣмъ клясться, но я васъ не обману, я вамъ дамъ за себя двойныя, тройныя обязательства, наконецъ... чортъ меня возьми, если вы хотите, я женюсь на васъ... А! Что вы? Я это взаправду... Хотите, я женюсь на васъ, Ванскокъ? Хотите?

— Нѣтъ, не хочу.

— Почему? Почему вы этого не хотите?

— Я не люблю ребятишекъ.

— У насъ не будетъ, Ванскокъ, никакихъ ребятишекъ, рѣшительно никакихъ не будетъ, я вамъ даю слово, что у насъ не будетъ ребятишекъ. Хотите, я вамъ дамъ это на бумагѣ?

— Гордановъ, я вамъ говорю, вы сошли съ ума.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сошелъ съ ума, а я берусь за умъ и васъ навожу на умъ,—заговорилъ Гордановъ, чувствуя, что вокругъ него все завертѣлось и съ головы его нахлестываютъ шумящія волны какого-то хаоса.—Нѣтъ; у васъ будетъ пятьдесятъ тысячъ, они вамъ дадутъ пятьдесятъ тысячъ, охотно дадутъ, и ребятишекъ не будетъ... и я женюсь на васъ... и дамъ вамъ на бумагѣ... и буду васъ любить... любить...

И онъ, говоря это слово, неожиданно привлекъ къ себѣ Ванскокъ въ объятія и въ то же мгновеніе... шатаясь, отлетѣлъ отъ нея на три шага въ сторону, упалъ въ кресло и тяжело облокотился обѣими руками на столъ.

Ванскокъ стояла посреди комнаты на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее обнялъ Гордановъ; маленькая, коренастая фигура Помадной банки такъ прикипѣла къ полу всѣмъ своимъ дномъ, лицо ея было покрыто яркою краской негодованія, вывороченныя губы широко раскрылись, глаза пылали гнѣвомъ и искрились, а руки, вытянувшись судорожно, замерли въ томъ напряженіи, которымъ она отбросила отъ себя Павла Николаевича.

Гордановымъ овладѣло какое-то истерическое безуміе, въ которомъ онъ самъ себѣ не могъ дать отчета и изъ котораго онъ прямо перешелъ въ безконечную немощь разслабленія. Прелести Ванскокъ здѣсь, разумѣется, были не причемъ, и Гордановъ самъ не понималъ, на чемъ именно онъ тутъ вскипѣлъ и сорвался, но онъ былъ внѣ себя и сидѣлъ, тяжело дыша и сжимая руками виски до физической боли, чтобы отрезвиться и опамятоваться подъ ея вліяніемъ.

Онъ чувствовалъ, что онъ становится теперь какой-то припадочный; прежде, когда онъ былъ гораздо бѣднѣе, онъ

былъ несравненно спокойнѣе, а теперь, когда онъ уже не безъ нѣкотораго запасца, имъ овладѣваетъ бѣсъ, онъ не можетъ отвѣчать за себя. Такъ, чѣмъ рана ближе къ заживленію, тѣмъ она сильнѣе зудитъ, потому-то Гордановъ и хлопоталъ скорѣе закрыть свою рану, чтобы снова не разодрать ее въ кровь своими собственными руками.

Душа его именно зудѣла и онъ весь былъ зудъ, — этого состоянія Ванскокъ не понимала. Справедливость требуетъ сказать, что Ванскокъ все-таки была немножко женщина, и если не все, то нѣчто во всей только что происшедшей сценѣ она все-таки приписывала себѣ.

Это ей должно простить, потому что ей былъ уже не первый снѣгъ на голову; на ея житейскомъ пути встрѣчались любители курьезовъ, для которыхъ она успѣла представить собою интересъ, но Ванскокъ была истая весталка,— весталка, у которой недаромъ для своей репутаціи могла бы поучиться твердости восторженная Норма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бой тарантула съ ехидной.

Тягостное молчаніе этой сцены могло бы длиться очень долго, если бъ его первая не прервала Ванскокъ. Она подошла къ Горданову и, желая взять деньги, коснулась его руки, подъ которою до сихъ поръ оставалась ассигнація.

Гордановъ оглянулся.

— Что вамъ отъ меня нужно? — спросилъ онъ. — Ахъ, да... ваши деньги... Ну, извините, вы ихъ не заслужили,— и съ этимъ Павелъ Николаевичъ, едва замѣтно улыбнувшись, сжалъ въ рукѣ билетъ и сунулъ его въ жилетный карманъ.

Ванскокъ повернулась и пошла къ двери, но Гордановъ не допустилъ ее уйти, онъ взялъ ее за руку и остановилъ.

— Скажите, вы этого не ожидали? — заговорилъ онъ съ нею въ шутливомъ тонѣ.

— Чего? Того, что вы захватите мои деньги? Отчего же? Я отъ васъ рѣшительно всего ожидаю.

— И вотъ вы и ошиблись; я, къ сожалѣнію, на очень многое еще неспособенъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ! что «напримѣръ?» напримѣръ, нате вамъ ваши деньги.

Ванскокъ протянула руку и взяла скомканную и перекомканную ассигнацію и сказала: «прощайте!»

— Нѣтъ, теперь опять скажите, ожидали вы или нѣтъ, что я вамъ отдамъ деньги?— настаивалъ Гордановъ, удерживая руку Ванскокъ. — Видите, какъ я добръ! Я вѣдь могъ бы выпустить васъ на улицу, да изъ окна опять назадъ поманить, и вы бы вернулись.

— Разумѣется, вернулась бы, деньги нужны.

— Да; ну да ужъ Богъ съ вами, берите... Что вы на меня остервенились какъ чортъ на попа? Не опасайтесь, это не фальшивыя деньги, я на это тоже неспособенъ.

— А почему бы?

— Такъ, потому, почему вы не понимаете.

— Я бы то гораздо скорѣй поняла: прямой вредъ правительству.

— Труппа, труппа, дружище Ванскокъ, велика нужна, спеціалисты нужны!

— Ну, такъ что же такое? Людей набрать не трудно всякихъ, и граверовъ, и химиковъ.

— А попасться съ ними еще легче. Нѣтъ, милая дѣвица, я и вамъ на это своего благословенія не даю.

— А между тѣмъ поляки и жиды прекрасно это ведутъ.

— Да; то поляки и жиды, они уже такъ къ этому пріучены цѣлесообразнымъ воспитаніемъ: они возьмутся за дѣло, такъ однимъ дѣломъ тогда и занимаются, и не спорятъ, какъ вы, что честно и что безчестно, да и они попадаются, а вы рыхлятина, вы на всемъ переспоритесь и перессоритесь, да и потомъ все это вздоръ, который годенъ только въ маломъ хозяйствѣ.

— Я что-то этого не понимаю.

— Такъ ужъ вы, значитъ, устроены, чтобы не понимать. Это, голубь мой сизокрылый, экономическій законъ, въ маломъ хозяйствѣ многое выгодно, что въ большомъ не годится. Вы сами знаете, деревенскій мальчишка продаетъ кошкодаву кошку за пятачокъ, это и ему выгодно, и кошкодаву выгодно; а вы вонъ съ своими кошачьими заводами «на разумныхъ началахъ» въ снѣгъ сѣли. Такъ тоже наши мужичонки изъ навоза селитру дѣлаютъ, деготь садятъ, липу дерутъ, и все это имъ выгодно, потому что все это дѣло мужичье, а настоящій аферистъ изъ другого круга за это не берется, а возьмется, такъ провалится. И на что, на коего дьявола вамъ фальшивыя деньги, когда экспедиція бумагъ вамъ настоящихъ сколько угодно заготовитъ, только умѣйте забирать. А вотъ вы, вижу, до сихъ поръ брать-то еще не мастерица.

— Нѣтъ, знаете, это хорошо брать, какъ есть гдѣ.

— Да, вотъ вамъ еще хочется, чтобы вамъ разложили деньги! А вы чего вотъ о-сю пору глядите, а не берете, что я вамъ даю?

Онъ бросилъ билетикъ на столъ, и Ванскокъ его подняла.

— У васъ много теперь голодной братіи? — заговорилъ снова Гордановъ.

— Сколько хотите; всѣ голодны.

— И что же, способные люди есть между ними?

— Еще бы!

— Кто же это, напримѣръ, изъ способныхъ?

— Хоть, напримѣръ, Іосафъ Висленевъ.

— Ага! Іосафушка... а онъ способный?

— А вы какъ думаете?

— Да, онъ способный, способный, — отвѣчалъ Гордановъ, думая про себя совсѣмъ иное.

— Но отчего же онъ такъ бѣдствуетъ?

— Оттого, что онъ честенъ.

— Это значитъ:

Милый другъ, я умираю,
Оттого, что я былъ честенъ,
И за то родному краю
Буду, вѣрно, я извѣстенъ.

Что же, это прекрасно! А онъ гдѣ служитъ?

— Висленевъ не можетъ служить.

— Ахъ, да! онъ компрометтированъ,—значитъ, дуракъ.

— Нѣтъ, не потому; онъ это считаетъ за подлость.

— Вотъ какъ! и гдѣ же онъ пробавляется! Неужто все еще до сихъ поръ чужое молоко и чужихъ селедокъ ѣстъ?

— Онъ пишетъ.

— Оды въ честь прачекъ, или романы объ устройствѣ школъ?

— Нѣтъ, онъ романовъ не пишетъ.

— Слава Богу; а то я что-то читалъ дурацкое-предурацкое: романъ, гдѣ какой-то компрометтированный герой школу въ банѣ заводитъ и потомъ его за то вся деревня будто столь возлюбила, что хочетъ за него «цѣлому міру рожу расквасить»,—такъ и думалъ: ужъ это не Ясафушка ли нашъ сочинялъ? Ну, а онъ что же такое пишетъ?

— Обозрѣнія.

— Да, разъясняетъ значеніе фактовъ: ну, это не по немъ. Что жъ, платятъ что ли ему не ладно, что онъ такъ раскованъ?

— Все скверно, какая же у насъ теперь литература? Ни съ кѣмъ ужиться нельзя.

— Вѣрно все русское направленіе гадитъ?

— А вы даже и надъ этою мерзостью можете шутить?

— Да отчего же не шутить-то? Отчего же не шутить-то, Ванскокъ?

— Ну, не знаю: я бы лучше всѣхъ этихъ съ русскимъ направленіемъ передушила.

— А между тѣмъ вѣдь и Пугачовъ, и Разинъ также были русскаго направленія, и Ванька Каинъ тоже, и смоленскій Трошка тоже! Что, какъ вы объ этомъ думаете?.. Эхъ, вы, ягнята, ягнята бѣдные! Хотите быть командирами,

силой, а брезгливы какъ старовѣрческая игуменья: изъ одной чашки съ мірянином воды пить не станете! Стыдитесь, господа *сила*,—васъ этакъ всякое безсилье одолѣетъ. Нѣтъ, вы дѣйствуйте *органически* вразсыпную,—всякъ самъ для себя, и тогда вы одолѣете міръ. Понимаете: *всякъ для себя*. Прежде всего и паче всего прочь всякій принципъ, долой всякое убѣжденіе. Оставьте все это глупымъ идеалистамъ «страдать за вѣру». Повѣрьте, что все это гиль, все гиль, съ которою пропадешь ни за грошъ. Идеалистамъ пропадать, разумѣется, вздоръ; ихъ лупи, а они еще радуются, а вѣдь вы, я полагаю...

— Я, конечно, не хочу, чтобы меня лупили,—перебила живо Ванскокъ.

— Ну, вотъ въ томъ и штука капитана Кука, — надо, чтобы мы ихъ лупили, и будемъ лупить, а они пусть тогда у насъ подъ кнутомъ классически орутъ: O, quam est dulce et decorum pro patria mori! Борьба за существованіе, дружокъ, не то что борьба за лягушку. Ага! борясь за существованіе, надо... не останавливаться ни предъ чѣмъ... не только предъ доносомъ, но... даже предъ клеветой! Что, небось, ужасно? А Мазепа такъ не думалъ, тотъ не ужасался и, ведя измѣну, писалъ нашему Петринкѣ:

И видитъ Богъ, не зная свѣта,
Я, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Служу тебѣ душою вѣрной,

а между тѣмъ и честно, и безчестно «вредилъ всѣмъ недругамъ своимъ». Откуда же у васъ, дружище Ванскокъ, до сихъ поръ еще эта сантиментальность?.. Дивлюсь! Вы когда-то были гораздо смѣлѣе. Когда-то Подозерова вы въ-разъ стерли; ба! вотъ и хорошо, что вспомнилъ, вѣдь вы же на Подозерова клеветали, что онъ шпіонъ?

— Да, я это съ вашихъ словъ говорила.

— Неправда, съ Висленевскихъ, но это все равно: чѣмъ же клевета лучше правдиваго доноса?

— Да, я на такого, какъ Подозеровъ, могу сдѣлать и доносъ.

— Такъ въ чемъ же тутъ разница: стало-быть, въ симпатіи? Одинъ вамъ милѣе другого, да?

— Нѣтъ, вы этого не понимаете: Кишенскій и Линка — это свѣжія раны...

— Что-о тако-о-е?

— Свѣжія раны... Зачѣмъ шевелить свѣжія раны? Подозеровъ всегда былъ противъ насъ, а эти были наши и не отлагались... это свѣжая рана!

Гордановъ посмотрѣлъ ей въ глаза и, сохраняя наружное спокойствіе, засмѣялся неудержимымъ внутреннимъ смѣхомъ.

Ванскокъ съ своею теоріей «свѣжихъ ранъ» открывала Горданову цѣлую, новую, еще не эксплоатированную область, по которой скачи и несись куда знаешь, твори, что выдумаешь, говори, что хочешь, и у тебя вездѣ со всѣхъ сторонъ будетъ тучный злакъ для коня и дорога скатертью, а вдали на чертѣ горизонта тридцать девять разбойниковъ, всегда готовые въ помощь сороковому.

— Да, да, Ванскокъ, вы побѣдили меня,—сказалъ Гордановъ. — *Свѣжія раны*... вы правы, — все это дѣйствительно свѣжія раны... Дѣйствительно надо все прощать, надо все забывать и свѣжихъ ранъ не трогать... Вы правы, вы правы, я этого не понималъ.

— Да вѣдь этого и всѣ съ перваго раза не понимали, даже и я тоже не понимала. Я тогда гувернанткой жила, и когда мнѣ писали туда, что это здѣсь принято, и я тоже на всѣхъ злилась и не понимала, а потомъ поняла.

— Ну, вотъ видите, это взаправду не такъ просто!

— Да, я говорю, что намъ никакъ нельзя отъ Петербурга отрѣшаться.

— А вы долго были гувернанткой?

— Да, цѣлую зиму.

— И бросили?

— Да, меня сюда вызвали нѣкоторые изъ нашихъ, — писали, что выгодное дѣло есть, но только это вышло вздоръ.

— Надули?

— Да, дѣла не было, — они просто для своихъ выгодъ меня выписали, чтобы посылать меня туда, да сюда.

— Вотъ канальи! и вы имъ за это ничего?

— Все, батюшка, свѣжія раны, но главное меня раздосадовало, что подлецъ Кишенскій меня на это мѣсто послалъ, а я пріѣхала и узнала, что онъ себѣ за комиссію взялъ больше половины моего жалованья и не сказалъ мнѣ.

— Ишь какая тварь! Ну, вы его, разумѣется, отзвонили и деньги отобрали?

— Ничего я не отзвонила, потому что онъ нынче держитъ нѣмца-лакея, ужаснаго болвана, которому онъ только кивнетъ, и тотъ сейчасъ выпроводитъ: уже такіе примѣры были и съ Паливодовой, и съ Ципри-Кипри, а денегъ онъ мнѣ не отдалъ, потому что, говоритъ, «вамъ больше не слѣдуетъ».

— Да какъ же не слѣдуетъ?

— Такъ, не стоитъ, говоритъ, больше, да еще нагрубилъ мнѣ и надерзилъ.

Гордановъ тронулъ Ванскокъ за руку и, улыбнувшись, покачалъ укоризненно головой.

Ванскокъ не поняла этого киванья и освѣдомилась: въ чемъ дѣло?

— На что же это опять старыя перья показывать! Что это за слово «надерзилъ»?

— А какъ же надо сказать?

— «Наговорилъ дерзостей».

— Зачѣмъ же два слова вмѣсто одного? Впрочемъ, вѣдь вы поняли, такъ, стало-быть, слово хорошо, а что до Кишенскаго, то Висленевъ даже хотѣлъ было его за меня въ газетахъ пропечатать, но я не позволила: зачѣмъ возбуждать!

— Свѣжая рана?

— Конечно, свѣжая рана, — и такъ уже много всякой дряни выплываетъ наружу, а еще какъ если мы сами станемъ себя разоблачать, тогда...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно! Не надо этого: раны въ самомъ дѣлѣ очень свѣжи.

— То-то и есть, гласность, это такая штука, съ которою надо быть осторожнымъ.

— Именно, Ванскокъ, именно надо быть осторожнымъ, а еще лучше, чтобъ ее совсѣмъ вывесть, чтобъ ее, по-старинному, вовсе не было, чтобы свѣжихъ-то ранъ не будоражить и не шевелить, а всѣхъ бы этихъ и щелкоперовъ-то по-боку, да къ чорту!

— Я тоже и сама такъ думала, и оно бы очень не трудно, да Кишенскій находитъ, что они не вредятъ: онъ самъ издалъ одинъ патріотическій романъ, и самъ его въ одной газетѣ ругалъ, а въ другой — хвалилъ, и нажилъ деньги.

— Пожалуй, что онъ вѣдь и правъ.

— А конечно! а что общество читаетъ, такъ вѣдь оно все читаетъ, какъ помеломъ промететъ и позабудетъ.

— Правъ, правъ каналья Кишенскій, правъ.

— Да, онъ умный и имъ надо дорожить, онъ тоже говорилъ, что глупость совсѣмъ уничтожить уже нельзя, а хорошо вотъ если бы побольше нашихъ шли въ цензурное вѣдомство. Кишенскій ведетъ дѣло по двойной бухгалтеріи—это такъ и называется «по двойной бухгалтеріи». Онъ приплелся разомъ къ тремъ разнымъ газетамъ и въ каждой строчитъ въ особомъ направленіи, и сводитъ все къ одному; онъ чужимъ поддаетъ, а своимъ сбавитъ гдѣ нужно, а гдѣ нужно—наоборотъ.

— Вотъ какъ ловко!

— Да, это оказалось очень практично.

— Да какъ же-съ не практично. Ахъ, онъ чортъ его возьми!—воскликнулъ Гордановъ.—Да онъ послѣ этого дѣйствительно дока!

— А я вамъ говорила. Но, впрочемъ, и ему не все удается. У него тоже есть свои жидовскія слабостишки: щенятокъ своихъ любитъ и Алинку хочетъ за кого-нибудь замужъ перевѣнчать, да вотъ не удается.

— Ага! А вѣдь она, выйдя замужъ, и еще получила бы часть?

— Конечно, да не удается-съ, и щенятъ нельзя усыновить. Вотъ женитесь вы на ней, Гордановъ!

— Вы съ ума сошли, Ванскокъ.

— А что же такое? Она вамъ пять тысячъ дастъ.

— Другъ мой, у меня у самого есть пять тысячъ.

— А зачѣмъ же вы на мнѣ хотѣли жениться?

Гордановъ засмѣялся и сказалъ:

— Это par amour.

— Вы врете, Гордановъ.

— Да, вру, вру, именно вру, Ванскокъ, но вы, конечно, не станете никому объ этомъ разсказывать, потому что иначе я отъ всего отрекусь, да и Кишенскому не говорите, какъ я шутилъ, чтобы вывести его на свѣжую воду.

— Къ чему же я это стану говорить?

— Молодецъ вы, благородная Ванскокъ! Давайте вашу лапу!

И Павелъ Николаевичъ съ чувствомъ сжалъ грязноватую руку дѣвушки и добавилъ:

— Я и теперь съ вами шучу, скажите ему все; скажите, какъ Гордановъ одичалъ и оглупѣлъ внѣ Петербурга; я даже и самъ ему все это скажу и не скрою, что вы мнѣ, милая Ванскокъ, открыли великія дѣла, и давайте вмѣстѣ устраивать Висленева.

— Его непремѣнно надо устроить.

— И вотъ вамъ на то моя рука, что это будетъ сдѣлано. Запишите мнѣ его адресъ.

Ванскокъ взяла карандашъ, нацарапала куринымъ почеркомъ маршрутъ, по которому великодушная дружба Горданова должна была отыскать злополучнаго Висленева, и затѣмъ гостья и хозяинъ начали прощаться, но Гордановъ вдругъ что-то вспомнилъ и пріостановилъ Ванскокъ, когда та уже надѣла на свою скобочку свой форейторскій шлычокъ.

— Вотъ что!—сказалъ онъ въ раздумьи,—не хотите ли съ меня еще взятку. У меня бывали въ рукахъ разныя польскія переписки и я кое-что списалъ. Вотъ тутъ у меня

они всѣ подъ рукой, въ этой шкатулкѣ. Хотите, передайте ихъ Висленеву.

— Зачѣмъ?

— На ихъ основаніи можно построить прекрасныя статьи. За это деньги дадутъ.

— Давайте, я отвезу.

— Только, разумѣется, не говорить отъ кого.

— Еще бы!

— Ну, такъ очень радъ.

И съ этимъ Гордановъ досталъ изъ-подъ дивана большую желтую шкатулку, какія дѣлаютъ для перевоза крахмальныхъ рубашекъ, и вручилъ ее Ванскокъ, которая приняла ее и согнулась.

— Что?

— Тяжело,—отвѣчала Ванскокъ.

— Да, бумага тяжела.

— Ну, да ничего!

И Ванскокъ, перехвативъ половчѣе шкатулку, закинулась всѣмъ тѣломъ назадъ и поплыла внизъ по лѣстницѣ.

Черезъ минуту Гордановъ услыхалъ чрезъ открытое окно, какъ Ванскокъ, напирая на букву ш, выкрикивала:

— Извошшикъ! Извошшикъ!

Павелъ Николаевичъ весело разсмѣялся и, свѣсясь въ окно, смотрѣлъ, какъ къ Ванскокъ, стоявшей на тротуарѣ, подкатила извозчичья линейка.

Ванскокъ сторговалась и потомъ сказала:

— Ну-съ, а теперь вы, извошшикъ, держите хорошенько вотъ этотъ яшшикъ!

Гордановъ такъ и залился самымъ беззаботнымъ, ребяческимъ смѣхомъ, глядя, какъ Ванскокъ ползла, умащивалась и помѣщала свой «яшшикъ».

— Ecoutez!—закричалъ онъ сквозь смѣхъ.—Ecoutez-moi!

— Ну, что тамъ еще? Я уже сѣла.

— Voulez-vous bien répéter?

— Что? Что такое?—сердилась внизу Ванскокъ.

— «Извошникъ и яшникъ»,—передразнилъ ее Гордановъ и, показавъ ей языкъ, поднялся и затворилъ окно.

Ванскокъ, треща на линейкѣ, укатила.

Павелъ Николаевичъ заперъ дверь и, метнувшись изъ угла въ уголъ, остановился у стола.

«Чортъ возьми!» подумалъ онъ,—«и въ словахъ этой дуры есть своя правда. Нѣтъ; нельзя отрѣшаться отъ Петербурга! «Свѣжія раны!» О, какая это чертовски полезная штука! Поусердствуйте, друзья, «свѣжимъ ранамъ», поусердствуйте, пока васъ на это хватитъ!»

И съ этимъ Гордановъ сталъ скоро раздѣваться и, не зажигая свѣчи, легъ въ постель, но не заснулъ, его долго-долго давилъ и терзалъ злой демонъ—его дальновидность. Онъ зналъ, что вѣрны одни лишь прямые ходы и что ихъ только можно повторять, а все фокусное дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока оно не разоблачено, и этотъ демонъ шепталъ Павлу Николаевичу, что тутъ ничто не можетъ длиться долго, что весь фейерверкъ скоро вспыхнетъ и зачадитъ, а потому надо быстро сдѣлать ловкій курбетъ, пока еще держатся остатки старыхъ привычекъ къ кучности и «свѣжія раны» даютъ тѣнь, за которою можно предъ одними передернуть карты, а другимъ зажать ротъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Послѣдній изъ Могиканъ.

Висленевъ въ это время жилъ въ одномъ изъ тѣхъ громадныхъ домовъ Невскаго проспекта, гдѣ, какъ говорится, чего хочешь, того просишь: здѣсь и роскошные магазины, и депо, и мелочная лавка, и французскій ресторанъ, и греческая кухмистерская восточнаго человѣка Трифандоса, и дорогіе ложементы съ парадныхъ входовъ на улицу, и сходныхъ цѣнъ нищенскія стойла въ глубинѣ черныхъ дворовъ. Населеніе здѣсь столь же разнообразно, какъ и помѣщенія подобныхъ домовъ: тутъ живутъ и дипломаты,

и ремесленники, и странствующія монахини, и погибшія созданія, и воры, и несчастнѣйшій классъ петербургскаго общества, мелкіе литераторы, попавшіе на литературную дорогу по неспособности стать ни на какую другую и тянущіе по ней свою горе-горькую жизнь каликъ-перехожихъ.

Житье этихъ несчастныхъ поистинѣ достойно глубочайшаго состраданія. Эти люди бо̀льшею частію не принесли съ собою въ жизнь ничего, кромѣ тупого ожесточенія, воспитаннаго въ нихъ завистію и нуждой, среди которыхъ прошло ихъ печальное дѣтство и сгорѣла, какъ нива въ бездождіе, короткая юность. Въ ихъ душахъ, какъ и въ ихъ наружности, всегда есть что-то напоминающее заморенныхъ въ щенкахъ собакъ, они безсильны и злы, — злы на свое безсиліе и безсильны отъ своей злости. Привычка видѣть себя заброшенными и никому ни на что не нужными развиваетъ въ нихъ алчную, непомѣрную зависть, непостижимо возбуждаемую всѣмъ на свѣтѣ, и къ тому есть, конечно, свои основанія. Та бѣдная дѣвушка, которая, живя о̀-бокъ квартиры такого сосѣда, достаетъ себѣ хлѣбъ позорною продажей своихъ ласкъ, и та, кажется, имѣетъ въ своемъ положеніи нѣчто болѣе прочное: однажды посягнувшая на свой позоръ, она, по крайней мѣрѣ, имѣетъ за собою преимущество готоваго запроса, за нее природа съ ея неумолимыми требованіями и разнузданность общественныхъ страстей. У бѣднаго же писаки, перебивающагося строченіемъ различныхъ мелочей, нѣтъ и этого: въ его положеніи мало быть готовымъ на позорную торговлю совѣстью и словомъ, на его спекуляцію часто нѣтъ спроса, и онъ долженъ постоянно самъ спекулировать на сбытъ своего писанія. Отсюда и идетъ всякое вѣроятіе превосходящая ложь, продаваемая въ самыхъ крупныхъ дозахъ за самую дешевую цѣну.

Висленевъ въ эту пору своей несчастной жизни былъ рангомъ повыше описанныхъ бѣдныхъ литературныхъ па-

рієвъ и на десять степеней ихъ несчастнѣе. Какъ Гордановa преслѣдовали его призраки, такъ были и свои призраки и у Висленева. Онъ не могъ спуститься до самыхъ низменностей того слоя, къ которому пришибли его волны прибоя и отбоя. Сила родныхъ воспоминаній, вліяніе привычекъ дѣтства и власть семейныхъ преданій, сказывавшихся въ немъ противъ его воли неодолимою гадливостью къ грязи, къ которой, какъ въ родной имъ средѣ, копошатся другіе, не допускали Висленева до спокойнаго пренебреженія къ доброму имени людей и къ ихъ спокойствію и счастію. Висленевъ могъ быть неразборчивымъ въ вопросахъ теоретическаго свойства, но буржуазной гадости онъ не переносилъ. Онъ по своему воспитанію и образованію былъ гораздо болѣе приспособленъ къ литературнымъ занятіямъ, чѣмъ большинство его собратій по ремеслу. Относительная разборчивость въ средствахъ вредила Висленеву на доступномъ ему литературномъ рынкѣ, онъ не могъ поставлять массы дешеваго базарнаго товара, и за-дешево же заготовлялъ произведенія болѣе крупныя, которыя, въ его, по крайней мѣрѣ, глазахъ, были достойными всеобщаго вниманія. Мы видѣли, что на одно изъ нихъ «о провинціальныхъ правахъ» Висленевъ даже дѣлалъ ссылку предъ Гордановымъ, это было то самое произведеніе, о которомъ послѣдній отозвался извѣстнымъ стихомъ:

Читалъ, и духомъ возмутился,
Зачѣмъ читать учился.

На самомъ же дѣлѣ Гордановъ уже немножко зло выразился о писаніи своего пріятеля: статьи его съ многосоставными заглавіями имѣли свои достоинства. Самъ редакторъ, которому Висленевъ поставлялъ эти свои произведенія, смотрѣлъ на нихъ, какъ на кунштюки, но принималъ ихъ и печаталъ, находя, что они годятся.

Продолжительное кривлянье имѣетъ два роковые исхода: для людей искренно заблуждающихся оно грозитъ потерей смысла и способности различать добро отъ зла въ теоріи,

а для другихъ—потерей совѣсти. Висленевъ, защищаемый домашними привычками, попалъ въ первую категорію и за то особенно много потерялъ въ житейскихъ интересахъ. Ему, литератору съ университетскимъ образованіемъ, литература давала вдесятеро менѣе, чѣмъ дѣятелямъ, ходившимъ въ редакціи съ карманною книжечной «объ употребленіи буквѣ Ѣ». Заработокъ Висленева почти равнялся тому казенному жалованью, котораго, по словамъ Сквозника-Дмухановскаго, едва достаетъ на чай и сахаръ. Висленевъ много добросовѣстнѣйшаго труда полагалъ въ свою недобросовѣстную и тяжкую работу, задача которой всегда состояла въ томъ, чтобы изъ данныхъ, давшихъ одинъ выводъ путемъ правильнаго съ ними обращенія, сдѣлать, посредствомъ теоретической лжи и передержекъ, выводъ свойства противоположнаго.

Къ тому же, на горе Висленева, у него были свои привычки: онъ не могъ ѣсть бараньихъ пилавовъ въ греческой кухмистерской восточнаго человѣка Трифандоса и заходилъ перекусить въ ресторанъ; онъ не могъ спать на продырявленномъ клеенчатомъ диванѣ подъ звуки безконечныхъ споровъ о развѣтвленіяхъ теорій, а чувствовалъ влеченіе къ своей кроваткѣ и къ укромному уголку, въ которомъ можно бы если не успокоиться, то по крайней мѣрѣ забыться.

Это сибаритство не скрывалось отъ его собратій, и Висленевъ нѣкоторое время терпѣлъ за это опалу, но потомъ, съ быстрымъ, но повсемѣстнымъ развитіемъ практичности, это ему было прощено, и онъ работалъ, и неустанно работалъ, крѣпясь и вѣруя, что литература для него только прелюдія, но что скоро слова его примутъ плоть и кровь, и тогда... при этомъ онъ подпрыгивалъ и, почесавъ затылокъ, хватался за свою работу съ сугубымъ рвеніемъ, за которымъ часто не чувствовалъ жестокой тяжести въ омраченной головѣ и гнетущей боли въ груди.

Къ такому положенію Висленевъ уже привыкъ, да оно вправду не было уже и тяжко въ сравненіи съ тѣмъ, когда

онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, питался хлѣбами добродѣтельной Ванскокъ. Висленевъ даже могъ улучшить свое положеніе, написавъ сестрѣ, которой онъ уступилъ свою часть, но ему это никогда не приходило въ голову даже въ то время, когда его питала Ванскокъ, а теперь... теперь самый жизнелюбивый человѣкъ могъ бы свободно поручиться головой, что Висленевъ такъ и дойдетъ до гроба по своей прямой линіи, и онъ бы и дошелъ, еслибы... еслибы онъ не потребовался во всесожженіе другу своему Павлу Николаевичу Горданову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гордановъ даетъ шахъ и матъ Іосафу Висленеву.

Черный день подкрался къ Іосафу Платоновичу нежданно и негаданно, и притомъ же день этотъ былъ весь съ начала до конца такъ лучезарно свѣтелъ, что никакая дальнозоркость не могла провидѣть его черноты.

Въ этотъ день Іосафъ Платоновичъ всталъ въ обыкновенное время, полюбовался въ окно горячимъ и искристымъ блескомъ яркаго солнца на колокольномъ крестѣ Владимірской церкви, потомъ вспомнилъ, что это стыдно, потому что любоваться ничѣмъ не слѣдуетъ, а тѣмъ паче крестомъ и солнцемъ, и сѣлъ на софу за преддиванный столикъ, исправляющій должность письменнаго стола въ его чистой и уютной, но очень, очень маленькой комнаткѣ.

Все было въ самомъ успокоительномъ порядкѣ; стаканъ кофе стоялъ на столѣ, дымясь между высокихъ грудъ газетъ, какъ пароходикъ, приставшій на якорь въ бухту, окруженную высокими скалами. И какія это было очаровательныя скалы! Это были груды газетъ съ громаднымъ подборомъ самыхъ разнорѣчивыхъ статей по одному и тому же предмету, направо были тѣ, по которымъ дѣло выходило бѣлымъ, налѣво тѣ, по которымъ оно выходило чернымъ. Висленевъ, помощью крапа и сѣнныхъ очковъ, готовился

съ чувствомъ и съ любовью доказать, что черное бѣло и бѣлое черно. Это была его спеціальность и его *пассія*.

Но прежде чѣмъ Висленевъ допилъ свой стаканъ кофе и взялся за обработку крана и очковъ въ колодѣ, предложенной ему на сегодняшнюю игру, ему прыгнулъ въ глаза маленкій, неопрятно задѣланный и небрежно надписанный на его имя пакетикъ.

Висленевъ, грызя сухарь, распечаталъ конвертъ и прочелъ: «Примите къ свѣдѣнію, еще одна подлость: Костька Оболдуевъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, онъ женился на Форофонтьевой и взялъ за нею въ приданое восемьдесятъ тысячъ. Пишу вамъ объ этомъ со словъ Роговцова, который заходилъ ко мнѣ ночью нарочно по этому дѣлу. Утромъ иду требовать взносъ на общее дѣло и бѣднымъ полякамъ. Завтра поговоримъ. Анна Скокова».

Висленевъ повернулъ два раза въ рукахъ это письмо Ванскокъ и хотѣлъ уже его бросить, какъ горничная квартирной хозяйки подала ему другой конвертъ, надписанный тою же рукой и только что сію минуту полученный.

«Я задыхаюсь, писала отвратительнѣйшимъ почеркомъ Ванскокъ. Я сама удостовѣрялась обо всемъ: все правда, мнѣ ничего не дали на общее дѣло, но этого мало: знайте и вѣдайте, что Оболдуевъ обломалъ дѣла, онъ забралъ не только женины деньги, но и деньги свояченицы, и на эти деньги будетъ... издаваться газета съ рускимъ направленіемъ! Бросьте сейчасъ работу, бросьте все и бѣгите ко мнѣ, мы должны говорить! P. S. Кстати, я встрѣтила очень трудное мѣсто въ переводѣ. Кунцевичъ «canonisé par le Pape» я перевела, что Іосафъ Кунцевичъ былъ разстрѣлянъ папой, а въ сегодняшнемъ нумерѣ читаю уже это иначе. Что это за самопроизволъ въ вашей редакціи? Попросите, чтобы моими переводами такъ не распоряжались».

Висленевъ, сложивъ оба письма вмѣстѣ и написавъ Ванскокъ, что онъ не можетъ спѣшить ей на помощь, потому что занятъ работой, сѣлъ и начерталъ въ заголовкѣ: «Васплетемновскія тенденціи современныхъ москворѣцко-застѣнко-

выхъ философо-сыщиковъ». Но онъ далѣе не продолжалъ, потому что въ двери его съ шумомъ влетѣла маленькая Ванскокъ и зачастила:

— Получили вы оба мои письма? Да?

— Да, получилъ, отвѣчалъ спокойно Висленевъ.

— Все это отмѣняется! воскликнула Ванскокъ, бросая въ уголъ маленькій сакъ, съ привязаною къ нему вмѣсто ручекъ веревочкой.

— Ничего не было?

— Нѣтъ, напротивъ, все было; рѣшительно все было, но представлены доказательства, такъ что это надо обсудить здѣсь; знаете о чемъ идетъ дѣло?

Висленевъ качнулъ отрицательно головой.

— Русское направленіе въ модѣ.

— Ну-съ?

— За него буду собирать деньги и обращать ихъ на общее дѣло. Я нахожу, что это честно.

Висленевъ молчалъ.

— И потомъ, продолжала Ванскокъ,—явится, знаете, кто?

Висленевъ сдѣлалъ опять знакъ, что не знаетъ.

— Не догадываетесь?

— Не догадываюсь же, не догадываюсь.

Ванскокъ подошла къ окну и на потномъ стеклѣ начертала перстомъ: «с-у-п-с-и-д-і-я».

— Буки, проговорилъ Висленевъ.

— Нѣтъ не буки, а это вѣрно.

— Буки, буки, а не покой... понимаете, не суспидія, а субсидія.

— А, вы объ этомъ? Все это вздоръ. И такъ, будетъ дана субсидія, и мы все это повернемъ въ пользу общаго дѣла, и потому вредить этому не надо.

— Васъ надуваютъ, Ванскокъ.

— Очень можетъ быть, я даже и сама увѣрена, что надуваютъ, но по крайней мѣрѣ такъ говорятъ, и потому надо этому помогать, а къ тому же есть другая новость: возвратился Гордановъ и онъ теперь здѣсь и кается.

Висленевъ принялъ эту новую вѣсть недружелюбно, но нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ Ванскокомъ насчетъ необходимости всяческаго снисхожденія къ свѣжимъ ранамъ, и кипа бумагъ, вынутыхъ изъ саквояжа и представленныхъ Ванскокомъ Висленеву, какъ подарокъ въ доказательство дружественнаго расположенія Горданова къ Висленеву, произвели въ умѣ послѣдняго впечатлѣнія миролюбиваго свойства. Висленевъ, освободясь отъ довольно продолжительнаго визита Ванскокъ, тотчасъ же углубился въ чтеніе бумагъ, принесенныхъ ему отъ Горданова. Подарокъ пришелъ Висленеву какъ нельзя болѣе по сердцу, и онъ не могъ отъ него оторваться до самаго вечера. Онъ не оставилъ бы свои занятія и вечеромъ, еслибы его часу въ восьмомъ не посѣтилъ жилецъ сосѣдней комнаты, Ѳеоктистъ Меридіановъ, маленькій желтоволосый человѣчекъ, поставляющій своеобразныя беллетристическія бездѣлки для маленькой газеты съ скандальной репутаціей.

Ѳеоктистъ Меридіановъ вошелъ къ Висленеву безъ доклада и безъ сапоговъ: тихо, какъ котъ, подошелъ онъ въ мягкихъ кимрскихъ туфляхъ къ углубленному въ чтеніе Висленеву и произнесъ:

— Здравствуйте, любезный сосѣдъ по имѣнію.

Висленевъ вздрогнулъ и немножко встревоженно спросилъ:

— Что вамъ угодно?

Ѳеоктистъ Меридіановъ хрипло захохоталъ и, плюхнувъ на диванъ противъ Висленева, отвѣчалъ:

— Вотъ какой бонъ-тонъ: «что вамъ угодно?» А мнѣ ничего отъ васъ, сударь мой, не угодно, продолжалъ онъ, кряхтя, смѣясь и щурясь; я такъ, совсѣмъ такъ... освѣдомиться, все ли въ добромъ здоровьи мой сосѣдъ по имѣнію, Іосафъ Платонычъ Висленевъ, и болѣе ничего.

— А-а, ну спасибо вамъ, а я зачитался и не сообразилъ.

— Что же это вы читаете?

— Очень интересныя бумаги по польскому дѣлу.

— Это «щелчокъ» что ли вамъ приволокъ?

— Какой щелчокъ? спросилъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ Висленевъ.

— Да вотъ эта стрижка-ерышка, какъ вы ее называете?

— Ванскокъ!

— Ну Ванскокъ, а я все забываю, да зову ее «щелчокъ», да это все равно. Я все слышалъ, что она тутъ у васъ чекотала, и не шелъ. Эхъ, бросьте вы, сэръ Висленевъ, водиться съ этими нигилисточками.

— Что это васъ безпокоитъ, Ѳеоктистъ Дмитричъ? мнѣ кажется, до васъ это совсѣмъ не касается, съ кѣмъ я вожусь.

— Да, касаться-то оно пожалуй что не касается, а по человѣчеству, по-сосѣдски васъ жалко, право жалко.

Висленевъ улыбнулся и, заваривъ чай изъ только что поданнаго самовара, спросилъ:

— Какіе же предвидите для меня опасности отъ «нигилисточекъ?»

— Большія, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, очень большія—женятъ.

— Ну вотъ!

— Чего «вотъ», право, клянусь Патрикомъ, женятъ, а мнѣ васъ жалко... каковъ ни есть, все сосѣдъ по имѣнію, вмѣстѣ чай пьемъ!

— Вотъ видите, какъ вы заблуждаетесь! Ванскокъ сама первостатейный врагъ брака.

— Это, отецъ Іосафъ, все равно, врагъ, а къ чему дѣло придетъ, и черезъ нее женитесь; а вы лучше вотъ что: ко мнѣ опять сваха Ѳедориха заходила...

— Ахъ, оставьте, Меридіановъ, это даже и въ шутку глупо!

— Нѣтъ-съ, вы позвольте, она уже теперь не купчиху предлагаетъ, а княжескую фаворитку, танцовщицу... Меридіановъ сильно сжалъ Висленева за руку и добавилъ:— только перевѣнчаться и не видать ее, и за то одно пятнадцать тысячъ? Это не худая статья, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, не худая!

— Ну, вотъ вы и женитесь.

— Не могу, отецъ, радъ бы, да не могу, рыломъ не вышелъ, я изъ простыхъ свиней, изъ кутейниковъ, а нуженъ изъ цуцкихъ, столбовой дворянинъ, какъ вы. Не дремлите, государь мой, берите пятнадцать тысячъ, пока нигилисточки даромъ не окрутили. На пятнадцать тысячъ можно газету завести, да еще какую... у-у-х-ъ!

— Отойди отъ меня, сатана! отшутился Висленевъ, для котораго мысль о своей собственной газетѣ всегда составляла отраднѣйшую и усладительнѣйшую мечту.

— Чего сатана, а я бы вамъ сталъ какіе фіэтоны строчить, просто bon Dieu оборони! Я вотъ нынче что соорудилъ. Вотъ послушайте-ка, началъ онъ, вытаскивая изъ кармана переломленную пополамъ четвертушку бумаги. Хотите слушать?

— Пожалуй, отвѣчалъ равнодушно Висленевъ.

Ѳеоктистъ Меридіановъ прищурился, тихо крякнулъ и, нетерпѣливо оглянувшись по комнаткѣ, заговорилъ:

— Идетъ, видите ли, экзаменъ, ребятишекъ въ приходское училище принимаютъ и предстоитъ, видите, этакая морда, обрубокъ мальчуганъ Савоська, котораго на каникулахъ приготовилъ медицинскій студентъ Чортовъ.

— Гм! Фамилія недурна!

— Да, и съ направленіемъ, понимаете?

— Понимаю.

— Ну, слушайте же, и Меридіановъ, кряхтя и щурясь, зачиталъ сквернымъ глухимъ баскомъ.

«— Читать умѣешь! вопросилъ Савоську лопоухій педагогъ.

«— Ну-ка-ся! отвѣчалъ съ презрѣніемъ бойкій малецъ.

«— И писать обученъ?

«— Эвося! еще смѣлѣе отвѣтилъ Савоська.

«— А законъ Божій знаешь? встрѣлъ попъ.

«— Да коего лиха тамъ знать-то! гордо, презрительно, гнѣвно, закинувъ вверхъ голову, рыкнулъ мальчуганъ, въ воображеніи котораго въ это время мелькнуло насмѣшли-

вое, иронически-честно-злобное лицо приготовлявшаго его студента Чортова».

— Что, хорошо? Можете вы этакую штуку провести въ своей серьезной статьѣ, или нѣтъ?

Но прежде чѣмъ Висленевъ что-нибудь отвѣтилъ своему собесѣднику, послышался тихій стукъ въ дверь, причемъ Меридіановъ быстро спряталъ въ карманъ рукопись и сказалъ: «вотъ такъ у васъ всегда», а Висленевъ громко крикнулъ: взойдите!

Дверь растворилась и въ комнату предсталъ довольно скромно, но съ иголочки одѣтый въ чистое платье Гордановъ.

Висленевъ немного смѣшался, но Павелъ Николаевичъ протянулъ ему братски руки и заговорилъ съ нимъ на ты. Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ мирно за столомъ и велъ съ Висленевымъ дружескій разговоръ о литературѣ и о литературныхъ людяхъ, безпрестанно вовлекая въ бесѣду и Меридіанова, который, впрочемъ, все кряхтѣлъ и старался отмалчиваться. Не теряя напрасно времени, Гордановъ перешелъ и къ содержанію бумагъ, присланныхъ имъ Висленеву чрезъ Ванскокъ.

— Бумажки интересныя, отвѣчалъ Висленевъ, — и по нимъ бы кое-что очень хлесткое можно написать.

— Я затѣмъ ихъ къ тебѣ и прислалъ, отвѣчалъ Гордановъ.—Я знаю, что у меня онѣ проваляются даромъ, а ты изъ нихъ можешь выкроить пользу и себѣ, и дѣлу.

Висленеву эта похвала очень нравилась, особенно тѣмъ, что была выражена въ присутствіи Меридіанова, но онъ не полагался на успѣхъ по «независящимъ обстоятельствамъ».

— Что же, теперь вѣдь цензуры нѣтъ, говорилъ простодушно Гордановъ.

— Мало что цензуры нѣтъ, да есть другія, братъ, грозы.

— За то есть судъ и на грозу.

— Да ищи того суда, какъ Франклина въ морѣ: по суду-то на сто рублей оштрафуютъ, а безъ суда на пять

тысячъ накажутъ, какъ пить дадутъ. Нѣтъ, еслибы это написать, да заграницей напечатать.

— И то можно, отвѣтилъ Гордановъ.

— Если только есть способы?

Гордановъ сказалъ, чтобы Висленевъ объ этомъ не заботился, что способы будутъ къ его услугамъ, что онъ, Гордановъ, самъ переведетъ сочиненіе Висленева на польскій языкъ и самъ пристроитъ его въ заграничную польскую газету.

Затѣмъ Павелъ Николаевичъ еще побесѣдовалъ привѣтно съ Висленевымъ и съ Меридіановымъ и простился.

— А ничего это, что я говорилъ при этомъ лоботрясѣ? спросилъ онъ у Висленева, когда тотъ провожалъ его по коридору.

— Это ты о Меридіановѣ-то?

— Да.

— Полно, пожалуйста, это дремучій семинаристъ, въ которомъ ненависть-то, какъ старый блинъ, зачерствѣла.

— Да, чортъ ихъ нынче разберетъ, они всѣ теперь ненавистники и всѣ мастера на всѣ руки, отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, этотъ не такой.

— А мнѣ онъ не нравится; знаешь, слишкомъ молчаливъ и изъ-подлобья смотритъ. А впрочемъ это твое дѣло, я говорилъ у *тебя*.

— Понимаю и принимаю всю отвѣтственность на себя, будь совершенно покоенъ.

— Ну, и прекрасно.

И съ этимъ Гордановъ ушелъ.

— А мнѣ сей субъектъ препротивенъ, сказалъ Висленеву въ свою очередь Меридіановъ, когда Висленевъ, проводивъ Горданова, вернулся въ свой дортуаръ.

— Чѣмъ онъ вамъ не хорошъ?

— Очень хорошъ, совсѣмъ даже до самаго дна маслянъ. Зачѣмъ это онъ постучалъ, прежде чѣмъ войти?

— Такъ водится, чтобы не обезпокоить.

— Да; и вамъ вотъ это небось нравится, а меня отъ такихъ финти-фантовъ тошнитъ. Прощайте, я пойду къ Трифандосу въ кухмистерскую, съ Бабиневичемъ шары покатаю.

— Прощайте.

— А вы опять сочинять?

— Да.

— А Ѳедорихѣ что же сказать; нужны вамъ пятнадцать тысячъ или не нужны?

— Да вы что же это не шутите?

— Ни мало не шучу.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что я вамъ удивляюсь, что вы мнѣ это говорите, я никогда себя не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя, и на княжескихъ любовницахъ жениться не способенъ.

Меридіановъ «презрительно-гордо» пожалъ плечами и сказалъ — а я вамъ удивляюсь и говорю вамъ, что будете вы, сэръ, кусать локоть, клянусь Патрикомъ, будете, да не достанете. Бабиневичъ вѣдь, только ему объ этомъ сказать, сейчасъ отхватитъ, а онъ вѣдь тоже изъ дворянъ.

— Сдѣлайте милость и оставьте меня съ этимъ.

— Сдѣлаемъ вамъ эту милость и оставимъ васъ, отвѣчалъ Меридіановъ и, не прощаясь съ Висленевымъ, зашлепалъ своими кимрскими туфлями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Продолженіе о томъ, какъ Гордановъ далъ шахъ и матъ Іосафу Висленеву.

Читатель можетъ подумать, что авторъ не сдержалъ своего слова и, обѣщавъ показать въ предшествовавшей главѣ, какъ Павелъ Николаевичъ Гордановъ дастъ шахъ и матъ другу своему Іосафу Висленеву, не показалъ этого хода; но это будетъ напрасно: погибельный для Висленева ходъ сдѣланъ, и спасенія Іосафу Платоновичу теперь нѣтъ никакаго; но только какъ ходъ этотъ необыченъ, тонокъ и

новъ, то его, можетъ быть, многіе не замѣтили: проникать дѣянія нашего героя не всегда легко и удобно.

Іосафъ Платоновичъ работалъ энергически, и въ пять или въ шесть дней у него созрѣла богатырская статья, въ которой вниманію враговъ Россіи рекомендовались самые смѣлые и неудобоприложимые планы, какъ одолѣть насъ и загнать въ Азію.

Гордановъ не разъ навѣстилъ въ эти шесть дней Висленева и слушалъ его статью въ брульйонахъ съ величайшимъ вниманіемъ, и съ серьзнѣйшимъ видомъ указывалъ, гдѣ припустить сахарцу, гдѣ подбавить перцу, и все это тонко, мягко, деликатно, тщательно храня и оберегая болѣзненное авторское самолюбіе Іосафа Платоновича.

— Я тебя не учу, говорилъ онъ Висленеву,—и ты потому, пожалуйста, не обижайся; я знаю, что у тебя есть свой талантъ, но у меня есть своя опытность, и я по опыту тебѣ говорю: здѣсь посоли, а здѣсь посахари.

Висленевъ слушался, и произведеніе его принимало характеръ все болѣе лютый, а Гордановъ еще уснащалъ его прибавками и перестановками и все напиралъ на извѣстный ему «ихній вкусъ».

Со времени смѣшенія языковъ въ ихъ нигилистической сектѣ, вмѣстѣ съ потерей сознанія о томъ, что честно и что безчестно, утрачено было и всякое опредѣленное понятіе о томъ, кто ихъ друзья и кто ихъ враги. Принципы растеряны, враги гораздо ревностнѣе стоятъ за то, за что хотѣли ратовать ихъ друзья; земельный надѣлъ народа, равноправіе всѣхъ и каждаго предъ лицомъ закона, свобода совѣсти и слова,—все это уже отстаиваютъ враги, и спорить приходится развѣ только «о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ», а между тѣмъ враги нужны и притомъ не тѣ враги, которые дѣйствительно враждебны честнымъ стремленіямъ къ равноправію и свободѣ, а *они*, какіе-то невѣдомые миѳическіе враги, преступленій которыхъ нигдѣ нѣтъ, и которые просто называются *они*. Противъ этихъ миѳическихъ *ихъ* ведется война, пишутся пасквили,

дѣлаются доносы, съ *ними* чувствуютъ безповоротный разрывъ и намѣрены по гробъ жизни съ ними не соглашаться. Во имя этихъ миѳическихъ *ихъ*, заигралъ на Висленевѣ и Гордановъ. Онъ говорилъ ему, какъ надо приспособиться, чтобы допекать ихъ, такъ чтобы *они* чувствовали; но какъ ни осторожно Гордановъ подходилъ съ своими указаніями къ Висленеву, послѣдняго все-таки непріятно задѣвало, что его учатъ, и онъ даже по поводу указаній Горданова на ихъ вкусъ и права отвѣчалъ:

— Ну, и довольно, ты мнѣ скажи, на какой вкусъ, и этого съ меня и довольно, а я уже знаю какъ потрафить.

И онъ потрафлялъ: статья поправлявшаяся, въ теченіе ночи, къ утру становилась змѣя и василиска злѣе, но приходилъ Гордановъ, прослушивалъ ее и находилъ, что опять мягко.

— Не то, говорилъ онъ,—чтобы чего не доставало, напротивъ, здѣсь все есть, но знаешь... Поясню тебѣ примѣромъ: тебя, положимъ, попросили купить жирную лошадь...

— Я и куплю жирную, перебилъ Висленевъ.

— Да, но она все-таки можетъ не понравиться, или крупъ недостаточно жиренъ, или шея толста, а я то же самое количество жира да хотѣлъ бы расположить иначе, и тогда она и будетъ отвѣчать требованіямъ. Вотъ для этого берутъ коня и выпотняютъ его, то есть перекладываютъ жиръ съ шеи на крупъ, съ крупа на ребро и т. п. Это надо подѣлать еще и съ твоею прекрасною статьею, — ее надо выпотнить.

— Я этого даже никогда и не слыхалъ, чтобы по произволу перемѣщали жиръ съ одной части тѣла на другую, отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, вотъ видишь ли, а между тѣмъ это всякій цыганъ знаетъ: на жирное мѣсто, которое хотятъ облегчить, кладутъ войлочные потники, а тѣ, куда жиръ перевесть хотятъ, водой помачиваютъ, да и гонятъ коня, пока онъ въ соотвѣтственное положеніе придетъ. Не зналъ ты это?

— Не зналъ.

— Ну, такъ знай, и, если хочешь, дай мнѣ, я твою статью попотню. Согласенъ?

— Бери.

— Нѣтъ, я это тутъ же при тебѣ. Видишь, вотъ тутъ это вонъ вычеркни, а вмѣсто этого вонъ что напиши, а сюда на мѣсто того вотъ это поставь, а тутъ...

И Гордановъ какъ пошелъ выпотнять висленевскую статью, такъ Висленевъ, быстро чертившій то тутъ, то тамъ, подъ его диктовку, и ротъ разинулъ: изъ простаго мясистаго, жирнаго и брыкливаго коня возникъ неодолимый конь Діомеда, готовый растоптать и сожрать всѣхъ и все.

— Молодецко! воскликнулъ, радуясь, самъ Висленевъ.

— Теперь бы кому-нибудь прочесть, чтобы взглянуть на впечатлѣніе, посовѣтывалъ Гордановъ.

Висленевъ назвалъ сосѣда «сосѣда по имѣнію», Ѳеоктиста Меридіанова, который пришелъ въ своихъ кимрскихъ туфляхъ и все терпѣливо прослушалъ, и потомъ, по своему обыкновенію, подражая простонародному говору, сказалъ, что какъ все это не при немъ писано, то онъ не хочетъ и лѣзть съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ, чтобы судить о такой политичной матеріи, а думаетъ лишь только одно, что встарину за это

Дали-бъ въ назиданіе
Такъ ударовъ со сто,
Чтобы помнилъ зданіе
У (имя рекъ) моста.

Гордановъ при этихъ словахъ Меридіанова изловилъ подъ столомъ Висленева за полу сюртука и сильно потянулъ его внизъ, дескать осторожность, осторожность!

— Этотъ человѣкъ совсѣмъ мнѣ не нравится, заговорилъ Гордановъ, когда Меридіановъ вышелъ. — Онъ мнѣ очень подозрителенъ, и такъ какъ тебѣ все равно отдавать мнѣ эту статью для перевода на польскій языкъ, то давай-ка, братъ, я возьму ее лучше теперь же.

— На что же?

— Да такъ, знаешь, про всякій случай отъ грѣха.

Висленевъ безтрепетною рукой вручилъ свое безсмертное твореніе Горданову.

Да и чего же было, кажется, трепетать? А трепетать было отъ чего.

Если бы Висленевъ послѣдовалъ за Гордановымъ, когда тотъ вышелъ, унося съ собою его выпотненную статью, то онъ не скоро бы догадался, куда Павелъ Николаевичъ держитъ свой путь. Бѣгая изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, онъ наконецъ юркнулъ въ подъѣздъ, надъ которымъ красовалась вывѣска, гласившая, что здѣсь «Касса ссудъ подъ залогъ движимостей».

Здѣсь жилъ литераторъ, ростовщикъ, революціонеръ и полиціантъ Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій, о которомъ съ такимъ презрѣніемъ вспоминала Ванскокъ и которому требовался законный мужъ для его фаворитки, Алины Фигуриной.

Къ Кишенскому вела совершенно особенная лѣстница, если не считать двухъ дверей бель-этажа, въ коихъ одна вела въ аптеку, а другая въ сигарный магазинъ. Три же двери, окружающія лѣстничную террасу третьяго этажа, всѣ имѣли разные нумера, и даже двѣ изъ нихъ имѣли разныя таблички, но все это было вздоръ: всѣ три двери вели къ тому же самому Тихону Кишенскому или, какъ его по-просту звали, «жиду Тишкѣ». Три эти двери значились подъ №№ 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ. Надъ 8-мъ, приходившимся посрединѣ, была большая бронзовая дощечка съ чернымъ надписаніемъ, объявлявшимъ на трехъ языкахъ, что здѣсь «Касса ссудъ». На правой двери, обитой новою зеленою клеенкой съ мѣдными гвоздями, была подъ стекломъ табличка, на которой красовалось имя Тихона Ларіоновича, и тутъ же былъ прорѣзъ, по которому спускались въ ящикъ письма и газеты; лѣвая же дверь просто была дверь № 9-й. Входя въ среднюю дверь, или дверь № 8-й, вы попадали въ довольно большой залъ, обставленный прилавками и шкафами. За прилавками сидѣла нѣмецкая дама, говорившая раздавленнымъ голосомъ краткія рѣчи, касающіяся

залогодательства, и поминутно шнырявшая за всякимъ разрѣшеніемъ въ двери направо, по направленію къ № 7-му. Въ № 7-мъ была хорошая холостая квартира съ дорогою мебелью, золоченою кроватью, массивнымъ буфетомъ, фарфоромъ и бронзой, съ говорящимъ попугаемъ, мраморною ванной и тѣмъ неодолимымъ преизбыткомъ вкуса, благодаря которому меблированныя такимъ образомъ квартиры гораздо болѣе напоминаютъ мебельный магазинъ, чѣмъ человѣческое жилье. Въ № 9-мъ... но объ этомъ послѣ.

Герой нашъ пожалъ электрическую пуговку у двери номера седьмого и послалъ свою карточку чрезъ того самаго лакея, рѣшительный характеръ и исполнительность котораго были извѣстны Ванскокъ. Пока этотъ враждебный геній, съ лицомъ ровнаго розоваго цвѣта и съ рыжими волосами, свернутыми у висковъ въ двѣ котелки, пошелъ доложить Тихону Ларіоновичу о прибывшемъ гостѣ, Гордановъ окинулъ взоромъ рядъ комнатъ, открывавшихся изъ передней, и подумалъ: «однако этотъ ужъ совсѣмъ подковался. Ему уже нечего будетъ сокрушаться и говорить: «здравствуй, безпомощная старость, догорай, безполезная жизнь!» Но нечего бояться этого и мнѣ,—нѣтъ, мой планъ геніаленъ; мой разсчетъ вѣренъ, и будь только за что зацѣпиться и на чемъ расправить крылья, я не этою мѣщанскою обстановкой стану себя тѣшить, — я стану считать рубли не сотнями тысячъ, а милліонами... милліонами... и я пойду, вознесусь, попру... и...

И въ эту минуту Павелъ Николаевичъ внезапно почувствовалъ непріятное сженіе въ горлѣ, которымъ обыкновенно начинались у него приступы хорошо знакомыхъ ему спазмодическихъ припадковъ. Онъ взялъ надъ собою власть и пересилилъ начинающійся пароксизмъ какъ разъ вовремя, потому что въ эту самую минуту въ глубинѣ залы показалась худощавая, высокая фигура Кишенскаго, въ которомъ въ самомъ дѣлѣ было еще значительно замѣтно присутствіе еврейской крови. Лицо его было довольно плоско и не украшалось характернымъ израильскимъ носомъ, но

маленькіе каріе глазки его глядѣли совершенно по-еврейски. и движенія его были порывисты. Кишенскій былъ одѣтъ въ роскошномъ шлафорѣ, подпоясанномъ дорогимъ шнуромъ съ кистями, и въ туфляхъ не кимрской работы, а въ дорогихъ, золотомъ шитыхъ, туфляхъ; въ рукахъ онъ держалъ тяжелую трость со слоновою ручкой и довольно острымъ стальнымъ наконечникомъ. Возлѣ Кишенскаго, съ одной стороны, немножко сзади, шелъ его рѣшительный рыжій лакей, а съ другой, у самыхъ ногъ, еще болѣе рѣшительный рыжый бульдогъ.

— Господинъ Гордановъ!—заговорилъ на половинѣ комнаты Кишенскій, пристально и зорко вглядываясь въ лицо Павла Николаевича и произнося каждое слово отчетисто, спокойно и очень серьезно.—Прошу покорно! Давно ли вы къ намъ? А впрочемъ я слышалъ... Да. Иди въ свое мѣсто, заключилъ онъ, оборотясь къ лакею, и подалъ Горданову жесткую, холодную руку.

Послѣ первыхъ незначащихъ объясненій о времени пріѣзда и о прочемъ, они перешли въ маленькій, такъ же густо меблированный кабинетецъ, гдѣ Кишенскій самъ сѣлъ къ письменному столу и, указавъ противъ себя мѣсто Горданову, не обинуясь спросилъ: чѣмъ онъ можетъ служить ему?

Гордановъ всего менѣе ожидалъ такого пріема.

— Вы меня спрашиваете такъ, какъ-будто я долженъ заключить изъ вашихъ словъ, что безъ дѣла мнѣ не слѣдовало и посѣщать васъ,—отвѣчалъ Гордановъ, въ которомъ шевельнулась дворянская гордость предъ этимъ ломаньемъ жидка, отецъ котораго, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, продавалъ въ Одессѣ янтарные мундштуки.

— Нѣтъ, не то,—отвѣчалъ нимало не смущаясь Кишенскій,—я бы вѣдь могъ васъ и не принять, но я принялъ... Видите, у меня нога болитъ, легонькій ревматизмъ въ колѣнѣ, но я всталъ и, хоть на палку опираясь, вышелъ.

Проговоривъ это тѣмъ же ровнымъ, невозмутимымъ, но возмущающимъ голосомъ, которымъ непремѣнно научаются говорить всѣ разбогатѣвшіе евреи, Кишенскій отвернулся

къ драпировкѣ, за которою могла помѣщаться кровать, и хлопнулъ два раза въ ладоши.

Драпировка слегка всколыхнулась, и вслѣдъ затѣмъ черезъ залу, по которой хозяинъ провелъ Гордановa, появился знакомый намъ рыжій лакей.

— Іоганъ, дайте намъ чаю,—велѣлъ ему Кишенскій, совершенно по-жидовски вертясь и нѣжась въ своемъ халатѣ.

— Откуда вы себѣ достали такого «гайдука Хрызыча?»—спрашивалъ Гордановъ, стараясь говорить какъ можно веселѣе и уловить хотя малѣйшую черту привѣтливости на лицѣ хозяина, но такой черты не было: Кишенскій, не отвѣчая улыбкой на улыбку, сухо сказалъ:

— Іоганъ съ острова Эзеля.

— Какой ужасный ростъ и ужасная сила!

— Да, они неуклюжи, но очень вѣрны,—въ этомъ ихъ достоинство, а нынче вѣрный человѣкъ большая рѣдкость.

«Это ты говоришь!» подумалъ, тщательно скрывая свое презрѣніе, Гордановъ,—но молвилъ спокойно:

— Да, у васъ тутъ много кое-чего поизмѣнилось!

— Будто! Я не замѣчаю; кажется, все то же самое, что и было.

— Ну, нѣтъ!

— А я, постоянно сидя за работой, право ничего не замѣчаю.

Гордановъ нетерпѣливо повернулся на стулѣ и, окинувъ глазами все окружающее, имѣлъ обширный выборъ темъ для возраженія хозяину, но почувствовалъ мгновенное отвращеніе отъ игры въ слова съ этимъ сыномъ продавца янтарей, и сказалъ:

— А вы правы, я зашелъ къ вамъ не для пустого времяпрепровожденія, а по дѣлу.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ: времени по пустякамъ и безъ того препровождено очень много.

— Только не вами, надѣюсь,—проговорилъ сквозь улыбку Гордановъ.

Кишенскій волоскомъ не ворохнулся, не моргнулъ и ни

звука не отвѣтилъ. Это еще болѣе не понравилось Горданову, но сдѣлало его рѣшительнѣе.

— У меня есть одинъ планъ... или какъ это у насъ встарину говорилось, одно «предпріятіе», весьма для васъ не безвыгодное.

Кишенскій мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и молчалъ.

— Вы не прочь отъ аферы, или вы аферами пренебрегаете?

— Надо знать, какая афера.

— Разумѣется, выгодная афера и вѣрная.

— Всякій, предлагая свою аферу, представляетъ ее и вѣрною и выгодною, а на дѣлѣ часто выходитъ чортъ знаетъ что. Но я не совсѣмъ понимаю, почему вы съ аферой отнеслись ко мнѣ? Я вѣдь человѣкъ занятой и большими капиталами не ворочаю: есть люди гораздо болѣе меня удобные для этихъ операцій.

— Для той аферы, которую я намѣренъ предложить вамъ, нѣтъ человѣка удобнаго болѣе васъ, потому что она васъ однихъ болѣе другихъ касается.

— Касается меня!

— Да; касается васъ — лично васъ, господинъ Кишенскій.

— Позвольте выслушать.

— Извольте-съ. У меня есть мысль, соображеніе или, лучше сказать, совершенно вѣрный, математически разсчитанный и точный, зрѣло обдуманный планъ въ полгода времени сдѣлать изъ двадцати пяти тысячъ рублей серебромъ громадное состояніе въ нѣсколько десятковъ милліоновъ.

Гордановъ остановился и уставилъ глаза на Кишенскаго, который смотрѣлъ на него неподвижными, остолбенѣвшими глазами и вдругъ неожиданно позвонилъ.

— Вы не думаете ли, что я сумасшедшій? спросилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; это я звоню для того, чтобы мнѣ перемѣнили стаканъ. Что же касается до вашего способа быстраго на-

живанія милліоновъ, то мы въ послѣднее время отвыкли удивляться подобнымъ предложеніямъ. Начиная съ предложенія Ванскокъ учредить кошачій заводъ, у насъ всѣ приготовили руки къ милліонамъ.

— Но между дурацкою башкой Ванскокъ и моею головой, я думаю, вы допускаете же какую-нибудь разницу.

— О, разумѣется! Я знаю, что вы человѣкъ умный, но только позвольте вамъ по-старому, по-дружески сказать, что вѣдь никто и не дѣлаетъ такъ легкомысленно самыхъ опрометчивыхъ глупостей, какъ умные люди.

— Это мы увидимъ. Я вамъ не стану нахваливать мой планъ, какъ цыганъ лошадь: мой вѣрный планъ въ этомъ не нуждается, и я не къ тому иду теперь. Кромѣ того, что вы о немъ знаете изъ этихъ словъ, я до времени не открою вамъ ничего и уже, разумѣется, не попрошу у васъ подъ мои соображенія ни денегъ, ни кредита, ни поручительства.

— Я ни за кого не ручаюсь.

— Я знаю, и мнѣ *для меня* отъ васъ пока ничего не нужно. Но планъ мой вѣренъ: вы знаете, что я служилъ въ западномъ краѣ и, кажется, служилъ не дурно: я получалъ больше двухъ тысячъ содержанія, чего съ меня, одинокаго человѣка, было, конечно, весьма довольно; ужиться я по моему характеру могу рѣшительно со всякимъ начальствомъ, какихъ бы воззрѣній и системъ оно ни держалось.

— Я это знаю.

— И между тѣмъ я бросилъ эту службу.

— Очень сожалѣю.

— Подождите жалѣть. Служить тамъ, это не то, что служить здѣсь, какъ напримѣръ вы служите.

— Я вѣдь служу по найму, — у меня нѣтъ правъ на коронную службу.

— Это все равно, но вы тѣмъ не менѣе человѣкъ не безъ вліянія по службѣ, и вы дѣлаете другія дѣла: вы играете на биржѣ и играете, если только такъ можно вы-

разиться, на трехъ разнохарактерныхъ органахъ, которые могутъ служить вашимъ видамъ.

— Это знаете, случайность, и на подобную вещь навѣрняка считать нельзя.

— Успокойтесь, любезный Тихонъ Ларіоновичъ: я вамъ не завидую и конкурренціи вамъ не сдѣлаю: мои планы иные, и они, не въ обиду вамъ будь сказано, кажутся мнѣ повѣрнѣе вашихъ. А вы вотъ что... позволяете вы говорить съ вами на-чистоту?

— Въ торговыхъ дѣлахъ чѣмъ кратче, тѣмъ лучше.

— Вы меня не спрашиваете, въ чемъ заключается мой планъ, замѣтьте, несомнѣнный планъ пріобрѣтенія громаднѣйшаго состоянія, и я знаю, почему вы меня о немъ не спрашиваете: вы не спрашиваете не потому, чтобъ онъ васъ не интересовалъ, а потому, что вы знаете, что я вамъ его не скажу, то есть не скажу въ той полнотѣ, въ которой бы мой вѣрный планъ, изобрѣтеніе человѣка, нуждающагося въ двадцати пяти тысячахъ, сдѣлался вашимъ планомъ,—планомъ человѣка, обладающаго всѣми средствами, нужными для того, чтобы черезъ полгода, не болѣе какъ черезъ полгода, владѣть состояніемъ, которымъ можно удивить Европу. Вы знаете, что я вамъ этого не скажу.

— Совершенно вѣрно.

— А я не скажу вамъ этого потому, что вы мнѣ двадцати пяти тысячъ въ полное мое распоряженіе не довѣрите.

— Это тоже вѣрно.

— Поэтому я хочу сдѣлать себѣ нужныя мнѣ двадцать пять тысячъ самъ, при вашемъ, однако, посредствѣ, но при такомъ посредствѣ, которое вамъ будетъ не менѣе выгодно, чѣмъ мнѣ.

Кишенскій придавилъ въ столѣ электрическую пуговку и велѣлъ, появившемуся предъ нимъ лакею, никого не принимать.

— Вы меня, стало быть слушаете? спросилъ Гордановъ.

— Съ огромнымъ вниманіемъ, отвѣчалъ Кишенскій, подавая ему большую сигару.

— И я могу вамъ говорить все?

— Все.

— Касаясь прямо всѣхъ?

— Всѣхъ.

— Ну, такъ извольте же слушать и отвѣчать мнѣ на все прямо.

— Идетъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Финальная ракета.

— Вамъ нуженъ одинъ человѣкъ? спросилъ, глядя въ упоръ Кишенскому, Гордановъ.

Тотъ смолчалъ, да и въ самомъ дѣлѣ недоумѣвалъ, къ чему клонитъ эта рѣчь.

— Вы ищете имени вашимъ дѣтямъ, которыя у васъ есть и которыя впередъ могутъ быть?

— Это правда.

— Хорошо! Такъ откровенно говоря, мы пойдемъ очень скоро. Вы сами не можете жениться на дорогой вамъ женщинѣ, потому что вы женаты.

— Правда.

— Вы много хлопотали, чтобъ устроить дѣло?

— Не очень много, но довольно.

— Да дѣло это нельзя дѣлать шахъ-матъ: дворянинишку съ вѣтра взять неудобно; бракъ у насъ предоставляетъ мужу извѣстныя права, которыя хотя и не то, что права мужа во Франціи, Англіи или въ Америкѣ; но и во всякомъ случаѣ все-таки еще довольно широки и могутъ стѣснять женщину, если ея мужъ не дуракъ.

— Вы разсуждаете превосходно.

— Надѣюсь, что я васъ понялъ. Теперь идемъ далѣе: дорогая вамъ женщина не обладаетъ средствами Глафиры Акатовой, чтобы сдѣлаться госпожой Бодростиной; да вамъ это и не нужно: васъ дѣла связываютъ неразлучно и должны удерживать неразлучно навсегда, или по крайней

мѣрѣ очень надолго. Я не знаю вашихъ условій, но я такъ думаю.

— Вы знаете столько, сколько вамъ нужно, чтобъ имѣть совершенно правильный взглядъ на это дѣло.

— Тѣмъ хуже и тѣмъ лучше. Найти себѣ мужа по примѣру Казимиры Швернотской, Данки и Ципри-Кипри теперь невозможно, это уже выдохлось и не дѣйствуетъ: изъ принципа нынче болѣе никто не женится.

— Да, мы съ этимъ уже немножко запоздали.

— Вотъ видите: стало быть, не все идетъ по-старому, какъ вы желали мнѣ давеча доказать... Вы доведены обстоятельствами до готовности пожертвовать на это дѣло десятью тысячами.

— О такой цифрѣ, признаюсь, у насъ еще не думано.

— Будто бы?

— Увѣряю васъ честью.

— Ну, такъ вы скупы.

— Однако... разумѣется... около этого что-нибудь... тысячъ пять—семь, расходовать можно.

— Гдѣ семь, тамъ десять, это ужъ не разсчетъ. Вы не подумайте, пожалуйста, что я предлагаю вамъ самоличныя мои услуги, нѣтъ! Я пришелъ къ вамъ какъ плантаторъ къ плантатору: я продаю вамъ другого человѣка.

— Какъ продаете?

— Такъ, очень просто, продаю да и только.

— Безъ его согласія?

— Онъ никогда и ни за что на это не согласится.

— Кишенскій вдругъ утратилъ значительную долю своего безучастнаго спокойствія и глядѣлъ на Горданова широко раскрытыми, удивленными глазами. Павелъ Николаевичъ замѣтилъ это и торжествовалъ.

— Да, онъ никогда и никогда, и ни за что, на это не согласится, и тѣмъ для него хуже,—сказалъ Гордановъ, не давая своему собесѣднику оправиться.

Кишенскій совсѣмъ выскочилъ изъ колеи и улыбнулся странною улыбкой, которая сверкнула и сгасла.

— Извините пожалуйста, но вы меня смѣшите,—проговорилъ онъ, и опять улыбнулся.

— Смѣшу васъ? Ни мало. Въ чемъ вы тутъ видите смѣшное?

— Вы распоряжаетесь кѣмъ-то на старомъ помѣщичьемъ правѣ и даже еще круче: хотите велѣть человѣку жениться и полагаете, что онъ непремѣнно обязанъ вамъ повиноваться.

— А, конечно обязанъ.

— Позвольте узнать, почему?

— Почему? Потому что я уменъ, а онъ глупъ.

— Но вы не забываете ли, что свадьбы попы вѣнчаютъ въ церкви, и что при этомъ согласіе жениха столь же необходимо, какъ и согласіе невѣсты?

— Пожалуйста, будьте покойны: будемте говорить о цѣнѣ, а товаръ я вамъ сдамъ честно. Десять тысячъ рублей за мужа, молодого, благовоспитаннаго, честнаго, глупаго, либеральнаго и такого покладистаго, что изъ него хоть веревки вей, это, по чести сказать, не дорого. Берете вы или нѣтъ? Дешевле я не уступлю, а вы другого такого не найдете.

— Но и вы тоже не скоро найдете другого покупщика, да и не ко всякому, надѣюсь, отнесетесь съ такимъ предложеніемъ.

— Вы понимаете дѣло, Тихонъ Ларіоновичъ, и за это я вамъ сразу пятьсотъ рублей сбавляю: угодно вамъ девять тысячъ пятьсотъ рублей?

— Дорого.

— Дорого! Девять тысячъ пятьсотъ рублей за человѣка съ образованіемъ и съ самолюбіемъ!

— Дорого.

— Какая же ваша цѣна?

— Послушайте, Гордановъ, да не смѣшно ли это, что мы съ вами серьезно торгуемся на такую куплю?

— Нимало не смѣшно, да вы объ этомъ, пожалуйста не заботьтесь: я вамъ продаю не воробья въ небѣ,

котораго еще надо ловить, а здѣсь товаръ на-лицо: живой человѣкъ, котораго я вамъ прямо передамъ изъ рукъ въ руки.

— Я, право, не могу вамъ вѣрить.

— Я и не прошу вашего довѣрія: я не беру ни одного гроша до тѣхъ поръ, пока вы сами скажете, что дѣло сдѣлано основательно и честно. Говорите только о цѣнѣ, какая ваша послѣдняя цѣна?

— Я право не знаю, какъ объ этомъ говорить... о подобной покупкѣ!

— Да въ чемъ затрудненье-то? Въ чемъ-съ? Въ чемъ?

Кишенскій развелъ руки и улыбнулся.

Однако я полагалъ, что вы гораздо рѣшительнѣе, — нетерпѣливо сказалъ Гордановъ.

Кишенскій завертѣлся на мѣстѣ и, продолжительно обтирая лицо пестрымъ фуляромъ, отвѣчалъ:

— Да какъ вы хотите... какой рѣшительности?.. Съ одной стороны... такое необыкновенное предложеніе, а съ другой... оно тоже стоитъ денегъ, и опять рискъ.

— Никакого, ни малѣйшаго риска нѣтъ.

— Помилуйте, какъ нѣтъ риска? — Вы что продаете, позвольте васъ спросить?

— Я продаю все, что имѣетъ для кого-нибудь цѣну,— гордо отвѣтилъ, краснѣя отъ досады, Гордановъ.

— Да, «что имѣетъ цѣну», но человѣкъ... независимый человѣкъ въ Россіи... какая же цѣнность?.. Это скорѣе каламбуръ.

— Очень невысокаго сорта, впрочемъ.

— Согласенъ-съ, я не острякъ; но дѣло въ томъ, что вы вѣдь продаете не имя, а человѣка... какъ есть живого человѣка!

— Со всѣми его потрохами.

— Ну, и позвольте же... не горячитесь... вы продаете человѣка... образованнаго?

— Да, и даже съ нѣкоторымъ именемъ.

— Ну, вотъ сами изволите видѣть еще и съ именемъ! А между тѣмъ вы ему ни отецъ, ни дядя, ни опекунъ.

— Нѣтъ, не отецъ и не опекунъ.

— Долженъ онъ вамъ что ли?

— Нимало.

— Ну, извините меня, но я васъ не понимаю.

— И что же вы отказываетесь что ли отъ моего предложенія?

— И отказываюсь.

— Ну, такъ въ такомъ случаѣ намъ нечего больше говорить, и Гордановъ всталъ и взялся за шляпу.

— Откройте что-нибудь побольше,—заговорилъ, медленно приподнимаясь вслѣдъ за нимъ, Кишенскій.—Покажите что-нибудь осязательное и тогда...

— Что тогда?

— Я, можетъ-быть тысячъ за семь не постою.

— Нѣтъ; съ вами, я вижу, надо торговаться по-жидовски, а это не въ моей натурѣ: я лишняго не запрашивалъ и еще сразу вамъ пятьсотъ рублей уступилъ.

— Да что жъ по-жидовски... я вамъ тоже, если хотите триста рублей набавлю... если...

— Если, если... если еще что такое? — сказалъ, натягивая перчатку и нетерпѣливо морщась, Гордановъ.

— Если всѣ документы въ порядкѣ?

Гордановъ дернулъ перчатку и разорвалъ ее!

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я вижу, что я ошибся, съ вами пива не сваришь. Я же вамъ вѣдь уже сто разъ повторялъ, что все въ исправности и что я ничего впередъ не беру, а вы все свое. Мнѣ это надоѣло,—прощайте!

И онъ совсѣмъ повернулся къ выходу, но въ это самое мгновеніе драпировка, за которою предполагалась кровать, заколыхалась и изъ-за опущенной портьеры вышла высокая, полная, замѣчательно хорошо сложенная женщина, въ длинной и пышной ситцевой блузѣ, съ густыми огненными рыжими волосами на головѣ и съ некрасивымъ бурымъ лицомъ, усѣяннымъ сплошными веснушками.

— Позвольте, прошу васъ, остаться на минуту, — сказала она голосомъ ровнымъ и спокойнымъ, не напускнымъ

спокойствіемъ Кишенскаго, а спокойствіемъ натуры сильной, страстной и самообладающей.

Гордановъ остановился и сдѣлалъ дамѣ приличный поклонъ.

— Дѣло, о которомъ вы здѣсь говорили, ближе всѣхъ касается меня,—заговорила дама, не называя своего имени.

Гордановъ снова ей поклонился.

Дама сѣла на диванъ и указала ему мѣсто возлѣ себя.

— Предложеніе ваше мнѣ почему-то кажется очень основательнымъ,—молвила она помѣстившемуся возлѣ нея Горданову, между тѣмъ какъ Кишенскій стоялъ и въ раздумьи перебиралъ косточки счетовъ.

— Я отвѣчаю моей головой, что все, что я сказалъ, совершенно сбыточно,—отвѣчалъ Гордановъ.

— О цѣнѣ спора быть не можетъ.

— Въ такомъ случаѣ не можетъ быть спора ни о чемъ: я вамъ даю человѣка, удобнаго для васъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Да, но видите-ли... мнѣ теперь... Я съ вами должна говорить откровенно: мнѣ неудобно откладывать дѣло; свадьба должна быть скоро, чтобы хлопотать объ усыновленіи двухъ, а не трехъ дѣтей.

— На этотъ счетъ будьте покойны,—отвѣчалъ Гордановъ, окинувъ взглядомъ свою собесѣдницу,—во-первыхъ, субъектъ, о которомъ идетъ рѣчь, ничего не замѣтитъ; во-вторыхъ, это не его дѣло; въ-третьихъ, онъ женскій эмансипаторъ и за стѣсняющее васъ положеніе не постоитъ; а въ-четвертыхъ,—и это самое главное,—тотъ способъ, которымъ я вамъ его передамъ, устраняетъ всякія разсужденія съ его стороны и не допускаетъ ни малѣйшаго его произвола.

— Въ такомъ случаѣ мы вѣрно сойдемся.

— Девять тысячъ пятьсотъ рублей?

— Нѣтъ; я вамъ дамъ восемь.

— Извините; это, значитъ, опять надо торговаться, а я позволю себѣ вамъ, сударыня, признаться, что до изнемо-

женія усталъ съ этимъ торгомъ. Встарину отцы наши на тысячи душъ короче торговались, чѣмъ мы на одного человѣка.

— Да; отцы-то ваши за душу платили сто, да полтораста рублей, а тутъ девять тысячъ!—замѣтилъ Кишенскій.

— Все дороже стало, небрежно уронилъ въ его сторону Гордановъ и снова взялся рукой за шляпу.

— Дама это замѣтила.

— Да; это все такъ,— сказала она,— но вѣдь надо же дать что-нибудь и ему самому.

— Ни одного гроша,—это не такой человѣкъ,—онъ не возьметъ ничего, и вы однимъ предложеніемъ ему денегъ даже можете все испортить. Я согласенъ вамъ, и собственно вамъ, а не ему (онъ указалъ съ улыбкой на Кишенскаго), уступить еще пятьсотъ рублей, то-есть я возьму, со всѣми хлопотами, девять тысячъ и уже меньше ничего, но за то я предлагаю вамъ другія выгоды. Позвольте вамъ замѣтить, что я вѣдь понимаю, въ чемъ дѣло, и беру деньги недаромъ: если бы вы перевѣнчались съ какимъ попало, съ самымъ плохенькимъ чиновникомъ, вы бы должны были тотчасъ же, еще до свадьбы, вручить ему всѣ деньги сполна, а тутъ всегда большой рискъ: онъ можетъ взять деньги и отказаться вѣнчаться. Положимъ, вы могли взять съ него векселя, но вѣдь онъ могъ ихъ оспорить, могъ доказывать, что они безденежные: взяты у него обманомъ, или насиліемъ... Возможна цѣлая исторія самаго безотраднаго свойства. Потомъ еслибъ и доказали выдачу денегъ и засадили въ долговое отдѣленіе, ну онъ отсидитъ годъ, и ничего... Съ него какъ съ гуся вода, а деньги пропали...

— Это, правда,—отозвался Кишенскій.

— Да, а вѣдь я вамъ даю человѣка вполнѣ честнаго и съ гоноромъ; это человѣкъ великодушный, который самъ своей сестрѣ уступилъ свою часть въ десять тысячъ рублей, стало быть вы тутъ загарантированы отъ всякой кляузы.

— Кто же это такой?—отнеслась тихо къ Кишенскому невѣста.

Тихонъ Ларіоновичъ только пожалъ въ недоумѣніи плечами.

— Не трудитесь отгадывать, — отвѣчалъ Гордановъ, — потому что, во-первыхъ, вы этого никогда не отгадаете, а во-вторыхъ, операція у меня раздѣлена на два отдѣленія, изъ которыхъ одно не открываетъ другого, а между тѣмъ оба они лишь въ соединеніи дѣйствуютъ неотразимо. Продолжаю далѣе: если бы вы и уладили свадьбу своими средствами съ другимъ лицомъ, то вы только пріобрѣли бы имя... имя для будущихъ дѣтей, да и то съ весьма возможнымъ рискомъ протеста, а вѣдь вамъ нужно и усыновленіе двухъ вашихъ прежнихъ малютокъ.

— Какъ же, это почти самое важное.

— Кто же станетъ объ этомъ заботиться?

— Мы сами.

— Вы сами,— это худо. Нѣтъ, я вамъ передамъ такого человѣка, который *самъ* пуще отца родного будетъ объ этомъ убиваться. Если вы согласны дать мнѣ девять тысячъ рублей, я вамъ сейчасъ же представлю ясныя доказательства, что вы черезъ недѣлю, много черезъ десять дней, можете быть обвѣнчаны съ самымъ удобнѣйшимъ для васъ человѣкомъ и, вдобавокъ, пріобрѣтете отъ этого брака хотя не очень большія, но все-таки относительно довольно значительныя денежныя выгоды, которыя во всякомъ случаѣ далеко съ избыткомъ вознаградятъ васъ за то, что вы мнѣ за этого господина заплатите. Я согласенъ, что это дѣло небывалое, но вы сейчасъ увидите, что все это какъ нельзя болѣе просто и возможно: субъектъ, котораго я вамъ предлагаю, заработываетъ въ годъ около двухъ тысячъ рублей, но онъ немножко привередливъ, — разумѣется, пока онъ одинокъ, а современемъ, когда онъ будетъ женатъ и, находясь въ вашихъ рукахъ, будетъ считаться отцомъ вашихъ малютокъ, то вы его можете подогнать... Вы, не живя съ нимъ, можете потребовать отъ него по закону приличнаго содержанія для васъ и для вашихъ дѣтей; тутъ и Тихонъ Ларіоновичъ можетъ подшпорить его въ газетѣ;

онъ человѣкъ чуткій,—гласности испугается, а тогда опредѣлить его на службу, или пристроить его къ какому-нибудь дѣлу, и онъ вамъ быстро выплатитъ заплаченныя за него девять тысячъ.

— Что ты объ этомъ думаешь? — спросила дама Кишенскаго. Кишенскій ударилъ громко счетною костяшкой и отвѣчалъ:

— Что же! Это вполнѣ возможно.

— Мои планы всѣ тѣмъ и хороши, — сказалъ Гордановъ,—что всѣ они просты и всегда удобоисполнимы. Но идемъ далѣе: для васъ еще въ моемъ предложеніи заключается та огромная выгода, что денегъ, которыя вы мнѣ заплатите за моего человѣка, вы изъ вашей кассы не вынете, а, напротивъ, еще пріобрѣтете себѣ компаніона съ деньгами же и съ головой.

Дама только перевела глаза съ Кишенскаго на Горданова и обратно назадъ на Кишенскаго.

— Когда наступитъ время разсчета,— продолжалъ Гордановъ,—я у васъ наличныхъ денегъ не потребую; а вы, почтенный Тихонъ Ларіоновичъ, дадите мнѣ только записку, что мною у васъ куплены такія-то и такія-то бумаги, на сумму девяти тысячъ рублей, и сдѣлайте меня не гласнымъ компаніономъ по вашей ссудной кассѣ, на соотвѣтственную моему капиталу часть, и затѣмъ мы станемъ работать сообща. Планы мои всегда точны, ясны, убѣдительны и неопровержимы, и если вы согласны дать мнѣ за вашу свадьбу съ моимъ субъектомъ девять тысячъ рублей, то этотъ планъ я вамъ сейчасъ открою.

— Тихонъ! воззвала дама къ Кишенскому.

— Гм!

— Да что же ты мычишь! Вѣдь это надо рѣшать.

— Да; я прошу васъ рѣшать,—отвѣчалъ, взглянувъ на свои часы, Гордановъ.

— Что же?.. простоналъ Кишенскій.

— Что же? Ну, что же «что же?»—передразнила дама,— вѣдь это надо, понимаешь ты, *это надо* кончить.

— Фабій Медлитель, положимъ, выигрывалъ сраженія своею медленностью, но его тактика, однако, не всѣмъ удается, и быстрота, и натискъ въ наше скорое время считаются гораздо вѣрнѣйшимъ средствомъ, — проговорилъ въ видѣ совѣта, Гордановъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это безконечный водевильный куплетъ:

Всегда тѣмъ кончится піеса,
Что съ вашимъ вѣчнымъ «поглядимъ»
Вы не увидите бельмеса,
А мы всегда все проглядимъ,

съ нетерпѣливымъ неудовольствіемъ проговорила дама и, непосредственно затѣмъ быстро оборотясь къ Горданову, сказала:

— Извольте, господинъ Гордановъ, я согласна: вы получите восемь тысячъ пятьсотъ.

— И еще пятьсотъ; я вамъ сказалъ послѣднюю цѣну: девять тысячъ рублей.

— Извольте, девять.

Гордановъ разстегнулъ пиджакъ, досталъ изъ грудного кармана сложенные листы бумаги, на которыхъ была тщательно списанная копія извѣстнаго намъ сочиненія Висленева, и попросилъ взглянуть.

Кишенскій и дама посмотрѣли въ рукопись.

— Что это такое? вопросилъ Кишенскій.

— Это копія, писанная рукой неизвѣстнаго человѣка съ сохраняющагося у меня дома оригинала, писаннаго человѣкомъ, мнѣ извѣстнымъ.

— Тѣмъ, котораго вы намъ продаете?

— Да, тѣмъ, котораго я вамъ продаю.

Хозяева пріумолкли.

— Теперь извольте прислушать, попросилъ Гордановъ, и полнымъ, звучнымъ голосомъ, отбивая и подчеркивая сальянтныя мѣста, прочелъ хозяину и хозяйкѣ ярое сочиненіе Іосафа Платоновича.

— Что это за дребедень?— вопросилъ Кишенскій, когда окончилось чтеніе.

Дама, сдвинувъ брови, молчала.

— Это, милостивый государь, не дребедень,—отвѣчалъ Гордановъ, — а это ноты, на которыхъ мы сыграемъ полонезъ для вашего свадебнаго пира и учредимъ на этомъ дворянство и благосостояніе вашихъ милыхъ малютокъ. Прошу васъ слушать: человѣкъ, написавшій все это своею собственною рукой, есть человѣкъ, уже компрометированный въ политическомъ отношеніи, дома у него теперь опять есть цѣлый ворохъ бумагъ, происхожденіе которыхъ сближаетъ его съ самыми подозрительными источниками.

— Понимаю! — воскликнулъ, ударивъ себя ладонью по лбу, Кишенскій.

— Ничего не понимаете,—уронилъ небрежно Гордановъ, и продолжалъ: — прочитанное мною вамъ здѣсь сочиненіе написано по тѣмъ бумагамъ и есть такое свидѣтельство, съ которымъ автору не усидѣть не только въ столицѣ, но и въ Европейской Россіи. Вся жизнь его въ моихъ рукахъ и я дарую ему эту жизнь, и продаю вамъ шелковый шнурокъ на его шею. Онъ холостъ, и когда вы ему поставите на выборъ ссылку или женитьбу, онъ, конечно, будетъ имѣть такой же нехитрый выборъ, какъ выборъ между домомъ на Англійской набережной или коробочкой спичекъ; онъ, конечно, выберетъ *свадьбу*. Вѣрно ли я вамъ это докладываю?

Кишенскій беззвучно разсмѣялся и, замотавъ головой, отошелъ къ окну, въ которое глядѣлась бѣлая ночь.

— Вѣрно ли?—повторилъ Гордановъ.

— Вѣрно, чортъ возьми, до поразительности вѣрно! И просто, и вѣрно!

Дама молчала.

— Ваше мнѣніе?—вопросилъ ее Гордановъ.

— Дѣло въ томъ,—молвила она послѣ паузы,—какъ же это совершится?

— Тутъ необходимо небольшое содѣйствіе Тихона Ларіоновича: жениха надо попугать слегка обыскомъ.

— Это можно,—отвѣчалъ Кишенскій, улыбнувшись и потухнувъ въ ту же секунду.

— И непремѣнно не одного его обыскать, а и меня, и Ванскокъ, понимаете, чтобъ онъ не видалъ нить интриги, но чтобы зато была видна нить хода бумагъ.

— Хорошо, хорошо,—отозвался Кишенскій.

— У него пусть найдутъ бумаги и приарестуютъ его.

— Да ужъ это такъ и пойдетъ.

— А тогда взять его на поруки и перевѣнчать.

— Да, это такъ; все это въ порядкѣ,—отвѣтилъ Тихонъ Ларіоновичъ.

— Тогда ему будетъ предложено на выборъ: выдать ему назадъ это его сочиненіе или представить его въ подкрѣпленіе къ дѣлу.

— Да.

— И онъ, какъ онъ ни простъ, пойметъ, что бумаги надо выручить. Впрочемъ, это уже будетъ мое дѣло растолковать ему, къ чему могутъ повести эти бумаги, и онъ пойметъ и не постоитъ за себя. А вы, Алина Дмитріевна,—обратился Гордановъ къ дамѣ, безцеремонно отгадывая ея имя,—вы можете тогда поступить по усмотрѣнію: вы можете отдать ему эти бумаги послѣ свадьбы, или можете и никогда ему ихъ не отдавать.

— Къ чему же отдавать?—возразилъ Кишенскій.

— Да, и я то же самое думаю, а, впрочемъ, это ваше дѣло.

— Это мы увидимъ,—молвила невѣста.

И затѣмъ, съ общаго согласія, былъ улаженъ планъ дѣйствій, во исполненіе котораго Кишенскій долженъ былъ «устроить обыскъ». Какъ онъ долженъ былъ это устроивать, про то ничего не говорилось: предполагалось, что это сдѣлается какъ-то такъ, что до этого никому дѣла нѣтъ. Затѣмъ, когда жениха арестуютъ, Гордановъ, котораго тоже подведутъ подъ обыскъ, скажетъ арестованному, что онъ, желая его спасти въ критическую минуту, отдалъ бумаги

на сохраненіе Кишенскому, а тотъ—Алинѣ Дмитріевнѣ Фигуриной, и тогда уже, откинувъ всѣ церемоніи прочь, прямо объявятъ ему, что Алина Дмитріевна бумагъ не отдастъ безъ того, чтобы субъектъ на ней перевѣнчался.

Для того же, чтобы благородному и благодушному субъекту не было особенной тяжести подчиняться этой необходимости, было положено дать ему въ видѣ реванша утѣшеніе, что Алина Дмитріевна принуждаетъ его къ женитьбѣ на себѣ единственно вслѣдствіе современнаго коварства новѣйшихъ людей, которые, прозрѣвъ завѣты бывшихъ новыхъ людей, или «молодого поколѣнія», не хотятъ вырвать женщину, нуждающуюся въ замужествѣ для освобожденія себя отъ давленія семейнаго деспотизма. Все это было аппробовано Кишенскимъ и Алиной Дмитріевной, и условіе состоялось.

— Теперь,—сказалъ въ заключеніе Гордановъ,—я вамъ сообщу и имя того, кого вы купили: это Іосафъ Платонычъ Висленевъ.

— Іосафъ Висленевъ!—воскликнули съ удивленіемъ въ одинъ голосъ Фигурина и Кишенскій.

— Да, Іосафъ Висленевъ, онъ самъ собственнѣйшею своею персоной.

— Чортъ васъ возьми, Гордановъ, вы неподражаемы!—воскликнулъ Кишенскій.

— Нравится вамъ ваша покупка?

— Лучшаго невозможно было выдумать.

— Ну, и очень радъ, что угодилъ по вкусу. Рукописаніе его у меня, я не понесъ его къ вамъ въ подлинникѣ для того...

— Чтобъ обѣ половины вашего плана не соединить вмѣстѣ,—началъ шутить развеселившійся Кишенскій.

— Да,—отвѣчалъ, улыбаясь, Гордановъ,—Ванскокъ мнѣ кое-что сообщала насчетъ нѣкоторыхъ свойствъ вашего Іогана съ острова Эзеля. Къ чему же было давать вамъ поводъ заподозрить меня въ легкомысліи? Прошу васъ завернуть завтра ко мнѣ, и я вамъ предъявлю это рукописаніе во всей его неприкосновенности, а когда все будетъ при-

ведено къ концу, тогда, предъ тѣмъ какъ я повезу Висленева въ церковь вѣнчать съ Алиной Дмитріевной, я вручу вамъ эту узду на ея будущаго законнаго супруга, а вы мнѣ отдадите мою цѣну.

— Вполнѣ согласенъ,—отвѣчалъ Кишенскій и, подавивъ снова пуговку, велѣлъ вошедшему Іогану съ острова Эзеля подать бутылку холоднаго шампанскаго.

За виномъ ударили по рукамъ, и ничего надъ собой не чаявшій Висленевъ былъ проданъ.

Затѣмъ Гордановъ простился и ушелъ, оставя Кишенскому копію, писанную неизвѣстною рукою съ извѣстнаго сочиненія для того, чтобы было по чему наладить обыскъ, а невѣстѣ еще разъ повторилъ добрый совѣтъ: не выдавать Висленеву его рукописанія никогда, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ исхлопочетъ усыновленіе и причисленіе къ своему дворянскому роду обоихъ ея старшихъ дѣтей.

— А лучше, рѣшилъ Гордановъ,—никогда съ него этой узды не снимайте: запасъ бѣды не чинитъ и хлѣба не проситъ.

Впрочемъ, Гордановъ напрасно на этотъ счетъ предупреждалъ госпожу Фигурину. Видясь съ нею послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ дней въ № 7 квартиры Кишенскаго, гдѣ была семейная половина этого почтеннаго джентльмена, Гордановъ убѣдился, что онъ сдаетъ Висленева въ такія ежовыя рукавицы, что даже послѣ того ему самому, Горданову, становилось знакомымъ чувство, близкое къ состраданію, когда онъ смотрѣлъ на бодраго и не знавшаго устали Висленева, который корпѣлъ надъ неустанною работой по разрушенію «василетемновскаго направленія», тогда какъ его самого уже затемнили и перетемнили.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ночь послѣ бала.

Дѣло долженъ былъ начать Кишенскій, ему одному извѣстными способами, или по крайней мѣрѣ способами, о

которыхъ другіе какъ будто не хотѣли и знать. Тихонъ Ларіоновичъ и не медлилъ: онъ завелъ пружину, но она, сверхъ всякаго чаянія, не дѣйствовала такъ долго, что Гордановъ уже началъ смущаться и хотѣлъ напрямикъ сказать Кишенскому, что не надо ли повторить?

Но наконецъ пружина потянула и незримая подземная работа Кишенскаго совершилась: въ одну прекрасную ночь Висленева, Горданова и Ванскокъ посѣтили незванные гости. Сначала это, конечно, каждое изъ этихъ трехъ лицъ узнало только само про себя, но на зарѣ Ванскокъ, дрожа до зубного стука отъ смѣшанныхъ чувствъ радости и тревоги, посѣтила Висленева и застала его сидящимъ посреди комнаты, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена.

— У меня забрали бумаги,—лепетала Ванскокъ,—но я ничего не боюсь.

— И у меня забрали, и я ничего не боюсь,—отвѣчалъ Висленевъ и добавилъ, что единственная вещь, которая его могла скомпрометировать, на его счастіе, два дня тому назадъ взята Гордановымъ.

Но этому благополучію, однако, было немедленно представлено очень внушительное опроверженіе: въ комнату Висленева, гдѣ Іосафъ Платоновичъ и Ванскокъ въ тревогѣ пили весьма ранній чай, явился встревоженный Горновъ и объявилъ, что и его обыскали.

Висленевъ поблѣднѣлъ и зашатался.

— И мою статью нашли?—воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

— Нѣтъ; представь, нѣтъ!—успокоилъ его Гордановъ.

— Слава тебѣ, Господи!—проговорилъ Висленевъ и съ радостнымъ лицомъ перекрестился.

Гордановъ разсказалъ счастливое событіе, какъ онъ былъ извѣщенъ намекомъ Кишенскаго, что имъ грозитъ опасность, и передалъ ему Висленевское сочиненіе, отчего Кишенскій будто отбивался и руками, и ногами, но потомъ, наконецъ, махнулъ рукой и, взявъ, сказалъ, что занесетъ и отдастъ его Алинѣ Фигуриной.

— Ну, и спасибо имъ, и тебѣ спасибо, и слава Богу, и

слава твоему уму!—проговорилъ совсѣмъ оправившійся Висленевъ, и опять два раза перекрестился на церковь.

Ванскокъ нетерпѣливо ударила Висленева по рукѣ и, заступивъ его, выдвинулась съ вопросомъ: «какъ это было?» но Гордановъ не обнаружилъ никакого намѣренія удовлетворить ея любопытства.

— Есть дѣла важнѣе,—прошепталъ онъ, озираясь какъ волкъ,—скажите скорѣе, гдѣ этотъ вашъ хваленый другъ?

— Какой?—освѣдомился Висленевъ.

— Ну, вотъ твой «сосѣдъ по имѣнію?»

— Меридіановъ?

— Ну, да.

— Онъ вѣрно дома.

— Позови-ка его сюда подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Висленевъ вышелъ въ коридоръ.

— А вы развѣ подозрѣваете Меридіанова? — спросила, подпрыгивая вокругъ Горданова, проворная Ванскокъ.

— Я не подозрѣваю, а я знаю навѣрное.

— Меридіанова нѣтъ дома и онъ, оказывается, даже не ночевалъ,—объявилъ въ эту минуту возвратившійся въ свою комнату блѣдный Висленевъ.

Гордановъ только ударилъ по столу и воскликнулъ:

— А что-съ!

— Теперь я вижу,—отвѣтилъ Висленевъ.

— Теперь это ясно,—рѣшила Ванскокъ, и вдругъ быстро стала прицѣплять на макушку свою форейторскую шапочку.

— Куда же вы?—остановилъ ее Висленевъ.

— Какъ куда? Я сейчасъ обѣгу всѣхъ своихъ, и Полисадову, и Поливадову, и по крайней мѣрѣ всѣхъ предупрежу насчетъ Меридіанова.

— А, это другое дѣло,—сказалъ Висленевъ.

— Да; а я вамъ даже совѣтую поспѣшить съ этимъ предупрежденіемъ,—поддержалъ Гордановъ.

Ванскокъ бомбой вылетѣла изъ квартиры Висленева и покатилась мячомъ по лѣстницѣ, и вдругъ внизу на послѣдней террасѣ носъ къ носу столкнулась съ Меридіано-

вымъ, который тащился вверхъ невѣрными шагами, съ головой, тяжелою внутри отъ безпардоннаго кутежа и увѣнчанной снаружи былинками соломы и пухомъ.

Дремучій семинаристъ возвращался домой съ пира, заданнаго его пріятелемъ, актеромъ Бабиневичемъ, обвѣнчавшимся вчера на фаворитной княжеской танцовщицѣ, послѣ чего всѣ, кромѣ князя и новобрачной, совершали возліяніе богамъ въ сосновомъ бору Крестовскаго острова, на мыскѣ за Русскимъ трактиромъ.

Меридіановъ былъ пьянъ, тяжелъ и веселъ. Столкнувшись съ Ванскокъ, которая нарочно толкнула его локтемъ, онъ сначала ничего не понялъ и отступилъ, но потомъ, воззрясь ей вслѣдъ красными отъ вина и безсонницы глазами, крикнулъ:

— Эй, вы, госпожа! бритая барышня! Прошу васъ потише, а то я такъ шишелкану, что ты у меня разсыплешься!

— Я не боюсь васъ, долгогривый шпіонъ!—крикнула ему, остановясь на минуту, Ванскокъ.

— Что-о-о?—переспросилъ изумленный Меридіановъ.

— Шпіонъ!—повторила Ванскокъ и покатила книзу.

— Дура,—отвѣтилъ ей Меридіановъ и поползъ тяжело наверхъ.

На слѣдующей террасѣ вверху Меридіанова догналъ полицейскій офицеръ и спросилъ его, гдѣ здѣсь живетъ Висленевъ?

— Сосѣдъ по имѣнію?—спросилъ Меридіановъ, пока не распозналъ спьяну мундира вопрошавшаго, но вслѣдъ затѣмъ, осѣнясь сознаніемъ, посторонился и, давъ офицеру дорогу, молча указалъ ему на дверь рукой.

Полицейскій офицеръ позвонилъ и они одновременно вошли къ квартиру: офицеръ впередъ, а Меридіановъ тихонько вползъ за нимъ слѣдомъ и юркнулъ въ свою каморку.

Черезъ пять минутъ полицейскій вывелъ изъ этой квартиры Висленева и увезъ его съ собою въ участокъ, а Меридіановъ, совсѣмъ какъ былъ одѣтый, спалъ мертвымъ сномъ,

ворча изрѣдка: «нѣтъ, я пива больше не могу,—убей меня Богъ, не могу!»

Пока ни въ чемъ, кромѣ пьянства, неповинный Меридіановъ спалъ, а Ванскокъ летала по городу, обнося, въ видѣ усладительнаго шербета, новую вѣсть, Висленевъ имѣлъ время прочувствовать нѣсколько весьма разнообразныхъ и тягостныхъ ощущеній, сидя въ четырехъ голыхъ стѣнахъ маленькой, одинокой камеры въ домѣ одной изъ полицейскихъ частей.

Если во всемъ можно находить свою добрую сторону, то добрая сторона такой недоброй вещи, какъ лишеніе свободы, конечно, заключается только въ томъ, что она даетъ человѣку одно лишнее средство одуматься поневолѣ. Одно изъ лицъ извѣстнаго романа Диккенса, содержась въ старой тюрьмѣ, Маршельси, говоритъ, что *въ тюрьмѣ — штиль.* Въ другомъ мѣстѣ люди не знаютъ спокойствія, травятъ другъ друга и жадно стремятся то къ тому, то къ другому: здѣсь нѣтъ ничего подобнаго, здѣсь мы стоимъ внѣ всего этого, *мы узнали худшее въ жизни* и нашли — миръ. *Это свобода*, но, увы! къ сожалѣнію, и это обрѣтеніе мира и свободы выпадаетъ на долю не всѣхъ подвергающихся печальной участи лишенія свободы, или, по крайней мѣрѣ, не въ одной и той же степени и не въ одно и то же время для каждаго. Есть люди, которыхъ тюремное уединеніе обращаетъ въ какую-то дрязгу, и къ числу таковыхъ принадлежалъ мягкосердый Висленевъ.

Іосафъ Платоновичъ не былъ въ порѣ добраго раздумья: тюрьма для него не была «штилемъ», какъ для философа въ Маршельси: она его только пытала томленіемъ страха и мелкимъ чувствомъ трусливой боязни. И сюда-то, на второй день его заключенія, проникли его палачи изъ квартиры съ тремя парадными дверями.

Поличье, отобранное у Висленева, было самаго ничтожнаго свойства и арестъ его былъ очень не строгъ, такъ что Алинѣ Дмитріевнѣ Фигуриной не стоило никакихъ осо-

бенныхъ затрудненій устроить свиданіе съ арестантомъ, а потомъ было еще легче ввести его въ суть дѣла и потребовать отъ него услуги за услугу, брака за сбереженіе его сочиненія, которое находится тутъ же, въ части, въ карманѣ Алины, и сейчасъ можетъ быть предъявлено, послѣ чего Висленеву уже не будетъ никакого спасенія.

Висленевъ задрожалъ и, сжимая руки Алины, прошепталъ:

— Бога ради, Бога ради! я сдѣлаю все: я васъ выручу, я женюсь, женюсь... Мнѣ это все равно: вѣдь я не дорожу семейнымъ счастьемъ, но, ради Бога, чтобъ эта бумага осталась между нами!

— Она всегда останется между нами, — обѣщала Фигурина, и сдержала свое обѣщаніе.

Несчастный Висленевъ и въ помышленіи не имѣлъ, что у Фигуриной отнюдь въ ту пору еще и не было его священнаго залога: онъ не подозрѣвалъ Горданова ни въ чемъ, и можно ли было подозрѣвать его? Гордановъ былъ весь густо затушованъ въ этомъ предательствѣ, за которое всю отвѣтственность несъ Меридіановъ. Но зато со многихъ добрыхъ сторонъ Гордановъ заявилъ себя въ это время какъ нельзя лучше: онъ посѣщалъ Висленева въ тюрьмѣ; онъ утѣшалъ его, успокоивалъ; онъ отговаривалъ его отъ пагубной мысли жениться на Фигуриной. Потомъ Гордановъ явилъ бездну мягкости и не только не злословилъ Меридіанова и Фигурину, но даже напоминалъ Висленеву, что это свѣжія раны, которыхъ тревожить не должно. Къ концу своего семидневнаго заключенія Висленевъ успѣлъ совсѣмъ расположиться на Горданова. Павелъ Николаевичъ былъ шаферомъ Висленева при его бракосочетаніи съ Фигуриной.

Тяжкій и ужасный для нашего новобрачнаго обрядъ этотъ былъ совершенъ надъ нимъ и Еленой Фигуриной въ первый день освобожденія жениха. Оглашеніе и всякія брачныя формальности были выполнены: заботливыхъ людей нашлось вволю. Самъ священникъ, которому надлежало совершить бракъ, былъ обманутъ: ему было сказано,

что предстоящій бракъ, конечно, юридически вполнѣ законный, имѣетъ, однако, свою романическую сторону, которая требуетъ нѣкотораго снисхожденія, и священникъ, осторожно обсуждая каждый свой шагъ, сдѣлалъ только самыя возможныя снисхожденія, но при всемъ томъ, перевѣнчавъ Висленева съ Фигуриной, послѣ долго не зналъ покоя: такъ невообразимо страненъ и необъяснимъ вышелъ бракъ ихъ.

Это была картина Пукирева *Неровный бракъ*, только навыворотъ. Полная невѣста Елена Дмитріевна Фигурина, въ бѣломъ платьѣ, стояла прямо и смѣло держала свою свѣчу предъ налоемъ, а женихъ Іосафъ Платоновичъ опустился книзу, колѣна его гнулись, голова падала на грудь и по щекамъ изъ наплаканныхъ и красныхъ глазъ его струились слезы, которыя онъ ловилъ устами и глоталъ въ то время, какъ опустившаяся книзу брачная свѣча его текла и капала на колѣно его черныхъ панталонъ. И Кишенскій, державшій вѣнецъ надъ Фигуриной, и Гордановъ, стоявшій сзади Висленева, оба зорко наблюдали и за женихомъ, и за смятеннымъ священникомъ, не постигавшимъ тайнъ этого страннаго бракосочетанія, и за народомъ, который собрался въ церковь и шептался по случаю такой невиданной свадьбы.

Положеніе было рискованное: женихъ каждую минуту могъ упасть въ обморокъ, и тогда Богъ вѣсть какой все могло принять оборотъ. Этого опасалась даже сама невѣста, скрывавшая, впрочемъ, мастерски свое безпокойство. Но какъ часто бываетъ, что въ большихъ горестяхъ человѣку даетъ силу новый ударъ, такъ случилось и здѣсь: когда священникъ, глядя въ глаза Висленеву, спросилъ его: «имаши ли благое произволеніе поять себѣ сію Елену въ жену?» Іосафъ Платоновичъ выпрямился отъ острой боли въ сердцѣ и далъ робкимъ шопотомъ утвердительный отвѣтъ.

— Не обѣщались ли вы прежде сего кому-нибудь?—продолжалъ священникъ.

— Обѣщался,—отвѣчалъ нѣсколько громче Висленевъ.

Священникъ пріостановился: у свидѣтелей похолодѣло возлѣ сердца.

— Кому?—спросилъ священникъ.

— Ей,—отвѣтилъ Висленевъ, и молча указалъ на стоящую съ нимъ рядомъ Фигурину,—я ей обѣщался прежде.

Кишенскій и Гордановъ ободрились, и обрядъ вѣнчанія окончился, оставивъ по себѣ вѣчныя воспоминанія у причта, совершавшаго обрядъ, и у всѣхъ присутствовавшихъ, видѣвшихъ рыдающаго жениха, привѣнчиваемаго къ непоколебимо твердой невѣстѣ.

Долго, воспоминая свадьбу Висленева, священникъ, покусывая концы своей бороды, качалъ въ недоумѣніи головой и, вздыхая, говорилъ: «все хорошо, если это такъ пройдетъ», но веселый дьяконъ и смѣшливый дьячокъ, какъ люди болѣе легкомысленные, забавлялись насчетъ несчастнаго Висленева: дьяконъ говорилъ, что онъ при этомъ бракѣ только вполнѣ уразумѣлъ, что «тайна сія велика есть», а дьячокъ разсказывалъ, что его чуть Богъ сохранилъ, что онъ не расхохотался, возглашая въ концѣ Апостола: «а жена да боится своего мужа».

Но какъ бы кому ни казалась эта исторія, важнѣйшій смыслъ ея для Висленева былъ тотъ, что его женили, и женили настоящимъ, крѣпкимъ манеромъ, послѣ чего онъ имѣлъ полную возможность доказать справедливость словъ, что «жена не рукавица и ее съ бѣлой ручки не стряхнешь, да за поясъ не заткнешь».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Висленевскія дроби приводятся къ одному знаменателю.

Со времени описанной нами женитьбы Висленева до того дня, когда мы встрѣтили его — далеко отъ Петербурга — въ саду сестры его Ларисы, прошло два года, — два года, не только тяжкихъ, но даже ужасныхъ для Іосафа Платоновича. Въ эти два года онъ

безпрестанно подвергался такимъ пертурбаціямъ, что, не имѣй онъ своей природной доброты, легкости и покладливости, и не будь при немъ Горданова, мастерски дававшаго ему пріемы хашиша предъ каждою новою операціей, совершаемою надъ нимъ его женой и ея другомъ Кишенскимъ, ему бы давно надо было десять разъ умереть смертью самоубійцы; но Висленеву, какъ замѣтила Катерина Астафьевна Форова, Богъ за доброту только лица прибавилъ, то-есть Іосафъ Платоновичъ, несостарѣвшись, оплѣшивѣлъ. Его жена не бросила его на произволъ вѣтровъ, какъ поступила танцовщица, воприсоединившая къ своему имени фамилію Бабиневича, и даже не отпустила его по оброку, какъ пустила своего князя-правовѣда Казимира Швернотская: нѣтъ, Висленевъ былъ оставленъ на барщинѣ. Безсмертное произведеніе его пера, за которое Алина притянула Іосафа Платоновича къ брачному аналою, никогда не было ему выдано. Врученное Алинѣ Гордановымъ за два часа до бракосочетанія ея съ Висленевымъ, оно навсегда осталось покоиться въ несгараемомъ желѣзномъ шкафѣ, вмѣстѣ съ банковыми билетами и другими драгоцѣнностями, ключъ отъ котораго никогда не разлучался съ Алиной Дмитріевной. Іосафъ Платоновичъ только былъ обѣщаемъ надеждой, что ему эту роковую бумагу возвратятъ, конечно, современемъ, когда онъ ее заслужитъ. Это была его дѣтская бонбошка, за которую онъ, бѣдный, много старался: онъ въ рукахъ Алины даже превзошелъ всѣ Гордановскія ожиданія. Будучи перевѣнчанъ съ Алиной, но не бывъ никогда ея мужемъ, онъ дѣйствительно усерднѣе всякаго родного отца хлопоталъ объ усыновленіи себѣ ея двухъ старшихъ дѣтей, и наконецъ выхлопоталъ это при посредствѣ связей брата Алины и Кишенскаго; онъ присутствовалъ съ веселымъ и открытымъ лицомъ на крестинахъ двухъ другихъ дѣтей, которыхъ щедрая природа послала Алинѣ послѣ ея бракосочетанія, и видѣлъ, какъ эти милыя крошки были вписаны на его имя въ приходскія метрическія книги; онъ свидѣтельствовалъ подъ присягой о сумасшествіи старика Фи-

гурина и отвезъ его въ сумасшедшій домъ, гдѣ потомъ черезъ мѣсяцъ одинъ распоряжался бѣдными похоронами этого старца; онъ потомъ завелъ по довѣренности и приказанію жены тяжбу съ ея братомъ и не мало содѣйствовалъ увеличенію ея доли наслѣдства при законномъ раздѣлѣ неуворованной части богатства стараго Фигурина; онъ исполнялъ все, подчинялся всему, и все это каждый разъ въ надеждѣ получить въ свои руки свое произведеніе, и все въ надеждѣ суетной и тщетной, потому что обѣщанія возврата никогда не исполнялись, и жена Висленева, всякій разъ по исполненіи Іосафомъ Платоновичемъ одной службы, какъ сказочная царевна Ивану-дурачку, заказывала ему новую, и такъ онъ служилъ ей и ея дѣтямъ вѣрой и правдой, кряхтѣлъ, лысѣлъ, жался и все страстнѣе ждалъ великой и вожделѣнной минуты воздаянія; но она, увы! не приходила. Работа его за всѣми этими заботами, очевидно, много страдала: онъ не могъ уже вырабатывать и половины того, что добывалъ, будучи холостымъ, а между тѣмъ расходы его удесятерились. Алина и до бракосочетанія своего съ Висленевымъ только офиціально числилась въ домѣ своего отца, а жила почти безвыходно въ седьмомъ нумерѣ квартиры съ тремя отдѣленіями Кишенскаго. Три квартиры, №№ 7, 8 и 9, представлявшія своимъ размѣщеніемъ большія удобства для видовъ и цѣлей хозяевъ, были законтрактованы Кишенскимъ на продолжительный срокъ и соединены посредствомъ ходовъ въ одно, съ виду раздѣленное, но de facto одно цѣлое помѣщеніе. Со свадьбой Алины здѣсь не перемѣнилось ничего: Алина только теперь офиціально переписалась по домовымъ книгамъ въ квартиру № 7, да сюда же былъ перевезенъ и переписанъ послѣ свадьбы Іосафъ Висленевъ, гдѣ онъ и имѣлъ пріятное удовольствіе узнать всѣ хитрости размѣщенія нумеровъ 7, 8 и 9. Въ № 7, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ, былъ помѣщенъ въ небольшомъ кабинетикѣ Іосафъ Платоновичъ. Рядомъ съ этимъ же кабинетикомъ, служившимъ въ одно и то же время и спальней Іосафу Платоновичу, была дѣтская, далѣе сто-

ловая и за ней будуаръ Алины, изъ котораго была продѣлана дверь, о существованіи которой Висленевъ не подозрѣвалъ до тѣхъ поръ, пока не сталъ доискиваться: куда исчезаетъ изъ дома его жена, не выходя дверьми, а улетая инудѣ. Дверь вела чрезъ кассу ссудъ, помѣщавшуюся въ № 8, въ квартиру, гдѣ обиталъ Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій, управлявшій отсюда всѣми тремя отдѣленіями. Наконецъ Іосафъ Платоновичъ узналъ хорошо и эту дверь: зналъ онъ и все остальное, и все это сносилъ тѣмъ легче, что самъ онъ постоянно увѣрялъ себя, что его женитьба— не настоящая женитьба, что это только такъ себѣ, уступка чему-то. Правда, онъ видѣлъ, что вокругъ него все нечисто: все дышитъ порокомъ, тлѣнью, ложью и предательствомъ, но онъ не считалъ себя жильцомъ этого міра. Жизнь его была теперь настоящая «нощь житія», отъ которой онъ пробуждался только во снѣ, когда ему мерещился и далекій старый Висленевскій садъ, въ далекомъ губернскомъ городкѣ, и свѣтлый флигель, и сестра, красавица Лара, и русая головка свѣжей миловидной Alexandrine. Такъ это и тянулось, но вотъ и еще грянулъ на голову Висленева новый ударъ: по прошествіи перваго полугодія его женатой жизни, Алина напомнила ему, что онъ, кажется, совсѣмъ позабылъ о нуждахъ семьи, и что счетъ издержкамъ, производимымъ ею изъ ея собственнаго кармана на домашнія нужды и содержаніе дѣтей, составляетъ уже слишкомъ значительную сумму. Висленевъ этого не ожидалъ. Справедливость требуетъ сказать, что онъ неохотно жилъ въ № 7 и подчинялся въ этомъ случаѣ единственно требованію Алины, жилъ какъ женился,—угрожаемый страхомъ представленія извѣстной бумаги; но никакого иного коварства онъ не подозрѣвалъ. Онъ не одинъ разъ намекалъ своей женѣ, что онъ не даромъ ѣстъ за ея столомъ и согрѣваетъ немощную плоть свою подъ ея кровомъ, онъ за все это хотѣлъ разсчитаться: за все это думалъ заплатить по ходячей петербургской таксѣ, чѣмъ и утѣшался, трактуя свою жену не иначе, какъ своею квартирною хозяйкой, до которой ему

не было и нѣтъ никакого дѣла. Но та же справедливость, которая обязывала насъ предъявить читателю эти соображенія Висленева, обязываетъ не скрывать и того, что Іосафъ Платоновичъ имѣлъ этотъ разсчетъ только *въ теоріи* и о практической его сторонѣ мало думалъ. Полгода прошло, а не заплачено было ни копѣйки и ни копѣйки не было въ сбереженіи: расходъ былъ вѣренъ съ приходомъ, и въ запасѣ круглый нуль. Въ такихъ положеніяхъ всѣ благородные и безразсчетливые люди бываютъ очень уступчивы и щедры на обязательства, и Іосафъ Платоновичъ, не возразивъ ни одного слова противъ безчестнаго требованія съ него денегъ на содержаніе многочисленнаго чужого семейства, гордо отвѣчалъ, что онъ теперь, къ сожалѣнію, не можетъ произвесть всего этого, по правдѣ сказать, неожиданнаго платежа, но что онъ готовъ признать долгъ и подписать обязательство.

Алина язвительно просила его разсѣять ея недоумѣнія: въ какихъ соображеніяхъ онъ назвалъ неожиданностью расходъ на семейство? Висленевъ, въ свою очередь, не менѣе язвительно попросилъ уволить его отъ всякихъ объясненій, и, не провѣряя представленнаго счета, взялъ и подписалъ его, взглянувъ только на послѣдній итогъ въ три тысячи рублей, итогъ, какъ объяснила ему жена, отнюдь небольшой, потому что въ Петербургѣ, живучи прилично, съ семействомъ въ пять душъ, съ тремя прислугами и кормилицей, менѣе шести тысячъ рублей въ годъ издержать невозможно.

Висленевъ на это не отвѣчалъ ни однимъ словомъ: онъ понималъ всю низость совершенной съ нимъ продѣлки и презиралъ ее.

— Три эти тысячи, которыя я обязался ей заплатить, я ей выплачу,—говорилъ отъ Горданову,—но согласись самъ, что вѣдь это съ ихъ стороны ужасная низость заставлять меня содержать ихъ семью.

— Свиньи!—коротко отвѣчалъ ему Гордановъ, которому Іосафъ Платоновичъ единому только слагалъ свои жалобы на

семейныя обиды, потому что Ванскокъ совершенно охладѣла къ нему послѣ его женитьбы.

Горданову Іосафъ Висленевъ сообщалъ и свои надежды, что эти три тысячи зато будутъ для него послѣднимъ урокомъ, что онъ ихъ выплатитъ, какъ наказаніе за свою неумѣстную довѣрчивость, и откланяется; но пока онъ искалъ средства расплатиться и раскланяться, прошло еще полгода, и ему былъ предъявленъ второй счетъ на такую же сумму, отъ признанія которой не было возможности уклоняться послѣ того, какъ эта статья разъ уже была признана, и Висленевъ явился должникомъ своей жены уже не на три, а на шесть тысячъ рублей.

— Вотъ къ чему ведутъ эти Меридіановскія штуки, говорилъ онъ Горданову, изъ столь общаго почти всѣмъ людямъ желанія отыскать какого бы то ни было сторонняго виновника своихъ бѣдъ и напастей.

— А, я тебѣ говорилъ! я тебѣ говорилъ! тысячу разъ говорилъ: эй, Іосафъ, мнѣ этотъ Меридіановъ подозрителенъ! Но тебя развѣ можно было увѣрить! успокоивалъ его Гордановъ.

— Помилуй скажи: вѣдь какъ было не вѣрить? Казалось, такой простой, дремучій семинаристъ...

— Да, да, да, это казалось; а ты вѣрно позабылъ, что *казалось*—это прескверное слово: казалось, это козлилось, оба звѣри рѣзвые и оба звѣри рогатые.

— Ну, да чортъ ихъ возьми: я выплачу, и дѣло съ концомъ.

— Да разумѣется: какъ выплачешь, такъ и ну ихъ тогда ко всѣмъ дьяволамъ.

— Я говорю выплочу, а не выплачу, поправлялъ Висленевъ.

Гордановъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ и удивленнымъ взглядомъ, и потомъ, быстро сплюнувъ на сторону, воскликнулъ:

— Фу ты, какая глупость! Извини, пожалуйста, что я тебя не такъ понялъ.

Висленевъ извинялъ, хотя въ умѣ своемъ онъ уже кое-что смекалъ и насчетъ Горданова, и говорилъ съ нимъ о своихъ семейнымъ дѣлахъ болѣе по привычкѣ и по неотразимой потребности съ кѣмъ-нибудь говорить, при неимѣніи подъ рукой другого лица, удобнаго для излитія въ душу его своихъ скорбей, а между тѣмъ истекъ третій семестръ, и явился новый трехтысячный счетъ... Висленевъ, подписавъ этотъ счетъ, остолбенѣлъ: долгу было девять тысячъ рублей, въ полтора года! Сколько же его могло накопиться впередъ? Въ десять лѣтъ—шестьдесятъ тысячъ, въ двадцать—сто двадцать... До чего же, наконецъ, дойдетъ? Это значитъ чѣмъ больше жить, тѣмъ хуже.

Бѣдный Висленевъ не предвидѣлъ еще одного горя: онъ ужасался только того, что на немъ растутъ записи и что такимъ образомъ на немъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ причтется триста тысячъ, безъ процентовъ и рекамбій; но другими дѣло было ведено совсѣмъ на иныхъ разсчетахъ, и Іосафу Платоновичу въ половинѣ четвертаго полугодія всѣ его три счета были предъявлены къ уплатѣ, сначала домашнимъ, келейнымъ образомъ, а потомъ и чрезъ посредство подлежащей власти.

У Висленева въ груди заколыхались слезы и онъ бросился къ Горданову.

— Помилуй, Павелъ Николаичъ! заговорилъ онъ, щипля дрожащими руками свою короткую губу,—на что же это похоже? Ты все знаешь? тебѣ извѣстны и наши дѣла, и мое положеніе: чего же они, разбойники, пристаютъ ко мнѣ съ ножомъ къ горлу? Я заплачу, но дайте же мнѣ срокъ!

— О срокахъ ты, голубушка, Іосафъ Платонычъ, не говори: сроковъ тебѣ было дано много, отвѣчалъ спокойно Гордановъ.

— Да; много сроковъ, но много и дѣлъ на меня было взвалено: я совсѣмъ не имѣлъ времени работать за хлопотами то объ усыновленіяхъ, то о наслѣдствѣ, а теперь еще, вдобавокъ, требуютъ не девять тысячъ, а гораздо болѣе, потому что насчитали всякіе проценты да рекамбіи...

— Все дѣла законныя.

— Законныя! Ты меня злишь этимъ своимъ равнодушіемъ и законностью. Ты будь человѣкомъ и имѣй сердце съ четырьмя желудочками: вѣдь вонъ смотри, мнѣ суютъ на подпись еще особый счетъ въ шестьсотъ рублей, на двое крестинъ, по триста рублей на каждыя!

— Что же, это, воля твоя, немного.

— Немного! Да за что мнѣ и эту немногость платить? За что, я тебя спрашиваю? за что! Вѣдь надо знать нашу жизнь!

— Ну какъ же ты хочешь, чтобы я зналъ то, чего я не знаю и знать не могу.

— Такъ я тебѣ разскажу, чтобы ты зналъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Бога ради и не думай разсказывать! Я знаю одно, что между мужемъ и женой никакихъ посредниковъ быть не должно, и ни въ чьи семейныя тайны не мѣшаюсь.

— Тайны! тайны! вскипѣлъ вдругъ Висленевъ.—Нѣтъ же, дружище, если вы хотите называть тайнами всякія разбойничьи мерзости, такъ я сдѣлаю всѣ эти тайны явными: я все это выведу наружу и подамъ просьбу въ судъ!

— Ну вотъ, еще этого недоставало!

— А что же такое? непремѣнно подамъ!

— Полно, пожалуйста, срамиться!

— Чего срамиться? Все это вздоръ, никакого срама нѣтъ: теперь всѣ судятся.

— Ну да, обрадовались уже, что судъ у нихъ есть, такъ и валятъ, и комаръ, и муха. Брось эту мысль, брось! На кого и на что ты будешь жаловаться? Живешь ты съ женой въ одномъ домѣ, ты законный, въ церкви вѣнчанный мужъ, и стало-быть и законный отецъ, и всѣ требованія отъ тебя на содержаніе семейства и на похороны вполнѣ правильны, и судъ разсудитъ тебя точно такъ же, какъ я тебя разсудилъ. А что платить женѣ признанныя тобою обязательства ты обязанъ, такъ это тоже безспорно. Будь это во Франціи или въ Англіи, это было бы иное дѣло:

тамъ замужняя женщина вся твоя; она принадлежитъ мужу съ тѣломъ, съ душой и, что всего важнѣе, съ состояніемъ. а наши законы, ты знаешь, тянутъ въ этомъ случаѣ на бабью сторону: у насъ что твое, то ея, потому что ты, какъ мужъ, обязанъ содержать семью, а что ея, то не твое; не хочетъ дѣлиться, такъ и не подѣлится, и ничего съ нея не возьмешь.

Висленевъ погрозилъ, что онъ станетъ искать развода, но Гордановъ надъ этимъ только расхохотался.

— Полно тебѣ, пожалуйста, людей смѣшить,—сказалъ онъ пріятелю,—какіе такіе у насъ разводы, и съ чѣмъ ты станешь добиваться развода, и на какихъ основаніяхъ? Только одинъ скандалъ и больше ничего.

— Я на себя приму вину.

— А она великодушно проститъ тебѣ твое прегрѣшеніе, вотъ только и взялъ.

— Это чортъ знаетъ что!

— Именно чортъ знаетъ что, но дѣлать нечего: повѣсился и мотайся, у насъ женатый человѣкъ закрѣпощенъ женщинѣ, закрѣпощенъ.

— Пусть же будетъ хоть скандалъ! Пусть хоть все вскрою, все изоблачу, что дѣлаютъ новыя женщины.

— Во-первыхъ, не изобличишь, потому что ничего не докажешь; во-вторыхъ, ничего не разоблачишь, потому что эти дѣла производятся не гласно, а въ-третьихъ, сдѣлаешь подлость, потому что тронешь свѣжую рану, и тебя такъ взлупятъ въ каждомъ шелудивомъ листкѣ, что ты станешь притчей во языцѣхъ.

Висленевъ онѣмѣлъ.

Гордановъ это замѣтилъ и налегъ на эту тему.

— Что?—заговорилъ онъ. — Вспомни-ка, какъ ты самъ стегалъ людей и жарилъ за противодѣйствіе женамъ? Вспомни-ка, милый другъ, вспомни все это, да примѣрь на себя. Хорошо тебѣ будетъ, какъ твои прецеденты-то въ судѣ такъ и замрутъ при закрытыхъ дверяхъ, а въ газетахъ пойдутъ тебя жарить? Оправдываться что ли станешь?

— А что же такое? И стану. Ты думаешь не стану? Нѣтъ, братъ, меня перепилили: я уже на все пойду.

— И выйдешь тогда уже,—извини, пожалуйста,—круглый дуракъ.

— Отчего-съ?

— Да оттого же.

— Да отчего же, скажи отчего именно?

— Оттого, что кто же это, какая газета, по твоему мнѣнію, усердно предложитъ тебѣ свои столбцы для твоихъ скандальныхъ жалобъ на жену?

— Не безпокойся, пожалуйста, найду такую.

— Ничего ты не найдешь. Брось, говорю тебѣ, выброс совсѣмъ вонъ изъ головы эту негодную мысль судиться. Не надо было жениться на-оболмашь, а женился—терпи.

— Да вѣдь надо знать, какъ я женился и почему.

Висленевъ никогда никому не говорилъ настоящей причины, почему онъ женился на Алинѣ Фигуриной, и былъ твердо увѣренъ, что секретную исторію о его рукописномъ аманатѣ знаетъ только онъ да его жена, которой онъ никому не хотѣлъ выдать съ ея гнусною исторіей, и несъ все на себѣ, увѣряя всѣхъ и каждаго, что онъ женился изъ принципа, чтобъ освободить Алину отъ родительской власти, но теперь, въ эту минуту озлобленія, Горданову показалось, что Іосафъ Платоновичъ готовъ сдѣлать его повѣреннымъ своей тайны, и потому Павелъ Николаевичъ, желавшій держать себя отъ всего этого въ сторонѣ, быстро зажалъ себѣ обѣими руками уши и сказалъ:

— Бога ради! Бога ради: я ничего не стану слушать и мнѣ вовсе не надо знать, какъ и почему ты женился? Это опять ваше семейное дѣло, и честно ли, подло ли что тутъ дѣлалось—въ томъ ни я, ни кто другой не судья.

— Но дѣло въ томъ, что это все дѣлалось подло.

— Тѣмъ хуже для тебя,—отвѣчалъ, открывая уши, Гордановъ,—но зато тѣмъ важнѣе твоя заслуга.

— Предъ кѣмъ это?

— А предъ принципомъ: сноси, терпи свѣжую рану и

не открывай ея. Что дѣлать, любезный! Некрасовъ прекрасно гдѣ-то сказалъ: «Вѣкъ жертвъ очистительныхъ проситъ».

Висленевъ, выбросивъ за окно только что закуренную сигару и вскочивъ въ негодованіи со стула, воскликнулъ:

— Что ты мнѣ рацеи-то разводишь объ очистительныхъ жертвахъ? Стань-ка самъ, любезный другъ, жертвой-то! Нѣтъ, ты, видно, богословъ, да не однословъ: ты когда-то совсѣмъ не то говорилъ, когда я стоялъ за самопожертвованіе, а ты принесъ свой поганый, все перепортившій дарвинизмъ съ его борьбой за существованіе! Я борюсь за мое существованіе; да; чортъ возьми! да... за существоніе! Они или я, кто-нибудь одинъ. Они меня стерли; даже имя мое стерли: меня зовутъ не иначе какъ «Алинкинъ мужъ», мнѣ даже повѣстку прислали: «Мужу Алины Дмитріевны Висленевой»... Нѣтъ! Я не хочу слушать никакихъ вашихъ новыхъ хитростей, да... Не хочу быть «Алинкинымъ мужемъ»!

Висленевъ быстро бросился въ уголъ и закрылъ глаза носовымъ платкомъ, изъ-подъ котораго послышались тихія нервныя всхлипыванья.

Гордановъ молча чистилъ ногти и, наконецъ, тихо проговорилъ:

— Ты больше ничего какъ сумасшедшій, съ которымъ нельзя ни о чемъ разсуждать.

Висленевъ тотчасъ же отпрянулъ изъ угла на средину комнаты и, не скрывая болѣе своихъ слезъ, закричалъ горячимъ нервнымъ голосомъ:

— Что, сумасшедшій? Что такое я сказалъ, что со мною нельзя разсуждать? А! нельзя разсуждать! Знаю я, Павелъ Николаичъ, все я знаю, все знаю, почему со мною нельзя разсуждать.

Онъ сжалъ кулаки и, поднявъ ихъ надъ своею головой, сдѣлалъ къ Горданову шагъ и заговорилъ голосомъ твердымъ и сильнымъ.

— Со мною нельзя разсуждать потому, что я говорю

правду, что я вопію къ человѣческому правосудію и состраданію; потому что я убитъ, да, да, убитъ, уничтоженъ; что у меня ничего нѣтъ, и съ меня нечего взять, а съ Алиной Дмитріевной и съ Кишенскимъ можно дѣла дѣлать... Гм! — взглянулъ онъ, заскрипѣвъ зубами и ринувшись впередъ на Горданова,—такъ вотъ же дѣлайте, подлецы, дѣлайте со мною, что вы хотите! Дѣлайте, а я васъ не боюсь.

И съ этимъ Іосафъ Платоновичъ, дойдя до высшей степени раздраженія, пошатнулся, упалъ въ кресло и, легши руками на столъ, заколотилъ ожесточенно лбомъ о доску.

Гордановъ, вскочившій въ то мгновеніе, когда Висленевъ сдѣлалъ къ нему послѣдній шагъ, и стоявшій съ насупленными бровями и со стуломъ въ рукѣ во все время произнесенія Висленевымъ послѣднихъ ожесточенныхъ словъ, при видѣ послѣдующаго припадка, бросилъ стулъ и, наливъ изъ графина стаканъ воды, выплеснулъ его издали на голову несчастнаго мученика.

Висленевъ встрепенулся, обвелъ вокругъ комнату жалкимъ, помутившимся взглядомъ и, вздрогнувъ еще разъ, оперся одною рукой на столъ, а другою досталъ изъ кармана зубочистку и сталъ тщательно чистить ею въ зубахъ.

Выплеснутая на него вода сбѣгала теперь мелкими серебристыми каплями съ его волосъ, съ пальцевъ его дрожащихъ рукъ, съ его платья, съ его сомлѣвшихъ колѣнъ: словно все существо его плакало, и слезы его лились на полъ той самой комнаты, гдѣ за два года предъ этимъ онъ былъ проданъ какъ парія, какъ послѣдній крѣпостной раскрѣпощенной Россіи.

Видъ его былъ страшно печаленъ и жалокъ; жалокъ до такой степени, что онъ опять шевельнулъ если не сердце Горданова, который сердцемъ никогда никого не пожалѣлъ, то его нервы, такъ какъ отъ этого рода сожалѣнія не сво-

бодны и злые люди: видъ безпомощнаго страданія и имъ тяжелъ и непріятенъ.

Гордановъ подошелъ къ своему камину, взялъ съ него два чугунные шара, которыми производилъ домашнюю гимнастику и, подойдя съ ними къ окну, помахалъ ими взадъ и впередъ и потомъ, кашлянувъ два раза, сказалъ:

— Свидѣтельствуюсь всѣмъ, что мнѣ тебя отъ души жалко, и если бъ я могъ тебѣ помочь,—я бы охотно помогъ тебѣ.

— Благодарю,—отвѣчалъ спокойно Висленевъ.

Гордановъ бросилъ одну пару шаровъ за диванъ и съ другою подошелъ къ графину, налилъ новый стаканъ воды и подалъ его Висленеву.

Тотъ взялъ стаканъ и быстро его выпилъ, жадно глотая воду, такъ что глотокъ нагонялъ глотокъ и звонко щелкалъ въ его взволнованной горячей груди.

— Погоди,—началъ Гордановъ, видя, что больной гость его успокаивается, — погоди, у меня есть планъ, я не скрою отъ тебя, что у меня есть вѣрный планъ, по которому я достигну, чего я хочу: я буду богатъ... я буду очень богатъ.

— Я вѣрю,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Мой планъ нерушимъ и неотразимъ: онъ никому не могъ придти въ голову, кромѣ меня, хотя онъ простъ, какъ Колумбово яйцо.

— Что же мнѣ изъ этого?

— Что тебѣ?—странный вопросъ. Я тебѣ скажу болѣе: я работалъ. я эти два года страшно работалъ, и у меня есть деньги...

— Я это знаю,—уронилъ Висленевъ, и самъ всталъ съ своего мѣста, налилъ себѣ самъ стаканъ воды, такъ же жадно выпилъ ее глотками, погонявшими глотокъ и, вздохнувъ, быстро сбросилъ съ себя пиджакъ, разстегнулъ жилетъ и легъ на диванъ.

— Прошу тебя, положи на мѣсто твои шары, — я съ

тобою драться не стану,—проговорилъ онъ, отворачиваясь отъ свѣта.

— Да я это совсѣмъ и не для того...

— Ну такъ положи ихъ, пожалуйста, на мѣсто: нечего уже бить битаго.

— Такъ что же ты, не хочешь что ли и слушать?

— Нѣтъ; говори, мнѣ все равно: я слушаю.

— Я, конечно, могъ бы тебѣ дать десять тысячъ или двѣнадцать... Сколько тамъ они на тебя насчитали?

— Двѣнадцать.

— Но это для меня равнялось бы самоуничтоженію.

— Повѣрь, что я бы никогда и не принялъ ни отъ кого такой жертвы, а тѣмъ болѣе отъ тебя.

— Почему же это тѣмъ болѣе отъ меня?

— Потому что ты самъ небогатый человѣкъ, и деньги для тебя значатъ много: ты хочешь быть богатымъ.

— Да, и прибавь, я у самой цѣли моихъ желаній и спѣшу къ ней жадно, нетерпѣливо, и она близко, моя цѣль, я почти касаюсь ее моими руками, но для этого мнѣ нуженъ каждый мой грошъ: я трясусь надъ каждою копѣйкой, и если ты видишь, что я кое-какъ живу, что у меня въ домѣ есть бронза и бархатъ, и пара лошадей, то, любезный другъ, это все нужно для того, чтобы поймать, исторгнуть изъ рукъ тысячи тысячъ людей милліоны, которые они накопили и сберегли для моей не-дурацкой головы! Ты думаешь, мнѣ пріятно возиться съ твоимъ Кишенскимъ и съ твоею Алиною Дмитріевной?.. Да я самъ бы подложилъ подъ нихъ дровъ, если бъ ихъ жарили на медленномъ огнѣ! Ты думаешь, что меня тѣшитъ мой экипажъ или сверканье подковъ моихъ рысаковъ? — нѣтъ; каждый стукъ этихъ подковъ отдается въ моемъ сердцѣ: я самъ бы, чортъ ихъ возьми, съ большимъ удовольствіемъ возилъ ихъ на себѣ, этихъ рысаковъ, чтобы только не платить за ихъ кормъ и за ихъ ковку, но это нужно, понимаешь ты, Іосафъ: все это нужно для того же, для того, чтобы быть богачомъ, милліонеромъ...

— И ты увѣренъ, что этого достигнешь?—спросилъ Висленевъ, переворачиваясь къ нему лицомъ.

— Я не могу этого не достигнуть, Висленевъ! Я тебѣ говорю, что планъ мой—это нѣчто совсѣмъ геніальное, — онъ простъ, какъ я не знаю что, и между тѣмъ онъ никому до сихъ поръ еще не пришелъ въ голову и, вѣроятно, никому не придетъ; но во всякомъ случаѣ: на грѣхъ мастера нѣтъ, и потому надо спѣшить.

— Спѣши же, пожалуйста, спѣши.

— Я и спѣшу; я тебѣ говорю, что я готовъ бы возить на самомъ себѣ по городу моихъ собственныхъ лошадей, если бы мнѣ за это что-нибудь дали, чтобы я могъ скорѣе довести мой капиталъ до той относительно ничтожной цифры, съ которою я дамъ вѣрный, неотразимый ударъ моему почтенному отечеству, а потомъ... потомъ и всему міру, ходящему подъ солнцемъ.

— Твой замыселъ гигантскій?

— Да, гигантскій, небывалый: простой и невѣроятный. Его труднѣе не исполнить, чѣмъ исполнить, но мнѣ нужна ничтожная сумма, какія-нибудь гадостныя двадцать пять, тридцать тысячъ рублей.

— И неужто же ты не найдешь на такое вѣрное дѣло компаньона?

— Компаньона? Ты дитя, Іосафъ! Мое великое, громадное предпріятіе совсѣмъ не акціи, не концессіи, — оно столько же не желѣзныя дороги, сколько и воздухоплаваніе.

— И не избіеніе же это человѣческаго рода, не разбойное нападеніе на всѣхъ капиталистовъ?

— Фи, милый мой: оставимъ это дурачество глупымъ мальчишкамъ, играющимъ въ соціалисты! Нѣтъ; я тебѣ повторяю, что все это проще лыковаго лаптя, проще лукошка, но компаньонъ мнѣ невозможенъ потому, что всякій компаньонъ захочетъ знать, въ чемъ заключается мой замыселъ, а я, понятно, этого не хочу; я хочу самъ сжать ниву, и уже серпъ мой въ рукѣ или почти въ рукѣ. Такого ком-

паньона, который бы мнѣ вѣрилъ на-слово, я не нашелъ въ этой толпѣ биржевыхъ кулаковъ, среди которыхъ я бился и колотился эти два года, терпя отъ нихъ всяческія униженія съ моими ничтожными алтынами. И зато я все вытерпѣлъ, и я буду одинъ.

— Будь у меня деньги, я бы тебѣ, кажется, повѣрилъ.

— Спасибо и зато, давай руку и успокойся. Успокойся, Іосафъ: вотъ тебѣ моя рука, что ты не пропадешь! У меня скоро, скоро будетъ столько... столько золота, что я, зажмурясь, захвачу тебѣ пригоршни, сколько обхватятъ мои руки, и брошу тебѣ на разживу съ моей легкой руки.

— Я буду объ этомъ молчать и ждать.

— Жди, — но молчи или не молчи—это мнѣ все равно: дѣло мое превыше всякаго страха, я внѣ всякой конкурренціи, и мнѣ помѣшать не можетъ никто и ничто. Впрочемъ, теперь и недолго уже пождать, пока имя Горданова прогремитъ въ мірѣ...

— А ты здоровъ?

— Не бойся, я въ своемъ умѣ, и вотъ тебѣ тому доказательство: я вижу вдали и вблизи: отъ своего великаго дѣла я перехожу къ твоему безконечно маленькому, — потому что оно таково и есть, и ты его самъ скоро будешь считать таковымъ же. Но какъ тебя эти жадныя, скаредныя, грошовыя твари совсѣмъ пересилили...

— Ахъ, братъ, пересилили,—пересилили и перепилили!

— Ну, вотъ то-то и есть, и ты уже не въ мѣру разпервничался; я вижу, что я, противъ всѣхъ моихъ правилъ и обычаевъ, долженъ вступиться въ твое спасеніе.

— Прошу тебя, если только можешь.

— Конечно настолько, насколько я теперь могу.

— Я невозможнаго и не требую.

— Ну и прекрасно, но, разумѣется, уже зато — чуръ меня слушаться!

— Я никогда не пренебрегалъ твоимъ совѣтомъ,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, да, такъ вѣруй же и спасешься: во-первыхъ, вы теперь, я думаю, на ножахъ?

— Я не выхожу изъ своей комнаты и ни съ кѣмъ дома не говорю.

— Глупо.

— Они мнѣ противны.

— Глупо, мой милый, глупо! Bitter Wasser тоже противна, да, однако, ее, вѣдь, глотаютъ, а не дуются на нее. Нѣтъ, ты, я вижу, совсѣмъ античный нигилистъ; тебя хоть въ музей рѣдкостей. Непримиримый, а? Ты непримиримый?

— Хорошо тебѣ смѣяться.

— И ты бы долженъ смѣяться, и тебѣ бы должно-быть хорошо, да не умѣешь... Ну, дѣлать нечего: если совѣстливъ, такъ просись пока у жены на оброкъ!

— Куда къ чорту!.. Съ ними ничего не подѣлаешь.

— Ну, успокой ихъ: застрахуй свою жизнь. Что же, если она съ тебя положитъ въ годъ рублей тысячу оброку, можешь же ты еще платить рублей триста въ страховое общество, застраховавши себя въ двѣнадцать тысячъ?

— Покорно васъ благодарю, — отвѣчалъ, иронически улыбнувшись, Висленевъ.

— За что меня благодарить? Я тебѣ даю лучшій совѣтъ, какой только возможно. Плати оброкъ, дай имъ свой страховой полисъ въ обезпеченіе долга и будь снова свободнымъ человѣкомъ, и я возьму тебя къ своему предпріятію.

— Я ни за что себя не застрахую.

— Это почему?

— Почему?.. А ты не догадываешься?

— Умереть, что ли, боишься?

— Да; суевѣренъ немножко.

— Думаешь, что они тебя отравятъ.

— Разумѣется, какъ пить дадутъ. Теперь вѣдь я имъ все попридѣлалъ и Елена Дмитріевна будетъ вдова Висленева, чего же имъ ждать и отчего не взять за меня двѣнадцать тысячъ?

Гордановъ какъ будто задумался.

— Предупреди ихъ, чортъ ихъ возьми!

Висленевъ посмотрѣлъ на Горданова и тихо отвѣтилъ:

— Повѣрь, мнѣ совсѣмъ не до шутокъ.

Гордановъ отвернулся и закусилъ губу.

— Постой же,—сказалъ онъ.—Если это заходитъ уже такъ далеко, что есть мѣсто и такимъ мрачнымъ подозрѣніямъ, то я схожу къ нимъ и переговорю, какъ это можно кончить.

— Сдѣлай милость.

— Ты довѣряешь мнѣ?

— Даже прошу.

— Такъ оставайся же здѣсь, а я пойду, и черезъ часъ, много черезъ два, ты будешь имѣть результатъ моего свиданія. Не обѣщаю тебѣ ничего, но надѣюсь, что въ ту ли или въ другую сторону положеніе твое выяснится.

— Только бы выяснилось.

— Ну, и прекрасно! А по оброку идти ты согласенъ?

— Разумѣется! Только ты же поторгуйся. Тысячу рублей это много: вѣдь можно и заболѣть, и всякая штука, а ужъ онъ вѣдь не помилуетъ.

— Ладно, поторгуемся.—отвѣчалъ Гордановъ, выходя за двери.

Висленевъ остался на минуту одинъ, но вдругъ бросился вслѣдъ за Гордановымъ, догналъ его на лѣстницѣ и сказалъ, что онъ согласенъ платить женѣ въ годъ даже и тысячу рублей, но только съ тѣмъ, чтобы съ него не требовали этихъ денегъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ его оброчнаго положенія, а взяли бы на эту сумму впередъ за три года вексель.

Гордановъ принялъ это къ свѣдѣнію, молча качнулъ Висленеву головой и уѣхалъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Висленевъ являетъ натуру.

Въ продолженіе двухъ часовъ, которые Іосафъ Платоновичъ провелъ въ квартирѣ Горданова, расхаживая по ком-

натѣ и кусая себѣ въ волненіи ногти, Павелъ Николаевичъ все велъ переговоры, и наконецъ возвратился немного разсерженный и на первыхъ же порахъ изругалъ Кишенскаго и Алину самыми энергическими словами.

Висленевъ, видя такое состояніе своего друга, оробѣлъ.

— Что же такое они говорятъ?—приставалъ онъ, юля около Горданова.

— Что, любезный, говорятъ? Подлецы они оба и скареды, и больше ничего.

— Я тебѣ говорю, что это пятакъ-пара!

— Пара! Нѣтъ, жена твоя еще лучше, съ ней бы еще можно ладить.

— Она умнѣе.

— И умнѣе, и разсудительнѣе; а ужъ тотъ—вотъ гадина-то! И что у него за улыбка за подлая! Замѣтилъ ты или нѣтъ, какъ онъ смѣется? Въ устахъ нѣтъ никакого движенія: сейчасъ же хи-хи, и опять все лицо смирно.

— Ну, что же они говорятъ-то? Что?

— Я имъ сказалъ, разумѣется, все...

— Ну?

— И разъяснилъ имъ или, по крайней мѣрѣ, старался имъ разъяснить, что такъ гнести человѣка нельзя, что это нестерпимо, что тебѣ надо дать передышку.

Гордановъ не вралъ, все это онъ за минуту дѣйствительно представлялъ и Кишенскому, и Висленевой.

— Ну, и что же они тебѣ отвѣчали?—нетерпѣливо приставалъ злополучный Висленевъ.

— Отвѣтъ ихъ прямъ какъ шестъ: они тебя отпускаютъ.

Висленевъ благодарственно перекрестился.

— Но отпускаютъ съ условіями: во-первыхъ, переписать долгъ твоей женѣ на вексель, на имя Кишенскаго, въ восемнадцать тысячъ.

— Ну?

— Говорятъ, что полученіе съ тебя сомнительно, могутъ потребоваться расходы и тому подобное, и что потому

иначе нельзя, какъ приписать полтину на рубль, что другіе даже пишутъ вдвое и втрое.

— Ну, ну, я слушаю.

— Во-вторыхъ, вексель долженъ быть не срочный, а «по предъявленіи», но они ручаются, что въ теченіе года они тебя не побезпокоятъ.

— Я говорилъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

— И я имъ это тоже говорилъ, но они находятъ это неудобнымъ и указываютъ на возможность гораздо скорѣйшаго разсчета съ твоей стороны.

— Это любопытно!

— У тебя есть недвижимая собственность?

— Это вздоръ; у меня была часть въ домѣ, принадлежащемъ нынче сестрѣ моей Ларисѣ, но я давно уступилъ ей мою часть по формальному акту.

— По дарственной записи?

— Что же, дарственная запись документъ поворотный: есть законъ, по которому даръ дарителю возвращается.

Висленевъ поблѣднѣлъ.

— Дальше?—спросилъ онъ нетерпѣливо, — что дальше? Говори, пожалуйста, сразу все, чего эти разбойники хотятъ?

— Они думаютъ, что половину долга, то-есть девять тысячъ съ небольшимъ, ты уплатишь имъ своею частью на домѣ, уничтоживъ дарственную твоей сестрѣ.

— Да!

— А половину они будутъ ждать, и ты долженъ будешь платить всего тысячу двѣсти рублей въ годъ женѣ на содержаніе ея съ четырьмя дѣтьми (что, должно сознаться, вовсе не дорого), и только соблюсти всѣ формы по застрахованію своей жизни, полисъ на которое будетъ служить обезпеченіемъ второй половины долга, но премію будетъ за тебя платить твоя жена. Вотъ и всѣ ихъ условія.

— Всѣ! Всѣ? Ты говоришь: всѣ?—крикнулъ, побагровѣвъ, Висленевъ. — Такъ прошу же тебя, доверши мнѣ твои услуги: съѣзди еще разъ на твоихъ рысакахъ къ нимъ, къ этимъ подлецамъ, пока они не уѣхали на своихъ ры-

сакахъ на пуантъ любоваться солнцемъ, и скажи имъ, что дѣло не подается ни на шагъ, что они могутъ дѣлать со мной, что имъ угодно: могутъ сажать меня въ долговую тюрьму, въ рабочій домъ, словомъ, куда только могутъ, но я не приношу на себя болѣе ни одной лишней копѣйки долга; я не стану себя застраховывать, потому что не хочу дѣлать мою кончину выгодною для моихъ злодѣевъ, и ужъ навѣрное (онъ понизилъ голосъ и, весь побагровѣвъ, прохрипѣлъ)... и ужъ навѣрное никогда не коснуся собственности моей сестры, моей бѣдной Лары, которой я обѣщался матери моей быть опорой и отъ которой самъ удалилъ себя, благодаря... благодаря... окутавшей меня подтасованной разбойничьей шайкѣ... Скажите имъ, скажите имъ, Павелъ Николаевичъ, что я жалѣю о томъ времени, когда я сидѣлъ послѣдній разъ въ тюрьмѣ и не умѣлъ терпѣливо предоставить себя своей судьбѣ, но я это поправлю.

И онъ съ этимъ схватилъ фуражку и быстро бросился къ двери, но Гордановъ удержалъ его за руку, посадилъ на диванъ и, выбѣжавъ вонъ со шляпой на головѣ, заперъ гостя на ключъ.

Путь, на который обратился Гордановъ, былъ тотъ же самый, съ котораго онъ только что возвратился. Павелъ Николаевичъ дѣйствительно возвратился къ Кишенскому и Алинѣ, и былъ такимъ горячимъ защитникомъ Висленева, что Іосафъ Платоновичъ въ данномъ случаѣ даже и не могъ бы пожелать себѣ лучшаго адвоката предъ его тиранами.

Гордановъ просто ругался за своего кліента, и ругался страстно и спорилъ логично и доказательно. Онъ доказывалъ Кишенскому, что поступки его съ Висленевымъ превосходятъ всякую мѣру человѣческой подлости; что терпѣніе жертвы ихъ, очевидно, перепилено, что это неразсчетливо и глупо доводить человѣка до отчаянія, потому что человѣкъ безъ надежды на спасеніе готовъ на все, и что Висленевъ теперь именно въ такомъ состояніи, что онъ

изъ мести и отчаянія можетъ пойти и самъ обвинить себя невѣдомо въ какихъ преступленіяхъ, лишь бы предать себя въ руки правосудія, отомстя тѣмъ и Кишенскому, и женѣ. При этомъ Гордановъ описалъ яркими красками состояніе, въ которомъ онъ оставилъ у себя подъ замкомъ Висленева.

— Я не ручаюсь даже,—добавилъ онъ,—что въ то время, когда мы съ вами разсуждаемъ, онъ, пожалуй, или спустился внизъ изъ окна по водосточной трубѣ, или, что еще хуже, удавился у меня въ спальнѣ на полотенцѣ. Такъ, господа, нельзя.

Кишенскій продолжалъ во время этихъ рѣчей злобно хихикать, непосредственно за смѣхомъ принимая самыя серьезныя мины, но жена Висленева, слушавшая Горданова со вниманіемъ, согласилась съ нимъ во всемъ, и сама сказала:

— Да, такъ нельзя.

— Конечно,—поддержалъ Гордановъ,—вы со своею неумытною жестокостью съ нимъ похожи на хозяина, зарѣзавшаго курицу, которая несла золотыя яйца.

— Не видали мы отъ него до сихъ поръ этихъ золотыхъ яицъ,—отвѣчалъ Кишенскій, мгновенно улыбнувшись и насупясь.

— По крайней мѣрѣ несъ хоть мѣдныя, а все не изъ кармана, а въ карманъ,—возразилъ Гордановъ.

— Да, да; это неправда: онъ намъ былъ полезенъ,—вмѣшалась Алина.

— Полезенъ поневолѣ,—вставилъ Кишенскій.

— Ну, по волѣ ли, или поневолѣ, но все-таки я не хочу его четвертовать заживо, это вовсе не нужно.

— И это вовсе невыгодно,—поддержалъ Гордановъ.

— Да, это совсѣмъ не нужно: ему надо дать передышку.

— Разумѣется! Ничего болѣе и не нужно, какъ передышку. Кто вамъ говоритъ, чтобы вы его выпустили какъ птицу на волю? Ужъ навѣрно не я стану вамъ это предлагать, да и онъ уже такъ загонялся, что самъ этого не

требуетъ, но дайте же ему передохнуть, чтобъ онъ опять вамъ пригодился. Пусть онъ станетъ хоть немножко на ноги и тогда мы опять его примахнемъ.

— Конечно, это такъ, — рѣшила Алина и занялась соображеніями относительно того, какъ устроить отпускъ мужа на наилегчайшихъ для него и выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Въ этихъ соображеніяхъ Гордановъ принялъ ближайшее участіе, не стѣсняясь нимало молчаніемъ Кишенскаго, и черезъ часъ времени было положено: взять съ Іосафа Платоновича вексель въ пятнадцать тысячъ рублей «по предъявленію» съ тѣмъ, чтобы на словѣ онъ былъ спокоенъ, что этого предъявленія въ теченіе трехъ лѣтъ не послѣдуетъ, и затѣмъ дать ему свободу на всѣ четыре стороны.

Кишенскій имѣлъ что-то возразить противъ этой резолюціи, но Алина ее отстояла, и Гордановъ принялъ ее и привезъ Висленеву, котораго засталъ у себя дома крѣпко спящимъ.

Висленевъ былъ очень доволенъ резолюціей, и сразу на все согласился.

— Однако, знаешь ли: она, значитъ, все-таки безъ сравненія лучше этого подлеца, который такъ расписываетъ о беззаконности собственности, — сказалъ онъ Горданову, когда тотъ передалъ ему весь планъ въ довольно справедливомъ изложеніи.

— О, Господи, есть ли что равнять?—отозвался Гордановъ.—Она игрокъ, а это шушера. Пей вотъ вино!

Вина было выставлено много и ужинъ богатый.

— Скажи, однако, за что же она его любитъ?—любопытствовалъ Висленевъ, сидя на чистой простынѣ застланнаго для него дивана.

— Другъ! Что есть любовь?—отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ.—Онъ ей нравится.

— Правда, правда.

— И ты ей тоже, можетъ-быть, нравишься. Даже, можетъ-быть, и болѣе... Чортъ ихъ, братъ, знаетъ: помнишь,

какъ это Гейне говоритъ: «не узнаешь, гдѣ у женщинъ ангелъ съ дьяволомъ граничитъ». Во всякомъ случаѣ сегодня она вела себя въ отношеніи тебя прекрасно.

Висленевъ молча каталъ шарикъ изъ хлѣба, улыбался и пилъ, и наконецъ сказалъ.

— Знаешь, Гордановъ: я понимаю въ одномъ мѣстѣ короля Лира.

— Въ какомъ?—вопросилъ Гордановъ.

— Когда онъ при видѣ неблагодарныхъ Реганы и Гонерильи говоритъ: «и злая тварь *мила* въ сравненьи съ тварью злѣйшей».

— И благо тебѣ, и благо тебѣ!—завершилъ Гордановъ, наливая Висленеву много и много вина и терпѣливо выслушивая долгія его сказанія о томъ: какъ онъ нѣкогда любилъ Alexandrine Синтянину и какъ она ему внезапно измѣнила, и о томъ, какъ танцовщица, на которой одновременно съ нимъ женился Бабиневичъ, разссорясь съ своимъ адоратеромъ-княземъ, просто-на-просто пригласила къ себѣ своего законнаго мужа Бабиневича, и какъ они теперь умилительно счастливы; и наконецъ о томъ, какъ ему, Висленеву, все-таки даже жаль своей жены, во всякомъ случаѣ стоящей гораздо выше такой презрѣнной твари, какъ жидъ Кишенскій, котораго она любитъ.

Гордановъ намекнулъ Висленеву, что и ему ничто не мѣшаетъ довести свои дѣла до того же, до чего довелъ свои брачныя дѣла его товарищъ и современникъ Бабиневичъ.

Пьяный Висленевъ забредилъ на эту ноту и «злая тварь», которая до сей поры была только немножко мила «въ сравненьи съ тварью злѣйшей», стала уже казаться ему даже совсѣмъ милою, даже очень милою. Ему стала мерещиться даже возможность возстановленія семейнаго счастія.

Гордановъ лилъ вино не жалѣя, и самъ, далеко за полночь, уложилъ Іосафа Платоновича въ постель, а утромъ уѣхалъ по дѣламъ, пока Висленевъ еще спалъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гордановъ спотыкается на ровномъ мѣстѣ.

Павелъ Николаевичъ Гордановъ нимало не лгалъ ни себѣ, ни людямъ, что онъ имѣлъ оригинальный и вѣрный планъ быстраго и громаднаго обогащенія. У него дѣйствительно былъ такой планъ, и въ ту минуту, до которой доведена наша исторія, Гордановъ дѣйствительно былъ уже близокъ къ его осуществленію. Этотъ достойный всеобщаго вниманія планъ, тщательно скрываемый отъ всѣхъ и отъ каждаго геніальнымъ въ своемъ родѣ Павломъ Николаевичемъ, долженъ быть принятъ и читателями до нѣкотораго времени на вѣру. Впрочемъ, личный характеръ солиднаго и дальнозоркаго Горданова, вѣроятно, сдѣлаетъ такое довѣріе со стороны читателя неособенно труднымъ. Гордановъ не могъ увлекаться мыслями вздорными и несбыточными, и онъ дѣйствительно имѣлъ секретъ, который былъ не чета всѣмъ до сихъ поръ распубликованнымъ секретамъ нажить милліонъ трудами да бережливостью. Гордановскій рецептъ совсѣмъ иного свойства: по быстротѣ и вѣрности его дѣйствія несомнѣнно долженъ удивить всѣхъ и, конечно, удивитъ, когда съ развитіемъ нашей исторіи онъ перестанетъ быть секретомъ для міра и сдѣлается общимъ достояніемъ.

У Павла Николаевича теперь, какъ мы видѣли, дѣло шло о полученіи въ свои руки «какихъ-нибудь несчастныхъ двадцати пяти или тридцати тысячъ», и онъ уже былъ близокъ къ обладанію этимъ основнымъ капиталомъ, изъ котораго въ полгода должны были народиться у него милліоны.

Все, что Гордановъ говорилъ Висленеву насчетъ своей готовности возить на себѣ своихъ собственныхъ лошадей, еслибъ онѣ платили, все это была сущая правда. Два года женатой жизни Висленева Гордановъ провелъ въ неусыпнѣйшихъ трудахъ, таская на себѣ скотовъ, гораздо менѣе благородныхъ, чѣмъ его кони. Два года тому назадъ, когда

онъ, только слегка намѣтивъ свой планъ, бросилъ службу и пріѣхалъ въ Петербургъ, у него не было ничего кромѣ небольшого, заложеннаго и перезаложеннаго хуторка, не имѣющаго уже никакой цѣны, да двухъ-трехъ тысячъ наличности, собранной на службѣ изъ жалованья и наградъ, которыя онъ получалъ, благодаря его усердію, рачительности и талантамъ. Продавъ Алинѣ и Кишенскому Висленева, онъ получилъ за него девять тысячъ рублей, итого всего имѣлъ около одиннадцати тысячъ. Для того, чтобы начать операцію съ милліонами, ему недоставало гораздо болѣе того, что онъ имѣлъ, а время было дорого, надо было наживать быстро, и притомъ нельзя было дозволять себѣ никакого риска. Вслѣдствіе этого Павелъ Николаевичъ не предпринялъ никакихъ аферъ: онъ не искалъ концессій и не игралъ бумагами, а просто сдѣлался компаньономъ Алины по кассѣ ссудъ. Кишенскій, занятый литературой, которая служила ему для поддержки однихъ концессіонеровъ и компаній и для подрыва и униженія другихъ, уже по ссудной кассѣ мало занимался: ею теперь вполнѣ самостоятельно заправляла жена Висленева и ей-то такой компаньонъ и сотоварищъ, какъ Гордановъ, былъ вполнѣ находкой. Они жили по польской пословицѣ: любяся какъ братья и считаясь какъ жиды, и такимъ образомъ Павелъ Николаевичъ, занимаясь ростовщичествомъ и маскируя это ремесло свѣтскимъ образомъ жизни и постояннымъ вращательствомъ въ средѣ капиталистовъ второй и даже первой руки, къ концу второго года увеличилъ свой капиталъ рубль на рубль. Онъ теперь имѣлъ на свой пай почти какъ разъ столько, сколько ему было нужно, и уже собирался выступить изъ товарищества. Это какъ разъ совпадало съ только что разсказанными происшествіями съ Висленевымъ, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ Горданову удалось уладить кое-какъ висленевскія отношенія съ его женой, онъ и самъ приступилъ къ разверсткѣ своихъ дѣлъ съ нею. Мирный вечеръ, которымъ заключалась компанейская ростовщичья дѣятельность Горданова съ Алиной, засталъ

ихъ вдвоемъ тщательно со всѣхъ сторонъ запертыми въ квартирѣ № 8. Они провѣрили всѣ свои книги и счеты; вычислили барыши, расчислили ихъ по суммѣ оборотныхъ капиталовъ того и другого, и сдѣлали выводъ, по которому на долю Павла Николаевича теперь падало тридцать двѣ тысячи чистогана. Это было даже болѣе того, что Горданову было нужно для таинственной и вѣрной операціи; оставалось только завтра размѣнять бумаги и раскланяться.

Гордановъ былъ очень доволенъ и томился только нетерпѣніемъ: онъ снова чувствовалъ душевный зудъ и плохо смотрѣлъ вокругъ. Впрочемъ, вокругъ его ничего собственно и не происходило. Когда онъ съ Алиной покончилъ счеты, пріѣхалъ домой Кишенскій: онъ привезъ большой астраханскій арбузъ, и въ самомъ веселомъ расположеніи духа разсказывалъ, какую штуку продѣлала Данка съ Ципри-Кипри. Штука въ самомъ дѣлѣ была преинтересная: Ципри-Кипри закупила у Данкинаго мужа на сроки двадцать какихъ-то акцій, употребивъ на это весь капиталъ, нажитый ею съ мужемъ отъ своего увеселительнаго заведенія. Акціи падали, и пали ужасно; мужъ Ципри-Кипри хотѣлъ отказаться отъ своей покупки, предоставляя Данкиному мужу любоваться его покупной запиской. Дѣло стало было на ножи, но жены игроковъ, старыя подруги, взялись все уладить и уладили: Данка уговорила Ципри-Кипри доплатить, безъ вѣдома мужа, всю убыточную разницу съ тѣмъ, что послѣ, когда такимъ образомъ будетъ доказана честность и стойкость Ципри-Кипри, Данка склонитъ своего мужа оказать еще бо̀льшій кредитъ самой Ципри-Кипри, и тогда Данка сама пойдетъ съ нею въ желаемую компанію, и онѣ сами, двѣ женщины, поведутъ дѣло безъ мужей и, заручившись сугубымъ кредитомъ, наконецъ обманутъ мужа Данки. Ципри-Кипри послушалась и внесла Данкиному мужу всю разницу, что равнялось всему капиталу ея мужа, а теперь мужъ ее выгналъ за это вонъ, и когда Ципри-Кипри явилась къ

Данкѣ, то Данка тоже выгнала ее вонъ и отреклась, чтобъ она съ ней когда-нибудь о чемъ-нибудь подобномъ говорила.

— Это ловко!—воскликнулъ Кишенскій, закончивъ свой разсказъ, и добавилъ, что непріятно лишь одно, что Ципри-Кипри ведетъ себя ужасною дѣвчонкой и бѣгаетъ по редакціямъ, прося напечатать длиннѣйшую статью, въ которой обличаетъ и Данку, и многихъ другихъ.—Я говорилъ ей,—добавилъ онъ,—что это негодится, что вѣдь все это свѣжая рана, которой нельзя шевелить, но она отвѣчала: «Пусть!» и побѣжала еще куда-то.

— А все это отчего? — сказалъ, кушая арбузъ, Гордановъ,—все это оттого, что давятъ человѣка вдосталь, какъ прессомъ жмутъ, и средствъ поправиться уже никакихъ не оставляютъ. Это никогда ни къ чему хорошему не поведетъ, да и неразсчетливо. Настоящій игрокъ всегда страстному игроку реваншъ даетъ, чтобы на немъ шерсть обростала и чтобы было опять кого стричь.

Кишенскій согласился.

— Вонъ нашъ плакутка теперь, видите, преспокоенъ,— продолжалъ Гордановъ, намекая на Висленева.—Даже ухаживаетъ издали за Алиной Дмитріевной, и все, бѣднякъ, лепечетъ мнѣ про его знакомаго актера Бабиневича, котораго его законная жена наконецъ приласкала, разойдясь со своимъ княземъ.

— И опять его прогонитъ, когда найдетъ себѣ графа,— сухо поставилъ Кишенскій.

— А ты, кажется, ревнуешь? Алина Дмитріевна, я говорю, Тиша-то васъ уже, кажется, ревнуетъ къ вашему мужу?

— Допросите его, пожалуйста, хорошенько. Мнѣ тоже кажется что-то въ этомъ родѣ,—отвѣчала, слегка улыбаясь и позируя своимъ стройнымъ станомъ, Алина. — А между тѣмъ, я вамъ скажу, господа, что ужъ мнѣ пора и домой, въ Павловскъ: я здѣсь и не обѣдала, да и дѣтей цѣлый день не видала. Не пріѣдете ли и вы къ намъ сегодня, Гордановъ?

— Я?

— Да, посидимъ часокъ на музыкѣ и потомъ поужинаемъ.

— Поздно будетъ, послѣдній поѣздъ уйдетъ.

— Отчего? Теперь восемь часовъ, а мы поужинаемъ въ одиннадцать, а послѣдній поѣздъ пойдетъ въ половинѣ двѣнадцатаго; а если запоздаете, у Висленева, въ его вигвамѣ, въ саду есть диванъ,—останьтесь у насъ переночевать.

— Вы такъ убѣдительно зовете, что...

— Право, право: пріѣзжайте, Гордановъ! Это даже необходимо: мы разсчитались пріятельски, — разопьемте же вмѣстѣ могарычъ. Давайте слово, я васъ жду и непремѣнно хочу, чтобы вы сегодня провели вечеръ съ нами.

— Если вы непремѣнно этого хотите, то будь по-вашему.

Гордановъ далъ Алинѣ слово встрѣтиться съ нею и съ Кишенскимъ на вокзалѣ желѣзной дороги, и уѣхалъ къ себѣ переодѣваться по-дачному.

— Ну, и къ дѣлу!—сказала Алина, замкнувъ за Гордановымъ дверь и быстро возвращаясь къ Кишенскому въ полуопустошенную квартиру.

— Зачѣмъ ты его звала?—спросилъ Тихонъ Ларіоновичъ.

— Такъ нужно,—отвѣчала Алина, и затѣмъ вынувъ изъ несгораемаго шкафа большой сакъ-вояжъ, туго набитый драгоцѣнными вещами залогодателей, подала его Кишенскому и велѣла держать, а сама быстро обѣжала квартиру, взяла еще нѣсколько цѣнныхъ вещей, оставшихся въ небольшомъ количествѣ, свернула все это въ шитую гарусную салфетку; собрала всѣ бумаги съ письменнаго стола Висленева, отнесла ихъ въ темную кладовую, запиравшуюся желѣзною дверью и разложила ихъ по полкамъ.

Затѣмъ она возвратилась въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ Кишенскій, и сорвавъ толстый бумажный шнурокъ со шторы, начала его поспѣшно вытрепывать и мочить въ полоскательной чашкѣ.

— Что ты это дѣлаешь?—спросилъ ее въ раздумьи Кишенскій.

— А ты какъ думаешь, что я дѣлаю?

— У меня все въ головѣ эта штука Данки съ Ципри-Кипри. Это можно было и тебѣ въ бо̀льшемъ, и въ гораздо бо̀льшемъ размѣрѣ разыграть съ Гордановымъ.

— То-есть что же это такое: обобрать его наполовину?

— Да.

— Да, это бы хорошо.

— Но время уже упущено,—вздохнулъ Кишенскій.

— Конечно,—уронила Алина, выжимая смоченный шнурокъ.

— Эта Данка далеко пойдетъ.

— И назадъ не воротится.

— Отчего?

— Не прячетъ концовъ. Держи-ка вотъ этотъ шнурокъ.

— Да; но она нынче съ барышомъ, а мы завтра платимъ, и еще какой кушъ платимъ!

— Какой?

— Сама знаешь.

— Я знаю, что я ничего не заплачу. Подай спичку.

— Что это будетъ?—полюбопытствовалъ Кишенскій, подавая зажженную спичку.

Алина поднесла конецъ шнурка къ огню и вытрепанныя волокна бумаги быстро занялись тлѣющимъ огнемъ.

— Понялъ?—спросила Алина.

— Алина, ты геніальна!—воскликнулъ Кишенскій.—Онъ не получитъ ничего?

— Этого мало: онъ не посмѣетъ съ нами разстаться, и его секретъ будетъ мой.

— А ты въ него вѣришь?

— Вѣрю: Гордановъ на вздоръ не расположится.

— Алинка!.. Ты чортъ!

И Кишенскій улыбнулся, схватилъ Алину за подбородокъ и вдругъ засерьезничалъ и молча сталъ помогать Алинѣ укладывать шнурокъ по всему краю полокъ, набитыхъ со-

чиненіями Іосафа Платоновича. Черезъ часъ всѣ эти пиротехническія затѣи были окончены, шнурокъ съ конца припаленъ, желѣзная дверь замкнута и хозяинъ съ хозяйкой уѣхали, строго-на-строго наказавъ оставленной при квартирѣ бѣдной нѣмецкой женщинѣ беречь все пуще глаза, а главное быть осторожною съ огнемъ.

Гордановъ сдержалъ свое слово и ожидалъ Кишенскаго и Алину въ вокзалѣ: онъ предупредительно усадилъ Алину въ вагонъ и держалъ во всю дорогу на колѣняхъ ея саквояжъ. Висленевъ встрѣтилъ ихъ на длинной платформѣ въ Павловскѣ: онъ не выѣзжалъ отсюда въ Петербургъ три дня, потому что писалъ въ угоду женѣ большую статью объ угнетеніи женщины, — статью, которою Алина несомнѣнно очень интересовалась и во время сочиненія которой Висленевъ бесѣдовалъ съ своею женой какъ наилучшіе друзья, и даже болѣе. Сегодня вечеромъ Алина еще обѣщала «все обсудить» съ мужемъ въ его статьѣ, и Висленевъ ждалъ ее въ Павловскѣ одну,—потому что она такъ ему говорила, что Кишенскій останется по своимъ дѣламъ въ городѣ, и оттого веселый Висленевъ, увидавъ Кишенскаго и Горданова, вдругъ смутился и опечалился.

Гордановъ сразу это замѣтилъ и, идя рядомъ съ Висленевымъ, сказалъ ему:

— Что ты дуешься какъ мышь на крупу? Ты этакъ только выдаешь и себя и жену; будь покоенъ: я его буду занимать.

Алина тоже утѣшила мужа.

— Въ городѣ душно и Тихонъ Ларіонычъ не захотѣлъ оставаться,—сказала она, идучи подъ руку съ мужемъ,—но я нарочно упросила сюда пріѣхать Горданова: они будутъ заняты, а мы можемъ удалиться въ паркъ и быть совершенно свободны отъ его докуки.

Такъ все и сдѣлалось.

Оркестръ игралъ превосходно; иллюминація задалась какъ нельзя лучше; фонтанъ шумѣлъ, публика гуляла, пила, кушала. Ночь спустилась почти южная; въ сторонѣ за

освѣщенною поляной была темень. По длинной галлереѣ, гдѣ стояли чайные столики, пронеслась бѣглая вѣсть, что въ Петербургѣ пожаръ. Нѣсколько лицъ встали и въ небольшой тревогѣ пошли, чтобы взглянуть на зарево, но зарева не было. Пожаръ, конечно, былъ ничтожный. Однако многіе изъ вставшихъ уже не возвращались, и у вагоновъ послѣдняго поѣзда произошла значительная давка. Гордановъ съ Кишенскимъ долго бились, чтобы достать билетъ для Павла Николаевича, но наконецъ плюнули и отошли прочь, порицая порядки желѣзной дороги и неумѣніе публики держать себя съ достоинствомъ, а между тѣмъ прозвонилъ второй и третій звонокъ послѣдняго поѣзда.

— Я сяду безъ билета!—воскликнулъ Гордановъ и бросился къ вагону, но въ это время прозвучалъ третій звонокъ, локомотивъ визгнулъ и поѣздъ покатилъ, разсыпая искры.

Гордановъ остался на платформѣ, какъ рыба на сухомъ берегу.

Онъ оглянулся вокругъ и увидалъ себя среди незнакомыхъ людей: это были дачники, провожавшіе знакомыхъ. Кишенскаго нигдѣ не было видно.

Фонари гасли, и поляна предъ эстрадой и паркъ погружались въ глубокую темень. Гордановъ зашелъ въ вокзалъ, гдѣ сидѣли и допивали вино господа, рѣшившіеся прогулять ночь напролетъ. Кишенскаго здѣсь тоже не было. Гордановъ выпилъ рюмку ананаснаго коньяку, зажегъ сигару и отправился въ паркъ: нигдѣ зги не было видно, и сѣдой туманъ, какъ темный духъ, лѣзъ изъ всѣхъ поръ земли и проницалъ холодомъ ноги и колѣна.

Паркъ былъ почти пустъ и лишь рѣдко гдѣ мелькали романическія пары, но и тѣ сырость гнала по домамъ. Гордановъ повернулъ и пошелъ къ дачѣ Висленевыхъ, но окна дома были темны и горничная сидѣла на крыльцѣ.

— Тихонъ Ларіонычъ дома?—спросилъ Гордановъ.

— Нѣтъ, ихъ нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка.

Гордановъ завернулся и снова пошелъ въ паркъ, на-

дѣясь встрѣтить Тихона Ларіоновича, и онъ его встрѣтилъ: на поворотѣ одной аллеи предъ нимъ выросъ человѣкъ, какъ показалось, громаднаго роста и съ большою дубиной на плечѣ. Онъ было кинулся къ Горданову, но вдругъ отступилъ и сказалъ:

— Извините, я не видалъ, что вы одни.

— Тихонъ Ларіонычъ!—позвалъ Гордановъ.

— А? что?—отвѣчалъ Кишенскій.

— Что вы это носитесь по лѣсу?

— Да помилуйте: гдѣ же они? А? вы ихъ не видали—а? Вѣдь съ нею каналья Висленевъ!—и съ этимъ Кишенскій опять взмахнулъ палкой и бросился впередъ.

Они оба пробѣжали нѣсколько аллей прежде чѣмъ Кишенскій, подскакивавшій къ каждой запоздавшей парѣ, вдругъ ударилъ себя рукой по лбу и бросился домой.

Іосафъ Платоновичъ и жена его были теперь дома: они сидѣли въ маленькой дачной зальцѣ и ѣли изъ одной общей стеклянной чаши простоквашу.

Кишенскій и Висленевъ окинули другъ друга гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ. Отъ Горданова это не скрылось, и онъ, уловивъ взглядъ внутренно смѣявшейся Алины, отвернулся, вышелъ на балконъ и расхохотался. Алина открыла рояль, и страстные звуки Шопена полились изъ-подъ ея рукъ по спящему воздуху.

«Твердая рука, твердая!—думалъ Гордановъ, — что-то она это мастеритъ, что-то этимъ возьметъ съ Тишки?»

— Препротивный дуракъ этотъ Іосафка!—сказалъ, неожиданно подойдя къ Павлу Николаевичу, Кишенскій.

— Чѣмъ? Вы его просто ревнуете.

— Вовсе не ревную, а просто онъ гадость человѣкъ, и его присутствіе ее безпокоитъ, тревожитъ ее, а она пренервная-нервная, и все это на ней отражается.

Когда Гордановъ, раздѣвшись, улегся на диванѣ въ крошечной закуткѣ внутри сада, которую называли «вигвамомъ» и въ которой былъ помѣщенъ Висленевъ, Іосафъ

Платоновичъ, въ свою очередь, соскочилъ съ кровати и, подбѣжавъ къ Горданову, заговорилъ:

— А знаешь, Павлюкашка, я тебѣ скажу, братъ, что въ моей женѣ очень еще живы хорошія начала.

— Ну еще бы!—отвѣчалъ Гордановъ.

— Право, право такъ! Ты не знаешь, какъ она меня иногда занимаетъ? Ты знаешь, есть люди, которые не любятъ конфетъ и ананасовъ, а любятъ изюмъ и пряники; есть люди, которые любятъ купить какую-нибудь испорченную, старую штучку и исправить ее, приспособить...

— Говори, любезный другъ, толковѣе, я тебя не понимаю.

— То-есть я хочу сказать, что есть такіе люди, и что я... я тоже такой человѣкъ.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю; впрочемъ, это теперь въ модѣ дрянью интересоваться.

— Нѣтъ я люблю...

— Я вижу, что любишь.

— Я люблю воскресить... понимаешь, воззвать къ жизни, и потому съ тѣхъ поръ, какъ эта женщина не скрываетъ отъ меня, что она тяготится своимъ прошедшимъ и... и...

— И настоящимъ что ли?

— Да, и настоящимъ; повѣрь, она меня очень занимаетъ и я...

— А она это сказала тебѣ, что она тяготится своимъ прошедшимъ и настоящимъ?

— Нѣтъ, сказать она не сказала, но вѣдь это видно, и наконецъ же у меня есть глаза, и я понимаю женщину!

— Ну, а со мной, братъ, объ этомъ, не говори: я этими дѣлами не занимался и ничего въ нихъ не смыслю.

— Ахъ, Паша, неужто это правда? Неужто ты никогда, никогда не любилъ?

— Никогда.

— И никогда не полюбишь?

— Никогда.

— Почему, Павлюкашъ, дерево ты этакое? Почему?

— Фу! какъ ты сегодня до противности глупо оживленъ! Отстань ты отъ меня, сдѣлай милость!

— Да, я оживленъ; но почему ты не хочешь любить, разскажи мнѣ?

— Потому, что любовь—это роскошь, которая очень дорого стоитъ, а я бережливъ и разсчетливъ.

— Любимая женщина-то дорого стоитъ?

— А какъ же? Приведи-ка въ итогъ потерю времени, потерю на трезвости мысли, потерю въ работѣ, да наконецъ и денежныя потери, такъ какъ съ любовью соединяются почти всѣ имена существительныя, кончающіяся на *ны*, какъ-то: именины, родины, крестины, похороны... все это чрезъ женщинъ, и потому вообще давай лучше спать, чѣмъ говорить про женщинъ.

— И ты никогда не чувствовалъ потребности любить?

— Потребности?

— Да.

— Нѣтъ, не чувствовалъ.

— И когда Глаша Акатова тебя любила, ты не чувствовалъ?

— Не чувствовалъ.

— И послѣ, когда она вышла за Бодростина, ты тоже не чувствовалъ ревности?

— Тоже не чувствовалъ.

— Почему?

— Почему?..—времени не было, вотъ почему, а впрочемъ, второй и послѣдній разъ говорю: давай спать, а то ужъ утро.

Висленевъ было замолчалъ, но вдругъ круто повернулся лицомъ къ Горданову и сказалъ:

— Нѣтъ, прости меня, Паша, а я не могу... Скажи же ты мнѣ: вѣдь ты все-таки изрядный плутъ?

— Ну и слава Богу,—пробурчалъ, зѣвая, Гордановъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ; да и порой мнѣ кажется, что уже и всѣ мы стали плуты.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю.

— Да какъ же! вѣдь у насъ теоріи-то нѣтъ! Правду говоря, вѣдь мы и про нашъ дарвинизмъ совсѣмъ позабыли, и если тебя теперь спросить, какому же ты теперь принципу служишь, такъ ты и не отвѣтишь.

— Не отвѣчу, потому что объ этомъ теперь у умныхъ людей и разговоровъ не можетъ быть, и сдѣлай милость и ты оставь меня въ покоѣ и спи.

— Ну, хорошо; но только еще одно слово. Ну, а если къ тебѣ не умный человѣкъ пристанетъ съ этимъ вопросомъ и вотъ, подобно мнѣ, не будетъ отставать, пока ты ему не скажешь, что у тебя за принципъ, ну скажи, голубчикъ, что ты на это скажешь? Я отъ тебя не отстану, скажи: какой у насъ теперь принципъ? Его нѣтъ?

— Врешь, есть, и есть принципъ самый логическій и здоровый, вытекшій естественнымъ путемъ изъ всего историческаго развитія нашей культуры...

— Паша, я слушаю, слушаю, говори!

— Да что же мнѣ тебѣ еще разжовывать? Мы отрицаемъ отрицаніе.

— Мы отрицаемъ отрицаніе!—воскликнулъ Висленевъ, и захлопалъ какъ дитя въ ладоши, но Гордановъ сердито огрызнулся и громко крикнулъ на него:

— Да спи же ты наконецъ, ненавистный чухонецъ!

И съ этимъ Гордановъ повернулся къ стѣнѣ.

Утромъ Павелъ Николаевичъ уѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Алиной. Кишевскій остался дома въ Павловскѣ, Висленевъ тоже, и Гордановъ, ѣдучи съ Алиной, слегка шутилъ на ихъ счетъ и говорилъ, не покусались бы они.

— Ахъ, они мнѣ оба надоѣли,—отвѣчала Алина, и Горданову показалось, что Алина говоритъ правду, и что не надоѣлъ ей... онъ, самъ Гордановъ, но...

Но о всемъ этомъ не время было думать. Въ Петербургѣ Горданова ждала ужасная вѣсть: всѣ блага жизни, для которыхъ онъ жертвовалъ всѣмъ на свѣтѣ, всѣ эти блага, которыхъ онъ уже касался руками, отпрыгнули и умчались

въ пространство, такъ что ихъ не было и слѣда, и гнаться за ними было напрасно. Квартира № 8 сгорѣла. Пока отбивали желѣзную дверь кладовой, въ ней нашли уже одинъ пепелъ. Погибло все, и, главное, залоговъ погибло вдесятеро болѣе чѣмъ на сумму, въ которой они были заложены.

Гордановъ понялъ, что это штука, но только не зналъ, какъ она сдѣлана. Но это было все равно. Онъ зналъ, что его ограбили, и что на все это негдѣ искать управы, что дѣло сдѣлано чисто, и что вступить въ споръ или тяжбу будетъ значить принять на себя обязанность доказывать, и ничего не доказать, а кромѣ всего этого, теперь еще предстоитъ отвѣтственность за погибшіе залоги...

Гордановъ сидѣлъ, опершись на руки головой, и молчалъ.

Предъ вечеромъ онъ всталъ и пошелъ въ квартиру № 8. Здѣсь была только одна Алина и нѣсколько поденщиковъ, выносившихъ мусоръ.

Павелъ Николаевичъ вошелъ молча и молча сталъ посреди комнаты, гдѣ принимались заклады; здѣсь его и застала Алина; онъ ей поклонился и не сказалъ ни упрека, ни полюбопытствовалъ даже ни однимъ вопросомъ.

Алина сама прервала тяжелое молчаніе.

— Voilà une affaire bien étrange!—сказала она ему при рабочихъ.

— Je n'y vois rien d'impossible, madame,—отвѣчалъ спокойно Гордановъ.

— Monsieur!—крикнула, возвысивъ голосъ и отступая шагъ назадъ, Алина.—Que voulez-vous dire?

— Comment avez-vous fait cela?

Алина окинула его съ головы до ногъ холоднымъ, убійственнымъ взглядомъ и молча вышла въ другую квартиру и заперла за собой дверь. Гордановъ тоже повернулся и ушелъ, ограбленный, уничтоженный и брошенный.

Наступили для Павла Николаевича дни тяжкіе, дни, какихъ онъ давно не зналъ, и дни, которыхъ другому бы не

снести съ тою твердостью и спокойствіемъ, съ коимъ переносилъ ихъ Гордановъ. Положеніе Павла Николаевича поистинѣ было трагическое; онъ не только потерялъ состояніе и былъ далече отброшенъ отъ осуществленія завѣтнѣйшей своей мечты,—онъ оставался должнымъ разнымъ лицамъ. Правда, не Богъ вѣсть какія это суммы, около трехъ-четырехъ тысячъ, но и тѣхъ ему отдать было нечѣмъ, а между тѣмъ сроки наступали, и Павелъ Николаевичъ легохонько могъ переселиться изъ своихъ удобныхъ апартаментовъ въ Tarasen Garten (какъ называютъ въ шутку петербургскую долговую тюрьму). Гордановъ понималъ это все и не жаловался никому; онъ зналъ всю безполезность жалобъ и молчалъ, и думалъ думу долгую и крѣпкую, и наконецъ сдѣлалъ неожиданный визитъ въ Павловскъ Кишенскому и Алинѣ.

— Господа!—сказалъ онъ имъ,—то, что со мною сдѣлалось, превыше всякаго описанія, но я не дуракъ, и знаю, что съ воза упало, то пропало. Ни одинъ милліонеръ не махалъ такъ равнодушно рукой на свою потерю, какъ махнулъ я на свое разореніе, но прошу васъ, помогите мнѣ, сдѣлайте милость, стать опять на ноги. Я сдѣлалъ инвентарь моему имуществу—все вздоръ!

— Вещи идутъ ни за что,—сказалъ Кишенскій.

— Да; онѣ дорого стóятъ, а продать ихъ пришлось бы за грошъ. За все, что я имѣю въ квартирѣ, съ экипажемъ и лошадьми, не выручишь и полуторы тысячи.

— Да; и у васъ лѣвый конекъ, я замѣтилъ, сталъ покашливать, вы его запалили.

— Вы это замѣтили, а я и этого не замѣтилъ, но, впрочемъ все равно, этимъ не выручишься, я долженъ до четырехъ тысячъ, и сроки моимъ векселямъ придутъ на сихъ дняхъ. Помогите, прошу васъ.

— Чѣмъ же-съ?

— Чѣмъ? Разумѣется, деньгами. Не хотите ссудить меня, купите мои векселя и дайте мнѣ срокъ на годъ, на два.

— А почемъ ихъ продадутъ?

— Какъ почемъ? Я васъ прошу меня не ославлять и купить мои векселя рубль за рубль.

Кишенскій улыбнулся и стихъ. Гордановъ зналъ, что это значитъ: «оставь надежду навсегда».

— Вамъ, кажется, лучше всего идти бы опять на службу, посовѣтовалъ Кишенскій Горданову.

— Это, Тихонъ Ларіонычъ, предоставьте уже мнѣ знать, что мнѣ теперь лучше дѣлать. Нѣтъ, служба мнѣ не поможетъ. На меня представятъ векселя и меня со службы прогонятъ; одно, что нужно прежде всего,—это замедлить срокъ векселей.

— А вашъ планъ?

— Мой планъ въ моей головѣ.

— Вы бы его лучше бросили.

— Вы не знаете, о чемъ говорите.

— Ну какъ можно на двадцать пять тысячъ похватать милліоны?

— Ну ужъ это мое дѣло.

— Такъ вамъ бы поискать компаньона.

— Нѣтъ такого компаньона, который бы мнѣ вѣрилъ на слово.

— Что вы хоть примѣромъ, хоть намекомъ, притчей ничего не скажете, что такое это за простое, но вѣрное средство? Кажется, мы знаемъ всѣ простыя средства: выиграть, украсть, убить, ограбить,—вотъ эти средства.

— Нѣтъ, есть другія.

— Напримѣръ? Скажите хоть что-нибудь, чтобъ я хоть видѣлъ, что вы знаете нѣчто такое, что мнѣ не приходило въ голову.

— И это васъ удовлетворитъ? Извольте. Прошу васъ отвѣтить мнѣ: сколько денегъ должно заплатить за проѣздъ изъ Петербурга въ Москву въ вагонѣ второго класса?

— Тринадцать рублей...

— А я вамъ говорю, что не тринадцать, а рубль шесть гривенъ.

— Это какимъ образомъ?

— Самымъ простымъ: вы берете въ Петербургѣ билетъ до Колпина и отдаете его на первой станціи; на полдорогѣ, въ Бологомъ, вы берете опять на одну станцію и отдаете; на предпослѣдней станціи къ Москвѣ берете третій разъ и отдаете. На это вы издерживаете рубль съ копѣйками, и вы пріѣхали такъ же удобно, какъ и за тринадцать рублей.

— Васъ могутъ изловить.

— Могутъ, но не ловили, и потомъ есть способъ еще вѣрнѣйшій: я попрошу у сосѣда билетъ посмотрѣть и скажу, что это *мой* билетъ.

— Изъ этого начнется ссора.

— Да; но я доѣду; мнѣ не докажутъ, что я завладѣлъ чужимъ билетомъ.

— Что же изъ этого?

— Ничего болѣе какъ то, что я доѣду туда, куда мнѣ было нужно.

— Не понимаю, какое же это отношеніе имѣетъ къ милліонамъ.

— Тогда не я виноватъ, что вы не понимаете, и я ужъ яснѣе до поры до времени ничего не скажу.

И Гордановъ ушелъ отъ Кишенскаго безо всякихъ надеждъ: онъ стоялъ совсѣмъ на краю пропасти и не ждалъ избавленія, а оно его ждало.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Гордановъ встаетъ на краю пропасти.

Избавленіе Горданову шло изъ того прекраснаго далека, гдѣ мы встрѣтили другихъ людей и другіе нравы, имѣющіе столь мало общаго съ самоистребительными нравами гнѣзда сорока разбойниковъ. Гордановъ, возвратясь изъ Павловска отъ Кишенскаго, нашелъ у себя почтовую повѣстку на пятьсотъ рублей и письмо отъ Глафиры Васильевны Бодростиной, въ которомъ разъяснилось значеніе этой присылки.

Бодростина писала, что, довѣряя «каторжной чести» Павла Николаевича, она обращается къ нему за небольшою услугой, для которой проситъ его немедленно пріѣхать въ ея губернскій городъ, прихвативъ съ собою человѣка, который бы могъ служить маской для предстоящихъ дѣлъ разнаго рода. Гордановъ не спалъ всю ночь и думалъ: «приглашеніемъ манкировать невозможно: какъ оно ни темно, но все-таки это зацѣпка, когда тутъ вокругъ все изорвалось и ощипалось». Утромъ онъ закрылъ глаза и пролежалъ до полудня въ тягостнѣйшемъ снѣ, и вдругъ былъ разбуженъ Висленевымъ, который явился къ нему въ такомъ непостижимомъ состояніи духа, что Гордановъ, не смотря на все свое разстройство, полюбопытствовалъ узнать, что съ нимъ сдѣлалось.

— Что съ тобою случилось?—спросилъ онъ Висленева.

— Вещь ужасная!—отвѣчалъ Іосафъ Платоновичъ,—мы подрались.

— Кто? Гдѣ? Съ кѣмъ ты подрался?

— Конечно съ нимъ.

— Съ Кишенскимъ?

— Ну, да, разумѣется.

— На чемъ же вы дрались, и что ты, раненъ, или ты его убилъ?

— Никто никого не ранилъ и никто никого не убилъ: мы подрались настоящимъ русскимъ образомъ... я его по мордѣ...

— А онъ тебя?

— Не скрою, досталось и мнѣ... вотъ здѣсь... по воротнику.

— Ну, да, это ужъ всегда такъ приходится по воротнику.

— Но, однако же, ты понимаешь, что послѣ этого ужъ мнѣ въ ихъ домѣ жить нельзя, потому что все это было и при женѣ, и при дѣтяхъ, и при прислугѣ...

— И за что же это сталось: за жену?

— Да, за жену.

Гордановъ вздохнулъ и плюнулъ.

— Нечего, нечего плевать, а я совсѣмъ къ тебѣ, со всею движимостію,—добавилъ онъ, указывая на свой сакъ-вояжъ,—и ты, пожалуйста, не откажи, прими меня въ вѣчные кровы.

— Да вѣдь не выгнать же тебя, когда тебѣ некуда дѣться.

— Некуда, другъ, ровно некуда. Я хотѣлъ къ Ванскокъ, но она сама теперь разстроилась съ переводами и ищетъ мѣста посыльной, а пока живетъ у кухмистера за печкой.

— Полно, пожалуйста, ты съ этой тромбовкой: время ли теперь еще съ нею разговаривать?

— Нѣтъ, братъ, я о ней другого мнѣнія. Ванскокъ натура честная.

— И пусть ее возьметъ себѣ чортъ на орѣхи; нѣтъ ужъ видно спасать тебя, такъ спасать: хочешь я тебя увезу?

— Какъ увезешь?

— Такъ, увезу, какъ бородатую Прозерпину, если тебѣ нравятся Герценовскія сравненія. Мы уѣдемъ съ тобой отъ всѣхъ здѣшнихъ напастей—куда бы ты думалъ? Въ тѣ благословенныя мѣста, гдѣ ты впервые позналъ всю сладость бытія; ты тамъ увидишься со своею сестрой, съ твоею генеральшей, которой я не имѣю счастья знать, но у которой, по твоимъ словамъ, во лбу звѣзда, а подъ косой мѣсяцъ, и ты забудешь въ ея объятіяхъ всѣ неудачи бытія и пристроишь оленьи рога своей дражайшей половинѣ. Готовъ ты или нѣтъ на такую выходку?

— Мой другъ, я въ эту минуту на все готовъ.

— А я знаю физіологію любви: клинъ клиномъ выгоняютъ, дорогой дружище. Я теперь имѣю не одинъ, а нѣсколько секретовъ, словомъ сказать, какъ бомба начиненъ секретами и для себя, и для тебя

— И для меня!—удивился Висленевъ.

— И для тебя, и для великаго множества людей.

Висленевъ тронулъ его за плечо и сказалъ:

— Да! послушай-ка—ты не пострадалъ?

— Я!.. Отъ чего?

— Ну, вотъ отъ этого пожара, котораго мнѣ, по правдѣ сказать, нимало не жаль.

— Нѣтъ; я нимало не пострадалъ,—отвѣчалъ спокойно Гордановъ.—Я получилъ все, кое-что еще призанялъ, и теперь арсеналъ мой въ порядкѣ, и я открываю дѣйствія и беру тебя, если хочешь, въ помощники.

— Я готовъ на все: мнѣ хоть съ мосту въ воду, такъ въ ту же пору.

Съ этой стороны дѣло было рѣшено. Оставалась нерѣшенною другая его сторона: похитить ли Горданову Висленева въ самомъ дѣлѣ какъ Прозерпину или взять его напрокатъ и на подержаніе по договору съ его владѣльцами.

Гордановъ предпочелъ послѣднее: онъ еще разъ вошелъ въ сдѣлку съ Кишенскимъ и съ Алиной; сообщилъ имъ вкратцѣ свои намѣренія съѣздить въ свои мѣстности и устроить тамъ кое-какія спекуляціи, причемъ могъ бы-де прихватить и Висленева. Здѣсь опять произошли столкновенія: Кишенскій хотѣлъ, чтобы Висленевъ уѣхалъ, но Алина опасалась, не черезчуръ ли ужъ это выгодно для Горданова, но они поторговались и рѣшили на томъ, что Гордановъ повезетъ съ собою Висленева куда захочетъ и употребитъ его къ чему вздумаетъ, и за векселя свои въ четыре тысячи рублей, приторгованные Кишенскимъ за полторы, дастъ вексель на десять тысячъ рублей, со взаимною порукой Висленева за Горданова и Горданова за Висленева.

Переторжка была короткая: не та была пора и не тѣ были обстоятельства, чтобы скупиться, и Гордановъ согласился на всѣ эти требованія, а Висленевъ и подавно: имъ спутали ноги и пустили ихъ обоихъ на одной веревкѣ, о которой Висленевъ минутами позабывалъ, но о которой зато Павелъ Николаевичъ помнилъ постоянно. Онъ не самообольщался: онъ зналъ свое положеніе прекрасно и понималъ, что его, сильнаго и умомъ и волей Горданова, каждую минуту скаредная тварь въ родѣ Кишенскаго можетъ потянуть какъ воробья, привязаннаго за ногу, и онъ ревниво

спѣшилъ оборвать этотъ силокъ во что бы то ни стало, хоть бы пришлось содрать мясо съ костей и вывернуть суставы.

Въ такомъ положеніи были два эти героя, когда они явились передъ нашими глазами въ кружкѣ обитателей мирнаго городка, надъ которымъ вихрь распустилъ красную орифламу, призывающую Павла Николаевича къ новому подвигу, требующему всего его ума, всей его ловкости и всей опытности, полученной имъ въ послѣднихъ тяжкихъ столкновеніяхъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Изъ прекраснаго далека.

Прошелъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго дѣла въ городѣ, пріютившемъ Горданова съ Висленевымъ, подвинулись впередъ весьма значительно. Первыя вѣсти оттуда читаемъ въ письмѣ, которое департаментскій сторожъ подалъ сегодня на подносикѣ вице-директору Григорію Васильевичу Акатову, родному брату Глафиры Васильевны Бодростиной.

Акатовъ, еще довольно молодой человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ и вицмундирѣ со звѣздой, которую онъ изъ скромности закрывалъ лацканомъ, взялъ конвертъ.

И, вплотную усѣвшись въ свое кресло, началъ не безъ удовольствія читать письмо нашего испанскаго дворянина.

«Любезный Григорій!—начиналъ Подозеровъ въ заголовкѣ листа.—Не титулую тебя «превосходительствомъ», какъ потому, что довольно съ тебя этого титула на конвертѣ, такъ и потому, что въ моемъ воображеніи ничто не можетъ превосходить того благородства, которое я зналъ въ тебѣ, и потому пишу тебѣ просто: мой дорогой и любезный Гриша! Очень радъ, что ты, благодаря твоимъ большимъ достоинствамъ и умѣнью жить съ людьми, такъ рано достигъ до степеней извѣстныхъ и радуюсь этому опять по нѣсколькимъ причинамъ: во-первыхъ, радуюсь за самого тебя, что тебѣ быстрымъ возвышеніемъ отдана справедливость. Это

очень важно для поддержанія въ человѣкѣ энергіи, чтобъ онъ могъ бодро идти далѣе, не растрачивая лучшихъ силъ души на успокоиваніе въ себѣ мятущагося чувства оскорбленнаго самолюбія и пр. (можно, конечно, и безъ этого, да то труднѣе). Во-вторыхъ, радуюсь за всѣхъ тѣхъ, кому придется имѣть съ тобою дѣло; потому что благородный жаръ, одушевлявшій тебя, конечно, еще не имѣлъ времени погаснуть подъ пепломъ спаленныхъ надеждъ, вѣрованій и упованій, и наконецъ (да не оскорбится слухъ твой), радуюсь за самого себя, потому что могу прибѣгнуть къ тебѣ съ просьбой, имѣя полную надежду, что ты не откажешься мнѣ попротежировать и попредстательствовать за меня, гдѣ ты самъ найдешь то лучшимъ и умѣстнымъ».

Акатовъ дочиталъ до этого мѣста, сдвинулъ слегка брови, и продолжалъ чтеніе съ сухимъ и дѣловымъ выраженіемъ лица.

«Можетъ-быть, я приступаю къ тебѣ несовсѣмъ ловко, но думаю, что между нами, старыми испытанными друзьями, всякія тонкости совершенно излишни, да и я человѣкъ мало шлифованный, и просить отъ роду моего никогда ничего ни у кого не просилъ, такъ и привычекъ къ этому пригодныхъ себѣ не усвоилъ. Одно то, что я *прошу*, уже сбиваетъ меня немножко съ панталыку. Повѣрь мнѣ, что, если бы дѣло шло о просьбѣ не къ тебѣ, а къ другому лицу, такъ я прежде отрубилъ бы себѣ руку, чѣмъ написалъ бы хотя одно слово въ просительномъ тонѣ, но ты — дѣло другое, ты человѣкъ, которому мнѣ не тяжко сказать все, а скажу же я тебѣ слѣдующее. Въ теченіе всего времени, которое я провелъ здѣсь за скромнымъ изъ скромнѣйшихъ дѣлъ, я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, какъ разъ отвѣчающимъ моимъ способностямъ и моему призванію: я сдалъ бывшимъ своимъ крестьянамъ за 300 руб. въ годъ въ аренду мой маленькій хуторишко и служилъ по крестьянскимъ дѣламъ, возлюбя это дѣло и находя въ занятіи имъ безконечный рядъ наслажденій самаго пріятнаго для меня свойства. Я видѣлъ посѣвъ и наблюдаю всходы

прекрасныхъ сѣмянъ, о которыхъ всѣ мы такъ восторженно мечтали въ святые годы восторженной юности и ради добытія которыхъ не прочь были иногда отъ предпринятія восторженныхъ же, дѣтскихъ, но благородныхъ глупостей. (Пошли со мною вмѣстѣ миръ и благословеніе этимъ отшедшимъ прекраснымъ днямъ, дающимъ такія сладкія воспоминанія). Ко всему этому, признаюсь тебѣ, я къ концу четвертаго десятка такъ осѣдлился здѣсь, что задумалъ было и жениться, конечно не по разсчету и не по прикладнымъ соображеніямъ, однако этому, какъ кажется, не суждено осуществиться, и я эту статью уже выписалъ въ расходъ, но мнѣ, дружище, опротивѣла вдругъ моя служба, и опротивѣла непереносно. Опротивѣла она не сама по себѣ, а по массѣ непріятностей, которыя сыпятся на меня оттуда, откуда бы, кажется, я могъ ожидать одного только животворящаго сочувствія. Не могу тебѣ выразить, какъ это нестерпимо для меня, что въ наше время,—хочешь ты или не хочешь,—непремѣнно долженъ быть политикомъ, къ чему я, напримѣръ, не имѣю ни малѣйшаго влеченія. Я бы не хотѣлъ ничего иного, какъ только дѣлать свое дѣло съ неизмѣнною всегдашнею и тебѣ, можетъ-быть, памятною моею увѣренностью, что, дѣлая свое дѣло честно, исполняя ближайшій долгъ свой благородно, человѣкъ самымъ наилучшимъ *органическимъ* образомъ служитъ наилучшимъ интересамъ своей страны, но у насъ въ эту пору повсюду стало не такъ; у насъ теперь думаютъ, что прежде всего надо стать съ кѣмъ-нибудь на ножи, а дѣло уже потомъ; дѣло—это вещь второстепенная. По-моему, это ужасная гадость, и я этого сколько могъ тщательно избѣгалъ и, представь ты, нашелъ себѣ черезъ «эту подлость» массу недоброжелателей, приписывавшихъ мнѣ всяческія дурныя побужденія, безпрестанно ошибавшихся въ своихъ заключеніяхъ, досадовавшихъ на это и наконецъ окончательно на меня разгнѣвавшихся за то, что не могутъ подвести меня подъ свои таблицы, не могутъ сказать: что я такое и что за планы крою я въ коварной душѣ моей? Ты,

вѣроятно, улыбаешься этому, но мнѣ отъ этого стало очень невесело. На-дняхъ, то-есть мѣсяцъ, полтора тому назадъ, наши палестины посѣтили два великіе мужа, Гогъ и Магогъ нашего комическаго времени; отставной, но приснопамятный вождь безоружныхъ воителей, Іосафъ Висленевъ, и человѣкъ, имени котораго мы когда-то положили не произносить, драгоцѣнный Пашенька Гордановъ. Что такое они намѣрены здѣсь дѣлать—я разгадать не могу, хотя вижу и чувствую, что они набѣжали сюда за «предпріятіемъ», но за предпріятіемъ, не похожимъ ни на что прежнее, и представь же ты себѣ, что силой судебъ я сталъ этимъ людямъ поперекъ дороги и, вдобавокъ ко всему, не чувствуя ни малѣйшей охоты уступать имъ этой дороги, я буду, кажется, вынужденъ къ такой уступкѣ. Друзья они или враги, и какою веревочкой ихъ лукавый спуталъ, этого я не доискиваюсь, да это и не важно, но они здѣсь очень торопливо начали поправлять свои юношескія ошибки: одинъ, уступивъ нѣкогда сестрѣ часть дома, закладываетъ его теперь весь цѣликомъ въ свою пользу, а другой, уступивъ нѣкогда кое-что своимъ мужичкамъ, тоже нынче обращаетъ это назадъ, достигая этого способомъ самымъ недостойнымъ. Подробности разсказывать нечего, бѣдный народишко нашъ еще теменъ, подпилъ и невѣдомо что загалдилъ, а я всею маленькой силой моего уряда воспротивился этой сдѣлкѣ и остановилъ ее, за что и обвиненъ чуть ли не во взяточничествѣ. (Акатовъ поторопился и сдвинулъ съ листа бумаги свой мизинецъ). Тебѣ не разсказывать стать, что за персона Гордановъ, ты знаешь, что для него нѣтъ ничего святого: это же, конечно, извѣстно и твоему зятю, Михайлѣ Андреевичу Бодростину, который тоже многіе годы не могъ о немъ слышать и даже теперь, въ первые дни пребыванія здѣсь Павла Николаевича, вездѣ по городу разсказывалъ блѣдные отрывки изъ его черной исторіи. Бѣдный старикъ вовсе и не подозрѣвалъ, что онъ строитъ этимъ Горданову торжество. Это престранное и прехарактерное явленіе, какъ у насъ нынче повсемѣстно интересу-

ются бездѣльниками и нѣжнѣйше о нихъ заботятся! Можешь быть какимъ тебѣ угодно честнымъ человѣкомъ, и тебя никогда не замѣтятъ, но появись ты только въ предшествіи скандальной репутаціи, и на тебя лорнеты обратятся. Какое-то влеченье, родъ недуга; клевещи, напримѣръ, на честнаго человѣка сколько хочешь, и это ничего: самые добрые люди только плечами пожмутъ и скажутъ: «Таковъ-де ужъ свѣтъ, на Христа прежде насъ клеветали», но скажи правду про негодяя... О! Это преступленіе, котораго тебѣ не простятъ. Это, говорятъ, «жестокость!» У каждаго бездѣльника въ одну минуту отыскивается въ обществѣ столько защитниковъ, сколько честная мать семейства и труженикъ-отецъ не дождутся во всю свою жизнь. Словно это исключительно вѣкъ мошенниковъ, словно это настало ихъ царствіе... Право! Я сужу такъ по тому, что вижу въ своемъ углѣ, и по тому, что, напримѣръ, читаю въ литературѣ. Неразборчивость въ якшательствѣ съ негодяями повсемѣстная. Читай ты, напримѣръ, Теккерея, онъ выводитъ въ «*Базарѣ житейской суеты*» героиню-мошенницу, Ребекку Шарпъ, и говоритъ не обинуясь, что «Ребекка Шарпъ есть лицо собирательное, принадлежащее поколѣнію англичанъ, дѣйствовавшему послѣ 1818 года», и этимъ никто изъ честныхъ англичанъ этой поры не обижался, тогда какъ у насъ за такую вещь Теккерея, конечно, назвали бы по меньшей мѣрѣ инсинуаторомъ и узколобымъ дуракомъ, который «не умѣлъ понять людей, дѣйствовавшихъ послѣ 1818 года». (Нынче мошенники все жалуются, что ихъ «не понимаютъ», словно они какіе мудрецы). Нѣтъ ли здѣсь повода скорбѣть за смыслъ и за совѣсть? Бездѣльничества нашего благороднаго друга Горданова сдѣлались здѣсь милыми анекдотами и, служа въ теченіе нѣсколькихъ дней самою любимою темой для разговоровъ, пріуготовили ему тріумфъ, какого онъ едва ли и ожидалъ: гдѣ онъ ни появлялся, на него смотрѣли какъ на бѣлаго слона и, насмотрѣвшись, пошли его нарасхватъ звать и принимать. Ты не повѣришь, что молодецъ этотъ до того всѣхъ здѣсь очаровалъ, до того всѣхъ обошелъ, что

знакомствомъ съ нимъ у насъ стали даже кичиться: стали звать гостей на чай «съ Гордановымъ», на обѣдъ «съ Гордановымъ», подумай, пожалуйста, какая сила есть въ подлости! Самъ заклятый врагъ его, зять твой Бодростинъ, и тотъ, наконецъ, не стерпѣлъ и снова водитъ съ нимъ хлѣбъ и соль, и они вмѣстѣ что-то тоже «предпринимаютъ». Не спросишь ли меня: какое мнѣ до всего этого дѣло? Никакого, но вотъ бѣда: этому мерзавцу есть до меня какое-то дѣло. Я помѣшалъ ему надуть крестьянъ, хотя, впрочемъ, помѣшалъ ненадолго, потому что они, улещенные обѣщаніями и опоенные водкой, опять-таки просятъ вполнѣ невыгодной для нихъ мѣны землей, и вотъ теперь всѣ трубящіе славу Горданова трубятъ, что я его притѣснялъ, что я съ него что-то вымогалъ. (Акатовъ снялъ съ листка и другой мизинецъ). Поддерживается все это мастерскимъ образомъ и вредитъ мнѣ всемѣрно, тѣмъ болѣе, что Гордановъ въ самомъ дѣлѣ, повидимому, располагаетъ очень свободными средствами и вывернулся превосходно: онъ теперь землю, отнимаемую имъ у крестьянъ, обѣщаетъ занять уже не заводомъ, какъ говорилъ мнѣ, когда просилъ моего содѣйствія, а ремесленною школой, которою приводитъ въ восторгъ и Бодростина, и губернатора. Словомъ, я явился въ дуракахъ и съ покоромъ чести. (Акатовъ совсѣмъ выбросилъ письмо изъ рукъ на столъ и продолжалъ читать глазами, переворачивая странички концомъ карандаша). Но Богъ съ нимъ, я бы и это снесъ (писалъ далѣе Подозеровъ), и почестнѣе меня людей порочатъ, но мнѣ, наконецъ, грозятъ иною бѣдой: вина моя, заключающаяся въ защитѣ крестьянъ, не позабывается, а все возрождается какъ сфинксъ въ новомъ видѣ. Пять дней тому назадъ былъ у меня Бодростинъ, и, со свойственною ему прямотой и честностію, сказалъ мнѣ, будто бы ему «сообщено», что я не могу быть терпимъ на службѣ, какъ человѣкъ вреднаго образа мыслей! Можешь себѣ вообразить, какъ это идетъ ко мнѣ! Но, однако, вотъ видно, если не пристало, то прилипло. На вопросъ, сдѣланный мною Бодростину: вѣритъ ли онъ этой нелѣпицѣ,—онъ началъ съ

«конечно, хотя и разумѣется» и свелъ на «но» и на «говорятъ», вообще построилъ рѣчь по извѣстному плану. безнадежному для человѣка, требующаго защиты и оправданія. Послѣ этого мы поговорили крупно, и такъ крупно, что, кажется, болѣе не пожелаемъ другъ съ другомъ видѣться и едва ли станемъ говорить. Хотя дерзостей ни съ той, ни съ другой стороны сказано не было, но тѣмъ не менѣе мы, вѣроятно, разошлись навѣки. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ не вѣритъ, но допускаетъ возможность, что я, по странности моего характера, симпатіямъ къ народу, по увлеченіямъ теоріями и поджигательными статьями газетъ, могъ *забыться*, а я... я въ свою очередь указалъ ему на другое, и однимъ словомъ, мы болѣе не друзья. Такова, видно. у насъ роковая судьба путныхъ людей ссориться между собою за мошенниковъ, подъ предлогомъ разномыслія въ теоретическихъ началахъ, до которыхъ мошенникамъ нѣтъ никакого дѣла и къ которымъ они льнутъ только для того. чтобы шарлатанствовать ими. Но извини, что я болтливъ: это слабость людей оскорбленныхъ. Продолжаю мою исторію. Тяжко обиженный взведеннымъ на меня нелѣпымъ обвиненіемъ, я обратился къ губернатору и просилъ его разъяснить: кто и на какихъ основаніяхъ мараетъ меня такою клеветой, но его превосходительство, спустя носъ на усы и потомъ поднявъ усы къ носу и прыгнувъ съ каблуковъ на носки и обратно, коротко и ясно отвѣчалъ мнѣ. что онъ «краснымъ соціалистамъ никакихъ объясненій не даетъ». Я пробовалъ искать разгадки этому еще у двухъ-трехъ лицъ, но со мною не говорятъ, меня чуждаются и, наконецъ, даже меня не принимаютъ. Насилу-насилу, чрезъ посредство нѣкоторыхъ дружески расположенныхъ ко мнѣ дамъ (изъ которыхъ объ одной замѣчательной женщинѣ, Александрѣ Ивановнѣ Синтяниной, я нѣкогда много писалъ тебѣ, описывая мои здѣшнія знакомства), я узналъ, что все это построено на основаніяхъ прочныхъ: на моихъ. конечно, самыхъ невинныхъ, разговорахъ съ крестьянами г. Горданова. Фактъ на-лицо, и дѣлать, стало-быть, нечего:

я «красный,—человѣкъ опасный», и мнѣ надо отсюда убираться. Не знаю, чувствуешь ли ты, Григорій, хотя долю того душащаго негодованія, которымъ я въ эту минуту какъ злымъ духомъ одержимъ, доканчивая это несвязное письмо, но ради всяческаго добра, которое ты чтишь, опредѣли меня, другъ мой, братъ и товарищъ, опредѣли меня куда-нибудь на службу ли, къ частному ли дѣлу—мнѣ это все равно; но только скорѣе отсюда! Я пойду спокойно въ помощники столоначальника и даже въ писаря къ тебѣ въ департаментъ, подъ твою команду, или въ любую контору, лишь бы только съ меня требовали работы, труда, дѣла, а не направленій, не мнѣній, которыя я имѣю и хочу имѣть не про господъ, а про свой расходъ, и которыя, кромѣ меня самого, можетъ-быть, никому и ни на что не годятся. Я ищу одного: укромнаго мѣста, гдѣ бы могъ зарабатывать кусокъ хлѣба внѣ всякой зависимости отъ получившихъ для меня особое значеніе требованій идоложертвеннаго служенія направленіямъ и громкимъ словамъ, во имя которыхъ на глазахъ моихъ почти повсюду совершается профанація священнѣйшихъ для меня идей. Пособи мнѣ, голубчикъ Гриша, въ этомъ случаѣ сколько хочешь и сколько можешь, а, главное, отвѣть мнѣ словечко скоро, безъ промедленія, чтобы до крайней степени натянутое терпѣніе мое не столкнулось еще съ чѣмъ-нибудь новымъ и на чемъ-нибудь не оборвалось.

Твой *Андрей Подозеровъ.*

«P.S. Прибавлю тебѣ къ моей длинной сказкѣ смѣшную присказку: у насъ тутъ на сихъ дняхъ случилась престранная исторія, не чуждая мистическаго элемента. Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, послѣ нашихъ съ нимъ объясненій, уѣхалъ въ Москву, а вчера въ сумерки твоя сестра Глафира Васильевна, гуляя по длинной аллеѣ въ задней части своего огромнаго парка въ селѣ Бодростинѣ, встрѣтила лицомъ къ лицу самого его же, Михаила Андреевича, шедшаго къ ней навстрѣчу съ закрытыми глазами и въ его кирасирскомъ мундирѣ, котораго онъ не надѣ-

валъ двадцать лѣтъ и у котораго на этотъ разъ спина была разрѣзана до самаго воротника. Сестра твоя, при всей ея геройской смѣлости, сробѣла, закричала и упала въ обморокъ на руки Висленева. На крикъ Глафиры Васильевны прибѣжали сестра Іосафа Висленева, молодая дѣвушка Лариса, и Гордановъ, бывшіе въ другой части парка и въ противномъ концѣ той же аллеи. Эта пара тоже лицомъ къ лицу встрѣтилась съ тѣмъ же Бодростинымъ, который этихъ уже не испугалъ, но удивилъ разрѣзанною спиной своего стараго, узкаго и кургузаго мундира. Бросились искать Михаила Андреевича и нигдѣ его не нашли; ни садовники, ни прислуга нигдѣ его не видали. Нашли только падчерицу Синтяниной, глухонѣмую дѣвочку Вѣру: она рвала мать и мачиху на опушкѣ парка. Ее тоже спросили, не видала ли она Михаила Андреевича? И представь, она тоже отвѣчала знакомъ, что видѣла. А когда ее спросили, куда онъ пошелъ, то она, улыбаясь, отвѣтила: «повсюду», но это дитя больное и экспансивное. Глафира Васильевна велѣла принести себѣ кирасирскій мундиръ Михаила Андреевича, и мундиръ былъ весь цѣлъ, а черезъ часъ получена была изъ Москвы депеша отъ Бодростина о томъ, что онъ два часа тому назадъ прибылъ туда благополучно, и затѣмъ вечеръ закончился ужиномъ и музыкой. Такимъ образомъ, вотъ тебѣ у насъ даже и свое «видѣніе шведскаго короля». Но смѣйся или не смѣйся, а всѣ бодростинскіе люди по этому случаю страшно оробѣли, и посолъ, привезшій мнѣ сегодня изъ Бодростинской усадьбы нѣкоторыя мои книги, разсказывая мнѣ «ужасное чудо», съ трепетомъ добавилъ, что это уже не первое, и что пастухъ Панька косолапый подъ самый Ивановъ день видѣлъ, какъ изъ рѣчки выползли на берегъ два рака, чего этотъ косолапый Панька такъ испугался, что ударился безъ оглядки бѣжать домой, но упалъ и слышалъ, какъ застонала земля, послѣ чего этотъ бѣднякъ чуть не отдалъ Богу свою младенчески-суевѣрную душу. Не замѣнятъ ли меня, наконецъ, въ общественномъ вниманіи хоть эти раки, или не буду ли я,

напротивъ, употребленъ на сугубое позорище, дабы оторвать вниманіе людей отъ этихъ раковъ?»

Акатовъ свернулъ листокъ, сунулъ его въ карманъ и во весь обратный путь домой все мысленно писалъ Подозерову отвѣтъ,—отвѣтъ уклончивый, съ безпрестанными «конечно, хотя, разумѣется» и печальнѣйшимъ «но», которымъ въ концѣ всѣ эти «хотя и разумѣется» сводились къ нулю въ квадратѣ. Письмо начиналось товарищескимъ вступленіемъ, затѣмъ развивалось полушуточнымъ сравненіемъ индивидуальнаго характера Подозерова съ коллективнымъ характеромъ Россіи, которая вездѣ хочетъ, чтобы признали благородство ея поведенія, забывая, что въ нашъ вѣкъ надо заставлять знать себя; далѣе въ отвѣтѣ Акатова мелькомъ говорилось о неблагодарности службы вообще «и *хоть*, молъ, мнѣ будто и везетъ, *но* это досталось такими-то трудами», а что касается до ходатайства за просителя, то «*конечно*, Подозеровъ можетъ не сомнѣваться въ теплѣйшемъ къ нему расположеніи, *но*, однако же, *разумѣется* и не можетъ неволить товарища (то-есть Акатова) къ отступленію отъ его правила не предстательствовать нигдѣ и ни за кого изъ *близкихъ* людей, въ числѣ которыхъ онъ всегда считаетъ его, Подозерова».

Таково было письмо, которое Подозеровъ долженъ былъ получить отъ несомнѣннаго друга своего Акатова, но онъ его не получилъ, потому что «хотя» Акатовъ и имѣлъ несомнѣнное намѣреніе написать своему товарищу таковое письмо, «но» пока доѣхалъ до дому, онъ уже почувствовалъ, что какъ бы еще лучше этого письма совсѣмъ не писать.

«И не странно ли все это?»—разсуждалъ, засыпая послѣ обѣда въ креслѣ, Акатовъ. — «Положимъ, что Гордановъ всегда и былъ, и есть, и будетъ мерзавецъ, но почему же я знаю теперь, каковъ сталъ и Подозеровъ? Провинція растлѣваетъ нравы... И наконецъ этотъ цинизмъ: «взятки», «вымогательство»... фуй! Почему же на меня этого не скажутъ? Почему ко мнѣ никакой этакій Гордановъ не подкрадется?»

— Подкрадется, ваше превосходительство, клянусь святымъ Патрикомъ, подкрадется,—прогнусилъ въ отвѣтъ Акатову, немножко задыхаясь, дремучій семинаристъ Ѳеоктистъ Меридіановъ, котораго Акатовъ едва ли когда видѣлъ, не зналъ по имени и не пустилъ бы къ себѣ на порогъ ни въ домъ, ни въ департаментъ, но богъ Морфей ничѣмъ этимъ не стѣсняется и сводитъ людей въ такія компаніи, что только ахнешь проснувшись, и Акатовъ ахнулъ, и совсѣмъ позабылъ и о Подозеровѣ, и о его письмѣ, и вотъ причина, почему Подозеровъ ждетъ дружескаго отвѣта «разумѣется» очень нетерпѣливо, «но совершенно напрасно».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Порѣзъ до крови.

Въ этотъ же самый день капиталистъ Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій, засѣдая въ помѣщеніи одной редакціи въ казенномъ домѣ, между массой доставляемыхъ корреспонденцій, прочелъ полуофиціальное извѣщеніе: «На сихъ дняхъ здѣсь получила большую скандальную огласку довольно недостойная исторія, касающаяся здѣшняго члена отъ правительства по крестьянскимъ дѣламъ г. Подозерова. Этого чиновника, вообще довольно нелюдимаго и пользующагося нѣсколько странною репутаціей, теперь всѣ въ одинъ голосъ обвиняютъ въ вымогательствѣ денегъ съ помѣщика Павла Горданова за сдѣлку сего послѣдняго съ крестьянами по размѣнѣ нѣкотораго поземельнаго участка, гдѣ Гордановъ вознамѣрился построить для крестьянъ ремесленную школу. Встрѣтивъ отпоръ со стороны г. Горданова, чиновникъ Подозеровъ агитировалъ будто бы среди крестьянъ въ пользу идей безпорядка, чему здѣсь знающіе демократическія наклонности г. Подозерова вполнѣ вѣрятъ. По дѣлу этому было произведено секретное дознаніе, и оказалось, что дѣйствительно проживающій здѣсь отставной майоръ Форовъ и священникъ Евангелъ Минервинъ, проходя однажды чрезъ деревушку г. Горданова, подъ предлогомъ

ловли въ озерѣ карасей, остановились здѣсь, подъ видомъ напиться квасу, и вели съ нѣкоторыми крестьянами разговоръ, имѣвшій, очевидно, цѣлью возбуждать въ крестьянахъ чувство недовѣрія къ намѣреніямъ г. Горданова. Во избѣжаніе огласки, формальнаго слѣдствія по этому дѣлу не предполагается и начальство намѣрено ограничиться однимъ дознаніемъ съ конфиденціальнымъ сообщеніемъ куда слѣдуетъ о дѣйствіяхъ Подозерова и священника Минервина, а за майоромъ Филетеромъ Форовымъ, издавна извѣстнымъ въ городѣ своимъ вреднымъ образомъ несбыточныхъ мыслей и стремленій, строго вмѣнено мѣстной городской полиціи въ обязанность имѣть неослабленное наблюденіе».

Кишенскій помѣтилъ это сообщеніе «къ свѣдѣнію», сдѣлалъ изъ него вымѣточку себѣ въ записную книжку и, перейдя въ другую редакцію, помѣщавшуюся уже не въ казенномъ домѣ, начерталъ: «*Дѣятель на всѣ руки*».— «До чего, наконецъ, дойдутъ наши маскированные соціалисты, этому, кажется, нѣтъ никакихъ границъ и никакихъ геркулесовыхъ столбовъ. Намъ пишетъ вполнѣ заслуживающій довѣрія землевладѣлецъ, что у нихъ есть одинъ дѣятель, нѣкто А. И. П—овъ, стяжавшій себѣ въ своемъ муравейникѣ славу страстотерпца за «священныя права хлѣбопашца», наконецъ вымогательствами вещественныхъ знаковъ признательности съ помѣщика П. Н. Гор—ва за право выстроить для крестьянъ ремесленную школу. Вѣроятно, этотъ дѣятель найдетъ себѣ горячую поддержку со стороны органовъ нашей печати, взявшихъ себѣ исключительную привилегію агитировать подъ предлогомъ патріотизма».

Затѣмъ, вечеромъ, редакціи третьей газеты Кишенскій далъ напечатать корреспонденцію, въ которой восхвалялся здравый смыслъ народа, не поддавшагося наущеніямъ попа и двухъ агитаторовъ, изъ которыхъ одинъ, чиновникъ П—ровъ, даже имѣетъ власть въ крестьянскихъ дѣлахъ. «Какъ жаль,—заключилъ онъ эту замѣтку,—что въ назначеніи къ подобнымъ должностямъ у насъ не соблюдается вся осторожность, которая была бы здѣсь такъ умѣстна».

Все это было напечатано и вышло въ свѣтъ, а на другой день къ Кишенскому влетѣла Ванскокъ и, трепля косицами и раздувая ноздри, потребовала вниманія къ листу бумаги, измаранному ея куриными гіероглифами. Здѣсь она, со словъ только что полученнаго ею отъ Висленева письма, описывала ужасное событіе съ Гордановскимъ портфелемъ, который неизвѣстно кѣмъ разрѣзанъ и изъ него пропали значительныя деньги, при такихъ обстоятельствахъ, что владѣлецъ этихъ денегъ, по чувству деликатности къ семейной чести домовладѣльца, гдѣ случилось это событіе, даже не можетъ отыскивать этой покражи, такъ какъ здѣсь ложится тѣнь на нѣкоторыхъ изъ семейныхъ друзей домохозяевъ.

Ванскокъ хотѣла, чтобъ это немедленно было напечатано слово въ слово, какъ она сочинила и со всѣми именами, но Кишенскій ей отказалъ.

— За это, матушка игуменья, достается,—сказалъ онъ,— а мы такъ сдѣлаемъ... Онъ взялъ перо и написалъ на полѣ: «*Правда ли*, что нѣкто дѣятель василетемновскаго направленія, г. По—зеровъ (отчего бы не Позоровъ), будучи въ домѣ нѣкіихъ гг. Вис—выхъ, подъ видомъ ухаживанія за сестрой домохозяина, распоролъ неосторожно чужой портфель съ деньгами, отданными г. В. на сохраненіе другомъ его г. Го—вымъ?»

— Вотъ этакъ, матка, будетъ глаже: такъ и коротко, и узловато,—и комаръ носа не подточитъ, и всѣ, кому надо, уразумѣютъ, яко съ нами Богъ! Прыгай теперь къ Бабиневичу, чтобы завтра напечаталъ у себя подъ «правда ли?»

— Онъ не напечатаетъ.

— Ну, вотъ еще!

— Это фактъ! я къ нему разъ обращалась, и онъ закоробатился и отказалъ.

— Ну, все пустяки; скажите, что я просилъ: онъ не будетъ коробатиться.

— А онъ вамъ долженъ?

— Скажите, скажите только, что я просилъ, — подтвер-

дилъ, вставая, Кишенскій и, услыхавъ легкій стукъ въ двери изъ № 8, гдѣ снова процвѣтала вновь омеблированная на страховыя деньги «касса ссудъ», добавилъ полушопотомъ: ну, а теперь, игуменья, некогда больше, некогда—вонъ люди и за настоящимъ дѣломъ стучатъ.

Съ этимъ онъ полудружески, полупрезрительно толкнулъ Ванскокъ двумя пальцами въ плечо и, свиснувъ могучаго Іогана съ острова Эзеля, крикнулъ ему: «Выпусти госпожу!» повернулся и ушелъ.

Слово Кишенскаго оказалось съ большимъ вѣсомъ, и Ванскокъ на другой же день взяла въ конторѣ Бабиневича на полтинникъ двадцать листиковъ его изданія и послала ихъ въ бандерольке Іосафу Платоновичу Висленеву.

Послѣдуемъ и мы за этою картечью, которою Павелъ Николаевичъ обстрѣливаетъ себѣ позицію, чтобы ничто не стояло предъ прицѣлами сокрытыхъ орудій его тяжелой артиллеріи. Читатель всеусерднѣйше приглашается отрясти прахъ отъ ногъ своихъ въ гнѣздѣ сорока разбойниковъ и перенестись отсюда на поля, гдѣ долженъ быть подвергнутъ ожесточеніямъ, и пыткѣ, и позору нашъ испанскій дворянинъ въ его разодранномъ плащѣ и другіе наши друзья.

Путь намъ теперь лежитъ черезъ хуторной домикъ Александры Ивановны Синтяниной, гдѣ блѣдною ручкой глухонѣмой нимфы Вѣры повѣшены на желтыхъ перевеслахъ золотистой соломы, сохнутъ и валятся пучки душистаго чебра, гулявицы, калуфера и горькой руты.

Часть третья.

КРОВЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кипятокъ.

Хуторъ Починокъ, любимый пріютъ генеральши Синтяшиной, отстоитъ отъ города въ восьми верстахъ. Справа отъ него, въ трехъ верстахъ, богатое Бодростинское подгородное имѣніе, влѣво—торговое село Рыбацкое и Ребровъ хуторъ, куда майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ постоянно ходилъ къ другу своему, отцу Евангелу. Починокъ стоялъ въ низменности, между двумя плоскогорьями, занятыми селомъ Рыбацкимъ и обширною барскою Бодростинскою усадьбой, старый англійскій паркъ которой достигалъ до самаго рубежа Починскихъ полей. Починокъ, которымъ владѣли Синтянины и Ребровъ хуторъ, на которомъ жилъ при церкви отецъ Евангелъ, были маленькіе поселки, ихъ почти и не видать было между селами Бодростинымъ и Рыбацкимъ. Весной, когда полевые злаки еще не поднялись надъ землей выше чѣмъ прячется грачъ, хуторки еще чуть-чуть обозначались, словно забытыя копенки прошлогодняго сѣна; но чуть лишь нива забирала силу и шла въ ростъ, отъ ветхаго купола ребровской колокольни только мелькалъ крестикъ. Что же касается до Синтянинскаго ху-

тора, то его и совсѣмъ нельзя было видѣть, пока къ нему не подъѣдешь по неширокой, малопроѣзжей дорожкѣ, которая отбѣгала въ сторону отъ торной и пыльной дороги, соединяющей два большія села на крайнихъ точкахъ нагорнаго амфитеатра.

Хуторъ Починокъ возникъ потому, что протекающій здѣсь небольшой ручеекъ подалъ одному однодворцу мысль поставить тутъ утлую мельницу, изъ разряда извѣстныхъ въ серединной Россіи «колотовокъ», и въ такомъ видѣ, съ одною мельничною избой, этотъ хуторъ-невидимка былъ купленъ генераломъ Синтяниным, жена котораго свила себѣ здѣсь гнѣздышко. Хуторокъ и теперь такой же невидимка, но онъ уже не тотъ бобыльникъ, какимъ былъ въ однодворческихъ рукахъ: на него легла печать раченія и вкуса. Никакихъ затѣй и претензій здѣсь нѣтъ и слѣда, но какъ только вы обогнули маленькій зигзагъ по малопроѣзженной дорожкѣ, предъ вами вырастаютъ исправныя соломенныя крыши очень дружественно расположившихся строеній. Небольшой ручеекъ, бѣгущій съ горъ изъ-подъ лѣса по ржавымъ потовинамъ, здѣсь перехваченъ плотинкой и образуетъ чистый, блестящій прудокъ, въ которомъ вода тиха какъ въ чашѣ; на этомъ прудѣ стоитъ однопоставная меленка съ маленькою толчеей для льна. Это центральное мѣсто, къ которому всѣ другія строенія поселка какъ будто бы чувствуютъ почтеніе: сараи, сарайчики, амбары, амбарушки, хлѣвки и закутки—все это съ разныхъ сторонъ обступило мельницу, поворотилось къ ней лицомъ, смотритъ на ея вращающееся колесо, какъ безграмотные односельчане глядятъ на старушку, сотый разъ повторяющую имъ по складамъ старую, тихоструйную повѣсть.

Господскаго домика вовсе не видно и его собственно здѣсь и нѣтъ, потому что небольшая, оштукатуренная пристройка при высокомъ сосновомъ амбарѣ никакъ не имѣетъ права претендовать на званіе самаго скромнаго господскаго домика, но эта пристройка и есть жилье Александры Ивановны Синтяниной. Здѣсь двѣ небольшія комнаты, подъ

окнами которыхъ разбитъ маленькій цвѣтникъ, засѣянный неприхотливыми душистыми цвѣтками. Небольшой плодовый садикъ полонъ густого вишняка и малины; за этимъ садикомъ есть небольшой, очень стройный молодой осинникъ, въ которомъ бьетъ студеный родникъ прекрасной воды и предъ нимъ устроены небольшая деревянная бесѣдочка и качели. Растительность на хуторѣ вообще довольно сильная; все свѣжо, сильно, бодро, зелено, но не высоко: прибрежныя лозы пруда, ракиты, окружающія всѣ пристройки, и владимірскія вишни, и сливы, и груши, и все это какъ будто рѣшилось скрываться и не тянулось вверхъ. Только однѣ осинки выбѣжали немножко повыше и постоянно шепчутъ своими трепещущими листками о томъ, что видятъ за каймой этой маленькой усадьбы.

Стояли послѣдніе жаркіе дни августа, на дворѣ былъ пятый часъ, но солнце, несмотря на свое значительное уклоненіе къ западу, еще жгло и палило немилосердно. Въ небольшой комнаткѣ оштукатуренной пристройки, составлявшей жилье Александры Ивановны Синтяниной, ставни обоихъ оконъ были притворены, а дверь на высокое крыльцо, выходившее на тѣневую сторону, раскрыта настежъ. Здѣсь, въ небольшой комнатѣ, уставленной старинною мебелью, помѣщались теперь два знакомыя намъ лица, сама генеральша и другъ ея, майорша Катерина Астафьевна Форова. Александра Ивановна писала предъ стариннымъ овальнымъ столомъ, утвержденнымъ на толстой тумбѣ, служившей маленькимъ книжнымъ шкафомъ, а майорша Катерина Астафьевна Форова, завернутая кое-какъ въ узенькое платье, безъ шейнаго платка и безъ чепца, сидѣла на полу, лицомъ къ открытой двери, и сматывала на клубокъ нитки, натянутыя у нея на выгнутыхъ колѣнахъ. Она, очевидно, была не въ духѣ, постоянно скусывала зубами узелки, сердилась и ворчала.

— Ахъ, чтобы вамъ совсѣмъ пусто было! — повторила она въ двадцатый разъ, бросивъ на полъ клубокъ и принимаясь теребить на колѣнахъ запутанныя нитки.

Этимъ восклицаніемъ нарушилась царствовавшая въ комнатѣ глубокая тишина, и Александра Ивановна остановила свое перо и, приподнявъ лицо, взглянула на майоршу.

— Чего ты на меня смотришь? спросила Форова, не видя, но чувствуя на себѣ взглядъ своего друга.

— Я все слушаю, съ кѣмъ ты это перебраниваешься?

— Сама съ собою бранюсь, съ кѣмъ же мнѣ больше браниться?

Синтянина замолчала и снова взялась за перо.

Прошла минута и щелканье наматываемой нитки вдругъ опять оборвалось, и опять послышался восклик Форовой: «пусто-бъ вамъ было!»

— Перестань, Катя, браниться, — отозвалась Синтянина.—Не стыдно-ли тебѣ срывать свою досаду на ниткахъ?

— Я, милая, вѣдь сказала тебѣ, что я на себѣ ее срываю.

— И на себя тебѣ не за что злиться.

— Да вотъ, забыла, о чемъ съ мужемъ послѣ свадьбы говорила, оттого и нитокъ не распутаю. На свою память сержусь, и съ этимъ майорша, отбросивъ клубокъ, схватила жестянку изъ-подъ сардинокъ, въ которой у нея лежали ея самодѣльныя папироски и спички, и закурила.

— А я между тѣмъ, пока ты злилась, кончила письмо, сказала Синтянина, пробѣгая глазами листокъ.

— Ну, и прекрасно, что кончила, я очень рада: конецъ всему дѣлу вѣнецъ.

— Ты хочешь послушать, что я ему написала?

— М... м... м... это, мой другъ, какъ тебѣ угодно.

— Да полно тебѣ въ самомъ дѣлѣ дуться! Что это за вздоръ такой: дуешься на меня, дуешься на своего мужа и на весь свѣтъ, и все изъ-за посторонняго дѣла. Глупо это, Катя!

— Во-первыхъ, я не дуюсь на весь свѣтъ, потому что хоть я, по твоимъ словамъ, и глупая, но знаю, что весь свѣтъ моего дутья не боится, и во-вторыхъ, я не въ тебя и не въ моего муженька, и дѣлъ близкихъ мнѣ людей чужими не считаю.

Снитянина встала, подошла къ Форовой, опустилась возлѣ нея на полъ, покрывъ половину комнаты волнами своего свѣтлаго ситца, и, обнявъ майоршу, нѣжно поцѣловала ее въ сѣдую голову.

— Катя, — сказала она, — ты сердишься понапрасну, и когда ты одумаешься, ты увидишь, что ты была очень неправа и предо мной, и предъ твоимъ мужемъ.

— Никогда я съ этимъ не соглашусь, — отвѣчала Форова,—никогда не стану такъ думать, я не стану такъ жить, чтобы молчать, видючи, какъ моихъ родныхъ... близкихъ людей мутятъ, путаютъ. Нѣтъ, никогда этого не будетъ; я не перестану говорить, я не замолчу; не стану по вашему хитрить, лукавить и отмалчиваться.

— Но постой же ты, пламень огненный, вѣдь ты же и не молчала, и вѣдь ты не молчишь, ты все говоришь Ларисѣ, а что изъ этого проку?

— Да и не молчу, и не молчу, а говорю!

— И ужъ разсорилась съ ней?

— Да, и разсорилась, и что же такое что разсорилась? И она не велика персона, чтобъ я ея боялась, да и съ меня отъ ея словъ позолота не слиняла: мы свои люди, родные, побранились да и только. Она меня выгнала изъ дома, ну и прекрасно: на что дура-тетка въ домѣ, когда новые друзья есть?

— Ну, и что же изъ этого вышло хорошаго?

— Хорошаго? Ничего не вышло хорошаго, да и быть нечему, потому что я только одна и говорю, всѣ потакаютъ, молчатъ. Что же дѣлать? Одинъ въ полѣ не воинъ. Да; а ты вотъ молчишь... ты, которой поручала ее мать, которою покойница, можно сказать, клялась и божилась въ послѣдніе дни, ты молчишь; Форовъ, этотъ ненавистный человѣкъ, который... все-таки ей по мнѣ приходится дядя, тоже молчитъ, да свои нигилистическія рацеи разводитъ; попъ Евангелъ, эта ваша кротость сердечная, который, по вашимъ словамъ, живой Бога узритъ, съ которымъ Лара бывало обо всемъ говоритъ, и онъ теперь только и знаетъ, что

бородой трясетъ, да своими широкими рукавищами размахиваетъ; а этотъ... этотъ Андрей... ахъ, пропади онъ, не помянись мнѣ его ненавистное имя!..

— Боже, Боже, какъ ослѣпляетъ тебя гнѣвливость!

— Не говори! Не уговаривай меня и не говори, а то меня еще хуже злость разбираетъ. Вы бросили мою бѣдную дѣвочку, бросили ее на произволъ ея дѣвичьему разуму и отошли къ сторонкѣ, и любуются: дескать наша хата съ краю, я ничего не знаю, иди себѣ, бѣдняжка, въ болото и заливайся.

Форова быстро сорвала съ колѣней мотокъ нитокъ, швырнула его отъ себя далеко прочь, въ уголъ, и, закрывъ руками лицо, начала тихо всхлипывать.

— Катя! перестань плакать, Бога ради, перестань! начала успокоивать ее Синтянина, отводя ея руки и стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Нельзя мнѣ, Саша, перестать, нельзя, нельзя, потому что моя Лара... моя бѣдная дѣвочка... пропала! Моя бѣдная, бѣдная дѣвочка!

— Не преувеличивай; ничего худого съ Ларисой не сталось, и время еще не ушло ее воротить.

— Нѣтъ, нѣтъ; я плачу не напрасно: сталось плохое и скверное, да, да... я знаю, о чемъ я плачу,—отвѣчала Форова, торопливо обтирая рукой глаза.—Время, Саша, ушло, ушло золотое времячко, когда она была съ нами.

— Ну, и что же съ этимъ дѣлать? Ты, Катя, чудиха, право: вѣдь она дѣвушка, ужъ это такой народъ неблагодарный: какъ ихъ не люби, а придетъ пора, онѣ не поцеремонятся и отшатнутся, но потомъ и опять вспомнятъ друзей.

— Да я дура что ли въ самомъ дѣлѣ, что я этого не понимаю? Нѣтъ, я плачу о томъ, что она точно искра въ соломѣ, такъ и гляжу, что вспыхнетъ. Это все та, все та, и Форова заколотила по ладони пальцемъ.—Это все оттого, что она предалась этой змѣѣ Бодростинихѣ... Эта подлая Глафирка никогда никого ни до чего добраго не доведетъ.

— Ахъ, Катя! Это даже непріятно! Ну, какъ тебѣ не стыдно такъ браниться!

— А что же мнѣ остается дѣлать, какъ не браниться? Вы вѣдь умныя, воспитанныя, и я не мѣшаю вамъ молчать, а я дура, и вы не мѣшайте мнѣ браниться.

— Ты въ самомъ дѣлѣ говоришь Богъ знаетъ что̀.

Форова обтерла глаза и, низко поклонясь, сказала смиреннымъ голосомъ:

— Да, я говорю Богъ знаетъ что̀, простите Христа ради меня, дуру, что я вамъ досаждаю. Я вамъ скоро не стану болѣе докучать. Я вижу, что я точно стала глупа, и я уйду отъ васъ.

И Катерина Астафьевна въ самомъ дѣлѣ встала, подняла изъ-подъ стула свой заброшенный мотокъ и начала его убирать.

— Куда же ты уйдешь? — спросила ее, улыбаясь, Синтянина.

— Это мое дѣло: куда ни пойду, а ужъ мѣшать вамъ не стану; слава Богу, еще на свѣтѣ монастыри есть.

— Но ты замужемъ, тебя въ монастырь не примутъ.

— Я разводъ возьму.

Синтянина разсмѣялась.

— Нечего, нечего потѣшаться! Нынче всѣмъ даютъ разводы, Саша: на себя грѣхъ взведу и разведусь.

— И тебѣ не стыдно нести такой вздоръ?

— Ну, такъ я безъ развода пойду на бѣдныя церкви собирать.

— Вотъ это другое дѣло!

— Да «другое». Нечего, нечего тебѣ на меня смотрѣть да улыбаться.

— Я теперь вовсе не улыбаюсь.

— Это все равно; я вижу, что у тебя на душѣ, да Богъ съ тобой, я тебѣ очень благодарна, ты была ко мнѣ добра, но теперь ты совсѣмъ перемѣнилась. Богъ съ тобой, Саша, Богъ съ тобой!

— Неправда, Катя, неправда!

— Нѣтъ, я все вижу, я все вижу. Я прежде для тебя не была глупа.

— Ты и теперь для меня не глупа. Кто тебѣ сказалъ, что ты глупа? Ты это сама себѣ сочинила.

— Да, я сама сочинила, я все сама себѣ сочиняю. Я сочинительница: «*Петербургскія Трущобы*» это я написала. И я тоже счастливая женщина; очень счастливая, какъ же не счастливая? Всѣ видятъ, что я поперекъ себя шире, это всѣ видятъ, а что дѣлается у меня въ сердцѣ, до этого никому дѣла нѣтъ.

— Да что тамъ дѣлается-то, въ твоемъ сердцѣ? Этого даже не разобрать за твоимъ кипяченьемъ.

— А что дѣлается? Ты думаешь мнѣ легко, что я хожу да ругаюсь, какъ Гаврилка въ распивочной? Нѣтъ, другъ мой, одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ самой это противно, но не могу: какъ вспомню, что это сдѣлалось, что Подозеровъ отказался, что она живетъ у Бодростиной, гдѣ этотъ воръ Гордановъ, и не могу удержаться. Помилуй и сама посуди: жили мы всѣ вмѣстѣ, были друзья-пріятели; годы цѣлые прошли какъ мы иначе и не располагались, что Лариса будетъ за Подозеровымъ, и весь городъ объ этомъ говорилъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего разрывъ, и какой разрывъ: ни сѣло, ни пало и разошлись. Кто это сдѣлалъ? Какъ ты хочешь, а это не само же собой случилось: онъ ее любилъ безъ понятія и всѣ капризы ея зналъ, и самовольство, и все любилъ; всякій, кто его знаетъ, долженъ сказать, что онъ человѣкъ хорошій, она тоже... показывала къ нему расположеніе, и вдругъ поворотъ: она дома не живетъ, а все у Бодростиной; онъ прячется, запирается, говорятъ, уѣхать хочетъ... Что же это такое?

— Ты говорила объ этомъ съ Ларисой?

— Обо всемъ въ подробности. Я ужъ взяла на себя такое терпѣнье, одна въ домѣ недѣлю сидѣла и дождалась ея на минуту. Но что же съ ней говорить: она вся въ себя завернулась, а внутри какъ искра въ соломѣ, вотъ-вотъ да и вспыхнетъ. «Я уважаю, говоритъ, Подозерова, но замужъ

за него идти не хочу». Я съ нею сцѣпилась и говорю: какого же еще, какого тебѣ, царевна съ мѣсяцемъ подъ косой, мужа нужно? Вычитываю ей: онъ человѣкъ трудящій, трезвый, честный, образованный, нрава прекраснаго, благородный, всѣмъ нравится, а она вдругъ отвѣчаетъ, что она очень рада, что онъ всѣмъ нравится, и желаетъ ему счастія.

— Она сказала это искренно?

— Совершенно искренно, съ полнымъ спокойствіемъ и даже съ радостью объявила, что Андрей Иванычъ самъ отъ нея отказался. Я просто этому сначала не повѣрила. Помилуй, что же это за скачки такіе? Я пошла къ нему, но онъ три дня запертъ какъ кикимора, и видѣть его нельзя; мужа посылала—нейдетъ, попъ—нейдетъ; тебя просила написать, ты не писала...

— Я написала, вотъ слушай, что я ему написала.

Синтянина вынула изъ незаклееннаго конверта листокъ и прочитала:

«Уважаемый Андрей Ивановичъ! Вы не одинъ разъ говорили мнѣ, что вы дружески расположены ко мнѣ и даже меня уважаете; мнѣ всегда было пріятно этому вѣрить, тѣмъ болѣе, что я и сама питаю къ вамъ и дружбу, и расположеніе, безъ этого я и не рѣшилась бы сказать вамъ того, что пишу вамъ во имя нашей испытанной дружбы. Меня удивляетъ ваше поведеніе по отношенію ко всѣмъ намъ, свыкшимся съ мыслію, что мы друзья. Зачѣмъ вы насъ покинули, заключились подъ замокъ и избѣгаете встрѣчи съ нами, какъ съ злѣйшими своими врагами? Я васъ не понимаю. Я знаю, что вы переносите незаслуженныя непріятности; но развѣ это поводъ оскорблять людей искренно къ вамъ расположенныхъ? Говорятъ, что вы хотите совсѣмъ уйти отъ насъ? и слухи эти, повидимому, имѣютъ основаніе. Катерина Астафьевна Форова узнала, что вы продаете вашу мебель и вашу лошадку.. »

— Нѣтъ; этого не нужно ему писать, перебила Форова.

— Отчего же?

— Такъ; не нужно; я не хочу, чтобъ онъ зналъ, что я имъ интересуюсь: ѣдетъ, и пусть ему скатертью дорожка.

Александра Ивановна пожала плечами и, обмочивъ въ чернила перо, тщательно зачеркнула все, что касалось Форовой и затѣмъ продолжала:

«Если непріятности, выпадающія здѣсь на вашу долю, такъ велики, или если вы такъ слабы, что не можете долѣе переносить ихъ, то, конечно, все, что мы можемъ сказать, это: дай Богъ вамъ лучшаго. Мое мнѣніе таково, что нѣтъ на свѣтѣ обитаемаго уголка, гдѣ бы не было людей, умѣющихъ и желающихъ досаждать ближнему, и потому я думаю, что въ этомъ отношеніи всѣ перемѣны не стоятъ хлопотъ, но всякій чувствуетъ и переноситъ досаду и горести по-своему, и оттого въ подобныхъ дѣлахъ никто никому не указчикъ. Одно, чего въ правѣ желать отъ васъ и что можетъ себѣ позволить высказать вамъ ваша дружба, это, чтобы вы не огорчали ее сомнѣніями. Прошу васъ прекратить свое заключеніе и пріѣхать ко мнѣ на хуторокъ, гдѣ наша тишь постарается успокоить ваши расходившіеся нервы, а наша скромность, конечно, не станетъ укорять васъ за отчужденіе отъ любящихъ васъ людей. Я васъ жду, потому что у меня есть дѣло, по которому я непременно должна поговорить съ вами».

— Хорошо? спросила Синтянина, докончивъ чтеніе.

— Прескверно.

— Отчего?

— Да что же тутъ написано?—ничего. Ты его еще и ублажаешь.

— А ты хочешь, чтобъ я его бранила въ письмѣ? Ну извини меня, милая Катя, я этого не сдѣлаю.

— Я этого и ожидала: я знаю, что онъ тебѣ дороже...

Синтянина слегка смутилась, но тотчасъ поправилась и отвѣчала:

— Да; ты отгадала: я не раздѣляю къ нему твоихъ нынѣшнихъ чувствъ, я его... считаю достойнымъ... полнаго уваженія.

— И любви.

— Да; и любви. Я сейчасъ посылаю это письмо,—посылаю его при тебѣ безъ всякихъ добавокъ, и увѣрена, что не пройдетъ двухъ часовъ, какъ Подозеровъ пріѣдетъ, и я буду говорить съ нимъ обо всемъ, и получу на все отвѣты, самые удовлетворительные.

Съ этимъ Александра Ивановна подошла къ окну и, толкнувъ рукой закрытую ставню, произнесла:

— Ба! вотъ сюрпризъ: онъ здѣсь.

— Кто? гдѣ?

— Подозеровъ! И посмотри ты на него, какъ онъ, бѣдняга, измученъ и блѣденъ!

Форова подошла и стала молча за плечомъ хозяйки. Подозеровъ сидѣлъ на земляной насыпи погреба и, держа въ лѣвой рукѣ своей худую и блѣдную ручку глухонѣмой Вѣры, правою быстро говорилъ съ ней глухонѣмою азбукой. Онъ спрашивалъ Вѣру, какъ она живетъ и что дѣлала въ то время, какъ они не видались.

— Вы учились? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала грустно дѣвочка, глядя на него глазами, полными мучительной тоски.

— Отчего?

— Меня оставила память.

Подозеровъ крѣпко сжалъ блѣдную ручку ребенка и, поцѣловавъ ее, остался наклоненнымъ къ нѣжной головкѣ Вѣры.

— Какъ онъ постарѣлъ? шепнула Форова.

— Ужасно, просто ужасно, отвѣчала Синтянина и громко позвала гостя по имени.

Подозеровъ поднялъ голову и улыбнулся. На блѣдно-желтомъ лицѣ его лежала печать тяжелаго страданія, только что осиленнаго мучительною борьбой.

— Пріодѣнься немножко здѣсь, а я выйду къ нему туда и мы пройдемъ въ осинникъ, проговорила Синтянина, выходя и пряча въ карманъ ненужное теперь письмо.

Форова быстрымъ движеніемъ остановила ее у двери и съ глазами, полными слезъ, заботливо ее перекрестила.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала Синтянина,—я обо всемъ переговорю.

Форова прижалась горячими губами къ ея щекѣ и прошептала:

— Онъ мнѣ ужасно жалокъ, Саша.

— Всѣ жалки, другъ мой, всѣ, кто живетъ живою душой: такъ суждено; и съ этими словами Синтянина вышла на крыльцо и привѣтливо протянула обѣ руки Подозерову.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Женскій умъ послѣ многихъ думъ.

Прошло болѣ часа. Александра Ивановна, сидя съ Подозеровымъ вдвоемъ въ своемъ осиновомъ лѣсочкѣ, вела большіе дружескіе переговоры. Она начала съ гостемъ безъ большихъ прелюдій и тономъ дружбы и участія, довольно прямо спросила его, что за слухи носятся, будто онъ оставляетъ городъ.

— Это совершенная правда, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Можно спросить, что же этому за причина?

— Причинъ, Александра Ивановна, цѣлая область и, пожалуй, нѣтъ ни одной: это зависитъ отъ того, какъ кто захочетъ смотрѣть на дѣло.

— А вы какъ на него смотрите?

— Я? я просто усталъ.

— Отъ борьбы.

— Нѣтъ, скорѣе отъ муки. Мучился, мучился и усталъ.

— Это, значитъ, что называется: не справился?

— Какъ хотите называйте: нельзя противъ рожна прать.

— Вы въ самомъ дѣлѣ имѣете очень измученный видъ.

— Да; я не особенно хорошо себя чувствую.

Синтянина вздохнула.

— Я знаю только ваши служебныя столкновенія съ губернаторомъ, съ Бодростинымъ, начала она послѣ паузы,— и болѣе не вижу предъ вами никакихъ рожновъ, отъ кото-

рыхъ бы надо бѣжать. Служба безъ непріятностей никому не обходится, на это ужъ надо быть готовымъ, и честный человѣкъ, если онъ будетъ себя выдерживать, въ концѣ-концовъ, всегда выиграетъ; а въ васъ, я вижу, нѣтъ совсѣмъ выдержки, цѣпкости нѣтъ!

— Какъ во всѣхъ русскихъ людяхъ.

— Не во всѣхъ: люди дурныхъ намѣреній въ наше время очень цѣпки и выдержанны, а вотъ добрые люди, какъ вы, у насъ на наше горе кипятятся и даютъ всякой дряни перевѣсъ надъ собою.

— Это правда.

— Такъ надо исправиться, а не сдаваться безъ боя. Я женщина, но я, признаюсь вамъ, такой уступчивости не понимаю. Вы человѣкъ умный, честный, сердечный, чуткій, но вы фантазеръ. Не нужно забывать, что свѣтъ не нами начался, не нами и кончится: il faut prendre le monde comme il est.

— Повѣрьте, я, можетъ-быть, меньше всѣхъ на свѣтѣ думаю о передѣлкѣ міра. Скажу вамъ болѣе: мнѣ такъ опостылѣли всѣ эти направленія и настроенія, что я не вспоминаю о нихъ иначе, какъ съ омерзеніемъ.

— Вѣрю.

—У меня нѣтъ никакихъ пристрастій и я не рабъ никакихъ партій: я уважаю и люблю всѣхъ искреннихъ и честныхъ людей на свѣтѣ, лишь бы они желали счастія ближнимъ и вѣрили въ то, о чемъ говорятъ.

— Знаю; но вы виноваты не предъ міромъ, а прежде всѣхъ предъ самимъ собою и предъ близкими вамъ людьми. Вы сами съ собою очень перемудрили.

Подозеровъ наморщилъ брови.

— Позвольте, сказалъ онъ, —«самъ предъ собою»— это ничего, но «предъ близкими вамъ людьми...» Передъ кѣмъ же я виноватъ? Это меня очень интересуетъ.

— Я удовлетворяю ваше любопытство: напримѣръ, здѣсь, у меня, мой другъ, Катерина Астафьевна, вы предъ ней виноваты.

— Я, предъ Катериной Астафьевной?

— Да; она на васъ рветъ и мечетъ.

— Я это знаю.

— Знаете?

— Да; мы съ ней недавно встрѣтились, она мнѣ не хотѣла поклониться и отвернулась.

— Да; она уже такая неуемная; а между тѣмъ она васъ очень любитъ.

— Она очень добра ко всѣмъ.

— Нѣтъ; она васъ любитъ больше, чѣмъ другихъ, и знаете, за что и почему?

— Не знаю.

— Ну, такъ я вамъ скажу: потому что она любитъ Ларису.

Произнеся эту фразу, Синтянина потупилась и покраснѣла.

Подозеровъ молчалъ.

Прошла минутная пауза, и Синтянина, разбиравшая въ это время рукой оборки своего платья, вскинула, наконецъ, свои большіе глаза и проговорила ровнымъ, спокойнымъ тономъ:

— Андрей Иванычъ, что вы любите Ларису, это для насъ съ Катей, разумѣется, давно не тайна, на то мы женщины, чтобы разумѣть эти вещи; что ваши намѣренія и желанія честны, и въ этомъ тоже, зная васъ, усомниться невозможно.

— Не сомнѣвайтесь, пожалуйста, уронилъ Подозеровъ, сбивая щелчками пыль съ своей фуражки.

— Но вы вели себя по отношенію къ любимой вами дѣвушкѣ очень нехорошо.

— Чѣмъ, напримѣръ, Александра Ивановна?

— А хоть бы тѣмъ, Андрей Иванычъ, что вы очень долго медлили.

— Я медлилъ потому, что хотѣлъ удостовѣриться: раздѣляютъ ли хоть мало мою склонность.

— Да; извините меня, я васъ буду допрашивать немножко, какъ слѣдователь.

— Сдѣлайте милость.

— Но не скрою отъ васъ, что дѣлаю это для того, чтобы потомъ, убѣдясь въ правотѣ вашей, стать горячимъ вашимъ адвокатомъ. Дѣло зашло такъ далеко, что близкимъ людямъ молчать долѣе нельзя: всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ какое-нибудь право вмѣшиваться, пора вмѣшаться.

— Нѣтъ, Бога ради, не надо! вскрикнулъ, вскочивъ на ноги, Подозеровъ. — Это все уже ушло, и не надо этого трогать.

— Вы ошибаетесь, отвѣтила, сажая его рукой на прежнее мѣсто, Синтянина: — вы говорите: «не надо», думая только о себѣ, но мы имѣемъ въ виду и другую мучающуюся душу, съ которою и я, и Катя связаны большою и долгою привязанностію. Не будьте же эгоистомъ и дозвольте намъ наши заботы.

Подозеровъ молчалъ.

— Лариса вѣдь не счастливѣе васъ; если вы хотите бѣжать куда глаза глядятъ, то она тоже бѣжитъ нивѣсть куда, и вы за это отвѣчаете.

— Я! я за это отвѣчаю?

— А непремѣнно! Конечно, отвѣчаете не суду человѣческому, но суду Божію и суду своей совѣсти. Вы дѣлали ей не такъ давно предложеніе?

— Да, дѣлалъ.

— Значитъ, вы убѣдились, что она раздѣляетъ вашу склонность?

— М... м... не знаю, что вамъ отвѣтить... мнѣ такъ казалось.

— Да, и вы не ошиблись: Лариса, конечно, отличала и отличаетъ васъ, какъ прекраснаго человѣка, вниманіе котораго дѣлаетъ женщинѣ и честь, и удовольствіе; но что же она вамъ отвѣтила на ваши слова?

— Она сначала хотѣла подумать, проговорилъ, подавляя вздохъ, Подозеровъ.

— Не припомните ли, когда именно это было?

— Очень помню: это было за день до внезапнаго пріѣзда ея брата и Горданова.

— И Горданова,—это такъ; но что же она вамъ сказала, подумавъ?

— Потомъ, подумавъ, она сказала мнѣ... что она готова отдать мнѣ свою руку, но...

— Но что такое *но*?

— Но что она чувствуетъ, или, какъ это вамъ выразить?.. что она не чувствуетъ въ себѣ того, что она хотѣла бы или, лучше сказать, что она считала бы нужнымъ чувствовать, давая человѣку такое согласіе.

Генеральша подумала, сдвинувъ брови, и проговорила:

— Что же это такое ей надо было чувствовать?

— Дѣло очень просто: она меня не любитъ.

— Вы можете и ошибаться.

— Только не на этомъ случаѣ.

— Ну, такъ я повторяю вамъ и даже ручаюсь, что здѣсь возможна большая ошибка, и во всемъ томъ, что случилось, виноваты вы, и вы же виноваты будете, если впередъ случится что-нибудь нежеланное. Вы что ей отвѣтили при этомъ разговорѣ?

— Я тоже просилъ времени подумать.

Синтянина разсмѣялась.

— Да нельзя же было, Александра Ивановна, ничего иного сказать на такой отвѣтъ, какой она дала мнѣ.

— Конечно, конечно! Онъ «сказалъ», «она сказала», и все на разговорахъ и кончили. Что такое въ этихъ случаяхъ значатъ слова? Слова, остроумно кѣмъ-то сказано, даны затѣмъ, чтобы скрывать за ними то, что мы думаемъ, и женскія слова таковы бываютъ по преимуществу. Добейтесь *чувства* женщины, а не ея словъ.

— Добиться?.. Мнѣ, признаюсь, это слово и не нравится.

— Да, да; добиться, настойчиво добиться. Добиваетесь же вы почестей, вліянія, а женщина одна всего этого стоитъ. Такъ добивайтесь ея.

— Я вѣрю въ одни свободныя, а не внушенныя чувства.

— А я вамъ по секрету сообщу, что это никуда негодится. Если каждый случай требуетъ своей логики отъ человѣка, то тѣмъ болѣе каждый живой человѣкъ требуетъ, чтобъ относились къ нему, какъ именно *къ нему* слѣдуетъ относиться, а не какъ ко всѣмъ на свѣтѣ. Простите, пожалуйста, что я, женщина, позволяю себѣ читать такія наставленія. Вы умнѣе меня, образованнѣе меня, конечно, ужъ безъ сравненія меня ученѣе и вы, наконецъ, мужчина, а я попечительница умственныхъ преимуществъ вашего пола, но есть дѣла, которыя мы, женщины, разбираемъ гораздо васъ терпѣливѣе и тоньше: дѣла сердца по нашему департаменту.

— Пожалуйста, говорите не стѣсняясь, я васъ внимательно слушаю.

— Очень вамъ благодарна за терпѣніе; я вамъ, кромѣ добра, ничего не желаю.

Подозеровъ протянулъ свою руку и пожалъ руку генеральши.

— Позвольте сказать вамъ, что вы много виноваты предъ Ларой своими необыкновенными къ ней отношеніями: я разумѣю: необыкновенно благоразумными, такими благоразумными, что бѣдная дѣвушка, по милости ихъ, свертѣлась и не знаетъ, что ей дѣлать. Вы задались необыкновенно высокою задачей—довести себя до неслыханнаго благородства.

— То-есть, до возможнаго.

— Да; вся ваша жизнь, проходившая здѣсь, на нашихъ глазахъ, была какое-то штудированье себя. Скажите: что до всего этого молодой дѣвушкѣ? Что же вы дѣлали для того, чтобъ обратить къ себѣ ея сердце? Ничего!

— Вы правы... Я, кажется, ничего не дѣлалъ.

— Кажется! Нѣтъ, Андрей Иванычъ, это не кажется, а вы дѣйствительно ничего не дѣлали того, что должны бы были дѣлать. Вы были всегда безукоризненно честны, но за это только почитаютъ; всегда были очень умны,

но... женщины учителей не любятъ, и... кто развиваетъ женщину, тотъ работаетъ на другихъ, тотъ готовитъ ее другому; вы, наконецъ, не скрывали, или плохо скрывали, что вы живете и дышете однимъ созерцаніемъ ея, дѣйствительно, очаровательной красоты, ея загадочной, какъ Катя Форова говоритъ, *роковой* натуры; вы, кажется, восторгались ея безпрерывными порываніями и тревогами, но...

Тотъ сердце женщинъ знаетъ плохо,
Тотъ вовсе ихъ не могъ понять,
Кто лишь мольбой и силой вздоха
Старался чувства имъ внушать.

До побѣжденныхъ женщинъ нѣтъ дѣла! Видите, какая я предательница для женщинъ; я вамъ напоминаю то, о чемъ должна бы стараться заставить васъ позабыть, потому что Байронъ этими словами, дѣйствительно, говоритъ ужасную правду, и даетъ совѣты противъ женщинъ:

Не рабствуй женщинѣ!
Умѣй сдержать порывы ласки,
Подъ внѣшнимъ льдомъ наружной маски,
Умѣй въ ней чувства разбудить.
Тогда она начнетъ любить!

— Это все учитъ хитрости, а я ее ненавижу и не хочу.

— Это учитъ житейскому такту, Андрей Иванычъ. Вы такъ мило боитесь хитрости и рветесь къ прямотѣ... Да кто, какая честная душа не хотѣла бы летѣть къ своимъ цѣлямъ прямо какъ стрѣла? Но на каждомъ шагу есть свое *но*, и стрѣлѣ приходится дѣлать зигзаги, чтобы не воткнуться въ дерево. Кто говоритъ противъ того, что съ полною искренностію жить лучше, но надо знать, съ кѣмъ можно такъ жить и съ кѣмъ нѣтъ? Скажу примѣромъ: если бы дѣло шло между мною и вами, я бы вамъ смѣло сказала о моихъ чувствахъ, какъ бы они ни были глубоки; но я сказала бы это вамъ потому, что въ васъ есть великодушіе и прямая честь, потому что вы не употребили бы потомъ мою искренность въ орудіе противъ меня,

чтобы щеголять властью, которую дало вамъ мое сердце; но съ другимъ человѣкомъ, напримѣръ съ Іосафомъ Платоновичемъ, я никогда бы не была такъ прямодушна, какъ бы я его ни любила.

— Вы бы даже кокетничали?

— Если бы любила его и хотѣла удержать? Непремѣнно! Я бы ему дала столько, сколько онъ можетъ взять для своего счастія, и не ввела бы его въ искушеніе промотать остальное.

— Такъ и я долженъ былъ поступать?

— Такъ и вы должны были поступать, и это было бы полезно не для одного вашего, но и для ея счастія.

— Но это мнѣ не было бы легко.

— И очень, на томъ и ловятся мужчины—хорошіе: негодяи гораздо умнѣй, тѣ владѣютъ собой гораздо лучше. Вы позвольте мнѣ васъ дружески спросить въ заключеніе нашей долгой бесѣды: вы знаете ли Ларису?

— Мнѣ кажется.

— Вы ошибаетесь: вы ее любите, но не знаете, и не смущайтесь этимъ: вы въ этомъ случаѣ далеко не исключеніе, большая часть людей любитъ, не зная, за что любитъ, и это слава Богу, потому что если начать разбирать, то поистинѣ некого было бы и любить.

— Сдѣлайте исключеніе хоть для героя или для поэта.

— Богъ съ ними—ни для кого; къ тому же, я терпѣть не могу поэтовъ и героевъ: первые очень прозаичны, докучаютъ самолюбіемъ и во всемъ помнятъ однихъ себя, а вторые... они совсѣмъ не для женщинъ.

— Вы, однако же, не самолюбивы.

— Напротивъ: я безмѣрно самолюбива, но я прозаична; я люблю тишь и согласіе, и въ нихъ моя поэзія. Что мнѣ въ поэтѣ, который приходитъ домой брюзжать да дуться, или на что мнѣ годенъ герой, которому я нужна какъ забава, который черпаетъ силу въ своихъ, мнѣ чуждыхъ, бореніяхъ? Нѣтъ, добавила она, — нѣтъ; я простая, мирная женщина; дома немножко деспотка: я не хочу уди-

влять, но только ужъ если ты, милый другъ *мой*, если ты выбралъ меня, потому что я тебѣ нужна, потому что тебѣ не благо одному безъ меня, такъ (Александра Ивановна, улыбаясь, показала къ своимъ ногамъ), такъ ты вотъ пожалуй сюда; вотъ здѣсь ищи поэзію и силы, у меня, а не гдѣ-нибудь и не въ чемъ-нибудь другомъ, и тогда у насъ будетъ поэзія безъ поэта и героизмъ безъ Александра Македонскаго.

Подозеровъ молча смотрѣлъ во всѣ глаза на свою собесѣдницу и лицо его выражало: «ого, вотъ ты какая!»

— Вы меня такой никогда себѣ не представляли? спросила Синтянина.

— Да; но вѣдь слова, по-вашему, даны за тѣмъ, чтобы скрывать за ними чувства.

— Нѣтъ; я серьезно, серьезно, Андрей Иванычъ, такова.

— Вы утверждаете, что за достоинства нельзя любить?

— Нѣтъ, можно, но это рисковано и непрочно.

— Pour rien вѣрнѣй?

— О, несравненно! Въ достоинствахъ можно ошибиться; притомъ, добавила она вздохнувъ, — одинъ всегда достойнѣе другого, пойдутъ сравненія и выводы, а это смерть любви; тогда какъ тотъ иль та, которые любимы просто потому, что ихъ любятъ, они ничего ужъ не потеряютъ ни отъ какихъ сравненій.

— Итакъ...

— И такъ, перебила его, весело глядя генеральша, — мы любимъ pour rien, и должны добиваться того, что намъ мило.

— А если оно перестанетъ быть мило?

Синтянина зорко посмотрѣла ему въ глаза и отвѣчала:

— Тогда не добиваться; но чѣмъ же будетъ жизнь полна? Нѣтъ, милое, ужъ какъ хотите, будетъ мило.

— Тогда любить... что совершеннѣе, что выше, и любить, какъ любятъ совершенство.

— Только?

— Да.

— Такъ дайте мнѣ такого героя, который бы умѣлъ любить такою любовью.

— Не вѣрите?

— Нѣтъ, вѣрю, но такой герой, быть можетъ, только... тотъ... кто лучше всѣхъ мужчинъ.

— Да, то есть женщина?

Александра Ивановна кивнула молча головой.

— Итакъ, программа въ томъ: любить pour rien и попросту, что называется, держать человѣка въ рукахъ?

— Непремѣнно! Да вѣдь вы и сами не знаете, къ чему вамъ всѣмъ ваша «постылая свобода», какъ называлъ ее Онѣгинъ? Взять въ руки это вовсе не значитъ убить свободу дѣйствій въ мужчинѣ, или подавить ее капризами. Взять въ руки просто значитъ приручить человѣка, значитъ дать ему у себя дома силу, какой онъ не можетъ найти нигдѣ за домомъ: это иго, которое благо, и бремя, которое легко. На это есть тысячи пріемовъ, тысячи способовъ, и ихъ на словахъ не перечтешь и не передашь,— это дѣло практики, докончила она и, засмѣявшись, сжала свои руки на колѣняхъ и заключила:—вотъ еслибы вы попали въ эти сжатыя руки, такъ я бы давно заставила васъ позабыть всѣ ваши муки и сомнѣнія, съ которыми съ одними очень легко съ ума сойти.

Подозеровъ всталъ и, бросивъ на землю свою фуражку, воскликнулъ:

— О, умоляю васъ, позвольте же мнѣ за одно это доброе желаніе ваше поцѣловать ваши руки, которыя хотѣли бы снять съ меня муки.

Подозеровъ нагнулся и съ чувствомъ поцѣловалъ обѣ руки Александры Ивановны. Она сдѣлала было движеніе, чтобы поцѣловать его голову, но тотчасъ отпрянула и выпрямилась. Предъ нею стояла блѣдная Вѣра и положила обѣ свои руки на голову Подозерова, крѣпко прижала его лицо къ колѣнамъ мачихи и вдругъ тихо перекрестила, закрыла ладонью глаза и засмѣялась.

Александра Ивановна нѣжно прижала падчерицу къ

плечу и жарко поцѣловала ее въ обѣ щеки. Она была немножко смущена этою шалостью Вѣры, и яркій румянецъ игралъ на ея свѣжихъ щекахъ. Подозеровъ въ первый разъ видѣлъ ее такою оживленною и молодою, какой она была теперь, словно въ свои восемнадцать лѣтъ.

— Такъ какъ же? спросила она, не глядя на него, расправляя кудри Вѣры.—Такъ вы побѣждены?

— Да, я немножко разбитъ.

— Вы согласны, что вы дѣйствовали до сихъ поръ непрактично.

— Согласенъ; но иначе дѣйствовать не буду,

— Такъ вы наказаны за это: вы непремѣнно женитесь на Ларѣ.

— Я!

— Да; вы обвѣнчаетесь съ Ларисой.

— Помилуйте! какими же судьбами?

— Женскими! Вы будете ея мужемъ по ея желанію, если только вы этого хотите.

Подозеровъ промолчалъ.

— Держите же себя, какъ я говорила, и я васъ поздравлю съ самою хорошенькою женой.

Съ этимъ Александра Ивановна встала, оправила платье и воскликнула:

— А вотъ и Катя идетъ сюда! Послушай, бранчивое созданье, отнеслась она къ подходившей Форовой.—Я беру Андрея Иваныча въ нашъ заговоръ противъ Ларисы. Ты разрѣшаешь?

— Разумѣется.

— Но я беру съ условіемъ, чтобъ онъ спряталъ на-время свои чувства въ карманъ.

— Ну да, ну да! утвердила Форова.—Ни слова ей... А я пришла вамъ сказать, что мнѣ изъ окна показалось, будто рубежомъ ѣдутъ два тюльбюри: это, конечно, Бодростина съ компаніей и наша Лариса Платоновна съ ними.

— Не можетъ быть!

Но въ это время послышался трескъ колесъ, и два

легкихъ экипажа промелькнули за канавой и частоколомъ.

— Они! воскликнула Форова.

— Какова наглость! тихо, закусивъ губу, проронила Синтянина и сейчасъ же добавила:—а впрочемъ, это прекрасно, и пошла навстрѣчу гостямъ.

Форова тотчасъ же быстро повернулась къ Подозерову и, взявъ его за обѣ руки, торопливо проговорила:

— А ты, Андрей Ивановичъ, на меня, сдѣлай милость, не сердись.

— Нѣтъ, я не сержусь, отвѣчалъ, не глядя на нее, Подозеровъ.

— Скажи мнѣ: домъ Ларисинъ уже заложенъ?

— И деньги даже взяты нынче.

— Ахъ Боже мой! И кто же ихъ получалъ?

— Конечно, братъ владѣлицы.

— Разбойникъ!

— Ужъ это какъ хотите?

— На что же, на что все это сдѣлано? зачѣмъ заложенъ домъ?

— Да думаю, что просто Іосафу деньги нужны.

— На что-жъ, голубчикъ, нужны?

— Ну, я въ эти соображенія не входилъ.

— Не входилъ! Гм! очень глупо дѣлалъ А сколько выдано?

— Немного менѣе пяти тысячъ.

— Господи! и если домъ за это пропадетъ? Вѣдь это послѣднее, Андрюша, послѣднее, что у нея есть.

— Что же дѣлать? Да что вы все о деньгахъ: оставьте это. Ужъ не поправишь ничего. Это все ужасно опротивѣло.

— Ахъ, опротивѣло! Не рада, кажется, и жизни, все это видя.

— Ну такъ скажите мнѣ о чемъ-нибудь другомъ.

— О чемъ?

— О чемъ хотите,—хоть объ Александрѣ Ивановнѣ.

— О Сашѣ? да что о ней... Она святая! отвѣчала, махнувъ рукой, Форова.

— Какъ она могла выйти такъ странно замужъ?

— Мой милый другъ, не надобно про это говорить, — это большая тайна...

— Однако вы ее знаете?

— Догадываюсь, но не знаю.

— Она несчастлива?

— Была несчастлива превыше всякихъ словъ... А вонъ и гости жалуютъ. Пойду навстрѣчу. Прошу же тебя, пожалуйста, веселое лицо и чтобы не очень съ нею... Не стоитъ она ничьей жалости!...

Подозеровъ не тронулся съ мѣста и, стоя у дерева со сложенными руками, думалъ: какое ненавистное, тупое состояніе! Я ничего, ровно ничего не чувствую, хотя не хотѣлъ бы быть въ такомъ состояніи за десять часовъ до смерти. Между тѣмъ въ этой глупости чувствую въ себѣ... какой-то переломъ... словомъ, какое-то иго отпадаетъ предъ готовой могилой... Какая разница въ ощущеніяхъ, вносимыхъ въ душу этими двумя женщинами? Какой сладкій покой льетъ въ душу ея трезвое, отъ сердца сказанное слово. Да! я радъ, что я пріѣхалъ къ ней проститься предъ смертью, потому... что иначе... не знаю о комъ бы вздохнулъ я завтра, умирая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Положеніе дѣлъ, объясняющее, почему Подозеровъ заговорилъ о близкой смерти.

Крѣпкая броня Горданова оказалась недостаточно прочною: ее пробила красота Ларисы. Эта дѣвушка, съ ея чарующею и характерною красотой, обѣщавшею чрезвычайно много и, можетъ быть, невластною дать ничего, понравилась Горданову до того, что онъ не могъ скрыть этого отъ зоркихъ глазъ и тонкаго женскаго чутья. Бодростина видѣла это яснѣе всѣхъ, она видѣла, какъ дѣйствуетъ на Горданова красота Лары. Это было немножко больше того, чѣмъ хотѣла Глафира Васильевна. Читатели благоволятъ вспо-

мнить, что Бодростина не только разрѣшила Горданову волочиться за Ларисой, но что это входило въ данную ему программу, даже болѣе—ему прямо вмѣнялось въ обязанность соблазнить эту дѣвушку, или Синтянину, или, еще лучше, обѣихъ вмѣстѣ. Послѣднее, впрочемъ, было сказано Бодростиной, вѣроятно, лишь для красоты слога, потому что она сама не вѣрила ни въ какія силы соблазна по отношенію къ молодой генеральшѣ. О какомъ-нибудь не только серьезномъ успѣхѣ, но о самомъ легонькомъ волокитствѣ за Синтяниной не могло быть и рѣчи. Гордановъ видѣлъ это и рѣшилъ въ первый же день пріѣзда въ домѣ Висленевыхъ, тогда же сказавъ себѣ: «ну, объ этой нечего и думать!»

Іосафа онъ шутя подтравливалъ, говоря: прозѣвалъ любчикъ, просвисталъ жену рѣдкую, ужъ эта бы роговъ не прилѣпила.

— А Богъ еще знаетъ,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Не велика штука это знать, когда это всякому видно, у кого чердакъ не совсѣмъ пустъ.

— Она, однако, бойкая...

— Ну, это, милый, ничего не значитъ, бойкія-то у насъ часто бываютъ крѣпче тихонь. А только, впрочемъ, она тебѣ бы не годилась, она тебя непремѣнно въ рукахъ бы держала, и даже по оброку бы не пустила, а заставила бы тебя вмѣсто революцій-то юбки кроить.

— Ну, ты наскажешь: ужъ и юбки кроить.

— Да, а что же ты думаешь, да ей-Богу, заставитъ. Но я, знаешь, все-таки теперь на твоемъ мѣстѣ маленечко бы пошатался: какъ она отзовется? Право, съ этого Гибралтара хоть одинъ камушекъ оторвать, и то, чортъ возьми, лестно.

— Нимало мнѣ это не лестно,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, какъ же,—разсказывай ты: «нимало». Врешь, другъ мой, лестно и очень лестно, а ты трусишь на Гибралтары-то ходить, тебѣ бы что полегче, вотъ въ чемъ дѣло! Приступить къ ней не умѣешь и боишься, а не то что нимало не лестно. Вотъ она на балѣ-то скоро будетъ

у губернатора: ты у нея хоть цвѣточекъ, хоть бантикъ, хоть какой-нибудь трофейчикъ выпроси, да покажи мнѣ, и я тогда повѣрю, что ты не трусъ, и даже скажу, что ты мальчикъ не безъ опасности для нѣжнаго пола.

— И что же: ты думаешь не выпрошу?

— Ну, да выпроси!

— И выпрошу.

Взявшись за это дѣло, Висленевъ сильно былъ имъ озабоченъ: онъ не хотѣлъ ударить себя лицомъ въ грязь, а между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ день губернаторскаго бала приближался, Іосафа Платоновича все болѣе и болѣе покидала рѣшимость.

— Чортъ знаетъ, что она отвѣтитъ? думалъ. А ну, какъ расхохочется?.. Вишь она стала какая находчивая и острая! Да и не вижу я ея почти совсѣмъ, а если говорить когда приходится, такъ все о пустякахъ... Точно чужіе совсѣмъ...

А балъ все приближался и наконецъ наступилъ. Вотъ освѣщенный залъ, толпа гостей, и генеральша входитъ подъ руку съ мужемъ. Ея платье убрано букетами изъ васильковъ.

— Василекъ, шепчетъ Гордановъ на ухо Висленеву, и за мной пара шампанскаго.

— Непремѣнно, отвѣчаетъ Висленевъ и, выпросивъ у Александры Ивановны третью кадриль, тихонько, робко и неловко спустилъ руку къ юбкѣ ея платья и началъ отщипывать цвѣтокъ. Александра Ивановна, слава Богу, не слышитъ, она даже подозвала къ себѣ мужа и шепчетъ ему что-то на ухо. Тотъ уходитъ. Но проклятая проволока искусственнаго цвѣтка крѣпка неимовѣрно. Висленевъ уже безъ церемоніи теребитъ его на-удалую, но нѣтъ... Между тѣмъ генералъ возвращается къ женѣ, и скоро надо опять начинать фигуру, а цвѣтокъ все не поддается.

— Позвольте я вамъ помогу, говоритъ ему въ эту роковую минуту Александра Ивановна и, взявъ изъ рукъ мужа тайкомъ принесенныя имъ ножницы, отрѣзала съ боку своей юбки большой букетъ и ловко приколола его къ фраку сму-

щеннаго Висленева, межъ тѣмъ какъ генералъ подъ самый носъ ему говорилъ:

— Не забудь этого, мой свѣтъ!

Висленевъ не зналъ, какъ онъ дотанцовалъ кадриль съ мотавшимся у него на груди букетомъ, и даже не поѣхалъ домой, а ночевалъ у Горданова, который напоилъ его, по обѣщанію, шампанскимъ и, помирая со смѣху, говорилъ:

— А все-таки ты молодецъ! Сказалъ: «выпрошу» и выпросилъ.

Это несчастье Висленева чуть съ ума не свело, но уже зато съ тѣхъ поръ о побѣдахъ надъ Александрой Ивановной они даже и въ шутку не шутили, а Висленевъ никогда не произносилъ ея имени, а называлъ свою прежнюю любовь просто: «эта проклятая баба».

Лариса же была иная статья: ея неровный, неясный и неопредѣлившійся характеръ, ея недовольство всѣмъ и вѣрно опредѣленная Форовымъ дѣтская порывчивость то въ пустынники, то въ гусары, давали Бодростиной основанія допускать, что ловкій, умный, разсчетливый и безсердечный Гордановъ могъ тутъ недаромъ поработать. Притомъ же Бодростина, если не знала сердца Ларисы больше, чѣмъ знаемъ мы до сего времени, то отлично знала ея голову и характеръ, и называла ее «пустышкой». Но тутъ опять была задача: по малосодержательности Ларисы, защищенной отъ наблюдателей ея многоговорящею красотой, Бодростина сама не знала, какой бы планъ можно было порекомендовать Горданову для обхожденія съ нею съ большимъ успѣхомъ. Одному плану мѣшала гордость Ларисы, другому— ея непредвидимые капризы, третьему—ея иногда быстрая сообразительность и непреклонность ея рѣшеній. Но Бодростина надѣялась, что Гордановъ самъ найдетъ дорогу къ сердцу Ларисы, и вдругъ ей показалось, что она ошиблась: Гордановъ сталъ и стоялъ упорно на одномъ мѣстѣ. Красота Лары ошеломила его; хмѣль обаянія туманилъ его голову, но не лишилъ ее силы надъ страстью. Онъ подходилъ разсчетливо, всматривался, соображалъ и только нервно

содрогался при видѣ Ларисы. Бодростиной даже мелькнуло въ умѣ: не зашло бы дѣло до свадьбы! Ларису оберегали двѣ женщины: Синтянина и Форова, изъ которыхъ каждую обмануть трудно. Но Гордановъ не могъ жениться: Бодростина знала, что ему былъ одинъ путь къ спасенію: устроить ея обезпеченное вдовство и жениться на ней. Гордановъ и самъ дѣйствительно такъ думалъ и держалъ этотъ планъ на первомъ мѣстѣ, но это была его ошибка: Бодростина и въ помышленіи не имѣла быть когда-нибудь его женой. Она хотѣла отблагодарить его, когда будетъ свободна, и потомъ распорядиться своею дальнѣйшею судьбой, не стѣсняясь никакими обязанностями въ прошломъ. Бодростина отдыхала на другой сладкой мечтѣ, которая невѣдомо когда и какъ вперилась въ ея голову: она хотѣла быть женой человѣка, повидимому, самаго ей неподходящаго. Она мечтала о мужѣ, вполнѣ добромъ и честномъ: она мечтала, какъ бы ей было пріятно осчастливить такого человѣка, скрывъ и забывъ прошлое. Въ натурѣ Глафиры Васильевны была своего рода честность: она была бы честна и даже великодушна, еслибы видѣла себя самовластною царицей; но она интриговала бы и боролась, и честно и безчестно, со всѣми, если бы царственная власть ея не была полною и независимою въ ея рукахъ. «Страстямъ поработивъ души своей достоинства», она была безсильна, когда страсть диктовала ей безчестныя мысли, но она не любила зла для зла: она только не пренебрегала имъ какъ орудіемъ, и не могла остановиться. Прошлое ея ей самой представлялось чрезмѣрною, непростительною глупостью, изъ которой она выдѣляла только свое замужество. Тутъ она немножко одобряла свои дѣйствія, но все затѣмъ происходившее опять, въ собственныхъ ея глазахъ, было рядомъ ошибокъ, жертвой страстямъ и увлеченіямъ. Продолжительное пассивное выжиданіе послѣднихъ лѣтъ было, положимъ, сообразно положенію дѣлъ, но оно было не въ характерѣ Глафиры, живомъ и предпріимчивомъ, и притомъ оно до сихъ поръ ни къ чему не привело и даже грозило ей бѣдой: Михаилъ Андре-

евичъ Бодростинъ болѣе не вѣрилъ ей, и новымъ его распоряженіемъ она лишалась мужниннаго имѣнія въ полномъ его составѣ, а наслѣдовала одну только свою законную вдовью часть. Этого Глафира Васильевна не могла перенести. Она опять призвала весь свой умъ и рѣшилась ниспровергнуть такое посягательство на ея благосостояніе. Съ этою цѣлію, какъ мы помнимъ, былъ вызванъ изъ Петербурга Гордановъ, дѣла котораго тоже въ это время находились въ положеніи отчаянномъ. Глафира Васильевна знала, что Павелъ Николаевичъ человѣкъ коварный и трусъ, но трусъ, который такъ дальновидно разсчетливъ, что обдумаетъ все и пойдетъ на все, а ея планъ былъ столько же простъ, сколько отчаянъ. Онъ заключался въ томъ, чтобъ уничтожить новое завѣщаніе, лишавшее ее полнаго наслѣдованія имѣній мужа, и затѣмъ не дать Бодростину времени оставить иного завѣщанія, кромѣ того, которымъ онъ въ первую минуту старческаго увлеченія, за обладаніе свѣжею красотой ловкой Глафиры, отдалъ ей все. Гордановъ былъ человѣкъ, которому не нужно было много разсказывать, что ему нужно дѣлать. У Глафиры тоже вся партитура была расписана; обстоятельства имъ помогали. Мы видѣли, какъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ взялъ и увезъ къ себѣ съ поля смоченнаго дождемъ Висленева. Глафирѣ Васильевнѣ не стоило никакого труда завертѣть эту верченую голову; она безъ труда забрала въ свои руки его волю, въ чужихъ рукахъ побывалую. Она обласкала Жозефа, сдѣлалась жаркою его сторонницей, говорила съ нимъ же самимъ о его честности, которая будто бы устояла противъ всѣхъ искушеній и будто бы не шла ни на какіе компромиссы. Красивая и хотя уже не очень молодая, но побѣдоносная женщина эта говорила съ Висленевымъ такимъ сладкимъ языкомъ, отъ котораго этотъ бѣднякъ, терпѣвшійся въ петербургскомъ вертепѣ сорока разбойниковъ, давно отвыкъ и словно обрѣлъ потерянный рай. Висленевъ ожилъ. Бодростинъ его тоже ласкалъ. Въ ихъ домѣ Іосафъ Платоновичъ пріютился, какъ въ тихой каюткѣ во время всеобщаго штурма, а штурмъ,

большой штурмъ заходилъ вокругъ. Едва Висленевъ сталъ, по легкомысленности своей, забывать о своемъ оброчномъ положеніи и о другихъ своихъ петербургскихъ обязательствахъ, какъ его ударила новая волна: гордановскій портфель, который Висленевъ не могъ представить своему другу иначе какъ съ извѣстнымъ намъ надрѣзомъ. Это была тоже очень тяжкая минута въ жизни Іосафа Платоновича, минута, которую онъ тщетно старался облегчить всякимъ лебезеньемъ и вызовомъ пополнить все, если хоть капля изъ цѣнностей, хранящихся въ портфелѣ, пропала.

Гордановъ только засмѣялся и, отбросивъ въ сторону портфель, сказалъ Висленеву:

— Молодецъ мальчикъ, и впередъ такъ старайся.

— Что же, ты думаешь, можетъ быть, что это я?..

— Ничего я не думаю, сухо отвѣчалъ Гордановъ, отходя и запирая портфель въ комодъ.

— Нѣтъ, если ты что подозрѣваешь, такъ ты лучше скажи. Вѣдь я тебѣ говорилъ, я говорилъ тебѣ...

— Что такое ты мнѣ говорилъ? Я всего говореннаго тобою въ памятную книжку не записываю.

— Я говорилъ тебѣ въ ту ночь, или въ тотъ вечеръ: возьми, Паша, отъ меня свой портфель! А ты не взялъ. Зачѣмъ ты его не взялъ? Я вѣдь былъ тогда съ дороги, уставши, какъ и ты, и потомъ...

— Продолжайте, Іосафъ Платоновичъ.

— Потомъ я не знаю образа жизни сестры.

Гордановъ обернулся, посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ.

— Чортъ его знаетъ, кто это могъ сдѣлать? продолжалъ, оправдываясь, Висленевъ.—Мнѣ кажется, я утромъ видѣлъ платье въ саду... Не сестрино, а чье-то другое, зеленое платье. Портфель лежалъ на столѣ у самаго окна, и я производилъ дознаніе...

— Ну, такъ и поди же ты къ чорту со своимъ дознаніемъ! Ты готовъ сказать, что твоей сестрѣ кто-нибудь дѣлаетъ ночные визиты.

— Неправда, я этого не скажу.

— Неправда?.. Полно другъ, я тебя знаю и, отдавая тебѣ портфель, хотѣлъ нарочно еще разъ поиспытать тебя: можно ли на тебя хоть въ чемъ-нибудь положиться?

— И что же—ни въ чемъ?

— Рѣшительно ни въ чемъ.

— Ну послѣ этого, Павелъ Николаевичъ...

— Намъ съ вами остается раскланяться?

— Да, предварительно разсчитавшись, разумѣется. Не безпокойся, я мои долги всегда помню и плачу. Я во время моихъ нуждъ забралъ у тебя до девятисотъ рублей.

— Не помню, не считалъ.

— Что-жъ, ты развѣ думаешь что больше?

— Я говорю тебѣ: не помню, не считалъ.

— Ну такъ я тебя увѣряю, что всего девятьсотъ, у меня каждый грошъ записанъ, и вотъ тебѣ расписка.

Висленевъ схватилъ перо, оторвалъ полулистъ бумаги и написалъ расписку въ тысячу восемьсотъ рублей.

— Это зачѣмъ же вдвое? спросилъ Гордановъ, когда тотъ приподнесъ ему листокъ.

— Да такъ ужъ и бери, пожалуйста, я не знаю, когда я тебѣ отдамъ...

— Полно, милый другъ! Гдѣ тебѣ отдавать?

— Павелъ Николаевичъ, не говори этого! Я безчестнаго дѣла сдѣлать не хочу, я пишу вдвое, потому что... такъ писалъ, такъ и привыкъ; но я отдамъ тебѣ все что перехватилъ.

— Перехватилъ! засмѣялся Гордановъ.

— Да, перехватилъ и еще перехвачу и разочтусь.

— Нѣтъ, ужъ негдѣ тебѣ, братъ, перехватывать, всѣ перехваты пересохли.

— Негдѣ! Ошибаешься, я у сестры перехвачу и вывернусь.

Гордановъ снова разсмѣялся и проговорилъ:

— Ты бы себѣ и фамилію у кого-нибудь перехватилъ. Тебѣ такъ бы и зваться не Висленевъ, а Перехватаевъ.

— А вотъ увидишь ты: перехвачу.

— Перехвати, съ моей стороны препятствій не будетъ, а ужъ самъ я тебѣ не дамъ болѣе ни одного гроша, и Гордановъ взялъ шляпу и собирался выйти.—Ну выходи, любезный другъ, сказалъ онъ Висленеву, а то тебя рисковано оставить.

— Паша!

Гордановъ засмѣялся.

— Тебѣ не грѣхъ меня такъ обижать?

— Да пропади ты совсѣмъ съ грѣхами и со спасеньемъ: мнѣ некогда. Идемъ. Сестра твоя дома?

— Да, кажется, дома.

— Надѣюсь, она про эту гадость не знаетъ?

— Не знаетъ, не знаетъ!

— Очень радъ за нее.

— Она тебѣ нравится?

— Да, она не тебѣ чета. Сестра красавица, а братъ...

— Ну врешь; я недуренъ.

— Недуренъ, да типъ у тебя совсѣмъ не тотъ; ты совсѣмъ японецъ.

— А вѣдь, братъ, любили насъ и очень любили!

— Да, я самъ тебя люблю: гдѣ же еще такого шута найдешь.

— И ты на меня не сердишься?

— Нимало, нимало. Чего на тебя сердиться: ты невмѣняемъ.

— Ну и миръ.

— Миръ, отвѣчалъ Гордановъ, лѣниво подавая ему руку и въ то же время отдавая пустыя распоряженія остающемуся слугѣ.

Висленевъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ такимъ исходомъ дѣла и тотчасъ же направился къ Бодростинымъ, съ рѣшимостью пріютиться у нихъ еще плотнѣе; но онъ хотѣлъ превзойти себя въ благородствѣ и усиливался славить Горданова и въ струнахъ, и въ органѣ, и въ гласѣхъ, и въ восклицаніяхъ. Заставъ Глафиру Васильевну за ея

утреннимъ кофе, онъ сейчасъ же началъ осуществлять свои намѣренія и заговорилъ о Гордановѣ, хваля его умъ, находчивость, таланты и даже честность. Бодростина насупила брови и возразила. Висленевъ спорилъ жарко и фразисто. Въ это время въ будуаръ жены вошелъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ. Разговоръ было на минуту прервался, но Висленевъ постарался возобновить его и отнесся къ старику съ вопросомъ о его мнѣніи.

— Я объ этомъ человѣкѣ имѣлъ множество различныхъ мнѣній,—отвѣчалъ Бодростинъ, играя своею золотою табакеркой,—теперь не хочу высказать о немъ никакого мнѣнія.

— Но вотъ Глафира Васильевна отрицаетъ въ немъ честность. Можно ли такъ жестоко?

— Что же, можетъ-быть, она о немъ что-нибудь больше насъ съ вами знаетъ,—сказалъ Бодростинъ.

Глафира Васильевна не шевельнула волоскомъ и продолжала сосать своими полными коралловыми губами смоченный сливками кусочекъ сахара, который держала между двумя пальцами по локоть обнаженный руки.

— А я говорю то,—продолжалъ Михаилъ Андреевичъ,—что я только не желалъ бы дожить до того времени, когда женщины будутъ судьями.

— Вы до этого и не доживете,—весело отвѣчала своимъ густымъ контральтомъ Глафира.

— Право! У женщины какой судъ? сдѣлалъ разъ человѣкъ что-нибудь нехорошее, и уже это ему никогда не позабудутъ, или опять, согрѣши разъ праведникъ,—не помянутся всѣ его правды.

— Гордановъ и праведники... это оригинально! воскликнула Глафира Васильевна и, расхохотавшись, вышла въ другую комнату.

— А я столкнулся сейчасъ съ Гордановымъ у губернатора,—продолжалъ Бодростинъ, не обращая вниманія на выходъ жены,—и знаете, я не люблю руководиться чужими мнѣніями, и я самъ Горданова бранилъ и бранилъ жестоко,

но какъ вы хотите, у этого человѣка еще очень много сердца.

— И ума, онъ очень уменъ,—поддержалъ Висленевъ.

— Объ умѣ ужъ ни слова: какъ онъ, каналья, третируетъ нашихъ дворянъ и особенно нашего вице-губернаторишку, это просто слушаешь и не наслушаешься. Заговорилъ онъ намъ о своихъ намѣреніяхъ насчетъ ремесленной школы, которую хочетъ устроить въ своемъ имѣньишкѣ. Дѣльная мысль! Знаете, это человѣкъ-съ, который не химеры, да направленія показываетъ.

— Да; онъ очень уменъ!

— Кромѣ того говорю и о сердцѣ. Мы съ нимъ вѣдь старые знакомые и между нами были кое-какіе счетцы. Что же вы думаете? Вѣдь онъ въ глаза мнѣ не могъ взглянуть! А когда губернаторъ рекомендовалъ ему обратиться ко мнѣ, какъ предводителю, и разсказать затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ въ столкновеніяхъ съ Подозеровымъ, такъ онъ-съ не зналъ, какъ со мной заговорить!

— И вы его великодушно ободрили? — спросила вновь вошедшая Глафира Васильевна.

— Да, представьте, ободрилъ, — продолжалъ Бодростинъ. — Подозеровъ честный, честный человѣкъ, но онъ въ самомъ дѣлѣ какой-то маньякъ. Я его всегда уважалъ, но я ему всегда твердилъ: перестаньте вы, Бога ради, настраиваться этими газетными подускиваніями. Что за болѣзненная мысль такая, что все крестьянъ обижаютъ. Вздоръ! А между тѣмъ, задавшись такими мыслями, въ самомъ дѣлѣ станешь видѣть невѣдомо что, и вотъ оно такъ и вышло. Гордановъ хлопочетъ о школѣ для самихъ же крестьянъ, а тотъ противодѣйствуетъ. Потомъ агитаторъ этотъ вашъ Форовъ является и съ нимъ попъ Евангелъ, и возмущаютъ крестьянъ... Вѣдь это-съ... вѣдь это же нетерпимо! Я сейчасъ заѣхалъ къ Подозерову и говорю: мой милый другъ, vous êtes entièrement hors du chemin, и что же-съ? — кончилось тѣмъ, что мы съ нимъ совсѣмъ разошлись?

— Вы разошлись съ Подозеровымъ? — воскликнулъ, не скрывая своей радости, Висленевъ.

— Даже жалѣю, что я съ нимъ когда-нибудь сходился. Этотъ человѣкъ спокоенъ и скроменъ только по внѣшности; бросьте искру, онъ и дымитъ и пламенѣетъ: готовъ на укоризны цѣлому обществу, зачѣмъ принимаютъ того, зачѣмъ не такъ ласкаютъ другого. Позвольте же наконецъ, милостивый государь, всякому самому про себя знать, кого ему какъ принимать въ своемъ домѣ! Всѣ люди грѣшны и я самъ грѣшенъ, такъ и меня не будутъ принимать. Да это надо инквизицію послѣ этого установить! Общество должно исправлять людей, а не отлучать ихъ.

— О, вы совершенно правы, — поддержалъ Висленевъ, натягивая на руку перчатку.

— По крайней мѣрѣ я никого не отлучаю отъ общенія съ людьми, и знаю, что человѣкъ не вѣчно коснѣетъ въ своихъ порокахъ, и для каждаго настаетъ своя минута исправиться.

— Михаилъ Андреевичъ, вы божественно говорите,— воскликнулъ Висленевъ и началъ прощаться. Его немножко удерживали, но онъ сказалъ, что ему необходимо нужно, и улетѣлъ домой, засталъ тамъ Горданова съ сестрой, которая была какъ-то смѣшана, и тутъ же разсказалъ новости объ обращеніи Бодростина на сторону Павла Николаевича.

Межъ тѣмъ Глафира Васильевна тотчасъ же, по выходѣ Висленева, спросила мужа:

— И неужто это дойдетъ до того, что Гордановъ снова будетъ принятъ у насъ въ домѣ?

— Да; я полагаю,—отвѣчалъ Бодростинъ.—Онъ имѣетъ во мнѣ нужду, да и самъ интересуетъ меня своею предпріимчивостью. Развѣ ты не хочешь, чтобъ онъ былъ принятъ?

— Мнѣ все равно.

— О чемъ же и говорить! Мнѣ тоже все равно,—произ-

несъ онъ и, взявъ Глафиру за обнаженный локоть, добавилъ: — я совершенно обезпеченъ: за моею женой столько ухаживателей, что они другъ за другомъ смотрятъ лучше всякихъ аргусовъ.

— Что же вы этимъ хотите сказать?—спросила Глафира, но Бодростинъ, вмѣсто отвѣта, поцѣловалъ нѣсколько разъ кряду ея руку и проговорилъ:

— Какая у васъ сегодня свѣжая и ароматная кожа. А впрочемъ, чортъ возьми!—добавилъ онъ, взглянувъ на часы:—j'ai plusieurs visites à faire!

Съ этимъ онъ повернулся и вышелъ, часто скрипя своими сіяющими сапожками.

«Ароматная кожа!» подумала Глафира, прислонясь устами къ своей собственной рукѣ. И предъ ней вдругъ пронеслась вся ея прошлая жизнь. Въ дѣтствѣ ее любили и рядили; въ юности выставляли какъ куколку; Гордановъ нуждался въ ея красотѣ; ею хотѣли орудовать, какъ красавицей! вышла замужъ она черезъ красоту; по своей винѣ пренебрежена какъ человѣкъ, но еще и теперь цѣнима въ мѣру своей красоты. И между тѣмъ никто никогда не остановился на душѣ ея, никто не полюбилъ ее за ея сердце, не сказалъ ей, что онъ ей ввѣряется, что онъ ей вѣритъ и хочетъ слиться съ нею не въ одномъ узкомъ объемѣ чувственной любви!

Бодростина насупилась, и въ большихъ глазахъ ея сверкнули досада и презрѣніе.

— Неужто же такъ будетъ вѣчно? Нѣтъ, еще одно послѣднее сказанье, и я начну новую лѣтопись. Я хочу и я буду любима!

Между тѣмъ Гордановъ въ ожиданіи дѣла съ Бодростиной сдѣлалъ для себя очень важныя открытія въ Ларисѣ. Онъ изучилъ и понялъ ее основательно, и результаты его изученія были яснѣе результатовъ долгихъ размышленій о ней Форовой, Синтяниной и Бодростиной. У Горданова Лариса выходила ни умна, ни глупа, но это была, по его точному выводу, прекрасная «собака и ея тѣнь». Вся суть ея

характера заключалась въ томъ, что все то, что ей принадлежитъ, ей не нужно. Гордановъ такъ рѣшилъ и не ошибся. Теперь надо было дѣйствовать сообразно этому опредѣленію. Онъ ходилъ къ Ларисѣ въ домъ, но, повидимому, вовсе не для нея; онъ говорилъ съ нею мало, небрежно и неохотно. Онъ видѣлъ ея разрывъ съ Подозеровымъ, предъ которымъ Гордановъ постоянно обнаруживалъ къ Ларисѣ полнѣйшее невниманіе, и не уставалъ хвалить достоинства Андрея Ивановича. Это дѣйствовало прекрасно: Лариса едва преодолѣвала зѣвоту при имени Подозерова.

Городская сплетня между тѣмъ утверждала, что Лариса не идетъ за Подозерова, что ему не везетъ, что онъ въ отставкѣ, а занята она Гордановымъ, но ей тоже не везетъ, потому что Гордановъ не удостоиваетъ ее вниманія, а занятъ, кажется, красивою купчихой Волдевановой, въ домѣ которой Гордановъ дѣйствительно бывалъ не даромъ и не скрывалъ этого, умышленно пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ. Горданову, съ его понятіями о Ларисѣ, нужно было совсѣмъ не то, что думала Бодростина; онъ не билъ на то, чтобы поиграть Ларисой и бросить ее. Онъ, правда, смотрѣлъ на нее, какъ на прекрасный и нужный ему комфортъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, чтобъ эта прекрасная, красивая дѣвушка принадлежала ему на самомъ нерушимомъ крѣпостномъ правѣ, противъ котораго она никогда не смѣла бы и подумать возмутиться. Но что же могло ему дать такое право? Бракъ; но бракъ не сдержитъ такихъ какъ Лариса; да и къ тому же онъ не могъ жениться на Ларисѣ: у него на плечахъ было большое дѣло Бодростиной, которую надо было сдѣлать богатою вдовой и жениться на ней, чтобы самому быть богатымъ; но Ларису надо было закрѣпить за собой, потому что она очень ему нравится и нужна для полнаго комфорта.

— Съ точки зрѣнія дураковъ — это вздоръ, но съ моей точки это не вздоръ, размышлялъ Гордановъ, — женщина, которая мнѣ нравится, должна быть моею, потому что безъ этого мнѣ не будетъ хорошо. Но мнѣ нужна и одна, и

другая, я гонюсь за двумя зайцами и, по глупой пословицѣ, я долженъ не поймать ни одного. Но это вздоръ!

И у Павла Николаевича созрѣлъ планъ, по которому онъ смѣло надѣялся закрѣпить за собою Ларису еще крѣпче, чѣмъ Глафиру Васильевну, и былъ вполнѣ увѣренъ, что ни Бодростина и никто на свѣтѣ этого плана не проникнутъ.

Такимъ образомъ у него предпріятіе нагромождалося на предпріятіе, и духъ его кипѣлъ и волновался. Надо было помирить петербургскіе долги; упрочить здѣсь за собою репутацію человѣка, крайне интереснаго и страшнаго; добыть большія деньги, сживя со свѣта Бодростина и женившись на его вдовѣ, и закабалить себѣ Ларису такъ, чтобъ она была ему до гроба крѣпка, крѣпче всякихъ законныхъ узъ. Всего этого онъ надѣялся достигнуть безъ риска и опасностей. На долги онъ выслалъ проценты и былъ увѣренъ, что Кишенскій и его разсчетливая подруга не станутъ на него налегать въ виду заяснившейся для него возможности поправиться и расплатиться; губернское общество онъ уже успѣлъ собою заинтересовать безъ малѣйшаго труда и даже самъ нерѣдко дивовался своему успѣху. Еще недавно ненавидѣвшій его втайнѣ Ропшинъ позвалъ его на именинный вечеръ, гдѣ былъ весь сокъ губернской молодежи, и Гордановъ, войдя, едва кивнулъ всѣмъ головой, и тотчасъ же отведя на два шага въ сторону хозяина, сказалъ ему почти вслухъ: «однако же какая сволочь у васъ, мой милый Ропшинъ». Хозяинъ сконфузился, гости присмирѣли; потомъ выходка эта съ хохотомъ была разнесена по городу. Добыть большія деньги Гордановъ давно зналъ какимъ образомъ: дѣло это стояло за сорока тысячами, которыя нужны были для разсчета съ долгами и начала милліонной операціи; надо было только освободить отъ мужа Бодростину и жениться на ней, но изъ этихъ двухъ дѣлъ послѣднее несомнѣнно устраивалось само собою, какъ только устроилось бы первое. Гордановъ въ этомъ былъ увѣренъ. Бодростина говорила правду, что у него была своя каторжная совѣсть: у него даже былъ свой

каторжный point d'honneur, не дозволявшій ему сомнѣваться въ существованіи такой совѣсти въ Глафирѣ Васильевнѣ, женщинѣ умной, которую онъ, какъ ему казалось, зналъ въ совершенствѣ. Затѣмъ оставалось прикрѣпить къ себѣ Ларису. Это дѣло было не легкое: жениться на Ларисѣ, повторимъ еще разъ, Гордановъ не думалъ, а любовницей его она не могла быть по своему гордому характеру. Онъ очень просто и ясно предвидѣлъ съ ея стороны такую логику: если онъ меня любитъ—пусть на мнѣ женится; если же не хочетъ жениться, значитъ не любитъ. Притомъ же около Ларисы стояли Синтянины, Форова, Подозеровъ; всѣ эти люди не могли благопріятствовать планамъ Горданова. Еще онъ могъ, можетъ быть, увлечь Ларису, но рисковалъ не удержать ее надолго въ своей власти. Могла настать минута разочарованія, а Гордановъ былъ дальнозорокъ; онъ хотѣлъ, чтобы Лариса была неотдалима отъ него нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не исключая даже тѣхъ, при которыхъ законъ освобождаетъ жену отъ слѣдованія за мужемъ. Но понятно, что всѣ эти сложные планы требовали времени, и Гордановъ, сдѣлавшись снова вхожъ въ домъ Бодростиныхъ, въ удобную минуту сказалъ Глафирѣ, что онъ не истратилъ одной минуты даромъ, но что при всемъ этомъ ему еще нужно много времени.

— Не торопи меня, говорилъ онъ ей: — дай мнѣ годъ времени, годъ — не вѣкъ, и я тебѣ за то ручаюсь, что къ концу этого года ты будешь и свободна и богата.

— Но завѣщаніе написано!

— Оставь ты эти письмена.

Глафира Васильевна сама знала, что нужно время, нужно оно было це для нея, а для Павла Николаевича, который хотѣлъ дѣйствовать осторожно и, раздувъ огонь, собрать жаръ чужими руками. На это и былъ здѣсь Висленевъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, разсорясь съ Подозеровымъ, ввелъ къ себѣ снова въ домъ Горданова и, плѣнясь его умомъ,

его предпріимчивостью и сообразительностью, вдругъ задумалъ ѣхать въ Москву и оттуда въ Петербургъ, чтобъ уладить кое-что по земству и вступить въ большія компанейскія торговыя дѣла, къ которымъ его тянуло и которыхъ такъ опасалась Глафира Васильевна. При этомъ кстати Бодростинъ везъ въ Москву и духовное завѣщаніе, съ тѣмъ чтобы положить его на храненіе въ опекунскій совѣтъ. Бодростину сопутствовали въ его поѣздкѣ: его наслѣдникъ племянникъ, уланъ Владиміръ Кюлевейнъ и секретарь Ропшинъ. День отъѣзда былъ назначенъ. Молодой, рослый камердинеръ Михаила Андреевича и два лакея укладывали чемоданы и несессеры. Ропшинъ вмѣстѣ съ самимъ Бодростинымъ собиралъ въ кабинетѣ дорожный портфель. Дѣло было послѣ обѣда предъ вечернимъ чаемъ: осталось провести дома послѣдній прощальный вечеръ и завтра ѣхать.

— Подай мнѣ завѣщаніе! спросилъ, сидя за столомъ, Бодростинъ у стоявшаго съ другой стороны стола Ропшина.

Секретарь порылся и поднесъ листъ, исписанный красивымъ французскимъ почеркомъ Михаила Андреевича.

Бодростинъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ этого документа, взглянулъ на свидѣтельскія подписи Подозерова и Ропшина и сказалъ:

— Не худо бы сюда еще одну подпись священника.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Ропшинъ.

— Но, впрочемъ, кажется, довольно по закону и двухъ.

— Совершенно довольно, и, вдобавокъ, завѣщаніе писано вашею собственною рукой и, вѣроятно, самими вами будетъ подано на храненіе?

— А разумѣется самимъ.

— Въ такомъ случаѣ оно болѣе чѣмъ гарантировано отъ всякихъ оспариваній.

— Ты правъ, нечего тутъ вмѣшивать поповъ: еще все разблаговѣстятъ. Ты вѣдь, конечно, никому ни звука не подалъ.

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, отвѣчалъ краснѣя Рошшинъ.

— Я, братъ, всѣмъ вѣрю и во всѣхъ сомнѣваюсь.

— Я не знаю, какъ господинъ Подозеровъ,—началъ было Рошшинъ, но Бодростинъ перебилъ его:

— Ну въ Подозеровѣ-то я не сомнѣваюсь.

Рошшинъ еще покраснѣлъ, такъ что багрецъ пробилъ сквозь его жиденькіе, тщательно причесанные чухонскіе бакенбарды, но Бодростинъ, укладывавшій въ это время бумагу въ конвертъ, не замѣтилъ его краски.

— Надпиши, сказалъ онъ секретарю, и, продиктовавъ ему надпись, велѣлъ запечатать конвертъ гербовою печатью и уложить въ портфель.

Позже вечеромъ Бодростина не было дома: онъ былъ у губернатора, потомъ у Горданова и вернулся за полночь. Глафира Васильевна безъ него въ сумерки приняла только Висленева, но рано сказалась больною и рано ушла къ себѣ на половину. Дѣла ея съ Висленевымъ шли вяло. Іосафъ Платоновичъ сдѣлался ея адъютантомъ, но только разводилъ ей рацеи о женщинѣ, о женскихъ правахъ и т. п. Гордановъ, наблюдавшій все это, находилъ, что вокругъ удалой Бодростиной какъ будто становилось старо и вяло, но врядъ ли онъ въ этомъ не ошибался. По крайней мѣрѣ, если бы Гордановъ видѣлъ Глафиру Васильевну въ сумерки того дня, когда Бодростинъ запечаталъ свое завѣщаніе, онъ не сказалъ бы, что около нея стало старо. Она была вся оживлена: черныя брови ея то поднимались, то опускались, взоръ то щурился и угасалъ, то быстро сверкалъ и пронизывалъ; античныя ея руки горѣли и щипали въ лепестки мягкую шамахинскую кисть отъ пояса распашного капота изъ букетной матеріи азіятскаго рисунка. Въ организмѣ ея было какое-то лихорадочное безпокойство, и потому, несмотря на едва замѣтную свѣжесть лѣтняго вечера, въ кабинетѣ ея были опущены густыя суконныя занавѣсы, и въ каминѣ пылали бѣловатымъ огнемъ сухія березовыя дрова.

Глафира Васильевна помѣщалась полусидя на низкомъ мягкомъ табуретѣ и упиралась въ бѣлый мраморный откосъ камина ногой, обутой въ простую, но изящную туфлю изъ алаго сафьяна.

Онъ ей былъ не лишній: она въ самомъ дѣлѣ зябла; но вдругъ чуть только всколыхнулась дверная портьера и вошедшая дѣвушка произнесла: «Генрихъ Иванычъ», Бодростина сейчасъ же вскочила, велѣла просить того, о комъ было доложено, и пошла по комнатѣ, высоко поднявъ голову, со взглядомъ ободряющей и смущающей ласки.

Въ портьерѣ показался секретарь Роншинъ: бѣдный и блѣдный, нескверный и неблазный молодой человѣкъ, предки котораго, происходя отъ ревельскихъ чухонъ, напрашивались въ нѣмецкіе бароны, но ко дню рожденія этого Генриха не приготовили ему ничего, кромѣ имени Ронпкюль, которое онъ самъ перемѣнилъ на Роншинъ, чтобы не походить на чухонца. Онъ былъ воспитанъ пристойно и съ удовольствіемъ несъ свои секретарскія обязанности при Бодростинѣ, который его отыскалъ гдѣ-то въ петербургской завали, и въ угоду одной изъ сердобольныхъ дамъ, не знавшихъ, куда пристроить этого бѣлобрысаго юношу, взялъ его къ себѣ въ секретари.

Очутившись въ этомъ старомъ, богатомъ и барскомъ домѣ, Роншинъ немедленно впалъ въ силки, которые стояли здѣсь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ. У Глафиры Васильевны была своя партія и свои агенты повсюду: въ конторѣ, въ оранжереяхъ, въ поварскихъ, на застольной и въ прачешной. Глафира Васильевна не пренебрегала ни сплетней, ни доносомъ. Роншинъ, въ качествѣ лица, поставленнаго однимъ рангомъ выше камердинера и дворецкаго, тоже былъ взятъ на барынину сторону, и онъ самъ вначалѣ едва зналъ, какъ это случилось, но потомъ... потомъ, когда онъ увидалъ себя на ея сторонѣ, онъ проникся благоговѣйнымъ восторгомъ къ Глафирѣ Васильевнѣ: онъ началъ тушить взоры при встрѣчѣ съ нею, краснѣть,

конфузиться и худѣть. Глафира Васильевна не пренебрегала и этимъ: мальчикъ могъ быть полезенъ, и ему былъ брошенъ крючокъ. Годъ тому назадъ этотъ двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ впервые взошелъ въ кабинетъ Глафиры для передачи какого-то незначащаго порученія ея мужа. Въ кабинетѣ на ту пору сидѣли Лариса Васильевна и генеральша Синтянина. Юноша пришелъ въ смущеніе при видѣ трехъ красивыхъ женщинъ: онъ замялся, сталъ говорить, ничего не выговорилъ, поперхнулся, чихнулъ, и его маленькій галстучекъ papillon сорвался съ пуговки и улетѣлъ въ невѣдомыя страны. У Роншина задрожали колѣна и навернулись слезы. Синтяниной и Ларисѣ стало и смѣшно, и жалко, но Глафирѣ Васильевнѣ это дало поводъ бросить крючокъ. Она, секунду не думая, оторвала одинъ изъ бантиковъ своего капота и, подавая его Роншину, сказала: «прекрасно! съ этихъ поръ вы за это будете мой цвѣтъ!»

Юноша поцѣловалъ ея руку и вылетѣлъ бомбой, зацѣпившись за нѣсколько стульевъ...

По прошествіи десяти мѣсяцевъ, Роншинъ доставилъ Глафирѣ Васильевнѣ копію съ завѣщанія Бодростина, ввѣреннаго его скромности, и былъ награжденъ за это прикосновеніемъ бѣлаго пальца Глафиры Васильевны къ его подбородку.

Теперь онъ предсталъ къ ней съ другимъ докладомъ.

Онъ вошелъ, поклонился и застѣнчиво пролепеталъ банальную, французскую привѣтственную фразу. Она окинула его бровью, ласково улыбнулась и, взявъ его за руку, подвела къ стулу.

— Садитесь, Генрихъ,—сказала она, выпуская его руку и проходя далѣе по ковру своею развалистою походкой.— Что новаго у насъ?

— Михаилъ Андреевичъ везетъ завѣщаніе въ Москву.

— Да-а?

— Онъ запечаталъ его въ конвертъ и сдалъ мнѣ.

— Вамъ? какъ это мило съ его стороны.

Ропшинъ всталъ и хотѣлъ раскланяться.

— Куда же вы?—остановила его Бодростина.

— Я все сказалъ вамъ,—отвѣчалъ Ропшинъ и отозвался, что у него много дѣлъ.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, съ вашими дѣлами: всѣхъ дѣлъ вовѣкъ не передѣлаешь. Скажите лучше мнѣ: вы можете меня удостовѣрить, что эта бумага дѣйствительно приготовлена и везется въ Москву?

— О, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ легче: она со мной, въ моемъ портфелѣ. Вы, можетъ-быть, желали бы ее видѣть... я нарочно взялъ съ собою.

— Да; я даже прошу васъ объ этомъ.

Ропшинъ вышелъ, и явясь черезъ минуту, засталъ Глафиру Васильевну снова предъ каминомъ: ее опять, кажется, знобило, и она грѣлась въ той же позѣ и на томъ же табуретѣ, на которомъ сидѣла до прихода Ропшина.

— Вы нездоровы? — робко спросилъ молодой человѣкъ, кинувъ на нее влюбленный, участливый взглядъ.

— Немножко зябну.

— Вечеръ свѣжъ,—отвѣчалъ секретарь, доставая конвертъ изъ портфеля.

— Oui; le feu est un bon compagnon ce soir,—уронила она, зѣвая.

Глафира Васильевна взяла конвертъ, внимательно прочла надпись и замѣтила, что она никогда не знала, какъ подобные документы надписываются.

— Вотъ тамъ, на столѣ, есть карандашъ,—прошу васъ, спишите мнѣ эту надпись.

Ропшинъ всталъ и хотѣлъ взять конвертъ.

— Нѣтъ, вы пишите, я продиктую вамъ,—сказала Бодростина, и когда секретарь взялъ карандашъ и бумагу, Глафира Васильевна прочитала ему надпись и затѣмъ бросила конвертъ въ огонь и, вставъ, заслонила собою пылающій каминъ.

Ропшинъ остолбенѣлъ, но потомъ быстро бросился къ ней, но былъ остановленъ тихимъ, таинственнымъ «т-ссъ»,

между тѣмъ какъ въ то же самое время правая рука ея схватила его за руку, а бѣлый мизинецъ лѣвой руки во всю свою длину легъ на его испуганныя уста.

— Вы не употребите же противъ меня силы, да и это теперь было бы безполезно, вы видите, конвертъ сгорѣлъ. Берите скорѣе точно такой другой и дѣлайте на немъ ту же надпись. Онѣ должны быть похожи какъ двѣ капли воды.

— Что же я положу въ другой конвертъ?

— Вы положите въ него... листъ чистой бумаги.

— Великій Боже!

— Не ужасайтесь, бываютъ дѣла гораздо страшнѣе, и ихъ люди безтрепетно дѣлаютъ для женщинъ и за женщинъ,—это, надѣюсь, еще далеко не тотъ кубокъ, который пили юноша, царь и пастухъ въ зàмкѣ Тамары.

— Вы можете еще шутить!

— Нимало, вамъ не грозитъ никакая опасность! что бы ни случилось, вы можете отвѣчать, что это ошибка и только.

— Я потеряю мое мѣсто.

— Очень можетъ быть, но о такихъ вещахъ предъ женщиной не говорятъ.

— И съ этимъ Бодростина, не давая опомниться Роншину, достала изъ его портфеля пачку конвертовъ и сунула въ одинъ изъ нихъ загодя приготовленный, исписанный листъ,— этотъ листъ было старое завѣщаніе.

— Не стойте посреди пути: минуты дороги. Гдѣ печать? спросила она живо.

Роншинъ молча вынулъ изъ кармана гербовую печать, которою Глафира Васильевна собственною рукою запечатала конвертъ и сказала: «надпишите!»

Секретарь сѣлъ и взялъ перо, но рука его тряслась и измѣняла ему.

— Прежде немножко успокойтесь,—вы очень взволнованы, васъ надо вылѣчить, бѣдный ребенокъ, и съ этимъ она обняла его и поцѣловала.

Роншинъ закрылъ рукой глаза и зашатался.

Бодростина отвела его руку и взглянула ему въ глаза спокойнымъ, ничего не говорящимъ взглядомъ.

— Comptez-vous cela pour rien? спросила она его строго и твердо.

— О, я давно, давно люблю васъ, воскликнулъ Ропшинъ, и я готовъ на все!

— Вы любите! Tant mieux pour vous et tant pis pour les autres, берегите же мою тайну. Вамъ поцѣлуй данъ только въ задатокъ, но щедрый расчетъ впереди. И съ этимъ она сжала ему руку и, подавъ портфель, тихонько направила его къ двери, въ которую онъ и вышелъ.

Бодростинъ вернулся домой за полночь и засталъ своего молодого секретаря сидящимъ за работой въ его кабинетѣ.

— Иди спать, сказалъ онъ Ропшину,—чего ты сидѣлъ? Я запоздалъ, а мы завтра утромъ ѣдемъ.

— Мнѣ что-то не хотѣлось спать, отвѣтилъ Ропшинъ.

— Не хочешь спать? Соскучился, и тянетъ въ Питеръ. Что же погоди, братъ, покутишь: но ты въ какомъ-то восторженномъ состояніи! Отчего это?

— Вамъ это кажется,—я тотъ, что и всегда.

— Ты не плѣненъ ли горничной Настей?... А хороша! хоть бы и не тебѣ, ревельской килькѣ. Да ты, братецъ, не скромничай,—я самъ былъ молодъ, а теперь все-таки иди спать.

И предводитель съ своимъ секретаремъ разошлись. Бодростинскій домъ весь погрузился въ спокойный сонъ, не исключая даже самой Глафиры, уснувшей съ увѣренностію, что послѣдніе шаги ея сдѣланы блистательно. Бодростинъ самъ лично отдастъ на храненіе завѣщаніе, которымъ предоставлялось все ей и одной ей; это не можетъ никому придти въ голову; этого не узнаетъ и Гордановъ, а Ропшинъ... онъ не выдастъ никогда того, что онъ знаетъ, не выдастъ потому, что... Глафира Васильевна знала юношескую натуру.

Такъ уѣхалъ Бодростинъ, увѣренный, что ему нечего безпокоиться ни за что: что даже супружеская честь его

въ полной безопасности, ибо у жены его такъ много поклонниковъ, что они сами уберегутъ ее другъ отъ друга. Ему и въ голову не приходило, что онъ самое свѣжее свое безчестіе везъ съ самимъ собою, да и кто бы рѣшился заподозрѣть въ этомъ влаственную красоту Глафиры, взглянувъ на прилизаннаго Рошина, въ душѣ котораго теперь было столько живой, трепещущей радости, столько юношеской гордости и тайной, злорадной насмѣшки надъ Висленевымъ, надъ Гордановымъ и надъ всѣми смѣлыми и ловкими людьми, чья развязность такъ долго и такъ мучительно терзала его юное, безъ правъ ревновавшее сердце. Теперь онъ, по своей юношеской неопытности, считалъ себя связаннымъ съ нею крѣпчайшими узами, и удивлялся только одному, какъ его счастье не просвѣчиваетъ наружу, и никто не видитъ, гдѣ скрытъ высшій счастливецъ. „Tant mieux pour vous, tant pis pour les autres“, шепчутъ ему полныя пунцовыя губы, дыханія которыхъ ему не забыть никогда, никогда! И воспоминанія эти порхаютъ роемъ въ головѣ и сердцѣ счастливца, помѣщающагося въ вагонѣ желѣзной дороги возлѣ блаженнаго Бодростина, и мчатся они въ даль къ сѣверу. А въ то же время Глафира Васильевна покинула свой городской домъ и сокрылась въ цвѣтущихъ садахъ и темныхъ паркахъ села Бодростина, гдѣ ее въ первый же день ея переѣзда не замедлили навѣстить Висленевъ съ сестрой и Гордановъ. И въ тотъ же день вечеромъ, въ поздніе сумерки, совершенно некстати, нежданно и нескладно, появился Михаилъ Андреевичъ въ короткомъ кирасирскомъ мундирѣ съ распоротою спинкой, и столь же внезапно, нежданно и нескладно исчезъ.

Странный, пустой, но непріятный случай этотъ подѣйствовалъ на Глафиру Васильевну очень непріятно,—она тяготилась мертвымъ безмолвіемъ залъ, гдѣ тревожному уху ея съ пустынныхъ хоръ слышалась тихая рѣчь и таинственный шорохъ; ее пугалъ сумракъ сонныхъ кленовъ, крехтящихъ подъ вѣтеръ надъ сонным, далекимъ прудкомъ стариннаго парка; ее пугалъ даже всплескъ золотистаго

карася на поверхности этой сонной воды. Ея состояніе было созерцательное и болѣзненное; она опять перебирала не совѣсть свою, но свои поступки, и была недовольна собою. Даже недавно казавшійся ей столь необходимымъ вызовъ Горданова представлялся ей теперь въ иномъ свѣтѣ. По ея мнѣнію, все ея прошлое было ошибка на ошибкѣ. Ей, выйдя замужъ, нужно было держать себя строго, и тогда... она, конечно, могла бы овдовѣть безъ всякой сторонней помощи, какъ безъ помощи Горданова она овладѣла завѣщаніемъ и даже болѣе: подмѣнила его другимъ. Надо было выдержать себя, какъ выдерживаетъ Синтянина, и тогда ни на что не нужны были бы никакіе помощники... Да; Гордановъ ей дорого стоитъ, и за то теперь, послѣ исторіи съ завѣщаніемъ, цѣна ему сильно упала, но онъ все-таки еще нуженъ... Глафира не могла ни на кого, кромѣ него, положиться; но теперь она видѣла необходимость сдѣлать нѣчто и съ самою собою: надо было поправить свою репутацію, такъ чтобы ко времени, когда ударитъ роковой часъ, на нее не могло пасть даже и тѣни подозрѣнія въ искусственномъ устройствѣ вдовства. Надо было *поправить свою репутацію.*

— Начать молиться?—но кто же мнѣ повѣритъ. За что же, за что же взяться, чтобы меня забыли во мнѣ самой?

Это ее занимало постоянно, и она, оставаясь сама съ собою, не могла отрѣшиться отъ этой мысли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сумасшедшій Бедуинъ.

Верстахъ въ тридцати отъ села Бодростина въ большихъ имѣніяхъ одного изъ князей древняго русскаго рода жилъ оригинальный человѣкъ, Свѣтозаръ Владеновичъ Водопьяновъ. Крестьяне въ окружности называли его «чернымъ барономъ», а сосѣди-помѣщики — «Сумасшедшимъ Бедуиномъ». Онъ происходилъ откуда-то изъ южныхъ славянъ; служилъ когда-то безъ году недѣлю въ русской артиллеріи и, выйдя въ отставку, управлялъ съ очень давнихъ поръ княжескими

имѣніями. Послѣднее было нѣсколько удивительно. Водопьяновъ, казалось бы, не могъ управлять ничѣмъ, но между тѣмъ онъ управлялъ очень обширными землями и заводами, и владѣтель этихъ большихъ мѣстностей не искалъ случая разстаться съ Свѣтозаромъ Владеновичемъ. Напротивъ, всѣмъ было извѣстно, что князь, занимавшій въ Петербургѣ важную государственную должность, дорожитъ безалаберным Водопьяновымъ и, каждый годъ выписывая его къ себѣ съ отчетами, удерживалъ его при себѣ долго и ласкалъ, и дарилъ его. Сановникъ любилъ Водопьянова, и въ этой любви его было что-то нѣжное и даже почтительное. Управитель былъ человѣкъ честный и даже очень честный: это знали всѣ; но главная черта характера, привязывавшая къ нему людей, заключалась въ непосредственности его натуры и въ оригинальности его характера. Названіе «черный баринъ» очень ясно выражало внѣшность Водопьянова: онъ былъ великъ ростомъ, неуклюжъ, массивенъ, теменъ лицомъ, съ весьма крупными чертами лица; толстыми черными съ просѣдью волосами, поросшими мхомъ ушами и яркими, сверкающими, карими глазами. Ноги и руки его были просто ужасны по своимъ громаднымъ размѣрамъ, и притомъ руки всегда были красны, какъ окунутыя въ свекольный разсолъ, а ноги до того костисты, что суставы словно были покрыты наростами, выпиравшими подъ кожей сапога наружу. Ко всему этому Водопьяновъ постоянно смазывался чѣмъ-то камфарнымъ, носилъ въ карманѣ коробку съ камфарными шариками, глоталъ камфару, посыпалъ камфарой постель, курилъ камфарныя сигаретки и вообще весь былъ пропитанъ камфарой. Это была его гигіена по Распайлю,—единственному врачу, которому онъ вѣрилъ. Ходилъ онъ и двигался быстро, говорилъ голосомъ необыкновенно кроткимъ и мягкимъ и находился въ постоянной задумчивости. Нравъ и образъ жизни Водопьянова были до крайней степени причудливы: къ нему очень шли слова поэта:

Онъ страненъ, исполненъ несбыточныхъ думъ,
Бываетъ онъ веселъ ошибкой;
Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ угрюмъ,
Къ гробамъ ихъ подходитъ съ улыбкой.
Всеобщій кумиръ ихъ ему не кумиръ,
Недаромъ безумцемъ зоветъ его міръ.

Водопьяновъ былъ безконечно добръ и участливъ: онъ былъ готовъ служить всѣмъ и каждому чѣмъ только могъ, но всѣ горести людскія при этомъ его не поражали и не тревожили. Отъ этого многимъ казалось, что онъ лишенъ чувства и поступаетъ добро и благородно только по принципу. Самъ онъ тоже всякую скорбь переносилъ, не удостоивая ее ни малѣйшаго вниманія,—не смущался ничѣмъ и не боялся ничего. Онъ былъ холостъ, но имѣлъ на своихъ рукахъ женатаго брата съ дѣтьми и замужнюю сестру съ ея потомствомъ. Все это были люди плохіе, нагло сѣвшіе на шею Водопьянова и не помышлявшіе сойти съ нея, какъ онъ не помышлялъ ихъ спугивать.

Есть или, по крайней мѣрѣ, были у насъ на Руси сострадательныя барышни, одну изъ каковыхъ авторъ вспоминаетъ въ эту минуту: въ ея дѣвической комнатѣ постоянно можно было найти какую-нибудь калѣчку; на окнѣ, напримѣръ, сидѣлъ цыпленокъ съ переломленною, перевязанною въ лубокъ ногой; въ шляпной коробкѣ помѣщался гадостный больной котенокъ; подъ комодомъ прыгалъ на ниткѣ упавшій изъ гнѣзда желтоносый галченокъ: все это подбиралось сюда откуда-попало и воспитывалось здѣсь до поправленія силъ, безъ всякаго разсчета на чью бы то ни было благодарность. Домъ Свѣтозара Владеновича въ своемъ родѣ былъ совершенно то самое, что описанная комната, съ тою единственною разницей, что вмѣсто галчатъ, котятъ и цыплятъ здѣсь обитали калѣки и уродцы человѣческой породы. Помимо лѣниваго и тупого брата и его злой жены, съ ихъ малоумнымъ и злымъ потомствомъ, и сестры съ ея пьянымъ мужемъ и золотушными дѣтьми, у Водопьянова былъ кучеръ, нигдѣ нетерпимый пьяница, кухарка, забитая

мужемъ, идіотка, комнатный мальчикъ-калѣка, у котораго ноги стояли иксомъ въ разныя стороны: все это придавало всему дому характеръ какого-то нестроенія. Почти то же самое было и въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ управлялъ Водопьяновъ; но, ко всеобщему удивленію, и домъ «чернаго барина» не оскудѣвалъ, и полевое и фабричное хозяйство у него шло часто даже удачнѣе, чѣмъ у многихъ, самыхъ рачительныхъ, сосѣдей. Отъ этого въ народѣ ходила молва, что «черный баринъ что-то знаетъ»,—и онъ дѣйствительно нѣчто зналъ: онъ зналъ агрономію, химію, механику, зналъ силы природы въ многоразличныхъ ихъ проявленіяхъ, наблюдалъ ихъ и даже умѣлъ немножко прозрѣвать ихъ тайны. Кромѣ того, онъ зналъ нѣчто такое, что, по общераспространенному мнѣнію, даже и нельзя знать: онъ зналъ (не вѣрилъ, а зналъ), что есть міръ живыхъ существъ, не нуждающихся ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ одеждѣ,—міръ, чуждый низменныхъ страстей и всѣхъ треволненій міра земного. Водопьяновъ былъ спиритъ и медіумъ, хотя не давалъ никакихъ медіумическихъ сеансовъ. Рука его не писала, но ухо что-то слышало, и это слышаніе было поводомъ ко множеству странностей, по которымъ образованные сосѣди не въ шутку признавали его немножко помѣшаннымъ и назвали «Сумасшедшимъ Бедуиномъ». Заподозрить въ Водопьяновѣ нѣкоторую ненормальность душевныхъ отправленій было весьма возможно: въ его поступкахъ была бездна странностей: онъ часто говорилъ, повидимому, совершенную нескладицу, и нерѣдко вдругъ останавливался посреди рѣчи, прислушивался къ чему-то такому, чего никто не слыхалъ, иногда онъ даже быстро кому-то отвѣчалъ и вдругъ внезапно вскакивалъ и внезапно уходилъ или уѣзжалъ. Нерѣдко онъ вдругъ появлялся, прежде невхожій, въ домахъ людей, очень мало ему знакомыхъ и отдаленныхъ: появлялся Богъ знаетъ для чего, а черезъ короткое время снова уѣзжалъ. Словомъ, носился какъ сумасшедшій бедуинъ по пустынѣ, почти не замѣчая живыхъ людей и говоря съ призраками.

Мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда Михаила Андреевича въ столицу, въ одинъ августовскій темный вечеръ, прерывистый звонъ поддужнаго колокольчика возвѣстилъ гостя обитателямъ села Бодростина, и лакеи, отворившіе дверь парадного подъѣзда, встрѣтили «чернаго барина».

Водопьяновъ пользовался за свою оригинальность и честность расположеніемъ Михаила Андреевича, но Глафира Васильевна, прежде очень интересовавшаяся этимъ оригиналомъ, вдругъ разжаловала его изъ своихъ милостей. Сумасшедшій Бедуинъ, по ея словамъ, тяжело дѣйствовалъ ей на нервы. Водопьяновъ бывалъ у Бодростиныхъ очень рѣдко и предъ симъ не показывалъ къ нимъ глазъ болѣе года; но такъ какъ подобныя странности были въ его натурѣ, то внезапный пріѣздъ его не удивилъ Глафиру. Она, напротивъ, въ этотъ разъ, страдая немножко скукой, была даже рада посѣщенію Водопьянова и, отдавъ приказаніе слугѣ просить пріѣзжаго въ гостиную, живо обратилась къ находившимся у нея гостямъ: Ларисѣ, Висленеву и Горданову, и сказала: рекомендую вамъ, господа, сейчасъ войдетъ оригиналъ, подобнаго которому едва ли кто-нибудь изъ васъ видѣлъ: онъ мистикъ и спиритъ.

— И даже медіумъ, мнѣ кажется, дополнила Лариса.

— И натурально шарлатанъ, прибавилъ Гордановъ.

— Нимало, отвѣтила Бодростина.

По залѣ между тѣмъ уже раздавались тяжелые шаги Свѣтозара Владеновича.

Водопьяновъ былъ одѣтъ очень хорошо, даже немножко щеголевато для деревни, держался скромно, но развязно и съ самоувѣренностью, но черные огненные глаза его вмѣстѣ съ непостижимою блѣдностью щекъ дѣлали его и съ виду человѣкомъ, выходящимъ изъ ряду вонъ.

Глафира Васильевна встрѣтила его очень радушно, отрекомендовала его своимъ гостямъ и назвала ему гостей. Водопьяновъ изо всѣхъ трехъ зналъ одну Ларису, но, подавъ всѣмъ руку и обмѣнявшись привѣтствіями съ послѣднимъ по очереди, Висленевымъ, сказалъ:

— Васъ зовутъ Іосафъ, очень рѣдкое имя. Впрочемъ, всѣ имена прекрасны, но не сообщаютъ человѣку своего значенія.

— Это хорошо или дурно?—заговорила съ нимъ Бодростина.

— Ни то, ни другое: человѣкъ значитъ только то, что онъ значитъ, все остальное къ нему не пристаетъ. Я сегодня цѣлый день мучусь, заставляя мою память сказать мнѣ имя того нѣмого, который въ одну изъ персскихъ войнъ заговорилъ, когда его отцу угрожала опасность. Ѣду мимо васъ и вздумалъ...

— Что у насъ объ этомъ знаютъ?

— Да! Я думаю здѣсь непремѣнно есть люди, которые должны это знать.

— Господа! обратилась съ вопросомъ Бодростина.

Всѣ молчали.

— Я каюсь въ моемъ невѣжествѣ,—продолжала она,— я не знаю ни этого факта, ни этого имени.

— Фактъ несомнѣненъ,—утвердилъ Водопьяновъ.

— Онъ есть въ исторіи: это было въ одну изъ войнъ Кира, мнѣ помнится,—замѣтилъ Гордановъ.

— Ахъ, вамъ это помнится! Я очень радъ, очень радъ, что вы это помните. Не правда ли, странный случай? Мнѣ одинъ медикъ говорилъ, что это совсѣмъ невозможно, почему же? не правда ли?

— Не знаю, какъ вамъ отвѣтить: почему?

— Да; это смѣшно, въ какомъ младенчествѣ еще естественныя науки. Я предлагалъ премію тому, кто скажетъ, почему пѣтухъ въ полночь поетъ; никто до сихъ поръ не взялъ ея. Поэтому я вѣрю, что нѣмой могъ заговорить. Въ природѣ все возможно!

— Но возможно, чтобы курица ходила по улицѣ, но чтобы улица ходила по курицѣ, это невозможно!

— Кто знаетъ? А какъ вы полагаете: возможно ли, чтобы щука выскочила сама изъ рѣки, вспрыгнула человѣку въ ротъ и задушила его?

— Не думаю.

— А между тѣмъ въ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ восьмомъ году, двадцать третьяго іюля, на Днѣпрѣ, подъ Кіевомъ, щука выпрыгнула изъ воды, воткнулась въ ротъ хохлу, который плевалъ въ рѣку, и пока ее вытащили, бѣднякъ задохнулся. И слѣдствіе было, и въ газетахъ писали. Что? отнесся онъ и, не дождавшись отвѣта,—продолжалъ:—Ужасны странности природы, и намъ, докуда мы сидимъ въ этомъ кожаномъ футлярѣ, нельзя никакъ утвердительно говорить, что возможно и что невозможно. У меня есть сильнодѣйствующее средство отъ зубной боли, мнѣ далъ его въ Выборгѣ одинъ шведъ, когда я ѣздилъ туда искать комнату, гдѣ Державинъ дописалъ двѣ послѣднія строфы оды «*Богъ*», то-есть: «Въ безмѣрной радости теряться и благодарны слезы лить...» Я хотѣлъ видѣть эти стѣны, но не нашелъ комнаты: у насъ этимъ не дорожатъ... Да; но я говорю о лѣкарствѣ. Это сильное средство уничтожаетъ нервъ, и его можно капнуть только на нижній зубъ, а для верхняго считалось невозможнымъ; но я взялъ одну бабу, у которой болѣлъ верхній зубъ, обвязалъ ей ноги платкомъ и поставилъ ее въ углу кверху ногами и капнулъ, и она потомъ меня благословляла. Я сообщалъ этотъ способъ въ газеты, — не печатаютъ, тоже говорятъ «невозможно». Въ нашихъ понятіяхъ невозможное смѣшано съ тѣмъ, что мы считаемъ невозможнымъ. Есть люди, которые увѣрены, что человѣкъ есть кожаный мѣшокъ, а имъ, однако, кажется невозможнымъ допустить, что даровитый человѣкъ, царствовавшій въ Россіи подъ именемъ Димитрія, былъ совсѣмъ не Лжедимитрій, хотя кожаный мѣшокъ былъ похожъ какъ двѣ капли воды.

— Вы, кажется, къ Лжедимитрію неравнодушны?—молвила Бодростина.

— Да; бѣдный духъ до сей поры безпокоится такою клеветой.

Бодростина переглянулась съ гостями.

— Онъ кто-жъ такой?

— Когда онъ былъ духомъ, онъ не хотѣлъ этого ясно сказать, теперь же онъ опять воплощенъ, — отвѣчалъ спокойно Водопьяновъ.

— Вы не скрываете, что вы спиритъ? отнесся къ нему Висленевъ.

— Нѣтъ, не скрываю, для чего-жъ скрывать?

— Я тоже не скрываю, что не вѣрю въ спиритизмъ.

— Вы прекрасно дѣлаете, но вы вѣдь спиритизма не знаете.

— Положимъ; но я знаю то, что въ немъ есть смѣшного: его таинственная сторона. Вы вѣрите въ переселеніе душъ?

— Да, въ перевоплощеніе духа.

— И въ чудеса?

— Да, если чудесами называть все то, чего мы не научились еще понимать, или не можемъ понимать по несовершенству нашего понимательнаго аппарата.

— А чему вы приписываете его несовершенства?

— Природѣ этой плохой планеты. Плохая планета, очень плохая, но что дѣлать: надо потерпѣть, на это была, конечно, высшая воля.

— Вы, стало-быть, изъ недовольныхъ міромъ?

— Какъ вѣчный житель лучшихъ сферъ, я, разумѣется, не могу восхищаться темницей, но зная, что я по заслугамъ посаженъ въ карцеръ, я не ропщу.

— И вы видали сами чудеса?—тихо вопросила его Лариса.

— О, очень много!

— Какія, напримѣръ? Не можете ли вы намъ что-нибудь разсказать?

— Могу охотно: я видѣлъ болѣе всего нежданныя побѣды духа злобы надъ чувствами добрѣйшихъ смертныхъ.

— Но тутъ ничего нѣтъ чудеснаго.

— Вы думаете?

— Да.

— О, ошибаетесь! Зло такъ гадко и противно, что духъ

не могъ бы самъ идти его путемъ, если бы не велъ его сильнѣйшій и злѣйшій.

— Нѣтъ, вы скажите видимое чудо.

— Я видѣлъ Русь расшатанную, неученую, неопытную и неискусную, преданную ученьямъ злымъ и коварнымъ, и устоявшую!

— Ну, что это опять за чудо?

— Какихъ же вы желаете чудесъ?

— Видимыхъ воочію, слышимыхъ, ощущаемыхъ.

— О, имъ числа нѣтъ: они и въ Библіи, и въ сказаніяхъ, въ семейныхъ хроникахъ и всюду, гдѣ хотите Если это васъ интересуетъ, въ англійской литературѣ есть очень хорошая книжка Кроу, прочтите.

— Но вы сами ничего не видали, не слышали, не обоняли и не осязали?

— Видѣлъ, слышалъ, обонялъ и осязалъ.

— Скажите, что?

— Я въ дѣтствѣ видалъ много свѣтлыхъ бабочекъ зимой.

— Галлюцинація!—воскликнулъ Висленевъ.

— Ну, понятно, поддержалъ Гордановъ.

— Это въ пору дѣтства; нѣтъ, вы скажите, не видали ли вы чего-нибудь въ зрѣлые годы?—спросила Лариса.

— И, главное, чего-нибудь страшнаго,—добавила Бодростина.

— Да, видѣлъ-съ, видѣлъ; я видѣлъ, золотой пухъ и огненный летали въ воздухѣ, видѣлъ, какъ разъ черная туча упала въ крапиву.

— Это все не страшно.

— Я видѣлъ... я видѣлъ на хромомъ зайцѣ ѣхалъ бородатый старикъ безъ макушки, шибко, шибко, шибко, оставилъ свою гору, оставилъ чужую, оставилъ сорочью гору, оставилъ снѣжную и переѣхалъ за ледяную, и тутъ сидѣлъ другой старикъ съ бѣлою бородой и сшивалъ ремнями дорогу, а съ мѣсяца свѣтъ ему капалъ въ желѣзный кувшинъ.

— Это нелѣпости!—замѣтила Бодростина:—Скажите что-нибудь попроще.

— Проще? Это все просто. Я спалъ предъ окномъ въ Москвѣ, и въ лучѣ луннаго луча ко мнѣ сходилъ мой братъ, который былъ въ то время на Кавказѣ. Я всталъ и записалъ тотъ часъ, и это былъ...

— Конечно, часъ его кончины,—перебилъ Висленевъ.

— Да, вы именно отгадали: онъ въ этотъ часъ умеръ.

— Это всегда такъ говорятъ.

— Но что вы слышали? — добивалась Лара, которой Водопьяновъ отвѣчалъ охотнѣе всѣхъ прочихъ.

— Я слышу много, много, много.

— И, виновата, вы и слышите все въ такомъ же безтолковомъ родѣ, какъ видите,—отвѣчала Бодростина.

— А? Да, да, да, все такъ. Вода спитъ слышно. Ходитъ *нѣкто*, кто самъ съ собою говоритъ, говоря, въ ладоши хлопаетъ, и, хлопая, пляшетъ, а за нимъ идетъ говорящее, хлопающее и пляшущее. Всѣ рѣчистые глупцы и всѣ умники безъ разсудка идутъ на мѣсто, о которое скользятъ ноги. Я слышу, скользятъ, но у меня медвѣжье ухо.

Онъ покачалъ свое густо-обросшее волосами ухо и добавилъ:

— Мнѣ не надо слышать ясно, но Гоголь слышалъ часъ своей смерти.

— Гоголь, вѣдь, какъ извѣстно, помѣшался предъ смертью,—замѣтилъ Гордановъ.

Водопьяновъ улыбнулся.

— Вамъ это извѣстно, что онъ помѣшался?

— Говорятъ.

— Однако, все сбылось такъ, какъ онъ слышалъ.

— Случай.

— Но этимъ случаямъ числа нѣтъ. Іезекіиль съ Исаіей пророкомъ слышали, когда придетъ Христово царство.

— Оно же пришло: мы христіане.

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда «всѣ раскуютъ мечи на орала и копья на серпы». Нѣтъ, это не пришло еще.

— И не придетъ.

— Придетъ, придетъ, придетъ, люди станутъ умнѣе и будутъ добрѣе, и это придетъ.

— А что вы обоняли?

— Я обоняю... даже здѣсь теперь запахъ свѣже-распиленной сосны...

— Какіе вздоры! Это я купаюсь въ смоляномъ экстрактѣ,— отвѣчала Бодростина и, приближая къ его лицу свою руку, добавила:—Понюхайте, не это-ли?

— Нѣтъ, я слышу запахъ новыхъ досокъ, ихъ гдѣ-то стругаютъ.

— Что за гиль! Гробъ готовятъ, что-ли? Нѣтъ, мы вамъ чудо гораздо получше разскажемъ,— воскликнула она,— и разсказала о странномъ и непонятномъ появленіи ея мужа въ распоротомъ мундирѣ. — Скажите-ка, что это можетъ значитъ?

— Надо молиться о немъ.

— О чемъ же молиться? Вѣдь смерть по вашему — блаженство.

— Да, смерти нѣтъ, нѣтъ Бога мертвыхъ, нѣтъ и смерти, есть только Богъ живыхъ.

— Простите, я позабыла, что вы безсмертны.

— Какъ всѣ съ превѣчнаго начала: «Я рабъ, я царь, я червь, я Богъ».

— Каково!—воскликнула Бодростина, обращаясь къ гостямъ, и затѣмъ добавила, — allez droit devant vous, cher Свѣтозаръ Владеновичъ, мы не устанемъ васъ слушать!

Водопьяновъ промолчалъ.

Бодростина подумала, не оскорбился-ли онъ, и спросила его объ этомъ, но «Сумасшедшій Бедуинъ» отвѣчалъ, что его обидѣть невозможно,— всякій, обижая другого — обижаетъ себя и деморализуется.

— Ну, прочь мораль! Я не моральна! Скажите-ка намъ что-нибудь о переходѣ душъ. Мнѣ очень нравится ваша теорія внесенія въ жизнь готовыхъ способностей и я ее часто припоминаю: мнѣ часто кажется, что во мнѣ шеве-

лится что-то чужое, но только вовсе не лестное,—добавила она съ улыбкой къ гостямъ. Не была-ли я, Свѣтозаръ Владеновичъ, Аспазіей или Фриной,— во мнѣ прегадкіе инстинкты.

— Что вы за вздоры говорите? — воскликнулъ слегка шокированный Висленевъ и, вставши, началъ ходить.

Но Водопьяновъ отвѣчалъ Бодростиной, что все это очень возможно, и что онъ самъ былъ воръ и безжалостный злодѣй.

— Во мнѣ тоже,—отвѣчалъ онъ,—нѣтъ нимало врожденнаго добра.

— А между тѣмъ вѣдь вы добрякъ.

— Нѣтъ, я очень золъ, но не хочу быть злымъ,— мнѣ это стоило работы.

— А вы, конечно, знаете такихъ, которые перевоплощаются изъ честныхъ душъ и все честнѣютъ?

— Да, я знаю одинъ такой духъ.

— Скажите, скажите о немъ,—кто это такой?

— Его здѣсь звали на землѣ донъ Цезарь де-Базанъ.

— Испанскій дворянинъ! — воскликнули всѣ, не исключая лѣниво дремавшаго Горданова

— Да; онъ былъ испанскій дворянинъ и онъ сдѣлалъ это слово кличкой. Вы помните его, разумѣется, по театральной пьесѣ.

— Да; помнимъ, помнимъ; благороденъ, бѣденъ, гордъ и честенъ.

И ко всему тому изрядно глупъ, подсказалъ Висленевъ.

— Оставимъ, господа, кому онъ чѣмъ кажется. Пусть лучше Свѣтозаръ Владеновичъ разскажетъ намъ, какъ испанскій дворянинъ переселялся и въ комъ онъ жилъ,

— Онъ жилъ въ студентѣ Спиридоновѣ, который въ свою очередь жилъ въ Москвѣ, въ маленькомъ переулкѣ, возлѣ Цвѣтного бульвара. По крайней мѣрѣ я тамъ его узналъ.

— И пусть отсюда вашъ разсказъ начнется уже безъ перерыва.

— Разсказывать я долженъ, начиная съ дней давнихъ.

— Мы слушаемъ. Я люблю всякій мистическій бредъ,— заключила Бодростина, обращаясь къ гостямъ.— Въ немъ есть очень пріятная сторона: онъ молодитъ насъ, переноситъ на минуту въ дѣтство. Сидишь, слушаешь, не вѣришь, и между тѣмъ невольно ноги подъ себя подбираешь.

Водопьяновъ началъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разсказъ Водопьянова.

— Студентъ Спиридоновъ, по множеству пороковъ, былъ неспособенъ къ семейной жизни, а между тѣмъ онъ былъ женатъ, и женатъ по собственному побужденію и противъ своей воли, и съ этихъ поръ...

— Позвольте! съ этихъ поръ, конечно, не начнется безтолковщина?

— Зачѣмъ же? и съ этихъ поръ въ студентѣ Спиридоновѣ сказался его хозяинъ, но, впрочемъ, его надо было-бы узнать гораздо прежде. Спиридоновъ мнѣ разъ все разсказалъ и самъ надъ собой смѣялся, хотя въ его словахъ не было никакого смѣха. Испанскій дворянинъ ему являлся много разъ.

— И вьявь?

— Конечно, вьявь, и въ старомъ своемъ видѣ: съ безвременною сѣдиной въ черныхъ кудряхъ, съ безпечнѣйшимъ лицомъ, отмѣченнымъ печатью доброты и кротости, съ глазами пылкими, но кроткими, въ плащѣ изъ бархата, забывшаго свой цвѣтъ, и съ тонкою длинною шпагой въ протертыхъ ножнахъ. Являлся такъ, какъ Спиридоновъ видѣлъ его на балаганной сценѣ, когда ярмарочная труппа давала свои представленія.

— Ну, слава Богу,—это обѣщаетъ, кажется, быть интереснымъ, и если исторія эта не кончится въ пяти словахъ, то надо приказать дать свѣчу, чтобы послѣ насъ не прерывали.

— Исторія довольно велика,—отвѣтилъ Водопьяновъ.

Бодростина позвонила и велѣла дать огонь, хоть на дворѣ едва лишь смеркалось. Когда люди поставили лампы и вышли, опустя шторы у оконъ, Водопьяновъ продолжалъ:

— У студента Спиридонова былъ отецъ,—бѣднякъ, какихъ не мало на этой планетѣ, гдѣ такая бездна потребностей; но ему, наконецъ, улыбнулось счастье. Онъ служилъ въ гусарахъ на счетъ богатой тетки,—это, конечно, не особенно честно, но она этого хотѣла, и онъ это дѣлалъ для поддержанія ея фамильной гордости. Онъ, говорятъ, былъ красивъ: я его не видалъ,—когда я познакомился съ его сыномъ, его уже не было на этомъ свѣтѣ. Въ него влюбилась красавица-помѣщица одного села, гдѣ онъ стоялъ. Она была богата, молода, и годъ какъ овдовѣла послѣ мужа-старика, которому ее продали ради выгодъ и который безумно ревновалъ ее ко всѣмъ. Вдова, хотя имѣла дѣтей, пошла за Спиридонова. Ее прокляли. За что и почему,—не знаю, но проклялъ ее родной отецъ, а за нимъ и мать. Потомъ ее, бѣдняжку, начали клясть всѣ родные. По общему мнѣнію, она была не въ правѣ ни любить, ни называть супругомъ кого любила, но она все-таки вышла замужъ и родила моего пріятеля, студента Спиридонова, и потомъ жила пять лѣтъ и хворала. Спиридоновъ говорилъ, что его мать съ отцомъ жили душа въ душу, отецъ его боготворилъ жену, но несмотря на то, она сохла и хирѣла. Отецъ его тоже часто былъ смущенъ и угрюмъ. Спиридоновъ тогда не зналъ, чему это приписывать. Жили они довольно уединенно въ городѣ, куда однажды заѣхали ярмарочные актеры...

— И дали здѣсь «*Испанскаго дворянина?*» — подсказала Бодростина.

— Вы отгадали: актеры объявили, что они сыграютъ здѣсь «*Испанскаго дворянина*». Мать Спиридонова, желая развлечь и позабавить сына, взяла ложу и повезла его въ театръ. И вотъ въ то время, когда донъ Цезарь де-Базанъ въ отчаянной бѣдѣ воскликнулъ: «пусть гибнетъ все,

кромѣ моей чести и счастья женщины!» и театръ зарыдалъ и захлопалъ плохому актеру, который, однако, могъ быть прекрасенъ, мать Спиридонова тоже заплакала, и сынъ...

— Тоже заплакалъ, сострилъ Висленевъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ, нимало этимъ не возмущаясь, Водопьяновъ,—сынъ не заплакалъ. Сынъ нѣчто почувствовалъ, и сжавъ материны руки, шепнулъ ей: — пускай живетъ у насъ бѣднякъ, Испанскій дворянинъ.

— Прекрасно, дитя мое, — мы позовемъ его, пускай живетъ.

И тѣмъ актъ кончился, но дитя и завтра и послѣзавтра все докучало матери своею просьбой принять въ домъ бездомнаго Цезаря де-Базана, и мать ему на это отвѣчала:

— Да, хорошо, дитя мое, онъ къ намъ придетъ, придетъ.

— И будетъ жить?

— И будетъ житъ.

— Когда же мама? когда же онъ придетъ и будетъ жить у насъ? — тосковало дитя. — А какъ же звать его? Я позову.

А дѣло было въ сумерки, осеннимъ вечеромъ. Мать любовалась сыномъ и пошутила:

— Нагнись, говоритъ къ печкѣ, и позови его чрезъ трубу—онъ будетъ слышать.

Спиридоновъ прыгнулъ и крикнулъ:

— Донъ Цезарь де-Базанъ, идите сюда!

— Гу-гу-гу-иду!—загудѣло въ трубѣ, такъ что мальчикъ въ испугѣ отскочилъ.

Но прошелъ день, другой, и онъ опять пристаетъ: когда же?

— А вотъ теперь ужъ скоро: я за нимъ схожу и приведу его,—отвѣчала мать и вслѣдъ затѣмъ умерла.

— Умерла?—воскликнула Лариса.

— Да; то-есть ушла отсюда, переселилась, народъ это прекрасно выражаетъ словомъ «побывшилась на землѣ». Она кончила экзаменъ и ея не стало.

— А что же Испанскій дворянинъ, котораго она обѣщала прислать?

— О, она сдержала слово! Она его послала, вы это сейчасъ увидите. Дѣло было въ томъ же маленькомъ городѣ на крещенскія святки. Гробъ съ тѣломъ матери стоялъ въ нетопленной залѣ, у гроба горѣли свѣчи, и не было ни одного человѣка. Отецъ Спиридонова долженъ былъ выслать даже чтеца, потому что въ смежной комнатѣ собрались родные перваго мужа покойной и укоряли Спиридонова въ присвоеніи себѣ принадлежащихъ имъ достатковъ. Былъ часъ девятый. Мой другъ, студентъ Спиридоновъ, тогда маленькій мальчикъ, въ черной траурной рубашкѣ, пришелъ къ отцу, чтобы поцѣловать его руку и взять на сонъ его благословеніе, но отецъ его былъ гнѣвенъ и суровъ; онъ говорилъ съ одушевленіемъ ему: «будь тамъ», и указалъ ему вмѣсто дверей въ спальню — на двери въ залу. Дитя вошло въ холодную залу и, оробѣвъ при видѣ всѣми брошеннаго гроба, припало въ уголокъ мягкаго дивана ближе къ двери той гостиной, гдѣ шла обидная и тягостная сцена. Онъ мнѣ отъ слова и до слова повторялъ кипучія рѣчи его отца; я ихъ теперь забылъ, но смыслъ ихъ тотъ, что укоризны ихъ, самимъ имъ принесутъ позоръ; что онъ любилъ жену не состоянья ради, и что для одного того, чтобы ихъ рѣчи не возмущали покоя ея новой жизни, онъ отрекается отъ всего, что могъ по ней наслѣдовать, и онъ, и сынъ его, онъ отдаетъ свое, что нажито его трудомъ при ней, и... Тутъ далѣе мой пріятель не слышалъ ничего, кромѣ слитнаго гула, потому что вниманіе его отвлекъ очень странный предметъ: сначала въ отпертой передней послышался легкій шорохъ и мягкая неровная поступь, а затѣмъ въ темной двери передней заколебалась и стала фигура ясная, опредѣленная во всѣхъ чертахъ; лицо веселое и доброе съ оттѣнкомъ легкой грусти, въ плащѣ изъ бархата, забывшаго свой цвѣтъ, въ широкихъ шелковыхъ панталонахъ, въ огромныхъ сапогахъ съ раструбами изъ полинявшей желтой

кожи и съ широчайшею шляпою съ перомъ, которое было изломано въ стеблѣ и, шевелясь, какъ будто перемигивало съ бѣдностью, глядѣвшей изъ всѣхъ прорѣхъ одежды и изъ самыхъ глазъ незнакомца. Однимъ словомъ, это пришелъ...

— Пьяный святочный ряженый,—рѣшилъ Висленевъ.

— Испанскій дворянинъ! — возразилъ строгимъ тономъ Водопьяновъ. Онъ плохъ былъ на ногахъ, но подошелъ къ стоявшей у стѣны крышкѣ гроба и осязалъ ее. Тщательно осязалъ, вотъ такъ.

И сумасшедшій бедуинъ всталъ на ноги, разставилъ руки и, медленно обозначая ими опредѣленное пространство на стѣнѣ подъ портретомъ Бодростина, показалъ какъ ощупывалъ гробовую крышку Испанскій дворянинъ.

— Потомъ онъ подошелъ къ трупу и сталъ у изголовья гроба, и въ это время вдругъ отецъ Спиридонова вбѣжалъ, рыдая, въ залъ, упалъ предъ гробомъ на колѣни и закричалъ: «О, кто же имъ отвѣтитъ за тебя, что я тебя любилъ, а не твое богатство». И тихій голосъ отвѣчалъ скромно: «Я».

— И это былъ Испанскій дворянинъ?

— Нѣтъ, пьяный святочный ряженый,—отвѣтилъ почти гнѣвно Водопьяновъ,—Взять его вонъ! Кто пустилъ сюда этого пьянаго святочнаго ряженаго? Неужели ужъ до того дошло, что и у ея гроба нѣтъ раченія и присмотра? Вонъ, вонъ выгнать сейчасъ этого пьянаго ряженаго! — кричалъ огорченный вдовецъ и рванулся къ *тому*, но его не было.

— Удралъ?

— Да; такъ всѣ думали, и Спиридоновъ очень разсердился на слугъ и сталъ взыскивать, зачѣмъ такъ долго не запираютъ калитки.

— И выходитъ очень простая исторія, — сказалъ Висленевъ.

— Да простая и есть, только оказалось, что калитка была заперта, и отецъ Спиридонова вернулся и вдругъ увидалъ, что родные хотятъ проститься съ покойницей. —

Нѣтъ!—закричалъ онъ,—нѣтъ, вы ее такъ обижали, что вамъ съ нею не нужно прощаться! и схватилъ крышу и хотѣлъ закрыть гробъ, а крыша сдѣлалась такъ легка, какъ будто ее кто-нибудь еще другой несъ впереди, и сама упала на гробъ и мой пріятель Саша Спиридоновъ видѣлъ, что Испанскій Дворянинъ вскочилъ и сѣлъ на крышѣ гроба.

— И только? Онъ это видѣлъ во снѣ и болѣе ничего.

— Да, болѣе ничего.

— Испанскій дворянинъ болѣе не являлся?

— Да, въ это время не являлся. Послѣ они очень бѣдно гдѣ-то жили въ Москвѣ, въ холодномъ домѣ. Однажды, оставивъ сына съ нянькой въ комнатѣ потеплѣе, Спиридоновъ самъ легъ въ залѣ на стульяхъ. Утромъ пришли, а тамъ лежитъ одинъ трупъ: видъ покойный, и пальцы правой руки сложены въ крестъ. Женины родные хотѣли его схоронить съ парадомъ, но Испанскій Дворянинъ этого не позволилъ.

— Какимъ же образомъ?

— Онъ приснился молодому Спиридонову и сказалъ: «тамъ, подъ клеенкой», и Спиридоновъ нашелъ подъ клеенкой завѣщаніе отца, ничего ни отъ кого на погребеніе его не принимать, а схоронить его въ четырехъ доскахъ на тѣ деньги, какія дадутъ за его золотую медаль, да за Георгіевскій крестъ.

— И это все!

— А вы ничего здѣсь не видите особеннаго?

— Признаемся, ничего не видимъ: случайности да сны, сны да случайности, и больше ничего.

— Конечно. Что же можетъ быть проще того, что всѣ люди по случайностямъ не доживаютъ на землѣ своего времени! Вѣкъ человѣческій здѣсь, по библейскому указанію, семьдесятъ лѣтъ и даже восемьдесятъ, а по случайностямъ человѣчество въ общемъ итогѣ не доживаетъ одной половины этого срока, и васъ нимало не поражаетъ эта ужасная случайность? Я желалъ бы, чтобы мнѣ указали естественный законъ, по которому человѣ-

ческому земному организму естественно такъ скоро портиться и разрушаться. Я полагаю, что случайности имѣютъ законъ.

— Но этотъ сумасшедшій бредъ несносно долго слушать,—шепнулъ на ухо Бодростиной Висленевъ.

— Нѣтъ, я люблю,—отвѣчала она тоже тихо,—въ его нескладныхъ словахъ всегда есть какіе-то штришки, дѣлающіе картину, это меня занимаетъ... Свѣтозаръ Владеновичъ,—отнеслась она громко:—а гдѣ же вашъ Испанскій Дворянинъ?

— Онъ продолжаетъ-съ дебютировать. Студентъ Спиридоновъ жилъ въ ужасной бѣдности, на мезонинчикѣ, у чиновника Знаменосцева, разумѣется, платилъ дешево и то неаккуратно, потому что, учась, самъ содержалъ себя уроками, а ни роду, ни племени до него не было дѣла. При этомъ же студентъ Спиридоновъ былъ добрякъ превыше описанія, истинно рубашку послѣднюю готовъ былъ отдать, и не разъ отдавалъ, и, вдобавокъ, былъ не прочь покутить и приволокнуться. Онъ былъ медикъ. Не знаю, какъ онъ учился, но думаю, что плохо, потому что больше всего онъ тратилъ времени на кутежи съ веселыми людьми, однако, окончилъ курсъ и получилъ степень лѣкаря, да все забывалъ хлопотать о мѣстѣ. Судьба, впрочемъ, была къ нему такъ милостива, что онъ безъ всякихъ собственныхъ хлопотъ получалъ два раза назначеніе, но всякій разъ онъ находилъ кого-нибудь изъ товарищей, который, по его мнѣнію, гораздо болѣе его нуждался въ должности. Въ Спиридоновѣ пробуждался Испанскій Дворянинъ, и онъ оба свои назначенія уступалъ другимъ, а самъ кутилъ да гулялъ и догулялся до того, что остались у него рыжій плащъ, гитара да трубка съ чубукомъ. У хозяина же его, Знаменосцева, была восьмнадцатилѣтняя дочь Валентина, дѣвочка съ мудренымъ характеромъ. Много читала и начиталась до того, что она очень умна, а это было, кажется совсѣмъ наоборотъ. Спиридоновъ съ Валентиной былъ и знакомъ, и нѣтъ: онъ съ нею, случалось, разгова-

ривалъ, но никогда долго не говорилъ. Прислужится ей книжкой, она прочитаетъ и отдастъ ее назадъ, а онъ спроситъ: «хорошо?», она отвѣтитъ: «хорошо». Спиридоновъ, разумѣется, о другой спроситъ: «дрянь книга?» она отвѣтитъ: «эта мнѣ не нравится», онъ опять разсмѣется. «Вы, Летушка,—говоритъ онъ ей,—лучше бы не читали книгъ, а то труднѣе жить станетъ». Она, однако, не слушала и читала. Жизнь этой дѣвушки была обыкновенная жизнь въ домѣ мелкаго чиновника, пробивающагося въ Москвѣ на девятнадцать рублей мѣсячнаго жалованья и рублей пять-шесть какихъ-нибудь срывковъ съ просителей. Отецъ ходилъ утромъ на службу, послѣ обѣда спалъ, въ сумерки, для моціона, голубей пугалъ, а вечеромъ пилъ; мать сплетничала да кропотала и сварилась то съ сосѣдями, то съ работницей; дѣвушка скучала. Она была ни хороша, ни дурна: остролицая, черненькая, быстрая и характерная, говорила много, домашнимъ ничѣмъ не занималась, сплетень не слушала и къ нарядамъ обнаруживала полнѣйшее равнодушіе. Вдругъ этого Знаменосцева выгнали со службы за какую-то маленькую плутню. Семья такъ и взвыла, а дѣтей у нихъ, кромѣ Летушки, была еще цѣлая куча и все малъ-мала меньше. Въ домикѣ у нихъ всего было двѣ квартиры, съ которыхъ обѣихъ выходило доходца въ мѣсяцъ рублей двѣнадцать, да и то одна подъ эту пору пустовала, а за другую Спиридоновъ мѣсяца три уже не платилъ. Пришлось семьѣ хоть послѣдній домикъ продавать, проѣсть деньги, а потомъ итти по-міру или стать у Иверской. Въ такихъ случаяхъ люди всегда ищутъ виноватыхъ, и у Знаменосцева нашлась виноватою старшая дочь: зачѣмъ она о сію пору замужъ не вышла? Показывали ей, что и тотъ-то приказный хорошъ, а того-то заловить бы можно, и начались черезъ это дѣвушкѣ страшныя огорченія, а какъ бѣда никогда не ходитъ одна, то явилось ей и подспорье. Приказному Знаменосцеву, время отъ времени, помогалъ помѣщикъ Поталѣевъ, изъ одной изъ далекихъ губерній. Такіе благодѣтели встарь наживались у москов-

скихъ сенатскихъ приказныхъ. Знаменосцевъ сообщалъ Поталѣеву справочки по опекунскому совѣту, по сенату, дѣлалъ закупки, высылалъ книги, а Поталѣевъ за то давалъ ему рублей сто денегъ въ годъ, да пришлетъ, бывало къ Рождеству провизіи да живности, и считался онъ у нихъ благодѣтелемъ. Какой это человѣкъ былъ по правиламъ и по характеру, вы скоро увидите, а имѣлъ онъ въ ту пору состояніе большое, а на плечахъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, и былъ такъ дуренъ, такъ дуренъ собою, что и разсказать нельзя: маленькій, толстый, голова какъ пивной котелъ, сѣдой съ рыжиною, глаза какъ у кротика, и рябъ отъ оспы до того, что даже ни усы, ни бакенбарды у него совсѣмъ не росли, а такъ только щетинка между желтыхъ рябинъ кое-гдѣ торчала; простыя женщины-крестьянки и тѣ его ужасались...

— Какая прелесть!—прошептала Бодростина.

— Да; но онъ, впрочемъ, и самъ боялся женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ.

— Чудо! чудо! Гдѣ онъ, этотъ рѣзкій смертный?

— Онъ умеръ!—отвѣчалъ, сконфузясь, Водопьяновъ, и тотчасъ продолжалъ.—Вотъ онъ и пріѣхалъ въ ту пору въ Москву и сталъ у Знаменосцевыхъ на ихъ пустую квартиру, которую они для него прибрали и обрядили, и началъ онъ давать имъ деньги на столъ и самъ у нихъ сталъ кушать, приглашая всю ихъ семью, и вдругъ при этихъ обѣдахъ приглянулась ему Валентина; онъ взялъ да за нее и посватался. Знаменосцевы отъ радости чуть съ ума не сошли, что будутъ имѣть такого зятя — и богатаго, и родовитаго; онъ ихъ возьметъ въ деревню, сдѣлаетъ стараго приказнаго управителемъ, и начнется имъ не житье, а колыванье. Сразу они и слово дали, и всѣмъ людямъ свою радость объявили, забыли только дочь объ этомъ спросить, а въ этомъ-то и была вся штука. Летушка спокойно, но твердо наотрѣзъ объявила, что она за Поталѣева замужъ не пойдетъ. Ее побили, и больно побили, а она и сбѣжала, и пропадала дня съ три. Родители, разумѣется, страшно перепугались, не

сдѣлала бы она чего съ собою, да и отъ Поталѣева этого нельзя было скрыть, онъ самъ отгадалъ въ чемъ дѣло и, надо отдать ему честь, не похвалилъ ихъ, онъ прямо сказалъ имъ, что ни въ какомъ случаѣ не хочетъ, чтобы дѣвушку неволили итти за него замужъ. У семьи явилось новое горе: всѣ надежды сразу оборвались и рухнули. А тѣмъ временемъ Валентина вдругъ къ исходу третьяго дня вечеркомъ и является. Вернулась она домой никѣмъ незамѣченная въ сумерки и сѣла у окошка. Ее ужъ не бранили, куда тутъ до брани! Ее начинаютъ просить, да вѣдь какъ просить: отецъ съ матерью и со всею мелкотой на колѣни предъ нею становятся. «Мы, говорятъ, всѣ тебя, Летушка, любимъ, пожалѣй же и ты насъ», а она имъ въ отвѣтъ: «какая же, говоритъ, ваша любовь, когда вы хотите моего несчастія? Нѣтъ, я васъ не должна жалѣть послѣ этого». А тутъ Поталѣева пригласили, и тотъ говоритъ: «Бога ради не думайте, я никакого насилія не хочу, но я богатъ, я хотѣлъ бы на васъ жениться, чтобы такимъ образомъ васъ обезпечить. Я любви отъ васъ не потребую, но я самъ люблю васъ». Но Летушка вдругъ встала и что же сдѣлала: «Любите, говоритъ, меня? Не вѣрю вамъ, что вы меня любите, но такъ и быть, пойду за васъ, а только знайте же, впередъ вамъ говорю, что я дурно себя вела и честною дѣвушкой назваться не могу». Отецъ съ матерью такъ и грохнули на полъ, а Поталѣевъ назадъ, но затѣмъ съ выдержкой, прикрывая свою ретираду великодушіемъ: «Во всякомъ случаѣ, говоритъ, чтобы доказать вамъ, что я васъ любилъ и жалѣю, скажите вашему обольстителю, чтобъ онъ на васъ женился, и я буду о немъ хлопотать, если онъ нуждается, и я всегда буду помогать вамъ». А Лета отвѣчаетъ: «Нѣтъ моего обольстителя, онъ меня бросилъ». Ну такъ и дѣлать было нечего, и старикъ-отецъ сказалъ: «Иди же ты, проклятая, иди откуда ты сегодня пришла, теперь на тебѣ никто не женится, а сраму я съ тобою не хочу». И повернулъ онъ дочь къ двери, и она пошла, но на порогѣ вдругъ предъ

всѣми Спиридоновъ въ своемъ рыжемъ плащѣ: онъ былъ пьянъ, качался на ногахъ и, разставивъ руки въ притолки, засмѣялся и закричалъ:

— Кто смѣетъ гнать изъ дому дѣвушку? Ха-ха-ха! Не смѣть! Я этого не позволю.

— Я васъ самихъ выгоню! отвѣчалъ приказный.

— Тс-съ! Ха-ха-ха! Что такое выгоню?.. Не смѣть!.. тсъ!.. Ему пригрозили полиціей.

— Не смѣть! отвѣчалъ, шатаясь, Спиридоновъ, — полицію?.. Сокрушу полицію! Вотъ! и онъ хлопнулъ кулакомъ по столу и отбилъ уголъ. Да! За все заплачу, а дѣвушку гнать не смѣете! Я ей покровительствую... да! Чѣмъ вы, Лета, проштрафились, а? Да; я все слышалъ, я ключъ подъ окномъ уронилъ и искалъ и все слышалъ... Обольститель!.. Негодяй... онъ виновенъ, а не вы... васъ нельзя вонъ *онъ*... продолжалъ Спиридоновъ, указывая на Паталѣева, и, подумавъ съ минуту, добавилъ: онъ тоже негодяй... Тссъ? никто ни слова не смѣть: я на ней женюсь, да! У меня есть чести на двухъ; и на свою и на ея долю. Хотите, Лета, быть моей женой, а? Я васъ серьезно спрашиваю: хотите?

— Хочу, вдругъ неожиданно отвѣчала Валентина.

— Руку вашу! Давайте мнѣ вашу бѣдную руку.

Валентина смѣло подошла и, не глядя на Спиридонова, подала ему обѣ свои руки.

— Браво! закричалъ Спиридоновъ: — браво! Вотъ вы... какъ васъ... обратился онъ къ Поталѣеву. — Ха-ха-ха, не умѣли сдѣлать, а теперь... теперь эта невѣста моя. Да, чортъ возьми, моя! Мы съ нею будемъ пѣть дуэтомъ: «у меня всего три су, у жены моей четыре: семь су, семь су, что намъ дѣлать на семь су?» Но ничего, моя Лета, не робѣй, будемъ живы и будемъ пить и веселиться, вино на радость намъ дано. Не робѣй! Александръ Спиридоновъ, Испанскій Дворянинъ, онъ уважаетъ женщину, хотя у него двадцать тысячъ пороковъ. Забудется онъ, ты скажи ему: «Сашка, стой!» и все опять будетъ въ порядкѣ. Ро-

дители, я оставляю вамъ дочь вашу на три дня подъ сохраненіе, и черезъ три дня буду съ нею вѣнчаться! Да! Беречь ее! Я строгъ: беречь, ни въ чемъ ей не смѣть отказывать, пусть ходитъ, куда хочетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, потому что я такъ хочу, я ея будущій мужъ, глава и повелитель! Ха-ха-ха, слышишь, Лета. я твой повелитель; да! А приданаго не смѣть... Боже сохрани, а то... ха-ха-ха... а то прибью, если кто подумаетъ о приданомъ. Ну и все теперь, спите, добрые граждане, ужъ одиннадцать часовъ, и я хочу спать аминь.

И съ этимъ онъ поцѣловалъ при всѣхъ невѣсту въ голову, еще разъ велѣлъ ей не робѣть и ушелъ.

Поталѣевъ тоже отправился въ свое помѣщеніе и раздѣлся, но еще не гасилъ огня и, сидя у открытаго окна, курилъ трубку. Въ закрытыя ставнями окна хозяевъ ничего не было видно, но мезонинная канура Спиридонова была освѣщена свѣчкой, воткнутой въ пустую бутылку. Изъ этого мезонина неслись по двору звуки гитары, и звучный баритонъ пѣлъ пѣсню за пѣсней.

— Вотъ оно настоящій-то сорви голова! думалъ Поталѣевъ. — Такъ вотъ оно на комъ она споткнулась? да и ничего нѣтъ мудренаго живучи на одномъ дворѣ. Мудрено только одно, что мнѣ это прежде не пришло въ голову. Да полно, и женится ли онъ на ней вправду? Вѣдь онъ сегодня совсѣмъ пьянъ, а мало ли что спьяна говорится.

И Поталѣевъ опять взглянулъ въ мезонинное окно, и видитъ, что Спиридоновъ стоитъ въ просвѣтѣ рамы, головой доставая до низенькаго потолка, и, держа предъ собою гитару, поетъ. Слова звучныя, мотивъ плавучій и страстный, не похожій на новыя шансонетки:

Самъ умѣю я пѣть,
Мнѣ не нужно октавъ,
Мнѣ не нужно руки,
Хладныхъ сердцу отравъ...
Одного жажду я: поцѣлуя!

но тутъ лѣкарь быстро подвинулся къ окну и, взявъ другой аккордъ, запѣлъ грустную и разудалую:

Что-бъ мы были безъ вина?
Жизнь печалями полна;
Все грозитъ бѣдой и зломъ,
Но если естъ стаканъ съ виномъ...

Онъ опять не докончилъ пѣсни и быстро исчезъ отъ окна, и комната его осталась пустою, по ней только мерцало пламя свѣчи, колеблемое легкимъ ночнымъ вѣтромъ; но зато по двору какъ-будто прошла темная фигура, и черезъ минуту въ двери Поталѣева послышался легкій стукъ.

— Кто тамъ стучитъ? освѣдомился Поталѣевъ, бывшій въ своемъ помѣщеніи безъ прислуги, которая ночевала отдѣльно.

Но вмѣсто отвѣта за дверью раздался звукъ гитары и знакомый голосъ запѣлъ:

Кто тамъ стучится смѣло?
Со гнѣвомъ я вскричалъ.
«Согрѣй обмерзло тѣло»,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.

— Испанскій Дворянинъ дѣлаетъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ, добавилъ Спиридоновъ.

Поталѣевъ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи, что ему сдѣлать, и не отвѣчалъ.

— Что же? отозвался Спиридоновъ. — Дайте отвѣтъ. Я

Исполненъ отваги, закутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой стою подъ окномъ.

— Войдите, прошу васъ, отвѣчалъ совсѣмъ смѣшавшійся Поталѣевъ, и отперъ двери.

— На порогѣ показался Спиридоновъ въ туфляхъ, накинутомъ на плечи фланелевомъ одѣялѣ и съ гитарой въ рукахъ.

— Ха-ха-ха, началъ онъ,—я васъ обезпокоилъ, но простите, пожалуйста, бываютъ гораздо худшія безпокойства: напримѣръ очень многихъ голодъ безпокоитъ...

— Ничего-съ, отвѣтилъ Поталѣевъ и хотѣлъ попро-

сить Спиридонова садиться, но тотъ уже самъ предупредилъ его.

— Не безпокойтесь, говоритъ, — я самъ сяду, а я вотъ что... помогите мнѣ, пожалуйста, допѣть мою пѣсню, а то я совсѣмъ спать не могу.

Поталѣевъ выразилъ недоумѣніе.

— Вы меня не понимаете, я это вижу.

Все грозитъ бѣдой и зломъ,
Но если есть стаканъ съ виномъ...

а стакана-то съ виномъ и нѣтъ. Все спущено, все... кромѣ чести и аппетита.

— Очень радъ, что могу вамъ служить, отвѣтилъ Поталѣевъ, вынимая изъ шкафа откупоренную бутылку хереса.

— У васъ, я вижу, благородное сердце. Вино хересъ... это благородное вино моей благородной родины, оно соединяетъ крѣпость съ араматомъ. Пью, милостивый государь, за ваше здоровье, пью за ваше благородное здоровье.

— Да! это настоящій хересъ! продолжалъ онъ, выпивъ рюмку и громко стукнулъ по столу.

Все грозитъ бѣдой и зломъ,
Но если есть стаканъ съ виномъ,
Выпьемъ, выпьемъ, все забыто!
Выпьемъ, выпьемъ, все забыто!

Да; я пью теперь за забвеніе... за забвеніе всего, что было тамъ. Понимаете, тамъ... Не тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ, а вотъ тамъ, у нашего приказнаго.

— Вы, кажется, не должны и не имѣете права забыть сего, что тамъ было?

— Тсъ! Не смѣть! Ни слова! Кто сказалъ, что я хочу забыть? Спиридоновъ, Испанскій Дворянинъ... онъ ничѣмъ не дорожитъ, кромѣ чести, но его честь... тсъ!.. Онъ женится, да... Кто смѣетъ обижать женщину? Мы всѣ хуже женщинъ, да... непремѣнно хуже... А пришелъ я къ вамъ вотъ зачѣмъ: я вамъ, кажется, тамъ что-то сказалъ?

— Право, не помню.

— Тсъ!.. ни слова!.. Не выношу хитростей и становлюсь

дерзокъ. Нѣтъ; я васъ обидѣлъ, это подло, и я оттого не могъ пѣть; и я, Испанскій Дворянинъ, не гнущій шеи предъ рокомъ, склоняю ее предъ вами и говорю: простите мнѣ, синьоръ, я васъ обидѣлъ.

И съ этимъ онъ низко поклонился Поталѣеву и протянулъ ему руку и вдругъ крайне ему понравился. Чѣмъ Поталѣевъ болѣе въ него всматривался и вникалъ, тѣмъ болѣе и болѣе онъ располагался въ пользу веселаго, безпечнаго, искренняго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувствующаго Спиридонова.

— Послушайте, сказалъ онъ, — будемъ говорить откровенно.

— Всегда радъ и готовъ, и иначе не умѣю.

— У васъ вѣдь, должно быть, никакихъ нѣтъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ вашего самаго ближайшаго будущаго?

— Никакѣйшихъ! отвѣчалъ Спиридоновъ, смакуя во рту хересъ.

— Что же вы будете дѣлать?

— А бисъ его знаетъ! и съ этимъ Спиридоновъ всталъ и, хлопнувъ по плечу Поталѣева, проговорилъ:—а несте ли чли: «не пецытеся объ утреннемъ, утреннее бо само о себѣ печется». Тсъ! ни слова мнѣ, я одного терпѣть не могу, знаете чего? Я терпѣть не могу знать, что я бѣденъ!

И съ этимъ онъ еще выпилъ рюмку хереса и ушелъ.

На другой день Поталѣевъ заходилъ къ Спиридонову и сообщаетъ ему, что у нихъ въ городѣ есть вакантное мѣсто врача, причемъ онъ ему предлагаетъ шестьсотъ рублей жалованья за свое лѣченіе и лѣченіе его крестьянъ.

— Что же, и брависсимо! отвѣчалъ Спиридоновъ.—Если Лета согласна, такъ и я согласенъ.

— Она согласна.

— Ну и валяйте, опредѣляйте меня, я ѣду.

Черезъ два дня была свадьба Спиридонова съ Летушкой, а черезъ недѣлю они поѣхали въ крытомъ рогожномъ та-

рантасикѣ въ черноземную глушь, въ уѣздный городокъ, къ которому прилегали большія владѣнія Поталѣева.

— Не наскучилъ ли я вамъ съ моею исторіей Испанскаго дворянина? спросилъ, остановясь, Водопьяновъ.

— Нимало, нимало! Это теперь именно только и становится интересно, и я хочу знать, какъ этотъ буфонъ уживается съ женой? отвѣчала Бодростина.

— Въ такомъ случаѣ я продолжаю.

Супруги эти съ первой же поѣздки показали, какъ они заживутъ. На триста рублей, подаренныхъ Поталѣевымъ молодой, они накупили подарковъ всѣмъ, начиная съ самихъ приказныхъ и кончая стряпухой, рублей пятьдесятъ выдали на вспомоществованіе какому-то семейству, остальное истратили въ Москвѣ и остались совсѣмъ безъ денегъ.

Поталѣевъ ужъ самъ нанялъ имъ лошадей и снадбилъ ихъ деньгами черезъ Летушку. Спиридонова нимало не занимало, откуда берутся у жены деньги,—онъ объ этомъ даже не полюбопытствовалъ узнать у нея. Дорогой они опять пожупровали, и извозчикъ везъ, везъ ихъ, да надокучило ему, наконецъ, съ ними путаться, а деньги забраны, онъ завернулъ въ поле во время грозы, сталъ на паринѣ, да выпрягъ потихоньку коней и удралъ. Такъ гроза прошла, а они стоятъ въ кибиткѣ и помираютъ-хохочутъ. Ѣдетъ дорогой исправникъ и смотритъ, что за кибитка такая безъ лошадей посреди поля стоитъ? Свернулъ къ нимъ, спрашиваетъ, они ему и говорятъ кто они такіе: новый докторъ съ женой. Пріѣхалъ исправникъ въ городъ, выслалъ за ними земскихъ лошадей, ихъ и перевезли, и перевезли прямо на постоялый дворъ, а они тутъ и расположились. Говорятъ Спиридонову: «Вы бы къ кому-нибудь явились», а онъ только рукой машетъ. «Да ну ихъ, говоритъ,—захотятъ, сами ко мнѣ явятся». И точно, что же вы думаете, ждали, ждали его къ себѣ различныя городскія власти, и сами стали къ нему являться, а онъ преспокойно всѣхъ угостить, всѣхъ разсмѣшитъ, и всѣ его полюбили.

— Ищите же, говорятъ,—себѣ квартиры, и тотъ ука-

зываетъ на одно, другой —на другое помѣщеніе, а онъ на все рукой машетъ: «успѣемъ, говоритъ,—еще и на квартирѣ нажиться».

И тутъ опять спѣшитъ ему въ подмогу случай: городского головы теща захворала. Сто лѣтъ прожила и никогда не болѣла и не лѣчилась, а вдругъ хворьба пристигла. Позвали нѣмца-доктора, тотъ ощупалъ ее и говоритъ: «издохни разъ», а она ему: «самъ, говоритъ,—нехристъ издохни, а я умирать хочу». Вотъ и послали за новымъ лекаремъ. Спиридоновъ посмотрѣлъ на больную и говоритъ:

— Вы, бабушка, сколько пожили?

Та отвѣчаетъ:

— Сто лѣтъ.

— Чудесно, похвалилъ ее Спиридоновъ,—вы вѣрно родителей своихъ почитали?

Старуха посмотрѣла на него и говоритъ своимъ окружающимъ:

— Вотъ умный человѣкъ! Перваго такого вижу! А потомъ обратилась къ нему: — именно, говоритъ, — почитала, меня тятенька тридцатилѣтнюю разъ веревкой съ ушата хлесталъ.

— И вамъ еще сколько лѣтъ хочется жить? спросилъ ее Спиридоновъ.

— Да нисколько мнѣ не хочется, мнѣ ужъ это совсѣмъ надоѣло.

— Вотъ и чудесно, отвѣчаетъ Спиридоновъ, — мнѣ и самому надоѣло?

Старуха даже заинтересовалась: отчего это человѣку такъ рано жить надоѣло?

— Жена что ли у тебя лиха.

— Нѣтъ, жена хорошая, а я самъ плохъ.

Старуха раздивовалась, что такое за человѣкъ, который только пріѣхалъ и самъ себя на первыхъ же порахъ порочитъ.

— Не выпьешь ли, говоритъ,—батюшка, водочки и не закусишь ли ты? Ты мнѣ что-то по-сердцу пришелъ.

— Извольте, отвѣчалъ Спиридоновъ,—и закушу, и выпью.

И точно, и закусилъ, и выпилъ, и старуха ему сама серебряный рубль дала.

— Еще, говоритъ,—и завтра приходи ко мнѣ, если доживу. Пока жива, все всякій день ко мнѣ приходи, мнѣ съ тобой очень занятно.

И опять пришелъ Спиридоновъ, и опять старуха его запотчивала, и опять ему рубль дала, и пошло такимъ образомъ съ мѣсяцъ, каждый день кряду, и повалила Спиридонову практика, заговорили о немъ, что онъ чуть не чудотворецъ, столѣтнихъ полумертвыхъ старухъ и тѣхъ на ноги ставитъ! Лѣчилъ онъ пресчастливо, да и не диво: человѣкъ былъ умный и талантливый, а такому все дается. Не щупавши и не слушавши узнавалъ болѣзнь, что даже другихъ сердило. Разъ жандармскій офицеръ проѣздомъ заболѣлъ и позвалъ его. Спиридоновъ ему сейчасъ рецептъ. Тотъ обидѣлся, «что это, говоритъ,—за невниманіе, что вы даже языкъ не попросили меня вамъ показать?» А Спиридоновъ отвѣчаетъ: «что же мнѣ вашъ языкъ смотрѣть? Я и безъ того знаю, что языкъ у васъ скверный». Однимъ словомъ, все видѣлъ. Пьяненекъ иногда прихаживалъ, и то не бѣда. Напротивъ, слава такая прошла, что лѣкарь какъ пьянъ, такъ вдвое видитъ, и куда Спиридоновъ ни придетъ, его все подпаиваютъ: все двойной удали добиваются. Такимъ манеромъ и прослылъ онъ гулякой, и даже пріятельница его, Головина теща, ему сказала:

— Вижу, говоритъ,—я, чѣмъ ты, отецъ лѣкарь, плохо-то называешься! Ты совсѣмъ пить не умѣешь.

— Истинно, говоритъ,—вы эту вправду сказали: совсѣмъ пить не умѣю.

— То-то, ты вина-то не любишь, все это сразу выпить хочешь. А ты бы лучше его совсѣмъ бросилъ.

— Да какъ, отвѣчаетъ,—бросить-то? А не равно какъ хорошій человѣкъ подниметъ, за что онъ тогда будетъ за меня мучиться?

Старуха расхохоталась.

— Охъ, пусто тебѣ будь, говоритъ,—пей ужъ, пей, да только дѣло разумѣй.

Но Спиридоновъ, пивши такимъ образомъ, конечно, скоро пересталъ разумѣть и дѣло. Однако, ему все-таки везло. Головина тещи передъ смертію такъ его полюбила, что отказала домикъ на провальѣ, въ который онъ наконецъ и переѣхалъ съ постоялаго двора, а Поталѣевъ какъ только прибылъ, такъ началъ производить Спиридонову жалованье и помогалъ ему печенымъ и вареным, даже прислуга, и та вся была Поталѣевская, лошади—и тѣ Поталѣевскія, и все это поистиннѣ предлагалось въ высшей степени деликатно и совершенно безкорыстно. Поталѣевъ оберегалъ Летушку и любилъ Спиридонова, какъ прекраснѣйшаго человѣка. Въ городѣ и всѣ, впрочемъ, его любили, да и нельзя было не любить его: доброта безмѣрная, веселость постоянная и ничѣмъ несмущаемая; безкорыстіе полное; «есть—носитъ, нѣтъ—сброситъ», и ни о чемъ не тужитъ. Жена ему тоже вышла подъ пару. Никто ей надивиться не могъ; никто даже не зналъ, страдаетъ она или нѣтъ отъ мужниныхъ кутежей. Всегда она чистенькая, опрятная, спокойная. Про несогласія у нихъ и не слыхивано; хозяйка во всемъ она была полновластная, но хозяйства-то никакого не было: сядутъ обѣдать, съѣдятъ одинъ супъ, кухарка имъ щи подаетъ.

— Это что же такое,—воскликнетъ Спиридоновъ,—зачѣмъ два горячихъ?

— А барыня, молъ,—такъ приказала.

А Лета и расхохочется.

— Извини, скажетъ,—Саша, это я книги зачиталась.

И хохочутъ оба какъ сумасшедшіе, и ѣдятъ щи послѣ супа.

Гости у Леты были вѣчные и всѣ были отъ нея безъ ума, и старики, и молодые. Обо всемъ она имѣла понятіе, обо всемъ говорила и оригинально, и смѣло. У нея завелись и поклонники: инвалидный начальникъ ей объяснялся въ прозѣ и предлагалъ ей свое «сердце, которое можетъ замѣнить милліоны», протопоповскій сынъ, пріѣзжавшій на

каникулы, сочинялъ ей стихи, въ которыхъ плакалъ, что во все между-каникулярное время онъ

Повсюду бросалъ жаждущій взоръ,
Но нигдѣ не встрѣчалъ свой небесный метеоръ.

Соборный дьяконъ, вдовецъ, весь ея дворъ собственною рукой взрылъ заступомъ, подѣлалъ клумбы и насажалъ левкоевъ; но это все далекіе обожатели, а то и Поталѣевъ сидѣлъ у нея по цѣлымъ днямъ и все назывался въ крестные отцы, только крестить было некого. Такъ прошелъ годъ, два и три: Летушка выросла, выровнялась и расцвѣла, а мужъ ея подъувялъ: въ наружности его и въ одеждѣ, во всемъ уже виденъ былъ пьяница. Отъ общества онъ сталъ удаляться и началъ вести компанію съ однимъ дьякономъ, съ которымъ они пѣли дуэтомъ: «Нелюдимо наше море» и крѣпко напивались. Въ это время и случись происшествіе: ѣхала чрезъ ихъ городъ почтовая карета, лопнулъ въ ней съ горы тормазъ, помчало ее внизъ, лошадей передушило и двухъ пассажировъ искалѣчило: одному ногу переломило, другому—руку. Были это люди молодые, только что окончившіе университетскій курсъ и ѣхавшіе въ губернскій городъ на службу, одинъ—товарищемъ предсѣдателя, другой—чиновникомъ особыхъ порученій къ губернатору. Спиридоновъ забралъ ихъ обоихъ къ себѣ въ домъ и началъ лѣчить и вылѣчилъ, и пока они были опасны, самъ не пилъ, а какъ тѣ стали обмогаться, онъ опять за свое. «Теперь Летѣ, говоритъ,—не скучно, ее есть кому забавлять», и точно нарочно отъ нея сталъ отдаляться; а изъ паціентовъ богатый молодой человѣкъ, по фамиліи Рупышевъ, этимъ временемъ страстно влюбился въ Летушку. Уже оба эти больные и выздоровѣли, а все не ѣдутъ; одного магнитъ держитъ, другой для товарища сидитъ, да и самъ тоже неравнодушенъ. Но, наконецъ, стали они собираться ѣхать и захотѣли поблагодарить хозяина, а его нѣтъ, нѣтъ и день, и два, и три, и ночевать домой не ходитъ, все сидитъ у дьякона. Ну, просто самъ наводитъ руками жену Богъ вѣсть на что.

— На что же онъ ее наводилъ?—перебила Бодростина,

смѣясь и тихо дернувъ подъ столомъ за полу сюртука Висленева. Но Водопьяновъ словно не слыхалъ этого вопроса и продолжалъ:

— Въ городѣ давно уже это такъ и положили, что Лета мужа не любитъ и потому ей все равно, а онъ ее радъ бы кому-нибудь съ рукъ сбыть. Чѣмъ же онъ занимался у дьякона? Рупышевъ, уѣзжая, пошелъ къ нимъ, чтобы посмотрѣть, проститься и денегъ ему дать за лѣченіе и за хлѣбъ за соль. Приходитъ; на дворѣ никого, въ сѣняхъ никого и въ комнатахъ никого, все вокругъ отперто, а живой души нѣтъ. Но только вдругъ слышитъ онъ тупые шаги, какъ босикомъ ходятъ, и видитъ идетъ лѣкарь, какъ мать родила, на плечѣ держитъ палку отъ щетки, а на ней наверху трезубецъ изъ хворостинки. Идетъ и не смотритъ на гостя, и обошелъ вокругъ печки и скрылся въ другую комнату, а чрезъ двѣ минуты опять идетъ сзади и опять проходитъ такимъ же манеромъ. «Докторъ! зоветъ Рупышевъ,—докторъ! Александръ Иванычъ!» а Спиридоновъ знай совершаетъ свое теченіе. Рупышевъ опять къ нему, да ужъ съ докукой, а тотъ, не останавливаясь и не оборачиваясь въ его сторону, отвѣчаетъ: «Оставьте меня, я Нибелунгъ», и пошелъ далѣе. «Фу ты, чортъ возьми, до чего человѣкъ допился!» думаетъ гость, а между тѣмъ изъ-подъ стола кто-то дергъ его за ногу. Смотритъ Рупышевъ, а подъ столомъ сидитъ дьяконъ.

— Дразните, говоритъ,—меня, я медвѣдь.

Гость-то его и утѣшь, и подразни.

— «Р-р-р-р-ръ!» говоритъ,—да ногой и мотнулъ, а дьяконъ его какъ хватитъ за ногу, да до кости прокусилъ, и стало опять его нужно лѣчить отъ дьяконова укушенія. Тутъ-то Рупышевъ съ Летушкой и объяснился. Она его выслушала спокойно и говоритъ: «Не ожидала, чтобы вы это сдѣлали».

— Да будто, говоритъ,—вы вашего мужа любите?—«А я, отвѣчаетъ Летушка,—развѣ вамъ про это позволяла что-нибудь говорить?»—И при этомъ попросила, чтобъ онъ объ этомъ больше никогда и рѣчи не заводилъ. Вотъ этотъ Рупышевъ и поѣхалъ, да ненадолго: сталъ онъ часто на-

ѣзжать и угожденіямъ его Летушкѣ и конца не было. Чего онъ ей ни дарилъ, чего ни присылалъ, и наконецъ въ отставку вышелъ и переѣхалъ жить къ нимъ въ городъ, и всѣ знали, что это для Летушки. Спиридоновъ его принималъ радушно и самъ къ нему хаживалъ, и жизнь шла опять по-старому. Придетъ Спиридоновъ ночью домой, прокрадется тихонько, чтобы не разбудить Летушку, и уснетъ въ кабинетикѣ, та и не знаетъ каковъ онъ вернулся.

Но вдругъ Лета заподозрѣла, что Рупышевъ ея мужа нарочно спаиваетъ, потому что Спиридоновъ ужъ до того сталъ пить, что началъ себя забывать, и разъ приходитъ при всѣхъ въ почтовую контору къ почтмейстеру и проситъ: «У меня, говоритъ,— сердце очень болитъ, пропишите мнѣ какую-нибудь микстуру». Рупышевъ дѣйствительно нарочно его спаивалъ, и Лета въ этомъ не ошибалась. Пошелъ разъ лѣкарь къ Рупышеву, и нѣтъ его, и нѣтъ, а ночь морозная и по улицамъ носится поземная метель. Не въ рѣдкость это случалось, но только у Леты вдругъ стала душа не на мѣстѣ. Цѣлую ночь она и спитъ и не спитъ: то кто-то стучитъ, то кто-то царапается и вдругъ тяжелый-претяжелый человѣкъ вошелъ и прямо повалился въ кресло у ея кровати и захрапѣлъ. Летушка такъ и обмерла, проснулась, а возлѣ постели никого нѣтъ, но зато на порогѣ стоитъ человѣкъ въ плащѣ, весь насквозь, какъ туманъ, свѣтится и весело кланяется. Она его впросоньи спросила: «Кто вы и что вамъ нужно?» А онъ ей покивалъ и говоритъ: «Не робей, я поправился!» Это было передъ разсвѣтомъ, а на зарѣ пришли люди и говорятъ: «Лѣкаря неживого нашли, заблудился и въ канавѣ замерзъ».

— Ну-съ,—подогнала разсказчика Бодростина.

— Ну-съ, тутъ и увидѣли Лету, какая она. Она окаменѣла: «Нѣтъ, говоритъ, — нѣтъ, это благородство не могло умереть,—оно живо. Саша, мой Саша! приди ко мнѣ, мой честный Саша!»

Схоронили-съ Спиридонова. Лета осталась безъ всякихъ средствъ; Поталѣевъ ее, впрочемъ, не допускалъ до нужды,

отъ него она брала, а Рупышеву и всѣ его прежніе подарки отослала назадъ. Рупышевъ долго выбиралъ время, какъ ей сдѣлать предложеніе, и наконецъ сдѣлалъ, но сдѣлалъ его письменно. Летушка что же ему отвѣтила? «Было время, написала она,—что вы мнѣ нравились, и я способна была увлечься вами, а увлеченіямъ моимъ я не знаю мѣры, но вы не умѣли уважать благороднѣйшаго моего мужа, и я никогда не пойду за васъ. Не возвращайтесь ко мнѣ ни съ какимъ предложеніемъ: я вѣчно его, я исполню мой долгъ, если только въ силахъ буду сравняться съ его мнѣ одной извѣстнымъ, безконечнымъ великодушіемъ и благородствомъ».

Послѣ этого Летушка ни самого Рупышева не приняла, ни одного его письма не распечатала и вскорѣ же, при содѣйствіи Поталѣева, уѣхала къ своимъ въ Москву. А въ Москвѣ все та же нужда, да нужда, и всѣ только и живы, что Поталѣевскими подаяніями. Поталѣевъ ѣздитъ, останавливается и благодѣтельствуетъ. Проходитъ годъ, другой, Лета все вдовѣетъ. Вотъ Поталѣевъ ей и дѣлаетъ вновь предложеніе. Лета только усмѣхнулась. А Поталѣевъ и говоритъ:

— Что это значитъ, какъ я долженъ понимать вашу улыбку?

— Да вѣдь мнѣ вамъ отказать нельзя,—отвѣчаетъ Лета,— вы всѣмъ намъ помогали... да... вы моего Сашу любили...

— Именно-съ любилъ.

Лета повѣсила голову и проговорила:

— Саша мой, научи меня, что я сдѣлаю, чтобы быть достойною тебя?

И съ этимъ она вдругъ вздрогнула, какъ будто кого увидала, и рука ея, точно брошенная чужою рукою, упала въ руку Поталѣева.

— Иду!—прошептала она,—вы меня купили!—Да такъ-съ и вышла за Поталѣева и стала госпожей Поталѣевой, да тѣмъ и самого Поталѣева перепугала.

Онъ жилъ съ нею не радовался, а плакалъ, да служилъ

панихиды по Спиридоновѣ и говорилъ: «какъ могло это статься! Нѣтъ, съ нимъ нельзя бороться, онъ мертвый побѣждаетъ».

— Летушка! Лета!—допрашивалъ онъ жену,—кто же онъ былъ для васъ? Гдѣ же тотъ вашъ проступокъ, о которомъ вы дѣвушкой сказали въ Москвѣ?

— Старину вспомнилъ! Напрасно тогда не женился на ней, на дѣвушкѣ!—вставилъ Висленевъ.

— Нѣтъ-съ, дѣло-то именно въ томъ, что онъ женился на *дѣвушкѣ-съ*!—отвѣтилъ съ удареніемъ Водопьяновъ. — Скоро Лета нагнала ужасъ на весь деревенскій домъ своего второго мужа: она все ходила, ломала руки, искала и шептала: «Саша! Пустите меня къ Сашѣ!» Есть у Летушки кофточки шитыя и шубки дорогія, всего много, но ничто ея не тѣшитъ. Ночью встанетъ, сидитъ на постели и шепчетъ: «Здравствуй, милый мой, здравствуй!» Поталѣевъ не знаетъ, что и дѣлать! Прошло такъ съ годъ. Вотъ и съѣхались разъ къ Поталѣеву званые гости. Летушку къ нимъ, разумѣется, не выпустили, но она вдругъ является и всѣмъ кланяется. «Здравствуйте, говоритъ,—не видали ли вы моего Сашу?»

Гости, понятно, смутились.

— Впрочемъ, Саша идетъ ужъ, идетъ, идетъ,—лепетала, тоскуя, Лета.

— Поди къ себѣ наверхъ!—сказалъ ей строго мужъ, но она отворотилась отъ него и, подойдя къ одному старому гостю, который въ это время нюхалъ табакъ, говоритъ:

— Дайте табаку!

Тотъ ей подалъ.

— Вы богаты?

— Богатъ,—отвѣчаетъ гость.

— Такъ купите себѣ жену и...

— Нонѣтъ-съ,—заключилъ разсказчикъ,—я эту послѣднюю сцену долженъ пояснить вамъ примѣромъ.

При этомъ Водопьяновъ всталъ, вынулъ изъ бокового кармана большую четырехугольную табакерку красноватаго золота и сказалъ: «это было такъ: она стояла, какъ я теперь стою, а гости отъ нея въ такомъ же разстояніи,

какъ вы отъ меня. Поталѣевъ, который хотѣлъ взять ее за руку, былъ ближе всѣхъ, вотъ какъ отъ меня г. Висленевъ. Старикъ-гость держалъ въ рукѣ открытую табакерку... Теперь Лета смотритъ туда... въ окно... тамъ ничего не видно, кромѣ неба, потому что это было наверху въ павильонѣ. Ровно ничего не видно. Смотрите, Лариса Платоновна, вонъ туда... въ темную дверь гостиной... Вы не боитесь глядѣть въ темноту? Есть люди, которые этого боятся, оно немножко и понятно... Впрочемъ, вы ничего не видите?

— Ничего не вижу,—отвѣчала, улыбаясь, Лариса.

— Она точно такъ же ничего не видала, и вдругъ Лета рукой щелкъ по рукѣ старика,—и съ этимъ «Сумасшедшій Бедуинъ» неожиданно ударилъ Висленева по рукѣ, въ которой была табакерка, табакъ взлетѣлъ; всѣ, кромѣ отворотившейся Ларисы, невольно закрыли глаза. Водопьяновъ же въ эту минуту пронзительно свистнулъ и сумасшедшимъ голосомъ крикнулъ: «Сюда, малютка! здѣсь Испанскій Дворянинъ!»—и съ этимъ онъ сверкнулъ на Ларису безумными глазами, сорвалъ ее за руку съ мѣста и бросилъ къ раскрытой двери, на порогѣ которой стоялъ Подозеровъ.

Лариса задрожала и бросилась опрометью вонъ, а Водопьяновъ спокойно закончилъ:

— Вотъ какъ все это было!—и съ этимъ вышелъ въ гостиную, оттуда на балконъ и исчезъ въ саду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Не передъ добромъ.

Андрей Ивановичъ Подозеровъ, войдя черезъ балконъ и заставъ все общество въ наугольной Бодростинскаго дома, среди общаго безпорядочнаго и непонятнаго движенія, произведеннаго табакомъ «Сумасшедшаго Бедуина», довольно долгое время ничего не могъ понять, что здѣсь случилось. Лариса кинулась къ нему на самомъ порогѣ и убѣжала назадъ съ воплемъ и испугомъ. Гордановъ, Висленевъ и Бодростина, въ разныхъ позахъ, терли себѣ глаза, и изъ нихъ

Гордановъ дѣлалъ это спокойно, вытираясь бѣлымъ фуляромъ, Висленевъ вертѣлся и бранился, а Бодростина хохотала.

— Это чортъ знаетъ что!—воскликнулъ Висленевъ, первый открывъ глаза, и, увидѣвъ Подозерова, тотчасъ же отступилъ назадъ.

— Я вамъ говорила, что покажу вамъ настоящій антикъ,— замѣтила Бодростина,—надѣюсь, вы не скажете, что я васъ обманула,—и съ этимъ она тоже открыла глаза и, увидавъ гостя, воскликнула:—кого я вижу, Андрей Иванычъ! Давно ли?

— Я только вошелъ,—отвѣчалъ Подозеровъ, подавая ей руку и сухо кланяясь Висленеву и Горданову, который при этомъ сію же минуту всталъ и вышелъ въ другую комнату.

— Вы видѣли, въ какомъ мы были положеніи? Это «Сумасшедшій Бедуинъ» все разсказывалъ намъ какую-то исторію и въ заключеніе засыпалъ насъ табакомъ. Но гдѣ же онъ? Гдѣ Водопьяновъ?

— Чортъ его знаетъ, онъ куда-то ушелъ!—отвѣчалъ Висленевъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость, найдите его, а то онъ, пожалуй, исчезнетъ.

— Прекрасно бы сдѣлалъ.

— Ну, нѣтъ: я расположена его дослушать, исторія не кончена, и я прошу васъ найти его и удержать.

Висленевъ пожалъ плечами и вышелъ.

— Старѣюсь, Андрей Ивановичъ, и начинаю чувствовать влеченіе къ мистицизму,—обратилась Бодростина къ Подозерову.

— Что дѣлать! платить когда-нибудь дань удивленія неразрѣшимымъ тайнамъ—удѣлъ почти всеобщій.

— Да; но Богъ съ ними, эти тайны, онѣ не уйдутъ, между тѣмъ какъ vous devenez rare comme le beau jour. Мы съ вами, вѣдь, не видались сто лѣтъ и сто зимъ!

— Да; почти не видались все лѣто.

— Почти! по-вашему, это, вѣрно, очень мало, а по-моему,

очень много. Впрочемъ, счеты въ сторону: je suis ravie, что васъ вижу,—и съ этимъ Бодростина протянула Подозерову руку.

— Я думала или, лучше скажу, я была даже увѣрена, что мы съ вами болѣе уже не увидимся въ нашемъ домѣ, и это мнѣ было очень тяжело, но вы, конечно, и тогда были бы какъ нельзя болѣе правы. Да! обидѣли человѣка, наврали на него съ три короба и еще ему же реприманды ѣдутъ дѣлать. Я была возмущена за васъ до глубины души, и зато изъ той же глубины вызываю искреннюю вамъ признательность, что вы ко мнѣ пріѣхали.

Она опять протянула ему свою руку и, удерживая въ своей рукѣ руку Подозерова, продолжала:

— Вы вознаградили меня этимъ за многое.

— Я вознагражденъ ужъ больше мѣры этими словами, которыя слышу, но,—добавилъ онъ, оглянувшись,—я здѣсь у васъ по дѣлу.

— Безъ *но*, безъ *но*: вы сегодня мой милый гость,—добавила она, лаская его своими бархатными глазами,—а я, конечно, буду не милою хозяйкой и овладѣю вами.—Она порывисто двинулась впередъ и, вставъ съ мѣста, сказала: — я боюсь, что Висленевъ лукавитъ и не пойдетъ искать моего Бедуина. Дайте мнѣ вашу руку и пройдемтесь по парку, онъ долженъ быть тамъ.

Въ это время Бодростина, случайно оборотясь, замѣтила мелькнувшую въ коридорѣ юбку Ларисинаго платья, но не обратила на это, повидимому, никакого вниманія.

— У меня, по-деревенски, ранній ужинъ, но не ранняя ночь: хлѣбъ-соль никогда не мѣшаетъ, а сонъ, какъ и смерть, моя антипатія. Но вы, мнѣ кажется, намѣрены молчать... какъ сонъ, который я припомнила. Если такъ, я буду смерть.

— Вы смерть!.. полноте, Бога ради!

— А что?

— Вы жизнь!

— Нѣтъ, смерть! Но вы меня не бойтесь: я — смерть

легкая, съ прекрасными видѣньями, съ экстазомъ жизни. Дайте вашу руку, идемъ.

Съ этимъ она облокотилась на руку гостя и пошла съ нимъ своею бойкою развалистою походкой чрезъ гостиную въ залъ. Здѣсь она остановилась на одну минуту и отдала дворецкому приказаніе накрыть столъ въ маленькой портретной.

— Мы будемъ ужинать en petit comité, — сказала она, и, держа подъ руку Подозерова, вернулась съ нимъ въ большую темную гостиную, откуда былъ выходъ на просторный, полукруглый балконъ съ двумя лѣстницами, спускавшимися въ паркъ. Въ наугольной опять мелькнуло платье Ларисы.

— Ахъ, écoute, дружочекъ Лара! — позвала ее Бодростина,—j'ai un petit mot à vous dire; у меня разболѣлась немножко голова и мы пройдемся по парку, а ты, пожалуйста, похозяйничай, и если гдѣ-нибудь покажется Водопьяновъ, удержи его, чтобъ онъ не исчезъ. Онъ очень забавенъ. Allons, — дернула она Подозерова и, круто поворотивъ назадъ, быстрыми шагами сбѣжала съ нимъ по лѣстницѣ и скрылась въ темнотѣ парка.

Лариса все это видѣла и была этимъ поражена. Эта рѣшительность и смѣлость пріема ее смущала, и вовсе незнакомое ей до сихъ поръ чувство по отношенію къ Подозерову щипнуло ее за сердце; это чувство было ревность. Онъ принадлежалъ ей, онъ ея давній рыцарь, онъ былъ ея женихъ, которому она, правда, отказала, но... зачѣмъ же онъ съ Бодростиной?.. И такъ явно. Въ Ларисѣ заиграла «собака и ея тѣнь». Притомъ ей стало вдругъ страшно; она никогда не гостила такъ долго у Бодростиной; ее выгнали сюда домашніе нелады съ теткой, и теперь ей казалось, что она гдѣ-то въ плѣну, въ зломъ плѣну. Собственный домъ ей представлялся давно покинутымъ раемъ, въ который нельзя ужъ вернуться, и бѣдная дѣвушка, прислонясь лбомъ къ холодному стеклу окна, съ замирающимъ сердцемъ думала: пусть вернется Подозеровъ, и я скажу

ему, чтобъ онъ взялъ меня съ собой, и уѣду въ городъ».

— Гдѣ вы и съ кѣмъ вы?—произнесъ въ это мгновеніе за нею тихій и вкрадчивый голосъ.

Она вздрогнула и, обернувшись, увидала предъ собою Горданова.

— Вы меня, кажется, избѣгаете?—говорилъ онъ, ловко заступая ей дорогу собою и стуломъ, который взялъ за спинку и наклонилъ предъ Ларисой.

— Нимало, — отвѣчала Лариса, но голосъ ея обличалъ сильное безпокойство; она жалась всѣмъ тѣломъ, высматривая какой-нибудь выходъ изъ-за устроенной ей баррикады.

— Мнѣ необходимо съ вами говорить. Послѣ того, что было вчера вечеромъ въ паркѣ...

— Послѣ того, что было вчера между нами, ни нынче и никогда не можетъ быть ни о чемъ никакого разговора.

— Оставьте этотъ тонъ; я знаю, что вы говорите то, чего не чувствуете. Сдѣлайте милость, ради васъ самой, не шутите со мною.

Лариса поблѣднѣла и отвѣчала:

— Оставьте меня, Павелъ Николаевичъ, примите стулъ и дайте мнѣ дорогу.

— А-а! Я вижу, вы въ самомъ дѣлѣ меня не понимаете!

— Я не желаю васъ понимать; пропустите меня, или я позову брата!—сказала Лариса.

— Вашъ братъ волочится за госпожой дома, которая въ свою очередь волочится за вашимъ отставнымъ женихомъ, но это все равно, оставимъ ихъ прогуливаться. Мы одни, и я долженъ вамъ сказать, что мы должны объясниться...

— Чего же вы требуете отъ меня?—продолжала Лариса съ упрекомъ. — Не стыдно ли вамъ не давать покоя дѣвушкѣ, которая васъ избѣгаетъ и знать не хочетъ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! вы меня не избѣгаете, вы лжете.

— Гордановъ!—воскликнула гнѣвно обиженная Лариса.

— Что вы?.. Я васъ не оскорбилъ: я говорю, что вы лжете самимъ себѣ. Не вѣрите? Я представлю на это доказательства.

— Если бы вы не хотѣли меня знать, вы бы уѣхали вчера и не остались на сегодня. Бросьте притворство. Наша встрѣча—роковая встрѣча. Нѣтъ силы, которая могла бы сдержать страсть, объемлющую все существо мое. Она не можетъ остаться безъ отвѣта. Лариса, ты такъ мнѣ нравишься, что я не могу съ тобой разстаться, но и не могу на тебѣ жениться... Ты должна меня выслушать!

Лариса остолбенѣла.

Гордановъ не понялъ ея и продолжалъ, что онъ не можетъ жениться только въ теченіе нѣкотораго времени и опять употребилъ слово «ты».

Лариса этого не вынесла.

— «Ты!»—произнесла она, вся вспыхнувъ, и, рванувшись впередъ, прошептала задыхаясь:—пустите!—Но одна рука Горданова крѣпко сжала ея руку, а другая обвила ея станъ.

— Ты спрашиваешь, что хочу я отъ тебя: тебя самой!

— Нѣтъ, нѣтъ!—отрицала съ закрытымъ лицомъ Лариса. — Но, Бога ради! Какъ милости, какъ благодѣянія, прошу васъ: прекратите эту сцену. Умоляю васъ: не обнимайте же меня по крайней мѣрѣ, не обнимайте, я вамъ говорю! Всѣ двери отперты...

— Вы мнѣ смѣшны... дверей боитесь!—отвѣтилъ Гордановъ и, сжавъ Ларису, хотѣлъ поцѣловать ее.

Но въ эту же минуту чья-то сильная рука откинула его въ сторону. Онъ даже не могъ вдругъ сообразить, какъ это случилось, и понялъ все только, оглянувшись назадъ и видя предъ собою Подозерова.

— Послушайте!—прошипѣлъ Гордановъ, глядя въ горящіе глаза Андрея Ивановича. — Вы знаете, съ кѣмъ шутите?

— Во всякомъ случаѣ, съ мерзавцемъ,—спокойно молвилъ Подозеровъ.

Лариса вскрикнула и, пользуясь суматохой, убѣжала.

— Вы это смѣете сказать?—подступалъ Гордановъ.

— Смѣю ли я?

— Вы знаете?.. вы знаете!..—шепталъ Гордановъ.

— Что вы подлецъ? о, давно знаю,—произнесъ Подозеровъ.

— Это вамъ не пройдетъ такъ. Я не кто-нибудь... Я...

— Прахъ, ходящій на двухъ лапкахъ!—произнесъ за нимъ голосъ Водопьянова и колоссальная фигура «Сумасшедшаго Бедуина» стала между противниками съ распростертыми руками. Подозеровъ повернулся и вышелъ.

Павелъ Николаевичъ постоялъ съ минуту, закусивъ губу. Фонды его заколебались въ его дальновидномъ воображеніи. Скандалъ! во всякомъ разѣ гадость... Дуэль... пошлое и опасное средство... Отказаться, какъ это дѣлаютъ въ Петербургѣ... но здѣсь не Петербургъ, и прослывешь трусомъ... Что же дѣлать? Неужто принимать... дуэль на равныхъ шансахъ для обоихъ?.. нѣтъ; я разочтусь иначе, рѣшилъ Гордановъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Краснѣютъ стѣны.

Богато сервированный ужинъ былъ накрытъ въ небольшой квадратной залѣ, оклеенной красными обоями и драпированной краснымъ штофомъ, межъ которыми висѣли старые портреты.

Глафира Васильевна стояла здѣсь у небольшого стола, и когда вошли Водопьяновъ и Подозеровъ, она держала въ рукахъ рюмку вина.

— Господа! у меня прошу пить и ѣсть, потому что, какъ это, Свѣтозаръ Владеновичъ, пѣлъ вашъ Испанскій Дворянинъ: «Вино на радость намъ дано». Андрей Иванычъ и вы, Водопьяновъ, выпейте предъ ужиномъ, — вы будете интереснѣе.

— Я не могу, я уже все свое выпилъ,—отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Когда же это вы выпили, что этого никто не видалъ?

— Семь лѣтъ тому назадъ.

— Все лжетъ сей дивный человѣкъ,—отвѣчала Бодростина и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ вошедшаго въ это время Горданова, продолжала: — я увѣрена, Водопьяновъ, что это вамъ вашъ Распайль запрещаетъ. Ему Распайль запрещаетъ все, кромѣ камфары, — онъ ѣстъ камфару, куритъ камфару, ароматизируется камфарой.

— Прекрасный, чистый запахъ,—молвилъ Водопьяновъ.

— Поздравляю васъ съ нимъ и сажусь отъ васъ подальше. А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Они изволили велѣть сказать, что нездоровы и къ столу не будутъ,—отвѣтилъ дворецкій.

— Все это виноватъ этотъ Свѣтозаръ! онъ всѣхъ напугалъ своимъ Испанскимъ Дворяниномъ. Подозеровъ, вы слышали его разсказъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Ну, да; вы къ намъ попали на финалъ, а впрочемъ, вѣдь разсказъ, мнѣ кажется, ничѣмъ не конченъ, или онъ, какъ все, какъ самъ Водопьяновъ, вѣченъ и безконеченъ. Лета выбила табакерку и засыпала намъ глаза, а дальше что же было, я желаю знать это, Свѣтозаръ Владеновичъ?

— Она спрыгнула съ окна.

— Съ третьяго этажа?

— Да.

— Но кто же ей кричалъ: «я здѣсь?»

— Испанскій Дворянинъ.

— Кто жъ это знаетъ?

— Она.

— Она развѣ осталась жива?

— Нѣтъ, иль то-есть...

— То-есть она жива, но умерла. Это прекрасно. Но кто же видѣлъ вашего Испанскаго Дворянина?

— Всѣ видѣли: онъ вѣялся въ туманѣ надъ убитой Летой, и было слѣдствіе.

— И что же оказалось?

— Ничего.

— Je vous fais mon compliment. Вы, Свѣтозаръ Владеновичъ, неподражаемы! Вообразите себѣ,—добавила она, обратясь къ Подозерову, — цѣлый битый часъ разсказывалъ какую-то исторію или бредъ, и только для того, чтобы въ концѣ концовъ сказать «ничего». Очаровательный Свѣтозаръ Владеновичъ, я пью за ваше здоровье и за вѣчную жизнь вашего Дворянина. Но, Боже! что такое значитъ? чего вы вдругъ такъ поблѣднѣли, Андрей Ивановичъ?

— Я поблѣднѣлъ?—переспросилъ Подозеровъ.—Не знаю, быть-можетъ, я еще немножко слабъ послѣ болѣзни... Я, впрочемъ, все слышалъ, что говорили... какая-то женщина упала...

— Бросилась съ третьяго этажа!

— Да, это мнѣ напоминаетъ немножко... кончину...

— Другой прекрасной женщины, конечно?

— Да, именно прекрасной, но... которую я мало зналъ, ко всегдашнему моему прискорбію,—такъ умерла моя мать, когда мнѣ былъ одинъ годъ отъ роду.

Бодростина выразила большое сожалѣніе, что она, не зная семейной тайны гостя, упомянула о случаѣ, который навелъ его на печальныя воспоминанія.

— Но, впрочемъ,—продолжала она.—я поспѣшу успокоить васъ хоть тѣмъ способомъ, къ которому прибѣгъ одинъ извѣстный испанскій же проповѣдникъ, когда слишкомъ растрогалъ своихъ слушателей. Онъ сказалъ имъ: «не плачьте, милые, вѣдь это было давно, а можетъ-быть, это было и не такъ, а можетъ-быть... даже, что этого и совсѣмъ не было». Вспомните одно, что вѣдь эту исторію разсказывалъ намъ Свѣтозаръ Владеновичъ, а его разсказы, при несомнѣнной правдивости ихъ автора, сплошь и рядомъ бываютъ подбиты... вѣтромъ. Притомъ здѣсь есть имена, которыя вамъ, я думаю, даже и незнакомы,—и Бодростина назвала въ точности всѣхъ лицъ Водопьяновскаго разсказа и въ короткихъ словахъ привела все повѣствованіе «Сумасшедшаго Бедуина»

— Ничего, кажется, не пропустила?—обратилась она затѣмъ къ Водопьянову и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, добавила: — вотъ вы пріѣзжайте ко мнѣ почаще; я у васъ буду учиться духовъ вызывать, а вы у меня поучитесь коротко разсказывать. Впрочемъ, à propos, вѣдь сказаніе повѣствуетъ, что эта безплотная и непостижимая Лета умерла бездѣтною?

— Я этого не говорилъ,—отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Какъ же? Развѣ у нея были дѣти, или хоть по крайней мѣрѣ одно дитя?

— Можетъ-быть, можетъ-быть и были.

— Такъ что же вы этого не говорите.

— А!.. да!.. Понялъ: Труссо говоритъ, что эпилепсія—болѣзнь весьма распространенная, что нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не былъ подверженъ нѣкоторымъ ея припадкамъ, въ извѣстной степени, разумѣется, въ извѣстной степени... Сюда относится внезапная забывчивость и прочее, и прочее. Разумѣется, это падучая болѣзнь настолько же, насколько кошка родня льву, но, однако...

— Но, однако, Свѣтозаръ Владеновичъ, довольно, мы поняли, что вы хотите сказать: на васъ нашло безпамятство.

— Именно: у Летушки былъ сынъ.

— Отъ ея брака съ красавцемъ Поталѣевымъ?

— Конечно!

— Но что было у господъ Поталѣевыхъ, то пусть тамъ и останется, и это ни до кого изъ здѣсь присутствующихъ не касается... Андрей Ивановичъ, чего же вы опять все блѣднѣете?

— Я попросилъ бы позволенія встать: я слабъ еще; но впрочемъ... виноватъ, я оправлюсь. Позвольте мнѣ рюмку вина!—обратился онъ къ Водопьянову.

— Хересу?

— Да.

— Да; вы его пейте,—это ваше вино!

— А чтобы перейти отъ чудеснаго къ тому, что веселѣй и болѣе способно всѣхъ занять, разсудимъ вашу Лету,—мол-

вила Водопьянову Бодростина, и затѣмъ, относясь ко всей компаніи, сказала:—господа! какое ваше мнѣніе: по-моему, этотъ Испанскій Дворянинъ — буфонъ и забулдыга стараго университетскаго закала, когда думали, что хорошій человѣкъ непремѣнно долженъ быть и хорошій пьяница; а его Лета просто дура, и притомъ еще неестественная дура. Ваше мнѣніе, Подозеровъ, первое желаю знать?

— Я промолчу.

— И это вамъ разрѣшаю. Я очень рада, что вино васъ, кажется, согрѣло; вы закраснѣлись.

Подозеровъ даже былъ теперь совсѣмъ красенъ, но въ этой комнатѣ было все красновато, и потому его краснота сильно не выдѣлялась.

— По-моему,—продолжала Бодростина,—самое типичное, вѣрное и самое понятное мнѣ лицо во всемъ этомъ разсказѣ—старикъ Поталѣевъ. Въ немъ нѣтъ ничего натянуто-выспренняго и болѣзненно-мистическаго, это человѣкъ съ плотью и кровью, со страстями и... некрасивъ немножко, такъ что даже бабы его пугались. Но эта Летушка все-таки глупа; многіе бы позавидовали ея счастію, хотя ненадолго, но...

— Что жъ вамъ такъ нравится? Неужто безобразіе?— спросилъ, чтобы поддержать разговоръ, Висленевъ.

— Ахъ, Боже мой, а что мужчинамъ нравится въ какой-нибудь Корѣ, которой я не имѣла чести видѣть, но о которой имѣю понятіе по Тургеневскому «*Дыму*». Онъ интереснѣе: въ немъ есть и безобразіе, и характеръ.

Гости промолчали.

— Интересно врачу заставить говорить нѣмого отъ рожденія, еще интереснѣе женщинѣ слышать языкъ страсти въ устахъ, которыя весь вѣкъ боялись ихъ произносить.

Глафирѣ опять никто не отвѣтилъ, и она, хлебнувъ вина, продолжала сама:

— Признаюсь, я бы хотѣла видѣть рыдающаго отъ страсти... отшельника, монаха, настоящаго монаха... И какъ бы онъ послѣ, бѣдняжка, ревновалъ... Эй, человѣкъ! подайте

мнѣ еще немножко рыбы. Однажды я смутила схимника: былъ въ Кіевѣ такой старикъ, лѣтъ неизвѣстныхъ, мохомъ весь обросъ и на груди носилъ вериги: я пошла къ нему на исповѣдь и насказала ему такихъ грѣховъ, что онъ...

— Влюбился въ васъ?

— Нѣтъ; только просилъ: «умилосердися, уйди!» Благодарю, подайте вонъ еще Висленеву, онъ, вижу, хочетъ кушать,—докончила она обращеніемъ къ старому, сѣдому лакею, державшему предъ ней массивное блюдо съ приготовленною подъ маіонезомъ рыбой.

— Подозеровъ! Вѣдь мы съ вами, кажется, пили когда-то на брудершафтъ?

— Никогда.

— Такъ я пью теперь.

И съ этимъ она чокнулась бокалъ о бокалъ съ Подозеровымъ и, положивъ руку на его руку, заставила и его выпить все вино до дна.

Висленева скрючило.

— Да, новый мой камрадъ,—продолжала Бодростина,—пожелаемъ счастія честнымъ мужчинамъ и умнымъ женщинамъ. Да соединятся эти рѣдкости жизни и да не мѣшаются съ тѣмъ, что имъ не къ масти. Умъ даетъ жизнь всему, и поцѣлую, и объятьямъ... дурочка даже не поцѣлуетъ такъ, какъ умная.

— Глафира Васильевна!—перебилъ ее Подозеровъ.—То дѣло, о которомъ я сказалъ... теперь мнѣ некогда уже о немъ лично говорить. Я боленъ и долженъ раньше лечь въ постель... но вотъ въ чемъ это заключается.—Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ съ почтовымъ штемпелемъ и съ разорванными печатями и сказалъ:—Я просилъ бы васъ выйти на минуту и прочесть это письмо.

— Я это для тебя сдѣлаю,—отвѣчала, вставая, Бодростина.—Но что это такое?—добавила она, остановясь въ дверяхъ,—я вижу, что фонарикъ у меня въ кабинетѣ гаснетъ, а я послѣ разсказовъ Водопьянова боюсь одна ходить въ полутьмѣ. Висленевъ! возьмите лампу и посвѣтите мнѣ.

Іосафъ Платоновичъ вскочилъ и побѣжалъ за нею съ лампой.

Гордановъ воспользовался временемъ, когда онъ оставался одинъ съ Подозеровымъ и Водопьяновымъ.

— Вы, конечно, знаете, чѣмъ должно кончиться то, что произошло два часа тому назадъ между нами?—спросилъ онъ, уставясь глазами въ вертѣвшаго свою тарелку Подозерова.

— Я знаю, чѣмъ такія вещи кончаются между честными людьми, но чѣмъ ихъ кончаютъ люди безчестные,—того не знаю,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Кого вы можете прислать ко мнѣ завтра?

— Завтра?—майора Форова.

— Прекрасно: у меня секундантъ Висленевъ.

— Это не мое дѣло,—отвѣчалъ Подозеровъ и, вставъ, отвернулся къ первому попавшемуся въ глаза портрету.

Въ это время въ отдаленномъ кабинетѣ Бодростиной раздался звонъ разбившейся лампы и послышался раскатъ безпечнѣйшаго смѣха Глафиры Васильевны.

Гордановъ вскочилъ и побѣжалъ на этотъ шумъ.

Подозеровъ только оборотился и изъ-глаза-въ-глазъ переглянулся съ Водопьяновымъ.

— Мѣсто значитъ много; очень много, много! Что въ другомъ случаѣ ничего, то здѣсь не безопасно,—проговорилъ Водопьяновъ.

— Скажите мнѣ, зачѣмъ же вы здѣсь, въ этихъ стѣнахъ. и при всѣхъ этихъ людяхъ разсказали исторію моей бѣдной матери?

— Вашей матери? Ахъ, да, да... я теперь вижу... я вижу: у васъ есть съ ней сходство и... еще больше съ нимъ.

— Валентина была моя мать, и я люблю того, кого она любила, хотя онъ не былъ мой отецъ; но мнѣ всѣ говорили, что я даже похожъ на того, кого вы назвали студентомъ Спиридоновымъ. Благодарю, что вы, по крайней мѣрѣ, перемѣнили имена.

Водопьяновъ съ неожиданною важностью кивнулъ ему

головой и отвѣчалъ:—«да; мы это разсмотримъ;—вы будьте покойны, разсмотримъ». Такъ говорилъ долго тотъ, кого я назвалъ Поталѣевымъ. Онъ умеръ... онъ приходилъ ко мнѣ разъ... такимъ чернымъ звѣремъ... Первый разъ онъ пришелъ ко мнѣ въ сумерки... и плакалъ, и стоналъ... Я одобряю, что вы отдали его состоянье его роднымъ... большимъ дворянамъ... Имъ много нужно... Да вонъ видите... по стѣнамъ... сколько ихъ... Вонъ старушка, зачѣмъ у нея два носа... у нея было двѣ совѣсти...

И Водопьяновъ понесъ околесицу, въ которой все-таки опять были свои, все связывающіе штрихи.

Между тѣмъ, что же такое произошло въ кабинетѣ Глафиры Васильевны, откуда такъ долго нѣтъ никого и никакихъ вѣстей?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не краснѣющіе.

Глафира Васильевна въ сопровожденіи Висленева скорою походкой прошла двѣ гостиныхъ, библіотеку, наугольную и вступила въ свой кабинетъ. Здѣсь Висленевъ поставилъ лампу и, не отнимая отъ нея своей руки, сталъ у стола. Бодростина стояла спиной къ нему, но, однако, такъ, что онъ не могъ ничего видѣть въ листкѣ, который она предъ собою развернула. Это было письмо изъ Петербурга, и вотъ что въ немъ было написано гадостнымъ каракульнымъ почеркомъ, со множествомъ чернильныхъ пятенъ, помарокъ и недописокъ:

«Господинъ Подозеровъ! Я убѣдилась, что хотя вы держитесь принциповъ неодобрительныхъ и патріотъ, и низкопоклонничаете предъ московскими ретроградами, но въ дѣйствительности вы человѣкъ и, какъ я убѣдилась, даже честнѣе многихъ абсолютно честныхъ, у которыхъ одно на словахъ, а другое на дѣлѣ, потому я съ вами хочу быть откровенна. Я пишу вамъ о страшной подлости, которая должна быть доведена до Бодростиной. Мерзавецъ Кишен-

скій, который, какъ вы знаете, ужасный подлецъ, и его, надѣюсь, вамъ не надо много рекомендовать, и Алинка, которая женила на себѣ эту зеленую лошадь, господина Висленева, устроили страшную подлость: Кишенскій, познакомясь съ Бодростинымъ у какого-то жида-банкира, сдѣлалъ такую подлую вещь: онъ вовлекаетъ Бодростина въ компанію по водоснабженію городовъ особеннымъ способомъ, который есть не что иное, какъ отвратительнѣйшее мошенничество и подлость. Дѣломъ этимъ орудуетъ какой-то страшный мошенникъ и плутъ, обобравшій уже здѣсь и въ Москвѣ не одного человѣка, что и можно доказать. Съ нимъ въ стачкѣ полька Казимирка, которую вы должны знать, и Бодростина ее тоже знаетъ...»

— Охъ, охъ!—сказала, пятясь назадъ и покрываясь румянцемъ восторга, Бодростина.

— Что? вѣрно какія-нибудь непріятныя извѣстія?—спросилъ ее участливо Висленевъ.

— Боюсь въ обморокъ упасть,—отвѣтила шутя Глафира, чувствуя, что Висленевъ робко и нерѣшительно беретъ ее за талію и поддерживаетъ.—«Держи жъ меня, я вырваться не смѣю!»—добавила она, смѣясь, извѣстный стихъ изъ Донъ-Жуана.

И съ этимъ Глафира, оставаясь на рукѣ Іосафа Платоновича, дочитала:

«Эта Казимира теперь княгиня Вахтерминская. Она считается красавицей, хотя я этого не нахожу: сарматская, смазливая рожица и тѣлеса, и ничего больше, но она ловка какъ бѣсъ и готова для своей прибыли на всякія подлости. Мужъ ей давалъ много денегъ, но теперь онъ банкротъ: одна француженка обобрала его какъ липку, и Казимира пріѣхала теперь назадъ въ Россію поправлять свои дѣлишки. У нея теперь есть bien aimé, что всѣмъ извѣстно,—полякъ-скрипачъ, который играетъ и будетъ давать концерты, потому полякамъ все дозволяютъ, но онъ совершенно бѣдный и потому она забрала себѣ Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго и Висленевой жены, которая Бодростиной

терпѣть не можетъ. Я же, хотя тоже была противъ принциповъ Бодростиной, когда она выходила замужъ, но какъ теперь это все уже перемѣнилось и всѣ наши, кромѣ Ванскокъ, выходятъ за разныхъ мужей замужъ, то я болѣе противъ Глафиры Бодростиной ничего не имѣю, и вы ей это скажите; но писать ей сама не хочу, потому что не знаю ея адреса, и какъ она на меня зла и знаетъ мою руку, то можетъ не распечатать, а вы какъ служите, то я пишу вамъ по роду вашей службы. Предупредите Глафиру, что ей грозитъ большая опасность, что мужъ ея очень легко можетъ потерять все, и она будетъ ни съ чѣмъ, — я это знаю навѣрное, потому что немножко понимаю по-польски и подслушала, какъ Казимира сказала это своему bien aimé, что она этого господина Бодростина разоритъ, и они это исполнятъ, потому что этотъ bien aimé самый главный зачинщикъ въ этомъ дѣлѣ водоснабженія, но всѣ они, Кишенскій и Алинка, и Казимира, всѣхъ насъ отъ себя отсунули и дѣлаютъ всѣ страшныя подлости одни сами, все только жиды да поляки, которымъ въ Россіи лафа. Больше ничего не остается, какъ всю эту мерзость разоблачить и пропечатать, надъ чѣмъ и я и еще многіе думаемъ скоро работать и издать въ видѣ большого романа или драмы, но только нужны деньги и осторожность, потому что Ванскокъ сильно вооружается, чтобы не выдавать никого. Остаюсь готова къ услугамъ извѣстная вамъ Ципри-Кипри».

«P. S. Можете спросить Данку, которая знаетъ, что я пишу вамъ это письмо: она очень честная госпожа и все знаетъ,—вы ее помните: бѣлая и очень красивая барыня въ русскомъ вкусѣ, потому что планъ Кишенскаго прежде былъ разсчитанъ на нее, но Казимира все это перестроила самыми пошлыми польскими интригами. Данка ничего не скроетъ и все скажетъ».

«Еще P. S. Сейчасъ ко мнѣ пришла Ванскокъ и сообщила свѣжую новость. Бодростинъ ничего не знаетъ, что подъ его руку пишутъ уже большіе векселя по его довѣ-

ренности. Пускай жена его ѣдетъ сейчасъ сюда накрыть эту страшную подлость, а если что нужно развѣдать и сообщить, то я могу, но на это нужны, разумѣется, средства, по крайней мѣрѣ рублей пятьдесятъ или семьдесятъ пять, и чтобы этого не знала Ванскокъ».

Этимъ и оканчивалось знаменательное письмо гражданки Ципри-Кипри.

Бодростина, свернувъ листокъ и суя его въ карманъ, толкнулась рукой объ руку Висленева и вспомнила, что она еще до сихъ поръ нѣкоторымъ образомъ находится въ его объятіяхъ.

Занятая тѣмъ, что сейчасъ прочитала, она безцѣльно взглянула полуоборотомъ лица на Висленева и остановилась; взглядъ ея вдругъ сверкнулъ и заискрился.

«Это прекрасно!—мелькнуло въ ея головѣ.—Какая блестящая мысль! Какое великое счастіе! О, никто, никто на свѣтѣ, ни одинъ мудрецъ и ни одинъ доброжелатель не могъ бы мнѣ оказать такой неоцѣненной услуги, какую оказываютъ Кишенскій и княгиня Казимира!.. Теперь я снова я,—я спасена и госпожа положенія... Да!»

— Да!—произнесла она вслухъ, продолжая въ умѣ свой планъ и подъ вліяніемъ думъ пристально глядя въ глаза Висленеву, который смѣшался и залепеталъ что-то въ родѣ упрека.

— Ну, ну, да, да!—повторяла съ разстановками, держась за голову, Бодростина и, съ этимъ бросясь на отоманъ, разразилась неудержимымъ истерическимъ хохотомъ.

Увлеченный ею въ этомъ движеніи, Висленевъ задѣлъ рукой за лампу и въ комнатѣ настала тьма, а черепки стекла зазвенѣли по полу. На эту сцену явился Гордановъ: онъ засталъ Бодростину, весело смѣющуюся, на диванѣ и Висленева, собирающаго по полу черепки лампы.

— Что такое здѣсь у васъ случилось?

— Это все онъ, все онъ!—отвѣчала сквозь смѣхъ Бодростина, показывая на Висленева.

— Я!.. я! При чемъ здѣсь я?—вскочилъ Іосафъ Платоновичъ.

— Вы?.. вы ни при чемъ! Идите въ мою уборную и принесите оттуда лампу!

Іосафъ Платоновичъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

— Что это такое было у васъ съ Подозеровымъ?—спросила у Горданова Глафира, ставъ предъ нимъ, какъ только вышелъ за двери Висленевъ.

— Ровно ничего.

— Неправда, я кой-что слышала: у васъ будетъ дуэль.

— Отнюдь нѣтъ.

— Отнюдь нѣтъ! Ага!

Висленевъ появился съ лампой и вдвоемъ съ Гордановымъ сталъ исправлять нарушенный на столѣ порядокъ, а Глафира Васильевна, не теряя минуты, вошла къ себѣ въ комнату и, доставъ изъ туалетнаго ящика двѣ радужныя ассигнаціи, подала ихъ горничной, съ приказаніемъ отправить эти деньги завтра въ Петербургъ, безъ всякаго письма, по адресу, который Бодростина наскоро выписала изъ письма Ципри-Кипри.

— Затѣмъ, послушай, Настя,—добавила она, остановивъ дѣвушку. — Ты въ черномъ платьѣ... это хорошо... Ночь очень темна?

— Не видно зги, сударыня, и тучится-съ.

— Прекрасно, — сходи, пожалуйста, на мельницу... и... Ты знаешь какъ пускаютъ шлюзъ? Это легко.

— Попробую-съ.

— Возьмись рукой за ручку на валу и поверни. Это совсѣмъ не трудно, и упусти заслонку по рѣкѣ, или забрось ее въ крапиву, а потомъ бѣги домой чрезъ березникъ... Понимаешь?

— Все будетъ сдѣлано-съ.

— И это нужно скоро.

— Сію же минуту иду-съ.

— Бѣги, и платья чернаго нигдѣ не поднимай, чтобы не сверкали бѣлыя юбки.

— Сударыня, ужели первый разъ ходить?

— Ну, да, иди же и все сдѣлай.

И Бодростина изъ этой комнаты перешла къ запертымъ дверямъ Ларисы.

— Прости меня, chère Глафира; я очень разнемоглась и была не въ силахъ выйти къ столу, — начала Лариса, открывъ дверь Глафирѣ Васильевнѣ.

— Все знаю, знаю; но надо быть дѣвушкой, а не ребенкомъ: ты понимаешь, что можетъ случиться?

— Дуэль?

— А конечно!

— Но, Боже, что я могу сдѣлать?

— Прежде всего не ломать руки, а обтереть лицо водой и выйти. Одно твое появленіе его немножко успокоитъ.

— Кого его?

— Его, кого ты хочешь.

— Но я вѣдь не могу идти, Глафира.

— Ты должна.

— Помилуй, я шатаюсь на ногахъ.

— Я поддержу.

И Глафира Васильевна еще привела нѣсколько доказательствъ, убѣдившихъ Ларису въ томъ, что она должна преодолѣть себя и выйти внизъ къ гостямъ.

Лара подумала и стала обтирать заплаканное лицо, сначала водой, а потомъ пудрой, между тѣмъ какъ Бодростина, поджидая ее, ходила все это время взадъ и впередъ по ея комнатѣ, и наконецъ проговорила:

— Ахъ, красота, красота, сколько изъ-за нея дѣлается безобразія!

— Я проклинаю ее... мою красоту,—отвѣчала, наскоро вытираясь предъ зеркаломъ, Лариса.

— Проклинай или благословляй, это все равно; она наружѣ и внушаетъ чувство.

— Чувство! Глафира, развѣ же это чувство?

— Любовь!.. А это что же такое, какъ не чувство? Страсть, «влеченье, родъ недуга».

— Любовь! такъ ты это даже называешь любовью! Нѣтъ; это не любовь, а развѣ звѣрство.

— Мужчины всегда такъ: что наше, то намъ не нужно, а что оспорено, за то сейчасъ и въ драку. Однако идемъ къ нимъ, Лара!

— Идемъ; я готова, но,—добавила она на ходу, держась за руку Бодростиной,—я все-таки того мнѣнія, что есть на свѣтѣ люди, которые относятся иначе...

— То-есть какъ это иначе?

— Я не могу сказать какъ... но иначе!

«Эхъ ты, бѣдный, бѣдный межеумокъ!—думала Бодростина.—Ей въ руки дается не человѣкъ, а кладъ: съ душой, съ умомъ и съ преданностью; а ей нужно она сама не знаетъ чего? Нѣтъ; на этотъ счетъ стрижки были васъ умнѣе. А впрочемъ, это прекрасно: пусть ее занята Гордановымъ... Не можетъ же онъ на ней жениться... А если?.. Да нѣтъ, не можетъ!»

Въ это время они дошли до дверей портретной, и Бодростина, представивъ гостямъ Ларису, сказала, что вмѣсто исчезнувшей лампы является живой, всеосвѣжающій свѣтъ.

— Свѣтильникъ безъ масла долго-ли горитъ?—спросила она шопотомъ Подозерова, садясь возлѣ него на свое прежнее мѣсто.—Совѣтую помнить, что я сказала: и въ поцѣлуяхъ, и въ объятіяхъ умъ имѣетъ великое значеніе! А теперь, господа,—добавила она громко,—пьемъ за здоровье того, кто за кого хочетъ, и простите за плохой ужинъ, какимъ я васъ накормила.

Столъ кончился, и Гордановъ тотчасъ же исчезъ. Бодростина зорко посмотрѣла ему вслѣдъ и велѣла человѣку подать на балконъ садовую свѣчу.

— Немножко нужно освѣжиться. Ночь темная, но тепла и ароматна... Ею надо пользоваться, скоро уже завоетъ вьюга и польютъ дожди.

Подозеровъ сталъ прощаться.

— Постойте же; сейчасъ вамъ запрягутъ карету.

— Нѣтъ, Бога ради, ненужно: я люблю ходить пѣшкомъ: здѣсь такъ близко, я скоро хожу.

Но Бодростина такъ твердо настояла на своемъ, что Подозеровъ долженъ былъ согласиться и остался ждать кареты.

— А я въ одну минуту возвращусь,—молвила она и ушла съ балкона.

Лариса, тотчасъ какъ только осталась одна съ Подозеровымъ, взяла его за руку и шепнула:

— Бога ради, зовите меня съ собою.

— Это неловко,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Но вы не знаете...

— Все знаю: вамъ не будетъ угрожать ничто, идите спать, заприте дверь и не вынимайте ключа, а завтра уѣзжайте. Идите же, идите!

— Вѣдь я не виновата...

— Вѣрю, знаю; идите спать!

— Повѣрьте мнѣ: все прошлое...

— Все прошлое не существуетъ болѣе, оно погребено и крестъ надъ нимъ поставленъ. Я совладѣлъ съ собою, не бойтесь за меня: я вылѣченъ и болѣе не захвораю, но дружба моя навсегда послѣдуетъ за вами всюду.

— Погребено...—заговорила было Лариса, но не успѣла досказать, что хотѣла.

— Ахъ, Боже, что это такое? Вы слышите, вдругъ хлынула вода!—воскликнула, вбѣгая въ это время на балконъ, Глафира Васильевна, и тотчасъ же послала людей на фабричную плотину, на которой уже замелькали огни и возлѣ нихъ показывались тѣни.

Человѣкъ доложилъ, что готова карета.

Подозеровъ простился; Лариса пошла къ себѣ наверхъ, а Глафира Васильевна, открывъ окно въ залѣ, крикнула кучеру:

— На мостъ теперь идетъ вода, поѣзжай черезъ плотину, тамъ люди посвѣтятъ.

Лошади тронулись, а Бодростина все не отходила отъ

окна, докуда тѣнь кареты не пробѣжала мимо свѣтящихся на плотинѣ фонарей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Подъ крыломъ у темной ночи

Проводивъ Подозерова, Глафира вернулась на балконъ, гдѣ застала Водопьянова. «Сумасшедшій Бедуинъ» теперь совсѣмъ не походилъ на самого себя: онъ былъ въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ, въ камлотовой шинели съ капишономъ, съ камфорной сигареткой во рту и держалъ въ рукѣ большую золотую табакерку. Онъ махалъ ею и, дѣлая безпрестанно прыжки на одномъ мѣстѣ, весь трясся и бормоталъ.

Видъ «Сумасшедшаго Бедуина» и его кривлянья и безпокойство производили, посреди царствующей темной ночи, самое непріятное впечатлѣніе.

Какъ ни была занята Бодростина своими дѣлами, но эта метаморфоза остановила на себѣ ея вниманіе, и она сказала:

— Что вы, Свѣтозаръ Владеновичъ, какой странный!

— А?.. что?.. Да, странникъ... ѣду, ѣду,—заговорилъ онъ, еще шибче махая въ воздухѣ своимъ капишономъ.—Скверная планета, скверная: вдругъ холодно, вдругъ холодно, ухъ, жутко... жутко, жутко... кракъ! сломано! а другая женщина все поправитъ, поправитъ!

— Что это вы такое толкуете себѣ подъ носъ? Какая другая женщина и что она поправитъ?

— Все, все... ей все легко. И-и-и-хъ! И-и-и-хъ! Прочь, прочь, прочь, вотъ я тебя табакеркой! Вотъ!..—И онъ дѣйствительно замахнулся своей табакеркой и ударилъ ею нѣсколько разъ по своему капишону, который въ это время взвился и махалъ надъ его головой. — Видѣли вы?—заключилъ онъ, вдругъ остановясь и обращаясь къ Бодростиной.

— Что такое надо было видѣть?

— А черную птицу съ однимъ крыломъ? Опять! опять! прочь!

И съ этими словами Водопьяновъ опять замахалъ табакеркой, заскакалъ по лѣстницѣ, спустился по ней и исчезъ.

Бодростина не обратила на это никакого вниманія. Онъ уже надоѣлъ ей, и притомъ она была слишкомъ занята своими мыслями и стояла около часа возлѣ перилъ, пока по куртинѣ вдоль акацій не мелькнула какая-то тѣнь съ ружьемъ въ рукѣ.

При появленіи этой тѣни, Глафира Васильевна тихо шмыгнула за дверь и оттуда произнесла свистящимъ шопотомъ:

— Прахъ на двухъ лапкахъ!

Тѣнь вздрогнула, остановилась и потомъ вдругъ бросилась бѣгомъ впередъ; Бодростина же прошла рядъ пустыхъ комнатъ, взошла къ себѣ въ спальню, отпустила дѣвушку и осталась одна.

Черезъ полчаса ее не было и здѣсь, она уже стояла у двери комнаты Павла Николаевича, на противоположномъ концѣ дома.

— Поль, отопри!—настойчиво потребовала она, стукнувъ рукой въ дверь.

— Я легъ и погасилъ свѣчу,—отвѣчалъ дрожащимъ, нервнымъ голосомъ Гордановъ.

— Ничего, мнѣ надо съ тобой говорить. Довольно сибаритничать: настало время за работу,—заговорила она, переступя порогъ, межъ тѣмъ какъ Гордановъ зажегъ свѣчу и снова юркнулъ подъ одѣяло. — Я получила важныя вѣсти.

И она разсказала ему содержаніе знакомаго намъ письма Ципри-Кипри.

— Ты долженъ ѣхать немедленно въ Петербургъ

— Это невозможно, меня тамъ схватятъ.

— Что бы ни было, я тебя выручу.

— И что же я долженъ тамъ дѣлать?

— Способствовать всѣмъ плутнямъ, но не допускать ничего крупнаго, а, главное, передать моего старика совсѣмъ въ руки Казимиры. Ты ѣдешь? Ты долженъ ѣхать. Я дамъ тебѣ денегъ. Иначе... ты свободенъ дѣлать что хочешь.

— Хорошо, я поѣду.

— И это лучше для тебя, потому что здѣсь ты, я вижу, начинаешь портиться и лѣзешь въ омутъ.

— Я?

— Да, ты. Благодари меня, что твое ружье осталось сегодня заряженнымъ.

— Ага! такъ это вотъ откуда ударилъ живоносный источникъ?

— Ну, да, а ты думалъ... Но что это такое? On frappe!

Дверь дѣйствительно немножко колыхалась.

— Кто тамъ?—окликнула, вскочивъ, Бодростина.

Въ эту же секунду дверь быстро отворилась и Глафира столкнулась лицомъ къ лицу съ Висленевымъ.

— Вотъ видите!—удивилась она.

— Я пришелъ сюда за спичкой, Глафира Васильевна,— пробормоталъ Висленевъ.

— Да, ты удивительно находчивъ,—замѣтилъ ему Гордановъ,—но дѣло въ томъ, что вотъ тебѣ спички; бери ихъ и отправляйся вонъ.

— Нѣтъ, онъ пришелъ сюда довольно кстати: пусть онъ меня проводитъ отсюда назадъ.

И Бодростина поднялась и пошла впереди Висленева.

— Вы по какому же праву меня ревнуете?—спросила она вдругъ, нахмурясь и остановясь съ Іосафомъ въ одной изъ пустыхъ комнатъ.—Чего вы на меня смотрите? Не хотите ли отказываться отъ этого? Можете, но это будетъ очень глупо! Вы пришли, чтобы помѣшать мнѣ видѣться съ Гордановымъ. Да?.. Но вотъ вамъ сказъ: кто хочетъ быть любимымъ женщиной, тотъ прежде всего долженъ этого заслужить. А потомъ... вторая истина заключается въ томъ, что всякая истинная любовь скромна!

— Но чѣмъ я не скроменъ?—молвилъ, сложивъ у груди руки, Висленевъ.

— Вы нескромны. Любить такимъ образомъ, какъ вы меня хотите любить, этакъ меня всякій полюбитъ, мнѣ этого рода любовь надоѣла, и меня ею не возьмете. Понимаете вы, *такъ* ничего не возьмете! Хотите любить меня,—любите такъ, какъ меня никто не любилъ. Это одно еще мнѣ, можетъ-быть, не будетъ противно: сдѣлайтесь тѣмъ, чѣмъ я хочу, чтобы вы были.

— Буду, буду. Буду чѣмъ вы хотите!

— Тогда и надѣйтесь.

— Но чѣмъ же мнѣ быть?

— Это вамъ должно быть все равно: будьте тѣмъ, чѣмъ я захочу васъ возлѣ себя видѣть. Теперь мнѣ нравятся спириты.

— Вы шутите! Неужто же мнѣ быть спиритомъ?

— Ага! еще «неужто!» Послѣ такихъ словъ рѣшено: это условіе, безъ котораго ничто невозможно.

— Но это вѣдь... это будетъ не разумно-логичное требованіе, а капризъ.

Бодростина отодвинулась шагъ назадъ и, окинувъ Висленева съ головы до ногъ сначала строгимъ, а потомъ насмѣшливымъ взглядомъ, сказала:

— А если бъ и такъ? Если бъ это и капризъ? Такъ вы еще не знали, что такая женщина, какъ я, имѣетъ право быть капризною? Такъ вы, прежде чѣмъ что-либо между нами, уже укоряете меня въ капризахъ? Прощайте!

— Нѣтъ, Бога ради... позвольте... я буду дѣлать все, что вы хотите.

— Да, конечно, вы должны дѣлать все, что я хочу! Иначе за что же, за что я могу вамъ позволять надѣяться на какое-нибудь мое вниманіе? Ну, сами скажите: за что? что такое вы могли бы мнѣ дать, чего сторицей не далъ бы мнѣ всякій другой? Вы сказали: «капризъ». Такъ знайте, что и то, что я съ вами здѣсь говорю, тоже капризъ, и его сейчасъ не будетъ.

— Нѣтъ, Бога ради: я на все согласенъ.

Она молча взяла его за руку и потянула къ себѣ; Іосафъ поднялъ было лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ цѣлую пока за послушаніе въ лобъ, и только.

— Опять капр... Гм! гм!..

— А разумѣется, капризъ: неужели что-нибудь другое,— отвѣчала, уходя въ дверь, Бодростина.—Но, добавила она весело, остановясь на минуту на порогѣ,—женскій капризъ бываетъ безъ границъ, и кто этого не знаетъ во-время, у того женщины подъ носомъ запираютъ двери.

И съ этимъ она исчезла; ключъ щелкнулъ, и Висленевъ остался одинъ въ темнотѣ.

Онъ подошелъ къ запертой двери, съ трудомъ ощупалъ замочную ручку и, пошевеливъ ее, назвалъ Глафиру, но собственный голосъ ему показался прегадкимъ-гадкимъ, надтреснувшимъ и сѣвшимъ, а изъ-за двери ни гласа, ни послушанія. Глафира, очевидно, ушла далѣе, да и чего ей ждать?

Висленевъ вздохнулъ и, заложивъ назадъ руки, пошелъ тихими шагами въ свою комнату.

«Все еще не везетъ,—размышлялъ онъ.—Вотъ, думалъ здѣсь повезетъ, анъ не везетъ. Не старъ же еще я въ самомъ дѣлѣ! А? Конечно, не старъ... Нѣтъ, это все коммунки, коммунки проклятыя дѣлаютъ: наболтаешься тамъ со стриженными, вотъ за длинноволосыхъ и взятся не умѣешь! Надо вотъ что... надо повторить жизнь... Начну-ка я старинные романы читать, а то въ самомъ дѣлѣ у меня такія манеры, что даже неловко».

Между тѣмъ Бодростина, возвратившись въ свою комнату, тоже не опочила, сѣла и, начавъ писать, вдругъ ахнула.

— А гдѣ же онъ? Гдѣ Водопьяновъ? Опять исчезъ! Но теперь ты, мой другъ, не уйдешь. Нѣтъ, дѣла мои слагаются превосходно, и спиритизмъ мнѣ долженъ сослужить свою службу.

«Свѣтозаръ Владеновичъ!» написала она черезъ минуту,

«чѣмъ я болѣе вдумываюсь, тѣмъ» и пр., и пр. Однимъ словомъ, она съ обольстительною простотой открыла Водопьянову, какое вліяніе на нее имѣетъ спиритская философія и заключила, что, чувствуя неодолимое влеченіе къ спиритизму, хочетъ также откровенно, какъ онъ, назвать себя «спириткой».

Все это было сдѣлано немножко грубо и аляповато,— совсѣмъ не по-бодростиновски, но стоило ли церемониться съ «Сумасшедшимъ Бедуиномъ?» Глафира и не поцеремонилась.

Запечатавъ это письмо, она отнесла его въ комнату своей дѣвушки, положила конвертъ на столъ и велѣла завтра рано по утру отправить его къ Водопьянову, а потомъ уснула съ вѣрой и убѣжденіемъ, что для умнаго человѣка все на свѣтѣ имѣетъ свою выгодную сторону, все можетъ послужить въ пользу, даже и спиритизмъ, который какъ крайняя противоположность тѣхъ теорій, ради которыхъ она утратила свою репутацію въ глазахъ моралистовъ, долженъ возвратить ей эту репутацію съ процентами и рекамбіо.

Если Гордановъ съ братіей и Ципри-Кипри съ сестрами давно не упускаютъ слыть не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, то почему же ей этимъ манкировать? Это было бы просто глупо.

И Глафирѣ представилось ликованіе, какое будетъ въ извѣстныхъ ей чопорныхъ кружкахъ, которые, несмотря на ея офиціальное положеніе, оставались для нея до сихъ поръ закрытымъ небомъ, и она уснула, улыбаясь тому, какъ она вступитъ въ это небо возвратившейся заблуждавшеюся овцой, и какъ потомъ... дойдетъ по этому же небу до своихъ земныхъ цѣлей.

— Я буду... жена, которой не посмѣетъ даже и касаться подозрѣніе! Я должна сознаться, что это довольно смѣшно и занимательно!

Лариса провела эту ночь безъ сна, сидя на своей постели. Утро въ бодростинскомъ домѣ началось поздно: уснувшая на разсвѣтѣ Лариса проспала, Бодростина тоже, но

зато ко вставанію послѣдней ей готовъ былъ сюрпризъ: ей былъ доставленъ отвѣтъ Водопьянова на ея вчерашнее письмо,—отвѣтъ, вполнѣ достойный «Сумасшедшаго Бедуина». Онъ весь заключался въ слѣдующемъ: «Бобчинскій спросилъ:—можно называться? а Хлестаковъ отвѣчалъ:—пусть называется».

И болѣе не было ничего, ни одного слова, ни подписи.

Бодростина съ досадой бросила въ ящикъ письмо и сошла внизъ къ мужчинамъ, вся въ черномъ, противъ своего обыкновенія.

Между тѣмъ, пока дамы спали, а потомъ дѣлали свой туалетъ, въ сѣни мужской половины явился оборванный и босоногій крестьянскій мальчонко и настойчиво требовалъ, чтобы длинный чужой баринъ вышелъ къ кому-то за гуменникъ.

— Кто же его зоветъ туда?—добивались слуги.

— А баринъ съ печатью на шляпѣ далъ мнѣ грошъ; на, говоритъ, бѣжи въ хоромы и скажи, чтобъ онъ сейчасъ вышелъ.

Слуги догадались, что дѣло идетъ о Висленевѣ, и доложили ему объ этомъ. Іосафъ Платоновичъ посовѣтовался съ Гордановымъ и пошелъ по курьезному вызову на таинственное свиданіе.

За гуменникомъ его ждалъ Форовъ.

— Здравствуйте-съ, мы съ вами должны уговориться,—началъ майоръ,—Гордановъ съ Подозеровымъ хотятъ стрѣляться, а мы секунданты, такъ вотъ мои условія: стрѣляться завтра, въ пять часовъ утра, за городомъ, въ Корольковскомъ лѣсу, на горкѣ. Стрѣлять разомъ, и при промахахъ съ обѣихъ сторонъ выстрѣлъ повторить. Что, вы противъ этого ничего?

— Я ничего, но я вообще противъ дуэли.

— Ну, вы объ этомъ статью пошлите, а теперь не ваше дѣло.

— А вы развѣ за дуэль?

— Да; я за дуэль, а то очень много подлецовъ разве-

дется. Такъ извольте не забыть условія и затѣмъ имѣю честь...

Форовъ повернулся и ушелъ.

Въ домѣ у Бодростиной, къ удивленію, никто этого не узналъ.

Гордановъ принялъ условія Форова и настрого запретилъ Висленеву выдавать это хоть однимъ намекомъ. Тотъ тотчасъ струсилъ.

Утро прошло скучно. Глафира Васильевна говорила о спиритизмѣ и о томъ, что она Водопьянова уважаетъ, гости зѣвали. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ собрались въ городъ, но Лариса не хотѣла ѣхать въ свой домъ одна съ братомъ и желала, чтобъ ее отвезли на хуторъ къ Синтяниной, гдѣ была Форова. Для исполненія этого ея желанія Глафира Васильевна устроила переѣздъ въ городъ въ родѣ partie de plaisir; они поѣхали въ двухъ экипажахъ: Лариса съ Бодростиной, а Висленевъ съ Гордановымъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Послѣ скобеля топоромъ.

Увидавъ себя на дворѣ генеральши, Лариса въ первый разъ въ жизни почувствовала тотъ сладостный трепетъ сердца, который ощущается человѣкомъ при встрѣчѣ съ близкими людьми, послѣ того какъ ему казалось, что онъ ихъ теряетъ невозвратно.

Лариса кинулась на шею Александрѣ Ивановнѣ и много разъ кряду ее поцѣловала; такъ же точно она встрѣтилась и съ теткой Форовой, которая, однако, была съ нею притворно холодна и приняла ея ласки очень сухо.

Бодростина была всегда и вездѣ легкой гостьей, никогда не заставлявшею хозяевъ заботиться о ней, чтобъ ей было не скучно. У нея всегда и вездѣ находились собесѣдники, она могла говорить съ кѣмъ угодно: съ честнымъ человѣкомъ и съ негодяемъ, съ монахомъ и комедіянтомъ, съ дуракомъ и съ умнымъ. Опытъ и практическія наблюденія

убѣдили Глафиру Васильевну, что на свѣтѣ все можетъ пригодиться, что нѣтъ лишняго звена, которое бы умный человѣкъ не могъ положить не туда, такъ сюда, въ свое зданіе. Послѣдняя мысль о спиритизмѣ, который она рѣшилась эксплоатировать для возстановленія своей репутаціи, еще болѣе утвердила ее въ томъ, что все стоитъ вниманія и все пригодно.

Очутясь у Синтяниной, которую Бодростина ненавидѣла тою ненавистью, какою безсердечныя женщины ненавидятъ женщинъ строгихъ правилъ и открытыхъ, честныхъ убѣжденій, Глафира разсыпалась предъ нею въ шутливыхъ комплиментахъ. Она называла Александру Ивановну «русской матроной» и сожалѣла, что у нея нѣтъ дѣтей, потому что она вѣрно бы сдѣлалась матерью русскихъ Гракховъ.

По поводу отсутствія дѣтей, она немножко вольно пошутила, но замѣтивъ, что у генеральши дрогнула бровь, сейчасъ же обратила рѣчь къ Ларисѣ и воскликнула:

— Да когда же это ты, Лара, выйдешь наконецъ замужъ, чтобы при тебѣ можно было о чемъ-нибудь говорить?

Висленевъ, по обыкновенію, расхаживалъ важною журавлиною походкой и, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ карманы, остальными медленно и отчетисто ударялъ себя по панталонамъ. Говорилъ онъ сегодня, противъ своего обыкновенія, очень мало, и все какъ будто хотѣлъ сказать что-то необыкновенное, но только не рѣшался.

Зато Гордановъ смотрѣлъ на всѣхъ до наглости смѣло и видимо порывался къ дерзостямъ. Порывы эти проявлялись въ немъ такъ беззастѣнчиво, что Синтянина на него только глядѣла и подумывала: «каково заручился!» Отъ времени до времени онъ поглядывалъ на Ларису, какъ бы желая сказать: смотри, какъ я раздраженъ, и это все чрезъ тебя; я не дорожу никѣмъ и сорву свой гнѣвъ на комъ представится.

Лариса имѣла видъ невыгодный для ея красоты: она вы-

глядывала потерянною и больше молчала. Не такова она была только съ одною Форовой. Лариса слѣдила за теткой, и когда Катерина Астафьевна ушла въ комнаты, чтобы наливать чай, бѣдная дѣвушка тихо, съ опущенною головкой, послѣдовала за нею и, догнавъ ее въ темныхъ сѣняхъ, обняла и поцѣловала.

Катерина Астафьевна притворилась, что она сердита и будто даже не замѣтила этой ласки племянницы.

Лариса сѣла противъ нея за столъ и заговорила о незначительныхъ постороннихъ предметахъ. Форова не отвѣчала.

— Вы, тетя, сегодня здѣсь ночуете?—наконецъ спросила Лариса.

— Не знаю-съ, какъ мнѣ Богъ по сердцу положитъ.

— Поѣдемте лучше домой.

— Куда это? Тебѣ одна дорога, а мнѣ другая. Вамъ въ Тверь, а намъ въ дверь.

Лариса встала и, зайдя сзади тетки, поцѣловала ее въ голову. Она хотѣла приласкаться, но не умѣла,—все это у нея выходило какъ-то неестественно. Форова это почувствовала и сказала:

— Сядь ужъ лучше, пожалуйста, милая, на мѣсто, не строй подлизѐ.

У Ларисы больше въ запасѣ ничего не нашлось, она въ самомъ дѣлѣ сѣла и отвѣчала только:

— Я думала, что вы, тетя, добрѣе.

— Какъ не добрѣе! ты вѣрно думала, что если меня по шеѣ будутъ гнать, такъ я буду шею только потолще обертывать. Не сподобилась я еще такого смиренія.

— Простите меня, тетечка, если я васъ обидѣла. Я была очень разстроена.

— Что-й-то, говорятъ, ты скоро замужъ идешь?

— За кого это?

— За кого же, какъ не за Гордашку? Нѣтъ, а Подозеровъ, ей-Богу, молодецъ!

Форова захохотала.

— Ты, вѣрно, думала, что ему уже живого разстанья съ тобою не будетъ, а онъ раскланялся и былъ таковъ: носъ наклеилъ. Вотъ, на же тебѣ!.. Люблю такихъ мужчинъ до-смерти и хвалю.

— И даже хвалите?

— А, разумѣется, хвалю! Да что на насъ, дуръ, смотрѣть, какъ мы ломаемся? Этого добра вездѣ много, а женишки нынче въ сапожкахъ ходятъ, а особенно хорошіе.

Лариса встала и вышла.

— Кусаетъ, барышня, кусаетъ!—промолвила про себя Форова и еще долго продолжала сидѣть одна за чайнымъ столомъ въ маленькой передней и посылать гостямъ стаканы въ осинникъ. Размышленіямъ ея никто не мѣшалъ, кромѣ дѣвочки, приходившей перемѣнять стаканы

Но вотъ по крыльцу послышался шорохъ юбокъ и въ комнату скорыми шагами вошла Александра Ивановна.

— Что сдѣлалось съ Гордановымъ?—сказала она, быстро подходя къ Форовой.—Представь ты, что онъ, что ни слово, то старается всѣмъ сказать какую-нибудь дерзость!

— И тебѣ что-нибудь сказалъ?

— Да, разные намеки. И Бодростиной, и Висленеву. А бѣдняжка Лара совсѣмъ при немъ смущена.

— Есть грѣхъ.

— А Подозеровъ съ Гордановымъ даже и не говорятъ; между ними что-то было.

Въ это время голоса гостей послышались подъ самыми окнами на дворѣ.

— Огня! Жизни! Господа, въ комъ есть огонь: я горѣть хочу!—говорила, стоя на одномъ мѣстѣ, Бодростина.

Ни Лариса, ни Подозеровъ, ни Гордановъ и Висленевъ не трогались, но въ эту минуту вдругъ сильнымъ порывомъ распахнулась калитка и на дворъ влетѣли отецъ Евангелъ и майоръ Форовъ, съ огромной палкой въ рукѣ и вѣчною толстою папироскою во рту.

Оба эти новыя лица были отчего-то въ большихъ попыхахъ и неслись какъ буревѣстники передъ грозой.

Встрѣтивъ стоящее на дворѣ общество, они, повидимому, смѣшались, но, однако, Форовъ тотчасъ же поправился и, взявъ за руку Бодростину, сказалъ:

— Цѣлую вашу лапку!—и дѣйствительно поцѣловалъ ее.

— Мерсі, Филетеръ Ивановичъ, за вниманіе, я нуждаюсь въ немъ, я хочу горѣть и никто не спѣшитъ угасить мой пламень... Вы умѣете бѣгать?

— Какъ скороходъ.

— Заяцъ быстрѣе бѣгаетъ, чѣмъ скороходъ,—отозвался Гордановъ.

Майоръ не обратилъ на эти слова никакого вниманія.

— Кто же со мной?—вызывалъ онъ.

— Я,—отвѣчала, сходя съ крыльца, генеральша и стала съ Форовымъ и побѣжала.

Бодростина поймала Александру Ивановну.

Форовъ былъ неуловимъ: онъ дѣйствительно бѣгалъ какъ заяцъ.

Висленевъ подалъ руку сестрѣ и сталъ во вторую пару.

Майоръ тотчасъ же поймалъ Ларису.

Шумъ, бѣготня этой игры и крики и смѣхъ, безъ которыхъ не обходятся горѣлки, придали всѣмъ неожиданное оживленіе и вызвали даже майоршу.

— Давайте и мы съ вами пожуируемъ,—пригласилъ ее тотчасъ отецъ Евангелъ и, подобравъ вокругъ себя подрясникъ, побѣжалъ третьею парой, но спутался со своею дамой и упалъ.

Это возбудило общій хохотъ.

— Одинъ Гордановъ не принимаетъ участія! Что это такое? Играйте сейчасъ, Гордановъ, я вамъ это приказываю,—пошутила Бодростина.

— Не слушаю я ничьихъ приказовъ.

— Послушайте хоть въ шутку.

— Ни въ шутку, ни въ серьезъ.

— Вышелъ изъ повиновенія! Ну, такъ серьезничайте же за наказаніе.

— Я не серьезничаю, а не хочу падать.

— Не велика бѣда.

— Да, кому падать за обычай, тому дѣйствительно не штука и еще одинъ лишній разъ упасть.

Бодростина сдѣлала видъ, что не слыхала этихъ словъ, побѣжала съ Форовымъ, но майоръ все слышалъ и немножко покосился.

— Послушайте-ка,—сказалъ онъ, улучивъ минуту, Синтяниной.—Замѣчаете вы, что Гордановъ завирается!

— Да, замѣчаю.

— И что же?

— Ничего.

— Гмъ!

— Онъ этимъ себѣ реноме здѣсь составилъ; но все-таки я думала, что онъ умнѣе и знаетъ, гдѣ что можно и гдѣ нельзя.

— Чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось.

— Ничего; онъ зазнался; а можетъ-быть и совсѣмъ не зналъ, что мои двери такимъ людямъ заперты.

Между тѣмъ Катерина Астафьевна распорядилась закуской. Столъ былъ накрытъ въ той комнатѣ, гдѣ въ началѣ этой части романа сидѣла на полу Форова. За этимъ покоемъ, въ отворенную дверь была видна другая очень маленькая комнатка, гдѣ надъ диваномъ, какъ разъ предъ дверью, висѣлъ задернутый густою драпировкой изъ кисеи портретъ первой жены генерала, Флоры. Эта каютка была спальня генеральши и Вѣры, и болѣе во всемъ этомъ жильѣ никакого помѣщенія не было.

Мужчины подошли къ закускѣ и выпили водки.

— Фора!—возгласилъ неожиданно Гордановъ, наливая себѣ во второй разъ полрюмки вина.

— Чего-съ?—оборотился къ нему Форовъ.

— Ничего: я говорю «фора», даю знакъ пить снова и снова.

— Ахъ, это!..

— Ну-съ; я васъ поздравляю: ему быть отъ меня битому,— шепнулъ, наклонясь къ Синтяниной, майоръ.

— Надѣюсь, только не здѣсь?

— Нѣтъ, нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ!

Висленевъ разсказывалъ сестрѣ Форовой и Глафирѣ о странномъ снѣ, который ему привидѣлся прошлою ночью.

— Не вѣрь, батюшка, снамъ, всѣ они врутъ,—отвѣтила ему майорша.

— Есть пустые сны, а есть сны вѣщіе,—возразилъ ей Висленевъ. — Мнѣ нравится на этотъ счетъ теорія спиритовъ. Вы ее знаете, Филетеръ Ивановичъ?

— Читали мы кой-что. Помнишь, отецъ Евангелъ, новый завѣтъ-то ихній... Эка белиберда какая!

— Оно, говорятъ, вѣдь по Евангелію писано.

— Да; въ здоровый бульонъ мистическихъ помой подлито.

— Тѣхъ же щей, да пожиже захотѣлось,—вставилъ свое слово Евангелъ.

— А я уважаю спиритовъ и увѣренъ, что они дадутъ намъ нѣчто обновляющее. Смотрите: узкое, старое или такъ-называемое церковное христіанство обветшало, и въ него—сознайтесь—искренно мало кто вѣритъ, а въ другой крайности, что же? Безплодный матеріализмъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ и должно быть что-нибудь новое, это и есть спиритизмъ. Смотрите, какъ онъ захватываетъ въ Америкѣ и повсюду, напримѣръ у насъ въ Петербургѣ: даже нѣкоторые государственные люди...

— Столы вертятъ, подсказалъ майоръ.—Что же и прекрасно.

— Нѣтъ; не одни столы вертятъ,—а въ самомъ дѣлѣ отвѣты отъ мертвыхъ получаютъ.

— Ничего-съ, стихійное мудрованіе, все это кончится вздоромъ,—отрѣзалъ Евангелъ.

— Ну подождите, какъ-то вы съ нимъ справитесь.

— Ничего-съ: христіанство и не такихъ враговъ видало.

— Ну, этакихъ не видало, это новая сила: это не грубый матеріализмъ, а это тонкая, тонкая сила.

— Во-первыхъ, это не сила,—отозвался Форовъ,—а во-вторыхъ, вы исторіи не знаете.

— Вотъ какъ! Кто вамъ сказалъ, что я ее не знаю?

— А, разумѣется, не знаете! Все это, государь мой, старье.

И Форовъ началъ перечислять Висленеву связи спиритизма съ мистическими и спиритуальными школами всѣхъ временъ.

— Да,—перебилъ Висленевъ,—но сказано вѣдь, что ново только то, что хорошо забыто.

— Анси ретурнементъ гуменъ-эстъ-фетъ,—отозвался отецъ Евангелъ, произнося варварскимъ, бурсацкимъ языкомъ французскія слова.—Да и сіе не ново, что все не ново.

Paix engendre prospérité,
De prospérité vient richesse,
De richesse orgueil et volupté,
D'orgueil—contentions sans cesse;
Contention—la guerre se presse...
La guerre engendre pauvreté,
La pauvreté l'humilité,
L'humilité revient la paix...
Ainsi retournement humain est fait!

Прочиталъ, ничто же сумняся и мня себя говорящимъ по-французски, Евангелъ.

Заинтересованные его французскимъ чтеніемъ, къ нему обернулись всѣ, и Бодростина воскликнула:

— Ахъ, какая у васъ завидная память!

— Нѣтъ-съ, и начитанность какая, добавьте!—заступился Форовъ.—Вы, Іосафъ Платонычъ, знаете ли, чьи это стихи онъ намъ привелъ? Это французскій поэтъ Климентъ Маро, котораго вы вотъ не знаете, а котораго между тѣмъ согнившія въ землѣ поколѣнія наизусть твердили.

— А за всѣмъ тѣмъ я все-таки спиритъ!—рѣшилъ Висленевъ.

Онъ ожидалъ, что его заявленіе просто произведетъ тревогу, но оно не произвело ничего. Только Форовъ одинъ отозвался, сказавъ:

— Я самъ, когда порядкомъ наспиртуюсь, такъ тоже дѣлаюсь спиритъ.

— Значитъ, это хроническое,—послышалось отъ Гордонова.

Форовъ всталъ изъ-за стола и, отойдя къ свѣчѣ, стоявшей на комодѣ, началъ перелистывать книжку журнала.

— Что это такое вы разсматриваете, майоръ?—спросилъ его Гордановъ, ставъ у него за спиной и чистя перышкомъ зубы. Но Форовъ, вмѣсто отвѣта, вдругъ нетерпѣливо махнулъ локтемъ и грубо крикнулъ:—Но-о!

Павелъ Николаевичъ, сдерживая улыбку, удивился.

— Чего это вы по-кучерски кричите?—сказалъ онъ,—я вѣдь не лошадь.

— Я не люблю, чтобъ у меня за ухомъ зубы чистили, я брезгливъ.

— И не буду, майоръ, не буду,—успокоилъ его Гордановъ, фамильярно касаясь его плеча; но эта новая шутка еще больше не понравилась Форову, и онъ закричалъ:

— Не троньте меня, я нервенъ.

— При этакой-то корпуленціи и нервенъ?

И Гордановъ еще разъ слегка коснулся боковъ Форова.

Майоръ совсѣмъ взбѣсился и у него затряслись губы.

— Говорю вамъ, не троньте меня: я щекотливъ!

— Господинъ Гордановъ, да не троньте же вы его!—проговорила, подходя къ мужу, Форова.

— Извините, я шутилъ,—отвѣчалъ Гордановъ,—и вовсе не думалъ разсердить майора. Вотъ, Висленевъ, ты теперь спиритъ, объясни же намъ по спиритизму, что это дѣлается со здоровымъ человѣкомъ, что онъ вдругъ становится то брезгливъ, то нервенъ, то щекотливъ и...

— Вонъ у него какая палка нынче съ собою!—поддержалъ пріятеля Висленевъ, взявъ поставленную майоромъ въ углу толстую бѣлую палку.

Но Форовъ, дѣйствительно, сталъ и нервенъ, и щекотливъ; онъ уже слышалъ то, чего другіе не слыхали, и обижался, когда его не хотѣли обидѣть.

— Не троньте моей палки!—закричалъ онъ, поблѣднѣвъ и весь заколотясь въ лихорадкѣ азарта, бросился къ Висленеву, вырвалъ палку изъ его рукъ и, ставя ее на прежнее мѣсто въ уголъ, добавилъ:—Моя палка чужихъ бьетъ!

— Господа, прекратите, пожалуйста, все это,—серьезно объявила, вставая, Александра Ивановна.

Гости почувствовали себя въ неловкомъ положеніи, и Гордановъ, Глафира и Висленевъ вскорѣ стали прощаться.

— Не будемъ сердиться другъ на друга,—сказала Бодростина, пожимая руки Синтяниной.

— Нисколько,—отвѣчала та.—До свиданія, Іосафъ Платоновичъ.

— А со мною вы не прощаетесь?—отнесся къ ней Гордановъ, котораго она старалась не замѣтить.

— Нѣтъ, съ вами-то именно я рѣшительнѣе всѣхъ прощаюсь.

— Позвольте вашу руку!

— Нѣтъ; не подаю вамъ и руки на прощанье,—отвѣчала Синтянина, принимая свою руку отъ руки Висленева и пряча ее себѣ за спину.

— Конечно, я знаю, мой пріятель во всемъ и всегда былъ счастливѣе меня... Я конкурировать съ Жозефомъ не посмѣю. Но, во всякомъ случаѣ, не желалъ бы... не желалъ бы по крайней мѣрѣ навлечь на себя небезопасный гнѣвъ вашего превосходительства.

Александра Ивановна слегка поблѣднѣла.

— Ваше превосходительство такъ хорошо себя поставили.

— Надѣюсь.

— Супругъ вашъ генералъ, имѣетъ такое вліяніе...

— Что даже его жена не защищена отъ наглостей въ своемъ домѣ?

— Нѣтъ; что предъ вами должно умолкнуть все, чтобы потомъ не каяться за слово.

— Вонъ!—воскликнула быстро Александра Ивановна и, вытянувъ впередъ руку, указала Горданову пальцемъ къ выходу.

Павелъ Николаевичъ не успѣлъ опомниться, какъ Форовъ отмахнулъ предъ нимъ настежъ дверь и, держа въ другой рукѣ свою палку, которая «чужихъ бьетъ», сказалъ:

— Имѣю честь!

Гордановъ оглянулся вокругъ и, видя попрежнему вытянутую руку Синтяниной, вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ пошли Бодростина и Висленевъ и покатили въ городъ Богъ вѣсть въ какомъ настроеніи духа.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Крестъ.

Отъ Александры Ивановны никто не ожидалъ того, что она сдѣлала. Выгнать человѣка вонъ изъ дома такимъ прямымъ и безцеремоннымъ образомъ, — это рѣшительно было не похоже на выдержанную и самообладающую Синтянину; но Гордановъ, давно ее злившій и раздражавшій, имѣлъ неосторожность или имѣлъ разсчетъ коснуться такого больного мѣста въ ея душѣ, что сердце генеральши сорвалось, и произошло то, что мы видѣли.

На-время не станемъ доискиваться: былъ ли это со стороны Горданова неосторожный промахъ, или точно и вѣрно разсчитанный планъ, и возвратимся къ обществу, оставшемуся въ домикѣ Синтяниной послѣ отъѣзда Бодростиной, Висленева и Горданова.

Наглость Павла Николаевича и все его поведеніе здѣсь вообще взволновали всѣхъ. Никто, по его милости, теперь не былъ похожъ на себя. Форовъ бѣгалъ какъ звѣрь взадъ и впередъ; Подозеровъ, отворотясь отъ окна, у котораго стоялъ во все время дебюта Горданова, былъ блѣденъ какъ полотно и сжималъ кулаки; Катерина Астафьевна дергала свои сѣдые волосы, а отецъ Евангелъ сидѣлъ, сложа руки между колѣнъ и глядя себѣ въ ладони, то сдвигалъ, то раздвигалъ ихъ, не допуская одной до другой. Лариса же стояла какъ статуя печали. Одна Александра Ивановна

была, повидимому, спокойнѣе всѣхъ, но и это было только повидимому: это было спокойствіе человѣка, удовлетворившаго неудержимому порыву сердца, но еще не вдумавшагося въ свой поступокъ и не давшаго себѣ въ немъ отчета. Человѣкъ въ первыя минуты послѣ вспышки чувствуетъ себя бодро и крѣпко, — крѣпче чѣмъ всегда, въ пору обыкновеннаго спокойнаго состоянія. Таково было теперь еще состояніе и Александры Ивановны. Она спокойно слушала восторги Форовой и глядѣла на благодарственные кресты, которыми себя осѣняла майорша. Одна Катерина Астафьевна была вполнѣ довольна всѣмъ тѣмъ, что случилось.

— Слава же тебѣ, Господи,—говорила она,—что на этого шишимору нашлась наконецъ гроза!

— Онъ уже слишкомъ зазнался!—замѣтила Александра Ивановна.—Ему давно надо было напомнить о его мѣстѣ.

И въ маленькомъ обществѣ начался весьма понятный при подобномъ случаѣ разговоръ, въ которомъ припоминались разныя выходки, безнаказанно сошедшія съ рукъ Горданову.

Александра Ивановна, слушая эти разсказы, все болѣе и болѣе укрѣплялась во мнѣніи, что она поступила такъ, какъ ей слѣдовало поступить, хотя и начинала уже сожалѣть, что нужно же было всему этому случиться у нея и съ нею.

— Я надѣюсь, господа,—сказала она, — что такъ какъ дѣло это случилось между своими, то сору за дверь некому будетъ выносить, потому что я отнюдь не хочу, чтобъ объ этомъ узналъ мой мужъ.

— А почему это? — вмѣшалась Форова. — А по-моему, такъ, напротивъ, надо разсказать это Ивану Демьянычу, пусть онъ, какъ генералъ, и своею властью его за это хорошенько бы прошколилъ.

— Я не хочу огорчать мужа: онъ вспыльчивъ и горячъ, а ему это вредно, и потомъ скандалъ — все-таки скандалъ.

— Ну, да! вотъ такъ мы всегда: все скандаловъ боимся, а мерзавцы, подобные Гордашкѣ, этимъ пользуются. А ты у меня, Сойга Петровна!—воскликнула майорша, вдругъ подскочивъ къ Ларисѣ и застучавъ пальцемъ по своей ладони, — ты себѣ смотри и на усъ намотай, что если ты еще гдѣ-нибудь съ этимъ Гордашкой увидишься или позволишь ему къ себѣ подойти и станешь отвѣчать ему... такъ я... я не знаю, что тебѣ при всѣхъ скажу.

Синтяниной нравился этотъ поворотъ въ отношеніяхъ Форовой къ Ларисѣ. Она хотя и не сомнѣвалась, что майорша недолго просердится на Лару и примирится съ нею по собственной инициативѣ, но все-таки ей было пріятно, что это уже случилось.

Форова теперь вертѣлась какъ юла, она вездѣ шарила свои пожитки, ласкала мужа, ласкала генеральшу и Вѣру, и нашла случай спросить Подозерова: говорилъ ли онъ о чемъ-нибудь съ Ларой или нѣтъ?

— Лариса Платоновна со мной не разговаривала,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Да; значитъ, ты не говорилъ. Ну и прекрасно, такъ и показывай, что она тебѣ все равно, что ничего, да и только. Саша!—обратилась она къ Синтяниной,— вели намъ запрячь твою карафашку! Или ужъ намъ ее запрягли?

— Да; лошадь готова.

— Ну, Лара, ѣдемъ! А ты, Форовъ, хочешь съ нами на передочкѣ? Мы тебя подвеземъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не поѣду,—отвѣчалъ майоръ.

— Завтра пѣшкомъ идти все равно далеко... Садись съ нами! Садись, поѣдемъ вмѣстѣ, а то мнѣ тебя жаль.

Но Форовъ опять отказался, сказавъ, что у него еще есть дѣло къ отцу Евангелу.

— Ну, такъ я съ Ларой ѣду. Прощай.

И майорша, простясь съ мужемъ и съ пріятелями, вышла подъ руку съ Синтяниной, съ Ларисой въ карафашку и взяла возжи.

Вскорѣ по отъѣздѣ Ларисы и Форовой вышли и другіе

гости, но передъ тѣмъ майоръ и Евангелъ предъявили Подозерову принесенныя имъ изъ города газеты съ литературой Кишенскаго и Ванскокъ. Подозеровъ поблѣднѣлъ, хотя и не былъ этимъ особенно тронутъ, и ушелъ спокойно, но на дворѣ вспомнилъ, что онъ будто забылъ свою папиросницу и вернулся назадъ.

— Александра Ивановна!—позвалъ онъ.—Не осудите меня... я вернулся къ вамъ съ хитростью.

— Я васъ не осуждаю.

— Нѣтъ; серьезно: у меня есть странная, но очень важная для меня просьба къ вамъ.

— Что такое, Андрей Ивановичъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что въ силахъ.

— Да; вы это въ силахъ: не откажите, благословите меня этой рукой.

— Господи помилуй и благослови младенца Твоего Андрея,—произнесла, улыбаясь, Синтянина.

— Нѣтъ; вы серьезно, съ вашей глубокой вѣрой и отъ души вашей меня перекрестите.

— Но что съ вами, Андрей Иванычъ? Вы же сейчасъ только принимали все такъ холодно и были спокойны.

— Я и теперь спокоенъ какъ могила, но нѣтъ мира въ моей душѣ... Дайте мнѣ этого мира... положите на меня крестъ вашею рукой... Это... я увѣренъ, принесетъ мнѣ... очень нужную мнѣ силу.

Александра Ивановна минуту постояла, какъ бы призывая въ глубину души своей спокойствіе, и затѣмъ перекрестила Подозерова, говоря:

— Миръ мой даю вамъ и молю Бога спасти васъ отъ всякаго зла.

Подозеровъ поцѣловалъ ея руку и, выйдя, скоро догналъ за воротами Форова и Евангела, который, при приближеніи Подозерова, тихо говорилъ что-то майору. При его приближеніи они замолчали.

Подозеровъ догадался, что у нихъ рѣчь шла о немъ, но не сказалъ ни слова.

У перекрестка дорогъ, гдѣ священнику надо было идти направо, а Подозерову съ Форовымъ налѣво, они остановились и Евангелъ сладостно заговорилъ:

— Андрей Иванычъ, зайдемте лучше переночевать ко мнѣ.

— Нѣтъ, я не могу,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Видите ли что... мы тамъ поговоримте съ моей папинькой! (отецъ Евангелъ и его попадья звали другъ друга «папиньками») она даромъ что попадья, а иногда удивительные взгляды имѣетъ.

— Да, да, матушка умная женщина, поклонитесь ей; но я не могу, не могу, я спѣшу въ городъ.

Подозерову хотѣлось, чтобы никто, ни одна женщина съ нимъ болѣе не говорила и не касалась бы его ни одна женская рука.

Онъ несъ на себѣ благословеніе и хотѣлъ, чтобъ оно почивало на немъ ничѣмъ не возмущаемое.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Лариса не узнаетъ себя.

Висленевъ ѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ Бодростиной, Гордановъ же держалъ путь одинъ; онъ въ городѣ отсталъ отъ нихъ и, пріѣхавъ прямо въ свою гостиницу, отослалъ съ лакеемъ лошадь, а самъ остался дома.

Около полуночи онъ всталъ, взялъ, по обыкновенію, маленькій револьверъ въ карманъ и вышелъ.

Когда Лариса и Форова пріѣхали домой, Іосафъ Висленевъ еще не возвращался. Катерина Астафьевна и Лара не намѣрены были его ждать. Форова обошла со свѣчей весь домъ, попробовала свою цитру и, раздѣвшись, легла въ постель.

Лариса тоже была уже раздѣта.

Комнаты, въ которыхъ онѣ спали, были смежны.

Но Ларисѣ не спалось, она вышла въ залу, походила взадъ и впередъ и, взявъ съ фортепіанъ цитру, принесла ее къ теткѣ.

— Прошу васъ, сыграйте мнѣ что-нибудь, тетя.

— Вздумала же: ночью я буду ей играть!

— Да, именно, именно теперь, тетя, ночью.

Форова поднялась на локоть и торопливо заглянула въ глаза племянницы острымъ и безпокойнымъ взглядомъ.

— Что вы, тетя? Я ничего, но... мнѣ нестерпимо... я хочу звуковъ.

— Открой же рояль и сыграй себѣ сама.

— Нѣтъ, не рояль, а это вотъ, это,—отвѣчала Лара, морща лобъ и подавая теткѣ цитру.

Катерина Астафьевна взяла инструментъ, и нѣжные щиплющіе звуки тонкихъ металлическихъ струнъ запѣли: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ».

Лариса стала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и часто взглядывала на изображеніе распинаемаго на Голгоѳѣ Христа.

Цитра кончила, но чрезъ минуту крошечный инструментъ снова защипалъ сердце, и ему неожиданно началъ вторить дребезжащій, но еще довольно сильный голосъ майорши.

«Помощникъ и покровитель, бысть мнѣ во спасеніе», пѣла со своею цитрой Катерина Астафьевна.

Лара вздохнула и, оборотясь къ образу, тихо стала на колѣни и заплакала, и молилась, молилась словами тетки, и вдругъ потеряла ихъ. Это ее удивило и разсердило. Она дѣлала всѣ усилія поймать оборванную мысль, но за стѣной ея спальни, въ залѣ, неожиданно грянулъ бальный оркестръ.

Лариса вскочила и взялась за лобъ... Ничего не было, никакого оркестра: ясно, что это ей только показалось.

Лариса посмотрѣла на часы, было уже часъ за полночь. Она взошла въ комнату тетки и позвала ее по имени, но Катерина Астафьевна крѣпко спала.

Лара поняла, что столбнякъ ея длился довольно долго, прежде чѣмъ ее пробудили отъ него звуки не существующаго оркестра, и удивилась, какъ она не замѣтила времени. Она торопливо заперла дверь въ залу на ключъ, по-

молилась наскоро предъ образомъ, раздѣлась, поставила свѣчу на предпостельномъ столикѣ и сѣла въ одной сорочкѣ и кофтѣ на диванѣ, который служилъ ей кроватью, и снова задумалась.

Такъ прошелъ еще часъ. Висленевъ все не возвращался еще; а Лариса все сидѣла въ томъ же положеніи, съ опущенною на грудь головой, съ одною рукой, упавшею на кровать, а другою окаменѣвшею съ перстомъ на устахъ. Черные волосы ея разбѣгались тучей по бѣлымъ плечамъ, нескромно открытымъ воротомъ сорочки; одна нога ея еще оставалась въ нескинутой туфлѣ, межъ тѣмъ какъ другая, босая и какъ мраморъ бѣлая, опиралась на голову разостланной у дивана тигровой шкуры.

«Господи! думала она, мысленно проведя предъ собой всю свою недолгую прошлую жизнь. — Какой путь лежитъ предо мною и чѣмъ мнѣ жить? Въ какомъ капризѣ судьбы и для чего я родилась на этотъ свѣтъ, и для чего я, прежде чѣмъ начала жить, растеряла всѣ силы мои? Зачѣмъ предо мною такъ безпощадно одни осуждали другихъ и сами становились всѣ другъ друга хуже? Гдѣ же идеалъ?.. Я безъ него... Я вся дитя сомнѣній: я ни съ кѣмъ не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внучекъ. Мнѣ противны онѣ и противны тѣ, кто за нихъ стоитъ, и тѣ, кто ихъ осуждаетъ. Это все люди съ концомъ въ самомъ началѣ своей жизни... А гдѣ же живая душа съ вѣчнымъ движеніемъ впередъ? Не дядя ли Форовъ, замерзшій на отжившей старинѣ; не смиренный ли Евангелъ; не братъ ли мой, мой жалкій Іосафъ, или не Подозеровъ ли, — Испанскій Дворянинъ, съ одною вѣчною и неизмѣнною честностью? Что я буду дѣлать съ нимъ? Я не могу же быть... испанскою дворянкой! Я хочу... ничего не хотѣть, и... Этотъ человѣкъ... Гордановъ... въ немъ мой покой! Я его ненавижу и... я люблю его... Я люблю этотъ трепетъ и страхъ, которые при немъ чувствую! Боже, какое это наказаніе! Меня къ нему влечетъ невѣдомая сила, и между тѣмъ... онъ дерзокъ, наглъ, надмененъ... даже, можетъ-быть,

не честенъ, но... онъ любитъ меня... Онъ любитъ меня, а любовь творитъ чудеса, и это чудо надъ нимъ совершу я!..»

Лариса покраснѣла и вздрогнула.

Можетъ-быть, что ее испугала свѣча, которая горѣла тихо и вдругъ вспыхнула: на нее метнулась ночная бабочка и, опаливъ крылышки, прилипла къ стеарину и затрепетала. Лариса осторожно сняла насѣкомое со свѣчи и въ особенномъ соболѣзнованіи вытерла его крылышки и хотѣла уже встать, чтобы выпустить бабочку въ садъ, какъ взглянула въ окно и совсѣмъ потерялась.

Въ узкой полосѣ стекла между недошедшею на вершокъ до подоконника шторой на нее смотрѣли два черные глаза: она въ ту же минуту узнала эти глаза: то были глаза Горданова.

Первымъ впечатлѣніемъ испуганной и сконфуженной Лары было чувство ужаса, затѣмъ весьма понятный стыдъ, потому что она была совсѣмъ раздѣта. Затѣмъ первое ея желаніе было закричать, броситься къ теткѣ и разбудить ее, но это желаніе осталось однимъ желаніемъ: открытыя уста Лары только задули свѣчу и не издали ни малѣйшаго звука.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи худшаго.

Оставшись впотьмахъ и обезпеченная лишь тѣмъ, что ея теперь не видно, Лара вскочила и безотчетно взялась за положенный на креслѣ пеньюаръ.

А между тѣмъ, когда въ комнатѣ стало темнѣе, чѣмъ въ саду, гдѣ былъ Гордановъ, Ларисѣ сталъ виденъ весь движущійся контуръ его головы.

Гордановъ двигался взадъ и впередъ вдоль подзора шторы: имъ, очевидно, все болѣе овладѣвало нетерпѣніе и наглость его бушевала безсиліемъ...

Ларисѣ еще представлялась полная возможность тихо разбудить тетку, но она этого не сдѣлала. Мысль эта отошла на второй планъ, а на первомъ явилась другая. Лара

спѣшною рукой накинула на себя пеньюаръ и, заидя стороной къ косяку окна, за которымъ метался Гордановъ, тихо ослабила шнурокъ, удерживавшій занавѣску.

Штора сползла и подзоръ закрылся; но это Горданову только придало новую смѣлость, и онъ сначала тихо, а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй началъ потрогивать раму.

Дѣвушка не могла себѣ представить, до чего это можетъ дойти и, отступя внутрь комнаты, остановилась. Гордановъ не ослабѣвалъ, страсть и дерзость его разгарались: въ комнатѣ послышался даже гулъ его говора.

Лара опять метнулась къ двери, которая вела въ столовую, гдѣ спала тетка, и... съ незнакомымъ до сихъ поръ чувствомъ страстнаго замиранія сердца притворила эту дверь.

Ей пришло на мысль, что если она разбудитъ тетку, то та затѣетъ цѣлую исторію и непремѣнно станетъ обвинять ее въ томъ, что она сама подала поводъ къ этой наглости. Но Катерина Астафьевна спала крѣпкимъ сномъ, и хотя Лариса было перепугалась, когда дверь немножко пискнула на своихъ петляхъ, однако испугъ этотъ былъ совершенно напрасенъ. Лара приложила черезъ минуту ухо къ дверному створу и убѣдилась, что тетка спитъ, — въ этомъ убѣждало ее сонное дыханіе Форовой. А Гордановъ не отставалъ въ этомъ и продолжалъ свои настойчивыя хлопоты вокругъ рамы.

— Этой дерзости нельзя же оставить такъ, да и, наконецъ, это дойдетъ Богъ знаетъ до чего: Катерина Астафьевна можетъ проснуться и... еще хуже: внизу, въ кухнѣ, можетъ все это услышать прислуга...

Она ощутила въ себѣ рѣшимость и силу самой отстоять свою неприкосновенность и подошла къ окну, — минута, и край шторы зашевелился.

Гордановъ опять качнулъ раму.

Лариса положила трепещущую руку на крючокъ, и едва лишь его коснулась, какъ эта рама распахнулась, и рука Лары словно въ тискахъ замерла въ рукѣ Горданова.

— Ты открыла, Лариса! я такъ этого и ждалъ: тебѣ должна быть чужда пустая жеманность,—заговорилъ Павелъ Николаевичъ, страстно цѣлуя руку Лары.

— Я вовсе не для того...—начала было Лара, но Гордановъ ее перебилъ.

— Это все равно, я не могъ не видѣть тебя!.. прости меня!..

— Уйдите.

— Я обезумѣлъ отъ любви къ тебѣ, Лара! Твоя краса мутитъ мой разумъ!

— Уйдите, молю васъ, уйдите.

— Ты должна знать все... я иду умирать за тебя!

— За меня?!

— И я хотѣлъ тебя видѣть... я не могъ отказать себѣ въ этомъ... Дай же, дай мнѣ и другую твою ручку!—шепталъ онъ, хватая другую руку Лары и цѣлуя ихъ обѣ вмѣстѣ. — Нѣтъ; ты такъ прекрасна, ты такъ несказанно хороша, что я буду радъ умереть за тебя! Не рвись же, не вырывайся... Дай наглядѣться... теперь... вся въ бѣломъ, ты еще чудеснѣй... и... кляни и презирай меня, но я не въ силахъ овладѣть собой: я рабъ твой, я... раненъ на-смерть... мнѣ все равно теперь!

Ларисѣ показалось, что на глазахъ его показались слезы: это ее подкупило.

— Пустите меня! насъ непремѣнно увидятъ...—чуть слышно прошептала Лара, въ страхѣ оборачивая лицо къ двери теткиной комнаты. Но лишь только она сдѣлала это движеніе, какъ, обхваченная рукой Горданова, уже очутилась на подоконникѣ и голова ея лежала на плечѣ Павла Николаевича. Гордановъ обнималъ ее и жарко цѣловалъ ея трепещущія губы, ея шею, плечи и глаза, на которыхъ дрожали и замирали слезы.

Лариса почти не оборонялась: это ей было и не подъ силу; дѣлая усилія вырваться, она только плотнѣе падала въ объятія Горданова. Даже уста ея, теперь такъ рѣшительно желавшія издать какой-нибудь звукъ, лишь шеве

лились, невольно отвѣчая въ этомъ движеніи поцѣлуямъ замыкавшихъ ихъ устъ Павла Николаевича. Лара склонялась все болѣе и болѣе на его сторону, смутно ощущая, что окно подъ ней уплываетъ къ ея ногамъ: еще одно мгновеніе, и она въ саду. Но въ эту минуту залаяла собака и по двору послышались шаги.

Гордановъ посадилъ Лару на подоконникъ и, тихо прикрывъ раму, пошелъ чрезъ садовую калитку на дворъ и поймалъ здѣсь на крыльцѣ Висленева.

— Чего ты здѣсь, Павелъ Николаевичъ?—освѣдомился у него Іосафъ.

— Вотъ вопросъ! Какъ чего я здѣсь? Что же ты, любезный, вѣрно забылъ, что такое мы завтра дѣлаемъ?—отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, очень помню: мы завтра стрѣляемся.

— А если помнишь, такъ надо видѣть, что уже разсвѣтаетъ, а въ пять часовъ надо быть на мѣстѣ, котораго я, вдобавокъ, еще и не знаю.

— Я буду, Поль, буду, буду.

— Ну, извини, я тебѣ не вѣрю, а пойдемъ ночевать ко мнѣ. Теперь два часа и ложиться уже некогда, а напьемся чаю и тогда какъ разъ будетъ время ѣхать.

— Да; вотъ еще дѣло-то: на чемъ ѣхать?

— Вотъ то-то оно и есть! А еще говоришь: «буду, буду, буду», и самъ не знаешь на чемъ ѣхать! Переодѣнься, если хочешь, и идемъ ко мнѣ,—я уже припасъ извозчика.

Висленевъ пошелъ переодѣться; онъ приглашалъ взойти съ собою и Горданова, но тотъ отказался и сказалъ, что онъ лучше походитъ и подождетъ въ саду.

Лишь скрылся Висленевъ, Гордановъ подбѣжалъ къ Ларисиному окну и чуть только попробовалъ дверцу, какъ она сама тихо растворилась. Окно было не заперто, и Лара стояла у него въ прежнемъ положеніи.

Гордановъ ступилъ ногой на фундаментъ и страстно прошепталъ:

— Поцѣлуй меня еще разъ, Лара.

Лариса молчала.

— Сама! Лара! я прошу, поцѣлуй меня сама! Ты мнѣ отказываешь?

Лара колебалась.

— Лара, исполни этотъ мой капризъ, и я исполню все, чего ты захочешь... Ты медлишь?.. Ты не хочешь?

На дворѣ послышался голосъ Висленева, призывавшій Павла Николаевича.

— Идите... братъ мой,—прошептала Лара.

— Кто этотъ братъ? онъ во...

— О, Боже, не договаривайте... Онъ идетъ.

— Ну, знай же: если такъ,—я не уйду безъ твоего поцѣлуя!

Лара въ страхѣ подвинулась къ нему и, робко прильнувъ къ его губамъ устами, кинулась назадъ въ комнату.

Гордановъ сорвалъ этотъ штосъ и исчезъ.

Когда кончилась процедура поцѣлуевъ, Лариса, какъ разбитая, обернулась назадъ и попятилась: предъ нею, въ дверяхъ, стояла совсѣмъ одѣтая Форова.

— Послушай!—говорила охриплымъ и упалымъ голосомъ майорша.—Послушай! запри за мной двери, или вели запереть.

— Куда это вы?—прошептала Лара.

— Домой.

— Зачѣмъ... зачѣмъ... вы всѣ...

— Не знаю какъ всѣмъ, а мнѣ здѣсь не мѣсто.

И Форова повернулась и пошла. Лара ее догнала въ залѣ и, схвативъ тетку за руку, сама потупилась.

— Пусти меня!—проговорила Форова.

— Одну минутку еще!..

— Ни одной, ни одной секунды здѣсь быть не хочу, послѣ того, что я видѣла своими глазами.

Лара зарыдала.

— Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же вы... его при мнѣ бранили, обижали? Боже! Боже!

— Вотъ такъ и есть! Мы же виноваты?

Но Лариса въ отвѣтъ на это только зарыдала истерическимъ рыданьемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи смерти.

Форовъ провелъ эту ночь у Подозерова; майоръ какъ пришелъ, такъ и завалился и спалъ, храпя, до самаго утра, а Подозеровъ былъ не во снѣ и не въ бдѣніи. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ: за что, почему и какъ онъ идетъ на дуэль?

— Они обидѣли меня клеветой, но это бы я снесъ; но обиды бѣдной Ларѣ, но обиды этой другой святой женщинѣ я снесть не могу! Я, впрочемъ... съ большимъ удовольствіемъ умру, потому что стыдно сознаться, а я разочарованъ въ жизни; не вижу въ ней смысла и... однимъ словомъ, мнѣ все равно!

И вдругъ послѣ этого Подозеровъ погрузился въ сосредоточенную думу о томъ: какъ шла замужъ Синтянина? и когда его въ три часа толкнулъ Форовъ, онъ не зналъ: спалъ онъ или не спалъ, и только почувствовалъ на лбу холодныя капли пота.

Форовъ пилъ чай и самъ приготовлялъ и подавалъ чай хозяину.

— Теперь подите-ка вотъ сюда!—позвалъ его майоръ въ спальню.—Завѣщаніе у васъ про всякій случай готово? Я говорю, про всякій случай.

— Зачѣмъ? имущества у меня нѣтъ никакого,—а что есть, раздавайте бѣднымъ.—Подозеровъ улыбнулся и добавилъ:—Это тоже про всякій случай!

— Да, такъ, но все-таки... это дѣлаютъ: причину, можетъ-быть, пожелаете объяснить... изъ-за чего?.. Волю, желаніе свое кому-нибудь сообщить?..

— Изъ-за чего? А кому до этого дѣло? Если васъ спросятъ, изъ-за чего это было, то скажите, пожалуйста, что это ни до кого не касается.

— Что же, и такъ bene! И еще вотъ что,—продолжалъ онъ очень серьезно и съ разстановкой,—вы знаете... я принадлежу къ такъ глаголевымъ нигилистамъ,—не къ мошенникамъ, которые на эту кличку откликаются, а къ настоящимъ... старовѣрческимъ нигилистамъ древляго благочестія...

— Хорошо-съ,—отвѣчалъ, снова улыбнувшись, Подозеровъ.

— То-то, еще хорошо ли это, я... этого, по правдѣ вамъ сказать, и самъ достовѣрно не знаю. Я, какъ настоящій нигилистъ, самъ свои убѣжденія тоже, знаете... не высоко ставлю. Чортъ ихъ знаетъ: кажется что-нибудь такъ, а... вѣдь все оно, можетъ-быть, и иначе... Я, разумѣется, въ жизнь за гробомъ не вѣрю и въ Бога не вѣрю... но...

— Вы вѣрно хотите, чтобъ я помолился Богу?—перебилъ Подозеровъ.

— Да; я этого особенно не хочу, а только напоминаю,—отвѣчалъ, крѣпко сжавъ его руку, майоръ.—Вы не смѣйтесь надъ этимъ, потому что... кто знаетъ, чего нельзя узнать.

— Да я и не смѣюсь: я очень радъ бы помолиться, но я тоже...

— Да; понимаю: вы деистъ, но не умѣете молиться... считаете это лишнимъ. Пожалуй!

— Но я по вашему совѣту пробѣгу одну-двѣ главы изъ Евангелія.

— И прекрасно, мой совѣтъ хоть это сдѣлать, потому что... я себѣ вѣренъ, я не считаю этого нужнымъ, но я это беру съ утилитарной точки зрѣнія: если тамъ ничего нѣтъ, такъ это ничему и не помѣшаетъ... Кажется, не помѣшаетъ?

— Разумѣется.

— А какъ если есть!.. Вѣдь это, какъ хотите, ошибиться не шутка. Подите-ка уединитесь.

И майоръ, направляя Подозерова въ его комнату, затворилъ за нимъ двери.

Когда они опять сошлись, Форовъ счелъ нужнымъ дать Подозерову нѣсколько наставленій, какъ стоять на поединкѣ, какъ стрѣлять и какъ держаться.

Подозеровъ все это слушалъ совершенно равнодушно.

Въ четыре часа они спохватились, на чемъ имъ ѣхать. Съ вечера эта статья была позабыта, теперь же ее нельзя было исправить.

Рискуя опоздать, они рѣшились немедленно отправиться пѣшкомъ и шли очень скоро. Утро стояло погожее, но непріятное: вѣтреное и красное.

Дорогой съ ними не случилось ничего особеннаго, только и майоръ, и Подозеровъ оба немножко устали.

Но вотъ завидѣлся и желтый, песчаный холмъ посреди молодого сосенника: это Корольковъ верхъ, это одно роковое условное мѣсто.

Форовъ оглянулся вокругъ и, снявъ фуражку, обтеръ платкомъ лобъ.

— Ихъ нѣтъ еще, значитъ?—спросилъ Подозеровъ.

— Да; ихъ, значитъ, нѣтъ. Вы сядьте и поотдохните немножко.

— Нѣтъ, я ничего... я совсѣмъ не усталъ.

— Не говорите! переходы въ этихъ случаяхъ ужасно не хороши: отъ ходьбы ноги слабѣютъ и руки трясутся и въ глазу нѣтъ вѣрности. И еще я вамъ вотъ что хотѣлъ сказать... это, разумѣется, можетъ-быть, и не нужно, да я даже и увѣренъ, что это не нужно, но про всякій случай...

— Пожалуйста: что такое?

— Когда вы молились...

— Ну-съ?

— Указали ли вы надлежащимъ образомъ, что вѣдь то... зачѣмъ вы пришли сюда, неправосудно будетъ разсматривать наравнѣ съ убійствомъ? Вѣдь вотъ и пророки и мученики... за идею... умирали и...

— Да зачѣмъ же это указывать? Поставить на видъ что ли?—И Подозеровъ даже искренно разсмѣялся.

Форовъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Да вѣдь я не знаю, какъ это надо молиться, или... мириться съ тѣмъ, чего не знаю.

— Нѣтъ: вы это знаете лучше многихъ!—проговорилъ Подозеровъ, дружески сжавъ руку майора.—Я не могу представить себѣ человѣка, который бы лучше васъ умѣлъ доказать, что хорошая натура всегда остается хорошею, во всякой средѣ и при всякомъ ученіи.

— Ну, извините меня, а я очень могу себѣ представить такого человѣка, который можетъ все это гораздо лучше меня доказать.

— Кто же это?

— Дѣвица Ванскокъ въ Петербургѣ. А вотъ кто-то и ѣдетъ.

За лѣскомъ тихо зарокотали колеса: это подъѣхали Висленевъ и Гордановъ.

Обѣ пары пошли, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, къ одной и той же песчаной полянѣ за кустами.

Форовъ пригласилъ Висленева въ сторону и они начали заряжать пистолеты, то-есть, лучше сказать, заряжалъ ихъ Форовъ, а Висленевъ ему прислуживалъ. Онъ не умѣлъ обращаться съ оружіемъ и при томъ праздновалъ трусу.

Подозеровъ глядѣлъ на песокъ и думалъ, что кровь здѣсь будетъ очень быстро впитывать. Гордановъ держалъ себя соколомъ.

Форовъ съ важностью должностного лица началъ отсчитывать шаги, и затѣмъ Подозеровъ и Гордановъ были поставлены имъ на урочномъ разстояніи лицомъ другъ къ другу.

Дерзкій взглядъ и нахальная осанка не покидали Горданова.

«Это чортъ знаетъ что!—думалъ Форовъ.—Знаю, увѣренъ и не сомнѣваюсь, что онъ естественный и презрѣннѣйшій трусъ, но что можетъ значить это его спокойствіе? Нѣтъ ли на немъ латъ? Да не на всемъ же на немъ латы! Или... не извѣстили ли они, бездѣльники, сами полицію и не по-

ведуть ли насъ всѣхъ отсюда на съѣзжую? Чего добраго: отъ этой дряни всего можно ожидать».

Но Форовъ не все предугадывалъ и ожидалъ совсѣмъ не того, на что разсчитывалъ, держа высоко свою голову, Гордановъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Секретъ.

Александра Ивановна, выпроводивъ гостей, видѣла, какъ работникъ заперъ калитку, поманилъ за собою собакъ и ушелъ спать на погребицу.

Синтянина подошла къ окну и глядѣла черезъ невысокій тынъ на широкія поля, на которыхъ луна теперь выдвигала прихотливыя очертанія тѣней отъ самыхъ незначительныхъ предметовъ на землѣ и мелкихъ облачковъ, бѣгущихъ по небу.

Вѣра сняла дневное платье, надѣла свою бѣлую блузку, заперла дверь, опустила бѣлыя шторы на окнахъ, въ которыя свѣтила луна, и, стоя съ лампой посреди комнаты, громко топнула.

Синтянина оглянулась.

— Ты не будешь спать?—спросила Вѣра своими знаками мачиху.

— Нѣтъ; мнѣ не хочется спать.

— Да; ты и не спи.

— Зачѣмъ?

Дѣвочка улыбнулась и отвѣчала: «Такъ... теперь хорошо», и съ этимъ она вошла въ спаленку, легла на свой диванъ подъ материнымъ портретомъ, завѣшеннымъ кисеей, и погасила лампу.

Это Александрѣ Ивановнѣ не понравилось, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ, какъ погасъ огонь, въ спаленкѣ послышался тихій шорохъ, и при слабомъ свѣтѣ луны, сквозь опущенную штору, было замѣтно какое-то непокойное движеніе Вѣры вдоль стѣны подъ портретомъ ея матери.

Александра Ивановна съ неудовольствіемъ зажгла свѣчу

и взошла въ спальню. Вѣра лежала на своемъ мѣстѣ и казалось спала, но сквозь сонъ тихо улыбалась. У нея бывалъ нерѣдко особый родъ улыбокъ, добрыхъ, но ироническихъ, которыя нѣсколько напоминали улыбки опытной няни, любящей ребенка и насмѣхающейся надъ нимъ. Александра Ивановна въ теченіе многихъ лѣтъ жизни съ глухонѣмою падчерицей никогда не могла привыкнуть къ этимъ ея особеннымъ улыбкамъ, и онѣ особенно непріятно подѣйствовали на нее сегодня, послѣ шалости Вѣры въ осинникѣ. Генеральша давно была очень разстроена всѣмъ, что видѣла и слышала въ послѣднее время; а сегодня ее особенно тяготили наглые намеки на ея практичность и на ея давнюю слабость къ Висленеву, и старыя раны въ ея сердцѣ заныли и запѣнились свѣжею кровью.

— Нѣтъ; этого невозможно такъ оставить: я могу умереть внезапно, мгновенно, со всею тяжестью этихъ укоризнъ... Нѣтъ; этого нельзя! Пока я жива, пускай говорятъ и думаютъ обо мнѣ что хотятъ, но память моя... она должна быть чиста отъ тѣхъ пятенъ, которыя кладутъ на нее и которыхъ я не хочу и не могу снять при жизни. Зачѣмъ откладывать вдаль? Я теперь взволнована, и все давно минувшее предо мною встаетъ свѣжо, какъ будто всѣ бѣды жизни ударили въ меня только сію минуту. Я все чувствую, все помню, вижу, знаю, и теперь я въ силахъ передать все, что и зачѣмъ я когда сдѣлала. Стало-быть, насталъ часъ, когда мнѣ надо открыть это, и Гордановъ принесъ мнѣ пользу, заставивъ меня за это взяться.

Съ этимъ генеральша торопливо перемѣнила за ширмой платье на блузу и, распустивъ по спинѣ свои тучныя косы, зажгла лампу. Установивъ огонь на столѣ, она достала бумагу и начала писать среди нерушимаго ночного молчанія.

«Призвавъ Всемогущаго Бога, Которому вѣрую и суда Котораго несомнѣнно ожидаю, я, Александра Синтянина, рожденная Гриневичъ, пожелала и рѣшилась собственноручно написать нижеслѣдующую мою исповѣдь. Дѣлаю это съ тою цѣлію, чтобы бумага эта была вскрыта, когда не

будетъ на свѣтѣ меня и другихъ лицъ, которыхъ я должна коснуться въ этихъ строкахъ: пусть эти строки мои представятъ мои дѣла въ истинномъ ихъ свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ ихъ толковали всѣ знавшіе меня при жизни.

«Я, незамѣтная и неизвѣстная женщина, попала подъ колесо обстоятельствъ, накатившихъ на мое отечество въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, которымъ принадлежитъ моя первая молодость. Безъ всякаго призванія къ политикѣ, я принуждена была сыграть роль въ событіяхъ политическаго характера, о чемъ, кромѣ меня, знаетъ только еще одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ никогда объ этомъ не скажетъ. Я же не хочу умереть, не раскрывъ моей повѣсти, потому что человѣку, какъ бы онъ ни былъ малъ и незамѣтенъ, дорога чистота его репутаціи.

«По всеобщему мнѣнію знающихъ меня людей, я позорно сторговала собою при моемъ замужествѣ и погубила моимъ вѣроломствомъ человѣка, подававшаго нѣкогда большія надежды. Это—клевета, а дѣло было вотъ какъ. Я съ дѣтскихъ почти лѣтъ считалась невѣстой Іосафа Платоновича Висленева, котораго любила первою дѣтскою любовью. Онъ, по его словамъ, тоже любилъ меня, чему я, впрочемъ, имѣю основанія не вѣрить. И вотъ ему-то я и измѣнила, кинула его въ несчастіи, вышла замужъ за генерала и провожу *счастливую жизнь*... Такъ думаютъ всѣ, и я въ этомъ никого не разувѣряю, однако же все-таки это не такъ. Въ самой ранней нашей юности, между нами съ Висленевымъ обнаружились непримиримыя и несогласимыя разности во взглядахъ и симпатіяхъ: то время, которое я отдавала приготовленію къ жизни, онъ уже посвящалъ самой жизни, но жизни не той, которую я считала достойною силъ и мужества отвѣчающаго за себя человѣка. Въ немъ была бездна легкомысленности, которую онъ считалъ въ себѣ за отвагу; много задора, принимавшагося имъ за энергію; масса суетности, которая казалась ему пренебреженіемъ къ благамъ жизни, и при всемъ этомъ полное пренебреженіе къ спокойствію и счастью ближнихъ. Я все это замѣтила въ немъ очень рано

и знала гораздо ближе всѣхъ стороннихъ людей, которыхъ Висленевъ могъ обманывать шумомъ и діалектикой; но, узнавъ и изучивъ его пороки, я все-таки никогда не думала отъ него отрекаться. Я знала, что я не могу ожидать истиннаго счастья съ такимъ человѣкомъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе научался и привыкалъ относиться съ непростительнымъ легкомысленнымъ неуваженіемъ ко всему, къ чему человѣку внушается почтеніе самою его натурой. Я видѣла, что мы съ нимъ не можемъ составить пары людей, которые могли бы восполнять другъ друга и служить одинъ другому опорой въ неудачахъ и несчастіяхъ. Мы ко всему относились розно, начиная съ нашихъ ближайшихъ родныхъ и кончая родиной. Но тѣмъ не менѣе я любила этого несчастнаго молодого человѣка и не только готовилась, но и хотѣла быть его женой, въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ, Которому видима моя совѣсть. Я назначала мою жизнь на то, чтобы беречь его отъ его печальныхъ увлеченій; я знала, что во мнѣ есть своя доля твердости и терпѣнія, съ которыми можно взяться преодолѣть шероховатости довольно дурной натуры. Но, увы! у того, о комъ я говорю, не было никакой натуры. Это былъ первый видимый мною человѣкъ довольно распространеннаго нынче типа несчастныхъ людей, считающихъ необходимостью быть причисленными къ чему-нибудь новому, модному, и не заключающихъ сами въ себѣ ничего. Это люди, у которыхъ безпокойное воображеніе одолѣло умъ и замѣнило чувства. Помочь имъ, удерживать ихъ и регулировать нельзя: они уносятся какъ дымъ, таютъ какъ облако, выскользаютъ какъ мокрое мыло. Женщинѣ нельзя быть ни ихъ подругой, ни искать въ нихъ опоры, а для меня было необходимо и то, и другое; я всегда любила и уважала семью. Висленевъ окончилъ курсъ, пріѣхалъ домой, поступилъ на службу и медлилъ на мнѣ жениться, я не знаю почему. Я полагаю, что я ему въ то время разправилась за мою простоту, которую онъ счелъ за безсодержательность, — я имѣю основаніе такъ думать, потому что онъ не упускалъ случая отзываться съ ироніей,

а иногда и прямо съ презрѣніемъ о женщинахъ такого простого образа мыслей, каковъ былъ мой, и такихъ скромныхъ намѣреній, каковы были мои, возникшія въ семьѣ простой и честной, дружной, любящей, но въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, черезчуръ неинтересной. Его идеаломъ въ то время были женщины другого, мнѣ вовсе неизвѣстнаго, но и незавиднаго для меня мірка. Онъ съ жаромъ говорилъ о покинутыхъ имъ въ Петербургѣ женщинахъ, презирающихъ бракъ, ненавидящихъ домашнія обязанности, издѣвающихся надъ любовью, вѣрностью и ревностью, не переносящихъ родственныхъ связей, говорящихъ только о «вопросахъ» и занятыхъ общественнымъ трудомъ, школами и обновленіемъ свѣта на необыкновенныхъ началахъ. Мнѣ все это представлялось очень смутно: я Петербурга никогда не видала, о жизни петербургской знала только по наслышкѣ да изъ книгъ; но я знала, что, если есть такія женщины, которыми бредилъ Висленевъ, то именно въ средѣ ихъ только и можетъ быть отыскана та или тѣ, которыя могли бы слиться съ нимъ во что-нибудь гармоническое. Я обдумала это, и найдя, что я ему по всему не пара, что я ему скорѣе помѣха, чѣмъ помощница, рѣшила предоставить наши отношенія судьбѣ и времени. Не скажу, чтобы это мнѣ было особенно тяжко, потому что любовь моя къ нему въ это время была уже сильно поколеблена и притуплена холоднымъ резонерствомъ, которымъ онъ обдавалъ мои горячіе порывы къ нему въ письмахъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ однажды, что, по его мнѣнію, «истинна только та любовь, которая не захватываетъ предметъ своей привязанности въ исключительное обладаніе себѣ, но предоставляетъ ему всю ширь счастья въ свободѣ». Послѣ этихъ словъ, которыя я поняла во всей ихъ безнатурности и цинизмѣ, со мною произошло нѣчто странное: они возбудили во мнѣ чувство... неодолимой гадливости,—человѣкъ этотъ точно отпалъ отъ моего сердца и ужъ болѣе никогда къ нему не приближался, хотя тѣмъ не менѣе я бы все-таки пошла за него замужъ потому что я его безмѣрно жалѣла. Но Богъ рѣшилъ иначе.

Онъ судилъ мнѣ другую долю и въ ней иныя испытанія.

«Вращаясь въ кружкѣ тревожныхъ и безпристальныхъ людей, Висленевъ попалъ въ исторію, которую тогда называли политическою, хотя я убѣждена, что ее не слѣдовало такъ называть, потому что это была не болѣе какъ ребяческая глупость и по замыслу, и по способамъ осуществленія; но, къ сожалѣнію, къ этому относились съ серьезностью, для которой безъ всякаго труда можно бы указать очень много гораздо лучшихъ и достойнѣйшихъ назначеній. Іосафъ Висленевъ былъ взятъ, и въ бумагахъ его былъ отысканъ дерзостнѣйшій планъ, за который автора, по справедливости, можно было бы посадить, если не въ сумасшедшій, то въ смирительный домъ; но, что всего хуже, при этомъ планѣ былъ длинный списокъ лицъ, имѣвшихъ неосторожность довѣряться моему легкомысленному жениху. Мой отецъ былъ возмущенъ этимъ до глубины души, и въ то время, какъ Іосафъ Висленевъ, въ качествѣ политическаго арестанта, пользовался въ городѣ почти общимъ сочувствіемъ, у насъ въ домѣ его строго осуждали, и я признавала эти осужденія правильными.

«Легкомысленность, составляющая недостатокъ человѣка, пока онъ вредитъ ею только самому себѣ, становится тяжкимъ преступленіемъ, когда за нее страждутъ другіе. Таково было мнѣніе моего умнаго и честнаго отца, таковы же были и мои убѣжденія, и потому мы къ этому отнеслись иначе, чѣмъ многіе.

«Дѣло Висленева было въ нашихъ глазахъ ничтожно по его несбыточности; но онъ, конечно, долженъ былъ знать, что его будутъ судить не по несбыточности, а по достоинству его намѣреній, и несмотря на то, онъ игралъ не только репутаціей, но даже судьбой лицъ, имѣвшихъ необдуманность раздѣлять его вѣтренные планы и неосторожность ввѣрить ему свои имена. Онъ погибалъ не одинъ, но предавалъ съ собою другихъ такихъ же, какъ онъ, молодыхъ людей, въ которыхъ гибли лучшія надежды несчастныхъ отцовъ, матерей, сестеръ и мнѣ подобныхъ невѣстъ. Отецъ

мой пользовался нѣкоторымъ довѣріемъ и расположеніемъ генерала Спитянина, который жилъ съ нами на одномъ дворѣ и сватался однажды ко мнѣ во время видимаго охлажденія ко мнѣ Висленева, но получилъ отказъ. Дѣло во многомъ отъ него зависѣло. Я это знала и... мнѣ вдругъ пришла мысль... но, впрочемъ, буду разсказывать по порядку

«Былъ страшный, вѣчно живой и незабвенный для меня вечеръ, когда мы, вскорѣ послѣ ареста Висленева, говорили съ моимъ отцомъ объ этомъ дѣлѣ. Солидный и честный отецъ мой былъ очень взволнованъ, онъ не запрещалъ мнѣ и теперь выдти за Висленева, но онъ не скрывалъ, что не хотѣлъ бы этого. Онъ говорилъ, что это человѣкъ съ преступнымъ ничего не щадящимъ легкомысліемъ, и я въ глубинѣ души съ нимъ согласилась, что женщинѣ нечего дѣлать съ такимъ человѣкомъ. Можетъ-быть, это было нѣсколько преувеличено, но вѣчная безнатурность Висленева, сквозь которую, какъ копье сквозь тѣнь, проникали всѣ просьбы, убѣжденія и уроки прошлаго, внушала мнѣ чувство страшной безнадежности. Если бъ онъ былъ подверженъ самымъ грубымъ страстямъ и порокамъ, я бы ихъ такъ не страшилась; если бъ онъ былъ жестокъ, я бы надѣялась смягчить его; если бъ онъ былъ корыстолюбивъ, я бы уповала подавить въ немъ эту страсть; если бъ онъ имѣлъ позорныя пристрастія къ вину или къ картамъ, я бы старалась заставить его ихъ ненавидѣть; если бъ онъ былъ развратенъ, я бы надѣялась устыдить его; но у него не было брошено якоря ни во что; онъ тянулся за вѣяніями, его сфера была разладъ, его натура была безнатурность, его характеръ былъ безхарактерность. Его могло пересоздать одно: большое горе, способное вдругъ поднять со дна его души давно недѣйствующія силы. Вся жизнь моя явилась предс мной какъ бы въ одной чашѣ, которую я должна была или бережно донести и выпить на положенномъ мѣстѣ, или расплескать по сорному пути. Я вдругъ перестала быть дѣвушкой, жившею въ своихъ мечтахъ и думахъ, и почувствовала себя женщиной, которой нѣчто дано и съ которой,

по вѣрѣ моей, нѣчто спросится за гробомъ. (Я всегда вѣрила и вѣрую въ Бога просто, какъ велитъ церковь, и благословляю Провидѣніе за эту вѣру). Внутренній голосъ отвѣчалъ за меня отцу моему, что мнѣ нельзя быть женой Висленева. Внутренній же голосъ (я не могу думать иначе), изъ устъ моего отца, сказалъ мнѣ путь, которымъ я должна была идти, чтобы чѣмъ-нибудь облегчить судьбу того, котораго я все-таки жалѣла.

«Отецъ благословилъ меня на страданія ради избавленія несчастныхъ, выданныхъ моимъ женихомъ. Это было такъ. Онъ сказалъ: «Не я научу тебя покинуть человѣка въ несчастіи, ты можешь идти за Висленевымъ, но этимъ ты не спасешь его совѣсти и людей, которые ради его гибнутъ. Если ты жалѣешь его — пожалѣй ихъ; если ты женщина и христіанка, поди спаси ихъ, и я... не стану тебя удерживать: я самъ, моими старыми руками, благословляю тебя, и скрой это, и Богъ тебя тогда благословитъ».

«Отецъ не зналъ, въ какія роковыя минуты нравственной борьбы онъ говорилъ мнѣ эти слова, или онъ зналъ болѣе, чѣмъ дано знать нашему чувственному вѣдѣнію. Онъ рисовалъ мнѣ картину бѣдствій и отчаянія семействъ тѣхъ, кого губилъ Висленевъ, и эта картина во всемъ ея ужасѣ огненными чертами напечатлѣлась въ душѣ моей; сердце мое преисполнилось сжимающей жалостью, какой я никогда ни къ кому не ощущала до этой минуты,—жалостью, предъ которою я сама и собственная жизнь моя не стоили въ моихъ глазахъ никакого вниманія, и жажда дѣла, жажда спасенія этихъ людей заклокотала въ душѣ моей съ такою силой, что я цѣлыя сутки не могла имѣть никакихъ другихъ думъ, кромѣ одной: спасти людей ради ихъ самихъ, ради тѣхъ, кому они дороги, и ради его, совѣсть котораго когда-нибудь будетъ пробуждена къ тяжелому отвѣту. Въ душѣ моей я чувствовала Бога: я никогда не была такъ счастлива, какъ въ эти вѣчно памятныя мнѣ минуты, и уже не могла позволить совершиться грозившему несча-

стію, не употребивъ всѣхъ силъ отвратить его. Тогда я впервые почувствовала, что на мой счетъ заблуждались всѣ, считая меня спокойною и самообладающею; тутъ я увидала, что въ глубинѣ моей души есть лава, которой мнѣ не сдержать, если она вскипитъ и расколышется. Я должна была идти спасать ихъ, чужихъ мнѣ по убѣжденіямъ и вовсе мнѣ незнакомыхъ людей: въ этомъ мнѣ показалось *мое призваніе*. Онъ самъ въ своихъ разговорахъ не разъ указывалъ мнѣ путь къ такому служенію, онъ говорилъ о женщинахъ, которыя готовы были отдавать себя самихъ за избранное ими дѣло, а теперь средства къ такому служенію были въ моихъ рукахъ. Я уже сказала, что генералъ Синтянинъ, нынѣшній мужъ мой, отъ котораго зависѣло все или, по крайней мѣрѣ, очень многое для этихъ несчастныхъ, искалъ руки моей, и послѣ моего отказа въ ней мстилъ отцу моему. Я была очень недурна собою: мою голову срисовывали художники для своихъ картинъ; извѣстный скульпторъ, проѣздомъ чрезъ нашъ городъ, упросилъ моего отца дозволить ему слѣпить мою руку. Я была очень стройна, свѣжа, имѣла превосходный цвѣтъ лица, веселые большіе голубые глаза и свѣтло-золотистые волосы, доходившіе до моихъ колѣнъ. Души моей генералъ не зналъ, и я понимала, что я противъ воли моей внушала ему только одну страсть. Это было ужасно, но я рѣшила воспользоваться этимъ, чтобы совершить мой подвигъ. (Я называю его подвигомъ потому, что генералъ Синтянинъ внушалъ мнѣ не только отвращеніе, которое, можетъ-быть, понятно лишь женщинѣ, но онъ возбуждалъ во мнѣ ужасъ, раздѣлявшійся въ то время всѣми знавшими этого человѣка. Онъ былъ вдовъ, и смерть жены его, по общей молвѣ, лежала на его совѣсти). Молодая душа моя возмущалась при одной мысли соединить жизнь мою съ жизнью этого человѣка, но я на это рѣшилась... Предо мной стоялъ Христосъ съ его великой жертвой, и смятенія мои улегались. Я много молилась о дарованіи мнѣ силы, и она была мнѣ ниспослана.

«Утромъ одного дня, отстоявъ раннюю обѣдню въ одинокомъ храмѣ, я вошла въ домъ генерала, и тутъ со мною случилось даже нѣчто чудесное. Чуть я отворила дверь, вся моя робость и всѣ сомнѣнія мои исчезли; въ груди моей забилось сто сердецъ; я чувствовала, какъ множество незримыхъ рукъ подхватили меня и несли, какъ бы пригибая и сглаживая подъ ногами моими ступени лѣстницы, которою я всходила. Экзальтація моя достигала высочайшей степени: я дѣйствительно ощущала, что меня поддерживаютъ и мною руководятъ извнѣ какія-то невидимыя силы. Ни моя молодость и неопытность, ни прямота моей натуры и большое мое довѣріе къ людямъ, ничто не позволяло мнѣ разсчитывать, что я поведу дѣло такъ ловко, какъ я повела его. Когда я перечитываю библейскую повѣсть о подвигѣ жены изъ Витуліи, мнѣ, конечно, странно ставить себя, тогдашнюю маленькую дѣвочку, возлѣ этой библейской красавицы въ парчѣ и виссонѣ; но я, какъ и она, не забыла даже одѣться къ лицу. Не забываю никакихъ мелочей изъ моихъ экзальтацій этого дня: мнѣ всегда шло все черное, и я приняла это въ разсчетъ: я была въ черномъ мериносовомъ платьѣ и черной шляпкѣ, которая оттѣняла мои свѣтлорусые волосы и давала мнѣ видъ очень красиваго ребенка, но ребенка настойчиваго, своенравнаго и твердаго, не съ дѣтскою силой.

«Я приступила къ дѣлу прямо. Оставшись наединѣ съ Сиятяниным, я предложила ему купить мое согласіе на бракъ съ нимъ добрымъ дѣломъ, которое заключалось въ облегченіи судьбы Висленева и его участниковъ. Я отдавала все, что было у меня, всю жизнь мою, съ обѣтомъ не нарушить слова и вѣрною дойти до гроба; но я требовала многаго, и я теперь еще не знаю, почему я безъ всякихъ опытныхъ совѣтовъ требовала тогда именно того самаго, что было нужно. Я повторяю, что тамъ была не я: въ моей груди кипѣла сотня жизней и билось сто сердецъ, вокругъ меня кишилъ какой-то рой чего-то стран-

наго, меня учили говорить, меня сажали, поднимали, шептали въ уши мнѣ какія-то слова, и въ этомъ чудномъ хаосѣ была, однако, стройность, благодаря которой я все уладила. Остановить дѣло было невозможно, это уже было не во власти Синтянина, но я хотѣла, чтобы поступки и характеръ Висленева получили свое настоящее опредѣленіе, чтобъ источникомъ его безразсудныхъ дѣлъ было признано его легкомысліе, а не злонамѣренность, и чтобы мнѣ были вручены и при мнѣ уничтожены важнѣйшія изъ компрометировавшихъ его писемъ, а главное, списки лицъ, писанные его рукой. Я не уступала изъ этого ничего; я вела торгъ съ тактомъ, который не перестаетъ изумлять меня и понынѣ. Я была тверда, осторожна и неуступчива, и я выторговала все. Мнѣ помогали моя тогдашняя миловидность и свѣжесть и оригинальность моего положенія, сдѣлавшая на Синтянина очень сильное впечатлѣніе. Ему именно хотѣлось купить себѣ жену, и онъ купилъ у меня мою руку тою цѣной, какую я хотѣла: любуясь мною, онъ далъ мнѣ самой выбрать изъ груды взятыхъ у Висленева бумагъ все, что я признавала наиболѣе компрометирующимъ его и другихъ, и я въ этомъ случаѣ снова обнаружила опытность и осторожность, которую не знаю чему приписать. Все это было сожжено... но сожжено вмѣстѣ съ моею свободой и счастьемъ, которыя я спалила на этомъ огнѣ.

«Я дала слово Синтянину выйти за него замужъ, и сдержала это слово: въ тотъ день, когда было получено свѣдѣніе объ облегченіи участи Висленева, я была обвѣнчана съ генераломъ, при всеобщемъ удивленіи города и даже самихъ моихъ добрыхъ родителей. Это былъ мой первый опытъ скрыть отъ всѣхъ настоящую причину того, что я сдѣлала по побужденіямъ, можетъ-быть, слишкомъ восторженнымъ и, пожалуй, для кого-нибудь и смѣшнымъ, но, надѣюсь, во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ и чистымъ. Принесла ли я этимъ пользу и поступила ли осмотрительно и честно, пусть объ этомъ судитъ Богъ и тѣ

люди, которымъ жизнь моя будетъ извѣстна во всей ея истинѣ, какъ я ее нынче исповѣдую, помышляя день смертный и день страшнаго суда, на которомъ обнажатся всѣ совѣсти и обнаружатся всѣ помышленія. Я поступала по разумѣнію моему и неотразимому влеченію тѣхъ чувствъ, которымъ я повиновалась. Долго размышлять мнѣ было некогда, а совѣтоваться не съ кѣмъ, и я спасла какъ умѣла и какъ могла людей, мнѣ чуждыхъ. Болѣе я не скажу ничего въ мое оправданіе, и пусть Всеблагой Богъ да проститъ всѣмъ злословящимъ меня людямъ ихъ клеветы, которыми они осыпали меня, изъясняя поступокъ мой побужденіями суетности и корыстолюбія.

«Случай, устроившій странную судьбу мою, быть-можетъ, совершенно исключительный, но полоса смятеній на Руси еще далеко не прошла: она, можетъ-быть, только едва въ началѣ, и къ тому времени, когда эти строки могутъ попасть въ руки молодой русской дѣвушки, готовящейся быть подругой и матерью, для нея могутъ потребоваться иныя жертвы, болѣе серьезныя и тягостныя, чѣмъ моя скромная и безвѣстная жертва: такой дѣвушкѣ я хотѣла бы сказать два слова, ободряющія и укрѣпляющія силой моего примѣра. Я хочу сказать, что страшныхъ и непереносимыхъ жертвъ нѣтъ, когда несешь ихъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Несмотря на тяжелый во многихъ отношеніяхъ путь, на который я ступила, я никогда не чувствовала себя на немъ несчастною свыше моихъ силъ. Въ пожертвованіи себя благу другихъ есть такое неописанное счастіе, которое даритъ спокойствіе среди всѣхъ нравственныхъ пытокъ и мученій. А каждое усиліе надъ собою даетъ душѣ новыя силы, которымъ наконецъ самъ удивляешься. Пусть мнѣ въ этомъ повѣрятъ. Я опытомъ убѣждена и свидѣтельствую, что человѣкъ, разъ твердо и непреклонно рѣшившійся восторжествовать надъ своею земною природой и ея слабостями, получаетъ неожиданную помощь оттуда, откуда онъ ждалъ ея, и помощь эта бываетъ велика и могуча, и при ней душа крѣпнетъ и зака-

ляется до того, что ей уже нѣтъ страховъ и смятеній. Жизнь моя прошла не безъ тревогъ. Я отдала мужу моему все, что могла отдать, кромѣ того, чего у меня для него не было: я всегда была вѣрна ему, всегда заботилась о домѣ, о его дочери и его собственномъ покоѣ, но я никогда не любила его и, къ сожалѣнію, я не всегда могла скрыть это. Настолько душа и воля всегда оказывались безвластными надъ моею натурой. Въ первые годы моего замужества это было поводомъ къ большимъ непріятностямъ и сценамъ, изъ которыхъ одна угрожала трагическою развязкой. Мужъ, приписывая мою къ нему холодность другому чувству, угрожалъ застрѣлить меня. Это было зимой, вечеромъ; мы были одни при запертыхъ окнахъ и дверяхъ,—спастись мнѣ было невозможно, да я, впрочемъ, и сама не захотѣла спасаться. Жизнь никогда не казалась мнѣ особенно дорогою и милою, а тогда она потеряла для меня всякую цѣну, и я встрѣтила бы смерть какъ высочайшее благо. Желаніе окончить съ моимъ существованіемъ минутами было во мнѣ такъ сильно, что я даже рада была бы смерти, и потому, когда мужъ хотѣлъ убить меня, я, не укрощая его бѣшенства, скрестила на груди руки и стала предъ пистолетомъ, который онъ взялъ въ своемъ азартѣ. Но въ это мгновеніе изъ двери вырвалась моя глухонѣмая падчерица Вѣра и, заслонивъ грудь мою своею головой, издала столь страшный и непонятный звукъ, что отецъ ея выронилъ изъ рукъ пистолетъ и, упавъ предо мною на колѣни, началъ просить меня о прощеніи. Съ тѣхъ поръ я свободна отъ всякихъ упрековъ и не встрѣчала ничего, за что могла бы жаловаться на судьбу мою. Я любима людьми, которыхъ люблю сама; я пользуюсь не только полнымъ довѣріемъ, но и полнымъ уваженіемъ моего мужа и, несмотря на клеветы насчетъ причинъ моего выхода за Синтянина, теперь я почти счастлива... Я была бы почти счастлива, совершая долгъ свой, если бы... я могла *уважать* моего мужа. Людскія укоризны меня порой тяготятъ, но ненадолго. Поэтъ говоритъ: «кто все перевѣдалъ, тотъ все людямъ простилъ».

Живя на свѣтѣ, я убѣдилась, что я была не права, считая безнатурнымъ одного Висленева; предо мною вскрылись съ этой же стороны очень много людей, за которыхъ мнѣ приходилось краснѣть. Все надо простить, все надо простить, иначе нельзя найти мира со своей совѣстью. Тайны моей не знаетъ никто, кромѣ моего мужа, но къ разгадкѣ ея нѣсколько приближались мать Висленева и другъ мой Катерина Форова: онѣ рѣшили, что я вышла замужъ за Синтянина изъ-за того, чтобы спасти Висленева!.. Бѣдные друзья мои! Онѣ считаютъ это возможнымъ и онѣ думаютъ, что я могла бы это сдѣлать! Онѣ полагаютъ, что я не поняла бы, что такою жертвой нельзя спасти человѣка, если онъ дѣйствительно любитъ и любилъ, а напротивъ, можно только погубить его и уронить себя! Нѣтъ, если бы дѣло шло о немъ одномъ, я скорѣе бы понесла за нимъ его арестантскую суму, но не разбила бы его сердца! Какая Сибирь и какая каторга можетъ сравниться съ горемъ измѣны? Какія муки тяжелѣе и ужаснѣе нестерпимыхъ мученій ревности? Я знаю эту змѣю... Нѣтъ! Я отдала себя за людей, которыхъ я никогда не знала и которые никогда не узнаютъ о моемъ существованіи. Висленеву не принадлежитъ болѣе ни одной капли моей любви: я полна къ нему только одного сожалѣнія, какъ къ падшему человѣку. Онъ не любилъ меня, *онъ уступалъ меня свободѣ*, и я потеряла любовь къ нему за это оскорбленіе! Эта уступка меня моей свободѣ вычеркнула его изъ моего сердца разъ и навсегда и безъ возврата. Скажу болѣе: ревность мужа я вспоминаю гораздо спокойнѣе, чѣмъ эту постыдную любовь. Я чувствую и знаю, что могла снести всѣ оскорбленія лично мнѣ, но не могла стерпѣть оскорбленій моего чувства. Это дѣло выше моихъ силъ. Затѣмъ обязательства вѣрности моему мужу я несу и, конечно, донесу до гроба ненарушимыми, хотя судьбѣ было угодно и здѣсь послать мнѣ тяжкое испытаніе: я встрѣтила человѣка, достойнаго самой нѣжной привязанности, и... противъ всѣхъ моихъ усилій, я давно люблю его. Это случилось, повторяю, противъ моей воли, моихъ же-

ланій и усилій не питать къ нему ничего исключительнаго, но... Богъ милосердъ: онъ любитъ другую, годы мои уже уходятъ, и я усерднѣе всѣхъ помогаю любви его къ другой женщинѣ. Все нарушеніе обѣта, даннаго мною моему мужу, заключается въ одномъ, и я этого не скрою: во мнѣ... съ той роковой поры, какъ я люблю... живетъ неодолимое упованіе, что этотъ человѣкъ будетъ мой, а я его... Я гоню отъ себя эту мысль, но она, какъ тѣнь моя, со мной неразлучна, но я дѣлаю все, чтобъ ей не было возлѣ меня мѣста. О томъ, что я люблю его, онъ не знаетъ ничего и никогда ничего не узнаетъ».

Въ эту минуту Вѣра во снѣ разсмѣялась и за стѣной какъ бы снова послышался шорохъ.

Александра Ивановна вздрогнула, но тотчасъ же оправилась, подписала свое писанье, запечатала его въ большой конвертъ и надписала:

«Духовный отецъ мой, священникъ Евангелъ Минервинъ, возьметъ этотъ конвертъ къ себѣ и вскроетъ его при друзьяхъ моихъ послѣ моей смерти и послѣ смерти моего мужа».

Окончивъ эту надпись, Синтянина заперла конвертъ въ ящикъ и, облокотясь на комодъ, стала у него и задумалась.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ходитъ сонъ и дрема говоритъ.

Луна уже блекла и синѣла, наступала предразсвѣтная пора, былъ второй часъ за полночь. Лампа на столѣ выгорѣла и стухла. Синтянина все стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

«Все это кончится,—думала она,—онъ женится на Ларѣ, и тогда...»—Она задрожала и, хрустнувъ хладѣющими руками, прошептала: «О, Боже, Боже! И еще я же сама должна этому помогать... но вѣдь я тоже человѣкъ, въ моей душѣ тоже есть ревность, есть эти страшные порывы къ жизни. Неужто мало я страдала? Неужто... О, нѣтъ! Избавь, избавь

меня отъ этого, Создатель! Пускай, когда я сплю, мнѣ и во снѣ снится счастье. Все кончено! Зачѣмъ эти тревоги? Я жизнь свою сожгла и лучше мнѣ забыть о всемъ, что думалось прошедшею порой. Чего мнѣ ждать? Ко мнѣ не можетъ прилетѣть ужъ вѣстникъ радости, или онъ будетъ... вѣстникъ смерти... Его я жду и встрѣчу и уйду за нимъ... Туда, гдѣ ангелы, гдѣ мученица Флора».

И въ умѣ Александры Ивановны потянулась долгая, тупая пауза, онъ словно уснулъ, свободный отъ всѣхъ треволненій; память, уставъ работать, легла какъ занавѣсъ, сокрывшій отъ зрителя опустѣлую сцену, и возобладавшій духъ ея унесся и виталъ въ безмятежныхъ сферахъ. Это прекрасное, легкое состояніе, ниспосылаемое какъ бы въ ослабу душѣ, длилось долго: свѣжій вѣтеръ предосенняго утра плылъ ровнымъ потокомъ въ окно и ласково шевелилъ распущенной косой Синтяниной, цѣловалъ ея чистыя щеки и убаюкивалъ ее тихимъ свистомъ, проходя сквозь пазы растворенной рамы. Природа дышала. И вотъ вздохъ одинъ глубже другого: рама встряхнулась на петляхъ, задрожало стекло, словно кому-то тѣсно, словно кто-то спѣшитъ на свиданье, вотъ даже кто-то ворвался, вотъ сзади Синтяниной послышался электрическій трескъ и за спиной у нея что-то блеснуло и все освѣтилось свѣтло-голубымъ пламенемъ.

Александра Ивановна обернулась и увидала, что на полу, возлѣ шлейфа ея платья, горѣла спичка.

Генеральша сообразила, что она, вѣрно, зажгла спичку, наступивъ на нее, и быстро отбросила ее отъ себя дальше ногой; но чуть лишь блеснулъ на полетѣ этотъ слабый огонь, она съ ужасомъ ясно увидѣла очень странную вещь: скрытый портретъ Флоры, съ выколотыми глазами, тихо спускался изъ-подъ кутавшей его занавѣсы и, качаясь съ угла на уголъ, шелъ къ ней...

— Нѣтъ, Флора, не надо, не надо, уйди!—вскрикнула Синтянина, быстро кинувшись въ испугѣ въ противоположный уголъ, и тотчасъ же сама устыдилась своего страха и крика.

«Можетъ быть, ничего этого и не было и мнѣ только показалось, а я, между тѣмъ, подняла такой шумъ?»—подумала она, оправляясь.

Но между тѣмъ, должно-быть, что-то было, потому что въ спальнѣ снова послышалось чорканье спички, и два удара косточкой тонкаго пальчика по столу возвѣстили, что Вѣра не спитъ.

Александра Ивановна оборотилась и увидѣла трепещущій свѣтъ; Вѣра сидѣла въ постели и зажигала спичкой свѣчу.

— Не она ли и минуту тому назадъ зажгла и бросила спичку? Я, забывшись, могла и не слыхать этого, но... Господи! портретъ, дѣйствительно, стоитъ предъ столомъ! Онъ дѣйствительно сошелъ со стѣны и... *онъ шелъ*, но онъ остановился!

Синтянина остолбенѣла и не трогалась.

Вѣра взяла въ руки портретъ и позвала мачиху.

— Зачѣмъ ты ее такъ оскорбила?—спросила она своими знаками генеральшу.—Это нехорошо, смотри, она тобой теперь огорчена.

Александра Ивановна вздрогнула, сдѣлала два шага къ Вѣрѣ и, торопливо озираясь, сказала рукой:

— Куда ты заставляешь меня смотрѣть?

— Назадъ.

— Чего?.. Кто тамъ? скажи мнѣ: я робѣю...

— Гляди!.. Она оскорблена... Зачѣмъ ее бояться?

— Не пугай меня, Вѣра! Я сегодня больна! Я никого не оскорбила.

Но дѣвочка все острѣй и острѣй глядѣла въ одну точку и не обращала вниманія на послѣднія мачихины слова.

— Гляди, гляди!—показывала она, ведя пальцемъ руки по воздуху.

— Ахъ, отстань, Вѣра!.. Не пугай!..

— Я не пугаю!.. Я не пугаю... Она здѣсь... ты тихо, тихо стой... вотъ, вотъ... не трогайся... не шевелись... она идетъ къ тебѣ... она возлѣ тебя...

— Оставь, прошу тебя, оставь, — шептала генеральша; растерявшись, стыня отъ внезапно охватившаго ее холоднаго тока.

— Какая добрая!—продолжала сообщать Вѣра, и вдругъ, задыхаясь, схватила мачиху за руку и сказала:

— Бери, бери скорѣй... она тебѣ даетъ... Ахъ, ты, неловкая!.. теперь упало!

И въ это же мгновеніе по полу дѣйствительно что-то стукнуло и покатилось.

Александра Ивановна оглянулась вокругъ и не видѣла ничего, что бы могло причинить этотъ стукъ, но Вѣра скользнула подъ столъ, и Синтянина ощутила на пальцѣ своей опущенной руки холодное кольцо.

Она подняла руку: да; ей это не казалось, — это было дѣйствительно настоящее кольцо, ровное, простое золотое кольцо.

Изумленію ея не было мѣры. Она торопливо взяла это кольцо и посмотрѣла внутрь: видно было, что здѣсь когда-то была вырѣзана надпись, но потомъ сцарапана ножомъ и тщательно затерта.

— Откуда же оно взялось?

Вѣра тихо указала ей пальцемъ на уголъ протертаго полотна въ портретѣ: тутъ теперь была прорѣха и съ испода значокъ отъ долго здѣсь лежавшаго кольца.

Синтянина пожала плечами и, глядя на Вѣру, которая вѣшала на мѣсто портретъ, безотчетно опять надѣла себѣ на палецъ кольцо.

— Второй разъ поздравляю тебя!—сказала, прыгнувъ ей на шею, Вѣра и поцѣловала мачиху въ лобъ.

Александра Ивановна замахала руками и хотѣла сбросить кольцо; но Вѣра ее остановила за руку и погрозила пальцемъ.

— Это нельзя!—сказала она,—этого никакъ нельзя! никакъ нельзя!

И съ этимъ дѣвочка погасила свѣчу, чему Синтянина была, впрочемъ, несказанно рада, потому что щеки ея алѣли

предательскимъ, яркимъ румянцемъ, и она была такъ сконфужена и взволнована, что не въ силахъ была сдѣлать ничего иного, какъ добрести до кровати и, упавъ головой на подушки, заплакала слезами безпричинными, безотчетными, въ которыхъ и радость и горе были смѣшаны вмѣстѣ и вмѣстѣ лились на свободу.

— Нѣтъ; тутъ вокругъ насъ гнѣздятся какія-то чары, думала она, засыпая.—Въ мою жизнь... мѣшается кто-то такой, про кого не снилось земнымъ мудрецамъ... или я мѣшаюсь въ умѣ! О, ангелъ мой! О, страдалица Флора! молись за меня! Зачѣмъ еще мнѣ жить... жить хочется!

— И надо.

Молодая женщина вздрогнула и накрыла голову подушкой, чтобы ничего не слыхать.

А сонъ все ходитъ вокругъ и дрема̀ все ползетъ подъ подушку и шепчетъ: «жить надо! непремѣнно надо!»

Коварный сонъ, ехидная дрема̀!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Черный день.

Утро освѣтило Александру Ивановну во снѣ, продлившемся гораздо долѣе обыкновеннаго. Она спала сладко, дышала полно, уста ея улыбались и щеки горѣли яркимъ румянцемъ. Въ такомъ положеніи застала ее Вѣра, вставшая, по обыкновенію своему, очень рано и къ этой порѣ уже возвратившаяся съ своей далекой утренней прогулки. Она подошла къ мачихѣ, посмотрѣла на нее и, поставивъ у изголовья генеральши стаканъ молока, провела по ея горячей щекѣ свѣжею озерною лиліей. Холодный, густой и клейкій сокъ выбѣжалъ изъ чашки цвѣтка и крупными, тяжелыми, какъ ртуть, каплями скатился по гладкой кожѣ.

Синтянина открыла глаза и, увидавъ улыбающееся лицо падчерицы, сама отвѣчала ей ласковою улыбкой.

— Ты хорошо спала,—сказала ей своею ручною азбукой дѣвушка.—Вставай, пора; довольно спать, пора проснуться.

Синтянина оперлась на локоть и, заглянувъ чрезъ дверь на залитую солнцемъ залу, вдругъ безпричинно встревожилась.

Она еще разъ посмотрѣла на Вѣру, еще разъ взглянула на солнечный свѣтъ, и они оба показались ей странными: въ косыхъ лучахъ солнца было что-то зловѣщее, въ нихъ какъ будто что-то млѣло и тряслось.

Бываетъ такой странный свѣтъ: онъ гонитъ прочь покой нервозныхъ душъ и наполняетъ тяжкими предчувствіями душу.

Спокойное и даже пріятное расположеніе духа, которымъ Александра Ивановна наслаждалась во снѣ, мгновенно ее оставило и замѣнилось тревожною тоской.

Она умылась, убрала наскоро голову и сѣла къ поданному ей стакану молока; но только что поднесла его ко рту, какъ глаза ея остановились на кольцѣ, и сердце вдругъ упало и замерло.

Необыкновеннаго ничего не было: она только вспомнила про кольцо, которое ей такъ странно досталось, да въ эту же секунду калитка стукнула немножко громче обыкновеннаго. Болѣе ничего не было, но Александра Ивановна встревожилась, толкнула отъ себя стаканъ и бросилась бѣгомъ къ окну,

По двору шла Форова, но какъ она шла и въ какомъ представилась она видѣ? Измятая шляпка ея была на боку, платье на груди застегнуто наперекосъ, въ одной рукѣ длинная, сухая, вѣтвистая хворостина, другою локтемъ она прижимала къ себѣ худой коленкоровый зонтикъ и тащила за собою, рукавами внизъ, свое рыжее драповое пальто.

Она шла скоро, какъ летѣла, и вела по окнамъ острыми глазами.

— О, Боже мой!—воскликнула при этомъ видѣ Синтянина и, растворивъ съ розмаху окно, закричала:—Что сдѣлалось... несчастіе?

— Гибель, а не простое несчастіе!—проговорила на бѣгу дрожащими губами Форова.

— О, говори скорѣй и сразу!—крикнула, рванувшись навстрѣчу къ ней, Синтянина.—Скорѣй и сразу!

— Подозеровъ убитъ!—отвѣчала Катерина Астафьевна, бросая въ сторону свою хворостину, зонтикъ и пальто и сама падая въ кресло.

Генеральша взвизгнула, взялась за сердце и, отыскавъ дрожащею рукой спинку стула, тихо на него сѣла. Она была блѣдна какъ платъ и смотрѣла въ глаза Форовой. Катерина Астафьевна, тяжело дыша, сидѣла предъ нею съ лицомъ, покрытымъ пылью и полузавѣшаннымъ прядями сѣдыхъ волосъ.

— Что-жъ дальше? Говори: я знаю за что это и я все снесу! шептала генеральша.

— Дай мнѣ скорѣй воды, я умираю жаждой.

Синтянина ей подала воды и приняла назадъ изъ рукъ ея пустой стаканъ.

— Твой мужъ...

— Ну да, ну что-жъ мой мужъ?.. Скорѣй, скорѣй!

— Ударъ, и пуля въ старой ранѣ опустилась книзу.

Стаканъ упалъ изъ рукъ Синтяниной и покатился по полу.

— Оба! проговорила она и, обхвативъ голову руками, заплакала.

— Какъ былъ убитъ Подозеровъ и... что это такое, заговорила, кряхтя и съ остановками, Форова, — я этого не знаю... Ни отъ кого нельзя... добиться толку.

— Дуэль! Я такъ и думала, прошептала генеральша, — я это чувствовала, но... меня обманули.

— Нѣтъ... Форовъ... говоритъ убійство... Весь городъ... мечется... бѣжитъ туда... А твой Иванъ Демьянычъ... всталъ нынче утромъ... былъ здоровъ и... вдругъ пакетъ изъ Петербурга... ему совѣтуютъ подать въ отставку!

— Ну, ну же, Бога ради!

— За несмотрѣніе... за слабость... за моего Форова съ отцомъ Евангеломъ... будто они гордановскихъ мужиковъ мутили. Иванъ Демьянычъ какъ прочиталъ... такъ и покатился безъ языка.

— Скорѣй же ѣдемъ! и Александра Ивановна, накинувъ на себя сѣрый суконный платокъ, схватила за руку Вѣру и бросилась къ двери.

Форова едва плелась и не поспѣвала за нею.

— Ты на чемъ пріѣхала сюда? оборотилась къ ней Синтянина.

— Все на твоей же лошади и... въ твоей же карафашкѣ.

— Такъ ѣдемъ.

И Александра Ивановна, выбѣжавъ за ворота, вспрыгнула въ телѣжку, втянула за собой Форову и Вѣру, и, повернувъ лошадь, погнала вскачь къ городу.

Дорогой никто изъ нихъ не говорилъ другъ съ другомъ ни о чемъ, но, переѣхавъ бродъ, Катерина Астафьевна вдругъ вскрикнула благимъ матомъ и потянулась въ бокъ съ телѣжки.

Синтянина едва удержала ее за руку, и тутъ увидала, что въ нѣсколькихъ шагахъ предъ ними, на тряскихъ извозчичьихъ дрожкахъ ѣхалъ майоръ Форовъ въ сопровожденіи обнимавшаго его квартальнаго.

— Мой Форовъ! Форовъ! неистово закричала Катерина Астафьевна, между тѣмъ какъ Синтянина опять пустила лошадь вскачь, а Филетеръ Ивановичъ вырвалъ у своего извозчика возжи и осадилъ коня, задравъ ему голову до самой дуги.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыпятся шишки.

Коренастый майоръ не только по виду былъ совершенно спокоенъ, но его и въ самомъ дѣлѣ ничто не безпокоило; онъ былъ въ томъ же своемъ партикулярномъ сюртукѣ безъ одной пуговицы; въ той же черной шелковой, доверху застегнутой жилеткѣ; въ военной фуражкѣ съ кокардой, и съ толстою крученою нашроской.

— Торочка моя! Тора! Чего ты, глупая баба, плачешь? заговорилъ онъ самымъ задушевнымъ голосомъ, оборотясь на дрожкахъ къ женѣ.

— Куда?.. Куда тебя везутъ?

— Куда? А чортъ ихъ знаетъ, по начальству, пошутилъ онъ, по обыкновенію, выпуская букву *ь* въ словѣ «начальство».

— Поди сюда скорѣй ко мнѣ! Поди, мой Форовъ!

— Сейчасъ, отвѣтилъ майоръ, и съ этимъ повернулся по-медвѣжьи на дрожкахъ.

Полицейскій его остановилъ и сказалъ, что этого нельзя.

— Чего нельзя? огрызнулся майоръ.—Вы еще не знаете, что я хочу дѣлать, а ужъ говорите нельзя. Учитесь прежде разуму, а послѣ говорите!

И съ этимъ онъ спрыгнулъ съ извозчика и подбѣжалъ къ женѣ.

— Чего ты, моя дурочка, перепугалась? Пустое дѣло: спросъ и больше ничего... Я скоро ворочусь... и башмаки тебѣ принесу.

Катерина Астафьевна ничего не могла проговорить и только манила его къ себѣ ближе и ближе, и когда майоръ придвинулся къ ней и сталъ на колесо телѣжки ногой, она обняла лѣвою рукой его голову, а правою схватила его руку, прижала ее къ своимъ запекшимся губамъ и вдругъ погнулась и упала совсѣмъ на его сторону.

— Вотъ еще горе! Ей сдѣлалось дурно! Фу, какая гадость! сказалъ майоръ Синтяниной и, оборотясь къ квартальному, проговорилъ гораздо громче:—Прошу васъ дать воды моей женѣ, ей дурно!

— Я не обязанъ.

— Что? крикнулъ азартно Форовъ,—вы врете! Вы обязаны дать больному помощь! и тотчасъ же, оборотясь къ двумъ проходящимъ солдатамъ, сказалъ:

— Ребята, скачите въ первый дворъ и вынесете скорѣй стаканъ воды: съ майоршей обморокъ!

Солдатики оба бросились бѣгомъ и скоро возвратились съ ковшомъ воды.

Синтянина стала мочить Катеринѣ Астафьевнѣ голову и прыскать ей лицо, а майоръ снова обратился къ кварталь-

ному, который въ это время сошелъ съ дрожекъ и стоялъ у него за спиной.

— Васъ бы надо по старому поучить вашимъ обязанностямъ.

— Я васъ прошу садиться и ѣхать со мной, настаивалъ квартальный.

— А я не поѣду, пока не провожу жену и не увижу ея дома, мой домъ отсюда въ двухъ шагахъ.

Занятая Форовой, Синтянина не замѣчала, что предъ нею разгоралась опасная сцена, способная пріумножить вины майора. Она обратила на это вниманіе уже тогда, когда увидала Филетера Ивановича впереди своей лошади, которую майоръ тянулъ подъ-устцы къ воротамъ своего дома, между тѣмъ какъ квартальный заступалъ ему дорогу.

Вокругъ уже была толпа зрителей всякаго сорта.

— Прочь! кричалъ Форовъ. — Не выводите меня изъ терпѣнія. Законъ больныхъ щадитъ, и государственнымъ преступникамъ теперь разрѣшаютъ быть при больной женѣ.

— Васъ вице-губернаторъ ждетъ, напиралъ на него квартальный, начиная касаться его руки.

— Пусть чортъ бы ждалъ меня, не только вашъ вице-губернаторъ. Я не оставлю среди улицы мою жену, когда она больна.

— А я вамъ не позволю, и квартальный, ободряемый массой свидѣтелей, взялъ Форова за руку.

Майоръ побѣлѣлъ и гаркнулъ: прочь! такимъ яростнымъ голосомъ, что народъ отступилъ.

— Отойдите прочь!.. Не троньте меня!

Квартальный держалъ за руку Форова и озирался, но въ это мгновеніе черный рукавъ майорскаго сюртука неожиданно описалъ полукругъ и квартальный пошатнулся и отлетѣлъ на пять шаговъ отъ нанесеннаго ему удара.

Квартальный крикнулъ и кинулся въ толпу, которая, въ свою очередь, шарахнулась отъ него и захохотала.

Уличная сцена окрашивалась въ свои вѣковѣчныя грязныя краски, но, къ счастію генеральши, занятая безчув-

ственною Форовой, она не все здѣсь видѣла и еще того менѣе понимала.

Освободясь отъ полицейскаго, майоръ сдѣлалъ знакъ Александрѣ Ивановнѣ, чтобъ она крѣпче держала его больную жену, а самъ тихо и осторожно подвелъ лошадь къ воротамъ своего дома, который дѣйствительно былъ всего въ двадцати шагахъ отъ мѣста свалки.

Ворота Форовскаго дома не отворялись: они были забиты наглухо и во дворъ было невозможно въѣхать. Катерину Астафьевну приходилось снести на рукахъ, и Форовъ исполнилъ это вмѣстѣ съ тѣми же двумя солдатами, которые прислужились ему водой.

Тихо, осторожно и ловко, съ опытностію людей, переносившихъ раненыхъ, они внесли недышащую Катерину Астафьевну въ ея спальню и положили на кровать.

Синтянина была въ большомъ затрудненіи, и затрудненіе ея съ каждою минутой все возрастало, потому что съ каждою минутой опасность увеличивалась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ она хотѣла бы быть и куда влекъ ее ея прямой долгъ, но Форова была бездыханна, и при ея кипучей душѣ и незнающихъ удержу нервахъ, ей грозила большая опасность.

Генеральша, скрѣпя сердце, ринулась къ больной, разстегнула ей платье и стала тереть ей уксусомъ лобъ, виски, грудь, а въ это же время скороговоркой разспрашивала Форова о происшедшемъ.

— За что они дрались?

— Ну, это все послѣ, послѣ, отвѣчалъ майоръ.

— Но во всякомъ случаѣ это была дуэль?

— Нѣтъ; не дуэль — убійство!

— Прошу васъ говорить яснѣй.

— Это было убійство... самое подлое, самое предательское убійство.

— Но кто же убилъ?

— Мерзавцы! Развѣ вы не видите, кто на все способенъ вѣдь? За все, бездѣльники, берутся, даже ужъ въ спириты

лѣзутъ; ни отъ чего отказа, и изъ всего выходятъ цѣлы.

— Подозеровъ наповалъ убитъ?

— Пулей въ грудь, подъ пятое ребро, навылетъ въ спину, но полчаса тому назадъ, когда я отъ него вышелъ, онъ еще дышалъ.

Синтянина благодарно перекрестилась.

— Но все равно, махнулъ рукой майоръ,—рана мертвая.

— И онъ теперь одинъ?

— Нѣтъ, тамъ осталась Лариса.

— Лариса тамъ? Что же съ нею, бѣдной?

Форовъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Что съ ней?.. Рветъ волосы, реветъ и, стоя на колѣнахъ въ ногахъ его постели, мѣшаетъ фельдшеру.

— А Гордановъ?

— Раненъ въ пятку.

— Да время-ль теперь для шутокъ, Филетеръ Иванычъ?

— Я не шучу-съ. Гордановъ раненъ въ пятку.

— Значитъ, Подозеровъ стрѣлялъ?

— Нимало.

Майоръ оглянулся и, увидавъ у двери снова появившагося квартальнаго, прошепталъ на ухо генеральшѣ:

— Эту пулю ему, подлецу, я засадилъ.

— Господи! что-жъ это такое у васъ было?

— Ну, что это было? Ничего не было. Послѣ узнаете: видите вонъ птаха-квартаха торчитъ и слушаетъ, а вотъ и, слава Богу, Торочка оживаетъ! молвилъ онъ, замѣтивъ дрожаніе вѣкъ у жены.

— Это была бойня! простонала, едва открывая свои глаза, Форова.

— Ну, Торочка, я и въ походъ... заторопился майоръ и поцѣловалъ женину руку.

Катерина Астафьевна смотрѣла на него безъ всякаго выраженія.

— И я, и я тебя оставлю, Катя, рванулась Синтянина.

— Иди... но... попроси... ты за него... Ты генеральша... тебя всѣ примутъ...

— Ничего не надо, отказался Форовъ.

И они съ Синтяниной вышли.

— Меня арестуютъ, заговорилъ онъ, идучи по двору,— дуэль, плевать, три пятницы молока не ѣсть: а вы... знайте-съ, что попъ Евангелъ уже арестованъ, и мы смутьяны... въ бунтѣ виноваты!.. Такъ вы, когда будетъ можно... позаботьтесь о ней... о Торочкѣ.

— Ахъ, Боже! разомъ столько требующихъ заботъ, что не знаешь куда обернуться! Но не падайте же и вы духомъ, Филетеръ Иванычъ!

— Изъ-за чего же? вѣдь два раза не повѣсятъ.

— Все Богъ устроитъ; а теперь молитесь Ему о крѣпости душевной.

— Да зачѣмъ Его и безпокоить такою малостью? Я исполнилъ свой долгъ, сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, и буду крѣпокъ...—А вонъ, глядите-ка! воскликнулъ онъ въ калиткѣ, увидя нѣсколькихъ полицейскихъ, несшихся взадъ и впередъ на извозчикахъ. — Все курьеры, сорокъ пять тысячъ курьеровъ; а когда, подлецы, втихомолку мутятъ да каверзятъ, тогда ни одного протоканальи нигдѣ не видать... Садись! заключилъ онъ, грубо крикнувъ на квартальнаго.

Но квартальный оборотился къ Синтяниной съ просьбой быть свидѣтельницей, что Форовъ его ударилъ.

— Ахъ, идите вы себѣ, пожалуйста! Какое мнѣ до васъ дѣло, отвѣчала, вспрыгнувъ въ телѣжку, Синтянина и, горя нетерпѣніемъ, шибко поѣхала къ своему дому.

— А ты, любезный, значитъ не знаешь китайскаго правила: «чинъ чина почитай»? Ты смѣешь просить генеральшу? Такъ вотъ же тебѣ за это наука!

И съ этимъ Форовъ сѣлъ самъ на дрожки, а квартальнаго поставилъ въ ноги между собой и извозчикомъ и повезъ его, утѣшая, что онъ такъ всѣмъ гораздо виднѣе и пригляднѣе.

Обгоняя Синтянину, Форовъ кивнулъ ей весело фуражкой.

— Ахъ, твори Богъ свою волю! прошептала генеральша, глядя вслѣдъ удалявшемуся Форову и еще нетерпѣливѣе погоняя лошадь къ дому.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла.

Положеніе дѣлъ нашей исторіи, дозволяющее заключить эту часть романа разсказанными событіями, можетъ возбудить въ комъ-нибудь изъ нашихъ читателей желаніе немедленно знать нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько подневольное положеніе майора Форова дозволило ему открыть генеральшѣ Синтяниной.

Какъ изъ дуэли вышла совсѣмъ не дуэль, а убійство, и почему Форовъ стрѣлялъ Горданову, какъ онъ выразился, въ пятку?

Мы имѣемъ возможность удовлетворить этому желанію, не рискуя такимъ образомъ предупредить событія въ предстоящемъ имъ развитіи, и спѣшимъ служить этою возможностію лицамъ, заинтересованнымъ судьбой нашихъ героевъ.

Послѣ того какъ Филетеръ Ивановичъ Форовъ разставилъ дуэлистовъ на мѣстѣ и, педантически исполняя всѣ обычаи поединка, еще разъ предложилъ имъ примириться, ни Гордановъ, ни Подозеровъ не отвѣтили ему ни слова.

— За что я долженъ принять ваше молчаніе? освѣдомился Форовъ.

— Пусть онъ проситъ прощенья, отвѣчалъ Гордановъ хладнокровно, цѣля въ одинокую бѣлую березку.

— Я васъ прошу, распоряжайтесь скорѣй стрѣлять! проговорилъ едва слышно Подозеровъ.

Форовъ ничего иного и не ожидалъ.

— Извольте же готовиться! сказалъ онъ громко и, сдѣлавъ шагъ къ Подозерову, шепнулъ: куражъ, куражъ! и стойте больше правымъ бокомъ... Глядите, онъ, каналья, какъ стоитъ. Ну, защити Богъ праваго!

Подозеровъ молча кивалъ въ знакъ согласія головой, но онъ ничего не слыхалъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Онъ припоминалъ *ее*, какою *она* вчера была въ осинникѣ и... покраснѣлъ отъ мысли, что она его любитъ.

— Неужто это такъ?.. но кажется... да.

Умирать съ *такою* увѣренностью въ любви *такой* женщины, какъ генеральша, и умирать въ высочайшую минуту, когда это счастіе только что сознано и ничѣмъ не омрачено — это казалось Подозерову благодатью, незаслуженно заключающей всю его жизнь прекрасной страницей.

Онъ послалъ благословеніе ей за эту смерть; вспомнилъ о Богѣ, но не послалъ Ему ни просьбъ, ни воздыханія, и началъ обѣими руками поднимать пистолетъ, наводя его на Горданова какъ пушку.

Такой пріемъ съ оружіемъ не обѣщалъ ничего добраго дуэлисту, и Форовъ это понималъ, но дѣлать было ужъ нечего, останавливаться было не время, да и Андрей Иванычъ, очевидно, не могъ быть инымъ, какимъ онъ былъ теперь.

— Извольте же! возгласилъ еще разъ Форовъ и, оглянувшись на высматривавшаго изъ-за куста Висленева, сталъ немного въ сторонѣ, на половинѣ разстоянія между поединщиками.—Я буду говорить теперь вамъ: разъ, и два, и три, и вы по слову «*три*» каждый спустите курокъ.

— Ладно, отвѣчалъ, надвинувъ на лобъ козырекъ фуражки, Гордановъ.

Подозеровъ молчалъ и держалъ свою пушку предъ противникомъ, повидимому, не желая глядѣть ему въ лицо.

— Теперь я начинаю, молвилъ майоръ, и точно фотографъ, снимающій шапочку съ камерной трубы, далъ шагъ назадъ и, выдвинувъ впередъ руку съ синимъ бумажнымъ платкомъ, громко и протяжно скомандовалъ: р-а-зъ, д-в-а и... Выстрѣлъ грянулъ.

Пистолетъ Горданова дымился, а Подозеровъ лежалъ навзничь и трепеталъ, какъ крылами трепещетъ подстрѣленная птица.

— Подлецъ! заревѣлъ ошеломленный майоръ: я говорилъ, что тебѣ быть отъ меня битымъ! и онъ однимъ прыжкомъ достигнувъ Горданова, ударилъ его по щекѣ, такъ что тотъ зашатался. Секундантъ трусъ! Ставьте на мѣсто убійцу, выстрѣлъ убитаго теперь мой.

И съ этимъ майоръ подбѣжалъ къ лежащему на землѣ Подозерову и схватилъ его пистолетъ, но Горданова уже не было на мѣстѣ: онъ и Висленевъ бѣжали рядомъ по полянѣ.

— А! такъ вотъ вы какъ! презрѣнная мразь! воскликнулъ майоръ и выстрѣлилъ.

Бѣглецы оба упали; Гордановъ отъ раны въ пятку, а Висленевъ за компанію отъ страха. Черезъ минуту они, впрочемъ, также оба вмѣстѣ встали, и Висленевъ, подставивъ свое плечо подъ мышку Горданова, обнялъ его и потащилъ къ оставленному подъ горой извозчику.

Форовъ остался одинъ надъ Подозеровымъ, который слабо хрипѣлъ и у котораго при каждомъ незамѣтномъ вздохѣ выступало на жилетѣ все болѣе и болѣе крови.

Майоръ растегнулъ жилетъ Андрея Ивановича, нащупалъ кое-какъ рану и, воткнувъ въ нее комъ грубой корпіи, припасенной имъ про всякій случай въ карманѣ, бросился самъ на дорогу.

Невдалекѣ онъ заарестовалъ бабу, ѣхавшую въ городъ съ возомъ молодой капусты, и, давъ этой, ничего непонимавшей и упиравшейся бабѣ нѣсколько толчковъ, насильно привелъ ея лошадь къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ безчувственный Подозеровъ. Здѣсь майоръ, не обращая вниманія на кулаки и вопли женщины, сбросилъ половину кочней на землю, а изъ остальныхъ устроилъ нѣчто въ родѣ постели и, поднявъ тяжело раненаго или убитаго на свои руки, уложилъ его на возъ, далъ бабѣ рубль, и Подозерова повезли.

Майоръ во все время пути стоялъ на возу на колѣняхъ и держалъ голову Подозерова, помертвѣлое лицо котораго

начинало отливать синевой, несмотря на ярко освѣщавшее его солнце.

Этотъ восьмиверстный переѣздъ на возу, который чуть волокла управляемая бабой крестьянская кляча, показался Форову за большой путь. Съ сѣдой головы майора обильно катились на его загорѣлое лицо капли пота и, смѣшиваясь съ пылью, ползли по его щекамъ грязными потоками. Толстое, коренастое тѣло Форова давило на его согнутыя колѣна, и ноги его ныли, руки отекали, а поясницу ломило и гнуло. Но всего труднѣе было переносить пожилому майору то, что совершалось въ его головѣ.

«Какая мерзость: Нѣтъ-съ; какая неслыханная мерзость!» думалъ онъ. «Какая каторжная, наглая смѣлость и какой разсчетъ! Онъ шелъ убить человѣка при двухъ свидѣтеляхъ и не боялся, да и нечего ему было бояться. Чѣмъ я докажу, что онъ убилъ его какъ злодѣй, а не по правиламъ дуэли? Да первый же Висленевъ скажетъ, что я вру! А къ этому же всему еще эта чортова ложь, будто я съ Евангеломъ возмущалъ его крестьянъ. Какой я свидѣтель? Мнѣ никто не повѣритъ!»

При этомъ майоръ началъ дѣлать непривычныя и всегда противныя ему юридическія соображенія, которыя не слагались и путались въ его головѣ.

«Поведенія я неодобрительнаго», высчитывалъ майоръ: «извѣстно всѣмъ, что я принимаю на нутро, ненавижу приказныхъ, часто грублю разному начальству, стремлюсь, по общему выраженію, къ осуществленію несбыточныхъ мечтаній и въ Бога не вѣрую... То-есть чортъ меня знаетъ, что я такое! Что тутъ возьмешь съ такою аттестаціей? Всякій судъ меня засудитъ!.. И надѣяться не на что. Развѣ на Бога, какъ надѣется моя жена. Да; вѣдь истинно болѣе не на кого! Свидѣтели!—да кто же, какой чортъ велитъ подлецу, задумавши гадость, непремѣнно сдѣлать ее при свидѣтеляхъ? Нѣтъ; это даже страшно, во что нынче обернулись эти господа: предусмотрительны, разсчетливы, холодны... Неуязвимы ничѣмъ! Въ спириты идутъ; въ попы

пойдутъ... въ монахи пойдутъ. Отчего же не пойдутъ? пойдутъ. Это ужъ начинается іезуитство. Въ шпіоны пойдутъ... Въ шпіоны!.. Да кто же взаправду Гордановъ? О, о-о! Нѣтъ, видно правъ попъ Евангелъ, если Богъ Саваоѳъ за насъ сверху не вступится, такъ мы міръ удивимъ своею подлостью!

И съ этими-то мыслями майоръ въѣхалъ на возу въ городъ; достигъ, окруженный толпой любопытныхъ, до квартиры Подозерова; снесъ и уложилъ его въ постель, и послалъ за женой, которая, какъ мы помнимъ, осталась въ эту ночь у Ларисы. Затѣмъ Форовъ хотѣлъ сходить домой, чтобы смѣнить причинившее ему зудъ пропыленное бѣлье, но былъ взятъ.

Гордановъ былъ гораздо счастливѣе. Онъ былъ увѣренъ, что убилъ Подозерова, и исходъ дѣла предвидѣлъ тотъ же, какой мерещился и Форову, но съ тою разницей, что для Горданова этотъ исходъ былъ не позоромъ, а торжествомъ.

Павелъ Николаевичъ лежалъ на мягкомъ матрасѣ, въ блестящемъ серебристомъ бѣльѣ; перевязка его позорной раны въ ногу не причинила ему ни малѣйшей боли и разстройства, и онъ, обрызганный тонкими духами, глядѣлъ себѣ на розовые ногти и видѣлъ ясно вблизи желанный край своихъ стремленій.

Подъ подушкой у него было письмо княгини Казимиръ, которая звала его въ Петербургъ, чтобы «сдѣлать большое дѣло!»

Бодростинъ былъ поставленъ своими друзьями какъ шашка на конъ, да притомъ и вмѣстѣ съ самою Бодростиной: княгиня Казимиръ вносила совсѣмъ новый элементъ въ жизнь.

— Гм! гм! однако, у меня теперь ужъ слишкомъ большой выборъ! утѣшался Гордановъ и разстилалъ передъ собою большой замыселъ, которому все доселѣ бывшее должно служить не болѣе какъ прелюдіей.

Начавъ ползкомъ, какъ котъ, подкрадываться къ цѣли, Гордановъ чувствовалъ ужъ теперь въ своихъ когтяхъ хвосты тѣхъ птицъ, въ которыхъ хотѣлъ впиться. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо окрѣпло въ немъ убѣжденіе, что въ нашемъ обществѣ все прощено и все дозволено безстыдной наглости и лицемѣріемъ прикрытому пороку.

Ошибался или не ошибался въ этомъ Гордановъ—читатели увидятъ изъ слѣдующей части нашего романа.

Оглавленіе VIII тома.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

НА НОЖАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Боль врача ищетъ.

стр.

I. Отступница. 129
II. Вся впереди 148
III. Глава, которую можно поставить въ началѣ. 153
IV. Безъ содержанія. 161
V. На всѣ ноги кованъ 168
VI. Волкъ въ овечьей кожѣ 185
VII. Не поняли, но объясняютъ. 194
VIII. Изъ балета «Два вора» 201
IX. Дока на доку нашелъ 211
X. Въ органѣ перемѣнили валъ. 220
XI. Утро, которое хочетъ быть мудренѣе вечера 232

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Бездна призываетъ бездну.

I. Entre chien et loup. 275
II. Враги г. Горданова. 279
III. Свой своего не узналъ 287
IV. Бой тарантула съ ехидной 296
V. Послѣдній изъ Могиканъ. 306
VI. Гордановъ даетъ шахъ и матъ Іосафу Висленеву. . . 310
VII. Продолженіе о томъ, какъ Гордановъ далъ шахъ и матъ Іосафу Висленеву 318

стр.
VIII. Финальная ракета 329
IX. Ночь послѣ бала. 342
X. Висленевскія дроби приводятся къ одному знаменателю. 349
XI. Висленевъ являетъ натуру 366
XII. Гордановъ спотыкается на ровномъ мѣстѣ 373
XIII. Гордановъ встаетъ на краю пропасти 388
XIV. Изъ прекраснаго далека 392
XV. Порѣзъ до крови. 402

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Кровь.

I. Кипятокъ 406
II. Женскій умъ послѣ многихъ думъ 417
III. Положеніе дѣлъ, объясняющее, почему Подозеровъ заговорилъ о близкой смерти 429
IV. Сумасшедшій Бедуинъ. 453
V. Разсказъ Водопьянова. 465
VI. Не передъ добромъ. 489
VII. Краснѣютъ стѣны 495
VIII. Не краснѣющіе 502
IX. Подъ крыломъ у темной ночи. 510
X. Послѣ скобеля топоромъ. 517
XI. Крестъ 527
XII. Лариса не узнаетъ себя 531
XIII. Въ ожиданіи худшаго. 534
XIV. Въ ожиданіи смерти 539
XV. Секретъ 543
XVI. Ходитъ сонъ и дрема говоритъ 557
XVII. Черный день. 561
XVIII. Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыпятся шишки. 564
XIX. Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла 570

KET | RY |

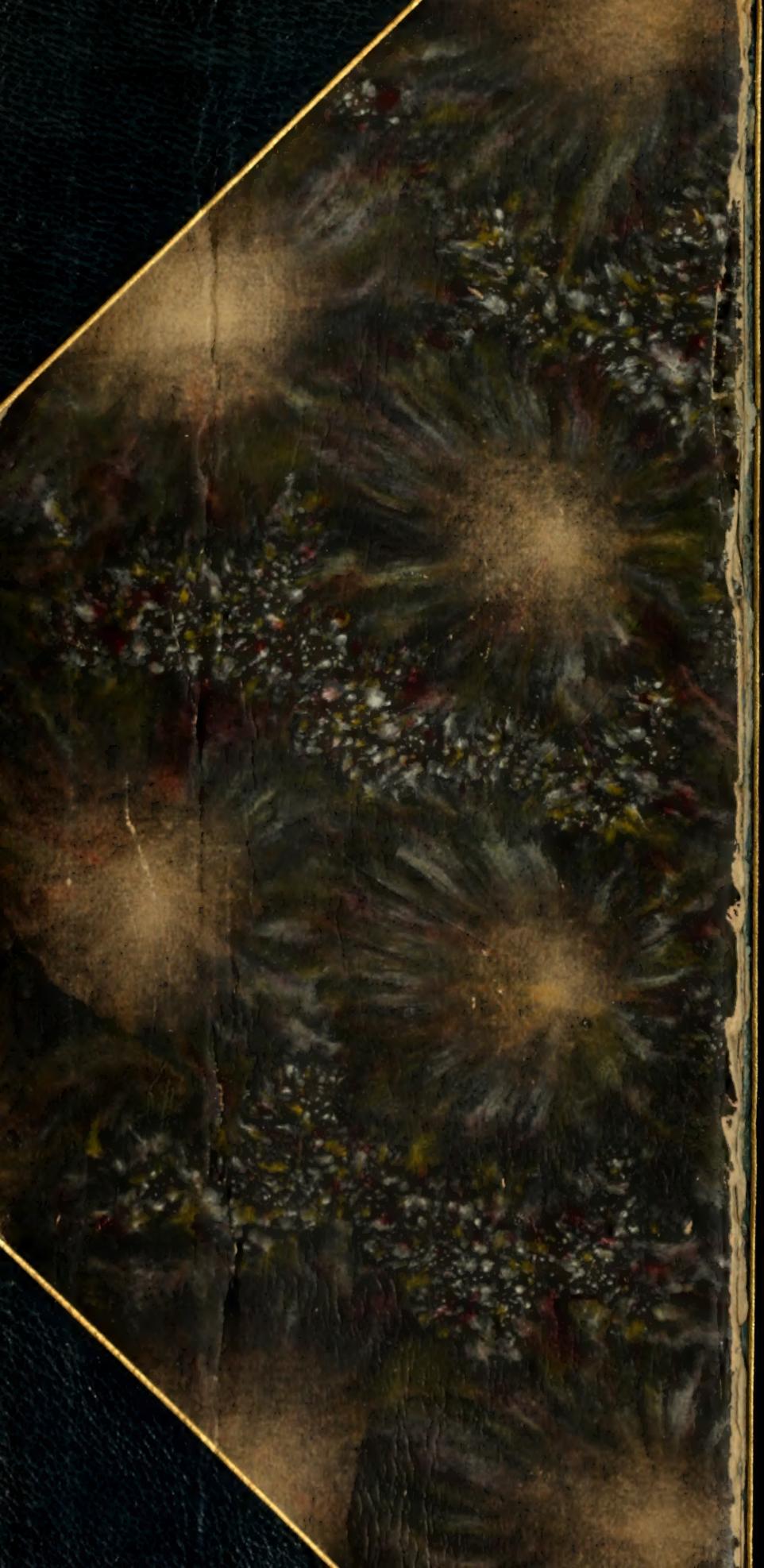
541988

LR
L6266

Leskov, Nikolai Semenovic

Полное собраніе сочи

2.изд. т.7-8

[Translit.: Polnoe sobra

DATE.	NAME